ČASOPIS PRO

SLOVANSKOU FILOLOGII

SLAVIA

VOLUME 4

1925/26

SLAVIA

ČASOPIS PRO SLOVANSKOU FILOLOGII

S podporou

ministerstva školství a národní osvěty

vydávají

O. HUJER a M. MURKO

Ročník IV.

TISKEM A NÁKLADEM

ČESKÉ GRAFICKÉ UNIE A. S. V PRAZE

1925—1926

Reprinted with the permission of the Original Publishers

JOHNSON REPRINT CORPORATION
111 Fifth Avenue, New York, N.Y. 10003

JOHNSON REPRINT COMPANY LTD
Berkeley Square House, London, W1X6BA

First Reprinting 1970, Johnson Reprint Corporation

Printed in the United States of America

Obsah ročníku čtvrtého.

Články: Strana

Abele A.: Příspěvek k otázce o zdloužení krátkých samohlásek v zavřených slabikách v polštině . . . 433—445
Аничковъ Е. В.: Замѣтки по ркк. и творчеству Лермонтова 82—98, 279—293, 538—566, 739—758
Бадаличъ Осипъ М.: Русскія интерлюдіи первой половины XVIII вѣка . . . 523—537
Бемъ А.: „Лирическая дерзость" . . . 759—768
Burian Václav: Materiály k dějinám slovanské filologie . . . 123—127
Čremošnik G.: Kratice »Nomina sacra« u cksl. spomenicima 238—264, 485—498
Драгомановъ М.: По случаю школьнаго праздника 11 мая . . 321—324
Дурново Николай: К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола . . . 446—460
Chlumský Jos.: La mélodie des voyelles accentuées en tchèque avec une mention de l'état en serbe et en allemand . . . 1— 25
Ильинскій Г.: Кто были *Λενζανῖνοι* Константина Багрянороднаго? 314—319
Kubín Jos. Š.: Diskuse o Kubínových pohádkách . . . 572—580
Лавровъ П. А.: Георгій Амартолъ въ изданіи В. М. Истрина 461—484, 657—683
Murko M.: Die Bedeutung der Reformation und Gegenreformation für das geistige Leben der Südslaven . . . 499—522, 684—719
Paul Karel: Vuk Stef. Karadžić a Poláci . . . 265—278
Polívka Jiří: Diskuse o Kubínových pohádkách . . . 567—572
Рулин П.: Элементы злободневности в комедиях А. П. Сумарокова 720—738
Ржига В.: Композиция Слова о полку Игореве . . . 44— 62
Селищевъ А.: Русскій языкъ у инородцевъ Поволжья . . . 26— 43
Шишманов Ив. Д.: М. П. Драгоманів та ідея „славянського братства" . . . 320—321
Taszycki Witold: Przyrostek *-isko*, *-išče* w językach zachodnio-słowiańskich . . . 213—227
Tille V.: Kubínovy pohádky . . . 99—122, 294—313
Трубецкой Н. С. кн.: Отряженія общеславянскаго **o* въ полабскомъ языкѣ . . . 228—237
Вальденберг В.: Природа и Закон в политических воззрениях Пушкина . . . 63— 81
Вейкъ Ванъ Н.: О происхожденіи общеславянскаго слова *kъmetь* 209—212

Kritiky a referáty:

Des rapports linguistiques slavo-roumains. III. Б. Цоневъ: Езиковни взаимности между Българи и Ромъни. (P. Skok) . 128—138, 325—346
К украинской диалектологии. (Н. Дурново) . . . 149—160
Historja literatury polskiej. (Przegląd wydawnictw i opracowań naukowych. Serja druga: 1922—1924. Część pierwsza). (Ign. Chrzanowski) . . . 160—177, 370—382
Z ostatnich prac Aleksandra Brücknera (Marjan Szyjkowski) . 593—602
Ангеловъ Б.: Българска литература. Часть I. (М. Сперанский) 590—592
Багалій Дмитро: Нарис української історіографії. Том I. Вып. 1. (В. Мякотин) . . . 839—840
Безобразов П. В.: Очерки византийской культуры (Ю. Иванов) 383—386

Бузук П.: Коротка історія української мови. І. Вступ и звучня (Николай Дурново) . . . . 582—587
Цонев Б.: Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна Библиотека (М. Сперанский) . . . . 816—818
Дорошенко Д.: Огляд української історіографії (В. Мякотин) 840—842
Grdanitchky Damaskin: L'influence occidentale sur l'architecture religieuse en Rascie (Влад. Розовъ) . . . . 607—608
Известия на семинара по славянска филология при Университета въ София. Книга V. (М. Попруженко) . . . . 602—605
Ивановъ Йор.: Богомилски книги и легенди (М. Попруженко) 818—823
Янушевскій Григорій: Откуда происходитъ славянское племя Русь (А. Флоровскій). . . . . 605—607
Kaun Alexander: Leonid Andreyev (Евг. Ляцкій) . . . . 180—183
Кићине приче. Народни хумор (J. Polívka) . . . . 831—834
Kontler in Kompoljski: Narodne pravljice iz Prekmurja (J. Polívka) 177—180
Ляцкій Е. В.: Романъ и жизнь. Развитіе творческой личности Гончарова. I. 1812—1857 (В. Мякотинъ) . . . . 829—830
Mazon André: Contes slaves de la Macédoine sud-occidentale (А. Селищевъ) . . . . 350—36
Mazon André: Grammaire de la langue tchèque (V. Ertl) . . . . . 722—80
Милетичъ Л.: Свищовски дамаскинъ (Ст. Младеновъ) . . . . 138—14
Moszyński Kazimierz: Badania nad pochodzeniem i pierwotną kulturą Słowian I. (L. Niederle) . . . . 836—83
Musić A.: Moči i morati u slovenskom jeziku (Fr. Ramovš) . . . 142—14
Parchomenko Vlad. A.: У истоков русской государственности (L. Niederle) . . . . 382—38
Pražák Albert: Slovenská otázka v době J. M. Hurbana (J. Menšík) 183—18
Російсько-український словник (Дм. Зеленин) . . . . 587—59
Серова М.: Новгородские сказки (J. Polívka) . . . . 834—83
Trávníček F.: Příspěvky k nauce o českém přízvuku (Roman Jakobson) . . . . 805—81
Vasmer Max: Ein russisch-byzantinisches Gesprächbuch (Николай Дурново) . . . . 347—34
Vasmer Max: Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrussland (Hannes Sköld) . . . . 581—58
Vondrák V.: Církevněslovanská chrestomatie (S. Kuľbakin) . . . 769—77
Wanczura Alojzy: Szkolnictwo w starej Rusi (М. Сперанскій) . 823—82
Weingart Miloš: Byzantské kroniky v literatuře církevněslovanské. Část II. Oddíl 1. (Владимиръ Розовъ) . . . . 364—37

Diskusse:

Ильинский Г.: Еще раз о праславянских дублетах типа *jelenь : olenь* 387—39
Muka Arnošt: Wotpowědź . . . . 188—18

Zprávy:

Федор Евгеньевич Корш. К десятилетию со дня его смерти (А. Грушка, Николай Дурново) . . . . 623—62
Библиографический обзор работ об А. Н. Островском с 1914—1925 г. (П. Богатырев) . . . . 397—41
Bibliografický soupis literární činnosti V. Vondráka (Jos. Kurz) . 613—62
Русская литература и языкъ на съѣздѣ русскихъ ученыхъ въ Прагѣ (А. Б.) . . . . 194—19
Историческая наука на съѣздѣ русскихъ ученыхъ въ Прагѣ 25 сент.—2 окт. 1924 г. (А. Флоровскій) . . . . 632—63
Franjo Marija Appendini a Čechové (K. Paul) . . . . 639—64
Walter Scott a literatura o něm (Mir. Zelenka). . . . . 641—64
Staroslověnský text »Otčenáše« v žaltáři Veronském (Vajs) . . . . 644—64
K transliteraci slovanských abeced (A. Frinta) 84

Strana
Новые тексты „Моления“ Даниила Заточника (М. Сперанский) 846—854
Jan Máchal sedmdesátníkem (J. K.) 646
Lubor Niederle šedesátníkem (M. M.) 646

Bibliografické zprávy:

O vzniku střední slovenštiny podle hypothesy V. Chaloupeckého (J. Mk.) (190—191). — Fr. Trávníček: O českém jazyce (J. Mk.) (191—192). — Sbírky srbských zápisů a nápisů Ljub. Stojanoviće kniha 4. a 5. (B. Havránek) (192). — Н. Н. Дурново: Грамматический словарь (Boh. Havránek) (192—193). — Олександер Колесса: Погляд на історію української мови (Николай Дурново) (193). — О. Курило: Фонетичні та деякі морфологічні особливости села Хоробричів (Н. Дурново) (193—194). — Крывіч, 1923, č. 1.—6. (J. Stankevič) (194). — The Slavonic Review, книги 1.—8. (Евг. Ляцкій) (198—199). — O vlivu maďarské literatury na slovenskou v knize Dr. Pavla Bujnáka (J. Mk.) (200). — Prvé shromaždenia národné v Turčianskom Sv. Martine. Napsal Jozef Škultéty. (J. Mk.) (200). — Slovanský Přehled 1914—1924 (jpa) (414). — Volkskundliche Bibliographie für das Jahr 1920 (jpa) (414—416). — Istarske narodne pjesme (jpa) (416). — Борис Соколов. Сказители. (jpa) (416). — Arnošt Kraus, Husitství v literatuře zejména německé (A. N.) (416—417). — Kritické vydávání novočeských spisovatelů (A. N.) (417—418). — Oskar Donath: Židé a židovství v české literatuře (A. N.) (418—419). — O školství a osvětě v Bulharsku v letech 1878—1913 (Jos. Páta) (419). — Philologica v Lozanićově sborníku (B. Havránek) (419—420). — Павле Поповић, Преглед српске књижевности (BHk.) (420). — Nikola Radojčić o Jos. Konst. Jirečkovi (B. Havránek) (420—421). — Srbský překlad základních prací Jos. Konst. Jirečka (BHk.) (421—422). — Albert Pražák, Hurbanovia vo väzeniach (J. Mk.) (422). — Zeitschrift für slavische Philologie (629). — Даничићев зборник (630). — Le Monde Slave (630). — O švédské slavistice (630). — O polské jazykovědě (631). — Олександер Колесса: Південно-волинське Городище і городиські рукописні памятники XII-XVI в. (Ник. Дурново) (631, 844—845). — Balkan-Archiv (H.) (843). — Lotyšský slovník (H.) (843). — Vývoj skupin *tert, tort, telt, tolt* ve slovanštině (843—844). — Tvary osobních zájmen slovanských (844). — Студії до української граматики (H.) (844). — А. Е. Озаровская, Бабушкины старины (jpa.) (854—855). — Софія Федорченко, Народ на войне (jpa.) (855—856). — Ludvík Kuba, Čtení o Lužici (Jos. Páta) (856—857). — Minerva, Jahrbuch der gelehrten Welt (J. K.) (857).

Nekrology:

Проф. Ал-др Ив. Яцимирский (Н. Дурново) (395—396). — Antonín Havlík (V. Flajšhans) (609—610). — Václav Vondrák (O. Hujer) (611—613). — П. Л. Васильев (Николай Дурново) (858—860).

Výtahy z časopisů:

Listy filologické. LI. 1924 (201—203). — Revue des études slaves IV. 1924 (203—205). — Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ XX. 1915—1916 г., XXI. 1916 г., XXII. 1917 г. (205—208, 423—430, 647—654). — Sborník Matice Slovenskej pre jazykozpyt, národopis a literárnu historiu II, 1924 (431—432). — Časopis pro moderní filologii a literatury XI, 1924—1925 (654—656). — Јужнословенски Филолог IV. (861—864). — Filologu biedrības raksti. V. 1925 (864—866).

Rejstříky . . . . 867—883

IVe Année — Table des matières.

Articles:

Page

Ābele A.: Contribution à l'étude de l'allongement des voyelles brèves dans les syllabes fermées en polonais . . . . 433—44
Aničkov E. V.: Remarques sur les manuscrits et l'œuvre de Lermontov . . . . 82—98, 279—293, 538—566, 739—75
Badalić Osip M.: Intermèdes russes de la première moitié du XVIIIe siècle . . . . 523—53
Bem A.: «Audace lyrique» . . . . 759—76
Burian V.: Matériaux pour l'histoire de la philologie slave . . . . 123—12
Čremošnik G.: Les abréviations des »Nomina sacra« dans les monuments vieux-slaves . . . . 238—264, 485—49
Dragomanov M.: A l'occasion de la fête scolaire du 11 mai. . . 321—32
Durnovo Nicolas: A propos du problème de la nationalité du traducteur slave de la chronique de Georges Amartolos . . . . . 446—46
Chlumský Jos.: La mélodie des voyelles accentuées en tchèque avec une mention de l'état en serbe et en allemand. . . . . . 1— 2
Iľjinskij G.: Qui étaient les *Λευζανίνοι* de Constantin Porphyrogénète? 314—31
Kubín Jos. Š.: Controverse touchant les contes réunis par Kubín 572—58
Lavrov P. A.: Georges Amartolos dans l'édition de V. M. Istrin 461—484, 657—68
Murko M.: Die Bedeutung der Reformation und Gegenreformation für das geistige Leben der Südslaven . . . . 499—522, 684—71
Paul Karel: Vuk Stef. Karadžić et les Polonais . . . . 265—27
Polívka J.: Controverse touchant les contes réunis par Kubín . . 567—57
Rulin P.: L'élément d'actualité dans les comédies de A. P. Sumarokov 720—73
Ržiga V.: La composition du Slovo o polku Igoreve . . . . 44— 6
Seliščev A.: La langue russe chez des étrangers de Povolžьe. . . 26— 4
Šišmanov Iv. D.: M. P. Dragomaniv et l'idée de la »fraternité slave« 320—32
Taszycki Witold: Le suffixe *-isko, -išče* dans les langues slaves occidentales . . . . 213—22
Tille V.: Les contes réunis par Kubín . . . . 99—122, 294—31
Trubeckoj N. S. Prince: Des reflets de l'*o slave-commun dans la langue polabe . . . . 228—23
Valьdenberg V.: Nature et loi dans les conceptions politiques de Puškin . . . . 63— 8
van Wijk N.: De l'origine du mot slave-commun *kъmetь* . . . . 209—21

Critiques et comptes-rendus:

Des rapports linguistiques slavo-roumains. III. Prof. B. Conev: Sur les rapports linguistiques entre les Bulgares et les Roumains (P. Skok.) . . . . 128—138, 325—34
Contribution à la dialectologie ukraïnienne (N. Durnovo.) . . . . 149—16
Histoire de la littérature polonaise (Compte-rendu des publications et travaux parus de 1922 à 1924, 1ère partie) (J. Chrzanowski). 160—177, 370—38
A propos des derniers travaux d'Alexandre Brückner (Marjan Szyjkowski) . . . . 593—60
Angelov B.: Littérature bulgare. 1ère partie (M. Speranskij) . . . 590—59
Bagalij Dmitro: Esquisse d'historiographie ukraïnienne (V. Mjakotin) 839—84
Bezobrazov P. V.: Essais sur la civilisation byzantine (J. Ivanov) 383—38

Page

ılletin du séminaire de philologie slave de l'Université de Sofia. Livre V. (M. Popruženko) . . . . 602—605
ızuk P.: Histoire abrégée de la langue ukraïnienne I. Introduction et phonétique (Nicolas Durnovo) . . . . 582—587
onev B.: Description des manuscrits slaves de la Bibliothèque Nationale de Sofia (M. Speranskij) . . . . 816—818
es contes de la «Kića» (J. Polívka) . . . . 831—834
ictionnaire russe-ukraïnien. Tome premier (Dm. Zelenin) . . . . 587—590
orošenko D.: Aperçu d'historiographie ukraïnienne (V. Mjakotin) 840—842
rdanitchky Damaskin: L'influence occidentale sur l'architecture religieuse en Rascie (Vlad. Rozov) . . . . 607—608
anov Jordan: Les livres et les légendes des Bogomiles (M. Popruženko) . . . . 818—823
ınuševskij Grigorij: Quelle est l'origine du peuple slave appelé Rus' (A. Florovskij) . . . . 605—607
aun Alexander: Leonid Andrejev (E. Ljackij) . . . . 180—183
ontler et Kompoljski: Contes populaires de Prekmurje (J. Polívka) 177—180
ackij E. V.: Le roman et la vie. Évolution de la personnalité artistique de Gončarov (V. Mjakotin) . . . . 829—830
azon André: Contes slaves de la Macédoine sud-occidentale (A. Seliščev) . . . . 350—364
azon André: Grammaire de la langue tchèque (V. Ertl) . . . . . 722—805
iletič L.: Le damaskin de Svištov (St. Mladenov) . . . . 138—142
oszyński Casimir: Recherches sur l'origine et la civilisation primitive des Slaves (L. Niederle) . . . . 836—839
usić A.: Les verbes *moči* et *morati* dans la langue slovène. (F. Ramovš) . . . . 142—149
archomenko Vlad. A.: Des origines de l'Etat russe (L. Niederle) 382—383
ražák A.: Le problème slovaque à l'époque de J. M. Hurban (J. Menšík) . . . . 183—187
erova M.: Contes novgorodiens (J. Polívka) . . . . 834—836
rávníček F.: Contributions à l'étude de l'accent tchèque (Roman Jakobson) 805-816
asmer Max: Ein russisch-byzantinisches Gesprächbuch (Nicolas Durnovo) . . . . 347—349
asmer Max: Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrussland (Hannes Sköld) . . . . 581—582
ondrák V.: Chrestomathie du vieux-slave (S. Kuľbakin) . . . . 769—772
ranczura Al.: Les écoles dans l'ancienne Russie (M. Speranskij) 823—829
eingart Miloš: Les chroniques byzantines dans la littérature du vieux slave II, 1. (V. Rozov) . . . . 364—370

Discussion:

jinskij G.: Des doublets slave-commun du type de *jelenъ : olenъ* 387—394
uka A.: Réponse à G. Iljinskij . . . . 188—189

Notes et informations:

edor Evgen'evič Korš. A l'occasion du dixième anniversaire de sa mort (A. Gruška, Nicolas Durnovo) . . . . 623—628
evue bibliographique des travaux concernant A. N. Ostrovskij parus de 1914 à 1925 (P. Bogatyrev) . . . . 397—414
ste bibliografique des travaux de V. Vondrák (Jos. Kurz) . . . 613—622
ı littérature et la langue russes à l'assemblée des savants russes à Prague (A. B.) . . . . 194—198
ı science historique au congrès des savants russes tenu à Prague du 25 sept. au 2 oct. 1924 (A. Florovskij) . . . . 632—639
ranjo Marija Appendini et les Tchèques (K. Paul) . . . . 639—641
alter Scott et les travaux le concernant (Mir. Zelenka) . . . . 641—643
ı texte vieux-slave du «Notre Père» dans le psautier de Vérone (Vajs) 644—646

Page
La »translittération« des alphabets slaves (A. Frinta) 84
Nouveaux textes de la »Prière de Daniil Zatočnik« (M. Speranskij) 846—85
Le 70e anniversaire de Jean Máchal (J. K.) 64
Le 60e anniversaire de Lubor Niederle (M. M.) 64

Renseignements bibliographiques:

Sur l'origine du slovaque central d'après l'hypothèse de V. Chaloupeck (J. Mk.) (190—191). — F. Trávníček: Sur la langue tchèque (J. Mk (191—192). — Les anciennes transcriptions et inscriptions serbes (B. Havráne (192). — N. Durnovo: Dictionnaire des termes grammaticaux (B. Havráne (192—193). — A. Kolessa: Vue sur l'histoire de la langue ukraïnienn (N. Durnovo) (193). — O. Kurylo: Les particularités phonétiques et morpholo giques du parler de Chorobryči (N. Durnovo) (193—194). — Kryvič, 192 № 1—6. (J. Stankevič) (194). — The Slavonic Review (E. Ljacki (198—199). — Sur l'influence de la littérature magyare sur la littérature slovaqu dans le livre de Pavel Bujnák. (J. Mk.) (200). — Première assemblée natio nale à Turč. Sv. Martin (J. Mk.) (200). — Slovanský Přehled 1914—1924 (jp (416). — Volkskundliche Bibliographie für das Jahr 1920 (jpa) (414—416). - Chansons populaires istriennes (jpa) (416). — Boris Sokolov, Les conteu (jpa) (416). — Ernest Kraus, Le hussitisme dans la littérature, en particuli dans la littérature allemande (A. N.) (416—417). — Editions critiques des écr vains tchèques modernes (A. N.) (417—418). — Oskar Donath, Les juifs le judaïsme dans la littérature tchèque du XIXe siècle (A. N.) (418—419). - L'enseignement et les écoles en Bulgarie du 1878—1913 (Jos. Páta) (419). - Ce qui dans le recueil de Lozanić a trait à la philologie (B. Havráne (419—420). — Aperçu de littérature serbe de Popović (B. Hk.) (420). — L'étu de Radojčić sur Jos. Constantin Jireček (B. Havránek) (420—421). — L traduction serbe des travaux de Jireček par Jovan Radonić (B. Hk.) (421—422). - Albert Pražák: Les partisans de Hurban en prison (J. Mk.) (422). — Zei schrift für slavische Philologie (629). — Recueil Daničić (630). — Le Mon Slave (630). — De la slavistique suédoise (630). — De la linguistique polona (631). — Alexandre Kolessa, Le Gorodišče de la Volhynie mériodinale ses manuscrits des XII—XVI. s. (Nic. Durnovo) (631, 844—845). — Balka Archiv (H.) (843). — Dictionnaire letton (H.) (843). — L'évolution des group *tert, tort, telt, tolt* en slave (H.) (843—844). — Les formes des pronoms pe sonnels slaves (H.) (844). — Études de grammaire ukraïnienne (H.) (844). - A. E. Ozarovskaja: Bylines et autres »antiquités« de la Grand' mère (jp (854—855). — Sophie Fedorčenko: Le peuple à la guerre (jpa) (855—856). - L. Kuba: Lectures sur la Lusace (Jos. Páta) (856—857). — Minerva (J. K.) (85

Nécrologies:

† Prof. Al-dre Iv. Jacimirskij. (N. Durnovo) (395—396). — † Ant nín Havlík. (V. Flajšhans) (609—610). — † Václav Vondrák. (O. Huje (611—613). — Léonide Lazarevič Vasiľjev (N. Durnovo) (858—860).

Revue des périodiques:

Listy filologické. LI. 1924 (201—203). — Revue des études Slaves IV. 19 (203—205). — Izvěstija de la section pour la langue et la littérature rus de l'Académie des sciences. T. XX. 1915—1916, XXI. 1916, XXII. 1917 (205—2 423—430, 647—654). — Sborník Matice Slovenskej II. 1924 (431—432). — Čas pis pro moderní filologii a literatury. XI. 1924—1925 (654—656). — Južnosl venski Filolog. Livre IV. (861—864). — Filologu biedrības raksti. Tome 5. 19 (864—866).

Index . . . . 867—8

La mélodie des voyelles accentuées en tchèque avec une mention de l'état en serbe et en allemand.

Dans son intéressant travail Zur Physiologie der Akzentuation langer Silben im Slavo-baltischen, p. 29, M. Ekblom a émis l'hypothèse qu'il répète dans cette Revue III, p. 36 que, ainsi que l'on distingue deux intonations primaires en serbe moderne, on est en droit de distinguer deux intonations différentes en tchèque; tout y serait à peu près pareil, sauf la quantité qui est renversée: la voyelle brève accentuée en tchèque serait plutôt descendante (Slavia 36, M. E. précise: bogenförmig fallend, descendante en forme de courbe) à peu près comme la longue primaire en serbe; au contraire, la longue tchèque qui correspond à la brève primaire serbe aurait la tendance à avoir une mélodie relativement droite (Slavia 36, il précise: Intonation von verhältnismässig ebenem Hauptverlauf, intonation relativement droite pour sa partie principale). Alors, il y aurait une sorte de survivance mélodique en tchèque moderne.

Pour appuyer sa théorie il a fait des enregistrements d'une prononciation tchèque et, dans cette Revue III, 37 et s., il confronte la mélodie des voyelles accentuées tchèques avec les intonations serbes correspondantes. Ce qui ressort de cette confrontation, c'est tout d'abord une assez grande variété. Cette variété, il l'explique par l'influence des consonnes. Mais, même les consonnes qu'il appelle neutres, c'est à dire n'influant pas sur la mélodie de la voyelle, paraissent ne pas vouloir rentrer dans la règle: voyez pour le tchèque la figure de *lýk* où la longue n'a pas une droite pour le Hauptverlauf, mais est bogenförmig fallend comme la voyelle brève de *lyk*. Puis des exemples comme *málo : malin* inspirent des doutes; au lieu de se différencier, ils se ressemblent d'une façon frappante; les deux sont bogenförmig et en grande partie montants. Mêmes contradictions pour les enregistrements serbes: p. e. *dôba* et *dȁti* n'offrent aucune différence essentielle: ils sont bogenförmig fallend l'un et l'autre. La confrontation du tchèque *bůh* et du serbe *bôg*

fait voir également une grande ressemblance au lieu de se différencier l'un de l'autre.

Enfin la façon d'établir les moyennes d'abord pour les intonations serbes, puis pour les voyelles tchèques, que M. E. expose Slavia III, p. 40 et 41, est loin d'inspirer confiance. Pour l'accent rude serbe (̏) sans appliquer ce procédé de moyennes, M. E. a trouvé tout d'abord la mélodie légèrement descendante; plus tard, en l'appliquant, et avec les mêmes enregistrements, il a obtenu une mélodie droite («en réalité un peu montante» ajoute-t-il en parenthèse p. 40), c'est à dire un résultat tout à fait contraire.

J'ai refait les expériences de M. E. en enregistrant les mêmes mots que lui. M. Zubatý qui est Praguois de naissance a eu l'amabilité de me servir de sujet. Les mots n'ont pas été dits à l'état isolé, mais ont été placés dans des phrases comme chez M. E.; par exemple *To je doba.* Toutefois, pour éviter l'influence perturbatrice de l'émotion sur la prononciation dont je parlerai plus loin, j'ai cru nécessaire de remplacer quelquefois le commencement *To je* par autre chose. Ainsi, par exemple la phrase de M. E. *To je malin* (littéralement: C'est [une foule] de framboises, ayant le sens: Quelle foule de framboises!) qui contient une nuance d'amiration et entraînerait le sujet à modifier sa prononciation, a été remplacée par le simple: *Doba malin* (la saison des framboises), où cette nuance émotionnelle est éliminée.[1]) La prononciation de M. Zubatý était calme, modérée, telle qu'elle est employée par lui dans la conversation, c'est à dire sa prononciation habituelle sans aucune exagération de la force ni de l'articulation. La solidité de ses nerfs excluait toute gêne.

Deux tambours enregistraient la parole dans le noir de fumée de l'appareil enregistreur (construit à Paris chez Pirard d'après le grand modèle du laboratoire de phonétique expérimentale au Collège de France): l'un recevait le courant buccal, l'autre, le courant nasal. Le tambour buccal était un recorder du phonographe au diaphragme en mica, adapté à l'enregistrement dans le noir de fumée. Le tambour nasal était le petit tambour Rousselot à la mem-

[1]) Voici la liste des phrases enregistrées: 1er enregistrement: To je *čin.* To je *bol.* To je *dub.* To je *doba.* Doba *malin.* To je *dým.* To je *lík* — 2e enregistrement: Má *dáti.* Má *málo.* To je *pás.* To je *Bůh.* On jde s *námi.* Masopustní *zábava* III. — Enregistrements divers: To je *tep.* Stará *baba.* Masopustní zábava I et II. On je *mat.* Mat je *mat.* Má *málo* (fort). To je *doba* (fort). To je *teta.* To je *pata.* To je *pátek.* — Outre cela ont été utilisés des tracés plus anciens de la prononciation de deux autres Praguois et de la mienne, puis, des enregistrements des langues serbe, française et allemande.

rane en caoutchouc. Pour ne pas déformer la parole ni l'enregi-rement, l'embouchure qui était en communication avec le tambour honographique, n'était pas appliquée aux deux lèvres, mais uni-uement à la lèvre supérieure, laissant ainsi la liberté nécessaire l'air phonateur et aux mouvements organiques. Les deux tambours tant suffisamment sensibles, l'enregistrement était clair,[1]) la déli-iitation des sons généralement facile et sûre non seulement pour s occlusives, mais aussi pour les constrictives. J'ajoute dans le exte quelques spécimens de ces tracés pour permettre le contrôle.

Les mesures des vibrations servant à déterminer la mélodie ont té prises au microscope.[2]) Ce procédé est naturellement plus long, aais a l'avantage d'être sûr; il est indispensable pour des recherches lus fines, comme c'est ici le cas.

Les diagrammes ont été dressés à l'aide des longueurs des ibrations exprimées en divisions de micromètre. Ces longueurs ont té données telles quelles: le dessin de la mélodie n'a subi aucune etouche. Au lieu d'égaliser quelques irrégularités des diagrammes insi que le pratique M. E. (v. ses Beiträge zur Phonetik der erbischen Sprache, 1917, p. 40 et 41), je préfère donner une xplication là où c'est nécessaire. A gauche de chaque diagramme ont placés les numéros des divisions de micromètre et les notes alculées d'après les longueurs des vibrations respectives. Le côté ertical de chaque petit carré marqué sur le papier logarithmique eprésente une division de micromètre; la base de chaque petit arré correspond à une vibration double. Le dessin de la mélodie été tracé non pas horizontalement pour chaque carré, mais en iagonale. On obtient ainsi une courbe plus coulante et donnant nieux une idée de la mélodie réelle. Une exception a été faite uni-uement pour les limites des sons afin de les faire ressortir davan-age pour l'œil.

Les mesures au microscope et les dessins ont été faits par mon ssistant M. B. Hála.

La voyelle brève accentuée.

a) Je commence par des mots où la voyelle est précédée par ne consonne appelée neutre chez M. E. et je caractérise brièvement haque exemple:

[1]) Sauf quelquefois les *i* des syllabes atones; dans ce cas, le tracé du ourant nasal rendait des services particulièrement utiles.

[2]) Ce microscope, fabriqué spécialement pour les travaux phonétiques, l'a été fourni par la maison Nachet, Paris.

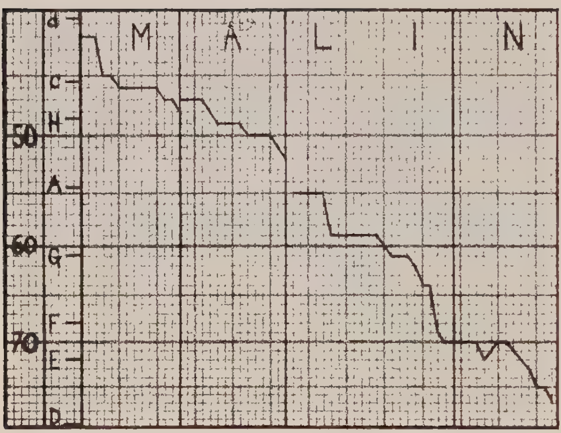


Fig. 1.

Malin (Fig. 1) d
Doba malin; l
voyelle accentuée
le commencemen
droit pour la duré
de 3 vibrations dou
bles de l'ensembl
de 14 v. d., c'est
dire pour à peu prè
son premier cin
quième; puis des
cente graduelle. —
Mat (Fig. 2 et 4) tir
de la phrase *On j*
mat (il est mat) qu
a été enregistrée deux fois de suite: descente continue pour l
voyelle des deux exemples, toutefois plus lente pour le commen

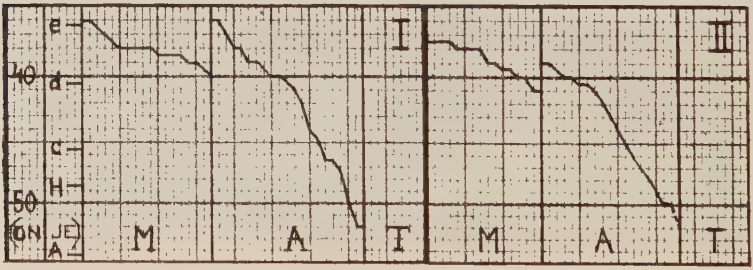


Fig. 2.

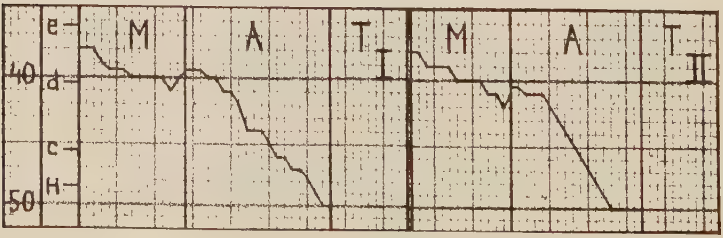


Fig. 3.

cement. — *Mat* (Fig. 3) dans *Mat je mat* (Ce qui est mat est ma
(deux fois): l'*a* de *mat* final a dans les deux cas une mélodie presqu
droite pour le premier quart (respectivement le premier cinquième

de l'ensemble de ses vibrations (pour 4 v. d. du total de 19 dans *mat* I, pour 4 v. d. du total de 17 dans *mat* II), puis descente.

Donc 5 exemples qui sont tous descendants; les uns, depuis le commencement jusqu'au bout; les autres font précéder la descente par une partie plus ou moins droite. Mais aucun exemple n'est bogenförmig fallend, malgré la consonne neutre qui précède et qui devrait bien faire ressortir la mélodie postulée par M. E. Toutefois, cette mélodie est possible, si l'on appuie sur la syllabe accentuée. Voir l'*a* de la première syllabe du mot final dans la phrase: *Napadal* **napadal** (Elle est tombée [la neige]), où le même mot a été dit deux fois de suite, sans aucun arrêt, pour renforcer l'idée (Fig. 5). La courbe mélodique, légèrement esquissée dans le mot final, est plus complète dans la première syllabe du mot initial, c'est á dire au commencement de la phrase où la force commence à se développer. (Cet exemple est tiré de ma prononciation, puisque pour M. Zubatý je n'ai pas d'enregistrement de la prononciation forte après les consonnes nasales.)

b) Après une occlusive sonore: 8 exemples: *Bol* (Fig. 6a, 6b) tiré de la phrase *To je bol* (C'est une douleur), enregistrée deux fois. La première vibration, à peine visible, qui apparaît avec l'explosion de *b*, est plus longue, plus grave et moins claire que la vibration suivante qui porte déjà nettement le caractère d'un *o*. Pour ces

Fig. 4.

Tracé du mot *mat* I. Agrandi au double et reproduit sans aucune retouche. — *D*: Diapaton de 200 vibrations doubles à la seconde. *N*: Nez. *B*: Bouche.

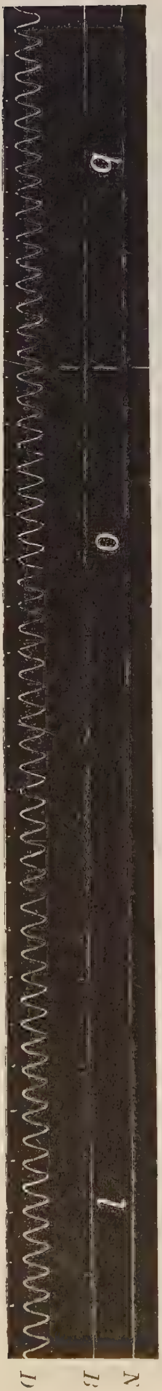


Fig. 6a.

Tracé du mot *bol* I. Agrandi au double et reproduit sans aucune retouche. — *N*: Nez. *B*: Bouche. *D*: Diapason.

deux raisons, notamment par ce qu'elle est affectée par le bruit consonantique de l'explosion, comme cela est entré dans la pratique presque générale, je l'ajoute à la consonne. Elle représente une transition naturelle des notes plus graves de la consonne sonore vers le commencement plus aigu de la voyelle. Après cette vibration ajoutée à la consonne, le premier quart (ou le premier cinquième de l'ensemble des vibrations de la voyelle est droit,[1]) gardant la même acuité pour les pre-

[1]) La petite dent sur la ligne droite du premier *bol*, correspondant à une vibration, est probablement due à un accident.

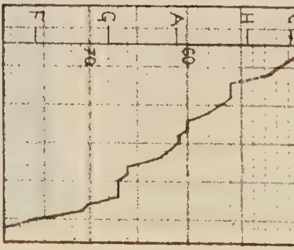


Fig. 5.

mières 5 (respectivement pour les premières 4) v. d. du total de 20. Pour l'oreille la partie droite ira plus loin encore et embrassera presque la moitié de la voyelle, vu que les 4 ou 5 v. suivantes se tiennent à peu près à la hauteur du commencement; ce n'est qu'après que commence réellement une descente sensible et rapide.

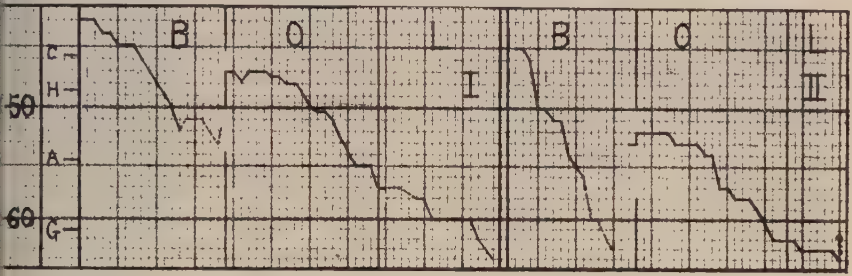


Fig. 6b.

Il en est en somme de même pour *dub* II (chêne; fig. 7, II; le commencement droit y comprend 3 v. de l'ensemble de 17, alors un sixième), pour *doba* II (Fig. 8, II; 3 v. initiales droites de 13, alors un quart), pour *baba* II (vieille femme au sens péjoratif; fig. 9, II: 6 vibrations initiales droites de 16, donc plus d'un tiers); tandis que les trois autres exemples qui restent, à savoir *dub* I,

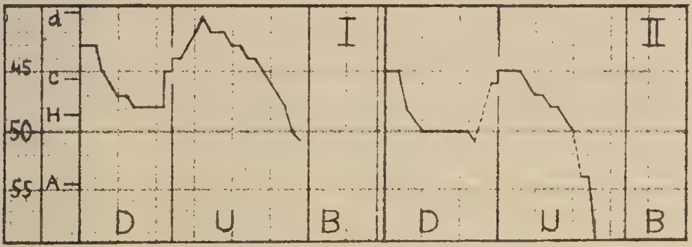


Fig. 7.

doba I et *baba* I, offrent au commencement une légère montée pour les premières vibrations, puis un court arrêt sur une seule note, ensuite descente. D'où vient cette différence? Est-ce l'influence des consonnes sonores dont parle M. E.? Si cette courbe initiale était due aux consonnes sonores, elle apparaîtrait régulièrement après ces consonnes, ce qui n'est pas le cas d'après ce que nous avons vu. On peut penser plutôt à l'influence de la force, d'autant plus que

les trois mots exceptionnels se trouvent chacun dans la première phrase d'un couple. Et il est clair que le mot placé dans la première phrase et dit par conséquent pour la première fois, exige ordinaire-

Fig. 9

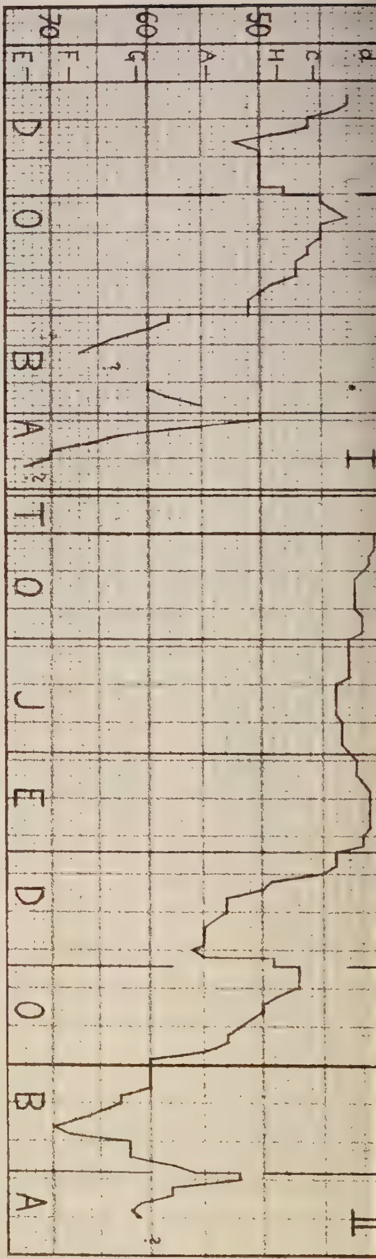


Fig. 8.

ment un peu plus de force que sa simple répétition qui vient tout de suite après. Dans nos trois cas, cette influence est minime, justement parce qu'il s'agit ici d'une prononciation moyenne calme, donc relativement faible. Elle ne devient

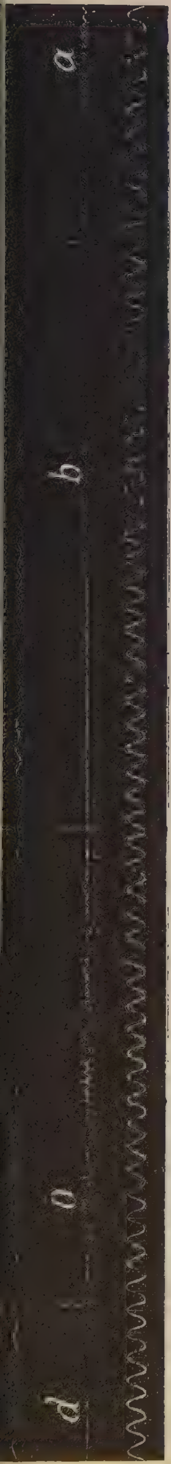


Fig. 10.

Tracé du mot *doba*. Agrandi au double et reproduit sans aucune retouche. Pour la mise en pages, le commencement de *d* et la fin de la voyelle *a* ont dû être enlevés. — En bas, diapason. En haut, nez. Entre les deux, le tracé du courant buccal.

sensible que dans la prononciation réellement forte. Ainsi le mot *doba,* dans la phrase: *To je doba!* dite par M. Zubatý avec un sentiment d'impatience et de mécontentement, offre une montée déjà notable, s'étendant sur presque toute la voyelle (Fig. 10 et 11). La mélodie de ce dernier exemple reproduit exactement l'intonation montante serbe. Pour permettre la comparaison je donne ici (Fig. 12) deux exemples typiques, l'un *(dìnâr)* pour l'accent montant bref, l'autre *(dának* = tribut, impôt) pour l'accent montant long, empruntés tous les deux au travail de M. Miletić sur les intonations serbes, qui va paraître et auquel je me contente de renvoyer. L'explication physiologique de la mélodie de ce dernier

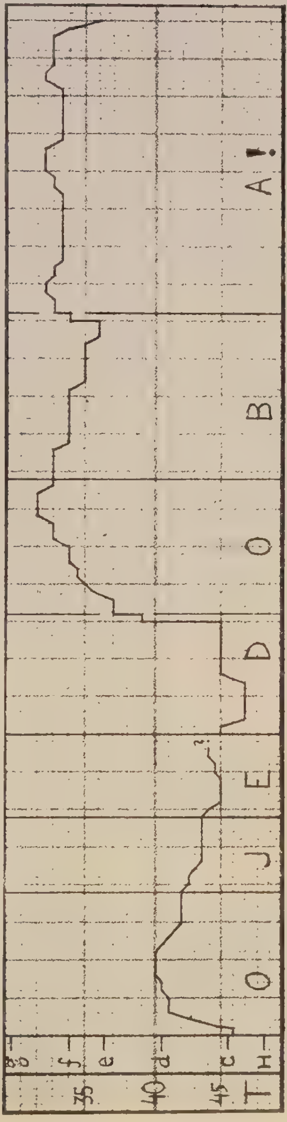


Fig. 11.

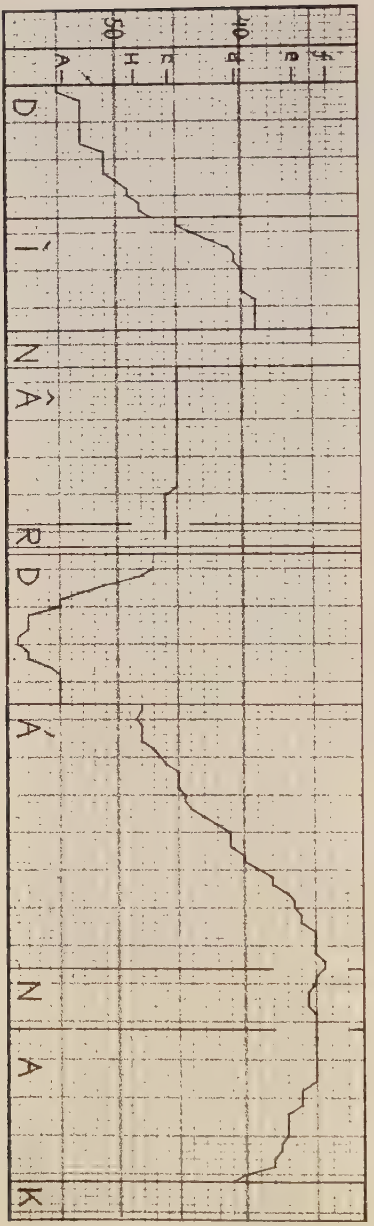


Fig. 12.

doba est bien simple: Avec l'impatience croissante croît aussi la pression sur les cordes vocales qui fait monter la mélodie.

Or, après avoir passé en revue nos exemples après une occlusive sonore, nous y voyons une grande ressemblance avec ce que nous avons trouvé plus haut après les nasales. Dans la prononciation calme tous nos exemples sont descendants; la descente peut être précédée par une partie initiale droite plus ou moins longue. La force influe sur la mélodie en relevant le commencement de la voyelle dans ce cas, la mélodie est descendante en forme de courbe, bogenförmig fallend d'après M. E. Enfin, si la force est plus sensible, elle fait monter la voyelle toute entière. L'influence consonantique incontestable n'affecte ordinairement que la première vibration qu'on est en droit de rattacher à la consonne.

c) Après une o c c l u s i v e sourde: 6 exemples. Dans *či*... (action) (Fig. 13), la première vibration très aiguë, se séparant nettement des suivantes plus graves, est à ajouter à la consonne. C'est un cas analogue à celui que nous avons vu à propos de *bol*, avec cette différence que dans *bol* la première vibration était plus grave, tandis que, ici, sous l'influence d'une sourde forte, elle est la plus aiguë, phénomène régulier après les sourdes et ayant son explication juste

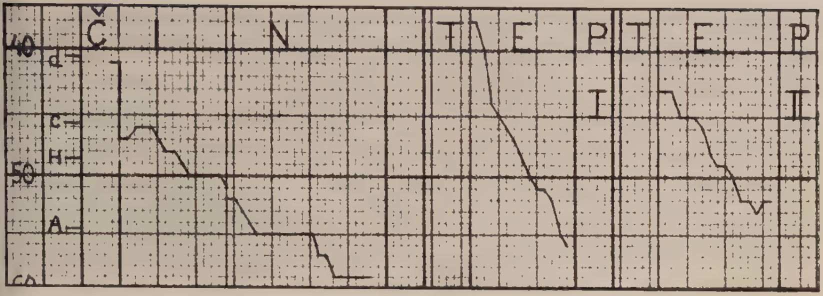


Fig. 13.

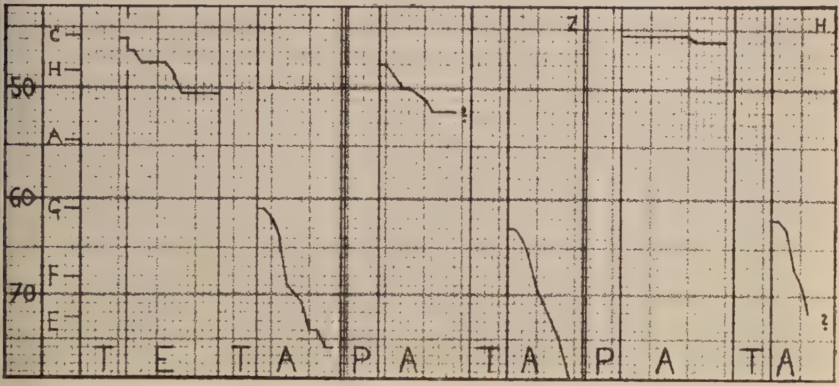


Fig. 14.

ment dans leur force. Après cette vibration ajoutée à la consonne, vient la voyelle qui a le commencement droit pour la durée de 4 vibrations [1]) de l'ensemble de 14 (plus d'un quart); après, descente. Excepté la première vibration rattachée à la consonne, il y a là une grande ressemblance avec la voyelle *a* de *malin* — Les deux

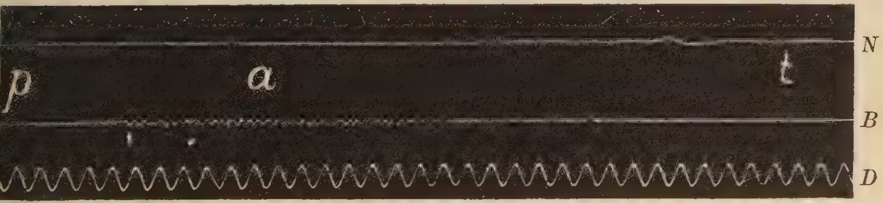


Fig. 15.
Tracé de la première syllabe du mot *pata*. Agrandi au double et reproduit sans aucune retouche. — *N:* Nez. *B:* Bouche. *D:* Diapason.

---

[1]) La première légèrement plus basse y comprise.

tep (battement du pouls) (Fig. 13) ont également une vibration initiale indécise, cette fois non mesurable, qui est à ajouter à la consonne; la voyelle elle-même est descendante d'un bout à l'autre dans les deux cas, mais la descente est plus continue et plus rapide pour le premier que pour le second. — L'*e* de *teta* (tante) (Fig. 14) a une mélodie analogue à l'*i čin*: presque le premier tiers de la voyelle est droit (pour la durée de 4 v. de l'ensemble de 12); puis une légère descente. — Enfin *pata* (talon) (Fig. 14, Z) est descendant d'un bout à l'autre. — Le même mot, dans la prononciation d'un autre Praguois M. Husník, a la mélodie droite (Fig. 14, H et 15). Inutile, je crois, de multiplier les exemples.

Donc, après les occlusives sourdes, la mélodie de la voyelle accentuée est de nouveau descendante. Elle se présente sous deux

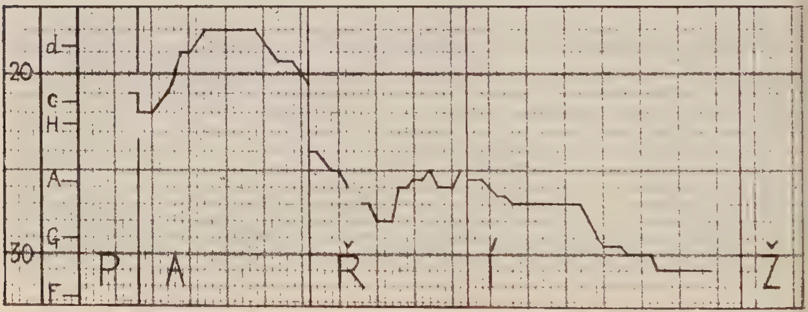


Fig. 16.

formes constatées déjà plus haut: ou bien le commencement droit, suivi d'une descente, ou bien la descente pendant toute la durée de la voyelle. Enfin en appuyant, on obtient un troisième type avec le commencement montant. Exemple: *Paříž* (Fig. 16). C'est le mot final de la belle apostrophe en l'honneur de Paris, écrite par Neruda. En récitant, j'ai appuyé sur ce mot. Abstraction faite de la première vibration aiguë, influencée par la consonne, la mélodie décrit une courbe comme dans les cas pareils après les sonores. Cet exemple est particulièrement intéressant, par ce qu'il démontre une fois de plus 1° qu'il n'y a pas de différence essentielle entre la mélodie après les sourdes et les sonores; 2° que c'est ordinairement la force qui fait monter la mélodie, la consonne n'affectant d'ordinaire que la première vibration à la fois pour la mélodie et pour le timbre.

Résumons: 1° La mélodie de la voyelle brève accentuée dans les mots placés à la fin d'une phrase affirmative calme, se présente

en tchèque sous deux formes: ou bien elle est droite au commencement et descendante après (prononciation plus ferme) ou bien elle est descendante d'un bout à l'autre (prononciation moins ferme). Ce qui est commun à toutes les deux formes, c'est la tendance descendante, bien naturelle en fin de phrase affirmative calme. Il en est de même pour l'accent rude (akcenat oštar) serbe placé dans les mêmes conditions. Voyez la fig. 17 qui représente le mot *dȁnas* (= aujourd'hui), dit deux fois par une même personne, M. Semiz de Mostar. La mélodie y présente les deux types décrits plus haut.

Les constatations faites pour la prononciation de M. Zubatý concordent avec mes enregistrements antérieurs de la prononciation de deux autres Praguois et de la mienne.

2° L'influence altérante des consonnes est minime. Elle affecte ordinairement la première vibration (tout au plus deux) qui, à cause

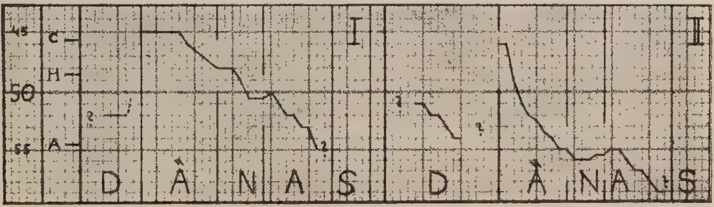


Fig. 17.

de sa faiblesse et de son timbre altéré par le bruit consonantique, se joint mieux à la consonne; après les sonores, cette vibration est d'ordinaire plus grave que la vibration suivante; après les sourdes elle est plus aiguë.

3° Naturellement, si on appuie sur la syllabe accentuée, l'aspect peut changer à proportion: La pression exercée sur les cordes vocales peut faire monter la mélodie. Si la force est relativement petite, la montée initiale est insignifiante. Ce n'est qu'en appuyant davantage qu'on obtient une montée plus grande, pouvant devenir ensuite sensible à l'oreille; par exemple *Paříž* (Fig. 16) où la mélodie offre un demi-cercle complet. Dans le cas extrême, cette montée peut se prolonger encore et donner à la voyelle l'aspect de l'intonation montante serbe; exemple: *To je doba!* (Fig. 10). Bref, tous ces différents degrés de l'élévation de la mélodie au commencement des voyelles accentuées n'ont rien à faire avec les consonnes; ils s'expliquent bien par l'influence de la force.[1]) Il en

[1]) Ceci ne veut pas dire que la force soit l'agent unique, influant sur la mélodie.

est de même pour les voyelles longues ainsi que nous allons voir plus loin.

D'après ce qui vient d'être dit, la question de la mélodie des syllabes accentuées en tchèque devient très simple et plus conforme aussi à l'impression acoustique qu'il est bon d'avoir toujours présente à l'esprit, quand on étudie les tracés. Ainsi disparaît la complication introduite par M. E. dans l'étude des mélodies serbe et tchèque, ce qui est heureux pour cette mélodie. Se laissant trop séduire par le travail de M. E. A. Meyer, Zur Tonbewegung des Vokals im gesprochenen und gesungenen Einzelwort, Phonetische Studien X, 1896—7, M. E. a eu tort de généraliser les résultats concernant uniquement des mots isolés, résultats qui ont été énoncés

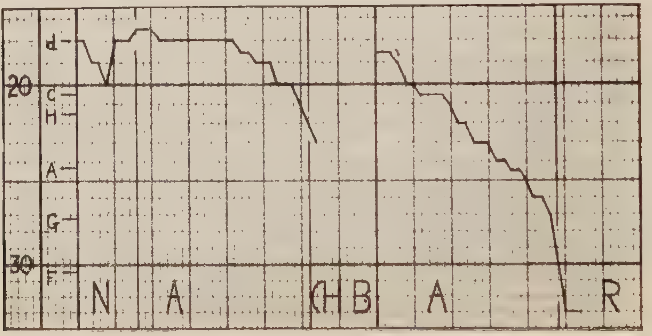


Fig. 18.

du reste avec beaucoup de réserves par M. Meyer lui-même. Comme preuve que l'on aurait tort, même pour l'allemand, de transporter dans le discours suivi des observations faites uniquement sur des mots isolés, je donne ici quelques spécimens de mots allemands placés en fin de phrase affirmative et tirés d'un récit sur un avare, qui a été dit par un Autrichien, M. Holzwarth de Vienne (Fig. 18: *Nachbar*, tiré de la phrase: «*nun wohl*», *versetzte der Nachbar*. — *Denke* (Fig. 19), mot final dans la phrase: *Ich möchte rasend werden, wenn ich daran denke*. — *Stelle* (Fig. 19) de la phrase: *Man stahl ihm denselben* [= Schatz] *und man setzte einen Stein an die Stelle*). La prononciation était naturelle et modérée, le récit relativement long et bien simple se prêtant mal à une exagération.

La mélodie de ces exemples ne ressemble en rien aux diagrammes donnés par M. Meyer, mais a une ressemblance frappante avec ce que nous avons trouvé pour le tchèque et le serbe.

Et pour ne pas être obligé d'y revenir plus tard, j'y joins deux :emples des voyelles allemandes longues: Fig. 20: *Rosen*, mot final ı proverbe *Geduld bringt Rosen*, dit par le même Allemand, et *eit* (Fig. 21) de la phrase: *Meine Herren, es ist schon Zeit*, dans la

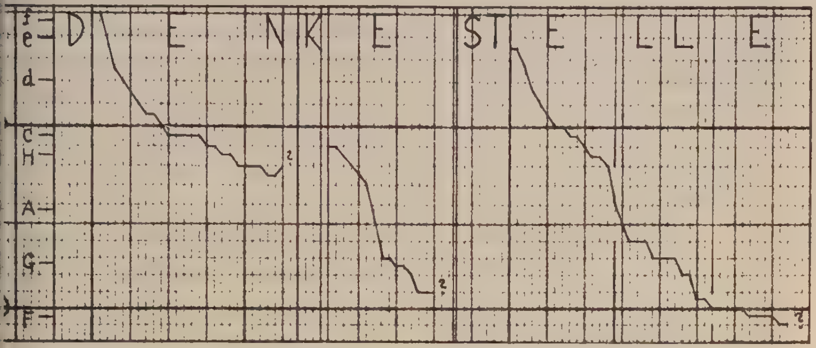


Fig. 19.

:ononciation de M. Paul Haak de Berlin. Nulle part, dans ces :emples, on ne voit la montée initiale, tellement frappante chez . Meyer.

L'aspect change immédiatement dans la prononciation forte. Je .e contente d'en donner un exemple de la bouche d'un troisième

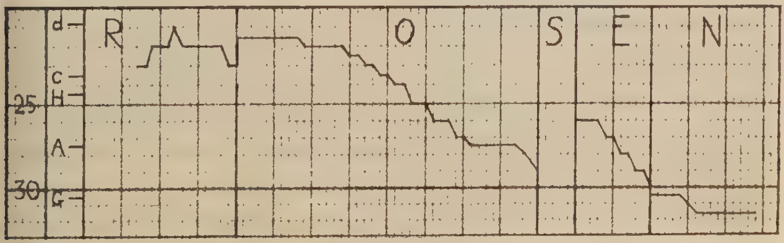


Fig. 20.

llemand, M. Schulte zur Oven de Gevelsberg en Westphalie: *am ingsten*, de la phrase *Redlich währt am längsten*. Fig. 22.

On peut faire les mêmes constatations pour d'autres langues, ar ex. pour le français, comme le montrent mes tracés.

D'après cela, on s'explique aisément l'origine de la mélodie en emi cercle chez M. Meyer. Son «gewöhnliches lautes Sprechen» dont s'est servi en parlant dans le phonographe, (Ph. St. X, p. 2) a dû

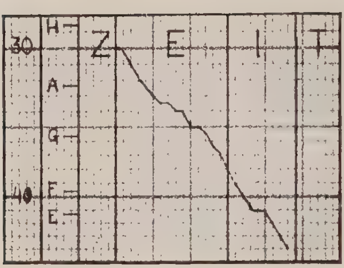


Fig. 21.

tout de même être plus fort qu'à l'ordinaire. C'est pourquoi aussi ses autres résultats seraient à vérifier.

Si l'on compare maintenant les diagrammes de M. Ekblom aux miens, on devine immédiatement que la prononciation de son sujet a dû être plus forte qu'à l'ordinaire et que la force variait sensiblement pendant la durée de l'enregistrement — le choix des mots et des phrases, pas toujours heureux, devait aussi y être pour quelque chose. Tout cela a compliqué les résultats de M. E., sans parler de l'outillage un peu grossier avec lequel l'enregistrement et les mesures ont été faits, sans parler de la délimitation des sons et de son procédé de faire des moyennes avec des exemples assez hétérogènes.

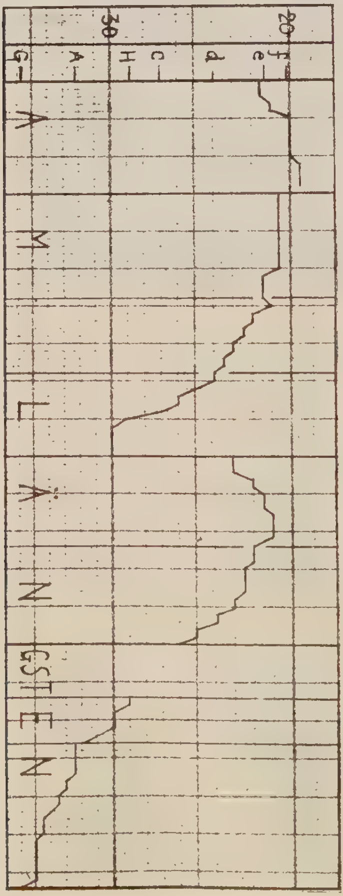


Fig. 22.

L'influence de la force, du reste, n'a pas échappé a M. E., mais partageant trop les idées de M. Meyer, il paraît ne la reconnaître que dans les cas extrêmes.

La voyelle accentuée longue.

Après l'exposition précédente, l'explication qui va suivre pourra être abrégée.

a) La voyelle longue placée après les liquides et les nasales: 5 exemples, à savoir: *To je lík* (forme populaire de *lék* = médicament; fig. 23). *Má málo* (il a peu), enregistré deux fois (fig. 23, 24, 25). *On jde s námi* (il va avec nous), deux fois (fig. 26).

Or, de nouveau, tous ces exemples sont descendants; la

descente y est précédée d'une partie droite; toutefois cette partie n'est nulle part tellement importante pour permettre la conclusion que la voyelle longue en tchèque ait la tendance à avoir une mélodie relativement droite ou bien qu'elle soit relativement droite pour sa partie principale, comme le prétend M. Ekblom. Même en prenant l'exemple le plus favorable, à savoir *málo* II, on y voit que le commencement droit n'y dépasse pas le premier tiers de la voyelle, c'est à dire ne remplit pas la partie principale (Hauptverlauf), qui va sûrement plus loin. Les autres exemples offrent une durée plus petite encore. Cette partie initiale droite est minime dans *s námi* I où elle fait à peine un onzième (3 v. initiales droites de l'ensemble de 34). Et nous verrons plus loin qu'elle peut même manquer entièrement (fig. 31, *dáti*); par conséquent, elle ne peut pas constituer un trait caractéristique des voyelles longues. Il n'y a qu'une chose essentielle dans la mélodie des voyelles en question, c'est la tendance descendante, constatée déjà plus haut pour les voyelles brèves.

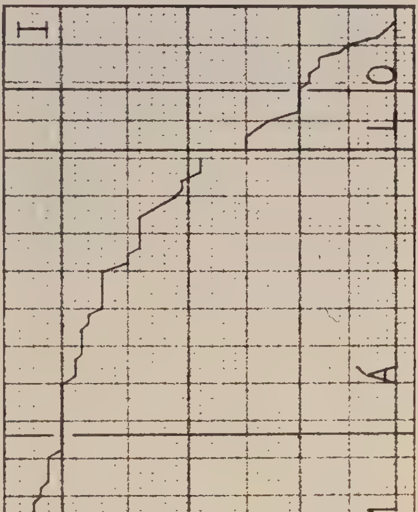


Fig. 23.

Ce qui vient d'être dit, est valable pour la prononciation calme à la fin d'une phrase affirmative. Pour illustrer maintenant l'influence de la force sur la mélodie de la voyelle longue je donne ici la fig. 27: *Má málo!* La même phrase qu'on a lue plus haut, a été dite cette fois un peu plus fort et avec mauvaise humeur. Et on voit que la mélodie est sensiblement changée. Non seulement la voyelle a été

dite sur un ton plus élevé que dans le *málo* calme, mais il y a encore une montée notable au commencement. La voyelle entière re-

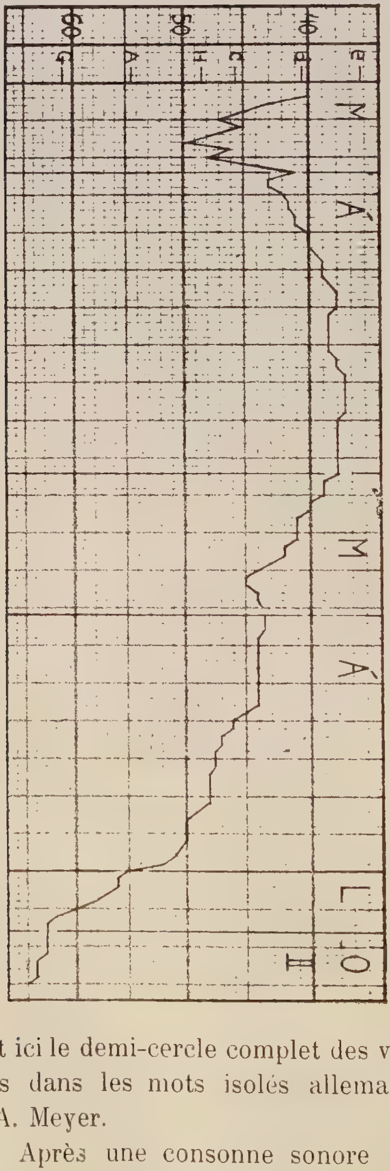


Fig. 25.

produit ici le demi-cercle complet des voyelles longues dans les mots isolés allemands de M. E. A. Meyer.

b) Après une consonne sonore (occlusive ou constrictive): 8 exemples. Partout la première vibration visible est plus grave, in-

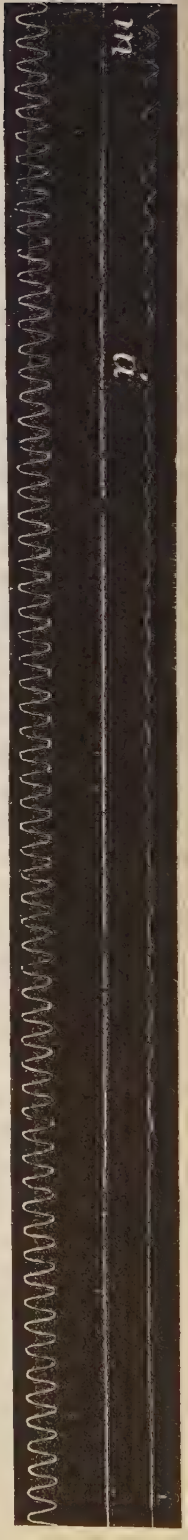


Fig. 24.

Tracé de la première syllabe du mot *málo* I. Agrandi au double et reproduit sans aucune retouche. — En bas, diapason. En haut, nez. Entre les deux, le tracé du courant buccal.

ıencée par la con-
›nne aussi au point
ɜ vue du timbre;
est pourquoi elle
é été ajoutée à la
ɔonsonne, comme
ıns les cas analo-
ıes de la voyelle
ève. La voyelle lon-
ıe elle-même pré-
›nte deux formes
ɜ mélodie comme
récédemment: *α*) le
›mmencement droit
ıivi d'une descente
us ou moins ra-
de: 2 exemples, à
voir: *Bůh* I (Dieu;
g. 28; la partie
oite longue[1]) et
ibava III (*Maso-*
ıstní zábava =
aisir, amusement
ı carnaval; fig. 30;
partie droite mi-
me); *β*) une mé-
odie descendante
un bout à l'autre:
exemples: *dáti*
et II (*Má dáti* =
a à payer, il doit;
ʒ. 31) et *zábava* II
g. 29). Outre ces
ɜux formes, il y en
encore une troi-

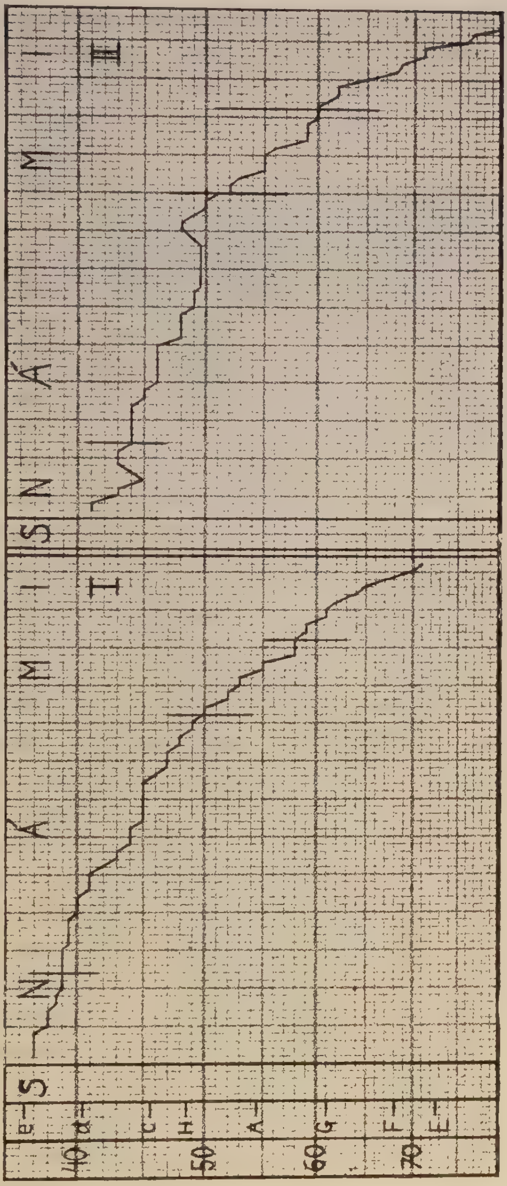


Fig. 26.

ème: commencement montant, puis descente: 3 exemples dont deux, savoir *Bůh* II (fig. 28) et *dým* (= fumée; fig. 30) offrent une montée itiale importante de 7 vibrations, tandis que le troisième, c'est

[1]) La petite dent sur la lingue droite de *Bůh* I, correspondant à une bration, est probablement due à un accident.

à dire *zábava* I (Fig. 29) n'a qu'une montée insignifiante de 2 vibr tions. C'est de nouveau à une certaine augmentation de la for qu'il faut l'attribuer.

A cette occasion, il n'est pas sans intérêt de comparer la mélo

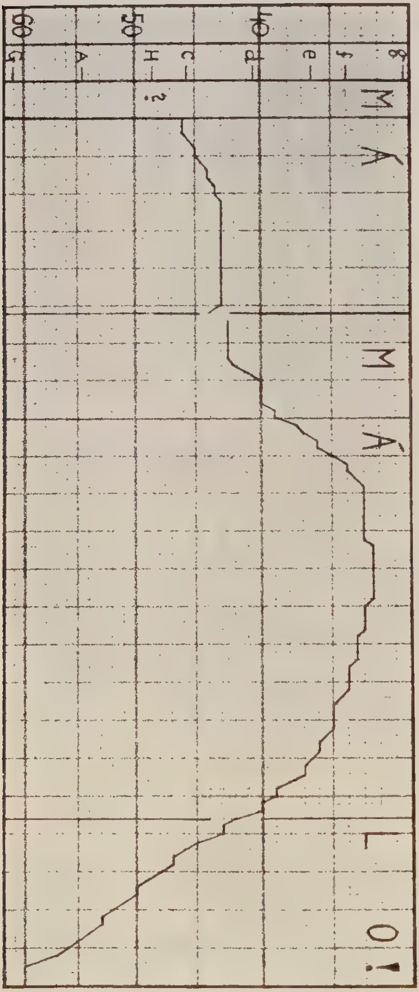


Fig. 27.

des 3 *zábava* à celle q pour le même mot, don M. E. et qui est monta presque jusqu'au bout. M. trouve lui-même surp nante cette mélodie. «D Wort *zábava* scheint doch für den Tonvokal e in unerwartetem Grade st gende Kurve zu haben» (p. en note). D'après ce qui été dit plus haut, on devi aisément la cause: Le su de M. E. a parlé fort, traîné probablement au par le sens de la phra C'est pourquoi, afin d'évi l'influence de l'émotion, remplacé la phrase de M. par le simple *masopus zábava.*

c) Après une explos sourde. Ici, je peux me co tenter de donner seuleme deux exemples, représenta chacun un autre type mé dique, à savoir *pás* (*To pás* = C'est une ceintu voilà une ceinture) ay une mélodie descenda d'un bout à l'autre, et *pá* (*To je pátek* = c'est vendredi) où, après une première vibrat aiguë, ajoutée à la consonne, la voyelle offre un commencem droit, puis une descente (Fig. 32).

En terminant cette analyse, je dois ajouter, ainsi que je fait à propos de la voyelle brève, que pour la mélodie examinée

la prononciation de M. Zubatý concorde avec celle de mes deux autres sujets praguois et avec la mienne.

En résumé, la mélodie de la voyelle accentuée longue en fin d'une phrase affirmative calme ne diffère pas essentiellement de celle de la brève placée dans les mêmes conditions: 1° On a de nouveau ou bien le commencement droit suivi d'une descente ou bien une descente depuis le commencement jusqu'au bout.[1]) Le premier type correspond à une prononciation plus ferme, le second à une prononciation plus faible. Ce qui est commun à tous les deux types, c'est la tendance descendante, d'accord avec les voyelles brèves. C'est à tort que M. Ekblom considère la «mélodie relativement droite pour la partie principale» comme un trait essentiel et caractéristique des voyelles longues, apte à les distinguer des brèves; car *a*) une partie droite se trouve non seulement dans les longues, mais aussi dans les brèves, preuve *bol* I et II, où elle constitue presque toute la première moitié de la voyelle; de même *baba* II (la partie droite y dépasse le premier tiers de l'*a*: et si l'on y ajoute les 5 vibrations suivantes qui ne s'éloignent pas sensiblement de la droite, cela fera plus d'une moitié) et en particulier *pata* H où presque toute la voyelle a été dite sur une

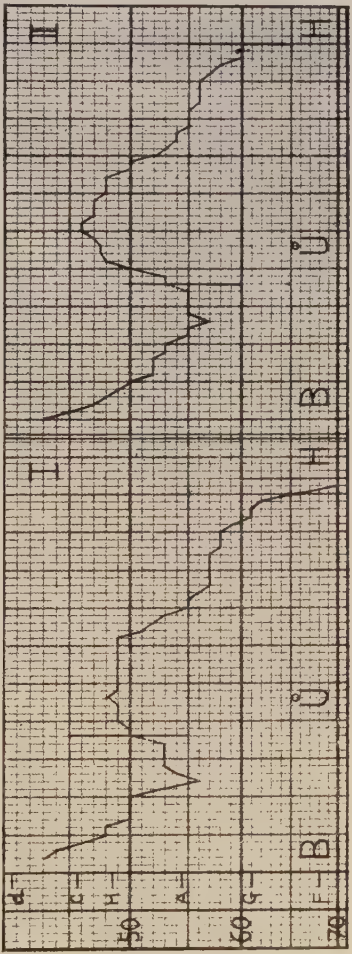


Fig. 28.

---

[1]) M. Vondrák (Vergleichende slavische Grammatik' I, 244) croit que la mélodie de la voyelle longue est montante en tchèque. En effet, une telle mélodie est possible, comme nous l'avons vu, quand on appuie plus ou moins, ce qui arrive facilement dans la prononciation des mots isolés; mais ce n'est pas la mélodie caractéristique de la fin de la phrase affirmative calme.

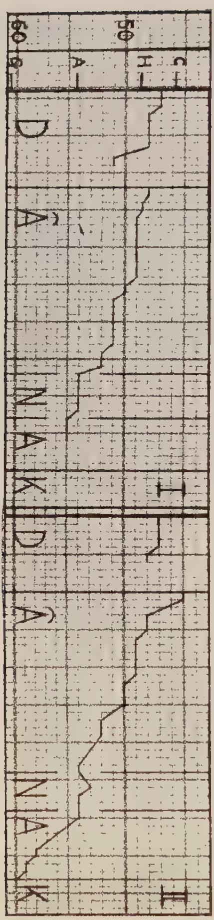


Fig. 33.

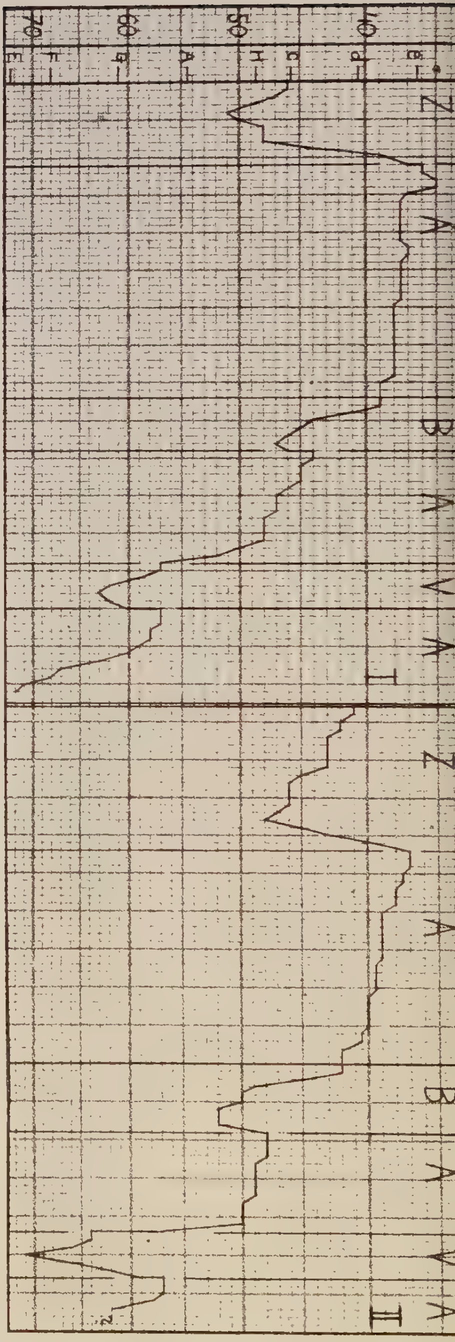


Fig. 29.

même note; *b*) la mélodie droite peut aussi manquer dans la voyelle longue: voyez notamment *dáti* I. En outre, ce qui contredit également l'assertion de M. Ekblom, c'est l'impression acoustique: la mélodie de la voyelle longue est sentie, non pas comme droite, mais comme descendante (com-

parer la remarque à la fin de l'article).

2° L'influence des consonnes et de la force s'y manifeste de la même façon que pour la voyelle brève.

Il en est de même pour la voyelle longue à l'intonation descendante en serbe. Pareillement à l'accent rude (akcenat oštar), elle peut avoir le commencement droit suivi d'une descente, ou bien elle peut être descendante d'un bout à l'autre. Exemples: *dâ-nak* (To je dânak = c'est un tribut) dit deux fois par un même sujet de Mostar (Fig. 33.) Donc, comme en tchèque, il n'y a aucune différence essentielle non plus entre les deux sortes d'into-

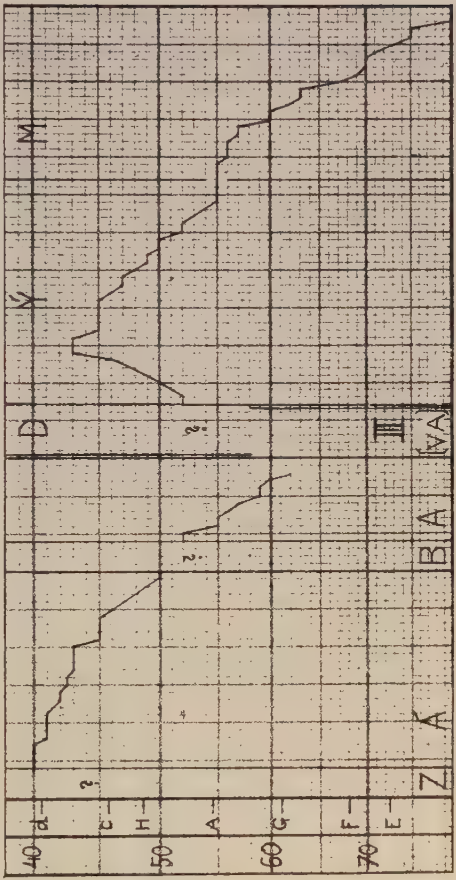


Fig. 30.

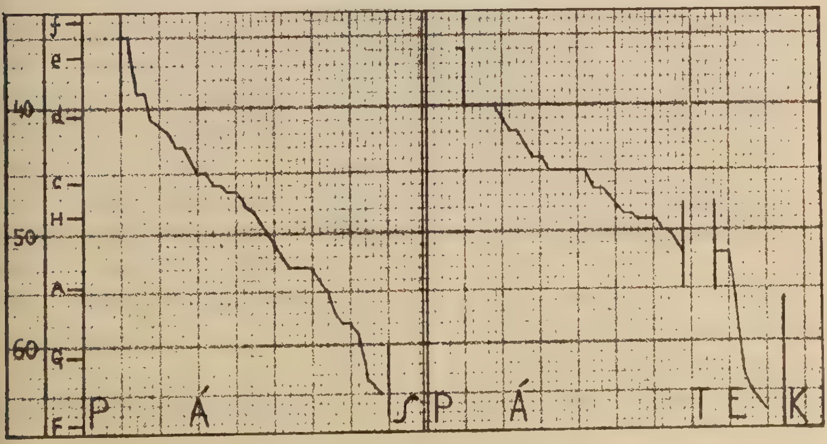


Fig. 32.

nations serbes. Et, chose intéressante, la mélodie des voyelles longues examinées ici ressemble manifestement à celle des voyelles longues allemandes dans *Rosen* et *Zeit.* Il en est de même en français pour la prononciation modérée, calme. Ce n'est qu'en appuyant que la courbe mélodique se gonfle.

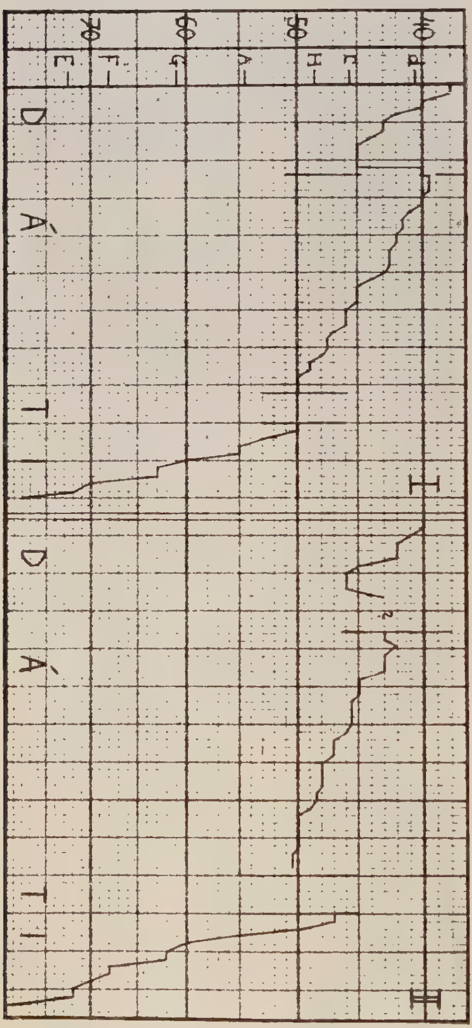


Fig. 31.

*

Conclusion: Il n'y a pas de conservation d'une ancienne variété mélodique en tchèque, il y a là plutôt une simplification bien naturelle qui subordonne les mots au mouvement mélodique de la phrase. La mélodie actuelle des voyelles placées à la fin d'une phrase affirmative calme correspond bien à la fin de phrase. Le travail articulatoire se terminant, la pression des cordes vocales a la tendance à céder et par conséquent à baisser la mélodie. Il faut une impulsion particulière, une insistance, sous l'influence du sens ou de l'émotion, pour faire tendre davantage les cordes vocales et pour relever ainsi la mélodie pour une partie plus ou moins grande de la voyelle.

Ces constatations concordent avec l'impression acoustique. L'oreille ne sent pas une différence essentielle dans la mélodie des

leux sortes de voyelles, sauf naturellement pour la quantité qui rend la descente plus sensible pour la voyelle longue que pour la brève.[1]) Il en est de même en serbe et probablement dans beaucoup d'autres langues.

Prague.

Jos. Chlumský.

---

[1]) Pour me rendre compte de l'impression que fait sur l'oreille non prévenue la mélodie des deux voyelles tchèques, j'ai mis à l'épreuve mes auditeurs qui pour la première fois assistaient aux exercices de ce genre. La première impression a été que la brève de *pas*, *mat*, est prononcée sur une seule note (mélodie droite) et que la longue de *pás*, *mát* est descendante. Cela veut dire que, pour la brève, le commencement plus ou moins droit et plus fort qui embrasse ordinairement $^1/_4$—$^1/_2$ de la voyelle (voy. par ex. le mot *bol*), a seul impressionné l'oreille, tandis que, pour la longue, la descente relativement considérable a eu assez de temps pour prévaloir. Ce n'est qu'en écoutant plus attentivement qu'ils percevaient aussi une légère descente vers la fin de la brève, et inversement, ils trouvaient une partie droite au commencement de la voyelle longue. Sauf la quantité, la mélodie des deux sortes de voyelles leur paraissait non pas différente, mais semblable.

Русскій языкъ у инородцевъ Поволжья.

I. Чуваши.

Въ культурно-общественной жизни славянъ ихъ встрѣчи и различныя взаимоотношенія съ другими народами оставляли нерѣдко весьма значительные слѣды. Результаты этихъ разно племенныхъ связей необходимо учитывать и историку куль турно-общественной жизни славянскихъ народовъ и историку языковъ этихъ народовъ. Если данная общественная группа испытываетъ въ силу какихъ-нибудь обстоятельствъ куль турное воздѣйствіе со стороны другой группы, то это воз дѣйствіе находитъ себѣ отраженіе легче всего въ отдѣльныхъ словахъ, идущихъ отъ воздѣйствующей группы. Заимство ванныя слова являются или знаками представленій новыхъ предметовъ и явленій или замѣнителями мѣстныхъ словъ вытѣсненныхъ заимствованными изъ другого языка, широк распространеннаго въ данной общественной группѣ. При значи тельномъ количествѣ заимствованныхъ словъ, имѣющихъ одина ковые суффиксы, послѣдніе могутъ быть сближены и выдѣлен языковымъ чутьемъ представителей новой среды. Въ таких случаяхъ эти новые суффиксы становятся продуктивными, вход въ составъ формъ для словъ незаимствованныхъ. Ср. судьб нѣмецкихъ образованій на *-ung (—> unk)* у поляковъ, подновлен этого суффикса въ формѣ именит. ед. своимъ суффиксомъ е *(<- *ъk): rachunek*, *podarunek* и т. под. Ср. также судьбу ту рецкихъ формъ съ суф. *dži*, *lẹ̥k* (*lok*, *luk*, *lyk*), *li* (*lü*) въ балканских языкахъ, — въ болгарскомъ, сербскомъ, новогреческомъ, албан скомъ, румынскомъ. Болг. *хаджилък*, *колайлък* (колайлок), *ри барлък* (рибарлок), *овчарлък* (овчарлок), *големджија* и др. Алба *ſukarałuk* — „бѣднота“ (тур.), *plek̇iniłuk* — „старость, старик (алб. *plàk* — „старикъ“), *peškadžiłuk* *(-łεk)* — „рыболовств (*pèšk* — „рыба“, *peškadžī* — „рыбакъ“) и др.

Иноязычное вліяніе можетъ отражаться не только на вв деніи отдѣльныхъ заимствованныхъ словъ, но и на образован формъ и синтаксическихъ конструкцій.

При благопріятныхъ обстоятельствахъ не только отдѣльыя лица, но и цѣлая общественная группа переходитъ къ двузычію, усваивая рѣчь носителей воздѣйствующей группы. акіе переходы случались въ исторіи славянъ и ихъ сосѣдей. аправленіе этихъ переходовъ бывало или со стороны слаянской или въ сторону славянскую. Сильное культурное возѣйствіе, политическая и экономическая зависимость, переленіе въ другую этническую среду — вотъ главныя обстоятельтва, при которыхъ происходитъ сильное воздѣйствіе одного зыка на другой, вызывающее двуязычіе у представителей ой соціальной группы, которая стала въ подчиненное положеніе. Обычно носители традиціоннаго языка, переходя къ друому языку, не овладѣваютъ послѣднимъ въ полной мѣрѣ, сли только этому усвоенію не способствуютъ искусственныя ѣры, исходящія изъ школъ, отъ профессіоналовъ-учителей другихъ ревнителей „правильности и чистоты рѣчи". Лицо, сваивающее другой языкъ, подставляетъ въ процессѣ переода къ этому языку свои привычныя представленія артиуляціонныхъ движеній для производства звуковъ. Въ резульатѣ производятся звуки не всегда тожественные съ звуками ругого языка, а лишь сходные въ той или иной части бразованія. Характерныя настройки привычной традицінной рѣчи, ея „артикуляціонная база", ритмъ и темпъ этой ѣчи также переносятся въ говореніе на другомъ языкѣ. атѣмъ привычныя словесныя конструкціи и значеніе ихъ акже отражается на усвояемомъ языкѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, огда конструкціи двухъ сталкивающихся языковъ сильно азличаются, то конструкціи усвояемаго языка подвергаются ольшимъ измѣненіямъ, ломкѣ, на первыхъ порахъ неопредѣенной. Съ теченіемъ времени передача конструкцій въ говоеньѣ на другомъ языкѣ принимаетъ болѣе устойчивый видъ, онѣ становятся традиціонными.

При благопріятныхъ обстоятельствахъ за стадіей двуязычія ожетъ наступить стадія одноязычія: прежній традиціонный зыкъ въ рядѣ поколѣній выходитъ изъ употребленія: при овореньѣ пользуются однимъ языкомъ, усвоеннымъ въ предествующее время отъ представителей иноязычной группы. Іо на этомъ языкѣ отразятся тѣ черты, которыя привнеены были въ него ранѣе, на стадіи двуязычія. Съ теченіемъ ремени при невольно происходящемъ контролѣ своего гово-

ренія, если есть образцы „достойные подражанія“, т. е. носител
рѣчи господствующей (въ томъ или иномъ отношеніи) группы
происходитъ нормировка своей рѣчи сообразно типу подра
жаемой рѣчи. Въ результатѣ можетъ быть то, что въ рядѣ
поколѣній прежнія черты, перешедшія отъ стадіи двуязычія
сгладятся, и языкъ „побѣжденныхъ“, или ничѣмъ не отли
чается отъ языка „побѣдителей“, или этихъ отличій немного
Въ послѣднихъ случаяхъ эти особенности могутъ стать тради
ціонными. Только позднѣе, при интенсивныхъ сношеніяхъ
съ представителями другой, господствующей группы могутъ
въ рядѣ поколѣній утратиться и эти немногія особенности

Что касается обстоятелствъ, при которыхъ совершается
переходъ отъ двуязычія къ одноязычію, то они различны
въ разное время и въ разныхъ областяхъ. Массовая колони
зация носителей другого языка, которымъ принадлежитъ
политическое, экономическое и соціальное господство, ихъ
воздѣйствіе на мѣстное населеніе или переселеніе отдѣльныхъ
группъ въ иноязычную среду и опять-таки зависимое поло
женіе отъ этой среды въ различныхъ житейскихъ отноше
ніяхъ — въ томъ и другомъ случаяхъ носители подчиненной
группы переживаютъ связанныя съ этимъ подчиненіемъ измѣ
ненія въ своемъ языкѣ, — появляется двуязычіе и затѣмъ пере
ходъ къ одноязычію. Независимо отъ политическаго господ
ства языковая смѣна происходитъ при слѣдующихъ обстоя
тельствахъ: 1. при оторванности данной немногочисленной
группы отъ ближайшихъ родственныхъ ей группъ и сосѣд
ство съ представителями другой группы, дающей тонъ въ томъ
или иномъ отношеніи; 2) при значительной разряженности
населенія языковая смѣна можетъ быть обусловленна воз
дѣйствіемъ женщинъ, — женъ и матерей, принадлежащихъ
иной языковой группѣ и не говорящихъ на языкѣ своихъ
мужей.

При всемъ этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что интенсив
ность процесса языкового воздѣйствія одной группы на
другую ограничена во времени. Послѣ періода силь
ныхъ языковыхъ переживаній въ усвоеніи другого язык
и въ подражаніи различнымъ чертамъ его въ языковой жизн
данной группы слѣдуетъ время болѣе устойчивой традиціи
съ тѣми измѣненіями, которыя медленно проходятъ въ ряд
поколѣній. Если предшествующій періодъ, — період энер

ичнаго воздѣйствія одного языка на другой, далъ въ результатѣ двуязычіе и оно не успѣло смѣниться одноязычіемъ, то въ послѣдующее время держатся въ обиходѣ группы, испытывавшей воздѣйствіе со стороны другой группы, употребленіе того и другого языка, съ тѣми или иными измѣненіями, появившимися въ предшествующій періодъ. Измѣненія, происходящія въ обиходномъ языкѣ въ послѣдующее время, не такъ интенсивны, не такъ значительны, не такъ видоизмѣняютъ звуковой и формальный строй языка, какъ раньше. Вырабатывается традиціонность въ говореньѣ какъ на одномъ, такъ и на другомъ языкѣ. Но при особой значительности какихъ-нибудь изъ вышеуказанныхъ обстоятельствъ и въ періодъ этой болѣе спокойной, ,,нормальной" жизни можетъ произойти утрата навыка къ употребленію одного изъ языковъ. Одноязычіе, къ которому переходятъ въ такіе болѣе или менѣе спокойные періоды, отличается по своимъ результатамъ отъ одноязычія, появившагося вскорѣ за недолгой (относительно) стадіей двуязычія: во второмъ случаѣ на побѣдившемъ языкѣ отражается меньше чертъ иноязычныхъ, чѣмъ на языкѣ, который сталъ употребляться въ обиходѣ, какъ единственный, послѣ недолгаго періода двуязычія.

Указанныя положенія можно иллюстрировать соціально-языковыми судьбами многихъ этническихъ группъ въ Европѣ и Азіи. Вспомнимъ напр., полную ассимиляцію съ великоруссами, пережитую многими финнскими группами въ Пріокскомъ и Верхневолжскомъ краяхъ. Тѣ же финнскія группы Средняго Поволжья, Покамья и сѣвера Россіи, которыя въ силу соответствующихъ обстоятельствъ не были охвачены такимъ процессомъ обрусѣнія, долѣе сохраняли свой родной, традиціонный языкъ и только позднѣе усваивали русскій языкъ. Это усвоеніе было общераспространеннымъ въ однѣхъ группахъ, частичнымъ въ другихъ, будучи свойственно только отдѣльнымъ лицамъ. Въ случаѣ усвоенія русскаго языка всею группою, она въ теченіе времени переходила къ одноязычію, къ русскому. Наличность сосѣднихъ финнскихъ группъ, сохранявшихъ финнскую рѣчь, неинтенсивность русскаго языковаго воздѣйствія въ это время и неполное усвоеніе русскаго говоренья отражались на русскомъ языкѣ финновъ, перешедшихъ къ одноязычію при такихъ обстоятельствахъ: на ихъ русскомъ языкѣ отражались черты прежняго финнскаго говоренья.

Такія черты могутъ сдѣлаться традиціонными, а также усваиваться и сосѣдними русскими (по происхожденію). Таково, напр., происхожденіе „средняго" *l* въ говорахъ Казанской, Вятской губ. и въ другихъ мѣстностяхъ на востокѣ и сѣверѣ Великороссіи: *ходиla, lавка* и др. Таково происхожденіе *k* вм. *x* и слабости въ образованіи звонкихъ согласныхъ или замѣны ихъ глухими по говорамъ Ветлужскаго края Костромской губерніи, — черта черемисской фонетики (*корошо, тéрево* и т. п.). Вспомнимъ судьбу славянъ, занимавшихъ обширныя области въ бассейнѣ Лабы. Натискъ нѣмцевъ, ихъ преимущество въ отношеніяхъ экономическомъ, общественномъ и церковномъ, безправіе славянъ, презрительное отношеніе къ славянщинѣ среди новыхъ господъ въ Полабьѣ, — все вынуждало славянъ къ усвоенію нѣмецкаго языка. Хотя нѣмецкій языкъ и вытѣснилъ въ Полабскихъ областяхъ славянщину, но не безъ слѣда: въ нѣмецкой рѣчи Wendland'а представлены нѣкоторыя черты прежняго языка въ этой области — славянскаго. Таково происхожденіе утраты начальнаго *h: at* (*hat*), *ehr* (*her*), *und* (*Hund*).[1]) Безъ *h* представлены были нѣмецкія заимствованія у полабскихъ славянъ: *omár* вм. нѣмецкаго *hammer*, *omel* вм. нѣмец. *hamel, oans* — вм. нѣм. *Hans* и др.[2]) Процессъ перехода къ одноязычію, нѣмецкому, переживается до сихъ поръ восточными лужичанами[3]) и балтійскими словинцами.[4]) Ихъ нѣмецкій языкъ представляетъ собою или діалектъ или hochdeutsch, усвоиваемый въ школѣ. Вспомнимъ судьбу иллирскихъ племенъ въ Придунайскихъ областяхъ и на Балканскомъ полуостровѣ: отъ этото нѣкогда сильнаго народа не осталось потомковъ въ языковомъ отношеніи.[5]) Тѣ народы Балканскаго полуострова, которые удержали свою этническую и языковую особность, находились съ давнихъ поръ въ тѣсныхъ культурно-общественныхъ взаимоотношеніяхъ и пере-

---

[1]) P. Rost, Die Sprachreste der Draväno-Polaben im Hannöverschen (Leipzig, 1907) 49, примѣч. 2.

[2]) T. Lehr, Zapożyczenia dolnoniemieckie w języku połabskim. (Materjały i prace kom. jęz., t. VII. cz. 2, 1920, 307—308).

[3]) Л. В. Щерба. Восточнолужицкое нарѣчіе. Т. I. Птгр. 1915.

[4]) Mik. Rudnicki, Przyczynki do gramatyki i slownika narzecza słowińskiego. (Materyały i prace kom. jęz. VI. 1913). А. Ѳ. Гильфердингъ, Остатки славянъ на южномъ берегу Балтійского моря (Этногр. Сборникъ, изд Имп. Рус. Геогр. Общ., в. V).

[5]) Въ отношеніи албанцевъ мы придерживаемся того взгляда, по которому ихъ предки находились въ ближайшемъ родствѣ съ группами ѳракійскими.

кивали одинаковые процессы въ культурной, а также и въ зыковой жизни. Такъ было въ жизни грековъ, албанцевъ, лавянъ болгарскихъ и румынъ.[1] Воздѣйствіе шло преиму-щественно со стороны греческой и романской. Нѣкоторыя руппы совсѣмъ ассимилировались въ иноязычной средѣ (напр. ракійскія въ романской средѣ, славянскія въ греческой, ру-ынскія въ славянской). Обратимъ вниманіе на великіе про-торы сѣвера и сѣверо-востока Сибири, гдѣ процессы дву-зычія и перехода кь одноязычію переживаются до нашихъ ней. Въ Сибири языковая смѣна проходитъ въ двухъ направ-еніяхъ: на сѣверѣ, югѣ и востокѣ сибирскіе инородцы черезъ гадію двуязычія переходятъ къ русскому языку, какъ оби-одному, а на сѣверо-востокѣ, въ Якутской области, якутскій зыкъ воспринимается находящимися тамъ другими этничес-ими группами, въ томъ числе и немногочислеными тамош-ими русскими.[2] Рядъ чертъ русско-сибирскихъ говоровъ озникъ вслѣдствіе иноязычнаго вліянія. Напр.: слабосмычный ^{w} или w^b (*w^boda*, *dw^ba*...), мягкіе *č* и *dž* вм. мягкихъ *t* и *d* (*čéło*, *ača*, *dżeło*...), передвижка въ рядѣ *s* — *š*, *z* — *ž* (*šam* или *$\check{s}^s$am*, *obaka*, *posoł* — *posoų* или *posol*), *j* вм. *l*, *r* (*bjat*, *jiba*, *jachka* — авка) *r͡l* и нѣк. др.

Для второго выпуска моего „Діалектологическаго очерка ибири“ мнѣ необходимо располагать результатами непосред-твенныхъ наблюденій надъ языковымъ состояніемъ на сѣверѣ ибири. Мое вниманіе привлекаетъ въ особенности Обдор-кій край на низовьѣ Оби и Туруханский на нижнемъ Енисеѣ. усскій языкъ тамошнихъ русскихъ и русской „смѣшицы“, также русское говоренье вогулъ, остяковъ, самоѣдовъ тунгусовъ хотѣлось мнѣ изучить тамъ. Лѣтомъ 1921 года предполагалъ отправиться туда. Сочувственно къ пред-олагавшейся командировкѣ отнеслись Отдѣленіе рус. языка слов. Рос. Академіи наукъ, Историко-Филолог. Факультетъ Совѣтъ Казанскаго Университета. Но Сиб. Рев. Ком., по окладу тов. Шиша, отклонилъ эту командировку какъ не имѣющую непосредственнаго отношенія къ основнымъ адачамъ момента“.[3]

---

[1] А. Селищевъ, Очерки по македонской діалектологіи. I. Казань. 1918.

[2] А. Селищевъ, Діалектологическій очеркъ Сибири. I. Иркутскъ 1921. го же, К изучению говоров Сибири („Изв. Общества Арх., Ист. и Этногр. ри Казан. Университете“, т. 31.в. 4).

[3] Вестник Просвещения Т. С. С. Р. 1921. № 6—7. Казань. 213—214.

Потерпѣвъ крушеніе на сибирскомъ фронтѣ, я намѣтилъ себѣ Поволжье: изученіе русскаго языка въ употребленіи его инородцами Поволжья. Въ первую очередь я рѣшилъ отправиться въ Чувашскую область („Чувобласть"). Хотя и на этомъ фронтѣ не обошлосъ безъ затрудненій, все же мнѣ удалось посѣтить рядъ пунктовъ въ Чебокарскомъ и Козьмодемьянскомъ уѣздахъ. Въ планъ моихъ занятій входило наблюденіе за русскою рѣчью у русскихъ и у чувашъ, а также у горныхъ черемисъ, сосѣдящихъ съ чувашами. Результаты своихъ наблюденій я представилъ въ работѣ: „Культурно-языковыя отношенія въ Поволжьѣ. Чуваши и ихъ сосѣди". Работа заключаетъ в себѣ слѣдующія главы: 1. Очеркъ поѣздки по Чувашской области и характеристика той обстановки, въ которой я производилъ свои наблюденія. 2. Русскіе говоры Казанской губ. 3. Русскій языкъ у чувашъ. 4. Результаты изученія чувашскихъ заимствованныхъ словъ въ языкахъ мадьярскомъ, мордовскомъ, вотскомъ, зырянскомъ, черемисскомъ (труды Б. Мункачи, Г. Паасонена, Г. Вихмана, С. Гомбоца, М. Рясенена, Н. Ашмарина). 5. Характеристика русской рѣчи горныхъ черемисъ.

Изученіе чувашско-русскихъ языковыхъ взаимоотношеній имѣетъ значеніе какъ для тюркскаго, такъ и для индо-европейскаго яыкознанія: оно покажетъ, какимъ измѣненіямъ подвергается языкъ индоевропейской семьи (русскій языкъ) при усвоеніи его представителями тюркской, чувашской группы. Эти измѣненія помогутъ ярче освѣтить характеръ особенностей тюрко-чувашскаго языка съ одной стороны и индоевропейскаго, русскаго — съ другой.

Изученіе чувашско-русскихъ языковыхъ взаимоотношеній прольетъ свѣтъ на судьбы русскаго языка въ Поволжьѣ въ его распространеніи въ иноязычной средѣ.

Въ настоящей статьѣ предложены извлеченія изъ 3-ей главы.[1])

Въ своей средѣ чуваши пользуются только своимъ роднымъ языкомъ. Нерѣдко приходилось слышать въ чувашской рѣчи русскія слова стараго и новаго происхожденія. Въ особенности многочисленны русскія словарныя заимствованія, когда рѣчь идетъ о предметахъ или явленіяхъ обществен-

[1]) „Чувобласть" хотѣла издать эту работу въ полномъ видѣ, но средствъ на изданіе у нея совсѣмъ нѣтъ.

наго характера: тюркскія слова и конструкціи идутъ рядомъ съ тѣми или иными словами и цѣлыми выраженіями, взятыми изъ русскаго языка. Вошло въ оборотъ и выраженіе, ставшее теперь весьма употребительнымъ по всей Россіи: *„ничево подобнăвă“* (въ значеніи отрицанія). Это выраженіе постоянно рѣжетъ ухо и на улицахъ, и въ учрежденіяхъ, и на пароходѣ, и на базарѣ, и въ теплушкѣ. На устахъ оно и у великоруссовъ и малоруссовъ, и у не русскихъ по происхожденію гражданъ совѣтской Россіи. Чѣмъ сильнѣе чувашинъ охваченъ въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятелствъ общерусской культурной жизнью, тѣмъ значительнѣе и многочисленнѣе русскіе елементы въ его родной, чувашской рѣчи. Въ рѣчи женщинъ такого сильнаго проникновенія руссизмовъ не замѣтно. И среди чувашекъ не мало найдется знающихъ или понимающихъ русскій языкъ. Но большинство чувашскихъ женщинъ не знаетъ русскаго языка, кромѣ отдѣльныхъ словъ и сочетаній. По дорогѣ изъ Кади-касовъ въ Б. Сундырь лошадь плохо слушается моего возницу — бойкую чувашку. Истощивъ свои чувашскія увѣщанія, обращенныя къ лѣнивой лошади, она, выведенная изъ терпѣнья, грозно выкрикиваетъ: „Ах-ты-дјáвӑл!“ и сердито тычетъ палкой въ бокъ лошади. Встречаются среди чувашъ лица, мужчины и женщины (дѣвушки), прекрасно владѣющія русскимъ языкомъ, усвоеннымъ черезъ школу. Поступая въ школу безъ всякаго знанія русскаго языка, мальчики и дѣвочки за время обученія въ ней (4 года) хорошо овладѣваютъ русскимъ языкомъ. Только на фонетикѣ отражаются въ большей или меньшей степени нѣкоторыя черты чувашскаго языка. Заслуга въ этомъ дѣлѣ обученія принадлежитъ учителямъ чувашскихъ школъ. Крестьяне съ большимъ уваженіемъ относятся къ своимъ старымъ заслуженымъ учителямъ. Отрадно было наблюдать въ нѣкоторыхъ селахъ, что учителя работаютъ лѣтъ по 20—25 въ одной и той же школѣ. Къ учителямъ же послѣдней формаціи, прошедшимъ краткосрочные учительскіе курсы, населеніе относится несочувственно.

Къ русскому языку, какъ къ языку общегосударственному и проводнику культуры, чувашское, какъ и черемисское, населеніе относится съ большимъ интересомъ и усвоеніе его считаетъ необходимымъ для своихъ дѣтей. Во время моего пребыванія въ Сундырѣ оттуда вывозили нѣсколько возовъ дѣтей, собранныхъ по окрестнымъ деревнямъ. Ихъ отправляли

на питаніе въ Нижегородскую и Ярославскую губерніи. „Пускай хоть русскому языку тамъ научатся“, — говорили ихъ родители.

Пути проникновенія русскаго языка къ чувашамъ въ общемъ трояки. 1. Путь воспріятія русской рѣчи непосредственно съ устъ русскихъ. Русская рѣчь воспринимается отъ тѣхъ русскихъ, съ которыми встрѣчались и встрѣчаются чуваши въ среднемъ Поволжьѣ. Это русскіе, входящіе въ составъ сѣверновеликорусской діалектической группы. Встрѣчались чуваши съ отдѣльными лицами и изъ средневеликорусской области, акающими въ отношеніи произношенія неударённаго гласнаго *о*. Но говоръ этихъ лицъ не отразился на русскомъ говореньѣ чувашъ. 2. Другой путь проникновенія русскаго языка въ чувашскую среду — путь школьнаго усвоенія его. И этотъ путь въ послѣднее время имѣетъ весьма большое значеніе. Подъ руководствомъ старательнаго и опытнаго учителя многіе чувашлята хорошо усваиваютъ русскую рѣчь. Какъ показываютъ ученическія тетради съ письменными упражненіями, при этомъ усвоеніи проходятся тѣ стадіи, на которыхъ стоятъ въ отношеніи русскаго говоренья чуваши, не окрѣпшіе въ русскомъ языкѣ. Конечные результаты обученія въ школѣ русскому языку не у всѣхъ учениковъ одинаковы: нѣкоторые не осиливаютъ въ полной мѣрѣ этого языка ни въ отношеніи формъ, ни въ отношеніи звуковъ (что обычно наблюдается). Другіе же, и мальчики и дѣвочки, покидаютъ школу съ основательнымъ усвоеніемъ русскаго языка. Нѣкоторые изъ этихъ учениковъ не довольствуются усвоеніемъ русскаго язьыка согласно съ рѣчью руководителя, но еще привносятъ въ свою русскую рѣчь черты книжно-грамматическія, орѳографическія: приходилось отъ такихъ знатоковъ русскаго языка и школьной грамматики слышать сочетанія *чт (что), чн (конечно), -го* въ окончаніи формы родит. пад. ед. *(кого)* и др. 3. Русскій языкъ усваивается не отъ русскихъ, а отъ чувашъ, говорящихъ по-русски. При такомъ усвоеніи русскаго языка на немъ отражаются, кромѣ общихъ чувашизмовъ, и черты русскаго говоренья тѣхъ чувашъ, отъ кого оно перенимается.

Такими же путями распространяется русскій языкъ и у черемисъ и у другихъ инородцевъ Поволжья.

Что касается тѣхъ измѣненій, которыя испытываетъ русскій языкъ въ чувашской средѣ, то они находятся въ зави-

имости отъ свойствъ чувашскаго языка, — отъ чувашской артикуляціонной базы", отъ подстановки въ русское говоренье звуковъ чувашской рѣчи, отъ особенностей звукового состава и формальнаго строя чувашскаго языка (сравните ниже).

Отмѣтимъ, что у горныхъ черемисъ, живущихъ рядомъ ъ чувашами или среди нихъ, русскій языкъ испытываетъ ъ общемъ тѣ же измѣненія, какія представлены въ русскомъ зыкѣ чувашъ.

Не испытываетъ-ли русскій языкъ русскихъ, живущихъ о сосѣдству съ чувашами, измѣненій, обусловленныхъ воздѣйствіемъ чувашскаго языка? По этому вопросу располагаю данными, относящимися къ русскому языку русскаго населенія орода Чебоксаръ, пригородной деревни Лакреева (Первые Усадки), села Б. Сундырь, деревень Сергѣевки и Ёлкиной. Мои аблюденія даютъ отрицательный отвѣтъ на поставленый вопросъ. Говоры указанныхъ пунктовъ представляютъ тѣ же ерты, какія свойственны другимъ говорамъ Казанской губ. Чувашизмовъ въ нихъ не имѣется. Въ особенности интересно было для меня познакомиться съ говоромъ деревни Сергѣевки, одиноко застрявшей въ оврагѣ среди зеленыхъ чувашскихъ деревень и селъ. По-чувашски многіе русскіе этой деревни оворятъ. Но чувашизмовъ въ свою русскую рѣчь они не ввели.

Итакъ, болѣе или менѣе обширная группа, не разряженная увашскимъ населеніемъ, остается не затронутой въ звукахъ формахъ своей рѣчи элементами чувашскаго говоренья.

Иное дѣло съ судьбой русскаго языка тѣхъ русскихъ, оторые одиноко выросли среди чувашъ: языкъ материнскій русскій) испыталъ вліяніе языка сверстниковъ — чувашскаго. Послѣдній былъ для нихъ въ дѣтствѣ болѣе привычнымъ, ѣмъ языкъ матери и отца. Располагаю результатами своихъ аблюденій надъ языкомъ почтеннаго школьнаго труженника . И. Б., родомъ изъ села Шатьмы Ядринскаго уѣзда. Его тецъ въ 60-хъ гг. прошлаго столѣтія переселился въ названное увашское село изъ Чебоксаръ. Это лицо въ томъ отношеніи нтересно, что происходитъ изъ русской семьи, единственной ъ этомъ чувашскомъ селѣ. Мой знакомый и его братья еутратили національнаго сознанія — русскаго и роптали ногда на отца, зачемъ переселился онъ къ чувашамъ. Съ дѣтства они владѣютъ двумя языками: роднымъ русскимъ и языкомъ сверстниковъ — чувашскимъ. При этомъ, послѣдній

въ дѣтскіе годы былъ болѣе привычнымъ для моего знакомаго и для его братьевъ, чѣмъ русскій. При такихъ обстоятельствахъ русскій языкъ, — языкъ матери и семьи, въ звуковомъ отношеніи подвергся вліянію чувашскаго языка: фонетическія черты послѣдняго перенесены и въ русскую рѣчь. Она до сихъ поръ у него представляетъ тѣ же главныя черты (въ звукахъ), какія свойственны русскому говоренью чувашъ. Другой примѣръ: судьба русскаго языка у мальчика Залуцкаго. Онъ изъ семьи „бѣженцевъ" изъ Витебской губерніи. Эта семья оказалась въ деревнѣ Малые Татар-касы Козьмодемьянскаго уѣзда и оставалась здѣсь нѣсколько лѣтъ. Оказавшись въ новой товарищеской средѣ, мальчикъ Залуцкій усвоилъ въ качествѣ своего обычнаго языка языкъ сверстниковъ — чувашлятъ, а русское говоренье у него разладилось (по сообщенію его учительницы); въ русскій языкъ онъ внесъ черты новой своей фонетики, чувашской; его русская рѣчь представляетъ тѣ же особенности, какія свойственны русскому говоренью чувашлятъ. Просмотрѣнная мною тетрадка этого мальчика имѣетъ тѣ же ошибки, какія вообще въ изобиліи встрѣчаются въ письменныхъ упражненіяхъ по русскому языку учениковъ-чувашъ.

Черты русскаго языка чувашъ.

1. Редуцированность неударенныхъ гласныхъ, что находится въ связи съ фонетикой чувашскаго языка. Два ряда редуцированныхъ гласныхъ: *a)* задняго ряда или близкаго къ нему средняго ряда, ъ. *b)* передняго ряда. Болѣе открытое образованіе ъ [ă] непосредственно передъ удареніемъ. Зависимость редуцированныхъ гласныхъ отъ гласныхъ въ сосѣднихъ слогахъ (большая или меньшая открытость образованія, лабіализація). Отраженіе великорусскаго оканья неудар. гласныхъ: *пъкăзанᵏ'е, пъшăжóны̆* (посожёный), *хъръ̆шó. jáкъф, ѵ'óдъръч'* (Ѳёдоровичъ), *Въ́лгъ* (Волга), *jáплăк, шáлкă, и́хнъj, тӧро[й]* (второй), *кŏлŏт'и́л'и, п'ĕⁱд͡дис'áт, ʷт'ирéвнĕⁱ, пäтнáк* (бѣднякъ); *врэ́м'ен'ĭ (ĭ* — сильно редуц. *i), вóс'ʷ'ĕⁱм, д'éс'ит', над'éн'ă̈л* (надѣлъ). Послѣ губного согл. неударенный ъ произносится съ лабіализаціей: *пъʸмáл'и — пъʸмáл'и, вурóф пъʸмáл'и.*

o ≻ *y* въ неударенномъ слогѣ послѣ губного и задненебнаго согл.: *кŭрóх нĕ пуспéл, вурóф.*

-ка. Вм. *a* послѣ *k* въ конечномъ открытомъ неударенномъ слогѣ произносится редуцированный гласный, близкій къ *ĭ* (сильно

редуцированный); согласный *k*- твердый. *рубáшkĭ*^{e} *сн'ат'*; *шолýтkĭ*^{e}. То же явленіе отмѣчено и у сосѣднихъ черемисъ, а также у казанскихъ татаръ. Бòльшая редуцированность неуд. гласныхъ въ говорахъ верховыхъ чувашъ (виръя́лъ) по сравненію съ низовыми (анатри́).

2. Неударенные гласные, соотвѣтствующіе ударённымъ *и, ы, у*, также произносятся въ неполномъ ихъ образованіи. *сто-тыс'ĭч, м'ешэ́ч'ĭk, kрóвĭ, в'éшы̆лĭ*, *од'и́н з'и́мъ*^{у} *учил С'им-б'и́рскĕ*; *скот'и́ну*^{ъ}.

3. *а, е, ѣ* подъ удареніемъ. Между мягкими согласными *ä* или *е* вм. *а*, какъ и въ русскихъ говорахъ этой области. *оп' äт', м'éгчит, пелет* (блядь). Въ зависимости отъ ассимиляціоннаго процесса, свойственнаго чувашскому языку, находится *ä* въ такихъ случаяхъ: *у м'ен'ä, глĕ*^{i} *с'еб'ä, тĭи̯äk* (дьякъ — писарь).

Какъ и въ языкѣ русскихъ, въ русскомъ говореньѣ чувашъ представленъ *е*^{i} вм. *е* передъ мягкимъ согл.: *л'é*^{i}*хчĕ*^{i}, *jе*^{i}*с'*. Какъ и въ языкѣ русскихъ, находятся и въ русской рѣчи чувашъ сочетанія съ *'о* вм. *е (ѣ)* передъ твердымъ согл.: *поб'ók*. Передъ мягкимъ согласнымъ (или ранѣе бывшимъ мягкимъ) — *е*^{i} и рѣже *i*: *коноплʼá вúјут, вит (вѣдь)*.

4. Въ низовомъ нарѣчіи (анатри) гласный *о* подъ удареніемъ и внѣ ударенія передается посредствомъ *у* или рѣже *ŏ*, что находится въ связи съ фонетикой этихъ говоровъ, въ которыхъ представленъ одинъ гласный *у* вм. *о* и *у*, имѣющихся въ соотвѣтствующихъ сочетаніяхъ въ говорахъ верховыхъ чувашъ (виръялъ): верх. *Торă*, низ. *Турă*, (Богъ), верх. *хот*, низ. *хут* (бумага). Передача русскихъ заимств. въ низ. нарѣчіи: *пуп* (попъ), *вулŏс* (волость), *kýрŏм* (кормъ), *лум* (ломъ), *калýш* (калоши), *мŏk* (мохъ).

5. Вм. гласнаго *ы* представленъ гласный, близкій къ ряду *i*: *ы*^{и} или *и*^{ы} : *приви*^{ы}*kат, јази*^{ы}*k*. Послѣ губного согласн., обычно въ глаголѣ *быть*, гласный задне-средній лабіализованный: *бы*^{у}*л* или *бу*^{ы}*л*.

6. „Гармонія гласныхъ“ (Vocalharmonie), по которой слоги слова заключаютъ въ себѣ только гласные задняго ряда и близкіе къ нему гласные средняго ряда *(а, о, у, ы, ŏ, ă)*, или же только гласные передняго ряда *(е, ӱ, и, ĕ)*, отра-

жается и на русскомъ говореньѣ, хотя отражается невыдержанно.[1]) *авăн* (овинъ), *хас'ат* (газета), *хол'ар* (холера), *с'ем*j*é* (семья), *приду̇* (у̇ — средн. или передн. ряда), *нибўт, шест'ö*j, *с'еб'ä[е]* (себя).

7. Ассимилирующее воздѣйствіе гласныхъ передняго ряда на слѣдующемъ согласномъ: *шес'-мер'* (*р'* — средней мягкости), *троф-нет'* (дровъ нѣтъ; *т'* — средн. мягк.). *меш'ók* (*ш'* — средн. мягк.).

8. Слабое билабіальное образованіе передъ *о* въ окончeніи мѣстоименныхъ формъ *jo*^w*ó*. Неслоговое *у* передъ *н*: *даўнó* [dau̯nó].

Слабосмычный спирантъ *w*ᵇ: *zuw*ᵇ*órof, w*ᵇ*oróta*, — черта, появившаяся подъ вліяніемъ фонетики сосѣдей чувашъ — черемисъ.

Въ концѣ слова вм. русскаго *ф* < *в* чуваши говорятъ поразному. *a) ф*: *годóф, укóлŏф, jáкъф, Сахáр, Ал'ексúй̆ф*. Но такое произношеніе отражаетъ собою приспособленіе къ русской фонетикѣ. Согласный *ф* чувашской фонетикѣ несвойственъ. Въ заимствованныхъ словахъ *ф* передается чувашами какъ *х, хв, в (v, w)*: *хамúл'ja, Хвад'éj Х'едóтох* (Ѳадей Ѳедотовъ), *хелйеттон* (въ газетахъ), *вáртух, W'óдърыч' (w* — билаб.). Можетъ быть, собственно чувашское произношеніе отражается въ слабобилабіальномъ *ф*: 12 *пудóф, с'ем дворóф*. Иногда такое *ф* воспринималось мною какъ близкое къ *х. b)* Несомнѣнно чувашизмомъ является *х*: 6 *пудóх, кодóх* (годовъ). Иногда это *х* имѣетъ широкое образованіе (x̱) и при небольшой лабіализаціи оно близко къ *ф*: *нас п'ат' томóх*.

Передъ глухимъ согласнымъ та же двойственность: *a) ф* (по-русски), *b) х* (по-чувашски). *сáхтра, д'éхка, ахтономиллĕ* (автономный).

9. Образованіе *ш, ж* неодинаково во всѣхъ случаяхъ и положеніяхъ. Чаще я наблюдалъ твердые *ш, ж* не только передъ гласными задняго ряда, но и передъ *е, и* (>ы): *ká-шел', ржы, нашых*. Но наблюдалъ и средней мягкости *ш, ж* передъ *и, е* или совсѣмъ мякіе *ш, ж* передъ *и*. Такіе же *ш, ж* и въ зависимости отъ предшествующаго гласнаго передняго

[1]) Объ отступленіяхъ въ самомъ чувашскомъ языкѣ см. у Н. И. Ашмарина „Матеріалы для изслѣдованія чувашскаго языка“ (Казань 1898) стр. 20 слѣд.

ряда. — *напиш'ит'е, ж'ивот, ш'ес', каш'ел',н' иж'е м'еш'о́к.* Черта чувашской фонетики.

10. Мягкіе *с'*, *з'* въ русскомъ говореньѣ чувашъ имѣютъ шепелявое произношеніе, т. е. это дорсально-образованные палатальные согласные, подобные польскимъ *ś*, *ź*. Въ такомъ образованіи *с'*, *з'* отражается чувашская фонетика: мягкіе *с*, *з* въ многихъ чувашскихъ говорахъ, въ томъ числѣ и верховыхъ, имѣютъ шепелявое произношеніе: *с'*$^{ш'}$ *з'*$^{ж'}$. Степень шепелявости въ передачѣ русскихъ *с'*, *з'* не у всѣхъ лицъ и не во всѣхъ положеніяхъ одинакова. Въ русской рѣчи нѣкоторыхъ лицъ шепелявость весьма незначительна или совсѣмъ отсутствуетъ. Передъ гласными передняго ряда шепелявость слабѣе, чѣмъ передъ мягкимъ согласнымъ или въ концѣ слова: *jéз'*$^{ж'}$*д'ил*, *¡ес'*$^{ш'}$ (есть).

11. Образованіе плавнаго *р* въ русскомъ говореньѣ чувашъ изъ разныхъ деревень описываемаго района является съ болѣе энергичными вибраціями языка по сравненію съ образованіемъ обычнаго великорусскаго *р*. Такое образованіе *р* представлено передъ гласными задняго и передняго ряда. Въ зависимости отъ такого образованія произносится вм. мягкаго *р* раскатистый плавный средней мягкости, а вм. гласнаго *и* послѣ такого *р* произносится *ы*^{и} или *ы*, вм. *ö* — гласный задн. ряда *о*. Передъ согласнымъ представленъ слоговой *р*. Степень раскатовъ не у всѣхъ чувашъ одинакова. Сильно выраженныя вибраціи я наблюдалъ въ говорѣ молодого чувашина изъ Вурман-касов. *д'ер*^{р}*евни*, *пр*^{р}*и*^{ы}*кас*, *тр*^{р}*и*^{ы}, *р*^{р}*о́вно*, *пр*^{р}*а́вда*, *р*$_{о}$*жы*, *р*$_{о}$*в'от*, *пер*$_{о}$*въ*$^{¡}$.

12. На передачѣ согласнаго *х* отражается чувашская фонетика: „*х* = русскому *х*, но произносится болѣе раскрытою гортанью"[1]).

13. Звонкіе согласные произносятся, согласно съ чувашской фонетикой, съ слабо-звучащей струей воздуха: *три* $\overset{д}{п}$*ута*, *му*$\overset{ж}{ш}$*ик*, *ви*$\overset{д}{т}$*иш*, $\overset{с}{з}$*иму*, *¡е*$\overset{ш}{ж}$*ли*.

14. На русскомъ говореньѣ чувашъ отражается основная черта чувашской фонетики: произносятся глухіе согласные вм. звонкихъ и глухихъ въ началѣ слова и въ рединѣ, если согласный не находится въ положеніи между гласными

---

[1]) Н. И. Ашмаринъ, Матеріалы, 15.

или послѣ *р, л, м, н, в, j* и передъ гласнымъ. Если же согласный попадаетъ въ положеніе между гласными или ему предшествуетъ *р, л, м, н, в, j*, а слѣдуетъ за нимъ гласный, то онъ (согл.) произносится съ звучащей струей воздуха. На русскомъ говореньѣ постоянно отражается эта чувашская фонетическая черта, хотя и съ отступленіями. — *пожа вол'а* (Божья воля), *прат* (братъ), *калки* (галки), *ку́ба* (губа), *колосу́јут* (голосуютъ), *та́лй-зол'* (дали соль), *т'е́т'и* (дѣти), *тыжа́т' нил'з'а́* (дышать нельзя), *три-зы́на* (три сына); *про́шлом коту́* (году), *са́тнĕј том* (задній домъ).

15. На передачѣ русскихъ мягкихъ согласныхъ въ рѣчи чувашъ отражается фонетика чувашскаго языка: незначительная степень мягкости согласныхъ передъ гласными. Губные же согласные въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ совсѣмъ утратили мягкость. Въ особенности упорно держатся *k, г*, лишь слегка подвинутые впередъ передъ гласными передняго ряда. Такое образованіе они имѣютъ и въ говорѣ чувашъ, прошедшихъ не только среднюю, но и высшую школу. Такіе же *k, г* представлены и въ русской рѣчи казанскихъ татаръ.

16. Начало слова. Вмѣсто начальнаго *с* передъ гласнымъ представлена аффриката со слабымъ взрывнымъ элементомъ: *$^{т'}$С'естра́. $^{т'}$С'иди́т.*

17. Группа — согл. + *j (i̯)* + гл. — или сохраняется въ такомъ видѣ или измѣняется: *j* ассимилируется съ предшествующимъ согласнымъ; вслѣдствіе этого произносится согласный болѣе длительной артикуляціи, или просто подставляется согласный обычнаго образованія. *пъказа́н'$^{н'}$е, ноч'$^{ч'}$у, пра́т'$^{т'}$а* (братья), *по́жа во́л'а.*

18. Формы флективнаго индоевропейскаго склоненія усваиваются чувашами съ большимъ трудомъ. Только тѣ изъ нихъ, которые хорошо усвоили русскій языкъ, чаще всего путемъ школы, привыкли къ правильному употребленію падежныхъ формъ. Обычное же явленіе представляютъ значительныя отступленія въ образованіи и употребленіи этихъ формъ. Разная формальная сторона склоненія въ тюркско-чувашскомъ и славянско-русскомъ языкахъ, частое расхожденіе въ синтаксическомъ употребленіи падежей затрудняетъ чувашъ въ усвоеніи русскихъ падежныхъ формъ.

а) Чаще всего въ употребленіи форма именительнаго пад. Посредствомъ ея передаются и другіе падежи. Возможно,

что широкому употребленію формъ именит. пад. содѣйствовало то обстоятельство, что въ чувашскомъ языкѣ нерѣдки конструкціи съ формою именит. пад., въ то время какъ въ соотвѣтствующемъ русскомъ переводѣ находились бы формы косвенныхъ падежей.[1]) Нѣсколько примѣровъ: *по́сле база́р*; *кере̌чу́ха надӑ жат'*; *лепе́шка прин'ос; пес карто́шка; семл'а́ дели'т'; ис крибы́* (изъ грибовъ); *с'име̌на́ нет*; *сто коро́пка*; *шес' ту́ша* (6 душъ). *криы пиы с туба* (съ дуба) *положыт' јово́ чука́н* (въ чугунъ), *кот'о́л* (въ котелъ), *ки́п'ати́т' печка* (въ печкѣ), *2 рас, 3 рас, 5 рас.* Изъ ученическихъ тетрадей: *стал рапотат внук и кормил дед; дуга гнут из ива; баба несла вода, ведро пыло тыра; друкие деди писали на детрати . . .*

b) Нерѣдко употребляется форма на *-ом, -ам, -им* не только для творит. ед. и мн., дат. мн., но и для мѣстнаго пад. — *телегам ездят летом, саним ездят зимою; чай пьют из чашком; муку мелют мельницам; она живет в ульям* (изъ тетрадей)*; пуда́м сто ты́сі̌ч'. -ом* и въ формѣ прилагательнаго (нарѣчія) и мѣстоименія: *раном утром, едом ярмарке* (на этой ярмаркѣ; изъ тетрадей).

Частое употребленіе формъ съ окончаніемъ на *-м* находится въ связи съ весьма широкимъ употребленіемъ творит. и дат. пад. въ чувашскомъ языкѣ. Разъ усвоено значеніе окончанія *-м*, какъ элементъ для передачи дат. и твор., то съ этимъ элементомъ стали употребляться формы въ русскомъ говореньѣ согласно съ чувашскимъ синтаксисомъ.[2])

c) Характерной чертой для русского языка чувашъ является частая передача формы безъ предлоговъ *в, к* (см. примѣры выше). Но предлоги *от, из, без, при, до, с* въ рѣчи не опускаются. Разумѣется, встрѣчаются и отступленія въ употребленіи этихъ предлоговъ. Напр. *он* [курица] *полезный от яйца* (тетр.); *л'ага́л с ја́цјы* (подъ яйца). На безпредложныхъ передачахъ падежныхъ формъ отражается формальная система чувашскаго языка, какъ языка тюркскаго, незнающаго предложныхъ конструкцій.

d) — *чайник ручка была горячо* — (чайная ручка была горяча; тетр.). Черта чувашской конструкціи: сочетаніе, со-

---

[1]) Н. И. Ашмаринъ, Опытъ изслѣдованія чувашскаго синтаксиса I. (Казань 1903) стр. 102—103.

[2]) Объ употребленіи дат. и твор. въ чувашскомъ языкѣ ср. въ „Опытѣ изслѣдованія чуваш. синт.“ Ашмарина, 148—211, 348—378.

ставляющее одну сложную форму существительнаго. — *арак — хоранĕ* = раковина; *ăрак* (ракъ) + *хоран* (котелъ) и др.

19. Въ чувашскомъ языкѣ категоріи грамматическаго рода не различаются. Въ зависимости отъ этого въ русскомъ говореньѣ чувашъ происходитъ постоянная путаница въ передачѣ рода. — *сын не пила чаj; сат моjа́; жена умер; хоз'а́jкă вес' зимъболе́л; шона оди́н; баба было рат; одна́ ле́та, е́тот врем'а* и др.

20. Глаголъ. *a) чоса́т-чоса́т* (чешется). Въ такой передачѣ отражается чувашская черта — выраженіе повторяющагося, учащательнаго дѣйствія посредствомъ удвоенной формы. Напр. *сăх-сăх* (креститься; *сăх* — клевать), *kарт-kарт* (зарубать зарубку). Подобное явленіе представляетъ также турецкій языкъ.

b) Смѣшеніе основъ инфинитива и наст. вр.: *ты гнаш скотину, ты ехаш на басаре, ты ситеш* (изъ тетр.). *пaха́j! шона́ пла́kат* (взяты основы инф.); *не будут дератся* (тетр.; осн. наст.).

c) Любопытное окончаніе представлено въ формѣ 3. мн. основъ на *-а: а + ет: сопирает, старики слышает плохо* (изъ тетр.).

d) Будущее вр. передается при помощи формъ *буду*... + инф. какъ для глаголовъ несовершеннаго, такъ и соверш. вида: *jа не буду вз'ат' jово́* (я не возьму его). Формы *дадут пуст'ат* и т. под. употребляются въ значеніи наст. вр.

e) Личныя окончанія употребляются чувашами правильно, но различеніе ихъ по числамъ часто не проводится. Чаще представлены элементы категоріи множ. ч. — *дади́м* (дамъ), *вез'о́м* (везу), *не дадут* (не даетъ), *Микула́j* (Романовъ), *живу́т-ли нет-ли? jа ве́шылĭ мука.*

f) Видовое различеніе глагола отсутствуетъ. — *пу́ст'ат* (= пускаютъ), *паза́р кончи́м* (= кончаемъ) *полде́н'. саго́н не дава́л* (= недалъ), *начал сознатца* (= сознаваться), *карто́шка рыт начина́ли уш* (= начали ужъ).

g) Значеніе формъ глаголовъ на *-ся* не различается отъ формъ безъ *-ся*. Преимущество на сторонѣ послѣднихъ формъ: *вы трудите* (= трудитесь), *ко́нчил* (= скончался), *сын женил* (= женился), *ло́жат' оста́н'ăл* (= лошадь остановилась), *учил* (= учился). Но — *ты весёшся воз сена. Ды читаешься книга* (изъ тетр.).

21. Удареніе. Относительно мѣста ударенія приходится отмѣтить, что отступленія въ этомъ отношеніи рѣдки. Чуваши правильно усваиваютъ мѣсто ударенія въ словѣ. Повидимому, близкая природа ударенія, концентрація выдыхательной энергіи на ударенномъ слогѣ и ослабленіе образованій неударенныхъ гласныхъ способствуетъ правильному усвоенію мѣста русскаго ударенія.

Москва. Іюль 1923.

А. Селищевъ.

Композиция Слова о полку Игореве.

Для уяснения поэтического миросозерцания автора Слова о полку Игореве важно не только правильное понимание всех образов, связанных в нем с поэзией, но и вообще целостное толкование всей вводной части памятника. Слово открывается раздумьем поэта о том, как начать песню. Это раздумье о путях творчества и о поэтической форме очень важно. Оно свидетельствует, что автор Слова не народный певец, а поэт с ярко выраженной индивидуальной рефлексией. Еще Потебня, по поводу начальных слов памятника: „Не лѣпо ли ны бяшетъ" . . . заметил в своем комментарии: „Такая рефлексия, сколько известно, не свойственна народной поэзии".[1]) Глубокая осознанность поэтического творчества Слова заставляет нас с особо серьезным вниманием отнестись к тому, как сам автор смотрел на свое произведение. Большинство исследователей удовлетворяются наблюдением, что автор называет его то повестью, то песнью, и молчаливо предполагают, что оба эти выражения употреблялись им без существенного различия в смысле. Но Барсов идет дальше и делает определенные заключения о том, как сам автор Слова смотрел на свое произведение. „Автор Слова, говорит он, не предназначал для струн своего произведения, относя его к разряду исторических повестей; но в силу подражания Бояну, его повесть невольно приняла песенный характер".[2])

Решение затронутого вопроса тесно связано с комментарием самого текста, который отстаивается главным образом Потебней и Огоновским. Но прежде всего, безотчетное применение выражений: „повесть" и „песня" в Слове едва ли допустимо в виду соображений общего характера — о глубоком поэтическом самосознании автора. Затем толкование Огоновского и Потебни — недостаточно обосновано и ему с большею

---

[1]) А. А. Потебня. Слово о полку Игореве, 2-е издание, Харьков, 1914, стр. 4.
[2]) Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве, как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I, Москва 1887., стр. 305.

убедительностью можно противопоставить комментарий Дубенского, кн. Вяземского и Всев. Миллера. Разногласие относится к самым первым словам памятника: „Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! (1)[1]. Потебня и Огоновский считают „трудныхъ повѣстій“ — родительным разделительным или родительным „ограниченного влияния“, стоящим в зависимости от глагола „начати“. Возможность такой конструкции Потебня мотивирует только поздним белорусским выражением „караваю начаци“, т. е. коровай месить и пр.[2]) Аналогия мало убедительная, примеров же из древней русской литературы совсем не приводится. Наоборот, словосочетание самого памятника не в пользу род. пад. после „начать“, так как дальше встречаем винительный: „Почнемъ же, братіе, повѣсть сію“... (5). Проще понимать, что родит. „трудныхъ повѣстій“ ближайшим образом определяет старые словеса, и слово „начяти“ или совсем стоит без прямого дополнения, или подразумевает при себе дополнение „пѣсню“. Смысл становится вполне ясным, если изменить порядок слов: „Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича, старыми словесы трудныхъ повѣстій“. Предметом спора между комментаторами служит и слово „трудный“. Огоновский, Потебня, Тихонравов и С. К. Шамбинаго вслед за первыми издателями понимают его в смысле „печальный“ („прискорбную повесть“ — в изд. 1800 г.). Но слово „труд“ употреблялось в древней русской литературе не только в значении: тяжесть, болезнь, печаль, но и в значении: борьба, подвиг, деяніе, воинский труд. Прекрасную цитату в пользу этого привел Вс. Миллер из Галицко-Волынской летописи под 1227 г.: „начнемь же сказати безчисленныя рати, и великыя труды, и частыя войны и т. д.“[3]) Здесь, конечно, имеются в виду „ратные труды“. В пользу понимания слова „труд“ в смысле, „ратный подвиг“ могут быть приведены

---

[1]) Цитаты привожу по первому изданию; цифры в скобках указывают страницу; все исправления текста оговариваются особо. Новейшее точное воспроизведение первого изд: Слово о полку Игореве. Снимок с первого издания 1800 г. гр. А. И. Мусина-Пушкина под ред. А. Ѳ. Малиновского. С приложением статьи проф. М. Н. Сперанского. Москва. Издание М. и С. Сабашниковых. 1920 г.

[2]) А. А. Потебня. Слово о полку Игореве, стр. 6.

[3]) Всев. Миллер. Взгляд на Слово о полку Игореве. Москва, 1877 г., стр. 180.

и другие свидетельства. Так в житии Авраамия Смоленского, написанном в XIII ст. учеником его Ефремом, читаем: „яко же бо царь по многыхъ побѣдахъ и трудѣхъ на болшиі санъ и честь възводить своего воина“ ...[1]) И следовательно, „трудныя повѣсти“ надо понимать как повести о ратных трудах, или ратные, героические повести. Так толковалось это место не только Вс. Миллером, но еще раньше Дубенским и кн. Вяземским. Таким образом речь идет о роде литературных произведений, в духе которых автору Слова хотелось бы начать свою песню. Если же „трудныя повѣсти“ относить непосредственно к Слову о полку Игореве, и „трудный“ понимать как печальный, то странно во-первых множественное число „повѣстій“, а во-вторых характеристика Слова как „печальной повѣсти“ не соответствовала бы духу радостной песенной славы, завершающей памятник.

Отождествляя „старые словеса“ с замышлением Бояна, исследователи думают, что автор Слова сознавал две возможности творчества: либо в духе старых словес и замышления Бояна, либо по былинам сего времени. На самом деле перед поэтом открывались не два, а три пути. Один из них обозначается, как повествование „старыми словесы трудныхъ повѣстій“, т. е. в духе старинных ратных повестей. Другой — называется песнью „по былинамь сего времени“. Третий — песнью „по замышлению Бояню“. Автор колеблется между этими поэтическими возможностями и сначала пробует то одну, то другую, то первую, то третью, пока не останавливается на второй. Проба первой дается в отрывке, начиная со слов: „Почнемъ же, братіе, повѣсть сію“ ... (5) до обращения к Бояну: „О, Бояне“ ... (6). Проба третьей — в обращении к Бояну до стиха: „Трубы трубять въ Новѣградѣ“ ... (7). И наконец, самая песня о современных деяньях и в их духе начинается именно с этих слов: „Трубы трубять въ Новѣградѣ“ ... (7). Таким образом автор считает свое творение песнью. И заключительные стихи Слова подтверждают это настолько, что устраняют всякое сомнение: „пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти[2]). Слава Игорю Святъславлича, Буй-

---

[1]) Жития преп. Авраамия Смоленского и службы ему. Приготовил к печати С. П. Розанов. Памятники древне-русской литературы. Вып. I. Спб. 1912 г. стр. 17. (Изд. Отделения русского яз. и слов. Академии Наук).

[2]) В I изд. точка перед сл.: „Пѣти“.

туру Всеволодѣ, Владиміру Игоревичу" (46). Только песня могла закончиться провозглашением песенной славы. Таким образом подобно тому, как в упоминании трудных повестей разумеется особый род повествовательных произведений, а не самое Слово, так и далее в словах: „Почнемъ же, братіе, повѣсть сію"... (5), выражение „повѣсть" нельзя относить к самому памятнику непосредственно, оно относится только к данной литературной попытке в повествовательном духе, которая обрывается через несколько строк. Что это простая проба стиля, видно из дальнейшего: в самой песне автор начинает рассказ снова и опять говорит о затмении. Стилистическим анализом отрывка от слов: „Почнемъ же, братіе, повѣсть сію"... до обращения к Бояну вполне подтверждается предлагаемый комментарий. Ни одно место Слова не насыщено так обильно различными оборотами героических повестей. В самом деле: *а)* „Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря"; аналогичное выражение встречается в Слове о погибели русской земли: „а въ ты дни болѣзнь кристияном от великаго Ярослава и до Володимера, и до ныняшняго Ярослава и до брата его Юрья князя Володимерьскаго".[1] Далее: *б)* „и поостри сердца своего мужествомъ" — параллель можно найти в древнем переводе повести Іосифа Флавия о разореніи Іерусалима: „Подъострите души ваша на мьсти"[2]; *в)* „наплънився ратнаго духа" — типичное выражение, встречается и в повести Іосифа Флавия: „исполнив'шеся ратьнаго духа"[3] и в повести об Александре Невском: „исполнишася духа ратна"[4]; *г)* „и рече Игорь къ дружинѣ своей"; — в сказании о Борисе и Глебе: „И рече Болеславъ дружинѣ своей"[5]; *д)* „луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти" — хотя отдаленно, но все же напоминает слова

---

[1]) Слово по изд. Серебрянского в книге: „Древнерусские княжеские жития". Тексты, стр. 109. (Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских при Московск. университете, 1915 г., кн. 3). — Сопоставление сделано еще Х. М. Лопаревым. Слово о погибели русскыя земли. Памятники древней письменности, LXXXIV, 1892 г., стр. 24.

[2]) Барсов. Слово о полку Игореве, как художественный памятник Киевской дружинной Руси, I, стр. 261.

[3]) Ibid., стр. 261.

[4]) В. Мансикка. Житие Александра Невского, Памятн. древн. письм., CLXXX, 1913 г., стр. 43.

[5]) Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Приготовил к печати Д. И. Абрамович. Памятники древне-русской литературы, вып. 2-ой. Издание Отделения русского яз. и словесности Академии Наук. Петроград, 1916, стр. 46.

вел. кн. Юрия Рязанского в Повести о приходе Батыевой рати на Рязань: „Лутче намъ смертію живота купити,... нежели в поганой воли быти“[1]), *е)* наконец, летописные параллели к выражениям „копіе преломити“ и „испити шеломомь Дону“ были указаны еще в лекциях Тихонравова и у Дубенского, а именно. В летописи под 1151 г. Андрей Юрьевич „возма копье, ѣха напередъ и съѣхася прежде всѣхъ, и изломи копье свое“ (П. С. Р. Лет., I, стр. 144).[2]) А в Волынской летописи о Владимире Мономахе сказано, что он „пилъ золотымъ шеломомъ Донъ, пріемше землю ихъ (Половцевъ) всю“.[3])

Таким образом автор Слова о полку Игореве на деле осуществил то, что представлял себе привлекательной возможностью в первых словах памятника: не начать ли нам, братья, о полку Игореве старыми словами ратных повестей. Именно так он и попробовал начать. Но эта попытка его не удовлетворила. Оно борвал свой плавный рассказ обращением к Бояну, и увлеченный представлением о широком размахе его творчества, пропел два запева в его духе: „Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галицы стады бѣжать къ Дону великому“. Чили въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовь внуче: „Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ“ (6, 7). Но помня, что песня должна начинаться по былинам сего времени, т. е. в духе современной ему действительности, а не по замышлению Бояна, он сразу же перешел к этой действительности и запел о сборах в поход в Новгороде Северском и Путивле: „Трубы трубять въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ“ и т. д.

Таким образом вводная часть Слова о полку Игореве имеет сдедующий состав: 1. Раздумье поэта о том, как начать песню; 2. воспоминание о Бояне; 3. попытка начала в повествовательном духе; 4. обращение к Бояну и примеры Боя-

---

[1]) И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. I—XL. Спб. 1867. XXXIX. Повесть о разорении Рязани Батыем.

[2]) Н. С. Тихонравов. Лекции. Разбор Слова о полку Игореве. 1879—80. Литогр. изд. Пользуюсь случаем принести глубокую благодарность акад. М. Н. Сперанскому за предоставление мне этих лекций, а также и других материалов Тихонравова по Слову.

[3]) „Слово о плъку Игоревѣ, Святъславля пѣстворца стараго времени“ объясненное по древним письменным памятникам магистром Дмитрием Дубенским. Москва, 1844, стр. 21, 22. — Ср.: Тихонравов. Лекции. 1879—80 г.

новских запевов, с которыми сливается начало самой песни. Данное понимание вводной части Слова не только уясняет е поэтический смысл, но и освобождает исследователей от необходимости предлагать здесь те или иные перестановки текста, в роде хотя бы той, которая еще в 1916 г. была предложена акад. А. И. Соболевским.[1])

Итак, автор Слова о полку Игореве смотрел на свое роизведение как на песню, а не повесть. И этой песне он редпослал не простое введение, не простой запев, а целую оэтическую прелюдию.

* * *

Теперь мы подходим к более общей и еще более сложной роблеме — композиции Слова о полку Игореве в целом.

В литературе существует мнение, что памятник не представляет собою полного художественного и авторского единства. Еще такой тонкий комментатор Слова, как Потебня, отстаивал ысль, что в Слове не только многое стоит не на своем месте, о что текст осложнен амплификациями, ведущими свое происхождение от черновой рукописи, „писанной автором или его слов, снабженной приписками на полях, заметками для памяти, поправками, вводившими переписчика в недоумение относительно того, куда их поместить“. „Для самого втора, продолжал Потебня, могло быть неясно, какие из мплификаций первоначального текста окажутся нужными, какие излишними при окончательной редакции, до нас неошедшей или вовсе неосуществленной“.[2]) Большая часть поправок Потебни, вызванных этими соображениями, относится, конечно, к области критики текста. Но в одном случае его ипотеза получает применение композиционного характера. А именно, он думает, что весь отрывок Слова об Олеге Святославиче со слов: „Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше“... 15) и кончая словами: „То было въ ты рати и въ ты плъкы“... 17), является отступлением, нарушающим живость изложения, поэтому, быть может, вставкой, взятой из другого неизвест-

[1]) Речь идет о перестановке отрывка от слов: „О, Бояне...“ до: Тогда вступи Игорь...“ и помещении его перед словами: „Тогда Игорь ъзрѣ...“ См. об этом в статье А. И. Соболевского. Материалы и заметки о древне-русской литературе. Известия Отделения русского яз. и словесости Акад. Наук, 1916 г., кн. 2, стр. 210—211.

[2]) А. А. Потебня. Слово о полку Игореве. Текст и примечания, 2-ое зд. Харьков. 1914 г. стр. 2.

ного сочинения, сделанной автором при вторичной редакции для памяти. „При окончательной редакции она могла бы быть вновь выкинута“.[1])

Мысль Потебни, осторожно высказанная, получила крайнее и одностороннее развитие у известного галицийского ученого Ивана Франка. В своей статье „Die Komposition des „Слово о плъку Игоревѣ“, напечатанной в журнале Archiv für slavische Philologie“, B. 29, 2, 3 Heft, 1907, S. 299—304, он заявил с большой категоричностью, что ученые сберегли-бы много усилий, если бы стали рассматривать памятник не как цельное художественное произведение, а как трактат, механически составленный из различных песен и quasi- ученых заметок „als einen aus verschiedenen Liedern und quasi-gelehrten Noten mechanisch zusammengesetzten Traktat (Слово)“.

По мнению Франка, в составе Слова о полку Игореве находится прежде всего песня о походе Игоря, без начала, с прерывающимся, фрагментарным изображением битвы на Каяле, с вдохновенным призывом к современным князьям, плачем Ярославны и изображением бегства Игоря. Эта песня, отличающаяся высокой поэтической ценностью, была сложена до смерти Ярослава Осмомысла (в 1187 г.). Затем в состав памятника входит древняя песня о Всеславе Полоцком, сложенная вскоре после его смерти в 1001 г.; а также ряд фрагментов отдельных песен, а именно: песни о смерти Изяслава, песни о походе двух русских князей на Тмуторакань, цитируемой в качестве толкования сна Святослава, и наконец отрывок песни-причитания русских жен. Отдавая должное поэтическим достоинствам указанных песен и песенных фрагментов, исследователь очень резко отличает от них писательскую работу того редактора, который использовав указанный материал художественных произведений, механически составил из него то, что мы знаем в качестве Слова. Так Франко думает, что этот редактор удалил прежнее начало песни об Игоре, где, быть может, рассказывалось о событиях, предшествовавших затмению, и поставил вместо него свое quasi-ученое, на деле же весьма реторичное введение. Далее, остальные части Слова, кроме указанных выше песенных его элементов, представляют собою — то различные отрывки из

[1]) Ibid., стр. 51.

роник, бессистемно собранные, то прозаический комментарий. Io мнению Франка, поздний компилятор, чуждый поэзии, ыл проникнут лишь одной idée fixe о том, что котора крамола составляют главное зло русского строя; по этой ысли можно узнать принадлежащие ему вставки: к числу х Франко относит и упомянутый нами отрывок об Олеге вятославиче, называя его вставкой довольно беспорядочной „ein ziemlich konfuses Einschiebsel").

Таким образом итог рассуждений Ив. Франка можно ормулировать как полное отрицание поэтической композиции лова: ее не было, вместо нее была работа какого-то компиляора-книжника, тенденциозно обработавшего ранее созданный оэтический материал. Подобным выводом Ив. Франко сберег, онечно, много труда; но самый вопрос оказался не столько азрешенным, сколько устраненным. Поэтому новое рассморение его — неизбежно, в особенности для того, кто соверенно не может разделить предпосылки о компилятивной еханичности Слова.

Конечно, понять Слово о полку Игореве, как единое огическое и художественное целое, было задачей большинства го исследователей; но специально на вопросе о композиции амятника останавливались сравнительно немногие. Наиболее азработанную схему Слова, как известно, находим у Барсова[1]), бихта[2]) (в его работе, появившейся еще в 1895 г.) и у . К. Шамбинаго[3]). Все названные исследователи согласны том, что Слово состоит из вступления, нескольких главных астей и заключения. Гранью вступления Барсов считает лова: „Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владиера до нынѣшняго Игоря" (5). Абихт считает вступление о слов: „Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце..." (5). акже С. К. Шамбинаго. Свой взгляд на состав и смысл водной части памятника мы уже высказали, считая ее гораздо олее обширной и сложной. Заключение памятника не вызы-

---

[1]) Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве, как художественный памятник иевской дружинной Руси, т. II, М. 1887 г., стр. 1—81.

[2]) Dr. Rudolf Abicht. „Слово о плъку Игоревѣ". Das Lied von der Heerchaar Igorj's. Abdruck der editio princeps nebst altslovenischer Transscription nd Commentar. Leipzig. 1895, S. 29—31.

[3]) С. К. Шамбинаго. Слово о полку Игореве. Универсальная Библіоека, № 572, стр. 46—48. — С. К. Шамбинаго. Слово о полку Игореве, татья в Истории русской литературы до XIX в., под ред. А. Е. Грузинкого, изд. Т-ва Мир, Москва, т. I.

вает особых вопросов. Барсов видит его в последних строках, начиная со слов: „Пѣвше пѣснь старымъ княземъ . . .“ (46); Абихт и С. К. Шамбинаго несколько раньше, а именно с изречения Бояна: „Рекъ Боянъ . . .“ и т. д. (44). Мы готовы присоединиться к этому последнему мнению и мотивы в пользу него укажем в процессе дальнейшего анализа.

Первое наиболее удачное деление Слова на главные части было предложено Барсовым. Кроме вступления и заключения, весь памятник, по мнению его, состоит из следующих основных частей: I Самый поход Игоря с его последствиями. II Сон Святослава и его золотое слово. III Плач Ярославны и спасение Игоря.

С. К. Шамбинаго принял деление памятника на три главные части, с тем отличием, что вторую часть он понял как „Песню о великом Святославе“ и обратил внимание на законченность отдельных более мелких частей Слова, которым также дал название песен. В его истолковании „Слово“ явилось своего рода художественной ассоциацией отдельных песен, не имеющей центрального героя, но внутренно связанной единой идеей — желанного единения русской земли и выражающей впечатление „буйного“ Игорева похода, который и лежит в основании произведения, названного „Словом“ о полку, о походе. В развитие своего взгляда С. К. Шамбинаго[1]) дал прекрасное изложение памятника.

Моя задача будет заключаться в том, чтобы считаясь с достигнутым в существующей литературе, сделать свою попытку деления памятника с целью приблизиться к уяснению принципов его структуры и композиционных приемов его творца.

Мне думается, что первая главная часть „Слова“, посвященная изображению похода Игоря с его последствиями, может быть разделена на 12 более мелких частей, которые большею частью являются отдельными строфами, а именно:

1. Встреча Игоря с братом Всеволодом. Она содержит разговор братьев и изображение воинственности пришедших с Всеволодом дружинников-курян. Строфа заканчивается рефреном: „ищучи себе чти, а князю славы“[2]) (8).

---

[1]) С. К. Шамбинаго. Слово о полку Игореве. Статья в Истории русской литературы до XIX в. Изд. Т-ва Мир. Москва, т. I., под ред. А. Е. Грузинского, стр. 170—187.

[2]) В I изд.: славѣ.

2. Выступление в поход. Здесь развертывается картина зловещих предзнаменований, сразу же обступивших Игоря и его войско. Жуткое предчувствие звучит в рефрене: „О руская земле! уже за шеломянемъ еси“ (10).

3. Ночь накануне битвы с половцами. Это — короткая строфа, изображающая долго жданный рассвет и приготовления к бою. Рефрен тот же, что и в первой строфе: „ищучи себѣ чти, а князю славы“ (10).

4. Победа над половцами в первый день. Картина победы и трофеев заканчивается рядом восклицаний, в которых слышится глухая тревога за судьбу далеко залетевшего Ольгова храброго гнезда („... Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! не было оно[1]) обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чрьный воронъ, поганый Половчине! Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ; Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому“ (11).

5. Мрачные презнаменования с утра другого дня. Все предвещает великий бой на реке Каяле, у Дона великого. Снова раздается прежний мрачный рефрен: „О Руская землѣ! уже за[2]) шеломянемъ еси!“ (12).

6. Картина боя. Летят тучи стрел, земля гудит, реки помутились. Половцы обступили со всех сторон. Рефрен подчеркивает однако упорное сопротивление храбрых русичей: „а храбріи Русици преградиша чрълеными щиты“ (13).

7. Героизм Всеволода. Начинаясь с обращения к Всеволоду: „Яръ туре Всеволодѣ!“ (13), строфа восторженно изображает его храбрость и заканчивается восклицанием: „Кая рана[3] дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милыя хоти красныя Глѣбовны свычая и обычая?“ (13, 14).

8. На этом кульминационном пункте боя на Каяле последовательное изображение прерывается. Поэт уносится мыслью к отдаленным временам, к событиям вековой давности. Эти воспоминания составляют 8-ую часть: ее можно назвать песнью об Олеге Святославиче. Несмотря на особый сюжет, песня эта самым тесным образом связана с теми картинами боя, среди которых она находится. Переносясь мыслью в про-

---

[1]) I изд.: небылонъ.
[2]) I изд.: не.
[3]) I изд.: раны.

шлое, поэт все же не отрывается от своей почвы, не покидает своей точки зрения. На это указывает дважды встречающееся: „тогда“: „Тогда при Олзѣ Гориславличи“ . . . (16). „Тогда по Руской земли“ . . . и т. д. (17). И наконец, заключительное восклицание всей песни еще лишний раз свидетельствует, что она введена для более яркого воплощения той же современности: „То было въ ты рати, и въ ты плъкы, а сицей[1]) рати не слышано!“ (17).

9. Эта часть представляет собою строфу, возобновляющую прерванное описание битвы и изображающую поражение на третий день боя. Рефрен ее выражает сочувствие природы поражению Игоревой рати: „Ничить трава жалощами, а древо съ тугою[2]) къ земли преклонилось“ (18, 19).

10, 11 и 12 части — представляют собою строфы, поющие о последствиях Игорева похода. Первую из них можно назвать Дева-Обида: Обида, олицетворенная в образе полумиѳической девы, плеском своих лебединых крыльев пробуждает для русской земли тяжелые времена, полные усобиц и крамолы. Рефрен звучит роковой непоправимостью происшедшего: „А Игорева храброго плъку не крѣсити!“ (20). Вторая строфа полна горя, разлившегося по русской земле и выраженного похоронным причитанием русских жен. Заключительная часть строфы, хотя и не отличается обычной четкостью, но несомненно носит в себе элементы рефрена, так как с некоторой вариацией повторяет слова, находящиеся в конце предшествующей строфы: „А князи сами на себе крамолу коваху; а поганіи сами побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора“ (21) [сравни выше: „И начяша князи про малое „се великое“ млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати, а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую“ (19)]. Последняя строфа всей первой главной части памятника оплакивает бесславие Игоря. На фоне сопоставления с великим князем Святославом Киевским, славу которого воспевают даже чужестранцы, поэт с горечью говорит, что Игорь загубил бесценное богатство на дне Каялы и свое княжеское седло променял на седло пленника-раба. Не могу согласиться с теми исследователями, которые эту строфу относят не к предыдущему а к последующему, полагая, что она служит введением к следу-

---

[1]) I изд.: сице и.
[2]) I изд.: стугою.

ющей главной части памятника, начинающейся сном Святослава. Центр тяжести этой строфы не в восхвалении Святослава, а в горьком чувстве по поводу бесславия Игоря. На это указывает начало строфы: „Тіи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста[1]) которою[2])“ ... (21) ... и еще более конец с унылым рефреном, выражающим отклик на несчастие Игоря: „Уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче“. (22).

Вторая главная часть Слова заключает в себе сон в. кн. Святослава и его обращение к князьям. Она также состоит из 12 более мелких частей.

1. Великий князь Святослав рассказывает боярам свой вещий сон. Рассказ заканчивается темным, плохо сохранившимся местом текста, которое вызвало бесконечный ряд объяснений и, вероятно, навсегда останется неуясненным.

2. Ответ бояр, осторожно раскрывающий, что смысл вещего сна относится к поражению на реке Каяле, составляет вторую часть. Ввиду заключительного восклицания: „А мы уже, дружина, жадни веселія!“ (26) — ее можно считать строфой.

Затѣм идет золотое слово Святослава, состоящее из обращения к племянникам Игорю и Всеволоду с отеческим укором за самонадеянность и поспешность и к другим князьям с призывом вступиться за землю русскую, за раны Игоревы. Каждое из обращений представляет собою строфу.

3. Строфа к Игорю и Всеволоду начинается восклицанием: „О, моя сыновия Игорю и Всеволоде! (26) и после слов укора заканчивается выражением тяжести переживаемого и откликом на продолжающееся нашествие половцев, во время которого тяжело ранен Владимир Глебович Переяславский. Заключительное восклицание выражает сочувствие ему: „Туга и тоска сыну Глѣбову!“ (28).

4. Строфа с обращением к великому князю Всеволоду начинается аналогично: „Великый княже Всеволоде!“ (28). Конец строфы созвучен с концом предшествующей: „Ты бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы!“ (29).

Строфы 5) к Рюрику и Давыду; 6) к Ярославу Осмомыслу; 7) к Роману и Мстиславу; 8) к Мстиславичам — все начинаются

---

[1]) I изд.: убуди.
[2]) I изд.: которую.

соответствующими обращениями-восклицаниями: *а)* „Ты, буй Рюриче и Давыде!“ (29), *б)* „Галичкы Осмомыслѣ Ярославе!“, (30), *в)* „А ты, буй Романе и Мстиславе!“ (31), *г)* Инъгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи“ . . . (32). Из этих четырех строф три, а именно первые две и четвертая завершаются одинаковыми рефренами: „за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святславлича“. Лишь в первом случае этот рефрен несколько варьируется: „за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святславлича“ (29, 30). Третья строфа, хотя и не имеет заключительного рефрена, но перед самым концом своим воспроизводит рефрен, знакомый нам по первой главной части памятника: „а Игорева храбраго плъку не крѣсити!“ (32). Одни полоцкие князья недостойны призыва к участию в обще-русском деле. Поэтому негодующее обращение к ним осложнено двумя вставными песнями: одна из них о настоящем, другая об отдаленном прошлом; первая песня, предшествующая строфе с обращением, — изображает доблестную смерть современного полоцкого князя Изяслава, покинутого братьями и погибшего в борьбе с Литвою; вторая, следующая за обращением, вспоминает славные подвиги деда полоцких князей Всеслава. Сопоставление этих песен должно еще резче оттенить, насколько полоцкие князья, внуки Всеслава, оказались недостойными славы своего деда.

9. Песня об Изяславе Полоцком, составляющая девятую часть, заканчивается мрачным рефреном, оплакивающим одинокую смерть князя и напоминающим один из рефренов в первой части Слова: „Унылы голоси, пониче веселіе. Трубы трубятъ Городеньскіи“ (34).

10. Следующая затем краткая негодующая строфа к полоцким князьям открывается обращением: „Ярославе и вси внуце Всеславли!“ (34). Хотя у этой строфы нет настоящего рефрена, но окончание ее заключает в себе явную антитезу к рефрену предыдущих обращений: там князья призывались „за землю Рускую, за раны Игоревы“, а здесь внукам Всеслава бросается в лицо укор: „Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которою[1]) бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи!“ (35).

11. Песня о Всеславе Полоцком вводится так же, как и песня об Олеге Святославиче в первой главной части Слова,

[1]) I изд.: Которое.

. е. упоминанием о Трояновых временах; там: „Были вѣчи роями“... (14); здесь: „На седьмомъ вѣцѣ Трояни“... (35). В конце приводится припевка Бояна.

12. Последняя строфа всей второй главной части Слова делает грустный вывод из сопоставлений настоящего с прошлым и открывается восклицанием: „О! стонати Руской земли, помянувше пръвую годину, и пръвыхъ князей“ (37).

Третья главная часть Слова — Плач Ярославны и спасение Игоря из плена — значительно короче двух первых и может быть разделена лишь на восемь мелких частей. Прежде всего идут четыре строфы плача Ярославны. Каждая начинается запевом:

1. Первая — „Ярославнынъ гласъ слышитъ, зегзицею незнаемь рано кычеть“ (37).

2. Вторая с обращением к ветру: „Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи“ (38).

3. Третья с обращением к Днепру имеет тот же запев лишь небольшой вариацией: „Ярославна рано плачеть Путивлю ороду на забороле, аркучи“ (38).

4. Четвертая с обращением к солнцу имеет точно такой же запев, что и вторая. — Звуковая вариация в запеве третьей строфы состоит лишь в замене кратких старославянских форм — полногласными русскими, и, конечно, должна быть бережно сохранена в памятнике от нивелирующих исправлений в ту или другую сторону.

5. Следующая часть представляет собою изображение бегства Игоря из плена. Прерывистые фразы передают внутреннее волнение: здесь слышится и страх и напряжение всех сил и радость возможного избавления. Слишком сильно бьется сердце: не даром в этой части нет ни запева, ни рефрена, вообще никакого лирического восклицания, которые дали бы исход поднявшейся душевной тревоге.

6. Только в следующей строфе, передающей разговор Игоря рекою Донцом, тревога постепенно успокаивается. Вражеская земля осталась далеко позади и слова Донца и Игоря начинаются аналогичными обращениями: „Донецъ рече: „Княже Игорю!“... Игорь рече: „О Донче!“... (41).

7. Лишь для того, чтобы оттенить все счастье и удачу переправы Игоря через сочувствовавший ему Донец, вводится

краткая песня о юноше кн. Ростиславе, погибшем в давние времена при переправе через реку Стугну, спасаясь от преследования половцев. Рефрен вторит печальному воспоминанию: „Уныша цвѣты жалобою, и древо съ тугою[1]) къ земли прѣклонилось[2])“ (42, 43), и отдаленно напоминает один из рефренов в первой главной части Слова, относившийся к былому несчастию Игоря (ср.—18, 19).

8. Последняя восьмая часть изображает позднюю погоню половецких ханов и состоит главным образом из разговора Гзы с Кончаком, отказывающимся от мысли нагнать Игоря и задумывающим опутать его сына брачными узами. Слова ханов, построенные в симметричные предложения, вводятся аналогичными вводными словами: а) „Млъвитъ Гзакъ Кончакови“ . . . б) „Рече Кончакъ ко Гзѣ“ . . . в) „И рече Гзакъ къ Кончакови“ . . . (43, 44).

Финал Слова состоит из двух частей. В первой припоминается изречение Бояна, сказанное по другому поводу, а теперь применяемое к Игорю, и выражается ликование по поводу возвращения Игоря на Русь. Восклицание: „Страны ради, гради весели“ (45, 46) служит концом строфы. Во второй и последней строфе финала провозглашается слава молодым князьям. В пользу отнесения не только второй, но и первой строфы к заключению Слова может служить сопоставление с вступительной частью: как та полна воспоминаний о Бояне и его запевах, вновь применяемых, так и здесь уместно изречение Бояна, получающее теперь новый смысл.

Предложенная интерпретация памятника дает возможность установить важнейшие принципы его структуры. Прежде всего необходимо отметить применение принципа трех-частного деления, широко распространенного в искусстве. Весь памятник состоит из прелюдии, главной части и финала. Главная часть в свою очередь распадается на три основные части. Трехчастный принцип построения наблюдается и в других случаях: битва с половцами изображается как длившаяся три дня, плач Ярославны, хотя состоит из 4-х строф, представляет собою обращение к ветру, Днепру и солнцу, которое к тому же названо тресветлым; разговор половецких ханов также облечен

---

[1]) I изд.: стугою.

[2]) I изд.: прѣклонило.

трехчленную форму; трех-членность обильно применяется в деталях построения: в примерах нет надобности.[1])

Далее, как три основные части Слова, так и составляющие их более мелкие композиционные единицы отличаются е только логической и художественной законченностью, но чисто формальной завершенностью. Из двенадцати строф ервой части семь имеют несомненные рефрены. Первая строфа оединена общим рефреном с третьей, вторая с пятой; рефрен евятой строфы имеет себе соответствие в третьей главной части амятника, в песне о кн. Ростиславе; рефрен десятой строфы — о второй главной части, в обращении к Роману и Мстиславу; наконец, рефрену двенадцатой строфы отвечает рефрен песни б Изяславе Полоцком. Таким образом рефрены связывают е только строфы одной и той же главной части между обою, но и со строфами и песнями двух других главных астей. Остальные строфы первой части, а также песня об Олеге Святославиче заканчиваются, если не рефренами в настоящем смысле слова, то восклицаниями, имеющими характер ефренов. В одном случае, а именно в строфе 11, элемент ефрена, как видели мы, недостаточно ясен, но зато вся строфа лужит эпическим фоном для вставленного в нее плача-причиания русских жен, который вводится своего рода запевом, редвосхищающим Плач Ярославны: „Жены Рускія въсплаашась, аркучи“... (20).

Таким образом в первой части Слова преобладают рефрены заключительные восклицания. Единственный пример запева ы только что указали. Кроме того надо заметить, что в строфе едьмой, описывающей героизм Всеволода, встречается не только аключительное восклицание, но и начальное обращение: Яръ туре Всеволодѣ!“ (13).

Во второй главной части принцип строения остается от же, но получает несколько иное поэтическое осуществление. На ряду с рефренами не менее обильно применяются десь и восклицания-обращения. Из двенадцати более мелких астей рефрены встречаются в семи. Общий рефрен соединяет трофы пятую, шестую, восьмую и отчасти по контрасту де-

---

[1]) Ряд наблюдений над трех-членностью построения предложений Слове можно найти в статье E. Hoffmann'a. Beobachtungen zum Stil des gorsliedes (Archiv für slavische Philologie XXXVIII B. 1, 2. Heft, Berlin, 1922; , 4 Heft, Berlin, 1923).

сятую; обращение к Роману и Мстиславу и песня об Изяславе Полоцком, как уже заметили мы, соединены с строфами первой части. И наконец, песня о Всеславе Полоцком имеет в качестве рефрена „припевку“ Бояна. В трех случаях применяются восклицания, играющие роль рефренов, как в строфе 2-ой („А мы уже, дружина, жадни веселія“) (26) и обладающие свойствами композиционной связи, как упоминания сыновей Глебовых в конце третьей и четвертой строфы. Без формальной завершенности в смысле наблюдаемого принципа остается только строфа первая — Сон Святослава — и заключение; но известно, что конец сна Святослава — испорчен, а заключение второй части памятника слишком кратко, и для формального отграничения его вполне достаточно начального восклицания: „О! стонати Руской земли, помянувше пръвую годину, и пръвыхъ Князей!“ (37) Кроме этого восклицания, начальные воскицания можно отметить еще в 7 случаях данной части, а именно в виде обращения к разным князьям (строфы: 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10).

В третьей главной части Слова — опять иная форма осуществления того же принципа: здесь преобладают не рефрены, а запевы: таковы именно четыре строфы Плача Ярославны. Разговор Игоря с Донцом, составляющий шестую строфу, вводится начальными обращениями-восклицаниями. Рефрен встречается только один раз, а именно в песне о кн. Ростиславе, стоящей на седьмом месте. В восьмой строфе, изображающей погоню и разговор половецких ханов, лирическая рамка заменяется симметричными вводными формулами. И только один раз при изображении самого бегства Игоря рефрены, запевы, восклицания, обращения и какие бы то ни было вводные формулы совершенно отсутствуют. Вся строфа слишком переполнена волнением, которое слышится в перебоях прерывистого стиля.

Две строфы финала Слова имеют совершенно ясные границы так же, как и формальные грани внутри прелюдии вполне очевидны. Итак, через весь памятник последовательно проходит принцип трех-частного деления и принцип художественной и в частности формально-поэтической законченности составных крупных и мелких частей.

Так называемые вставные песни мало чем отличаются от обычных строф. Их локализация в памятнике совершается

теми же художественными средствами, что и обрамление строф. Как мы уже видели, рефрены песен об Изяславе Полоцком и Ростиславе сходны с рефренами строф в других местах, а песня о Всеславе Полоцком заканчивается одной из припевок Бояна, столь дорогих автору Слова. Вообще вставные песни не являются чем-то чуждым памятнику, взятым извне. Это в сущности те же строфы лишь с иными сюжетами, прерывающими ожидаемое развитие целого. Обратим внимание, что все три песни о прошлом расположены весьма симметрично: каждая из них находится почти в конце одной из трех главных частей памятника, а вторая, именно песня о Всеславе Полоцком, осложнена предшествующей ей песнью о гибели современного Всеславова внука Изяслава. Нельзя ли в этих песнях видеть весьма искусный прием автора! Когда внимание слушателей могло быть утомлено нарастающим напряжением предшествующих строф, будет ли то ряд сцен похода и боя на Каяле, ряд обращений Святослава к князьям, ряд быстро меняющихся картин бегства Игоря из плена, тогда именно на вершинах художественного подъема ожидаемое течение песни прерывается, великий поэт переносится мыслью и взором в отдаленное прошлое, сильным взмахом крыльев своей фантазии увлекает слушателя и зрителя, и неожиданно открывающаяся перспектива сообщает всей песне какое-то новое поэтическое измерение.

Слово о полку Игореве есть единая песня с единым главным героем. Сном вел. кн. Святослава и его обращением к князьям единство нисколько не нарушается, и здесь центром поэтических дум является все же Игорь. Вещий сон Святослава вызван несчастием Игоря с братом, и обращение его к князьям призывает вступиться не только „за землю Рускую", но и „за раны Игоревы" . . . Походу Игоря с его ближайшими последствиями посвящена собственно первая часть Слова, Слово же в целом есть песня во славу Игоря. О том, что она являлась песней и для поэтического сознания автора, мне уже приходилось говорить раньше. Поэтому вполне естественно предположение, что сохранившееся заглавие произведения: „Слово о плъку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова", хотя и является древним, но принадлежит не самому автору, а кому-нибудь из его современников. Как бы то ни было, т. н. „Слово" — есть единое, цельное поэтическое произведение. Анализ позволяет

вскрыть состав его главных и мелких частей, уяснить его структуру, проследить художественные пріемы творца ... „Слово“ — редкая художественная драгоценность, состоящая из тончайшей поэтической филиграни в оправе рефренов и запевов, с самоцветными камнями вставных песен о прошлом, с бесценными жемчужинами Плача Ярославны и причитания русских жен.

Москва.

В. Ржига.

Природа и Закон в политических воззрениях Пушкина.

> Владыки! вамъ вѣнецъ и тронъ
> Даетъ законъ, а не природа —
> Стоитен выше вы народа,
> Но вѣчый выше васъ законъ.

Эти строки оды Вольность должны обратить на себя внимание всякого, кто интересуется общественными и политическими воззрениями Пушкина. Они очень знаменательны. В них отразилось определенное политическое настроение, в них можно даже видеть отголосок и некоторого общего мировоззрения.

Какая собственно мысль высказана в этих строках?

Противопоставление природы и закона в политико-философской литературе делалось не раз; но не всегда оно имело один и тот же смысл. Каждое направление пользовалось этими понятиями в своих особых видах, и соответственно этому придавалось особое значение и им, и самому противопоставлению. Известно, что впервые вопрос был поставлен с достаточной определенностью в древней Греции в V веке. Противники существовавшего тогда государственного строя, желая опорочить его в глазах общества, стали утверждать, что он опирается не на природу, а только на закон, и только в нем одном черпает свою силу и находит себе поддержку. Но стоит лишь изменить закон — а человек всегда свободен это сделать —, как вместе с тем изменится и государственный правовой порядок.[1]) Под законом они при этом разумели, очевидно, закон государственный, а под природой — совокупность сил, явлений и процессов, существующих помимо воли человека. Философскую подкладку этой проповеди составлял тот взгляд, что в природе нет ничего такого, на чем можно было-бы обосновать отношение правового властвования и подчинения, и что, следовательно, такого рода отношения могут опираться исключительно на произвол, — одним словом, как выразился позже Лукреций:

---

[1]) Горгий 483 bcd. Θеэт. 167 с.

Nec natura potest justo secernere iniquum.

Поэтому противоположное политическое направление, т. е. защитники наличного порядка доказывали, наоборот, что он опирается не только на закон, но и на природу, так как и вообще право, справедливость и т. д. имеют корни в природе вещей.[1]) Такая постановка вопроса удержалась надолго: мы находим ее и в древности, и в средневековой литературе, отчасти — и в новое время.

Достаточно несколько вчитаться в оду Пушкина, чтобы убедится в том, что не этот смысл имеет противопоставление природы и закона в приведенных строках. Пушкин очень далек от софистического сомнения в существовании объективной правды. А оно было бы для него обязательно, еслиб он хотел сказатъ то самое, что говорили софисты. Но вся ода проникнута, наоборот, глубокой верой в вечную правду. И здесь Пушкин говорит не о том, что владыки получают венец от государственного закона, — не эта плоская мысль здесь выражена. Пушкин разумеет вечный закон:

Но вѣчный выше васъ законъ.

И этот-то вечный закон дает владыкам трон и венец.

В таком случае какой-же смысл имеет противопоставление закона природе? Ведь, природа не менее вечна, чем самый „вечный" закон. Не все-ли равно: выводить власть и государственный порядок вообще из вечной природы или из вечного закона? О чем же тогда спор, и с кем полемика? А между тем здесь именно виден спор, видна полемика:

вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не природа.

Пушкин кому-то возражает, с кем-то спорит. Кто-то выводит царскую власть из природы, а по мнению Пушкина, это неверно: ее нужно и можно выводить из закона. Но какое это имеетъ значение, почему это важно, если под словом закон разуметь закон вечный? Очевидно, смысл этого места, а вместе с тем — и смысл всей оды останутся для нас непонятны, если мы будем исходить из того понимания вопроса, родоначальниками которого были софисты. Очевидно, противополагая природе закон, Пушкин хотел сказать что-то совсем другое.

---

[1]) Горг. 489 ab.

Для понимания его мысли следует обратиться к той публи-
цистической и философской литературе, которая развилась,
преимущественно во Франции и в Германии, в эпоху реакции,
т. е. в первые 15—20 лет XIX века. Тогда тоже было в ходу
понятие природы в объяснении государственно-правового по-
рядка, но обращение к нему имело совершенно другое зна-
чение. Представители реакционного направления пользовались
им в своей борьбе против теории естественного права и об-
щественного договора, господствовавших в XVIII веке. Но поло-
жение спорящих и взаимное отношение тезисов, которые каждая
сторона защищала, были существенно иными. Школа есте-
ственного права отстаивала вечные начала права, но их не
отрицали и представители реакции. Следовательно, между
ними не было того разногласия, выражением которого явилось
противопоставление природы и закона в V веке до Р. Х.
На первый взгляд даже не легко понять, о чем теперь спорят:
одни указывают на вечный закон права, другие на — столь-же
вечную природу. Казалось-бы, это — различие только в словах,
только в форме выражения мысли, самое большое — в незна-
чительном ее оттенке. На самом деле, спор шел о весьма
важном вопросе, а именно: опирается-ли государственная
власть на договор, обязательность которого вытекает из при-
роды, или же — на природу *непосредственно*? Что
последним основанием власти и вообще государственных
отношений является природа и вытекающий из нее *закон
природы* (естественное право), в этом те и другие были
согласны. Но теоретики естественного права утверждали, что
ближайшим источником власти является договор, согла-
шение между людьми, т. е. свободная воля. С этим публи-
цисты реакции согласиться не могли. Потому что, коль скоро
власть есть произведение воли, то воля-же может ее и унич-
тожить, и если подчинение власти основывается на договоре, то
нужно признать, что при нарушении его одной стороной, другая
тоже становится свободной. Иными словами: из договора логи-
чески вытекает право революции, или, по крайней мере, оно мо-
жет быть из него выведено. А этого публицисты начала 19 века
допустить не могли. Поэтому они доказывали, что власть старее
воли, старее самого государства, что она существовала уже
тогда, когда еще не было никакого государства, т. е. что власть
есть явление первичное, имеющее корни в самой природе.

Так, швейцарец К. Л. Галлер писал в своей многотомной »Реставрации государственной науки«: »Qu'il y ait donc et qu'il doive y avoir des rapports sociaux, par la seule force de la nature, c'est une vérité non seulement prouvée par la raison et par l'expérience, mais de plus assez généralement reconnue. Or de même que la nature forme ces liaisons des hommes, par la diversité de leurs moyens et de leurs besoins, de même aussi elle établit nécessairement dans chacune d'elles la domination et la dépendance, la liberté et l'assujéttissement, sans lesquelles ces rapports ne pourraient subsister.«[1]). И далее Галлер указывает, что уже от природы существуют сильные и слабые, умные и глупые, взрослые и дети, и что вторые нуждаются в помощи первых, а первые имеют естественную власть над вторыми. Таково же отношение между учителем и учеником, между богатым и бедным, землевладельцем и поселянином и т. д. Ту же теорию развивает французскій философ Бональд: »La société se forme par nécessité«, говорит он. И, возражая теоретикам естественного права, он поясняет свою мысль: »Ils veulent que la société soit volontaire et le produit d'un contrat, et la société est obligée et le résultat d'une force.... il n'existe pas même de peuple avant un pouvoir.«[2])

В рассматриваемых стихах Пушкин, очевидно, имеет в виду именно эту теорию. Противополагая друг другу природу и закон, как два возможных основания царской власти, он выразил прежде всего свое отношение к реакционной или ультра-консервативной теории. Он отверг свойственный ей натурализм, т. е. стремление поставить власть впереди права, сделать право для нее необязательным, а следовательно — объявить власть в существе своем неограниченною. Такое положение власти разумеется само собою, раз только она выводится из природы. Можно сказать и наоборот: отказываясь выводить власть из природы, Пушкин тем самым показал отрицательное отношение ко всякому натурализму в области политики, а вместе с тем — и к реакционной публицистике, поскольку она опирается на натурализм. Главная мысль всей оды, которая сквозит в ней от первого стиха до последнего, — господ

[1]) Цитирую по более распространенному французскому переводу автора Restauration de la science politique t. I 1824 г. стр. 406—407.

[2]) Législation primitive, t. II 1802, стр. 75.

ство закона, которому подчиняется не только население, но и сама власть:

> Склонитесь первые главой
> Подъ сѣнь надежную закона.

Отрицание натурализма и реакции находится, следовательно, в полном согласии с этой мыслью. Было бы, напротив, крупной непоследовательностью, еслиб Пушкин, составляя дифирамб закону, в то-же время отнесся положительно или хотя-бы безразлично к натурализму. Натурализм есть, несомненно, главный враг всякого учения о правовом порядке, и ода Вольность показывает большую проницательность автора, который верно угадал этого врага.

Но, отвергая идеологию реакции, какую же идеологию принимает сам Пушкин? Мы могли бы думать, что он станет на сторону противников реакционной философии, т. е. на сторону теории contrat social, с которой Галлер, Бональд и др. вели борьбу. Но этого не случилось. Ни в разбираемых строках оды, ни во всей вообще оде нет и намека на теорию общественного договора. Пушкин выводит власть не из договора, а из закона:

> вамъ вѣнецъ и тронъ
> Даетъ законъ.

Было бы большой смелостью, разумеется, еслиб кто-нибудь стал утверждать, что слово закон составляет здесь поэтическую фигуру, и что под ним скрывается неуклюжее и слишком прозаическое слово договор. Писатели, несравненно меньше владевшие стихом, чем Пушкин, находили способы излагать в стихах договорную теорию; нет сомнения, что и Пушкин бы их нашел, еслиб бы ему это было нужно. Но было указано, что он разумеет здесь вечный закон, и это одно уже говорит против иносказательного толкования в данном случае. Несомненно, что Пушкин отверг договорную теорию происхождения власти — совершенно также, как натуралистическую. Теоретики реакции обвиняли договорную теорию в том, что она привела к революции; идейную связь между ними, конечно, отрицать нельзя. Можно, поэтому, сказать, что Пушкин, показав себя в оде Вольность врагом реакции, не проявил в то же время склонности к революционной идеологии. В этом отношении рассматриваемые стихи находятся в полном согласии

с другими строфами оды, напр. с VII строфой, где указывается, что французская революция не увеличила народной свободы:

Падетъ преступная сѣкира,
И се злодѣйская порфира
На Галлахъ скованныхъ лежитъ.

Пушкин занял место где-то посередине между двумя крайними учениями. Не природная сила и не договор составляют исходную точку его политического credo, а понятие закона, и притом закона вечного, стоящего выше и властителей, и подвластных, Здесь мы снова становимся перед вопросом: в чем суть противопоставления вечной природы вечному закону? Может казаться совершенно невероятным, чтобы 18-летний юноша, едва соскочивший со школьной скамьи, в состоянии был с полной ясностью разбираться в глубоких политико-философских проблемах в роде той, которую мы имеем в данном случае; усматривать в его стихах такую проблему не значит-ли навязывать ему мысли, которых у него, может быть, совсем не было? Но с другой стороны мы не можем учесть, как много прибавляет гениальное прозрение к тому, что нам представляется нормальным уровнем понимания каждого возраста. Как бы то ни было, противоположение природы и закона может иметь здесь только одно значение: природа есть олицетворение *бытия*, она обнимает явления, связанные причинной связью, в ней господствует безусловная необходимость; закон же олицетворяет *долженствование*, он относится к нравственному миру, где господствует не физическая необходимость, а моральный долг. Если государственная власть вытекает из природы, то ее господство опирается только на силу, и пока есть сила, есть и власть; тогда это чисто фактическое начало, стоящее выше права и даже вне его и уступающее только подобной-же силе. Власть, так понимаемая, может мыслиться только, как неограниченная, не признающая для себя ничего запретного и недосягаемого. Наоборот, если власть опирается на закон, то она тем самым становится моральной силой и должна действовать не в меру своей мощи, а в меру своего нравственного достоинства. Завися от закона, она принуждена и подчиняться закону, т. е. признать нечто для себя обязательным, ограничивающим. Совершенно ясно, что при первом понимании власти законность, правовой порядок, свобода возможны

только, как нечто случайное, как милость власти, или поскольку это отвечает ее собственным интересам. И только вторая теория позволяет говорить о свободе и законности, как о чем-то принципиально существующем.

Пушкин дает формулу, в которой раскрывается существенное различие обеих теорий и указывается важность самого вопроса. И нужно сказать, что по своей краткости, ясности и отчетливости эта формула представляется совершенно исключительной. Она с гениальной простотой схватывает сущность вопроса и оставляет далеко позади себя все то, что можно было бы на этот счет найти в политической литературе. Если уж с кем сравнивать Пушкина в этом отношении, то с одним только Платоном, который выставил подобную-же формулу в своей полемике с софистами. Если же иметь в виду, что основная мысль Оды состоит именно в том, что свобода возможна только при условии подчинения власти закону, то нужно будет признать, что разсматриваемые строки находятся в полном согласии с Одой в ее целом. Пушкин показал здесь замечательную последовательность мысли. Он прекрасно понял, что его прославление и проповедь свободы логически обязывают его отрицательно отнестись к натурализму в области политики и принять теорию происхождения власти от закона. Он понял, кто его главный идейный враг, и сразу занял по отношению к нему надлежащую позицию.

Спрашивается: кто внушил Пушкину его формулу? кто ему подсказал ее? Ясно, что в готовом виде он ни откуда не мог ее взять. И если говорить здесь о внешних влияниях на Пушкина, о его источниках, то следует разуметь не формулу в ее целом виде, а ее элементы. Их три, и потому можно поставить три вопроса: 1. Откуда Пушкин мог почерпнуть знакомство с натуралистическими теориями реакции? 2. Откуда он мог взять теорию закона? и 3. Кто ему внушил самую формулу, т. е. противопоставление друг другу обеих теорий?

Обращаясь к первому вопросу, следует сказать, что нет никаких данных предполагать, чтобы ко времени создания оды Вольность Пушкин познакомился с идеями реакционных писателей непосредственно, т. е. из их собственных сочинений.[1]) Едва-ли это и могло быть. В последующие годы, т. е после

---

[1]) Фактически это было-бы возможно: 1-ый том сочинения Галлера Restauration вышел в 1816 году, но уже раньше в 1808 году Галлер дал

1817 г. Пушкин нигде не упоминает ни Галлера, ни Бональда, ни Адама Мюллера или кого-нибудь в этом роде. Встречается упоминание о реакционном писателе де-Местре; но этот автор отличается резко-католическим направлением. У него Пушкин мог встретить не натуралистическое, а религиозное объяснение власти. Да и о нем мы не знаем, чтобы Пушкин его читал до 1817 г. Остается, следовательно, путь знакомства с реакционными идеями из вторых рук. Таким посредником мог быть, прежде всего, Лицей. Известно, что Пушкин очень интересовался лекциями Куницына и на всю жизнь сохранил о нем благодарную память.[1]) А изложение различных политических теорий относилось к его предмету. Изложения или прямого упоминания натуралистических учений мы не находим в печатных сочинениях Куницына, изданных уже после окончания Пушкиным Лицея, — ни в Естественном праве, ни в более кратком Изображении взаимной связи государственных сведений.[2]) Но, конечно, печатные сочинения Куницына не вполне отражают его лекций и даже едва-ли повторяют все то, что было в записках, по которым лицеисты изучали его предмет. Мы знаем, что эти записки составлены были по Канту и по курсам его приверженцев — Шмальца, Гуфеланда и Клейна.[3]) Философия-же Канта принципиально враждебна ко всякому натурализму в области морали и политики. С другой стороны, Кант, не преклоняясь целиком перед французской революцией, воспринял, однако, многое из революционных идей. Следовательно, вполне возможно, что Куницын, как последователь Канта,[4]) считал необходимым знакомить слушателей с реакционными учениями и объяснять им связь этих учений с натурализмом. Что такое предположение не вовсе безосновательно, видно из того, что в его Естественном праве мы находим, хотя краткое, но достаточно полное изложение и оценку натуралистических теорий права. В § 48 мы читаем: »Хотя величайшая нелепость есть поставлять силу началом права, однако-жь и сие мнение имело

изложение своей теории в Handbuch der allgemeinen Staatenkunde. Соч. Бональда Législation primitive вышло в 1802 году.

[1]) И. Шляпкин. К биографии Пушкина 1899, стр. 25. — Л. Майков. Пушкин 1899, стр. 61.

[2]) Первое вышло в 1818—1920 г., второе в 1817 г. (цензурное разрешение 30 июня 1817 г.).

[3]) Селезнев. Материалы для истории Лицея 1856, стр. 74.

[4]) Влияние Канта заметно у Куницына в §§ 14, 24, 27, 50, 51 и друг. Права естественного.

своих защитников, каков был Спиноза и **некоторые из новейших французских философов**. По оному началу человек имеет право на все то, что силами своими произвести может. Несообразность сего положения сама собою открывается; ибо оно уничтожает всякое понятие о праве и законах нравственных, сильный имеет право, но коль скоро найдется сильнейший, то лишается оного« и т. д. Само по себе это, разумеется, очень недостаточно, чтобы говорить о влиянии Куницына на Пушкина в разбираемом вопросе. Первый говорит о силе, второй — более широко — о природе; здесь говорится о начале права, в оде Вольность — о праве на власть, т. е. о частном приложении понятия права. Притом Куницын вовсе не указывает на связь натуралистической теории права с политикой. Однако-же общая оценка теории сделана достаточно выпукло; характерно также упоминание о »новейших французских философах«. Очень возможно, что на лекциях Куницын называл их по именам, а в таком случае он не мог обойти Бональда.

Краткую формулировку и критику натурализма Пушкин мог найти также у Руссо, с политическими сочинениями которого он познакомился еще в Лицее через посредство того-же Куницына,[1]) и может быть, и в самостоятельном чтении. Руссо не допускал возможности выводить общественный порядок из природы. Он очень метко и остроумно доказывал несостоятельность подобных теорий: от него Пушкин мог усвоить определенный отрицательный взгляд на природу, как на принцип власти.[2])

Можно предполагать еще некоторое влияние кружка Тургеневых, которым вообще легенда приписывает участие в создании оды Вольность. В письмах А. И. Тургенева встречаются упоминания и о Галлере, и о Бональде, и о де-Местре.[3]) Правда, эти упоминания относятся все к более поздним годам,

---

[1]) О Руссо говорит он в §§ 318 и 319. Отголоски учения Руссо можно, кроме того подметить в § 156 (общая воля — volonté générale) и 162 (тоже). П. признавал Руссо „фальшивым во всем,“ однако, удержал много плодотворного из его идей. См. Н. Дашкевич. П. в ряду великих поэтов. Сборник Памяти Пушкина К. 1899, стр. 200.

[2]) Discours sur l'origine de l'inégalité: Quoi qu'il en soit de ces origines… и т. д. — Contrat social I, 1: ce droit ne vient point de la nature. Ср. II. 2, где идет полемика против Фильмера, который в отношении английской революции был тем-же, чем Галлер, Бональд и т. п. в отношении французской.

[3]) Архив бр. Тургеневых, вып 6, Пгр. 1921, стр. 183, 261, 285 и др.

а именно к 1833 и следующим; но знакомство А. И. Тургенева с этими писателями нужно относить, вероятно, к более раннему времени — к студенческим годам и ко времени выхода в свет их сочинений. Н. И. Тургенев тоже знал Бональда: упоминание о нем находится в его дневнике под 13 февр. 1820 года.[1]) Оба брата, как известно, очень интересовались политическими вопросами; в частности, Н. И. Тургенев был один из тех, кто заводил в Арзамасе политические разговоры,[2]) а А. И. Тургенев был в числе тех членов, которые склоняли Общество к политической деятельности и ставили ему задачей »распространение идей свободы.«[3]) Дневники Н. И. Тургенева наполнены политическими мыслями — и о французской революции, и о режиме реставрации; между прочим, под 14 авг. 1817 г. находится у него отзыв о Э. Бёрке, известном противнике революции.[4]) Все это, вместе взятое, делает довольно вероятным, что и в присутствии Пушкина велись у Тургеневых разговоры, в которых обсуждались, как либеральные,так и реакционные политические теории, и делалась им оценка. Отсюда Пушкин мог получить понятие и о политическом натурализме.

Что касается Радищева, о котором принято думать, что его ода послужила главным образцом для Пушкина, то в данном отношении он ничего не мог дать Пушкину. О природе, как источнике верховной власти, он не говорит вовсе. Врагом свободы Радищев считает не натуралистическую теорию, а теократическую, т. е. учение о поставлении царей от Бога,[5]) а эта тема в оде Пушкина совершенно отсутствует. Следует, впрочем, отметить, что у Радищева встречаются тирады, где он говорит о природе; но он рассматривает ее, как источник не власти, а свободы. Так, строфа 45:

О вы! счастливые народы,
Гдѣ случай вольность даровалъ!
Блюдите даръ благой природы.

То-же приблизительно в строфе 54. Здесь природа берется в понимании Руссо, а не в том, какое ей давала реакционная политика.

---

[1]) Там-же, вып. 5, стр. 223.
[2]) Там-же, стр. 7 (1816), 93 (1817 г.) и др. — Ср. А. Шебунин. Западноевропейское влияние в миросозерцании Н. И. Тургенева. „Анналы“ кн. III, 1923.
[3]) Сидоров. Литературное общество „Арзамас“ — Ж. М. Н. П. 1901, № 7, стр. 71 и сл.
[4]) Архив бр. Тургеневых вып. 5, стр. 50.
[5]) Строфы 7—10.

Таким образом, относительно источников, которые могли дать Пушкину сведения о политическом натурализме, мы не можем сказать ничего достоверного и принуждены довольствоваться одними гадательными предположениями.

Столь-же гадательно, откуда Пушкин почерпнул свою теорию происхождения власти от закона. Куницын в этом отношении не мог быть его руководителем. Он нигде не излагает теорию закона, так понимаемую, а сам он был сторонником договорной теории, и при том — в ее крайнем виде, т. е. понимал ее в индивидуалистическом смысле. Он признавал не только pactum subiectionis, но и pactum unionis: по его мнению, не только власть государственная устанавливается договором, но и сам народ представляет из себя договорное соединение ничем не связанных между собою индивидуумов.[1]) Нессельроде в письме от 5 мая 1820 года, которое Пушкин должен был передать Инзову, характеризовал оду Вольность в том смысле, что она представляет изложение системы прирожденных прав.[2]) Трудно показать большее непонимание произведения Пушкина и вместе с тем большую неосведомленность в политических теориях. У Пушкина в его Оде нет и намека на теорию прирожденных прав. Вся Ода носит вовсе не субъективный, а совершенно определенный и ярко выраженный о б ъ е к т и в н ы й х а р а к т е р. Правовой порядок он выводит не из прав личности, а из закона, стоящего н а д нею. Зато эту теорию прирожденных прав мы находим в полном виде в курсе Куницына, который, несмотря на ее, »опасность,« в то время, т. е. в 1820 году, пользовался совершенным благоволением начальства.[3]) Столь-же неверно гораздо позднее высказанное мнение, что в оде Вольность проповедуются принципы, »заимствованные у Руссо и Канта.«[4]) Отголоски учения Канта в Оде еще можно найти, но с Руссо у ней нет ничего общего — и, прежде всего, потому, что Руссо выводил государственную власть из договора и всякое другое учение считал ложным, а Пушкин выводит ее из закона. Точно также ничего не дают и указания на связь оды Вольность с кон-

[1]) Ест. право §§ 338 сл. и 361—363.
[2]) Русская Старина 1887 янв. стр. 239.
[3]) См. §§ 81—112. Вся глава так и называется: О врожденных правах человека.
[4]) А. С л о н и м с к и й. Пушкин и декабрьское движение. — Соч. Пушкина под. ред. Венгерова т. II стр. 514.

ституционными разговорами, какие были тогда в ходу в Тургеневском кружке, среди лиц, близких к Арзамасу, среди будущих декабристов и т. д.[1]) Во всех подобных разговорах и планах придавалось большое значение идее закона, но при этом имели в виду ограничение власти законом, установление закономерности в суде и в управлении.[2]) В Оде эти планы и теории, несомненно, отразились. Их без труда можно узнать хотя-бы в ст. 25 и след.:

Лишь тамъ надъ царскою главой
Народовъ не легло страданье,
Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
Законовъ мощныхъ сочетанье;
Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ твердый щитъ,
Гдѣ сжатый вѣрными руками
Гражданъ надъ равными главами
Ихъ мечъ безъ выбора скользитъ.

Та-же мысль и в заключительних строках Оды.

Но отсюда до теории о происхождении власти из закона — громадное разстояние. Первая мысль, если можно, так выразиться, чисто практического характера: ее можно провести в жизнь, можно добиться ее осуществления. Вторая-же, наоборот, насквозь проникнута теорией: она не заключает в себе никакого требования, а дает только известное понимание власти. Практически ее осуществить нельзя, и в тексте конституции она может найти место, самое большое, лишь в виде декларации, не имеющей никакого юридического значения. В разбираемых строках оды Пушкин высказывает именно эту теоретическую мысль, а не родственую ей практическую.

О Радищеве надо сказать то-же самое, что о Куницыне: ему совершенно чужда идея закона в понимании царской власти. Он верный ученик Руссо и последовательно проводит идею народовластия и учение о происхождении власти из договора. Так, в строфе 15 народ, приступая к суду над монархом, обращается к нему со словами:

Преступникъ власти, мною данной,
Вѣщай.

А в строфе 19 народ обвиняет царя в нарушении договора и присяги:

---

[1]) Слонимский, там-же. П. Морозов. От Лицея до ссылки. — Соч. П-а ред. Венгерова I стр. 496—8. Н. Лернер. „Былое" 1905, № 6 стр. 306.

[2]) См. В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов, 1909 стр. 214. Н. Пиксанов. Публицистика Александровской эпохи (Ист. р. лит. 19 века, I стр. 50).

Но ты, забывъ мнѣ клятву данну,
Забывъ, что я избралъ тебя,
Себѣ въ утѣху быть вѣнчанну,
Возмнилъ, что ты господь, не я.

У Пушкина-же, как уже несколько раз было указано, нет и следов идеи общественного договора. Его теория происхождения власти, в известном смысле, противоположна и враждебна идеям Радищева, ибо, производя власть из вечного закона, а не из воли народной, он должен был отрицать право народа судить монархов. Поэтому, с своей точки зрения, он был вполне последователен, когда, описывая в оде казнь Людовика XVI, говорит (ст. 49—56):

Главой развѣнчанной приникъ
Къ кровавой плахѣ вѣроломства.
Молчитъ законъ и т. д.

Таким образом, для теории закона мы не находим прямых источников Пушкина. В этом направлении нужны дальнейшие разыскания и новые догадки. А до тех пор приходится думать, что к этой теории он пришел совершенно самостоятельно, путем логического вывода из тех конституционных учений о законе и тех планов установления твердого, законного и обязательного для верховной власти порядка, которые составляли главное содержание политического катехизиса в близких ему кругах общества. Нужно, впрочем, прибавить, что к такому выводу была близка и сама верховная власть, которая, как известно, в начале 19 века увлекалась идеей законности. В письме имп. Александра I к княгине М. Г. Вяземской (Голицыной, урожд. Вяземской?) от 7 авг. 1801 г. мы читаем: »Как скоро я себе дозволю нарушить законы, кто тогда почтет за обязанность наблюдать их? Быть выше их, если бы я и мог, но конечно-бы не захотел, ибо я не признаю на земле справедливой власти, которая бы не от закона истекала.«[1]) Нельзя отрицать большого сходства этой фразы с формулой оды Вольность.

Остается третий элемент формулы — противопоставление друг другу двух теорий. Само собою разумеется, что, коль скоро относительно одной теории мы совсем не знаем, откуда Пушкин мог-бы ее взять, и склонны думать, что она есть плод его собственных соображений, а источники другой могут быть указаны лишь очень гадательно, то отсюда вытекает,

[1]) Р. Старина 1870 т. I стр. 44—45.

что и противопоставление их не может быть результатом определенных влияний. Тем не менее, говоря безотносительно к данному случаю, вполне допустима мысль, что автор более или менее самостоятельно пришел к различным взглядам, а желание сопоставить эти взгляды, опровергнуть один и отдать предпочтение другому, у него возникло под влиянием внешнего воздействия. Полемика с враждебными учениями издавна составляла общее место в политической литературе. Локк спорил в Фильмером, Руссо с Гроцием и Монтескье, Кант с Гоббесом. Наставник Пушкина — Куницын тоже охотно противопоставлял симпатичные ему взгляды теориям Руссо, Пуффендорфа, Спинозы. Такого-же рода полемику и споры Пушкин мог слышать и в близких ему общественных кругах, мог усвоить и во время чтения. Это, разумеется, опять только догадки. Но можно указать и нечто более определенное. А именно, можно указать автора, влияние которого здесь чувствуется довольно сильно, сильнее, чем кого-нибудь другого. Это — Державин. В отличие от того, что принято думать, его значение вообще для оды Вольность гораздо больше, чем Радищева. Все мысли о законе и законности, требования равенства перед законом и подчинения закону самой царской власти, которые мы находим у Пушкина, представляют, почти сплошь, повторение и развитие того, что гораздо раньше говорил Державин. К этой теме он любил возвращаться, и здесь между обоими поэтами большая близость. Чтобы не очень углубляться в вопрос, достаточно привести два примера. В стих. Властителям и судиям Державин обращается к властителям:

Вашъ долгъ есть сохранять законы.

В другой пиесе — Царевичу Хлору читаем:

Нерѣдко въ умъ тебѣ приходитъ,
Что царь — законовъ только стражъ,
Что онъ лишь въ дѣйство ихъ приводитъ
И ставитъ въ томъ въ примѣръ себя,
Что ты живешь лишь для народовъ,
А не народы для тебя,
И что не свыше ты законовъ.

Здесь высказывается мысль, если не о конституционной монархии, то о подчинении царя закону, т. е. та самая мысль, которую с такой силой Пушкин выразил в своей оде:

Склонитесь первые главой
Подъ сѣнь надежную закона,
И станутъ вѣрной стражей трона
Народовъ вольность и покой.

Отголосок Державина или намек на его мысль сышится и в политической формуле Пушкина. В этом отношении полезно обратить внимание на стих. Глас СПг. Общества, где находятся такия строки:

Не санъ, не клятва, не порода
Творятъ отечества отца —
Любовь. Она всѣ царства зиждетъ.

Здесь речь идет об основаниях царской власти, следовательно, тема та самая, которой посвящены и разбираемые строки оды »Вольность«. Державин говорит о том, что не может быть основанием царской власти, и что может. Следовательно, и в форме выражения мысли — большая близость с Пушкиным. Отметим еще созвучие: у Державина не порода, у Пушкина — не природа; оно очень могло благоприятствовать припоминанию. А затем, и это главное, здесь есть большое родство мысли между обоими произведениями. Для нас, в данном случае, безразлична положительная сторона мысли Державина, что царем делает человека любовь. Эта мысль имеет длинную литературную традицию; она очень была развита в античной литературе, и еще больше в византийской. Но у Пушкина ее нет. Важна отрицательная сторона. Не порода делает царя, т. е. не акт рождения, т. е. не действие природы; а это — то самое, на чем настаивает и Пушкин. Разница только та, что Державин берет частный случай, только одну силу или явление природы, а Пушкин обобщает, говорит о природе в ее целом и разумеет, какие угодно, ее силы. Его мысль, следовательно, гораздо более широка, она имеет, можно сказать, подлинный философский характер, в отличие от Державина. Но все-же нельзя отрицать большой близости, большого сходства в той и другой мысли. Нельзя отрицать, что Державин мог навести Пушкина на то, чтобы сопоставить различные основания или источники власти, а вместе с тем и на то, чтобы одним из этих источников была взята природа. Это в известной степени уже определило идею формулы, в которой Пушкин с замечательной краткостью, меткостью и выразительностью изобразил ходячие политические теории своего времени и определил свое отношение к ним. Достоинства его формулы, разумеется, столь высоки, что не могут быть сведены ни к каким влияниям и принадлежат ему самому. Они заставляют нас

удивляться необыкновенной проницательности юного поэта и его уменью разобраться в сложных и отвлеченных политических понятиях. Это не мешает нам, однако, находить у Пушкина здесь, как и в других случаях, отголосок поэзии Державина.

Остался-ли Пушкин в последующее время верен своей формуле?

Существует вообще два взгляда на историю общественно-политических воззрений Пушкина. Одни считают, что он до конца своих дней не изменил своим общественным воззрениям, т. е. что его общественные взгляды оставались всегда одни и те-же и совпадали, в главном, с идеями декабристов[1]); по мнению других, Пушкин, напротив, пережил значительную перемену в своих общественных взглядах и к 30-ти годам выработал себе воззрения, сильно отступающие от вольнолюбивых »мечтаний его весны«.[2]) Истина, конечно, где-то ближе к середине, чем к которой-нибудь из двух крайностей. Имея в виду немалочисленные собственные заявления Пушкина о переменах в его настроении,[3]) трудно утверждать, что его взгляды остались к концу жизни те-же, что были в начале; но с другой стороны не подлежит сомнению, что кое-что в этих взглядах осталось неизменным. Вопрос только в том, что́ изменилось, и что́ осталось. Не вдаваясь здесь в обсуждение большого вопроса, насколько Пушкин оказался верен идеям оды Вольность во всем ее объеме, остановимся с этою целью только на тех идеях, которые заключаются в разбираемых ее строках.

Трудно сказать, чтобы материал для решения этого вопроса был вполне достаточен. Нельзя надеяться и на то, что он отличается желательной определенностью, т. е. что из него можно сделать вполне достоверные и бесспорные выводы.

---

[1]) Напр. В. Якушкин, О Пушкине 1899, стр. 56 и 67; А. Слонимский, Политические взгляды Пушкина. „В. Евр.“ 1904, № 6, стр. 970 сл.

[2]) Напр. П. Сакулин, Пушкин и Радищев 1920, стр. 49 сл.

[3]) Письмо к Осиповой 26 дек. 1835 г. Ср. набросок стихотворения среди статьи о Радищеве (тетр. № 2384 л. 23):

Я возмужалъ,
И дней моихъ взволнованный потокъ
Теперь утихъ . . .
. . . прошли
Дни бурь, дни горькихъ искушенiй.

В. Якушкин, Рукописи А. С. Пушкина „Р. Стар.“ 1884, № 12, стр. 523. Ср. также А. Радищев, Соч. ред. Ефремова, 1903, т. V стр 318: время изменяет . . . и т. д.

Этого, к сожалению, нет. Дело обстоит так, что мы можем только делать предположения и строить догадки, лишь в очень незначительной степени притязающие на объективную убедительность.

Мы видели, что Пушкин в своей оде не пошел за теорией народного суверенитета, которую целиком воспринял Радищев, и, вопреки мнению Нессельроде, не показал никакой склонности к учению о прирожденных правах и об общественном договоре, которое развивал его учитель Куницын. Можно думать, что и в зрелом возрасте он столь-же отрицательно относился к этим теориям. По крайней мере, он радовался, что русская молодежь не восприняла от французской философии ее »вредных мечтаний, которые имели столь ужасное влияние«.[1]) В другом месте он говорит о »несбыточных мечтах«, свойственных »ученикам Дидрота и Руссо«.[2]) К тем-же учениям относится его выражение: »политический цинизм Дидрота и Реналя«.[3]) Яснее-же всего показывает отношение Пушкина к учению о droits de l'homme произведение, относящееся к 1836 г. и подававшее повод к спорам и разногласиям, а именно — Из Пиндемонте. Но как бы ни относиться к этой пьесе, из нее видно, что Пушкин отвергал учение о свободе, понимаемой, как совокупность прав личности; а это учение обыкновенно служит предпосылкой теории договорного происхождения государственной власти. Он стоял в эту пору на той точке зрения, с которой эта свобода представляется слишком внешней и малоценной по сравнению с свободой внутренней. Особенно резко это настроение Пушкина выразилось в первоначальной редакции стихотворения, где оно имело такое начало:

При звучныхъ именахъ Равенства и Свободы
Какъ будто опьянѣвъ, бѣснуются народы...
Но мало я цѣню задорныя праве и т. д.[4])

Относительно идеи законности можно собрать из произведений Пушкина, как стихотворных, так и прозаических,

---

[1]) Мысли на дороге. Москва.

[2]) А. Радищев. Соч. ред. Ефремова. 1903 т. V стр. 314. — В Записках Смирновой говорится, что Пушкин считал Руссо „фальшивым“ и читал его только в молодости, а в зрелые годы не находил в себе силы перечитать его. — Н. Дашкевич, Пушкин в ряду великих поэтов (Памяти П-а, „Сборн. Ун-та св. Владимира.“ 1899 стр. 200).

[3]) Там-же, стр. 321

[4]) М. Гофман. Посмертные стихотворения Пушкина — „Пушкин и его совр.“ вып. XXIII—XXXV стр. 405.

немало данных за то, что он во всю свою жизнь оставался верен этой идее. Он всегда продолжал считать, как и в дни юности, что законный порядок составляет очень ценное благо и является необходимым условием правильной общественной жизни. Но это, разумеется, далеко не то, что нам нужно. Если бы даже удалось найти в его произведениях 20-х или 30-х годов мысль, что для прочности закона сама власть должна склониться под его »надежную сень,« то отсюда было-бы рискованно делать вывод, что Пушкин продолжал считать источником царской и, вообще верховной власти — закон, при том — вечный закон. В области политической мышление менее, чем где бы то ни было, склонно идти строго логическим путем: оно нередко от него отклоняется в сторону различных моральных ценностей. Так и Пушкин мог, оставаясь верен идее законности, не делать соответственных выводов из нее в вопросе об основаниях верховной власти.

Что касается, наконец, политического натурализма, то некоторые данные позволяют думать, что Пушкин относился или должен был относиться к нему впоследствии не столь враждебно. Прямых свидетельств мы здесь не имеем. Но есть некоторые косвенные указания. Прежде всего, следует иметь в виду склонность Пушкина к исторической точке зрения. Теперь можно, кажется, считать установленным и не подлежащим спору, что со 2-ой половины двадцатых годов т. наз. »историзм« окрашивает все его общественно-политические взгляды и служит опорой его общего миросозерцания.[1]) Пушкин клеймит »невежественное презрение ко всему прошедшему,«[2]) требует уважения к истории и во многих своих заметках проявляет стремление к историческому объяснению явлений.[3]) Историзм же имеет много обшего с натурализмом. Вспомним хотя бы то, что в истории общественной мысли оба имели общего врага в лице рационализма. Труды Савиньи столь-же враждебны рационализму в обществоведении, как и напр. органическая теория Спенсера. Ведь история представляет сферу, где все происходит — подобно тому, как мы это видим в природе — по непреложным законам, независимо от человеческих расчетов. Мы, правда, еще очень далеки от того,

---

[1]) П. Сакулин, назв. соч. стр. 52—53.
[2]) А. Радищев, стр. 321.
[3]) Напр. Об Истории Русского Народа, Полевого.

чтобы точно формулировать эти законы, но у нас есть все-таки убеждение в закономерности исторического процесса. Есть между обоими воззрениями еще и другое сходство: их политическая окраска. Историческое направление — Бёрк, Савиньи, Пухта — настроено столь-же консервативно, как и натурализм Галлера, Бональда и проч. Преимущественно под влиянием исторической школы пришел и Гегель к оправданию действительности. Недаром Пушкин в Записке о народном воспитании говорит о »силе правительства, основанной на силе вещей.«[1]) Сила вещей — это конечно та же сила природы, — нечто, стоящее выше воли отдельного человека и определяемое всей совокупностью физических и духовных сил, из которых слагаются явления общественной жизни. Если правительство опирается на эту силу, то это значит, что мы принуждены с ним считаться, как с чем-то готовым, чем-то данным, стоящим вне нас и выше нас. Такое правительство имеет меньше побуждений ставить себя в зависимость от законов или других явлений морального характера. Оно будет рассматривать себя приблизительно так-же, как и то правительство, которое убеждено, что оно получило свою власть от »природы«.

Таким образом, у нас нет твердых данных, чтобы судить с определенностью, как думал Пушкин в свои зрелые годы об источниках верховной власти, но многое говорит за то, что его взгляды на этот вопрос лежали между теорией закона и натурализмом и где-то ближе к натурализму, чем в дни его юности, в пору создания оды Вольность.

В. Вальденберг.

---

[1]) То же изд. т. V стр. 391.

Замѣтки по ркк. и творчеству Лермонтова.

При изученіи творчества великихъ писателей часто борятся два по существу параллельныхъ направленія. Одно изъ нихъ сосредотачиваетъ всѣ усилія на собираніи фактовъ и указаній со стороны: воспоминанія о писателѣ, критическія замѣтки и статьи, по разнымъ поводамъ высказанныя о немъ мнѣнія. Другое направленіе я назову итальянскимъ выраженіемъ: spiegare l'autore con se stesso. Странно сказать, но объ изученіи какого бы великаго писателя мы не вспомнили, окажется, что всегда лишь позднѣе, послѣ многихъ споровъ и разочарованій, какія вызывало награможденіе, одно на другое, множества посторонняго матеріала, мысль и вниманіе изслѣдователя начинаютъ сосредотачиваться на самихъ текстахъ писателя, на томъ, что самъ онъ о себѣ и своихъ вдохновеніяхъ написалъ; и отсюда — сличенія, сопоставленія, кропотливая работа подбора выписокъ и разночтеній, какъ бы составленіе нѣкоего предметнаго указателя или vade mecum, при помощи котораго мы прежде всего дознаемся и выяснимъ, что самъ поэтъ, — и особенно это важно, когда дѣло идетъ о поэтѣ-лирикѣ — повѣдалъ намъ о своихъ мечтахъ и размышленьяхъ. Высвободить изъ-подъ спуда всякихъ внутреннихъ и особенно внѣшнихъ трудностей наслѣдіе поэта, явится тогда первой и самой главной стадіей научной критики.

Такими соображеніями я руководился, когда года за два до войны работалъ надъ текстами „Демона" (См. „Методологическія замѣчанія о текстѣ Демона" Извѣстія 2-ого отд. по разряду р. языка и словесности Академіи Наукъ XVIII (1913) кн. 3, стр. 276—335); имъ же я останусь вѣренъ, возобновляя послѣ двѣнадцатилѣтняго перерыва, свои занятія Лермонтовымъ.

Сокращенія:

Аи I—V = Академическое изданіе сочиненій Л-ва тт. I—V подъ ред. Абрамовича изд. 1-ое и I и II тт. 2-ого изданія.

В I—V = Изданіе Висковатаго, съ послѣднимъ томомъ, посвященнымъ біографіи Л-ва.

Тлм II—XX = Тетради-автографы Л-ва, хранящіяся въ Л-вскомъ Музеѣ, прежде при Николаевскомъ Каваллерійскомъ училищѣ, а теперь вошедшемъ въ составъ Пушкинскаго дома.

I.
Тлм XX.

Всякаго, кто въ присѣстъ занимается Лермонтовымъ, особенно добросовѣстнаго издателя его сочиненій, всегда прежде всего влечетъ къ его черновымъ тетрадкамъ и записнымъ книжкамъ, переданнымъ Краевскимъ Лермонтовскому Музею. Тутъ — первоисточникъ. Тутъ словно слѣдишь за перомъ поэта. Вотъ онъ замѣнилъ одно слово другимъ, вотъ не давалась риѳма, или, напротивъ, сама набѣжала рѣзвая и неожиданная, подсказывая образъ, перебой чувства, внезапную мысль. А порядокъ, въ какомъ возникали стихи, тутъ какъ будто не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній. Нанизывались, чередовались, заколдовывали тѣ или иныя, мелкія и важныя перепетіи жизни, и лились, переплетались раздумья напѣвныя. Однако, когда каждая изъ черновыхъ тетрадей-автографовъ была въ рукахъ поѥта? №№, какіе онѣ получили въ Лермонтовскомъ Музеѣ, какъ будто отвѣчаютъ на этотъ вопросъ. Тлм II носитъ заголовокъ: „Мелкія стихотворенія. Москва. 1829 г.“; за нею идетъ Тлм III съ I-ымъ очеркомъ „Демона“ и Тлм IV со 2-ымъ; Тлм VI озаглавлена: „Разныя стихотворенія (1830 годъ)“; въ Тлм VII находятся стихи: „1830 г. іюля 15-ого. Москва“; въ Тлм VIII стихи „Глупой красавицѣ“ и „Могила бойца“ отмѣчены 4-ымъ и 5-ымъ октября 1830; наконецъ, Тлм XI открывается стихотвореніемъ „Желаніе“ съ точной датой „29 іюля. Середниково“, что относитъ насъ къ серединѣ 1831 г. Тлм XV уже красуется „Русалкой“, „Узникомъ“, „Ангеломъ“; мы на высяхъ поэтическаго творчества. За три года лирика Л-ва развернулась во всей своей непревзойденной геніальности.

Тлм XX содержитъ въ себѣ стихи, переписанные на бѣло, и лишь нѣкоторые носятъ слѣды продолжающейся работы надъ ними, т. е. собственноручныя поправки. Сличеніе съ черновыми только что перечисленными тетрадями показываетъ еще, что далеко не всѣ стихи попали сюда, а изъ нихъ

дѣлалась выборка. Можетъ быть, это первая попытка приготовить ихъ къ печати, но для современнаго издателя она не можетъ служить руководствомъ, потому что порядокъ вписанныхъ стихотвореній вовсе не соотвѣтствуетъ времени ихъ возникновенія. Такъ на 8-омъ мѣстѣ въ Тлм XX переписаны стихи „30 іюля 1830 г.“ (Аи I № 156), а на 15-мъ стихи „1830 г. мая 16-ого“ (Аи I № 146); дальше же, начиная съ 23-ьяго мѣста и кончая 25-ымъ, вписано три стихотворенія изъ Тлм II: „Жена сѣвера“ (Аи I № 41), „Къ другу“ (Аи I № 42) и „Русская мелодія“ (Аи I № 23). Дальше стихи „1831 г. Іюля 11 дня“ (Аи I № 217), вписанные 51-ыми, предшествуютъ „1831 января . . .“ (Аи I 215), вписаннымъ 56-ымъ. А послѣ стиховъ изъ Тлм XI, возникшихъ осенью 1831, начиная со стиховъ „Желтый листъ о стебель бьется“ (Аи I 63), семь стихотвореній изъ Тлм IV. Вотъ, почему интересъ къ Тлм XX опредѣляется лишь постолько, посколько значительное количество стиховъ можетъ быть почерпнуто только отсюда, и черновики ихъ до насъ не дошли. Этимъ какъ бы исчерпывается значеніе Тлм XX. Сама собою и особенно вся цѣликомъ эта тетрадь не считается первоисточникомъ.

Я постараюсь однако показать, что именно Тлм XX и взаимныя отношенія, въ какихъ съ нею и черезъ нее состоятъ прочія черновыя тетради, даетъ возможность расположить стихи Лермонтова въ той послѣдовательности, въ какой они возникли, а отсюда получится ключъ къ его творчеству и внутренней, сердечной и идейной жизни въ самую рѣшающую пору его поэтическихъ исканій. Опредѣлимъ же прежде всего составъ содержанія Тлм XX, распредѣливъ его по частямъ, т. е. разбивъ на отдѣлы; представлю ихъ ввидѣ таблицы, съ указаніемъ на №№ Аи I и II.[1])

Отдѣлъ 1-ый составляютъ 7 стихотвореній, изъ которыхъ лишь одно находится въ одной изъ черновыхъ тетрадей — Тлм III:

Тлм	XX, 1 Звѣзда	(Аи I № 180)	
„	XX, 2 Перчатка	(„ I „ 51)	тоже въ Тлм III. 9
„	XX, 3 Раскаяніе	(„ I „ 181)	

[1]) Къ свѣдѣнію читателей, не имѣющихъ подъ рукою Аи: Полное собраніе сочиненій М. Ю. Л-ова. Берлинъ. Изд. „Слово“. 1921. даетъ лирическія стихотворенія Л-ва, точно слѣдуя ихъ порядку въ Аи; т. обр. №№ по Аи легко возстановить по изданію „Слово“.

Тлм XX,	4	Венеція	(Аи I № 57)	
,, XX,	5	„Случалось съ вихремъ и грозой“	(,, I ,, 182)	
,, XX,	6	„Я видѣлъ разъ ее въ веселомъ вихрѣ бала“	(,, I ,, 183)	
,, XX,	7	Весна	(,, I ,, 157)	

Отдѣлъ 2-ой содержитъ три стихотворенія, которыхъ черновики всѣ сохранились:

Тлм XX,	8	„30 Іюля 1830“	(Аи I № 155)	Тлм VIII, 16
,, XX,	9	Чума	(,, I ,, 159)	,, VIII, 13
,, XX,	10	Ночь	(,, I ,, 164)	,, VIII, 1

Отдѣлъ 3-ій составляютъ стихи, вписанные изъ немного болѣе ранней черновой тетради:

Тлм XX,	11	Челнокъ	(Аи I № 130)	Тлм VI, 33
,, XX,	12	„Дробись, дробись волна ночная“	(,, I ,, 136)	,, VI, 43
,, XX,	13	Эпитафія	(,, I ,, 148)	,, VI, 44
,, XX,	14	Кладбище	(,, I ,, 141)	,, VI, 48
,, XX,	15	1830 г. Маія 16-ого	(,, I ,, 146)	,, VI, 55
,, XX,	16	Подражаніе Байрону	(,, I ,, 184)	
,, XX,	17	Къ *** „Не думай, чтобъ я былъ...“	(,, I ,, 147)	,, VI, 56
,, XX,	18	Ночь „Погаснулъ день...“	(,, I ,, 111)	,, VI, 7
,, XX,	19	Гроза	(,, I ,, 117)	,, VI, 16
,, XX,	20	Звѣзда „Видали ль, когда...“	(,, I ,, 119)	,, VI, 19
,, XX,	21	Вечеръ послѣ дождя	(,, I ,, 120)	,, VI, 20
,, XX,	22	Наполеонъ	(,, I ,, 121)	,, VI, 23

Отдѣлъ 4-ый состоитъ изъ стиховъ еще болѣе раннихъ; большинство изъ нихъ изъ черновой тетради 1829 года:

Тлм XX,	23	Жена сѣвера	(Аи I № 41)	Тлм II, 36
,, XX,	24	Къ другу	(,, I ,, 42)	,, II, 37
,, XX,	25	Русская мелодія	(,, I ,, 83)	,, II, 18
,, XX,	26	Къ Дурнову	(,, I ,, 185)	
,, XX,	27	Арфа	(,, I ,, 186)	
,, XX,	28	Кавказу	(,, I ,, 104)	,, V, 4

Отдѣлъ 5-ый — гораздо обширнѣе; кромѣ одного стихотворенія, переписаннаго изъ Тлм VIII, и другого изъ Тлм VII, при чемъ эти послѣдніе стихи единственные, попавшіе въ Тлм XX изъ Тлм VII, сюда вписаны стихи, ни въ какихъ другихъ рукописяхъ Л-ва не встрѣчающіеся:

Тлм XX,	29	Нищій	(Аи I № 161)
,, XX,	30	„На темной скалѣ...“	(,, I ,, 187)
,, XX,	31	Farewell	
,, XX,	32	Пѣсня	(,, I ,, 188)
,, XX,	33	„Не знаю обманутъ ли былъ я	(,, I ,, 189)
,, XX,	34	Пиръ Асмодея	(,, I ,, 190)
,, XX,	35	Сонъ	(,, I ,, 191)
,, XX,	36	На картину Рембрандта	(,, I ,, 192)
,, XX,	37	Къ *** „О полно извинять развратъ“	(,, I ,, 193)
,, XX,	38	Прощанье	(,, I ,, 194)
,, XX,	39	Къ пріятелю	(,, I ,, 195)

Тлм XX, 40	Смерть	(Ан I № 196)	
„ XX, 41	Волны и люди	(„ I „ 197)	
„ XX, 42	Звуки	(„ I „ 198)	
„ XX, 43	11 іюля	(„ I „ 199)	
„ XX, 44	Первая любовь	(„ I „ 290)	
„ XX, 45	Поле Бородино	(„ I „ 201)	
„ XX, 46	Могила бойца	(„ I „ 172)	Тлм VIII, 5
„ XX, 47	Пѣснь барда	(„ I „ 154)	„ VII, 7
„ XX, 48	Мой домъ	(„ I „ 202)	
„ XX, 49	Смерть	(„ I „ 203)	
„ XX, 50	Стансы	(„ I „ 204)	

Отдѣлъ 6-ой. Сюда включаю пять стихотвореній уже 1831 года:

Тлм XX, 51	1831 года Іюня 11 дня	(Ан I № 217)
„ XX, 52	Солнце осени	(„ I „ 253)
„ XX, 53	Потокъ	(„ I „ 254)
„ XX, 54	Къ ***	(„ I „ 255)
„ XX, 55	Ночь	(„ I „ 256)

Отдѣлъ 7-ой открывается стихами „1831 янв.“ и содержитъ стихотворенія, изъ которыхъ тоже ни одно не встрѣчается ни въ одной изъ дошедшихъ до насъ черновыхъ рк. поэта:

Тлм XX, 56	1831 Янв.	(Ан I № 215)
„ XX, 57	Азраилъ	(„ I „ 304)
„ XX, 58	Къ себѣ	(„ I „ 257)
„ XX, 59	„Душа моя должна прожить...“	(„ I „ 258)
„ XX, 60	Пѣсня „Колоколъ стонетъ“	(„ I „ 262)
„ XX, 61	„Пускай поэта обвиняютъ“	(„ I „ 259)
„ XX, 62	Слава	(„ I „ 260)
„ XX, 63	Вечеръ	(„ I „ 263)
„ XX, 64	„Унылый колокола стонъ“	(„ I „ 261)
„ XX, 65	„Хоть давно измѣнила мнѣ радость“	(„ I „ 264)
„ XX, 66	Русская пѣсня	(„ I „ 206)
„ XX, 67	Звуки и взоръ	(„ I „ 265)
„ XX, 68	Земля и небо	(„ I „ 266)
„ XX, 69	Къ *** „Дай руку мнѣ“	(„ I „ 267)
„ XX, 70	Изъ А. Шенье	(„ I „ 268)
„ XX, 71	Къ *** „Не медли въ дальней сторонѣ“	(„ I „ 269)
„ XX, 72	Сосѣдъ	(„ I „ 270)
„ XX, 73	Стансы „Не могу на родинѣ томиться“	(„ I „ 271)
„ XX, 74	Мой демонъ	(„ I „ 272)

Отдѣлъ 8-ый опять возвращаетъ насъ къ сохранившимся черновымъ тетрадкамъ:

Тлм XX, 75	Завѣщаніе	(Ан I № 219)	Тлм X, 2
„ XX, 76	Желаніе	(„ I „ 222)	„ XI, 2
„ XX, 77	Къ дѣвѣ небесной	(„ I „ 223)	„ XI, 3
„ XX, 78	Св. Елена	(„ I „ 224)	„ XI, 4
„ XX, 79	Атаманъ	(„ I „ 225)	„ XI, 5
„ XX, 80	Надежда	(„ I „ 230)	„ XI, 12
„ XX, 81	Чаша жизни	(„ I „ 231)	„ XI, 15

Тлм XX, 82	Воля	(Аи I № 234)	,, XI, 22
,, XX, 83	Сентября 22	(,, I ,, 235)	,, XI, 23
,, XX, 84	„Ликуйте друзья“	(Аи I прил. 4)	,, XI, 28
,, XX, 85	Небо и здѣзды	(,, I № 239)	,, XI, 29
,, XX, 86	„Когда бъ въ покорности незнанья“	(,, I ,, 240)	,, XI, 31
,, XX, 87	Къ ***	(,, I ,, 243)	,, XI, 37
,, XX, 88	Ангелъ	(,, I ,, 247)	,, XI, 45 и ,, XV, 3
,, XX, 89	Стансы „Я не могу не произнесть“	(,, I ,, 246)	,, XI, 42
,, XX, 90	„Ужасная судьба отца и сына“	(,, I ,, 248)	,, XI, 43
,, XX, 91	„Пусть я кого-нибудь люблю“	(,, I ,, 249)	,, XI, 47

Отдѣлъ 9-ый состоитъ изъ стиховъ, сохранившихся и въ черновикахъ, которые считаются ранними:

Тлм XX, 92	„Желтый листъ о стебель бьется“	(Аи I № 63)	Тлм IV, 8
,, XX, 93	Отрывокъ	(,, I ,, 65)	,, IV, 10
,, XX, 94	Силуэтъ	(,, I ,, 66)	,, IV, 11
,, XX, 95	„Склонись ко мнѣ красавецъ молодой	(,, I ,, 92)	,, IV, 42
,, XX, 96	Къ ***	(,, I ,, 95)	,, IV, 46
,, XX, 97	Прелестницѣ	(,, I ,, 99)	,, IV, 52
,, XX, 98	„Ты молодъ, цвѣтъ твоихъ кудрей“	(,, I ,, 100)	,, IV, 53

Отдѣлъ 10-ый будетъ послѣднимъ; входящіе въ него стихи обычно относятъ уже не только къ 1831, но къ 1832 г.; ихъ черновыхъ набросковъ не сохранилось:

Тлм XX, 99	„Нѣтъ я не Байронъ“	(Аи I № 273)	
,, XX, 100	Романсъ	(,, I ,, 274)	
,, XX, 101	Сонетъ „Я памятью“	(,, I ,, 275)	
,, XX, 102	„Болѣзнь въ груди моей“	(,, I ,, 276)	
,, XX, 103	Къ *** „Мы случайно“	(,, I ,, 277)	
,, XX, 104	„Поцѣлуями прежде“	(,, I ,, 278)	
,, XX, 105	„Послушай быть можетъ“	(,, I ,, 279)	
,, XX, 106	„Оставь напрасныя заботы“	(,, I ,, 280)	
,, XX, 107	Баллада	(,, II ,, 6)	
,, XX, 108	Бой	(,, II ,, 7)	
,, XX, 109	„Я жить хочу, хочу печали“	(,, II ,, 8)	
,, XX, 110	„Смѣло вѣрь тому, что вѣчно“	(,, II ,, 10)	
,, XX, 111	„Привѣтствую тебя воинственныхъ славянъ“	(,, II ,, 11)	
,, XX, 112	„Отворите мнѣ темницу“ ср.	(,, II ,, 15)	Тлм XV, 11
,, XX, 113	Къ *** „Мой другъ напрасное старанье“	(,, II ,, 12)	
,, XX, 114	Къ *** „Печаль въ моихъ пѣсняхъ“	(,, II ,, 13)	
,, XX, 115	Два великана	(,, II ,, 14)	Тлм XV, 9
,, XX, 116	Къ *** „Прости, мы не встрѣтимся болѣ“	(,, II ,, 16)	
,, XX, 117	„Слова разлуки повторяя“	(,, II ,, 23)	

Тлм XX, 118 „Безумецъ я! вы правы, правы“ . . . . (Аи II № 24)
„ XX, 119 „Она не гордой красотой“ („ II „ 25)

Въ этой таблицѣ сразу бросается въ глаза одно важное для моего изслѣдованія обстоятельство. Совершенно очевидно, что въ отдѣлахъ 8-омъ и 9-омъ стихи переписаны въ Тлм XX непосредственно изъ Тлм XI и затѣмъ изъ Тлм IV. Порядокъ стиховъ тотъ же; при чемъ при внесеніи въ рукопись стиховъ изъ Тлм IV лишь дѣлался болѣе строгій выборъ. Такъ при перепискѣ изъ Тлм IV пропущены шуточные стихи разнымъ лицамъ (Аи I №№ 70—86), не имѣвшіе никакого другого предназначенія, какъ свѣтскую шутку. Они занимали въ Тлм IV мѣста отъ 19-го до 36-го. Нѣсколько сложнѣе обстоитъ дѣло со стихами, вписанными изъ черновиковъ Тлм VI, Тлм VII и Тлм VIII. Къ этому мы сейчасъ и вернемся. Но раньше, безъ особенно тщательнаго обоснованія, можно сдѣлать еще одинъ весьма правдоподобный выводъ: отдѣлы 5-ый и 7-ой, а можетъ быть и 10-ый, гдѣ вписаны стихи, которыхъ черновики до насъ не дошли, тоже восходятъ къ подобнымъ же черновымъ тетрадкамъ, въ которыхъ Л-овъ, подобно тому, какъ это дѣлалъ и Пушкинъ, сначала работалъ надъ стихами на черно, а затѣмъ переписывалъ въ окончательномъ видѣ.

Постараемся же теперь обслѣдовать Тлм XX при помощи моей таблицы, но пристальнѣе.

Изъ всѣхъ черновыхъ тетрадей наиболѣе ясно пріурочивается, и по времени, и по мѣсту, небольшая записная книжка, содержащая всего пять стихотвореній — Тмл VII. Она открывается этой веселой замѣткой, озаглавленной: Эпитафія плодовитаго писаки: „Здѣсь покоится человѣкъ, который никогда не видалъ передъ собой бѣлой бумаги“. Конечно, надъ собой трунитъ поэтъ. А дальше замѣтка о лестномъ и тревожномъ предсказаніи, сдѣланномъ о немъ его бабушкѣ на Кавказѣ, схожемъ съ тѣмъ, какое услышала о своемъ сынѣ отъ цыганки лэди Байронъ. Потомъ стихи. На четвертомъ мѣстѣ стихотвореніе, съ котораго и начну свой разборъ послѣдовательности, въ какой возникала ранняя лирика Л-ва. Оно начинается патетически:

Зачѣмъ семьи родной безвѣстный кругъ
Я покидалъ? Все сердце грѣло тамъ,
Все было мнѣ наставникъ или другъ,
Все вѣрило младенческимъ мечтамъ.

Куда, въ какіе дальніе края заброшенъ поэтъ? Стихи носятъ дату въ самомъ заглавіи: „1830-ый годъ. Іюля 15-ого“ и въ концѣ — мѣсто дѣйствія: Москва. (Аи I № 152).

16-аго Апрѣля этого знаменательнаго 1830 года шестнадцатилѣтній поэтъ окончилъ свое образованіе въ Благородномъ Пансіонѣ Имп. Московскаго Университета, а 21-аго подалъ прошеніе о зачисленіи въ студенты. Въ августѣ же состоялось донесеніе о выдержанныхъ имъ вступительныхъ экзаменахъ, и 1-го Сентября онъ зачисленъ на Нравственно — Политическое отдѣленіе. Отсюда ясно, что происходило въ серединѣ іюля, — экзамены, и поэтъ въ Москвѣ. Слѣдующіе стихи говорятъ о времяпрепровожденіи въ его воображаемой заброшенности. Они носятъ достаточно красноречивое заглавіе: „Бульваръ“ (Аи I № 153). Это сатира на гулявшихъ, какъ и онъ самъ, по Бульвару въ лѣтнее время, почему-то тоже оказавшихся въ городѣ, щеголихъ и франтовъ. Вотъ то „общество иное“, какое онъ теперь, уже взрослый, впервые узналъ,

> и погубилъ
> Безпечности душевной талисманъ.

Отсюда вырывающійся изъ груди поэта отчаянный стонъ или, перенесясь изъ поэтическихъ фантасмагорій въ міръ реальностей, эти четыре превосходныхъ стиха:

> Что-жъ! Нынѣ жалкій, грустный, я живу
> Безъ дружбы, безъ надеждъ, безъ думъ, безъ силъ,
> Блѣднѣй, чѣмъ лучъ безчувственной луны,
> Когда въ окно скользитъ онъ вдоль стѣны.

Между тѣмъ „семьи родной безвѣстный кругъ“, т. е. воспитывавшая поэта бабушка, важная и богатая, извѣстная не только всей знатной Москвѣ, но въ Петербургѣ до Дубельта включительно, Елизавета Алексѣевна Арсеньева находилась въ подмосковной въ Середниковѣ, имѣніи брата. Вѣроятно для того, чтобы быть ближе къ Мишелю, стала она проводить лѣто здѣсь, а не въ своемъ помѣстьи, Тарханы, Чембарскаго уѣзда, Пензенской губ. Тутъ всѣ эти кузины и ихъ подруги, съигравшія такую значительную роль въ жизни Л-ва: Столыпины, Верещагины, Лопухины, Сушковы, ждали его возвращенія, подсмѣиваясь надъ тѣмъ, какъ онъ „передразниваетъ“ Байрона, но сами увлеченныя тѣми же литературными вкусами. Очень скоро мы и увидимъ Лермонтова въ ихъ милой, веселой и все же доставившей ему не мало

самыхъ что ни на есть настоящихъ, а не воображаемыхъ душевныхъ мукъ, обществѣ. Но покамѣстъ, пока идутъ экзамены, умъ юноши встревоженъ большими событіями: вспыхнула во Франціи іюльская Революція, появилась въ Россіи чума, и волнуется народъ, настраиваются мысли на политическія раздумья, а поэтъ, какъ Юрій изъ его юношеской драмы „Menschen und Leidenschaften" можетъ сказать о себѣ: „любовь мою къ свободѣ человѣчества почитали вольнодумствомъ . . .". Отсюда пламеннѣе и злѣе сатира на бульварныхъ франтовъ и щеголихъ. Но намъ сейчас важнѣе послѣднія два стихотворенія изъ Тлм VII: „Пѣснь барда" (Аи I № 154) и „10-ое іюля 1830 г." (Аи I № 154), гдѣ вылилось это „вольнодумство".

„Пѣснь барда" (Аи I № 153) — единственные стихи изъ Тлм VII, вписанные въ Тлм XX. Они занимаютъ здѣсь 47-ое мѣсто. Это важно намъ потому, что черновикъ непосредственно предшествующаго имъ въ Тлм XX стихотворенія „Могила бойца" (Аи I № 172) въ Тлм VIII помѣченъ точной датой: „1830, 5 октября, во время холеры morbus"; передъ нимъ въ Тлм VIII маленькіе стихи „Глупой красавицѣ" (Аи I № 171), сочиненные наканунѣ: 4 октября 1830 г. Значитъ, „Пѣснь барда", сочиненная совершенно очевидно въ Іюлѣ, т. е. между извѣстной намъ датой 15-ое іюля и временемъ, когда до Москвы дошло извѣстіе объ іюльской революціи, скажемъ, конецъ іюля — начало августа, вписано въ Тлм XX только въ октябрѣ. Но въ Тлм XX было уже тогда внесено цѣлыхъ 47 стихотвореній. Когда же началъ Л-овъ переписыванье сюда своихъ стиховъ?

Въ прозаической замѣткѣ того же года въ Тлм V поэтъ записалъ: „Когда я началъ марать стихи въ 1828 г. (въ пансіонѣ), я, какъ бы по инстинкту, переписывалъ и прибиралъ ихъ. Они еще теперь у меня. Нынѣ я прочелъ въ жизни Байрона, что онъ дѣлалъ то же — это сходство меня поразило." Мы еще вернемся, въ своемъ мѣстѣ, къ тому, что означаетъ выраженіе „марать стихи", и правильно ли понимаютъ его въ значеніи вообще сочинять. Пока, для того что насъ интересуетъ сейчасъ, она намъ важна въ томъ отношеніи, что мальчикъ задумался, какъ быть съ сочиненными имъ стихами и вычиталъ себѣ урокъ изъ только что вышедшихъ „Letters and journals of Byron, with notices on his life

Мура. До сихъ поръ, если онъ говоритъ, что переписывалъ стихи, это относится очевидно до „Кавказскаго Плѣнника,“ лирическія стихотворенія онъ какъ будто только „прибиралъ“, и тутъ рѣчь о тѣхъ черновыхъ тетрадкахъ, которыя благодаря этому и дошли до насъ. Тлм XX вѣрнѣе всего первая попытка завести сборникъ на бѣло переписанныхъ лирическихъ стиховъ. Какъ мы сейчасъ увидимъ, осуществлена она именно одновременно со знакомствомъ съ біографіей теперь самаго любимаго и близкаго по духу поэта.

Въ этомъ насъ убѣдятъ наблюденія надъ расположеніемъ стиховъ въ Тлм VIII и Тлм VI. Тутъ выяснится и значеніе Тлм XX для послѣдовательности, въ какой нарождалась лирика Лермонтова. Только прослѣдить взаимныя отношенія Тлм VIII и Тлм XX прійдется, очень подробно вглядываясь въ кажущіяся несообразности.

Какъ видно изъ моей таблицы, небольшой 2-ой отдѣлъ Тлм XX состоитъ изъ трехъ стихотвореній, черновики которыхъ находятся въ Тлм VIII. Но порядокъ, въ которомъ эти стихи списаны, странный: сначала стихи на событія во Франціи: „Парижъ 30 іюля 1830 г.“ (Аи I № 156), занимавшіе въ Тлм VIII 13-ое мѣсто, потомъ отрывокъ „Чума“ (Аи I № 159), стоящіе въ Тлм VIII на 16-омъ мѣстѣ и наконецъ „Ночь“ (Аи I № 64), которыми начинается Тлм VIII. Странность эта усугубляется тѣмъ, что „Ночь“, т. е. открывающее Тлм VIII стихотвореніе, помѣчено, 28-ымъ августа, а стоящее на 11-омъ мѣстѣ еще одно стихотвореніе о чумѣ, не вписанное въ Тлм XX „Чума въ Саратовѣ“ (Аи I № 158), помѣчено 15-ымъ августа. Въ добавокъ между ними, т. е. на 4-омъ и 5-омъ мѣстахъ находятся упомянутые уже стихи „Глупой красавицѣ“ (Аи I № 171 4-го октября и „Могила бойца“ (Аи I № 172). Вѣдь передъ нами черновики. Какъ же можно въ одной и той же тетради на черно писать сначала 28 авг., потомъ въ октябрѣ и наконецъ опять въ августѣ, да еще 15-го? Между тѣмъ порядокъ этихъ стиховъ въ Тлм XX нормальный: стихи объ оставившемъ Парижъ королѣ по случаю іюльской революціи (Аи I № 155), которые возникли всего вѣроятнѣе послѣ первыхъ стиховъ на событія 10-го іюля, когда Революція вспыхнула (Аи I № 154), далѣе отрывокъ „Чума“ и потомъ „Ночь“, сочиненные въ послѣднихъ числахъ августа. Это значитъ просто, что

листы Тлм VIII, когда эта тетрадь была въ рукахъ Л-ва были сплетены иначе, чѣмъ въ Лермонтовскомъ Музеѣ. А „Могила бойца", вписанная въ Тлм XX лишь на 46-омъ мѣстѣ? Это стихотвореніе даетъ возможность опредѣлить время возникновенія Тлм XX. Теперь ясно: когда начата была эта бѣловая тетрадь, октябрьскихъ стиховъ въ Тлм VIII еще не существовало.

Переписка на бѣло начата между концомъ августа 1830 г. н началомъ октября, т. е. въ сентябрѣ съ только что возникшихъ августовскихъ стиховъ. За ними очередь оказалась за Тлм VI. Но тутъ опять такая же несообразность, какъ та, что намъ только что удалось преодолѣть. И въ Тлм VI въ томъ видѣ, въ какомъ она хранится въ Лермонтовскомъ Музеѣ, перепутаны листы, и опять лучше довѣриться порядку стиховъ въ Тлм XX.

Въ самомъ дѣлѣ. Въ концѣ черновой тетради Тлм VI на 55-омъ мѣстѣ — стихи обозначенные: „1830 г. Мая 16 дня" (Аи I № 146); непосредственно передъ ними на 54-омъ мѣстѣ: „Записка 1830 г. 8 іюля," гдѣ, прозой поэтъ разсказалъ о своей влюбленности десяти лѣтъ отъ роду на Кавказѣ въ какую то бѣлокурую дѣвочку; еще немного раньше, на 52-омъ мѣстѣ — стихи „Къ С." (Аи I № 52), помѣченные 12 авг. 1830 г. Такъ обр. приходитъ на умъ, не переставлены-ли въ этомъ мѣстѣ листы черновой тетради Тлм VI въ обратномъ порядкѣ. Но существеннѣе то обстоятельство, что одно изъ стихотвореній изъ первой половины рк. Тлм VI относитъ насъ къ осени. На 26-омъ мѣстѣ записано стихотвореніе „Къ глупой красавицѣ" (Аи I № 123). Оно не носитъ никакой даты. Но въ другой черновой тетради подобные же стихи: „Глупой красавицѣ" (Аи I № 171), помѣчены 4 октября. Мало вѣроятно, чтобы подобная тема могла привлечь къ себѣ поэта два раза. При привычкѣ Л-ва сочинять схожіе стихи по два и по три раза подрядъ, какъ мы это видѣли съ іюльской революціей и чумными бунтами, встрѣча съ красивой, но глупой особой, тоже очевидно вызвала одновременно двое стиховъ. А встрѣча разсказана въ припискѣ къ Тлм VI, 26, Аи I № 123: „Меня спрашивали, почему я не говорю съ одной дѣвушкой, а только смотрю . . ." Слѣдующая небольшая таблица наглядно покажетъ, что порядокъ стиховъ въ Тлм XX настоящій, а въ Тлм VI въ томъ видѣ, въ какомъ эта тетрадь

хранится въ настоящее время въ Лермонтовскомъ Музеѣ, сбитъ неправильной сброшюровкой.

Аи I № 136 Элегія	. . . .	Тлм VI, 42 =	Тлм XX, 12
„ I „ 137 Эпитафія	. . . .	„ VI, 43 =	„ XX, 13
„ I „ 141 Кладбище	. . . .	„ VI, 48 =	„ XX, 14
„ I „ 146 1830 г. мая 16 дня	. . . . . .	„ VI, 55 =	„ XX, 15
„ I „ 147 Къ ***	. . . .	„ VI, 56 =	„ XX, 17
„ I „ 111 Ночь	. . . .	„ VI, 7 =	„ XX, 18
„ I „ 117 Гроза	. . . .	„ VI, 16 =	„ XX, 19
„ I „ 119 Звѣзда	. . . .	„ VI, 19 =	„ XX, 20
„ I „ 120 Вечеръ послѣ дождя	. . .	„ VI, 20 =	„ XX, 21
„ I „ 121 Наполеонъ	. . . .	„ VI, 21 =	„ XX, 22

Очевидно, когда переписывались стихи изъ Тлм VI въ Тлм XX, первая часть рукописи, т. е. стихи нынѣ 1—32, составляли вторую часть, а, напротивъ, стихи нынѣ 33—66 первую.

Попутно предложу еще одно соображеніе, касающееся распредѣленія по мѣсяцамъ стиховъ 1830 г. Въ Тлм VI на 37 и 38 мѣстахъ находятся два небольшихъ стихотворенія, озаглавленныя „Въ Воскресенскѣ“ (Аи I № 132). Они возникли во время паломничества въ новый Іерусалимъ. Въ Тлм XX они переписаны не были. Но въ Тлм XX на 29-омъ мѣстѣ находятся стихи „Нищій“ (Аи I № 161), сочиненные въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ. Если мой разборъ черновой Тлм VI правиленъ, такое паломничество должно было имѣть мѣсто весною 1830 немного раньше Мая. Отсюда мы имѣемъ возможность установить дату и стиховъ извѣстныхъ намъ лишь по Тлм XX и составляющихъ въ рк. 5-ый отд., который открываетъ стихотвореніе „Нищій“. И вотъ это отнесеніе этихъ стиховъ на весну подтверждаетъ свидѣтельство самого поэта. Онъ не забылъ о томъ паломничествѣ, когда писалъ „Книгиню Лиговскую“; во время этого паломничества, о которомъ сказано: „Это было весною“ (Аи IV, стр. 124), произошло сближеніе Вѣры съ Печоринымъ, тогда студентомъ Московскаго университета. Паломничество было особое, свѣтское, отправились большимъ обществомъ барышень со своими матерями и приглашенными ими молодыми людьми. Г-жа Сушкова-Хвостова въ своихъ „Запискахъ“ тоже вспоминаетъ подобное же свѣтское паломничество съ участіемъ Л-ва и объясняетъ происхожденіе стиховъ „Нищій“, но относитъ его къ ранней осени (Аи I, стр. 387—388 и ВЛ V, стр. 99—100). Вѣрнѣе всего, какъ во множествѣ другихъ случаевъ, ей измѣнила память.

Мы можемъ теперь сдѣлать значительный шагъ впередъ, Мы прослѣдили лирику Л-ва до поздней осени 1830 г. Тѣ 6 стихотвореній, которые составляютъ 4-ый отд. Тлм XX, мы можемъ миновать. Они взяты изъ старыхъ тетрадей Тлм II и Тлм V. На нихъ не буду остановливаться.

Перейдемъ прямо къ 5-ому отдѣлу. Его источникъ, т. е. черновики входящихъ сюда стиховъ, до насъ не дошли. Но наблюденіе надъ черновиками Тлм VIII и Тлм VII позволили опредѣлить время ихъ возникновенія; это 2-ая половина 1830 г., начиная съ весны. Значитъ недошедшій до насъ черновикъ стиховъ 5-го отд. былъ въ рукахъ поэта одновременно съ Тлм VI и VII. Можно печатать поочередно стихи изъ Тлм XX, 29—50, т. е. по Аи I №№ 161 и 187—204 со стихами изъ Тлм VI и VII, т. е. Аи I №№ 105—129 и 151—155, включивъ сюда стихи и изъ другихъ первоисточниковъ, если они относятся къ тому же времени. Съ начала осени, т. е. съ августа, не нарушая подобной послѣдовательности, начинаютъ впрорѣдь входить стихи изъ Тлм VIII: Аи I №№ 156, 158, 160, 161, 164, 171 и 176—179, однако сообразно порядку, какой занимаютъ тѣ изъ этихъ стихотвореній, которыя переписаны на бѣло, не по Тлм VIII, а по Тлм XX. Послѣднимъ стихотвореніемъ изъ Тлм VIII будетъ зачеркнутое: „Новгородъ“ (Аи I № 174), помѣченное 13 окт. 1830, а непосредственно передъ нимъ окажется нѣсколько стихотвореній тоже помѣченныхъ октябремъ, и наконецъ, за послѣдніе мѣсяцы 1830 г., возникло лишь нѣсколько заключительныхъ стихотвореній 5-го отдѣла Тлм XX.

Мнѣ осталось, чтобы покончить съ разборомъ взаимныхъ отношеній Тлм XX и Тлм VI, VII и VIII, лишь вернуться къ началу 1830 г. Мы знаемъ, что переписка на бѣло въ Тлм XX начата лѣтомъ. А тѣ стихи, которые принадлежатъ къ I-ому отдѣлу Тлм XX? О нихъ до сихъ поръ еще не было рѣчи. Одно изъ нихъ взято изъ прошлогодней тетради Тлм III; это — подражаніе Шиллеровскому кубку, „Перчатка“ (Аи I № 51). Остальныхъ черновики не дошли; но этотъ маленькій отдѣлъ какъ разъ кончается стихотвореніемъ „Весна“ (Аи I № 157). Я считаю ихъ возникшими въ концѣ I-ой половины 1830 г. Въ началѣ же этого года въ рукахъ молодого поэта находилась Тлм IV, къ чему мы еще вернемся немного дальше.

Всѣ мои соображенія до сихъ поръ носили только формальный характеръ. Ихъ подтвердятъ два замѣчанія по существу, тоже иллюстрирующія близость Тлм VI съ 5-ымъ отд. Тлм XX. 8 іюля поэтъ записалъ въ Тлм VI трогательную исторію своей дѣтской влюбленности на Кавказѣ, лѣтомъ, когда ему было 10 лѣтъ въ какую-то бѣлокурую дѣвочку. Въ Тлм XX (отд. 5-ый) есть стихи, озаглавленные 11-ое іюля (Аи I № 199), а непосредственно за ними тамъ же слѣдуютъ стихи „Первая любовь" (Аи I № 200). Совпаденіе между замѣткой о первой любви и стихами о ней не требуетъ никакого коментарія. Но что за 11-ое іюля? Стихи начинаются такими строками:

Между лиловыхъ облаковъ
Однажды вечера свѣтило
За снѣжной цѣпію холмовъ,
Краснѣя ярко, заходило.

Гдѣ это лѣтомъ заходило солнце „за снѣжной цѣпію холмовъ"? Ужъ, разумѣется, не въ Середниковѣ. Не означаетъ ли тогда: „однажды" 11-ое іюля 1825 г., когда на водахъ, на Кавказѣ, впервые испыталъ поэтъ „страсть сильную, хотя ребяческую"? Другое сопоставленіе относится не до интимныхъ сердечныхъ переживаній поэта, а до его политическихъ взглядовъ. На 45-омъ мѣстѣ въ Тлм XX переписано на бѣло „Поле Бородино" (Аи I № 201), которое гораздо позднѣе было передѣлано въ одно изъ самыхъ знаменитыхъ его стихотвореній: „Бородино" (Аи II № 50). Отечественная война такъ тѣсно связана для всякаго русскаго съ Наполеономъ, что его юный поклонникъ, остановившій на немъ свои поэтическія раздумья въ стихахъ „Наполеонъ" (Аи I № 121; Тлм VI, 23 и Тлм XX 22), когда, во Франціи, при воцареніи Луи Филиппа со славы Наполеона былъ снятъ запретъ, естественно почувствовалъ, какъ Бородинскій бой встаетъ въ его воображеніи, и почувствовалъ, какъ русскій патріотъ.

Итакъ перейдемъ къ стихамъ Л-ова 1831 и 32 гг., т. е. къ отдѣламъ 6—10 Тлм XX. Они доставятъ сравнительно мало хлопотъ.

Правда, знакомясь съ лирикой Л-ва по Аи, выносишь странное впечатлѣніе, что послѣ стиховъ „1831 Янв..." (Аи № 215) до длинной обращенной на себя поэмы „1831 года іюня 11 дня" (Аи I № 215) ни одни стихи не вылились у юнаго поэта за всѣ эти полъ-года, кромѣ, какъ „Въ альбомъ

Н. И. Поливанову“ (Аи I № 216), помѣченные 23 марта 1831 г. и ни въ какихъ черновикахъ не сохранившіеся. Маловѣроятнымъ это кажется послѣ плодовитости 1830 г. Однако, дѣло объясняется очень просто. Непосредственно вслѣдъ за стихами 11 іюня въ Аи идутъ стихи изъ Тлм XX, и затѣмъ подрядъ изъ Тлм XI. Въ самомъ дѣлѣ, стихи изъ Тлм XX „Завѣщаніе“ (Аи I № 219) помѣчено Середниковымъ, т. е. очевидно тоже лѣтнее; и другое изъ Тлм XX, Аи I № 220 съ помѣткой: „Середниково, въ мыльнѣ, ночью, когда мы ходили попа пугать“; а уже вторые стихи изъ Тлм XI „Желаніе“ (Аи I № 222) датировано: „Середниково. Вечеръ въ бельведерѣ 29 іюля“. Т. обр. стихи, вошедшіе въ мои 6-ой и 7-ой отд. Тлм XX, кромѣ стиховъ на 11 іюня и на январь, помѣщены послѣ стиховъ изъ Тлм XI и занимаютъ въ Аи I №№ 253—256 и 257—272. Между тѣмъ въ концѣ Тлм XI нѣсколько взволнованныхъ словъ прозой: „2-ого декабря, св. Варвары. Вечеромъ возвратясь“. Значитъ стихи отъ Аи I № 222 до Аи I 249 писаны между лѣтомъ и концомъ ноября 1831. Неужели же всѣ стихи Аи I №№ 253—256 и 257—271 возникли за декабрь? Нѣтъ, годомъ раньше; но лишь по окончаніи поэмы „1831 года Іюня 11 дня“ (Аи I № 217) и ея переписки въ Тлм XX, возобновилось переписываніе въ нее другихъ стиховъ, сначала осеннихъ 1830 г.: мой отд. 6-ой, и затѣмъ стиховъ 1831, сочиненныхъ съ января по іюнь: мой отд., 7-ой, включая сюда и „Азраилъ“ (Аи I № 281). И стоитъ присмотрѣться ближе къ содержанію этихъ стиховъ Аи I № 253—271, чтобы такое предположеніе получило вѣскія подтвержденія. Тлм XX, 52 (Аи I № 253) озаглавленъ „Солнце осени“:

Люблю я солнце осени, когда,
Межъ тучекъ и тумановъ пробираясь,
Оно кидаетъ блѣдный, мертвый лучъ
На дерево колеблемое вѣтромъ,
И на степь . . .

Не надо никакой проницательности, чтобы отнести эти стихи къ осени и, разумѣется, осени 1830 года. А вчитываясь въ стихи, переписанные послѣ относящихся къ январю 1831, т. е. къ новому году, бросаются въ глаза эта пѣсня „Колоколъ стонетъ...“ (Аи I № 262) и „Унылый колокола стонъ...“ (Аи I № 261), которымъ гдѣ же возникнуть какъ не тамъ, гдѣ сорокъ сороковъ и, можетъ быть, еще въ великомъ посту, когда гудятъ на Москвѣ звоны колокольные.

А послѣ того, какъ мы отнесли стихи изъ Тлм XI, т. е. Аи I №№ 222—249 ко второй половинѣ 1831 года до самаго Варварина дня (4-го дек.), какъ значится въ прозаической отмѣткѣ на 51-омъ мѣстѣ Тлм XI (Аи IV стр. 351), ничто не помѣшаетъ весь 10-ый отд. Тлм XX, значитъ, стихи Аи №№ 273—280 и Аи II №№ 6—16 и 23—25 пріурочить уже къ слѣдующему 1832 году.

Я закончу этотъ, затянувшійся разборъ Тлм XX, разсмотрѣніемъ отд. 9-го. Сюда вписаны стихи изъ Тлм IV. Въ этой черновой тетради на второмъ мѣстѣ — 2-ой очеркъ „Демона", а передъ нимъ и послѣ него нѣсколько демоническихъ стиховъ: „Когда послѣднее мгновенье" (Аи I № 58), „Я не для ангеловъ и рая" (Аи I № 59), „Портретъ" (Аи I № 60), „Настанетъ день, и міромъ осужденный" (Аи № 61). Въ заголовкѣ „Демона" сказано: „Писано въ пансіонѣ, въ началѣ 1830 года" (Аи II; стр. 387). На основаніи этой пометки всѣ стихи изъ Тлм IV тоже отнесены въ Аи къ началу 1830 г. Если такъ, то вписываніе въ Тлм XX нѣсколькихъ стихотвореній изъ Тлм IV объяснялось-бы просто желаніемъ извлечь изъ прежнихъ стиховъ, что покажется подходящимъ, лучшимъ или вообще настолько или почему-то интереснымъ, чтобы стоило внести въ бѣловую тетрадь. Однако дѣло не такъ просто. Тутъ иное. На четвертомъ мѣстѣ послѣ первыхъ стиховъ изъ черновой Тлм IV, т. е. послѣ стихотворенія: „Желтый листъ о стебель бьется" (Тлм IV, 8 = Тлм XX, 92; Аи I № 63), въ Тлм IV набросано прозаическое изложеніе ненаписанной поэмы изъ временъ татарскаго ига „Мстиславъ"; оно неоспоримо написано не до, а послѣ стиховъ 5-го отдѣла Тлм XX, иначе говоря, когда уже были сочинены стихи Аи I №№ 187—201. Въ прозаическомъ изложеніи сюжета о Мстиславѣ (Аи IV стр. 352—354) въ гл. 8-ой сказано: „Мстиславъ проходитъ мимо деревни. Одна женщина поетъ, баюкая ребенка (Что за пыль . . . Злы татаровья)". Эта пѣсня ничто иное, какъ „Что въ полѣ за пыль пылитъ" (Аи I № 188). И мало этого. Тоже самое мѣсто показываетъ прозаическій отрывокъ изъ Тлм XI (въ самомъ концѣ). Здѣсь ясно сказано: „Помѣстить пѣсню печальную о любви или ‚Что за пыль пылитъ'". (Аи IV стр. 354) „Помѣстить" — значитъ воспользоваться пѣсней уже сочиненной. Между тѣмъ изложеніе сюжета о Мстиславѣ въ Тлм IV значительно болѣе подробное. Сюжетъ разработанъ. Даже часть

его одинъ изъ наиболѣе патетическихъ эпизодовъ сочиненъ въ стихахъ. Это „Отрывокъ“ „Три ночи я провелъ безъ сна“ (Аи I № 65). Очевидно Тлм IV, не использованная цѣликомъ въ 1830, когда написанъ 2-ой очеркъ „Демона“, пригодилась черезъ годъ въ концѣ 1831 г., и поэтъ сталъ пользоваться ею, исписавъ Тлм XI. Отсюда естественно изъ нея переписаны стихи въ Тлм XX вслѣдъ за стихами изъ Тлм XI.

Отсюда еще одно второе важное указаніе для изданій лирическихъ произведеній Л-ва: стихи Аи I №№ 64—103 должны быть относимы не къ началу 1830, а гораздо позднѣе къ самому концу 1831 и началу 1832.

Только что изложенныя формальныя или внѣшнія соображенія, которыя при критикѣ текстовъ наиболѣе показательны, опять подтверждаются и соображеніями внутренняго порядка. При перепискѣ въ Тлм XX пропущены свѣтскія легкія эпиграммы-комплименты цѣлому ряду московскихъ свѣтскихъ барышень и молодыхъ женщинъ (Аи I №№ 70—85). А П. Шанъ-Гирей, родственникъ поэта и участникъ, съ нимъ вмѣстѣ, тогдашнихъ московскихъ свѣтскихъ забавъ, расказываетъ, что эти коротенькіе стихи были сочинены для маскарада въ Благородномъ Собраніи, и онъ самъ раскрасилъ китайскими буквами смѣхотворно-большую книгу, въ которую они были вписаны. (Русск. Обозр. 1890 авг., 730; см. Аи I стр. 371—372). Въ началѣ 1830 года Л-въ еще учился въ пансіонѣ при университетѣ, и ему было 16 лѣтъ. Разумѣется само собою, что блеснуть остроуміемъ на свѣтскомъ маскарадѣ ему было бы слишкомъ рано, а студенту, въ 1831 или 1832 г. напротивъ, вполнѣ подходило. И къ этому можно прибавить еще одно. Среди стиховъ Тлм. IV обращаютъ на себя вниманіе „Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой“ (Аи I № 92) „Девятый часъ, ужъ темно. Близъ заставы“ (Аи I № 93) и „Прелестницѣ“ „Пускай ханжа глядитъ съ презреньемъ на беззаконный нашъ союзъ“ (Аи I № 99); сюда же отнесу еще одно, кстати замѣчу, зачеркнутое въ рк.: „Я счастливъ; тайный ядъ течетъ въ моей крови“ (Аи I № 80). Не надо обращаться къ самимъ текстамъ, чтобы изъ однихъ первыхъ строкъ стало ясно, о чемъ тутъ рѣчь. Это первыя юношескія впечатлѣнія отъ продажныхъ женщинъ. Опять правдоподобнѣе ихъ приписать юношѣ студенту, чѣмъ пансіонеру, почти ребенку. (Продолженіе слѣдуетъ.)

Евгеній Аничковъ.

Kubínovy pohádky.

Roku 1888 sbíral jsem na Valašsku pohádky. Zapisoval jsem je do slova věrně, ne však v nářečí, popsal jsem vypravěče a seřadil texty jako deník, podle data, kdy byly vyprávěny. K povídkám připojil jsem výtahy známých textů českých a odkazy na komentáře, obsahující cizí literaturu. Pro tuto první sbírku metodicky zapisovaného lidového podání nenašel se nakladatel, až teprve roku 1902, přímluvou univ. prof. Dra J. Polívky, byla tištěna nákladem Národopisné Společnosti Československé. Polívka neustal starat se o vydávání soustavně sbíraného podání, a jeho doporučením vydává Česká akademie již po léta velkou sbírku profesora Kubína. V letech 1908—1910 vyšly dva svazky povídek, sebraných v Kladsku, v letech 1922—1923 první svazek z českého Podkrkonoší, druhý svazek se právě tiskne. K oběma knihám připojil Polívka poznámky, v nichž sestavil velmi mnoho obdobných textů ze světové, zvláště slovanské literatury a často sleduje i vývoj látek.

Podávám tu zprávu o prvním svazku z Podkrkonoší, abych ukázal na něm, jak se změnily požadavky od oné první sbírky před pětatřiceti lety. Referát o poznámkách Polívkových ke kladským a podkrkonošským povídkám bude podán samostatně.

Svazek obsahuje 317 čísel, zapsaných nářečím z ústního podání, z čtyřiadvaceti míst v západním podhoří. Víc jak polovina je zapsána v dvou městech: Rovensku a Jičíně. K tomu ještě 21 čísel z Nové Vsi a 19 ze Sobotky. Ostatních 20 míst nevydalo žádné přes 9, častěji jen jednu, dvě neb tři povídky. Devětačtyřicet vypravěčů — 31 mužů, 18 žen — jsou lidé většinou chudí a staří, drobní řemeslníci, baráčníci, výměnkáři, dělníci, 6 se jich živí almužnou. Ředitel továrny, statkář, strojník, jsou bezvýznamnou výjimkou. Jen šest je jich pod 50 let, 31 mezi 60—80, čtyři přes osmdesát. Skutečných pohádkářů je jen několik, ostatní jsou nahodilí vypravěči.

Dvaadvacet z nich, tedy téměř polovina, nevypravovalo ani 4 texty, jen dvě ženy uměly víc textů než 20. Většina vypravěčů omezila se též jen na drobnosti, pověry, anekdoty atd.

Jan Kubín, sběratelův otec, statný osmdesátník, má velmi živý sloh, pěknou řeč a svůj osobitý způsob vypravování. Delší romantické látky si pamatuje již špatně, ale uvádí je vlastními, živými úvody. Nejlepší má č. 3., porušená a nejasná látka o zámku pokušení, kde místo úvodu o nadpřirozeném porodu dvojčat je povídka, obscenní sice, ale neobyčejně svěže a živě vypravovaná, na látku, kterou dvakrát zpracoval i Maupassant: o muži, jenž byl objednán, aby udělal bezdětné ženě (královně) dítě. Kubín dodává i jindy samostatné úvody, na př. k látce o Dlouhém, Širokém a Bystrozrakém, která je porušena povídkou o Nezasmálce, úvod o „Všehochlupovi", podle motivu o divokém muži, propuštěném hochem z vězení. Nebo k látce o dívkách-holubicích a dívce-kouzelnici, úvod o princi-karbaníkovi. Jinak je v jeho 18 číslech několik veselých kouzelných povídek, drobtů o hastrmanovi, plivníkovi, historických pověstí a několik anekdot.

Kulíčková, řečná babka z Jičínského chudobince, vyprávěla sběrateli po dvě léta, a má největší sbírku, 50 čísel. Sběratel ji chválí, že vyprávěla výmluvně, jímavě; ale z textů otištěných je jisto, že ho někdy klamala, vyprávějíc přímo podle čtení, ze sbírek Radostova a Němcové — snad i z jiných tištěných textů (na př. 45—48 o „Krakonošovi"). Její sbírka má přes to cenu. Některé texty jsou v českém lidovém podání vzácné, tak č. 37 (úvod) o pečení oběšence, č. 40, baba nad čerta, 49 mstivý světec, 34 vodní panna ženou rybáře (připomíná známou Andersenovu pohádku, ovšem stručně). Také povídka č. 30, o nejmladší ze tří princezen, které je otec milejší než sůl, je zvláštní.

První část je stručný výtah známé, ale málo rozšířené látky, ke které Polívka snesl všechny varianty (každý text téměř je variant o sobě). O dalším ději praví (str. 613), že je to „látka jiná, kterou odjinud nemohu doložiti; sestavena je z různých motivů, kteréž ani netkví v lidovém podání". Král vyzve nejmladší dceru, aby si za to, že ho má nejraději, něco přála. Vypravěčka pak navazuje docela bez přechodu, že si princezna přeje za muže „vandráka Čejku", král svolí sice, ale ten zeť ho mrzí; vystaví jim v lese zámek a dá udělat pod ním

podkop, chce je vyhodit do povětří. Princezna se však rozstůně, Čejka jde hledat pomoc, ptá se v hospodě poustevníka, je poslán k babě kořenářce, která hází své návštěvníky tajným poklopem do sklepa. Když se Čejka nevrací, jde ho princezna hledat, spadne také poklopem do sklepa. Vyhrabe je vlk, kterému prý kdysi Čejka pomohl. Zatím jejich zámek vylétne do povětří, Čejka s princeznou se v lese jeden druhému ztratí, Čejka vyjde z lesa, přijde ke králi, král ho dá oslepit a zavřít. Princezna usne pod dubem, na dub se slétnou tři krkavci, jeden vypravuje, co se stalo Čejkovi, druhý o léčivé studánce, třetí o zahubení krále vlkem. Princezna najde studánku, u ní poraněného vlka, vlk se tou vodou uzdraví, princezna dojde po krvavé stopě k zámku, přiveze Čejku k studánce, která mu vrátí zrak. Polívka má jistě pravdu pravě, že je to látka jiná než první část textu; je také patrno, že vypravěčka si ji pamatovala špatně a na několika místech se zmátla. Lépe je však zapsána ve dvou variantech látky o zrádné matce, jež cituje Polívka ve své studii o této látce, na str. 748 a 751. V slovinské pohádce ze západních Uher v Kresu V. s. 246 oslepený syn zrádné matky je dopraven do nemocnice, princezna si ho vezme, její rodiče to mrzí. Dají podkopat jeho hrádek v lese a chtějí ho vyhodit do vzduchu. On však vyslechne dvě vrány, jež vypravují, že rosa té noci hojí slepotu, a že jeho hrádek má být vyhozen do povětří. Uzdraví se a jde se pomstit zrádné matce.

Ještě líp vypravuje německá povídka z Odenwaldu u Wolfa DMH s. 145.: Zrádná matka hodí osleperého syna do lví jámy, syn se dostane z jámy zvláštní chodbou, dojde do hostince, který zřídila princezna, jím dříve vysvobozená. Princezna si slepce vezme, král jim vystaví zámeček, ale dvořané chtějí zámeček vyhodit do povětří, aby neměli jednou slepého krále. Princezna vede muže na procházku, muž má prsten, jímž rozumí řeči zvířat, slyší tři vrány, z nichž jedna vypravuje, kde padl kůň, druhá o tom, kdy bude zámeček vyhozen do vzduchu, třetí, že půlnoční rosa hojí slepotu. Zámeček vylétne do povětří, muž se uzdraví, princezna mu usne v lese na klíně, dál látka Magelony: uloupení drahokamu havranem, muž jde za ním, zabloudí. Dál nový motiv: rozluštit tři hádanky kouzelníka; muž vyslechne rozluštění od tří duchů. Zatím princezna dostane se do kouzelníkova zámku, je oslepena a hozena do lví jámy, mužem pak vysvobozena a uzdravena. Shody s Kuličkovou jsou zjevné.

Jiná zvláštní povídka je č. 24 o dívkách-ptácích a zaspané nevěstě. Je to také látka, která má v češtině několik textů, z nichž každý je svůj zvláštní variant.

Č. 39 je variant látky o drakovi ve skále, podivně zkomolený. Počíná běžným textem o řezníkovi, který v lese pomocí poustevníka a psů přemůže lupiče; ale pak následuje místo princezny, obětované drakovi ve skále, princezna, která byla zapsána čertu, a denně s ním vyjednává od 11—12 hodin na místě, kde jsou pro ně připraveny dvě židle. Řezník nalíčí na čerta židli, na kterou se přilepí a tím ho donutí vrátit úpis. Dál pravidelně zrádný kočí atd. Povídka má v češtině příbuznou u Kuldy III. 2., která ukazuje k stejnému pramenu a také stejně přehání pobožné motivy.

Kulíčková ráda vypravuje obscenní věci: o čeledínovi, jenž nerozumí ženským (62), omlazování hloupých žen (63), o nevěrné ženě — motiv Hildebranda (66); také v povídkách romantických dovede tu zálibu uplatnit: v dívce-kouzelnici mluví o „prostředku", jímž Honza získal pomocnici (28), v povídce o princi, jenž jde otci pro vodu k spící dívce (21), když princ jede po druhé k dívce prostředkem koberce, prostřeného po silnici, pozná ho dívka, neboť: „ten nelitoval prostředek silnice, ani můj prostředek".

Někdy skládá ráda dohromady různé látky: č. 22 roztancované střevíce a pak kouzelné ovoce, po kterém rostou rohy; č. 38 vzkříšená nevěsta a pak vzkříšená nevěrná žena. Zlodějské látky, Rhampsinitův poklad i zloděje-mistra (56—57) velmi obšírně.

Baráčnice Kocourková z Brad chodila do Jičína a vyprávěla u Kubínů i jinde mnoho pohádek. Sběratel praví, že znala i písně o smrti z Indie, o pacholkovi s kuší a housličkami, jež jinde neslyšel — píseň o pacholkovi je však známa z lidových tisků (Zíbrt: Jak se v Čechách tancovalo, s. 205). Lze jí dokázat řadu povídek přímo z tisku a proto i ty jedinečné texty, jako je původ hromu — čertova syna — (88), k němuž Polívka nenašel vůbec žádné paralely, nebo vznik potěhu (97), jsou podezřelé. Z šestadvaceti zapsaných čísel zajímají variace na dívku-kouzelnici (80—82) jako příklad vzniku zdánlivých „variantů".

Sedmdesátiletý výměnkář Šlambor z Nové Vsi u Branžeže je spíš čtenář než pohádkář: polovička z čtrnácti zapsaných textů dá se najít v tisku; z ostatních o kominíku-čertovi dle

vlastního svědectví je z kalendáře, a pes Strach je očividný tisk.

Bylo by lze uvést ještě bratry Hortlíky, ševce Brixího, stařenku Chvátalovou, Lamače, kteří se odlišují od náhodných vypravěčů osobitějším slohem. Vypravěči, jež sběratel výslovně označuje za vzdělance, mohli být klidně vynecháni. Bývalý ředitel továrny se svými hospodskými anekdotami o židechlvech, schovaném doutníku do „lepší společnosti", „vzteklém" řezníkovi a vojácích na exekuci, neb se svými vlastními kousky (kluk obarvený na modro, pes na zeleno, kocour přivázaný k balonu) není naprosto nijakou ústní tradicí Podkrkonošska. Vypráví-li statkář, „přední osobnost místní, také předák agrární, muž vzdělaný", 8 řádek o kočce, která utekla na kočičí sněm a zmínku o tetičce, která věřila v ouřek, mohla se sbírka bez těchto dvou drobtů právě tak snadno obejít, jako bez tří útržků historických povídek strojníka a vlasteneckého čtenáře-ochotníka.

Materiál, sebraný panem Kubínem, skládá se téměř rovnými díly jednak z romantických a veselých látek kouzelných, jednak z povídek, většinou běžných v podání ústním, bez zázračných motivů, a konečně z pověr, anekdot a místních pověstí.

Z romantických povídek některé jsou zvlášť oblíbeny! Tak na př. o princezně, obětované drakovi ve skále. Kulíčková č. 36, a Procházka, č. 211, vypravují látku o dvou bratřích se zvířaty (první: kanec, vlčice, lev, druhý: dva psi, dva koně); rozchod na rozcestí, zabití draka ve skále, svatba, zkamenění v lese babou u ohně, vysvobození bratrem, jenž mezi ženu bratrovu a sebe v noci položil zbraň. Kulíčková vynechává tesáky, zabodené při rozchodu do stromu, ale má nakonec zabití osvoboditele bratrem ze žárlivosti, jež Procházkovi schází. Oba v závěru rozvádějí svým způsobem nesnáz princezny, poznat, který z obou je její muž. U Kulíčkové sedne princezna mezi dvě prázdné židle, přes které prostře sukni, manžel sedne přímo na sukni. U Procházky na radu baby zdánlivě spáše sebevraždu. Procházka, když vypravuje na to č. 212 podle Němcové č. 3, přechází vlivem předcházejícího vypravování znovu do látky o drakovi ve skále.

Č. 229 od Junka a č. 292 od Pitry jsou dva varianty jiné skupiny této látky. Oba jednají v Anglii, otec je kupec, ze dvou

synů se jeden učí řezníkem. Další děj, cesta do lesa, zápas se zbojníky, pomoc poustevníka, psi, z nichž jeden sluje Tygr, je zřejmě společného původu.

Oba vypravěči se matou tím, že vypravují o dvou bratrech, ačkoli v tomto textu to bývá pravidelně jen jeden, řezník. Z toho vznikají pak poruchy a omyly; každý z nich vynechává něco jiného. Junek (jenž má vůbec špatnou pamět) vpletl k tomu ještě jiný variant, o nevěrné matce. Matka přijde za oběma bratry do zbojnického domu, drží se zbojnickým hejtmanem, jenž jednoho bratra zabije v koupeli (to je motiv o nevěrné matce pravidelný, ač tam v koupeli bývá rek jen přemožen, ne zabit). Vplétá pak dál ještě motiv z látky Veritas-Falsitas — poustevník posílá řezníka pomoci městu, kde sedí žába na pramenu — a pak teprv ho posílá na draka ve skále. Pitra se drží věrněji svého variantu. Chvátalová, č. 151 vypravuje variant o nevěrné sestře, v němž se vyskytuje i puška, dávající sílu, výpravy pro kančí a vlčí mléko, pro tři knedlíky z pekla, pak pravidelně drak ve skále. Sem patří také odchylný variant Kulíčkové č. 39 o řezníkovi a lupičích a princezně, zapsané čertu.

Jiná oblíbená z romantických látek je dívka-kouzelnice. Nejširší text má Kubín č. 5. Po úvodu o princi karbaníkovi, jenž prohraje sám sebe a musí jít k čaroději na skleněný zámek, následují rady tří bab, dívky, koupající se v rybníce, práce konané pomocí té, jíž princ vzal šaty. Úkoly jsou trochu zmateny: z nezasetého pole čerstvě pečený chléb; poznat dívku mezi třemi holubičkami; zabít někoho, kde nikdo není (bodnout do mlhy, z níž skane kapka krve); poznat dívku mezi třemi pannami; jezdit na divokém koni (srv. téměř doslovně i u Kulíčkové č. 70); útěk s dívkou a proměny: poustevník-kaple, zahrada-děd, rybník-rybička. Následuje o zapomenuté nevěstě: zákaz líbání, harfenistka v hospodě, záletníci: jeden princ celou noc zavírá okno, druhý váží vodu, třetí, rek sám, zavírá vrátka. Pak úklad princů: chtějí po plesu harfenistku obléci do thérového pláště a zapálit. Dívka dá se polibkem poznat svému ženichovi.

Lamač č. 280: Bezdětnému rolníkovi udělá baba hocha z popelu, vyžádá si ho za dvacet let. Pak povolí odklad. Začátek nejistý a porušený, jako u Kubína; zachována jen pamět na zaslíbení reka. Filip přijde do zámku „agabáby“ (Jagy-baby?) Má nejdříve dřevěným nádobím sdělat les, po druhé přelít jezero,

ɔo třetí Luciferovi uříznout ocas na karabáč. Pomáhá mu ta ɔaba, která ho udělala. V pekle převrhne hoch kotel a vysvoɔodí tím „zelenou dcerušku". Agabába mu dává jíst spoustu nasa z vola a jeho bába mu dává šátek, který ho zachraňuje ɔři jídle, že neusíná. Dostane pak kobylu, která se cestou změní ı onu dcerušku. Lucifer je na rozkaz agabáby pronásleduje ı sedmimílových botách, hřeben dívky se mění v les, po druhé ɔrsten je mění v kapli a kněze, po třetí slina v jezero—labuť, ɔaba, jež po třetí sama běžela, pije a praskne. Dívka slouží e mlýně za služku — zákaz líbání — pak záletníci, statkářův syn pumpuje celou noc, stárek zaráží celou noc mlýny, ıoch nabídne služce ruku, po svatbě se doví, že je to jeho lívka. Text zřejmě zkažený jinou látkou a nakonec špatnou ɔamětí.

Kocourková, č. 82, jiný variant zapomenuté nevěsty: Mlynář zabloudí v lese a zaslíbí, o čem doma neví, „zelenému" lědovi po dvaceti letech. Syn Adámek v dvaceti letech jde ı bouřce hledat otce, jenž jel do města, je dědem v lese zaveden lo smutné podzemní zahrady, kde mu Bělinka ukládá druhý len dřevěným nádobím spracovat les, poradí mu, jak si počínat, ɔak s ním prchne, když jí slíbí sňatek. (Vypravěčka vynechává lalší práce, jež široce líčila v dvou předešlých povídkách.) Dívka před útěkem plivne třikrát na polštář, slina za ni odpovídá, děd pak je pronásleduje: struha s úzkým prkénkem, změna ı kapli-babu, husté trní (strouha a trní vlivem jiného variantu, ɔ věcech, na útěku odhazovaných). Návrat Adámkův do mlýna, kam jde Bělinka sloužit, aby vyzkoumala, jak se k ní budou chovat Adámkovi rodiče. Zákaz políbení vynechán. Adámek ɔrostě zapomene a žení se, o hostině upustí příbor, z něho dva ıoloubci, samička odmítá holoubka, že by ji opustil jako Adámek Bělinku, nevěsta sama upustí od ženicha.

Z textů bez zapomenuté nevěsty jsou dva varianty, oba ɔěkně vyprávěné.

Č. 183, Šlambor: Honza slouží u čarodějnice s třemi dcerami. Má dřevěným nádobím sdělat les, přelít rybník, pošít nlýn peřím. Pomáhá mu Aninka, která mu nosí oběd, když jí ɔo jídle usíná na klíně. Pak prchají, Aninka nechá za sebe ɔdpovídat štětku, čaroděj je pronásleduje v 4—6—8 mílových ɔotách, oni se mění v trní—růži, kapli—poustevníka, rybník—kačera, čaroděj pije, až praskne.

Č. 80. Kocourková: Princ jde k černokněžníkovi, který mu hrozí, nevykoná-li úkoly, že ho zakleje do skály. Z řeky udělat pole—žito—čerstvý chléb, z lesa vinici, víno. Z drobného písku vystavět zámek. Dcera čarodějova mu pomáhá proutkem, po třetí jí čaroděj proutek vezme. Dívka pošle na otce žáby, ještěrky, myši, které mu připravuje k obědu, myš mu proutek vezme. Princ pak čaroděje proutkem změní v šípek, skály se změní v prince, kteří trhají růžičky a rozjedou se.

Vypravěčka dodává na počátku č. 81., že je to ještě jináč, jak to vyprávěla nějaká Broulka, ale vzpomíná špatně. Počíná textem Zlatovlásky, o princi Vatíkovi, který s nehodnými druhy pomáhá mravencům, rybě a ptákovi, pokračuje nejasným zlomkem o netvorovi bez duše, přechází do motivu z č. 11 u Němcové o silné princezně, unesené králem ohně a ukované v podzemí. Mate se a praví, že ta princezna, kterou najde Vatík ukovanou, je ona dívka z předešlé pohádky, kterou prý její otec potrestal, že se mu pletla do čarování. Když jakž takž se jí podaří skončit ten motiv silné princezny, přechází znovu do látky dívka—kouzelnice. Vysvobozená dívka pošle Vatíka s proutkem k svému otci čaroději. Ten mu ukládá dřevěným nádobím sdělat les, pak z rybníka udělat pole a přinést čerstvě pečený chléb, pak na písku vysadit vinici a přichystat víno. (Vypravěčka patrně chtěla vyprávět variant s úkoly dřevěné nádobí—les, síto—rybník, z peří zámek, ale vlivem předešlého textu přešla do variantu o chlebu, vínu, zámku.) Princ proutkem pak čaroděje zničí.

Dva texty spracovávají látku humoristicky a svým způsobem. F. Hertlík vypravuje (č. 113) o Honzovi, jak sloužil u sedláka, a jeho starý otec k tomu dělá směšné poznámky. Honza hlavně jí a odpočívá, ač má dřevěným nádobím sdělat les, přebrat pytel maku, rozsypaného u lesa a vylovit prsten z řeky (úkoly ze Zlatovlásky). Děvečka, která mu nosí oběd a svačinu, vadí se s ním, že nic nedělá, ač mu jde o hlavu, ale Honza jen naříká, jak se nadřel, jí a spí, práci koná za něho babička, které dává najíst. Vypravování je velmi osobité. Na konec musí Honza babičce setnout hlavu, bába se změní v princeznu a zmizí. Kulíčková (č. 28) vykládá také o hloupém Honzovi, který by rád princeznu, ale je všude vyhazován, pak má babě sbírat rosu, ale když to nedovede, je zavřen. Tu ho konečně babina dcerka poučí: ptá se ho, neví-li o nějakém „prostředku

a když Honza konečně pochopí, tak ho potom pustí. Honza pak slouží u jiné baby s několika dcerami, má dřevěným nádobím spracovat les, objezdit koně (začarovanou dívku, srv. č. 5,) poznat tu „obrajtovanou“ mezi sedmi. Honza, jenž „už znal, co umí takový prostředek“, nakloní si dívku, která mu pomáhá.

Z jiných romantických látek je oblíben také neznámý vítěz se závody o princeznu: č. 246, zlomek z lidového tisku, č. 180 podle Mikšíčka (obři na pastvě), zajímavý variant Lamačův, č. 283, kde místo obrů na zakázané pastvě jsou vlci, pak motivy z této látky v č. 24 — závody ve skoku — č. 148 a 230 jízda na skleněnou horu. Podobně Zlatovláska: Šlambor č. 179 a Brixí č. 138 ji mají přímo z Erbena, motivy z ní Procházka v č. 212 prostřednictvím Němcové č. 3, pak 81, 113, 136, i z jiných variantův, než je Erbenův. Látka Veritas—Falsitas, ačkoliv není ani jednou zapsána samostatně, dodává motivy do jiných látek: č. 30, 138, 229, 230. Podobně Melusina, z níž se objevují buď motivy dějové, neb jméno: č. 34, 129, 152, 244, 247.

Ze zázračných látek veselých se jich také několik opakuje častěji, hlavně Nebojsa. Šlambor č. 184. Počátek: silák dlouho kojený trhá stromy. Pak se jde učit bát. V prkenné zvonici s krejčím přes noc, o 11. hodině leze mrtvý z hrobu, svleče košili, Honza si ji vezme, mrtvý ji chce ve ¾12, leze na zvonici, Honza zvonicí zatřese, mrtvý spadne, Honza ho pak pochová. Z hospody krejčí Honzovi uteče. Honza přenocuje v strašidelném zámku. V 11 hodin přijde chlap s rakví, Honza s ním zachází, jako by to byl podomní obchodník se svou almárkou. Chlap zmizí, v rakvi je mrtvola, Honza cítí, že mrtvý je studený, ohřívá ho na kamnech, ale když smrdí, dá mu dvě facky. Mrtvý děkuje, dal za živa kočímu neprávem dva políčky. Honza dostane tři kádě peněz (fundaci, chudým, sobě), zůstane na zámku.

Kubín č. 9. Ferda jde do světa učit se bát. V lesní chalupě padá chlap po kusech se stropu — zakřikne ho. Ve mlýně přijde v noci písničkář s truhličkou, je studený, v truhličce jsou jen hoblovačky. Ferda truhličkou topí, ohřívá mrtvého, ten smrdí, je vyhozen. Žert s písničkářem je týž, jako s podomním obchodníkem. Je to mrtvý s rakví, jenž chce strašit, kterého se však Nebojsa nebojí. Pak fara, kde tři černí chlapi poroučejí Frantovi jít s nimi, odvalit kámen, odemknout dveře, kopat, Franta

neposlouchá, tím je vykoupí: kněz, učitel, regenschori, kteří dřeli lid; tři kádě peněz (chudým, fundacím, na mše).

Č. 42. Kulíčková: Řezníkův syn, na věži kostelíka před městskou branou přes noc, mrtvý šenkýř jde strašit do hospody, svlékl prádlo, hoch si je oblékl, nevrátí je, když mrtvý je žádá zpět. Druhý den v hospodě dcera mrtvého pozná na něm otcovu košili. V noci v hospodě mrtvý mu poroučí, on neposlouchá, dostane dva hrnce peněz (jeden žebrákům), svatba s dívkou.

Č. 43 je vyprávěno podle Radostova.

Č. 71. Vaňoučková: Silák Tonda, slaboch Nácek, na hřbitově mrtvý je prosí, aby ho zakopali, Tonda vyhoví. Strašidelný dvorec, duch padá se stropu, bije Nácka, druhou noc Nácek změní místo, duch bije „toho druhého" (z látek o Kristu a Petrovi), Tonda přemůže ducha. Ve sklepě bečka peněz. Nácek do ní hmátne, je bit, Tonda opět přemůže ducha. Kdosi jim chce ty peníze vzít, zabije Nácka, Tondovi zůstanou peníze.

Povídka o samobijném kyji je vyprávěna čtyřikrát. Základem je text M a l é h o č. 15.

Lamač č. 285 vypravuje shodně s Malým o třech synech, kteří jdou po sobě sloužit, jenže místo k starci k babě. O prvním praví odchylně, že měl čistit knihy a nečíst (srv. zde č. 155); to je ozvěna z čarodějného učně. Dostane beránka („beránku, otřes se"), zkouší ho v lese, pak hospoda, výměna, doma zklamání (dodatek jen, že měl aspoň trochu dukátů). Druhý pase jako u Malého ovce („ubrousku, přistroj se"), třetí, Honza, má hlídat les a dostane k tomu hůl: „Di, holka, na pacholka, tluč a neutluč." Malý má první dva rozkazy tytéž, třetí zní: „Huj, holka, na pacholka, bij, ale nezabij." Vybije dvěma, co kradou v lese, vezme si pak tu „břesku samotřesku", zkrotí hospodskou, doma vyhraje v neděli o rvačce. Hlídání lesa je uděláno z episody Malého, kde Honza sám láme větve v lese a pak vybije myslivci, který na něho přijde.

Č. 132. Brixí: Tři synové jeden po druhém, místo starce babička, pasou ovce. „Beránku, otřes se" „stolečku, přistroj se", „vobušku, hejbej se". Honza zkouší hůl na stromech, pak na myslivci (dle Malého).

Č. 155. Chvátalová. Tři synové jeden po druhém, bába. První čistit knihy a nečíst, jako v č. 285 dle čarodějníkova učně, ale on čte, tím přivolává čerty a káže jim kydat hnůj — to je

opět vzpomínka na pověru o čarodějnické knížce. Druhý také utírá knihy, ale nečte. Dostane hůl „bambitko(!)tluč", „jehňátko, ser zlato" a servítek, který potřebuje jen prostřít. V hospodě mu vymění jehňátko a servít, jde na ně zpět s holí. Po návratu bije bratra holí, otec ho vyžene, následuje ještě anekdota o milencích v stohu sena a „o tom tam nahoře".

Č. 117. od Hortlíka je pouhý úhrn: Honza jde do světa, dědeček ho pošle sloužit do statku, Honza pak dostane tři dary najednou: „beránku, oklep se", „ubrousku, prostři se", „nu, holka, na pacholka, bij, a nezabij". Pak oklamán v hospodě a pomocí hole dostane své věci zpět.

Z povídek nezázračných jsou zastoupeny několikrát Unibos, císař, voják a lupiči, hloupý Honza, služba u sedláka, různými varianty. V pěti povídkách opakuje se „ženich zbojník", a sice hlavně variant o mlynářově dceři (přepadení mlýna), jenž má podkladem lidový tisk.

Č. 115. F. Hortlík: Mlynářova Katynka jde na radu báby o půlnoci na kvítí proti bolení zubů, najde přistrojeného koně, který patří zvědovi lupičů. Hejtman lupičů přijede v kočáře jako ženich, zve Katynku, aby mu přinesla koláče do jeho zámku, jenž je v lese na konci aleje. Katynka tam jede kočárem, cestou vystoupí, krmí psy, zámek je zanedbaný, pokoj s mrtvolami, schová se do jámy. Lupiči přivedou dívku, znásilní ji a setnou, najdou ženské šlépěje, lehnou si po pitce po schodech. Katynka, sestupujíc po schodech, je svazuje, oni mluví ze sna. Ona ujede, kůň padne; schová se s kočím do vozů s roštím. Když lupiči přijedou na svatbu, vypravuje dívka svůj sen a dá je schytat. Junek vypravuje pod č. 231 totéž, ale má horší pamět. Mlynářova dcera je Aninka, přijede pro ni ženich, ona v kočáře na návštěvu k němu „za ty stromy", krmí psy, čtvrtý pokoj mrtvoly; schová se do jámy, dívka, uťatá ruka, lupič chce za ní lézt, ostatní ho okřikují. Pak pitka, dívka odchází, lupiči mluví ze sna, ona ujede, pak svatba, vypravování snu. Chvátalová pod č. 157 mate osnovu: Mlynářova Marjánka jde se podívat do zámku nádherného ženicha se služkou Bětuškou. Bílá laň je vede, psi hlídají postupně u trojích dveří a u kádí s krví, dívky skryty pod postelí, těhotná paní popravena, prst s prstenem padne pod postel, jeden za ním leze, světlo shasíná, a lupiči mají podezření, pak popraven ještě forman a myslivec, dívky prchnou, když opilí lupiči usnou, pak svatba, vypravování snu.

V. Hortlík, č. 122, kříží povídku s Modrovousem. Počátek je ze složitějšího variantu o mlynářově dceři. Do mlýna přijde lupič jako krajánek, ale je poznán a chycen, jeho píšťalkou přivoláni lupiči a postříleni. Pak přijíždí lupič v kočáře nejprv pro nejstarší, potom pro druhou, pak pro třetí dceru, Terinku. Terince je nápadno, že v zámku jsou jen muži, choť jí káže nosit u sebe zlaté vajíčko, zakáže jí jeden pokoj. Ona odloží vajíčko, jde do pokoje, najde tam zabité sestry. Prchne, když lupiči jsou na výpravě, rozvíjí cestou klubko, skryje se před mužem do vozu s roštím, pak přivede na lupiče vojsko, zámek spálen. Šlambor č. 185 vypravuje jiný variant dle Mikšíčka pod cizím vlivem.

Historických místních pověstí je málo, sotva deset, a ještě nevalně vyprávěných. I ty svědčí, že je potřebí předem se rozhodnout a přesně si vymezit, nejen od jakých lidí sbírat, ale též jakého druhu texty sbírat. Je tu dvojí výklad o jménu Vyskře (219, 169), dvojí pověst o turecké ženě Budovcově. (171, 258), zlomek povídky o vraždě ze žárlivosti (233), o vysvobození zazděné panny (238), o souboji syna s otcem a dědem (170), o původu Velíše zkomoleně podle Dalimilova příběhu o přepadení Jaromíra Vršovci(13) a konečně běžná pověst o kostelíku, který si sám určuje své místo (14).

O hastrmanovi je přes třicet textů, v nichž jsou obsaženy většinou běžné představy o mužíkovi s červenou čepičkou, neb o mužíkovi s mokvajícím fráčkem, o změně v koně, rybu, zajíce, o pentličkách, jimiž láká, o kmotře atd. Jen málo je jich osobitě vyprávěných z živého strašidelného dojmu. Strašidel různého druhu je rovněž tolik; mimo běžné představy o zjeveních, duších, ohnivých sudech, pykajících hříšnících je několik pěkných líčení bezprostředních dojmů, zvlášť zlodějů dříví, vystrašených při krádeži v noci (č. 189 a n.) Hojně jsou také zastoupeny čáry v chlévě a s dobytkem. Méně četně povídky o plivníkovi — pod různými jmény — a o světýlkách. Několik pokusů o přirozené výklady strašidelných zjevů. Moralit není mnoho: na tucet běžných povídek o putování Krista na zemi (jen vznik potěhu zvláštní), spasitel v kolébce (70), had na krku za nedělní práci (217), troska svatebních košil (120), zkamenění nevděčného syna (241), proroctví o smrti bleskem (303), utopením (304). Mnoho je anekdot, i obscenních, povídek, připomínajících zřetelně tisky (žena rodící v kryptě, hrobník olupující mrtvolu

dívky, ztracený hoch, uhranutá koza, pes Strach, strašák v zelí, zapomenutá stráž a j.).

Pro povahu sbírky jsou nejpříznačnější texty, jež pocházejí z tisků. Polívka posuzuje tuto odvislost zdrželivě, přes to však nalezl doklady, jež prozrazují více méně závislost vypravování na tiscích: č. 19 „vypadá jako pouhý výtah“ z Rad. 54; č.23 „souvisí nejspíše“ s Němc. 11; č. 33 „reprodukuje docela přesně děj“ Rad. 38; č. 35 „srovnej“ Rad. 51; č. 43 „úvod se srovnává zřetelně s úvodem“ Rad. 29; č. 50 „vypravuje podobně jako“ Němc. 9; č. 79 „souvisí velmi těsně“ s Němc. 23; č. 179 „srovnává se do té míry s Erbenovou, že patrně z ní vzešla“; č. 180 „podobá se úplně“ Mikš. 1845. 12, „a patrně se také na ní zakládá“; č. 228, „další děj připomíná silně známý lidový románek o Jenovefě (Litomyšl 1862)“; č. 247, „nedokonalá verse povídky o Meluzíně“; č. 282 „se srovnává dosti silně s povídkou“ Malého 2. K č. 297 cituje Polívka sice shodnou versi kladskou, a také mnou citovanou versi u Hraše, ale nezmiňuje se, že by obě ústně podané povídky se zakládaly na Hrašově tisku. Avšak nejen v tomto případě, i v řadě jiných odvislost od tisku je zřetelná. Dovolím si z připraveného soupisu českých pohádek uvést doklady, srovnávaje úmyslně obšírněji, aby závislost na tisku vynikla. Otázka je důležitá a rozhodná pro útvar budoucích sbírek a pro hodnocení lidového podání. Sbírce Kubínově patří zásluha, že dodala k takové práci hojnost spolehlivého materiálu, na kterém lze otázku tu rozřešit, doufám, definitivně.

K u b í n - o t e c: Dvě z jeho pohádek ukazují k tiskům, ač vypravěč sám je slyšel vyprávět. Závody kováře s čertem o pyšnou princeznu, č. 2, jsou určitě z R a d o s t o v a č. 79. Princezna má však u Kubína zvláštní jméno „Parádyje“ a sběratel cituje otcova slova (str. IX), že „už babička podrácká ji dycky tak menovala“. Otec Kubín slyšel tedy text od vypravěčky, která se držela textu Radostova, princeznu pokřtila jménem, v němž je narážka na vlastnost, pro kterou princezna se octla v pekle.

Počátek obou textů se shoduje. Po zmizení princezny ptá se Radostov: „A to se asi lidé hrnuli do královského zámku, aby princeznu hledat šli?“, ale sám si odpovídá záporně. U Kubína je otázka vzata kladně: lidé se hrnuli do zámku, ale marně. Dál opět shodně, jenže u Kubína nelže kovář králi, že o prin-

cezně ví. Král vede kováře do pokladnice, aby si vzal peníze na cestu. Radostov: „Nabral si peněz, co jenom unésti mohl.“ Kubín: „Von mu dal nabrat, co by akorát moch unýst.“ Kovářovo hodování doma líčí Kubín velmi živě po svém, ale nato rozhovor se ženou, výprava na cestu, kupování provazu, chycení zajíce (u Kubína obráceně) a kupování holi i se zmínkou o ponocném tak shodně, že závislost na tisku je jasná. V dalším Kubín krátí, zapomíná na zelenou louku, na zajíce při výměře kláštera, jinak však shodně, i první závod (zajíc). Před druhým závodem, házením závory, připletla se vypravěči vzpomínka na domnělého hrdinu: čert vyhodí vysoko kámen, kovář „zdvihne“ se země vrabce a vyhodí ho. Dál zcela shodně, i konec.

Povídka č. 6, o kmotře dívky, která zapírá, že byla v zakázaném pokoji, je stručný výtah z Němcové 12, třeba že se dívka u Němcové jmenuje Mariška a u Kubína Libuška. V začátku se Kubín odchyluje (chudý krejčí, bohatý sedlák). Ale jeho počátek se nápadně shoduje s počátkem č. 44, kde Kulíčková vypravuje podle Němcové o hlídání lakomcova hrobu (dle poznámky na str. VIII Kulíčková s Kubínem se navzájem slýchávali). Po úvodu shodně s Němcovou, až na to, že kmotra se u Kubína po křtu nevhodně vymlouvá, že nemá peněz (to je ozvěna ze Smrti—kmotry). Dál kráceno: dívce zakázán sedmý (u Němcové šestý) pokoj. U Němcové sedí v zakázaném pokoji v r a k v i kostlivec, který k ý v á hlavou. Později se dovídáme, že to byla zakletá kmotra sama. U Kubína sedí v u m r l č í t r u h l e přímo kmotra, má koňskou hlavu a vlastní hlavu víská na klíně (ozvěna látky Vasilisa), k ý v á na dívku, která v obou textech utíkajíc „bouchla dveřmi“. Dále shodně, ač Němcová mnohem obšírněji. Scéna, kdy kmotra vynucuje přiznání, ukazuje jasně poměr vypravování k tisku.

Němcová 12. s. 152.

„. . . pověz; co jsi viděla v šestém pokoji?“

„Babičko, já tam nebyla.“

„Pověz, bude zle s tebou.“

„Já tam nebyla.“

Tu popadla babička dítě, a dřív než jí matka zabránit mohla, roztrhla je vejpůlky, až krev sněhobílé podušky a tvář matčinu postříkla. Ubohá matka vykřikla, pak ale polomrtva nazpět klesla.

Kubín 6. s. 29

„Povidej, cos viděla!“

„Babičko, já sem tam nebyla“

„Poujes!“

„Já sem tam nebyla.“ (To jí dycky na tu chvíli vrátila řeč.)

Tag dyš nic, ta popadla dítě a taky ho před ní rostrhala.

Hlídačky ze spaní se probravše nahlídly co as paní dělá, a tu viděly kolébku práznou, postel a všecko kolem plno krve a matku polomrtvou. I pustily se všecky do náramného křiku a běžely ku královně. Ta si vlasy z hlavy škubala, když to hrozné divadlo spatřila Marišky se ptát nemohla, za jedno byla němá, za druhé ze mdlob ani nevycházela. „Ó, že jsem tomu připustil,“ naříkal ubohý král, „aby si ji Milboj vzal; já si to vždy myslil, že z toho nevzejde požehnání. Nyní je patrno, že to lesní ženka; ty prý své děti snědí. Ó nešťastný osud!“ Tak bědoval neustále starý král.

Druhý den poslali k princovi, aby zvěděl o nešťastné události, řkouce, že by nejlépe bylo, zlopověstnou matku dát upálit. Oni nevěděli, jak tuze ji Milboj miluje. Jeho odpověď zněla, aby všecko nechali jako prvé, a s Mariškou tak nakládali jako až posud. Stalo se dle jeho rozkazu. Za několik neděl vrátil se co vítěz z boje.

Tejko všude křiku, po celim zámku samej křik,

že tu byla divoká ženka a milího prince sežrala.

Hned to psali králoj do vojny, von uš mněl vyhráno, a tady příde domu. Byly velký řmoty, že ta varta nehlídá, co je to za vartu, ale Libuška nic, aby to nechal tak.

Po druhé porodí mladá žena u Němcové chlapce, u Kubína dceru. Po třetí chce princ hlídat sám, ale také usne. Kubín nechává ho jít i po třetí do boje. Závěr u Kubína mnohem stručněji, ale shodně.

A n n a K u l í č k o v á: Č. 19. Nurunihar z 1001 noci. Tři princové jedou do světa pro vzácné věci a hádají se, komu z nich patří nevěsta. Kulíčková počíná tím, že tři princové jedou nemocnému králi pro lék. Ale hned opouští tuto látku, a přechází do povídky R a d o s t o v a č. 63. Princ na honbě spatří, jak matka honí dceru kolem chalupy a bije ji, že špatně přede (látka „tři přadleny“). Kulíčková opouští však také látku o třech přadlenách, a vypravuje konečně dle R a d o s t o v a č. 54., jehož počátek se poněkud podobá počátku u č. 63. Radostov počíná č. 54 tím, že král projíždí zemí, najde chudou matku s 12 dcerami, slíbí, že při návratu si jednu vezme. Dívky se hádají, nejstarší tvrdí, že má právo vdát se první, ale král si vezme s sebou nejmladší, pětiletou, vychová ji se svými syny, kteří ji pak chtějí všicnni za ženu. Kulíčková zmátla oba začátky. Princ napřed chce vzít to děvče, protože prý potřebují doma přadlenu, ale pak vybírá z dcer místo nejstarší tu nejmenší a král si ji doma „koupí“. Další text je stručnou reprodukcí

z Radostova 54; změněn je jen pořádek zázračných věcí (zrcadlo, vozík, místo vozík zrcadlo), otec jí jablka sám a dává dívce jen ukousnout, místo aby otec, matka, dívka dostali každý jedno jablko.

Č. 20, čertův švagr, je stručně vyprávěno podle Němcové č. 46, o Nesytovi. Původ je zřejmý.

Č. 23, podivní švagři a služba u čarodějnice za koně, je vyprávěno dle Němcové 11, pod vlivem jiného variantu. Počátek, jak princ dává sestry Slunci, Měsíci, Větru věrně do podrobnosti shodný, jenže princ slove místo Silomil Vítek (u Němcové slove „Vítek" rek její povídky č. 6).

Němcová vypravuje dále: princ jede do světa za nevěstou. Najde bojiště plné mrtvol u zámku, v němž bydlí princezna, která si vezme jen toho, kdo ji přemůže a právě porazila krále ohně. Prince vejde, najde na stěně meč v pochvě skákající, vymění jej za svůj a přemůže jím dívku, která ho vyzve na souboj. Dívka před svatbou na týden odjede, zapoví princi jeden pokoj, princ najde v pokoji přikovaného krále ohně, osvobodí ho, dívka se nevrátí. Princ navštíví postupně švagry, doví se od Větra, že dívka je ukována v ohnivém zámku pod zemí, a jde na jeho radu k babě vysloužit si koně rychlejšího, než má ohnivý král. Švagři mu dají zlatostříbrnou hůlku, kterou je přivolává na pomoc. U baby pase první den 12 železných hřebců (slunce je sežene žárem), druhý den 24 (vítr je sežene). Třetí den dojí 12 divokých krav; krotí je bičem od Měsíce, baba mu káže koupat se v mléce, princ chce napřed koně, pak vítr mléko chladí, princ zkrásní. Když se koupe baba, slunce ji v lázni uvaří. Kůň se koupelí mění v krásného bělouše, princ na něm unese dívku, vítr a slunce zadrží ohnivého krále.

Kulíčková pokračuje po provdání princezen jiným variantem. Princ jde k čaroději, jenž má v pokoji obrazy princezen a chce si vybrat nevěstu. Když si vybere, obraz zmizí, čaroděj praví, že ta princezna „eště nemá právo na pryč". Princ ji jde hledat. U Němcové švagři prince prostě vítají. U Kulíčkové princ najde vždy nejprve sestru na dvoře, jedno dítě vedoucí a druhé chovající. Sestry ho schovávají, protože muži by ho roztrhali. Princ musí čekat, až muž přestane být divoký, „až bude zase svým králem", „až bude mít jiné právo". (To je ozvěna z látky o zakletých a zvířecích švagrech.) Švagři při návratu čijí „čuchočinu", večeřejí, zapisují do lejster, co viděli

a pak teprve vítají prince. Princ dostává od nich postupně bičík, píšťalku, prsten, Vítr mu vypravuje o dívce shodně s Němcovou: „Věř, že by se již dávno byla upekla, kdybych ji neochlazoval.“ — „Už by dávno byla upečená, nebejt mně, že ji mrazem vofoukám.“

Služba u baby opět dle Němcové, ale stručněji. Hřebci jsou jen divocí, druhá hlídka schází, dojení krav a koupel nápadně se shodují až na to, že je vynechána proměna koně. Kulíčková se tedy vrátila k textu Němcové a náhle si vzpomíná na zapomenutou episodu o silné princezně. Princ přijede k ohnivému králi, tam najde meč v pochvě skákající, pak unese princeznu, vítr a slunce zadržují ohnivého krále věrně dle Němcové; a po návratu domů žádá najednou dívka, aby ji princ přemohl v souboji. Princ ji přemůže tím zázračným mečem a pak teprve je svatba.

Ten druhý variant, který Kulíčková vpletla do Němcové, je česky zapsán Přikrylem (č. 89). Král sám káže princi před smrtí provdat dcery za bílé ptáky a zakáže mu besídku v zahradě. Princ najde v besídce obraz princezny, jenž zmizí, a jde ji hledat. Pomáhají mu tři starci, princezna ho ve svém zámku uvězní, pak mu slíbí sňatek, ale zakáže mu jeden pokoj, princ z pokoje vypustí draka, který unese princeznu. Princ jde k švagrům, kteří jsou zakletí tím drakem — půl dne ptáci, půl dne lidé — na jejich koních unáší princeznu třikrát ze skleněného vrchu, po třetí je drakem roztrhán, ale čarovně ožije a slouží pak u baby. Hlídá třikrát 12 koní, kteří se mění v zajíce, kachny, kameny, vyslouží koně atd. Kulíčková počala tedy dle Němcové variantem o silné princezně, zašla pak do variantu o obrazu princezny, vrátila se však k původnímu textu a zmátla jej. (Výběr dle obrazu je v češtině také u Erbena v Dlouhém, Širokém a Bystrozrakém, a variant o silné princezně oznívá u Kubína v č. 81 v zmatené pohádce F. Kocourkové).

Č. 25, Parisada 1001 noci, vyprávěno přímo z tisku R a d o s t o v a č. 50, s malými odchylkami a stručněji. Princ vyslechne tajně tři dívky, vypravující, koho by si přály za muže, splní jejich přání a vezme si tu, která slíbila, že mu porodí syna a dceru (u Radostova se zlatým sluncem a zlatým měsícem na prsou, u Kulíčkové se zlatým a stříbrným páskem na krku). Pak vynechává vypravěčka svatbu atd., ale po odjezdu princově do boje pod vlivem nějakého textu o Kosoručce vkládá

nahodilý motiv, jehož jinak nevyužívá. Princ si dá před od-
jezdem dělat tři pečetítka: jedno komorníkovi, jedno ženě,
jedno sobě. Tchyně si pak zavolá posla, jenž nese po porodu
psaní princi, když se zdráhá psaní jí vydat, říká, že mu to zas
zapečetí, a napíše princi, že mu žena porodila potvoru; když
se posel vrací, změní zas princovo psaní. Komorník se pak nad
dětmi slituje a dá je sám rybářovi, který má tři vlastní děti.
Text je tu zřejmě porušen. U Radostova tchyně podvrhne matce
psa a kočku, děti pustí v koši na moře, přidá peníze a list, že
nejsou křtěny, píše pak sama synovi; když princ odpoví, aby
sečkali do jeho návratu, píše znovu, až princ nařídí zvířata
zabít, matku uvěznit. Rybář, který děti najde, vidí třikrát ve
snu bledou paní, která ho posílá k jednomu ostrovu. Dál opět
shodně o rybářově synu rozpustilci, hubaté rybářce, pak odchod
dětí, nález pokladu v lese, hostinec, koupě zámku, pozvání na
ples atd., vše dopodrobna shodně, jen že vypravěčka zapomněla
na zazděnou matku.

Šlambor pod č. 176 vypravuje tutéž látku a prozrazuje
svou tištěnou předlohu ještě určitěji než Kulíčková. Král se
u něho jmenuje „Jábor“. Kubín vykládá na str. X., že má být
„Javor“. Ale u Radostova princ, pozdější král, slove „Jarboj“.
Děti mají u Šlambora na prsou zlaté slunce a zlatou hvězdu
(Radostov měsíc). Rozmluvy prince s rodiči a jízdu za nevěstou,
jež Kulíčková vypravuje, Šlambor vynechal, ale dál zase podle
Radostova a sice i pouštění dětí na vodu, i trojí sen o „bílé“
paní; rybář má jen jednoho hocha. Dál přesně, jen že princ ne
jezdí se sluhou, kůň se vrátí po třetí výpravě sám. Vzácné věc
jsou jako u Radostova za červeným mořem, ale po prvé za bílým
po druhé za modrým, po třetí za černým vrchem. Na matku
Šlambor zapomněl vůbec. Pro srovnání, jak se shodují oba texty
vzniklé z tisku Radostova, i mezi sebou, několik řádků počátku

Kulíčková 25.

Byl jeden král a mnèl jedinkýho syna. Von byl velikej miloȗnik ryb, a ten syn eště vječí.

Teď jednoho času milej princ chodil vokolo rybnika, a za rybnikem byl kus pancký pšenice, a tři holky tam byly na tráu̯je. Princ vostal na hrázi stát, a slyší, co si ty holky vypravujou, co kerá z nich má za planetu. „Já se do smrti neu̯dám,“ povidá ta

Šlambor 176.

Byl jeden král Jábor a by
velikej milovnik ryb. Mněli blísk
zámku rymnik, a jeho syn přiše
jednou na hrás a tam léžel.

Tři holky byly blísko ve pše
nci na trávje, a povidaly si, jako
má každá planetu. Ta Kačenk
jim povà: Já mám dostat princ
a budeme mít spolu dvíčata. Ho
bude mít na prsouch zlatý slunc
a holka zlatou hvjezdu.“ Ta druh
Mařenka taky jim povidá, von

první. „A já se udám, dostanu vdouce a budu se s ním mít dobře." „A já dostanu prince, a budu mít dvíčata. Hoh bude mít zlatej pásek na krku a holka stříbrnej." „Jéjé," ty druhý se divily, „koukejme paní královnu!" Princ viděl, byla z ních nejmlačí, tag dyš se zvíhly s trávy, šel pozdáleči za níma, a vona se zahnula do malího baráčku.

že dostane vdofce, ale stejně se bude mít dobře. A třetí Bjetuška, že vostane svobodná.

Dyš naďály všecky trávy, zvíhly se a dou domu. Ale ten princ pomalu za níma, aby viděl, kam ta Kačenka jeho pude. A vona šla do takovího staveni, třechu to mnělo rozdrchanou, koza tam mečela ve chlífku.

Č. 26 je opět Parisade, vyprávěná tentokrát podle N ě m c o v é č. 25; pod vlivem své předešlé povídky zabíhá však vypravěčka čím dále tím víc opět do textu R a d o s t o v a č. 50.

Počátek jasně dle Němcové: tři dcery zahradníkovy, mladý král naslouchá pod oknem, děvčata si přejí kuchaře, cukráře, krále, krále je zavolá, splní se jejich přání, sestry královně závidí. Pak již počíná vliv Radostova.

Němcová: sestry podvrhnou královně po porodu štěně, synka pustí v koši po řece. Kulíčková: král na vojně, sestry píší o narození chlupaté potvory, král odpoví, aby to utopily, sestry pustí chlapce v koši po vodě, s penězi i listem, že není dítě křtěno. Dál podle Němcové kníže chodí po zahradě a vyloví košík. Němcová vypravuje dál o narození druhého syna, ale Kulíčková ho vlivem Radostova vynechává a přechází hned k narození dcerky podle Radostova: sestry podvrhnou kotě, píší králi o prašivé potvoře, král odpovídá utopit. Nato opět dle Němcové kníže vyloví děvčátko a vychovává obě děti. Král staví žalář v lese pro svou choť (u Němcové ji sestry dají nadto zazdít.) Kulíčková vynechává popis vychovávání dětí a smrti knížete.

Němcová líčí pak dramaticky, jak starší sestra přijde k dětem jako žebračka a radí dívce, aby si opatřili mluvícího ptáka, živou vodu a tři zlaté jabloně, jež jsou na vysokém, nepřístupném vrchu. Jeden bratr jde ty věci hledat, nechá sestře doma růženec: nepůjdou-li jeho zrna od sebe, je mrtev. Druhý bratr jde ho pak hledat, nechá sestře nůž, který, zrezaví-li, věští jeho smrt. Sestra pak jde hledat oba, dojde k poustevníkovi, dostane zlatou kouli, jde za ní k onomu vrchu, stoupá nahoru, nesmí se ohlédnout. Pták jí radí, co má činit a jak vzkřísit bratry. Všichni se vrátí, pozvou krále, podívat se na ty zázračné věci (bratři se s ním setkají na lovu), pták prozradí králi, že to jsou jeho

děti. Dcera vzkřísí ve vězení mrtvou matku živou vodou, sestry jsou roztrhány čtyřmi voly.

Kulíčková v druhé části řídí se povídkou Radostova: baba řekne dívce jen o mluvícím ptáku za červeným mořem. Bratr s růžencem ovšem schází. Druhý bratr nechá (dle Němcové) sestře svůj nůž, ale pak jede (dle Radostova) k moři, tam dědeček převozník, pták v zámku v zlaté kleci, stručně dle Radostova. Když nůž zrezaví, jde sestra za bratrem, vysvobodí bratra a dobude ptáka. Obě děti zvou pak sousedy na hostinu, pták káže synovi, aby políbil otci ruku; král vezme děti na hostinu, ptá se u stolu, co zaslouží, kdo seje svár v rodině, dcery samy si určí trest upálení. Královna ve vězení omládne, když na ni padne pírko toho ptáka (podle oživení zkamenělého bratra).

Č. 32, o brašně s vojskem, je vypráváno podle Radostova č. 47. Úchylky jsou nepatrné, text však zkrácen: tři bratři jdou do světa, Honza staršími týrán — do podrobností věrně. V zámku bratři hrabou peníze, Honza si vezme z každé hromady jen jeden peníz (u Kulíčkové dva). Pak všichni odejdou, starší Honzu zbijí, Honza se vrátí do zámku. U Radostova Honza pak také hrabe peníze, nato přijdou dva obři, kteří ho ustanoví hlídačem zámku. Kulíčková nenechává Honzu hrabat peníze, tak že může obrům dokázat, že si bral jen po dvou penězích na ukázku. Dál opět shodně, stolek dávající jídla výměny za mošnu (pikslu) s vojskem, pytel, sypající hrady, na to návštěva bratří v městě, válka s králem atd. úplně shodně.

Č. 33, ježek—ženich, přesně dle Radostova č. 38.

Č. 35, o žabím králi, zmatený výtah z Radostova č. 51, jež vypráváno podle 1001 noci (Weil I. s. 3).

Č. 43, podle Radostova 29: nejen úvod, ale i další text. Vypravěčka pouze krátí, vynechává, jak duch padá se stropu, jak Franta odpírá konat jeho rozkazy a tím ho vysvobodí, i vypravování ducha, jak hřešil za živa. Líbilo se jí jen, že Ferda dostal od ducha, mimo tři kádě peněz, i spisy, jimiž ráno zpupným úředníkům dokázal své právo na zámek i na peníze.

Č. 44, hlídání lakomcova hrobu, je vypravováno na podkladě textu Němcové 17, ale úvod je úplně jiný a má pak též vliv na další text. Úvod ten se shoduje s úvodem č. 6

které vypravoval Kubín otec, a jež má podkladem povídku Němcové č. 12 o Maričce.[1])

Kubín otec 6.	Kulíčková 44.
Byl jeden chudej krejčí, a mněl už moz děti, aš to nejni ani heský. Ale do huby nemnèl co dát, ani cožeho jest. Bratr byl bohatej sedlák, a ten mu sloužil dycky svatym kmotroustvim. Ale posledně, zasej se tam narodila holka, to uš nikam jít nechtěl. „Houno prej pudu, moch sis dát pokoj, bestoho nemáš sám do čeho kousnout.“ Krejčí příde domu a povidá ženě:	Byl jeden krejčí a mněl moz dětí. Jeho bratr byl veļkym sedlákem ve vesnici a byl mu dycky kmotrem u všeh děti. Teť se mu narodil poslední hoch. Prosil ho zasejc za kmotra, ale sedlák se utrch, že uš nepude. „Šak si prej můžeš dát pokoj, tolik klazanu!“ Tag dyš nemoh žádnýho sehnat, povidá ženě:

Němcová vypravuje v úvodu obšírně o učiteli, jemuž je kmotrem dítěte lakomý mlynář, kterého prosí, aby mu „přepustil a semlel korec žita a korec pšenice“. Mlynář vyhoví, učitel však přijde po druhé, a když po třetí má „v truhle prázdno“ jde opět prosit. Mlynář mu řekne, že má napřed zaplatit starý dluh, a když se učitel děsí, slíbí mu odpustit dluh a přidat plný vůz mouky, zaváže-li se hlídat mlynáře tři noci po jeho smrti. Kulíčková vypravuje stručněji: krejčí veze do mlýna půl korce žita semlít, naříká, že nemá kmotra, mlynář nabídne mu ještě korec pšenice, bude-li ho tři noci po jeho smrti hlídat. Tu se připletla Kulíčkové vlivem té věty u Němcové, že učitel má „v truhle prázdno“, vzpomínka z jiné povídky, u R a d o s t o v a č. 30. Radostov vypravuje v té povídce zlomek látky o chráněnci osudu a sice úvod o narození hocha a věštbě. Když se chuďasovi narodí synáček, přijdou dva starci, jsou dítěti kmotry, jeden z nich praví po křtu: „. . . dám synáčkovi tuto t r u h l i c i d o v í n k u . . . bude p o ř á d p l n á obilí“. Kulíčková vypravuje, že mlynář „. . . mu to semlel a d o v í n k u d a l, ženě do kouta t r u h l i c i žita, byla p o r á d p l n á“. Krejčí ovšem zbohatne, koupí si větší statek, než má bratr, ale musí pak hlídat mrtvého mlynáře.

---

[1]) Tu možno srovnat také ještě počátek Šlamborovy pohádky č. 177 o Chráněnci osudu.

„Byl jeden chudej krejčí, a ten jen spravoval, co si gdo přines. To bylo celí jeho řemeslo. A při tom mněl děti, že sám snad ani nevěděl. Honilo se jich vokolo chalupy jako kuťat. Mněl jednoho bratra, ten byl zasejc bohatej, a dycky mu byl u toho kmotrem. Jednou se mu narodil zas kluk, tak co, sebral se k němu, a tady ho prosí vo službu. Ale von se na něj vobrátil: „Poslouchej, už by sis moh dát zahrat, nepudu nikam! Uš toho máš doví co, moch siz dát pokoj.“ A nešel. Krejčí příde domu, povå to ženě. . .“

První dvě hlídky jsou u Němcové i Kulíčkové shodny, před třetí dostává u Němcové učitel od faráře svěcenou vodu a kropáč, u Kulíčkové svěcenou křídu, kropenku a vidle, kterými — místo kropáčem — vtáhne mlynářovu kůži do svěceného kola. Dál drobné odchylky, tři psi místo dvou, tři chlapi nesou tři pytle dukátů, a závěr jen stručně.

Č. 50—52, o putování Ježíše a sv. Petra světem, vypravováno přímo z Němcové 63, texty III., IV., V., VII., s cizími vlivy. Text VI. u Němcové odpadl proto, že v něm je několik řádek německého textu — jedná o tom, jak Ježíš na Petrovu žádost stvořil z pařezu Němce. Polívka praví, že č. 50 u Kulíčkové se podobá č. IV u Němcové, jenže má širší úvod. A č. 51 u Kulíčkové že se liší od č. V. Němcové, ačkoliv obě jednají o původu hub.

Němcová v č. III vypravuje, jak Petr tančil v hospodě, kde tesaři měli muziku, jak se jeden tesař pohádal s Petrem o děvče a tesaři pak Petra zbili. Petr si stěžoval Ježíši pravě: „Kéž by v mé moci bylo, ne dřevěné, ale železné suky bych těm hrubiánům natloukl do dřev.“ Ježíš ho za to káře. V č. IV vypravuje Němcová, jak si Petr přál být půl dne pánembohem a musil pást husy.

Kulíčková v č. 50 vypravuje na počátku stručně obsah č. III u Němcové. Petr je v hospodě bit, že přebírá hochům děvčata. Stěžuje si Ježíši a praví: „Dybych, prej byl, pane jenom půl dne pánembohem! Já bych im to vosladil!“ Kristus svolí, ale Petr místo pomsty — věrně dle Němcové IV — musí pást husy. Kulíčková tedy prostě stáhla oba texty Němcové v jednu povídku.

Č. 51, o vzniku hub, vypravuje dle Němcové č. V; Ježíš a sv. Petr jdou do vesnice, chudá svatba, Ježíš napomíná Petra, že nepřijmou než chleba a soli, protože to jsou lidé chudí; Kulíčková názorněji: „Ne, abys od nich bral koláče, mají toho sami málo.“ Ale Petr má na koláče chuť: „Když se mistr na chvilku ze sednice odstranil... (Petr) koláčů plnou kapsu nastrkat si nechal.“ Kulíčková: „Když pán Ježíš vytáhl paty, nabral si jich plné kapsy.“ Cestou lesem „Petr... zůstával pozadu“ — („Petr vostával pozadu“) a jedl koláče. Ježíš však vždy se ho tázal, a Petr zahazoval žvance, aby mohl odpovídat. Až potud tedy oba texty shodně. Pak u Němcové pošle Ježíš Petra sebrat ty „nicy“, Petr najde houby, Ježíš naučí ve v

ženu je připravovat. Je to jídlo chudých, proto je hub hojně, ale že Petr nebyl jídlem syt, tedy houby nesytí. U Kulíčkové pošle Ježíš Petra sebrat ty zbytky, Petr najde houby, Ježíš praví, jen aby to sbíral, jsou to ty koláče, které, že by byly přišly „na zhoubu“ „jsou teď „houby“. Pak si je dají usmažit u selky, Petrovi chutnaly — jako u Němcové — a je z nich obživa pro chudý lid. Přes vložený výklad o původu jména je předloha — v souvislosti s ostatním textem — zřejmá.

Č. 52, na podkladě č. VII u Němcové, s cizími vlivy. Ježíš a Petr nemohou ve vsi dostat nocleh, až v chalupě chudé vdovy, která má víc dětí. U Němcové uvaří vdova k večeři málo mastnou polévku, Ježíš dá spočítat mastná oka a vysázet tolik zlaťáků, kolik je ok. Ráno vdova běží do statku pro mléko, řekne to selce, a ta pozve poutníky na snídaní, dá jim mastnou polévku, jen s jediným okem. Petr chce, aby Ježíš selku odměnil, Ježíš ho poučuje, že selka je hostí ze zisku. Selka poslouchá za dveřmi a mrzí se, poutníci jen děkují a odejdou.

Kulíčková: Vdova večer hostí poutníky tím, co utrhne dětem od úst, ráno jim udělá polévku: „kalí to nebylo, chudý lidi vařej z vody“. Poutníci se ptají, co si za to přeje, ona že prý nic, ale že potřebuje všechno. Chalupa se změní v plný dům. (Spojení motivů mastná polévka a změna domu je v češtině v Lumíru 1862 s. 799; změna domu o sobě u Menšíka 68). Pak se Kulíčková vrací k Němcové VII; vdova mluví s lakomou sousedkou, která žádá, aby vdova k ní poutníky poslala. Poutníci přijdou, selka jim uvaří polévku tak mastnou, že je na ní jen jedno oko. Tu Kulíčková přechází pak násilně do jiné látky, a sice opět podle tištěného textu, u R a d o s t o v a 41. Nevadí jí ani, že tu nechává odměňovat lakomou selku, která u Němcové správně byla pokárána. Ježíš požehná selčině práci, selka stříhá celý den plátno na košilky. U Radostova ovšem se dostane této odměny chudé rodině s četnými dětmi (počátek ten se shoduje s počátkem textu Němcové 63 VII.), u níž poutníci přenocují a ráno jedí oukrop. Dál pokračuje Kulíčková podle Radostova: poutníci přijdou večer k „eště vječí lakomkyni“ (rychtářovům), ráno po snídani jí Ježíš požehná práci, selka běží nejprv pro vodu (Kulíčková zapomněla dodat, že chtěla měřit obilí) a nosí celý den vodu.

Stará výminkářka R. Vaňoučková vypravovala povídku o Popelce a oříškách (69). Její vnučka Marie připojila (č. 74)

jinou povídku o Popelce, a sběratel praví o Marii, že „lidová poesie jest jí milou zábyvkou duševní. Bude asi výmluvnou dědičkou lidových povídek domácího kraje“. Prozatím však ten jediný text, jejž vyprávěla, vyčtla z Němcové 9.

Úvodní věty shodují se s úvodem č. 69, vyprávěného babičkou. Pak, když otec zavádí dcery do lesa, odchyluje se Marie od Němcové: otec řekne dcerám, že jde na dříví, ale pověsí na strom palici, která bije do kmene, a jde domů. Dcery však se vrátí, otec je zavede po druhé a opět užije této lsti. Motiv ten pochází z perníkové chaloupky (Němcová č. 67), ale tam je ho správně užito jen jednou. Pak vypravuje Marie přesně dle Němcové 9, s bezvýznamnými úchylkami: místo kmotry teta, místo klubka kaménky, lidojed vynechán, zabití baby téměř doslova; pak vynechána řeč sester, jež nechtějí vzít Popelku s sebou. Popelka najde u Němcové najednou tři pokoje s třemi truhličkami; Marie líčí před každou jízdou za novými dveřmi nový pokoj. Šaty u Němcové bílé, růžové, modré, Marie hedvábné, modré, bílé. Ke konci kráceno. Popelka nejede s princem třikrát do sklepení pro poklady. U Němcové obšírně, jak nato sestry vniknou do sklepení, vynesou poklady, vrátí se dvě černé kočky je poškrabou a zohaví. Z pokladu stanou se oblásky. Sestry se uzdraví, jedou s Popelkou pro rodiče, pak Popelka jede s princem navštívit to sklepení, ale vše zmizelo. Marie stručně: sestry vniknou do sklepení, kočky je usmrtí. Popelka je najde, když se jde loučit s koníkem. V závěru šablona: koníkovi setnout hlavu, z něho holubička. (Dokončení.)

Materiály k dějinám slovanské filologie.

[D]va dopisy Valentina Vodnika Josefu Dobrovskému.

(Originály v bibliotéce Nár. musea v Praze.)

1.

Laibach den 6ten Juli 1806.

Hochwürdiger, hochgelehrter Herr!

Da ich die Ehre habe, Euer Wohlgeboren seit Erscheinung Ihres deutsch-[b]öhmischen Wörterbuches[1]) in Hinsicht Ihrer gelehrten Sprachkenntnisse von [d]er vorteilhaftesten Seite zu kennen, und da auch ich seit mehreren Jahren [s]chon an einem Wörterbuche unserer Mundart arbeite, so nahm ich mir ein [w]ahres Vergnügen daraus, Euer Wohlgeboren beiliegende vorläufige Nachricht[2]) [ü]ber dasselbe mitzusenden. Ich weiß es, daß Sie als ein Mann, dessen Namen [d]ie Geschichte der slavischen Literatur nie vergessen wird, als warmer Freund [u]nd tätiger Beförderer derselben, zur Bekanntmachung meines Wörterbuches [i]n Ihrem Vaterlande (so ferne es einiges Interesse für Böhmen haben kann) [d]as Ihrige beitragen werden. Nehmen Sie anbei auch meinen wärmsten Dank [f]ür Hilfe, die ich bei meiner Arbeit in ihrem Werke fand, und die ungeheuchelte [V]ersicherung, daß mir nichts mehr Vergnügen machen würde, als wenn ich [I]hnen selbe je entgegnen könnte.

Erlauben Sie mir nur folgende Bitte. — Bisher konnte ich ungeachtet [a]ller angewandten Mühe von Ihrem Deutsch-böhmischen Wörterbuche noch [n]ichts mehr als den ersten Band von A bis F erhalten. Ist es vollendet, so [b]itte ich Euer Wohlgeboren ergebenst, die Verlagshandlung anzuweisen, an [e]inen der hiesigen Buchhändler unter der Adresse für mich das Übrige bald [m]öglichst zu überliefern, damit ich jetzt bei der Revision ein Werk ganz be-[n]ützen könne, wovon mir schon ein eingebener Teil so viel Vortrefliches darbot.[3])

— —

[z]urückzuführen, wodurch sich die slavischen Mundarten vor so vielen anderen [S]prachen auszeichnen.

Leben Sie einstweilen wohl und nehmen Sie in Ihr gütiges Andenken

Euer Hochwürden bereitwilligsten
Valentin Vodnik,
k. k. öffentl. ordentl. Lehrer der Poesie.[4])

2.

Laibach den 28ten Jäner 1808.

Hochwürdiger Herr,
Mein bester Freund!

Ihren wertesten Brief vom 28ten November 1806, in welchem Sie auf meine [Z]uschrift vom 1.[5]) Juli desselben Jahres eine mir besonders schätzbare und

---

[1]) Vyšel v Praze 1802 a obsahoval písmena A—F; později jej Dobrovský [d]oplnil po K.

[2]) Vztahuje se na oznámení Vodnikova slovníku v časopise »Laibacher [W]ochenblatt« ve dvojčísle XXV. a XXVI. z r. 1806, jež mu Vodnik současně poslal.

[3]) Tu chybí v originále půl stránky.

[4]) Dobrovský mu na tento dopis odpověděl listem ze dne 28. list. 1806.

[5]) Toto datum opakuje Vodnik chybně po Dobrovském; jeho dopis, jak [v]ýše vysvítá, byl psán v Lublani dne 6. července (VII).

wahrhaft freundschaftliche Antwort erteilen, habe ich bald darauf erhalten. Die erste Seite Ihres Briefes hätte ich sogleich beantworten können, die übrige drei Seiten desselben aber legten mir eine noch genauere Prüfung unsere wendischen Mundart auf, welche Prüfung durch vielfältige Berufsgeschäfte ebe durch die Zeit her außerordentlich gestört wurde.

Ich danke nun für Ihre innigste Teilnahme an dem Vorgange unsere Arbeiten in Krain, und daß Sie mir vom Herzen gut sind aus eben dem Grunde aus welchem ich Ihnen schon früher gut war, da ich Sie aus Ihren Arbeite kennen lernte. Den Slavin bekam ich sogleich, als er erschien; jetzt ist da 6te Heft hier angekommen. Von Ihrem deutsch-böhmischen Wörterbuche ha die Sammlung des allgemein verehrten Baron Zois bisher nur die Buchstabe A bis F, nebst der Bildsamkeit d. b. Sprache, Bildung der Subst. u. Adj. Di böhmischen Biegungen und das Slovo Slovenicum sind bei uns noch imme ganz unbekannt. Ich bitte mir Nachricht zu geben, wo sie zu haben sind, da weitere wird die Sorge unserer Buchhändler sein.

Mein deutsch-windisches Wörterbuch ist bereits am 23/X^ber 1806 im Grobe fertig geworden, es waren nur noch 4000 Kunstwörter zu sammeln und dam die bei den deutschen Benennungen leer gelassenen Lücken auszufüllen. Sobal ich noch beiläufig 900 Benennungen berichtiget haben werde, durchgehe ich e nochmals und lege die letzte Hand dem Werke an. Indessen mußte ich all bisherigen Grammatiken durchprüfen und endlich daraus eine brauchbare en werfen. Seitdem ich mehr Musse bekam, sammelte ich die Materialien zu eine wendischen (eigentümlicher) Wortfügung, ordnete die Wortforschung und jet schreibe ich diese beiden Teile der Grammatik ins Reine.

Bei Gelegenheit meiner vorläufigen Nachricht vom Wörterbuche äußer Sie einige Gedanken darüber, worauf ich unter folgenden Nummern antwort

1. Sie sagen: bei *Auf* sollte angegeben werden, wie das Auf in der Zusammen setzung mit Zeitw. gewöhnlich gegeben werden müsse. Den Versuch wage ic in der vor mir liegenden Grammatik und ich werde ihn dem Wörterbuch einverleiben. Zusammensetzungen aber zu erfahren, war ich nicht sehr bemüh sondern ich übersetzte alle Adelungischen Wörter, außer dem Falle, wo i Deutschen eine solche Zusammensetzung aus zwei Nennwörtern vorkomm wofür wir keine einfache Benennung haben, sondern sie mit einem Adjekt und Substantiv ausdrücken. In diesem Falle setzte ich gleich nach dem vo kommenden Worte auch das Bestimmungswort für die Zusammensetzung, z. Mann, mofh Mann — Manns (in der Zusammensetzung) mofhki, das ist dies bestimmten Mannes, mofhov — zwei, dva. Zwei = in der Zusam. dva = al dva lifta, zweiblätterig usw.

2. Das wz, вóзъ ist bei uns ganz unbekannt. Das Zeitwort vftanem, ic stehe auf, hielt ich immer für ein v (in) und ftojím, ich stehe, zusamme gesetztes, welches in das Stehen sich versetzen bedeuten sollte.

3. Der Annahme des c für z, des z für s[1]) usw. steht nur der seit Trube Zeiten und vermutlich noch früher angenommene Gebrauch im Wege. Popovit mengte in seiner Handschrift die cyrllischen c, з, ш, ж, щ, ч unseren übrige lateinischen Buchstaben bei. Ich wünsche von Herzen eine Vereinigung d nichtcyrillischen Alphabete, aber wie den Wunsch bewerkstelligen? — Hätt wir Slaven nur mehr Nationalität! — Ich machte schon zu viel sogenann Neuerungen, die mir zwar größtenteils glückten, doch mehrere gegen mi mißtrauisch machten, daß ich zu sehr kroatisiere — ich getraue mir nic noch die Schrift zu ändern, wohl aber Vorschläge dazu in meiner Vorre zu machen.[2])

4. P. Markus fand vermutlich die Grammatik des Bohorič in sein Klosterbibliothek zu Laibach und die Bibel des Dalmatin hatte er vor si

---

[1]) Dobrovský ve své odpovědi na první dopis Vodnikův přímo se dotkl t reformy slovinského pravopisu, navrhuje psáti c za z a z za s, a to ve sho s českým pravopisem. Tak dal první popud k později teprve provedené nov slovinské orthografii. Viz Mittheilungen des histor. Vereins für Krain 1861, str.

[2]) Vodnik podle Kopitara (Grammatik XLV) měl ve svém majetku ruko Popovičových gramatických prací.

iegen; von dem letzteren bin ich Augenzeuge, Bohorič aber wurde bei der Aufhebung des Klosters vorgefunden. Sie fragen: wie konnte er das s und ſ anders gebrauchen als Truber? — Ich kann mich der Meinung nicht erwehren, daß er sein plagium decken und als Schöpfer auftreten wollte, in der Zuversicht, es wären seine Vorgänger bereits verbrennt und sein Exemplar würde im Dunkel bleiben. Er selbst sagte 1775 zu mir: »Der erste Grammatiker einer Völkerschaft hat das Recht des ersten Spracherfinders nach seiner Willkür neue Wörter zu erschaffen.« Daher so viele neue Benennungen in seinem Trilingue, die einmals aus einem windischen Munde ertönten und die er aus seiner semiarga manica herfürzog.[1])

5. Über den Ton und den Accent waren wir hierbei und nie im Klaren. Bohorizh[2]) bezeichnete das e = ѣ durch é; die tonlosen Selbstlaute durch den Accentus gravis (\`). Kumerdey verwarf diesen gravis, weil er in andern Sprachen eine lange Sylbe bezeichnet, wie im Italienischen in dem Worte verità. Ich schlug längst vor: man möchte es als Grundsatz erklären, daß die Hauptstammsylbe den vollen Ton habe, da man wirklich fast immer so spricht, und der Ausnahmen nicht gar viele übrig bleiben würden. Allein Oberkrain will nicht darein stimmen, es spielt zu sehr mit dem Tone. Ich entschloß mich denn, den Ton durch Accent zu bezeichnen, und zwar durch den Accutus den gedehnten, durch den Gravis den geschärften; denn ich bemerkte, daß der volle Ton allzeit entweder gedehnt oder geschärft ist, und glaubte den langen Vocal als gedoppelt denken zu können, welchen denn entweder z. B. á = á͜a gedehnt oder à = á͜a geschärft ausgesprochen würde. Die Ideen des seligen Kumerdey von langen, vorne oder hinten elidirten, halblangen und dergleichen Vocalen konnte ich nie recht fassen. Meine vorhin genannte Accentierung will wieder andern nicht gefallen. Ich selbst billige sie nicht und der obige Grundsatz gefällt mir am besten. Was ich klar genug einsehe, ist folgendes: die Schärfung ist bei und wirklich dem obigen Beispiele à = á͜a gleich. Die Stammsylbe hat allermeist den vollen Ton; die Abweichungen können größtenteils unter Angabe gebracht werden; den hartnäckigen Rest könnte man füglich (in Sprachbüchern) bezeichnen; aber wodurch? Meine Meinung wäre durch den Acutus und Gravis. — Was raten Sie? — Die hartnäckigsten wären unsere Verba in -am und -im, wovon einige den sonst halben Ton dieser Ausgangssylbe auf die vorletzte und den vollen Ton auf die letzte werfen, die doch nur die Biegungssylbe ist, als: ravnàm, ich ordne; ropotàm, ich poltere; delìm, ich teile; regelmäßig aber sind z. B. delam, ich arbeite, gonim, ich treibe. Beide Arten bleiben sich übrigens in Betreff des Tonsitzes durchaus getreu, außer daß bei den in -ím der Imperativ der einf. Z. und das Part. praesentis den vollen Ton auf die Stammsylbe kommen läßt. Darf? — muß ich sie bezeichnen und wodurch? Was bedeuten denn die Accente, die ich im Rossichen[3]) finde als in вóзъ (die obige Partikel) und возъ (das Fuder) ohne Accent?

6. Wo wir immer ein lateinisches Supinum oder Gerundium durch den Infinitiv übersetzen, pflegen wir das letzte -i des Infinitivi wegzulassen, daher glaube ich mit seligem Japel und Kumerdey, daß wir ein solches Supinum haben. Aber auch der bloße Infinitiv wird sehr oft mit Weglassung des -i gesprochen.

7. Meine puſtiti und tlázhiti gehören zu den oben genannten Verbis in -ím und -im; puſtím, tlázhim, daher auch in dem Inf. puſtíti, tlázhiti. Reſhéto, das hölzerne Sieb, hat den vollen Ton auf der mittleren Sylbe als auf seiner Stammsylbe; denn es ist aus ras (zer) und ſejem, ich säe, zusammengesetzt. So ist

---

[1]) Dobrovský ve svém listě Vodnikovi (viz Mith. d. hist. Vereins f. Krain 1861, str. 9) pronesl otázku, proč asi P. Marcus (Pohlin), kterého sám před jeho smrtí navštívil, docela jinak u[illegible]al písmen s a ſ než Truber. Zpráva Vodnikova, že Pohlin snažil se zaretušovat všechny sledy pramenů, z nichž ve své mluvnici a slovníku čerpal, jen aby zastřel svůj plagiát, je zřejmým důkazem, že Pohlin vědomě zatajil všechny dřívější slovinské mluvnice, jakož i české (Rosovu a Pohlovu), z nichž čerpal, jen aby si odůvodnil právo na své novotaření.

[2]) Bohorič.

[3]) Im Russischen.

pokoj, die Ruhe, pokója (der Ruhe) auf der 2. Sylbe volltönig. weil es. vergeben Sie meiner Aufrichtigkeit, aus po = nach — und zhinim (ich tue) zusammen gesetzt, ist g. d. der Zustand nach der Arbeit (das Ausruhen). (Wir sagen pozhivam [pozhiem] ich ruhe, ich ruhe aus). ſhivím, ich lebe, gehört zu den Verbis in -ím; warum? ich kann mir diese und mehrere Erscheinungen dieser Art noch nicht erklären.

8. Poſkakvati, potégvati gehören zu den Zeitw. in -újem oder -ovam; im Themate lauten sie poſkakújem, potegújem oder poſkákovam, potégovam; ich verkürzte sie, weil ihr u oder o im Infinitivo tonlos ist.

9. Wir haben nur Formas Verborum und nur 3 Coniungationes. Ihre Haupt themata sind die Ausgänge 1. pers. temp. praes. indicativi, singularis in -am -em. -im. Die in -àm und -ím weichen nur in der Stelle des vollen Tones nicht in den Biegungssylben von einander ab. Der Ausgang in -újem oder -ovam gehört zur 1. Form in -am.

10. Unser *per* anstatt *pri* ist außer pridem (ich komme an), primem (er greife) und ihrem Abgeleiteten primik (Zunahme), priſtava (Meierhof), priſad (der Brand, gangrena) allgemein angenommen. Das *e* lautet in per so tonlos, wie in perst, der Finger, bei Ihnen prst.

11. Die Pleiades nennen wir allgemein goſtoſevzi, goſtasevzi, und zwar ſevzi von ſejem, ich säe, wovon auch: ſonze ſeje (die Sonne scheint) d. i. sie säet ihre Strahlen aus; dagegen sagen wir: luna ſveti, der Mond leuchtet Goſtoſevzi sind daher die Dichtscheinenden, Dichtleuchtenden, Dichtstrahlnenden In Gebirgsgegenden hörte ich wohl den rauhen sinnlosen Namen goſtoſeozhizhi goſtoſheozhizhi. — Die Grazer Auflage des Megiser[1]) finde ich hier nicht. Aber eine Frankfurter am Main: Thesaurus polyglottus vel Dictionarium multilingue ex quadringentis circiter tam veteris quam novi orbis nationum constans concinnatum ab Hieron. Megisero P. C. Caes. et Sereniss. Austra Archidd Historigrapho. Francof. ad Moe. Sumpt. Auth. 1603, 8 habe ich aus der Priester hausbibliothek vor mir liegen; des Druckers Name ist weder in Anfange noch am Ende angegeben; hier lese ich: Plejades — goſtoſheozhizhe. Daß wir den windischen Auszug Klagenf. 1744 haben, werden Sie wohl nicht zweifeln.

12. P. Hippolitus, ein Kapuziner, welcher uns die Grammatica latino germanico-sclavonica, ex pervetusto exemplari, Lab. 1715, 8vo gegeben hat und wovon P. Marcus kein Wort sprach, schrieb auch ein Dictionarium trilingue lateinisch-deutsch und deutsch-krainerisch in Folio. Es hätte 1712 ans Licht treten sollen.[2]) Nun ist das MS (Manuskript) in der Baron Zoisischen Büchersammlung.

13. Über Kumerdey und Popovizh behalte ich mir vor, bei einer anderen Gelegenheit ein Wort zu sprechen; des letzteren Grammatik in MS bekam ich durch einen Seelsorger, der mich versicherte, er habe sie vom P. Marcus erhalten. Indessen zu Ihrem Troste gesagt, daß Kumerdey bereits den Lokal und Instrumental aufstellte; nur wünschen meine Freunde ihnen die Namen Sociativ und Locativ wegen der Analogie mit den übrigen Namen der Casuum gegeben zu wissen.

14. Die Büchersammlung des um die slavische Literatur besorgten Baron Zois besitzt das Original der lateinischen Übersetzung nebst dem Texte Smotriski,[3]) welches der Verfasser Sovich (in Dalmatien lautet der Name **Совитъ**) dem Abbate Fortis mortis causa zugedacht hatte, aber der Bischof von Capo d'Istria Camuzi bei der Testamentsexecution davon getragen hatte. Der Baron Zois hat es diesem Bischof Camuzi selbst in Rom abgekauft.[4])

15. Ihrem Beispiele zu Folge werde ich alle Neophytos mit dem Fragezeichen andeuten; die Styriaca und Carinthiaca aber mit Str. und Kar.

---

[1]) Toto první vydání Megiserova slovníku vyšlo r. 1592 pod názvem »Dictionarium quatuor linguarum . . .« Viz Kopitarovu Gramatiku, str. 435.

[2]) Kopitar, Grammatik (75. a 86. str.) uvádí rok 1711.

[3]) Smotrickij.

[4]) Sović († 1774) přepracoval Smotrického mluvnici; tato zpráva, týkající se Sovićova latinského rukopisu, úplně se shoduje s udáním Kopitarovým v jeho mluvnici, str. 386 n.

Übrigens muß ich anmerken, daß ich bisher wenig Gelegenheit hatte in diesen beiden jetzt genannten Ländern viel Ausbeute zu machen. Gutsmann, Megiser, Popovitch und einige andern werden mir indessen aushelfen. Nebst dem ist der Unterschied zwischen den innerösterreichischen Slaven nicht bekräftlich; er geht mehr die Art der Aussprache an und die Slaven in der Steiermark und in Kärnten hören unseren gebildeter sprechenden Prediger gern an. Ferner kann ich zum allgemeinen Troste dieser Slaven noch die Nachricht geben, daß ich Mühe hatte, meinen Freunden und Landsleuten begreiflich zu machen, daß wir keinen Artikel und nur wenige fremde Benennungen neuerer Erfindungsgegenstände brauchen, da unser Bauer die Artikel in gemeinem Leben nicht braucht und den Purismus liebt.[1]) Nun eiferen die besten Männer wider Germanismen.

a) Nun erlauben Sie mir auch einige Fragen an Sie zu machen. Darf ich mich auf die Grammatik des Hoch. Prof. Nejedli[2]) verlassen? Ich hätte ihm sonst kein Wort zu sagen, als daß ich mir nicht getraut hätte ſrati, beſdyti und so weiter aufzuführen, was er ex cathedra nur noch zu oft tut!

b) Welches Wort hat im Böhmischen die Dehnung (accentum?) auf einem Selbstlaut, auf welchem es doch den Ton (vollen Ton?) nicht hat?

c) Haben Sie geschärfte Selbstlaute? — und wird diese Schärfung bezeichnet? — Wodurch?

d) Wie soll ich den Unterschied zwischen vinouti und -vinovati, naplaviti und naplavovati, vyrýti und vyrývovati, vybírati und vybrati usw. fassen?

e) Wievielsylbig ist bei ihnen červ?

f) Welcher Unterschied ist zwischen v und w in den Wörtern: vnos und wzad?

g) Haben Sie das iz, **изъ** (aus), nicht? — In diesem Falle würde ich schließen, daß das wz, **возъ** aus w, **въ** und **изъ** zusammengesetzt ist, g. d. (w = iz), z. B. wozbrati = w-iz-brati (in-aus-lesen).

h) Wäre ich recht daran, wenn ich folgende windische Wörter russisch auf folgende Weise schreiben würde: plamén, **пламѣнъ**; vlah. **влахъ**; sad. **садъ**; zad, **задь**; dékle, **дѣкле**; ládia, **ладїя**; prosim, **просимъ**; prošna, **прошна** oder **прошня**; ogin, ognia, **огнь, огня**; njega **ньега**; nanj, **нань**; vſtani, **встанъ** oder **встани**; Maria, **Марїя**; morja, **морїя**; ſéme, **сѣме**?

Endlich merke ich einiges zu Ihrem Slavin an, damit der noch übrige Papierraum nützlich verwendet werde. Zur pag. 83 Slava ist noch nicht völlig unter und verloren gegangen. Pag. 108. Pobratim = verbrüdert von pobratiti se. polbrat ist Halbbruder. Pag. 128. Wir nennen uns Slovenzi, unsere Sprache Slovensko, obwohl sich diese Benennung in Krain zu verlieren anfängt und in das Krajncz, Krajnſko übergehen will. Pag. 162. Viele beten noch: isidi se tvoja vola. Pag. 201. In Betreff des shopàn (wie es bei uns lautet) bin ich nicht einverstanden; sie haben ja das Wort pan und die Kroaten ban.

Auf Ihre Antwort harret unsere Grammatik sehnlichst; indess nenne ich mich Ihren ergebensten Freund

Valentin Vodnik,
k. k. öff. Lehrer der Geschichte und Geographie.[3])

---

[1]) Vodnik (jako Dobrovský) opíral se o živou řeč, čehož před ním celkem málo bylo dbáno.

[2]) Nejedlý. Na Vodnikův dotaz stran Nejedlého mluvnice mu Dobrovský odpověděl (Mittheil. des hist. Vereins f. Krain, 1861, str. 18), že se na ni možno dosti spoléhnouti.

[3]) Na tento dopis mu Dobrovský odpověděl důkladným listem ze dne 8. března 1808. Oba dva dopisy Dobrovského uloženy jsou v archivu zem. musea lublaňského; uveřejněny byly v časopise »Mittheilungen des historischen Vereins für Krain« r. 1861 na str. 9—11; 17—19. — Dochováno tedy je po 2 dopisech každého. Další korespondence mezi nimi asi přestala, když totiž Kopitar v březnu r. 1808 zahájil písemný styk s Dobrovským.

Václav Burian.

Kritiky a referáty.

Des rapports linguistiques slavo-roumains.

(Voir »Slavia«, I, p. 485—494, III, p. 114—121 et »Revue des Etudes slaves«, III, p. 59—77.)

III.

Проф. Б. Цоневъ: **Езиковни взаимности между Българи и Ромъни.** (Extrait de „Годишникъ на Соф. Университетъ", v. XV—XVI.) Sophia 1921, p. 158 + II.

Sous le titre »Des rapports linguistiques entre les Bulgares et les Roumains«, M. Conev a composé un mémoire qui embrasse tout l'élément slave du roumain. Il avait tort de l'englober tout entier sous le nom bulgare. Son vaste sujet, il l'a divisé en deux parties bien distinctes. Dans la première, il traite les questions générales concernant la phonétique de cet élément; dans la seconde, guidé par l'idée de la richesse que cet élément suggère nécessairement au roumainisant, il classe ces mots sous diverses catégories sémantiques, tout en suivant très mal l'ordre alphabétique dans ses listes. Il termine son étude par un résumé allemand de ses vues.

Il est bien malaisé de donner un compte rendu détaillé de ce livre. C'est parce que M. C., au lieu d'exposer ses idées d'une manière complète et exacte, se borne toujours aux courtes assertions. Il néglige d' accompagner ses comparaisons d'une suite des raisonnements. C'est au lecteur qu'il incombe la tâche ingrate de les chercher et de deviner quelquefois la portée de ce qu'il dit.

La première assertion qu'il donne sur la valeur de l'élément slave pour la solution du problème très délicat des origines du roumain, sur la question de savoir si cette langue s'est formée au sud ou au nord du Danube ou dans les deux territoires à la fois, comporterait déjà un ample exposé et une justification plus détaillée qu'il ne l'a faite. Sur ce sujet il ne dit que ceci: Etant donné le fait que les Bulgares vivaient au sud et au nord de ce fleuve, l'élément slave a pu s'introduire en roumain au nord aussi bien qu'au sud du Danube (p. 2). Voilà qui est bien vite dit. La diffusion de la langue slave dans l'ancienne Dacie est trop mal connue pour qu'on puisse parler un langage aussi décisif sur ce chapitre, car, à l'état actuel de notre science, ce n'est que le slave balkanique qui puisse être comparé, lorsqu'on entreprend d'étudier l'élément slave du roumain.

L'importance de cet élément pour le problème des origines du oumain a été déjà entrevue par Jacimirskij.[1] Mais les résultats auxquels l a abouti ayant été trop vagues à cause de sa méthode peu rigoureuse u'il avait adoptée, il faudra un jour ou l'autre étudier de nouveau ce roblème délicat, ce qui ne sera possible que le jour où la géographie inguistique fera ses progrès dans la slavistique balkanique aussi bien que ans la roumainistique. Il faudra connaître d'abord les aires géographiques es mots slaves et leurs formes multiples dans les dialectes roumains ainsi ue celles des mots correspondants en slave balkanique. La dialectologie u slave balkanique devra faire encore plus de progrès qu'elle n'avait aits jusqu'à présent. On aura ensuite à envisager notamment les migrations laves et roumains dans leur répercussion linguistique. Il va de soi que, l'heure qu'il est, on ne saurait encore songer à la solution définitive l'un problème aux proportions aussi considérables.

Le même reproche de peu de profondeur, on peut le faire aussi au ujet de ce qu'il dit sur les traits communs entre le bulgare et le roumain. l les englobe tous en 8 points. Les voilà: 1. La voyelle roumaine *î* (*â*) ortie de *a*, *e*, *i* + *n*, *m* est identique à ъ bulgare sorti de ѫ, ѧ, ъ, ь. 'outes les deux, dit-il, sont dus aus nasalisme bulgare. L'auteur fait son xposé de ce phonème d'une manière si brève qu'on ne sait pas au juste e qu'il veut dire. Est-ce à dire que le développement roumain de *cantat* > *cântă*, *vendo* > *vînz*, *conventus* > *cuvînt* s'est fait ainsi parce que le honème latin an^c, en^c a été substitué au phonème correspondant bulgare? 'e serait donc l'influence de la prononciation bulgare qui aurait amené es Roumains à parler ainsi, ce qui est évidemment faux. M. C. connaît nal, on le voit, la phonétique roumaine. Dans ce point-là, son rap-rochement du roumain avec le bulgare est tout à fait superficiel. *a* > *î* e se rencontre que devant m^c : *campu* > *cîmp*, tandis que *a* > *î* se trouve levant n^c aussi bien que devant $^vn^v$: *cîntă*, *mînă*; il en est de même le ĕ : *cuvînt*, *vînă*. Quant aux *i* + *n*, *m* > *î* (il ne peut s'agir natur-llement que de celui qui provient de lat. *ī*), il n'y a pas d'exemples. I. C. aurait dû être plus complet et plus exact ici. Il aurait dû rechercher es parallèles albanais *pεgεrε* < *paganus*, *rεmp* < *ramus*, *cuvεnt* < *con-entus* etc. L'élément latin du néogrec et du serbocroate ne connaissent as ce changement; le vegliote non plus. *Paganus* donne en scr. *poganin*, andis que an^c latin y a été, de même que on^c ou en^c, assimilé aux nasales laves correspondantes: *sanctu* > *sut*, *montem crassum* > *Mutogras*, 'incus > *Pek*, *mentha* > *metvica* etc. Il s'en suit que le phénomène oumain est en étroite liaison avec l'élément latin de l'albanais et c'est e fait qu'il faut expliquer scientifiquement.[2] Le rapprochement avec le ulgare est donc à écarter. Les deux langues ont abouti à avoir les oyelles semblables, il est vrai, mais par une voie peut-être indépendante.

Il est sûr que nous possédions des exemples roumains où le dé-eloppement phonétique est analogue au bulgare ou au serbocroate: p. e.

---

[1]) Слав. заимствованія въ рум. языкѣ, какъ данныя для вопроса о родинѣ ум. племени. (Сборникъ статей посвященныхъ Б. И. Ламанскому, p. 792—827).

[2]) Cfr. Meyer-Lübke dans le Grundriss de Gröber I. v. éd. p. 1042, § 11 t 1044, § 16 qui ne fait que le constater.

pisce>*peşte*, évidemment à travers **pešče*, mais on ne sait pas à coup sûr, si ce fait est dû à l'imitation du développement slave, c.-à-d. à l'adoption par le roumain de la base d'articulation des parlers slaves balkaniques.

2. Le deuxième point commun, dit-il, serait la réduction de *a e o* inaccentués en *ъ, i, u*, en roumain et dans les dialectes bulgares du Nord-Est. Voilà encore une autre inexactitude. Le dacoroumain[1]) ne connaît pas de réduction de *e*>*i* dans cette position. Quant à *o*⊥>*u*, ce changement n'est connu que de l'élément latin: *joc* — *jucà*. A l'élément slave il fait généralement défaut. On ne connaît que *brudì* à côté de *brodì*, *înrudì, rudenie*, d'où dans la syllabe accentuée *rudă* »parenté« de *rodъ*. Dans ce dernier mot le roumain a fini par introduire une différence sémantique entre la forme à voyelle changée et celle à voyelle inaltérée *rod, rodă* »fruit«. Il y a ensuite encore peut-être *busioc*>*bosilьkъ*, avec *ь*>*o* comme en *dobitoc, suveĭcă*< bulg. *совалка*, *bugăt* à côté de *bogat* et c'est tout.[2]) Il est même très significatif que le roumain remplace *u* slave dans cette position par *o* : *ogoesc* <*ugoję* (cfr. Slavia I, p. 493, 12). — Je ne suis pas à même de me prononcer sur la pensée de l'auteur qui voit ici un triomphe de la prononciation roumaine dans les dialectes bulgares.

3. Le troisième point de ressemblance serait constitué, dit-il, par la métaphonie *e*—*ea* en roumain et dans les dialectes bulgares du Nord-Est. Il est bien difficile de parler de l'influence roumaine dans ce point-là, puisqu'il manque dans les dialectes bulgares l'analogie pour *o*—*oa* en roumain.

4. Le quatrième point serait la même manière d'exprimer le datif et le génitif en bulgare et en roumain. L'auteur est ici extrêmement mal informé. On sait que le roumain a conservé le génitif-datif latin, tandis que, en bulgare, ces deux cas ont fini par disparaître dans la déclinaison articulée. Il est bien invraisemblable que, pour exprimer ces deux cas le bulgare ait calqué sa préposition *на* à roum. *la*, la syntaxe de ces deux prépositions n'étant pas égale. La préposition *ad* > *a* des autres langues romanes[3]) n'a rien à faire ici. La disparition de la déclinaison bulgare est un fait dont il est difficile de rendre responsable le roumain qui a conservé, on l'a vu, le datif-génitif d'une autre manière que le bulgare.

5. La disparition de la forme pleine de l'infinitif se rencontre dans les deux langues. C'est un trait commun, suivant M. C. Il semble même que l'auteur soit disposé à attribuer ce fait à l'influence bulgare, puisqu'il assimile la disparition de *-t* du supin à celle du *-t* de la troisième personne du singulier, mais, en tout cas, il a oublié de signaler le même fait en albanais méridional et en néogrec.

6. Il attribue également la position de l'article roumain (l'article postpositif) à l'influence bulgare, oubliant cette fois aussi de nous renseigner

---

[1]) Sauf le moldave et le macédoroum (*şapti, jilescu* etc.).

[2]) *Lujer*, pour lequel il y a aussi *hlujer*, n'a rien à voir avec *лоза*, comme le voudrait l'auteur p. 50.

[3]) L'auteur a pu invoquer plutôt *a* < *ad* des dialectes macédoroum. et istroroum. qu'on place devant le datif des pronoms, cfr. Meyer-Lübke Rom. Gr., v. III, § 56.

sur la même position de l'article en albanais. Il faut, en outre, tenir compte de la grande différence qui existe entre l'article roumain et le bulgare qui ne connaît pas l'article appositif roumain (*homul cel bun* = alb. *ńeri i mir*) ni l'article prépositif *al a* (cf. en alb. *štepija e handžiut*). Il s'agit ici aussi d'un courant linguistique albano-bulgaro-roumain, et non d'une communauté linguistique exlusivement roumaino-bulgare.

7. Il en est de même de la prétendue communauté linguistique bulgaro-roumaine entre *hoštǫ*, *štǫ* et *voĭŭ*, *oĭŭ* (*o*) + infinitif pour former le futur. Là il faut prendre aussi en considération le même phénomène en albanais et en néogrec. Sandfeld-Jensen, dans le Grundriss de Gröber, v. I, éd. 2., p. 526, lui aurait donné là-dessus des renseignements bien plus précis, s'il l'avait consulté.

8. Le huitième point commun regarde le pléonasme pronominal dans la phrase des deux langues pour exprimer le régime. M. C. ne nous renseigne pas à ce propos sur l'emploi analogue en albanais. Il est vrai ce que dit l'auteur que ce phénomène est dû à la perte de la déclinaison. Mais en roumain, le phénomène est bien ancien, puisqu'on a déjà dans le latin vulgaire *Peregrinum filium in lege sancta christiana collocabi eum* CIL III 9508 (du quatrième siècle, v. mes Pojave p. 76).

Envisagée de cette manière, la communauté linguistique roumaino-bulgare se présente bien autrement que ne le dit M. C. Le premier point, le plus ancien comme l'admet fort bien l'auteur lui-même, est un trait commun de la latinité roumaino-albanaise. D'autres traits communs, notamment ceux sous les points 2, 3, 4 sont fort sujettes à caution, tandisque ceux sous les points 5—8 sont des balkanismes bien connus. M. C. a raison de repousser l'origine illyrique de ces traits. Ses remarques sur la date suivant lesquelles les faits (p. 6.) sous les points 2—8, en bulgare, ne peuvent remonter plus haut que le XIIe siècle sont vraisemblables. Il semble aussi avoir raison contre Bărbulescu qui admet le Xe siècle comme le moment où commencent à pénétrer les mots slaves dans le roumain.

Après avoir examiné les traits communs entre le roumain et le bulgare, l'auteur entreprend de tracer, dans ses lignes les plus générales, la phonétique des mots slaves en roumain. La méthode dont il se sert n'est pas à l'abri de la critique. Il ne distingue pas assez rigoureusement les faits linguistiques. Il croit entrevoir des bulgarismes là où il n'y en a pas. On s'en aperçoit tout de suite dans le chapitre consacré à la représentation roumaine des semi-voyelles slaves (p. 8—11). Suivant lui, le réflexes roumains de ces sons seraient foncièrement bulgares. P. 11, il va jusqu'à prétendre que ce soit le dialecte bulgare du Nord-Est qui est la source de ces réflexes. Que ce soit faux, on s'en convainc tout de suite, si l'on examine un peu plus de près ъ, ь finales en roumain. ъ étant assimilé dans cette position à *-u* latin final est tombé, tandisque ь y est rendu par *-e* ou *-ie* ; *jupân* < *županъ* etc. à côté de *cinste* > *čęstь*, *veste* < *věstь*, *poveste* < *pověstь*, *dragoste*, *pacoste* etc., *molie* > *molь*, *osie* < *osь*, *oblastie* < *oblastь*, *jîrdie* < *žrъdь*,[1]) *ostie* < *ostь*.

[1]) *joardă* ou *jordie* (p. 14) est dû peut-être à la prononciation oukraïnienne de *rъ* et n'a rien à voir avec le représentant roumain de *rъ*.

Donc, aucune identité avec le traitement bulgare ou avec celui d'autres langues slaves modernes où toutes les deux finales ont fini par disparaître. Si nous trouvons *-ă* pour *ъ* final p. e. en *stanъ* > *stînă, steangă* < **стагъ** + **стѣгъ** (p. 17), dans le suffixe *-ealǎ* < *ĕlь*, dans *pomană* < *pomĕnь, rîvnă* < *rьvnь, prisnă, gleznă* etc.,[1]) il s'agit sûrement d'une reconstitution du singulier d'après le pluriel ou d'un nouveau déverbal roumain qui n'a rien à voir avec lè substantif correspondant slave, comme c'est le cas p. e. dans *pomană* de *pomenesc*.

La question la plus difficile, c'est le traitement de *ъ* et *ь* à l'intérieur des mots. Là, il y a eu sûrement des cas où il n'y a pas d'assimilation de *ъ* à *u* latin, comme en *cnigă* < *kъniga, sfada* < *sъvada, price* < *pritъča* etc. La disparition de *ъ* dans ces mots ne peut être expliquée autrement qu'en admettant que de tels mots ont été empruntés au temps où *ъ. ь* dans cette position ne se prononçaient plus en slave. M. C. concorde dans cette supposition avec M. Bărbulescu (o. c. p, 437.). Ils ont tous les deux raison. Mais il ne s'en suit nullement que la langue qui a prêté ces mots, doit être précisement le bulgare, la chute des semi-voyelles étant ici commune à toutes les langues slaves. Mais qu'il y ait même dans cette position-ci des cas d'assimilation de *ъ* à *u* latin, c'est *sъto* > *sută* qui nous le prouve péremptoirement. Le parallèle albanais de *šutɛ* < *sъlъ* (cf. *sol* en roumain etc.) nous le prouve aussi[2]). L'explication qu'en donne l'auteur p. 10, suivant laquelle il faudrait partir du génitif pluriel bulgare *pet sota* etc. n'explique pas non plus *u* pour *o* de *sută*. Ce qui nous fait penser à cette assimilation, c'est *e, i* pour *ь* en *steclă* ou *sticlă* < *stьklo, lesne, poticnì, odihni* etc.[3]) de même qu'en albanais p. en *ogič* < *jagnьcь, mol'icɛ* < *molьcь*[4]) etc.

Qu'il y ait ici aussi des phonétismes purement roumains, c'est ce qui me semble hors de doute. Si nous avons *i* pour *e* p. e. en *sъnьmъ* > *slim*[5]), cela peut signifier le même traitement de *e* > *i* devant la nasale que celui que nous observons p. e. en *nimeni* pour *neminem*. *citì* à côté de *cetì* < *čьtǫ* a le même *i* pour *e* que *cireașă* < **ceresia*. L'auteur a tort (p. 19, 48, 97) de prétendre que ce dernier mot provient du slave.

---

[1]) A la page 9, il donne encore *migă, bîtă. hramă, ghioagă, plasă, cracă, dveră, groapă, popă*. De cette liste il faut rayer *ghioagă, groapă* qui ne sont pas slaves. *popă* correspond parfaitement à *πάπας*. On dit aussi dans la Vojvodina *popa*. *-a* final de ce mot ayant été identifié avec le suffixe hypocoristique *-a*, fut supprimé, d'où *popъ*. Quant aux autres cas avec *-ă* pour *ъ*, il faut les expliquer par l'influence du pluriel.

[2]) Quant à *ъ* > alb. *u* cf. Jokl, *Ling.-kulturhist. Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen*, p. 59, 129, 234.

[3]) C'est le second groupe de M. Bărbulescu o. c. p. 436 qui en déduit des conclusions fausses. Le roumain primitif distinguait nettement les deux semi-voyelles et les assimilait au latin *u* et *ĭ* > *e*.

[4]) Voir mon article *Slave et Albanais* dans *Arhiv* de Barić, v. II. p. 92.

[5]) D'après Tiktin, p. 1440, ce mot au sens de »Ratversammlung der Tataren« serait d'origine tatare, ce qui me paraît exclu, la dissimilation *n - m* > *l - m* étant bien connue. Il faut, paraît-il, y rattacher aussi le verbe *slimui* de la locution *a slimuì un plan* »einen Plan schmieden« qu'enregistre Alexi, *Dictionar romăno-german* p. 417.

Ce n'est pas que je veux dire qu'il n'y ait pas en roumain de vocalisation slave ultérieure des semi-voyelles. Elle est incontestable dans les cas tels qu'en *bъzъ* > *boz*, *tocmă* < *tъkъmo*, *dobytъkъ* > *dobitoc*, *kotьcь* > *coteț* etc. Mais il y a aussi des vocalisations purement roumaines tels qu'en *tъkačь* > *tocačiŭ*[1]), *gъnoi* > *gunoĭŭ*, *kъvasъ* > *covas*, *gъvozdъ* > *găvoazdă*, *zъvězda* > *zăveazdă*, *săvastoc* (p. 133), *soroc* < *sъrokъ*, *seacică*[2]) < съчька (p. 133) etc. Là, il s'agit sûrement des voyelles svarabhactiques destinées à éviter des groupes des consonnes inusités en roumain. Par conséquent, de tels mots peuvent eux-aussi provenir du temps où les Slaves ne prononçaient plus les semi-voyelles dans cette position. Ils ne disent rien sur la façon de prononciation slave.

C'est aussi d'une autre façon qu'il faut juger les représentants roumains de *ъ*, *ь* dans les mot onomatopéiques. On ne peut nullement prétendre, suivant l'auteur p. 9, 10, 11, que *o* de *grohot*, *tropot*, *șoptesc*, *șopót*, *horhotì* (p. 13), *bolbocà* (p. 14), *î* de *bîzăesc* = *băzăesc*, *tîrîit* (p. 13) ou *u* de *mulc*, *mulcom*, *-esc* (p. 14) réfléchissent les semi-voyelles slaves. Les voyelles dans tels mots ont une valeur imitative des sons de la nature. Ils ne sauraient nous renseigner sur la prononciation slave. Ils sont, tout en conservant peut-être quelque contact avec leur modèle slave, des créations roumaines indépendantes.

Si l'auter dit p. 9, d'ailleurs en conformité avec M. Bărbulescu o. c. p. 435, que *ъ* peut être représenté aussi par *î*, *ă*, il faut en convenir qu'il se trouve en erreur. C'est qu'il n'y a pas d'exemples de ce traitement. *bîtă* (p. 35) et *mîzdă* qu'on apporte à l'appui de cette loi, s'expliquent non pas par *bъtъ*,[3]) mais par *bat*, c.-à-d. par l'introduction de *n* devant la dentale, cf. *tantus* > *tît*, *mînjì* < *mazati*, *mîzgă* < *mězga*. *rît* < *rъtъ*, *scîrbă*, *dîră*, *rîvnă*, *pîră*, *pîrnic*, *Tîmnă* etc. correspondent à une loi roumaine suivant laquelle *i* après ou devant *r* ou devant la nasale est rendu par *î*. Seuls exemples pour *ь* > *î* semblent être *pîclă* < *pьklъ*, *stîclă* à côté de *steclă* ou *sticla*, *sîhlă* à côté de *sehla* (p. 50). — Il faudra chercher des raisons particulières pour justifier ces déviations dialectales.[4]) Il en est de même de *ovăs* < *ovьsь* ou de *păstrăv* < *pьstrъ*[5]) où *ă* pour *e* correspond également à une autre loi roumaine suivant laquelle *e* dans le voisinage des labiales donne *ă* : *făt* < *fetus*. La grande erreur de M. C. dans toutes ces questions provient du fait qu'il ne prend pas assez en considération ce qu'on sait depuis longtemps que tout mot étranger qui pénètre dans une langue tâche de s'adapter aux habitudes de prononciation de la nouvelle langue. Ces habitudes, on les apprend à connaître par l'étude de l'élément primordial et hérité de cette langue. Pour le roumain, c'est indutablement le latin. Ensuite, M. C. semble manifester un sentiment trop patriotique dans ces questions. Il flaire partout des bulgarismes.

---

[1]) Ici concorde le roumain plutôt avec hongr. *takács* qu'avec alb. *kač*.

[2]) Pourquoi faudrait-il admettre ici, avec l'auteur, hong. *zacska* comme forme intermédiaire?

[3]) V. R. Et. sl. II, p. 62, 2. Le sens en est »gourdin«, non »клинъ«.

[4]) Mais l'élément latin lui-aussi présente quelquefois *î* inexpliqué pour *ă*: *cìștigà* < *castigare*.

[5]) Le même phénomène s'observe dans *omăt* < *ometъ* du vb. *omesti* à côté de *nămete* de *nametь*, *pripăc* < *pripekъ*.

Comme il n'y a pas de *ъ* > *î*, on est forcé d'interpréter autrement *rъ, lъ* > *îr, îl* (p. 11—14). M. C. a raison d'invoquer, pour ce qui est de la métathèse roumaine, la métathèse correspondante dans les dialectes bulgares: *ър—ъл* à côté de *ръ, лъ*. Mais on ne saurait en conclure qu'elle en soit le réflexe fidèle. Ce phénomène se rencontrant sous les mêmes conditions aussi dans l'élément latin, p. e. *frateratus* > *fîrtat, platanus* > *paltin* etc, il semble avoir ses propres lois, inconnus malheureusement jusqu'à présent. Il y a cependant aussi des cas sans métathèse peu nombreux, il est vrai. *cin* < *člъnъ* en témoigne, le groupe consonantique *čl* ayant été facilité pour la bouche roumaine par la chute de la liquide. Ce qui est curieux, c'est le fait que, dans les mots hongrois, pour *ăl* inaccentué on trouve aussi *îl* : *întîlnì* < *talál* de même que quelquefois dans les mots latins: *vîlcea* < *vallicella*. Il est à remarquer ensuite que *îr* est le représentant régulier de *r* vocalique serbocroate: *sîrb* < *srbin*. *î* dans cette position est en rapport étroit avec l'articulation de *r, l* qu'il faudrait étudier expérimentellement.

Dans son étude sur les représentants roumains des nasales slaves (p. 15—19), M. C. est souvent trop affirmatif. Il n'a pas prouvé sa thèse que c'est grâce à l'accent différent et aux dialectes slaves bien variés d'où les mots respectifs proviennent que ѫ donne *în* ou *un* (exemples *dobîndă*, déverbal de *dobîndesc* < *dobǫdǫ* à côté de *poruncì* < *porǫčiti*), que ѧ donne *în* ou *in* (exemples *vînslă* < *vęslo* à côté de *oglindă*, déverbal de *oględati*). Cela serait a priori fort bien possible, mais nécessiterait à être prouvé minutieusement. Que nous soyons ici aussi en présence des différentes langues slaves qui prêtent le matériel lexicologique au roumain, c'est ce qui ne saurait être mis en doute. Nous n'avons qu'à regarder *ă* pour ѫ en *prăjina* (d'où, avec l'assimilation usuelle devant l'accent, *sprijinì*) comme en bulgare, *u* pour ѫ en *gujbă* à côté de *gânj* comme en serbocroate, *e* pour ѧ en *chinez* comme en serbocroate. Mais ce qui est encore hors de doute, c'est que nous avons aussi des cas d'adaptation des nasales slaves aux phonèmes correspondants roumains d'origine latine. Ainsi on a assimilé *ǫ* slave à lat. *on*^{c}: cf. *fronte* > *frunte* avec roum. *poruncì* < *porǫčiti*, ou *ę* slave à lat. *en*^{c}: cf. *mente* > roum. *minte* avec *oglindă* de *oględati*.[1]) Ce qui nous autorise à admettre cette assimilation, c'est le traitement de *-anъ* slave en roumain: *jupîn, smîntînă, stînă, stăpîn*.[2]) Là nous avons une parfaite analogie, quant au développement vocalique, avec *-anu* latin. Il s'ensuit que le représentant roumain *în* pour *ǫ, ę* est d'origine plus récente, vraisemblablement médiobulgare d'après Bărbulescu o. c. p. 441. *în* < *ǫ, ę* ne saurait être plus

[1]) L'alb. connaît lui aussi deux résultats de *ǫ* slave: 1. *on*: *porosí* de *porǫčiti* (avec *ns* > *s*), 2. *εn* : *orεndí* < *orǫdьje*.

[2]) Récemment, M. Giuglea et M. Puşcariu, Dacoromania, v. II, p. 358 sq., v. III, p. 383 sq., 610 sq. ont essayé d'expliquer ces mots par le latin ou par le préroman. Ce que je pense de ces nouvelles tentatives, je l'ai dit dans *Архив* de Barić, vol. II (1924), p. 338. Je n'y vois, en somme, que l'adaptation à la terminaison des mots latins en *-în(ă)*, cfr. le cas analogue du suffixe slave *-janinъ* > *-ean* qui a remplacé lat. *-anus* dans toutes ses fonctions, v. Meyer-Lübke, Rom. Gram., v. II, § 449.

ancien que les mots hongrois qui le montrent aussi:[1]) *gîndì < gondolni, mîntuì* (= en scr. *mentovàti,* dans le Žumberak). Pour ce qui est de *un in* < *ǫ ę*, il nous faut admettre l'ancienneté bien plus haute. Si *în* est précédé par une palatale, il va de soi que nous aurons *in* : *cimbru* < *čǫbrъ* < *ϑύμβϱα*, *cinste* < *čęstь*, quelle que soit sa base slave.

Quant aux réflexes roumains de *ѣ* (p. 19—20), M. C. avance aussi des idées éronnées. Il dit que *ѣ* est représenté par *ea* dans les syllabes accentués, tandisque dans les syllabes inaccentués il est rendu par *e* et que cette différence correspond au traitement des dialectes bulgares de l'Est. Le véritable état de choses est cependant bien différent de sa thèse. *ѣ* a eté rendu dans tous les cas par la même diphthongue *ea* qui, dans les cas déterminés, a pu être assimilé à la métatonie roumaine. La diphthongue *ea* s'est maintenue telle quelle seulement dans les syllabes accentuées fermées comme p. e. en *veac* < *věkъ*, tandisque dans les syllabes inaccentuées elle a été traitée de la même manière que *ja⊥* > *i* dans *javiti* > *ivì* ou dans *čeḷad* > *cilidin*.[2]) Nous avons de *prěsěka* > *prisacă*, de *prěšlěn* > *prisnel,* de *lěpḷǫ* > *lipesc* etc. Quant à la chronologie de *ea*, il faut relever que hong. *é* montre le même traitement dans la syllabe fermée: *vitéz* > *viteaz.* Dans d'autres cas, *ea* a été mis sur le même pied avec le latin *ĕ*, c.-à-d. cette voyelle a été soumise à la diphthongaison roumaine. Nous avons ainsi pour *vrěme* > *vreme*, pour *věstь* > *veste, pověstь* > *poveste* etc. comme pour *temere* > *teme, gemere* > *geme, recens* > *rece* ou *ea*, s'il y a dans la syllabe suivante *ă*: *trěba* > *treabă* comme en *fată* < *feta.* Il est, par conséquent, tout naturel que nous avons *trebĭ*, *trebnic*, *trebuesc* etc. Ce sont des formations roumains qui n'ont rien à faire avec les dialectes slaves ni avec l'accentuation slave. Nous voyons se confirmer de nouveau la vérité déjà très ancienne que, lorsqu'on se met à étudier l'élement étranger d'une langue, il faut connaître la phonétique des deux langues qui entrent en question. Ici aussi, il faut compter avec la possibilité de l'influence des nasales. Nous avons ainsi *stâncă* de *stěnьka* à côté p. e. de *leancă* (p. 20). L'influence des labiales se fait sentir ici aussi: *măl* < *mělъ*[3]) (p. 42), *Bălgrad* < *bělъ*, *bălan,* comme dans l'élément latin: *făt.*

Le réflexe *î* ou *i* pour *ы* est à attribuer à la différente époque des emprunts ou aux différents dialectes, dit-il. Là aussi, il y a lieu de faire certains distinctions. Des exemples tels que *rîcnesc* ou *rînesc* peuvent être des phonétismes roumains. *î* peut être ici pour *i* après *r*, il ne prouve rien au point de vue chronologique. Il y a encore un réflexe de *ы* en roumain, le plus ancien vraisemblablement, que l'auteur a passé sous silence. C'est que *izbuti* »réussir« qui réfléchit l'infinitif slave *izъbyti* dont le présent *izъbǫdǫ* s'est conservé en *izbîndì*, nous montre *u* pour *ы*.

---

[1]) Il faut noter que *în* pour *un* s'ést égaré même dans les mots d'origine latine: *osînză* > *axungia.* Quelques fois il faut l'attribuer à l'assimilation: *fîntînă* au lieu de **funtîn* (*fon-* est attesté en a. roum.). Même dans les mots slaves il peut remplacer le suffixe *-un* : *gorîn* au lieu de *gorun.*

[2]) Le suffixe *-in* de ce mot est celui qu'on trouve dans *židovin*, *Hrvatin, Srbin, graždanin, bolarin* > *boĭer.*

[3]) Il est superflu d'expliquer la voyelle du mot roumain par le croisement des mots slaves *mělъ* + *molъ*.

Ce même réflexe, Jokl et Wędkiewicz l'ont constaté pour l'albanais simultanément (v. R. Sl. VII, p. 126 sq; IF. XXXVI, p. 152, Ling.-kulturh. Untersuchungen p. 290 et dernièrement dans l'Arhiv de Barić v. I, p. 45). Ce phénomène nous dit que *ы* a pu être assimilé à *υ* grec en ***marturisì*** p. e.

L'examen du vocalisme des mots slaves nous montre clairement que les mots slaves ont partagé beaucoup de fois le sort des mots latins. Cette vérité facilement compréhensible, le consonantisme ne la contredit pas. *ļ* slave a été traité comme *li̯* latin. Voilà p. e. ***ĭubesc*** à côté de ***fiul.*** Dans les emprunts ultérieurs, on a *le* pour *ļ*: *Parlea* (p. 126), *golea* < *golьo*, *haplea* < *хапльо* (p. 125), *a pleoştì* (p. 140, cf. scr. *sploštiti*). Il en est de même de *ń* < *ĭ*: *copaĭe* < *kopańa* comme en *cuneu* > *cuĭŭ*. Mais ces changements sont récents, parce que les mots hongrois y participent aussi, cf. *sicriŭ* < *szecrény* de lat. *scrinium* REW 7746, en scr. *škr̀ińa, Udvarhely* > *Odorheĭŭ* etc. Ce phénomène n'est pas plus ancien que la palatalisation sécondaire qui est sûrement postslave (cf. *aĭ, caĭ, viitor*). *şt* et *jd* sont maintenus: *maşteha̋, na̋dejde. h* > *f* est comme dans les dialectes bulgares. On ne saurait dire qu'il y ait un rapport étroit dans ce dernier cas.

Dans son examen de la phonétique des mots slaves, l'auteur n'a pas été complet. Dans un ouvrage d'ensemble comme le sien, il a fallu relever dans un tableau synoptique tous les changements roumains auxquels l'élément slave encore participe pour les distinguer nettement de ceux qui sont préslaves, comme p. e. la chute de *v* ou *b* intervocaliques qui est commune au roumain et à l'albanais, mais qui est inconnue à l'élément slave: *cal* < *caballus* à côté de *dovadă* ou *dobîndă*. Pour ce qui est du consonantisme, M. C. a dû nous renseigner sur les groupes consonantiques slaves que le roumain a maintenu pour les distinguer de ceux auxquels le roumain apporte des changements les plus divers. On ne trouve chez lui aucun mot sur les consonnes nouvelles que le roumain a appris par l'intermédiaire slave (*h* p. e.). Au lieu de cela, M. C. s'est avisé de prendre en considération dans un aperçu malheureusement incomplet (p. 22) l'accent des mots slaves du vocabulaire roumain. Grosso modo, la règle générale semble être la conservation de l'accent slave. L'accent de *cotéţ* p. e. correspond exactement à l'accent čakave (*kotàc* dans le Žumberak). C'est parce qu'il s'accordait avec l'accent latin p. e. en *nutricium* > *nutreţ*. Mais il y avait sans doute ici aussi des innovations roumains. La place de l'accent en *dobitóc* p. e. ne s'accorde pas avec l'accent slave: *dobýtък* en bulgare, *добытокъ* en russe, *добýтокъ* en ukraïnien. Les féminins slaves en *-ă* n'ont pas non plus conservé la place de l'accent en slave: *cireádă, mîzgă, hránă*. Mais, suivant la remarque très juste de l'auteur, il ne faut pas en conclure que l'accent roumain coïncide dans ce cas-là avec l'accent štokave[1]) de l'époque plus récente. Il s'agit ici sans doute de l'adaptation des mots slaves à l'accent des mots latins dont la terminaison féminine était *-ă*.

[1]) A la page 22 l'auteur a énoncé une idée fausse sur l'accent des mots turcs en štokave. Ce dialecte repose lui-aussi sur l'accentuation de la finale turque: ***kàpija*** = ***kapú*** etc.

Si l'auteur croit pouvoir conclure de l'examen du phonétisme que les mots slaves du roumain sont originaires, en général, des dialectes bulgares du Nord-Est (p. 23), il faut dire que cette théorie n'a pas été prouvée d'une façon satisfaisante et qu'elle se base sur une série d'observations trop sommaires. Le problème est d'ailleurs sûrement beaucoup plus compliqué qu'on ne le pense de prime abord, car, ce n'est pas seule la linguistique qui puisse nous aider à trancher cette question. J'ai dit plus haut qu'il faudra un jour que le permettront les études spéciales étudier les migrations des Roumains à travers les pays balkaniques au point de vue des mots d'emprunt. En tout cas, ce qu'on peut dire dès maintenant, c'est que nous sommes encore très éloignés du moment où nous pourrons déterminer pour chaque mot slave du roumain le dialecte yougoslave respectif d'où il provient.

Les remarques de M. C. qui suivent ce tableau général ont pour but de démontrer plutôt la richesse des slavismes en roumain que de donner une synthèse se basant sur une connaissance approfondie du vocabulaire roumain. Ainsi, la page 23 contient une liste des slavismes roumains disparus du vocabulaire bulgare actuel, p. 24 celle des bulgarismes tout à fait récents, p. 25 la conservation des tournures bulgares en roumain. A la page 26 l'auteur, dans une série d'exemples qu'on pourrait continuer à l'infini, fait voir la dérivation roumaine opérée sur l'élement slave. A la page 27 il donne des suffixes slaves ajoutés aux racines latines. Les pages 28 sq. sont consacrés à ce qu'on est convenu d'appeler dans le dernier temps »calques linguistiques« dans les mots, phrases et les proverbes. Cette liste est suivie de celle des noms de lieu d'origine slave. Une série de mots prétendus slaves (p. 35) termine ces remarques données sans aucun ordre.

La plus grande partie de son ouvrage, c'est la seconde partie (p. 36—153), une espèce de vocabulaire raisonné roumaino-slave. L'auteur voulant montrer la richesse de l'élément slave dans tous les domaines de l'activité matérielle et spirituelle (p. 148), l'a classé sous quinze conceptions très vaguement délimités dont voici la liste: 1. le monde zoologique, végétal et minéral; 2. la famille et le ménage domestique; 3. métier, commerce, finances; 4. maçonnerie et parties des constructions; 5. vêtements, bijoux; 6. plats, boisson, goût; 7. parties du corps humain, maladies; 8. perceptions de nos sens; 9. qualités psychiques et actions humaines; 10. amusements; 11. superstitions, termes religieux, école; 12. administration politique, tribunaux, organisation militaire; 13. sobriquets; 14. noms de peuples. Le dernier, le quinzième chapitre est constitué par les mots qui n'entrent dans aucun des cadres précédents. Le classement, on le voit, n'est ni trop rigoureux ni très complet. La science n'en aura aucun profit. C'est sûr. L'étude des choses désignées par les termes slaves y est négligée. C'est à l'histoire de la civilisation que touche ici la linguistique et, de nos jours, spécialement depuis la fondation de Wörter und Sachen, on ne se contente plus de la simple énumération des mots d'un cadre quelconque. Il aurait fallu envisager dans chaque cadre la contribution latine et d'autres langues, les comparer mutuellement, pour qu'on puisse se faire une idée nette de l'apport slave au vocabulaire

roumain. Le renseignement sur l'extension des mots respectifs serait indispensable. Ici, l'auteur se borne à faire des remarques sans les lier dans une synthèse. Le but dont l'auteur était préoccupé, c'est de montrer aux Bulgares la richesse de l'élément »bulgare« dans le roumain; il l'aurait atteint, s'il avait adopté le simple ordre alphabétique sans aucune division logique. Ainsi, avec son classement mal établi et avec l'énumération des mots sans aucun ordre, il a rendu très difficile la consultation de son étude qui serait çà et là quand même utile, parce que l'auteur a donné sans doute quelque fois de bons rapprochements et des corrections réussies de Cihac. (A suivre)

Д-ръ Л. Милетичъ, **Свищовски дамаскинъ.** Новобългарски паметникъ отъ XVIII. вѣкъ. Отъ — —. Български старини. Книга VII. Издава Българската Академия на Наукитѣ. София, Придворна печатница, 1923. Стр. IV + 308 м. 4-на и 10 снимки. Цѣна 80 лева.

Сборницитѣ отъ поучителни слова на простонароденъ български езикъ, наречени дамаскини, представятъ извънредно голѣмъ интересъ за слависта, особено за историка на българския езикъ. И затова доста отдавна мнозина славянски учени, на чело съ Миклошича и Ягича, сѫ се занимавали съ тия паметници на новобългарската книжнина, па и сѫ издали на свѣтъ немалко страници изъ разнитѣ дамаскински ржкописи. Между българскитѣ учени особено внимание върху дамаскинитѣ и върху тѣхното издаване обръща проф. Л. Милетичъ, който още въ работата си »Членътъ въ българския и въ руския езикъ«, обнародвана въ »Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина« кн. XVIII. (София, 1901), стр. 5—67, приведе не само множество членни форми изъ Брѣстовишкия (стр. 17—18), Еленския (стр. 19—20) и *Свищовския дамаскинъ* (стр. 20), но в особено »приложение« на стр. 48—67 даде и »образци отъ Брѣстовишкия, Еленския и Свищовския дамаскинъ", последнитѣ на стр. 62—67, а пъкъ въ редицата »Български старини«, издавани по-рано отъ Археографската комисия при Министерството на Народната Просвѣта, сѫщиятъ авторъ вмѣсти въ книга II (София, 1908) »Коприщенски дамаскинъ, новобългарски паметникъ отъ XVII. вѣкъ«. Върху дамаскинския характеръ на издадената по-рано отъ г. Милетичъ »Повѣсть за падението на Цариградъ въ 1453 год.« (Сборникъ за нар. умотв., наука и книжн. XII. 399—462), както и върху трудоветѣ на други български учени (Аргировъ, Цоневъ), които иматъ заслуги за изучването на дамаскинската литература, тука не му е мѣстото да се спирамъ повече.

Трѣба да благодаримъ на г. Милетича, че и въ това си издание, както и по-преди въ изданието на Коприщенския (Брѣстовишкия) дамаскинъ, на дамаскинскитѣ поучения съ гръцки букви отъ XVIII. в. (вж. Slavia 1, 470) и др., не се задоволява само съ просто напечатване на текста, но дава по-напредъ бележки за важностьта на паметника и нататъкъ прегледъ на главнитѣ езикови особености: I. Звукове (стр. —16), II. Форми (стр. 16—47), III. Синтактични особености (стр. 47—58) и на край (безъ IV. и безъ заглавие »Словарь«, каквото се вестява на стр. III) »по-рѣдки български думи« (стр. 59—69) и »Чужди думи« (стр. 69—74).

И Свищовскиятъ дамаскинъ е писанъ на простонароденъ езикъ съ типични белези на североизточно, и то Свищовско наречие, съ немалко старинности. Въ областьта на ударението заслужватъ внимание прилагателни съ ударение на края: *младá*, *живá*, отъ *левá* странь; *глухó* и *нѣмó*, *седмó* число; на *малú* и на голѣми и под.; имена като *зимá*, *зимáта*, глаголи: не смееши да *минé*, да ма *научú* и т. н.

Тъй наречената редукция на неударенитѣ гласни *а* (*ѣ*), *е* (*ѧ*, ь, *ѣ*) и *о* въ *ъ* (*'ъ*), *и*, *у* е прокарана доста последователно: *дърýва* му богъ дáръ; и *съдѣха* (отъ сѣдѣха) запрѣни; да ги *читé*; да му *струшú* силата и мн. под. За нѣкои отъ източнитѣ говори е характеренъ изговорътъ на ударено *ѣ* като *'а* въ края на думитѣ (*дŏбр'á*, *дв'á ръц'á* и др.). Откъмъ тая страна въ Свищовъ и днесъ се изговаря *дŏбр'á* (= добрѣ), па и въ нашия дамаскинъ намираме *добря́* (»по добря́ да ричéмъ«). Сжщо тъй не по-малко характеренъ за известни *североизточни говори*, включително и Свищовскиятъ, е преходътъ на *в* въ *у*, та и въ нашия дамаскинъ четемъ съгласно съ народната фонетика: »не ще да влѣзе *у* царство небесное« редомъ съ традиционното: »не ще влѣзе *въ* царство небесное« и дори »гóлубъ не щѣ да кондиса *вов'* тúната«; сжщо: »ястїето му бѣше *у* пустыня дúвїй медъ« редомъ съ »амú *вов'* щó се кръстúхме?« и др. Теорията на Бѣлградския славистъ г. Беличъ, че *у* вмѣсто *въ* въ западно-българскитѣ говори е признакъ на сърбизъмъ, не издържа никаква критика. Звукофизиологичния характеръ на устнозжбния спирантъ *в* (*v*) въ нѣкои отъ славянскитѣ и други индоевропейски езици и диалекти показва, че преходътъ на *въ*, *в* въ *у* не е явление само сръбско. Най-малко странно е Беличовото твърдение досежно западнобългарски, че »*вь у почетку речи, у отвореном слогу, прелази увек у* **у** *као и у свима штокавским дијалектима* (*унук, удовица*), исп. *вь'ªшка* и сл.« и че това явление заедно съ други седъмь спада къмъ »*основне особине* специјалнога развитка гласова српскога језика и све се оне од прве до последње, онако као овде находе у старом српском језику и нигде више ни у једном другом словенском језику«, вж. А. Белић, Дијалекти источне и јужне Србије (Српски дијалектолошки зборник, књига прва) Београд 1905, стр. 4. Вж. у мене, Rocznik slawistyczny 5, 1912, 185—186, Русскій филологическій вѣстникъ 72, 1914, 395 сл., Slavia 2, 428. На предпоследното мѣсто е обърнато внимание върху факта, че и въ източнобългарски *въ* преминава въ *у* и че напр. въ Свищовъ на Дунава въ североизточна България се казва: *у Тър̆нŏвŏ*, *у Свиштóф* и т. н. вм. *въ* Т., Св., па и *унýкă*, *упр'áгам* (литер. впрѣгамъ), дори *утúчи*, *утúчĕ* (литерат. *птиче* 〉 *втиче*). Срещу *ўóсък*, *ўóсъчна* въ Свищовъ споредъ сведенията на г. д-ръ Цвѣтанъ Радославовъ, родомъ отъ тоя градъ, се казва: *св'éш ут óсък* »свѣщь отъ восъкъ«. И ето показанията на г. Радославовъ, отъ които азъ се възползувахъ въ РФВ., сега се потвърдяватъ отъ Свищовския дамаскинъ, вкойто сжщо намираме форма *осъкъ*: »а тїѧ извáди пичéтю на óсакь«, стр. 246 въ оригиналния ржкописъ, 159 по изданието на Милетича — въ предварителнитѣ бележки за езика стр. 15 (*пичéтю* е членувана мека форма отъ *печать* по Свищовския изговоръ, срв. *темничéрь* 〈 тъмничарь, *челѣдь* 〈 челѧдь и под. 11—12).

Отъ областьта на епентетичнитѣ явления длъжни сме да изтъкнемъ употрѣбата на »суфиксъ« *-цки*, *-цка*, *-цко* вм. *-ски*, *-ска*, *-ско*: дáрь

ѝстенцки; ка́пище *ѝдолцку,* ѝмати о́трочи *же́нцку,* вѣра *христі҄нцка*
и т. н. И това е особеность, съ която се отличаватъ не само югозапад-
нитѣ български (македонскитѣ) говори, но и много източнобългарски
говори; срв. напр. на югъ отъ Пловдивъ въ Родопитѣ (покраина Роп-
ката): *stambolcki, nikopolcka* čäršlä, *sèlcko* и под., или: *ufčèrcko*
»овчарски«, *càrcka* svàdba и др. отъ Ахърчелебийското централно на-
речие въ Родопитѣ у Prof. Dr. L. Miletič, Die Rhodopemundarten der
bulgarischen Sprache въ Schriften der Balkankommission Linguist. Abteil. I
Südslav. Dialektstudien Heft VI (Wien 1912) стълб. 46, 126.

Твърде подробни и ценни сѫ бележкитѣ на проф. Милетича върху
членнитѣ форми (м. р. ед. ч. има *-отъ: градо́тъ, свѣто́тъ, умо́тъ* и т. н.
както още въ нѣкои старобългарски паметници); не малобройни сѫ оста-
тъцитѣ отъ склонявани членни форми (стр. 23 сл. ца́р҄ того, да имъ
упази *сина́того* »filium illum« и т. н.). Съ интересъ се чете и казаното
за падежнитѣ остатъци и за глаголнитѣ форми.

Старинниятъ Свищовски говоръ се отличава съ оригиналната гла-
голна форма за 3. л. ед. ч. *е́ти,* употрѣбяна покрай или вмѣсто *е.* Тази
глаголна форма се срѣща доста често и въ Свищовския дамаскинъ, т. е.
г. Милетичъ, който обнародва, както се каза, откѫслеци отъ тоя да-
маскинъ въ статията си »Членътъ въ българския и въ руския езикъ«, се
спрѣ още преди повече отъ двайсеть години върху тази форма. »Това
ети«, казва той, »и днесъ още въ Свищовъ е известно и то като *ста-
ринска* (к. м.) дума. За сега не мога да кажа, отъ какъвъ произходъ
е това *ети* вмѣсто обикновеното наше »*е*«, »Сборн. за нар. ум., наука
и книжнина« XVIII 62. Днесъ, следъ повече отъ 20 години, авторътъ
подема тоя въпросъ отново и добре се досѣща, че крайното *и* въ *ети*
ще да представя »редуцирано« *е*, каквото имаме въ сърбохърв. *jeste* по-
край *jest* и *je.* Чрезъ контаминация отъ *е* и предполаганото *ести* може
да се е развила, дума авторътъ, и формата *ети.* Г. Милетичъ допуща,
че може да се намѣри и друго, по-обосновано тълкуване на тая характе-
ристична за свищовския говоръ форма, и мисли, че все »остаятъ не-
обясними изчезването на *с* отъ инакъ търпимата въ цѣлия български
езикъ съгласна група *ст* и окончанието *и*«, Свищ. дамаскинъ стр. 41.
А въ сѫщность цѣлата история съ изчезването на *с* въ неударената
сричка изглежда да има прекрасна успоредица въ руск. *нѣтъ* срещу
есть, есть! И въ руската форма *нѣтъ* имаме, значи, »изчезване на *с*
отъ инакъ търпимата съгласна група *ст* . . .« И ако въ руски, дето все
още има следи отъ *есть*, е могло да изчезне *с* въ *нѣтъ*, то колко по-
вече е могло да стане въ това български, дето речи нѣма вече ни следа отъ
пълната глаголна форма *есть!* Трѣба да се припомни въ тоя случай
и казаното отъ Розвадовски въ RS. 2, 98 за пол. *zara, tera* вм. *zaraz,
teraz* и да се завърши съ заключение, че на чеш., пол., сърбох. и т. н.
je и *jest,* български противопоставя въ Свищовския говоръ *е* и *ети*,
чието крайно *и* напомня сърбох. *е* въ *jeste,* редуцирано по общия бъл-
гарски обичай въ *и.*

Заслужва пълно признание и направеното отъ г. Милетича за лекси-
калното проучване на Свищовския дамаскинъ съ интересная списъкъ на
по-рѣдки български думи. Затова пъкъ толкова повече недоумение будятъ

недостатъцитѣ въ бележкитѣ за чуждитѣ думи. Разбира се, че щѣше да бжде полезно, ако при турскитѣ думи се посочеше, кои отъ тѣхъ сж арабски (семитски), кои персийски (арийски), кои османско-турски въ смисълъ на старинни тюркски (турански) или пъкъ новозаети думи. Но най-сетне трудътъ на г. Милетича не е специално етимологично издирване, и липсата на тия по-близки посочвания може да се не брои за кой знае какъвъ недостатъкъ. Обаче не можемъ да не отбележимъ, че между турскитѣ думи на стр. 69 авторътъ е привелъ и *душманъ* (»оти са умножи́ха *душма́ни* мо́и«), като въ скоби притуря: »*гръцка* (к. м.) дума чрѣзъ турско посрѣдство«. А въ сжщность *душманъ* е *персийска* дума, дошла у насъ чрезъ турско посредство; и на перс. *dušman* »ennemi«, пехлеви *dušman*, зенд. *dušmanah-* отговаря староинд. *durmanas*, гр. *δυσμενής*, вж. напр. P. Horn Grundriss der neupersischen Etymologie № 992, E. Boisacq Dictionnaire étymologique de la langue grecque 204—205 и др. Наопаки пъкъ отъ гръцки произходъ е дума *темель* (»уда́ри ка́мико, щото бе́ши *теме́лю* на черквата«), която г. Миletичъ погрѣшно е турилъ между турскитѣ на стр. 70 (още старогръц. *θεμέλιον* »fondement . . .«).

Още покойниятъ сега Д. Матовъ въ своитѣ Гръцко-български студии (Сборн. за нар. умотв., наука и книжн. IX 25) изтъкна, че *съпика́свамъ* е дума отъ гръцки произходъ, па и д-ръ Ив. Д. Шишмановъ въ своя „Приносъ къмъ българската народна етимология« въ сжщата книга на »Сборника« посочи, че въ *съпика́свамъ, сапика́свамъ* (»*сапикасли́во*«) се крие гръцкиятъ глаголъ *ἀπεικάζω* »vermuten; verstehen, begreifen«, Сб. нар. ум. IX 641. А г. Милетичъ не туря тази дума (»ти не *съпика́суваш*ь«; поста́ви три чловѣци съмотри́телни да ги *съпика́сувать*«) въ числото на гръцкитѣ, ами я вмъква между »Чузди думи отъ *другъ* (к. м.) произходъ« и въ скоби притуря: »роман. пр.«, сиречь смѣта »сапикасвамъ« за дума отъ *романски произходъ!*

Авторътъ не посочва произхода и на думата *сулнаръ:* »да напра́вите сулна́ри голѣми и да ископаять земѣта дльбоко и да угуде́ть *сулна́рите* да дохо́де изъ тѣхь водьта до манасты́рю«. Подъ форма *сулинаръ* тя се вестява и въ Коприщенския дамаскинъ, издаденъ отъ г. Милетича: „да сторжть сѫлина̀ри голѣмы и да ископа̀ютъ землѣ̀тл дльбо̀ко и да поло̀жеть сулина̀рите да прохо̀ди из' тѣх водата до манастирь,“ стр. 52. Чини ми се, че тукъ имаме работа съ *турска* дума отъ корена *su* »вода«. Дамаскинскитѣ *сулинаръ, сулнаръ* и *сулиндаръ* у Герова Рѣчникъ на българ. языкъ V 285 напомнятъ турския глаголъ *sulandyrmak* »mouiller; faire venir de l'eau« и *sulamak, sulanmak* »arroser«, па и *sulatmak* »irriguer« въ турско-френския речникъ на Samy-Bey Fraschery 4' изд. 150, 1299 и въ френско-турския на Д. Келекиянъ (Constantinople 1911) стр. 774.

Между гръцкитѣ думи е пропуснатъ твърде обикновениятъ съюзъ *о́ти* (още на стр. 16 въ ржкописа). Една злокобна и печална грѣшка се е вмъкнала на стр. 70, дето между разнитѣ „турски“ думи се мждри »глаголъ« *кѣвзи!* Г. Милетичъ е раздѣлилъ погрѣшно българското мѣстоимение *такъвзи* »talis« (»зъмя́та има за́конъ та кѣвзи, коги́ я би́ять«)

и получилъ несѫществуваща »турска« дума. А найлюбопитно е, че на стр. 103 стои добре: »има законъ такъвзы«! . . .

Инакъ трудътъ на г. Милетича е твърде добросъвестенъ и заслужва най-голѣма препорѫка.

София, Спасовъ-день 1924. *Ст. Младеновъ.*

A. Musić, **Moči i morati u slovenskom jeziku.** Rad jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti, knjiga 227. (l. 1923), str. 1—58.

Da je shrv. in slov. glagol *morati* »müssen« v zvezi z glagolom *moči* »können«, to so trdili že Miklošič VSG. 1, 358, EW. 199, Maretić Akad. rj. s. v., Berneker EW. 2, 67; o oblikovnem razmerju med obema glagoloma se ni nihče izrazil, o pomenskem pa le nejasno in nedoločno; vsak je pač uvidel težkoče tega vprašanja. Ta zares težki problem je poskusil razjasniti A. Musić v svoji zgornji razpravi. Njegovo razmotrivanje temelji na nepopolnem gradivu, kar je zakrivilo, da si ni stavil vseh vprašanj, ki pridejo v poštev, vsled česar je pustil več točk nerazloženih; zato tudi njegova razlaga ni sprejemljiva. Najprej podam njegovo mnenje.

Musić konštatira, da rabi slovenščina že od XVI. stol. dalje in tako še danes v svojih dialektih obliko *moči* v dvojnem pomenu, za »können« in »müssen«. Edina razlika je v naglasu: *mórem* »kann« proti *môrem* »muß«. V knjižnem jeziku najdemo to stanje nekako do srede XIX. stol.; odtlej pa se rabi za »müssen« *moram*, *morati*, kar beremo poleg *morem*, *moči* »müssen« tudi v starejših tiskih, dasi bolj poredko, in kar imajo nekateri dialekti. Dalje ugotovi, da je slov. *morati* starejše kot shrv. *morati* in da o kaki izposoditvi v tej ali oni smeri (iz slov. v shrv. ali obratno) ne more biti govora. Postanek oblike *morati* si razlaga z vplivom glagola *imati*, ki ima tudi pomen »müssen«; pri tem se opira še na pogostnost Trubarjevo rabo *moraš inu imaš sturiti* »du mußt tun«. Ta razvoj se je vršil v srbohrvaščini pozneje kot v slovenščini, a se je v kratkem času dovršil, dočim se je v slovenščini mnogo prej začel, pa še do danes ni završen, kajti v dialektih je *môram* proti *môrem* zelo redko najti. Vzrok temu različnemu postopanju v shrv. proti slov. leži v tem, da so oblike z infinitivovo osnovo pri glagolu, ki je ta razvoj sprožil, v teh dveh jezikih različne: tam *imati*, *imał*, tu *imêti*, *imêł*. Glede akcenta pravi, da je *moram* prevzelo akcent oblike *mòrem* »muß« in po prezentu se je uravnala akcentuacija drugih oblik. V nadaljnem se bavi s vprašanjem, kako je *moči* »können« dobilo še pomen »müssen« (§ 4.): možnost za nastop, vršitev dejanja je vedno dvojna, pozitivna in negativna; ko je izpolnjen končni pogoj, preneha ena teh dveh možnosti, druga pa postane zato nujnost; glagol *moči* more še nadalje ostati v rabi, saj dejanje ni nemožno, ampak možno in sicer edino možno t. j. *moči* mora dobiti pomen nujnosti (müssen), kar kaže slovenščina s svojim *môrem* »muß«; zaradi jasnosti pa je iz *moči* za pomen »müssen« nastal nov glagol *morati* in sicer pod vplivom istopomenskega *imati* (tako v srbohrvaščini in deloma tudi že v slovenščini). Analogno je postal pomen »müssen« tudi pri nem. *müssen* (v starejši dobi še »können, mögen, dürfen, sollen«) in pri grš. *μέλλειν* (str. 44—58). Bogata zbirka primerov (§§ 7—15) izkazuje nujnost za nastop dejanja; to nujnost označuje glagol *morati* ali *moči*, ki ima

seveda vedno pomen »müssen«. V § 16. je Musić zbral še nekaj primerov, kjer oblikam glagola *moči* ali *morati* ne more določiti točnega pomena.

Ne bomo podrobneje zavračali posameznih Musićevih ugotovitev in trditev, ker moremo isti cilj doseči tudi na ta način, da zasledujemo postanek in razvoj glagola *morati*. Vendar nam je treba takoj sledeče: 1. korigirati Musićevo napačno pojmovanje danih jezikovih dejstev; 2. izpopolniti gradivo; 3. ugǫtoviti neka nova dejstva, ki so za presojanje našega vprašanja važna in za razlago oblike *morati* odločilna. Tu označeni zapovrstnosti pa se moramo odreči, ker nam je radi pravilnega pojmovanja posegati zdaj sem, zdaj tja. Razmotrivanje samo bo tudi pokazalo, zakaj se pri skrajšanem izraževanju poslužujem oblik *morem*, *mogel* oziroma *moram*, *moral* in ne inf. *moči, morati*.

Najprej nam je treba poudariti, da *morem* »kann« ni nikdar in nikjer dobilo pomena »muß«, kakor misli in kar ravno razlaga Musić, marveč znači le »kann, mag, darf, soll«, kar zavisi od različne situacije, pomen »müssen« pa je lasten le glagolu *moram*, ki more pomeniti še »sollen« in tranzitivno »zwingen« (gl. k temu Musić 10). Vsi primeri, v katerih naj ima *morem* pomen »müssen« (l. c. § 8 sled.) namreč nimajo glagola *mǫ́rem*, ampak *mǫ̂rəm*, ki je mlajša oblika, nastala iz *mǫ̂ram*, gl. še doli. Naj navedem le nekaj primerov za te pomene (na nesporne *mǫ́rem* »kann«, *mǫ̂ram* »muß, zwinge« se ne oziram; pri nekaterih iz Musićeve zbirke je pomen napačno določen): *ne more* (= *mǫ́re*) *ga* »mag«; *ali bi mi mogel* (= *mǫ́gəł*) *to storiti* »könntest« oziroma če sem o pozitivni možnosti uverjen: »möchtest«; *Serd tiga ogna morai* (= *mǫ̂raj* »soll«) *poshreiti te* Dalm. Sir. 152; *koku ſe moraiò* (= *mǫ̂rajo* »sollen, müssen«) *ti Ohzaitni ludie poſtiti* Trub. Test.$_{82}$: 140; *kaj more* (= *mǫ́re* »soll«) *to biti*; *To pa naj bo vam v izgled, kak morte* (= *mǫ̂rate* »sollet«) *vi na svet živet*: *moreš* (= *mǫ́reš* »darfst«) *ljubit eniga*, *najboljše pa nobeniga* (Musić, 38); pri interpretaciji vprašam dijaka o pojavu, o katerem sem pred kratkim govoril, in ker razlage ne ve, mu rečem: *to mǫ̂rate znati* »sollten«; edino pri *mǫ́rem* »soll« in *mǫ̂ram* »soll« je radi istega pomena moglo priti do mešanja obeh oblik; lep primer za to imamo v sledečem (Musić 43): slov. *jes ti bom povedala, kak se moreš* (= *mǫ́reš* »sollst«) *oženit*, poleg: *jaz te hočem podvučiti, kak se moraš* (= *mǫ̂raš* »sollst«) *oženiti* proti kajk. *ja ti hoću povedati, kak se možeš oženiti*; Musić sprejme tu pomen »debes«, a mora radi kajk. *možeš* trditi, da je hrvaški pevec slovensko *moreš* razumel kot »potes«. Če imamo na prim.: *domov boš moral iti, jest urlaub ti bom dau* (Musić 43), tedaj nam kaže varijanta »*zdej se boš mogov mov podat*« in tudi pisava *moral* proti *dau*,[1]) da se ta verz glasi v dial. izgovoru: *domóu̯ boš mǫ́gu* (»wirst dürfen«) *jə̀t, jèst ûrlau̯p tə bom dâu̯* itd. Jasno je, da so ti pomeni izobraženi v takih situacijah, v katerih je možnost za vršitev dejanja že kot pozitivna ali negativna izkazana ali vsaj naznačena, pri katerih pa sodeluje

---

[1]) Pripomniti moram, da zapiski *morem* — *moram* v Štrekljevi zbirki nar. pesmi niso tako zanesljivi, da bi po zapisanem *moram* smeli vedno sklepati na govorjeno *mǫ̂ram* — *mǫ̂rəm*, ali po zapisanem *morem* na govorjeno *mǫ̂rəm* ali *mǫ̂rəm*. Nekateri zapisovalci so skušali pisati po govoru, pri čemer pa jih je običajna knjižna raba mnogokrat zmotila. To se opaža vseskozi pri najrazličnejših pojavih.

odločilno še komponenta psihičnega doživljaja, ki je prvotni pomen niansirala ali pa ga prenesla celo samo na svojo smer; vršili so se ti pomenski premiki preko modalnega pomena glagola *moči*. Tudi pomen »müssen« je bil na tak način izobražen; ker pa **mǫ́rem* »muß« ne eksistira, moramo reči, da se je pomen »müssen« razvil le pri neki stalni situaciji, ki je rabila neko stalno obliko glagola *moči* in sicer táko, ki je prej mogla roditi novo obliko *morati* kakor da bi sovpadla z *mǫ́rem*; gl. o tem doli.

Drugič nam je naglasiti, da je razvoj in širjenje oblike *morati* v srbohrvaščini oziroma v slovenščini, kakor ga je Musić naslikal, napačno podan. Res je to, da se je *moram* v slovenščini prej razvilo kot v srbohrvaščini in da se je razvoj vršil v obeh jezikih samostojno, a na isti jezikovni podlagi. Stanje, ki ga nam izkazuje današnja srbohrvaščina (*moram, morał, morati*), je bilo v slovenščini vobče veljavno še nekako v XV. stol. (v nekaterih govorih celo do danes) in šele kasneje je prešlo *mǫ̂ram* > *mǫ̂rəm, mǫ̂rał* > *mǫ̂gəł* t. j. oblika *mǫ̂rəm* je mlajša kot *mǫ̂ram* in ne morda starejša, ki je posredovala na razvojni črti od *mǫ́rem* do *mǫ̂ram* (Musić jo v svojem *môrem* podaja netočno). Dokaz za zapovrstnost (*mǫ́rem* —) *mǫ̂ram* — *mǫ̂rəm* »muß« vidimo v sledečem: 1. jezik starejših dob; vidimo namreč, da ima dolenjščina XV. stoletja le *mǫ́rem* »kann« in *mǫ̂ram* »muß«, prim. v Conf. gen. *wzo to gardobo kyr ſe more* (kann) *tſlowik ogardity* I. 43; *Ya ze dalſan dam vſſeymi greychi zkemer ta czlowik more* (kann) *greyſſity* I. 49, II. 14; *oblublo ze naprid pred greychi owarouaty kakur ſe wodem nay wulle mogl* (werde können) I. 57, proti: *neyſſam . . . czaſtill kakur wy ye to popraudy morall dyati* (müßte) I. 23, 29, II. 22, 29 (modalna raba tega najstarejšega slov. *morati* ni gol slučaj); proti temu nam dolenjščina XVI. stoletja že izkazuje *mǫ̂rəm* »muß« (ki se grafično ne loči od *mǫ́rəm* »kann« t. j. obakrat pisano *morem*) poleg *mǫ̂ram*, ki pa je vendar še vedno bolj pogosto rabljeno kot *mǫ̂rəm* (gl. primere pri Musiću 1—2). Dalje je treba ugotoviti, da je raba *mǫ̂ram* — *mǫ̂rəm* pri Dolenjcih XVI. stol. omejena šele samo na prezens in da še ni razširjena na *ł*-part., kjer beremo v pomenu »müssen« še vedno *moral*. Kakor v mnogih ozirih, je tudi glede *morati* razvoj v zapadnih slov. narečjih hitreje napredoval in tako beremo prvič *mǫ̂gəł* < *mǫ̂rał* pri Krelju, Post.$_{67}$: *boſh mogal po zhaſu lakote vmreti* 109 b poleg *ie Chriſtuſ na vſeim moral ſvoim Bratom enak alli glih biti* 106 a; s tem se tudi lepo vjema dejstvo, da rabi Krelj le prez. *mǫ̂rəm* »muß« in ne več *mǫ̂ram*, prim. *morem* 59 a, 62 b, 63 a, 98 a, 101a, 112 b. Vzpostavitev oblike *moram* v Post.$_{78}$ (*mora* II. 35b, *moraio* III. 22 b, 69 a, *moral* III. 22 a . . .) gre seveda na račun prireditelja, ki je bil Hrvat. Pisatelji XVII. stol. poznajo le še *mǫ̂rəm, mǫ̂gəł* »müssen«: *usa bi se resniti mogla* Skal. 313 b; Jan. Svkr. SP. III.: *morem* 69, 74; *more* 69; *morite* 72; *morio* 71; *mogal* 55, 69, 71 itd. tako tudi današnji govori po Goriškem, Kranjskem in spodnjem Štajerskem. — 2. Akcentuacija *mǫ̂rəm, mǫ̂gəł* »müssen« je razumljiva le tedaj, če izvajamo te oblike iz *mǫ̂ram, mǫ̂rał* in je popolnoma izključena in nemožna pri izvajanju, ki trdi, da je *mǫ́rem* »kann« pri teh ali onih pogojih dobilo pomen »müssen«.

Po teh korekturah je navesti še one momente, ki jih Musić ni upošteval: 1. akcentuacija *mǫ̂ram* naj ima svoj izvor v starejšem **mǫ̂rem*

»muß«, ki pa ima cirkumfleks proti novemu akutu v slov. *mǫ́rem*, shrv. *mòžeš*; Musić si ni stavil vprašanja, odkod cirkumfleks v suponiranem **mǫ̂rem*, odkod dalje shrv. *mórati* in zakaj ne **mòrati* ali **mȍrati*; 2. slov. *mǫ̂ram* ima vokal ǫ̂, ki ne more biti nič pravilnega, kajti psl. ȍ dá slov. ộ, psl. *ò* pa slov. *ǫ́* (v našem primeru); ǫ̂ pa je vedno nekaj analogičnega, na prim. *gǫ̂li* po *stâri* (pravilno in dial. še ohranjeno je *gǫ́li*), instr. sing., gen. pl. *kǫ̂žo*, *kǫ̂ž*, enako *kǫ̂žar* imajo ǫ po *kǫ́ža*, ⌒ pa po *rîbo*, *rîb*, *rîbič*; dostikrat je ǫ̂ le v knjižnem govoru in takrat je naslonjen na grafiko: ǫ̂*s* namestu ộ*s* itd., gl. Ramovš ČMF. VIII. 6; naš ǫ̂ kaže nadalje, da je cirkumfleks (vsaj v nekaterih govorih) nastal šele po izvršitvi dial. prehoda ọ̄ > *ū*; po nekod pa tudi že prej, vsled česar imamo potem praviloma **mûram* (po zapadnem Koroškem: *mûərm̥* kakor *ḅûəx* < *bộg*, *htúə* < *ktọ́*; prim. Gutsmann, Wind. Sprachlehre 58: *morem*, *mogeu*, *mogla*, *moreti* »können« in *murem*, *mureu*, *muriti* »müssen«; obliki infinitivov sta seveda učeni tvorbi); v *mǫ̂ram* — *mộram* imamo prav isto, kar pri *bǫ̂gam* — *bộgam*, gl. Ramovš Slavia II. 122; 3. nekateri slov. govori imajo *morâm*; 4. uvaževati nam je še dejstvo, da imajo rezijanski govori sicer prez. *moram*, a *ł*-part. *možal*.

Po vsem tem moremo preiti k razlagi postanka glagola *morati*. Razvil se je iz nekdanjega imperfekta glagola *moči* »können« in ga je staviti v dobo, ko je jezik pričel opuščati rabo imperfekta. Zato je umljivo, da je nastalo *moram* pri Slovencih prej kakor pri Srbohrvatih in da je tudi pri teh omejen sprva na govore, v katerih živi imperfekt le še kot redek arhaizem, dočim je *moram* v južnih shrv. govorih izredno mlad in najbrž le importiran. Že Stj. Ivšić (pri Musiću 7) je mislil na razvoj oblike *moram* iz impf.; *morah* (*r* za *ž* po prez.) je bilo smatrano za impf. glagola na *-ati*, ki se je zato tudi res stvoril. Musić tega ne odobrava, ker slovenščina imperfekta ne pozna. To pa je ničeven razlog; danes slovenščina res da nima impf., nekdaj ga je pa imela, kakor nam priča jezik brižinskih spomenikov (X—XI. stol.) in pa dejstvo, da je impf. v rezijanskih govorih še do danes ohranjen, gl. Ramovš ČJKZ 4, 117. Pa tudi če teh dokazov ne bi imeli, bi nam usoda imperfekta v ruščini, poljščini in češčini popolnoma zadostno kazala na enakšno usodo impf. v slovenščini. Postanek slov. *moram* moramo staviti v dobo XI. do XIII. stol.; sredi XIII. stol. je moralo eksistirati vsaj že koroško *mộram*, kajti v ta čas spada prehod ọ̄ > *ū*, sodeč po *Buge* za *bộg* pri Ulrihu Lichtensteinskem (l. 1255). V drugih dialektih je *moram* nekaj mlajše. Impf. **morah* je označeval dejanje, ki se v preteklosti vrši, imel pa je lahko tudi modalen pomen; v Reziji se pogosto uporablja za kondicional (gl. ČJKZ. 4, 119), enako v čakavščini (Dubašnica na Krku, gl. Rad 121, 127): *hȍjahi* »ibam« in »irem«.[1])

---

[1]) To končnico si je Geitler Rad 58, 196 razlagal iz psl. *-achy* < ide. *-esam* t. j. imperfekt glagola **es-*, kar seveda ni mogoče. M. Rešetar (pismeno sporočilo) meni, da je ta *-i* iste provenience kakor na pr. *-i* v gen. pl. *tih-i*, *ovih-i*, o čemer gl. Rešetar Rad 134, 159 in Belić Glas 62, 206, vendar se mi to ne zdi verjetno, ker bi v čak. pričakovali predvsem *-e* in ne *-i* in ker za pristop takega *-i* pri verbalni obliki ni najti tako umljivih razlogov, kakršni so za različne pronominalne oblike podani. Meni se zdi, da je ta *-hi* v zvezi s kondicionalno rabo in da izhaja iz kond. aor. *bychъ*. Čakavščina pozna dve obliki impf. k *byti* : *bijahi*, *bijaše* < *běachъ* in *bihi*, *biše(š)* gl. Milčetič l. c. Ta dvojnost že sama po sebi govori proti temu, da bi *bihi* bilo iz kontrahiranega impf. *bêchъ*, *bêše*, ki naj bi

Pomen prez. *moram* je najlažje razložiti iz modalnega impf.; *ty možaaš sъtvoriti* > slov. *ti moraše stvoriti* je značilo »ti bi mogel storiti, d hättest das tun können« Ta pomen oblike *mora-* je razviden še v sledečem primeru: *o naj te moram* (bi te mogla) *doli vzet, vem, kam b te jest hotla det* (pri Musiću 43). Izraz *ti moraše stvoriti* se je nanaša na preteklost in sicer sprva neglede na to, ali se je dejanje, ki se j imelo vršiti, izvršilo ali ne; običajno je bilo seveda drugo, vsled česar j ta izraz imel pomen »du hast das, was erforderlich war, nicht getan«, k se je po mali premaknitvi razvil v pomen »du hättest das tun müssen du müßtest das tun«. Ta pomen še odseva iz gori navedenega »*to morate znati*«. Po modalnem impf. *moraše* »müßtest« je tudi indikativn *moraše* dobilo pomen »mußtest« ter novi prez. *moram* »muß», ki j nastal vsled pomenske odmaknitve oblike *moraše* »mußtest« od *more* »kannst« pri istočasnem vplivanju razmerja *dêlaše : dêlaš*. Ta odmaknite je še na drugi strani morala roditi nove oblike, namreč za pomen »konntest könntest«, ki mu je bila oblika odvzeta; zato je nastopilo v shrv. *mogaše* v slov. *morêše*.

Kakor znano, je akcentuacija impf. dvojna, prim. srhv. *bijáše* i *bìjāše*, gl. Rešetar, Die skr. Betonung 201; Ivšić, Rad 197, 92; juž. i vzh. srb. *béjaše — beáše*, *móžeše — mogáše*, Belić Dial. ist. i juž. Sr 552—64; rez. *iméše*, *moréše*. Za izhodno obliko dobimo torej *moráš* ali pa — z akcentuacijo po prez. — *mòraše* (> slov. **mǫ́raše*, shr **mòraše*), za novi slov. prez. **morám* ali **mǫ́ram*. Ker je bil ta pre za jezikovni čut prez. glagola V. vrste, kjer pa tip — ⁄ ni eksistiral, s je **morám* ravnalo vsaj toliko po danih tipih, da je obdržalo isto akcentsk mesto, t. j. naslonilo se je na tip *končâm, končàł, končáti : morâm moràł*. To akcentuacijo nam izkazuje podjunski dialekt; treba pa je š upoštevati, da je tu kasneje dolgi cirkumfleks prešel na sprednji zlog k kratek akcent (k preskoku — ⌒ > ⁀ — gl. Ramovš, Arch. f. slav. Phil. 3 151 sl.; za podj. dial. prim. *gosî* > *gòsi*, *mesô* > *mə̀su*, *zidû* > *zə̀di* *težâk* > *tə̀žak*; tudi — ⁀ je prešlo tu v ⁀ —: *širòk* > *šìrak*, *stəblò* *stə̀bu̯u*, *mənìh* > *mə̀nih* itd.): *morâm* > **mərâm*, današnje *mr̥̀ram*, *mr̥̀* *mr̥̀ra*, *mr̥̀mo*, *mr̥̀te*, *mr̥̀jə*; *moràł* > *mr̥̀ru*, plur. *mr̥̀lə* (proti *mórəm* *mórš*, *mòu̯* < *mogəł*, *mə̀uva* *mogla*, *mòli* *mogli* za »können«; k *gl* > Ramovš HG. II. 231). Isto velja za rezijanščino (k rez. preskoku — ⌒ ⁀ — gl. l. c. in Bajec ČJKZ 3, 40); *morâm* dá po rez. vokalni ha moniji *marâm*, ki je še ohranjeno kot *marȇn* (Baudouin de Courtena Materialy št. 478; k nazalizaciji *a* > *ę̂* gl. HG. II. 103), III. sing. *mar*

---

eksistiral poleg nekontrahiranega. Zato je izvajati *bihi* ali iz aor. *bêchъ*, *bê* a kar je še bolj verjetno, iz *bychъ*, *by*; oblika *bih* je po 2. in 3. sg. *bi* privze *i* : *bih-i*. Dasi je aor. v čak. izmrl, se je ta oblika pomožnega glagola vendar ohranila ter se uporabljala kot kondicional, vsled česar je prišlo do oblikovne izenačevanja z impf.-kond.: po *bihi* je nastalo *bijahi*, *hojahi*, po *bijaše(š)* *biše(š)*. Tako postane tudi umljivo, da *bihi* nima posebnih oblik za II. in III. p kajti **biste*, **biše* je sovpalo s starim kondicionalom (*biste*, *biše* k *bimь*, do dan premenjena ozir. nadomeščena z *bite*, *bi*) prej, predno bi vpliv imperfekta ro obliki **bihote*, **bihu*. Za razvoj končnice *-hi* preko *bêhi*, *bihi* govori še dejstv da najdemo *-hi* tudi v stari kajkavščini in sicer negeneralizirano t. j. sa pri glagolu *byti*: *behi* (Vramec), *behy* (listina iz l. 1599.), *behi* (Petretić), gl. Franc Arch. f. slav. Phil. 32, 315.

Mat. št. 155; po označenem premiku pa dobimo rez. *máran* št. 280; gl. še *moràł* = rez. *mažàl* št. 19, 630. Tudi pri običajnem slov. *mộram, mộrał, mộrati* moremo izhajati iz starejšega *morâm, moràł*; imeli bi v tem isti nadaljnji razvoj, ki ga nam kaže dial. (tudi knjižno) *nệham, nệhał, nệhati* proti starejšemu, dial. še ohranjenemu *nehâm, nehàł, neháti*, namreč vpliv akcentuacije prefigiranih oblik (*primộram, prenệham*), ki je sicer tudi sekundarna, izobražena po razmerju *stopáti : neháti* = *prestộpam : prenệham*. Moremo si pa tudi misliti, da je *mộram* (ponjem vse druge oblike) iz **mọ́ram* po naslonitvi na prez. *dẹ́lam*, kakor na prim. *pîtam* < *pítam, stộpam* < *stọ́pam, dûham* < *dúham* itd., nastalih deloma tudi po prefigiranih -*stộpam* itd., deloma pa po prenosu prezentove akcentuacije v infinitiv (*pitáti* po *pítam* v *pítati)* in po nato izobraženem razmerju *dẹ́lati : dêlam* = *pítati : pîtam*. Tudi v srbohrvaščini se je novi, dokaj pozno nastali prez. uravnal po danih akc. tipih glagolov V. 1, vrste; *môrām, mórao, mórati* je enako s *stûpām, stúpao, stúpati*. Čak. *môrān* je s svojo akcentuacijo popolnoma osamljeno; primerjati ga je le še z *vȉšān, vȉšat* (Belić, Zamětki po čak. gov. 68), ki je z ozirom na slov. *vẹ́šam*, štok. *vjȅšām*, rus. *vêšaju* iz **vȉšām*; to bi govorilo za prvotno shrv. **mòrām* = slov. **mọ́ram*. Priznati pa je treba, da je razvojna pot temna, to predvsem zato, ker ne vemo pravega razmerja med slov. *dệlam* in shrv. *dèlām*. Da pa je tudi v shrv. kakor v slov. pred nastopom teh različnih analogij eksistirala oblika *morâm*, o tem priča popolnoma jasno čak. dialekt na Rabu, kjer imamo: *morân, morāmȍ, -tȅ, morâju, morâl, moràla, morât,* gl. Kušar Rad 118, 43. Vsekakor pa govori dvojnost **morâm* — **mòrām* za izvor iz imperfekta.

Impf. *možaše* je le po analogiji prešel v *moraše*, iz česar smo izvedli prez. *moraš*. V Reziji pa ta analogija ni nastopila; proti *mőron, mőræš, -æ, -awa, -ata, -amö, -ate, -ajo* »können« (*-o-, -æ-, -a-* < *-e-* so nastali po vokalni harmoniji), inf. *morìt* gl. Opyt § 279, part. *mőgal* se glasi *ł*-part. k nekdanjemu **možaše* »mußtest«: **možàł* > *mažàl, mážal*, prim. *mažàl* Mat. št. 19, 630, *mážal* št. 3, 364, *mážala* št. 84, *mážel* št. 1126, 1241 (k *a* > *e* gl. Opyt § 113). Pričakujemo tedaj tudi rez. prez. **možam* in ne *morâm* gl. gori. Diferenco *moram : možał* si tolmačim tako-le: poleg modalnega ali indikativnega *možaše* »könntest, müßtest — konntest, mußtest« se je v istem pomenu rabilo tudi že *mogəł bi, si*; ker se je pomen na eni strani čedalje bolj premikal k značenju »müßtest, mußtest«, na drugi pa ostajal pri »konntest, könntest«, je ta pomenska obogatitev zahtevala tudi oblikovno in k danemu morfološkemu temelju *možaše : mogəł (bi, si)* je pričelo nastopati *možał* (*bi, si*) in *morêše* in v tem začetnem času so se vse te oblike uporabljale v obojnem smislu (können, müssen). V prez. je bila samo ena oblika: *morem* »kann«, dočim so se za »ich muß« rabili drugi izrazi; zgornja menjajoča se pomenska raba imperfekta in *ł*-part. je dala povod, da je nastal prez. *moram* »muß« pri naslonitvi na prez. *morem* »kann«, dočim je za nastanek oblike *možał* bila merodajna oblika *možaše* in njeno razmerje do *mogəł*. Nato šele je sledila precizna ločitev pomenov in oblik: *morem, morêše, mogəł* — *moram, možaše, možał*.

Gori smo že ugotovili, da se je *mộram, mộrał* začelo v XV.—XVI. stol. razvijati v *mộrəm, mộrał* in dosegel končno obliko *mộrəm, mộgəł*, ki

se loči od *mǫ́rəm, mǫ́gəł* »können« v oblikovnem pogledu le še po akcentu. Važna je ugotovitev, da se je ta izprememba pričela v gori označenem času, to je namreč v dobi, ko opažamo, da rodi neintenzivni izgovor neakcentuiranih vokalov vokalno redukcijo ali vsakojake izpremembe vokalnih kvalitet (preglaševanje po asimilaciji na sosednje konzonante, vokalno harmonijo, akanje itd.). Vokala *e* in *a*, ki nas tu predvsem zanimata, sta bila po tem pojavu vobče malo prizadeta (gl. Ramovš, Arch. f slav. Phil. 37, 289 sled.), vendar sta se tudi ta dva v enklitično rabljenih oblikah delno ali popolnoma reducirala: *dəl* < *dalje*, *pək* < *pak*, *nâpčən* < *nâpačən* kakor *bəl* < *bolje*, *zavəl* < *zavoljo*, *m*, *u̯* < *bom* itd.; tako je tudi *-em*, *-am* itd. enklitično rabljenih *morem*, *moram* (v taki rabi se nahajata še danes skoroda običajno) prešlo v *-əm*, to tem lažje, ker je bil vokal (*e*, *a*) od obeh strani obdan od konzonantov z jako sonorno silo (gl. l. c. 328). Ne strinjam se s Škrabcem JS. I. 415, ki vidi v *čəm*, *hočəm* in *mǫ́rəm* analogijo po *səm* (enako Musić 10), marveč vidim v teh oblikah glasoslovni pojav, ki so ga nekateri govori po Kranjskem itak močneje razvili (*nẹ́səm*, *plẹ́təš* itd.); glede *hočmo* itd. je možna še druga razlaga, gl. Oblak, Arch. 15 469. S to redukcijo sta se *mǫ́rəm* in *mǫ̑rəm* drug drugemu v oblikovnem pogledu močno približala; zato ni čudno, da se je to zbliževanje pričelo tudi v onih oblikah, ki so bile še različne, t. j. v *ł*-part. (imp. in inf. naših dveh glagolov se v preprostem govoru ne rabita, oziroma ima inf. *moč* že adverbialni značaj): *mǫ̑rał* > *mǫ̑gəł*.

Še nekaj podrobnosti in pripomb. V srednje-štaj. *màrẹm* < *morem* in *moram* (prim. v Zelenkovi gram. *mare* 3. sing., *marejo* 3. plur. v predgovoru), *màu̯rẹm* < *morem* in *moram* imamo preglas nenaglašenega *ra* > *rẹ* (gl. Ramovš Arch. 37, 321) in prvotno **mǫ́ram* oziroma **mòram* (novoakutirane kračine so po nekod ostale do danes kratke, drugod so dale pri podaljšanju v odprtem zlogu isti refleks kot ǭ, na prim. *kàu̯ža* < *kǫ́ža* gl. podrobneje v Južsl. Fil. 2, 227). Isto (*ra* > *rẹ*, *ò* > *ö*) velja za prekmursko *mörẹn* < *morem* in *moram*, prim. *mǫ̈rẹn* »muß«: *more* 328, 349, *morete* 311 v Küzmicsevem Nov. Zak.; v Vel. Katek.: *more* 54, 59, *moremo* 5, 47, 53, 65, *moreta* 87 poleg *mora* 98, 99. Tu je bil sovpad z *morem*, *moči* tem lažji: *mogao* »mußte« Küzm. 423; 3. plur. *mogo* 14 ali *moro* 81 (2 ×) v Vel. Kat. — Razlogi, ki jih navaja Musić za vpliv glagola *imati*, so ničevni. Trubarjeva raba *moram inu imam* ni izraz žive govorice, marveč le znane njegove pisateljske ljubezni do pleonazma (gl. še Kidrič, Die prot. Kirchenordnung der Slov. im XVI. Jh. 126 sl. in 138). Shrv. dial. *moradnem*, *moradijah*, *moradoh* niso nastali po *imadnem* itd., marveč sta oba plod istega procesa (širjenje nove fleksijske osnove, vzete iz III. plur. prez. na *-du*), prim. še *znàdijāh*, *dàdijāh*, *šćàdijāh* gl. Rešetar, Die skr. Betonung 200. — Obliki *mór* < *more* in *móg* < *mogu* (Musić si napačno razlaga prvo kot analogijo po *nós* < *nosi*, drugo pa iz zveze *mogu-umreti*, l. c. 10, 11) kažeta onemitev končnega neakcentuiranega vokala, kar je lastno hitremu govoru in je v slov. dial. pogostno, gl. Ramovš HG. II. 40.

Skratka moremo reči, da je dovolj momentov (razvoj pomena »*müssen*«; akcentuacija; rez. *možal*; razvoj *mǫ̑ram*, *mǫ̑rał* > *mǫ̑rəm*, *mǫ̑gəł*), ki kažejo, da je glagol *morati* izšel iz imperfekta *moraše* < *mo-*

žaaše in da vse to govori proti razlagi Musićevi, po kateri naj bi se *mǫ́rem* »kann« cepilo v *mǫ́rem* »kann« in *mǫ̑rem* »muß«, to pa bi po *imam* prešlo v *mǫ̑ram*.

Ljubljana. *Fr. Ramovš.*

К украинской диалектологии.

Во 2 3 кн. III тома журн. »Slavia«, стр. 462—470, помещена рецензия проф. Смаль-Стоцкого на работы молодого украинского учёного Вс. Ганцова.[1]) Её тон и несправедливая оценка рассматриваемых работ почтенным профессором требуют ответа. Я считаю такое отношение к научной работе, какое проявлено проф. Смаль-Стоцким, чрезвычайно вредным для дела: наблюдения над живыми говорами необходимо поощрять, даже если бы они производились лицами менее подготовленными к этому делу, чем Ганцов.

Данная Ганцовым в первой его статье характеристика полесских дифтонгов, за которой проф. Смаль-Стоцкий отрицает всякое научное значение, свидетельствует, вопреки мнению рецензента, как о наблюдательности автора, так и о его блестящей научной подготовке. Г. обнаруживает хорошее знакомство с физиологией звуков речи и с приёмами научного наблюдения и описания, усвоенное им на семинариях акад. А. А. Шахматова и проф. Л. В. Щербы; хорошо знакома ему и научная литература по физиологии звуков как русского, так и других славянских языков, и по изучению живых говоров разных языков; его ссылки на работы О. Брока, Розвадовского, Муки, Лоренца, Белича — не щегольство начинающего учёного, а показывают, что эти работы, действительно, им внимательно изучены.

В первой своей статье Г. описывает т. наз. »дифтонги«, получившиеся в полесских (северно-малорусских или, по терминологии, принятой Ганцовым, северно-украинских) говорах из старых *о*, *е* в новых закрытых слогах и из старого *ѣ*, чрезвычайно обстоятельно, не следуя определённым шаблонам и стараясь передать свое впечатление от них как можно полнее. Суть описания сводится к тому, что эти дифтонги — не дифтонги в собственном смысле, а гласные неоднородной артикуляции, начинающейся с высокого подъёма и постепенно переходящей в средний подъём, оставаясь при этом в том же вертикальном ряду (т. е. возможны »дифтонги« *и͡о*, *ӥ͡ȯ*, *ӥ͡ӧ*, *ӥ͡е*, *і͡е*, *и͡у*, *ӥ͡і*, *и͡ə*, *ӥ͡е* и не возможны *и͡ӧ*, *и͡е* и т. п.), а что по количеству они не дольше других ударяемых гласных и являются только под ударением; без ударения им соответствуют, кроме некоторых предлогов и окончаний, гласные *о*, *е*. Описание Г., может быть, чересчур подробно и потому может показаться несколько запутанным, но для внимательного читателя мысль автора должна быть понятна. То разграничение между дифтонгами в собственном смысле и теми звуками неоднородной артикуляции, которые Г. наблюдал в Полесье и за которыми он лишь условно оставляет название »дифтонгов«,

---

[1]) С окончанием этой рецензии (Slavia III. 695—706) я познакомился уже после того, как настоящая статья была написана.

отнюдь не может быть названо ненаучным, и мы его находим в работах многих выдающихся фонетиков. Может быть, не следовало настаивать на резком различии между собственным дифтонгом и гласным звуком неоднородной артикуляции: в дифтонгах типа *uo, ïö, ie,* если первый элемент дифтонга не произносится с очень напряжённой или повышенной артикуляцией, определённой границы между первой и второй частью дифтонга обычно нет; первый звук переходит во второй постепенно, и ощущение слогового или неслогового характера той или другой половины такого дифтонга или зависит от характера ударения или интонации или является субьективным. Может быть, также не совсем точно и замечание Г., что »експіраторна енергія наголосу« в полесских дифтонгах »падає на ввесь звук«: ударение редко бывает одинаковой силы или высоты на всём протяжении ударяемого звука, а обычно имеет одну вершину (редко — две вершины); в полесских говорах, по указанию Г., ударяемые гласные полудолги, и потому я затрудняюсь представить себе такое ровное ударение без вершины, и мне кажется по некоторым данным, имеющимся у Г., что ударение на т. н. »дифтонгах« в полесских говорах нисходящее. Но не зная полесских говоров по собственным наблюдениям и имея в виду большую наблюдательность и научную осведомленность Г., я высказываю такое предположение только в виде вопроса и далёк от того, чтобы подозревать Г. в недостаточной наблюдательности и тем более ненаучности.

Характеристика полесских дифтонгов, даваемая Г., имеет большую цену уже потому, что до сих пор научной характеристики их не было; мы знали об них по записям мало подготовленных лиц, которых графическая передача этих дифтонгов очень затрудняла, и которые поэтому часто передавали один и тот же »дифтонг« различными способами, иногда одинаково неточными. Этой неточной графической передачей, искажённой к тому же в печати,[1]) поневоле должны были пользоваться учёные, которым приходилось говорить о полесских дифтонгах, и, конечно, нельзя считать характерным для методов акад. А. А. Шахматова, как это делает Смаль-Стоцкий,[2]) что Шахматов, говоря об этих дифтонгах, выражаясь словами Г., »оперуэ більше з ґрафічними фактами«.

Очень ценно наблюдение Г., что »дифтонги« в полесских говорах — только под ударением; без ударения в новых закрытых слогах старые *о, е* сохранились, как *о, е*; старому *ѣ* тоже обычно соответствует *е*. Указания на этот факт имелись и в старых записях, но благодаря их неудовлетворительности и скудости эти указания могли толковаться различно и, по большей части, оставались незамеченными, вследствие чего для науки пропадал важный факт истории малорусского языка. При свете данных, добытых Г-вым, эти указания становятся вполне ясными и позволяют утверждать, что̀ и делает Г., что открытая им особенность, отсутствие изменения *о, е* в новых закрытых слогах и *ѣ* в дифтонги не под ударением, характеризует целую северную группу малорусских

---

[1]) Почти все матерьялы по северномалорусским говорам (Михальчука, Довнара-Запольского и др.) напечатаны очень плохо, со многими опечатками.

[2]) „Це сконтатування дуже цінне, воно кидає ярке сьвітло на методи Шахматова и видає на них заслужений суд.“ (Смаль-Стоцкий, стр. 463).

говоров, включающую не только говоры с дифтонгами и гласными, отличными от *i*, но и часть говоров с *i* из старых *o*, *e* в новых закрытых слогах под ударением, и что эта особенность противополагает эту группу южной группе, в которую входят как южномалорусские говоры, с *i* из дифтонгов независимо от ударения, так и карпатские говоры, имеющие из *o* и из *e* перед твёрдыми в новых закрытых слогах не *i*, а другие звуки.

Свои положения Г. подтверждает многочисленными примерами как из своих записей, так и из других источников. К сожалению, в число примеров попали такие, в которых *o*, *e* — не в новом закрытом слоге и, следовательно, фонетически не должны бы были перейти в дифтонги и под ударением; таковы: dzvoníca, vozók, poznáť, párobok, přîpečok pošóu, posľá, kostók, žonók, na kolóčku; правда, в южноукраинском в этих словах *i*, но такое *i*, очевидно, явилось нефонетически. Впрочем, эти примеры не меняют правильности заключений Г., потому что примеров с *o*, *o* из старых *o*, *e* в новых закрытых слогах и из *ѣ* без ударения, как и примеров с дифтонгами и *i* в новых закрытых слогах под ударением Г. приводит гораздо больше.

Установленный Г-вым факт позволяет ему сделать ряд выводов, из которых некоторые не вызывают никаких возражений, другие являются вполне приемлемыми. Главный вывод Г-ва, что те южнорусские говоры, к которым восходят нынешние северноукраинские, по терминологии Г-ва, говоры, еще до дифтонгизации *o* и *e* в новых закрытых слогах, отличались от южнорусских говоров, лежащих в основе нынешних южноукраинских, к которым Г. относит и галицкие, буковинские и карпатские, характером ударения; гласные *o* и *e* в новых закрытых слогах без ударения или не удлинялись или, если удлинились, то сократились еще до дифтонгизации тех же гласных под ударением, тогда как в говорах, лежащих в основе южноукраинской группы, такая дифтонгизация происходила независимо от ударения. Огромное значение этого факта для истории как малорусского языка, так и всей русской языковой группы не подлежит сомнению. Правда, допустима еще возможность, не принятая во внимание Г-вым: сокращение могло привести к тем же результатам и в том случае, если оно происходило после дифтонгизации, при условии, что в это время первый, закрытый элемент дифтонга был слабее второго, ср. изменение общевеликорусского *uo* из *o* под восходящим ударением[1]) в *o* в бо́льшей части великорусских говоров, но и в таком случае различие между судьбой *o*, *e* в новых закрытых слогах и *ѣ* под ударением и судьбой их без ударения в северномалорусских говорах должно быть признано очень старым. За то, что это явление старое, говорит и совпадение северномалорусских говоров по судьбе дифтонгов с южно-белорусскими.[2])

[1]) На то, что такое *uo* было общевеликорусским, указывает изменение его в „*vo*" в начале слова во всех великорусских говорах, а не только в тех, где сохранилось такое *uo* и не в начале слова.

[2]) В другой своей статье Г. ставит интересный вопрос: „Чи слід цю рису північних українських говорів — відрізнення наголошених і ненаголошених складів — ставити в відповідний зв'язок с аналогічними фонетичними нахилами сусідних з півночи білоруських та східньо-руських (південно-великоруських) діялектів, котрі власне й дали тим нахилам найбільший розвиток."

Среди остальных выводов есть один, вызвавший наиболее резкие нападки со стороны проф. Смаль-Стоцкого. Это — вывод относительно того, каким образом первоначальные дифтонги из *о* и из *е* перед твёрдыми, т. е., повидимому, *uo* и *ïö* в результате всех изменений в конце концов дали украинское *i*. Г. думает, что процесс изменения дифтонгов, кроме, может быть, карпатских говоров, был повсюду в общем одинаков и различался только в темпе: известные изменения в одних говорах происходили раньше, в других — позже, — и что, таким образом, звуки, являющиеся на месте первоначальных дифтонгов в различных малорусских говорах, представляют различные стадии этого процесса. Приблизительную схему этого процесса Г. даёт в виде чертежа (стр. 133). Схема Г-ва чисто проблематична и на остальных выводах не отражается.

Хотя, как видно из приведённого изложения статьи Г., главное содержание её составляет характеристика нынешних полесских дифтонгов по собственным наблюдениям и анализ остальных имеющихся в науке сведений о т. н. дифтонгах в северномалорусских говорах, а собственные соображения и гипотезы строятся уже на основании этого матерьяла, проф. Смаль-Стоцкий упрекает автора в том, что »теоретичні міркування у нього взяли верх над потребами докладного пізнання дійсного теперішнього стану« (стр. 463). Этот упрёк совершенно не соответствует содержанию статьи Г-ва. Совершенно непонятен упрёк, делаемый Смаль-Стоцким Г-ву в том, что он »забажав встановити ті певні стадії, що ними йшов процес заміни *ō* та *ē*« (ib.). Восстановление последовательных стадий языковых процессов — одна из главных задач исторического языковедения, и упрекать учёного в том, что он к этому стремится, всё равно, что запрещать заниматься наукой. Останавливаясь на попытке Г-ва охарактеризовать полнее полесские »дифтонги« и на его замечании, что »для їх (дифтонгов) ґрафічної передачі ніяк не стає технічних засобів«, Смаль-Стоцкий заявляет, что »дїсний фонетик вмітиме завсїди найти ці засобі« (ib.). Но всякая передача звуков буквами условна, и потому ни один фонетик не может передать никакими знаками ни одного звука без словесного описания; чем точнее желает определить учёный исследователь произношение какого-ниб. звука, тем больше для этого требуется слов, и тем ощутительнее недостаток »технических способов« передачи звуков. Те противоречия, которые проф. Смаль-Стоцкий пытается найти в характеристике полесских дифтонгов, даваемой Г-вым, мнимые. Если Г., утверждая, что полесские дифтонги — не дифтонги, всё таки продолжает их называть дифтонгами, то очевидно, что этот термин употребляется им в данном случае условно, чтобы не вводить нового термина. Если Г. говорит, что полесские дифтонги не распадаются на две части, как настоящие дифтонги, и всё таки говорит о первой и второй половине полесских дифтонгов, то это опять таки не противоречие, п. ч. начало и конец, первую и вторую половину можно различать и в таком целом, которое не распадается на части. Характеристика полесских дифтонгов у Г-ва настолько обстоятельна и точна, что отнюдь не позволяет думать об них »що хто схоче« (См.-Ст. стр. 466). Неверно и замечание См.-Ст., »що в його (Г-ва) працях бачимо штучні конструкції, не підперті дійсними фактами« (467). Наоборот,

Г. идёт правильным путём, исходя в своих построениях из точно установленных им фактов; если иногда он позволяет себе строить гипотезы, для построения которых фактов не достаточно, то и в этих случаях отправной точкой для него всё-таки является факт. Главной виной Г-ва См.-Ст. считает то, что Г. — ученик акад. Шахматова. Я, наоборот, нахожу, что в статьях Г-ва особенно яркое выражение нашли себе именно положительные стороны Шахматовской школы.

Свои обвинения, предъявляемые Г-ву (см. стр. 466), Смаль-Стоцкий пытается подтвердить разбором (стр. 467—469) принимаемого Г-вым положения, что в украинском (малорусском) яз. дифтонги и *і* получились из бывших некогда в этом языке *ō*, *ē* долгих. Тот факт, что их рефлексы теперь кратки во всём малорусском, он считает достаточным, чтобы утверждать, что эти звуки и те звуки, из которых они произошли, никогда и не были долгими, и в подтверждение этого ссылается на Розвадовского, который в своей »Исторической фонетике польского языка« будто бы отрицает факт удлинения гласных в русском языке. Но в приведённой Смаль-Стоцким выписке Розвадовский говорит только о сокращении долгих гласных, а не об исконной краткости. Во всяком случае теперешняя краткость гласных во всём русском языке не говорит против существования долгих гласных в древне-русском, как отсутствие долгих гласных в польском языке не говорит за то, что таких гласных не было и в старо-польском. Выдвигаемая Смаль-Стоцким гипотеза, что полесские »дифтонги можуть бути не якесь архаістичне, а якраз наймолодше зявище в поліських говорах« (стр. 468) совершенно невероятна: развитие дифтонгов как раз только в новых закрытых слогах и только из старых *о*, *е* немыслимо на белорусской основе, а различие между дифтонгами из *о*, *е* и *ѣ* немыслимо на южномалорусской основе; предполагая существование какой-то третьей основы, мы тем самым должны были бы признать в этих дифтонгах отражение какой-то архаичной фонетики. Возражения Смаль-Стоцкого против ссылки Ганцова на »аналоґічні з'явища в иньших слов'янських мовах« (стр. 469) основаны на недоразумении. Г-в не смешивает »аналогичных явлений« с »генетической связью« и сходство в судьбе *о* в новых закрытых слогах в сербохорватском, чешскословацком, польском и малорусском не рассматривает, как свидетельство о генетической связи между этими явлениями. Но естественно, наблюдая одинаковое явление в разных языках и не встречая в других языках случаев, где бы те же результаты получились иным путём, предполагать, что одинаковые результаты вызваны одинаковыми или сходными причинами. Поэтому происхождение дифтонгов из удлинения *о*, *е* в новых закрытых слогах может считаться почти доказанным фактом, гипотеза же Смаль-Стоцкого не может быть подкреплена никакими фактами. Ссылка на отсутствие дифтонгов в старинных рукописях ничего не говорит и основана на незнакомстве с психологией письма.

Вторая статья Г. тесно связана с первой. В основу своей классификации малорусских (по Г-ву »украинских«) говоров Г. кладёт судьбу безударных *о* и *е* в новых закрытых слогах и *ѣ*.[1]) Те две группы, на ко-

[1]) И в этой статье среди многочисленных примеров с рефлексами старых *о*, *е* в новых закрытых слогах попадаются примеры с *о*, *е* не

торые распадаются все малорусские говоры по различию в этой судьбе, Г. принимает да основные и указывает ряд других черт, характерных для каждой из этих групп в отдельности. Из особенностей, отличающих, по мнению Г-ва, северную группу от южной, кроме судьбы *ō*, *ē* и *ѣ*, заслуживает внимания впервые отмеченное Г-вым и рассматриваемое им, как черта, имеющая с названными выше »особливе велике значення« (стр. 19), различие в судьбе старого *ę* под ударением и без ударення в говорах северной группы: под ударением — *a* со смягчением предшествующего согласного звука, без ударения — *e* без смягчения согласного; в южной группе в обоих случаях — *a* после мягких везде, где такое *'a* не подверглось вторичному изменению в *e* и в *i*. Эта черта, как и предыдущие, свидетельствует о старом различии в характере ударения и интонации между нынешними говорами северной и южной группы К сожалению, примеры, приводимые Г-вым, мне представляются недостаточныхи для того, чтобы говорить о различной судьбе старого *e* и *a* после мягких в северномалорусских говорах.[1]) Но во всяком случае и эти примеры говорят за то, что изменение рефлексов старого *ę* без ударения в *e* (какова бы ни была судьба старого *a* после мягких) произошло раньше отвердения согласных перед *e* или, по крайней мере, раньше появления новых сочетаний мягких согласных с *e* (из сочетаний согласных с *je*).

На остальных признаках, отличающих, по мнению Г., северную группу от южной, я не останавливаюсь. Отмечу, что некоторые из них сам Г. выставляет лишь предположительно, не считая их достаточно засвидетельствованными, как характерные лишь для одной группы. Но есть и несомненно характерные для целой группы.

С предлагаемой Г-вым классификацией нельзя не согласиться в том смысле, что различная судьба безударных *o*, *e* в новых закрытых слогах и безударных *ę* и *ѣ* в говорах, относимых им к северной и южной группам, в связи с наличием других черт, свойственных только одной из этих групп, или северной, или южной, несомненно указывает на их давнюю обособленность, т. е. на то, что в основе их лежат разные диалектические группы древнейшей эпохи. Возможные ошибки в определении границ этих групп или в признании тех или других из остальных черт характерными для северной или южной группы не меняют правильности самого принципа и вполне обьяснимы нынешним состоянием малорусской диалектологии.

Первоначальные различия между северной и южной группой южнорусских говоров, по мнению Г., настолько значительны, что позволяют ему

в новых закрытых слогах: кості́к, жоно́к, ове́с, око́нце, пошо́в, дзвони́ця, доста́ть, зов'януть и др.

[1]) Г. указывает на то, что *e* в северномалорусском является и вместо безударного общеслав. *a* после мягких, но думает („гадаю“), что эти два явления (*e* из *ę* и *e* из *'a*) надо различать; почему, не выясняет; судя по примеру *д'ед'кí*, основанием для такого различения должна служить твёрдость согласных перед неударяемым *e* из *ę*; к сожалению, он не приводит убедительных примеров, из которых было бы видно, что согласные перед *e* из *'a* не отвердевали; такие примеры могли быть только на положение после *ń* и *l'*.

внести поправку в Шахматовское деление восточнославянской (русской) языковой группы для древнейшей эпохи и говорить не о трёх первоначальных наречиях общерусского языка: севернорусском, восточнорусском и южнорусском, а по крайней мере о четырех, рассматривая северную и южную группу южнорусских говоров, как два самостоятельных наречия, из которых северное по характеру ударения стояло ближе к восточнорусскому. Трудно сказать, насколько такая поправка необходима, но что она имеет известные основания, несомненно.

Установив первоначальную группировку малорусских говоров, Г· далее говорит о позднейших изменениях в этой группировке. Он доказывает, что из говоров северноукраинской группы лучше сохранили свой давний диалектический тип восточные говоры этой группы, тогда как западные испытали на себе в той или иной мере влияние западных говоров южноукраинской группы, а из говоров южной группы лучше сохранили первоначальный тип западные говоры. Восточные говоры южной группы образовались на югозападной основе, но в то же время отражают в известной степени влияние говоров северноукраинской группы.

С течением времени восточные говоры южной группы развили ряд особенностей, отсутствующих в западных говорах той же группы; на основании этих особенностей Г. делит южную группу в свою очередь на две: западную и восточную, границу между которыми он проводит немного восточнее западной границы Киевской губ. и далее по направлению к Бессарабии.

Благодаря влиянию южноукраинских говоров на северноукраинские, на всём протяжении между ними образовалась широкая полоса переходных говоров, которые Г. правильно рассматривает, как переходные от северных к южным на северной основе. Но кроме переходных говоров с украинской основой Г. признаёт и наличность переходных говоров от южноукраинских к северноукраинским на южной основе. Такими он считает говоры на территории южной Киевщины. Возникновение их он относит ко времени, значительно более старому, чем возникновение переходных говоров на северноукраинской основе. Переходные говоры южной Киевщины, по его словам, »не тільки географічно, а і з діялектологічного погляду становлять український діялект, що органічно поєднує риси двох головних діялектичних груп українських — давніх північнозахідніх і південно-західніх говорів« (стр. 56). Культурное значение этого диалекта в украинской области такое же, как и значение московского говора, по происхождению также переходного, в великорусской области. Отсюда вытекает »найбільше право саме цих південних київських говорів на значіння основи литературної української мови« (стр. 56). Эта схема, в которой сказывается сильное влияние построений Шахматова, очень заманчива, но пока может рассматриваться лишь, как талантливая гипотеза, потому что те факты, которые Г. приводит в подтверждение того, что говоры южной Киевщины по своему происхождению переходные, допускают и иное толкование.

В этой заметке нет возможности остановиться на той массе интересных и талантливых соображений, которыми полна статья Г-ва. В заключение Г. говорит, что его »висновки . . . кінець кінцем дають мало

орігінального і в поділі української території на діялектичні групи і надто в установленні діялектичних меж« (стр. 63). Это замечание слишком скромно. Деление малорусских говоров, предложенное Михальчуком, хотя и предвосхищает до некоторой степени деление Г-ва, было лишено ясности принципов деления, а потому сам Михальчук, не доверяясь своему чутью, может быть, и верному, которым он руководился сначала, так легко отказался от своего деления под влиянием А. И. Соболевского. Все остальные учёные, кроме А. Е. Крымского, принимали за критерий при делении переход *о* и *е* в новых закрытых слогах в *і* или в другие звуки под ударением и обьединяли в одну группу все говоры с *і*, причём остальные говоры, по большей части, обьединяли также в одну группу по отрицательному признаку отсутствия такого *і*, несмотря на то, что, помимо других различий, даже рефлексы ударяемых *о*, *е* старых в новых закрытых слогах в полесских и подляшских говорах с одной стороны и карпатских с другой не одинаковы. В классификации Г. впервые деление малорусского языка на северную и южную группы мотивировано так, что карпатские говоры получается возможность отнести к южной группе, а целый ряд украинских говоров к переходным на северномалорусской основе.

Со свойственным молодости жаром Г. горячо полемизирует со своими предшественниками по изучению малорусских говоров и особенно сильно нападает на классификацию малорусских говоров в изданном Московской Диалектологической Комиссией »Опыте діалектологической карты русскаго языка«. Упрёки Г-ва составителям »Опыта« сводятся к тому, что они сильно сократили территорию северномалорусских говоров по сравнению с Михальчуком и отнесли к южномалорусской группе все переходные на северномалорусской основе говоры с *і* из дифтонгов только под ударением и даже такие, в которых в этом случае является не *і*, а звук передаваемый в украинской азбуке буквою »и«; ошибочным считает Г. и выделение карпатских говоров в особую группу. Признавая некоторую долю справедливости в замечаниях Г., укажу однако на то, что расхождение между составителями »Опыта« и Ганцовым зависит от того, что за исходный момент для классификации говоров они и Г. брали разные периоды в развитии малорусского языка. Для составителей »Опыта« таким моментом было распространение типичных южномалорусских черт: перехода всех дифтонгов из старых *о*, *е*, *ѣ* в *і* и совпадения старых *у* и *і* потому что эти две черты, хотя и несомненно поздние, возникшие позже ряда других южномалорусских черт, сыграли большую роль в образовании малорусского языка, аналогичную некоторым тоже поздним общевеликорусским или охватившим значительную часть великорусской области явлениям в великорусском языке. Подобно тому, как мы говорим о великорусском языке, как целом, несмотря на различное происхождение его составных частей, так и в малорусском языке распространение названных выше (а с ними вместе и некоторых других) черт способствует обьединению в одно целое различных по происхождению говоров. Поэтому составители »Опыта« считали себя вправе обьединить все говоры, усвоивши обе названные черты в одну группу безотносительно к их предыдущей истории. Впрочем, в виду того, что в говорах с северномалорусско

основой эти черты не являются органическими, и что *i* из *o*, *e*, *ѣ* в этих говорах не проникло в положение без ударения, более согласным с принципами составителей »Опыта« было бы рассматривать говоры с *i* из дифтонгов только под ударением и с другими северномалорусскими чертами, как переходные с северномалорусской основой и южномалорусским наслоением, ср. переходные акающие говоры на северновеликорусской основе в великорусской области. Но имевшийся в распоряжении составителей »Опыта« матерьял был недостаточен для того, чтобы установить, насколько северномалорусские черты в этих говорах органичны, а южномалорусские являются результатом вторичного наслоения. Говоры с *и* (украинская буква) из дифтонгов составители »Опыта« отнесли к южномалорусским только по недостатку и неясности матерьяла, принципиально же рассматривали, как северномалорусские по основе (см. примеч. 213, 214). Выделяя из общей массы малорусских говоров северномалорусскую и карпатскую группы, составители »Опыта« только констатировали факт, что на эти говоры изменение дифтонгов в *i* или совпадение *у* и *i* старых не распространилось, независимо от того, представляет ли каждая из этих групп самостоятельное целое или нет. Но отсутствие непосредственной связи между северномалорусскими и карпатскими говорами составители в своей классификации учли. Недостаток матерьяла и отсутствие непосредственного личного знакомства с малорусскими говорами помешало им применить более последовательно к группировке малорусских говоров тот исторический принцип, который применён ими по отношению к великорусским говорам.

Впрочем выделение карпатских говоров в особую группу имеет и более веские основания. Г. совершенно прав, относя карпатские говоры по происхождению к югозападной группе, но он не учитывает того факта, что они рано были оторваны от общей массы южномалорусских говоров, и за это время все остальные южномалорусские говоры как западной, так и восточной группы пережили ряд общих явлений, оставшихся чужими для карпатских говоров, и потому, если для известной эпохи деление южномалорусских говоров на западную и восточную группу правильно, то для другой эпохи северные и восточные говоры западной группы вместе с говорами восточной группы должны противополагаться в целом карпатской группе. Условия, в которых развивались карпатские говоры после их отделения от остальных, мало способствовали их обьединению в одно целое; поэтому главные признаки этой группы — отрицательные: сохранение известных архаизмов и отсутствие тех или иных фактов, развившихся в остальных южномалорусских говорах, но есть и поздние черты, распространившиеся на всю карпатскую группу, что придаёт ей известную целостность. Часть карпатских говоров на самом гребне Карпат, на польском склоне и в закарпатской Верховине, имеющие *i* не только из *ѣ*, но и из *e* и *o* в новых закрытых слогах, следует рассматривать, как переходные к галицким.

Есть, конечно, у Г. и ряд спорных положений. Некоторые — о различной судьбе безударных *ę* и *'a* в северномалорусском, о переходном на южноукраинской основе характере говоров южной Киевщины, о хронологии северномалорусских *o*, *e* в новых закрытых слогах и *e* из *ѣ*

без ударения — рассмотрены выше. Кроме них, оговорок требуют и замечания Г-ва о диалектической цельности тех или других устанавливаемых им диалектических групп. Говоря о том, что такая-то группа представляет »діялектичну цілість«, Г. нигде не добавляет, для какой эпохи. Между тем, диалектическая группа, являющаяся единым целым в одну эпоху, может не быть им в другую эпоху. Так, доказанная Г-вым для древнейшей эпохи диалектическая цельность северномалорусской группы нарушена позднее переходными говорами, примкнувшими к южномалорусской группе; западная часть южной группы, представлявш я некогда, по мнению Г-ва, диалектическое целое, в которое входили и карпатские говоры, и отличавшаяся от восточной части той же группы, теперь безусловно не является таким целым, потому что бóльшая часть западных говоров после этого пережила с восточными говорами ряд общих явлений, не пережитых карпатскими говорами и создавших бóльшую близость их к восточным, чем к карпатским.

С признанием коренного различия между диалектическими группами, определяемыми у Г-ва, как северноукраинская и южноукраинская, не совсем вяжется утверждение Г-ва в первой статье, что »процес фонетичного розвитку звуків $\bar{o}$, $\bar{e}$ довгих під наголосом в основі своїй був єдиний слиње на всьому просторі української язикової території.« (стр. 143). Это утверждение основано на наблюдении над судьбой дифтонгов только в северномалорусской области. Но раз фонетический строй северномалорусских говоров издавна коренным образом отличался от фонетического строя южномалорусских говоров, то и изменение дифтонгов могло идти в этих говорах иным путём, чем в южномалорусских, тем более, что в южномалорусском процесс изменения дифтонгов в *i* протекал самостоятельно, а в северномалорусском под влиянием южномалорусских говоров, в которых этот процесс уже закончился. Поэтому вопрос о том, каким путём шло изменение дифтонгов в *i* в южномалорусском, в настоящее время не разрешим. Карпатские говоры выяснению вопроса не помогают, потому что и в них мы имеем более или менее законченый процесс изменения дифтонгов, но несколько в ином направлении; севернокарпатское *i* могло получиться и органически из *ü*, известного нам из закарпатских говоров, но скорее всего явилось в результате подражательного процесса под влиянием галицких говоров; среднекарпатское *ü* трудно выводить из *u*, какое имеется в южнокарпатских говорах, в виду того, что старое *u* в среднекарпатских говорах сохранилось (*dub*, *bur'a*, *sat'* 3 pl.). Таким образом схема Г-ва остаётся лишь более или менее вероятной гипотезой.

Возражения проф. Смаль-Стоцкого на вторую статью Ганцова, по моему мнению, не опровергают правильности схемы Г. Против главного положения Г., что ударение в говорах, относимых им к сев.-укр. группе, играет бóльшую роль, чем в ю.-укр., проф. Смаль-Стоцкий не возражает и сам же обьясняет отсутствие изменения *o* в дифтонг без ударения в полесском »возкá« и т. п. аканьем. По Г-ву, этому изменению помешало положение в неударяемом слоге: разница в том, что положение Г. годится для всех »сев.-укр.« говоров, положение См.-Стоцкого — не для всех, потому что не все с.-укр. говоры акающие

Проф. См.-Стоцкий правильно возражает против приводимых Г-вым для доказательства исконного различия между сев.-укр. и ю.-укр. примеров в роде »возок« и пр., где *о* не в закрытом слоге, но напрасно доказывает Г-ву, что *о* в укр. изменилось фонетически в дифтонги и *і* только в закрытых слогах, п. ч. Г-в и сам говорит о том же, только определяет положение точнее: не просто в закрытых слогах, а в новых закрытых слогах. Таковы главные возражения Смаль-Стоцкого. На остальных я не останавливаюсь, п. ч. они не подкреплены доказательствами.

Беглые наблюдения, сделанные мною над некоторыми карпатскими говорами во время кратковременной поездки в Карпатскую Русь на Святках (5—14 янв.) 1925 г. позволяют мне сделать некоторые дополнения к соображениям Г-ва. Обращу внимание на 1. характер ударения, 2. произношение гласных верхнего подъёма, 3. произношение старого этимологического *і* (из общерусского *і*).

Ударение в карпатских говорах экспираторное, но очень слабое, слабее, чем то, какое мне приходилось слышать на Украине. Возможно, что такой характер ударения обьясняется словацким влиянием, но не исключена возможность сохранения старого характера ударения, так как несомненно, что старое ударение в южномалорусской группе было слабее, чем в северномалорусской и восточнорусской. Мы не знаем, какой характер имело старое севернорусское ударение в древнейшую эпоху, но все поздние явления в северновеликорусском указывают на бóльшую силу ударения, чем в южномалорусском. В последнем влияние ударения отражается только на произношении безударного *е* (именно, на совпадении такого *е* со звуком, обозначаемым в украинской азбуке буквою *и*), но это явление безусловно позднее; можно заметить, что и между ударяемым *е* и *и* (украинская буква) различие в южномалорусском незначительно, а в некоторых говорах эти звуки и под ударением совпадают. Слабость ударения могла способствовать дифтонгизации гласных или сохранению дифтонгов не только под ударением, но и без ударения: во всей остальной русской области дифтонги из монофтонгов известны только под ударением.

Артикуляция гласных верхнего подъёма в карпатских говорах, как и в остальной южномалорусской области, пониженная. Я отметил только пониженную артикуляцию гласных неокруглённых или слабо округлённых: *у* заднее, склонное к *о*, два оттенка *і* — более передний (из *ѣ*) и менее передний (из старого *і*), — склонные к *е*, на Верховине — переднесреднее *ї*, склонное к *ə*; но, повидимому, пониженной бывает и артикуляция верхних гласных с сильным округлением; отсюда у Верхратского *ö* рядом с *ü*: *nüs söl varénu.*

В тех карпатских говорах с *и* и *ї* из дифтонгов, которые мне пришлось слышать (в долине р. Ріки на север от Густого), старое, общерусское *і* более передней артикуляции, чем на Украине; в верховинских говорах (там же) — приблизительно такое же, как на Украине. Можно рассматривать переднюю артикуляцию *і*, как сохранение старины, ср. переднюю артикуляцию *і* (но без понижения, свойственного карпатским говорам) в северномалорусских говорах, а передвижение артикуляции *і* назад относить к эпохе после отделения карпатских говоров от

южномалорусского целого. В связи с этим стоит и сохранение *у* в карпатских и части северномалорусских говоров.

В заключение повторю, что я вынес из работ Вс. Ганцова самое лучшее впечатление несмотря на его резкие и несовсем справедливые нападки на составителей »Опыта діалектологической карты русского языка«. В статьях Г-ва я нахожу блестящее применение тех исторических принципов, которыми всегда руководилась и руководится в своих работах Московская Диалектологическая Комиссия, и новое свидетельство в пользу того, что молодая украинская наука в лице Ганцова и других молодых украинских учёных вступила на настоящий научный путь, заменивши ожесточенную борьбу с русской наукой и бесплодные споры о самостоятельности украинского языка спокойной научной работой. Эта работа, как и другая культурная работа на украинском языке дает ему гораздо больше прав на самостоятельность, чем противоречащие всяким историческим данным доказательства отсутствия ближайшей связи между малорусским и великорусским языками уже 1000 лет тому назад, обычные в работах некоторых старых украинских учёных. Эти учёные забывают, что единство языка достигается не только единством происхождения, но и единством дальнейшего развития. Южные великоруссы чувствуют себя великоруссами несмотря на то, что 1000 лет тому назад их предки были теснее связаны с южнорусскими племенами, чем с северноруccкими, а тесная связь северных малоруссов с Украиной не станет меньше, если мы примем гипотезу Г-ва о том, что северно-малорусская группа некогда была теснее связана с восточнорусской, образовавшей позднее южновеликорусское наречие, чем с остальной частью южнорусской группы.[1]

Brno, 20. II. 1925. *Николай Дурново.*

Historja literatury polskiej. (Przegląd wydawnictw i opracowań naukowych.) Serja druga: 1922—1924. Część pierwsza.

I.

(Wstępna notatka bibljograficzna: czasopisma, prace bibljograficzne, bibljoteki pisarzów i wypisy historyczno-literackie, wydania zbiorowe studjów.)

Ruch naukowy na polu historji literatury polskiej był w ubiegłem trzechleciu 1922—1924, jak się można było tego spodziewać, znacznie żywszy, niż w czteroleciu 1918—1921, obfitsze też przyniósł owoce.

Pamiętnika Literackiego ukazały się dwa tomy: w roku 1922 (z datą 1921) — XIX (str. 181) pod redakcją Wiktora Hahna; w roku

[1]) Никакие доказательства общности происхождения двух языков не способны слить их в один язык, если этому мешают культурные и социальные условия момента, и наоборот, доказанная самостоятельность двух языков в прошлом не свидетельствует еще о том, что в данный момент эти два языка в силу культурных и социальных условий своего развития не составляют уже одного языка. Право на самостоятельность даёт языку культурная работа на этом языке, а не мнения об нём хотя бы и авторитетных учёных.

1923 — XX (str. 355) — pod redakcją Wilhelma Bruchnalskiego. *Reformacja Polska*, czasopismo niezmiernie ważne nie tylko dla historyków, ale i dla historyków literatury, wychodzi w dalszym ciągu. Do *Przeglądu Warszawskiego* przybył w roku 1922 nowy miesięcznik, w Krakowie: *Przegląd Współczesny* (pod redakcją Stanisława Wędkiewicza), nie tak ważny wprawdzie dla historyka literatury, jak *Przegląd Warszawski*, ale w każdym razie nie stroniący ani od rozpraw historyczno-literackich, ani od krytyk i sprawozdań ze studjów literackich. W tymże roku zaczął wychodzić w Warszawie, pod redakcją Wiktora Wąsika, kwartalnik *Przegląd Humanistyczny*, bez którego historyk literatury obyć się nie może. Inny kwartalnik warszawski, *Astrea*, pod redakcją Antoniego Langego i Jerzego Kosteckiego (od połowy roku 1924), założono głównie w celu badań nad historją i wartościami romantyzmu, ale z wydanych dotychczas dwóch zeszytów nie bardzo widać żeby redakcja zapowiedź tę spełniała: lwią część pochłania beletrystyka. Od roku 1924 wychodzą w Warszawie, pod redakcją Mieczysława Gry- dzewskiego, *Wiadomości literackie*, tygodnik poświęcony literaturze i sztuce bieżącej, polskiej zarówno, jak zagranicznej.

Bibljografja polska Estreichera nie ruszyła jeszcze, niestety, z miejsca, na którem stanęła w roku 1915 (tom XXVI). Wznowiono natomiast w roku 1924 *Przewodnik Bibljograficzny* (miesięcznik) — we Lwowie pod redakcją Władysława T. Wisłockiego, Mieczysława Gębarowicza i Kazimierza Tyszkowskiego, a z inicjatywy niestrudzonego Stefana Vrtel-Wierczyńskiego, któremu, mówiąc nawiasem, zawdzięczamy cenne dzieło: *Bibljografja, jej istota, przedmiot i początki* (w *Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie*, dział I., tom II., zeszyt 1, Lwów 1923). — Wznowiono też *Ex libris, czasopismo, poświęcone książce*: w roku 1924 ukazały się we wspaniałej szacie tomy piąty i szósty, pod redakcją Kazimierza Piekarskiego. Znajdujące się w nich prace historyczno-literackie omówimy we właściwem miejscu; z prac zaś bibljograficznych jedna jest dla historyka literatury szczególnie ważna: Władysława Barana *Kilka uwag o wykazach pseudonimów polskich*, zawierająca w sobie cenne uzupełnienia, pomiędzy innemi — do książki Ludwika Czarkowskiego *Pseudonimy i kryptonimy polskie* (Wilno 1922, Księgarnia Stowarzyszenia Nauczycielstwa polskiego). Omówił prace Czarkowskiego także St(anisław) L(am) w *Tygodniku Illustrowanym* (1922, nr. z 4 marca). — Lamowi zawdzięczamy nadto (tamże 1922, nr. z 16 września) rzeczową recenzję książki Stanisława Ptaszyckiego, o charakterze przeważnie bibljograficznym: *Encyklopedja nauk pomocniczych historji i literatury polskiej*. Część I. wydanie drugie (Lublin 1922, nakładem Uniwersytetu Lubelskiego). — Jedna jeszcze praca bibljograficzna zasługuje na uwagę: Stanisława Piotra Koczorowskiego *Dante w Polsce, bibljografja przekładów dzieł jego tudzież prac, jemu poświęconych, a w Polsce lub przez Polaków wykonanych, ze wstępem, przypisami i wzorami przekładów* (Kraków 1921, Akademja Umiejętności). Kilka cennych uzupełnień podał Piotr Grzegorczyk w artykule *Bibljografja Dantejska* (*Rzeczpospolita* 1924, nr. 253).

Bibljoteka Narodowa rozwija się wspaniale: jej serja pierwsza obejmująca pisarzów polskich, będzie już w niedalekiej przyszłości liczył sto tomów, dotychczas (15. II. 1925) — osiemdziesiąt jeden. *Pisarz polscy i obcy* wychodzą w dalszym ciągu, ale żółwim krokiem (dotych czas 7 tomów). W Lublinie, staraniem Towarzystwa miłośników języka polskiego, a pod redakcją Henryka Gaertnera, rozpoczęto nową »bibljo tekę p. t. *Książeczki Staropolskie*; dotychczas wyszły dwa tomiki: *Bogu rodzica* w opracowaniu Jana Łosia i *Szachy* Kochanowskiego w opra cowaniu Kazimierza Nitscha. Objaśnienia mają charakter wyłącznie języ kowy. — *Arcydzieła polskich i obcych pisarzów,* wydawane od roku 190 przez księgarnię Feliksa Westa w Brodach, a zawieszone podczas wojny zaczęły w roku 1923 ukazywać się na nowo (dotychczas tylko trzy tomiki)

Ożyła także *Bibljoteka powszechna,* wydawana w Złoczowie prze Zukerkandla, a dająca czytelnikom tylko teksty utworów, bez przedmów i bez objaśnień. Taki sam charakter posiada *Wielka Bibljoteka*; wydaje j w Warszawie od roku 1922 »Instytut wydawniczy *Bibljoteka Polska*« pod kierunkiem Tadeusza Piniego. Ta »bibljoteka« będzie niebawem naprawdę wielką, skoro już dzisiaj, po trzech latach, ma już z górą st tomów i tomików. Odegra ona niewątpliwie w naszej kulturze duchowe rolę nie mniej ważną, jak *Universalbibliothek* w Niemczech, albo *Biblio thèque Nationale* we Francji.

Bibljoteki pisarzów polskich, wydawanej przez Akademję Umiejęt ności, wyszedł tom 77: Mikołaja Reja *Kupiec*, wydali Rudolf Kotul i Aleksander Brückner (Kraków 1924).

Po jedenastoletniej przerwie wyszedł dalszy tom (dziewiąty) wypisów historyczno-literackich: *Wiek XIX, sto lat myśli polskiej* (Kraków 1924 tom pierwszy wyszedł w roku 1906). Znaleźli się tutaj: Lenartowicz Zieliński, Antoni Czajkowski, Żmichowska, Dembowski, Kamieński, Karo Baliński, Majorkiewicz, Juljan Bartoszewicz, Dziekoński, Zmorski, Wolsk Wilkoński, Wilkońska, Schmitt, Michał Baliński, Mikołaj Malinowski, Kon dratowicz, Żeligowski, Groza, Wielogłowski. Opracowania, naogół biorąc — wzorowe, zwłaszcza Drogoszewskiego, Korbuta i Kridla. — Charakter specjalny mają wypisy: *Polskie listy miłosne od XV d XIX wieku*, opracował Bertold Merwin (Lwów-Poznań 1922, Wydaw nictwo Polskie).

Gabrjela Korbuta *Literatury polskiej od początków do powsta nia styczniowego* wyszedł tom trzeci i ostatni, liczący z górą 800 stroni (Warszawa 1921, właściwie 1922, Kasa Mianowskiego). Ponieważ w po przedniej serji oceniliśmy już dwa pierwsze tomy tego dzieła, a trzeci ni różni się od nich ani układem, ani wartością, więc wystarczy powiedzieć że tom ten przewyższył nadzieje tych, co nań niecierpliwie czekali, albo wiem (dzięki dwustustronnicowemu »Dodatkowi«) autor doprowadził życic rysy pisarzów i bibljografję historji literatury znacznie dalej, niż d powstania styczniowego, bo aż do końca wieku XIX: zaczyna się to od Mickiewicza, kończy na Wyspiańskim; z żyjących wszakże autorów jest jeden tylko: Świętochowski.

Na zakończenie notatki bibljograficznej, od której zaczęliśmy drug serję tych przeglądów, zaznaczamy jeszcze, że w okresie, z którego zda

jemy sprawę, ukazały się następujące wydania zbiorowe studjów historyczno-literackich, rozproszonych po czasopismach: 1. Michała Bobrzyńskiego: *Szkice i studja historyczne,* 2 tomy, Kraków 1922, Spółka Wydawnicza (pomiędzy innemi: *Jan Ostroróg — Stanisław Zaborowski — Stańczyk — Stanowisko polityczne Kochanowskiego — „Kazania sejmowe" Skargi*); 2. Ludwika Janowskiego: *W promieniach Wilna i Krzemieńca* (Wilno 1923), Zawadzki (pomiędzy innemi: *O pismach historycznych i literackich Jundziłła — Lata uniwersyteckie Słowackiego*); 3. Tadeusza Sinki: *Echa klasyczne w literaturze polskiej,* Kraków 1923, Spółka Wydawnicza *(Spór o Grzegorza z Sanoka — Marcin Bielski i Erazm z Rotterdamu — Dwa dzieła sztuki greckiej, opisane przez Reja — „Sobie śpiewam a Muzom" — Trzy elegje nadgrobne Kochanowskiego — Pogańskie i chrześcijańskie wzory Mikołaja Sępa Szarzyńskiego — Sebastjana Klonowica „Żale nadgrobne" — Szymonowic i Kallimach — Pierwowzór »Nadobnej Paskwaliny" — „Wojna Chocimska" i „Iliada" — Genealogja romansu historycznego — Reflcksy Rzymu w poezji polskiej)*; 4. Kazimierza Morawskiego: *Czasy Zygmuntowskie na tle prądów odrodzenia,* Warszawa 1922, »Bibljoteka Polska« *(Mieszczaństwo krakowskie w epoce wczesnego odrodzenia — Z dworu Zygmunta Starego — Z życia towarzyskiego w epoce Zygmunta Augusta — „Satyr albo dziki mąż" Kochanowskiego — Jakób Górski, humanista i apologeta)*; 5. Ignacego Chrzanowskiego: *Wśród zagadnień, książek i ludzi,* Lwów 1922, Zakład Ossolińskich (pomiędzy innemi: *Książka o Samuelu i Seklucjanie — Dlaczego Rej jest ojcem literatury polskiej? — „Zwierciadło" Reja przed sądem potomności — Kult Skargi w Polsce — Hugo Kołłątaj — Podobieństwa i pokrewieństwa pomiędzy „Dziadów częścią trzecią" a „Boską komedją" — „Przedświt" a „Prelekcje paryskie" — „Mickiewicz wobec Kościoła w ostatnim kursie „Prelekcyj Paryskich" — Książka o Łukasińskim — Piotr Chmielowski — Stanisław Tarnowski — „Przygodne słowa" Oswalda Balzera — Włodzimierz Spasowicz w świetle swoich pism pośmiertnych — „Księga ubogich" Kasprowicza*); 6. Zygmunta Matkowskiego: *Studja literackie* (wydał i słowem wstępnem poprzedził Juljusz Kleiner), Kraków 1923, Spółka Wydawnicza *(Rousseau-Mickiewicz: „Dziady wileńskie" a „Emil" — Cervantes w Polsce: „Don Kichot" a „Dziady" wileńsko-kowieńskie — Wstęp do psychologji doznania artystycznego — Fragment rozprawy o poetyce Alfreda de Vigny)*; 7. Zygmunta Wasilewskiego: *Mickiewicz i Słowacki,* Kraków 1922, Gebethner i Wolff *(Zatarg rozumu z uczuciem:* o Janie Świadeckim — *Mickiewiczowski motyw grobu — Mickiewicz i Słowacki jako pamiętnikarze — Psychologja pomysłu „Pana Tadeusza" — Dramaty wyobraźni poetyckiej:* o Mickiewiczu, Słowackim i Krasińskim — *Mickiewiczowska synteza w działaniu — Pomyłki krytyki literackiej:* o dziele Artura Górskiego »Monsalvat« — *Spór o Słowackiego:* z powodu książki Tretiaka — *Konrad Wyspiańskiego, ostatnia fala romantyzmu — Po stu latach:* o kulcie Mickiewicza i Wyspiańskiego); 8. Stanisława Pigonia: *Z epoki Mickiewicza,* Lwów

1922, Zakład Ossolińskich (*Dwie notatki o Karpińskim — Oddźwięki procesu filaretów w twórczości Niemcewicza — Sprawa o matkę Mickiewicza — Historjozofja młodego Mickiewicza — Idee St. Martina w „Księgach narodu i pielgrzymstwa“ — Przypuszczalny ślad Swedenborga w III. cz. „Dziadów“ — Zręby Sprawy Bożej*: o Towiańskim — *„Biesiada“ Towiańskiego i jej komentarz w IV kursie „Prelekcyj paryskich“ — Trud Słowackiego, szkic syntezy — Słowackiego Misterjum o narodzeniu Sprawy Bożej*: o wierszu »Góry się ozłociły« — *Symbol Pani Słonecznej w „Królu-Duchu“ — Ksiądz Duński, sługa Sprawy Bożej — Wewnętrzna konstrukcja „Legjonu“* Wyspiańskiego — *O „Weselu“ Wyspiańskiego — Na pograniczu epok*: uwagi o wartościach polskiej poezji romantycznej); 9. Tadeusza Sinki: *O tradycjach klasycznych Adama Mickiewicza*, Kraków 1923, Spółka Wydawnicza (*Około sonetu „Do Niemna“ — Tradycje literackie „Ody do młodości“ — Improwizacja Konrada, jako oda filozoficzna — Widzenie księdza Piotra — Król Bobo i królewna Lala*); 10. Tadeusza Zielińskiego: *Z ojczystej niwy*, Zamość 1923, Pomarański (*Filarecka poezja Mickiewicza — Uwagi nad „Grażyną“ — Melos w poezji Mickiewicza — Idea Polski w dziełach Sienkiewicza*); 11. Konstantego Wojciechowskiego: *Henryk Sienkiewicz*. Lwów 1924 (z datą 1925), Książnica Atlas (*H. Sienkiewicz*: wydanie drugie doskonałej monografji popularnej, a ściśle naukowej — *Protoplasta Zagłoby — Żywioł subjektywny w Trylogji — Wojsko polskie u Sienkiewicza*); 12. Stanisława Lacka: *Studja o Wyspiańskim*, zebrał i przedmową poprzedził Stanisław Pazurkiewicz, Częstochowa 1924, Gmachowski (oprócz studjów o poszczególnych utworach — *O malarskich dziełach* i *Dwa zasadnicze motywy muzyki Wyspiańskiego — Wspomnienia o Wyspiańskim*); 13. Zygmunta Wasilewskiego: *Współcześni*, Warszawa 1923, Gebethner i Wolff (*J. L. Popławski — Dmowski — Balicki — Prus — Sienkiewicz — Dygasiński — Weyssenhof — Karczewski — Tetmajer — Jaroszyński — Wyspiański — Rydel — Żuławski — Przybyszewski — Rittner — Krzywoszewski — Gorczyński*); 14. Manfreda Kridla: *Krytyka i krytycy*, Kraków 1923, Gebethner i Wolff (*Historja literatury a krytyka literacka — O krytyce bezpośredniej — Dzieło Chlebowskiego — J. Kleiner o Krasińskim i Słowackim — St. Pigoń o „Księgach pielgrzymstwa“ i o Towiańskim — Działalność polityczna Mickiewicza w oświetleniu Śliwińskiego i Haeckera — Miriam, jako wydawca pism Norwida — Antoni Potocki i jego „Polska literatura współczesna“*).

Niektóre z tych studjów omówiliśmy już w pierwszej serji tych przeglądów; niektóre inne, o ile zostały po raz pierwszy ogłoszone (bądź znacznie uzupełnione) w trzyleciu 1922—1924, omówimy w serji niniejszej.

II.

(*Studja w zakresie metodyki historyczno-literackiej, teorji literatury, krytyki literackiej i stylistyki.*)

Ze studjów tej kategorji na samo czoło wybija się metodyka badań historyczno-literackich Gabrjela Korbuta: *Wstęp do badań literatury*

polskiej (Warszawa 1924, Kasa Mianowskiego). Analiza filologiczna, a więc: ustalenie tekstu utworu literackiego oraz daty i miejsca jego powstania; problem autorstwa utworów bezimiennych, pseudonimowych i kryptonimowych; geneza utworu; analiza estetyczna i psychologiczna; synteza historyczno-literacka; stosunek wzajemny nauki historji literatury i krytyki literackiej, — oto główne problemy naukowe, które określił i wyjaśnił autor i do których badania podał najniezbędniejsze wskazówki, nie tylko metodyczne, ale i bibljograficzne, aby początkującym badaczom (dla nich to bowiem nadewszystko swoją książkę napisał) wskazać najlepsze wzory. Ten sam wzgląd pedagogiczny skłonił autora do skreślenia osobnego rozdziału o dzisiejszym stanie badań nad historją literatury polskiej, aby pouczyć badaczów, w jakich dziedzinach ich nauki jest najwięcej do zrobienia. Zamykają książkę wzkazówki bibljograficzne, dotyczące źródeł historyczno-literackich (archiwa i bibljoteki, bibljografje druków, rękopisów wydawnictw historyczno-literackich). Główną, a nawet wyłączną prawie uwagę zwrócił autor na analizę filologiczną; krytykę psychologiczno-estetyczną potraktował po macoszemu; w drugiem wydaniu, którego się niewątpliwie ta jedyna u nas w swoim rodzaju książka niebawem doczeka, autor uzupełni zapewne odnośny rozdział. W rozdziale o genezie utworów literackich zbyt mało poświęcono uwagi własnym przeżyciom twórcy, które są przecie najważniejszem ze wszystkich »źródeł« twórczości. Trudno się zgodzić z autorem, że, ponieważ głównem zadaniem historyka literatury jest badanie tekstów, więc badanie życia, historji ducha twórcy ma pomocnicze tylko znaczenie; nie krusząc kopji w obronie drobiazgowych biografij, jakich tyle napłodzono bez żadnego pożytku dla nauki, twierdzimy jednak, że charakterystyka twórcy, jego umysłowości i wogóle całej jego psychiki, stanowi jedno z naczelnych zadań historyka literatury, jeżeli nie jako problem samoistny (chociaż i o to możnaby się kłócić), to przynajmniej pomocniczy, niezbędny do wyjaśnienia genezy utworu, a nieraz i jego idei. W rozdziale o syntezie historyczno-literackiej wartoby szczegółowiej scharakteryzować różne typy monografij i zastanowić się, czy czasem najczęstszy u nas do dziś dnia typ biograficzny (przeplatanie biografji analizą utworów) nie powinien być uznany za anachronizm. Te jednak wszystkie braki (które zresztą są kwestją osobistego poglądu) i niektóre drobne przeoczenia nie przeszkadzają do wydania tego ogólnego sądu, że książka Korbuta, napisana przez wytrawnego fachowca, jako wskazująca właściwą drogę do badań historyczno-literackich i w tym zakresie u nas jedyna (*Metodyka* Chmielowskiego jest nie tylko wyczerpana, ale i przestarzała), posiada wartość niepospolitą, a dla młodych adeptów tej nauki, dla słuchaczów uniwersytetu, jest skarbem nieocenionym.

Zeszyt trzeci i ostatni części pierwszej *Historji literatury polskiej XIX wieku* (*z wypisami*) Lucjusza Komarnickiego (Warszawa 1924, Gebethner i Wolff) wyszedł na koniec i posiada nie mniejszą wartość, jak dwa pierwsze, omówione w serji poprzedniej.

Obejmuje ta część pierwsza literaturę XIX wieku aż do wystąpienia Mickiewicza, a więc epokę pseudoklasycyzmu i preromantyzmu. Trudno o książkę, którąby samouków i nauczycieli lepiej wtajemniczała w zasady rozbiorów i badań historyczno-literackich, którąby zarazem lepiej uczyła ich

patrzeć na zjawiska literackie pod właściwym kątem widzenia i rozumieć ich ścisły związek z całokształtem życia danej epoki; to zaś życie charakteryzuje autor nie swojemi słowami, tylko zapomocą odpowiednich wypisów — z pamiętników, z listów, ze współczesnych czasopism i krytyk i t. d., nie cofając się czasem przed przytaczaniem rzeczy ze stanowiska estetycznego słabych, ale dla ducha czasu bardzo znamiennych, doskonale oświetlających życie umysłowe epoki. »Nastrój elegijny w literaturze«, »Wśród szczęku oręża«, »Praca kulturalna: oświata i prasa«, »Klasycy i klasycyzm«, »Teatr«, »Powieść«, »Zwrot do ludowości« — oto ramy, w które autor ujął literaturę tego okresu. Z kilku uwag, jakie się nastręczają przy czytaniu książki, nasuwa się ta przedewszystkiem, że ów nastrój elegijny, który charakteryzuje poezję po upadku niepodległości, był, niestety, nastrojem tylko jednostek; jak się zachowywał ogół, o tem mogą coś powiedzieć pamiętniki Skarbka, z których odnośne ustępy warto było przytoczyć w tym rozdziale. Usposobienia ogółu w roku 1812 nic tak dobrze nie charakteryzuje, jak *Listy litewskie* Niemcewicza: szkoda, że je autor (w rozdziale drugim) pominął. W rozdziale trzecim, poświęconym charakterystyce pracy kulturalnej, zwłaszcza oświaty, wartoby uwzględnić troskę o czystość języka ojczystego: tu powinnoby się znaleść miejsce na *Żal za polskim językiem* Brodzińskiego i na wypisy z *Listów o języku polskim* Jana Śniadeckiego. Woronicz urodził się nie w Tajkurach, tylko w Brodowie, o dziesięć wiorst od Ostroga (jak to wykazał ks. Świderski w pracy, nieogłoszonej jeszcze drukiem). Przypuszczenie, że do *Świątyni Sybilli* Woronicz wcielał ustępy dawniejszych swych utworów, autor podaje w wątpliwość — niesłusznie, skoro *Zjawienie Emilki*, posiadające jeden wspólny ustęp ze *Świątynią Sybilli*, powstało wcześniej, a nie dopiero w roku 1806 (jak to mylnie sądził Woroniecki, *Przegląd Historyczny* XVII, 318): świadczy o tem wiersz Woronicza *Adolfek do Mamy*, napisany w roku 1799, a zawierający w sobie już wzmiankę o *Zjawieniu Emilki*. — Na str. 295 autor obiecuje część trzecią swego dzieła: obyż jej zeszyty ukazywały się w tempie raźniejszem, niż części pierwszej i drugiej!

O metodę estetycznego rozbioru dzieł literackich upomina się i wyjaśnia jej podstawy Eugenjusz Kucharski (w *Pamiętniku Literackim* XX, r. 1923), usiłując zastosować do utworów literackich metodę, jaką przy rozbiorze dzieł sztuki posługiwał się Józef Strzygowski, a której jedną z wielu zalet jest dokładne rozgraniczenie sfery rzemiosła od sfery sztuki. Rozprawa ta daje krytykowi literackiemu niezmiernie wiele do myślenia, trudno mu się jednak będzie zgodzić na wszystkie poglądy autora, a przedewszystkiem na ten, że materjałem sztuki literackiej (w odróżnieniu od sztuk oglądowych) jest nie język, tylko »przedstawienia« w umyśle twórcy: czyż sztuki oglądowe mogą się obejść bez »przedstawień« w umyśle swoich twórców? Na podane przez autora *principium divisionis* poezji (str. 16—17) także niełatwo się zgodzić: granica pomiędzy epiką a dramatem bynajmniej nie przedstawia się wyraźnie. — W tymże tomie *Pamiętnika Literackiego* zamieścił Kucharski artykuł p. t. *Komizm*, będący ostrą, a jeśli się nie mylimy, niezbyt uzasadnioną krytykę odnośnych teoryj estetyków niemieckich. — Przeciwko posługiwaniu się metodą

psychologiczną (biograficzną) przy ocenie wartości poezji lirycznej wystąpił Ostap Ortwin w artykule *O liryce i wartościach lirycznych* (*Przegląd Warszawski* 1924, nr. 28); autor ma słuszność, twierdząc, że nie wolno poczytywać utworów lirycznych jedynie za materjał do biografji i do psychologji twórcy, że te utwory mają wartość »niezależnie od tego«, że »zarazem są one także przejawem indywidualnej psychiki autora«; wpada jednak w przesadę, mówiąc, że »biograficzna metoda badania dzieł literatury zawiodła na całej linji z kretesem«: nie, metoda biograficzna była, jest i zawsze będzie nietylko pomocna, ale i niezbędna do wyjaśniania genezy utworów, a zrozumienie genezy jest nieraz konieczne dla odpowiedniego »nastawienia estetycznego« przy lekturze wszystkich wogóle utworów poezji, zwłaszcza lirycznych i symbolicznych. (Artykuł Ortwina wywołał ożywioną polemikę, o czem ob. *Pamiętnik Warszawski*, 1924, nr. 32, str. 287).

Pierwszą obszerną *Teorję dramatu* zawdzięczamy młodemu uczonemu Henrykowi Życzyńskiemu (Cieszyn 1922, Księgarnia »Kresy«). Opierając się głównie na estetykach niemieckich, autor jasno, przystępnie i przejrzyście wyjaśnił, na czem polega istota dramatu, jako odrębnego rodzaju poezji, i jego składowych pierwiastków, omówił szczegółowo kompozycję dramatyczną (akcję i charaktery), scharakteryzował główne gatunki dramatu, wreszcie jego technikę. Do teorji dołączył rozbiory pierwszej części *Nieboskiej Komedji* Krasińskiego, *Balladyny* Słowackiego, *Rodziny Benoiton* Wiktoryna Sardou i *Sędziów* Wyspiańskiego. Książka to pożyteczna i dla szerszej publiczności, i dla krytyków, i dla historyków literatury.

Całokształtu naukowej poetyki nowoczesnej jeszcze nie posiadamy. Z poszczególnych przyczynków zasługuje przedewszystkiem na uwagę uczona rozprawa Zygmunta Łempickiego *W sprawie uzasadnienia poetyki czystej* (Lwów 1921, odbitka z *Księgi pamiątkowej ku czci prof. Twardowskiego*, to jest z tomu 23 *Przeglądu Filozoficznego*). Z poetyki ogólnej, obejmującej wszystkie wogóle zagadnienia, związane z poezją, a więc także, pomiędzy innemi, psychologję twórczości i estetykę poezji, autor wyodrębnia »poetykę czystą«, której głównem zadaniem jest opis utworu poetyckiego i analiza utworu, jako zewnętrznego wyrazu psychiki poety. Rozprawa ta jest tak zwięzła, tak wręcz przeładowana pomysłami, że wygląda na program obszernego dzieła. — Co znaczy *Treść i forma w poezji* i w jakim są one do siebie stosunku, wyjaśnił Juljusz Kleiner (w *Przeglądzie Warszawskim* 1922, nr. 9). Inny, niezmiernie ważny i ciekawy problem poruszył Kleiner w artykule *Fikcja intelektualna w literaturze* (tamże 1922, nr. 8), przez który to termin pojmuje autor, mówiąc krótko, dynamikę akcji w utworze poetyckim, różną w różnych epokach — w zależności od panującego poglądu na świat. I te obydwie prace, pełne bogatej treści, są tak zwięzłe, że uchodzić mogą raczej za konspekty, aniżeli za wyczerpujące studja. — W dziedzinę poetyki wkracza także szkic Ludwika Skoczylasa *O wzruszeniu lirycznem* (Kraków 1922, S. A. Krzyżanowski). Autor, wychodząc ze słusznego w zasadzie założenia, że wzruszenie estetyczne jest natury czysto duchowej, występuje przeciwko wzruszeniom zmysłowym w nowoczesnej liryce polskiej (którą nadto pochopnie uogólnia, jako »futurystyczną«).

zbyt mało się rachując z indywidualnością doznań estetycznych: tak np. przytoczone przez autora, jako przykłady przytłaczającej przewagi wzruszeń zmysłowych, wiersze (Tuwima i Tetmajera) w jednych istotnie mogą zmącić czystość wzruszenia estetycznego, ale w innych go nie zmącą; wiersz Waśkowskiego natomiast, przytoczony, jako przykład czystego wzruszenia lirycznego, nie we wszystkich je wywoła. — Czy poezja, aby wywrzeć wrażenie estetyczne, musi być koniecznie zrozumiała, na ten temat stoczono na łamach *Wiadomości Literackich* ciekawą polemikę, wywołaną świetnym artykułem *Niezrozumialstwo* (nr. 38), napisanym przez utalentowanego i bardzo myślącego krytyka Karola Irzykowskiego. który (całkiem słusznie) stwierdził ten niewątpliwy fakt, że »w polskiej literaturze rozchodzą się od lat wielu smrodliwe dymy niezrozumiałości«. Na repliki (Hulewicza, Wielopolskiej, Millera) odpowiedział Irzykowski artykułem *Inter augures, słaba odpowiedź osaczonego zrozumialca* (nr. 50); czy przekonał swoich przeciwników, o tem wolno wątpić, nie brak bowiem i nigdy prawdopodobnie nie zabraknie krytyków, a nadewszystko »twórców«, którzy niezrozumiałości swojej »poezji« bronić będą z tem większym zapałem, im mniej jest w niej czegoś wogóle do zrozumienia; wyjaśnił to zjawisko już Faguet w swej pięknej książce *L'Art de lire* (w rozdziale szóstym: *Les écrivains obscurs*).

Nauka stylistyki pozyskała sobie u nas w ostatnich czasach pracownika-specjalistę w osobie Henryka Gaertnera. Trzy jego studja: *O zadaniach stylistyki* (Kraków 1922, *Prace Komisji Językowej Akad. Umiej.*), *Stylistyka, jako metoda indywidualizująca w badaniach językowych* (Warszawa 1924, odbitka z X. tomu *Prac Filologicznych)* i *O szyku przymiotników* (Lublin 1924, Wydawnictwa Towarzystwa Miłośników Języka Polskiego) posiadają rzetelną wartość; nie omawiamy ich tutaj jednakże ze względu, że z historją literatury bezpośredniego związku nie mają. — Dla tej samej przyczyny poprzestajemy również tylko na wzmiance o dwóch znakomitych pracach Tadeusza Zielińskiego z dziedziny teorji prozy: *Rytmika prozy pięknej i jej psychologiczne podstawy* (w *Przeglądzie Humanistycznym* 1922, zeszyt 2 i 3) i *Proza artystyczna i jej losy* (w *Przeglądzie Powszechnym* 1924, nr. 485 i nast.); w tej ostatniej pracy autor rzuca mimochodem myśl (nie uzasadniając jej), że »proza romantyczna Mickiewicza, Słowackiego, Krasińskiego, Mochnackiego etc. bardzo wiele zawdzięcza prozie humanistycznej Wujka, Górnickiego, Skargi etc., których koryfeusze romantyzmu studjowali celowo, dla nadania swemu językowi siły i jędrności; było to bezpośredniem następstwem faktu, że literatura rozwijała się na emigracji, gdzie studjum zabytków musiało zastąpić bezpośrednie obcowanie z żywem słowem narodu; zbytecznie zaś dodawać, że prozaicy humanistyczni szli drogą, wytkniętą przez Cycerona; zbadanie tych arcyciekawych genealogij rzuciłoby sporo światła na dzieje prozy polskiej, do Sienkiewicza, Prusa i Żeromskiego włącznie.« Niestety, artystyczną stroną prozy polskiej nie zajmował się u nas prawie nikt: jedyną godną uwagi pracą w tym zakresie jest studjum Kazimierza Wóycickiego: *Forma dźwiękowa prozy polskiej i wiersza polskiego* (Warszawa 1912, Towarzystwo Naukowe).

Zagadnienie wzajemnego stosunku pomiędzy krytyką literacką a historją literatury stanowi temat dwóch wielce pouczających rozpraw Manfreda Kridla: *Historja literatury a krytyka literacka* (w wymienionym zbiorze studjów p. t. *Krytyka i krytycy*) i Zygmunta Łempickiego *O krytyce literackiej* (Warszawa 1924, odbitka z *Przeglądu Warszawskiego*, nr. 34—35). Kridl, przytoczywszy — z właściwą sobie gruntownością — cały szereg poglądów uczonych polskich i obcych na to zagadnienie, dochodzi do wniosku, że, ściśle biorąc, niema, a przynajmniej nie powinno być różnicy pomiędzy krytykiem literackim a historykiem literatury, o tyle, że nie tylko każdy historyk literatury powinien być krytykiem literackim, ale i każdy krytyk literacki powinien być historykiem literatury. Łempicki, biorąc za punkt wyjścia to, co jest, a nie to, co być powinno, określa różnicę pomiędzy krytykiem literackim a historykiem literatury w ten sposób, że pierwszy ma na oku cel praktyczny (chce oddziałać na autora lub publiczność), drugi — teoretyczny (chce tylko badać); »zachodzi tu taki sam stosunek, jak między chemją a technologją, mechaniką teoretyczną a praktyczną«. Pogląd to nie nowy, skoro już Renard w swem znanem dziele *La méthode scientifique de l'histoire littéraire* (1910) pisał: »La critique est à l'histoire de la littérature ce que la politique est à la sociologie, la médicine à la physiologie; l'une veut agir immédiatement sur les hommes et les choses; l'autre porte dans l'étude des lois de la vie un désintéressement absolu et une sérénité toute scientifique.« Definicja ta (przytoczona przez Kridla na str. 13) najlepiej określa rzecz. W dalszym ciągu swej pracy wyjaśnia Łempicki (posługując się kategorjami, wziętemi z poetyki) istotę rodzaje i główne problemy badań krytyki literackiej. Rozprawa ta jest tem pożyteczniejsza, że obydwaj nasi badacze dziejów krytyki literackiej w Polsce (Chmielowski i Tadeusz Grabowski) nie odróżniali historji literatury od krytyki, co się też niekorzystnie na ich monografjach odbić musiało.

III.

(Opracowania ogólne. Całokształt historji literatury polskiej w książce Brücknera).

Przed dwudziestu pięciu laty księgarnia Amelanga w Lipsku rozpoczęła wielkie wydawnictwo: *Die Litteraturen des Ostens in Einzeldarstellungen.* Do »Wschodu« zaliczono łaskawie wszystkich Słowian — nie tylko wschodnich, ale i zachodnich: Czechów i Polaków. Tom pierwszy ukazał się w roku 1901: *Geschichte der polnischen Litteratur* Aleksandra Brücknera. (Wydanie drugie, skrócone i gruntownie przerobione wyszło w roku 1922.) Wkrótce po pierwszem wydaniu książki niemieckiej ukazała się książka polska, będąca nie przekładem, lecz pracą zupełnie nową, samoistną: *Dzieje literatury polskiej w zarysie* (dwa tomy, Warszawa 1902); w sześć lat później — wydanie drugie. Obecnie (1924), pod tym samym tytułem wyszło wydanie trzecie (dwa tomy, Warszawa, bez roku, Instytut Wydawniczy »Bibljoteka Polska«).

Ażeby sprawiedliwie ocenić to nowe wydanie, trzeba wziąć pod uwagę własny komentarz autora, znajdujący się w jego artykule *O lite-*

raturze słów kilka (Przegląd współczesny 1924, nr. 25, str. 214—5): oto rękopis dzieła złożył autor »Bibljotece Polskiej« na początku r. 1921, »więc odleżał się porządnie«, zanim go ogłoszono; nie winą tedy jest autora, że nie uwzględnił wielu nowych, czasem niezmiernie ważnych badań. Oto dlaczego brak w jego dziele wiadomości, że się odnalazły takie skarby literatury staropolskiej, jak *Kupiec* Reja, dawniej znany tylko w urywkach, albo *Historja o siedmiu mędrcach, Historje rzymskie, Sowizdrzał*, dawniej znane tylko z późnych wydań. Nie mógł jeszcze, kiedy książkę swoją pisał, znać znakomitej recenzji, napisanej przez Kridla (w książce *Krytyka i krytycy*) o przedmowie Haeckera do *Trybuny ludów* Mickiewicza; więc, zawierzywszy Haeckerowi, napisał (II, 117), że Mickiewicz stał się »jawnym socjalistą« i że propagował pogląd, iż za wolnością polityczną »każdy inny postęp sam się zjawi«, co, jak to wykazał niezbicie Kridl, jest niezgodne z prawdą. Nie mógł także autor znać ani książki Jana Dąbrowskiego o Warneńczyku, ani studjum Kallenbacha o *Pieśniach Janusza:* inaczej nie twierdziłby po dawnemu, że Warneńczyk nie składał przysięgi (I, 36) i że *Pieśni Janusza* wyszły w roku 1833 (II, 220). Nie autor także, tylko »Bibljoteka Polska« odpowiada za niezbyt staranną korektę, zwłaszcza za tak przykre omyłki, jak »Antipoeras« (I, 19, zamiast »Antipocras«), Bouacc (I, 154, zam. Boccaccio), Radeliffe (I, 451, zam. Radcliffe), Brorcjusz (I, 461 zam. Broscjusz), Warnieński (I, 461 zam. Warmiński) i t. d. Za niektóre natomiast drobne przeoczenia odpowiada już sam autor. Marcin Bielski, wbrew temu, co sam mówi, nie podług Wapowskiego opowiada o dziejach Polski (I, 146), tylko pod ługMiechowity (ob. Chrzanowski *Marcin Bielski*, 131). Wiersz *Joannes Sarcasmus* czyż jest utworem Trembeckiego (I, 419)? Nie Niemcewicz »pociosał« i rozszerzył *Barda Polskiego* (I, 456), tylko sam Czartoryski: hipoteza Chrzanowskiego okazała się zupełnie mylną, jak to już dawno wykazał Kallenbach (*Bard Polski ks. Adama Czartoryskiego*, Kraków 1918, Akad. Umiej.). Wiadomość, że w pierwotnym, czterozwrotkowym hymnie *Boże, coś Polskę* »dwie pierwsze zwrotki są Felińskiego, dwie ostatnie Goreckiego« (II, 15), jest mylna: wszystkie cztery zwrotki wyszły z pod pióra Felińskiego, a Gorecki, naśladując go, napisał hymn inny, także czterozwrotkowy; już przed powstaniem listopadowem śpiewano kombinację tych dwóch hymnów (ob. Komarnicki I, 110).

Ze zmian i uzupełnień, poczynionych w nowem wydaniu, najważniejsze znajdują się w zarysie historji literatury najnowszej, który został bardzo słusznie wyodrębniony, jako rozdział osobny (»Młoda Polska«). Inne zmiany i uzupełnienia tłumaczą się nie tylko tem, że się autor, przygotowując do druku trzecie wydanie, nie potrzebował już liczyć z cenzurą rosyjską, ale także uwzględnianiem nowych badań i odkryć, swoich i cudzych. A więc, w zakresie literatury staropolskiej, świadectwo Długosza o bibljotece królowej Jadwigi, przytoczone dawniej, w pierwszych dwóch wydaniach, bez zastrzeżeń, teraz, w wydaniu trzeciem, podaje autor w wątpliwość, twierdząc, że, jeśli Długosz opowiada o posiadaniu przez Jadwigę polskich przekładów pism ascetycznych, »to stosunki późnego XV wieku przeniosł do XIV.« (I, 25). Są dalej nie istniejące w dawnych wydaniach ustępy o pierwszej drukowanej książce polskiej

(I, 85) i djalogu pseudo-Lucjana (I, 86), o pierwszym katechizmie polskim z pamiętnego roku 1543 (I, 96), o rozwoju twórczości Reja (I, 150), o Adamie Włodzisławczyku (I, 234), o Sowizdrzałach (I, 238—9), o Szczęsnym Herburcie (I, 249), o Józefie Potockim (I, 451), o poezji patrjotycznej epoki rozbiorów (I, 456). Drobniejsze zmiany i uzupełnienia pomijamy. W zakresie literatury XIX wieku są nowe ustępy o Fredrze (II, 32—33), o preromantyzmie (II, 49—50), o pierwszych utworach Mickiewicza (II, 57—8), o romantyzmie i fantazji Słowackiego (II, 167), o dwóch pierwszych częściach *Nieboskiej Komedji* (II, 175), o Stanisławie Tarnowskim, jako krytyku (II, 301), o Norwidzie (II, 317), o niepowołanych i stronniczych krytykach Sienkiewicza (II., 396—7); jest wreszcie nowe zakończenie (II, 472—6), a na końcu obydwóch tomów mamy »dodatek bibljograficzny«.

Od szczegółów i drobiazgów przejdźmy teraz do charakterystyki dzieła Brücknera.

Przedewszystkiem (jeżeli pominiemy podręczniki szkolne) jest ono p i e r w s z e m u nas r ó w n o m i e r n e m opracowaniem historji literatury ojczystej od najdawniejszych do ostatnich niemal czasów; takiem było już w pierwszem swojem wydaniu: Chmielowski w swej sześciotomowej *Historji literatury polskiej* (1899—1900) zbył czasy najnowsze krótko, powołując się na swój *Zarys najnowszej literatury polskiej* (po powstaniu styczniowem); Tarnowski doprowadził swoje wielkie siedmiotomowe dzieło (1900—1907) do końca, ale, zwłaszcza w ostatnim tomie, zatracił wszelkie poczucie proporcji, nie mówiąc już o tem, że ten tom jest raczej zbiorem feljetonów, aniżeli wykładem historyczno-literackim.

Przewyższa dalej dzieło Brücknera wszystkie inne bogactwem opracowanego materjału w dziedzinie literatury staropolskiej, której znajomością nikt, od początku istnienia nauki historji literatury, nie mógł i do dziś dnia nie może nawet równać się z Brücknerem. Jemu to przecie zawdzięczamy odkrycie całego długiego szeregu zabytków naszej dawnej literatury: pierwszy wiersz polski treści świeckiej, kazania świętokrzyskie, najstarsza legenda (o świętej Dorocie), liczne pieśni religijne i prawie cała poezja łacińska, kazania polsko-łacińskie z nieprzejrzanem bogactwem szczegółów obyczajowych, apokryfy (a wśród nich *Rozmyślanie Przemyskie*) — w wiekach średnich; w wieku XVI — *Ezop* Biernata z Lublina, drobne dialogi *Reja*, dwie elegje łacińskie Kochanowskiego, erotyki Szarzyńskiego, poezje Anonima-protestanta; w wieku XVII — literatura mieszczańska, wiersze historyczne (np. Eljasza Pielgrzymowskiego i Gabrjela Krasińskiego), pisma Herburta, *Moralia* Potockiego, jego *Ogród* i inne utwory, autobiografja wierszem Anny Stanisławskiej i t. d. i t. d. — ten katalog możnaby jeszcze dalej prowadzić.

Oprócz rzeczy zupełnie nowych, oprócz własnych odkryć jest w *Zarysie* Brücknera szereg rzeczy, dawniej wprawdzie znanych, lecz które on dopiero przedstawił w nowem oświetleniu; jako przykład, niech służy satyra *Coś nowego* i traktat *Rozmowa plebana z Ziemianinem,* dwa wybitne utwory literackie XVII wieku, o których nie wiedziało się przed Brücknerem, że wyszły z pod pióra Łukasza Opalińskiego.

Niektóre z tych odkryć nie tylko wzbogaciły materjał historyczno-literacki, ale na zjawiska literackie rzuciły zupełnie nowe światło. Oto

przez odkrycie *Ezopa* Biernata z Lublina i przez wykazanie, że pierwsze nasze drukowane książki religijne są tylko zmodernizowanemi wydaniami rękopisów średniowiecznych, dowiódł Brückner jasno (jedna to z jego największych zasług, jako historyka literatury polskiej), że pomiędzy naszą literaturą średniowieczną a późniejszą istnieje bardzo ścisły związek. A drugą, jeszcze większa, jest ostateczna rehabilitacja wieku XVII: nie przeczy wprawdzie Brückner, że się w tem stuleciu obniżył i poziom estetyczny, i duch obywatelski literatury, ale wykazał zato całą jej dawniej nieznaną różnorodność, jej mocne piętno narodowe, o wiele mocniejsze, niż w »wieku złotym«, jej olbrzymie znaczenie dla dziejów kultury (zwłaszcza obyczajowej), jej wspaniałe zdobycze na Wschodzie.

Nie dosyć na tem. Są całe działy literatury staropolskiej, których od czasu Maciejowskiego nikt nie tykał, a które Brückner dopiero wciągnął do swego *Zarysu*; tu należą listy i mowy, polemika religijna, wiersze i pieśni ulotne, powieści ludowe, makarony, a nadewszystko »literatura sowizdrzalska« XVII wieku, której autorowie (mieszczanie) »nie znają zagranicy, nie naśladują Włochów, niewiele usta pomazali łaciną, ani cenią, ani wyszukują klasycznych reminiscencyj; ... zato nuta ich jest rodzima, jędrna, staropolska; humor dosadny, ale własny; forma nie wyszukana, ale swojska; ... obchodzą się bez panegiryzmu i makaronizmów, ... nie boją się przesady, parodji, nie uszanują nawet rzeczy świętych; rubaszni, nazywają wszystko po imieniu i tem gorszą ucho cenzorów duchownych« (I, 235); »tu objawił się humor staropolski, humor Pasków i Zagłobów; są to również źródła pierwszorzędnej wagi dla historji obyczajowości polskiej« (I, 237). Wciągnięcie tej literatury, którą trudno nazwać »piękną«, do *Zarysu*, tłumaczy się tem, że autor całą wogóle literaturę staropolską, »uważa i ceni« »głównie jako odbicie dawnego życia«, że »wyławia« z niej szczegóły tego życia i »nie opuszcza, ile możności, niczego« (I, 5). Innemi słowy, autor patrzy na literaturę staropolską, jako na zwierciadło kultury: i to właśnie jest, w pierwszym tomie, głównem kryterjum wyboru materjału.

W tomie drugim jest inaczej: »Wielka literatura nowa — mówi autor — nie dopuszcza takiego sylabizowania; o wyczerpaniu jej zasobów nawet mowy być nie może; wybór ograniczam do celniejszych jej zjawisk i głębokiem milczeniem pomijam to, czego w wiekach poprzednich nie wahałem się wyliczać« (I, 5). Swoją drogą i w drugim tomie nieraz pofolgował Brückner swej żyłce historyka kultury: są np. całe ustępy o słowianofilstwie i slawistyce pierwszych lat porozbiorowych (II, 38—40), o filozofji XIX wieku (II, 181—182 i II, 300). Naogół jednak w tym drugim tomie »literatura piękna« ma już przewagę przytłaczającą; szkoda tylko, że tę »literaturę piękną« — inaczej, niż historycy literatury francuskiej — autor pojmuje dosyć ciasno, zaliczając do niej prawie wyłącznie poezję i powieść, a po macoszemu traktuje te nawet utwory historjografji, krytyki, publicystyki, moralistyki, filozofji, które ze względu na swój styl mogą sobie słusznie rościć prawo do tego, aby je zaliczono do »pięknej prozy«. O takich np. *Wizerunkach duszy narodowej* Trentowskiego niema ani wzmianki, która w dziejach literatury byłaby o wiele potrzebniejsza, niż wzmianka o jego filozofji.

Co do podziału tak obficie nagromadzonego materjału, to autor powiada w przedmowie do wydania pierwszego, że »zatrzymał podział najbardziej mechaniczny, jako najmniej gwałcący prawdę«, że rozpatrywał literaturę stuleciami. Zapowiedź tę spełnił wprawdzie, ale byłoby krzywdą dla jego *Zarysu* powiedzieć, że ma podział mechaniczny: albowiem w ramach każdego wieku (poczynając od XVI) są podziały szczegółowe, odpowiadające naogół tym »epokom« czy »okresom«, na które się u nas powszechnie dzieli literaturę. Autor nie lubi tylko tych wyrazów, ale przywiązane do nich pojęcia uznaje, inaczej bowiem nie byłby historykiem.

W układzie szczegółowym wysuwa autor na pierwszy plan te czynniki kultury umysłowej i politycznej, które wpłynęły na zmianę charakteru piśmiennictwa. Samą zaś literaturę rozbija na działy i rodzaje; a więc np., w poezji szlacheckiej XVII wieku wyróżnia epikę historyczną i romantyczną, epikę religijną (mesjady), satyrę, wiersze dydaktyczne i fraszki, lirykę religijną, polityczną, miłosną, gnomiczną, próby dramatyczne. Przy takim podziale autor nie mógł, w obrębie poszczególnych rozdziałów, uwzględniać ściśle chronologji; tak np., ponieważ charakterystyka pamiętników i epiki XVII wieku poprzedza rzecz o liryce, więc Miaskowski, który zaczął pisać jeszcze w wieku XVI, figuruje dopiero po Pasku i Potockim, których działalność przypada dopiero na drugą połowę XVII stulecia. Tego podziału jednak nigdzie nie przestrzega autor z pedanterją, z którą jego żywy i lotny umysł nie ma nic wspólnego. Najkonsekwentniej stosuje podział na rodzaje w literaturze wieku XVII, — dlaczego, nie trudno zgadnąć: oto w żadnym innym okresie naszej literatury nie było tak wielkiej różnorodności, takiej potrocizny zjawisk literackich; przysłowie »Wolno w Polsce, jako kto chce« maluje nie tylko życie, ale i literaturę tego stulecia: tu i tam panowała anarchja. Otóż tę anarchję należało ująć w karby, i to właśnie zrobił Brückner, grupując literaturę rodzajami i działami. W wieku XVI, a cóż dopiero w drugiej połowie XVIII, anarchji nie było; taki Krasicki np. uprawiał satyry i listy poetyckie, poematy komiczne i epos bohaterski, bajki i fraszki, powieści i komedje: ale wszystko to było ożywionę jedną myślą — służby narodowej, a i Naruszewiczowi przyświecała ta sama myśl zarówno w bajkach, jak w pismach historycznych; to też ani Krasickiego-poety od Krasickiego-powieściopisarza, ani Naruszewicza-satyryka od Naruszewicza-historyka autor nie odłącza.

Tem bardziej nie rozbija, naogół biorąc, na rodzaje literatury wieku XIX, kiedy indywidualność twórców zaczyna wyciskać daleko silniejsze piętno na literaturze, niż dawniej, kiedy więc ta indywidualność, nie rodzaj, stała się — dla historyka całokształtu literatury — jedynem możliwem *principium divisionis*. To *principium* panuje w drugim tomie niemal wszechwładnie; jeżeli pomimo to działalność Mickiewicza, Goszczyńskiego, Zaleskiego podzielił Brückner na dwie części, to już, naturalnie, na podstawie nie rodzajów poezji, tylko tej zmiany, jaka zaszła w literaturze wskutek powstania listopadowego.

A teraz — w jaki sposób traktuje Brückner zjawiska literackie? jak poczyna sobie z autorami i utworami? Przy ocenie jego dzieła o tem przedewszystkiem pamiętać trzeba, że (inaczej, niż dzieła Chmielowskiego

i Tarnowskiego) »autor — jak sam mówi — daje zarys dziejów, nie myśli o wyczerpaniu szczegółów, mimo to stara się o wystawienie całokształtu (I, 2). A więc nie znajdzie tutaj ani dokładnych szczegółów bibljograficznych i biograficznych, ani wyczerpującej charakterystyki pisarzów, ani obszernych rozbiorów poszczególnych dzieł. Autorowi chodziło nadewszystko »o wystawienie całokształtu« literatury w jej najwybitniejszych prądach i w jej najwybitniejszych utworach. I ten swój cel osiągnął w zupełności.

Wyjaśniając istotę głównych prądów literackich, autor świetnie charakteryzuje różnorodne ich czynniki historyczne, a więc życie polityczne, społeczne, religijne, oświatowe i t. d. Tym sposobem w każdym rozdziale książki mamy bogate tło, na którem się literatura rozwijała, doskonale zespolone z charakterystyką jej głównych zjawisk; czytelnik poznaje w ogólnych zarysach całokształt życia duchowego Polski — ani jedna historja literatury polskiej nie może się pod tym względem równać z książką Brücknera.

Że się na każdym kroku autor posługuje metodą porównawczą, że śledzi wpływy obce, aby określić stopień samorodności naszej literatury, zbytecznie mówić; dzięki tej metodzie jasno się czytelnikowi przedstawia związek naszej literatury z zachodnio-europejską. Nie zapomina także autor, znakomity slawista, o literaturach słowiańskich — rosyjskiej, czeskiej, dubrownickiej, już to, aby tem plastyczniej uwypuklić cechy literatury polskiej, tem silniej uwydatnić jej różnice od innych słowiańskich, już to, aby pokazać jak wiele nasza literatura zawdzięcza (w wiekach średnich) czeskiej i jak mocno i daleko promieniowała na zewnątrz, zwłaszcza na wschód słowiański: »na literaturze polskiej wyrastają liczne pokolenia wschodnie w Kijowie i Jassach, a wpływ tej literatury się ga i Moskwy« (I, 459). Z żadnej innej historji literatury polskiej nie dowiadujemy się tyle o jej zasługach w historji cywilizacji słowiańskiej. — Dodajmy jeszcze, że przy końcu każdego rozdziału autor, obdarzony niepospolitym talentem syntetycznym, podaje zwięzłą charakterystykę ogólną cech i postępów literatury w pewnym przeciągu czasu, a w zakończeniach obydwóch tomów — charakterystykę jej całokształtu i jej znaczenia w życiu narodu. Nie należy bowiem Brückner do tych ciasnych estetów, którzy zamykają oczy na wszystkie wartości literatury z wyjątkiem estetycznych; a zresztą jest przedewszystkiem historykiem: stwierdza fakty, a faktem jest, że nasza literatura chciała być i w rzeczywistości była mistrzynią życia narodowego.

Jak charakterystyki całych prądów literackich i wogóle kulturalnych, tak charakterystyki twórczości poszczególnych pisarzów i oceny poszczególnych utworów są przeważnie syntetyczne, a niezmiernie zwięzłe i treściwe. Autor, obdarzony niezmiernie bystrym umysłem, odróżnia zawsze zarówno w indywidualnościach twórczych, jak w utworach literackich, cechy istotne od mniej ważnych i tylko na cechy istotne zwraca uwagę. Jedna to z największych zalet jego dzieła; poznał się na niej już Chmielowski, który w swej ocenie pierwszego wydania *Zarysu* słusznie pisał, że odznacza się on »umiejętnością wydobywania i uwydatniania znamion charakterystycznych« (*Pamiętnik Literacki*, I, 332). Ta właśnie umiejętność sprawiła, że ogromną wiekszość swoich sądów i poglądów mógł

autor — po latach dwudziestu — pozostawić bez zmiany, pomimo że przez ten czas nie próżnowali przecie historycy literatury, a przedewszystkiem sam autor.

Na niektóre jego sądy nie każdy może się zgodzi, na ten przedewszystkiem, że Kochanowski »zepchnął ponownie rydwan« polskiej »literatury na tory naśladownicze. z których już się nie wydobyła, okupując znaczne zyski znaczniejszemi stratami« (I, 457). Że dzięki Kochanowskiemu miała literatura nasza nie tylko znaczne, ale ogromne, wręcz nieocenione zyski (mianowicie świadomy artyzm), na to zgoda; ale, żeby Kochanowski odpowiadał za późniejsze »znaczniejsze straty«, na to niema zgody: nie jego jest winą, że dopiero w XVIII i XIX wieku zdobyła się Polska na poetów, którzy umieli zespolić artyzm z oryginalnością i narodowością! Gdyby nie Kochanowski, toby literatura nasza — pod względem artystycznym — zeszła na psy, a to, że na psy nie zeszła, jest tak wielkim »zyskiem«, że okupuje on wszystkie »znaczniejsze straty«, za które, raz jeszcze, odpowiada nie Kochanowski, tylko nieudolność lub niesamodzielność jego następców.

Inne sporne poglądy nie mają już tak zasadniczego znaczenia. Wolno wątpić, czy ma słuszność Brückner, twierdząc, że *Lilla Weneda* nie jest tragedją powstania listopadowego (II, 146), albo, że, »czem był Siemieński dla historji literatury, pozbawiwszy ją pedanterji, drobiazgowości, sam jednak nie skupiający sił dla wydania całości, myszkujący po różnych jej działach, tem został dla historji narodowej Karol Szajnocha« (II, 207): czy samo porównanie Szajnochy, wielkiego artysty i prawdziwego uczonego, z Siemieńskim, utalentowanym, ale bardzo powierzchownym feljetonistą, nie jest krzywdą, wyrządzoną autorowi *Jadwigi i Jagiełły*? *Pan Balcer* to, zdaniem Brücknera, »epopea ludowa«, którą Konopnicka »utworzyła tak, że największym niemal dorównała« (II, 330): czy to nie za wiele? Na sądach autora o »Młodej Polsce« zaważyły tu i owdzie. jeśli się nie mylimy, chwiejne i płytkie impresje Feldmana.

Zresztą tego rodzaju sądów subjektywnych, co o *Panu Balcerze*, jest w *Zarysie* mało (najwięcej, rozumie się, w ostatnich rozdziałach, poświęconych literaturze najnowszej); autorowi bowiem zawsze chodzi więcej o charakterystykę zjawiska literackiego, aniżeli o jego ocenę.

W ocenach zaś swoich stara się zawsze być bezstronnym i miał zupełne prawo powiedzieć o sobie, że »żadnej tendencji czy partji nie wprzągł się w służbę« (I., 2). A zasługuje to na tem większe uznanie, że, jak wiadomo, czego jak czego, ale żywego, gorącego temperamentu nie odmówiły Brücknerowi miłościwe nieba. Umiał jednak w tem dziele trzymać go na wodzy, tak dalece, że, nie będąc nigdzie i nigdy bezdusznym, owszem wszędzie i zawsze tryskając życiem, należy ono do najbezstronniejszych dzieł, jakie o literaturze polskiej napisano. Ujawniła się zaś ta bezstronność nie tylko wobec poszczególnych pisarzów, ale i wobec całych prądów. Nietrudno np. spostrzec, że autor jest całem sercem po stronie reformacji, a jednak, przyznając jej olbrzymie zasługi około rozwoju języka ojczystego i literatury narodowej (zasługi, o których Tarnowski milczy), stwierdza ten smutny fakt, że niejeden talent wprowadziła ona na fałszywe tory, że nawet niejednego pisarza wykoleiła. Nie ukrywa także Brückner swej

szczerej, głębokiej sympatji względem arjan, ale ta sympatja nie przeszkodziła mu bynajmniej do sprawiedliwej oceny jezuitów. A oto sąd o mesjanizmie — warto naprawdę przytoczyć go w całości. »Łudził... mesjanizm jednostronną apoteozą przeszłości, ... ale różnił się dodatnio od słowianofilstwa, apoteozującego również własną przeszłość, tem, że o powrocie do tej przeszłości nigdy nie marzył; że nie zakuwał, jak słowianofilstwo, ludzkości i jej postępu w ciasne ramy niemożliwej doktryny; że wierzył w postęp, w udoskonalenie; że cel miał przed, nie za sobą, nie wsteczny, ani fantastyczny. Łudził mesjanizm oczekiwaniem rychłego przewrotu, wielkiej jutrzni odrodzenia ludzkości — ale któż w przededniu wiosny ludów (1848) tak się nie łudził? A zresztą i dla mesjanizmu sprawa bywała »tą przegraną, której cel daleki, a która w końcu wygrywa na wieki«. Lecz chociaż, dziś szczególniej, pozbywamy się iluzyj, chociaż nie wierzymy, że, »nim ten jeszcze wiek przeminie, wyjdzie ludów lud jedyny«, ani, że »myśl Boga w twojem łonie i los świata w twym zakonie«, przyznajemy żywotność samej idei mesjanistycznej, wolnej od owych naleciałości, idei postępu świata, zamiaru: »wylać ducha na miljony, ciałom wszystkim rozdać chleba, duszom wszystkim — myśli z nieba... do coraz wyższych kół iść przez drugich podnoszenie... bo cel światów szlachetnienie« (II, 188). I z tego to stanowiska, jedynie słusznego i bezstronnego, ocenia Brückner i *Przedświt*, i *Psalmy przyszłości*, i *Księgi pielgrzymstwa*.

Na szczególną uwagę zasługuje bezstronność autora względem »Młodej Polski«. Pomimo że, jak widzieliśmy, od przesadnego estetyzmu jest bardzo daleki, pomimo że ceni wysoko tę służbę narodową, jaką pełniła literatura w epoce niepodległości oraz w epoce romantyzmu, nie jest niesprawiedliwy względem modernistów, hołdujących hasłu »sztuka dla sztuki«. Prawda, sądzi ich nieraz bardzo surowo: »Erotyzm dźwięczy tu aż nadto natrętnie, ... instynkt, pociąg, namiętność przerodziły się w szał, wyuzdanie, chorobliwą manję; we śnie i na jawie trapi ta zmora niejednego z poetów, zawładnęła wyobraźnią i uczuciami, i, jak nałogowiec do wódki, wraca poeta taki do »kobiety« i wmawia w siebie, słabość woli maskując, jakiś fatalizm erotyczny, jakąś nienawiść żywiołową obu płci, jakieś rozdarcie pierwotnej androgyny i nieziszczalne, zawsze daremne pragnienie złączenia się napowrót. W ten sposób wymysł Platona w krew i ciało przyoblekając, zwodząc głupich i maluczkich, idących naiwnie na ten lep, szerzy literatura kult chorobliwy samej choroby, gardząc zdrowiem ducha i ciała« (II, 402—3); nie przypada też autorowi do smaku sztuka, która, »w szkole niedawnego naturalizmu zbył wychłodzona i wyschła, pchnęła się odruchową siłą kontrastu w nierealność; ... rzucają... poeci wiotkie mosty nad przepaście, łączą brzegi dwóch światów, naszego i nieziemskiego, duchowego, astralnego; pogłębia się niezmiernie sztuka, lecz... ulatnia się treść« (II, 403); rażą go poeci, którzy »rwą... stare formy, sadzą się na dziwaczne sploty wyrazów, wyginają zwrotki w niemożliwe, pozbawione rytmu układy i rzucają w końcu wiersz dla jakiejś prozy miarowej; prostota i naturalność ulatują z tych wierszów — przeładowane myślą, nie wyrażające jej, a częściej bezmyślne, chociaż udające myśl, każą się podziwiać jak obrazy »secesji« lub jej ornamenty, gdzie dzi-

waczność nieraz bywa jedyną zasługą« (II, 404). Ale teraz odwrotna strona medalu: »Niepodobna odmówić zasług »Młodej Polsce«; pomijamy pierwszorzędne jej siły, w dziełach literatury uwiecznione; fakty świadczą, że przełamała obojętność publiczności, że zrehabilitowała poezję, podniosła smak czytających, wstrząsnęła nimi, że poruszała nowe zagadnienia, probowała nowych form, odświeżyła język... Jeśliby nic innego nie zdziałali, już za to się im należy wdzięczność i uznanie; skarg na niezrozumiałość, na uchylanie się od haseł społecznych i pracy organicznej, na naśladownictwo obcych, na orgje zmysłowe i rozpaczliwy pesynizm, na powtarzanie się i przesadę, czasem i częściowo słusznych, uogólniać się nie godzi. Nigdy nie zapomnimy, że to oni odwojowali dziedzinę poezji, że odwiązali ją od pręgierza tendencji, od katechizmu życiowego dla *vulgus profanum*, że oddali ją sztuce« (II, 407—8).

Trudno naprawdę uwierzyć, że by ten sam uczony, który z takiem umiłowaniem pisał o kazaniach i wierszach średniowiecznych, który z takim zapałem poświęcał się studjom nad Rejem i Potockim, który taki ogrom pracy włożył w badania gramatyczne i leksykalne, historyczne i mitologiczne — żeby ten sam uczony z takim rozmachem, z taką pewnością pióra, wydawał tak mądre i trafne sądy o modernizmie, z którym się przecie tylu starych ludzi do dziś dnia pogodzić nie chce. Można być pewnym, że, gdyby pisał o ekspresjonizmie czy futuryzmie, o dadaizmie czy kubizmie, nie zawiodłoby go ani pióro, ani głowa... Pod tym względem — pod względem szerokości rozumienia zjawisk literackich na przestrzeni całych wieków oraz szerokości zainteresowań intelektualnych w tej dziedzinie — niema u nas i nie było nikogo, ktoby się z Brücknerem mógł równać. Nie dziw, że jego dwutomowe *Dzieje literatury polskiej w zarysie* są u nas dziełem jedynem, że lepszej syntezy całokształtu dziejów literatury ojczystej nie mieliśmy i nie mamy.

Kraków. *Ign. Chrzanowski.*

Narodne pravljice iz Prekmurja. Priredila *Kontler* in *Kompoljski*. V Mariboru 1923. Založil Učiteljski dom v Mariboru, str. 125.

Tuto sbírku povídek lidových ze západního cípu Uher nevyprovázeli bohužel vydavatelé žádným úvodem, nepodávají žádných zpráv, kde a kterak sestavili svou sbírku, nepoučují nás nikterak o národnostních a etnografických poměrech toho kraje, ač máme o něm velmi skromničké zprávy. Jediné, co učinili, je, že dodali každé povídce jména místa a osoby, kde a od koho byla která zapsána. Z toho vidíme, že pocházejí většinou ze severnější části toho kraje, méně než z jižní jeho části, málem polovice všech — je jich devatenáct — pochází z obce Vidonci, totiž devět čísel, z jiných obcí jsou jednotlivá čísla, po dvou z obcí Beletinci a Horajci, kteréž obě leží v jižnější části, po jedné z obcí Bratonci (str. 59.), Kovačevci (str. 119.), Odranci (str. 88.), Otovci (str. 99.) a Poznanovci (str. 33.). Z nich nalézá se jen obec Bratonci v jižní části, hned za Murou. Každá povídka jest od jiného vypravovatele, a nelze říci, je-li tu vypravovatelské umění ještě poněkud zachováno. Podle jmen jest vidno, že pocházejí do daleké většiny od žen — celkem deset čísel, menší měrou od mužů —

celkem pět čísel (snad sedm, u dvou uvedena jen počáteční písmena, ale bez koncovky -ova). Věk vypravovatelů neudáván.

Povídky otiskovány ve spisovném jazyce slovinském, jen tři otištěny v nářečí (str. 114.—122.) a sice v nářečí obvyklém v severnější části Prekmurja, zamurského kraje. Je-li tu zachyceno místní nářečí, nemůžeme ovšem zjistiti, ale zajisté jsou tu přípustné nemalé pochybnosti. Máme přece velmi pěkné i obsáhlé zápisy z jižní části toho kraje z obce Bratonci zvané od Štefana Kůhara (Časopis za zgodovino in narodopisje VII., 107.—128.; VIII., 47.—76., X. příloha str. 37.). Povídkový materiál Kůharovy sbírky jest přes svou rozsáhlost méně celkem cenný než v této nové sbírce, obsahuje hlavně drobnější pověsti, anekdoty; sám jich vydavatel prof. K. Štrekelj přiznal, že jich pravou cenu třeba spatřovati po stránce jazykové, ne tolik po stránce národodopisné. Po té stránce zasluhuje právě nová sbírka pozornosti.

Připojujeme bibliografické poznámky:

Č. 1. *Slepi bratec.* Povídka složena z různých motivů, a) úvodem vypracován první úvod látky »Pravda a křivda«, viz Anmerk. KHM. Grimm II. 486, č. 107, Kubín-Polívka, Podkrkonoší záp. 790 č. 204; jiné verše jsou ještě časopis srb. Javor, 1884, str. 1047, Яворскій Пам. гал. нар. слов. 141 č. 49; Зеленин Вятка 196 č. 60, 206 č. 69; Смирнов Сборник врус. ск. 311 č. 83; 689 č. 259; 740 č. 268; 869 č. 347; Baar, Naše pohádky 68, Alb. Weselski M. d. Mittelalters 202 č. 14. — Odchylně pravil jeden z havranů, sedících na dubě, že by rád mladíkovi pověděl, že, pomočí-li rosou této noci své oči, opět nabude zraku. K tomu připojena nová látka: touto rosou, sebranou do lahvičky, vyléčí slepá zvířata, myš, zajíce a včelu. Rek vstupuje pak do služeb nějakého hraběte a ten mu z návodu závistivých sluhů ukládá nadlidské práce, jako v české povídce z r. 1831, V. Tille Böhm. M. 345, Jones-Kropf Magyar F. T. 192 č. 31, u Grimm KHM. č. 107, podobně jako v této pomáhají včely vystavěti kapli. To jest motiv, který se vyskýtá ještě v jiných látkách Stroebe Nord. VM. I., 71 č. 13; podobně v pohádkách jiných u Poláků, Bělorusů, Lotyšů, Maďarů viz Anmerk. KHM. Grimm II., 25, 26; Valjavec Nar. pripov. 151—152, Jones-Kropf op. c. 153 (most z vosku).

Č. 2., str. 13. *Zakleti mlin.* Čerti vypuzeni z mlýna, roztancující píšťalkou, předlouhé drápy jim »pristřiženy«. Srv. Kubín Podkrkonoší záp. 684 č. 118.

Č. 3., str. 19. *Ježek.* Viz Anmerk. KHM. Grimm II., 482 č. 108. Odchylně byl tu ježek nikoliv takto zrozen, než chlapec, překážející matce při mísení chleba; rozzlobenou matkou proměněn v ježka, podobně jako v »sedmi havranech«, Anmerk. KHM. Grimm I., 70, 227, 427 č. 9, 25, 49; II., 345, 561 č. 119a.

Č. 4., str. 23. *O treh grahih.* Stejné maďarské povídce Jones-Kropf 76 č. 14. Závěrečný motiv podrobněji propracován — do mlýna dáno sedmkráte seté žito, z té mouky sedmkrát zamísen chléb a sedmkrát upečen. Chléb položen před vrata hradu a zadrží sedmihlavého draka. Drak se třikráte rozletěl na tato vrata, až se rozpadl na malé kousky a zahynul. Tento motiv, (chléb) též len zadržuje netvora, po případě a

do svítání, netvor praskne, jak slunce zasvitne, vyskýtá se v různých látkách. Kubín, Kladské pov. II., 238, Anmerk. KHM. Grimm I., 222, 331.

Č. 6., str. 37. *Hvaležen kokotek*, t. j. »Kocour v botách«, viz Anmerk. KHM. Grimm I., 325 č. 33a. Jiné verse tu nezaznamenané: Zelenin-Perm. 285 č. 46, 377 č. 68. Yrjö-Wichmann Syrjän. Volksdichtung 71 č. 24; 114 č. 40; Vasiljev-Tatar. nár. slov. 1; Frobenius Atlantis III., 86 č. 26. V slovinské versi jest kohout místo kocoura, stejně jako v rumunské versi ze Sedmihradska Schullerus 143 č. 66, ale průběh povídky jest jiný.

Č. 7., str. 47. *Dva popotnika.* Pečeni sní, kdo má nejlepší sen. Disciplina clericalis cap. 20, a potom hojně zpracováno Singer-Schweizer M. 2, 90 a přehojně vypravováno, u Slovinců ještě Gabrščеk 301 č. 47, u Srbů: Србско-далмат. магазин 1864, sv. 23., str. 97, Летопис матице српске sv. 250, str. 39. pozn., Anthropophyteia II., 306 č. 404, Srv. Извѣстія отдѣл. рус. яаз. VI. kn. I., str. 238, kde ke známé episodě v Revisoru uvedeny paralely, Archiv f. d. Studium d. neuer. Spr. Liter. CXVI., 778.

Č. 8., str. 48. *Strah.* Marko šel do světa hledat strach, vyhnal čerty ze zakletého hradu. Viz Kubín, Podkrkonoší záp. 567 č. 9., Anmerk. KHM. Grimm I., 22 č. 4.

Č. 10., str. 61. *O začaranem vrtu.* Otec má sen po tři noci, že se pozdraví hruškou, jablkem a vodou ze zakleté zahrady. Tři ženy na cestě, 300 let, 600 let a 900 let staré. Poslední poví rekovi, kde to najde. Dá mu šátek a ten koná úlohu klubka, ukazuje cestu. Oba starší zapadnou do krčmy. Nové jest, že rek, nejmladší, vysvobodil v zakletém zámku princezku tím, že jí udělal mastí kříž na čele. Princezka vysvobodila ho pak ze studně, do které ho zrádní bratři shodili. Otec dal nejmladšího za živa zazditi. Po třech letech ho vysvobodila princezka. Viz Anmerk. KHM. Grimm II., 394 č. 97.

Č. 11., str. 84. *Orjak.* Viz Anmerk. KHM. Grimm II., 285 č. 90, »Der junge Riese«.

Č. 12., str. 88. *Zakaj teče pes za zajcem* = Kůhar (Čas. zgodov. X.) str. 15., č. 29. Odchylné od dalmatské bájky Zbornik nar. život XII., 151 = Dähnhardt Natursagen III., 511, ještě více od maďarské ib. 129; nápadně podobně anglické ib. 129.

Č. 13., str. 89. *O dobrosrčnem kovaču.* Viz Anmerk. KHM. Grimm II., 168 č. 82.

Č. 14., str. 100. *Mali jagnec.* Nejmladší zažene stádo až do rajské louky. Podobně Valjavec Nar. pripov. Varaždin. 207 č. 30. Mijat Stojanović, Nar. pripov. 36 č. 6. Sklarek Ungar. VM. 265 č. 39, Jones-Kropf 90 č. 18, Dobšinský VII., 3, Kolberg Pokucie IV., 203 č. 43. Etnograf. Zbirnyk IX., 4 č. 3; 24 č. 11. XIII. 153 č. 342—344, Lud. V., 260 č. 3. Toeppen Aberglauben aus Masuren 166.

Č. 15., str. 109. *Vražji penezi.* Poklad, peníze hoří modrým plamenem. Poklad vykopán — i s čertem. Sedlák měl mu zapsati jedno své dítě, odepřel a raději zůstal chuďasem. Kdyby byl poklad postříkl blahoslavenou vodou, byl by mu zůstal. Tento poslední motiv též Kůhar — Čas. zgod. VIII., 57 č. 48. Pověst nadmíru rozšířená, srv. Frazer The Golden Bough III., 452, Klinger, Животное в антич. и соврем. суевѣріи 310.

Č. 16., str. 114. *Kristuš i Sv. Peter.* Tři legendy. 1. Lenivému hochovi určeno pilné děvče za ženu, viz Kubín, Podkrkonoší záp. 728, 825. — 2. Kristus myslí, že by bylo lépe potrestati celou ves, že v ní je jeden špatný člověk, neboť neví, který by to právě byl. Z roje včel sedla si jedna Petrovi na nos. Petr rozehnal se holí na celý roj. Stejně Sklarek Ungar VM. 232 č. 45, Verchratskyj Znadoby 124. — 3. Petr nezvedal krejcar, potom sedmkrát pro ořechy, viz Goethe-Jahrbuch XIX., 307, Český Lid V., 284, Mater. antropol.-etnograf. III., 151 č. 16, 1. Świętek Lud nadrabski 333 č. 13, Etnograf. Zbirnyk III., 69, XII., 82 č. 98, Wisła 1895 str. 116.

Č. 17. str. 118. *Kak se je ženila veverca.* Paralel z lidového podání nemám.

Č. 18., str. 120. *Od kokota.* Kohout dědečkův nanesl plno zlata, babiččina slepice nic. Podobně Bosanska Vila V. (1890) str. 184, Kordunaš Srp. nar. pripov. 28 Naselja srpskih zemalja III., 490. Max Böhm Lettische Schwänke 102 č. 52, Etnograf. Zbirnyk sv. 37—38 str. 438 č. 339. 340, 341, Mater. Kom. język. II., 160 č. 2. Sébillot Folk Lore de France III., 253.

J. Polívka.

Leonid Andreyev. **A critical study by Alexander Kaun.** — New York, B. W. Huebsch, inc., MCMXXIV. — Pp. 361. Съ facsimile **и портретомъ.**

Настоящая книга представляетъ собой полное и подробное изложеніе жизни и дѣятельности Леонида Андреева. Это положительно самая обстоятельная работа о писателѣ, своеобразное творчество котораго еще не введено въ историческія рамки нашей литературы. Авторъ внимательно и любовно изучилъ его сочиненія и біографическіе матеріалы, и если выводы, къ которымъ онъ пришелъ, во многихъ линіяхъ совпадаютъ съ выводами и впечатлѣніями современной Андрееву критики, то имъ, во всякомъ случаѣ, нельзя отказать въ мѣткой формулировкѣ и глубинѣ личной и независимой провѣрки. Заслуга автора тѣмъ значительнѣе, что творчество Андреева, какъ и творчество его великаго предшественника Достоевскаго, не легко поддается обычнымъ методамъ критическаго изслѣдованія, и извѣстная доля импрессіонизма неизбѣжно остается въ сужденіяхъ, претендующихъ на самую холодную и безстрастную объективность.

Книга распадается на три части. Первая, весьма полезная для иностраннаго читателя, заключаетъ въ себѣ рядъ общихъ характеристикъ и замѣчаній о русской литературѣ. Въ тонѣ глубокаго сочувствія авторъ указываетъ на присущій ей идеалистическій характеръ, который ставитъ высшей цѣлью писательской проповѣди — служеніе идеямъ человѣчности, равенства, добра, правды: во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ, во всемъ безконечномъ разнообразіи, литература эта — будильникъ совѣсти и нравственнаго долга передъ страдающими и угнетенными. Въ идеализмѣ русской литературы и видитъ авторъ источникъ величайшей привлекательности для иностраннаго читателя. Русскій писатель прежде всего интеллигентъ — отъ него всегда ждутъ, независимо отъ качества и степени

художественнаго дарованія, учительства, указанія путей, ведущихъ общество и человѣка къ совершенствованію, и даже требуютъ точнаго выраженія политическаго символа вѣры.

Чрезвычайно любопытную характеристику даетъ авторъ крупнѣйшей особенности русскаго ума — соединять крайности; русскіе писатели въ высшей степени отражаютъ эту особенность. „Какъ можно — восклицаетъ онъ — примирить аристократизмъ Ницше, его ненависть къ демократіи, презрѣніе къ толпѣ, воспѣваніе неравенства, съ уравнительнымъ коллективизмомъ соціалистической доктрины! Но русскій умъ былъ всегда эклектически-синтетическимъ. Онъ собираетъ медъ съ различныхъ цвѣтовъ, дѣлаетъ смѣсь и составляетъ сложную пищу себѣ по вкусу. Слѣдуетъ замѣтить, что вкусъ этотъ почти всегда ведетъ къ отрицанію. Уже въ двадцатыхъ или тридцатыхъ годахъ русская интеллигенція переняла отъ Байрона элементъ бунтарства противъ общества: — это единственная черта Байрона, родственная ея душѣ" (стр. 12).

Идея служенія высшимъ духовнымъ цѣнностямъ и протестъ противъ общества представляютъ собой, несомнѣнно, важнѣйшія движущія силы литературнаго развитія, но, конечно, силы не единственныя и распадающіяся на очень большое количество слагаемыхъ. Однако, для цѣли автора общаго указанія на нихъ было достаточно, чтобъ подойти къ опредѣленію положенія, занятаго Леонидомъ Андреевымъ, къ которому могутъ быть примѣнены болѣе, чѣмъ къ кому-либо другому, замѣчанія объ эклектизмѣ русскаго ума.

По мысли г-на Кауна, Андреевъ не является служителемъ опредѣленной соціальной или политической догмы; еще менѣе онъ — учитель, призывающій къ преобразованію общества на основѣ того или иного убѣжденія или доктрины. Андреевъ въ центрѣ множества волнующихъ вопросовъ, отъ которыхъ невозможно отдѣлаться. Писатель бросается отъ одного къ другому, не успѣвая рѣшать и часто даже сознательно отказываясь отъ ихъ разрѣшенія. Вопросы эти такъ сложны и ихъ такъ много, что, въ цѣломъ, идейное содержаніе трорчества Андреева почти непосильно для не-русскаго читателя, который стремится постичь это содержаніе умомъ и бережетъ свое чувство. Иностранецъ стремится къ раціонализаціи и поэтому неизбѣжно находитъ въ творчествѣ Андреева непонятные для него перерывы и провалы. Постигая жизнь черезъ ощущенія, недоступныя сознанію, Андреевъ мучится ограниченностью послѣдняго — оно лишь приподнимаетъ завѣсу надъ тайнами человѣческой души, и въ неразгаданности ихъ писатель видитъ страшную проблему ощутимаго, но безвыходно-ограниченнаго бытія. Его голосъ – голосъ средняго интеллигента XX вѣка, безпокойнаго, вопрошающаго, переоцѣнивающаго цѣнности. Сердце его — истерзано разочарованіемъ и отрицаніемъ. Онъ — вѣчный искатель правды, если не находящій, то вопрошающій (стр. 15).

Для своего разсказа о жизни и личности Леонида Андреева, г-нъ Каунъ воспользовался не только біографической и критической литературой, но и непосредственными сообщеніями, полученными имъ отъ вдовы писателя (рожд. А. И. Денисевичъ). Она разъяснила автору многое въ творческомъ развитіи писателя и въ его личномъ характерѣ, что несомнѣнно сообщило фактическую достовѣрность и внутреннюю цѣнность біогра-

фической сторонѣ разсматриваемой книги. Эта цѣнность тѣмъ значительнѣе, что авторъ имѣлъ возможность видѣть неизданныя рукописи и переписку: другими словами, авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи исчерпывающіе, для настоящаго времени, матеріалы. Онъ въ полной мѣрѣ могъ оцѣнить значеніе занятія Андреева живописью, причемъ съ большей, чѣмъ у другихъ изслѣдователей, отчетливостью, обнаружить соотношеніе между экспрессіей и изломанностью въ сюжетахъ Андреева и образахъ знаменитаго испанца Гойя. Живопись была для Андреева однимъ изъ спасительныхъ средствъ забывать ту жизнь, которой онъ жилъ. Отзываясь на нее со всей страстностью своей сильной души, Андреевъ видѣлъ вокругъ себя мракъ и духовное рабство; онъ всюду искалъ выхода или указывалъ другимъ на важность этого исканія. Не находя иныхъ отдушинъ, онъ прибѣгалъ къ средствамъ искусственнаго забвенія реальной жизни и пытался пріоткрывать завѣсы міра, недоступнаго трезвому опыту. Вдохновеніе, возбуждаемое виномъ и безсонными ночами, разрѣшалось своеобразной символикой. Попутно авторъ подробно останавливается на роли вина въ исторіи жизни и творчества многихъ нашихъ художниковъ. На этой почвѣ онъ подмѣчаетъ у нихъ одну общую черту — стремленіе освободиться отъ суровыхъ и томящихъ условій дѣйствительности и проложить путь своему „я" въ область свободы творчества, въ стихію ничѣмъ не связанныхъ фантазій. Кромѣ вина, въ болѣзненно-настроенныхъ исканіяхъ Андреева спасительнымъ выходомъ представлялось самоубійство. Три раза спасала судьба писателя въ его попыткахъ лишить себя жизни, чтобъ подвергнуть его горькой ироніи судьбы — дать погибнуть отъ глубокаго потрясенія, вызваннаго ужасомъ событій, совершившихся въ Россіи. Умирая, Андреевъ, по словамъ автора, „унесъ съ собою ненависть къ большевикамъ, горечь по отношенію къ разбитымъ бѣлымъ арміямъ, чувство возмущенія противъ союзниковъ, презрѣнія и отвращенія ко всему человѣчеству" (стр. 176).

Подробно разсматриваетъ авторъ, въ разныхъ частяхъ своего труда, литературныя и философскія вліянія на Андреева. Странный подборъ именъ находимъ мы въ этомъ отношеніи: Писаревъ (популяризація матеріализма), Толстой (только — „Въ чемъ моя вѣра?"), Шопенгауеръ, Ницше, Ибсенъ, Достоевскій, — всѣ они косыми лучами озарили мысль и душу писателя, и никому изъ нихъ онъ рабски не подражалъ, но и не примирялъ ихъ внушеній — напротивъ — они чертами изогнутыхъ и ломанныхъ линій укладывались въ его творчествѣ. Указанія на эти воздѣйствія составляютъ наиболѣе важную сторону книги нашего автора. Психологическій интересъ кроется въ раскрытіи той внутренней борьбы, раздиравшей сердце Андреева, которая сказывалась въ тщетныхъ попыткахъ „разрѣшить неразрѣшимые вопросы жизни, устранить противорѣчія, найти умиротворяющій, гармоническій синтезъ" (стр. 323).

Во всей книгѣ сказывается основное желаніе автора упоминать, какъ можно рѣже и только вскользь, о роли большевиковъ въ жизни Россіи послѣ октябрьской революціи.

Въ концѣ труда дается библіографическій и хронологическій указатель и довольно подробный перечень переводовъ сочиненій Андреева на иностранные языки, а также хорошо подобранная литература объ Андреевѣ.

Укажемъ замѣченный нами пробѣлъ: при подробномъ разсмотрѣнiи творчества Андреева, авторъ совсѣмъ не упоминаетъ о пьесѣ „Анфиса“, которая, между тѣмъ, часто ставилась на сценѣ и въ Россiи и даже заграницей, въ частности въ Италiи въ переводѣ Кастелли-Псiолъ. Есть и другiе пропуски, но авторъ самъ признается, что его списокъ переводовъ не достаточно полонъ. Къ числу недостатковъ книги относятся и повторенiя однѣхъ и тѣхъ же мыслей (стр. 16 и 42 объ элементѣ жалости у Достоевскаго и Андреева), что указываетъ на нѣсколько механическое соединенiе различныхъ частей книги. Въ изложенiи мнѣнiй о различныхъ пьесахъ и сюжетахъ наблюдается также нѣкоторая разбросанность. Читатель долженъ самъ систематизировать взгляды автора на то или другое произведенiе Андреева, разыскивая ихъ по всей книгѣ; въ этомъ отношенiи методъ автора, разбивать творчество Андреева на тезисы — нельзя признать удачнымъ.

Несмотря на эти недостатки, книга г-на Кауна должна занять видное мѣсто въ научной литературѣ о русскихъ писателяхъ, до сихъ поръ еще мало изученныхъ.

Евг. Ляцкiй.

Albert Pražák: **Slovenská otázka v době J. M. Hurbana.** (Sborník filozofickej fakulty university Komenského v Bratislave. Ročník I., čís. 13, 1923, stran 229 + IV za 30 Kč.)

Slovensko mělo v Alb. Pražákovi vždy oddaného vykladače. Po převratě Pražák, maje bohatství materiálu pilně nashromažďovaného a jinak nepřístupného, stal se předním badatelem o slovenském literárním a národním vývoji, hlavně o poměru československém, národní, kulturní a spisovné jednotě. Jeho objemné studie a knihy vycházejí ráz naráz, přinášejí mnoho nového materiálu a ostře osvětlují projednávanou věc, platně přispívajíce k objasnění a řešení jednotlivých otázek. Oduševnění pro věc, neobyčejná výmluvnost a lehká tvořivost při pracovním chvatu způsobily svým neklidem, že se objevují v Pražákových knihách i některá nedopatření, zaviněná nedostatkem přísné, zdrželivé a chladné vědecké analysy. Není však nezajímavé, že v polemické knize »Slovenská otázka v době J. M. Hurbana« Pražák postupuje krok za krokem s uznáníhodnou objektivností, neodbývaje protivného mínění jen mluvou dokladů po svém způsobu s překvapující virtuositou soustřeďovaných, nýbrž pečuje i o jejich vědecký rozbor a správné umístění.

Uvedená Pražákova kniha vznikla jako odpověď proti maďarské propagandě a agitaci pro »slovenskost« Slovenska. Byla totiž r. 1922 v Pešti vydána slovenská publikace člena maďarské propagační kanceláře a přispěvatele do iredentistického peštského »Slováka« Juraje Podhradského »Jozef Miloslav Hurban a jeho borba proti Čechom a Čechoslovákom v časopise ‚Slovenskje Pohladi' r. 1846«, která má zřejmě formát, metodu i smysl propagační, protičeský a hlavně protičeskoslovenský. Podhradský se svým komentářem a úvodem otiskl tu Hurbanovu kritiku známých »Hlasů o potřebě jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Moravany a Slováky«, uveřejněnou původně v Slov. Pohl. r. 1846 a vydanou potom i separátně pod názvem »Ceskje hlasi proti

slovenčine«. Tato Hurbanova rozprava je pouze částí rozvášněného boje o novou slovenštinu spisovnou a jen episodou v bohatém vývoji J. M. Hurbana, povahy snadno vznětlivé a snadno reagující na každý náraz. Podhradský s hlaholnou láskou k Slovensku a jeho svobodě, která by mu podle vtipné Pražákovy poznámky byla před převratem vynesla v Maďarsku aspoň několik let vácovského vězení, tvrdí frázovitě, že s české strany hrozí Slovákům zahynutí, poměr mezi Maďary a Slováky že byl vždy jen přátelský; Slováky prý zničí české snahy a české hmotařstvo; Šafařík a Kollár prý byli najati za jidášský groš, aby pomáhali Čechům v protislovenské práci; proti nim prý se postavil a jejich snahy zničil Hurban, slovenský obr a hrdina, který vždy prý věřil Maďarům, i básnicky brojil proti rozdvojení Slováků a Maďarů a horoval pro uherskou vlast. Jednotlivým tvrzením Podhradského Pražák věnuje svůj obšírný rozbor, adresovaný hlavně i na Slovensko, kde co chvíli v tisku prosakují fráze Podhradského. Proti Hurbanovi v podání Podhradského Pražák staví J. M. Hurbana podle skutečnosti, a to v první kapitole jeho data životopisná s doklady, jak Hurban trpěl od Maďarů, v kapitole druhé uvádí data literární do československého rozkolu, v obšírné třetí kapitole objasňuje soudobé poměry politické u Slováků, Maďarů a Čechů od povstání k dualismu, soudobé poměry jazykové, přechod od štúrovštiny a bernoláčtiny k spisovné češtině na straně katolické, kolísání slovenských evangelíků mezi spisovnou slovenštinou a češtinou, katolicko-evangelickou frontu pro spisovnou češtinu, nové símě rozkolu, zaseté arcibiskupem Scitovským (Palárik, Radlinský), a trvání češtiny na Slovensku i po uzákoněné slovenštině, v čtvrté kapitole vykládá stanovisko Hurbanovo k Čechům a československé jednotě národní, kulturní a jazykové a v poslední kapitole osvětluje Podhradského tendenční výklad pramenů a literatury.

Pražák podrobně osvětluje Hurbanovu cestu v letech čtyřicátých k československému rozkolu i jeho kolísání. Hlavními důvody Hurbanovými vidí ohled na zemanstvo (ale to při sčítání lidu r. 1850 zapisovalo se skoro šmahem do rubriky »Magyar«), katolíky, lid a Maďary. Jiným důvodem byla česká nevšímavost vůči Slovákům, k jejich jazykové, literární a kmenové osobitosti, o níž tvrdil Hurban: »Duch národa českého hoc je nášmu roveň, je predsa aj od nášho odchodný: národ český mal život historický, a bol ten život slavný. My nemali sme toho života, jako ale dodržali sme ducha sviežeho, a jaký je duch náš, taká je reč naša, zavarovaná, svieža, plná síly a tvorivosti.« Při tom jedním z pramenů rozkolu podle dochovaných svědectví byla i nedůtklivost, literární ješitnost a uražená ctižádost, stejně jako vidíme v přítomnosti, kdy znovu se ozývá na Slovensku nesprávná theorie Hurbanova z r. 1843, že Češi ve Slovensku vidí pouze accidens, »duovažek«, čili podle Nosáka »nášlapek«. Dalšími důvody byla nová ideologie Heglova, učení polských messianistů a ruských slavjanofilů, podle nichž obnovena theorie o původnosti a odlišnosti slovenského kmene, stejně i moravský separatism, obrození bulharské, rusínské, slovinské a jmenovitě flámské. Hurban v boji za spisovnou slovenštinu, podnícen byv r. 1846 kolísáním přítele Dan. Slobody, otřeseného důkazy Šafaříkovými proti Štú-

rově a Hurbanově theorii o zvláštní slovenské kmenovitosti, ve své odpovědi českým »Hlasům« přidal i politický motiv ve smyslu hungaristickém, opíraje se při tom o nejloyálnější, později tak trpce zklamanou víru v maďarskou čestnosť a spravedlivost. Hurbanovy »Českje hlasi« jsou podle jeho vlastního doznání prvním divokým ohněm po přečtení pražských »Hlasů« vybuchlým. Už r. 1847 byl by Hurban rád ze své repliky něco vyškrtl, přiznávaje koncem r. 1846, že jeho odpověď byla oběť, zapálená Štúrovi, »ctižádostivému, sobeckému a samopanskému«. Vždyť Hurban ještě r. 1846 slovenštinu vyhlašoval jen za prostředek k vyššímu duchovnímu životu, nikoli partikularismu; doufal, až se masy pohnou, že budou čísti české knihy desetkráte více. Říjnový protičeský výbuch Hurbanův r. 1846 byl jen episodou: nedlouho nato Hurban projevil úmysl psáti po případě zase česky, a r. 1848 Štúrovci, zklamaní Maďary, vydávají manifest slovenské národní rady (Hurban, Hodža, Štúr), uznávajíce jako Slováci jeden národ a jednu řeč v Čechách, na Moravě a na Slovensku. Při rozkolu Pražák vytýká i maďarskou účast, dosvědčenou maďarskými i slovenskými hlasy: podle zprávy »Morgenpost« (1875) Maďarům se sice podařilo vyvolati slovenskou literaturu (na oslabení československé), ale svým násilím spojují zase Čechy a Slováky v jedno a přivádějí Slováky zase k Čechám a ku Praze. Pražák po Hodžovi znovu ukazuje nejen z doznání Hurbanových i Štúrových, ale i z jazykové prakse let padesátých, že spisovná slovenština byla do valné míry politicum hungaricum.

Po revoluci až do dualismu na Slovensku se jeví jazykové kolísání. Roku 1850 většina Slováků se vrátila, jakmile ustal vládní tlak peštský, k spisovné češtině; návrat k spisovné slovenštině nastal, když Maďaři v Uhrách nabyli zase politické moci a Slováci viděli, že jejich sny o »slovenském vévodství«, »slovenském velkoknížetství«, »slovenském okolí« jsou pouhé vidiny. Politická konjunktura způsobuje do dualismu i po něm u evangelíků i katolíků kolísání, které se ukončuje už r. 1880 definitivním rozhodnutím pro spisovnou slovenštinu.

Pražák podrobně sleduje snahy vládní po roce 1850 o zavedení češtiny jako úředního, vzdělávacího a oficielního jazyka Slováků a úsilí vídeňských »Slovenských Novin« o jednotnou spisovnou řeč, zejména zdůrazňuje tehdejší návrat k spisovné češtině u slovenských katolíků, vedených Radlinským, Palárikem, Viktorinem, Záborským, Chrástkem, Slotou. V tu dobu Palárik viděl u lidu nechuť k bernolákovským a štúrovským výrazům v písních nábožných (divné prý by bylo lidu na př. zpívati v kostele místo obvyklého »Ježíši nad měsíc pěknější« slovensky »Ježíšu nad mesac peknejší«). Tím se stalo, že uvědomělé katolické vrstvy i po r. 1856 lpěly na češtině houževnatě, a to i v době, kdy již Radlinský a Palárik změnili své stanovisko.

Stanovisko Hurbanovo k událostem po r. 1859 a k přeměně Palárikově a Radlinského bylo jasné. Už r. 1850 Hurban vyznal Dan. Slobodovi, bude-li Slovensko od Uher odděleno jako samostatná korunní země a připojeno k větší slovanské zemi, že potom přijme přirozeně řeč většiny těchto svých bratří, t. j. češtinu. R. 1858 Hurban píše o svých úmyslech vydati almanach »Nitra« československy, r. 1861 stěžuje si

do protičeského úsilí mladé školy slovenské, vedené Radlinským, která se bojí čechisování, pokládajíc je za horší než maďarisování, a bouří proti Čechům lid rozhlašujíc, že Češi uvedli na Slovensko akcis, monopol, kolek atd. Hurban proklíná tuto školu, vedoucí Slovensko k osudu Slovanů polabských. Českou čistou literární řeč Hurban chtěl v této době zachovávati ve spisech, které mají pro Čechoslovany cenu, slovenštiny chtěl užívati v mezích sobě vytčených, k cílům lokálním, slovenským, podle přijatých již pravidel slovenské gramatiky.

Roku 1860 Hurban ukazuje, jak před r. 1848 bylo všecko zrada vlasti, co nevyrůstalo na omezeném poli hranic pouze uherských. Prohlašuje, že je slovenština, zvítězí-li jednota Rakouska a nikoli maďarská tendence, ovšem zbytečná, až na potřeby pouze místní, jako Hornorakušanům, Bavorákům jejich řeč v menších okresích proti Hochdeutschstvu; naproti tomu, bude-li Uhersko uvedeno do stavu před r. 1848, nic nezachrání Slováky před konečným zahynutím kromě slovenštiny. Nebude-li maďarského státu na světě, Hurban prohlašuje, že v jednotě rakouské zná jen 7 milionů Čecho-Moravo-Slezo-Slováků, »a tito eklatantní dovedou vyvést literaturu«. R. 1861 Hurban napsal o sjednocení národa v době cyrilometodějské: »Vtedy ještě nebylo na světě těch ďábelských učitelů, co nás vyučili Moravanů, Hanáků a Čechů potupovat.« Hurban v svých Církevních Listech šíří vědomí československé, v tom duchu ohnivě mluví r. 1868 při kladení základního kamene k Národnímu divadlu v Praze a v Kostnici při pouti Husově. V Církevních Listech r. 1869 Hurban jasně vyložil své důvody pro české učebnice na slovenských školách. Své stanovisko k jednotě československé Hurban vyvrcholuje českým vydáním VI. a VII. ročníku »Nitry« r. 1876 a 1877. Pražák obšírně osvětluje úsilí Hurbanovo o jednotný spisovný jazyk a významný Hurbanův projev r. 1876 v »Nitře« pro československý národ a jednotu spisovného jazyka prohlašuje za mezník v dějinách slovenštiny a v dějinách českého jazyka vůbec. Hurban se r. 1880 nebál počeštění Slovenska a žádal si české školy na Slovensku: »Bože můj, Bože můj! Slovensko počeštit v souhlasu s maďarskou politikou, které je od Čechů vzhledem nás volná ruka ponechána. Kdo by byl radši než my, kdyby tak hle český národ byl tak mocný, aby mohl uvésti česká gymnasia na místo maďarských na Slovensku! Měl by také půl milionu Slováků po své straně, a výše 2 milionů katolíků Slovenských by mu tleskalo chválu.« Pražák odhaluje jednu z vážných příčin, proč se Hurban po r. 1880 znovu přiklonil k spisovné slovenštině: byl to tlak Francisciho, bývalého mecenáše Nitry a Hurbanova věřitele. Nevšímavost českou k podnikům Hurbanovým a jeho finanční krisi činí Pražák účastnu na vině definitivní odluky spisovné, nastalé po r. 1880. Ale i tu Hurban stále cítil československy, psal r. 1882 česky do Ruchu, národ od Tater po Labe prohlašoval za jeden.

Pražák podrobně ukázal, že Hurban, vznětlivý a náladový, měl vůči Čechům a Praze jen episodické odstředivé momenty: »Jinak celým svým založením a skoro všemi svými projevy byl celonárodně soustředivý a ukazoval Slovákům do Čech a do Prahy cestu spásy, jak toho do jeho doby mimo Kollára a Šafaříka nedovedl Slovák žádný. Spolupracoval za příprav k budoucnosti o ideálu československém a patří mezi jeho nej-

horlivější apoštoly.« Ukázati nakonec tendenční Podhradského výklad pramenů a vyvrátiti jej novými daty nebylo již po předchozím důkladném rozboru otázky Pražákovi obtíží.

Pražák ve své knize podrobně vyložil vývoj Hurbana v otázce československé jednoty národní a oživil četné zapadlé zprávy, otiskl mnohý důležitý dokument z rodinných archivů slovenských. Bohatství pramenné látky a její znalost je u něho podivuhodná. Pražákova kniha je časovou v nejlepším toho slova smysle, pravou zbrojnicí dokladů proti dnešním útokům protičeským v slovenském tisku, na př. i v otázce českých školních knih pro Slovensko, »překládání« z češtiny do slovenštiny, v snahách o terminologii slovenskou a pod.: tu v poznámkách a odkazech Pražák otiskuje neobyčejně bohatý materiál a vzácná upozornění. Místy objevují se i v této knize nesprávné, nekontrolované citace (na př. »Cesta ku bratrům slovenským« str. 22, »Cestu Slováka ku Bratrům slovenským na Moravě a v Čechách« str. 23, »Cesty Slováka ku bratrům na Moravu a do Čech« str. 37 — tento Hurbanův cestopis Vlček uvádí pod názvem: »Cesta Slovákova ku bratrům slavenským na Moravě a v Čechách r. 1839«, viz Dejiny lit. sloven. 1923, str. 96, 106) — omyly tiskové (proroctví Herdova str. 110 m. Herdrova) a pod., ale ceně knihy nemohou vážně uškoditi. Výklad dokumentů je logický, dbá úplnosti a pragmatického spojení, není tu násilného spojování fakt neboli »gesta eskamotéra«, jež správně Pražák vytýká Radlinskému. Kniha v každém směru milá, užitečná a cenná.

J. Menšík.

Diskusse.

Wotpowědź.

Knjez G. Iljinskij ze Saratowa je we Slavii, ročn. II. zeš. IV. str. 732—734 prěni zwjazk mojeho *„Słownika dołnoserbskeje rěcy"*, wot Ruskeje Akademije Nawuk v Pětrohrodźe 1921 jako torso wudaty, wozjewił a posudźił. Powěsć wo jeho wudaću tam podata je mylna a te někotre poroki mi tam činjene su pak njeprawe pak njesprawne. Tohodla sym nuzowany, jeho powěsć porjedźić a so přećiwo jeho porokam wobarać.

Njeprawe je wudawanje, zo je ćišćeŕnja Ruskeje Akademije Nawuk mój d.-s. słownik za čas swětoweje wójny a samo po přewrotu z 26. okt. 1917 hač do lěta 1921 dale ćišćała a hakle potom dla njedostatka dalšich srědkow z ćišćom zastała. Akademija běše wšak lěta 1911 wot ruskeho knježeŕstwa połne srědki na wudaće mojeho słownika *„Thesaurus linguae Lusatiae inferioris Sorabicae"* (120—130 archow) připokazane dostała; te pak su so z powrotom zhubiłe a nowe srědki za pokračowanje w ćišću nětčiše knježčistwo poskićić njemóže. Te 62 listnow pak, kiž tutón torso tworja, buchu w lětach 1911—1914 ćišćane a další ćišć bu srjedź lěta 1914 ze swětowej wójnu přetorhnjeny a to bjez dźiwa, dokelž mi Akademija dla zawrjenja hranic žanych korrekturow wjacy słać njemóžeše. Z khwalbu pak ma so wuzběhnyć, zo so zarjadnistwo Akademije skónčnje lěta 1921 rozsudźi, nakład dotal ćišćanych 62 listnow jako 1. zwjazk dać brošurowáć, zo so jednotliwe ćišćane listna njemohłe rozbrojić. Lěta 1924 bu mi jedyn tajki zwjazk z posrědnistwom kn. akademika Karskeho z Pětrohroda připósłany. Po tajkim je ćišć dotal hižo 11 lět wotpočował.

Potom mi kn. Iljinskij porokuje jene nowotaŕstwo w lexikografiji, na kotrež běch ja sam dotal trošku hordy, mjenujcy zo ja hnydom po kóždem prostem słowjesu wšě jeho komposita po jich praefixach rjadujo podawam, na př. za słowjesom *cyniś* po rjadu jeho zestajenki *docyniś, hobcyniś, hucyniś, nacyniš* atd. Ja mam tež hišće dźensa tajke rjadowanje za wužitne za rěčespyt, a prjedy hač sym tole nowotaŕstwo zawjedł, sym jo najsławnišimaj slavistomaj ze spočatka 20. lětstotka kn. prof. dr. A. Leskienej w Lipsku a kn. prof. dr. Vart. Jagićej we Widnju předpołožił k jeju rozsudej, a wobaj staj tuto moje nowotaŕstwo za jara přihódne z khwalbu připóznałoj. Za praktisku potrjebu słownika pak sym hišće kóžde »verbum compositum« w jeho alfabetiskem porjedźe zapisał přepokazujo na jeho »verbum simplex«, na př. pod D: *docyniś s.* (CM.) *cyniś* — pod H: *hucyniś s.* (CM.) *cyniś* atd. Stož pak je pola słowjesow dobre a za rěčespyt wužitne, njetrjeba być přihódne a wužitne pola wěcowuškow a přidawnikow, a tuž pola nich stary porjad přeměnił njejsym. Na swěće ženje a nihdźe njeje wšo na jene kopyto zbite!

Druhi porok, kotryš kn. Iljinskij čini, je runje tak njesprawny a njeprawy. Wón wudawa, zo ja při přirunanju serbskich słowow z druhimi słowjanskimi (lěpje: zapadno-słowjanskimi) často njewěrne (lěpje: njeprawe) přirunanja a přikłady podawam. Wón pak je na tych 992 stronach jenož 5 »njewěrnych« přirunanjow wuslědźił a to hišće mylnje. Su to tele słowa: 1. *deŕe:* kn. Ilj. prěje, zo je so z *dobrě* přez *debŕe deŕe* wuwiło, hačrunjež so tutón postup ze serbskeho pismowstwa a serbskich narěčow hodźi dopokazać. Tež dr. Berneker, Slaw. etym. Wörterbuch str. 205 mi přihłosuje. — 2. *drest:* kn. Ilj. pokhod ze stsł. *rŭdestŭ*, kotryž hižo Miklošič (Et. Wtb. str. 284) připóznawa, z njeprawom prěje; móžu jemu z druhimi přikładami tajkeho přeskočenja sobuzynka *r* přez druhi sobuzynk w našej serbšćinje słužić, kaž na př. *žrany* (město *ržany*) *khlěb*, Roggenbrot, *žrana muka* & *žrjeńca* (město

ržana m. & *rženica*), Roggenmehl — *žrjeć* (město *rźeć*) schallen — *Batromej* = Bartholomaeus atd. — 3. *głoba:* ja njejsym prajił, zo je ds. *głoba* = młr. *kloba* abo *g* = *k*, ale sym jenož runje kaž Miklošić (Et. Wtb. str. 66) cyłu twórbu *głoba* z małoruskej *kloba* přirunował, a podobnošć wobeju w twórbje a woznamje tola nichtó prěč njemóže. — 4. *glugotaś:* tu sym ja woprawdźe ds. *glugotaś* z stsł. *klokotati* přirunował, runje kaž z pól. *glogotać* a hs. *klukotać* a č. *klokotati;* su wšak to wšo verba onomatopoetica, w kotrychž je samsny zwuk pak mjekšo z *g* pak twjerdšo z *k* napodobnjeny, haj samo w jenej a tej samej rěči, kaž na př. w kašubskej *glugotac* a *klukotac* a w němskej *klunkern* a *glukkern;* a zo maju wšitke te twórby samsny woznam, to dźě sum kn. Ilj. prěč njemóže a njebudźe. — 5. *chamny* a *chamorny* (str. 481); tež tu kn. Ilj. moje wotwodźowanje wot korjenja *chab* (stsł. słowj. *chabiti*) powalił njeje; přetož zo před *n* wosebje w narěčach našeje serbšćiny *b* do *m* překhadźa, za to mamy dosć přikładow, na př. *podomny* = podobny, *słužomny* = słužobny, *tužomny* = tužobny, *wučomny* = wučobny, *khudomny* = khudobny, *khwalomny* = khwalobny a podobuje *duchomny* ≐ duchowny atd. A přidawnik *chamorny*, kiž to same znamjenja kaž *chamny*, je so z poslednišeho wutworił snano z přirunanjom a připodobnjenjom k němskemu přidawuškej samsneho woznama *kümmerlich*.

Skónčuje porok, zo tutón 1. zwjazk mojeho d.-s. słownika žanoho tak jara nuzneho zawodneho nastawka (předsłowa) nima, so mje njepřima. Ja mam tu wobšěrny zawod hižo 11 lět dołho hotowy we swojim pisaku ležace a budźech jón do Pětrohroda pósłał, hdy bychu jón wote mnje žadali a připowědźenjom, zo chcedźa jón wočišćeć a z nim te 62 listnow (A — narski) jako prěni zwjazk do swěta pósłać, dokelž dale ćišćeć njemóža deficiente pecunia. Ja pak kónču swoje wobaranje w krutej nadźiji, zo wšak skónčuje tola dočišćenje a dospołne wudaće swojeho najwjetšeho žiwjeńskeho dźěła wěsće dožiwju.

Dr. Arnošt Muka.

Zprávy.

O vzniku střední slovenštiny novou hypothesu vyslovil *Václav Chaloupecký* ve svém díle »Staré Slovensko« (Spisy filosofické fakulty university Komenského v Bratislavě, čís. III., 1923, stran 423 + XX). Chaloupecký nachází dvě geografická a historická jádra starého Slovenska, jedno na západě v Podunají, druhé na východě v Potisí; mezi nimi leží hornatý kraj, jehož markantní bočná pohoří tvoří Fatra, Tatra a Matra. Geografickému i historickému rozlišení pojmu Slovenska podle Chaloupeckého odpovídá i badání jazykozpytné, které na Slovensku rozeznává tři hlavní oblasti dialektů západních, východních a středních. Oblast dialektů středoslovenských vidí vklíněnu mezi prvou a druhou oblastí i kraj polský, tudíž právě asi v horském kraji mezi Fatrou, Tatrou a Matrou. Do tohoto horského kraje podle Chaloupeckého zasahují ze západu i z východu hranice různých správních útvarů a údolími a kolonisací vnikají sem jazykové elementy jak ze západu, tak z východu i severu. Podivuhodné je, že historické zprávy, které znají Slovensko východní i západní v IX., X. a XI. stol., o středním Slovensku nápadně mlčí až do počátku hnutí kolonisačního na rozhraní XII. a XIII. stol. Toto velké území bylo, jak Chaloupecký ukazuje, totiž ohromným pomezným hvozdem, či spíše skupinou a uzlem hvozdů, jež pokrývaly kraje mezi rovinou slovenského Podunají při dolním Váhu, Nitře, Hronu, Ipľu a rovinami při horní Tise a jejích přítocích. Chaloupecký vidí, že tento hvozd v podobě velikého trojúhelníka dělil širokým a neprostupným pomezím obě původně slovanské krajiny, t. j. Slovensko západní, jehož historickým jádrem byla Nitra, sáhající až po Fatru a Zvolenský les, a Slovensko východní, jehož historickým jádrem bylo Bycharsko. Slovensko západní podle Chaloupeckého svým ethnografickým rázem a svým osídlením patřilo ke skupině kmenů českých, kdežto Slovensko východní prý bylo částí slovanské větve východní, po případě jihovýchodní. Mezi oběma byl hvozd, široký a pustý a až do poč. XIII. stol neosídlený.

Století XIII. a jeho veliké proměny hospodářské podle Chaloupeckého změnily i vývoj Slovenska. Kolonisačním osídlením středního Slovenska, kam lákalo hlavně stříbro a zlato, vznikla prý ve stol. XIII. a XIV. nová země mezi západním, českým Nitranskem a východním, bulharským, po případě ruským Bycharskem. Slovensko touto kolonisací stává se kompaktním územím slovanským. Podle Chaloupeckého vstřebaly hory a hvozdy s obou stran část starousedlého obyvatelstva; tím a vnějšími událostmi, tatarským vpádem r. 1241, připravena byla půda pro maďarisaci jižních pomezí. Potom následují i dalekosáhlé změny ethnografické: do středního Slovenska se stěhují noví obyvatelé ze západu, východu i severu, Němci, Maďaři, Slované čeští i Slované ruští z východu a severovýchodu, zbytky Slovanů bulharských (do Gemeru) a konečně i Poláci. Tím, jak autor praví, vzniká podivný amalgam ethnických prvků slovanských, tím se utváří i jazyk tohoto území. To pokládá Chaloupecký za historické základy slovenštiny. Početně slabší, ale kulturně silnější větev česká vítězí tu nad početnější, ale kulturně slabší větví východní a severní. Němci a Maďaři se slovakisují a zanikají, slovakisují t. j. čechisují i části Slovanů východních, které pronikly na západ. Větev západní tím se šíří přes celý pomezný hvozd od Fatry a Zvolenského lesa až k východním úpatím hvozdu kde se střetá jako na jihu s ethnickými prvky maďarskými.

Taková je koncepce knihy Chaloupeckého, naplněné otázkami, které žádají svého řešení a osvětlení. Není pochyby, že vzbudí — doufejme — plodnou diskusi o věci. Přihlásil se k ní prvý Jozef Škultéty (Slov. Pohľady, roč. 40, 1924 str. 625—638) tónem podrážděně hněvivým, opakuje při tom své dosavadn

názory na slovenštinu a její postavení mezi jazyky slovanskými a vytýká Chaloupeckému tendenčnost a nepřipravenost k řešení uvedené otázky. Škultéty naprosto odmítá mínění Chaloupeckého, že základem slovenštiny je vůdčí prvek český, že tudíž v historii nebylo a není Slováků vlastních (jako jednotky národní). Škultéty zamítá názor o vlivu cizích jazyků na slovenštinu, zejména němčiny a maďarštiny. »Slovenská reč, pochopiteľne, má slová z banskej terminologie nemeckej, má z názvoslovia remesiel, robiacich zo železa; ale to je temer všetko. Slovo *fortiel* v slovenčine je temer osamelé, a z frazeologie nemeckej nášmu ľudu neprivilo sa nič; germanizmy spisovnej reči dostávame z českého čítania. Maďarčina? V strednej slovenčine tak niet po nej ani stopy, ako by Maďarov ani na svete nebolo — a to i po decenniach takého úsilného maďarčenia! Len v krajoch, kde Slováci súsedia s Maďarmi, dostalo sa do živej ich reči niečo maďarských elementov. A o vlivoch ruských, poľských, bulharských, srbo-chorvatských v takom smysle môže hovoriť len kto nevie v jazykoch o prechodných dialektoch, alebo nepováži, aká je zemepisná poloha slovenských sídel.« Škultétyho odmítnutí příliš generalisuje; bude třeba jíti hlouběji k věci a probrati jednotlivé otázky, aby se na př. ukázalo, že v střední slovenštině (tedy na př. i na Oravě) není po vlivu maďarštiny ani stopy. Zisk tohoto zajisté pracného výzkumu nebude nepatrný; slovenština si ho zaslouží. Půjde tu ovšem i o historický vývoj slovenštiny, nejen o dnešní živou řeč a dnešní spisovnou slovenštinu, která je značně pokažena cizími vlivy. (Škultéty, hlavní obhájce čistoty řeči, na př. sám píše: »Od zaniknutia Veľkej Moravy, slávneho štátu slovenského z druhej polovice 9. stoletia, ktorému široké Slovanstvo ďakuje dielo svätých apoštolov Cyrila a Metoda, slovanské písmo a slovanskou bohoslužbu«, t. j. užívá žurnalisticky otupělého jazyka, před jehož německým duchem trneme s hrůzou i v češtině.) Ale dříve musí se objeviti přesné a podrobné zkoumání, důkazy a doklady každého tvrzení, trpělivá práce monografická. Jinak zůstává každá hypothesa jen zbytečnou hypothesou a každé tvrzení jen tvrzením, třeba enthusiastickým, ale přece prázdným. *J. Mk.*

Fr. Trávníček: **O českém jazyce.** V Praze 1924, nákl. Melantricha. (Lidové university sv. XI.) Str. 120. Za 7·50 Kč.

V populárně vědecké této knížce Trávníček nejprve objasňuje, co je český jazyk, a to podrobným výkladem o nářečích v Čechách, na Moravě, ve Slezsku a na Slovensku s příslušnými ukázkami, vysvětluje vznik dnešních nářečí a bývalou jednotnost českého jazyka, vykládá o poměru mezi češtinou a slovenštinou, probírá názvy pro jazyk český a jeho části, objasňuje spisovný jazyk (český a slovenský), území jazyka českého, příbuzenství jazyka českého, jeho vliv na jiné jazyky a vliv jiných jazyků na jazyk český. Nakonec připojuje literaturu a prameny. Podobného přehledného a jadrného spisu o jazyce českém dosud nebylo, cenný je zejména souhrnný obraz hlavních vlastností jednotlivých nářečí, z nichž vyplývá jednotnost jazyka sama sebou. Podal-li Hujer cenný úvod do studia českého jazyka, zpracovávaje materiál až do doby historické, Trávníček podává hlavně výklad o živém dnešním jazyku a jeho znacích. Trávníčkova kniha je zejména vhodným a zhuštěným úvodem do studia slovenštiny, přihlížejíc k přirozenému spojení nářečí slovenských s českými, moravskými a slezskými a k rozdílům mezi spisovnou slovenštinou a živou řečí lidovou, dotýkajíc se při tom i historické stránky věci s odkazy na příslušnou literaturu.

V některých drobnostech by bylo možno knihu zlepšiti, na př. mezi případy nářeční koncovky *-ama* místo spisovné koncovky *-i, -y, -ami, -emi,* (str. 9) nelze uváděti *s mejma známejma, s tema lidma,* neboť tu je nářeční *-ma* místo *-mi*; jihočeské *vichar* (str. 17) nevykládá se výslovností souhláskového *r* se samohláskou za původní samohláskové *r*, nýbrž z jeru (*vichъrъ*, viz Geb. Hist. ml. III., 1, str. 87); jihočeskou výslovnost *ov* v dat. a lok. místo *-ovi (bratrov, sousedov)* nepokládám za nepochybnou (moje rodiště je mezi Táborem a Bechyní); i u nás, nejen na Pošumaví (str. 20) byla výslovnost *fčála* (jinak můj děd, včelař, neříkal), na str. 40 v nadpise nalézáme *Nehajot*, ale v textě dvakráte *nejahot* (nežit), na str. 55 čteme *vlasov* místo *vlasoch*,

na str. 61 je výklad o tvrdé výslovnosti slabik *de, te, ne* v západní slovenštině shodné se spisovnou češtinou, ale hned na str. 62 je uveden jako doklad instr. sg. *dněm*, na str. 68 uvádí se dat. sg. *matky, ruky*, ač by bylo říci, že analogií podle dativu *duši* vytvořen i tvar *matki, ruki* místo spisovného *matke, ruke* a dialektického *ruce*, na str. 69 v ukázce je ***Terka*** místo *Ferka*, ***se** snehom* místo ***so** snehom* atd. *J. Mk.*

Veliké **Sbírky srbských zápisů a nápisů** *Ljub. Stojanoviće* vyšla nedávno 4. a 5. kniha (*Стари српски записи и натписи*, прикупио их и средио Љуб. Стојановић. Зборник за историју, језик и књижевност српског народа. Прво одељење Књига X. Срп. краљ. Акад. 1923, str. 227, za 20 din. a Књ. XI, 1925, str. 334, za 40 din.)

Těmito svazy začíná Ljub. Stojanović doplňovati svou základní třísvazkovou sbírku, která vyšla v letech 1902—1905 jako 1.—3. kniha prvého oddělení založeného tehdy tohoto Zborniku. Vydal v nich zápisy a nápisy datované nebo které lze přibližně datovati a opravil některé vydané v prvních knihách; v knize čtvrté jsou nápisy z 10. až 17. stol., v knize páté z 18. a 19. Zachovává tedy i zde schema základní sbírky, rozdělené na nápisy datované, nedatované a dochované nepřímo. Z 10. až 13. stol, kromě oprav některých zápisů ze sbírky základní, bylo možno nově zařaditi nápis z r. 996, 1186, 1197 (asi) a z doby kol 1200, vesměs již uveřejněné v časopisech; celkem opět nejhojněji jest zastoupeno stol. 17. a zvláště 18. Vedle četných oprav k prvním třem svazkům a svodu nápisů a zápisů zatím uveřejněných přinášejí tyto doplňky velmi mnoho materiálu dosud neznámého; z toho poskytli autorovi nejvíce V. Ćorović, R. Grujić, D. Kostić a G. Elezović, tento hlavně z Peći a z monastýru dečanského. Škoda, že i v těchto doplňcích někde nejsou určeny rukopisy, z nichž jsou zápisy vypsány, na př. rukopisy mon. dečanského. Bohatost doplňků (1293 čísel k 2086 základní sbírky z 10. až 17. stol., 1626 k 1294 z 18. stol. a 416 k 793 z 19. stol.) jest potěšitelným dokladem i rozvoje filologického a historického badání za těch 20 let i toho, oč snáze jsou dnes přístupná stará kulturní střediska v Jižním Srbsku. Jest si přáti, aby byly tyto doplňky co nejdříve dokončeny a opatřeny rejstříky tak jako základní tři svazky, ty teprve oživí tento bohatý materiál důležitý nejen pro historii politickou a církevní, ale i pro literární a kulturní historii; často lze na př. vyčísti v těchto zápisech cesty rukopisu a pod. Také dějiny jazyka těží dnes všude z této směsi tradiční formulky a neumělosti v nápisech a zápisech, a tím více tohoto materiálu potřebují právě dějiny jazyka srbského. *B. Havránek.*

Н. Н. Дурново, **Грамматический словарь.** Moskva, nakl. L. D. Frenkel', 1924, 154 sloupců.

Je to věcný slovník termínů mluvnických a vůbec jazykovědných. Napsána byla tato hesla pro slovník „Литературная Энциклопедия" vydávaný týmž nakladatelstvím, ale vyšla i samostatně, doplněna několika hesly, která napsal pro encyklopedii A. M. Peškovskij (лексема, предложение, синтаксис, слово, этумология). Psána jsouce pro neodborníky, vykládají přístupně a jasně gramatické pojmy podle dnešního stavu badání na současném jazyku ruském, místy také odkazují na důležitější literaturu odbornou, většinou ruskou. Kdo jednou zkusil, jak se těžko formulují taková jasná a stručná poučení, uzná i v tom velkou zásluhu autorovu a přednosti jeho spisku. Za hesla brány jsou většinou názvy ruské, výběr jejich jest bohatý a hesla nejsou shrnována v hesla ústřední: na př. samostatně jsou probírána hesla возвратный залог, действительный, средний a страдательный vedle hesla залог.

Přece však jsem nenašel některá hesla, která by podle mého mínění mohla býti v podobném slovníku: na př. stilistika, dětská řeč, determinativ, differenciace, dubleta a j. Obsah některých hesel bude se vždy měniti podle různých škol a směrů: na př. u nás vlivem školy Zubatého byla by jinak zpracována hesla предложение, сказ, v nichž autor uvádí skoro jen mínění jiných badatelů, Fortunatova a Ovsjanika-Kulikovského, heslo фонетический закон jest ještě přísně mladogramatické. Z podrobností bylo by, myslím, lépe v heslu *dissimilace* rozeznávati přesně dvojí dissimilaci: v kontaktu (differenciaci)

na dálku; mluví-li se v heslu *číslo* o tom, že se duál zachoval v slovinštině, ylo by dobře připomenouti, že jest živý i v lužické srbštině a pod.

V celku však jest tato práce zdařilá; nejen že dobře vyhovuje vlastnímu čelu popularisačnímu, pro nějž jest určena, ale poskytuje i dobré poučení dborné a jest tak ziskem vědeckým — tím že autor, vykládaje pojmy gramatická a linguistická na živém jazyce, snaží se určovati dnešní funkce ruských azykových útvarů a opět vyjadřování kategorií mluvnických v jazyce ruském že jest často stručným interpretem názorů ruské školy linguistické, zvláště ázorů Fortunatovových, a někde ovšem také svých vlastních jako na př. článcích **говор, наречие, язык.** *Boh. Havránek.*

Проф. Олександер Колесса: **Погляд на історію української мови.** навгураційний виклад, виголошений в Українському В. Університеті в Празі 3. жовтня 1921. В Празі 1924. 43 стр.

В брошюре даётся очень беглое изложение истории украинского зыка. Не отрицая его ближайшей связи с другими русскими языками, втор не признаёт однако существования общерусской эпохи, возводя краинский и другие русские языки к разным соседним диалектам общелавянского языка. Почти все характерные черты малорусского языка втор находит уже в языке писцов древнейших — XI в. — письменных краинских памятников, к которым относит все русские рукописи этого ремени, кроме заведомо севернорусских. Даже нынешнее различие между алорусскими говорами с дифтонгами или *и* в новых закрытых слогах м.-р. говорами с *і* в тех же положениях проф. К. возводит не позже, как XI в., хотя и принимает гипотезу А. И. Соболевского о „новом ѣ,“ каалось бы, несовместимую с положением проф. К. о диалектическом измеении *о*, *е* в новых закрытых слогах в *і* не позже XI в. Каких-ниб. новых ообpажений в защиту своих взглядов автор не приводит; цитаты из памятиков крайне немногочисленны и случайны; о нынешних говорах говоится мало, без примеров; история литературного украинского языка IX и нач. XX в. ограничивается упоминанием имён писателей, указанием бластей, откуда они родом, и общими словами.

Praha. *Николай Дурново.*

О. Курило: **Фонетичні та деякі морфологічні особливости говірки ела Хоробричів,** давніше Городнянського повіту, тепер Сновської округи а Чернигівщині. У Києві. 1924; 2 + 111 стр.; литогр. изд. [Всеукраїнська кадемія Наук. Збірник історично-філологічного відділу; № 21 (= Праці тнографічної Комисії)].

В начале даются сведения об историческом прошлом села Хоробрич, го нынешнем населении и о лицах, служивших обьектом наблюдения. атем следует обстоятельное описание звукового состава говора, занимаощее бóльшую часть книги (стр. 6—75), далее краткие сведения по морфоогии (стр. 75—82), записи связной речи (разговоры — стр. 83—86, несколько заговоров — стр. 87—88), список собственных имён, фамилий прозвищ в фонетической транскрипции (89—96) и примечания (97—111). лавное внимание автора обращено на точное описание отдельных звуков точную фонетическую транскрипцию приводимых примеров и образцов. тим стремлением к точности и обьясняется то обстоятельство, что книга глитографирована, а не напечатана с набора. Автор обнаруживает хороее знакомство с научной литературой и с приёмами научного описания. арактеристика звуков и форм Хоробрицкого говора сопровождается многоисленными примерами в точной фонетической транскрипции. Записи сдеаны очень тщательно и передают довольно мелкие оттенки произношения.

Говор с. Хоробрич — южнобелорусский или переходный к белорускому на северномалорусской основе с особыми гласными неоднородной ртикуляции (как характеризует их Курило; это — то же, что „дифтонги“ ругих наблюдателей) под ударением и в падежных окончаниях из старых *е* в новых закрытых слогах и из *ѣ*, с аканьем и сильным яканьем, со

смягчением согласных перед *e* и *i*, с сильно палатализованными *d'*, *t'*, переходящими иногда в мягкие свистящие аффрикаты и т. п.

Brno. 20. II. 1925. *Николай Дурново.*

Крывіч, месячнік літэратуры, культуры і грамадзкага жыцьця. Vychází v Kovně pod redakcí V. Lastovského a K. Duž-Duševského. Za r. 1923 vyšlo 6 čísel. Časopis věnuje značně místa také věcem, jež se stýkají s filologií.

V č. 1 je článek *„Тэрмінолёгія да анатоміі і фізыялёгіі“* (str. 62—64). Terminologie v tomto článku navrhovaná nevyhovuje. Její sestavovatelé měli by se dorozumívati s Vilnem, kde jsou lidé s větší k tomu přípravou, a možno-li i s Minskem. Zajímavý je článek *„Крыўска-беларускі іменнік“* (v č. 6 str. 34—43). Pěti obdobím lidského věku odpovídá v běloruštině pět tvarů téhož jména. Na př. jméno *Adam* pro dítě do 8 let má tvar *Ádzik*, pro věk pozdější *Adúk*. Pro věk jinošský, 17—18 let, zní jméno *Adáś*; potom když přechází „з дзяцюцкага стану ды ў мускую славу,“ člověk je dospělý, říká se mu *Adám*. Když má dospělé děti, jmenují ho *Adáš*. Autor sebral ze starých památek a dnešních národopisných sborníků hojně příkladů podobných obměn ke 230 jménům církevněslovanským. Na př.: Евксентій — Áксік, Аксюк, Аксі́сь, Аксё́м, Акса́йла; Анастасій — Áсьцік, Асту́к, Аста́сь, Аста́с, Астáш. Také ženská jména mají různou formu podle věku; na př. Аврелія — Аўру́ня, (Аў)Рэ́лька, Аўру́ся (nebo (Аў)Ралі́ся), Аўрэ́ля,Ралі́на. Jména jsou takto podle věku rozlišována dosud na mnohých místech Bělorusi. Bylo by ovšem třeba srovnati přípony různých tvarů jmen s příponami rozmanitých běloruských deminutiv a pod.; to by zároveň přispělo k přesnějšímu rozlišení jmen podle věku. Možná že se pro jeden a týž věk užívá nejen jednoho tvaru, nýbrž tvarů několika, lišících se koncovkami.

В. Л-кі. v článku „Матэр'ялы да беларускага зельніка“ (č. 4 str. 40—44) sebral v okrese Lepelském, Disenském a Pružanském běloruské názvy botanické a srovnal je s vyskytujícími se názvy rostlin v běloruských sbornících národopisných. Je tu podáno 390 botanických názvů běloruských proti 340 latinským.

Pro všeobecný běloruský slovník podává látku článek o běloruských synonymech (Беларускія аднасловы, č. 5, str. 29—32, č. 6, str. 43—46). Uvádí slova příbuzného významu a vysvětluje jejich odstíny. Vedle slov vysvětlených dobře jsou i vysvětlení nesprávná. Tak nesprávně rozlišuje Vlast slova *розны* a *рожны*, *адказ* a *адповедзь*. Jsou to slova stejného významu a běloruštině patří pouze *rozny* a *adkaz*, jak je viděti ze starých památek i z dnešní řeči. Stejně se mýlí Vlast, chce-li užívati zájmena *koždy*, jelikož všude máme doloženo slovo to s příponou *-ьno*: *kožny*, *kažny*, a může býti jen otázka, který tvar z těch dvou třeba voliti. *Každy* nebo *koždy* vyskytuje se v památkách jenom sporadicky a dá se vysvětliti vlivem cizím.

Pozornosti zasluhuje hrstka dokladů pro běloruská epitheta a metafory, které podává *V. L.* v č. 4 (эпітэты і мэтафоры), ku př. кот — мурчак, курневіч; мядзьведзь — мармыль, мармулевіч; вецер — буйны, лістадзёр, лістагон, шугавей, сьвістун, пасьвістач; дачкі — лябёдкі, перапёлкі; сыны — салаўі, сакалы; гаспадыня — ластавіца, зязюля.

Chybou všech těchto článků je, že při každém slově není ukázáno, odkud je vzato nebo kde bylo zapsáno.

V oddíle »Zapisky« jsou mnohá vysvětlení jednotlivých slov.

Pro dějiny staré běloruské literatury má význam báseň „Старабеларуская калядка“ (č. 4), nalezená na vazbě jedné staré knihy a pocházející z 18. stol.

Pro běloruský národopis zajímavé jsou články od **V. Lucvjaha** „Дуда“ (č. 3) a od **Pahaščanina** „Да шуканьня крыніс народнае творчасьці“ (č. 3).

J. Stankevič.

Русская литература и языкъ на Съѣздѣ Русскихъ Ученыхъ въ Прагѣ.

На словесной подсекціи русскаго ученаго съѣзда, происходившаго въ Прагѣ, были заслушаны слѣдующіе доклады: 1. проф. С. Г. Вилинскаго: „Къ вопросу о научномъ курсѣ русской народной поэзіи“, 2. С. I. Ка

цевскаго: „Новѣйшія теченія въ области изученія русскаго синтаксиса (А. А. Шахматовъ, Н. М. Петерсонъ и др.). 3. Д. Н. Вергуна: „Необходимость пересмотра научныхъ программъ по руссовѣдѣнію“, 4. проф. Е. В. Аничкова „Рукописи Лермонтова и его первая любовь“ и 5. А. Л. Бема: „Игрокъ“ Достоевскаго при свѣтѣ новыхъ біографическихъ данныхъ.

I. Проф. С. Г. Вилинскій въ своемъ докладѣ на тему: „Къ вопросу о научномъ курсѣ русской народной поэзіи“ привелъ рядъ доводовъ и соображеній въ защиту выдѣленія народной поэзіи изъ курса исторіи русской литературы въ отдѣльную самостоятельную дисциплину историко-литературнаго характера. За такое выдѣленіе говоритъ, по мнѣнію докладчика, своеобразіе источниковъ народной поэзіи, самое существо предмета и методы изученія его. Поэзія культа, поэзія быта, поэзія исторической жизни — такова основная схема курса народной поэзіи. предложенная проф. С. Г. Вилинскимъ. Заключительная часть доклада была посвящена доказательству возможности созданія исторіи русской народной поэзіи на основѣ изученія эволюціи формъ и содержанія народнаго творчества.

Въ преніяхъ по докладу проф. А. А. Кизеветтеръ, возражая противъ противоположенія народной поэзіи, какъ коллективной, поэзіи индивидуальной, письменной, указалъ на значительную роль личнаго творчества въ народной поэзіи. Въ связи съ попутнымъ указаніемъ докладчика, что древняя книжная литература питалась преимущественно книжными иноземными источниками, проф. Кизеветтеръ обращаетъ вниманіе историковъ русской литературы на связь произведеній древнерусской письменной литературы съ подлинными фактами тогдашней дѣйствительности. Въ доказательство такой тѣсной связи между литературой и жизнью, проф. Кизеветтеръ указываетъ, что ему пришлось изучить много архивныхъ дѣлъ о гостинномъ родѣ XVI–XVII в. в. Грудцыныхъ, и оказалось, что герой извѣстной повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ — историческое лицо. Фабула повѣсти взята изъ дѣйствительности.

Акад. В. А. Францевъ въ своемъ возраженіи указалъ, что эволюція поэтическихъ формъ народной словесности вопросъ большой важности, мало изученный, но это изученіе должно слѣдовать за обстоятельнымъ изученіемъ сюжетовъ, содержанія, культурныхъ взаимодѣйствій. Въ этихъ вопросахъ русская наука сдѣлала весьма много, и новѣйшіе курсы, наприм. Сперанскаго, основаны на изученіи богатой литературы по изученію народной словесности. Отдѣлить народную словесность отъ письменности нельзя, ибо между ними имѣется тѣснѣйшая связь.

Проф. М. М. Мурко главное вниманіе сосредоточилъ на роли индивидуальнаго творчества въ народной поэзіи. Онъ привелъ рядъ цѣнныхъ наблюденій надъ народнымъ творчествомъ въ Босніи, Герцоговинѣ и Черногоріи. Въ послѣдней, наприм., роль тамбуриста совпадала съ ролью пѣвца. Пѣсня не только заказывалась, но иногда и подвергалась цензурѣ. Особенно ярко личное творчество среди гайдуковъ. Твердаго навсегда даннаго текста пѣсни нѣтъ. Это объясняется тѣмъ, что пѣвецъ пока еще и поэтъ. Поэтому такое большое значеніе пріобрѣтаетъ непосредственное наблюденіе надъ народнымъ творчествомъ. Связь народной поэзіи и письменности настолько сильна, что выдѣленіе народной словесности въ отдѣльную самостоятельную дисциплину представляется проф. Мурко искусственнымъ.

Проф. Е. В. Аничковъ считаетъ, что самое противоположеніе народной т. е. устной поэзіи и письменности утратило въ настоящее время свою остроту. Еще Ждановъ категорически высказалъ мнѣніе, что источники народной словесности — въ письменности. Въ вопросѣ о мѣстѣ народной поэзіи въ русской литературѣ надо исходить изъ двухъ положеній: 1. народная словесность: пѣсни, обрядъ, сказки, старины существуютъ отъ первыхъ вѣковъ христіанизаціи Руси до нашихъ дней, иначе говоря развитіе или сохраненіе народной поэзіи изустной сосуществуетъ съ развитіемъ и сохраненіемъ письменности, лишь условія того и другого различны, 2. изслѣдованія послѣдняго времени позволяютъ пріурочивать сю-

жеты, особенности, происхожденіе и укладъ народной словесности къ опредѣленнымъ эпохамъ. Мѣсто какое надо отводить народной словесности, слѣдовательно, опредѣлится исторіей народной словесности параллельной съ исторіей письменности.

II. На цѣнномъ докладѣ проф. Е. В Аничкова „Рукописи Лермонтова и его первая любовь“ я не останавливаюсь, такъ какъ онъ появится на страницахъ журн. »Slavia«.

III. А. Л. Бемъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Игрокъ“ Достоевскаго при свѣтѣ новыхъ біографическихъ данныхъ. Докладъ сводился въ существенной части къ слѣдующимъ положеніямъ:

Однимъ изъ наиболѣе темныхъ мѣстъ біографіи Достоевскаго является его второе заграничное путешествіе (авг.-окт. 1863 г.). Обычно оно объясняется необходимостью для больного Достоевскаго поправить свое разстроенное здоровье. Но при внимательномъ изученіи данныхъ біографіи Достоевскаго того времени нетрудно замѣтить, что въ жизни его были какія-то особыя, скрытыя отъ насъ обстоятельства, связанныя со временемъ его второго путешествія заграницу. Эту догадку подтверждаетъ и анализъ „Игрока“, задуманный именно въ это время (см. письмо Н. Н. Страхову, 18 сент. 1863 г. изъ Рима). „Игрокъ“ пронизанъ необычайною личною взволнованностью всюду, гдѣ на сцену является Полина.

Дневникъ А. П. Сусловой, найденный докладчикомъ среди рукописей Россійской Академіи Наукъ, впервые пролилъ свѣтъ на этотъ періодъ жизни Достоевскаго. Данныя объ этомъ дневникѣ и о личности ея автора сообщены въ статьѣ докладчика »F. M. Dostojevskij a A. Suslovová“, (Naše Doba, 1924, XXXI/5, стр. 287—291). Для пониманія „Игрока“ этотъ дневникъ имѣетъ весьма цѣнное значеніе. Изъ него выясняется, что „Игрокъ“ является въ значительной мѣрѣ творческимъ отображеніемъ личныхъ переживаній автора.

Докладчикъ предлагаетъ свое пониманіе „Игрока“, какъ художественнаго замысла. „Игрокъ“ былъ задуманъ какъ трагедія страсти. Въ немъ могутъ быть вскрыты сюжетныя и психологическія реминисценціи „Пиковой Дамы“ Пушкина (общность темы, сходное планированіе сюжета при извѣстной близости психическихъ черть „бабушки“ и „графини“, М-ръ Астлей, какъ творческое развитіе эпизодическаго англичанина „Пиковой Дамы“). Въ построеніи сюжета есть связь съ пушкинской формулой „двѣ неподвижныя идеи не могутъ вмѣстѣ существовать въ нравственной природѣ“. На первомъ мѣстѣ въ „Игрокѣ“ стоитъ страсть любви, игра только средство, способъ достиженія любви. Страсть игры призвана на службу страсти любви. Герой „Игрока“ подпадаетъ соблазну идеи: — внѣшнимъ путемъ, внезапно разбогатѣвъ, измѣнить внутреннія отношенія къ Полинѣ. На этой почвѣ развивается трагедія „Игрока“. Герой „Игрока“ въ ослѣпленіи внѣшней удачи принимаетъ болѣзненный порывъ Полины за осуществленіе мечты о счастьи. Страсть игры заслонила живую человѣческую личность, и расплата наступаетъ съ роковой неизбѣжностью. Такое пониманіе „Игрока“ включаетъ эту повѣсть въ кругъ постоянныхъ творческихъ идей Достоевскаго. Крушеніе Алексѣя Ивановича произошло на почвѣ вѣры въ возможность измѣненія отношеній къ Полинѣ не путемъ внутренняго преображенія, а путемъ внѣшней удачи, внѣшняго успѣха.

За объективной темой психологическаго романа въ „Игрокѣ“ легко прослѣдить интимныя нити личной жизни Достоевскаго. Въ дневникѣ Сусловой имѣется одинъ эпизодъ, который ставилъ Достоевскаго въ положеніе психологически близкое къ положенію героя „Игрока“. Суслова въ Парижѣ сблизилась съ докторомъ-испанцемъ какъ разъ въ то время, когда Достоевскій пріѣхалъ к ней, какъ было раньше условлено. На почвѣ внутреннихъ отношеній между докторомъ и Сусловой происходитъ разрывъ, послѣ этого Достоевскій убѣждаетъ Суслову ѣхать съ нимъ въ Италію на положеніи друга и брата. Эта поѣздка кончается новымъ сближеніемъ, въ результатѣ котораго у Сусловой остается къ Достоевскому чувство, временами переходящее въ ненависть. Такимъ образомъ, отношенія Полины къ Французу Де-Гріе и роль Алексѣя Ивановича въ этихъ отноше-

ніяхъ до извѣстной мѣры отражали опытъ личной жизни Достоевскаго. Внутренняя трагедія въ отношеніяхъ Достоевскаго къ Сусловой осложнялась привходящимъ внѣшнимъ обстоятельствомъ: острымъ безденежьемъ.

Загадка любви Полины къ Де-Гріе была для Достоевскаго не отвлеченной художественной проблемой, а попыткой осмыслить лично выстраданную трагедію. Отсюда приподнятый и страстный тонъ разсужденія въ „Игрокѣ" о Французѣ и русской барышнѣ. Подобно герою „Игрока" Достоевскій, запутавшись въ противорѣчіяхъ внутреннихъ отношеній, подпадаетъ соблазну разрѣшить ихъ путемъ измѣненія внѣшняго своего положенія. Онъ прибѣгаетъ къ игрѣ въ рулетку. Описаніе игры въ письмѣ изъ Турина отъ 8/20 сент. 1863 г. весьма близко по содержанію и манерѣ къ записямъ въ „Игрокѣ". Онъ проигрывается до тла.

Подобно герою „Игрока", Достоевскій подводитъ итоги самаго бурнаго періода своей жизни долго спустя послѣ катастрофы. Нужно было подойти къ „переломному" періоду, когда остро сознаніе крушенія прошлаго и смутны еще предощущенія будущаго. Достоевскій не любилъ раскаиваться въ своемъ прошломъ. Раскаяніе для Достоевскаго не путь преодолѣнія прошлаго; это преодолѣніе дается ему путемъ творческаго преображенія. Вырваться изъ хаоса можно, если „дать себѣ, по возможности, точный отчетъ во всемъ приключившемся". Этотъ путь былъ закрытъ для героя „Игрока", онъ былъ данъ Достоевскому. Его спасаетъ цѣлительный даръ творчества. „Игрокъ" и былъ такимъ творческимъ преодолѣніемъ Достоевскимъ своего недавняго прошлаго. Внутренній смыслъ „Игрока", какъ выстраданный итогъ личной трагедіи, можетъ быть сведенъ къ слѣдующей мысли: идея однимъ оборотомъ колеса, безъ внутренняго преображенія, овладѣть счастьемъ-ведетъ неизбѣжно къ катастрофѣ.

IV. Единственнымъ лингвистическимъ докладомъ былъ докладъ С. І. Карцевскаго: О новѣйшихъ теченіяхъ въ области изученія русскаго синтаксиса, посвященный критикѣ московской, иначе формально-грамматической школы. — Отправнымъ пунктомъ для нея является ученіе Ф. Ѳ. Фортунатова о формѣ. Форма это способность слова распадаться въ сознаніи говорящихъ на основную и формальную принадлежности (напр. *вод-а*); упрощенно: форма это звуковое выраженіе формальной принадлежности. Сами того не замѣчая, формалисты вращаются въ заколдованномъ кругу изученія звукового выраженія формъ, обнаруживаемыхъ по ихъ звуковому выраженію. По мнѣнію докладчика, основное положеніе при подходѣ къ языку сводится къ слѣдующему: въ словахъ, кромѣ реальнаго значенія, заключены значенія формальныя, категоріальныя (видъ, лицо время, падежъ, родъ и т. д.); носители этихъ формальныхъ значеній въ ихъ звуковомъ обнаруженіи и являются грамматической формой. Къ подобному же заключенію въ послѣдніе годы пришелъ и А. А. Шахматовъ: „Звуковое выраженіе грамматической категоріи есть грамматическая форма" (см. С. И. Бернштейнъ: Основн. вопросы синтаксиса въ освѣщеніи Шахматова. Изв. Отд. р. я. и слов. Акад. Наук, т. XXV. Птг. 1922). Задачею грамматики является изученіе формальныхъ значеній въ языкѣ и ихъ носителей.

Въ борьбѣ съ логико граммат. направленіемъ „формалисты" вдались въ противоположную крайность, и изгнали изъ грамматики смысловые критеріи и даже простой здравый смыслъ (особенно это замѣтно у М. Н. Петерсона; менѣе другихъ грѣшитъ этимъ А. М. Пѣшковскій). Особенно поучительна съ этой стороны классификація частей рѣчи, предлагаемая формалистами. Въ своихъ основныхъ чертахъ она сводится къ слѣдующему. Фортунатовъ различалъ формы словоизмѣненія и формы словообразованія. Слова съ формами словоизмѣненія подраздѣляются на нѣсколько разрядовъ, смотря по характеру измѣненій (по лицамъ, по падежамъ, по родамъ и т. д). Въ результатѣ — инфинитивъ и дѣепричастіе попадаютъ въ разрядъ особыхъ неизмѣняемыхъ частей рѣчи наряду съ нарѣчіемъ, предлогомъ, союзомъ (Пѣшковскій разсматриваетъ причастіе тоже какъ особую часть рѣчи). Глаголомъ считаются только слова съ формами лица, поэтому Петерсонъ выноситъ прош. время въ ту же рубрику, гдѣ находится

краткая форма прилагательнаго. Получается механическое разсѣченіе живой ткани языка, отъ языка какъ нѣкоторой системы ничего не остается. Подобные выводы вытекаютъ съ неизбѣжностью изъ ученія Фортунатова о формѣ. — По мнѣнію докладчика слова различаются прежде всего по характеру формальныхъ значеній, заключенныхъ въ нихъ: глаголы — слова съ форм. значеніями вида, управленія, залога, лица, числа, наклоненія и т. д.; существительныя — слова съ форм. значеніями числа, падежа рода и т. д. Такое же дѣленіе мы встрѣчаемъ и у Шахматова въ его посмертныхъ работахъ.

Формалисты совершенно выбросили понятіе функціи изъ языка, и наиболѣе послѣдовательные изъ нихъ (А. Петерсонъ и отчасти Н. Н. Дурново) разсматриваютъ языкъ внѣ всякой динамики (какъ будто бы синхронія и динамика исключаютъ одна другую). Тогда какъ, по мнѣнію С. І. Карцевскаго, формы языка только тогда и понятны, когда въ нихъ видишь выраженіе функціи. Такъ глагольныя формы распадаются на личныя (наклоненія), т. е. глаголъ въ функціи предиката, и неличныя: инфинитивъ, дѣепричастіе, причастія — съ особымъ назначеніемъ (напр. причастіе — это глаголъ въ роли опредѣленія, т. е. прилагательнаго; дѣепричастіе — глаголъ въ роли обстоятельства, т. е. нарѣчія и т. д.). У Шахматова еще нѣтъ динамическаго пониманія языка, но онъ былъ уже на пути къ нему, когда говорилъ о переходѣ частей рѣчи одна въ другую.

Вообще критики формальнаго-граммат. направленія встрѣчаютъ неожиданную поддержку со стороны столь авторитетнаго ученаго, как А. А. Шахматовъ. Въ своихъ синтактическихъ (пока еще неопубликованныхъ работахъ) онъ круто порываетъ со школой Фортунатова. Въ противоположность самому Фортунатову онъ особенно интересуется статическимъ, точнѣе синхроническимъ подходомъ къ явленіямъ живого языка. Его синтаксисъ строится на психологическихъ основаніяхъ и тѣмъ самымъ сближается отчасти съ ученіемъ Потебни. Только идя по той же дорогѣ, на которую вступилъ Шахматовъ, можно выйти изъ тупика, въ который загнали грамматику послѣдователи московской школы. Дѣятельность форм.-грамматистовъ имѣла большое значеніе въ изученіи языка, но теперь роль ихъ кончена. *А. Б.*

The Slavonic Review. A Survey of the Slavonic Peoples, their History, Economies, Philology and Literature. Published by the School of Slavonic Studies in the University of London, King's College. — Книги 1—8.

Съ іюня 1922 г., подъ редакціей Бернара Пэрса, Р. В. Сатонъ-Уотсона и Гаральда Вильямса, выходитъ въ Лондонѣ журналъ на англійскомъ языкѣ, посвященный вопросамъ культуры, науки, литературы, исторіи, общественной, экономической и, въ извѣстномъ смыслѣ, политической жизни славянства. Съ восьмой книги редакція усилила свой составъ привлеченіемъ къ сотрудничеству и американскихъ славистовъ Самуэля Гарпера и Роберта Г. Лорда, кромѣ Роберта Кернера, занявшаго должность соредактора уже въ іюнѣ 1924 г. Это увеличеніе числа ближайшихъ сотрудниковъ объясняется необходимостью объединить лицъ, активно интересующихся и проникнутыхъ симпатіями къ славянству не только въ Англіи, но и въ Америкѣ. Этимъ путемъ достигается привлеченіе всѣхъ, кто выражаетъ намѣреніе способствовать созданію дружественныхъ отношеній между англо-саксонскимъ и славянскимъ мірами. За послѣдніе годы медленно, хотя настойчиво, стало сознаваться въ Америкѣ значеніе славянской части Европы, къ дальнѣйшимъ судьбамъ которой чутко прислушивается общественное мнѣніе и по ту, и по эту сторону океана.

Уже самый фактъ созданія такого журнала есть важное и знаменательное явленіе въ области взаимоотношеній славянства и англо-саксонцевъ, такъ какъ до послѣдняго времени славянскій языкъ, славянская душа и культура, не исключая и русской, были менѣе всего объектомъ научнаго изученія у англичанъ и американцевъ. Славянскія страны изучались постольку, поскольку это было необходимо для конкретной цѣли въ сферѣ экономическихъ и политическихъ достиженій. Едва ли не впервые редакція

пытается освѣтить славянскій міръ изнутри — мыслями, сужденіями самихъ дѣятелей славянской науки и культуры, открывая имъ возможность представиться англійскому общественному мнѣнію во всемъ разнообразіи своихъ взглядовъ на прошлое и настоящее славянства. Въ этомъ отношеніи руководители журнала проявили большую широту взглядовъ и терпимость, приглашая представителей самыхъ разнообразныхъ и часто непримиримо борющихся теченій высказываться на страницахъ своего органа. Можно сказать, что редакція такъ именно и понимала свою задачу — дать общія понятія о людяхъ и идеяхъ, дѣйствующихъ въ славянскомъ мірѣ, не выступая съ сужденіями въ спорныхъ вопросахъ и не дѣлая попытокъ синтетическаго или примирительнаго свойства. Безъ сомнѣнія, это лучшій способъ привлечь вниманіе широкаго круга такихъ читателей, которые предпочитаютъ традиціонное спокойствіе давно усвоенныхъ, хотя подчасъ слишкомъ общихъ положеній тревожнымъ исканіямъ въ дебряхъ славянскаго лабиринта. Только этими соображеніями и можно объяснить внутреннія требованія со стороны редакціи — сказать немногое, общее, но существенное о многомъ, не боясь нѣкоторой пестроты въ подборѣ статей и не гонясь за единствомъ настроенія.

Въ первой книгѣ находимъ статью Т. Г. Масарика „О положеніи славянъ въ новой Европѣ“. Въ ней дается краткій обзоръ политическаго и экономическаго положенія славянскихъ государствъ послѣ войны и указывается на ближайшія задачи, къ осуществленію которыхъ они должны стремиться. Общимъ вопросамъ посвящена также статья П. Б. Струве „Россія“, гдѣ авторъ проводитъ параллель между французской и русской революціями. Въ третьей книгѣ покойный проф. П. И. Новгородцевъ въ краткой статьѣ: „Славянскія взаимоотношенія“ обрисовываетъ положеніе русскихъ бѣженцевъ и приводитъ интересныя данныя, касательно помощи, оказываемой имъ чехословацкимъ правительствомъ.

Исторія литературы представлена статьями Н. Форбса „Первыя русскія лѣтописи“, Ѳ. Зѣлинскаго: „Крестьянскій элементъ въ польской литературѣ“; далѣе — статьи А. Новака, знакомящаго насъ съ чешской литературой довоеннаго и послѣвоеннаго періода, П. Б. Струве, о жизни и творчествѣ И. С. Аксакова, Л. Гайде, дающаго краткій очеркъ о личности и дѣятельности чешскаго писателя-мистика Отокара Бржезины. Русской литературѣ посвящены также статья Д. С. Мірскаго: „Древняя русская литература, ея мѣсто въ исторіи цивилизаціи“, и вторая статья того же автора о Пушкинѣ, И. Франко „Тарасъ Шевченко“, Е. А. Ляцкаго „Стиль Достоевскаго“ и Г. В. Флоровскаго „Къ юбилею Тютчева“.

Изъ статей историческаго и философскаго характера отмѣтимъ статьи А. А. Кизеветтера: „Ключевскій и его русская исторія“, Н. О. Лосскаго: „Преемники Вл. Соловьева“ и „Философія Вл. Соловьева“. О музыкѣ очеркъ В. Гельферта: „Бедржихъ Сметана“. Въ отдѣлѣ искусства находимъ статью Левинсона подъ заглавіемъ: „Реставрація древне-русской живописи“.

Видное мѣсто въ журналѣ занимаютъ переводы со славянскихъ языковъ. Выборъ ихъ, конечно, рѣдко зависитъ отъ воли редакціи и потому элементъ случайности здѣсь всегда неизбѣженъ. Изъ крупныхъ сочиненій укажемъ, прежде всего, на такое классическое произведеніе, какъ „Горе отъ ума“ и рядъ поэтическихъ произведеній Пушкина, среди которыхъ полностью „Сказка о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ“. Наряду съ этимъ достоенъ быть отмѣченъ переводъ знаменитаго романа Реймонта „Крестьяне“ и мелкіе разсказы Яна Неруды. Стихами переведены нѣкоторыя произведенія Крылова, Лермонтова, Мицкевича, Фета, Соловьева, Бальмонта, Ахматовой, Махара, Тютчева. Особенно удачны переводы нашихъ новѣйшихъ поэтовъ.

Богатымъ отдѣломъ является отдѣлъ библіографическихъ указаній и свѣдѣній о томъ, что дѣлается въ различныхъ странахъ въ области изученія славянства.

Конечно, всѣ друзья славянства встрѣчаютъ съ самымъ горячимъ сочувствіемъ столь интересный журналъ и не могутъ не желать ему самаго широкаго успѣха. *Евг. Ляцкій.*

O vlivu maďarské literatury na slovenskou a maďarštiny na slovenštinu dosud bylo málo psáno, ač k studiu těchto vlivů vybízel nejednou Jar. Vlček. Na slovenské straně byla tu bolestná nedůtklivost, aby slovenská původnost ať skutečná, ať domnělá nepozbyla na ceně. O maďarském vlivu mysleli »sme, že tento vplyv je len povrchný, že javí sa len v panštení sa našich malomešťanov, v upúšťaní od krojov a staroотcovských zvykov, v osvojovaní si svetáckeho ducha; a pri tom tak romanticky zakladali sme si na tom, že ako Tatry stoja pevne a vzdorujú časom, tak i náš slovenský duch v hĺbke je nedotknuteľný, neprístupný cudzím vlivom, čistý. Ale len malý pokus v tejto veci presviedča nás o inom«, praví dr. Pavel Bujnák v úvodě své pěkné studie »Jan Arany v literatúre slovenskej. Úvaha z oboru srovnávacích dejín literárnych«. (V Praze 1924, VI. sv. Prací z vědeckých ústavů filos. fakulty Karlovy university v Praze, stran IV + 198 za 21 Kč.) Bujnák po úvodních všeobecných úvahách o literárních vlivech objasňuje život, osobnost, dobu, básnické dílo a formu proslulého epika a baladisty maďarského Jana Aranya, nazývaného nejčistším, nejmaďarštějším básníkem, potom sleduje jeho vlivy v slovenské literatuře na Ľud. Žella, Jakuba Graichmana, Miloslava Dumného (Dan. Bacháta), J. Al. Fábryho, Bela-Kleina Tesnoskalského, Ad. Sv. Osvalda, Em. Podhradského, Hviezdoslava, Petra Bellu-Horala, Dlhomíra Poľského, Somolického a Martina Rázusa. V oddíle čtvrtém připomíná slovenské prvky v poesii Aranyově a nakonec přičiňuje stručnou bibliografii Aranyových básní v československé literatuře. Cenná je zejména obšírná partie, věnovaná zjištění vlivů Aranyových na Hviezdoslava. Místy bude však třeba hledati jinou filiaci látkovou. Bujnák tvrdí na př., že Graichman svou romanci »Ivan a Ľudmila« napsal na základě Aranyovy básně »Rózsa és Ibolya«, ale pro odchylky se táže, zda Graichman neznal i slovenský lidový originál pohádky. Jasnou odpověď na tuto otázku dává Polívka (Súpis slovenských rozprávok, II. 1924, str. 279), který uvádí všechny verse známé slovenské pohádky, zpracované i Zeyerem v »Radúzovi a Mahuleně«. V tomto případě Graichman patrně neužil Aranya, který měl svým základem lidovou maďarskou pohádku. Záslužný je i Bujnákův formální rozbor, vliv řeči a verše Aranyova na básnickou formu slovenskou, ale tu bude ještě třeba podrobnějšími studiemi zjistiti vývoj slovenského verše vůbec, aby napodobení Aranya bylo jasné a bez námitek. Jinak Bujnákova monografie jako první svého druhu zaslouží pozornosti. *J. Mk.*

Prvé shromaždenia národné v Turčianskom Sv. Martine znovu popsal a v nové formě pod uvedeným názvem vydal Jozef Škultéty (Turč. Sv. Martin. 1924, str. 73 s četnými obrázky). Jde jednak o národní shromáždění r. 1861 a Memorandum slovenského národa, jednak o slavnostní otevření Matice Slovenské r. 1863, které Škultéty doprovází širokým výkladem historickým a cennými detailními vzpomínkami, týkajícími se zvláště jednotlivých osobností a rodin turčansko-svatomartinských. Ukazovatel věcný i jmenný umožňuje rychlou orientaci. *J. Mk.*

Výtahy z časopisů.

Listy filologické. Ročník LI. V Praze 1924.

Prokop Lang: Praslov. *astrębъ* (str. 20—28). V psl. žilo vedle sebe nějaký čas dvé adjektiv, *ostrъ* (= **aḱros* ‚ostrý, vrchní‘) a **(j)asъ* (= **ōḱús* ‚rychlý‘, ř. *ὠκύς*, stind. *āśúḥ*). Vzájemným přiblížením (zejména významovým) přetvořeno **(j)asъ* v adj. **(j)astrъ*, od něhož kmenotvornou příponou *-ębъ* utvořeno subst. *jastrębъ*, označující ptáka rychlého v nejširším smyslu toho slova. Lat. *accipiter* mohlo by býti odvozeno příponou *-er* od základu **accipit-* (k předpokl. adj. **acceps*). — **Josef Straka**: K staročeské literatuře náboženské. I. Výklady císaře Karla IV. na sv. Matouše XIII, 44—52 (str. 28—42). Sleduje se vzájemný poměr tří textů, v nichž je tento výklad dochován. II. Staročeský »Ostnec milosti« (str. 135—145). Pod tímto jménem známa jest řeč obsažená v »Řečích nedělních a svátečních« T. Štítného a v Ev. sv. Matouše s homiliemi, vydaném Jos. Holubem. Je to zpracování textu otištěného v Mignově Patrologii latinské sv. 184 a 158. Mezi oběma zpracováními staročeskými jsou značné rozdíly. Přece však autor míní, že jest předpokládati jediný a týž překlad starší, předštítenský. Je to tedy patrně doklad toho, že stará překladová literatura náboženská byla již za věku Karlova v Čechách hojnější, kolovala v přepisech a byla odtud přebírána do větších sborníků, a to i Štítným. Vývoj dochovaných staročeských zpracování tohoto textu. — **Klára Pražáková**: Pramen Macharovy básně »V ovčinci« (str. 105—110). Machar použil pro svou báseň »V ovčinci« ve sbírce »Jed z Judey« německého překladu Duruyova výtahu z řeckého spisu *Κατὰ πασῶν αἱρέσεων ἔλεγχος*, přičítaného biskupu Hippolytovi z Portu. Autorka uvádí další dvě místa, kde Machar užil Duruyových dějin. — **Fr. Bergmann**: O značené délce a pravopisných způsobech v čes. jménech Friedrichova CDB. I. II (str. 110—125). Doklady pro první a nejstarší pokusy označování české délky (označuje se čárkou, stříškou, *u* je s kroužkem, litery bývají zdvojeny). Pozoruhodné způsoby pravopisné: oba členy dvojhlásky *ie* se vypisují bezpečně již v 2. polovici 12. stol. (1175), proniká tento způsob již v 1. čtvrti 13. stol.; doklady psaní *ui*, *u* za *y* v slabice *my* (Premuiscel kol. 1201), *sby-* n. *zby-* (Sbuinic 1226) a *by-*, za *y* bývá též *u.ů*; *ň* se píše *m* (1186). *ng* (1233), *ni*, *ny* (v době před klesnutím jotace: *Trebany*, *Cany* z 12. stol.); *k* se píše do 12. stol. literou *c* převahou, ale v listině z r. 1146/8 je již rovnováha mezi *c* a *k*, píše se i *ch*; hláska *ch* psána literou *ch* již v době kolem r. 1131: písmeno *j* pro hlásku *j* doloženo již z konce 12. stol. Z poznámek: o změně původních maskulin v neutra (ve jménech místních), jmenných tvarů adjektiv vzoru *dobr* v přívlastku v místních jménech bylo v starší době dosti. — **Václav Machek**: Slov. *klъkъ* (str. 125—131). Autor spojuje rodinu slov obsahujících v kořeni *l* (*kl̥k-*, *klə₂k-*, *klek-*, *klok-*, *klōk-*, srv. na př. č. *kluk*, bulh. *klъčište*, csl. *sъklъčiti*, lit. *klèkti* atd.) s formami příslušnými k základu s *r* (srv. na př. č. *Žabokrky*, lit. *kurkulaĩ*, ř. *κρέκω*, germ. *(h)rogen* atd.), vycházeje od kořene **krek-/ klek-* (s jistou reservou spojuje s tímto kořenem i adj. csl. *krěgъkъ*) s významem ‚sraziti se‘ zerrinnen, coagulari‘ a odvozuje odtud všechny významy další: shledává pozdější rozštěpení významové tak, že »slova s *-l-* znamenají obyčejně chuchvalce, kadeře, slova s *-r-* mají pak speciální význam o skupinách žabích vajíček.« Z poznámek budiž upozorněno na autorův výklad slovesa *cьpati* přejetím z německého *stopfen* s metathesí *st/ts*. — **Václav Machek**: Slov. **dъlžь*, stprus. *dulsis* (str. 132—135). Tento psl. termín včelařský pro destičku, kterou se zavíral vertikální otvor do úlu, nutno od-

vozovati od kořene *dəlg-*, plný stupeň je *dolg-*, srv. č. *dláha* (původní význam kořene *dolg-* byl asi ‚ořezávati, osekávati, zpracovávati kusy dřeva řemeslně tak, aby každý dobře zapadl do vydlabaného otvoru, do celkové stavby a pod.'). Kořen *dolg-* sám vznikl rozšířením základu **dol-/*del-* (sem náleží na př. *dъly* ‚sud', snad i r. *дѣль*, pův. asi ‚vysekaná, vyhloubená dutina' a j.); podobným odvozením je **delb-/dolb-*, srv. č. *dlabati*. Stprus. *dulsis* ‚spunt' je přejato z polštiny (když měla ještě **dъlžь*). Brzy uvedeno jméno **dъlžь* v spojitost s adj. **dъlgъ*, s kterým však nijak nesouvisí etymologicky. — **Jan Jakubec:** »O prosodii české« Jos. Krále (str. 145—155). Autor osvětluje význam spisu Králova, všímaje si hlavně jeho methody, leccos cenného přináší i k poznání Královy osobnosti a vykládá, jak si vedl při vydávání tohoto spisu. Je to vydavatelův doslov ke Královu spisu. — **Václav Machek:** Příspěvky etymologické. 1. Slov. *gatь* a *gajь* (str. 240—242). *Gatь* znamenalo pův. chůzi, cestu, most přes vlhká místa a jest je proto možno rozložiti v **gā-ti-s* a spojiti s ide. **guā-* ‚jíti'. Spojení toto má sice již Preobraženskij v Etim. slov. rus. jaz., ale M. tuto myšlenku podrobně vysvětluje. Subst. *gajь*, *gajiti* odvozuje autor od kořene **gāi̯-* ‚zpívati', vykládaje přesvědčivě postup významový. 2. Slov. *mězinъ, mězinьcь* (str. 242—244). Při výkladu tohoto slova, znamenajícího ‚mazlíček, miláček, odtud nejmladší dítě, nejmenší prst, malíček', vycházeti jest z kořene **měz-/miz-* · **moiǵh-/meiǵh-* s pův. významem ‚mazliti se, milkovati se' (na rozdíl od stejného kořene s významem ‚mingere'). Toto *meiǵh-* mohlo by býti podle mínění prof. Hujera rozšířením kořene **mēi̯-* ‚milý, laskavý', srv. slov. *milъ, mirъ*. — **Miloš Noha:** Praslovanská dvojice *-ę -ě* (str. 244—263). Podrobiv kritice novější výklady o tomto předmětu, vykládá sám tuto dvojí koncovku tak, že vychází z jediného základu s nosovkou *(-ens)* a předpokládá, že v psl. nářečích záp. a sev. zaniklo *n* dříve než v nářečích jižních, kdež již nosovost zůstala. — **Bohuslav Havránek:** K české dialektologii (Poznámky k Vydrově práci »Popis a rozbor nářečí hornoblanického,« v Praze 1923), str. 263—271, 337—358. Autor zkoumá, pokud jmenovaná práce Vydrova vyhovuje požadavkům moderní dialektologie. — **St. Souček:** Dva české praménky »Labyrintu« (str. 271—280). Komenský, skládaje »Labyrint«, patrně znal dílo Nathanaele Vodňanského »Široký plac neb zrcadlo světa« a snad i »Duchovní město« od V. Porcia. — **Bedřich Václavek:** K původu písně »Po půlnoci, dřív než kohout« v Čelakovského »Slovanských národních písních« (str. 280—286). Třídí všecky známé tisky a varianty této písně, mezi nimiž jest text Čelakovského nejbližší původnímu překladu anglické ballady D. Malleta, která byla vzorem. Píseň se vskutku v lidu zpívala a byla značně pozměňována. — **Jos. Volf:** K českému názvosloví knihtiskařskému v době prvotisků (str. 358—364). Dokládá tyto názvy pro knihtisk z nejstarší doby: 1. *impressor* (1473, je-li správné Truhlářovo datování textu, v němž se po prvé vyskytuje), *impressator* (1489), *impressio* (1476), *impressí* (1489); 2. *vytiskati, vytisknouti, tiskati, tisknouti, dotisknouti* od r. 1487; 3 *tlačiti* do r. 1500 jedině u Mikuláše Bakaláře z Plzně (1498) a souvisí podle V. se slovenským původem tohoto knihtiskaře; 4. *dáviti* (1484—1487) je původu moravského; 5. *aufdrukar* (1494), znamenající především toho, kdo natiskuje obrazové výjevy na látky, prapory, kostelní roucha a pod., pak i knihtiskaře, z českého jihu. — Z článků spadajích v obor filologie klasické buďtež aspoň titulem uvedeny: **Fr. Novotný:** Latinský dativus effectivus (str. 77—93), jenž si všímá i dokladů slovanských, **Jos. Dobiáš:** *Φίλιππος Βαρύπους* (str. 214—227), příspěvek k dějinám posledních Seleukovců podle kroniky Malalovy, jejíž církevněslovanský překlad se tu béře v úvahu, **Bohumil Ryba:** Sigismundus Gelenius a Gilbertus Cognatus (str. 228—239), který vyšetřuje styky známého českého humanisty s Francouzem G. Cousinem a přispívá k životopisu Geleniovu. — **Archiv literárně historický:** XXXVIII. **Jan Sajíc:** Veršování F. J. Vaváka o příhodě knížete Lichtenštejna u Čes. Brodu r. 1794 (str. 156—157). — XXXIX. **Jan Jakubec:** Dopis Václava Stacha z r. 1785 a Václava Thámа z r. 1787 Jiřímu Ribayovi (str. 286—292). — XL. **Fr. Krčma:** Neznámý dopis Karla Hynka Máchy (str. 292—295).

Jde o citát z dopisu Máchova jednomu z přátel do Králové Hradce. Fragment ten obsahuje vtipnou poznámku Máchovu o »zničující« kritice Máje. — XLI. **František Ryšánek:** Životopis J. Blahoslava. Otisk autobiografie Blahoslavovy, chované v bavorské státní knih. v Mnichově (str. 364—366). — **Úvahy.** Fr. Oberpfalcer odmítavě posuzuje knihu Carnoyovu Les Indo-Européens, Bruxelles-Paris 1921 (str. 51—56). — Jos. Páta referuje o Pogorělově Opisu na starite pečatani bъlgarski knigi, Sofia 1923 (str. 56—58). Josef Kurz probírá stsl. mluvnice. Łośovu a Lehra-Spławińského (str. 170—181, 309—314). G. Il'jinskij posuzuje nové Severjanovo vydání Sinajského žaltáře (Petrohrad 1922, str. 181—182). Oldřich Hujer uvažuje o Skokově studii »Prilozi k ispitivańu srpsko-hrvatskih imena mjestâ« (otisk z Radu 224, 1921; str. 182—184). — V rubrice **„Drobných zpráv"** hojné zprávy bibliografické.

Revue des études Slaves. Tome quatrième. Paris 1924.

N. van Wijk: Remarques sur le groupement des langues slaves (str. 5—15). První jisté známky rozčlenění jednotného území slovanského (dvojice *-ę* : *-ě* a vývoj skupin *or-*, *ol-* na začátku slova) vedou k předpokladu dvou skupin jazyků slovanských: severní a jižní (toto rozdělení se nesmí chápati s hlediska genealogického). Odtud se vyvinuly tři skupiny jazyků slovanských, které žily jistou dobu samostatně; není možné pochybovati o periodě isolovaného vývoje skupiny východní, západní a jižní. Hypothesy o spolеčné době jhsl.-ruské neb jhsl.-čsl. nemohou býti ani prokázány ani absolutně vyvráceny. Pokud se však týče středosloven. střídnic *ra-*, *la-* za *ort-*, *olt-*, je pravděpodobné, že pocházejí z doby před 10. stol., kdy část slc. náležela k skupině jižní; pro klassifikaci moderních jazyků slovanských nemá tento rys žádného významu. — **V. Vondrák:** De l'intonation de la finale du nominatif pluriel des thèmes en *-o-* (str. 16—23). Podpírá novými důvody mínění, že *-i* v nom. plur. *o*-km. je z *oí* s intonací stoupavou. — **S. M. Kul'bakin:** Du classement des manuscrits dits moyen-bulgares: manuscrits à ѿ valant ъ (str. 24—52). Rkpy 12.—14. stol., zachovávající sudé jer beze změny lze rozděliti na 4 skupiny: *a)* *ě* = *ě* (texty východního původu: apošt. slěpčenský, žalt. Pog., ap. manujlský, zlatoust sin., oktoich Mihanovićův?, triod kvadrages. nár. bibl. bělehradské č. 79, lístek menologia Grigorovičova, ev. Jana Alexandra z r. 1356, chronika vatik., glos. žaltář z r. 1337?, určitě se nelze vysloviti o ev. bojanském a čtveroev. Grigorovičově); *b)* *ě* > *a* (rkpy rovněž vých. původu: parim. Grigorovičův, ev. trnovské, originál ev. Verkovićova, lístky 124 a—b rkpu. akad. Záhřeb.); *c)* *cě*, *dzě* > *ca*, *dza*. *ě* = *ě* (s odrazem nářečí vých.: ev. küstend., apoštol pirdop., sborník č. 137 víd. knihovny, sborník víd. knih. analysovaný Radčenkem, apostol mak.?, originál ev. Dobrějšova. originál parenese z Lěsnova). *d)* znaky srbské (Parenesis z Lěsnova, ev. Dobrejšovo?, bělehrad. ev. č. 69, ev. sof. č. 184, 1. ruka apoštola Tomićova, ev. plovdivské, ev. veles., triod kvadrages. ze 14. stol., ev. z Vracy). Uvedené texty jsou podrobně charakterisovány. V těchto hlavních hranicích nutno rozeznávat několik pododdělení podle osudu hlásky *dz*, *y*, zakončení 1. os. plur. praes. a j. — **A. Vaillant:** Les parlers de Nivica et de Turija (Macédonie occidentale) (str. 53—65). Probírá 6 listů, pocházejících od Makedonců, prodlévajících ve Francii, rodem z Nivice (sev. od Smrdeše) a z Turije (mezi Žerveni a Nevolani) po stránce pravopisné, mluvnické i lexikální. Jako měřítka věrohodnosti používá jiného textu z Floriny, shledávaje úplnou shodu s materiálem Mazonovým v knize »Contes slaves de la Macédoine sudoccidentale«. Proto i uvedené dopisy z Nivice a z Turije lze považovati za zajímavé doplňky k uvedené knize Mazonově i Seliščevovým „Очерки по Македонской діалектологіи" (Казань 1918). Jeden z těchto textů, psaných abecedou řeckou, otiskuje, přepisuje a překládá. — **V. Bogorodickij:** Observations expérimentales sur la prononciation du russe: groupes monosyllabiques simples (str. 66—75). Charakterisuje nejprve odděleně hlásku *a* a *p*, načež přechází k detailnímu studiu slabik *a*, *pa*, *ap*, *pap*. — **Juliette Renaud:** Survivances orientales et byzantines dans un passionnaire tchèque du XIVe siècle (str. 76—83). Na pěti miniaturách českého žaltáře jeptišky Cunégundy (narození Kristovo,

ukřižování, snímání těla Kristova s kříže, z mrtvých vstání, podoba obličeje Kristova) zjišťuje souvislost s orientálními a byzantskými prvky ikonografickými. — **Inna Lubimenko:** Les étrangers en Russie avant Pierre le Grand: Diplomates, militaires, intellectuels (str. 84—100). Běží hlavně o Němce a Angličany, kteří hráli v Rusku úlohu politickou; vyslanci zasvěcují zem v diplomatické kombinace západu, vojíni a důstojníci reorganisují ruskou armádu, z intelektuálů jsou vítáni především lékaři, pak i překladatelé, tlumočníci a j. Článek vyšetřuje u každé skupiny její postavení v zemi, její práci, její roli na poli civilisace. — Pokračování tohoto článku (str. 264—281) jedná o obchodnících (Němci, Angličané, Holanďané), o technických pracovnících (architekti, ingeníři, úředníci poštovní a j.: Řekové, Italové, Němci, Holanďané), o řemeslnících, v kteréž kategorii bylo asi největší sbližování cizího živlu s domácím obyvatelstvem, neboť Rusové i cizinci pracovali vedle sebe v továrnách a v dílnách, konečně o vzdělavatelích půdy (vinařích, zahradnících, rybářích atd.), jejichž podmínky životní však nebyly tak příznivé jako u vrstev ostatních; úmysl cizinců vzdělávati půdu se nesetkal s úspěchem a tak jejich vliv nepronikl do vesnic. Celkem je vidět, že se cizinci v Rusku uplatnili brzo a v rozmanitých pracovních oborech. Carové si získali mnohokráte zásluh podporou a vyhledáváním cizí práce, třebas veřejné mínění nebylo kolonistům valně příznivé; zejména do prostých vrstev lidových pronikaly cizí vlivy pomalu. — **Tihomir R. Đorđević:** La polyandrie chez les Slaves du Sud (str. 101—112). Jde o některé zvyky analogické polyandrii, jež autor dosvědčuje z minulosti i přítomnosti srbské: žena se oddává jinému muži, i s vědomím manželovým, běží-li o zajištění potomstva, dále za nepřítomnosti manželovy a j. Děti narozené za takových okolností jsou považovány za legitimní. Dosti hojně je dosvědčeno u Jihoslovanů i t. zv. snochačestvo, ač neexistuje srbský název pro tento zvyk. — **André Mazon:** Le patrimoine commun des études slaves. Leçon d'ouverture du cours de langues et littératures slaves au Collège de France (str. 113—132). Autor podává nejprve stručně a výrazně charakteristiku svého posledního předchůdce. Zdůrazňuje dále důležitost širokého pojetí slovanských studií a nutnost studovati zejména společné elementy, které jsou dědictvím všech Slovanů. Třebas v svých osudech byli Slované rozděleni v odlehlá území, lze přece konstatovati jistý parallelismus v jejich neodvislém jazykovém vývoji. Nejvíce se rozešli při přizpůsobování svého národního slovníku moderní civilisaci. Pokud se týče literatur, nemůže být sice řeči o synthetickém studiu slovanských literatur v plném slova smyslu, ale nemůže ani existovati studium jediné literatury slovanské (čes., pol. atd.) bez stálého zjišťování společných proudů na celém území slovanském. Konečně třeba sledovati historii a vývoj idee slovanské solidarity. Prof. Mazon jest si ovšem dobře vědom, že jediným solidním základem zůstane vždy prohloubené studium omezeného počtu otázek. Teprve na tomto podkladě lze vybudovati onu vědu o společných proudech, stycích a vzájemných vlivech. — **G. Plākis:** Les dialectes lettons: le dialecte de Tām (str. 173—189). Charakteristika tohoto dialektu a nářečí přechodních mezi tímto dialektem a dialekty středolotyšskými. — **St. Mladenov:** Les prétendus emprunts iraniens et turcs en slave commun (str. 190—198). Reviduje slova, pro něž připouští L. Niederle v Manuel de l'antiquité slave původ íránský (*bogъ*, *vatra*, *socha*, *kurъ*, *sekyra*, *toporъ*), a shledává buď nemožnost (při *vatra*, *socha*, *kurъ*, *sekyra*) nebo aspoň pochybnost takového předpokladu; pokud se týče hypothesy o turko-tatarských elementech v psl. (uvádí se *bykъ*, *volъ*, *koza*, *tvarogъ*), prof. Niederle ji, jak známo, rozhodně odmítá: Mladenov je stejným právem skeptický, ale vzhledem k jistým shodám pronáší opět myšlenku o příbuznosti jazyků idevropských a uralsko-altajských. **G. A. Il'inskij:** Jean l'Exarque: à propos du livre de Kalajdovič (1824—1924) na str. 199—207. Rozbor knihy Konst. Kalajdoviče »Іоаннъ экзархъ болгарскій« (Москва 1824) u příležitosti jejího stoletého jubilea. Autor staví dílo to vedle Institucí Dobrovského. Kdežto však Dobrovského Instituce byly, hned jak vyšly, otřeseny v samých základech a od let padesátých mají již jen význam historický, práce mladého autodidakta Kalajdoviče dosud nezastarala. — **Nicolas Durnovo:** La catégorie du genre en russe-

moderne (str. 208—221). Studie tato podává synthetický obraz vývoje rodového pojetí v dnešní mluvené ruštině, vycházejíc od stavu psl. a beroue stručně zřetel i k nářečím velkoruským a k ostatním jazykům slovanským: najdou se tu tedy poznámky o formálních a semantických příčinách rodového rozlišování, o rozlišení rodu životného a neživotného a j. — **André Vaillant:** Les origines de la langue littéraire ragusaine (str. 222—251). Velmi pečlivě provedené řešení nesnadného problému jazyka prvních básníků dubrovnických, jenž obsahuje vedle místního základu nářečí dubrovnického i elementy původu jasně čakavského. Určeno místo dialektu dubrovnického mezi nářečími srb.-chrv. (štok. a čak.), precisována situace slovanského jazyka v Dubrovníce a sleduje se vývoj rozmanitých literatur (hlaholská, cyrilská bos., cyr.-dubr., »latinská«), jež předcházely vzniku učené literatury dubrovnické na konci 15. stol. Ta sama je původu umělého a nemá za sebou dlouhé tradice, pokud se tkne poetické inspirace; její poměr k poesii národní není genetický: autoři sami, úmyslně, podle italské literární módy, sáhali po písni lidové a vypůjčovali si z ní obrazy a obraty; ale svým jazykem a metrickými zásadami je tato literatura pokračováním pololidové (poloučené) poesie (ať náboženské, ať světské), jež kvetla pod vlivem italským v dalmatských městech v 15. stol. a byla čakavská. »La population de Raguse, romane, slave štokavienne ou slavisée, a chanté pendant un longtemps ses chansons en čakavien.« Autor se snaží vysvětliti tuto zvláštnost, ale nepřipouští, že by ony čakavismy byly překročily více meze literárního snažení a že by tedy byly podstatněji pronikly i do mluvené řeči. — **Rodolphe Maixner:** Charles Nodier en Illyrie (str. 252—263). Nodiera lze považovati v jistém smyslu za předchůdce moderní slavistiky francouzské, neboť meškaje za napoleonské okkupace v r. 1813 v Lublani jako bibliotekář městské knihovny a redaktor franc. čspu Télégraphe officiel des provinces illyriennes, získal si znalost slovinských poměrů, jichž použil k rozšíření známosti zemí jihoslovanských. Viz též čl. A. Monnota o Nodierovi a Slovinsku v »Mémoires de l'Académie des sciences, belles-lettres et arts de Besançon«, 1924. — **Chronique** (str. 132 až 171, 282—321): Publications, Nécrologie (M. Pleteršnik, St. Rožniecki, K. Buga, Fr. Kos). *J. K.*

Изв́встія отд́вленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1915 г. Томъ XX.

Книжка 1-я (Петроградъ 1915).

Н. М. Петровскій. Библіографическія мелочи. IX. Къ исторіи харьковской періодической печати (стр. 1—7). — Н. Н. Виноградовъ. Костромичи предки Михаила Юрьевича Лермонтова (2 окт. 1814 г. — 2 Окт. 1914 г.) (стр. 8—17). По писцовымъ книгамъ костр. губ. авторъ устанавливаетъ т́в пом́встья, коими были пожалованы предки поэта при цар́в Михаил́в Θеодорович́в, а также — кто изъ этихъ предковъ были „коренными костромичами". Зд́всь же приложена" роду Лермонтовыхъ покол́внная роспись". Г. Виноградовъ считаетъ, что фамилію „Лермонтов" правильн́ве писать съ *а*, т. е. „Лермантов", какъ ее и писали костромскіе Лермонтовы. — Н. К. Пиксанов. По поводу отзыва объ академическомъ изданіи сочиненій А. С. Грибо́вдова (стр. 18—23). Авторъ возражаетъ проф. Варнеке и указываетъ, почему собственно окончательный текстъ „Горе отъ Ума"съ достов́врностью определяется по двумъ рукописямъ — Жандровской и Булгаринской. — Е. Ю. Перфецкій. Религіозное движеніе въ XVI-мъ и начал́в XVII-го в́вка въ Угорской Руси (стр. 24—77). Статья касается вопроса о распространеніи лютеранства и кальвинизма въ Угріи посл́в битвы при Могаче 1526 г., о взаимной борьб́в этихъ в́вроиспов́вданій, о католической реакціи въ кра́в, объ отношеніи къ этому религіозному движенію православнаго русскаго населенія Верхней Угріи, о положеніи его въ этой борьб́в, наконецъ объ уніи и работ́в іезуитовъ. — Н. Н. Виноградовъ. Историко-литературныя и этнографическія зам́втки. I-II стр. 78—86). Первая глава содержитъ отрывокъ интерполяціи; вторая —

что читалъ народъ въ XVIII. ст.? Лубочная литература, способы ея распространенія. — Д. О. Святскій. Астрономическія явленія въ русскихъ лѣтописяхъ съ научно-критической точки зрѣнія. Предисловіе. Глава I. Солнечныя затменія (сгр. 94); II. Лунныя затменія (стр. 161), (стр. 87—208). Своимъ изслѣдованіемъ г. Святскій имѣетъ въ виду „дать въ руки изслѣдователей русскихъ лѣтописей справочникъ, полезный при выясненіи календарныхъ датъ, вопросовъ хронологіи, территоріи, на которой могло быть наблюдаемо данное явленіе, наконецъ — степени достовѣрности самихъ астрономическихъ текстовъ лѣтописей. Иниціатива изслѣдованія принадлежитъ академику Шахматову. Авторъ разсматриваетъ 49 солнечныхъ затменій, записанныхъ въ разныхъ спискахъ лѣтописей, сличая записи. Первое записанное въ лѣтописи затменіе — кольцеобразное затменіе 19 Апрѣля 1064 г. (5393). Затѣмъ говорится о мнимыхъ затменіяхъ. Въ концѣ главы приложены „свидѣтельства западныхъ хроникъ о солнечныхъ затменіяхъ, отмѣченныхъ въ русскихъ лѣтописяхъ", приложены также и карты затменій. — II-я глава посвящена описанію лунныхъ затменій (32), далѣе — затменія лунныя мнимыя, наконец, даны астрономическія таблицы для вычисленій. — Н. Н. Виноградовъ. Галивонскіе Алеманы. Условный языкъ галичанъ (Костромской губ., стр. 209—260). Первые матеріалы для сужденія объ языкѣ г. Виноградовъ почерпнулъ изъ книги Ф. Глинки „Письма къ другу" (СТП.1816 г.), но изученіе вопроса показало, что свѣдѣнія о галивонскомъ языкѣ встрѣчаются уже въ 1772 г. Г. Виноградовъ разсматриваетъ слова этого условнаго языка, собранныя въ „Письмахъ къ другу", и разбиваетъ ихъ на шесть группъ: 1) слова, произведенныя отъ свойствъ, качествъ, дѣйствій соотвѣтствующихъ предметовъ русскаго яз., напр., *зевак* — ротъ, отъ *зѣвать, зѣвъ*; *оходарь* — нога отъ *ходить; секарь* — топоръ, отъ *сѣчь, сѣкира* и т. п. 2) Слова, взятыя изъ литературнаго яз., но имѣющія другое значеніе, напр., *косарь* — секретарь, *подпруга* — кушакъ 3) Слова, заимствованныя изъ русск. яз., но передѣланныя примѣнительно къ нуждамъ и строю языка условнаго: *мамыса* — мать, *обвихаться* — жениться и т. п. 4) Слова изъ областных говоровъ: *хазъ* — домъ, *хило* — худо. 5) Слова изъ другихъ языковъ: *яманъ* — нехорошо, *бикъ-яманъ* — очень худо и т. д. 6) Слова, спеціально придуманныя. Разсмотрѣніе словарнаго состава языка даетъ основаніе г. Виноградову считать этотъ языкъ отраслью языка офенскаго, но не особымъ языкомъ и не остаткомъ языка племени Меря, какъ думали первые изследователи его. Названіе *галивонскій* стоитъ въ связи со словами *галить, галиться, изгаляться, галенье, галь* — мѣстныя слова Псковской, Новгородской, Пермской, Орловской, Ярославской губерній съ общимъ значеніемъ: шутить, дурить, проказить. Выходитъ, что Галивонскій яз. — языкъ плутоватыхъ скупщиковъ; Алеманы — въ связи съ названіемъ языка „аламанскій", „ламанскій", а это названіе — въ связи съ „ламаный" Рязанск. губ. *опытный,* или — въ связи *ломать,* какъ у Даля, т. е. изломанный, испорченный языкъ. Грамматическій строй его — въ общемъ строй русскаго языка. — А. И. Соболевскій. Матеріалы и замѣтки по древнерусской литературѣ. VI—XIII (стр. 261—290). Академикъ Соболевскій приводитъ рядъ еще неизданныхъ текстовъ въ виду ихъ несомнѣнно русскаго происхожденія: VI. Изъ русскаго толковаго Евангелія (стр. 261); Слово Св. Павла о любви (с. 273) — список XV в., но форма „въ заповѣдехъ господняхъ", по мнѣнію изслѣдователя, указываетъ на то, что мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ до-монгольскаго періода; VIII. Изъ исторіи иконописи (с. 274) — бесѣда Николая Любчанина съ кѣмъ то объ иконѣ сошествія Св. Духа, по происхожденію не позднѣе половины XVI в.; IX. Чудо св. пророка Иліи въ Нижнемъ Новгородѣ (с. 277) — повѣсть о событіи 1418 г.; X. Два имени; XI. Похвала греческому языку — принадлежитъ, по мнѣнію Ак. С., Сафронію Лихудѣ (с. 286); XII. Ода Владиміру Святому, ок. 1689 (с. 287) — на латинскомъ яз.; XIII. Два слова о „хожденіи" Арсенія Селунскаго (с. 288), грека изъ Солоникъ, который по пріѣздѣ въ Москву разсказывалъ о святыхъ мѣстахъ, его

разсказъ былъ записанъ дьякомъ или подьячимъ, вѣроятно, въ концѣ XV в. — А. В. Марковъ. Обзоръ трудовъ В. Ѳ. Миллера по народной словесности (стр. 291—349). Статья является продолженіемъ; начало ея въ Изв. 1914 г. кн. 2-я. — Библіографія: 1. М. Г. Долобко. С. М. Кульбакинъ, Сербскій языкъ. 1. Фонетика и морфологія сербскаго языка. (Харьковъ. 1915). (350—361). Г. Долобко указываетъ недостатки изложенія предмета: 1) въ неполнотѣ объясненія судьбы *ļ* сербск. *lu*, перехода группы **tj* и **kt* + гласный передняго ряда — съ одной стороны, и **k* + *j* или гласный передняго ряда — съ другой, въ палатализованое *ć*, какъ это имѣетъ мѣсто въ рядѣ боснійскихъ, герцеговинскихъ и дубровницкихъ говоровъ. Недостаточно, по мнѣнію Долобко, примѣровъ перехода *ž* въ *r*: *дорен*ꙑ*м*, *јӱр* и т. д. Не сказано о типѣ склоненія словъ, какъ **božьjь*. Не указано, что *би* вм. *бисмо* встрѣчается не только въ народныхъ говорахъ, но и въ литературномъ яз. 2) Случаи невѣрнаго освѣщенія отдѣльныхъ фактовъ: *и* вм. *ы* имѣемъ не только послѣ *k*, какъ то указано Кульбакинымъ. Вопреки Кульбакину, форму *čàliti* — *chčàliti* Долобко объясняетъ превращеніемъ *x* въ нуль звука, а не замѣной *f* черезъ *v*, какъ указано въ грамматикѣ. Не согласенъ онъ и съ объясненіемъ *d* въ предлогѣ *od*, какъ „результатомъ уподобленія предыдущаго послѣдующему въ отношеніи звонкости“. Долобко вслѣдъ за Бодуэномъ-де-Куртенэ и Облакомъ видитъ здѣсь вліяніе *nad*, *pod*, *zad*, *pred*. 3) Случаи непріемлемаго для г. Долобко толкованія явленій сербскаго яз. Отмѣчая правильность указаннаго Кульбакинымъ измѣненія *ъ* и *ь* передъ *j* въ *y* и *i*, если редуцированные гласные были въ сильномъ положеніи, и въ нуль звука, если были въ положеніи слабомъ, Долобко спрашиваетъ, почему не оговорены формы: **mъ̂ješь*, **bь̂ješь* > *miješ*, *bijes*, а не *mješ*, *bješ*? Не указано, что здѣсь имѣла мѣсто аналогія инфинитива. Не согласенъ Долобко съ авторомъ въ различеніи *ŗ* и *ļ* „старыхъ“ изъ **tъ̥r̥t*, **tь̥r̥t*, **tъ̥l̥t*, **tь̥l̥t*, и „новыхъ“ изъ **trъt*, **trьt*, **tlъt*, *tlьt*. Долобко приводитъ извѣстное положеніе А. А. Шахматова: **tr̥ъ̥t*, **tr̥ь̥t*, **tl̥ъ̥t*, **tl̥ь̥t*. — 2. Н. М. Петровскій. Сочиненія Константина Сергѣевича Аксакова. Т. I. Редакція и примѣчанія Е. А. Ляцкаго. (Петроградъ 1915).

Книжка 2-я (Петроградъ 1915).

С. П. Обнорскій, Памяти Академика Ѳ. Е. Корша (стр. I—VIII). Н. В. Степановъ. Календарно-хронологическіе факторы Ипатьевской лѣтописи до XIII в. (стр. 1—71). Въ лѣтописи можно установить факты, когда календарныя числа марта мѣсяца не принадлежатъ ни началу, ни серединѣ лѣтописнаго года, но лишь его концу. Для объясненія указанныхъ фактовъ авторъ считаетъ необходимымъ признать: 1) древне-лѣтописный годъ не начинался съ 1-го марта; 2) древне-лѣтописный годъ не имѣлъ опредѣленнаго твердаго начала по юліанскому календарю: начало его падало на мартъ, февраль и даже апрѣль. Такой годъ съ колеблющимся началомъ авторъ называетъ „circa-мартовскимъ“. Далѣе: гл. I — общія соображенія объ основахъ circa-мартовскаго времясчисленія. Здѣсъ между прочимъ высказывается гипотеза, что „національно-русское время—счисленіе было не солнечное, а лунное“. 2-я гл. — общія положенія о хронологіи древнихъ лѣтописей до XIII-го вѣка. 3-я — День и его части по Ипатьевской лѣтописи (сутокъ не было, часъ впервые встрѣчается подъ 6621 г). 4 гл. — Годъ и обозначеніе частей года въ Ипатьевской лѣтописи до XIII в. 5. гл. — Ультрамартовскій и мартовскій стили въ Ипатьевской лѣтописи. 6-я — Слѣды circa-мартовскаго лѣтосчисленія въ Ипатьевской лѣтописи. — Н. М. Даниловъ. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій И. И. Козлова (стр. 72—105). Авторъ старается исправить погрѣшности и пробѣлы, которыхъ не чуждо самое лучшее изъ изданій сочиненій И. И. Козлова, именно изданіе Маркса подъ редакціей Арс. И. Введенскаго. Г. Даниловъ на основаніи раннихъ изданій, немногочисленныхъ рукописей исправляетъ нѣкоторыя ошибки въ текстѣ, указываетъ варіанты, даетъ не вошедшія

въ собраніе сочиненій стихотворенія поэта и письма. Изъ стихотвореній приведены: 1) къ А. И. Тургеневу („Моимъ стихамъ смѣешься ты“), 2) Къ другу В. А. Жуковскому („Опять ты здѣсъ! Опять судьбою Дано мнѣ видѣться съ тобою), 3) Къ господину Александру („Весь міръ дивитъ твой даръ чудесный . . .“). — С. А. Щегловъ. Слово на побѣду 1541 года (106—124). Содержится оно въ рукописи № 3124 Моск. Публичнаго и Румянцевскаго музея. Г. Щегловъ приводитъ краткое содержаніе „слова“, резюмируетъ статью Лебедева „Неизвѣстный Московскій проповѣдникъ половины XVI в.“, не соглашаясь съ утвержденіемъ Лебедева, что авторъ „Слова“ — священникъ Сильвестръ, наконецъ, высказываетъ свое мнѣніе относительно автора „Слова“. По мнѣнію С. А. Щеглова, таковымъ былъ — Макарій, бывшій архіепископомъ новгородскимъ съ 1526—1542 г., а до смерти своей (1563) — митрополитомъ московскимъ. Авторъ приводитъ рядъ сопоставленій „Слова“ съ произведеніями, несомнѣнно принадлежащими митрополиту Макарію: Посланіе въ Свіяжскъ, Посланіе къ Іоанну Грозному, Поученіе къ новобрачному царю и т. д. — Послѣ статьи данъ самый текстъ „Слова“. — Л. А. Чижиковъ. Адамъ Мицкевичъ (Библіографическій указатель русской о немъ литературы). (Стр. 125—151). Авторъ имѣетъ въ виду лишь русскую критическую и критико-биографическую литературу о Мицкевичѣ, начиная съ 1826 г. (журнальныхъ статей о немъ) до 1915 г. — А. П. Абель. Объ акцентуаціи ударенныхъ простыхъ гласныхъ въ латышскомъ языкѣ. (Изъ кабинета экспериментальной фонетики при Петроградскомъ Университетѣ). (Стр. 152—196). Имѣются въ виду лишь простые неударенные гласные говора окрестностей города Вольмара, Лифляндской губ. Основной цѣлью работы является опредѣленіе характерныхъ особенностей каждаго типа ударенія въ предѣлахъ указаннаго говора. Въ говорѣ различается троякая долгота ударенныхъ гласныхъ: долгое восходящее (´), долгое нисходящее (`), долгое прерывистое (ˇ). А) Качественныя различія въ акцентуаціи ударенныхъ гласныхъ (фонографическія кривыя: *а, и; á, ú; à, ù; ǎ, ǔ*). I. Удареніе краткое — оказалось, что всѣ ударенные гласные съ удареніемъ этого типа, за весьма незначительнымъ исключеніемъ, — восходящіе по тону. II. Удареніе долгое восходящее — приведены снимки фонографическихъ кривыхъ: *á, ú*. III. Удареніе долгое нисходящее — снимки. IV. Удареніе прерывистое. В) Количественныя различія въ акцентуаціи ударенныхъ гласныхъ. Выходитъ, что „въ нѣкоторыхъ латышскихъ діалектахъ различаютъ 4 морфологизованныхъ и семасіологизованныхъ типа слогового акцента, причемъ семасіологизуется и морфологизуется съ одной стороны количественное различіе, т. е. относительная краткость или долгота, съ другой стороны качественный характеръ долготы“ (стр. 194). — Д. О. Святскій. Астрономическія явленія въ русскихъ лѣтописяхъ съ научно-критической точки зрѣнія (Окончаніе). (Стр. 197—288). Статья представляетъ окончаніе изслѣдованія, помѣщеннаго въ 1 кн. т. XX и говорившаго о солнечныхъ и лунныхъ затменіяхъ. Здѣсь: III. кометы (с. 197); IV. Падающія звѣзды и метеоры (с. 242); V. Солнечныя пятна и сѣверныя сіянія (с. 266); VI. разныя явленія (с. 280). — Библіографія: Б. А. Будиловичъ: Проф. Г. А. Воскресенскій, Православные славяне въ Австро-Венгріи. I. Карловецкая митрополія. II. Буковинско-далматинская митрополія. III. Босно-герцеговинскія митрополіи. Съ приложеніемъ карты православныхъ епархій въ Австро-Венгріи. (Стр. 289—325). — Н. Богданова: Русская историческая библіотека, издаваемая Имп. Археографической комиссіей. Томъ XXI. Сочиненія кн. Курбскаго. Томъ первый — сочиненія оригинальныя. (Стр. 325—327). — Н. К. Кульманъ. Рад. Кошутичъ, Грамматика русскаго языка, II. Морфологія (Бѣлградъ, 1914). (Стр. 327—330.)

Л. Копецкій.

О происхожденіи обще-славянскаго слова *kъmetь*.

Въ XXXVIII-омъ томѣ Archiv-a, на стр. 146, Diels приводитъ род. пад. мн. ч. *kmiot*, встрѣчающійся довольно часто въ древне-польскихъ памятникахъ. Эта форма по моему мнѣнію указываетъ на то, что нѣкогда основа существительнаго *kъmetь* оканчивалась на *-t-*. Какъ извѣстно, основы на согласные вообще были склонны къ переходу въ другіе классы склоненія: эти переходы происходили главнымъ образомъ въ послѣдней части праславянскаго періода и въ древнѣйшій періодъ существованія отдѣльныхъ славянскихъ языковъ Въ нѣкоторыхъ категоріяхъ существительныхъ къ основамъ на согласные были приставлены новые суфиксы: такимъ образомъ развились основы на *-an-ino-*, *-tel-je-*: другія основы на согласные перенимали просто окончанія основъ на *-i-*, чему способствовало совпаденіе (путемъ фонетическаго развитія) окончаній винительныхъ падежей ед. и мн. ч. основъ на согласные съ окончаніями тѣхъ-же падежей основъ на *-i-*. При такихъ переходахъ въ нѣкоторыхъ падежахъ иногда сохранялись архаизмы; такимъ архаизмомъ и является род. пад. мн. ч. *kmiot*.

Вообще основы на согласные принадлежатъ къ самому старому составу индо-европейскихъ языковъ. Вездѣ убываютъ постепенно; и какъ въ другихъ языкахъ такъ и въ славянскомъ слова, заимствованныя изъ другихъ языковъ, только при весьма исключительныхъ условіяхъ могутъ принять окончанія этого класса, въ общемъ склоннаго къ вымиранію. Вотъ почему польская форма *kmiot*, указывающая на доисторическую основу на *-t-*, тѣмъ же самымъ опровергаетъ гипотезу, высказанную м. пр. Ягичемъ и принятую Бернекеромъ (Slav. etym. Wtb. I, стр. 661 и сл.), будтобы Славяне заимствовали слово *kъmetь* изъ латинскаго языка, причемъ его etymon было бы *comes*; гласный *e* славянскаго слова Ягичъ приписывалъ вліянію производнаго слова *cometia*.[1]) Эта этимологія тѣмъ менѣе правдоподобна, что слово *kъmetь* встрѣчается во всѣхъ странахъ славянскихъ въ очень

[1]) Акад. Ѳ. Е. Коршъ приписывалъ слав. *e* вліянію незасвидѣтельствованной румынской формы **comet-*; см. въ Академ. Словарѣ, IV, столб. 1158.

старинныхъ памятникахъ, — но главнымъ доказательствомъ его славянскаго происхожденія являются слѣды основы на *-t-*.

Что касается этимологіи праславянскаго слова **kъmet-*, оно, кажется, состоитъ изъ корня *kъm-* и суфикса *-et-*; этотъ суфиксъ извѣстенъ намъ изъ разныхъ языковъ индо-европейскихъ, гдѣ основы на *-et-* обозначаютъ часто лица мужескаго рода (см. у Бругманна, Grundriss² II. 1, 425); по этому не сомнѣваюсь въ наличности этого суфикса въ славянскомъ словѣ **kъmet-*. Несмотря на широкое распространеніе суфикса *-et-*, указывающее на праиндоевропейское его происхожденіе, въ нѣкоторыхъ языкахъ слова этого типа весьма рѣдки (см. у Бругманна *l. l.*); очевидно, въ большинствѣ языковъ индо-европейскихъ эта категорія существительныхъ убывала мало-по-малу; и если въ языкахъ славянскихъ кромѣ слова **kъmet-* никакихъ существительныхъ на *-et-* нѣтъ, тѣмъ не менѣе **kъmet-* можетъ принадлежать къ прастарому классу и.-евр. именъ на *-et-*. Стоитъ указать на интересный фактъ, что среди скудныхъ остатковъ этого класса, встрѣчающихся въ западно-европейскихъ вѣтвяхъ и.-европейскаго языка, находится нѣсколько словъ съ такимъ же значеніемъ какъ сл. *kъmetь*. Судя по старымъ текстамъ, праславянское существительное **kъmet-* обозначало знатнаго человѣка, человѣка занимающаго видное мѣсто въ обществѣ и, конечно, въ арміи иногда можно перевести просто ,витязь, храбрый воинъ'. Такія же значенія имѣютъ ирл. *cing* (род. п. *cinged*) ,воинъ', англосакс. *hæle*, др.-в.-нѣм. *helid* ,храбрый воинъ, витязь', др.-исл. *holdr* ,дворянинъ'. Эти слова, разумѣется, не связаны этимологически съ слав. **kъmet-*; *cing* — nomen agentis къ глаголу *cingim* ,иду' (см. у Stokes-a, Urkeltischer Sprachschatz, стр. 77, у Pedersen-a Vgl. Gramm. der keltischen Sprachen, I, стр. 37); а германское **haliþ-* сопоставляется нѣкоторыми учеными съ др.-греч. κέλης ,бѣговая лошадь', др.-иранск. *racas-čarat-* ,свободно входящій' *čarā't-ī-* ,молодая женщина'; см. у Brugmann-a l. l. 425, у Boisacq-a Dict. étymol. de la langue grecque, стр. 431. Эта этимологія не совсѣмъ убѣдительна; не менѣе правдоподобно, по моему, сопоставленіе германскаго **haliþ-* съ др.-греч. κέλωρ ,сынъ' (см. у Solmsen-a, KZ. XXXIV, стр. 548); въ такомъ случаѣ не исключена возможность, что герм. **haliþ-* и греч. κέλωρ отыменнаго происхожденія. Въ самомъ дѣлѣ суфиксъ *-et-* приставляется не только къ глагольнымъ корнямъ, но тоже къ именнымъ основамъ; см. у Pedersen-a, l. l. II. 101, гдѣ ирл. *eirr* ,Wagenkämpfer

объясняется такъ: „wohl von *err* ‚Schwanz, Ende, Spitze', auch Bezeichnung eines Teiles des Streitwagens", — и у Brugmann-a l. l. 426, гдѣ посвящается отдѣльный параграфъ суфиксу *-t-* „als sekundäres Formans". Здѣсь Бругманнъ приводитъ м. пр. латинскія существительныя мужескаго рода *eques, veles, miles, palmes, fōmes*, причемъ онъ обращаетъ вниманіе на то, что эта группа въ латинскомъ языкѣ уже не различается отъ основъ на *-i-t-* (*comes, pedes* и т. д.). Въ самомъ дѣлѣ иногда трудно рѣшить, какого происхожденія окончаніе *-es*. Такъ на примѣръ при словѣ *mīles* мнѣнія спеціалистовъ расходятся; Brugmann приводитъ это существительное среди образованій на „*-t-* als sekundäres Formans", зато Walde Lat. etym. Wtb.[2] стр. 484 переводитъ *mīl-it-es* ‚die haufenweise, scharweise marschierenden', принимая, вѣроятно, *-it-* за nomen agentis отъ корня *i-* ‚идти'. По моему мнѣніе Бругманна болѣе правдоподобно. При словѣ *eques* возможно только одно объясненіе; здѣсь о корнѣ *-i-* и думать нельзя. Нѣкоторые ученые, вслѣдъ за Hirt-омъ, предполагаютъ праформу **eku̯o-t-* (см. у Walde l. l., стр. 257, у Boisacq-a, стр. 381): я предпочитаю форму **eku̯et-*. Гласный *o*, правда, встрѣчается тоже въ греч. *ἱππότης*, но зато во всѣхъ основахъ мужескаго рода на „тематическій гласный" + *-t-* этотъ гласный является какъ *-e-*, а не какъ *-o-*.

Возвратимся теперь къ славянскому слову *kъmet-*. Суфиксъ *-et-* совсѣмъ ясенъ, менѣе ясна первая часть: *kъm-*. Весьма возможно, по моему, сопоставленіе **kъm-et-* съ существительнымъ **kъmen-*, чешск. *kmen* ‚Halm, Stamm; Geschlecht', дольно-луж. *kmjeń* ‚Keim, Stamm' (см. у Бернекера, l. l. I, 663).[1] Budmani, въ V. томѣ сербохорватскаго „Rječnik"-a, на стр. 105, отвергаетъ эту этимологію, предпочитая гипотезу происхожденія неславянскаго. Но, какъ мы видѣли, такой гипотезѣ противится праславянское склоненіе, указывающее на славянское происхожденіе основы **kъmet-*; а если **kъmet-* праславянское слово, тогда не знаю этимологіи болѣе правдоподобной чѣмъ сопоставленіе съ существительнымъ **kъmen-*. Этимъ, однако, не хочу сказать, чтобы эта этимологія была совсѣмъ убѣдительна. Можно предположить, что слова **kъm-et-* и **kъm-en-* — отыменныя образованія отъ доисторическаго существительнаго **kъm-* или **kъm^e/o-* ‚пень, родъ': тогда **kъmet-* значило бы ‚родовитый человѣкъ'; суфиксъ *-et-* въ разныхъ языкахъ является въ качествѣ т. н. „primäres Formans"; о нѣсколькихъ словахъ этого типа я писалъ выше.

[1] Польск. *kien, kień* вѣроятно изъ **kьn-* < **kъmn-*.

По этому таковая этимологія слова **kъmet-* была бы весьма правдоподобна, еслибы мы распоряжались какими-нибудь другими данными, доказывающими наличность праславянскаго существительнаго **kъm-* или **kъm*$^e/_o$-. Но такихъ данныхъ нѣтъ: ни въ одномъ славянскомъ языкѣ такого слова не находимъ, и въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ тоже, по скольку знаю, никакихъ словъ, по формѣ и значенію похожихъ на слав. **kъm-*, **kъm*$^e/_o$-, не существуетъ. Одного слова **kъmen-* не достаточно, чтобы доказать праслав. **kъm-* или **kъm*$^e/_o$-, — а, если предположить, что такое слово въ праславянскій періодъ существовало, тогда можно еще сомнѣваться, имѣло ли это праславянское слово переносное значеніе ,родъ'. Но какъ бы то ни было, пока этимологія слова **kъmet-* не совсѣмъ ясна, приходится удовольствоваться такими гипотезами какъ **kъm-en-*: **kъm-et-*. Укажу еще на другую возможность. Въ древне-русскихъ текстахъ встрѣчается слово *komonь* ,лошадь': то же самое существительное существуетъ въ чешскомъ языкѣ: *komoň*; см. далѣй у Бернекера, l. l. I, стр. 555; съ другимъ гласнымъ ср. лит. *kùmė* ,кобыла', *kumelÿs* ,жеребенокъ', прусск. *camnet* ,лошадь'.[1] Если предположить праславянское названіе лошади съ той же ступенью „ablaut"-а, которая является въ литовскомъ (**kъm-*, **kъm*$^e/_o$-, **kъmā-*), тогда слово **kъmet-* могло бы быть отыменнымъ образованіемъ съ первоначальнымъ значеніемъ ,всадникъ', и между слав. **kъmet-* и лат. *eques* существовалъ бы совершенный паралелизмъ что касается образованія именной основы и семазіологическаго развитія. Но при этомъ не должно забыть, что существованіе праславянскаго **kъm-*, **kъm*$^e/_o$-, **kъmā-* ,лошадь' такъ же мало доказано какъ **kъm-*, **kъm*$^e/_o$- ,пень, родъ'.

Итакъ, приходится удовольствоваться весьма сомнительными этимологіями. Но ясно по крайней мѣрѣ то, что **kъmet-* прастарое славянское слово и что *-et-* — тотъ же самый суфиксъ который встрѣчается въ кельт. **keɪəget-* (ирл. *cing*), въ германск. **haliþ-* (англос. *hæle*) и т. д.

Лейденъ. *Н. Ванъ Вейкъ.*

[1] См. у Miklosich-a, Vgl. Gramm. II³, стр. 120 и сл., у Leskien-a, Bildung der Nomina, стр. 277 (127), у J. Schmidt-a, Kritik der Sonantentheorie стр. 138. Иначе Charpentier, Le Monde Oriental I, стр. 22, который связываетъ лит. *kumėlė* съ санскр. *kumārá-* ,ребенокъ', причемъ принимает *kumėlė* за болѣе древнее слово чѣмъ *kùmė*. См. объ этомъ вопросѣ тоже у Лескина l. l.

Przyrostek *-isko*, *-išče* w językach zachodniosłowiańskich.

Wiemy o tem dobrze, iż dwa równoznaczne[1]) przyrostki *-isko* i *-išče* (rzekomo < *-isk-* + *-i̯o-*) rozmaicie się między języki słowiańskie rozdzieliły. Że jednak dzieje słowiańskiego słowotwórstwa znajdują się dopiero w zaczątkach, nie można się dziwić, iż do dziś dnia nie wyrobiono sobie całkiem jasnego poglądu na tę sprawę. Dotychczasowa slawistyka [Miklosich,[2]) Vondrák,[3]) Belić[4])] przedstawia to zagadnienie w sposób następujący: przyrostek *-isko* posiada język polski, czeski, łużycki, *-išče* (w postaci *-ište* i *-išče*) język słowieński, serbski, bułgarski, rosyjski, białoruski, ukraiński, czeski, łużycki. Polskie (rzadkie) *-išče* tłumaczy się wpływem ruskim, ukraińskie (częstsze) *-isko* wpływem polskim. A zatem ogółem biorąc wyłącznie sufiksu *-isko* używa tylko język polski, wyłącznie sufiksu *-išče* południe i wschód Słowiańszczyzny, *-isko* obok *-išče* występuje w języku czeskim i łużyckim. Pomija się stale przy tem grupowaniu język połabski tudzież narzecza słowińsko-kaszubskie, co przecież nie może być i nie jest — jak później zobaczymy — obojętne dla pełności obrazu i jego zrozumienia.

Kiedy przyjrzymy się dokładniej językom zachodniosłowiańskim w nas tu obchodzącym zakresie, uderzy nas przedewszystkiem nieznana na słowiańskiem południu i wschodzie nierówność zachowania się ich względem omawianych przyrostków. I mimowoli nasuwa się tu pytanie: czyżby język polski w istocie nigdy nie posiadał sufiksu *-išče*, względnie, czyżby go utracił tak wcześnie, iż nie przekazał go nam żaden zabytek? Czyżby objęte słownikami nieliczne wyrazy na *-išče* naprawdę wskazywały na ruskie pochodzenie? Po-

---

[1]) Co do ich znaczenia por. Miklosicha: Vergleichende Stammbildungslehre der slavischen Sprachen, Wien 1875, str. 274 tudzież rozprawę Belića: Zur Entwicklungsgeschichte der slavischen Deminutiv- und Amplificativsuffixe, AslPh 23 (1901), 179—181.

[2]) l. c. str. 274—6.

[3]) Vergleichende slavische Grammatik, t. I, Göttingen 1906, str. 468—9 i wydanie drugie tegoż dzieła Göttingen 1924, str. 622—4.

[4]) l. c.

mijając na razie pytanie pierwsze, zajmiemy się bliżej drugiem. Dotychczasowe gramatyki języka polskiego zdają się odpowiadać na to pytanie twierdząco. Małecki n. p. utrzymuje, iż »my na *-iszcze* tylko jedno posiadamy *zgliszcze,* właściwie *żgliszcze* (miejsce gdzie się paliło, od *żeg, żegł*), pewnie przejęte z ruszczyzny [1]«, podobnie Łaszyn, mówiąc, że przyrostek *-iszcze* »zapewne pożyczony z języków ruskich, nieżywotny, np. *cerkwiszcze, grodziszcze, rzeczyszcze, uroczyszcze* itp.[2]«.

Twierdzenia te jednak, przynajmniej na pierwszy rzut oka, są zbyt gołosłowne, żeby na nich móc polegać. Nie pozostaje nam więc nic innego, jak zbadać dokładniej prawdziwość tych sądów, do czego doskonale posłuży nam słownik Lindego. Przeglądając w tym celu odpowiednie miejsca tego słownika, zauważymy, że znaczna większość przykładów na *-išče* pochodzi z dzieł autorów w bliższym lub dalszym związku z Rusią pozostających, w utworach natomiast pisarzy, u których tego związku wykazać się nie da, odpowiadają przykładom tym formy na *-isko.* Szczególnie ciekawem i pouczającem będzie rozpatrzenie cytatów s. v. *żglisko, żgliszczko, żgliszcze* 1. 'plac żegania umarłych, miejsce ze stosem pogrzebowym, stos pogrzebowy'; 2. 'miejsce pożaru'. Okaże się bowiem z niego, że forma *żglisko* występuje tylko u pisarzy z rdzennej Polski się wywodzących, mianowicie u Bielskiego (ca 1495—1575) z ziemi sieradzkiej, Stryjkowskiego (ca 1547—1582) z z. łęczyckiej, Wargockiego (w. XVI—XVII), urodzonego wprawdzie w Przemyślu, lecz wychowanego w Krakowie, *żgliszcze* zaś u Kniaźnina (1750—1793) z z. witebskiej, Dudzińskiego (w. XVIII) z z. mińskiej, dalej w »Zabawach przyjemnych i pożytecznych«, czasopiśmie, redagowanem 1770—1777 przez Naruszewicza rodem z Pińska i Albertrandiego rodem z Warszawy, który jednak zetknął się z ruszczyzną, ucząc przez lat kilka w kolegjach jezuickich w Nieświeżu i Wilnie. Ponadto przytacza Linde *żgliszcze* z pism Włodka (1723—1780) z z. sandomierskiej i Przybylskiego (1756—1819), rodowitego krakowianina. Na podstawie tego drobnego zestawienia możemy dojść do wniosku, iż dla wieku XVIII trzeba już dla całego języka polskiego przyjąć ruską formę *żgliszcze.* Na czas zaniku polskiej postaci *żglisko* rzuci pewne światło fakt, że Mazowszanina Knapskiego »Thesaurus

---

[1]) Gramatyka historyczno-porównawcza języka polskiego, Lwów 1879, t. II, str. 57.

[2]) Słowotwórstwo w Gramatyce [zbiorowej] języka polskiego, Kraków 1923, str. 226.

polono-latinograecus...« (Kraków 1621) ***żgliska*** już nie posiada, lecz tylko *zgliszcze* (< *żgliszcze*). Dzisiaj panuje wyłącznie *zgliszcze*. Por. dalej: ***bożyszcze*** 'bożysko, bożek, bóstwo' z Monitora, redagowanego 1765—1784 przez Bohomolca z z. witebskiej; ***kurwiszcze*** 'eine Hellerhure, gemeine schlechte Hure' z »Worka Judaszowego« (1600) Klonowicza (ca 1545—1602), Wielkopolanina, który przecież drugą połowę swego życia spędził w Lublinie, utrzymując zażyłe stosunki z panami ruskimi, n. p. ks. Wereszczyńskim, biskupem kijowskim i in.; ***uroczyszcze*** 1. 'kopiec, miejsce graniczne', 2. 'nazwa miejsca nieosiedlonego' 1. z Falibogowskiego (w. XVII) z z. sieradzkiej, który czas jakiś przebywał w niewoli w Moskwie, 2. z Stryjkowskiego, z ustępu opisującego stosunki ruskie, w którym więc dla zachowania kolorytu lokalnego użył formy ruskiej wyrazu, podobnie jak w ***rzeczyszcze*** 'brzydka rzeka'; ***grabiszcze*** 'trzonek grabi' z Kamieńskiego (1737—1784) z Białej Rusi. Przykłady dotychczas przytoczone stoją niewątpliwie w bezpośrednim związku z Rusią. Niema tej bezpośredniej łączności w ***brodziszcze*** 1. 'ta część twarzy, na której broda', 2. 'broda poważna' z Staszica (1755—1826), Wielkopolanina; ***dworzyszcze*** 'dworzec, folwark' z »Volumina legum« 1732, wydanych przez Konarskiego, Małopolanina, wreszcie w ***chłopiszcze*** 'chłop, który niewiele wart; grundal niezgrabny, nieforemny'; ***siedliszcze*** 'siadło, miejsce osiadania', które być może sam Linde urobił, jako że przy nich nie podaje ani przykładów, ani źródła, skądby je zaczerpnął. Ale na uformowanie czterech ostatnich rzeczowników, przypuśćmy nawet, iż na gruncie czysto polskim powstałych wpłynąć mogły i niewątpliwie wpłynęły twory bezpośrednio lub pośrednio ruskie. Oto niektóre (może wszystkie?) z nielicznych rzeczowników na *-iszcze*, jakie objął Linde w swoim słowniku. Rzeczowników na *-isko* znajdziemy w nim bez porównania więcej, więc obok obocznych z powyższemi: ***bożysko***, ***kurwisko***, ***uroczysko***, ***rzeczysko***, ***brodzisko***, ***dworzysko***, ***chłopisko***, ***siedlisko*** także całe szeregi innych, których wymienianie tutaj byłoby bezcelowe.

Większej liczby szeczowników na *-iszcze* nie wykazuje żaden ze słowników przed Lindem ułożonych. Knapski n. p. posiada tylko *chłopczyszczko*, *chłopczyszcze* Przedmowa, karta 3, dalej ubocznie przy sufiksie *-isko* (s. v. *chłopisko*) wspomniane *chłopiszcze*, *domiszcze*[1]) i zdrobniałe *domiszczko*[2]), *zgliszcze* 'zgorze-

[1]) Znaczeniowo zestawia je Knapski z deminutivami takiemi, jak: *domiszczko*, *chłopina*, *domczyna*, na co mogło wpłynąć potwierdzone podciąganie niekiedy rzeczowników na *-išče* pod kategorję deminutivów na *-ęt-*, por.

lisko, rogus', tudzież *kucharczyszczko* albo kuchcik, *kucharzyszczko* 'kuchta, magirisciuin' wskazujący zresztą na możliwość istnienia takż *kucharczyszcze, kucharzyszcze*, jak i *kucharczysko, kucharzysko*; pozatem wyłącznie *-isko*. A jakkolwiek przy *chłopisko* oświadczył KNAPSKI, że: Multa deriuata diminutiua sunt huius terminationis, potissimum ad magnitudinem, deformitatem, extenuationem vel contemptum significandum, to jednak uwzględnił z nich niewiele: *bagnisko* 'bagno, błota, palus'; *biczysko* (s. v. toporzysko); *bojewisko* 'area ad trituram habilis'; *chłopisko*; *ciernisko, ciernieiwisko* 'spinetum'; *domisko* (s. v. chłopisko); *drożysko* 'via, inuia'; *gnojewisko* 'sterquilinium'; *grobowisko* 'cmyntarz, sepulcretum'; *igrzysko* 'ludi'; *jabłczyska* plur. (s. v. chłopisko); *klepisko* 'area ad trituram habilis'; *legowisko* 'gdzie kto podły abo bestya lega, cubitus'; *łożysko*, legowisko 'cubile ferarum'; *ługowisko* 'palus aquam rubidam et lixiuio similem habens'; mokrzyny, mokre miesca, *mokrzyska* plur. 'irriguum'; *mrowisko* 'formicarum nidus, agmen'; *śmiewisko* 'naśmiewanie, pośmiech, irrisio'; *nazwisko*, przezwisko 'nomen'; *nożysko* (s. v. chłopisko); *ognisko* 'focus'; *pastwisko* 'pastio'; *przezwisko* (s. v. nazwisko); *psisko* (s. v. chłopisko); *rżysko* 'stramentum quod infra manum (messorum) terrae haeret'; *serzysko* 'coagulum, succus cogens lac in caseum, ventriculus vituli nondum ablactati'; *siedlisko* 1. 'plac, area'; 2. 'siadło, siedzenie, miesce'; *siekierzysko* (s. v. toporzysko); *stanowisko* 'stanie, miesce stania, stabulum'; *ściernisko* 'ager inaratus post messem'; *targowisko* 'forum boarium'; *toporzysko* 1. 'manubrium', 2. 'wielki abo zły topór', vt *siekierzysko, nożysko* etc., quam significationem dictionum in *-isko* desinentium attigimus sub *chłopisko*, sed *toporzysko* hoc sensu raro est in vsu, vt et *biczysko* pro magno vel malo flagello et *ognisko* pro igne et *wierzysko* pro segmento ligni a *wiór* etc., nam sine vituperio vsurpantur; *wędzisko* 'arundo piscatoria'; *wierzysko* 'locus lignis concidendis destinatus'; *wilczysko* 'ingens lupus'; *wozisko* 'currus vastus et rusticanus' (s. v. wilczysko); *zajęczysko* (s. v. wilczysko); zgliszcze, *zgorzelisko* 'rogus'. Jasnem jest, że KNAPSKI nie wyczerpał w słowniku swoim wszystkich rzeczowników na *-iszcze, -isko*, spółcześnie z nim w języku

---

Latona z oczu Junonie zejść musiała ze dwojgiem bożyszczat na łonie Żebrowskiego przekład Metamorfoz Owidjusza, Kraków 1636. Objaw podobny w zakresie o wiele szerszym istnieje także w języku słowieńskim, jak stwierdza L. PINTAR w artykule: Das Suffix *-išče* im Neuslovenischen, AslPh. 32 (1911) 131—139.

[2]) LINDE, który bardzo dokładnie słownikiem KNAPSKIEGO się posługiwał, opuścił *domiszcze*, przytoczył tylko *domiszczko*.

polskim żyjących; podał z nich tylko niektóre, nie tyle najbardziej znane i używane, ile takie, na jakie się bez dobierania przykładów z jakąś ukrytą myślą natknął w czasie pisania słownika. Znikoma liczba czterech rzeczowników na *-iszcze* w stosunku do znacznej liczby rzeczowników na *-isko* świadczy wymownie o niepopularności przyrostka *-iszcze* w języku polskim na początku XVII. wieku. Jeżeli teraz porównamy te cztery przykłady z tegoż samego rodzaju przykładami w słowniku Lindego, zobaczymy, iż liczba rzeczowników na *-iszcze* wzrasta u nas i to nieznacznie dopiero w w. XVII—XVIII istotnie dzięki wpływowi ruskiemu, że więc i Knapskiego *chłopiszcze* (‖ *chłopisko*), *domiszcze* (‖ *domisko*) i przypuszczalne *kucharczyszcze* (‖ **kucharczysko*) wedle wszelkiego prawdopodobieństwa temuż wpływowi swój początek zawdzięczają.[1])

By jednak wyniki dotychczasowych rozumowań uznać za całkiem zgodne z prawdą, trzeba będzie wykazać, że język staropolski XIV. i XV. wieku również swoistego przyrostka *-iszcze* nie posiadał. W przeciwnym bowiem razie conajwyżej można będzie powiedzieć, iż nieulegający pomimo wszystko wątpliwości, jak to widzieliśmy, wpływ ruski przyczynił się tylko do podtrzymania tego sufiksu. W materjale, jakiego nam dostarczają zabytki staropolskie XIV. i XV. wieku, zdołałem odszukać *-iszcze* kilka zaledwie razy, a mianowicie: *łęczyszcze* 'arcus' w Psałterzu florjańskim X, 2; XVII, 37; XXXVI, 14, 16; XLV, 9; LVII, 7; LXXV, 3; LXXVII, 63; w Psałterzu puławskim X, 2; XVII, 37; XXXVI, 14, 16; XLIII, 8; XLV, 9; LVII, 7; LXIII, 3; LXXV, 3; LXXVII, 12, 63; Hab. 14; w Mammotrekcie z r. 1471 (ogłoszonym przez prof. Łosia w MPKJ. V). Prov. XX, obok czego istnieje także *łęczysko*: PFl. VII, 13; XLIII, 8; LXXVII, 12, Ann. 6; PPuł. LIX, 4; Ann. 6. Biblja królowej Zofji n. p. posiada kilkanaście razy tylko *łęczysko*.

nasadziszcze 'hastile' Mamm. II Reg. 21.

pastwiszcze w Biblji królowej Zofji, fragmencie wrocławskim AslPh 28, 119: *bidlenye lwowe apastwyscze lwyєt lwowich.*

Niepewne jest *targowysczo* (!) 'mercatum' Pr. Fil. V, 7.

Ponieważ jednak przykłady te trafiają się w zabytkach, na które — jak wykazano — bardzo silnie oddziałał wpływ czeski, nie miniemy się z prawdą, jeżeli temuż wpływowi formę sufiksu powyższych rzeczowników przypiszemy. Wszak jeśli idzie o *łęczyszcze*, *łęczysko*, to już Nehring[2]) stwierdził, że na ich miejscu »czeskie

---

[1]) Co do *zgliczcze* tom to już przykładowo powyżej wykazał.
[2]) Iter Florianense. Poznań 1871, str. 90a.

psałterze mają *lucziszcze*«. Co się zaś tyczy *nasadziszcza*, to i tu wpływ czeski niewątpliwy; mammotrekty czeskie, które są źródłem naszego mammotrektu, 'hastile' tłumaczą właśnie przez *nasadiště*.[1] Dla *pastwiszcza* nie miałem niestety możności odszukania odpowiednika w biblji staroczeskiej. Liczba rzeczowników na *-isko* w staropolszczyźnie jest bez porównania większa; gdyby je ze wszystkich staropolskich zabytków wybrać, przedstawiałaby się bardzo pokaźnie. Dla przykładu wyczerpię niektóre z nich. Biblja królowej Zofji posiada: *łęczysko*, *ognisko*, *siedlisko*, *toporzysko*[2]; słowniczek Juljana z Kruchowa ok. r. 1455, ogłoszony przez prof. Brücknera w AslPh 14 (1892): *szydlysko* (= siedlisko) 'area', str. 489; *kalysko* (= kalisko) 'kał', ib.; *szyrzysko* (= syrzysko) 'coagulum', ib.; *lowysky* nalezyonymi 493 od *lowysko* (= łowisko) ptasze 'avitium' 495; w Mammotrekcie z r. 1471: Gvmno a. *bogyevisko* (= bojewisko) 'area' Mat. 3; *raczisko* (= racisko) 'hastile' I Reg. 17; Sloma, plewy a. *rzysko* Ex. 5; Na *stawiskv* 'in stacione' II Reg. 23; w słowniku Bartłomieja z Bydgoszczy z r. 1532: *gvmnysko* 'area'; *ognyszko* 'focarium'; *pogorzelisko* 'area'; *rzyszko* (= rżysko) 'arista, spica'; *syedlisko* 'area'; *strzemyenysko* 'streparium'; *szyrzisko* 'coagulum'; *toporzisko* 'manubrium'; *throcisco* 'thymiana'.

Ale na tem nie kończą się jeszcze zabytki staropolskie, bo jeśli idzie o fonetykę i słowotwórstwo, to bardzo wielkie usługi w badaniu pewnych zagadnień oddać mogą imiona własne, miejscowe i osobowe, jakich dla wieku XII, XIII, XIV mamy setki i tysiące. Tam więc teraz, między nazwy miejscowe, skierować musimy nasze poszukiwania, tembardziej, że mamy tu do czynienia z przyrostkiem przedewszystkiem geograficznym. Poszukiwania te przyniosą nam rezultaty istotnie ciekawe. Okaże się z nich bowiem, że język polski jeszcze w historycznej dobie swego rozwoju posiadał swój własny sufiks *-iszcze*. Wykazują go następujące nazwy miejscowe

w Wielkopolsce[3]: *Grodziszcze* (dzisiaj *Grodzisk*, miasto pod Poznaniem): Joseph de *Grodyscze* 1352, KWkpol. III, 21 (oryg.)

---

[1]) Por. F. Menčik: Der Wiener Mammotrectus (z połowy w. XV), AslPh 5 (1881), 103, Gebauer: Slovník staročeský II, 496.

[2]) Por. A. Babiaczyk: Lexikon zur altpolnischen Bibel 1455, Breslau 1906.

[3]) Na podstawie Kodeksu dyplomatycznego Wielkopolski, t. I—V, Poznań 1877—1908 (ozn. KWkpol.) i słowników onomastycznych St. Kozierowskiego 1. Badania nazw topograficznych dzisiejszej archidiecezji gnieźnieńskiej, Poznań 1914 (ozn. KGniezn.); 2. Badania nazw topograficznych dzisiejszej archidiecezji poznańskiej, t. I—II, Poznań 1916 (ozn. KPozn.); 3. Badania nazw topograficznych na obszarze dawnej zachodniej i środkowej Wielkopolski, t. I—II, Poznań 1921—1922 (ozn. KZach.). Przy każdym cytacie zaznaczam czy pochodzi on z oryginału, czy też z późniejszej kopji, co bynajmniej nie jest rzeczą obo-

Joseph de *Grodziscze* 1382, KWkpol. III, 528 (oryg.); de *Grodzisco* 1407, KPozn. I, 225. — *Grodziszcze* (dzisiaj *Grodzisk*, wieś pod Pleszewem): *Grodiz* 1198, KWkpol. I, 44 (oryg.). — *Grodziszcze* (dzisiaj *Grodzisko*, w. p. Świebodzinem): villam *Grozisce* 1277, KWkpol. I, 411 (oryg.); hereditatem *Grozisce* 1280, KWkpol. I, 460 (oryg.); villam *Grottische* 1259, KWpol. I, 332 (kopja z XVII w.). W w. XV dla wszystkich tych miejscowości już tylko *Grodzisko*.

Łaziszcze (dzisiaj *Łaziska*, w. pod Wągrowcem): Andreas de *Lasziscz* 1381, KWkpol. III, 505 (oryg.); *Lasis* 1222, KWkpol. I, 549 (kopja z XV w.); hereditatis ... que vulgariter *Laziska* nuncupatur 1353, KWkpol. IV, 22 (kopja z XVIII w.).

Miedźwiedziszcze (dziś *Niedźwiady*, w. pod Rogowem): *Medvediscia* 1252, KWkpol. I, 267 (oryg.); *Medzwad* 1373, KWkpol. III, 394 (Kopja późniejsza).

Pierzyszcze (dzisiaj *Pierzyska*, w. pod Gnieznem): alia [villa] *Peresce* vocatur 1239, KWkpol. I, 556 (oryg.).

Plewiszcze (dzisiaj *Plewiska*, w. pod Poznaniem): in *Plevis* 1237, KWkpol. I, 173 (kopja z XV w.); *Plewyscze* 1335, KWkpol. II, 478 (kopja z XVI w.); in *Plyewysko* 1307, KWkpol. III, 761 (kopja z XVI w.).

Pobiedziszcze (dzisiaj *Pobiedziska* m.): in *Pobezisch* 1233, KWkpol. I, 129 (oryg.); Datum *Pobedysche* 1254, KWkpol. I, 290 (oryg.); in *Pobodis* (!) 1258, KWkpol. I, 330 (oryg.) i I, 414 (oryg.); *Pobedist* 1312, KWkpol. II, 293 (oryg.?); in *Pobedzisca* 1246, KWkpol. I, 212 (kopja z XV w.); in *Pobedisc* 1247, KWkpol. I, 217 (kopja z XVII w.); *Pobedisca* 1258, KWkpol. I, 307 (kopja z XVII w.); in *Pobyedziska* 1500, KDPol.[1]) II, 968 (oryg.). W w. XV już *Pobiedziska*.

Śmieciszcze (dzisiaj *Śnieciska*, w. pod Środą): *Smecise* 1257, KWkpol. I, 315 (oryg.); *Smecyscza* 1357, KWkpol. III, 70 (oryg.). W w. XV *Śmieciska*.

Targowiszcze (dzisiaj *Targowisko*, w. pod Łabiszynem): *Targoviste* 1153, KWkpol. I, 577 (oryg.). — *Targowiszcze* (dzisiaj

---

jętną, kopja bowiem nie zawsze wiernie oddaje dawne brzmienie nazwy, owszem bardzo często kopista pozwalał sobie na jej modernizowanie n. p. stale w w. XIV w dokumentach oryginalnych występująca nazwa: *Grodziszcze* w kopji jednego z nich z r. 1379, pochodzącej z w. XVI posiada już formę nowszą *Grodzisko*: Joseph de *Grodzysko* KWkpol. III, 482. Gdyby się tego faktu nie wzięło pod uwagę, mogłoby to doprowadzić do wniosków najmylniejszych. Niezaznaczanie tego przez Kozierowskiego nakazuje wielką ostrożność w posługiwaniu się jego dziełami.

[1]) Por. niżej.

Targowisko, w. pod Śmiglem): *Targowiscze* 1355, KWkpol. III, 38 (oryg.); de *Targoviszcze* 1376, KWkpol. III, 452 (oryg.).

na Śląsku: *Dworzyszcze* (osada dziś nieznana, leżała, zdaje się, koło Namysłowa): *Dworzischcze* in. XIV. LFEVr.[1]) 66 (oryg.).

Grochowiszcze (dziś *Grochowice*, po niem. *Grochwitz*, w. w pow. ząbkowickim): *Grochouisce* 1210 Reg. I,[2]) nr. 138 (oryg.); *Grochovisca* ... *Grochovischa* 1262, Reg. II, nr. 1112 (oryg.); *Grochovischa* 1316, Reg. V, nr. 3579 (oryg.); — *Grochowiszcza* (*Grochowiska*?, dziś *Grochowa*, po niem. *Grochau*, w. w pow. ząbkowickim): *Grochouischa* 1210, Reg. I. nr. 138 (oryg.).

Grodziszcze (dziś *Grodzisko*, po niem. *Grötsch*, w. w pow. kozielskim): *Grodische* 1234, Korn[3]) 8 (oryg.); *Groddizst* 1319, Reg. V, nr. 3992 (oryg.); *Grodyscz* 1321, Reg. V, nr. 4145 (oryg.); — *Grodziszcze* ([dziś *Grodzisko*?] po niem. *Gräditz*, w. w pow. grotkowskim): *Grosziste* in. XIV LFEVr. 28 (oryg.); *Grediscza* ib. 35. — *Grodziszcze* (dziś *Grodziszcze*, po niem. *Grodietz*, w. w pow. cieszyńskim): *Grodische* in. XIV LFEVr. 111 (oryg.); — *Grodziszcze* (dziś *Grodzisko*, w. w pow. olesińskim): *Grodische* in. XIV LFEVr. 102 (oryg.).

Łaziszcze (dziś *Łaziska*, po niem. *Lasisk*, w. w pow. wielkostrzeleckim): *Lazische* in. XIV LFEVr. 94 (oryg.); — *Łaziszcza* (osada dziś nieznana, leżała koło Ostrzeszowa): *Lazisсza* in. XIV LFEVr. 72 (oryg.); — *Łaziszcza* (*Łaziska*?, osada dziś nieznana, leżała koło Trzebnicy): *Lazischa* in. XIV LFEVr. 55 (oryg.); — *Łaziska* ([dziś *Łaziska*?] po niem. *Looswitz*, w. w pow. bolesławskim): *Laziska* in XIV LFEVr. 133 (oryg.).

Pożarzyszcze (dziś *Pozarzyce*, po niem. *Poseritz*, w. w pow. świdnickim): *Posarisce* 1202, Reg. I, nr. 77 (oryg.); *Posirist* 1201 Reg. I, nr. 74 (oryg.); *Posarisc* 1204, Reg. I, 94 (oryg.); *Posarisch* 1235, Reg. I, nr. 479 (oryg.).

Siedliszcze (dziś *Siedlice*?, po niem. *Zedlitz*, w. w pow. oławskim): *Sedlisce* 1208, Reg. I, nr. 126 (oryg.); *Sedelizze* 1253, Reg. II, nr. 815 (oryg.); *Celcisce* (!) 1265, Reg. II, nr. 1206 (transump z XIV w.).

Słupiszcze (dziś [po pol.?] po niem. *Schlaupitz*, w. w pow. nissańskim): *Slupiste* in. XIV, LFEVr. 24 (oryg.).

[1]) H. Markgraf u. J. Schulte: Liber fundationis episcopatus Vratislaviensis, Breslau 1889.

[2]) C. Grünhagen: Regesten zur schlesischen Geschichte, t. I—V, Breslau 1884—1898.

[3]) G. Korn: Breslauer Urkundenbuch, Breslau 1870.

Sobociszcze (dziś *Sobocisko*, po niem. *Zottwitz* w. w pow. oławskim): *Sobocisce* 1149, Reg. I, nr. 33 (oryg.?); *Sobotisce* 1193, Reg. I, nr. 58 (oryg.); *Zobocische* 1204, Reg. I, nr. 97 (oryg.); *Sobocicz* 1311, Reg. IV, nr. 3212 (oryg.); *Zobzcicz* (!) 1323, Reg. V. nr. 4300a (oryg.).

Stanowiszcza (*Stanowiska*?, dziś *Stanowice*, po niem. *Stanowitz*, w. w pow. oławskim): *Ztanouischa* 1203, Reg. I, nr. 86 (oryg.); *Stanovischa* 1253, Reg. II, nr. 839 (oryg.); *Stanovice* 1258, Reg. II, 1002 (oryg.); *Stanwicz* 1288, Reg. III, nr. 2076 (oryg.).

Żarzyszcze (dziś *Zarzysk*, po niem. *Sarsisk*, w. w pow. oleśińskim): *Sarischa* 1204, Reg. I, nr. 95 (oryg.); *Zarziche* in. XIV, LFEVr. 70 (oryg.); *Zarisce* 1271, UBB.[1]) 42 (kopja z XV w.); *Sarisck* 1228, Tzsch[2]). 288 (kopja z XVI w.).

w Małopolsce: *Grodziszczé* (dzisiaj *Grodzisko* w. pod Wadowicami): *Grodzyscze* 1254, Kkk.[3]) I, 53 (kopja z XV w.); *Grodiscze* 1256, KDPol.[4]) III, 71 (transumpt z XVI w.); *Grodisce* 1287, KDPol. III, 149 (kopja późniejsza w Metrykach koronnych). — *Grodziszcze* (dzisiaj *Grodzisko* w. pod Olkuszem); *Grodyszcze* 1270, KMpol.[5]) I, 98 (kopja z XVIII w.); *Grodecsko* 1229, Kkk. I, 31 (kopja z XV w.).

W w. XV już *Grodzisko*.

Pełczyszcze (dzisiaj *Pełczyska* w. pod Pińczowem): de *Pelchisch* 1224, Kkk. I, 18, 20 (oryg.); *Pelcziscze* 1306, Kkk. I, 148 (oryg.); de *Pelchist* 1266 KDPol. III, 88 (kopja późniejsza w Metrykach koronnych); de *Pelcziszcz* 1321, Kkk. II, 3 (kopja z XVw.); *Pelczisca* 1377, Kkk. II, 66 (oryg.); *Pelcziscza* ... *Pelczisca* 1379, Kkk. II, 76 (transumpt z XIV w.).

W w. XV już *Pełczyska*.

Siedliszcze (dzisiaj *Siedliska* w. pod Tarnowem): *Sedliscze* 1288, KTyn.[6]) 71 (fals. z XV w.); *Sedliste* 1288, KTyn. 72 (fals.

[1]) G. Stenzel: Urkunden zur Geschichte des Bisthums Breslau im Mittelalter, Breslau 1845.

[2]) G. Tzschoppe u. G. Stenzel: Urkundensammlung zur Geschichte des Ursprungs der Städte ... in Schlesien u. der Oberlausitz, Hamburg 1832.

[3]) Kodeks dypl. katedry krakowskiej, wydał F. Piekosiński, Kraków t. I (1874), t. II (1883).

[4]) Codex diplomaticus Poloniae, wyd. L. Rzyszczewski i A. Muczkowski, Varsaviae t. I (1847), t. II, 1 (1848), t. II, 2 (1852); t. III (1858) wyd. J. Bartoszewicz.

[5]) Kodeks dyplomatyczny Małopolski, Kraków t. I (1876), t II (1886), t. III (1887), t. IV (1905).

[6]) Kodeks dyplomatyczny klasztoru tynieckiego, wydali W. Kętrzyński i S. Smolka, Lwów 1875.

z XV w.); *Sedliscze* 1362, KTyn. 132 (kopja z XIX w.); *Sedliska* 1353, KMpol. III, 89 (transumpt z końca XIV w.); *Sedlisca* 1396, Kkk. II, 207 (oryg.).

Strożyszcze (dzisiaj *Stróżyska* w. koło Stopnicy): de *Stroziscz* 1346, Kkk. I, 231 (oryg.); *Strosziska* 1402, Kkk. II, 266 (kopja z XV w.).

Targowiszcze (dzisiaj *Targowisko* w. w pow. bocheńskim): *Thargouisce* 1262, KDPol. III, 83 (oryg.); *Targowiscze* 1324, KMpol. II, 256 (oryg.); *Thargowiscze* 1364 KMpol. III, 176 (oryg.); *Targowiscze* 1382 KMpol. III, 340, 341 (oryg.); *Targowisce* 1325, KMpol. II, 257 (kopja z XVII w.); *Targowiska* 1354, KMpol. III, 93 (kopja z XVII w.).

Wilkowiszcze (dzisiaj *Wilkowisko* w. w pow. limanowskim): *Wilcowisce* 1324, KDPol. III, 181 (kopja z XVII w.).

Wirzchowiszcze (dzisiaj *Wierzchowisko* albo *Wierzchowiska*, lokalizacja niewiadoma, gdzieś w dawnem woj. krakowskiem): *Wirzchouiscze* 1346, KMpol. III, 63 (oryg.); 1347, KMpol. I, 267 (oryg.).

Z przykładów powyżej przytoczonych, które, rzecz prosta, bynajmniej nie wyczerpują zasobu polskich nazw miejscowych na *-iszcze* w XII, XIII i XIV w., lecz obejmują wyłącznie te, które z przeglądniętych kodeksów wypisałem, widzimy całkiem jasno, iż nie brak było w ówczesnej polskiej toponomastyce formacyj na *-iszcze* i to w dzielnicach już z punktu widzenia chronologji średniowiecznej od stuleci całych etnograficznie najrdzenniej polskich. Czy formacje te istniały także poza nazwami miejscowemi, czy używano ich wtedy również w słownictwie pospolitem, appellatywnem,[1]) o to można się spierać. W każdym razie conajmniej dla wieku XIV trudno już przypuścić szeroką używalność tego sufiksu. Wedle wszelkiego prawdopodobieństwa kontynuowały go w tym wieku tylko jeszcze nazwy miejscowe, a i one powoli usuwają go na korzyść głównie przyrostka *-isko*, na przełomie zaś w. XIV—XV zatracają go zupełnie. Fakt ten nie nastąpił oczywista odrazu, bo całkiem jest jasne, że przenikanie sufiksu *-isko* do nazw na *-iszcze* rozpoczęło się znacznie wcześniej tak, iż przez czas dłuższy przy niektórych przynajmniej nazwach *-iszcze* używało się obocznie z *-isko*. Wiek XV już i w nazwach miejscowych przyrostka *-iszcze* nie wykazuje. Jeżeli więc

[1]) *Dziedziszcze* z oryg. dokumentu z r. 1254 pochodzącego: alueus salis ad magnum salem hereditarjus latine, *dedische* wlgariter nominatus cum pecina et cum alia obuentione salis que slobj wlgariter nominatur KDPol. III 59 jest niepewne.

spotkamy się n. p. w dziełach Długosza (1415—1480) z nazwą *Siedliszcza* (*Syedliscza*, Lib. Ben. II, 249, obok czego zresztą kilkakrotnie *Siedliska*, passim) lub podobnemi, to nie oddaje ona wiernie brzmienia nazwy danej wsi w w. XV, lecz jest tylko jej dokładnem skopjowaniem z jakiejś starszej zapiski. Rok 1400 jest granicą, poza którą nie dostrzegłem nazwy miejscowej na *-iszcze* nie wzbudzającej podejrzenia co do swej autentyczności. Wypadek taki, jak do dziś zachowane *Grodziszcze* na Śląsku cieszyńskim, stanowi niesłychanie rzadki wyjątek; do wyjątków należy również zdrobniała tej nazwy forma *Grodziszczko* w Wielkopolsce, już ona sama mogąca wskazywać do pewnego stopnia na istnienie sufiksu *-iszcze* na ziemiach czysto polskich.

Fakt wyparcia przyrostka *-iszcze* (lub jego formy pluralnej *-iszcza*) przes przyrostek *-isko (-iska)* należy sobie tłumaczyć tem, iż sufiks ten był silniejszy od mało w Polsce w średniowieczu żywotnego sufiksu *-iszcze* dzięki oparciu, jakiego mu dostarczył bardzo wówczas żywotny równoznaczny sufiks *-ьsko*. Przyrostek *-isko* pojawia się już w najstarszych polskich dokumentach: *Grochowiska* (dziś *Grochowiska*, w. pod Żninem): *Grochouisca* 1136, MPKJ. IV, 452 (oryg.); Jaroslao clerico de *Grochowiska* 1381, KWkpol. III, 513 (oryg.); — *Borowisko* (dziś *Borowiska*, w. w pow. sieradzkim): *Borovisko* 1308, KMpol. II, 213 (oryg.); — *Proszyska* (dziś *Proczyska* lub *Proszyska*, w. w pow. inowrocławskim): *Prossiska* 1358, KWkpol. III, 106 (oryg.); — *Wirzchowisko* (rzeczka koło Bodzentyna): super fluuium *Wyrzchouissko* 1369, KMpol. I, 363 (oryg.); — *Piwniczyska* (miejsce nieodgadnione pod Osieczną): aque fluentis de Grodnicza et de *Piwniczisku* 1388, KWkpol. III, 609 (oryg.); — *Łaziska* (w. koło Sącza): *Laziska* 1390, KDPol. III, 344 (oryg.); — *Niedzieliska* (dziś *Niedzielisko* lub *Niedzieliska*, w. koło Bochni): *Nedzelisca* 1391, Kkk. II, 155 (oryg.).

Jeżeli teraz porównamy formy te z formami na *-iszcze*, spostrzeżemy dla wieku XII, XIII i XIV ogromną przewagę nazw o sufiksie *-iszcze*. Że pomimo to sufiks ten ustąpił tu miejsca przyrostkowi *-isko*, to niechybnie wypłynęło z obfitości a może wyłączności tego sufiksu w appellatywach w okresie przez nas branym pod uwagę i z ich oddziaływania na formę nazw miejscowych.

Podobnie jak dzisiejszy język polski jednego tylko z dwu naszych przyrostków używają oddawna na gruncie zachodniej Słowiańszczyzny narzecza kaszubskie i słowińskie, tudzież język połabski. Dialekty południowokaszubskie idą pod tym względem w parze

z językiem polskim,[1]) dialekty natomiast północnokaszubskie i sło-wińskie, jako też język połabski wykazują wyłącznie przyrostek *-išče*[2]). Tak przynajmniej twierdzi LORENTZ. Ale twierdzenie to wymaga pewnej poprawki, co się tyczy języka połabskiego. Sufiks *-išče* jest tam istotnie panującym, lecz nie bezwyjątkowo, bo trafia się przecież, choć niesłychanie rzadko, także i *-isko*. Kiedy przejdziemy pozycję za pozycją ROSTOWEGO słownika, dodanego do wydanych przez niego zabytków połabskich[3]), przekonamy się, iż obejmuje on 88 przykładów (już z wątpliwemi) na *-išče* i 4 na *-isko*: *sědléiskö* 'siedlisko' (nazwa pola), *senéiskö* 'sienisko' (nazwa pola) od *siano*, *zëléiskö*? 'zielisko' (naz. pola) i *vluostéiskö* 'włościsko' (naz. jeziora), z tych trzy pierwsze mają również formy oboczne z *-iszcze*: *sědléiste* 'siedliszcze', *senéiste* 'sieniszcze', i *zéléiste* 'zieliszcze'. To wziąwszy pod uwagę, nikt nie będzie mógł twierdzić o bezwyłączności przyrostka *-išče* na gruncie połabskim. Trudno tu oczywista przypuścić jakiś wpływ obcy, jakiby można ostatecznie przyjąć w przypadkowo spotkanem *-isko* w narzeczach północnokaszubskich i słowińskich.

Obu przyrostków we wszystkich swoich znaczeniach używa równorzędnie język czeski (ze słowackiem) i język łużycki. Stąd też upatrywanie w czeskiem *-iště* < *-išče* tylko sufiksu lokalnego,[4]) w *-isko* zaś głównie augmentatywnego[5]) nie odpowiada stosunkom panującym w żywym języku, jest więc bezwarunkowo sztuczne. Por. do tego słownik KOTTA t. I, str. 589, t. VI, str. 468 i 470. Na osobne dokładne zbadanie zasługiwałyby wielce odpowiednie nazwy miejscowe na całem terytorjum czesko-słowackiem. Ale musiałoby się tutaj, co po raz drugi z naciskiem podkreślam, skrupulatnie odróżniać zapodania dostarczone nam przez dokumenty i zapiski oryginalne od zapodań z późniejszych, często bardzo niewiernych odpisów. Badanie to pokazałoby nam stosunek nazw na *-isko* do nazw na *-išče* w różnych epokach języka czeskiego, ujawniłoby walkę, jaka w tym zakresie między temi dwoma sufiksami się rozgrywała.

---

[1]) F. LORENTZ: Das gegenseitige Verhältniss der sogenannten lechischen Sprachen, AslPh 24 (1902), 59.

[2]) ibid. Por. nadto (przykłady): F. LORENTZ: Slovinzische Grammatik, Petersburg 1903, str. 198—199 i A. SCHLEICHER: Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache, Petersburg 1871, str. 181—182.

[3]) P. ROST: Die Sprachreste der Draväno-Polaben im Hannöverschen, Leipzig 1907.

[4]) A. MAZON: Grammaire de la langue tchèque, Paris 1921, str. 113; GEBAUER-ERTL, Mluvnice česká[5] I, 71.

[5]) MAZON, str. 117, GEBAUER-ERTL I, 155.

i rozgrywa, a także wskazałoby nam kierunek, w którym te nazwy podążają. Być może, iż dałoby się tutaj wyznaczyć pewne różnice terytorjalne. Dotychczas coś podobnego w mierze niezupełnej i z historycznego punktu widzenia niedokładnej zrobiono ubocznie zresztą dopiero dla Moraw.[1]) Z pracy poniżej cytowanej okazuje się, że w tej części czeskiego poziemia panują teraz oba typy nazw — *išče* > *iště*: *Dvořiště*, *Hradiště*, *Ječmeniště*, *Kaliště*, *Lučiště*, *Mošťiště*, *Stanoviště*, *Stajišče* > *Stejšť*, *Zahradiště* i *-isko*: *Hradisko*, *Hutisko*, *Knězovisko*, *Pradlisko*, *Sedlisko*, *Stražisko*, *Uhliska*, *Vsisko*. Że nie tak samo tam było w przeszłości, wnosić można z wzmianki, iż »*vsisko* na Olom. slulo dříve *vsiště*«[2]). Jak jednak było, na to nie można z dzieła autorów tej wzmianki powziąć bliższej informacji.

W parze z językiem czeskim pod względem używalności sufiksów *-isko* i *-išče*, ale tylko do pewnego stopnia, idzie język łużycki. Tu bowiem istotnie doszło do znaczeniowego ich zróżniczkowania. Przyrostek *-isko* mianowicie posiada wyłącznie znaczenie augmentatywne. Podobnego ograniczenia niema zupełnie przy *-išćo* < *-išče*. Por. E. Muki: Historische u. vergl. Laut- und Formenlehre d. niedersorb. Sprache, Leipzig 1891, str. 215—216; J. Radyserba-Wjeli: Wěcowniki z wukoncom -išćo Č. M. S. LXV (1912), 34—35; M. Justa: Wo słowotwórbje w Serbšćinje Č. M. S. LXVII (1914), 72, 75, 79; G. Šwjeli: Lehrbuch d. niederwend. Spr. I. Grammatik, Cottbus 1906, str. 79, 81.

Rozpatrując dzieje i stan dzisiejszy przyrostków *-isko*, *-išče* na gruncie zachodniosłowiańskim, niepodobna pominąć milczeniem sufiksu jeszcze jednego, równoznacznego z tamtemi, t. zn. sufiksu *-ьsko*, gdyż dopiero zestawienie tych trzech przyrostków pozwoli nam wniknąć w ich należyte zrozumienie. Znaną jest bowiem rzecz, iż do dnia dzisiejszego nie wyjaśniono w sposób zadowalający ani przyrostka *-isko*,[3]) ani, jak dalej zobaczymy, przyrostka *-išče*. Starając się o to wyjaśnienie nie wolno zapominać faktu, że sufiks *-išče* jest ogólnosłowiański, sufiksy zaś *-isko*, *-ьsko* wyłączną własnością zachodniej Słowiańszczyzny, dalej, że najpierwotniejszem ich znaczeniem było określanie miejsca, gdzie się przedmiot, rzadziej cecha, przez rdzeń wskazana znajduje albo znajdowała. A więc musiały te sufiksy wyjść z sufiksów przymiotnikowych, z któremi

[1]) F. Černý a P. Váša: Moravská jména místní. V Brně 1907.
[2]) ibid., str. 171.
[3]) Vondrák: Vergl. slav. Gram., t. I², 622.

znaczeniowo w silnym bardzo stoją związku. Istotnie, co się *-ьsko* tyczy, to nikt nie wątpi, iż jest to urzeczownikowiona forma nom. sg. neutr. przymiotnika na *-ьskъ*. Nie tak jasno przedstawiają się przyrostki *-isko, -išče*. Tłumaczą *-išče* jako *-isk- + -i̯o-* (Miklosich, Belić, Meillet,[1]) Vondrák) i temu z słowotwórczego i fonetycznego punktu widzenia nic zarzucić nie można. Ale to niczego nie wyjaśnia już dlatego, że nie rozwiązano dotychczas zagadki związanej z pochodzeniem sufiksu *-isko*. Należy następnie powątpiewać w *-išče < -isk- + -i̯o-* z tego bardzo ważnego powodu, iż przyrostek *-isko* jest par excellence przyrostkiem zachodniosłowiańskim, gdzieindziej (poza językiem ukraińskim, dokąd *-isko* przeszło z języka polskiego) niema ani jego śladu i nie widać stanowczo żadnej, choćby najdrobniejszej przyczyny, dla którejby na gruncie południowo- i wschodniosłowiańskim rzekomo prasłowiańskie *-isko* miało najzupełniej doszczętnie ustąpić miejsca późniejszemu rzekomo także prasłowiańskiemu *-isk- + -i̯o-*. Kiedy to wszystko dobrze rozważymy, musimy przyjść do przekonania, że *-išče* jest starsze od *-isko*, że zaś *-isko* jest późnym stosunkowo nowotworem zachodniosłowiańskim. Skądże się zatem w takim razie *-išče* wywodzi? Widzieliśmy już na zachodniosłowiańskim rzeczownikowym przyrostku *-ьsko* silny jego związek z przymiotnikowym przyrostkiem *-ьskъ*. Może więc i dla równie blisko z kategorją przymiotników znaczeniowo połączonego *-išče* coś podobnego znajdziemy. Do porównania nasuwają się tu mimowoli przymiotniki na *-istъ*, wyrażające, iż przedmiot niemi określany posiada to, co oznacza ich pierwiastek. Z rozszerzenia tego właśnie sufiksu zapomocą *-i̯o-* powstał na gruncie jeszcze języka prasłowiańskiego sufiks, którego kontynuatorem w poszczególnych językach słowiańskich jest *-išče*.

Przeciwko tego rodzaju pojmowaniu pochodzenia przyrostka *-išče* występowaćby można tylko w tym wypadku, gdyby się okazało, że nie należy przyjmować dla języka prasłowiańskiego przyrostka *-istъ*. Nic jednak przeciw temu nie przemawia. Owszem obecność jego we wszystkich językach słowiańskich (takie w starocerkiewnym) z wyjątkiem coprawda łużyckiego pozwala przypuszczać że jest on jeszcze prasłowiańską modyfikacją sufiksu *-itъ*. Język łużycki ma wyłącznie przyrostek *-ity*, czy jednak w przeszłości odległej nie miał także przyrostka *-isty*, na to nie można dać stanowczej odpowiedzi w sensie negatywnym. Wszak i dzisiejszy język czeski sufiksu *-isty*

[1]) Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, Paris 1905, t. II, str. 350.

już nie posiada, że jednak nie był go pozbawiony w dawniejszych okresach swojego rozwoju, na to wskazują przymiotniki takie, jak: *mladistvý, celistvý, plodistvý* (Kott I, 589 pod *-istý*). Być więc bardzo może, że i język łużycki późno stosunkowo w okresie samoistnego życia upowszechnił z powrotem sufiks *-ity*.

Pozostał nam jeszcze do objaśnienia przyrostek *-isko*, przyrostek, jak już kilkakrotnie podkreślałem, wybitnie zachodniosłowiański. Na gruncie zatem zachodniosłowiańskim poszukać dlań trzeba wytłumaczenia. Widzieliśmy już, iż zachód słowiański w przeciwieństwie do wschodu i południa obok ogólnie słowiańskiego *-išče* < *-ist-* + *-i̯o-* utworzył sobie dla określania miejsc przezdługie wieki bardzo żywotny, specjalny sufiks *-ьsko*. Tylko zachodni Słowianie używali *-išče* i *-ьsko* i w tem obocznem dwu równoznacznych przyrostków używaniu mieści się tajemnica pochodzenia przyrostka *-isko*. Jest on poprostu kontaminacyjnym owocem ich częstego równorzędnego występowania. A powstać mógł jedynie tam, gdzie, jak właśnie u Słowian zachodnich, były po temu odpowiednie warunki: oboczność *-išče*‖*-ьsko* > *-sko*, nie mógł natomiast pojawić się u innych Słowian, u których sprzyjających dla jego powstania warunków nigdy nie było. Do pełni rozwoju na gruncie Słowiańszczyzny zachodniej nie doszedł sufiks *-isko* tylko w północno-zachodniej jej części, choć i tam, jak dowodzą wymienione powyżej przykłady połabskie, nie był całkiem obcy. Wschodnia część Słowiańszczyzny zachodniej, t. zn. język polski, wyparł powoli *-iszcze* na korzyść *-isko*, które następnie pożyczył językowi ukraińskiemu, obu formami do dziś dnia posługują się Czesi (ze Słowakami) i Łużyczanie.

W ten sposób na dzieje przyrostków *-išče* i *-isko* patrząc, wolno będzie uważać *-isko* za jeszcze jedną więcej istotną cechę dialektyczną zachodniosłowiańską.

Kraków, we wrześniu 1924.

Witold Taszycki.

Uwaga. Już po złożeniu tego artykułu pojawiła się na półkach księgarskich cz. II Gramatyki polskiej prof. J. Łosia zawierająca Słowotwórstwo (Lwów 1925). W książce tej na str. 87—9 znajdzie czytelnik bardzo dokładne informacje dotyczące znaczeniowej strony przyrostków *-isko*, *-išče* na gruncie polskim.

Отраженія общеславянскаго *o въ полабскомъ языкѣ.

I.

Судьбу общеславянскаго *o въ полабскомъ языкѣ до сихъ поръ было принято выражать слѣдующими формулами:

1. Въ началѣ слова передъ *o развилось приставное *v*.
2. Между согласной и *o старое *v исчесло.
3. Послѣ *v* (какъ стараго, такъ и приставного) *o измѣнилось въ *ǎ*, если слѣдующая согласная была твердой, и въ *ü* во всѣхъ прочихъ положеніяхъ.
4. Послѣ остальныхъ согласныхъ *o измѣнилось въ *ö*, если слѣдующая согласная была твердой зубной, и въ *ü* во всѣхъ прочихь случаяхъ.

Это представленіе объ эволюціи общеславянскаго *o стоитъ въ связи съ принятой трансскрипціей полабскихъ звуковъ, именно: *van̥* „онъ“, *val̥* „волъ“, *vüs* „ось“, *vül'ə* „воля“, *zön* „звонъ“, *döl* „долъ“, *tüj* „твой“, *nüc* „ночь“, *rüg* „рогъ“, *büb* „бобъ“.

Однако, правильна ли эта трансскрипція?

Тотъ полабскій звукъ, который принято трансскрибировать черезъ *ü*, въ записяхъ Парумъ Шульце дѣйствительно передается черезъ *ü* послѣ всѣхъ согласныхъ кромѣ *v*: *tühe* „твоя“, *bühle* болитъ“, *nügga* „нога“, *tjübahl* „кобыла“, *seedelüh* „сѣдло“ и т. д безъ единаго исключенія.[1]) Но Геннигъ въ этихъ случаяхъ пишетъ то *i*, то *ü*, повидимому, совершенно независимо отъ фонетическаго положенія: можно только замѣтить, что написаніе *i* у Геннига встрѣчается гораздо чаще чѣмъ *ü*, и что въ ударяемомъ открытомъ конечномъ слогѣ Геннигъ пишетъ исключительно *i* (*í*, *î*, *j*, *y*). Расхожденіе между Шульце и Геннигомъ

[1]) Исключеніемъ врядъ-ли можно считать слово *mangsie* „мясо“. Фонетическимъ отраженіемъ общеслав. *$męso$ по полабски могло бы быть только *$mjųsü$. Въ *mangsie* написаніе *ang* (= *ą*) ясно указываетъ на то, что слѣдующая согласная первоначально была мягкой, а, слѣдовательно, конечная гласная была во всякомъ случаѣ не *o (ср. Anon. *mangsi*, H. *mángsi* и *mangsí*, Pf. *mangsée*, *mangseé*, *mangséi*, J. *mangsei*). Непонятно только, почему на ряду съ *mangsie* у Шульце имѣется и *mangsü*. — Настоящими исключеніями являются только *Diebbra sehna* и *Dibbra Deffca*.

въ этомъ вопросѣ нельзя выводить изъ различія въ полабскихъ говорахъ именно потому, что появленіе *i* вмѣсто *ü* у Геннига явно несвязано ни съ какими особыми фонетическими условіями. Если бы Геннигъ былъ южнымъ нѣмцемъ, то его колебаніе между *ü* и *i* можно было бы объяснять тѣмъ, что въ его родномъ говорѣ различіе между *ü* и *i* несуществовало, и что это различіе въ литературномъ нѣмецкомъ языкѣ было для него чисто орѳографическимъ. Но для интеллигентнаго сѣвернаго нѣмца, какимъ въ дѣйствительности былъ Геннигъ, *ü* и *i* являются двумя самостоятельными фонемами, такъ что это объясненіе приходится отбросить. Сопоставляя Шульце съ Геннигомъ, приходишь къ заключенію, что тотъ звукъ который Шульце систематически передаетъ черезъ *ü*, на самомъ дѣлѣ не совпадалъ ни съ нѣмецкимъ *ü*, ни съ нѣмецкимъ *i*. Въ этомъ вопросѣ на помощь намъ приходитъ Пфеффингеръ. Въ передачѣ интересующаго насъ звука Пфеффингеръ, вобщемъ, стоитъ на точкѣ зрѣнія Шульце, т. е., по крайней мѣрѣ въ принципѣ, передаетъ его черезъ *ü*. Но на ряду съ этимъ *ü* Пфеффингеръ изрѣдка пишетъ разные дифтонги. Чаще всего такіе дифтонги встрѣчаются у Пфеффингера въ открытомъ концѣ слова (т. е. какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Геннигъ сильнѣе всего расходится съ Щульце): *nebúy*, *müsdenǖy*, *jubtschǖy*, *liuteú*, *janeú*, *siuncteú*, *duntzneú*, *niwaglutüf*, *kneüf*, *peréi*, *sedléy*, *ronei*. Передъ согласными такихъ случаевъ меньше, но все же имѣются напр. *soipāl*, *boipey* („бобы“), *neúwa*. Въ этихъ написаніяхъ Пфеффингера и заключается разрѣшеніе загадки. Очевидно, интересующій насъ звукъ былъ не монофтонгомъ, а д и ф т о н г о м ъ, однако, такимъ, который не имѣлъ сколько нибудь сходнаго эквивалента въ нѣмецкомъ языкѣ и на непривычный слухъ часто производилъ впечатлѣніе монофтонга. Вѣроятнѣе всего, что это было сочетаніе *üi*. Въ такихъ сочетаніяхъ двухъ гласныхъ одинаковой степени открытости порою трудно бываетъ опредѣлить, какая именно ихъ часть является слоговой, а потому ихъ особенно легко принять за монофтонги. Различіе между орѳографіей Шульце и орѳографіей Геннига, такимъ образомъ, сводится къ различію между субъективными свойствами слуха того и другого. Слуховое вниманіе Шульце сосредоточивалось на первой части дифтонга, Геннигъ же обычно воспринималъ яснѣе вторую часть дифтонга и только изрѣдка яснѣе слышалъ первую часть. Замѣтимъ, что совершенно такое же соотношеніе между субъективными свой-

ствами слуха Шульце и Геннига наблюдается и при передачѣ ими того полабскаго дифтонга, который является нормальнымъ отраженіемъ общеславянскаго **y*. По всей вѣроятности, первая часть этого дифтонга была тождественна съ первою же частью дифтонга, развившагося изъ общеславянскаго **u*, а вторая часть — съ второю же частью дифтонга, развившагося изъ общеславянскаго **i*: и вотъ, мы видимъ, что Шульце систематически смѣшиваетъ полабское отраженіе **y* съ отраженіемъ **u*, а Геннигъ очень часто смѣшиваетъ отраженія **y* съ отраженіями **i*.[1])

Въ передачѣ того полабскаго звука, который теперь[2]) принято трансскрибировать черезъ *ö*, отдѣльные собиратели вобщемъ относятся другъ къ другу совершенно такъ же, какъ и въ вопросѣ о передачѣ *ü*: Шульце систематически пишетъ *ö*, Геннигъ колеблется между *ö* и *e*, обычно отдавая предпочтеніе *e*, а у Пфеффингера попадается дифтонгъ (*suboída* „суббота“). Если же Пфеффингеръ часто вмѣсто *ö* пишетъ *ü* (*smüla, pülni, pültschübe, tschüla, janütschülü, tschütóy, tschüsa, klatschüle, dschüsa*), то это объясняется тѣмъ, что онъ вообще преувеличивалъ степень закрытости полабскихъ гласныхъ: ср. напр. частыя у него написанія *u* вмѣсто *o* и *i* вмѣсто *e* (изъ **ě*). — Полный параллелизмъ между передачей *ü* и *ö* заставляетъ предполагать, что и *ö* на самомъ дѣлѣ было дифтонгомъ, а именно, дифтонгомъ *öe*.

Такимъ образомъ, мы пришли къ заключенію, что полабскими отраженіями общеславянскаго **o* послѣ всѣхъ согласныхъ кромѣ *v* были не *ü* и *ö* а дифтонги *üi* и *öe*. Дифтонгическое произношеніе этихъ отраженій **o* предпологалъ уже П. Ростъ (Sprachreste, стр. 371). Но П. Ростъ не съумѣлъ обосновать своего предположенія и совершенно произвольно установилъ качество предположеннаго имъ дифтонга какъ *üö*, для чего полабскіе матеріалы не даютъ никакихъ основаній. Неудивительно поэтому, что за П. Ростомъ въ этомъ вопросѣ никто не послѣдовалъ.[3])

Успѣху предположенія П. Роста не могло не повредить и то обстоятельство, что П. Ростъ одновременно предположилъ дифтон-

---

[1]) Предположеніе К. Нитша (Arch. XXIX стр. 172) о томъ, что различіе между Шульце и Геннигомъ въ данномъ случаѣ покоится на различіи полабскихъ говоровъ, мы считаемъ мало вѣроятнымъ.

[2]) Со времени статьи Ю. Коблишке въ Arch. XXVIII? Шлейхеръ, во всякомъ случаѣ, на письмѣ еще не различалъ *ü* и *ö*, хотя допускалъ существованіе этого различія (Laut- und Formenlehre der polab. Spr., стр. 60).

[3]) Ср. В. К. Поржезинскій R. S. II стр. 203, Мука Arch. XXX. 273 сл.

гическое произношеніе (*uo*) также и для той полабской гласной, которую принято трансскрибировать черезъ *å*. Между тѣмъ, для такого предположенія не было никакихъ основаній. Вмѣстѣ съ большинствомъ изслѣдователей мы считаемъ, что фонема, о который идетъ рѣчь, была монофтонгомъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда наши источники (особенно Геннигъ, рѣже Пфеффингеръ) передаютъ эту фонему написаніемъ *oa*, эта передача выражаетъ только, что для нѣмецкаго слуха интересующая насъ гласная была ни *a*, ни *o*, а „нѣчто среднее“.[1]) Для передачи этого звука со временъ А. Шлейхера утвердилось написание *å*, и мы не видимъ основанія отказываться отъ этого написанія. Слѣдуетъ, однако, предостеречь отъ отожествленія полабскаго *å* съ тѣмъ звукомъ, который принято обозначать той же буквой въ польской діалектологіи. О полабскомъ *å* мы знаемъ только, что это было „нѣчто среднее между *o* и *a*“. Но подъ это опредѣленіе могутъ подойти два звука: либо — „лабіализованное *a*“ (т. е. лабіализованная гласная задняго ряда нижняго образованія, low-back-round), либо — „нелабіализованное *o*“ (т. е. нелабіализованная гласная задняго ряда средняго образованія, mid-back-unround). Общій контекстъ полабскихъ звуковыхъ законовъ скорѣе говоритъ въ пользу этой послѣдней возможности. Съ такой оговоркой мы и сохраняемъ написаніе *å* въ словахъ типа *vådă*, *vån*.

Тамъ, гдѣ Шлейхеръ и всѣ послѣдующіе изслѣдователи пишутъ *ü* (П. Ростъ *üö*) послѣ *v*, Геннигъ пишетъ всегда только *i*: *wiss* „ось“, *kawitzia* „княгиня“, *wissem* „восемь“, *witzáy* „глаза“, *wibbema* „обоимъ“, *wissit* „возить“, *widgiń* „огонь“, *wirgall* „орелъ“, *winga* „запахъ“ и т. д. безъ исключеній. Такъ какъ у Геннига и послѣ другихъ согласныхъ написаніе *i* преобладаетъ надъ *ü*, то полное отсутствіе у него *ü* послѣ *w* можно было бы приписать простой случайности. Но картина мѣняется, если отъ Геннига обратиться къ Шульце и къ Пфеффингеру. Мы уже видѣли выше, что послѣ другихъ согласныхъ Шульце систематически, безъ исключеній, передаетъ полабское *üi* черезъ *ü*. Между тѣмъ, послѣ *v* Шульце съ такой же систематичностью пишетъ *i*: *witza* „глаза“, *wistjahn* „Hackenstöcker“, *wibbejoht* „обѣдъ“, *widjin* „огонь“, *wilse* „ольха“, *wiestarreitz* „кузнечикъ“, *winnoje* „запахъ“ (собств. „пахнетъ“), *wiese* „возитъ“, *wittöhr* „отвори“, *wid* „отъ“, *wibbesehn* „повѣшенъ“, *wissjeibohn* „по-

---

[1]) Ср. особенно замѣчанія В. К. Поржезинскаго, R. S. ibid.

терянъ“, *wisswungsonne* „завязанный“, *wibbortat* „оборотитъ“, *widsträusen* „beschneiden“, *wiprowen* „выправить“ (*opravjenije). Точно также и Пфеффингеръ, который послѣ другихъ согласныхъ за рѣдкими исключеніями передаетъ *üi* черезъ *ü*, послѣ *v* систематически пишетъ *i*: *witchin*, *witsáy*, *witsèÿ*, *wílscha*, *wissemnótzti*, *wissimdisjunct*, *widdíne*, *wit*. Написаніе *ü* послѣ *w* у Шульце и Пфеффингера встрѣчается только въ словахъ Pf. *wüas* „овесъ“, S. *wüwassnehn* „овсяный“, Pf. *wücia* S. *wütz*, *wützang* (вин.) „овца“, Pf. *wüz*, *wüze* „овечій“ — т. е. только тамъ, гдѣ **o* находилось между двумя **v*.[1]) и гдѣ *ü* можно разсматривать какъ результатъ вторичнаго измѣненія *i*. Показанія Шульце и Пфеффингера заставляютъ совершенно иначе смотрѣть на полное отсутствіе *ü* послѣ *w* у Геннига и не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что въ такихъ словахъ какъ *vüs*. *vülə* по полабски на самомъ дѣлѣ звучало не *ü* и не *üi*, а чистое *i*.

Итакъ, мы приходимъ къ заключенію, что фонетическими отраженіями общеславянскаго **o* въ полабскомъ языкѣ являлись слѣдующіе звуки:

А) послѣ *v* — монофтонги, именно: *а)* передъ твердыми согласными — *ǟ*, *б)* въ прочихъ случаяхъ — *i*.

Б) послѣ остальныхъ согласныхъ — дифтонги, именно: *а)* передъ твердыми зубными — *öe*, *б)* въ прочихъ случаяхъ — *üi*.

Сообразно съ этимъ, мы пишемъ: *vǟn*, *vǟl*, *vis*. *vilă*, *zöen*, *döel*, *tüij*, *nüic*, *rüig*, *büib*, *nebüi*.

II.

Въ связи съ установленіемъ этой фактической стороны дѣла необходимо подвергнуть пересмотру и ученіе объ эволюціи общеславянскаго **o* на полабской почвѣ.

Прежде всего, намъ кажется совершенно излишнимъ предполагать развитіе приставного *v* передъ недифтонгированнымъ **o* въ началѣ слова. Сравнивая *vicai* (*oči) съ *tüicə* (*točitь), мы замѣчаемъ, что сочетаніе *vi* въ началѣ слова соотвѣтствуетъ сочетанію *üi* послѣ согласной, и что, слѣдовательно *v* въ *vicai* развилось изъ того же звука, что́ и *ü̯* послѣ согласной. Далѣе,

[1]) Кромѣ этихъ случаевъ сочетаніе *wü* встрѣчается у Шульце еще въ словахъ *peywü* „пиво“ и *zrewü* „кишка“, гдѣ *ü* надо считать перенесеннымъ изъ парадигма другихъ существительныхъ средняго рода; — *deta vühtze* (H. *det awihtze*) „Kind weinet“ — описка.

сравнивая *vicai* (**oči*) съ *vil̆ā* (**voľa*), мы замѣчаемъ между ними совершенно то же соотношеніе, что между *döel* (**dolъ*) и *zöen* (**zvonъ*), т. е. видимъ, что общеславянское **v* безслѣдно исчезло какъ въ началѣ слова, такъ и послѣ согласной. Такимъ образомъ оказывается, что общеславянское **o* первоначально превратилось въ восходящій дифтонгъ, начинавшійся съ **u̯*; передъ этимъ **u̯* старое **v* исчезло независимо отъ того, стояло ли оно послѣ согласной, послѣ гласной или въ началѣ слова; затѣмъ, само **u̯* послѣ гласныхъ и въ началѣ слова перешло въ *v*, а послѣ согласныхъ — въ *ü̯* и *ȏ̯*. Такова была эволюція первой части того дифтонга, на который разложилось общеславянское **o*. Остается опредѣлить первоначальное качество второй составной части этого дифтонга.

Мы полагаемъ, что факты полабскаго языка легче всего объясняются при предположеніи, что тотъ дифтонгъ, на который первоначально разложилось общеславянское **o*, былъ дифтонгъ **u̯e*. Разсмотримъ съ этой точки зрѣнія всѣ отдѣльные случаи.

1. Случаи *vis* (**ósь*), *vilā* (**vola*), *nüic* (**noćь*), *tüij* (**tvojь*), *nebüi* (**ńebo*) при предположеніи **o* > **u̯e* объясняются совершенно просто, такъ какъ *i* есть нормальное для полабскаго языка отраженіе **e* передъ мягкими согласными и въ открытомъ концѣ слова.

2. Случаи *vål* (**volъ*), *våpăk* (**opakъ*), *våk̑üi* (**oko*) и т. под. какъ будто противорѣчатъ предположенію **o* > *u̯e*, такъ какъ старое, общеславянское **e* передъ твердыми согласными обычно сохраняется по-полабски какъ *e*: *med*, *teplüi*, *pekăr*. Однако, противорѣчіе здѣсь только кажущееся. Въ случаяхъ *med*, *teplüi*, *pekăr* согласная передъ **e* первоначально была мягкой. Между тѣмъ, въ случаяхъ типа *vål*, *vapăk*, *våk̑üi* согласная *v*, развившаяся, какъ мы видѣли, изъ **u̯*, съ самого начала была твердой. Поэтому, къ сравненію съ *vål*, *våpăk*, *våk̑üi* можно привлекать лишь такіе случаи, гдѣ **e* на полабской почвѣ съ самого начала находилось послѣ твердой согласной. Такой случай представляютъ тѣ слова, въ которыхъ общеславянское **a* въ положеніи послѣ твердыхъ плавныхъ, по весьма правдоподобному предположенію Т. Лера-Сплавинскаго, перешло въ **e* (по Леру — въ **ä*) на почвѣ полабскаго языка, поморскихъ и сѣвернопольскихъ говоровъ (Slav. Occ. I, 126). И вотъ, оказывается, что въ этихъ словахъ **e* послѣ твердой плавной дало по полабски *å*: полаб. *rånüi* „рано“, *rånă* „рана“, *radüist* „радость“, *råmą* „плечо“, *råtoj* „пахарь“,

rȃdlăi „рало“, *Lȃbi* „Эльба“, — ср. словинск. *rena*, *reno*, *redosc*, *redło*, *remą*, сѣв.-польск. *rek*, *redło*, *remę*, *reno*. Такимъ образомъ, *ȃ* есть нормальное полабское отраженіе **e* послѣ твердой согласной,[1]) а потому выведеніе *vȃl*, *vȃpăk*, *vȃnăi* изъ **vel*, **vepak*, **vekve* не вызываетъ никакихъ затрудненій. Самый переходъ **e* послѣ твердой согласной въ *ȃ* совершился, очевидно, уже послѣ измѣненія **u* въ *v* въ началѣ слова, а также послѣ перехода **e* въ *i* передъ мягкими согласными (иначе *vila*, *vicai* были бы немыслимы), но, во всякомъ случаѣ, еще до отверденія мягкихъ согласныхъ передъ гласными передняго ряда.

Наше толкованіе полаб. *vȃl*, *vȃpăk*, *vȃnăi* существенно отличается отъ предложеннаго К. Нитшемъ (Arch. XXIX, 175) и принятаго Т. Леромъ-Сплавинскимъ (Slav. Occ. I, 132 слл.) выведенія полабскаго *vȃ* непосредственно изъ **vo*. Предположеніе Нитша о томъ, что **o* въ сочетаніи **vo* измѣнилось передъ твердыми согласными въ *ȃ*, а передъ мягкими, на общихъ основеніяхъ, въ *ă*, должно отпасть прежде всего потому, что, какъ мы видѣли, принятое до сихъ поръ написаніе *văla*, *văs* фактически невѣрно. Но, и помимо этого, предположеніе К. Нитша очень мало вѣроятно и потому, что измѣненіе гласныхъ задняго ряда въ зависимости отъ твердости или мягкости однихъ лишь послѣдующихъ согласныхъ не только для полабскаго, но и вообще для славянскихъ языковъ явленіе весьма необычное. Т. Леръ-Сплавинскій въ подтвержденіе возможности непосредственнаго перехода **vo* въ *vȃ* ссылается на случаи вродѣ полаб. *glȃvă*, *mlȃdə*, гдѣ *ȃ*, по его мнѣнію, тоже восходитъ къ **o*. Однако, все ученіе Т. Лера-Сплавинскаго объ эволюціи общеславянской группы **tolt* въ полабскомъ языкѣ кажется намъ очень искусственнымъ и мало правдоподобнымъ. Если сопоставить полаб. *glȃvă* съ полабскими отраженіями группы **olt*, именно, съ *lüidă*, то совершенно ясно становится, что *glȃvă* никакъ не могло получиться изъ **glova*. Съ *glȃvă* можно сопоставить только *blȃχă* „блоха“ < **blъcha*. Такимъ образомъ, отраженіе **tort* (напр. *gord* „зáмокъ“ = **gordъ*) по полабски совпало съ отраженіемъ **tъrt* (напр. *gornăk* „гор-

[1]) Переходной ступенью было конечно **ɐ*, т. е. гласная средняго ряда средняго образованія (mid-mixed-unround). Замѣтимъ, что полабское *ȃ* соотвѣтствуетъ польскому и поморскому *e* послѣ твердыхъ согласнъхъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно восходитъ къ общеславянскому **ъ*. Для праполабскаго слѣдуетъ и въ этомъ случаѣ предполагать ступень **ɐ*. Это предположеніе въ принципѣ сходится съ мнѣніемъ Я. Розвадовскаго, Encykl. Pol. II 56.

шокъ“ *gъrnъkъ), а отраженіе *tolt (напр. glåvă „голова“) — съ отраженіемъ *tlъt (напр. blåχă „блоха“). Въ обоихъ случаяхъ *o перешло въ *ъ, только въ *tort это случилось еще до метатезы, а въ *tolt — послѣ метатезы. Причина перехода *o > *ъ въ обоихъ случаяхъ была одна и та же: — ненормальная краткость *o при долготѣ сосѣдняго плавнаго.

3. Случаи rüig, büib при сравненіи съ pekăr, nebüi, гдѣ *e передъ твердой губной и передъ задненебной сохраняется, тоже какъ будто противорѣчатъ предположенію о переходѣ *o > *u̯e. Однако, противорѣчіе и тутъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается мнимымъ. Въ случаяхъ pekăr, nebüi гласная *e находилась въ положеніи послѣ согласной, въ предполагаемыхъ же нами для извѣстной эпохи жизни полабскаго языка *rüeg, *bü̯eb, *e находилось послѣ неслоговой гласной *ü̯. Поэтому полаб. rüig, büib можно сравнивать только съ такими случаями, гдѣ *e искони находилось послѣ неслоговой гласной i̯ (j). Полабская эволюція *e въ сочетаніи *je намъ извѣстна лишь очень плохо. Передъ твердыми зубными *e въ этомъ сочетаніи перешло въ å (jådlă, jådăn), въ открытомъ концѣ слова и передъ мягкими согласными въ i (jidäină, joji, jis = *jesi, jist = *ješče). Но для сочетанія *je передъ задненебными и передъ твердыми губными у насъ слишкомъ мало достовѣрныхъ примѣровъ. Т. Леръ-Сплавинскій предполагаетъ, что въ такомъ положеніи e послѣ j сохранялось, и въ подтвержденіе приводитъ полаб. vaujefkə (по нашей транскрипціи våujefkă) „тетка со стороны матери“ (Slav. Occ. I, 132). Но слово это — полабское новообразованіе, и, при такихъ условіяхъ, очень вѣроятно, что суффиксъ -efkă въ немъ прямо перенесенъ изъ другихъ словъ, въ которыхъ передъ этимъ суффиксомъ стояло не i̯, а согласная. Предположеніе Т. Лера-Сплавинскаго мало вѣроятно a priori потому что обычно гласныя передняго ряда передъ задненебными и твердыми губными по-полабски трактуются либо такъ же, какъ передъ твердыми зубными (*ь, *e), либо такъ же, какъ передъ мягкими согласными (*ě, *ę). Болѣе вѣроятнымъ кажется намъ переходъ *je передъ задненебными и твердыми губными въ ji. Примѣромъ можетъ служить полаб. jig = *jego. Правда, слово это встрѣчается преимущественно въ неударяемомъ положеніи, но засвидѣтельствовано и подъ удареніемъ, напр. у Геннига: „Zäume ihn auf: Püivausdayík“ (= püivåuzdai jig), „Auf seiner Seiten treten: Stûmp no gîk Starním“ (= stumpə no jig stornu̯). Для положенія

передъ губной примѣрами могутъ служить *vă müjim*, *vă süjim* = **vъ mojemь*, **vъ svojemь*, ибо, хотя *m* въ окончаніи **mь* первоначально было мягко, но на полабской почвѣ оно отвердѣло, повидимому, очень рано, и передъ такимъ конечнымъ *m* изъ **mь* всѣ гласныя трактуются, какъ передъ твердыми губными: **e* сохраняется (напр. Шульце *wass zehm* = *vă sem* „въ этомъ“), **ь* переходитъ въ *'ǎ* (напр. *să lüiktǎm* съ локтемъ), **ъ* послѣ задненебныхъ даетъ *ǎ* (напр. *sǎ büigǎm* „съ Богомъ“). Итакъ, мы предполагаемъ, что въ сочетаніи **je* общеслав. **e* по-полабски съуживалось въ *i* не только передъ мягкими согласными и въ открытомъ концѣ слова, но и передъ задненебными и твердыми губными, и что совершенно ту же эволюцію имѣло **e* и послѣ неслогового **ṷ̈*.

4. Случаи *zöen*, *döel* представляютъ сохраненіе *e* передъ твердыми зубными. Между тѣмъ, въ сочетаніи **je* то же **e*, какъ мы видѣли, передъ твердыми зубными измѣнилось въ *ǎ*. Здѣсь, слѣдовательно, параллелизмъ эволюцій **i̯e* и **ṷ̈e* нарушенъ. Но нетрудно угадать и причину этого нарушенія. Очевидно, уже послѣ съуженія **je*, **üe* въ *ji*, *üi* передъ мягкими согласными, задненебными и твердыми губными, но еще до перехода **je* въ *jǎ*, неслоговое **ṷ̈* передъ тѣмъ *e*, которое осталось не съуженнымъ въ *i*, перешло въ *ö*: дифтонги же *i̯e* и *o̯e* оказались слишкомъ непохожими другъ на друга, чтобы развиваться параллельно.

III.

Относительная хронологія разсмотрѣнныхъ выше фонетическихъ измѣненій представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ:

1. Общеслав. **o* перешло въ **ṷe*: **ṷen(ъ)*, **ṷeś(ь)*, **vṷel(ъ)*, **vṷeľa*, **dṷel(ъ)*, **zvṷen(ъ)*, **nṷeć(ь)*, **tvṷej(ь)*, **rṷeg(ъ)*, **bṷeb(ъ)*, **ńebṷe*.

2. Общеслав. **v* исчезло передъ **ṷ*: **ṷel*, **ṷeľa*, **zṷen*, **tṷej*.

3. *а)* послѣ гласныхъ и въ началѣ слова **ṷ* перешло въ *v*: **vel*, **veľa*, **ven*, **veś*; — *б)* послѣ согласныхъ **ṷ* измѣнилось въ *ṷ̈* передъ гласной передняго ряда: **dṷ̈el*, **zṷ̈en*, **nṷ̈eć*, **tṷ̈ej*, **rṷ̈eg*, **bṷ̈eb*, **ńebṷ̈e*.

4. *а)* Въ сочетаніяхъ **i̯e* и **ṷ̈e* гласная **e* съузилась въ *i* передъ мягкими согласными, передъ задненебными, передъ твердыми губными и въ открытомъ концѣ слова: **nüić*, *tüij*, *rüig*, *büib*, **ńebüi* (ср. **jidäina*, **jig*, **jaji*); — *б)* въ прочихъ сочe-

таніхъ *е съузилось въ *i* только передъ мягкими согласными и въ открытомъ концѣ слова: **viś, viľa* (ср. **źińa, *püiľi*).

5. *а*) Неслоговое **ṷ̈* перешло въ *ö̯* передъ *e*: *döel, zöen*: — *б*) **e* (черезъ ступень **æ*) перешло въ *å̆* послѣ твердыхъ согласныхъ: *vå̄n, vå̆n* (ср. *rå̆nüi*).

6. **e* послѣ *i̯* перешло въ *å̆*: *jådlă*.

7. Мягкія согласныя отвердѣли передъ гласными передняго ряда.

Нѣкоторыя изъ мыслей, высказанныхъ нами, находятся въ противорѣчіи съ обычными взглядами на сущность польско-поморской и полабской „депалатализаціи гласныхъ передняго ряда передъ твердыми зубными“. Противорѣчіе это вполнѣ сознательное. Принятое до сихъ поръ изображеніе процесса депалатализаціи передъ твердыми зубными кажется намъ очень мало правдоподобнымъ съ точки зрѣнія общей фонетики. Въ самомъ дѣлѣ, при этомъ изображеніи выходитъ, что на измѣненіе предшествующихъ гласныхъ въ польско-поморскомъ и полабскомъ языкахъ вліяли только твердыя зубныя, т. е. физіологически какъ разъ наиболѣе нейтральныя изъ всѣхъ согласныхъ; и наоборотъ, оказывается, что въ открытомъ концѣ слова, передъ губными, задненебными и мягкими согласными, — т. е. какъ разъ въ тѣхъ положеніяхъ, въ которыхъ гласныя другихъ языковъ особенно склонны претерпѣвать разныя измѣненія, — польско-поморскія и полабскія гласныя измѣненіямъ не подвергались. Мы оставляемъ за собою право еще вернуться къ этому вопросу и предложить новое толкованіе тѣхъ фактовъ польскаго, поморскаго и полабскаго языковъ, которые принято объединять подъ терминомъ „депалатализаціи передъ твердыми зубными“.

Вѣна, октябрь 1923 г.

Кн. Н. С. Трубецкой.

Kratice »Nomina sacra« u cksl. spomenicima.

Sve do pre kojih 20 godina obrađivala je paleografija kratice na način, koji se ne može nazvati naučnim. U rečnike koji su trebali da posluže kao pomagalo za čitanje sredovečnih spomenika, trpale su se sumarno sve kratice bez obzira nato, jesu li se one upotrebljavale u VIII. ili u XIV. stoleću. Ti su rečnici sastavljali i rastavljali kratice u više ili manje grupa prema njihovom vanjskom izgledu, ali se nisu upuštali u raspravljanje o genezi ili o istorijskome razvoju pojedinih grupa ili pojedinih kratica.[1]) Tek Ludwig Traube, profesor latinske filologije srednjega veka u Münchenu, primenio je i na nauku o kraticama genetički princip, te našao za najvažniju vrstu kratica, za takozvanu kontrakciju, izvor u židovskim svetim knjigama.[2]) Istorijski razvoj kontrakcije u grčkoj i latinskoj književnosti pratio je do u kasni srednji vek, prikazujući u najkrupnijim potezima i razvoj kratica u ostalim književnostima koje su ovisne o grčkoj ili o latinskoj.[3]) Rezultati Traubejevih istraživanja naišli su čak kod poznatih filologa na skepsu i prigovore,[4]) i nije isključeno da će teza Traubejeva o izvoru kontrakcije iz židovskoga biti modificirana, ako se potanjim istraživanjima dokaže da su kontrakcije poznate i hijeroglifskome te demotskome pismu, kaošto to tvrdi L. Reinisch.[5]) Ali gotovo svi noviji paleografi prihvaćaju Traubejeve rezultate kao ispravne,[6]) a niz mlađih nastavlja

---

[1]) Najpoznatiji rečnici kratica su L. A. Chassant, Dictionnaire des abréviations latines et françaises. V. éd. Paris 1884; C. Paoli, Die Abkürzungen in der lat. Schrift des Mittelalters, übers. v. K. Lohmeyer, Innsbruck 1892 i A. Capelli, Lexicon abbreviaturarum, Leipzig 1901.

[2]) L. Traube, Nomina sacra. Versuch einer Gesch. d. christl. Kürzung. München 1907. [Quellen u. Untersuchungen zur lat. Phil. d. Mittelalt. Bd. II.]

[3]) Kratak, u mnogom pogledu pogrešan pregled kratica u cksl. književnosti, daje Traube na str. 281—282.

[4]) cf. Zu Traubes »Nomina Sacra« u Byz. Zeitschr. XVII (1908) s. 672—673, ali Krumbacherovo odvojeno mišljenje u Byz. Zeitschr. XVII str. 228, opširnije u »Beilage zur Allg. Zeitung« 18. i 19. dec. 1907 (sada preštampano u Krumbacher, Populäre Aufsätze. Leipzig 1909 str. 310 sl.)

[5]) Byz. Zeitschr. XVII str. 673.

[6]) Tako Steffens, Lat. Paläographie II. Aufl. Trier 1909; Bretholz B, Lat. Paläogr. II. Aufl. Leipzig-Berlin 1912; Loew E. A., The beneventan script, Oxford 1914 i Dr. Viktor Novak, Scriptura beneventana, Zagreb 1920.

studije u Traubejevom pravcu i duhu.[1]) Rešilo se pitanje o postanku kontrakcije u Traubejevom smislu ili ne, nesumnjivo mu ide zasluga da je proučavanje ove discipline sveo na jedino pravi put istraživanja njezinog istorijskog razvoja.

Glavni rezultati Traubejevih istraživanja su sledeći: Najčešće se skraćuju reči putem suspenzije i putem kontrakcije. Nazivom suspenzija označuje se onaj sistem skraćivanja u kojem se za reč stavlja samo prvo, odnosno prva slova, na pr. g. ili gosp. za »gospodin« i t. d. Kontrakcijom pak zovemo onaj sistem u kojem se ispušta sredina reči, a stavlja se početno i zadnje slovo, na pr. »gnu« za »gospodinu«, »gđa« za »gospođa« i slično. Dublja razlika između suspenzije i kontrakcije postoji u tome što suspenzijom reč samo ukratko označimo, kontrakcijom pak tačno određujemo padež, odnosno glagolski oblik.[2])

Prastara suspenzija ima prošlost bez razvoja, te je danas onakva kakva je bila i pre dvadeset vekova. Izvor kòntrakcije, pak, leži u židovskom verovanju da je božje ime »Jawe« tako sveto, da je laiku zabranjeno izgovarati ga. U pismu se je svetost isticala na taj način da se je reč »Jawe« pisala zlatnim slovima, a usprkos ovome isticanju mogao se je misterij reči očuvati, jer je jevrejsko pismo bezvokalno, te je samo upućeni svećenik znao, kako treba ovu svetu, misterijoznu reč izgovarati.[3]) Prevađanjem svetoga pisma na grčki jezik došao je prevodilac u nezgodni položaj, kako da sačuva misterij reči. Mogao je to učiniti na dva načina, ili time da u grčkome tekstu piše božje ime jevrejskim slovima — toga uistinu ima[4]) — ili pak time da reč prevede na grčki jezik, ali da, prema uzoru židovskog bezvokalnog pisma, i u grčkim rečima ispušta vokale. Mesto *κύριος* ili *θεός* pisao je, prema tome, samo $\overline{κσ}$ i $\overline{θσ}$.[5]) Kad se je počelo pisati božje ime na taj način, brzo su sledila istome uzoru i druga sveta imena, u prvome redu $\overline{ισ}$ i $\overline{χσ}$,[6]) njima i druge reči koje su se smatrale svetima, dok se u grčkome nije odomio stalan broj od 15 svetih reči koje su se skraćivale, naime *θεός*,

[1]) Tako na pr. Lindsayeve studije o kraticama anglosaskih spomenika u Zentralblatt f. Bibliothekswesen, sv. XXVI. i XXIX., Spagnolove o veronešskim na istome mestu, sv. XXVII. i Steffensove o St. Gallenskim, sv. XXX., te H. Foerster, Die Abkürzungen in den Kölner Handschr. d. Karolingerzeit. Dissert. Tübingen 1916.

[2]) Traube, Nomina sacra str. 18.

[3]) l. c. str. 21—24.

[4]) l. c. str. 28.

[5]) l. c. str. 32.

[6]) l. c. str. 43.

κύριος, πνεῦμα, πατήρ, οὐρανός, ἄνθρωπος, Δαυείδ, Ἰσραήλ, Ἱερουσαλήμ, Ἰησοῦς, Χριστός, υἱός, σωτήρ, σταυρός, μήτηρ.[1]) Strano poreklo kontrakcije i njezino sakralno obeležje prouzročilo je da ovaj sistem skraćivanja u grčkome nije zahvatio veći broj reči, nego da je grčka književnost ostala samo kod ovih 15 svetih reči. Jedino proširenje nastupilo je time da su se skraćivale i druge reči, sastavljene sa ovim svetima, kao na pr. *θκ̄ο̄ς̄* za *θεοτόκος*, *φιλανία* za *φιλανθρωπία* i druge.[2])

Protivno grčkoj literaturi je latinska broj ovih svetih kratica naskoro povećala sa nekoliko drugih reči sakralnoga značenja, kaošto na pr. s̄c̄s̄ za sanctus i ēp̄s̄ za episcopus već u V. stol. p. Kr.[3]) Od VI. i VII. stol. dalje upotrebljavaju se skraćena nomina sacra i u nesakralnim rukopisima, a konačno se u latinskoj književnosti uopće ne može više govoriti o nomina sacra, jer su Latini taj podesni princip skraćivanja upotrebili za sve, i za svete i za profane reči, kako u crkvenim, tako i u juridičkim i drugim rukopisima. Do XII. stol., osim poznatih nomina sacra, ima već kojih 65 reči koje se skraćuju kontrakcijom,[4]) a prava manija skraćivanja pojavljuje se tek od XII. stol. dalje.

Tradicija o sakralnoj bitnosti kontrakcije mora da je, bar u početku, bila dosta jaka. Vremenom izgubila se je svest o sakralnosti u Latina, dok je kod Grka po svoj prilici ostala. Ali u svemu Traube može da navađa iz srednjega veka samo 2 primera sačuvane tradicije o sakralnosti kontrakcije, jedan iz latinske, drugi iz grčke književnosti. Iz latinske je do sada poznata samo uputa Kristijana Stavelota iz IX. stol., koji daje prilikom tumačenja, kako treba da se piše reč Isus, i općenito pravilo: »Nomina dei comprehensive debent scribi, quia nomen dei non potest litteris explicari. Quando purum hominem significat, per omnes litteras scribitur.«[5]) Iz grčke književnosti slična pravila nisu poznata, ali je sačuvan neki popis iz XIII. stol. u kojem se nabrajaju u svima padežima svete reči, koje treba skraćivati.[6]) To su jedini dokumenti iz srednjega veka. Kašnje je svest o sakralnosti kontrakcije potpuno iščezla,

---

[1]) l. c. str. 36.

[2]) l. c. str. 125 sl. Ne znam hoće li Traube biti u pravu, kad se odupire 16toj skraćenici, naime reči *βασιλεῦς* koja se i u grčkome nekoliko puta nalazi skraćena. Redovito i stalno skraćivanje cksl. цр҃ь za цѣсарь bi govorilo protiv Traubeja. Cf. l. c. str. 127.

[3]) l. c. str. 193 sl.

[4]) l. c. str. 252 sl.

[5]) l. c. str. 6.

[6]) l. c. str. 8.

tek u novije doba približavali su se pojedini paleografi pravilnome tumačenju ovoga problema.

To su, u glovnome, najvažniji rezultati do kojih je došao Traube na osnovi istraživanja najstarijih grčkih i latinskih spomenika.

I. Ruska pravila o skraćivanju.

Kod proučavanja cksl. spomenika na prvi se pogled vidi da cksl. književnost, jednako grčkoj, latinskoj ili kojoj drugoj, zna za skraćivanje, da pisci cksl. spomenika redovito i dosledno skraćuju izvestan broj reči, držeći se, bez sumnje, u tome poslu izvesnih pravila.

Nema sumnje da je pravilno skraćivanje bila umetnost, koju je trebalo naučiti, da pisac kakvog rukopisa nije mogao skraćivati po svojoj volji ili intuiciji, nego da je bio vezan izvesnim postojećim pravilima koja je morao učiti jednako kao i pisanje samo ili jezik. Važno je u tom pogledu svedočanstvo Konstantina filozofa, koji u XV. veku o umetnosti pisanja svetih knjiga pripoveda sledeće: **Того бо ради и възбраненїе естъ невѣждамъ еже написати бⷭжтвнаа писанїа въ грцѣхъ же и Трьновѣ. и даже и въ Стѣи горѣ съ сими повелѣнно естъ было, ѩко иже съвршно не възвѣститъ свое писанїе пишеи, или патрїархꙋ или митрополитю или архимандритꙋ или епїскопоу или игꙋменоу или кыихъ таковаго чина, да вѣждами рассꙋдивше, не красотꙋ оурѣзанїа, нь плꙍдъ сѣанїа. ащє оубо достоинь сы, благословенїе ѿ сего приюти.**[1]) Prema navodima Konstantina bilo je u Grka i Bugara neveštim licima zabranjeno pisati svete knjige, a na Sv. Gori se je svaki rukopis morao predložiti starijoj vlasti, da rukopis pregleda i odobri. Izvan svake je sumnje da je morao pisac pažljivo da uči veštinu pisanja crkvenih knjiga, kako obzirom na kratice, tako i obzirom na ostalu »ortografiju«, izvan svake je sumnje, dalje, da su u takvim ortografskim školama postojali priručnici za đake nalik na spomenuti grčki popis iz XIII. stol., ali da se takvi priručnici nisu sačuvali do današnjih dana, ili da nisu objavljivani. Samo na taj način si možemo tumačiti činjenicu da su Traubeju bila poznata samo dva takva pravila iz srednjega veka.

Da je Traubeju bila poznata slavistička gramatička književnost, njegov bi uvod u »Nomina sacra« ispao kud i kamo jače fundiran, ujedno i sva njegova teza o sakralnom poreklu kratice. Onih pravila o skraćivanju koja su služila, valjda, u ortografskim školama za na-

[1]) V. Jagić, Codex slovenicus rerum grammaticarum, Petropoli 1896, str. 132.

stavu, i od kojih iz latinske i grčke književnosti ima samo po jedan sačuvani primer, ima u slavenskoj gramatičkoj književnosti na pretek. U Slavena, i to u Rusa, sačuvala se je sve do u XVIII. stol. živa svest i tradicija da se u svetim knjigama može skraćivati samo sveto, sve do u XVIII. stol. postojali i pisali su se priručni popisi onih reči koje treba u svetim knjigama pisati u skraćenom obliku.

Jagić koji je ove ortografske priručnike izdao,[1]) drži o priručnicima i skraćivanju uopće: »in Russia posterioribus sæculis singularis scribendi norma obtinuit, ut vocabula Deum omnipotentem resque sacras vel divinas significantia in scribendo breviarentur atque titlis superpositis exornarentur. Istam veteris scripturæ consuetudinem initio nihil aliud quam usum palaeograficum fuisse atque ab omni dignitatis aut sollemnitatis distinctione plane abhorruisse, nemo quidem ignorat, cum neque in litteris graecis neque in vetustissimis codicibus slavicis quidquam simile occurrat. Verum scribae hominesque litterati Russorum, cum vocabulum бг҃ъ (deus idem ac graece θς̄ pro θεός) saepissime breviari et titla insigniri animadvertissent, inde paulatim regulam orthographicam excogitarunt, ut unus verus Deus christianus semper et ubique breviata forma бг҃ъ, бг҃а, бг҃ꙋ . . ., dei autem paganorum et quae ad eos pertinent vocabula sine titla, pleno litterarum numero ut богъ, бога, богоу, бози . . . scriberentur. Quodsi haec consuetudo scribendi a nomine divino, quae mea est sententia, originem traxit, facile explicatur pedetentim regulam hanc in alia quoque vocabula venerationis christianae extentam esse . . .[2])

Mnenje Jagićevo pogrešno je od rečenice do rečenice i u suštini kontradiktorno tako, da je neshvatljivo kako je mogao Jagić sa svojim dubokim znanjem i širokim pogledom doći do sličnih nazora.[3]) Očigledno je da se pravila skraćivanja nisu ustalila tek

---

[1]) U napred citiranom »Codex slovenicus rerum grammaticarum« na str. 346 sl.

[2]) l. c. str. XIX—XX.

[3]) Treba, na drugoj strani, Jagića uzimati i razumevati iz duha njegovog doba. Učitelj mu bejaše Miklosich koji je kratice smatrao za nepotrebno zlo (sr. str. 250), pa ih zbog toga nije uopće uzimao u obzir u svojim izdanjima. U svojim prvim edicijama poveo se je Jagić sasvim za uzorom Miklosichevim i nije štampao kratica u tekstu. Tek njegovo delovanje u Rusiji dovelo ga je do toga da, pod uplivom ruskih izdavača, zadržava kratice u svojim edicijama. Kako je to nerado činio vidi se iz njegovih prezirnih reči o kraticama u izdanju Cod. Mar. str. 418, te nije čudo da su sva njegova izdanja obzirom na kratice manjkava (sr. str. 251). Jagić je ostao, da se tako izrazimo, neraspoložen prema ovoj sitnici sve do kraja svoga u tolikom pogledu plodnog i blagoslovenog rada, što se vidi iz male pikanterije da je poslao uredniku Byz. Zeitschrift kratku opasku obzirom na netom izišlo Traubejevo delo, u kojoj upo

kod Rusa u kasnijim stolećima, nego da su te još kako ustaljena i u grčkim i u najstarijim slovenskim spomenicima, da su se i grčki i staroslovenski pisci eo ipso morali držati sličnih pravila, dok su na isti način sasvim redovito skraćivali. Mnenje, da je skraćivanje u početku bilo samo »paleografski običaj daleko od svakog označavanja počasti ili svečanosti«, stoji u čudnovatoj kontradikciji sa njegovim pravilnim mnenjem, da je običaj skraćivanja proizašao iz pisanja božjeg imena. Da nisu Rusi došli na ideju da razlikuju pisanje kršćanskog i beznabožačkog boga, morao je Jagić veoma lako opaziti u cksl. spomenicima, gde je ovo razlikovanje tačno provedeno, jednako i proširenje skraćivanja na druga sveta imena, tako da Rusi nisu imali da stvaraju novo pravilo, nego samo da čuvaju stara pravila i da ih se u pisanju drže, što su faktički učinili savesnije negoli ijedna o grčkoj kulturi ovisna narodnost ili književnost. Za paleografa nema sumnje da su Rusi zajedno sa svojom crkvenom književnošću od Grka preuzeli i ova ortografska pravila, jednako kao i Latini, Srbi, Bugari i druge narodnosti, jedino sa tom razlikom da su se pravila kod Rusa sačuvala i da su se Rusi držali tih pravila kao kakve svetinje, a kod drugih narodnosti zaboravila su se tokom stoleća i pravila i pravilno pisanje. Ruski gramatičari pak bar pravilâ nisu zaboravili. Bezbroj puta oni ističu svetost kontrakcije i naglašuju dužnost, da se sveto mora, a svetovno ili čak »otpadše« da ne valja skraćivati.

Izvori iz kojih je crpila ruska gramatička književnost svoja pravila o skraćivanju nisu mogli biti jednoliki, jer su sačuvana ruska pravila odveć raznolika. U ruskoj gram. književnosti ima sasvim kratkih pravila koja, nalik na navedeno Stavelotovo latinsko pravilo iz IX. stol., u jednoj samoj rečenici daju uputu da se sveto mora, a da svetovno ne valja skraćivati, ima, s druge strane, nalik na navedeni grčki popis sakralnih reči iz XIII. stol., i u ruskoj gramatičkoj književnosti opširnih alfabetskih popisa sakralnih reči koje treba skraćivati.

Kratkih pravila o skraćivanju ima u gramatičkim rukopisima prilikom tumačenja title. Ponekoji rukopisi[1]) tumače titlo samo

zoruje da je on (sc. Jagić) izdao gramatičkih tekstova, tičućih se kratica, u Cod. slov. rerum gram., ali u njegovoj paleografiji glagoljice, izašloj 4 godine posle Traubejevog dela, nema ni spomena o Traubejevim rezultatima, niti je ove rezultate bar u najkrupnijim crtama upotrebio prilikom govora o kraticama glagolskih spomenika (na str. 215).

[1]) Tako na pr. rukop. Čudova manast. br. 236—34 između god. 1589—1600 (Jagić l. c. 624), rukop. Imp. publ. bibl. Q XVI 1 iz sredine XVII. stol. (l. c. 692), nedatirani Imp. publ. bibl. Q XVI 2 (l. c. 694) i više drugih.

kao „имана имωлиья в малыхъ писманехъ (бѹквахъ)“, bez dalj- njega pravila što treba pisati pod titlom.[1]) Drugi rukopisi[2]) osim tumačenja title daju i pravila što treba pisati pod titlom, ot prilike na sledeći način: „сїе титло ~ ~ ~ ~ їс цр҃ь сл҃вы. сїе в҃зметъ ~ ~ ~ ~ ~ ~. сїе покрытїе ⌒ ⌒ ⌒ ⌒ подобнѣ титлѣ и в҃зметѹ вс всемъ. еже что с҃то и гдви ѹгодное, то пишется под титломъ а еже что бг҃ѹ мерзко, ωтпадшее, то пишется все складомъ ωтнюд не покрывается, еже сице антиωхїнскїй, асийскїй і подобная сим“.[3]) Rukopisi te vrste razlikuju se međusobno samo u tome što pojedini nabrajaju i primere svetih reči, na pr. episkopa, prepo- dobnih, apostola, mučenika i t. d., jednako i primere bogu mrzkih reči, na pr. laživih apostola, proroka i dr.,[4]) ali u bistvu svi su rukopisi jednaki po svojoj jezgrovitoj kratkoći.

Opširnih pravila o skraćivanju ima u svemu tri vrste. Prvu vrstu nalazimo u 9. rukopisa — rukopisi St. Peterburg. duh. akad. br. 318 iz god. 1568,[5]) Tihonravova C iz posle 1638 god.,[6]) Imp. publ. bibl. Q XVI. 1 iz XVII. stol.,[7]) Tihonravova iz XVII. stol.[8] i u nedatiranim rukopisima Rumjanc. muzeja br. 953,[9]) Imp. publ. bibl. Q XVI 6,[10]) Uvarovskaja br. 423,[11]) Tihonravova B[12]) i Mosk. duh. akad. br. 113[13]) — u kojima se pod naslovom „Сила соѹществ книжнаго писма“ pod svakim slovom alfabeta navađaju svete reč koje počimlju sa dotičnim slovom, i koje kao svete treba skratit Gotovo kod svakog slova osim navedenih reči opetuje se i poznat već pravilo: »Što se pokrito piše to je sveto, a protivno piš skladom«. Tako na pr. pod slovom ѧзъ: „ѧгг҃лъ стыхъ и стых ап҃лъ і сщ҃енныx архїеп҃кпъ покрыто пиши, сирѣчь под взметомъ понеже что покрыто пишется, то с҃то. ангелωв же сопротивниковъ

[1]) Tekstovi l. c. str. 355—356, 383 i 638.

[2]) Tako na pr. ruk. Duh. akad. br. 318 iz god. 1568 (l. c. 707), Imp. pub bibl. Q XVI 20 iz konca XVI. stol. (l. c. 704), Sinod. bibl. br. 380 iz XVII. sto (l. c. 704), Rumj. muz. br. 972 nedatiran (l. c. 708) i više drugih.

[3]) l. c. str. 405. — [4]) Tekstovi l. c. str. 454, 459, 498, 707 i 715. — [5]) l. c. 690. — [6]) l. c. 718. — [7]) l. c. 628 i 692. — [8]) l. c. 667. — [9]) l. c. 687. — [10]) l. c. 693. — [11]) l. c. 722. — [12]) l. c. 715.

[13]) l. c. 697. Zadnja tri rukopisa i rukop. Tihonravov C. Jagić ne nava pod tekstom priopćenih popisa, nego u zadnjem delu knjige gde opisuje ru kopise kojima se je služio (str. 662 sl.). Jednako kod ostalih vrsta pravila Jag navađa pod crtom samo par rukopisa, druge treba tražiti u popisu rukopis str. 662 sl. Jeli naš popis rukopisa tačan, ne znam, jer se u Jagićevoj knji pogreškom kod uvezivanja početak 44. arka (str. 689/90) opetuje na počet 45. arka (str. 705/706), te na taj način u Jagićevom popisu rukopisa fa 2 stranice.

i апостоловъ не богодохновенных и архїепископовъ не свѧщенных ѿнюдъ не покрывай, но складомъ пиши, понеже вражебно бж͠тву и человѣческому естеству. врага и сопротивника антихриста складомъ пиши. смотри о сихъ во весь алфавитъ съ прилѣжно, ѡ калиграфе, и не неради ѡ сих".[1]) Na sličan način produžuje se nabrajanje svetih reči uz ponavljanje pravila kroz sav alfabet, a dva rukopisa, St. Peterb. duh. akad. br. 318 i Imp. publ. bibl. Q XVI 1, osim toga još jedanput, prilikom raspravljanja o jednini i množini, skreću pažnju kaligrafâ na skraćivanje, ističući veliku razliku između svetoga, »posrednjega« i »otpadšega«.[2])

Drugu vrstu pravila o skraćivanju nalazimo u 14 rukopisa — Mosk. duh. akad. br. 199 iz god. 1564,[3]) Imp. publ. bibl. Q XVI 20 iz konca XVI. stol.,[4]) Imp. publ. bibl. Q XVI 21 iz god. 1643,[5]) Tihonravova posle 1639,[6]) Sinod. bibl. 354 i 380, oba iz XVII. stol.,[7]) te u nedatiranim rukopisima Imp. publ. bibl. Q XVI 6,[8]) Rumj muz. br. 1,[9]) 972[10]) i 976,[11]) Sinod. bibl. br. 933,[12]) Mosk. duh. akad. br. 113,[13]) Tihonravova D[14]) i Barsova[15]) — pod naslovom „Начало буквъ по ортографїи".[16]) Razlikuje se od prve vrste u toliko što ova druga daje samo alfabetski popis reči bez ikakvog daljnjeg pravila ili tumačenja, bez izričitog isticanja razlike između svetoga i svetovnoga. Tako na pr. pod slovom Азъ čitamo: „Аггли ихъ, агглѣ моемъ, ап͠ли твои, ап͠лѣ его, архаггли, архаггле, архаггломъ, ап͠ломъ, ап͠лы, ап͠лска, ап͠льстѣи, ап͠льстїи".[17]) I u toj se vrsti produžuje nabrajanje svetih reči kroz sav alfabet. Razlikovanja između svetoga i svetovnoga ima u toliko što uz skraćeno бж͠ї ima i neskraćeno бѡзи,[18]) ili uz sakralno вл͠ка svetovno neskraćeno властеле,[19]) ali se rečju uopće ne upozorava na ovu razliku. Po svome sadržaju približava se ova vrsta naših pravila najviše navedenome grčkome alfabetskome popisu iz XIII. stol.

Treća vrsta pravila istog je karaktera kao prva. Razlikuje se od prve samo u tome da primeri nisu poredani alfabetskim redom, i da je broj primera za skraćivanje daleko manji nego u prvoj. Inače se i u ovoj vrsti uz svaki primer ponavlja pravilo skraćivanja, isticanje razlike između svetoga i svetovnoga. Ovu vrstu nalazimo

---

[1]) Tekst l. c. str. 419—431. — [2]) l. c. str. 433—34. — [3]) l. c. 712. — [4]) l. c. 704. — [5]) l. c. 708. — [6]) l. c. 664. — [7]) l. c 663 i 704. — [8]) l. c. 693. — [9]) l. c. 707. — [10]) l. c. 708. — [11]) l. c. 704. — [12]) l. c. 711. — [13]) l. c. 697. — [14]) l. c. 718. — [15]) l. c. 730. — [16]) Tekst štampan l. c. str. 444—448. — [17]) l. c. 444. — [18]) l. c. 444. — [19]) l. c. 445.

pod naslovom „Сила существу книжнаго писанія“ u 6 rukopisa, Tihonravova C posle 1638 god.,[1]) Trojice-Serg. Lavry br. 740 iz XVII. stol.,[2]) Tipogr. bibl. br. 11 iz XVII. stol.[3]) i u nedatiranim Imp. publ. bibl. Q XVI 6,[4]) Sinod. bibl. br. 491[5]) i Tihonravova D.[6]) Po svome sadržaju ova vrsta izgleda kao neki kratki izvadak iz prve vrste,[7]) tako da ju kod daljnjeg raspravljanja možemo mimoići.

Između prve i druge vrste postoji, osim toga što druga vrsta sadržava samo popis reči, a prva popis reči uz često opetovano osnovno pravilo, i više drugih razlika. Tako prva vrsta navađa kraticu za господь u poznijem obliku гдь i ne razlikuje ju od kratice гнъ (господинъ), druga pak navađa stariji oblik гь, a i гнъ za господинъ.[8]) Dalje druga vrsta nabraja neke kratice koje se nalaze već u cksl. spomenicima, a kojih u prvoj vrsti nema, naime двдъ, еѵгли, іиль, ієрлмъ, нбо, стъ, цркъ,[9]) ali na drugoj strani u prvoj vrsti ima stare kratice іс, спсъ, снъ,[10]) kojih opet u drugoj vrsti nema. U svemu prva vrsta sadržava, bez derivata, 37 reči koje treba skraćivati, druga pak 47 reči. U mnogočemu se prva i druga vrsta podudaraju. Tako nalazimo u obadve vrste kratica sa slovom nad crtom (аплъ, влка, епкпъ[11]) i t. d.), način skraćivanja koji je u cksl. spomenicima još dosta redak, a u tim pravilima navađa se kao redovit. Mlađih oblika kratica ima u obadve vrste i kod drugih reči, na pr. бгъ mesto бъ, хсъ mesto хсъ [1]) i t. d., pa i reči koje se u cksl. spomenicima još ne skraćuju, a u tim se pravilima označuju kao sakralne, na pr. дца (дѣвица), жртва, мрость, трца, чть[11]) i t. d.

Po svemu se može zaključiti da druga vrsta pruža, bar donekle, starije oblike od prve vrste, ali i to da su obadve daleko već odmakle od stanja kakvo je vladalo za vreme pisanja cksl. spomenika, odmakle koliko na oblik toliko i na broj kratica. Navedena različitost pravila, dalje, dokazuje da i izvori iz kojih su pravila prvobitno potekla nisu mogli biti jedinstveni, da je i u grčkim izvorima bilo kraćih i opširnijih pravila, te alfabetskih popisa. Ruski kompilatori ortografskih priručnika slabo su pazili nato što prepisuju, nego iz ranijih rukopisa prepisivali sve što se je na predmet od-

[1]) l. c. 717. — [2]) l. c. 681. — [3]) l. c. 681. — [4]) l. c. 693. — [5]) l. c. 681. — [6]) l. c. 718. — [7]) Tekst l. c. str. 436—437. — [8]) l. c. 421 i 445. — [9]) l. c. str. 445—448. — [10]) l. c. 423 i 426. — [11]) l. c. 419 sl. i 444 sl. pod odnosnim početnim slovima.

našalo. Samo na taj način možemo si tumačiti da rukopis Imp. publ. bibl. Q XVI 6 sadržava sve tri vrste navedenih pravila, rukop. Tihonravova i rukop. Mosk. duh. akad. br. 113 prvu i drugu vrstu, rukop. Tihonravova C prvu i treću vrstu, rukop. Tihonravova D drugu i treću vrstu, a tek ostalih 18 rukopisa samo po jednu vrstu pravila o skraćivanju. Ta različitost u sadržaju rukopisa, uz istaknutu različitost samih pravila, dovoljno jasno dokazuje da su ruski gramatičari, odnosno ortografi, prvobitno crpili iz različitih vrela, da je jedan imao pred sobom jednu vrstu grčkih pravila, drugi drugu, a treći treću.

Od interesa je pitanje, jesu li ova pravila bila živa pravila kojih su se pisci spomenikâ striktno držali, ili su pravila bila samo mrtva slova na papiru? Odgovor ispada, u glavnome, negativno. Čak ni naši najstariji spomenici, ni oni koje označujemo kao kanon cksl. jezika, nisu čisti u tom pogledu, ma da su od sviju još najtačniji u ispunjavanju pravila. Bar u glavnom zahtevu da se sveto skraćuje, a otpadše da se ispisuje sa svima slovima, nalazimo u cksl. spomenicima donekle pažnje. U evang. Joh. X. 34/35 razlikuju Cod. Zogr.[1]) i Cod. Mar.[2]) još sasvim tačno kršćanskog Boga od neznabožačkih bogova, te pišu: „ѣко азъ рѣхъ бози есте. аште онъ рече богы“, a kršćanskoga Boga vazda skraćuju. Ali čak u ovoj najistaknutijoj kratici ima u cksl. pogrešaka. Glag. Cloz.,[3]) Psalt. sin.[4]) i Cod. Suprasl.[5]) skraćuju jednako neznabožačke bogove kaošto i kršćanskoga Boga. Cod. Zogr. jedanput piše još лъжиі хрьсти (Marc. XIII 22), ali drugi put već лъжиі х҃и (Math. XXIV 24), jednako i Savv. knj. (str. 75), dok Cod. Mar. ipak oba puta reč pravilno piše sa svima slovima. Još manje se, naravno, pazi kod ostalih manje važnih kratica. „Отпадше отнюдъ не покрывай“ opetuje se ponovno u pravilima, a najstariji spomenici pišu (Luc. IV, 33): „бѣ ч҃лкъ имы д҃хъ бѣса“.[6]) Jednako propisuju pravila: „И еже спаси б҃же люди своя, і спасе насъ і спасти і спасися і спасаетъ . . ., вся таковая складомъ пиши и смотри ѡ сихъ прилѣжно“.[7]) ali samo jedan pogled u spomenike uveriće nas da pisci svih spomenikâ skraćuju „съпасъ“ i „съпасити“ i sve derivate

---

[1]) Cod. Zogr. ed. V. Jagić, Berlin 1879, str. 156.

[2]) Cod. Mar. ed. V. Jagić, Berlin 1883, str. 359/360.

[3]) Glag. Cloz. ed. V. Vondrák, Praha, 1893 vers 303.

[4]) Psalt. sin. ed. L. Geitler, Zagreb 1883, str. 213, 215, 297.

[5]) Супрасльская рукопис. Трудъ С. Северянова. Пам. старосл. яз. II 1. С. Петербургъ, 1904 str. 34.

[6]) Cod. Zogr. str. 88 i Cod. Mar. str. 208.

[7]) Jagić, Cod. slov. 426.

bez ikakvog obzira, znače li reči štogod sveto, ili se nalaze one samo u svetovnom smislu. Jednako se radi kod svih ostalih kratica. Ako je dotična reč sa svojim katkada sakralnim obeležjem (na pr. сынъ, мати, человѣкъ i t. d.) preuzeta u kanon kratica, skraćuje se redovito, značila li ona u konkretnom slučaju štogod sakralno ili štogod profano. Nije to ni čudo, jer bi tačno ispunjavanje pravila zahtevalo preveliki trud, a u mnogim slučajevima bilo bi prosto nemoguće odrediti treba li izvesnu reč skratiti, ili ju treba ispisati.

Prirodno je, kad se već u cksl. spomenicima opažaju jasni tragovi zaboravljanja ortografskih pravila, da je zaboravljanje u kasnijim nacionalnim književnostima postajalo sve to veće. I uistinu, već Miroslavljevo evanđelje iz XII. stol., na onom istom mestu (Joh. X 34/35) gde Cod. Zogr. i Cod. Mar. još razlikuju neznabožačke bogove od kršćanskog Boga, toga razlikovanja više ne pozna, nego piše na dotičnom mestu: „ѣко азь рѣхь бѕи бѫдете. аще онь рече бѕи".[1]) Bugarsko vračansko evanđ. iz XIII. stol. na istome mestu piše: „ıако азъ рѣхъ бози есте, аще ѡни рече бѕи",[2]) što odaje da ni tome piscu razlika više nije poznata, nego da se u prvome „бози" drži, valjda, originala iz kojega prepisuje, dok bug. Dobrejšino evanđ. iz XIII. stol. jednako Miroslavljevom oba puta reč „бози" skraćuje.[3]) Daljnje propadanje znanja o kraticama može se u intervalima pratiti. Zadnji trag svesti o sakralnosti kratice nalazimo u srpskoj književnosti kod Konstantina filozofa, ali i kod njega ta svest je veoma nejasna. Poznato je da je Konstantin hteo reformirati srpsku ortografiju i književnost u toliko, da ju privede opet bliže grčkim uzorima od kojih se je, po njegovom mnenju, suviše odaljila.[4]) S pravom bi se mogli nadati da će takav reformator i u pogledu kratica udariti natrag starim, dobrim grčkim uzorima. Ali tih uzora u Konstantinovo doba više nema, ili njemu nisu poznati. Konstantin zna o skraćivanju samo to da je kratica „тьчїю белѣгь глоу, съдръжен писмена подъ собою, ради ѡкрываленїа великымъ глѡмъ". Upotrebljava se kratica, drži on, iz dva razloga, prvo da iz daleka već upozorava na dotičnu skraćenu reč „ради прѣтыканїа не быти", a drugo da ne

---

[1]) Мирослављево јеванђеље. Изд. Њ. В. Александра I. краља Србије Београд 1896. str. 38 kol. 2 vrsta 6—8.

[2]) Врачанско евангеле. Изд. Б. Цоневъ. [Бълг. старини, кн. IV]. Str. 91

[3]) Добрѣйшово четвероевангеле. Изд. Б. Цоневъ. [Бълг. старини кн. I]. Str. 211.

[4]) cf. Jagić, Cod. slov. str. 78 sl. i Jagić, Istorija slavj. filologii (Encikl. slavj. filol. Vyp. I.) St. Peterburg 1910 str. 24 sl.

ılažemo preveliki trud u posao koji možemo s manje truda svr-
šiti. Ali ima — to Konstantin još zna! — izvesna mera u skraći-
vanju, jer je dozvoljeno skraćivati samo određeni broj reči, naime
ѣь, г҃ь, цр҃ь, сл҃нце, мсць, цр҃ница, чл҃къ, бл҃гсве, цр҃ство, бц҃а и прочаа
къса". Ako pisac skrati nedozvoljenu reč, ili ne skrati propisanu,
počinio je time greh, ali mu je slobodno da ju skrati više ili
manje. Ako mesto б҃оу piše бг҃оу, ili mesto д҃хоу piše дв҃хоу, time
nije počinio drugo zlo, osim što je trošio ruku i mastilo.[1])

To je sve što Konstantin zna o kratici i o skraćivanju. Broj reči koje treba skraćivati mu je nepoznat, sakralnost kontrakcije, pak, izbija nejasno samo u tome da izričito ističe da je pod kaznom greha dozvoljeno skraćivati samo izvestan broj reči. Ni slovom ne spominje sakralnost jasnim rečima, što bi bio sigurno učinio, da mu je bila poznata. Konstantinovo znanje nesumnjivo je maksimum teoretskoga znanja o kratici što ga je savremeni književni svet uopće imao, bez obzira, naravno, na prepisivače starijih rukopisa koji su, prepisujući iz izvornika, i bez teoretskog znanja sačuvali veći broj kratica nego li ih Konstantin navađa. Pisci — savremenici Konstantinovi koji bez kakvog uzora ili izvornika moraju pisati, pokazuju još mnogo veće neznanje obzirom na kratice nego sam Konstantin. Tako na pr. na nekom nadgrobnom spomeniku iz vremena Konstantinovih čitamo natpis: „Вь име wца и сина и светго дх҃а. Се лежи Влатко Влавићь . . . . . а за нимь не оста ни сн҃ь[2])", u kojem vidimo sakralno „сина" ispisano svima slovima, a profano „сн҃ь" u redu skraćeno, dakle baš obratno od propisa pravilâ. Sličnog propadanja kratica moglo bi se navesti iz gotovo sviju pisaca XV. stol. Postepeno se je gubilo znanje o smislu kratice, ujedno se je gubila i kratica. Kako je ipak bila velika moć navike, kako su pojedine istaknute kratice zbog navike dugo ostale u upotrebi, razvidi se najbolje iz toga da bosanski sultanov namesnik Skenderpaša još god. 1486. u svome pismu Dubrovčanima sasvim redovito skraćuje „гдна" (господина).[3]) Da je Skenderpaša znao da sa »gdnom« odaje zapravo počast kršćanskome gospodinu neba i zemlje! Iščezavanje kratice nastavilo se je kod Srba tokom stoleća, danas je taj proces završen i u samim

[1]) Jagić, Cod. slov. str. 137.

[2]) Ć. Truhelka, Crtice iz srednjega vijeka. Glasnik zemalj. muzeja u Bosni i Herc. 1908 str. 419.

[3]) Ć. Truhelka, Tursko-slovjenski spomenici dubrovačke arhive. Glasnik zem. muz. 1911. tab. XI.

crkvenim bogoslužnim knjigama. U oktoihu, apostolu i t. d. kratice se uopće ne upotrebljavaju, nego se i najsvetija imena ispisuju sa svima slovima, u evanđelju ima, doduše, još uvek kratica, ali i u njemu se sakralne reči sad skraćuju, sad ispisuju.[1]) Razvoj kratice je, dakle, u srpskoj književnosti potpuno jednak razvoju u latinskoj književnosti. I jedna i druga zaboravila je pravila skraćivanja, ali pošledice zaboravljanja su potpuno protivne. Latinska književnost je pravila zaboravila, ali je zbog toga sistem kontrakcije iscrpila do kraja, srpska ih je istotako zaboravila, ali je ušled toga napustila kraticu.

U nizu ortografskih pitanja spomenikà nameće se kod kratice još jedno, naime pitanje v znaku skraćivanja, takozvanom titlu, vzmetu ili pokriću. To se pitanje danas još ne može rešiti, i to zbog loših izdanja cksl. spomenika. Na osnovi ruskih gramatičara ne dolazimo do nikakve jasnosti. U svemu oni znaju za 4 vrste znakova koji se meću nad skraćenu reč, za ⌐, ⌒, ⁓, ⁓, ali se razilaze u terminologiji. Jedni znaju samo za grčki naziv »titlo« ili »titla«,[2]) drugi samo za slovenski „възметъ“ i „покрытїе“,[3]) treći za »titlu« i »pokriće«,[4]) konačno dva rukopisa za sve tri izraze.[3]) Najčešće se sa »titlom« označuje znak ~.[6]) ali se isti znak označuje i sa „възметъ“,[7]) jedanput se sa »titlom« označuju čak 3 znaka ⁓, ⌐, ~.[8]) Iz te različite i šarene terminologije ne može se razabrati što je jedno, što li drugo. Trebalo bi da se na osnovi spomenika odredi kada i gde se upotrebljava jedan znak, kada li drugi, ali to sa izdanjima spomenika, kakva danas imamo na raspolaganje, nije moguće. Starija izdanja Šafarika, Miklosicha, Račkoga, Crnčića i t. d. ne navađaju kratica u tekstu izdanih spomenika, nego ih sumarno nabrajaju samo u predgovorima, a o znaku skraćivanja pogotovo ne vode računa. Miklosich drži da bi štampanje kratica i k tome spadajućih besposlica bilo samo »eine kostspielige und noch dazu schädliche Barbarei«.[9]) Mlađa izdanja Jagića, Vondráka i Geitlera donekle su bolja, jer navađaju, valjda

[1]) Prema knjigama za crkvenu upotrebu srpske crkve, izdanim u Sarajevu 1890—1901.

[2]) Jagić, Cod. slov. str. 498 i 707.

[3]) l. c. 638 i 715.

[4]) l. c. str. 383, 454 i 459.

[5]) l. c. str. 355 i 405.

[6]) l. c. str. 355, 454, 498 i 707.

[7]) l. c. str. 383 i 405.

[8]) l. c. str. 459.

[9]) Fr. Miklosich, Altslovenische Formenlehre in Paradigmen mit Texten aus glagolitischen Quellen. Wien, 1874 str. XXXIV.

ɔod uplivom Rusa, u tekstu bar kratice, ali obzirom na ortografske znakove i ova su izdanja potpuno nedostatna. Jagić u izdanju Cod. Zographensis-a, Bečkih odlomaka i Kijevskih listića, Vondrák u izdanju Glag. Clozův-a i Geitler u izdanju Euchol. i Psalt. sin. upotrebljavaju mesto originalnih znakova spomenikâ samo jednostavnu crtu nad skraćenom rečju, u kasnijim izdanjima, pak, upotrebljava Jagić (Cod. Marianus, Cod. slov. rerum grammaticarum) kod sviju kratica edinstveni znak ~, kojega u spomenicima samima uopće ne nalazimo i kojega je Jagić, po svoj prilici, preuzeo iz modernih bogoslužnih knjiga pravoslavne crkve. Iz tablica, dodatih izdanjima, može se ustanoviti da glagolski spomenici upotrebljavaju dva znaka, zatvoreni ⁻ i otvoreni ⌙⌝, kojega nalazimo i u varijanti ⌙, pa čak ≻, ali tablice ne dostaju da se ustanovi kada se upotrebljava jedan ili drugi znak. Svima potrebama odgovaraju samo izdanja ruske akademije nauka, koja tekst spomenika donašaju sa svima znakovima interpunkcije.[1]) Izdanjima Karskoga, Kuljbakina, Ščepkina Severjanova ne može se prigovoriti, jedini Grunskij se je u izdanju Praških odlomaka poveo za Jagićem i upotrebljava Jagićev znak ~ u štampi, ma da ga u spomeniku nema. Pojedini ćirilski spomenici, tako Savina knjiga, Cod. Suprasiliensis i Hilandarski listići upotrebljavaju samo zatvoreni znak ⁻, ali listići Undoljskago Psalt. Bononiense imaju već prelaz kao otvorenom ⌙⌝, i ako taj otvoreni znak nije tako izrazit, kaošto bi to čovek mogao zamisliti prema štampanome znaku, ili kaošto je on već sasvim jasno izražen u drugim ćirilskim spomenicima (na pr. u Miroslavljevom evanđelju). Rešenje pitanja o znaku skraćivanja (treći znak, uglati ^ ili obli ⌒ možemo ostaviti po strani, jer je zajednički i glagolskim i ćirilskim spomenicima) uneće svetla, mislim, u mnoge strane porekla pojedinih spomenika, pojedinih pisaćih škola, te međusobnih odnošaja i uplivisanja, ali je rešenje nemoguće, dok nemamo paleografski vernih izdanja koja bi mogla nadoknaditi originale.

II. Pojedine kratice cksl. spomenika.[2]

Što se kratica u cksl. spomenicima općenito tiče, treba istaknuti da su one zavisne od grčkih kratica po kojima se ravnaju,

[1]) Памятники старослав. языка. Изд. Имп. акад. наукъ. С. Петербургъ 1900 sl.

[2]) Potrebno bi bilo da se dade iscrpiv pregled kratica svih cksl. spomenika sa svima oblicima pojedinih kratica i sa svima mestima gde se one nalaze, kaošto je to učinjeno za kratice Kijevskih listića (sr. niže gl. IV.), ali je

tako da eo ipso možemo kazati, što je sličnija cksl. kratica grč-
kome obliku kratice, to starija i prvobitnija je ona. Ali, zato go-
voriti sa Miklosichem o »sklavische Nachahmung der Griechen,«[1]
ili sa Jagićem, koji je svoj izraz očito uzeo od Miklosicha, o „рабской
зависимости славянской письменности отъ греческой“,[2]) nema
smisla. Ta »ropska zavisnost« nije bila ni veća, ni manja od
latinske ili koje bilo druge književnosti. Ne treba nego pokazati na
latinske oblike IHC i XPC, o kojima su latinski pisci u IX. stol.
pisali rasprave, dali da se pišu sa S ili sa C na kraju,[3]) pa da se
vidi kako cksl. pisci knjiga u svojoj ropskoj zavisnosti rade isto
što i latinski. Da su Miklosich i Jagić samo izbrojili kratice u grčkim
i u cksl. spomenicima, mogli su konstatirati da ih u našim ima
više nego u grčkim, što opet nije znak zavisnosti nego znak samo-
stalnog prosuđivanja, treba li prema općenitim pravilima jednu reč
skraćivati ili ne. Da su, konačno, Miklosich i Jagić usporedili oblike
kratica kojega starijeg spomenika sa kakvim mlađim, mogli su
opaziti da se pojedine kratice u našim spomenicima razvijaju svojim
samostalnim razvojem bez stranoga utecaja.

Što se pojedinih kratica tiče, promatraćemo ih u cksl. spo-
menicima istim redom kojim smo ih, prema Traubeju, naveli iz
grčkoga na str. 239 i 240, iza njih tek slovenske prinove.

1. *Θεός* - богъ. Grčkim skraćenim padežima *θς̄*, *θῡ*, *θω̄*, *θν̄*,
θε̄ odgovaraju cksl. б҃ъ,[4]) б҃а, б҃оу, б҃а, б҃е kojih uistinu nalazimo
tako često u spomenicima, da konkretnih primera ne treba na-
vađati. Odmah kod ove najglavnije kratice zapleo se je prevodilac
grčkih knjiga u teškoće. Imao je pred sobom za dativ dva oblika
богоу i богови, koji bi, skraćeno, morali glasiti б҃у i б҃и. Najstariji
oblik б҃у uistinu još nalazimo u Cod. Zogr.,[5]) inače nigde, dok oblik
б҃и uopće nije poznat. Već u najstarijim spomenicima upotrebljuju se

---

to nemoguće zbog potpuno nedostatnog izdanja Assemanovog evanđelja, a ne-
uputno sve dok se naši glagolski spomenici ne izdaju na način koji bi, u po-
gledu kratica, mogao poslužiti kao nadomestak originala. Za sada nude pregled
za nuždu indeks Jagićevog izdanja Cod. Mar., manjkav u toliko što pojedine
»svete reči« navađa u obliku kratica a druge ispisane sa svima slovima, dalje
indeks Vondrákovog izdanja Clozovog Glagolite, veoma nesiguran u više slu-
čajeva (sr. na pr. opasku [9]) na str. 253) i indeks Ščepkinovog izdanja Savine
knjige, jednako nesiguran na više mesta (sr. na pr. opasku [5]) na str. 261).

[1]) Altslov. Formenlehre, str. XXXIV.

[2]) Cod. Mar. str. 418.

[3]) Traube L., Nomina sacra str. 5.

[4]) Kako se pitanje o znaku skraćivanja ne može rešiti, to ćemo upotre-
bljavati samo prostu crtu nad kraticom, ako se ne radi o kakvim opširnijim
citatima.

[5]) Cod. Zogr. str. 2, 6, 162.

oblici „бо҃у“ i „бв҃и“, kako bi se jedan oblik mogao razlikovati od drugoga. Nešto slično bilo je kod instrumentala. Da se je prevodilac ropski držao grčkoga uzora, morao bi bio stvoriti oblik б҃ь, kojega nikako nema u spomenicima, jer bi odviše naličio nominativu б҃ъ, naličio to više, što više je iščezavala razlika između ъ i ь, pa zato isključivo nalazimo samo oblik бм҃ь.[1]) Ali ove teškoće, po svoj prilici, nisu imalė utecaj na daljnji razvoj kratice, nego oba padeža vokativ i lokativ koji se, glasovno, gotovo nikako ne razlikuju. U samom pismu bilo bi dovoljno razlike između б҃є i б҃ѣ, ali je, valjda, glasovna sličnost dovela do toga da se za lokativ nije nikako upotrebljavao б҃ѣ nego vazda samo бз҃ѣ, u koliko se taj retki padež uopće nalazi u tekstovima.[2]) Oblik lokativa povukao je za sobom i vokativ, koji se je iz б҃є rano počeo proširivati u бж҃є. Cod. Zograph. još dva puta upotrebljava б҃є,[3]) ali četiri puta — ako se možemo pouzdati u tačnost izdanja — бж҃є,[4]) Sav. knjiga još tri puta б҃є[5]) i samo jedan put бж҃є[6]) dok se sporadično nalazi čak u Cod. Supr. (na pr. str. 5, 73 i t. d.) pored normalnoga „бж҃є“. Ali to su jedini cksl. spomenici koji još znaju za oblik б҃є. Svi ostali upotrebljavaju isključivo samo бж҃є.[7]) Iz vok. i lok. prokrčilo si je slovo „г“ put i u ostale padeže, tako da uz normalne б҃ъ, б҃а, бо҃у i t. d. nalazimo već i u cksl. mlađe oblike бг҃ъ, бг҃а, бго҃у i t. d. Potpuno čist od oblika sa umetnutim „г“, zapravo, nije nijedan cksl. spomenik osim Glag. Cloz., jer čak Cod. Zogr. koji oblika sa „г“ inače u nesloženim rečima uopće ne pozna u složenici богочьтьць upotrebljava бго҃чьтьць.[8]) Samo Glag. Cloz. i u složenicama upotrebljava čisti бо҃ (: бого-), na pr. бо҃оучьнѣ,[9]) бо҃оугодьнѫ[10]) i t. d. Svi ostali spomenici sadržavaju već, neki više, neki manje, oblike sa „г“, tako na pr. Cod. Marian., i Sav. knj., Cod. Supr. vrlo retko,[11]) a Euch. i Psalt. sin.

---

[1]) Sr. na pr. indeks u Cod. Mar. pod navedenom rečju.

[2]) Na pr. Cod. Mar. 193 v. 24 ili Euchol. sin. str. 187.

[3]) Cod. Zogr. str. 120 dva puta.

[4]) l. c. str. 44 dva puta i 76 dva puta.

[5]) Саввина книга. Трудъ В. Щепкина. Пам. старосл. языка. I, 2. С. Петербургъ 1903, str. 50 i str. 113 dva puta.

[6]) l. c. str. 50.

[7]) Na pr. Cod. Mar. str. 109, Euch. sin. str. 3, Psalt. sin. str. 4 i inače često.

[8]) Cod. Zogr. str. 155.

[9]) Glag. Cloz. 46 (u tekstu bez crte za skraćivanje, u indeksu sa crtom! Sličnih netačnosti ima u Vondrákovom izdanju priličan broj!).

[10]) l. c. 48.

[11]) Cod. Mar. inače zna samo za oblike bez »г«, ali u instrum. piše бго҃мь (str. 339), jednako i Sav. knj. бгм҃ь (str. 104), Cod. Supr. pak i u drugim padežima, na pr. бг҃ъ (str. 32), бго҃у (str. 32).

dosta često.[1]) Slovo „г" prodiralo je sve to više u ovu kraticu tako da filozof Konstantin drži da je svejedno, dali pišemo sa „г" ili bez „г",[2]) ali da pojedini ruski gramatičari striktno već propisuju: „Бга пиши со глаголемь · бжїе имѧ пиши с живетемъ".[3])

Dok u kratici „богъ" možemo da opažamo borbu između starijih oblika бъ, ба i t. d. sa mlađima бгъ, бга i t. d., te borbe nema nikako kod adjektiva божий. U adjektivu ne nalazimo nikakvih drugih oblika osim sa konsonantom „ж", prema tome бжий бжѫ i t. d.[4]) Ma da grčki uzori baš u ovoj reči nisu pružali primera, kako valja skraćivati adjektive, izvedene iz sakralnih reči, bilo je sličnih primera u grčkom kod drugih reči, na pr. *πνικος* iz *πνα* (= *πνεῦμα*),[5]) *ουνιος* iz *ουνος* (*οὐρανός*) i t. d.,[6]) te se je prevodilac mogao osloniti na ove postojeće primere. Sličan tome adjektivu je drugi, божьствьнъ, kojega u skraćenom obliku бжствьнъ nalazimo u nekojim spomenicima.[7]) Jednako adjektivu skraćivao se i subst. божьство u obliku бжьство.[8]) Zanimljiva, donekle, je kratica za „богородица". U grčkome kratica za *θεοτόκος* glasi *θκος*;[9]) skraćena su, prema tome, oba sastavna dela. *θεο* i *τοκος*. Ma da u cksl. spomenicima ima mnoštvo reči, sastavljenih sa богъ, vazda se skraćuje samo prvi deo složenice. Ali, kako se kod *θεοτόκος* u grčkome skraćuju oba dela, skraćuje se i slovensko u obliku бца, бцѧ i t. d.[10]) Samo jedanput Euchol. sin. koji inače redovito upotrebljava pravilne oblike бца i t. d.,[11]) piše ipak „бго роднчьно".[12]) Jeli to samo lapsus, ili ima oblik svoj uzrok, teško bi bilo kazati.

2. *Κύριος* - господь - господинъ. Prema grčkoj kratici *κς* trebali bi slovenski oblici da glase „гь" za господь i „гъ" za господинъ. Oba oblika, doduše, uistinu nalazimo u spomenicima, ali nije sigurno, dali „гъ" faktički znači господинъ, ili господь. Jagić bez dalnjega tumačenja sve kratice oblika „гъ" ubraja u značenje господь,[13]) te prema tome drži da se tu radi samo o poznatom

[1]) Na pr. Euch. str. 34, 76, 93 i dr., Psalt. str. 31, 39, 299 i dr.
[2]) Sr. gore str. 249.
[3]) Jagić, Cod. slov. str. 420.
[4]) Kratica tako česta, da konkretnih primera ne treba.
[5]) Traube, Nomina sacra str. 95.
[6]) l. c. str. 100.
[7]) Na pr. Glag. Cloz. 89 ili Euch. sin. str. 96.
[8]) Na pr. Euch. sin. str. 123.
[9]) Traube, l. c. str. 125.
[10]) Na pr. Sav. knj. str. 130, 131 i t. d., Listki Undoljskago (Pamj. staroslavj. jazyka I/3) str. 7 i u drugim spomenicima.
[11]) Na pr. str. 19, 25, 32 i t. d.
[12]) Euch. sin. 21.
[13]) Cod. Mar. Indeks, str. 499 pod господь.

iščezavanju glasa „ь“, kojega sve to više potiskuje „ъ“, jednako i Vondrák u predgovoru izdanja Glag. Cloz.[1]) Mnenje Jagićevo i Vondrákovo je to verovatnije, što u svima spomenicima nalazimo za господинъ proširenu kraticu гнъ sa umetnutim „и“. Ipak bi sumnjao da „гъ“ svuda ima da znači господь, a ne i господинъ. Videli smo već kod kratice za богоу i боже da se je prvobitno uzimalo grčkome odgovarajuće oblike бу i бе, ma da su ti oblici bili nepodesni zbog prevelike sličnosti sa drugima. Bilo bi, dakle, sasvim logički da se prema grčkome obliku κς udesi гь i гъ, te da гъ faktički ima da znači господинъ. Osim ovoga čisto teoretskog razmatranja ima i drugi uzrok za sumnju. Cod. Zogr. na onim mestima gde Cod. Mar. upotrebljava гъ, piše, doduše, гь, ali ipak u Luc. XII. 42 гнъ, obratno za Zogr. гь opet Mar. upotrebljava гнъ (Math. XXV. 50), konačno za Mar. гь piše Zogr. гнъ (Luc. XII 43, 45 i XVI. 8). Napokon u Math. XXIV. 46 Zogr. ima гь, Mar. opet гъ, ali ga ispravlja u jasni oblik za „господинъ“ time da iznad crte stavlja и, dakle гъ. Sva ova opažanja sile na zaključak da гъ, tamo gde se uopće nalazi, neće vazda biti samo pogreška pisca, samo zamena „ь“ sa „ъ“, nego da će u izvesnim slučajevima biti гъ i prvobitna kratica za господинъ. Čudnovato bi bilo samo to da bi Cod. Mar., u tom slučaju, sačuvao stariji oblik od Cod. Zogr., tako da bi se morali pitati, nije li možda izdavač Zographensisa katkada glagolski ⰸ čitao za ⰸ.

Sa vremenom je, naravno, oštrije i preciznije razlikovanje jedne i druge kratice moralo doći, tim pre što je trebalo razlikovati osim nom. i ostale padeže koji bi, inače, bili apsolutno jednaki, na pr. га za господа i господина i t. d., te, na taj način, već u najstarijim spomenicima nalazimo oblike гнъ, гна i t. d. Ulazak slova „и“ u kraticu za господинъ imao je za posledicu to, da je i u kraticu гь za господь počelo prodirati slovo „д“, tako da je došlo do oblika гдь (sr. analogiju sa бже prema бзѣ!). Taj se mlađi oblik nalazi u cksl. spomenicima dosta retko. Poznaju ga, uz pravilni oblik гь, га i t. d., samo Cod. Assem.,[2]) Euch. sin.,[3]) konačno Psalt. sin. koji upotrebljava čak oblik гсдмь.[4]) Za Savv.

---

[1]) Vondrák, Glag. Cloz., predgovor str. 18. Osim u Cod. Mar. i Glag. Cloz. nalazi se oblik гъ vrlo često i u Psalt. sin., na pr. na str. 2 tri puta.

[2]) Crnčić Iv., Cod. Assem., predgovor str. XII, XXV, XXVIII i XL.

[3]) Na pr. str. 29, 34, 59 i t. d.

[4]) Str. 299.

knj. tvrdi Ščepkin da ima oblik гдь,[1]) ali uzalud se taj oblik traži i u tekstu i u indeksu. Ščepkin se je ili prevario u svojoj raspravi, ili je tekst Savv. knj. pogrešno izdao. Svi ostali cksl. spomenici još su čisti od oblika гдь koji kašnje, u narodnim književnostima, postaje sve češći. Kako je гнъ vršio svoj upliv na гь, da je taj postao prošireni гдь, tako viceversa гдь upliviše na гнъ, koji se katkada pojavljuje u obliku гднъ,[2]) i to sporadično čak u najstarijim spomenicima.

3. *Πνεῦμα* - доухъ. Kratica za доухъ prema grčkoj kratici i prema vlastitom razvoju zauzima obratni položaj od kratica бъ i гь. Ona se strogo ravna prema grčkome u toliko što prema grčkoj *πνα* tvori oblik od tri slova, naime дхъ. Ali dok se grčka menja, te prelazi i u oblik *πμα* i t. d.,[3]) dakle ono isto što se može konstatirati kod slovenskih бъ i гь, ostaje kratica дхъ nepromenjiva zbog svoje kratkoće. U tom je obliku nalazimo u svima padežima u spomenicima. Adjektiv доуховънъ nalazi se u spomenicima u obliku дхвнъ[4]) i духовнъ.[5]) Potonji je češći, prvi se nalazi samo u Glag. Cloz. Srodnost korena i smisla povukla je za sobom i imenicu доуша koja se u svima spomenicima skraćuje u obliku дша,[6]) jednako i pridev te složenice, izvedene iz ove reči.

4. *Πατήρ* - отьць. Grčkim oblicima *πηρ*, *πρς*, *πρι*, *πρα*, *περ* odgovaraju pravilni cksl. oblici оць, оца, оцоу, оца, оче, оцмь. Ma da je grčki sing. gotovo skroz i skroz ostao sastavljen samo od triju slova, ipak je plural već u grčkome počeo u nekim slučajevima uzimati i četvrto slovo, te je glasio *πρες*, *πρων* i t. d.[7]) Isto kolebanje između tri i četiri slova opažamo i u cksl. spomenicima, samo što to kolebanje počima već u singularu. Pojedini, i kako izgleda, baš oni spomenici koji su i u drugim kraticama sačuvali najstarije oblike, upotrebljavaju isključivo samo oblike od tri slova, tako Cod. Zogr., Glag. Cloz., Euch. sin., Savv. knj. i Cod. Suprasil. Oblike od četiri slova nalazimo u Psalt. sin.[8]) i u Cod. Mar. koji ide tako daleko, da uz oblike od tri slova оцъ, te od četiri slova отцъ, upotrebljava i neskraćene oblike отецъ, отъцъ i t. d.[9]) Za-

---

[1]) Щепкин, Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги, у „Извѣстія отд. русс. яз. и слов." III/1 str. 209.
[2]) Na pr. Cod. Zogr. str. 11, Savv. knj. str. 148 i t. d.
[3]) Traube, l. c. str. 94.
[4]) Glag. Cloz. str. 46.
[5]) Na pr. Glag. Cloz str. 46, Savv. knj. str. 19, Cod. Mar. str. 206 i t. d.
[6]) cf. na pr. Indeks Savv. knj. ili Cod. Mar. pod »доуша«.
[7]) Traube, l. c. str. 96.
[8]) Str. 52.
[9]) cf. indeks pod отьць!

nimljivo je opažati da čak oni spomenici koji inače, u samoj kratici, ne upotrebljavaju oblik sa „т“, u izvedenim rečima pripuštaju „т“. Tako na pr. Cod. Zogr. piše uz ѻчство[1]) i oblik ѻтчстви,[2]) jednako Euch. sin. ѻтчство,[3]) jedino Savv. knj., ako se može izdanju verovati, ostaje konsekventno kod kraćega oblika i u izvedenoj reči[4]) koja se je, nuzgred napomenuto, skraćivala već u grčkom.[5]) Adjektiv ѻтьчь nalazimo — neskraćen! — samo u Cod. Mar.[6]) i u Cod. Zogr. koji ga jedanput skraćuje, jedanput pak piše sa svima slovima.[7])

5. *Οὐρανός* - небо. U grčkome ima slučajeva da se *οὐρανος* ne skraćuje, ali tamo gde se skraćuje čini se to redovito u obliku *ουνος*, *ουνου* i t. d.[8]) U cksl. spomenicima se небо, doduše, skraćuje u svima (izuzev Kijevske listiće koji zauzimaju obzirom na kratice posebni položaj,[9]) ali u kratici vlada u različitim rukopisima, pa i u jednom te istom rukopisu, velika nesigurnost i mnogovrsnost obzirom na oblike. Nom. se skraćuje u svima u obliku нбо, ali od gen. dalje nalazimo oblike нбсе, небсе, нбесе, jedan kraj drugoga, gotovo u svima spomenicima.[10]) Grčkome obliku *ουνου* bi, zapravo, odgovarao slovenski oblik нсе. Faktički ovaj oblik uz mnoštvo drugih također nalazimo, ali dosta retko i samo u Cod. Zogr.[11]) te Psalt. sin.[12]) U tome pokazuju ova dva spomenika koji inače imaju malo dodirnih taćaka izvesnu srodnost, i u toliko jaču što istu pojavu jačega skraćivanju u obema nalazimo i u kratici мати.[13]) Prema navedenim različitim oblicima imenice skraćuje se i pridev na najrazličitije načine. Uz нбскꙑ nalazimo vrlo često небскꙑ, нбескꙑ,[10]) a u Cod. Zogr. i нскꙑ prema нсе, te u Psalt. sin. нсныꙗ[14]) prema istome imeničnome obliku.

6. *Ἄνθρωπος* - чловѣкъ. Najobičajniji grčki oblik kratice je *ανος*, ali osim ovoga ima i drugih, na pr. *ανπς*, *ανθος* i t. d.[15]) Cksl. kratica za чловѣкъ predstavlja neke vrste zagonetku. Pravilni,

[1]) Str. 55.
[2]) Str. 20.
[3]) Str. 188.
[4]) cf. indeks!
[5]) Traube, l. c. str. 97.
[6]) cf. indeks! oblik ѻчи (str. 315. 23) je preuzet iz Cod. Zogr.!
[7]) Str. 106 (Luc. IX, 26) i str. 136 (Joan. I, 18).
[8]) Traube, l. c. str. 99 sl.
[9]) cf. niže, gl. IV.
[10]) Oblici tako česti, da ih ne treba posebno citirati.
[11]) Na pr. str. 5, 23, 35 i t. d.
[12]) Na pr. str. 11, 222 i dr.
[13]) cf. niže str. 263 op. 14.
[14]) Str. 12.
[15]) Traube, l. c. str. 102.

prema grčkome *ἄνος* udešeni oblik, bio bi чλκъ. Taj je oblik uistinu dobro poznat u cksl. spomenicima, tek što se ne upotrebljava tako često, kako bi to mogli pretpostavljati. Isključivo samo taj oblik od sviju spomenika upotrebljava samo Savv. knj.,[1]) u Cod. Supr., Cod. Mar., Cod. Assem. Euch. sin. i Psalt. sin.[2]) upotrebljava se taj oblik uz mnoštvo drugih oblika. Međutim, baš oni spomenici koji u drugim kraticama čuvaju najstarije oblike, pišu ovu kraticu „чкъ", koja bi pretpostavljala uopće nepoznati grčki oblik *ἄος*. Tako Glag. Cloz. piše i samu reč i složenice jedino sa osnovom чкъ odnosno чко-,[3]) jednako Cod. Zogr. konsekventno upotrebljava samo чкъ, чка i t. d.,[4]) samo uz dva neskraćena vokativa[5]) jedan vokativ skraćuje sa „чλче",[6]) mesto očekivanoga чче, ako se ne radi, možda, o pogrešci izdavača. Na osnovi toga bi mogli biti skloni uzeti oblik чкъ kao najstariji slovenski, a ostale oblike kao mlađe, pogotovo jer se taj oblik sporadično uz druge nalazi i u ostalim spomenicima[7]) osim Cod. Zogr. i Glag. Cloz. u kojima vlada isključivo. Prema različitosti grčkih oblika nije čudo što i u cksl. uz najčešće oblike чкъ te чλкъ nalazimo i druge forme, tako чвкъ[8]) i чλвкъ, kojega osobito često upotrebljava Cod. Mar. i Listići Undoljskoga.[9]) Jednaku različitost pokazuju spomenici u pridevu чλовѣчьскъ. Glag. Cloz. i Cod. Zogr. upotrebljavaju samo forme bez slova „λ", чскъ odnosno ччскъ,[10]) ostali pišu uz ove i druge oblike sa slovima „λ" odnosno „в".[11]) Obzirom na složenice valja napomenuti Euch. sin. koji složenice piše na osnovi чк-, a ne чко-na pr. чкλюбиѣ,[12]) чкλюбьць.[13])

7. *Δαυίδ* - Дðвидъ. Osobito zanimljive i poučne su u cksl. spomenicima grčke tuđinke, koje je trebalo samo malo adaptirane preuzeti u slovenske jezike. Kod njih se je moralo pojaviti pitanje

[1]) cf. indeks Savv. knj.

[2]) Na pr. Cod. Assem. str. XXVII Euch. sin. str. 177, Psalt. sin. str. 11 i dr. Cf. indeks Cod. Mar. pod. чλовѣкъ.

[3]) U indeksu svi citati na osnovi чко-, ali u tekstu (88/₇₉₄) se nalazi чλкколюбьствие!

[4]) Primeri vanredno česti!

[5]) Str. 108 i 130.

[6]) Str. 89.

[7]) Na pr. Cod. Assem. str. XXVIII., Euch. sin. str. 2, 3 i t. d., Psalt. sin. str. 14, 78 i dr. Cf. indeks Cod. Mar.

[8]) Psalt. sin. str. 103. 104 i dr., u Cod. Mar. samo jedanput (str. 38 v. 6) чвкоу

[9]) Cod. Mar. indeks!, Psalt. sin. 81, 83 i dr.. Listki Undolj. str. 5, 6.

[10]) Cod. Zogr. str. 12. 16, 58. 59 i t. d.

[11]) Cf. indekse Savv. knj. i Cod. Mar., Euch. sin. str. 4, Psalt. sin. str. 5, 11, 25, 60 i t. d.. Cod. Assem. str. XL.

[12]) Str. 48 i t. d.

[13]) Str. 43, 48 i t. d.

da li da se preuzmu potpuno nepromenjene, ili da ih se udesi prema zahtevima slovenskih jezika. U prvom slučaju trebalo je preuzeti kratice дад za grčki *Δαυείδ*, иил ili исл za *ἰσραήλ*, илм za *ἱερουσαλήμ*, ис za *ἰησοῦς* u хс za *χριστός*. U drugom slučaju, prema zahtevima slovenskih jezika, moralo se je pisati дадъ, иилъ ili ислъ, илмъ, исъ i хсъ. Rezultat, odnosno faktično stanje naših kratica, pokazuje veliku srodnost sa preuzimanjem kratica u latinskoj književnosti. I slovenski pisci su upotrebljavali nacionalizirane oblike дадъ, иилъ i илмъ, ali, kaošto su Latini preuzeli potpunu grčku reč IHC i XPC čak sa grčkim slovima, pa ju tek kašnje počeli preudešavati u nacionalnije oblike IHS i XPS,[1]) tako i u slovenskom nalazimo kod ovih najsvetijih imena kao stariju tradiciju čiste grčke oblike ис i хс, tek kašnje dolazi do nacionaliziranih исъ i хсъ.[2])

Što se tiče same kratice za Давидъ, to se ona u grčkome nalazi većinom u obliku *δαδ*, dok je u latinskom uobičajen kraći oblik dd.[3]) Cksl. spomenici pokazuju veće bogatstvo oblika. Normalni, prema grčkome udešeni oblik, дадъ nalazimo u Cod. Zogr. i Glag. Cloz.,[4]) i to isključivo samo taj, a u Psalt. sin. taj uz druge oblike.[5]) Kraći oblik ддъ koji nas seća latinskoga nalazi se u Euchol. sin., Cod. Supr. i Savv. knj.[6]) Traube navađa da je, možda, najstariji grčki oblik glasio *δαυδ*,[7]) a taj nam je oblik sačuvao među našim spomenicima Cod. Mar. koji ga kao „давдъ“ upotrebljava uz druge oblike.[8]) Neke vrste kontaminaciju imamo u cksl. obliku двдъ, двда kojega nalazimo sporadično uz druge u Cod. Mar., Psalt. sin., Cod. Assem. i Savv. knj.[9]) U oči pada slovenski pridev kojega nalazimo najčešće u obliku двъ, ali uz njega i давъ, двдвъ, даковъ, дадовъ,[10]) već prema tome, kakav oblik upotrebljava pojedini spomenik u samoj imenici.

8. *Ἰσραήλ* - исраилк. Najobičniji oblici grčke kratice su *ιηλ* i *ισλ*, ali osim tih nalaze se kao iznimke i oblici *ισηλ*, *ιρλ*, *ιλ* i druge.[11])

[1]) Traube, l. c. str. 149 sl.
[2]) O tome sr. pod tačkom 10 i 11!
[3]) Traube, l. c. 104—105.
[4]) Na pr. Cod. Zogr. str. 15 i dr., Glag. Cloz. 45/20.
[5]) дадоу str. 34, 199 i dr., двда str. 198 i dr.
[6]) Euch. sin. str. 14, 138 i dr., Cod. Supr. str. 478 v. 13, 19 i dr., Savv. knj. indeks!
[7]) Traube, l. c. str. 105.
[8]) Sr. Cod. Mar. indeks.
[9]) Cod. Mar. ind., Cod. Assem. str. XXII, Savv. knj. ind.
[10]) двъ Euch. sin. 62, Psalt. sin. 21, Savv. knj. ind. i t. d., давъ Cod. Zogr. 10, 16 i t. d.
[11]) Traube, l. c. str. 105 sl.

Najčešći oblik cksl. spomenika je илъ, udešen, dakle, prema grčkom iznimnom obliku, i to s razloga što grčka normalna kratica ιηλ i ισλ sadržava samo tri slova, a cksl. u obliku илъ također tri slova. Isključivo samo taj oblik upotrebljavaju samo spomenici Glag. Cloz., Euch. sin. i Cod. Supr.[1]) Konsekventnim upotrebljavanjem oblika излъ, udešenog prema grčkom ισλ, odlikuje se Savv. knj.,[2]) dok Psalt. sin. taj oblik u slučajevima gde ga uopće upotrebljava piše ислъ,[3]) nikad излъ. Ostali spomenici služe se u jednakoj meri i oblikom илъ i oblikom ислъ.[4]) Međutim spada analogon za grčki oblik ιηλ, cksl. иилъ, u retke pojave u našim spomenicima. Sporadično ga, uz druge oblike, nalazimo u Cod. Zogr. i Psalt. sin.[5]) Pravilni adjektiv upotrebljava se u obliku илвъ tamo gde se za imenicu upotrebljava илъ, излвъ prema излъ i konačno иилвъ prema иилъ.[6]) Posebnost u adjektivu nalazimo u Cod. Mar. koji, uz илвъ te излвъ, upotrebljava i oblike издрлвъ, издлвъ, издрвъ i t. d.,[7]) te Cod. Mar. u skraćivanju adjektiva te imenice postupa jednako kao u adjektivu imenice чловѣкъ, naime pišu se gotovo svi suglasnici, dok se samoglasnici ispuštaju.

9. Ἱερουσαλήμ - Иероусалимъ. Dužina reči bejaše uzrokom da ovu kraticu u grčkome nalazimo u najrazličitijim oblicima. Ispuštaju se sad ovi, sad oni konzonanti. Među najčešće oblike ubrajao se je ιλμ. Jednako latinska književnost zna u svemu za kojih 18 različitih oblika kratica za ovu reč.[8]) Gotovo još bogatiji na raznim oblicima su cksl. spomenici. Neku izvesnu jedinstvenost pokazuje Savv. knj. koja u svemu zna samo(!) za pet oblika, иерслмъ, иероуслмъ, иерлмъ, ерслмъ i ерлмъ.[10]) U ostalim spomenicima nalaze se, uz илмъ, koji odgovara najčešćem grčkom obliku i kojega nalazimo isto i u našim spomenicima,[11]) oblici имъ, иемъ, елмъ, иелмъ, иилмъ, ермъ, ерсмъ i нрслмъ.[12]) Obzirom na ovu kraticu vlada, prema tome, prava anarhija u cksl. spomenicima, ali anarhija, pro-

---

[1]) Glag. Cloz. indeks, Euch. sin. str. 4, 9 i dr., Cod. Supr. str. 477 i dr.
[2]) Savv. knj. indeks.
[3]) Str. 22. Na istoj strani i oblik илъ!
[4]) Sr. na pr. Ind. Cod. Mar., Cod. Assem. str. XXVIII.
[5]) Cod. Zogr. str. 85 i dr., Psalt. sin. str. 42.
[6]) илвъ na pr. Cod. Zogr. str. 12, Cod. Mar. ind. i t. d., излвъ Cod. Mar. i Savv. knj. ind.
[7]) Sr. indeks Cod. Mar.
[8]) Traube, l. c. str. 110 sl.
[10]) Sr. Savv. knj. indeks pod иероусалимъ i ероусалимъ.
[11]) Na pr. Cod. Zogr. 2, 21 i dr.
[12]) Za navedene oblike sr. Cod. Zogr. str. 4, 52, Glag. Cloz. str. 93 i Cod. Mar. indeks.

uzrokovana samim grčkim uzorima, jer za svaki naš oblik možemo naći i odgovarajući grčki.[1])

10. i 11. Ἰησοῦς - Інсоусъ i Χριστος - Хрьстъ i Христосъ. Najstarije grčke kontrakcije za ova sveta imena su ις i χς, koje su udešene sasvim prema uzoru θς i κς, ali se sa vremenom pored ovih oblika pojavljuju i oblici ιης i χρς.[2]) Ova nesigurnost grčke ortografije odrazuje se i u crkvenoslovenskom, nesigurnost, povećana još time što cksl. spomenici kolebaju između čisto grčkog pisanja ovih kratica te slaviziranih oblika. Općenito može se kazati da se cksl. spomenici, većinom, oslanjaju na starije grčke forme ις i χς, ređi su oblici sa osnovom ιης i χρς.

Čisti, nepromenjeni grčki oblik ис nalazimo u Cod. Zogr., Glag. Cloz., Cod. Mar., Euch. sin. i Cod. Supr., ali naizmence sa slaviziranim oblikom исъ.[3]) Jedino Savv. knj. upotrebljava isključivo samo grčki oblik, a da slaviziranog uopće ne pozna.[4]) Ređi je čisti grčki oblik χс, nalazi se samo u Savv. knj. i u Cod. Supr.,[5]) ali i tamo naizmence sa slaviziranim oblikom χсъ. Kako jak bejaše upliv grčkih uzora na pisce cksl. knjige, vidi se iz gen. „исоуса" još jače nego iz nom. Grčki gen. glasio je ιυ, jednako i dativ. U cksl. spomenicima uz slovenske oblike gen. иса, исоу nalazimo i čisto grčki oblik іѵ.[6])

Manje grčkoga upliva pokazuje naša kratica za χристосъ, odnosno χрьстъ. Čisti grčki oblik χс nalazimo samo u Savv. knj.

---

[1]) Sr. Traube l. c. 111 sl.

[2]) Traube, l. c. str. 113 sl.

[3]) ис u Cod. Zogr. vanredno često, Glag. Cloz. dva puta, cf. indeks, Cod. Mar. na pr. str. 157, Euch. sin. str. 12 u исχе., Supr. str. 1, исъ u Glag. Cloz. $52/_{76}$, Euch. sin. 18, Cod. Mar. indeks, Supr. str. 163.

[4]) Sr. indeks Savv. knj.

[5]) Sr. indeks Savv. knj. i Cod. Supr. str. 1 i dr. vrlo često. Na f. 138 navedenom od Ščepkina za oblik χс, taj oblik nema, nego χъ, zato pak na fol. 28 dva puta!

[6]) іѵ-χа u Glag. Cloz. str. 87, іѵ za grčki ιου u Cod. Zogr. str. 39 (Math. XXVI_6), str. 39 (Math. XXVI_{17}) i str. 57 (Marc. VI_{30}). Cod. Mar. piše na dva mesta (Math. XXVI_6 i XXVII_1) također іѵ, ali na ostalim mestima piše oblik іскн ili исоу (cf. indeks!), dok Savv. knj. na svima ovim mestima konsekventno upotrebljava ісоу ili ісвн (sr. indeks!). U Glag. Cloz. (str. $91/_{863}$) ima čak za nom. oblik іѵ снъ бжн, jednako adjektiv іѵсока (str. $94/_{924}$) kaošto i u Cod. Supr. іѵ-χъ (str. 481_4) i їсѵ-χе (str. 31_{15} i dr.). Sr. i Jagić, Cod. Mar. str. 422, gde oblik іѵ tumači time, da glagolsko »оу« ima u sebi sastavne delove grčkoga о i ѵ. Kaošto se iz prednjega, osobito iz primera ćirilskih spomenika vidi, ne radi se o tome, jeli glagolski »оу« sastavljen ili nije, nego o tome da u tim slučajevima ima sačuvane čiste grčke oblike, jednako kaošto i na pr. u latinskome u oblicima IHC.

i u Cod. Supr., ali i u njima zajedno sa slovenskim oblikom хъ.[1]) U ostalim se spomenicima upotrebljava samo slov. oblik хъ, ređe uz njega prošireni хсъ.[2])

Cksl. oblika, udešenih prema proširenim grčkim oblicima, ιης i χρς, ima vrlo malo, ali se u njima opet opaža kolebanje između grčkoga i slovenskoga pisanja. Čisto grčki oblik іис poznat je samo u Cod. Zogr. i u Cod. Supr.,[3]) dok odgovarajućeg oblika хрс uopće ne nalazimo nigde. Obratno opet slavizirani oblik іисъ nije nikako poznat u cksl. spomenicima, ali se nalazi slavizirani хрсъ u Euch. sin.[4]) i, kao oblik хръ, u Cod. Assem.[5])

U složenom исхъ ne nalazimo nikada oblik koji bi zapravo odgovarao zahtevima slov. jezika, t. j. исъхъ, nego uvek samo исхъ. Drugih složenki ima u Euch. sin. (холюбьче, холюбиваaго)[6]) i u Cod. Supr. (хооубиниство i холюбивыи).[7]) Adjektivi исвъ i хвъ ili хвнъ vrlo su česti, исхвъ pak nalazi se samo u Cod. Mar. i Cod. Assem.[8])

12. υἱός - сынъ. O ovoj jednostavnoj kratici može se malo što kazati. Grčka je kratica glasila υς[9]) i t. d., slovenska glasi bez iznimke снъ u svima spomenicima. Dok smo kod svetijih reči богъ, господь, исоусъ i христосъ mogli opažati, kako pisci, bar u početku, kušaju da se ravnaju što više prema grčkim uzorima, dotle sličnih pokušaja uopće ne nalazimo kod ove kratice, koja bi prema grčkome zapravo morala glasiti „съ“, oblik kojega ne nalazimo nikako. Slični nehaj vidi se i u tome, da grčki pisci nikad ne skraćuju plural,[9]) a u cksl. spomenicima nalazimo plural redovito skraćen.[10])

13. σωτήρ - съпасъ. Za grčki konkretni σωτήρ cksl. spomenici obično upotrebljavaju apstraktni съпасъ. Grčka kratica glasi σηρ, σρς i t. d.,[11]) cksl. oblici većinom nisu pravilno udešeni prema grčkome. Najčešći je oblik naše kratice спсъ kojega nalazimo vrlo često u svima spomenicima. Jedino u Psalt. sin. i Euch. sin. ima

[1]) хс u Cod. Supr. str. 1 i dr. vrlo često, u Savv. knj. str. 7 (dva puta) i str. 137. Treći citat za хс u Šcepkinovom indeksu nije tačan, na cit. listu 138 (izdanje str. 134) nema хс nego хъ! Oblici хъ tako česti da citati nisu potrebni.

[2]) Na pr. Cod. Mar. 2_{20}, 4_{1}, Cod. Supr. str. 422.

[3]) Cod. Zogr. str. 150 (Joan. VIII), Cod. Supr. str. 351 v. 22 иїсоу.

[4]) Str. 43.

[5]) Str. XXIV.

[6]) Str. 10, 150.

[7]) Str. 485_{25}, 517 i t. d.

[8]) Cod. Mar. indeks, Cod. Assem. str. XXV.

[9]) Traube, l. c. 16.

[10]) Sr. na pr. indeks Cod. Mar. ili Savv. knj.

[11]) Traube, l. c. 117 sl.

oblik спъ,[1]) koji stoji grčkome σηρ bar u toliko bliže što sadržava samo 3 slova, ali kakav čisto prema grčkome udešeni oblik ссъ u cksl. spomenicima uopće ne nalazimo. Jednako kaošto съпасъ skraćuju se i svi derivati ove reči, tako съпаситель u obliku спситель[2]) ili kraćem сплъ,[3]) dalje съпасенье sa спсне,[4]) спсенье[5]) ili спнье,[6]) konačno vanredno često glagol съпасти u najrazličitijim, kraćim ili duljim, oblicima, tako da uz najkraći „спти" Psalt. i Euch. sin. nalazimo oblike спсти i спасти, pa čak съпсти.[7])

14. *σταυρός* - кръстъ. Grčka književnost počela je kasno skraćivati ovu reč, a nije ju ni jedinstveno skraćivala nego u 6 različitih oblika, dok pojedini grčki rukopisi ovu reč pišu sa svima slovima.[8]) Ova nesigurnost u grčkome našla je svoj odraz, donekle, i u cksl. književnosti. U našim se spomenicima reč кръстъ, doduše, gotovo uvek skraćuje samo u jednom obliku time da se ispušta samo „ъ", dakle „крстъ", osim Cod. Mar. koji ju uz normalne oblike skraćuje katkada nešto jače sa oblicima кстъ i кртъ,[9]) ali grčku nesigurnost nalazimo u našoj književnosti u tome što uz skraćenu reč gotovo u svima spomenicima nalazimo i neskraćenih oblika, ponekad češće neskraćene nego skraćene.[10]) Još više vredi to za derivate кръститель i кръстити. Кръститель se sad skraćuje, sad potpuno piše čak u Cod. Zogr. i Cod. Mar. koji glavnu reč крстъ konsekventno skraćuju,[11]) a кръстити se skraćuje uopće samo u Cod. Mar., pa i u njemu samo sporadično,[12]) dok ga svi ostali spomenici pišu sa svima slovima.

15. *μήτηρ* - мати. Slično pređašnjoj kratici i ova kratica u grčkome spada među najkasnije, te se često uopće ne skraćuje, a kad se skraćuje, onda se to čini u obliku *μηρ*, *μρς* i t. d.[13]) U našim se spomenicima nom. skraćuje redovito u obliku мти, gen. i ostali padeži pak ili u obliku мтере, ili u kraćem obliku мре, мри i t. d.[14])

---

1) Str. 4 »ги спи мьм«, Euch. sin. str. 7.
2) Glag. Cloz. $45/_{35}$.
3) Psalt. sin. 131, 177.
4) Glag. Cloz. $75/_{434}$.
5) Glag. Cloz. $77/_{539}$.
6) Psalt. sin. 3 i dr., Euch. sin. 23 i dr.
7) Sr. na pr. indeks Cod. Mar.
8) Traube, l. c. 119.
9) Sr. indeks.
10) Sr. na pr. indeks Glag. Cloz. sa 6 oblika крст- (bez crte!) prema 9 neskraćenih oblika.
11) Sr. indeks Cod. Mar. i odgovarajuća mesta Cod. Zogr.
12) Sr. indeks!
13) Traube, l. c. 120.
14) Na pr. Cod. Zogr. str. 22 ili Psalt. sin. 106.

koji mnogo više odgovara grčkome $\overline{\mu\varrho\varsigma}$ negoli dulji oblik. Sasvim odeljeni stav zauzima obzirom na ovu kraticu Cod. Mar., koji ovu reč iz nepoznatog razloga ne skraćuje nikako,[1]) ma da se reč često nalazi u blizini kakvoga skraćenog $\overline{\text{оць}}$ ili $\overline{\text{снъ}}$,[2]) koja bi sama po sebi zavodila na skraćivanje. (Nastaviće se.)

---

[1]) Sr. indeks. Blizu Mar. stoji i Glag. Cloz. koji samo jedanput skraćuje мтєрн (47/₈₃ bez crte!), a u svima ostalim slučajevima reč ispisuje, na pr. матєрн $\overline{\text{хвѣ}}$ 92_{880}.

[2]) Na pr. str. 51 v. 16, 17, 19, 21. Sr. i navedeni citat iz Glag. Cloz.!

Vuk Stef. Karadžić a Poláci.

V dvacátých a třicátých letech minulého století všichni ti, kdož zasvětili své duševní síly práci ve prospěch obrození a národního uvědomění svých krajanů v zemích československých a jihoslovanských, byli prodchnuti láskou k Slovanstvu a v slovanské pospolitosti nacházeli posilu pro budoucnost. Slovanské vědomí neuplatňuje se u všech stejnou měrou, většina těchto vlasteneckých pracovníků pohlíží na Slovanstvo jako na jednotný národ, mluví, píše a pěje jen o slovanském lidu a národě, aniž se kdy odváží blíže se seznámiti se skutečnými součástkami svého zidealisovaného Slovanstva a s jejich vzájemnými poměry. Slovanství jest jim spíše okrasou jejich vlastenectví než pobídkou ku práci ve prospěch slovanské myšlenky, jejímiž jsou ve skutečnosti pouhými vyznavači. Menší část není také prosta idealistického pojímání Slovanstva, přece však u ní projevuje se snaha prohloubiti své vědomosti o pokrevných bratřích, někteří z nich zajímají se o všechny jednotlivé národy slovanské, jiní pak vstupují v těsnější styk pouze s některými nebo aspoň s jedním z nich. Ale ani zde tento zájem ve všech uvedených případech není stejný, tu třeba již přihlížeti ke každému jednotlivému pracovníku a jeho poměr pak k slovanským národům posuzovati podle jeho vlastní činnosti a styků, jež měl s příslušníky a představiteli těchto národů. Karadžić není pouhý vyznavač a nositel slovanské myšlenky, třebaže jeho veškerá literární činnost vztahuje se pouze k Srbům, poněvadž on právě svými pracemi stal se dopisovatelem mnohých slovanských učenců, z nichž s některými byl i osobně znám.

Zásluha o tyto styky v prvé řadě patří B. Kopitarovi. Když přišel Karadžić na podzim roku 1813 do Vídně a zásluhou své knížky o pádu Srbska, dnes již neznámé,[1]) seznámil se s B. Kopitarem, nebyly jistě jeho vědomosti o Slovanech veliké, z nichž přirozeně nejvíce jako pravoslavný mohl věděti o Ru-

[1]) Lj. Stojanović: Život i rad Vuka Stef. Karadžića. Beograd, 1924, str. 15.

sech. Vídeňský učený slavista, jenž tehdy měl již v slovanském učeném světě i v neslovanské cizině své jméno, poznav jeho nevšední schopnosti, dovedl z něho udělati srbkého spisovatele a reformátora pravopisu takřka proti jeho vlastní vůli. Kopitar byl také uvědomělý Slovan i když jeho názory v mnohém se neshodovaly s názory ostatních představitelů tehdejšího Slovanstva; jeho ideálem bylo vytvoření pevných základu slovanské vědy, zvláště filologie, proto nedovedl si představiti činnost Vukovu bez znalosti toho, co dosud bylo vykonáno v tomto oboru od jiných Slovanů. Nemůžeme si mysliti, že by jejich vzájemné rozhovory týkaly se jen záležitostí srbského národa, naopak, a to zcela právem musíme předpokládati, že Kopitar svého nového druha seznamoval s literárními poměry slovanských národů, že asi nejdříve bylo vzpomenuto jména patriarchy slovanské vědy Josefa Dobrovského a potom také jiných. Uváděl ho do slovanské společnosti „U bílého vlka" a Vuk pak zase od svých krajanů zejména Davidoviće a Frušiće se dozvídal, jaký zájem Kopitar projevoval o Srby. V prostředí vídeňských Slovanů stal se Vuk uvědomělým Slovanem, vidíme ho mezi návštěvníky kostela sv. Barbory,[1]) zde poznává některé Rusíny a seznamuje se tu i s jinými Slovany; když pak přičiněním vlasteneckých Čechů vídeňských pořádány byly přátelské schůzky, zábavy, hostiny a plesy slovanské, nechybí tu ani Karadžič.[2]) Jeho slovanské cítění jest trvalé, pevné a neochvějné, a dal je nejednou veřejně na jevo. Kdykoliv přišel do Prahy, vyslovil svou radost, jak se slovanský ruch vzmáhá. Bylo to roku 1823, kdy koncem měsíce března zavítal do Prahy. Mimo Dobrovského, Hanku a jiné navštívil také Jungmanna, u něhož se s ním setkal i Fr. L. Čelakovský. Rozmlouvali vespolek o Slovanech a Vuk byl potěšen, že našel v Čechách lidi, kteří si uměli vážiti slovanských nářečí. Toho na své cestě v Polsku a Rusku nenalezl.[3]) Tento správný soud mohl Vuk tím spíše pronésti, poněvadž se zakládá na jeho vlastní zkušenosti, které nabyl za svého pobytu v těchto dvou slovanských zemích

[1]) J. Jeluk: Odrodzenie ruskiej literatury i Markian Szaszkiewicz. Sprawozdanie dyrekcyi gimnazyum wyższego w Brzeżanach 1910/11, str. 20.

[2]) Srv. večer na počest hudebníka J. Kř. Piška, Praž. Nov. 1846, 65; večer na počest Palackého, Praž. Nov. 1847, 16. VI., záhřebská Luna t. r. 206, Srb. Nár. List t. r. 274, Květy t. r. 286; jiné viz Květy XI, 81, 87, 91, Květy 1846, 148, Praž. Nov. t. r. 395, Oheralův Týdeník 1848, 37.

[3]) O tom píše Čelakovský Kamarýtovi dne 2. IV. 1823, Bílý Korespondence a zápisky Fr. L. Čelakovského. I. 175.

roku 1819. Jak chápal svou slovanskou povinnost v bouřlivém roce 1848, nejlépe dosvědčuje jeho účast na pražském slovanském sjezdě, kde byl předmětem podivu nejen všech jeho účastníků, ale také těch, kteří přihlíželi průvodu slovanských hostí od musea k Týnu na Staroměstské náměstí. I zde měl příležitost seznámiti se s mnohými Poláky jako s knížetem Lubomirským, Maliszem a jinými.[1])

Uvedené dva příklady jistě stačí, aby nebylo pochybováno o vřelém slovanském cítění Vukově. Jinak jest však tomu když chceme mluviti o poměru Vukově k jednotlivým slovanským národům. Co se týče Rusů, jest v celku jeho poměr určen již tím, že od ruské vlády bral pensi a vůbec tradicí vztahů srbsko-ruských. Budeme míti příležitost na to poukázati ke konci tohoto článku.

S českými kruhy vlasteneckými udržoval dosti čilé styky, nejvíce však s P. J. Šafaříkem, s nímž ho pojilo osobní přátelství a živý zájem o rozvoj srbského písemnictví a vědy, pomáhal velice ochotně Šafaříkovi při shledávání a opisování textů pro jeho vydání starosrbských památek a nepřerušil s ním ani tehdy svých styků, když se jeho vídeňský ochránce B. Kopitar rozešel s českými vlastenci. K Čechům ho poutal jistý zájem, čehož však u Poláků nebylo a proto jeho poměr k nim se jeví docela jinak než k Čechům.

Lj. Stojanović neobírá se ve své zde uvedené práci poměrem Vukovým k jednotlivým slovanským národům, béře však z nich jen ty doklady, kterých potřebuje k vylíčení Vukovy činnosti a života, takže mnohé detaily zůstaly nezužitkovány. Z polských přátel Vukových uvádí na různých stránkách Lindeho, Bandtkého, Kucharského, ale pomíjí Maciejowského, ač v korespondenci Vukově jsou vytištěny dva dopisy z jejich vzájemného dopisování.[2])

Také poměr Kopitarův k Polákům není výrazem nějakých hlubších přátelských vztahů, ukazuje to nejen jeho polská korespondence, ale také i jeho první práce, vlastně časopisecké zprávy a referáty o polských věcech. Jediná z nich týká se našeho předmětu, jest to anonymní jemu připisované ohlášení,

[1]) J. V. Frič, Paměti III. 149, 154, 164. O Lubomirském píše Vukovi D. Vladisavljević z Terstu 5. II. 1839. Řekl prý Lubomirský, že zná Vuka a ostatní filology slovanské a slíbil mu některé věci polské poslati. Vukova Prepiska IV., str. 432.
[2]) Vukova Prepiska VI., str. 349.

že dokončen byl roku 1813 Lindův polský slovník.[1]) Přirozeně jako filologa musilo ho to zajímati a zájem o toto dílo polského lexikografa stoupl, když pomýšlel na vydání slovníku srbského jazyka, k jehož sestavení Vuka neustále pobízel. Přátelské domluvy asi nepomáhaly nebo snad chtěl Kopitar Vukovi dodati více odvahy a proto dal otisknouti v srbských vídeňských novinách posudek o Lindově slovníku, kde autor Srb mluví vlastně jako tlumočník Kopitarových myšlenek. Slovník tento pokládá se za dílo prospěšné i pro Srby, mezi nimiž musí se však najíti ten, kdo by podle vzoru Lindova slovníku sestavil srbský slovník. Srbským jazykem míní se jazyk lidový. Kdyby byl prý tento srbský slovník vydán, bylo by to dílo svého druhu třetí vedle slovníku Adelungova a Lindova.[2]) Uváděje z něho slovo ojciec, ptá se autor, kde jest naše srbské slovo otac. Není prý tím vinen Linde,[3]) ale sami Srbové. Na koho vše to bylo mířeno, bylo mnohým samozřejmé. Práce takové měl se chopiti Vuk a proto také někteří jeho přátelé, uznávajíce nutnost takového díla a považujíce Vuka za jedině schopného, aby se takového úkolu podjal, pobízeli jej sami k tomu. Dr. Lindau, jenž Vuka osobně z Vídně znal, píše mu z Vratislavě dne 24./I. 1817, že by bylo velice záslužné sestaviti slovník srbského jazyka podle vzoru slovníku Lindova.[4]) Netrpělivě čekali Vukovi přátelé na jeho dílo a také vedle Lindova slovníku doporučovali mu Bandtkeho Słownik kieszonkowy polsko-francuzsko-niemiecki (4 sv. 1805—1813); tak na př. Mušicki jest nadšen tímto slovníkem, píše Vukovi dne 6./II. 1817: „Meni se Bandtke najboljma dopada, najpače črez razdělenije razny značenija i sbog frazes" a opakuje tuto chválu i v jednom z pozdějších dopisů. Byl pevně přesvědčen, že dílo Vukovo dobře dopadne

[1]) N. Petrovskij: Pervyje gody dějateljnosti B. Kopitarja. Kazaň 1906, str. 356—357. Kopitar byl také znám s hrabětem Duninem Borkowským a znepřátelil se s ním pro vydání staropolského žaltáře Florianského. Polívka v ČČH. 1895, 174, Jagić Ist. slav. fil. 209, Francev v Slavii I. str, 600—604.

[2]) Petrovskij op. cit. 621, Noviny serb. 1816, čís. 11.—13, 15, 17, 18. Kopitar také dne 27. II. t. r. žádá Dobrovského o recensi Lindova slovníku, aby ostatní Slované, zejména Krajinci a Srbové věděli, v čem mají Lindeho následovati a čeho se vystříhati. Petrovskij op. cit. 635. Jagić Istoč. I. 416

[3]) Stratimirović psal Ossolinskému 6. X. 1803 a slibuje podporu Lindovi, pomýšlí na Mušického. Jagić Istoč. II. 752, Francev Polskoje slavjanověděnije, str. 107.

[4]) Vukova Prepiska III. 1. O tomto pisateli podrobnější data podává Bandtke Dobrovskému dne 25. VI. 1818. Francev Korespondence J. Dobrovského s Bandtkem, str. 129.

a že je Srbové oslaví lépe než tak učinili Poláci při díle Lindově. Také mu navrhl, aby nazval své dílo jako Linde „Slovník".[1])

První zmínku o Lindovi nacházíme v dopise Kopitarově Vukovi z 21./III. 1815, kde Vukovi oznamuje[2]), že od Davidoviče si vypůjčil exemplář jeho Pismenice, aby ji mohl poslati Lindemu. Domníval se snad Kopitar, že posíláním spisů Vukových pohne polského učence, aby Vukovi daroval neb za mírnou cenu opatřil svůj slovník polského jazyka. Bylo-li tomu tak, pak se tento pokus nezdařil, poněvadž Kopitar dne 27./II. 1817 žádá Dobrovského, aby mu pomohl sháněti různé slovníky mezi nimi i Lindův pro Vuka.[3])

Neustálému naléhání Kopitarovu a svých druhých přátel nemohl Vuk již odolati a odhodlal se za pomoci Kopitarovy k této práci. Pracovali oba přátelé svorně, Kopitar staral se hlavně o různé pomůcky pro Vuka a ochotně mu pomáhal při překládání srbských slov do latiny a němčiny. Práce postupovala dosti rychle, takže již 24./X. 1817 mohl Kopitar oznámiti Lindovi,[4]) že Vuk doufá dáti do tisku svůj slovník na jaře příštího roku. Když tento slovník roku 1818 vyšel, zájem o polského lexikografa ustává.

Roku 1818 vydal se Vuk na cestu do Ruska a jeho cesta vedla přes Polsko. Nejprve se zastavil v Krakově, kamž dorazil po sedmidenním putování z Vídně. Byl zde velmi přátelsky přijat Bandtkem a odtud před odjezdem do Varšavy psal Kopitarovi,[5]) prose ho, aby něco poslal také Lindemu. Když přibyl do polské metropole, byl i zde krásně přijat svými přáteli, než musil zde dlouho čekati na pas, nudil se dlouhou chvílí, kterou mu sám Linde zahnal posláním srbských novin z Nového roku. Při té příležitosti píše dne 6.—18./II. 1819 Kopitarovi o Lindovi:[6]) „Linde je pan veliki; on nek se ne kaje što se učio i mučio, ali ima i posla sila".[6]) Lindemu podle tohoto

[1]) Vukova Prepiska II. 139, 149, dopisy: 6. II. a 11. III. 1817.

[2]) Vukova Prepiska I. 143.

[3]) Jagić Jstoč. I. 417—8.

[4]) Jagić Jstoč. II. 637. Vuk věděl, že ve varšavských polských novinách bylo psáno o jeho slovníku, sděluje to Mušickému 2—14. III. 1820, Vukova Prepiska II. 253.

[5]) Vukova Prepiska I. 165, dopis z 26. XII 1918.

[6]) Vukova Prepiska I. 167—8. — O jeho práci týkající se slovanských literatur viz Francev Pol. Slavjanověděnije, str. 376. Hanka mu doporučoval pro jihoslovanské literatury Vuka, Francev op. cit. 384, Pisma k V. Ganke, str. 622 a také Magaraševič ukazuje na tyto práce Mušickému, Vukova Prepiska III. 671.

dopisu[1]) daroval také toho roku vydané dílo Solarovićovo Rimljani slavenstvovavši a naučil se zde trochu čísti polsky, při čemž největší potíž mu působily polské nosovky (będzie, gęś, pęt).[2])

Z pozdějších let mimo obligátní pozdravy čteme jméno Lindovo v korespondenci Vukově jen dvakráte. Vuk ještě po letech přečetl si zprávy o životě Lindově ve Wiener Jahrbücher, sv. 23, o čemž píše Kopitarovi[3]) a o několik let pak později odpovídá Berlićovi, že v celé Vídni nemůže sehnati Lindův slovník.[4])

V Krakově poznal Vuk osobně Bandtkeho, o němž již dříve slyšel z vypravování Kopitarových. Znal pravděpodobně jeho slovník, neb mu Kopitar píše,[5]) že jeho (t. j. Vukův) slovník bude v prvém vydání jistě tak silný jako Bandtkeho, který mu za nedlouho spolu s jeho mluvnicí poslal. Z jeho vzájemného dopisování s tímto učeným Polákem zachovaly se toliko dva dopisy, jeden Bandtkeho (z 6./VIII. 1826) druhý Vukův (z 28./V. 1827).[6]) Bandtke děkuje mu za poslané knihy, byl rád, že mu Vuk psal rusky, poněvadž v srbském jazyce všemu ještě nerozumí a nová písmena srbská mu nejdou do hlavy. Vyslovil se také o novém srbském jazyce v dopise Jos. Dobrovskému, když mu píše o tomto dnes již neznámém dopise Vukově dne 5./VII. 1826. Nový srbský jazyk jest mu nesrozumitelný a dodává: „Vuk ist so gütig gewesen an mich russisch zu schreiben, das war mir sehr lieb, denn serbisch hatte ich es nicht so gut verstanden u. ich war nicht wenig betroffen, als ich anfänglich glaubte, dass es serbisch wäre, bis ich genauer sah und las.“[7])

[1]) Vuk rád píše o poměrech rodinných svých přátel, tak v uvedených dopisech: o ženě Bandtkeho a zde o ženě Lindově.

[2]) Vuk neuznával nosovek pro bulharštinu jako Kopitar, který mu psal, že Šafařík jezdí po rhinesmu a že Bulhaři nemají tam nosovky, kde je mají Poláci. Vuk mu odpověděl, že tam mají něco jako ъ. Vukova Prepiska I. 371, 373. Také Grimm Vuka upozorňoval na gotské plinsjan a sl. plęsati. Vukova Prepiska II. 39.

[3]) Prepiska I. 250, 23—2. XII. 1823.

[4]) Vukova Prepiska v. 109—110, 26. I., 29. I. 1826.

[5]) Vukova Prepiska I. 158, 161, dopisy z 19. III. 1816 a 5. IV. 1816. Dobrovský uvědomuje Bandtkeho 15. VI. 1818, že Kopitar s Vukem vydávají srbský slovník (Francev Koresp. Dobrovského s Bandtkem, str. 127).

[6]) Prepiska V. 434—438. Bandtke tu píše o svém pobytě v Halle, kde viděl dům, v němž Vuk bydlil. O tomto psaní, že je ve Vídni, píše Kopitar Vukovi 18. VIII. t. r. Prepiska I. 285.

[7]) Francev Korespondence Dobrovského s Bandtkem, str. 185. Dobrovský neschvaloval v dopise Bandtkemu pravopisných novot Vukových. Tamtéž str. 186.

Vuk byl také jedním z těch, kteří upozornili tohoto Poláka na Šafaříkovy dějiny slovanské řeči a literatury vydané roku 1826.[1]) Poslal mu dva exempláře tohoto díla a to jeden pro něj a druhý pro prof. Siweckého. Mezitím také Polák Zakrzewski poslal jiný exemplář Bandtkemu, takže Bandtke o tom uvědomuje Vuka, ptá se ho, kam má poslati peníze, když jeho jméno se nachází mezi předplatiteli. O knize Šafaříkově praví: „Das Buch ist sehr gut.“ Před lety prý ho žádal Šafařík, aby mu odpověděl na některé otázky, týkající se literatury polské, ale neodpověděl mu na ně nikdy. Slibuje o Šafaříkově literatuře napsati poznámky aspoň, pokud se týče literatury polské. Byl o této knize přesvědčen, že nezůstane jen při prvním vydání a doznává, že se z ní sám leccemus přiučil. Svůj slib však splnil jen částečně, psal o ní pochvalně v Allgem. Lit. Zeitung.[2])

Za svého pobytu v Lipsku koupil si Bandtke Vukovy sebrané lidové písně srbské a vyslovil se pak o nich v uvedeném dopise Vukovi takto: „Ihr Serbier habt doch sehr schöne Lieder. Ihr seid aber auch ein Gebirgsvolk. In Gebirgen herrscht immer meiste Poesie. Sie haben sich durch die Sammlung dieser Lieder verewigt.“ Pak mluví o své sbírce lidových písní polských hlavně z okolí Krakova. Ke konci dopisu připomíná, že četl krásnou recensi[3]) Kopitarovu o Vukově sbírce, jež ukázala cizině nový svět. Poznávali tuto poesii Poláci jednak sami, pokud byli uvědomělými Slovany, jednak také prostřednictvím cizím v překladech německých, francouzských a snad i anglických. Tuto Vukovu zásluhu ocenil Polák St. Jaszowski sonetem: Wuk Stefanowicz Karadžicz, otištěným ve lvovském Slavjaninu roku 1837.[4]) Nadšený tento polský Slovan chválí a velebí srbskou lidovou píseň pro její zpěvnost, zvučnost a dojemnou působivost, kterou ona ústy srbské

[1]) V Pešti o rozprodej a posílání Šafaříkova díla staral se Hamuljak, psal již dne 23. XI. 1825 Vukovi, že poslal jedno její ohlášení do Lvova a že by bylo třeba to poslati Lindovi do Varšavy. (Prepiska V. 319.) Dne 31. III. a 15. V. 1826 určuje Vukovi, co kam má býti posláno: do varšavské knihovny, Voj. Siweckému, Bandtkemu, Maryanu z Ogónczyk Zakrzewskému, který studoval ve Vídni medicinu. Prepiska V. 322—325. O této zásilce Kopitar Vukovi (Prepiska I. 279) O Zakrzewském: Francev Pol. slavjanověd. 387, Osvěta 1895, str. 871.

[2]) Francev Pol. slavjanověd. 163, 380. Mickiewicz napsal příznivý posudek o polské části Šafaříkových literárních dějin. Dziela wszystkie Ad. M. Lwów, IV. 277.

[3]) Na tuto recensi upozornil Dobrovský Bandtkeho dne 23. II. 1826, Francev Koresp. Dobrovského 177.

[4]) Str. 8 s podtitulem: Znakomity zbiéracz piesni serbskich, które nie tylko w Europie ale nawet w Ameryce pochwałę znałazły.

dívčiny vyvolává ve vnitru posluchačově. Když skládal tento sonet, měl jistě na mysli ony srbské písně, které Vuk nazval ženskými a v kterých mohl najíti leccos podobného s polskými. To dokazuje nejen tím, že mluví o srbské dívce, jež srbské písně pěje, ale také celkovým myšlenkovým pojetím svého sonetu, jehož poslední verše zní:

Uważasz, chwytasz, w pamięć wpisujesz wyrazy;
Każda pieśń jestto perla do twojéj korony:
Bo pieśń swojska do serca jak zdroj miodu płynie;
Słuchasz, cisza rozlana po caléj krainie,
Tylko czasem wiatr z jękiem przemknie sie przęz głazy,
Lub ryknie o brzég morza bałwan roztrącony.

Také J. P. Zaleski oslavil veršem Vuka, vybízeje ho, aby nové písně dával:

Pieśni hej dawaj Wuku Karadžiczu
Resztę my powiem guślary-gęślarze.[1])

Polskou emigraci a pařížské přátele Slovanů seznámil s lidovou srbskou písní a jejím sběratelem Vukem ve svých přednáškách Adam Mickiewicz.[2]) Promlouvaje na dvou místech o Vukovi, staví v popředí jeho zásluhy sběratelské a vydavatelské a nejvíce se však zajímá o ty, kteří Vukovi písně srbské zpívali a o to, jaké měl při tom potíže.

Dříve než tito Poláci proslavili u svých soukmenovců jméno Vukovo, učinil tak již roku 1819 v Pamiętniku nauk Majewski, napsav tu článek Wiadomość o dziełach P. Vuka Karadžicza, z dołączeniem kilka pieśni serb.[3]) Dne 6./II. 1819 seznámil se Majewski s Vukem osobně ve Varšavě,[4]) naučil se prý za dvacet hodin, patrně od Vuka, srbskému jazyku. Tato známost inspirovala mu tento článek, v němž seznámil čtenáře s prací Vukovou ve prospěch srbského národa. Majewski dal Vukovi svůj spis

[1] Pisma II. str. 201. Francev Pol. slavjanověd. 395, pozn. 1.

[2]) Dziela wszystkie Adama Mickiewicza T. V. 156, 227. — Roku 1844 píše Vukovi Pl. Atanacković (9. III.), že Mickiewicz srdečně o Srbech mluví, také o Vukovi; což jest dustojné a spravedlivé. Prepiska I. 562. — Bibliografii o polských překładech viz E. Kolodziejczyk Bibliografija slovianoznawstwa polskiego. Kraków 1911. Francev Polskij slavjanofil Roman Zmorskij Praha 1919. O Vukově vlivu na sbírání polské lidové písně: Zapiski Akademiji nauk LIX. 154, Jagić Jstorija slav. fil. 523. O Korytkovi stručně zmiňuje se Kopitar Vukovi, Prepiska I. 472.

[3]) Odzial lit. I. 385—389. Francev Pol. slav. 374, pozn 2.

[4]) Dopis Vukův Kopitarovi Prepiska I. 168.

o Slovanech,[1]) chlubil se Vukovi také, že má Kopitarovu mluvnici. Vuk mu daroval exemplář svého slovníku, který prý již pro varšavskou společnost byl Majewski z Vídně objednal.[2])

Ze všeho, co dosud bylo řečeno, jest viděti, že Vuk u Poláků nepronikl jako reformátor srbského pravopisu a spisovného jazyka, v tom oboru mělo o něm jakousi vědomost několik polských slavofilů, zejména filologů a historiků, nýbrž větší měrou pronikl jako sběratel lidové písně srbské, v kterémžto oboru své činnosti měl jméno světové.

Vraťme se k dopisu Bandtkeho. Příčinu, proč Srbové lépe rozumějí ruskému jazyku než Poláci, vidí Bandtke ve společném užívání církevního slovanského jazyka. Vykládá šíře Vukovi svoje stanovisko ke třem Moravám, ukazuje na stejnou topografii slovanských zemí, nepovažuje Cyrila a Metoda za Moravany, nesouhlasí se Šafaříkovým míněním o slovanském písmě před pokřestěněním Slovanů, germanismy v církevním slovanském jazyce vysvětluje si „theils aus dem langen Aufenthalt der Slaven unter den Deutschen theils aus dem alten Verkehr" a shoduje se s Dobrovského míněním, že vlastí tohoto jazyka jest Srbsko, Bulharsko a Makedonie. Podav pak ještě některá data historická, vrací se opět k nové srbské řeči, vyslovuje souhlas s tím, že Vuk uvádí „Landessprache" do písemnictví jako „Schriftsprache", než přece tvrdí, že novější řeč jim těžší připadá než stará. Svůj dopis končí přáním všeslovanského pravopisu. Na toto psaní Vuk odpověděl velice krátce a jistě z té příčiny, že nezajímal se mnoho o ty otázky, které zde Bandtke s celým vědeckým aparátem, jak byl zvyklý činiti v dopisech Jos. Dobrovskému, zdůvodňoval neb vyvracel. Odpověď mu také poslal dosti pozdě, jest stručná a datována jest ze dne 28./V. 1827. Vuk mu posílá svou Danici z tohoto roku, ale hlavní příčina, proč mu Vuk odpověděl, spočívala v záležitosti Davidovićově. Byl roku 1821 jmenován

[1]) O Slawianach i ich pobratymcach, 1816, Francev op. cit. 173. Vuk jej zove Slavěne Indijanstvovavše.

[2]) Majevského vzpomíná Vuk ještě v dopise St. Dobrovićovi, s nímž se setkal ve Varšavě. Prepiska IV. 17. Zde poznal i hulánského poručíka M. Markoviće. Prepiska III., 482, dopis Markovičův z 10. XI. 1819. — O srovnání srbských lidových písní s Czajkowského kozáckými novelami, které dopadlo ve prospěch srbské písně lidové, píše Kopitar Vukovi 26. VII. 1839, Prepiska I. 478. — O obvinění Vuka jako by byl nesprávně informoval Ranka, Czajkowského a Possarta o knížeti Milošovi, píše L. Stojanović v uvedeném svém díle, str. 497, 501, 502. Stojanović toto obvinění vyvrátil.

dopisujícím členem učené společnosti při universitě krakovské. Byl mu poslán diplom a on jej předložil vídeňské vládě s žádostí, aby jej mohl přijmouti. Zatím však přešel do služeb srbských a diplom zůstal ve Vídni. Nyní v jisté své záležitosti ho potřeboval, proto obrátil se na Vuka, který s tím otálel, ač v své odpovědi ze dne 24./VI. 1820 na dopis Davidovićův z 19. t. m. slíbil to učiniti.[1]) Členem této učené společnosti byl také Vuk, a v různých korespondencích jsou o tom zachována některá data. Dne 12./II. 1818 psal Frušić Vukovi,[2]) zda by nemohl Kopitar dosáhnouti toho, aby se Vuk stal členem této korporace. Snad se o tom Kopitar dověděl a když vyšel Vukův slovník, mohl tím spíše o to vyjednávati s Bandtkem, jak o tom svědčí dopis jemu poslaný z 19./VIII. 1818, kde mu jako klienty doporučuje[3]) Vuka (auctor gramm. et lexici et editor duorum voluminum pesnarice) D. Frušiće a D. Davidoviće. Chtěl také navrhnouti Stratimiroviće sed illum (t. j. Stratimiroviće) puderet esse in societate Serborum". Vuk byl jmenován členem teprve 15./XI. 1820 a dne 16. t. m. byl mu poslán diplom, jejž podepsali Valentinus Lihoinski, rector univ. cracov. ac preses societatis litterariae a Paulus Czajkowski, prof. publ. ord. secretarius societatis litterariae.[4])

Když Vuk vstoupil do služeb knížete Miloše a stal se předsedou zákonodárné komise[5]), staral se o to, aby se Srbsku dostalo moderních zákonů a proto se obrátil na Kopitara neb Bandtkeho s prosbou o polský překlad francouzského zákoníka. Jeho prosbě bylo vyhověno. Kopitar mu o tom píše dne 28./VIII. 1830[6]) dodávaje, že jest to dar od Bandtkeho. Obdržev Vuk tuto knihu, děkuje za ní Bandtkemu v dopise Kopitarovi, který však pobízí Vuka, aby sám za to Bandtkemu poděkoval.[7])

Konečně možno připomenouti, že Bandtke zprostředkoval dopisování mezi Vukem a Al. Serinou Solovjevičem, který podle

[1]) Vukova Prepiska II. 75, 77.
[2]) Prepiska I. 633.
[3]) Jagić Istoč. II. 640.
[4]) Prepiska III. 540. Vuk obdržev tento diplom, uvědomuje o tom Kopitara 3. IV. 1821 (Prepiska I. 190) a dodává, že by se mělo psáti do Krakova.
[5]) Stojanović op. cit. str. 327.
[6]) Prepiska I. 377. Kopitar obstarával knihkupecké spojení mezi Srby a Poláky (Prepiska I. 363, 373). Také Milovuk posílal knihy do Varšavy, radí Vukovi, aby poslal exempláře své sbírky písní těm, kdož je překládali, a tu jmenována Varšava (Prepiska II. 234, 259). Mušickému zaopatřuje Kopitar, prostřednictvím Lindeho a Bandtkeho mluvnici Kopczyńského (Jagić Istoč. II. 794). Vuk byl také jakýmsi prostředníkem mezi Berlićem a Bandtkem (Prepiska V. 126, 154, 155, 157).
[7]) Prepiska I. 25. VIII., 12. X. 1830, str. 379, 386.

dopisu Vukovi snažil se seznámiti Poláky jako profesor ruštiny v Krakově s ostatními Slovany, užívaje také při tom prací Vukových.[1])

Na zpáteční cestě z Ruska zastavil se Vuk ve Lvově, nepodává v svých dopisech nijakých bližších zpráv, pouze v jednom dopise ptá se ho Mušicki, u koho tam našel srbské noviny a Vuk mu odpovídá, že se tam setkal s Jeftou Vertićem.[2])

Na všech těchto známostech měl značný podíl Kopitar, o druhých, o kterých ještě v krátkosti promluvíme, dá se těžko říci vyjma jednu, kdo jej s tím neb oním Polákem seznámil. S Kucharským sešel se Vuk osobně roku 1827, hned po jeho příchodu do Vídně.[3]) Kucharski mu přinesl od jmenovaného již Rusa z Krakova dopis,[4]) a píše o svém setkání s Vukem Hankovi 26./VI. t. r. Sděluje mu posudek Vukův o verších Pačićových: znajduje w jego odach grzechy przeciw czystości i prawości serbszczyzny. Věří to Kucharski Vukovi, jako znateli srbského jazyka. Upozorňuje Hanku na Vukovu Danici z roku 1827, kde ho velice potěšil seznam srbských vsí. Od Vuka, který pracuje o novém slovníku a mluvnici podle vzoru Dobrovského, dostal jeho článek o bulharském jazyce.[5]) Kucharski pobýval také v Pešti, kde sešel se vedle Vuka i s Kollárem a dojížděl odtud do Vídně, odkudž jednou po něm Vuk poslal Kopitarovi dvě knihy Srbských Letopisů.[6]) Také Kollár zval Vuka dne 6./II.[7]) na zkoušky své slovanské školy, připomínaje, že tu budou přítomni Kucharski a Hamuljak. Roku 1829 vydal se tento Polák na cestu po jižních zemích, prošel Dalmacii a Černou Horu, kde si všiml, že Černohorci vyslovují hlásku *h*, což Vukovi nebylo známo. O tom zprávu podává Vukovi Kopitar a Vuk pak mu za to děkuje[8]). Kucharski přinesl z Černé Hory srbské lidové písně od Sime Milutinoviće pro Milovuka v Pešti, aby je vydal.

[1]) Prepiska V. 353, 354, 25. XI. 1825, 27. V. 1827.

[2]) Píše Mušickému ze Lvova 30. IX. 1819, Prepiska II. 231 a srv. dopisy čís. 62, 63, Prepiska II. 237, 240. O pobytu jeho ve Lvově srv. dopisy, Prepiska I. 178, II. 234, 418.

[3]) Francev Pol. slavjanověd. 434.

[4]) Dopis Vukův tomuto Rusovi Prepiska V. 354.

[5]) Francev Pisma k V. Gankě str. 571. O Vukově Danici viz Stojanović op. cit. 292. Článek o bulharském jazyku t j. Vukovy dodatky k petrohradským srovnávacím slovníkům. Stojanović op. cit. 762.

[6]) 6—18./I., 17—29./I. 23./II. 1828 Prepiska I. 296, 299, 308.

[7]) Prepiska V., str. 508.

[8]) Prepiska I. 349, 350, 351. Také Gagić píše Vukovi o pobytu Kucharského v Dalmacii 13—25. VII. 1829, Prepiska III. 31. O výslovnosti h Francev Poł slavjananověd. 473.

O jejich osudu se nevědělo, Vuk se domníval, že je Kucharski odvezl do Ruska, aby je tam vydal podle úmluvy s Milutinovićem. Teprve roku 1832 mohl Kopitar Vukovi oznámiti, že jsou u něho. Vuk chtěl, aby je Kopitar u sebe podržel, poněvadž Milutinović byl mu nějaký peníz dlužen. To však Kopitar nemohl učiniti jako censor a písně tyto vyšly roku 1833 jako Pěvannija Černogorska i Hercegovačka.[1]) O Kucharském dovídáme se ještě z dopisu Rusa Dubrovského, který Vukovi píše o svém zamýšleném rusko-polském časopise Dennici-Jutrzence, do níž přispívati mu přislíbili Linde, Maciejowski a Kucharski. Tento Rus ochotně obstarával Vukovi otištění ohlášení jeho sbírky srbských lidových písní v ruských a polských časopisech, pro něž se mu podařilo získati jako předplatitele Maciejovského a Kucharského.[2]) V té době stává se již poměr mezi Kopitarem a Kucharským napjatým a Kopitar činí na to narážku v dopise Vukovi z 12./VI. 1838.[3])

Zda se znal osobně s Maciejowským, nevysvítá z jejich vzájemné korespondence. Podle dopisu Kopitarova Vukovi z 13./IV. 1832 poslal mu Maciejowski svůj spis Prawodawstwo Sławian.[4]) Jejich pak vlastní dopisy neobsahují nic zvláštního, omezují se na vzájemné posílání knih, což se dělo přes Krakov prostřednictvím Bandtkeho. Podobně málo zpráv zachovalo se o poměru Vukově k berlinskému slavistovi Poláku Cybulskému. Příčinou jejich osobního seznámení byl Hanka. R. 1843 v měsíci listopadu doprovázel Vuk knížete Miloše do Berlína[5]) a oba zastavili se v Praze. Hanka, použiv této příležitosti, poslal Cybulskému po Vukovi dopis, na nějž on odpověděl dne 15./I. 1844. O Vukovi píše toto:[6]) „Znajomość z szanownym Wukiem nadzwyczaj mi była miłą i pożądaną. Jest to mąż noszący na twarzy i w całej postawie swojej piętno charakteru swego.

[1]) Petrovskij v recensi Vukovy Prepisky v I. sv. Izvěstijích otd. rus. jaz. i slov. XIII. 2. 481—2. Prepiska I., str. 350, 351, 368—9, 386, 388, 446—7; IV. 25. X. 1829, 254.

[2]) Dopisy Dubrovského Vukovi Prepiska VII. 594—603.

[3]) Prepiska I. str. 473.

[4]) Prepiska I. str. 419, IV. 682, 4. VII. 1836 vyřizuje Šafařík pozdrav tohoto Poláka Vukovi. Šafařík ho informoval o jihoslovanských právech a pro poznání srbské ústavy mu doporučil Vukovu Danici 1827, kde nalezl článek Geografičesko statističesko opisanije Srbije. Slovanský Sbor. III. str. 95, 198. O uvedeném článku: Stojanović op. c. 294. Dopisy Maciejowského Prepiska VI. 349—350.

[5]) Stojanović op. cit. 518.

[6]) Francev Piśma k V. Gankě 1166; dopis počíná: Zacny gość, przez którego Pan byłeś łaskav pisać do mnie, wraca przez Pragę do domu.

Nie zawiódł się na usiłovaniach swoich. Potomność odda mu tę za nie nagrodę, którą znający go bliżej, dziś mu z serca oddają.“ Posudek o charakteru Vukově tohoto Poláka shoduje se plně s tím, co o něm psal Čelakovský Kamarýtovi neb Frič v svých Pamětech.

Cybulským vyčerpávají se všechny Vukovy styky s Poláky; jest však ještě promluviti o jeho poměru k Polákům jako nepřátelům ruského národa. Vše, co dosud bylo řečeno, ukazuje zřejmě, že tyto Vukovy styky nikterak nevybočovaly z obvyklých hranic projevů takových styků. Choval se k Polákům jako uvědomělý Slovan, posílal jim své spisy, obracel se na ně v některých nutných záležitostech, ale nijakého většího zájmu na nich neměl. Podnět k stykům s nimi, jak bylo pověděno, vycházel vždy od osoby třetí, nevznikaly tedy tyto styky z vnitřní potřeby a nutnosti, proto jeho odpovědi jsou stručné, často opozděné, bez vřelejšího přátelského tónu. Zdá se, jako by ho něco od těchto styků zdržovalo. A byly toho dvě příčiny. Jedna vězela v tom, že nebylo mezi nimi společného cíle v práci, nezabývali se a neřešili stejných otázek, z nichž právě Vuk prakticky mnohé do života uváděl.[1]) Druhá příčina vyplývala z poměru Poláků k Rusku, nač jsem již na počátku tohoto článku upozornil. Již dříve také uvedl jsem dva případy, kde Vuk váhá sám odpověděti, domnívaje se, že to postačí, odpoví-li pouze jeho přítel Kopitar. Měl Vuk mezi Srby dosti a to vlivných nepřátel, kterých se bylo obávati, aby nějakými pomluvami a intrikami se nepřičinili o to, aby byl zbaven ruské pense. S jistou pravděpodobností můžeme v tomto dosti chladném poměru k Polákům spatřovati tedy i příčinu politickou, která by byla mohla býti snadno využitkována v neprospěch Vukův.

V názoru na Rusko a jeho poměr k Polsku rozcházel se Vuk se svým vídeňským ochráncem Kopitarem. Kopitar neměl to za zlé Vukovi a proto v letech polského povstání 1830 a 1831 nepíše mu o tom, pouze ve dvou dopisech[2]) činí poznámky: „Aber Polen ist auch sehr wichtig. Ganz Europa ist mit Neuerungen schwanger,“ píše Vukovi, když mu byl sdělil, že se mnoho mluví o Bosňácích. Když povstání skončilo s nezdarem, Ko-

[1]) Možno připomenouti ještě Bobrowského, který v dopise Köppenovi píše o Vukovi. Francev Pol. slav. přílohy C. Pouze Mušicki v svých návrzích o srbském pravopise dává příklad z polského pravopisu. Prepiska II. 288.

[2]) Vukova Prepiska I. 401, 405, 29. IV. 1830, 11. XI. 1831.

pitar napsal tato slova: Sie sehen, das Nicola, ohne Zweifel mit Ihrem Beifalle sich ganz der russ. Partei in die Arme geworfen hat; also -Polen einverleibt.“ Na Vuka obraceli se mnozí jeho krajané, mezi nimi i kníže Miloš s žádostí, aby jim sdělil, co ví o událostech v Polsku, zvláště o tom, zda se Varšava vzdala Rusům. Vuk, pokud se co mohl dověděti, psal o tom, nikde však v dopisech není vyslovena radost nad úspěchy zbraní ruských, naopak v jednom z dopisů Milošovi[1]) sděluje, že Francouzové navrhli caru Mikulášovi, aby na Poláky neudeřili zbraní, nýbrž jim dali konstituci. Tato zpráva měla však u Vuka také jiné pozadí a myslím silnější, neb tím mířil na poměry v Srbsku, kde také konstitučního života nebylo. Totéž píše Vas. Popovićovi,[2]) jemuž si stěžuje, že Vídeňáci vyrábějí paskvily na ruské vojsko v Polsku. I zde Vuk zachoval jakousi reservovanost, nebyl enthusiast, a soudíce podle jeho povahy a jeho slovanského přesvědčení, nechybíme, řekneme-li, že v srdci svém litoval bratrovražedného boje a že si přál, aby Rusové popřáli Polákům více svobodnějšího vývoje a rozvoje. Byl-li jeho poměr k jednotlivým Polákům chladný, byl tím vřelejší k celému národu polskému.

Karel Paul.

---

[1]) Prepiska II. 607, 22. I. 1831.
[2]) Prepiska IV. 149, 151, srv. II. 610, 612—615, 746, v. 615.

Замѣтки по ркк. и творчеству Лермонтова.

(Продолженіе.)

II.

Кавказъ.

Поэзія Л-ва по преимуществу кавказская. Сковалось съ Кавказомъ его воображеніе. Отъ ребяческихъ „Черкесовъ“ и „Кавказскаго Плѣнника“ черезъ всѣ перепетіи, переработки, муки и радости творчества, которыя намъ дали: „Каллы“, „Измаилъ-бей“, „Хаджи Абрекъ“ и наконецъ „Демона“ и „Мцири“ тянется украшенная золотой чеканкой цѣпь.

Сначала запечатлѣлись эти два геніальныхъ своей краткостью пушкинскихъ стиха:

Не спи, казакъ, во тьмѣ ночной
Чеченцы ходятъ за рѣкой!

„Чеченцы“, а не „чеченецъ“, какъ у Пушкина, а проникнуть къ нимъ не нашло другого способа воображеніе, какъ позаимствовавъ у Пушкина замыселъ плѣна. Но этотъ плѣнъ не эпизодъ, въ жизни „русскаго“; нѣтъ ему возврата на родину. Зоветъ, зоветъ и зазываетъ хоть вражій, но такой живописный Кавказъ. И Пушкина плѣнили доспѣхи, шашки, колчаны, кони, красота черкешенокъ. Л-въ не можетъ отъ всего этого оторваться. Пресной чуть ли не чужой представилась по сю сторону боевой линіи, родная и, по своему, тоже живописная стройность парадовъ, карауловъ, отчетливой маршировки, сверкающей, какъ вытянутая струна, стальной линіей суворовскихъ штыковъ. Но опять по своему ткетъ свои узоры поэзія. Плѣнъ вдали отъ родины . . . Какъ милы тогда плоскія родныя дали распаханныхъ степей русскаго раздолья. Не забыта родина, и постоянно возвращаютъ раздумья о Кавказѣ назадъ домой, въ усадьбы, перелѣски, поля . . . Нашептываетъ тогда сердечная жуть къ Пушкинымъ подсказанной темѣ о любви черкешенки къ русскому плѣннику эпиграфъ изъ сентиментальнаго нѣмецкаго поэта:

Dulde und entbehre!
Liebe, hoff und glaube.

Не просто пересказъ пушкинскаго „Кавказскій Плѣнникъ“. Уже тогда началось это своеобразное вкладываніе въ кавказскія красоты своихъ идейныхъ переживаній: сначала шиллеровскикъ, послѣ байроновскихъ, а наконецъ, въ „Демонѣ“, своихъ собственныхъ, взлелѣянныхъ десятилѣтнимъ сердечнымъ томленіемъ и неустанной умственной работой.

Въ началѣ лѣта 1825 г. Е. А. Арсеньева для здоровья любимаго внука, Мишеля, которому въ октябрѣ должно было исполниться 11 лѣтъ предприняла далекую поѣздку на Кавказъ, на воды. Поѣхали со всѣмъ штатомъ съ гувернеромъ, Капэ, съ тетушками и племяницами, Столыпиными. Это недолгое пребываніе на Кавказѣ и стало рѣшающимъ. Запечатлѣлось. Душа встрепенулась, и сердце забилось, какъ въ клѣткѣ особенно, потому что тутъ впервые узналъ поэтъ любовное томленіе. Сохранилась его пространная замѣтка въ Тлм VI объ томъ, что съ нимъ тогда произошло. Такъ какъ изъ нея обыкновенно приводятся лишь выписки, а цѣликомъ она напечатана только въ „Приложеніяхъ“ къ Аи IV (стр. 349) приведу ее цѣликомъ:

Записка. 1830 г., 8 іюля, ночь. Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ уже любовь, имѣя 10 лѣтъ отъ роду? — Мы были большимъ семействомъ на водахъ Кавказскихъ: бабушка, тетушки, кузины. Къ моимъ кузинамъ приходила одна дама съ дочерью, дѣвочкой лѣтъ девяти. Я ее видѣлъ тамъ. Я не помню, хороша собою была она или нѣтъ, но ея образъ и теперь еще хранится въ головѣ моей. Онъ мнѣ любезенъ, самъ незнаю почему. Одинъ разъ, я помню, я вбѣжалъ въ комнату. Она была тутъ и играла съ кузиною въ куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни о чемъ еще не имѣлъ понятія, тѣмъ не менѣе это была страсть сильная, хотя ребяческая; это была истинная любовь; съ тѣхъ поръ я еще не любилъ такъ. О, сія минута перваго безпокойства страстей до могилы будетъ терзать мой умъ! И такъ рано...? Надо мной смѣялись и дразнили, ибо примѣчали волненіе въ лицѣ. Я плакалъ потихонько, безъ причины; желалъ ее видѣть; а когда она приходила, я не хотѣлъ (боялся) говорить объ ней и убѣгалъ, слыша ея названіе (теперь я забылъ его), какъ бы страшась, чтобъ біеніе сердца и дрожащій голосъ не объяснили другимъ тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда, и понынѣ мнѣ неловко какъ-то спросить объ этомъ: можетъ быть, спросятъ и меня, какъ я помню, когда они позабыли; и тогда эти люди, внимая мой разсказъ, подумаютъ, что я брежу, неповѣрятъ ея существованью — это было бы мнѣ больно!... Бѣлокурые волосы, голубые глаза быстрые, непринужденность... нѣтъ, съ тѣхъ я ничего подобнаго не видалъ, или это мнѣ кажется, потому что я никогда такъ не любилъ, какъ въ тотъ разъ. — Горы Кавказскія для меня священны... И такъ рано! въ 10 лѣтъ! О, эта загадка, этотъ потерянный рай до могилы будутъ терзать мой умъ! Иногда мнѣ странно, и я готовъ смѣяться надъ этой страстью, но чаще — плакать. Говорятъ (Байронъ), что ранняя страсть означаетъ душу, которая будетъ любить изящныя искусства. Я думаю, въ такой душѣ много музыки“.

Намъ, покамѣстъ, важно это меткое выраженіе — и не адо забывать, что пишетъ все еще мальчикъ — „первое без-окойство страстей". Не только тѣмъ менѣе не могло пройти езъ глубокаго слѣда пребываніе на Кавказѣ, но вѣрнѣе сего именно черезъ „музыку" души изъ мимолетнаго событія, акъ изъ нѣкого живительнаго источника излилось это отно-ѣеніе къ Кавказу, жгучее, взволнованное, неизгладимое осо-нанное въ восклицаніи: „Горы Кавказскія для меня свя-денны". Какъ только сталъ Л-въ „марать стихи", какъ онъ ыражается въ другой замѣткѣ того же года изъ Тлм V (Аи IV, гр. 349), онъ и становится пѣвцомъ Кавказа.

Однако, когда сталъ Л-въ поэтомъ или, проще, когда ачалъ сочинять стихи?

Какъ будто отвѣтъ на этотъ вопросъ въ только что на-ванной замѣткѣ. Тутъ сказано: „я началъ маратъ стихи ь 1828 г. (въ пансіонѣ)". Ясно и категорически дана намъ ата: 1828 г. Но вдумаемся въ смыслъ всего этого коротень-аго текста:

„Когда я началъ марать стихи въ 1828 г. (въ пансіонѣ), я, какъ ы по инстинкту переписывалъ и прибиралъ ихъ. Они еще теперь у меня. ынѣ я прочелъ въ жизни Байрона, что онъ дѣлалъ тоже — это сход-во меня поразило".

Разумѣется, можно понять „марать", — такъ это обычно дѣлается, — въ смыслѣ пренебрежительнаго синонима для писать." Тогда ясно: до поступленія въ Благородный Пан-онъ при Московскомъ Университетѣ Л-овъ стиховъ не со-инялъ. Возможно ли это, когда „Черкесы" носятъ отмѣтку: Въ Чамборѣ. За дубомъ. 1828 г.", т. е. въ уѣздномъ городѣ ь 12 верстахъ отъ имѣнія бабушки. Тамъ Л-овъ могъ быть ишь до поступленія въ пансіонъ, до осени 1828, когда изъ а него Е. А. Арсеньева переѣхала на зиму въ Москву, такъ то уже тутъ противорѣчіе съ приведенной отмѣткой. Въ 1828 г. ылъ еще тщательно съ картинкой ввидѣ книжечки перепи-нъ „Кавказскій Плѣнникъ" съ обозначеніемъ: Москва е., дѣйствительно, уже послѣ поступленія въ пансіонъ. огда въ декабрѣ 1828 г. Л-въ посылаетъ свои стихи „Поэтъ" етушкѣ М. А. Шан-Гирей и проситъ помѣстить ихъ въ ея ьбомъ, онъ ничѣмъ не оговариваетъ, что въ этомъ нѣчто овое, нѣтъ, для него и для М. А. Шанъ-Гирей сочиненіе иъ стиховъ его обычное занятіе. Привыкли уже въ 1828 г., го Мишель сочиняетъ. А въ томъ же письмѣ разсказывается,

какъ инспекторъ Павловъ вздумалъ издавать ученическій журналъ, при чемъ эта мысль уже созрѣла въ самомъ нашемъ поэтѣ. Нѣтъ, „марать" не значитъ, сочинять. Л-овъ стихи писалъ и до 1828 г., вѣроятно, начавъ очень рано. Замѣтка, о которой рѣчь, писана четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, только что вычитавшимъ изъ Муровой „Переписки и жизни Байрона", какъ Байронъ сталъ работать надъ стихами. Въ 1828 г. Л-въ почувствовалъ себя, одолѣвъ цѣлыхъ три поэмы: „Черкесовъ", „Кавказскій Плѣнникъ", „Корсаръ" — поэтомъ, и вторитъ этому запись рукой бабушки на автографѣ „Черкесовъ" противъ VI-ой строфы: „Зиновьевъ нашель, чго ети стихи хорошы" Зиновьевъ — учитель словесности въ пансіонѣ; ободрили Л-ва и Дубенской, и инспекторъ Павловъ. Только надо было „марать" и переписывать, прибирать т. е. начать ихъ отдѣлывать.

Подтвержденіе своему предположенію вижу еще въ разсказѣ о томъ, что, когда за стихи на смерть Пушкина постигла Л-ва кара, бабушка засѣтовала: „И зачѣмъ это я на бѣду свою еще брала Мерзлякова, чтобъ учить Мишу литературѣ. Вотъ до чего она довела его!" Не жалѣя денегъ, — и это выраженіе мы встрѣчаемъ каждый разъ, какъ заходитъ рѣчь объ отношеніяхъ Е. А. Арсеньевой къ внуку, — Мишеля теперь учатъ литературѣ, потому что теперь Мишель въ глазахъ и своихъ собственныхъ, и кузинъ, и тетушекъ, и самой бабушки — поэтъ. Уроки же Мерзлякова относились именно къ пансіонскимъ годамъ. Съ 1828 г. Л-въ сталъ по преимуществу поэтомъ.

А раньше? Не стань Л-въ поэтомъ, онъ былъ бы живописцемъ. Мальчикомъ Мишель еще игралъ на скрипкѣ и на фортепіано; но съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ онъ особенно усердно и упорно, терпѣливо учился рисованію и живописи. То и другое и осталось до конца его жизни вторымъ искусствомъ, которымъ тѣшилась его неутомимая талантливость. Еще въ самый разгаръ свѣтской и разсѣянной жизни, лейбъ-гусарскимъ офицеромъ, онъ продолжалъ брать уроки живописи, теперь у извѣстнаго художника Заболотскаго. И вотъ сначала сейчасъ же послѣ поѣздки на Кавказъ, одинъ за другимъ появляются рисунки черкесовъ, ихъ схватокъ съ казаками, горные пейзажи по памяти. Воспоминанія о Кавказѣ были прежде всего зрительными. Запомнилась и дразнила

живописность, красочность, фигуры, силуэты, бытовыя черты, доспѣхи, кони, очертанія горныхъ хребтовъ. Поэтъ Кавказа сталъ сначала его усерднымъ рисовальщикомъ. Характерна дѣтская картинка приложенная къ рк. „Кавказскаго плѣнника“. Нѣтъ, она на самомъ дѣлѣ вовсе не приложена. Вѣрнѣе сказать, что и „Черкесы“, и „Кавказскій плѣнникъ“ — иллюстраціи къ рисункамъ по памяти. Вѣдь нѣтъ въ нихъ собственно никакого сюжета. Только описанія. Какой есть разсказъ, онъ лишь дальнѣйшее развитіе описанія. И оттого, можетъ быть, въ ранніе годы — двѣ большія кавказскія поэмы, а въ лирикѣ, среди лирическихъ стиховъ — почти ничего. „Черкешенка“ при этомъ тоже зрительна.

Я видѣлъ васъ, холмы и нивы

и дальше:

Но тамъ, гдѣ Терекъ протекаетъ...
Черкешенку я увидалъ...

Напрашивается сопоставленіе съ такими строками изъ „Черкесовъ“:

Въ густомъ лѣсу видна поляна...

или —

И юный лучъ, со тьмой сражаясь,
Вдругъ показался изъ-за горъ...

или —

И видятъ кто-то на конѣ...

или

И видно зарево кругомъ...

Даже единственное дѣйствующее лицо „Черкесовъ“, князя, когда онъ держитъ рѣчь, увѣщевая горцевъ къ набѣгу, снабдилъ юный поэтъ этой зрительной впечатлительностью

„Взгляните: въ крѣпости высокой
Въ цѣпяхъ, въ тюрьмѣ мой братъ сидитъ...

И немного дальше:

„Вчера я спалъ подъ хладной мглой
И вдругъ увидѣлъ будто брата...“

Я не хочу замолчать наличіе и слуховыхъ предвосхищеній въ воображеніи поэта:

Все тихо, и въ глуши лѣсовъ
Не слышно жалобнаго пѣнья
Пустынной иволги.

Даже, утромъ, когда разъяснило,

Повсюду тихое молчанье.

Но вотъ набѣгъ черкесовъ, начался бой, тогда —

Повсюду слышенъ стонъ и вой...
Повсюду слышен пушекъ вой...
И гулъ несется въ небесахъ.

Набѣгъ однако отбитъ, казаки преслѣдуютъ черкесовъ и вновь

Утихло все. Лишь изрѣдка
Услышишь выстрѣлъ за горою.

А послѣдній аккордъ этого по дѣтски изображеннаго чередованія звуковъ:

Лишь только слышно: кто идетъ?
Лишь громко слушай раздается
. . . .
Вездѣ господствуетъ покой.

Даже какъ будто совсѣмъ не справилось воображеніе со слуховыми впечатлѣніями, которые должны были — это. такъ сказать, было логически необходимо — дополнить собою зрительные. Но Л-въ былъ воспріимчивъ къ музыкѣ; сохранились и воспоминанія музыкальныя; отсюда „Грузинская пѣсня“ (Аи I № 39), съ помѣткой: „Слышано мною что то подобное на Кавказѣ“.

Зрительные образы преобладаютъ; они главное; такъ останется до конца.

Для перваго дѣтскаго періода творчества Л-ва любопытно сравнить два стихотворенія, навѣянныя живописью. Первое было послано изъ пансіона въ декабрѣ 1828 г. тетушкѣ М. А. Шанъ-Гирей при письмѣ и озаглавлено „Поэтъ“ (Аи I № 4 и IV стр. 304). Характерна строчка въ этихъ стихахъ:

Таковъ поэтъ: чуть мысль блеснетъ . .

Совсѣмъ другое — болѣе позднее, по моимъ соображеніямъ, изложеннымъ въ предшествующей главѣ, написанное лѣтомъ 1830 г. стихотвореніе, „На картину Рембрандта“ (Аи I № 192; Тлм XX, 36). Тутъ, напротивъ, — черезъ поэзію Байрона старается осознать Л-овъ пріемы творчества Рембрандта:

Ты понималъ, о мрачный геній,
Тотъ грустный, безотчетный сонъ
Порывъ страстей и вдохновеній,
Все то, чѣмъ удивилъ Байронъ.

И когда самъ поэтъ, опять взявшись за кисти, постарается подражать Рембрандту въ изображеніи своего воображаемаго испанскаго предка, Лермы, особенно же на рисункѣ сепіей, хранящемся въ Публичной Библіотекѣ: „Человѣкъ съ фонаремъ“, ему станетъ любезенъ полу-міракъ изъ за этого вотъ привидѣвшагося ему сродства съ байронической мрачностью. Прежде — отъ живописи къ поэзіи, теперь — отъ поэзіи къ живописи. Первыя Кавказскія увлеченія мальчика Л-ва,

ли иначе, первый этапъ ихъ развитія возбудило по преимуществу зрительное воображеніе, но оно нашло свой главный выходъ уже въ поэзіи. Такъ сталъ зачарованный имъ геньяльный мальчикъ поэтомъ. И уже на „Кавказскомъ Плѣнникѣ“ становятся невозможными такія элементарныя наблюденія. Уже начинаетъ овладѣвать именно „безпокойство страстей“, а отсюда раздумье, идейныя и сердечныя ассоціаціи, мы накануне того, что мнѣ хочется назвать вторымъ этапомъ Кавказскихъ увлеченій.

О первой влюбленности на Кавказѣ сохранилась еще одна замѣтка. Она, правда, лишь скользнула по тому эпизоду съ бѣлокурой дѣвочкой, но этимъ она намъ еще интереснѣе. Къ стихотворенію „Геній“ (Аи I № 19; Тлм II, 14) сдѣлана поэтомъ такая приписка: „Напоминаніе о томъ, что было въ Ефремовской деревнѣ въ 1827 году, гдѣ я во второй разъ любилъ 12-ти лѣтъ — и понынѣ люблю“. „Второй разъ“ — намекъ на кавказскій эпизодъ 1825 г. Стихи эти написаны въ 1829 году; уже два года, какъ началась новая влюбленность. Значитъ, когда писались „Черкесы“ и „Кавказскій Плѣнникъ“ затуманенъ былъ образъ бѣлокурой дѣвочки. „Первое безпокойство страстей“ сдѣлало въ душѣ мальчика-поэта свое дѣло и улеглось, вѣрнѣе было вытѣснено другимъ. И вотъ, когда были закончены „Черкесы“ и „Кавказскій Плѣнникъ“, возникаетъ байроническій „Корсаръ“ и, — что важно отмѣтить, — кромѣ двухъ стихотвореній „Черкешенка“ и „Грузинская пѣсня“ — ни строчки о Кавказѣ въ теченіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ до іюня 1830 г. При необычайно быстромъ, даже бурномъ ростѣ Лермонтовскаго генія — срокъ большой. Зато 11-ого іюня 1830 г. родились такія строки:

Между лиловыхъ облаковъ
Однажды вечера свѣтило
За снѣжной цѣпію холмовъ
Краснѣя ярко заходило.
И возлѣ дѣвы молодой
Стоялъ я, блѣдный, чуть живой,
И съ головы ея безцѣнной
Моихъ очей я не сводилъ...
Какъ долго это я мгновенье
Въ туманной памяти хранилъ!
и т. д. (Аи I № 199; Тлм XX 43)

въ тойже Тлм XX непосредственно слѣдуетъ стихотвореніе „Первая любовь“ (Аи I № 200; Тлм XX № 44). Здѣсь поэтъ старается увѣрить себя:

И дѣву чудную любилъ я, какъ любить,
Не могъ еще съ тѣхъ поръ, не стану, можетъ быть!

Почему именно лѣтомъ 1830 года такой значительной представилась первая любовь, къ этому я еще вернусь. Мы увидимъ, что въ душѣ поэта происходилъ одинъ изъ наиболѣе больныхъ надломовъ. Кончалась и та вторая любовь, которая возникла въ 1827 г., какъ мы знаемъ изъ приведенной выше замѣтки-примѣчанія къ раннему стихотворенію „Геній“. Но сейчасъ меня интересуетъ лишь эта „снѣжная цѣпь холмовъ“, за которой заходило солнце. Первой любовью названа вновь таже дѣтская любовь къ бѣлокурой дѣвочкѣ на Кавказѣ на водахъ въ 1825 году, и теперь понятно, почему, правда, въ другой черновой тетради, но почти одновременно 8-ого іюня появиласъ знакомая намъ замѣтка о его способности любить, проснувшейся въ десятилѣтнемъ возрастѣ. Какое-то своеобразно важное значеніе пріобрѣло воспоминаніе о той, такой ранней, самому шестнадцатилѣтнему поэту казавшейся почти невѣроятной любви, и онъ опоэтизировалъ ее. А попутно — опять Кавказъ.

Таковъ второй этапъ кавказскихъ увлеченій, и отсюда новая серія кавказскихъ поэмъ.

Однако будто не сразу дался этотъ возвратъ къ кавказскимъ увлеченіямъ. Будто еще пріучаетъ себя къ нимъ Л-овъ. Стихи о Казказѣ 1830 г.: „Кавказъ“ (Аи I № 104; Тлм V, 4) съ холоднымъ, точно убѣждающимъ, слишкомъ умственнымъ, припѣвомъ: „люблю я Казказъ“, и „Кавказу“ (Аи I № 125; Тлм VI, 28), и „Утро на Кавказѣ“ (Аи I № 126; Тлм VI, 28), даже посвященные Сушковой стихи „Крестъ на скалѣ“ (Аи I № 127; изъ копій Хохрякова) точно совершенно сознательно, головнымъ образомъ, сочинены, чтобы убѣдить себя, автора „Черкесовъ“ и „Кавказскаго Плѣнника“, что не долженъ онъ забывать о своихъ кавказскихъ впечатленіяхъ. Не дается. Годъ пройдетъ, пока сможетъ вновь вдохновиться поэтъ какой-нибудь кавказской темой. А между тѣмъ объ этомъ на самомъ дѣлѣ создалась теорія. Кавказъ ему нуженъ. Въ этомъ убѣждаетъ себя поэтъ. Въ стихотвореніи „Желаніе“ (Аи I № 222; Тлм XI, 2 и Тлм XX. 76), написанномъ 29 іюля 1831 г. въ Середниковѣ подъ Москвой, самъ съ собой теоретизируетъ Л-овъ по поводу своей геніологіи. По семейнымъ традиціямъ родъ Лермонтовыхъ, либо

тъ какого-то испанца, Лерма, портретъ котораго изображалъ ашъ поэтъ, либо, что оказалось правильнымъ и подтверждается теперь документально, отъ „шкотскаго нѣмца“, еорга Лермонта, въ началѣ XVII в. вступившаго на государеву службу „въ шляхтичахъ“. И вотъ устремился душой уда, на ту прежнюю родину; хочется счесть ее ностоящей, огда заболѣлъ онъ байронической отчужденностью; тамъ очудился нѣкій замокъ его предковъ, гдѣ

На древней стѣнѣ ихъ наслѣдственный щитъ
И заржавленный мечъ ихъ виситъ.

Шотландія, воспѣтая Вальтеръ Скотомъ! Но Шотландія вѣдь орная страна, и тогда понятно становится, почему онъ, отомокъ „шкотскихъ“ горцевъ, своей новой родиной избиаетъ горный Кавказъ. Промелькнула выраженная въ этихъ тихахъ мечта:

На западъ, на западъ помчался бы я,
Гдѣ цвѣтутъ моихъ предкомъ поля.

Да,

Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной?

Тогда, залетѣвъ туда въ родной замокъ,

Я сталъ бы летать надъ мечемъ и щитомъ
И смахнулъ бы я пыль съ нихъ крыломъ.

Но бѣглы эти мысли о Шотландіи. Напротивъ сами собою, езъ раздумья написались строки:

Когда я унесу въ чужбину,
Подъ небо южной стороны,
Мою жестокую кручину
Мои обманчивые сны... (Аи I № 207)

„Подъ небо южной стороны“, т. е. на Кавказъ — стремленіе гораздо болѣе устойчивое. И въ этой поэмѣ своего оэтическаго самосознанія „1831 г., іюня 11 дня“ только Кавказѣ говорится въ стихахъ, гдѣ онъ противополагаетъ тепи горамъ, потому что слишкомъ свободно носится вѣтеръ о степи, а „жизнь скучна, когда боренья нѣтъ“. Зато, ъ горахъ —

Кто близъ небесъ, тотъ не сраженъ земнымъ.
(Аи I № 217, строфы 18—22)

Въ такомъ-то настроеніи въ той самой тетради (Тлм IV), которая послужила годъ тому назадъ при сочиненіи 2-ого очерка „Демона“ черезъ годъ вновь пробуетъ поэтъ вернуть вои помыслы именно къ Кавказу, сначала въ тоже все еще е дaвшихся и тоже блѣдныхъ стихахъ:

Люблю я цѣпи синихъ горъ,
(Аи I № 87; Тлм XX 37)

и наконецъ въ чемъ-то вродѣ стихотворенія въ прозѣ:

„Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы взлелѣяли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками меня одѣвали; вы къ небу меня пріучили, и я съ той поры все мечтаю о васъ да о небѣ. Престолы природы, съ которыхъ какъ дымъ улетаютъ громовыя тучи! . . . и т. д.“

Но опять, когда отъ прозы, поэтъ перешелъ на стихи — неудача, и заканчивающіе прозу стихи въ Тлм XV зачеркнуты. (Аи I № 97; Тлм IV, 48—49).

Однако стоило начать созрѣвать въ сумракѣ души трагическимъ образамъ мстителей, какъ въ поэмѣ „Атаманъ“ (Аи I № 228; Тлм XI, 7), и тогда само собою, непринужденно и неудержимо встаютъ одинъ за другимъ образы этихъ мрачныхъ мстителей въ обличьи кавказскихъ горцевъ: „Каллы“, Селимъ изъ „Аула Бастунджи“, Измаилъ Бей и наконецъ самый удавшійся по сжатости и силѣ Хаджи Абрекъ. Вернули къ скаламъ Кавказа сумрачные образы. Тогда больше не природа, не внѣшность, не пейзажи и вообще не живописность оказались на первомъ планѣ, а именно горцы, которымъ свойственно живое и даже обязательное чувство мести. Тѣ таинственные, не мирные черкесы, что раньше лишь маячали на своихъ скакунахъ за линіей передоваго охраненія, они совсѣмъ сроднились съ душой поэта, и черезъ нихъ, какъ дополненіе къ ихъ нравамъ и дикимъ страстямъ возникали описанія ихъ тоже дикой, заманившей своей живописностью страны. Открылся тогда Кавказъ Л-ву; на самомъ дѣлѣ онъ сталъ его пѣвцомъ. Годъ за годомъ и поэма за поэмой, въ теченіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ, не можетъ Л-овъ исчерпать темы о мстителяхъ, и не покидаетъ Казказа его воображеніе. Теперь окончательно сроднился. И обогатились откуда-то знанія о кавказскихъ горцахъ и самой природѣ, настолько что, когда еще черезъ четыре года Л-въ во-очію узнаетъ Кавказъ, ни одной строки не замѣнитъ онъ другою въ своихъ поэмахъ, хотя возвращаться къ прежнимъ темамъ — одна изъ его основныхъ особенностей. Кто, читая „Мцири“ замѣтилъ, что авторъ его послѣ „Хаджи Абрека“ провелъ на Кавказѣ долгое время, извѣдавъ личнымъ опытомъ его ущелья, лѣса и дебри?

Окончился однако и этотъ второй зрѣлый и отсюда гораздо болѣе яркій, чѣмъ первый, этапъ увлеченій Кавказомъ;

овый, тотъ, что я назову третьимъ этапомъ въ поэтизаціи Кавказа, начался опять послѣ нѣкотораго промежутка времени.

Перерывъ займетъ цѣлыхъ четыре года. „Хаджи Абека“ Л-въ писалъ уже юнкеромъ, и въ августѣ 1835 года поэма появилась въ „Библіотекѣ для Чтенія“, вызвавъ при этомъ весьма одобрительный отзывъ самой бабушки, Е. А. Арсеньевой. Отъ 1833 до 1837 года Л-въ совсѣмъ отвлекся отъ Кавказа. Но разразилась надъ головой поэта гроза за стихи на смерть Пушкина, и отсюда переводъ въ Нижегородскіе драгуны; тогда, дѣйствительно, уже на самомъ дѣлѣ могъ онъ сказать „Синіе горы Кавказа привѣтствую васъ!“ Л-въ провелъ на Кавказѣ на этотъ разъ повидимому мѣсяцевъ восемь, отъ апрѣля до декабря, и привезъ съ собою пятую версію „Демона“, въ которой дѣйствіе перенесено на Кавказъ. Таковъ третій этапъ кавказскихъ вдохновеній. Онъ окончательный. Сюда войдутъ, кромѣ „Демона“ „Герой нашего времени“, „Мцири“, „Споръ“ и „Валерикъ“, „Тамара“, и „Дары Терека“. Но все это заставило бы насъ уже отойти очень далеко отъ тѣхъ текстовъ, какими покамѣстъ заняты эти замѣтки. Сразу будетъ однако умѣстно сказать, что на Кавказѣ, уже переставъ мечтать о немъ издали, освоившись съ нимъ и приглядѣвшись пристально къ своеобразнымъ особенностямъ этого богатаго и сказочно прекраснаго края, Л-въ, какъ еще въ самый первый періодъ, совсѣмъ мальчикомъ, сталъ глядѣть на Кавказъ глазами русскаго, теперь русскаго офицера, служившаго на самой боевой линіи, между не замиренными горцами и частями Кавказа занятыми русской властью. Отсюда теперь онъ почувствовалъ какъ живо, черезъ Кавказскія отношенія близость Россіи и востока и не даромъ, когда онъ станетъ тятотиться своимъ офицерствомъ, его, какъ Печорина, потянетъ въ Персію, чтобы проникнуть въ смыслъ и суть того самаго соннаго востока, какой ему представилось, не вызываетъ больше никакого притязательнаго чувства въ гордомъ Казбекѣ. Но рѣчь объ этомъ болѣе подробно впереди, когда можно будетъ постараться подвести итоги его міросозерцанія.

Покамѣстъ — и въ заключеніе — вернемся опять къ его раннимъ черновымъ тетрадямъ.

Тлм IV, одна изъ дошедшихъ до насъ его черновыхъ тетрадей за время студенчества въ Московскомъ Университетѣ,

содержитъ въ себѣ замѣтку: „Memor. Поэма на Кавказѣ Герой — пророкъ“ (Аи IV стр. 355). Вписаны эти слова по моимъ соображеніямъ вскорѣ, послѣ того, какъ поэтъ вновь зимою 1831—32 года взялъ въ руки эту тетрадку, куда годъ тому назадъ вписалъ 2-ую версію „Демона“. Можетъ быть и перечиталъ ее. Приведенныя слова вписаны на 14-омъ мѣстѣ, непосредственно послѣ подробнаго расказа сюжета неосуществленной поэмы „Мстиславъ“. За ними слѣдуютъ разные стихи, между прочимъ и свѣтскіе мадригалы, предназначавшіеся для костюмированнаго бала (Аи I №№ 17—36) и затѣмъ сейчасъ же стихи: „Люблю я цѣпи синихъ горъ“ (Аи I № 87), т. е. возвратъ къ мечтамъ о Кавказѣ. А тутъ же, чередуясь, другія отмѣтки прозой, вѣрнѣе всего связанныя съ темой о героѣ-пророкѣ на Кавказѣ. Вотъ они; 1-ая на 13-омъ мѣстѣ Тлм IV:

Программа. Его исторія (Что про него сказалъ одинъ). Его любовь къ отцу. Пріѣздъ Архіерея. Что про него сказалъ Архіерей. Исторія одного монаха. Весна. Любовь къ неизвѣстной. Зеркало. Колокольчикъ. Родители. Несправедливости (Пьянство) Постриженіе. (Послѣдняя игра). Убійство: одинъ хотѣлъ быть игуменомъ и для того убилъ другова и посадилъ его такъ, будто онъ самъ себя убилъ. (Родители пріѣзжаютъ). Послѣдняя любовь. Разочарованіе. Болѣзнь.

2-ая замѣтка гораздо дальше (Тлм IV 44):

Монахъ впослѣдствіи сидитъ у окна. Подходитъ старый нищій и дѣвушка, онъ узнаетъ отца и сестру, хочетъ бросится, но останавливается и закрываетъ окно въ отчаяніи. Онъ укралъ денегъ и на другой день ищетъ ихъ, но никого не находитъ. Потомъ не зная, что съ ними дѣлать, зоветъ товарища-слугу въ кабакъ и пропиваетъ ихъ; такъ узнали, что онъ укралъ, и онъ посаженъ въ тюрьму.

3-ья замѣтка (Тлм VI 55):

Онъ угрожаетъ ей гибелью отца, и она обѣщается завтра прислать къ нему свою рабу. Она заражается чумой. Онъ приходитъ, проводитъ ночь и умираетъ въ ея объятьяхъ въ саду.

Все это нескладно. Мысль бродитъ. Сюжетъ не только не законченъ, но словно нѣсколько сюжетовъ борятся другъ съ другомъ. Вторая замѣтка и оказалась сразу отброшенной: она зачеркнута. Но не сюда ли относятся лаконическія слова: „Поэма на Кавказѣ. Герой-пророкъ“? Прибавлю еще къ этому, немного забѣгая впередъ: рядомъ стихи „Люблю я цѣпи синихъ горъ“ и дальше стихотвореніе въ прозѣ съ зачеркнутыми стихами, „Синія горы Кавказа и т. д.“ (Аи I №№ 97—98 Тлм IV, 49); не надо также забывать, что въ этой же Тлм IV 2-ая версія „Демона“ (еще съ сюжетомъ въ Испаніи).

Въ Тлм X, находится черновикъ 3-ьей версiи „Демона“ ачинающейся словами: „По голубому небу пролеталъ“ и заончивающейся этой замѣткой: „я хотѣлъ описать эту поэму ъ стихахъ, но нѣтъ — въ прозѣ лучше“. Очевидно все еще е былъ доволенъ поэмой о Демонѣ Л-въ. Отвергнута ыла первая версiя совсѣмъ дѣтская 1829-ого года. Отвергнута 2-ая, та, что въ Тлм IV, заново написана въ Благородомъ пансiонѣ въ Москвѣ въ началѣ 1830. Въ третiй разъ ъ Тлм X, за эту тему Л-въ берется 16-ти лѣтъ, лѣтомъ ередъ поступленiемъ въ Университетъ, и какъ мы сейчасъ идѣли опять неудачно. Не доволенъ. При такихъ-то обстояельствахъ въ тойже Тлм X есть еще такая замѣтка: „(1831 г.) Іаписать записки молодого монаха 17 лѣтъ. Съ дѣтства онъ ъ монастырѣ; кромѣ священныхъ книгъ не читалъ. Стратная душа томится. Идеалы“. (Аи IV стр. 356) Въ Аи. (l. c.) ысказано предположенiе, что эти строки первый набросокъ южета „Мцири“. Мнѣ и представляется, что сюжетъ о монахѣ азсказанный въ Тлм IV и тамъ же замѣтка: „Поэма на Кавказѣ. Герой-пророкъ“ слѣдуюшая, позднѣе отвергнутая ерсiя все тойже поэмы „Мцири“. Значитъ, еще въ 1831 зимою 1831—32 гг. въ душѣ поэта одновременно переплеаются эти три темы: все возвращается онъ къ начатому еще овсѣмъ мальчикомъ Демону, но каждый разъ остается неоволенъ своими попытками написать ее въ окончательномъ идѣ, а одновременно воображенiе уноситъ на Кавказъ, тамъ назначено мѣсто дѣйствiя совсѣмъ новой, въ 1831 г. ѣтомъ намѣченной поэмы о юномъ монахѣ. Черезъ много ѣтъ въ 1839 г. эта поэма будетъ написана и получитъ заıавiе сначала Бэри, потомъ Мцири.

Такимъ образомъ черезъ „Мцири“ третiй этапъ кавазскихъ вдохновенiй связанъ со вторымъ. Связь эта психоогическая. Изслѣдованiе слѣдующей главы покажетъ, какiя олненiя души и сердечныя страданiя ее опредѣляютъ.

Между тѣмъ уже лейбъ-гусаромъ, юнкеромъ или молоымъ корнетомъ, Л-въ еще разъ принялся за „Демона“. твергнувъ вовсе короткую третью версiю, онъ вернулся къ редыдущей, къ версiи 1830-ого года и совершенствовалъ ее, редавая ей все болѣе глубокiй смыслъ. Героиня его при омъ осталась испанской монахиней. Только, вернувшись ъ Петербургъ послѣ восьмимесячнаго пребыванiя на Кавказѣ,

Л-въ привезъ съ собою пятую все еще не окончательную, но уже кавказскую версію. Копія, принадлежавшая В. А. Бахметевой, урожденной Лапухиной, хранящаяся теперь въ Публичной Библіотекѣ, съ собственноручно приписаннымъ въ концѣ ея посвященіемъ: „Прими мой даръ, моя Мадонна", носитъ рукою самаго поэта начертанную дату: 1838 г. Сентября 8 дня. На Кавказѣ переработанъ въ пятый разъ „Демонъ". Не воспоминанія, живое впечатленіе произведенное Кавказомъ, который онъ теперь увидѣлъ въ зрѣломъ возрастѣ, дали поэту то, чего нехватало первымъ версіямъ его главной и величайшей по своему замыслу поэмы — фабулу. Кавказъ ее наконецъ навѣялъ. Третій этапъ опоэтизированія Кавказа и долженъ быть начатъ съ другого, отвлеченнаго посвященія „Демона" самому Кавказу. Это посвященіе дошло до насъ въ двухъ версіяхъ, при чемъ общее обѣимъ имъ одно только первое четверостишіе:

Тебѣ Кавказъ, суровый царь земли
Я снова посвящаю стихъ небрежный;
Какъ сына ты его благослови
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной.

Одна версія (Аи II стр. 414) сохранилась въ копіи Краевскаго и находится въ Лерм. Муз. (II—1, № 6). Она написана, какъ это ясно видно изъ содержанія уже по возвращеніи въ Петербургъ:

На сѣверъ, въ странѣ тебѣ чужой
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой.

Оттого и заканчивается она привѣтомъ, посылаемымъ издалека:

И нынѣ здѣсь въ полуночномъ краю,
Все о тебѣ мечтаю и пою.

Другая версія (Аи II стр. 512), находящаяся въ копіи Бартенева, не закончена. Она, очевидно, лишь набросана и въ такое время, когда объ возвращеніи на сѣверъ не могло быть и рѣчи. Зато тутъ именно содержится прямой намекъ на „съ земли на небо" уносящія поэтическія „видѣнія" Демона

А вдалекѣ, какъ вѣчныя ступени
Съ земли на небо, въ край моихъ видѣній
Зубчатою тянулись полосой,
Таинственнѣй, синѣй одна другой,
Все горы, чуть примѣтные для глаза,
Сыны и братья вѣчнаго Кавказа.
(Аи II стр. 512)

Тутъ въ этихъ строкахъ какъ бы заключительные аккорды тѣхъ зрительныхъ впечатлѣній отъ Кавказа, какія

елѣяло поэтическое дѣтство Л-ва. Когда онъ увидѣлъ воочію ѣпи горъ, онъ, дѣйствительно, могъ повторить: „Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ“! Полюбилъ, и запечатлѣлись ъ воображеніи „цѣпи синихъ горъ“, а теперь, что увидѣлъ хъ вновь въ зрѣломъ возрастѣ, они оказались лишь еще —

Таинственнѣй, синѣй одна другой...

Оттого въ обѣихъ версіяхъ посвященія Кавказу своей великой оэмы возвращается поэтъ мыслью къ годамъ дѣтства. И заушевнѣе, правдивѣе и теплѣе эти строки первой версіи:

Еще ребенкомъ, чуждый и любви,
И думъ честолюбивыхъ, я безпечно
Бродилъ въ твоихъ ущельяхъ. Грозный, вѣчный
Угрюмый великанъ! меня носилъ
Ты бережно, какъ пестунъ, юныхъ силъ
Хранитель вѣчный...

Вторая версія риторичнѣе и болѣе разсудочна:

Еще ребенкомъ, робкими шагами
Взбирался я на гордыя скалы
Увитыя туманными чалмами,
Какъ головы поклонниковъ Аллы.

Перенесеніе мѣста дѣйствія „Демона“ на Кавказъ — завершеніе долгого и сложнаго процесса въ лермонтовской поэзіи, отъ первыхъ еще дѣтскихъ интуицій до глубокихъ прозраній рѣлаго генія.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Евгеній Аничковъ.

Kubínovy pohádky.

(Dokončení.)

F. Kocourková. Č. 79. Složeno z čísel 15 a 23 u Němcové.

Němcová 15. Tři siláci: kovář s centovou holí, mlynář a truhlář v hospodě. Tři zmizelé princezny, odměna tomu, kdo je najde. Jeskyně v lese; připravené jídlo; zlý trpaslík, jenž se mění v babu. Kovář se spustí pod zem. Baba ho pošle do zámku s dvěma princeznami (sama je ta třetí). Princezny vytaženy nahoru, kovář nechán zrádnými soudruhy dole. Vynesen drakem. V hospodě zpráva o osamělé princezně. Kovář v ní pozná tu třetí princeznu. Svatba, pak usvědčení zrádců, kteří si chtěli vzít druhé dvě princezny.

Němcová 23: Král dvěma synům staví každému zámek se zlatou střechou. První střecha v noci zmizí. Druhá také, ale jeden princ poraní zloděje. Jde po stopě a spustí se pod zem. Od holubiček zpráva o dvou zámcích, zlatém a diamantovém, jež stavěl obr. Zámky se točí, na heslo stanou. Princ v nich najde dvě princezny. Od nich se doví, že ranil obra, který se léčí na břehu červeného moře. V jedné kapse má vodu sílicí, v druhé oslabující. Zaměnit láhve. Princ jde k moři, zabije spícího obra. Pak princezny naučí prince, jak vkouzlit zámky slovy: „Hop zámku do jablka,“ do dvou jablek. Princezny vytaženy nahoru. Princ má čekat na dva beránky, chytit bílého. Chytí omylem černého, je donesen do pekla. Lucifer ho chce mučit, jeho černá dcera si ho vyžádá za muže. V zahradě zakázaný strom. Princ se doví od dívky, že jablkem na vršku stromu lze se octnout tam, kde si člověk přeje být. Princ se octne doma, svatby, z jablek vykouzleny zámky. Čert přijde, ukradne jedno jablko, odnese v něm jeden zámek. Princ jde k „matce Slunci“, doví se, že zámek visí na řetězu nad červeným mořem, je poslán do chalupy na břehu k babě. Dostane kočku, kterou má pustit, až v zámku otevřou okno a budou spouštět vědro. Kočka se změní v ptáka, jenž letí pro jablko, ale nechce ho pak vydat, změní se opět v kočku, princ kočku

rozetne a tím ji změní v prince, babu v jeho choť, chalupu v palác. Princ se vrátí se zámkem v jablku domů. Křtiny dvou princů.

Kocourková: (23) Král staví dvěma synům zlatý a diamantový zámek. Oba zámky se ztratí, a s nimi princezna (15). Král slibuje odměnu tomu, kdo je najde. Kovář, švec a krejčí v hospodě. Pak přijdou do baráčku, kde připraveno jídlo. O zlém trpaslíkovi dopodrobna shodně s Němcovou, až na to, že se nakonec nemění v babu. Kovář se spustí pod zem (23). Trpaslík mu řekne, že ty zámky hlídá obr, jenž má v jedné kapse vodu oslabující a v druhé posilující. Ty láhve musí mu vyměnit. Kovář obra zabije. Zmínka o kovářově centové holi (z č. 15), o které dříve nebylo řeči. Vypravěčka vynechala návštěvu v zámkách a dvě princezny. Zapomněla, že obr leží u moře. Ale pamatovala si, že rek je poslán k moři. A tu přeskočila všechen děj a nechává trpaslíka poslat kováře k moři přímo do oné chaloupky k babě, ke které u Němcové posílá prince Slunce. Slunce praví, aby princ vešel k babě: „ona ti ostatní poví.“ Trpaslík u Kocourkové: „A vona ti vostateg dopoví.“ Vypravěčka si neumí situaci jasně představit. Představuje si zámek, visící na řetěze nad mořem, jako nějaký visací zámek ode dveří: „V tom jsou dva ořechy, a ty zámky oba v nich jsou zaklety. Jen řekneš hop, zámku, z ořechu, a budou tví. A je tam takový pták, a on má na ocase klíček od těch ořechů. Visí mu u ocásku.“ Pak líčí dál, jak nechají číhat kocoura, který toho ptáka chytí, ta baba pak kováře udělá čím chtěl, „když mouchou tak mouchou, inu, čím chtěl“, kovář doletí k tomu zámku, visícímu na řetězu, otevře jej tím klíčkem a vezme ty ořechy. Vyvolá si na zkoušku jeden zámek, pak jej zas vrátí do ořechu, letí k babě. Baba mu přikáže, aby jí sťal hlavu a změní se v pannu. Žádá, aby ji kovář dal vytáhnout nahoru, ale varuje ho před zradou kamarádů (to je vložka z č. 15.). Káže mu ze dvou beránků chytit bílého. Kovář chytí černého, octne se v pekle. Vypravěčka se tedy po vytažení princezny na povrch vrací k dřívějšímu ději č. 23. Dívka s černou pečetí na čele ho vede do zahrady, kde však nesmí na ovoce sáhnout. Kovář sní tajně padavče „najednou dostal jiný rozum“. Dojdou k schodům, kovář se po nich pustí nahoru, děvče za ním. Čerti je pronásledují, schody se za nimi sypou, čerti je staví. Lucifer křičí, že mu kovář krade nevěstu, kovář mu hodí

děvče zpět. Východ z podzemí po schodech bývá v některých variantech látky o princeznách v podzemí, tak že může být tato jediná vážná odchylka ze vzpomínky na takový variant. Závěr jednak z č. 15. zrádní soudruzi, kteří před kovářem utečou, jednak postavení obou zámků z č. 23. a svatba kováře s princeznou z č. 15.

Č. 83. je vyprávěno podle Němcové č. 5: Jak Jaromil k štěstí přišel. Počátek o pasákovi „Janečkovi“, kterého ptáček zavede pod zem, shodně. U Němcové pod zemí zahrada, zámek, Narcisa, Lilie, Jacinta, pídimužíci, návštěva v paláci u krále, prohlídka říše pídimužíků, kde se dobývají poklady, pak zelená louka, potok vil, — Jaromil dostane perlorodku — palác ohně, kde dostane lahvičku s jiskrou, nato si trhá v zahradě růžové listí (zlato), Narciska mu dá zlatou pecku. Jaromilovi se nechce pryč, ale Narciska otevře skálu. Kocourková vynechala všechny úvahy i návštěvu v paláci u krále. Tři sestry slují Cílinka, Mílinka, Lílinka. Cílinka dá Janečkovi jadérko, Mílinka perlu. Líčení víly v potoce a dívky v ohnivém paláci splynulo vypravěčce v jedno. Popisuje Mílinku pod vlivem obrazů, které kreslí Němcová až v druhé části, při uzdravování princezny. Lílinku činí královnou v říši pídimužíků — místo krále pídimužíků u Němcové — a dodává z vlastního nápadu, že v jejím království je samý smích, protože ti, kdo dostávají peníze, jsou veselí. Od Lílinky má Janeček růži, měnící se v zlato. Pak se mu stýská — to se zdá vypravěčce ovšem přirozenější — a vyjde ven. Němcová má obšírné líčení: byl 10 let pod zemí, nyní hledá rodiče, odejde do města, doví se o nemocné princezně, jde za zahradnického pomocníka do hradu, doví se o proroctví, čím může být uzdravena, nabídne se ji vyléčit. Pak živě vyvolávání dívek z podzemí, procházky, řeči, sny, vyznání lásky a konečně svatba. Kocourková je mnohem stručnější: Janeček jde do „residence“, vydává se za doktora z Indie, léčí dívku, přivolávaje zlatou dívku (Lílinku) a pak Mílinku, které princeznu uzdraví. Vypravěčka je ke konci zřejmě unavena.

Č. 84. je typickým příkladem textu, jenž jistě má předlohu tištěnou, nějaké lidové zpracování povídky z 1001 noci, (patrno to již z jména Vak-Vak), třeba že tisk ten dosud neznáme.

1001 noc. (ed. Weil II. str. 138): Hasan, kupec, je odvežen magem na poušť, k oblačnému vrchu, dostane se do zámku duchů na tomto vrchu, k sedmi dcerám krále duchů. Zakáza-

ými dveřmi přijde k rybníku, na který přilétá deset ptáků-dívek se koupat. Jedné z nich vezme šat, odvede si ji domů, přestěhuje se s ní i s matkou z Balsory do Bagdadu, mají dva syny. Jde navštívit zámek na oblačném vrchu, zakáže však matce, vydat ženě ptačí šat. Snacha vyláká na ní šat lstí, odlétne s dětmi a vzkáže muži, aby ji hledal na ostrovech Vak-Vak.

U Kocourkové Matoušek, kupců syn, jde po vyučení do světa, vyhýbá se městům, chodí po horách a dolech, usne u rybníka, spatří sedm kachen—dívek, vezme jedné odložený šat, chce ji vést k matce. Kačenka prosí, aby s ní letěl do oblakového zámku, kde vládne jim nejstarší sestra (toto v 1001 noci až ke konci). Matoušek svolí, v modrém oblačném zámku jde Kačenka prosit sestru, ale sestra nedovolí, aby tam Matoušek zůstal. Matoušek zavede dívku k matce, mají dva syny; jednou odjede, zapoví matce vydat snaše kožíšek. Snacha ji uprosí, pak tvrdí, že musí s dětmi za Matouškem, a kdyby prý se minuli, aby ji hledal na ostrovech Vak-Vak. 1001 noc: Hasan jde k dcerám krále duchů, jejich strýc ho odveze k jeskyni, kde je kůň, na koni do jeskyně učenců. Duch Daneš ho odveze do kafrové země, tam vyčká loď z Vak-Vackých ostrovů, přes území ptáků, šelem, duchů jedou k vrchu, na kterém rostou stromy s lidskými hlavami a velebí boha při východu slunce slovy „vak-vak"! Pak řeka, dělící zem na říši mužů a říši žen, Hasan pozná ženu v koupeli, sultanka, když se doví, že její nejmladší sestra je Hasanovou ženou, pomluví ji u otce, zavře ji a dá ji bít. Kocourková: Matoušek se ptá u moře na Vak-vacké ostrovy, rybář mu řekne, že jsou za Indií, na konci světa, loď, po které Matoušek pluje, ztroskotá, je vyvržen na ostrov, kde tvor ne člověk, ne zvíře, ho varuje před další cestou. (Snad ozvěna ze Sindbadových cest 1001 noci). Pak ho pošle k čaroději, který mu dá mast na rány, poví mu, že jeho žena je s dětmi u těch Vaků vězněna a mučena. Dá mu paličku, přivolávající vojsko a neviditelnou čepičku. Matoušek neviděn pluje na přeplněné lodi k těm Vakům.

1001 noc: Hasan potká za městem hochy, peroucí se o žezlo, poroučející duchům, a neviditelnou čepičku, zmocní se těch věcí lstí, dostane se k zavřené a mučené ženě, unese ji s dětmi, pomocí žezla porazí nepřátelské vojsko, jede kafrovou zemí do jeskyně učenců, kde odevzdá žezlo a čepičku, přes oblačný vrch dojede do Bagdadu za rok, místo za sedm let.

Kocourková: Matoušek se doví od rybáře o paní zavřené a bité ve věži, dostane se k ní pomocí čepičky, unese ji i s dětmi, zvítězí paličkou nad nepřáteli, v zelené mlze se octne náhle doma před krámem.

Č. 87., hlídání lakomcova hrobu hochem a vojákem, variant, otištěný již v Květech 1844 č. 96. s. 383.

Č. 91. Hastrman-tatrman. Vypravěčka počíná napřed o hastrmanech vůbec, že jich dříve bývalo víc. Pak navazuje, že „támhle" u Dílec je sice jen močál, ale vystupují z něho bublinky, jak hastrman dýchá pod vodpu. Pak že prý v neděli tam míval krámek s pentličkami u vody a lákal děvčata jako kramář na jarmarce. Jednou prý Fanka Zajíčková se zastavila u něho, ale nic se jí nelíbilo, byla už taková; hastrman ji lákal dál, k tůni, že tam má lepší věci, až ji stáhl do vody. Pak pokračuje Kocourková o starém Škaloudovi. Vypravování se zdá být tak upřímné a přirozené, že by stěží komu napadlo myslit na tištěnou předlohu. A přece celé další vypravování o tom Škaloudovi „myslím z Jinolice", není než kopie tištěné povídky u Hraše, Zkazky z našich vod a lesů. Praha, Bačkovský 1896 č. 1. Aby nebylo pochyby o tom, že tu vypravěčka úmyslně klame a zaměňuje jen jména a místo, otiskuji obě povídky vedle sebe. Taková shoda v podrobnostech a v jejich postupném vázání není prostě možna než tím, že Kocourková povídala podle Hraše. Připomínám k tomu, že Hraše byl po léta okresním školním inspektorem v Podkrkonoší a šířil sám své knížky mezi lidmi po vsích.

Františka Kocourková:

...šel vodněkud starej Škaloud myslim z Jinolice, takovej rostahuba, dej mu pámbu lechký votpočinutí, ten žádnýho nemoch nechat na pokoji. Tak taky de, a už s pozdálečí na něj volal: „*Jářku hastrmánku, co pak skážeš našemu tatrmánku?*" To tam byl u ních takovej, nebesák, a von tam přebejval. „I jen mu *vyřiť, že ho pozdravuju, a aby mně přišel brzy nauštivit.*" — „No prej *dobře, vyřidim.*"

Hraše:

Strýc Turek z Babí nad Náchodem ubíral se jednou pozdě v noci z Kostelce, kde se byl trochu déle pozdržel, domů na Bábí. Když přišel k rybníku Čermáku, který se nad Kostelcem při levé straně silnice, k Náchodu vedoucí, rozkládá, a o němž známo, že vodník v něm odedávna již se zdržuje, zavolal naň, co hrdla měl: „*Jářku, hastrmane, co pak vzkážeš našemu* hastrmánkovi na Babí?" — „*Vyřiď mu, že ho pozdravuji, aby mne zase brzy navštívil,*" odpověděl vodník z Čermáku. „*Dobře*, dobře, zdráv vzkazoval, *vyřídíme,*" odpověděl Turek a kráčel po silnici

Ale gde pak, nevyřidil nic, to ďál jen s takovího undrholtu, ale ten hastrmánek si to dobře pamatoval.

Asi za rok, dyš tamtady Škaloud zasej šel, najednou šplouchlo něco ftůni, jako dyž se husa převalí, a hastrman tu. A než se milej Škaloud nadál, hop, už mu seděl na zádech a teďka ho mlel, a jen se řáholil: „Tu máš prej, já ti dám, to máž za to, jak umíš pjekně pozdraveni vyřizovat.“ A drbal ho jako zjednanej. Škaloud se vstekal, vohejbal, ale gde pak, kluka ze zad dostat nemoch a nemoch. Aš tam poty zvích hrstku písku a šoust mu ho do ksichtu, zrouna do voči. Teprva ho pustil. No ale podrbal ho sakramencky! Už víckrát se nenabízel jejich tatrmánka pozdravovat.

k Horní Radechovi dále a na milého vodníka vícekráte ani nevzpomněl. Ale vodník si to dobře zapamatoval a slíbil, že to milému Turkovi neodpustí. A také neodpustil.

Asi za rok šel totiž Turek zase jednou do Kostelce, a když přišel na hráz Čermáku, tu najednou zašplouchlo cosi ve vodě, a než se milý Turek nadál, vyskočil na hráz vodník, a hop! už visel ubohému Turkovi na zádech a jak ho mlel, tak ho mlel. „Tu máš,‘ chechtal se a tloukl Turka pěstí kam a jak jen mohl, „tu máš za to, že umíš pozdravení tak dobře vyřizovat,“ Turek se bránil co jen mohl, ale bránil se dlouho marně. Konečně shodil se sebe hastrmana a sehnuv se, nabral do hrsti písku a hodil mu ho do očí. A tím si pomohl. Vodníkovi bylo si písek z očí vytírati, a Turek zatím utíkal ke Kostelci, seč mu nohy a plíce stačily.

Č. 96, soud o vařená vejce, pravděpodobně z Erbenových bájí (vyd. u Otty č. 67). U obou car David a Šalomoun, u Kocourkové slují muži Staněk — Vaněk. (Srv. zde č. 64.)

Č. 100, hloupý Honza, podle Malého č. 17. S počátku zcela shodně. Kocourková vypravuje odborněji, jak Honza špatně stloukl máslo a šel na trh. Pak pes-pán s kordem—honba za psem, vyhrabaný poklad, stěhování do města. Druhá část trochu zmatena. Malý užil látky Unibos: rada nutí Honzu přiznat, odkud má peníze; když nechce říci, postaví ho v pytli na hráz rybníka, nepřizná-li se po dvou hodinách, bude utopen. Scéna se slouhou, jenž chce být primátorem, vleze do pytle a je utopen, pak Honza se stádem, prý stádo z rybníka, rada naskáče do vody, Honza purkmistrem. Kocourková praví, že si Honza koupil ovce, pak byl tázán radou, odkud je má, řekl, že z rybníka, tím radu urazil, postaven v pytli na hráz, že ho večer budou plavit. Pak scéna s voláním, že nechce být purkmistrem, jiný vleze za něho, když volá, je utopen, druhý den Honza žene kolem rybníka, páni loví pytel, Honza křičí, že páni topí lidi, páni před vzbouřeným lidem utekou, Honza zvolen. Je to zřetelně jen zkomolenina z Malého.

Bratří Hortíkové: Č. 124. „Duhoň z Lesohradu“ je vypravováno, podle jejich vlastního svědectví, z tisku. Č. 114, látka o princeznách v podzemí, je v první části věrnou reprodukcí tisku: „Zlatý prsten“, jenž vyšel u Spurného v Praze 1851 a j. Král slove místo „Vamba“ „Bamba“, dcery správně Antonie a Anna, odchylky bezvýznamné (prsten od baby, jeden drak). Druhá část, jak zrazený tambor vyjde z podzemí, shoduje se s pohádkami u Kubína 32, Přikryla 82, Němcové 15, Popelky 1888, 4. Tambora vynese pták, kterému zachránil mladé od černokněžníka, tambor ho cestou krmí volským masem (na konec kusem vlastního stehna). Vypravěč nazývá ptáka „Noe“. Je to zřejmě zkomoleno ze slova „noh“, které ukazuje k tištěné předloze.

Švec Brixí: Č. 138. Zlatovláska z Erbenovy sbírky, ale podivně zkomolená.

U Erbena následují motivy za sebou takto: Baba s hadem, kuchař Jiřík má péci, ale neochutnat, ochutná, rozumí řeči zvířat; vyjížďka s králem, podezření, nalévání vína, vlaštovky se zlatým vlasem. Jiřík poslán pro Zlatovlásku, pomáhá mravencům, krkavcům, rybě, za Zlatovlásku sbírá perly v trávě (mravenci), hledá prsten v moři (ryba), přináší živou a mrtvou vodu (krkavci). Vzkříšení mrtvé mouchy, výběr Zlatovlásky z dvanácti dívek pomocí mouchy, návrat se Zlatovláskou. Poprava Jiříka, oživen a zkrásněn vodami, král se dá stít, zůstane mrtev.

Brixí si spletl pořad motivů: Král má 12 dcer, jedna je zlatovláska. Kuchař Jiřík na procházce pomáhá rybě, krkavcům, mravencům. Pak teprv baba s hadem, pečení, okoušení, projížďka a podezření, nalévání vína, zlatý vlas. Brixí praví, že jen kdo první okusí hada, rozumí zvířatům a tím si určitěji motivuje královo podezření. Že místo vlaštovek nesou vlas mouchy, je záměna nahodilá. Král pak ukládá Jiříkovi sebrat korále, najít prsten, přinést živou a mrtvou vodu. Tu si vypravěč vzpomněl, že Jiřík má jít na výpravu, a přechází do Erbenovy pohádky o třech zlatých vlasech. Jiřík jde pro ty vody, a sice k Dědu-Vševědovi. Převeze ho převozník, ale vypravěč neví dál a pomáhá si látkou Veritas—Falsitas, která má některé shodné motivy s látkou o třech vlasech. Jiřík vleze do duté vrby, na vrbu přilétnou tři čarodějnice; jednu vyhnaly od královského dvora, za to princezna ve dvaceti letech zemře.

Druhou vyhnala jedna královna, za to jí baba vrazila hřeb do hlavy (postele) a královna chřadne. Třetí nedali v jednom městě napít, posadila jim na pramen žábu. Jiřík pak spatří krkavce, kteří ho pošlou do chalupy Děda Vševěda. Baba ho schová pod necky, děd přijde, čichá člověčinu, zapisuje do knihy tajnosti světa (srv. zde č. 23), po večeři se uklidní a dá babě pro nocleháře mrtvou a živou vodu. Jiřík se pak vrací, radí převozníkovi, pomáhá městům, podle Erbenových tří zlatých vlasů. Po návratu přechod do Zlatovlásky: sluha (ne Jiřík) na zkoušku rozsekán a oživen, je krásnější. Jiřík pak oživí mouchu, král se dá rozsekat a oživne omlazen (!), dá Jiříkovi Zlatovlásku, když ji najde z dvanácti sester pomocí mouchy.

J. Š l a m b o r : Č. 175, o třech princích, kteří jdou otci pro ptáka-zpěváka, vyprávěno podle H r a š e, Povídky našeho lidu, III. 2. s. 313. Kubín praví na str. IX, že rekovo jméno „Miloš" slyšel vypravěč snad od letních hostí v Nové Vsi, ale je to jméno z Hrašova textu. Šlambor se drží tisku věrně, jen místy předbíhá: synové jsou dva nehodní, třetí hodný. Ten jede na koni (u Hraše až zpět), zajíc skáče koni pod nohy a tím dojíždějí rychle (u Hraše až na zpáteční cestě). Král ptáka a král koně (Šlambor oba nazývá „Kolos") ukazují princi u Hraše ptáka i koně, teprv princezna mu není třetím králem ukázána: Šlambor nechává zatajovat i ptáka i koně. Šlambor opakuje celé fráze: nehodný bratr chce krást, „ale kupec nespal". Kůň má u Hraše stáj, „která se ale spíš nějaké komnatě než stáji podobala". U Šlambora má „komnatu jako pokoj, ani žádná maštal to nebyla". Jinak jen odchylky docela bezvýznamné, až v závěru, kde Miloš je hozen do vlčí jámy, stařec mu podá tyč; u Šlambora o vlcích není řeč, Miloš je v jámě rok, tyč mu podá zajíc, Miloš je zarostlý vousem, má huňaté vlasy (není řečeno, kdo ho živil). Tato vložka připomíná text Kulíčkové, č. 21, příbuznou látku o princích, kteří jdou otci pro živou vodu; Honza je zavřen ve věži, stařec, který mu radil, ho živí, po sedmi letech Honza vyjde, je zarostlý vousem a má vlasy jako pazdeří. Další text u Šlambora poněkud pod vlivem závěrů látky o drakovi ve skále, ale přes to je tisková předloha zřejmá.

Č. 176, přesně dle R a d o s t o v a 50, jak vyloženo u č. 25.

Č. 179, přímo z E r b e n o v y Zlatovlásky, s nepatrnými odchylkami. Erben praví na př. (7. vyd. s. 64), že krkavci při-

nesli každý jednu „tykvici“ vody. Šlambor neporozuměl a proto jeho král poroučí, aby Jiřík přinesl dvě „kytice“ vody.

Č. 180, neznámý vítěz a obři na pastvě, přesně dle Mikšíčka, 1845 č. 12.

Č. 181, látka o pouti do Říma, je vypravována dle Mikšíčka 1845 č. 23, pod vlivem jiného variantu.

Mikšíček: hrabě, důstojník, padne ve válce, hraběnka s třemi syny jdou pěšky na pout do Říma za něho se modlit. U Šlambora nadlesní, umíraje, pošle tři syny do Říma, aby se za něho modlili, matka jde s nimi.

Mikšíček: přenocují v lese, pekou za jíce,hlídají každý dvě hodiny. Nejmladší, Slavotěch, se na hlídce prochází, vidí tři obry u ohně péci vola, ustřelí jednomu od úst maso, druhému džbán. Obři se hádají, pak hledají střelce, Slavotěch jim chce ukázat, jak střílí, vyzve je, aby podrželi dvacetník. Obři dají dvacetník za cíl, on trefí. Obři se snaží ukrást princeznu z jednoho zámku, dovedou uspat obyvatele, ale psík štěká na stráži. Slavotěch psíka zastřelí, vyzve obry, aby ho hodili do zámku, že jim shodí nádobí, aby se mohli podkopat. U Šlambora hlídají synové tři noci po sobě, starším zhasíná oheň, matka je káře. Bohuslav třetí noc spatří tři obry péci vola, ustřelí jednomu džbánek od úst, obři se hádají, pak hledají střelce, Bohuslav na zkoušku vystřelí jednomu obrovi dvacetník mezi prsty. Obři pak vezmou Bohuslava s sebou, podají ho do zámku. Šlambor zapomněl na psíka a na to, že obři berou s sebou hocha právě proto, že dobře střílí.

Mikšíček: Slavotěch se octne v ložnici princezny, lituje jí, vidí na stěně meč, pod ním skříň, v ní tři láhve vína, na nich nápisy: po první lze meč sejmout, po druhé držet, po třetí jím vládnout. Slavotěch vypije láhve, sejme meč; když vypil třetí láhev, „hned mohl si hráti s mečem jako s nějakou šavličkou“. Šlambor: (kdo vypije třetí lahev) „že s nim bude moct kmitat jako nějakou šauličkou a všecko poseká“.

Mikšíček: Slavotěch hodí obrům přes zeď nářadí, když se podkopají a prolézají děrou, stíná jim hlavy a vyřeže jazyky. pak vezme princezně půl šátku, pantoflíček, prsten s prstu, vrátí se do lesa a zbudí bratry. Šlambor vynechává vyřezávání jazyků a prsten. Oheň v lese ještě hoří, když se Bohuslav vrátí.

Mikšíček: Setník stráže se vydává za ochránce, kupuje si svědectví vojáků, princezna žádá rok a tři dny lhůty, postaví usilnice

hospodu, obsluhuje v mužských šatech, vyvěsí tabuli, že vše je zadarmo pro toho, kdo vypravuje příhodu ze svého života. Hraběnka se syny se vrací z Říma, vypravuje o sobě, pak nejstarší syn z vojny, pak prostřední, Slavotěch se omlouvá, že by mu nikdo nevěřil, konečně povídá, matka přisvědčuje, ale když počne o obrech, okřikuje ho, že lže. Slavotěch končí, že pan hospodský je podoben té princezně, princezna přijde v ženských šatech, jdou do zámku, hostina, setník, důkaz hlavami, proti tomu jazyky, věci, vzaté princezně, setník čtvrcen. Šlambor stručněji, lhůta rok a den, bratří prý jdou za rok „na pout zase", jdou do hospody tři dny (zapomněl, že se vracejí s pouti), pak hned vypravuje Bohuslav, zakončení téměř do slova. Závěr stručně, důkaz šátkem a prstenem, setník se tam dodnes houpe.

Č. 182. o krejčím-hrdinovi je vyprávěno podle Mikšíčka 1845. č. 20.

Mikšíček 1845. 20.	Šlambor č. 182.
Byl tovaryš u mistra krejčovského v práci. Dostával na měsíc groš a k jídlu jedno vejce na den. Z takové stravy zemdlel však velmi. Chodívaje na půdu spat, sotvaže vylezl, vrávoral. Řekl mistr krejčí ku krejčové: „Ty toho tovaryše tuze krmíš; slyšíš jak je bujný, jak tam bouří?" — „Vždyť mu dávám jedno vejce na den: což by od něho tak tuze zbujněl?" odpověděla krejčová. Řekl krejčí: „Ode dneška dávej mu jen půl vejce, sic by s ním nebylo lze vydržeti!"	Byl jeden krejčí, ten žil za groš měsičně a dené jedno vejce na zdravu. Ňákou dobu to tak trvalo, až místr povídá ženě: „Ty, poslouchej, jak tam sebou tluče na půdě, jak je bujnej! Abysme mu nedávali celí vejce.
Dávala mu krejčová od té doby jen půl vejce... řekl krejčí: „Ode dneška mu nedávej nic víc, nežli vodu z vejce."	Tag dostával dálejc jen půl vejcete na tu stravu. Konečně si mysleli, bude mu dobrá jen ta voda z vajec.

Jde pak do světa, dostane tři groše. U Mikšíčka napřed přijde k selce, dostane kyselého mléka, „nabryndá", sletí se much až „černo", zabije jich devět najednou, vyšije si to na šos. Pak potká tři žebráky po sobě, dá každému po groši. Poslední dá mu ptáka, tvaroh a vestu, do které by se vešlo devět takových krejčů.

U Šlambora napřed žebráci, pak o selce téměř do slova. Dále kráceno (obr chce princeznu a objíždí s králem království, kdežto u Mikšíčka král slibuje odměnu za zabití obra, uhnízděného v zahradě). Zkoušky: skok přes strom, házení

do výše, mačkání kamene, závod v jídle i s rozříznutím břicha shodně.

Č. 185, „ženich-zbojník", podle Mikšíčka 1845, v č. 21, s ozvěnami z jiného variantu.

Počátek přesně shodný: ševcova Kačenka jde v noci pro kůže, kupec si ji vezme k sobě. U Mikšíčka chodí pak k vůli ní mnoho lidí do krámu, Šlambor z jiného variantu nechává kupce zřídit hostinec, do kterého lidé rádi chodí. Mikšíček pokračuje, že kupec u hostiny chválí dívčinu statečnost, jiný kupec jí nabídne 200 tolarů, půjde-li v noci k šibenici pro tři šípkové pruty, dívka jde a přivede dva koně s nákladem, které našla pod šibenicí. Dva lupiči přijdou pak jako důstojníci, kupec, který prohrál, je dovede ke Kačence, jeden lupič se jí dvoří, zve ji na svůj zámek, dívka slíbí, že na druhý den přijde. Jede však až třetí den kočárem, dojde pěšky atd. Šlambor vlivem jiného variantu se mate: do hostince přijde 12 lupičů s hejtmanem, ten nabízí dívce dukát, půjde-li o půlnoci „na šibenici pro tři šípky-pruty", a když se dívka s pruty vrátí, chce ji vzít s sebou na svůj zámek. Dívka odmítne, ale když lupiči odejdou, vezme kus masa s sebou a lupiče ve tmě předběhne.

Dále se řídí Šlambor přesně Mikšíčkem: krmení psů, vnitřek zámku, zabití mládence a panny, utínání prstů atd. Dodává jen proti Mikšíčkovi z jiného variantu, že jeden lupič chtěl lézt pro prsten pod postel, kde byla skryta dívka, ale hejtman ho okřikl. Dál opět shodně, až na to, že u Mikšíčka lupiči odejdou, u Šlambora, z jiného variantu, usnou. Závěr u obou stejně.

Brusič Procházka má dvě čísla: č. 211, dva bratři a princezna obětovaná drakovi, a č. 212, je pohádka Němcové č. 3, ale mísí se s pohádkou o princezně obětované drakovi vlivem předešlého čísla.

Němcová: Švec má syny Jozu a Janka, Joza se učí ševcem, Janek ničemu. Joza jde do světa, odepře pomoci mravencům, peroucím se čertům a rybě, vrátí se domů. Pak jde Janek, otec mu dá láhev uzdravující vody, on pomáhá mravencům, smíří čerty, hodí rybu do vody, v hospodě se doví o nemocné pyšné princezně. Procházka: počíná šablonovitě třemi syny (Františk se učí krejčím, Pepík ševcem, Honzík ničemu. (Na cestu jde první Josef (ač není nejstarší!), pak Františk, nakonec Honzík. Jinak shodně (ač uzdravující voda vynechána), jen pořad změněn: kapr—čerti. Vypravěč nezapomíná ani, že se čerti perou

na „zelené" louce. Dál se texty rozcházejí. U Němcové Janek uzdraví pyšnou princeznu, princezna se chce ošumělého chuďasa zbavit, žádá nevídanou perlu z moře, růži z pekla a pak přebírat mák s popelem. Jankovi pomohou ryba, čerti, mravenci. Procházka: Honzík v hospodě se doví o princezně, určené losem drakovi, nabídne se ji zachránit, jde k těm čertům, dostane vraníka a šavli, zlaté brnění, zabije draka, vyřeže hlavám jazyky, slíbí vrátit se za rok a den, dostane prsten, odvede čertům koně a zbroj, jde domů, bratři se mu smějí. Vypravěč, jenž mluví živě a vymýšlí si výzdobu, zřetelně při přechodu do látky o drakovi váhá. Snad předešlá povídka s týmž motivem způsobila, že se k ní vrátil. Honzík, když se loučí, praví princezně, že je jen sprostý člověk, nemá pro ni svatebné, a že by mu to mohla někdy vyčíst. To je ozvěna z Němcové 3. Dál zrádný kočí s dračími hlavami, princezna žádá na ženichovi, aby přebral mák smíchaný s popelem a přinesl perle ztracené ve vodě. To je návrat k Němcové 3, .ztracené perle jsou ozvěna motivu Zlatovlásky. Bába řekne Honzovi na pastvě, co se děje, Honza jde k vodě, ryba mu je přinese, v hospodě na zahradě plno lidí pomáhá kočímu vybírat mák s popelem. Vypravěči se tu zmátly perle, roztroušené v trávě (Zlatovláska) s přebíráním maku a tím povstal zmatený text. Honzíkovi seberou mravenci mák, ale není to mák, jsou to „diamantové karmasiny" (vypravěč je brusič). Dál opět dle látky o drakovi poselství k hostině, prsten v sklenici, pozvání k hostině. Honzík odmítne šaty rytířské, usvědčí kočího jazyky, princezna dodává, že kočí nevykonal uložené práce, Honza jí dá perly a karmasiny — svatba a opět narážka na to, že princezna nemůže nyní Honzovi nic vytýkat.

V. J u n e k : č. 228. První část nevinně pronásledovaná matka, druhá dle tisku J e n o v e f y, Litomyšl (1862) (Polívkův citát str. 731.)

K. Š a f á ř :

Č. 236. o Rýbrcoulovi a brašně s vojskem podle H r a š e III. 15, pod cizím vlivem. Vynechán úvod o promarněném statku. Sezobání hrachu Rýbrcoulovými holuby shodně, až na to, že u Šafáře kavky (jiné verse ukazují, že původní text asi nazýval vrány „Rýbrcoulovými holuby".) Rozmluva sedláka se ženou vynechána — sedlák myšlen později jako svobodný — pak rada člověka cestou, mlýnek na okně u Rýbrcoula, shodný

popis mlýnku. (Doslovně výzva, aby si vzal, „co se ti líbí“.) Pak zkouška, hospoda, výměna za mošnu (Šafář říká nejdřív „brašna“, pak shodně „mošna“). U Hraše vyskakuje z mošny 10, 20, 50 vojáků, u Šafáře jen dva. Výměna stolku zachována, ale hrací plášť schází. Sedlák vyvolává si z brašny „vojenskou“ hudbu — zkratka je pochopitelna. Návrat do vsi, rychtář, údiv, hostina na louce. Šafář jen si spletl vzpomínání sedlákovo na ženu a rychtáře a vypravuje, že rychtář svého času odřekl sedlákovi svou dceru, která teď lituje. Že Hraše je tu přes to předlohou, je zřejmo z toho, že Hraše nazývá sedláka Čvančara, a Šafář ho tu jmenuje Švančar. Pak shodně válka, vítězství sedláka. Šafář vynechává jen, že vojsko opustí sedláka pro nedůvěru, kterou mu projevil a odejde do Blaníku.

H a d i n e c :

Č. 246, zlomek z tisku „Č e r n ý m u ž“ (Landfras, J. Hradec), látka o neznámém rekovi a obrech na pastvě.

Č. 247 z tisku o M e l u s i n ě (Synové se znameními na těle, otevřené okno, jímž Melusina létá kojit dítě atd.).

L a m a č :

Č. 282 dle M a l é h o č. 2. Změny jen z nedostatku paměti a těkavosti vypravěče. Začátek o poustevnících, jichž radou královna porodí syna, slíbí mu pannu z rosy počatou a z devíti matek narozenou, je vypraven moderně. Místo poustevníků, kteří po prvé přeplují brod na pláštích a po druhé kráčejí přes nový most, vyslechne dvořan dva obchodníky, kteří k mostu přijeli lodí z Ameriky. Princezna, slíbená plačícímu princi, je „cera z devíti matek počatá a nenarozená“. U Malého princ, když hledá dívku, dojde k zámku kouzelnice, je divou zvěří zraněn, poslán pak k sestře její, 9 dní cesty, od té k třetí sestře, Větruši, 19 dní cesty. Lamač posílá prince do 60. říše k čarodějce, která ho pošle do 90. říše k čaroději; zvěř krotí třemi vlasy (u Malého zaklínáním). Malý pak vypravuje: Větruše pošle prince do zámku knížete Drslava, pro dívku, ležící tam v kolébce a hlídanou devíti matkami. Princ, ač varován, dotkne se kolébky, kůň Plavák upozorní knížete Drslava, jenž dohoní prince, zraní ho a vezme mu dívku. Větruše pak radí princi zastřelit ptáčka, jenž ráno poletí kolem okna, pomazat se jeho krví. Princ změní se v papouška, doletí k dívce, která vyzví na Drslavovi, že si koně vysloužil u Jedubaby v pekle. Princ nato jede do pekla, cestou daruje život lišce, liška mu pomáhá u jedubaby pást koně —

obšírné líčení — vyslouží konečně koně, zdánlivě ošklivého, na kterém unese dívku právě když s ní Drslav strojí svatbu. Drslav je pronásleduje, jeho kůň volá na bratra, aby počkal, bratr mu radí, aby svého jezdce shodil. Lamač vypravuje nejistě. Čaroděj řekne princi prostě, že je dívka v nedalekém zámku, pošle ho hned k Luciferovi do pekla pro koně, princ v pekle klidně pase tři léta koně a dostane pak herku bídnou na pohled. Když se s ní vrátí, pošle ho čaroděj do „stodvacáté vlasti", do skleněného (u Malého mramorového) zámku. Tam má v zahradě zastřelit ptáčka, krví jeho se změnit v papouška. Doletí k princezně, unese ji devíti matkám, pak nejasně pronásledování a rozmluva koní.

Č. 284., princezny v podzemí, z tisku „Žluté mužátko" (Landfras, J. Hradec). Místo tří vojáků, tři synové hajného, lesní chalupa, pídimužík, jemuž vytrhne Honza nohu, zámek pod zemí hlídají obři, lvi, tygři (tisk dva draci). Obr — pídimužík spí v tisku princezně hlavou na klíně, u Lamače přiletí. Jinak přesně, jen na konec svatební průvod stručněji.

F. Plichtová:

Č. 297. dle Hraše Povídky našeho lidu I. č. 4. Zachován i název „švec králem". Povídku tuto, o služebném duchu Pikolovi, vyprávěla Kubínovi již v Kladsku skvělá vypravěčka A. Šrůtková, (viz Kladské č. 22.), ta rozváděla si ještě tištěný text. Plichtová vypravuje střízlivěji, věrně dle tisku. Odchylky jsou bezvýznamné. U Hraše švec v zámku najde připravené jídlo, pití, dýmku, hoduje, usne, pak prohlíží zámek, najde černý pokoj s černou rakví zavřenou devíti zámky a v ní postupně dalších osm, v poslední pergamen se slovem Pikolo, a když to přeslabikuje, zjeví se mužík (piccolo), dává ševci na jeho přání šaty, peníze, kočár. U Plichtové najde švec hned pokoj s truhlou, v ní postupně devět jiných, v poslední lístek se slovem „pikolo-fikolo". Na to slovo se objeví velký chlap, a tu teprv si švec přeje jídlo, dýmky, tabák, večeři... ráno snídaní, šaty, kočár. Svatba s princeznou shodně. Plichtová trochu nejistě. Probuzení u verpánku, když švec dal Pikolovi pergamen, a trest, přivázat u silnice, celkem shodny. Pikolo u Hraše veze kolem 99 vozů bot, jež roztrhal v ševcově službě, jde za nimi a zpívá si. Plichtová zmateně: fůra, pak Pikolo v kočáře, táhne vůz, plný obuvi, na to sleze s koně (!). Dál

20*

shodně, jak švec lístek polkne, Pikolo poslouchá, útok na město, a smíření.

Žebrák Král:

Č. 315., (jediné, jež vyprávěl) podle tisku Krameriova „Pekla syn". (Škarniclův přetisk.) Počátek o zlém hochovi shodně, pak vynecháno založení hradu, pobití poutníků, návštěva u matky, pout do Říma. Po pasování na rytíře je hoch raněn, kaje se dle poustevníkova rozkazu, líhá se psy, účastní se bitvy jako neznámý rytíř, atd. stručně dle tisku.

Tímto výčtem jistě nejsou všechny tištěné předlohy vyčerpány. Vím na př. určitě, že jsem příběh o dřevěné šavli (č. 288) četl svého času v kalendáři, ač nemám zápisku o tom. A tak leckterá povídka ještě vzbuzuje odůvodněné podezření, neznáme však bohužel dostatečně literaturu tištěnou pro lid a není možno pročítat se těmi spoustami potištěného papíru v každém zvláštním případu. Celkem zatím na 40 textů lze odvodit z tištěných předloh přímo. Užito bylo lidových tisků, „Černý muž", „Žluté Mužátko", „Zlatý prsten", „Pekla syn", „Jenovefa", „Duhoň z Lesohradu", „Melusina", nehledě k látkám Alibaba, Aladdínova lampa, Vakvacké ostrovy a j., jež lidové tisky přímo předpokládají. Z nových sbírek pohádkových postihli jsme vlivy těchto povídek:

Radostov: 29, 30, 38, 41, 47, 50 (třikrát), 51, 54, 63, 79.

Němcová: 3, 5, 9, 11 (dvakrát), 12, 15, 17, 20, snad i 22, 23, 25, 46, 63, III., IV., V., VII., 63.

Mikšíček 1845: 8, 12, 20, 21, 23.

Erben: 7 (dvakrát), 8, Báje etc. 67.

Hraše: Zkazky 1, Povídky I. 4. III., 15, 16.

Malý: 2, 15, 17.

Vedle povídek vypravovaných ze známých tisků a povídek z tištěných předloh značně podezřelých, je jich ovšem řada pěkně vyprávěných bez známé předlohy. Ale značný počet je textů, které ukazují, jak rychle se látka v lidovém podání rozkládá, nemůže-li se opřít o tisk neb o osobité umění vypravěčí dobrého pohádkáře. Na ukázku jen několik příkladů.

Č. 286., Lamač: Počátek o nadpřirozeném porodu hocha: bezdětným manželům bába dá paštiku, po které se narodí hoch. Bába zakáže ho křtít, dokud nepřijde, přijde až za rok. Honza prospívá, jde pak do světa. Zřejmě zmatený úvod, jenž s následujícím nesouvisí. Pak troska látky o dvou šibalech, kteří se na-

vzájem napalují. Honza s mlynářským v kostele, kde se dělí loupežníci, zaplaší je, rozdělí si lup, mlynář má o trojník víc. Pak anekdota o zlodějích v kostnici a farářově zhojené pakostnici. Na to zcela nesmyslně útržek z látky o Palečkovi. Oba druzi přijdou o posvícení do vsi, Honza krade u sedláka koláče, způsobí hluk, schová se do hnětanky, křičí z hnětanky na děvečku, která dojí, kráva ho polkne, on křičí z břicha, kráva poražena, vnitřnosti hozeny do vody, doplavou ke mlýnu, Honza z nich vyjde. Dál opět látka o dvou šibalech. Honza chce na mlynářovi ten trojník, mlynář se staví mrtvým, Honza jde do kostnice hlídat mrtvolu. Nyní by měla přijít scéna s lupiči, kterou dal vypravěč hned na počátek. Nahrazuje ji zmateným vyprávěním o duchu, který padá se stropu a koulí s Honzou kuželky, do toho mísí hádku o trojník a údiv lupičů, že se na každého ducha dostal sotva trojník. Závěr o té bábě, která Honzu ožení.

Krejčí Pitro povídal tři čísla za sebou, (293—5) tři pokusy o totéž thema (zámek pokušení), všechny nezdařené. V prvním jdou tři bratři do světa, Honza je silák, jenž kácí stromy. Jde sám, obelstí tři bratry o samobijný kyj, neviditelnou čepičku a kabelu, do které každý musí vlézt na jeho rozkaz. Dál dle látky Nebojsa ve mlýně krocení čertů (skříženo s látkou o čertech ve mlýně) a v závěru zakletý zámek: baba mu dá za almužnu kroužek, otvírající zámky, otevře starý hrad, kde je vše připraveno, ale tu se vypravěč octl na rozpacích: za Honzou přijde Ferda jako žebrák, pak najdou ve sklepě u pokladů třetího, Vaška, který tam uvázl, protože babě nedal almužnu. V druhém čísle opět tři bratři. Po roce Franta zaklíná hady, ale je jimi sežrán (motiv o hadím králi). Dál látka Veritas-Falsitas: Josef oslepí Honzu a nechá ho pod stromem, od cikánky rada, že rosa pod stromem hojí slepotu, tři růže z šípku vedle uzdraví posedlou princeznu, tři kameny vedle vyvolají v bezvodém městě pramen. Honza prohlédne, objeví vodu, uzdraví princeznu, vezme si ji. Pak doma hostina, ta cikánka přijde, prorokuje, že Honzův syn bude musit překonat velké nesnáze, nechá Honzovi klíč od zakletého hradu, Honza najde v hradu vše připraveno, vítají ho tam koně, jež jedou s ním i přes vodu — při tom mu pomáhala jakási paní s korunou, kterou na její přání setne, a ona se změní v princeznu a je to ta cikánka. Motiv zakletého hradu je tu již širší, ale také zmatenější. Třetí text počíná přímo za-

kletým hradem pokušení; dva bratry volá hlas v lese do hradu, kde je vše připraveno, v noci černá paní jednoho rozseká a pak vzkřísí, druhou noc druhého: objeví se dvě bílé princezny a žijí s hochy, jedou s nimi k matce hochů, vezmou pak s sebou jejich sestru. Cestou objeví se matka těch princezen v podobě baby, vykouzlí hrad, dá se setnout, změní se v královnu, dá jim panství a „pikslu", která pomáhá v nebezpečí. Dál stále zmateněji: sestra bratrů si vezme hraběte, mají syna, jenž studuje, baba v lese ho kárá a povzbuzuje, rodiče na výměnek, jakési přepadení, piksla pomáhá, nato zmínka o krejčím, jenž má u sebe sirotka, kdosi vezme sirotka po smrti krejčího k sobě a vychová ho. Vypravěč si tu mimoděk vzdychl: „Nevím jak dál, je na mně nesnáz", ale sběratel připojil ta slova k řeči toho sirotka, jenž si stěžuje, že nezná svých rodičů. Pak zmínka o potulných zpěvácích, jejichž vyprávěním se objeví vzájemné příbuzenství, pak opět přijde cikánka, která tomu sirotkovi řekne, že je Filip, kterého ona donesla k tomu krejčímu. A opět dar hochovi od cikánky, tentokrát kamínek, který prý mu vždy pomůže, když zabloudí.

Příklady dosud uvedené podávají dosti zřetelný obraz sbírky. Autor vybral si úmyslně vypravěče z chudého a nevzdělaného prostředí, snažil se sice sebrat texty z celého území, ale přes to je značnou převahou závislý na několika málo a to kulturních střediscích. Chtěl podat úplný obraz „lidového podání" dodávaje, že mnoho ještě zbývá, ale přes to nepodařilo se mu sebrat — jak tomu bývá ostatně vždy u takových příliš obšírně založených úkolů — než velmi nerovnoměrný materiál, který naprosto nemůže být považován za obraz lidového podání určitého kraje. Základní chybou jest vycházet z předpokladu, že existuje „lid" odlišný od ostatních vrstev národa nejen svým sociálním postavením, ale též svým duševním obzorem, obsahem svého myšlení. Mohlo-li se předpokládat, že v středověku a v renesanci byly takové rozdíly mezi jednotlivými vrstvami národu, je tento předpoklad dnes naprosto nemožný. Dopustil jsem se jako student téže chyby, když jsem na radu Bartošovu šel sbírat na Valašsko. Bartoš psal mi tehdy, abych šel tam do hor, tam že najdu ještě čisté „lidové" podání. To je myšlenka z německé romantiky, hledat v takové od „kultury"

uměle odlišné „lidové“ vrstvě literaturu, kterou mlčky předem pokládám za zbytek primitivní filosofie, primitivního náboženství a primitivní poesie jistého národa. Je to umělá konstrukce, která pak svádí k sběrací methodě dnes již nedostatečné. Nemohu předpokládat, že existuje taková výlučná oblast „lidové“ literatury, zbytku dávného podání, v podstatě nedotčeného kulturou, kterou bych mohl mechanicky soustavnou prací vyčerpat. Každá sbírka, která domněle znamená vyčerpání určité tradice určitého kraje, není než bezděčný umělý výběr sběratelův. Sběratel vybírá si v kraji lidi určitého druhu, vybírá si také látky určitého druhu a dostává pak soubor látky, která je sice vždy zajímavá, ale která naprosto neodpovídá těm požadavkům, jež dnes na sbírku vyprávěné literatury klademe. Představte si, že by botanik zakládal herbář některého kraje tím způsobem, že by dal požat louku a vylisoval vše, co pod kosou padlo. Neb že by geolog dal vylámat celý lom a třídil jej jako sbírku nerostů jistého území. Tu ovšem jsou hmotné překážky takové, že podnik vypadá groteskně, ale to přesné sbírání všeho, s čím se u „lidu“ setkám, není méně groteskní. Sběratel musí být odborník, jenž ví, co potřebuje, a ví, na čem záleží, zná krátce předem systém, do kterého texty, jež slýchá, zapadají. V kraji, v němž p. Kubín sbíral, bylo by na př. zajímavo, sebrat vzpomínky historické, jež se vážou k Mužskému a jeho okolí. Ale tu třeba zevrubně znát Šimákovy dějiny kraje předem, a pak soustavně se vyptávat na jednotlivé body: Valečov a jeho skalní město, Hynšta, drábské světničky, Krtolu, studený průchod, Hrada, atd. a srovnávat tradici s historií i s tím, co lze zjistit dnes ještě z ústního podání přesně. A pak studovat historické povídky i romány. Sbírám-li vše, nemohu nevidět, že mi, až na jednu výjimku, vůbec scházejí bajky, neb že jsem pominul duchařské podání — třeba že mi vypravují duchaři; neb musím si být vědom, sbírám-li i pověry, že nemohu pominout na př. znamení blízké smrti, jichž je v území plno. Stručně řečeno, dnes nemůžeme se jen spokojit s přesností zápisu toho, s čím se právě setkám. Ještě před čtvrt stoletím byla přesnost taková proti dřívějšímu sbírání pokrokem, dnes však je nutna účelnost k určitému cíli, výběr a odhad toho, co sbírám — i odhad vypravěčů. Bylo by jistě zajímavo, hledat skutečné vypravěče — je jich dnes právě tolik jako

dříve, třebaže nevypravují pohádky — a studovat na jejich textech mluvenou češtinu a její sloh, nehledě k individuálné tvořivosti takového nadaného člověka. Pan Kubín našel na př. na Kladsku Šrůtkovou, která je přímo skvělá vypravěčka, jak tvůrčí fantasií, tak slohem. A kdyby byl svého otce nechal vyprávět i jiné věci než pohádky, kterých si ani již dobře nepamatoval, mohl od něho zanechat knihu povídek, která by byla opravdovým literárním dílem. Pan Kubín, bohužel, jak je zjevno z předmluvy, zůstal úplně ve vleku té staré německé romantiky, jež u nás byla jen slovansky přetřena, a nelze mu to vykládat ve zlé. Podléhá jí naše veřejnost dosud značnou měrou. Dochází pak k nesrovnalostem mezi tím požadavkem vnější přesnosti a starým předpokladem. Někdy otiskuje i naprosto bezvýznamné útržky neb texty, které opravdu nejsou než zmateným vzpomínáním na čtené knížky, se zlomky různých slýchaných motivů (č. 295.), jindy však vykládá, že to neb ono z určitých důvodů vynechával. Na př. od Valtra vytiskl jedinou drobnost o strašidle, praví však (s. XIII.), „ze spousty jeho ‚patlaček' těžko cos kloudného vybrat". Nebo o textech ženich-zbojník praví (s. VII.), že je slyšel „v počtu daleko hojnějším", ale „jen čísla některými útky odchylná jsem pojal do sbírky". O hastrmanovi rovněž prý přečetně jiných buď totožných neb obdobných do sbírky nezařadil. Od Křapkové má jen dvě povídky, „třetí pohádka o kočičce a pejskovi neměla nic nového" (s. XIII). O Procházkovi opět (s. XX.) praví, že mnoho u něho nezískal, protože „některé povídky jeho byly patrné ohlasy četby a nijaké váhy". O anekdotách neb o různých kouscích, které známí čtveráci v kraji tropili, praví, že otiskl jen ukázky.

Z těch poznámek je zřejmo, že sběratel vybíral látku tak jako si vybíral vypravěče, řídě se neustále přesvědčením, že v kraji je jistý fond zvláštního podání, který má být vyčerpán soustavným hledáním. Názor takový dnes držet nelze. Víme, že vždy to bude náš výběr určitého materiálu od určitých lidí, který budeme hledat k určitému cíli, že tedy sbírky budoucí mají být samy sebou již práce vědecká, ne pouze sběratelství, třeba přesně provedené. *Ovšem, že i materiál, sbíraný na místech jinak málo dostupných lidmi z určitého kraje, znalých řeči, bude vždy vítán, ale bude lépe, užije-li se ho*

tak, jak to činí Finnové: k založení rukopisného archivu, opatřeného řádným seznamem regest, z něhož pak lze soustavnou prací vybudovat vědecká díla, doplňovaná opětným sbíráním za jistým, předem vytčeným, speciálným cílem.

Pan Kubín vykonal svými sbírkami jistě velký čin, za který mu jsme vděčni. Nejen tím, že shromáždil mnoho látky z určitého kraje přesně a spolehlivě, ale též tím, že ukázal svými sbírkami cestu, jak bude možno příště postupovat soustavněji. Bez jeho práce byli bychom mnohem déle tápali. I když tedy naprosto nemůžeme souhlasit s tím, co praví v úvodu o lidové muse a o zhoubách, jež způsobuje na venkově kultura, musíme uznat jeho dobrou vůli, jeho pečlivou a nezištnou práci, i horlivost, s kterou nám dal řadu svazků, jimiž studiu českého lidového podání vytvořil spolehlivý podklad a ukázal, byť jen bezděčně, povahu a podstatu tohoto podání.

Praha.

V. Tille.

Pozn. red. Odpovědi pp. prof. J. Polívky a prof. J. Š. Kubína přineseme v příštím čísle.

Кто были *Λενζανίνοι* Константина Багрянороднаго?

Императоръ Константинъ Багрянородный, разсуждая въ IX главѣ своего трактата „De administrando imperio" „О руссахъ, отправляющихся на однодревкахъ изъ Руси въ Константинополь", на первыхъ же строкахъ, упоминаетъ о какомъ-то загадочномъ восточно-славянскомъ народѣ *Λενζανίνοι*. Приведемъ это мѣсто въ дословномъ русскомъ переводѣ г. Ласкина:

„Однодревки внѣшней Руси,[1]) приходящія въ Константинополь, идутъ изъ Новгорода, въ которомъ сидѣлъ Святославъ, сынъ Игоря, князя Руси. Есть и изъ Смоленска, и изъ Любеча, и изъ Чернигова и изъ Вышгорода. Всѣ онѣ спускаются рѣкою Днѣпромъ и собираются около города Кіева, который получилъ названіе *Σαμβατάς*. Славяне же, платящіе имъ дань: т. н. *кривичи (Κριβηταιηνοί), Λενζανίνοι* и остальные славяне на своихъ возвышенностяхъ вырубаютъ въ зимнее время однодревки, налаживаютъ ихъ ко времени вскрытія (рѣки) и, когда пройдетъ ледъ, вводятъ ихъ въ ближнія заводи. И такъ какъ онѣ втекаютъ въ Днѣпръ, то и онѣ черезъ это входятъ въ рѣку и спускаются въ Кіевъ, тащатъ ихъ для оснащиванія и продаютъ руссамъ."[2])

Такъ какъ *Λενζανίνοι* въ приведенной тирадѣ поставлены между кривичами и „остальными славянами", то нельзя сомнѣваться въ ихъ славянскомъ происхожденіи. Какой же народъ скрывается подъ этимъ именемъ?

---

[1]) Т. е. Руси, находящейся за предѣлами Кіевской.

[2]) Сочиненія Константина Багрянороднаго „О темахъ" (De Thematibus) и „О народахъ" (De administrando imperio), стр. 70 sq. — Въ оригиналѣ это мѣсто звучитъ такимъ образомъ: *῞Οτι τὰ ἀπὸ τῆς ἔξω Ῥωσίας μονόξυλα κατερχόμενα ἐν Κωνσταντινουπόλει, εἰσὶ μὲν ἀπὸ τοῦ Νεμογαρδᾶς, ἐν ᾧ Σφενδοσϑλάβος ὁ υἱὸς ῎Ιγγωρ τοῦ ἄρχοντος Ῥωσίας ᾿εκαϑέζετο. Εἰσὶ δὲ καὶ ἀπὸ τό κάστρου τὴν Μιλινίσκαν, καὶ ἀπὸ Τελιούτζαν καὶ Τζερνιγώγαν, καὶ ἀπὸ τοῦ Βουσεγραδέ. Ταῦτα οὖν ἅπαντα διὰ τοῦ ποταμοῦ κατέρχονται Δανάπρεως, καὶ ἐπισυνάγονται ἐπὶ τὸ κάστρον, τὸ Κιοάβα, τὸ ἐπονομαζόμενον Σαμβατάς. Οἱ δὲ σκλάβοι οἱ πακτιῶται αὐτῶν, οἱ Κριβηταιηνοὶ λεγόμενοι, καὶ, Λενζανῖνοι, καὶ οἱ λοιποὶ Σκλαβίνιοι, εἰς τὰ ὄρη αὐτῶν κόπτουσι τὰ μονόξυλα ἐν τῷ τοῦ χειμῶνος καιρῷ, καὶ καταρτήσαντες αὐτῶν, τοῦ καιροῦ ἀνοιγομένου, ἡνίκα διαλυϑῇ ὁ παγετὸς, εἰς τὰς πλησίον οὔσας λίμνας εἰσάγουσιν αὐτά. Καὶ ἐπειδὴ ἐκεῖνα εἰσβάλλουσιν εἰς ποταμὸν τὸν Δάναπριν ἀπὸ τῶν ἐκεῖσε οὗτοι εἰς τὸν, αὐτὸν ποταμὸν εἰσέρχονται καὶ ἀπέρχονται εἰς τὸ Κιόβα, καὶ σύρουσιν εἰς τὴν ἐξάρτησιν, καὶ ἀπεμπωλοῦσιν αὐτὰ εἰς τοὺς Ῥῶς.*

Вопросъ этотъ усложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Константинъ упоминаетъ то же или почти то же племенное названіе — *Λενζενίνοι* еще разъ въ 37-ой главѣ своего знаменитаго трактата. Именно, описывая сѣверныя, точнѣе сѣверо-западныя границы печенѣжской области, онъ сообщаетъ: „Колѣно Явдіертимъ сосѣдитъ съ подвластными Руси племенами: уличами *(Οὐλτίνοις)*, Древлянами *(Βερβλενίνοις)*, *Λενζενίνοις* и другими славянами“.[1]) Если въ первомъ мѣстѣ Константинъ говоритъ о *Λενζανίνοι,* живущихъ къ сѣверу отъ Кіева, то во второмъ мѣстѣ рѣчь идетъ, повидимому, о *Λενζενίνοι,* живущихъ къ югу или юго западу отъ этого города.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о причинахъ такого страннаго противорѣчія въ географической локализаціи одного и того же, повидимому, народа, и откладывая на конецъ статьи разборъ высказанныхъ по этому поводу въ исторической литературѣ гипотезъ, попробуемъ прежде всего подойти къ проблемѣ происхожденія загадочнаго имени съ чисто-лингвистической точки зрѣнія.

Анализируя извѣстное слово, мы должны прежде всего выдѣлить изъ него его формальный элементъ. По счастью, сдѣлать это въ данномъ случаѣ нѣтъ ничего легче. Сопоставляя *Λενζενίνοι* во второй цитатѣ съ рядомъ стоящимъ *Δερβλενίνοι* (древляне), мы видимъ, что суффиксомъ обоихъ названій служитъ не что иное, какъ извѣстный славянскій формантъ *-ěninъ,* resp. *-janinъ,* который присоединяется къ корнямъ топическаго, мѣстнаго значенія для образованія названій лицъ, населяющихъ извѣстную территорію. Слѣдовательно, **λενζανίνος,* resp. **λενζενίνος* есть такое же образованіе, какъ и *poljaninъ* „обитатель поля“, **dervjaninъ* „обитатель лѣса“, *gorjaninъ* „обитатель горъ“, *seljaninъ* „житель села“ и т. п.

Если это такъ, то мы уже a priori должны предъявить къ научной этимологіи корня *λενζ-* два требованія: во-первыхъ, она должна доказать, что первоначальнымъ его значеніемъ было понятіе *территоріальнаго* характера и, во-вторыхъ, она должна открыть въ конечномъ согласномъ корня *ζ* какой-то *смягченный j-мъ* согласный.

Оба эти постулата будутъ выполнены нами какъ нельзя лучше, если мы допустимъ, что въ основѣ греч. *λένζ-* лежитъ

---

[1]) Ласкинъ о. с. 140. Въ оригиналѣ это мѣсто звучитъ такъ: *τὸ δὲ θέμα Ἰαβδερτὶμ πλησιάζει τοῖς ὑποφόροις χωρίοις χώρας τῆς Ῥωσίας, τοῖς τε Οὐλτίνοις καὶ Βερβλενίνοις, καὶ Λενζενίνοις, καὶ τοῖς λοιποῖς Σκλάβοις.*

корень праслав. именъ: *lędъ* „невоздѣланная, необработанная земля, пустошь, новь“ (р. *на кой лядъ* „на кой чертъ“), *lędo* id. (чешск. *lado*, в.-луж. *lado*), *lęda* id. (б. *ле́да*, ч. *lada*, р. *ляда́*), *лядина* (б. *ле́дина́*, сх. *lèdina*, с. *ledína*, р. *ледина*) и т. п.; посредствомъ суффикса *-janinъ* отъ этого корня, еще въ праслав. эпоху, было образовано имя *lędjaninъ* въ значеніи „человѣка, живущаго на лядѣ, лядинѣ“, т. е. „на невоздѣланной землѣ“; въ прарусскую эпоху *lędjaninъ* должно было измѣниться въ **lędžaninъ*, а послѣ упрощенія аффрикаты *dž* въ *ž* въ **lęžaninъ*.

Одно изъ этихъ именъ (вѣроятнѣе послѣднее), въ формѣ именит. пад. мн. ч., и скрывается, по нашему мнѣнію, въ Λενζα-νῖνοι вѣнценоснаго историка.

Но извѣстно, что еще въ эпоху единства славянскихъ языковъ отъ имени *lędjaninъ* (resp. *lędinъ*) было образовано уменьшительное имя *lęchъ*, которое стало національнымъ именемъ польскаго народа (Berneker EWl 705, Преображенскій Э. С. I. 499). Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что *Λενζανῖνοι* Багрянороднаго обозначаютъ не русскихъ, а поляковъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, посмотримъ попристальнѣе, гдѣ помѣщаетъ Константинъ своихъ *Λενζανῖνοι*.

Вышеприведенная цитата изъ IX гл. его трактата ясно указываетъ на то, что *Λενζανῖνοι* жили, съ одной стороны, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ кривичами (рядомъ съ которыми они, конечно, не случайно названы), а, съ другой стороны, гдѣ-то недалеко отъ Днѣпра, въ который они періодически спускали свои челны-однодревки. Обоимъ этимъ географическимъ условіямъ какъ нельзя лучше отвѣчаетъ мѣстоположеніе *радимичей:* какъ извѣстно, „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ помѣщаетъ ихъ *на югѣ отъ кривичей* по рѣкѣ Сожу; по этому лѣвому притоку Днѣпра они и могли легко спускаться къ Кіеву.

Выходитъ такимъ образомъ, что Константинъ называлъ *Λενζανῖνοι*, т. е. ляхами, радимичей. Но въ этомъ выводѣ ничего не будетъ неожиданнаго, если мы вспомнимъ, что, по существу, также называлъ ихъ и авторъ Первоначальной лѣтописи. По крайней мѣрѣ, онъ *категорически* свидѣтельствуетъ, что *„быша радимичи отъ рода ляховъ, прешедъше ту ся вселиша, и платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дне“*. Слѣдовательно, извѣстіе Константина не представляетъ, въ сущности ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что мы знаемъ уже изъ другихъ источниковъ.

Но если такъ, если *Λενζανῖνοι* есть не что иное, какъ ляшскіе выселенцы-радимичи, то какъ же примирить съ этимъ выводомъ извѣстіе императора о тѣхъ *Λενζενῖνοι*, которые живутъ на югѣ Россіи въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ печенѣгами? Неужели и это племя было радимичи?

Ничуть не бывало! Вчитываясь въ вышеприведенный текстъ 37-ой главы, гдѣ Багрянородный перечисляетъ сосѣднія съ печенѣгами племена, мы замѣчаемъ, что онъ идетъ съ востока на западъ и называетъ вслѣдъ за Русью (кіевской, т. е. полянами) ультинъ (уличей?), древлянъ и нашихъ *Λενζενῖνοι*. Отсюда видно, что послѣдніе жили на крайнемъ сѣверо-западѣ печенѣжской области, т. е. тамъ, гдѣ русская земля соприкасалась съ лядской или польской. Это была территорія, лежавшая къ западу отъ линіи Волынь-Червень-Броды, за которой, по словамъ Первоначальной Лѣтописи, начиналась лядская земля (Барсовъ, Очерки русс. историч. географіи.[2] 120). А если такъ, то ничто не можетъ помѣшать намъ видѣть въ Константиновыхъ *Λενζενῖνοι* № 2 предковъ нынѣшнихъ поляковъ. И я даже полагаю, что не случайно, въ отличіе отъ сѣверныхъ ихъ тёзокъ, онъ пишетъ ихъ имя не съ *α* послѣ *ζ*, а съ *ε*: въ то время какъ *Λενζανῖνοι* отражаютъ русс. произношеніе **ляжанинъ*, *Λενζενῖνοι* — польское **lędzienin*.

Такимъ образомъ, при нашемъ толкованіи имени въ обоихъ его варіантахъ, исторія не только не вступаетъ въ конфликтъ съ лингвистикой, но, наоборотъ, оказывается ея неожиданной союзницей. Этого, однако, нельзя сказать про другія попытки объяснить загадочное имя. Обыкновенно, со времени Барсова (о. с. 259), въ *Λενζενῖνοι* видятъ лучанъ, т. е. часть волынянъ, около г. Луцка. Но противъ такого толкованія можно представить много возраженій. Во-первыхъ, если даже признать его вѣрнымъ, то *съ географической точки зрѣнія* оно годилось бы только для южныхъ *Λενζενῖνοι*, но не для сѣверныхъ; во-вторыхъ, даже въ томъ случаѣ, если *Лучьскъ* (соврем. *Луцкъ*) первоначально звучалъ съ носовымъ звукомъ въ корнѣ, то мы ожидали бы не *Λενζενῖνοι*, а **Λονζενῖνοι*; но есть данныя (ср. Шахматовъ, Древнѣйшія судьбы 30) полагать, что въ *Лучьскъ* слышалось праслав. *u*; наконецъ, въ третьихъ, если бы въ основѣ нашего имени лежало названіе города Луцка, то оно звучало бы какъ **Лучьщане*, а не *Лучане*; соотвѣтственно съ этимъ, едва ли бы и Константинъ могъ передать буквой *ζ*. Такое сложное сочетаніе, какъ *-чьщ-*. Въ виду этихъ трудностей, понятно, что Шахматовъ, который еще

въ 1916 г. (Введеніе въ исторію русс. яз. 89) признавалъ, хотя и не очень увѣренно, связь *Λενζενίνοι* съ лучанами (подъ условіемъ, если сосѣдніе болгары называли ихъ *лѫчане*), то въ своей послѣдней статьѣ (l. c.) онъ уже открыто отказывается отъ этой гипотезы. И надо признать, что Шахматовъ въ этомъ отношеніи обнаружилъ болѣе критическаго чутья, чѣмъ Грушевскій (Спірни питання, Статьи I 319; Кіевская Русь I 241, Історія України-Руси I² 176, 177, 204, 517, II² 361), Середонинъ (Ист. геогр. 128) и Niederle (Manuel I 215, Slov. Star. I, 4, 147), которые все еще отстаиваютъ тождество *Λενζενίνοι* съ лучанами.

Но хотя словопроизводство этого имени изъ Луцка невозможно со строго-лингвистической точки зрѣнія, однако можно согласиться съ тѣмъ, что оно имѣетъ хоть нѣкоторую тѣнь видимости. Но даже этого нельзя сказать про попытку вывести *Λενζενίνοι* изъ *лутичи*, — попытку, которую сдѣлалъ, напр., Ласкинъ о. с. 71. Не говоря уже о фонетической невозможности такой гипотезы, она основана на вопіющемъ petitio principii, — на предположеніи о существованіи въ южной Руси народа, о которомъ исторія ничего не знаетъ. Правда, среди множества варіантовъ, которые имѣютъ *уличи*, resp. *угличи* въ лѣтописи (Брунъ, Черноморье I 104), попадаются и лутичи, но нужно, во-первыхъ, доказать, что послѣдняя графема первоначальнѣе первыхъ двухъ; во-вторыхъ, необходимо выяснить этимологію имени *лутичи*, чтобы получить право сопоставить его съ *Λενζενίνοι* Порфиророднаго. Но если бы даже Ласкину и удалось это сдѣлать, то и тогда мы имѣли бы полное право не повѣрить ему, разъ мы изъ приведенной выше цитаты (изъ 37 главы) знаемъ, что Константинъ различалъ *Λενζενίνοι* и *Οὐλτίνοι*, т. е. уличей.

Какъ видитъ читатель, всѣ изложенныя коньектуры относятся къ *Λενζενίνοι* № 2, но *Λενζανίνοι* № 1 не дождались даже этой чести. Только Барсовъ (l. c. 259), въ качествѣ голой догадки, высказалъ предположеніе, что послѣдніе обозначаютъ *лучанъ*, т. е. жителей *Великихъ Лукъ*, хотя и въ такомъ случаѣ вмѣсто *Λενζανίνοι* мы ожидали бы скорѣе форму **Λονζανίνοι*. Кромѣ того, географическое положеніе *В. Лукъ* на р. Ловати совпадаетъ съ территоріей кривичей, почему выдѣлять его жителей въ особое племя для Константина не имѣло никакого смысла. А о томъ, что жители В. Лукъ не имѣли даже физической возможности спускать свои челны въ Днѣпръ, мы даже не говоримъ...

Все неясное въ приведенныхъ объясненіяхъ дѣлается очевиднымъ и понятнымъ съ точки зрѣнія нашей гипотезы. Если она вѣрна, то она въ одинаковой степени можетъ заинтересовать и лингвиста и историка.

Лингвиста потому, что она возстановляетъ форму **ledjaninъ*, родную сестру *poljaninъ*, **dervjaninъ*, *gorjaninъ* и т. п. и вѣроятную мать уменьшит. образованія. *lęchъ* „ляхъ“.

А историка — потому, что она подтверждаетъ извѣстіе „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ о ляшскомъ происхожденіи радимичей... Мало того, наша гипотеза доказываетъ, что въ X в. радимичи не только своими сосѣдями назывались *лядянами,* т. е. *ляхами,* но и сами себя такъ называли. А это значитъ, что въ это время ихъ національное самосознаніе было еще польское...

Саратовъ.

Г. Ильинскій.

М. П. Драгоманів та ідея „славянського братства“.

Як відомо М. П. Драгоманів був запрошений в 1889 році зайняти вакантну катедру по всесвітній історії при болгарській „Вищій школі“ в Софії, що тоді саме зорганізувалася і пізніще розвинулася в повний Унiверситет.

Драгоманів вже давно цікавився Болгарією, та мав, сидючи в Женеві досить жваве листування з деякими болгарськими радікальними інтелігентами. Через це він охоче прийняв пропозіцію їхати до Софії, а до того ж і умови, на яких запрошували його, були досить вигідні [1]). Драгоманів почав свої виклади в Софії на російській мові, яка була зрозумілою всім болгарським студентам, що студіювали цю мову в своїх середніх школах.

В майбутньому ми сподіваємося подати докладні відомости про коротку, але дуже вартнiстну епоху діяльности Драгоманова в Болгарії в сфері науки та громадськости, тут же ми обмежимося тільки кількома увагами з приводу його статті, яку подаємо нижче.

Приводом для її написання було шкільне болгарське свято 11 (24) травня 1892 року. Болгарія з усіх славянських країн має найбільше право гордитися культурним ділом Кирила і Методія і через те вже здавна вважає 11 (24) травня своїм самим великим національним і шкільним святом. Вшанування памяти Кирила і Методія ще з 60-х років минулого віку, себ то до увільнення від турецького ярма — давало привід всім болгарам гучно виявляти свою національну єдність.

Цей звичай залишився і після освободження Болгарії та обєднує і до тепер болгар і то тим міцніще, чим тяжче переслідує їх доля і одкладає їх національні мрії на далеке майбутне.

День св. Кирила і Методія в 1892 році був одсвяткований в Софії звичайним порядком, себ то відслужено було молебствіє при участи всієї шкільної молоді, відбувся перегляд військ, серед них виступали також ветерани з війни за визволення, та представники болгарської ірріденти; у вечері в помешканні першої Софійської гімназії відбувся великий банкет, на якій були запрошені і професора Віщої школи, між ними і М. П. Драгоманів. Тоді він ще не був жертвою своєї тяжкої хвороби, і своїм звичайним юмором і простотою у відношенях з людьми відразу зачаровував всіх. На банкеті виголошено було багато тостів, між иньшими и тост за вчителів чужинців. На цей тост і відповів Драгоманів, говорючи своїм не сильним, але незвичайно сімпатичним голосом промову про значіння свята Кирила і Методія для всіх славян. Ця промова справила на присутніх незвичайно велике враження, і ще тоді у Драгоманова виникла думка занотувати висловлені ним ідеї. Так виникла стаття, яка друкується тут в перший раз в оригиналі, на російській мові (відомо, що Драгоманів свої публіцистичні твори писав як по українському, так і по російському, часто звертаючись безпосередне до російського читача).

---

[1]) Драгоманів був призначений ординарним професором з першого серпня 1889 р. наказом Мін. нар. освіти Живкова за № 427 і то на підставі ухвали болгарської ради міністрів від 23 травня того ж року. З Драгомановим склучений був контракт на три роки з правом продовження цього строку. Йому призначалася платня в 12000 фр. зол. за рік і давалося 1500 фр. зол. на переїзд з Женеви.

Мені здається, що в рік першого конгреса славянських географів і етнографів в Празі ця стаття набірає особливого значіння, як думка одного з найбільш видатних славянських синів, якому до того ж так часто несправедливо закидали, що він буцім то не визнає можливости славянської солідарности.

Драгоманів залишився, власне кажучи, прихильником ідеї українського Кирило-Методієвського братства.[1]) Він різко нападав на штучні і тим більше насильницькі спроби зближення всього славянства, але він завжди гаряче обороняв ідею культурної єдности славянських племен. І навіть в ту добу, коли російське ліберальне громадянство в супереч офіціальному славянофільству не виявляло великих сімпатій до славянських братів, Драгоманів рішуче воював за славянське зближення. Щоб переконатися в цьому, досить перечитати його чудові, часам прямо пророчі, статті, що й тепер не втратили своє значіння: „Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ" (1876), „Турки внутренніе и внѣшніе" (1876), „Внутреннее рабство и войны за освобожденіе" (1877) та „До чего довоевались" (1878 р.).

Ще в 1886 році Драгоманів зауважав, що російське громадянство не підготовлене до подій, що назрівали, що російська столична преса лівого напрямку замовчувала славянську справу і тільки праві газети, та провінціальні ліві говорили і за славян. Він писав: „Говоря вообще, печать тогда далеко не оказалась на высотѣ своего призванія. Одни толковали, что славянская борьба не ихъ дѣло, потому что ведется изъ-за стараго начала — національности, и забывали, что есть неизбѣжная историческая очередь началъ, въ силу которой сербъ или болгаринъ, пока не избавится отъ турокъ, будетъ глухъ ко всему другому, кромѣ вопроса объ избавленіи. Другіе уже совершенно по старому узаконенному и вѣроисповѣдному способу истолковывали тогдашнюю борьбу славянъ съ турками и такимъ образомъ направляли инстинкты общества совсѣмъ не туда, куда нужно".[2])

З цього еволюційного погляду Драгоманів, як ми бачимо з його статті, що подаємо нижче, — разглядає і загальне питання про славянське братство.

І тут він не забуває, що є „неизбѣжная историческая очередь началъ" і хоч визнає, що скептики мали поки що підстави сміятися над самим словом „славянське братство", все ж зважується зтвержувати, що ідея славянства не тільки жиє, але робит також успіхи серед певних славянських народів.

А закінчення статті прямо пророкує розвиток ідеї славянської культурної солідарности в майбутньому.

Як в багатьох иньших випадках, так і в цьому, великий українець мав рацію і виявив себе, при всьому своєму космополітизмі, славянским пророком.

Софія 28/V 1924 *Ив. Д. Шишманов.*

По случаю школьнаго праздника 11 мая.

День 11 мая, который по прекрасному обычаю въ Болгаріи считается преимущественно школьнымъ праздникомъ, есть конечно прежде всего національный болгарскій праздникъ, но въ тоже время это праздникъ и общеславянскій, такъ какъ работа солунскихъ братьевъ вышла рано за предѣлы Болгаріи и стала точкой отправленія культурной

[1]) М. П. Драгоманов, Чудацькі думки про Українську національну справу. Львів 1892, ст. 115, (2 видання. Київ 1913, ст. 62.): „програма Кирило — Методієвських братчиков 1847 р. Костомарова, Шевченка й інших й досі є найрозумніше зі всього, що вигадало українолюбство."

[2]) Драгоманів, „Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ" 1876.

жизни въ Моравіи, Чехіи, Сербіи, Руси. По этому мы позволяемъ себѣ думать, что напоминаніе объ этомъ всеславянскомъ значеніи 11. мая будетъ несовсѣмъ неумѣстнымъ среди національныхъ болгарскихъ манифестацій по поводу этого дня. Мы впрочемъ сочли бы совершенно естественнымъ, если бъ какой нибудь болгарскій патріотъ отнесся скептически и даже съ опасеніемъ къ подобнымъ напоминаніямъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ среди славянъ, особенно восточныхъ, которое такъ мало говоритъ въ пользу существованія славянскаго братства.

Но мы начнемъ нашу рѣчь именно съ надеждъ на такое братство, которыя мы переживали вмѣстѣ съ многими другими товарищами — учителями въ Россіи, въ концѣ нашей педагогической карьеры. которую мы могли теперь возобновить въ Софіи, благодаря любезному приглашенію болгарскаго правительства. Это было въ 1875 г. На европейскомъ политическомъ горизонтѣ, охраняемомъ союзами и министерствами, которые во что бы то ни стало желали поддержать status-quo, созданное войнами 1853—56 и 1870—71. гг., появилось облачко: возстаніе въ Герцеговинѣ. Можно было подумать, что это одно изъ обыкновенныхъ событій на балканскомъ полуостровѣ, которое не поведетъ за собою никакихъ послѣдствій, кромѣ потери нѣсколькихъ буйныхъ головъ. Но въ скромномъ школьномъ литераторскомъ мірѣ, въ какомъ я жилъ тогда въ Кіевѣ, событіе это произвело сильное впечатлѣніе: намъ казалось, что оно должно имѣть послѣдствія и мѣстныя и общеевропейскія, еще большія, чѣмъ тѣ, какія имѣло возстаніе грековъ въ 1821 г. Намъ думалось, что послѣ того, какъ совершились такія событія какъ освобожденіе и объединеніе Италіи и объединеніе Германіи, паденіе свѣтской власти папъ въ Римѣ и наполеоновскаго деспотизма во Франціи, — должно наступить и освобожденіе народовъ славянскихъ и ликвидація двухъ еще оставшихся наслѣдій стараго порядка : на Востокѣ Европы - деспотизма турецкаго въ Константинополѣ и бюрократическаго въ Петербургѣ. Мы ждали, что начатое въ Герцеговинѣ движеніе разрастется на всѣ славянскія и неславянскія земли балканскаго полуострова и произведетъ сильное моральное впечатлѣніе въ Россіи.

Особенно сильно такое сочувствіе и такія ожиданія проявлялись въ той части кіевскаго школьно-литературнаго міра, въ которой жили украинскія національныя стремленія, которыя еще въ 40-е годы проявили себя въ кружкѣ профессора Костомарова и поэта Шевченка. Объ этомъ обществѣ стоило бы разсказать здѣсь подробнѣе и мы, можетъ быть, сдѣлаемъ это въ другой разъ. Теперь мы скажемъ только, что оно называлось „Братствомъ Кирилла и Меѳодія“ и имѣло между своими цѣлями : народное образованіе въ Украинѣ или Малороссіи на народномъ языкѣ, затѣмъ освобожденіе крестьянъ и политическую свободу во всей Россіи съ признаніемъ автономіи ея областей и наконецъ свободную федерацію всѣхъ славянъ. и что въ 1847 г. члены этого начинающагося общества были арестованы и отправлены въ ссылку, въ которой главные изъ нихъ находились до 1857—1858 гг.

Раздѣляя въ основѣ мнѣнія Костомарова и Шевченка, украинскіе кружки среди учителей и студентовъ въ Кіевѣ считали освобожденіе балканскихъ славянъ близкимъ для себя дѣломъ, а потому когда одинъ изъ молодыхъ членовъ украинскаго учительскаго кружка, находившійся въ 1875 г. въ Прагѣ для печатанія полнаго собранія сочиненій Шевченка, котораго цензура не пропускала въ Россіи — написалъ друзьямъ своимъ въ Кіевъ, что среди австрійскихъ славянъ собираются деньги на помощь возставшимъ Герцеговинцамъ, — то и въ Кіевѣ собрана была небольшая сумма, которую я былъ счастливъ перевезти въ Австрію и передать въ редакцію одной сербско-далматинской газеты.

Это навѣрное была первая, хоть и небольшая помощь, оказанная изъ Россіи Герцеговинскому возстанію. Она исходила отъ людей, которые не имѣли ничего общаго не только съ офиціальными сферами, но и съ „славянскими благотворительными комитетами“. Эти комитеты вообще были и суть непопулярны въ Россіи въ литературныхъ и школь-

ныхъ кругахъ благодаря узко-конфессіональному и шовинистическому направленію, какое придали этимъ комитетамъ т. наз. „Московскіе славянофилы", а въ Кіевѣ они еще менѣе пользовались сочувствіемъ, вслѣдствіе того, что Кіевскій славянскій комитетъ сразу принялъ не только реакціонное, но и противуукраинское направленіе. Осенью 1875 р. въ Кіевъ пріѣхалъ одинъ украинецъ, бывшій воспитанникъ университета, съ намѣреніемъ собрать компанію волонтеровъ для Герцеговинскаго возстанія. Въ помощь этому предпріятію учителя Кіевскіе собрали нѣкоторую сумму, и человѣкъ 10—12 волонтеровъ выѣхало въ Герцеговину. Впрочемъ большая часть этихъ людей, никогда не видѣвшихъ горъ, не вынесла трудности горной войны и скоро возвратилась домой, но иниціаторъ дѣла оставался съ честью въ рядахъ „усташей" около года. Въ то же время и въ Одессѣ составился частный комитетъ, преимущественно изъ учителей, для посылки волонтеровъ въ Герцеговину и Одесская посылка оказалась нѣсколько удачнѣе Кіевской въ военномъ отношеніи. Особенно одинъ одесскій волонтеръ, украинецъ, студентъ университета, пріобрѣлъ даже большую популярность среди Черногорцевъ и Герцеговинцевъ. Напомню, что все это дѣлалось за годъ до того времени, когда предпріятіе ген. Черняева придало поѣздкамъ волонтеровъ въ Сербію полуоффиціальное значеніе.

Южнорусское движеніе въ пользу освобожденія балканскихъ народовъ имѣло вполнѣ свободное общеславянское происхожденіе и значеніе. Начавшись въ кругахъ учительскихъ и молодежи оно проникало въ разные круги общества и даже въ простой народъ. Несомнѣнно, что и въ Великороссіи, гдѣ это движеніе проявилось позже, оно не было цѣликомъ ни оффиціальнымъ, ни даже оффиціознымъ, а въ значительной степени и общественнымъ и цѣли его не вмѣщались въ дѣла славянскихъ благотворительныхъ комитетовъ, которые только потому поставлены были во главѣ дѣла, что уже представляли готовую, признанную правительствомъ организацію.

Вышедши изъ тѣсныхъ кружковъ въ общество и въ простой народъ — русское движеніе въ пользу славянъ въ 1876 г. приняло необходимо разныя элементы и окраски: ему сочувствовали и націоналисты и космополиты, и православные и свободные мыслители. Одни говорили: на балканскомъ полуостровѣ бьютъ православныхъ, другіе говорили: тамъ бьютъ славянъ, третіе —тамъ бьютъ людей. Но всѣ сходились въ одномъ: надо помочь ихъ освобожденію! Если движеніе волонтерское направилось исключительно въ Сербію, это только потому, что тамъ была извѣстная организація, которая привлекала къ себѣ волонтеровъ, но я прекрасно знаю, что были охотники и въ Болгарію, — я ссылаюсь на всю печать русскую того времени, которая говорила объ освобожденіи всѣхъ балканскихъ народовъ, хотя больше всего, конечно интересовалась славянами.

Весьма многіе возлагали надежды, что освобожденіе балканскихъ народовъ не останется безъ послѣдствій для освобожденія и народовъ Россіи. Ближайшія событія не оправдали этихъ надеждъ 1875—1876 годовъ. Не только берлинскій трактатъ, но и С. Стеф. договоръ не освобождалъ всѣхъ балканскихъ народовъ, даже славянскихъ: мало того, оба дипломатическихъ акта, какъ будто умышленно, заключали въ себѣ зерна, изъ которыхъ долженъ былъ развиться антагонизмъ между разными народами, даже славянскими. Освобожденіе Россіи совсѣмъ несостоялось. По всѣмъ этимъ и другимъ причинамъ произошли печальнѣйшія явленія, какъ сербо-болгарская война, враждебныя русско-болгарскія отношенія и т. п. Скептики имѣютъ основаніе совсѣмъ смѣяться надъ самими словами „славянское братство", — такъ какъ нельзя не видѣть, что у многихъ славянскихъ народовъ взаимная ненависть проявляется не одной только поверхностью, а проникла довольно глубоко и поддерживается многими органами печати съ усердіемъ, достойнымъ лучшей цѣли.

И тѣмъ не менѣе мы рѣшаемся утверждать, что нѣтъ еще основаній считать надежды 1875—1876 г. за умершія, и что идея славянскаго

братства все таки не только живетъ, но и дѣлаетъ успѣхи въ извѣстныхъ кругахъ населеній разныхъ славянскихъ обществъ. Таковы особенно круги научно-школьные и литературные. Въ доказательство сказанного я приведу нѣсколько фактовъ преимущественно изъ числа тѣхъ, какіе имѣютъ ближайшее прикосновеніе къ Болгаріи.

Такъ напр. въ послѣднее время чехъ, пр. Иречекъ, прежде уже написавшій лучшую исторію Болгаріи, издалъ двѣ книги, которыя представляютъ лучшія описанія современной Болгаріи, сербъ, Верковичъ опубликовалъ этнографическія работы о Македоніи, благопріятныя болгарскимъ стремленіямъ въ этой области. Въ Россіи Академія наукъ издала Сборникъ болгарскихъ нар. пѣсенъ г. Каченовскаго, а географическое общество готовится издать другой Сборникъ пѣсенъ македонскихъ, составленый Болгариномъ г. *Н. Н.* — русскій, г. Пыпинъ, напечаталъ увеличенное изданіе своей „Исторіи Литературъ славянскихъ", — въ томъ числѣ и болгарской, — трудъ, написанный съ самой широкой гуманной идеей сочувствія политической и культурной автономіи всѣхъ народовъ славянскихъ. Трудъ этотъ, служа учебникомъ ежегодно для сотенъ студентовъ, способенъ совершенно парализовать вліяніе тѣхъ оффиціальныхъ славистовъ въ Россіи, которые проповѣдуютъ шовинистическо-централистическія теоріи. Несмотря на дипломатическій разрывъ между правительствомъ Россіи и Болгаріи, большинство образованнаго общества въ Россіи высказывается печатно въ пользу автономіи Болгаріи. Утверждаю это смѣло, такъ какъ знающимъ дѣло извѣстно, что русское общественное мнѣніе представляется теперь гораздо вѣрнѣе т. наз. „толстыми журналами" или мѣсячными обозрѣніями, чѣмъ газетами, изъ которыхъ теперь едва 2—3 могутъ быть признаны независимыми и уважаются въ Россіи больше, чѣмъ листы съ новостями, терпимыя цензурою. Очень характерно, что либеральные журналы въ Россіи, которые симпатично относятся и къ автономнымъ стремленіямъ Болгаріи, служатъ органами мнѣній университетскихъ профессоровъ, бывшихъ или настоящихъ, и особенно популярны среди учителей и студентовъ.

Если обратимся къ Болгаріи, то здѣсь увидимъ, что не смотря на дипломатическій разрывъ ея съ русскимъ правительствомъ, русскій языкъ остается предметомъ ученія въ среднихъ школахъ, что библіотеки пополняются русскими книгами, такъ что теперь нѣтъ за предѣлами Россіи болѣе крупнаго покупщика на русскія книги, какъ болгарское Минист. Нар. Просвѣщенія. Въ то же время періодическая печать болгарская наполняется переводами съ русскаго, – а „Сборникъ Мин. нар. просв.", основанный преимущественно для изученія болг. нар. словесности, сразу присоединяется къ господствующему теперь въ европейской наукѣ сравнительному направленію въ этнографіи и неизбѣжно открываетъ свои страницы для сравнительныхъ излѣдованій прежде всего области славянской этнографіи, помѣщая при этомъ работы и неболгаръ, напр. Украинцевъ.

Такого рода явленія славянской солидарности въ области литературы совершенно естественны и количество ихъ можетъ только возрастать, — такъ — независимо отъ того, что теперь умственные интересы становятся вездѣ международными, специально въ славянскомъ мірѣ нельзя сдѣлать шагу въ изученіи исторіи и культуры одного племени, чтобъ не быть принужденнымъ вступить въ область и другого. При такой же неизбѣжной солидарности въ научно-литературномъ трудѣ другія проявленія братства между славянскими народами не замедлятъ явиться сами собою и такимъ образомъ наука и литература въ каждомъ славянскомъ народѣ рано или поздно создастъ между всѣми ими лучшія отношенія нежели теперешнія. Когда и въ какихъ формахъ проявятся эти лучшія отношенія, это, конечно, интересно для жизни индивидумовъ, но для исторіи цѣлыхъ народовъ, это дѣло второстепенное.

М. Драгомановъ.

Kritiky a referáty.

Des rapports linguistiques slavo-roumains.

(Voir »Slavia«, I, p. 485—494, III, p. 114—121 et »Revue des Etudes slaves«, III, p. 59—77.)

III.

Проф. Б. Цоневъ: **Езиковни взаимности между Българи и Ромъни.** (Extrait de „Годишникъ на Соф. Университетъ", v. XV—XVI.) Sophia 1921, p. 158 + II. (A suivre)

Dans ce qui suit, je me propose de dresser trois listes des étymologies fausses qu'on relève dans ses recueils. La première comprend les étymologies slaves, la seconde les étymologies latines que l'auteur aurait pu bien facilement connaître, s'il avait consulté les dictionnaires étymologiques modernes à savoir Meyer-Lübke, Romanisches etymologisches Wörterbuch (abrégé REW), Pușcariu (pour l'élément latin: Etymologisches Wörterbuch der rumänischen Sprache et pour d'autres son Dicționarul limbii române), Candrea & Densusianu, Dicționarul etimologic al limbiĭ române ou Tiktin, Dicționar român-german. On ne saurait excuser l'auteur d'avoir ignoré ces ouvrages très respectables. En se bornant aux seuls Miklosich et Cihac, il s'est condammé de parti pris à être arriéré dans le domaine de l'étymologie roumaine au moins pour une bonne trentaine d'années. La troisième de ces listes comprend les vocables roumains provenant d'autres sources et que l'auteur proclame à tort pour les slavismes.

1.

1. **bălărie** (p. 20, 50) »plante, mauvaise herbe« ne s'accorde pas avec *bylь(je)* à cause de *y* qui ne donne jamais *ă*. C'est plutôt *bălăĭor* »blanc, blond« + le suffixe collectif *-ie*. *bělъ* s'emploie très souvent dans les dénominations des plantes, cf. *bălugă*, *bălușcă* p. 44. Si la contraction *ăĭo* > *ă* paraît ne pas se rencontrer, on pourrait penser au suffixe *-ărie* (cf. Pascu, Suffixele românești p. 185, qu'on trouve p. e. en *bozărie* de *bъzъ*, *clădărie*, p. 67) ajouté à *bělъ*.

2. **bezmetic** »abasourdi« (p. 124) est mieux expliqué par ukraïnien *besmatok*, d'après Weigand et Tiktin, que chez M. C. Cfr. Pușcariu, Dicț. limbii, v. I, p. 552.

3. Dans **bidihanie** (p. 103) »monstre« il faut voir *bezъ* + *dihanie;* le groupe consonantique *zd* inusité dans l'élément latin a été reduit a *d*, v. Pușcariu, Dict. limbiĭ, I, p. 532 s. v. *bâzdâganie*.

4. **blasmotie** (p. 99) »scandale« n'est pas une contamination de *блазн* + *блъсн* + *басм;* c'est le nom abstrait *blaznostь* avec *-ie* pour *ь*

qu'on rencontre très souvent (cf. là-haut p....); le second *s* a disparu à cause de la dissimilation, cf. plus bas *pripi.* L'assimilation des labiales s'est produite comme dans *mulțumesc* pour *mulțănesc*, cfr. Pușcariu, Dacoromania, v. I, p. 324. Suivant Pușcariu Dicț. limbiĭ v. I. s. v. *blaznă* l'existence de ce mot serait suspecte .

5. **bleandă** (p. 129) »coup, taloche«, déverbal de *a blendì* »pousser« ne s'explique pas par *blędъ* à cause du vocalisme. Pour *ę* on s'attendrait à *in* ou *în.* Cfr. plutôt ukraïnien *blenditi* que Pușcariu, Dicț. limbiĭ, I. 578 évoque à propos de *blenderì* »gambiller«. Tiktin était très prudent à dire: origine inconnue.

6. **brâglă** ou **bîrglă** (p. 14, 39) »branche de tisserand«, c'est **bȑdilo** dans la Lika, v. Ak. Rj. I, s. v. Ce qui est curieux au point de vue phonétique, c'est la disparition de *i* inaccentué. Le mot, par conséquent, est entré dans le roumain après l'introduction de l'accentuation štokave (*brdȉlo* > *bȑdilo*) à peu près au XVIe siècle, à moins qu'il ne représente **bъrdъlo* cf. a. č. *brdlo.* Dans les parlers de la Lika on rencontre des syncopes de la voyelle inaccentuée: *iz Góšća* = *iz Góspića, kȍćē* = *kod kuće.* Le rapprochement juste du mot roumain a été déjà donné par Pușcariu, Dict. limbiĭ I, p. 638.

7. Il est tout à fait superflu de penser que **broboadă** < *podъbrada* »voile de femme, fichu« a été influencé par la racine du verbe *probod-*. Il n'y a pas d'association d'idées entre ce verbe et le nom. La métathèse de *r* est un phénomène des plus communs dans les slavismes roumains, cf. *procov* < *pokrovъ, potrivă* < *protiva. a* > *oa* après la labiale n'est pas non plus rare, cf. *sfoară* < *sъvara*, même dans les mots latins, tels *foame, foamete* < *fame.* Quant à *p* initial assimilé à la sonore suivante cf. *botlogar, bobotează.* L'explication juste se trouve déjà chez Pușcariu, Dicț. limbiĭ, I, p. 654 et Weigand, XV. Jahresbericht, p. 168.

8. **brocĭu** »encre rouge« (p. 46) est évidemment emprunté à scr. *broć*, non à *broštь.* V. Pușcariu, Dicț. limbiĭ, I, p. 655.

9. **buĭcesc** »croître avec exubérance« (p. 134) considèrent Tiktin et Pușcariu o. c. p. 680 mieux comme un dérivé roumain de *buĭac.*

10. **bulearcă** »mauvaise eau de vie« (p. 88) est une forme estropiée de *kořalka* > roum. *holercă,* le sens de *болярка* de M. C. étant trop loin. Cfr. aussi Pușcariu o. c. p. 684.

11. **călțĭ** »étoupe« (p. 14), à cause de *ț*, ne provient pas directement de *кльк*ъ; c'est plutôt un déverbal de bulg. *кълцамъ* (= scr. *kucam*) > *călțaesc, -iesc, -uesc.* Il y a aussi, avec la chute de *l* et le passage de *sc* > *sg* : *sgățăì, sghîțăesc* (p. 143). L'infixe *-ăesc* qui est caractéristique des créations onomatopéiques, nous dit qu'il s'agit d'une réforme onomatopéique (v. plus bas nro 18).

12. **căpiță** »petite meule de foin« est le déminutif de *kopa* du même sens, cf. Berneker 562.

13. Sur **cîrceĭe** (p. 72) »crochet d'attache du timon« v. Revue des Etudes slaves II, p. 63, 5.

14. **a se cărcì** (p. 12) »se crisper«, à cause de *c* au lieu de *g*, est à rattacher plutôt à scr. *skrčiti se* qu' à bulg., scr. *гърчи се*; v. Rev. Et. sl. II, p. 63, 5.

15. D'où a l'auteur *cărtiță* pour *кърпене* et quelle est la forme slave nous permettant de l'introduire parmi les représentants de ъ?

16. D'où est **cergă** et comment vient ce mot dans la liste de ъ, ь?

17. **cĭocălău** dont la désinence est d'origine hongroise: *ău* = hong. *-ó* = scr. *-ov* est sûrement en rapport avec scr. *čokov*, v. Rev. Et. sl. II, p. 64. Je ne comprends pas comment on le réunit avec *čokan*.

18. La voyelle *o* de **cĭorpac** »truble« (p. 13) ne peut provenir de hong. *cserpák* »coupe à boire«, mais du verbe *cĭorpăì* »puiser« où *o* a la valeur imitative, *-ăi* nous disant que nous sommes en présence d'une création onomatopéique qui a réformé le mot slave *črъpati*.

19. *ă* dans **cirăpeală** < *črъpalo* »vase pour puiser de l'eau« n'est pas la même chose que *i* en *cireadă*; c'est une voyelle svarabhactique, cf. *ciripie* < turc. *čirpi*.

20. *i* au lieu de *e* en **cirtă** (p. 13) n'a sûrement rien à faire avec l'accent *чертá* en bulgare; c'est simplement *r̥* > *îr* qui donne régulièrement *ir* après la palatale.

21. Adj. *citeț* »lisible« ne provient pas de la locution bulgare *чете се*. C'est un dérivé roumain de la racine slave *čьt-* au moyen du suffixe latin *-ĭcius* > *-eț* (cf. Meyer-Lübke, Rom. Gram., II, § 417 et Pascu, sufixele românești p. 317). Il en est de même de *isteț* < sl. *istъ* + *-ĭcius* (p. 35, 100).

22. Pour **cĭupelesc** »je plume«, il n'est pas nécessaire d'admettre le croisement entre *чупя* + *чопля*. C'est un verbe dénominal de *cĭupeală* de *a cĭupì* »pincer«.

23. Pour **claĭță** (p. 69) »petit tas«, déminutif de *clae* »meule«, c'est Tiktin p. 371 qui a donné une bonne étymologie slave. Ce n'est pas *klada*, c'est *kladńa* qui a abouti à *clae* après la disparition de *d*, parce que *dń* était un groupe des consonnes difficile à prononcer pour une bouche romane (cf. Cihac II, p. 60). Cette disparation a pu cependant se produire aussi bien déjà en slave, parce que *dń* > *dĭ* s'est conservé dans *zadĭe* ou *zaghie*; cfr. *skláńe* < *sъklad* + *ńe* dans les parlers des catholiques de Žumberak, AfslPh, XXXIII, p. 369.

24. **clenciu** »crochet« (p. 69) n'est expliqué ni par *клинец* ni par **кл**ѧ**к**. P. 50, l'auteur y rattache à tort turc *čengele* > *clengele* où seul *l* paraît être dû à *clencĭu*. Adj. *clencĭuros* dérive du pluriel.

25. On ne sait pas où l'auteur a puisé **cobaltiez** puisque Damé qui appartient parmi ses sources principales, a *a (se) cobălțì*, verbe qui semble contenir des éléments dont on trouve la trace en scr. *kobeļati se* = *kobacàti se* (en Žumberak).

26. **colnă** (p. 83) »remise de voiture«, à côté de *colniță*, correspond à scr. *kolnica* du même sens, adjectif substantivé de *kolo*. Le roumain a conservé aussi l'adjectif pur sans *-ica*.

27. Sur **colț** »coin« v. Slavia I, p. 485, I.

28. **cosițel** (p. 44) »Sium latifolium« semble être plutôt un déminutif de **kosa** > *coasă* »faux, serpe« qu'un dérivé du verbe *косu* »реже«. Est-ce le même mot que *cosețel* ou *coșițel* »chervis« chez Damé?

29. Il est fort possible que, d'après M. C. (p. 21) et Tiktin s. v. le groupe consonantique *šč* de **coșcĭug** »panier à anse« de *kovъčegъ* soit

dû à l'immixtion de *кошь* > *coș* d'où dém. bulgare *коше* qui se retrouve en *coșceĭu*. La véritable cause de cette immixtion, c'est que le groupe consonantique n'existait pas en roumain.

30. **costreĭŭ** (p. 44) »avena fatua« remonte à *kostrelь*, v. R. Et. sl. II, p. 66.

31. Sur **cotelì**, *cotilì* »fureter« (p. 135), *scotocì* v. R. Et. sl. II, p. 66.

32. **cotigă** »chariot« à côté de *coțiugă* (p. 20, 24, 72) n'a sûrement rien à faire avec *kotyga*, Berneker 591. C'est un dérivé (slave vraisemblablement) de la même racine qu'on a dans les verbes *kotati*, *kotrļati*, *koturati* au moyen du même suffixe *-iga* (cf. gaulois *-ūca* dans *carruca* > *charrue* qu'on trouve en *tàļige*. Quant au changement de *ĭu* > *i* cf. *ibov* pour) *ĭubov*.

33. Pour **covìrșì** »surpasser« (p. 135), c'est Tiktin s. v. déjà qui a repoussé le rapprochement avec *връхъ*. V. l'explication qui pourrait convenir dans la R. Et. sl., II, p. 66, 17.

34. **a se crăcănà** (p. 135) »écarter les jambes« est un dénominal roumain de *crăcan* < scr. *kràkan* Ak. Rj. V, p. 448 »homme aux pieds longs et grands« conjugué d'après les verbes à l'infixe verbal *-ĭnare* > *ănà*. Pour ce qui est de la forme et du sens cf. *răscrăcărà* (p. 142) avec scr. *krakar*. Le dernier verbe, à cause de la conjugaison *-à*, est à considérer comme une création roumaine.

35. **craĭnic** (p. 58) n'est nullement *кравайник*, mais *craĭnic* de *kraj* »contrée« au sens de »chef d'une contrée« (cf. Kadlec, Valaši a valašské právo p. 239, 473), élargi au sens de notabilité d'un cortège nuptial au titre que *kapètan* etc.

36. **cruh** (p. 24, 29) »caillou, gravier« n'est pas identique avec *крухъ* »pain«, mais avec scr. *gruh*, Berneker p. 357.

37. **curuĭu** (en Muntenie, p. 55) »épervier« s'accorde mal avec *крагуй*. Ce n'est que le suffixe qui est identique dans ces deux mots. Le premier élément est peut-être identique à *kurъ* »coc«, scr. *kùri* »poules«, Berneker p. 650. On sait que cet oiseau de proie est très dangereux aux poules. Il serait possible que *крагуй* soit entré d'abord en hong. *karvoly*, *-valy*, *karuly*, *karoly* »falco nisus« d'où, en roumain, *coroĭŭ*, *coruĭŭ* (cf. Tiktin).

38. La conjonction **de** »que, si« (p. 30) n'a rien de commun avec la préposition latine *de*.

39. Adj. **deletnic** »actif, occupé« (p. 129) ne saurait être séparé de l'adverbe *îndelete* »à loisir«, ce qui exclut tout rapprochement avec *dělo* donné déjà par Cihac, II, p. 91. L'étymologie plus juste a été proposée par Pușcariu, Dacoromania, v. I, p. 232 sq.

40. **desvălesc**, *-uesc*, »dévoiler, découvrir«, *învălesc*, *-uesc* (p. 136. '7) sont des dénominaux de *văl* < *veo* »voile«, v. Slavia, v. I, p. 487. et ne reflechissent pas *валяти*.

41. **dovadă** »preuve« (p. 98) est un déverbal roumain du verbe *a dovedì* »prouver« < *do* + *vědę*. C'est une création roumaine dont il n'est pas nécessaire de supposer un nom slave.

42. **gaĭe** ou *caĭe* »falco milvus« < scr. *kȁńa* qui entre comme second élément dans la composition hybride *uligaie* »idem« (cf. Cihac, v. II.

p. 536) < hong. *ölü* + *kàńa* (Berneker, 483). Sur la parenté entre *kańa*, *škańac*, *kobъcь* (Berneker, 535) et albanais *škabъ*, v. Arhiv de Barić, v. I, p. 226. Quant à l'alternance de *g* et *c*, cfr. *a găĭnà* à côté de *căĭnà*, dérivés roumains de *căì* < *kajǫ*.

43. Sur **gârloafă** (p. 71), v. Cancel, Termenii̯ slavi de plug în dacoromână p. 9, 13, 27 et mes remarques dans Slavia, v. III. p. 118. Si l'on admet avec l'auteur *gîrlă* < *gъrlo* pour base, ce qui est d'ailleurs aussi sémantiquement impossible, comment expliquer la désinence *-oafa*?

44. **ghicese**, *găcesc* »je dévine«, d'où le nom *ghicitură* »devinette« (p. 129) est à séparer de *gătăesc*. Le verbe roumain provient du dénominal slave *gatъkati*, *gatъčǫ* de *gatъka*.

45. **gînscă** (p. 18) à côté de *gîscă* »oie« serait emprunté suivant M. C. à des époques différentes. Cette pensée ne s'impose pas nécessairement, car la seconde forme n'est que la première avec *ns* > *s*, cf. *vînslă* à côté de *invîslesc* < *vęslo*. C'est un phénomène roumain qui n'a rien à voir avec le traitement des nasales en bulgare.

46. Le sens de **gîrneț** »plante, pousse nouvelle« (p. 50) nous défend de le faire remonter à *гръньць* »pot«. C'est un adjectif roumain devenu substantif du slave *grana* + suffixe latin *-ĭcĭu*.

47. **glod** »boue, motte de terre« (p. 49) est faussement identifié avec *glogъ*. Pușcariu, dicț. limbii̯, v. II, p. 276 le raproche plus justeɟ͡ent de russe *gluda* (Berneker, p. 308). Quant au changement de genre, mr. *grind* pour *gręda*, R. Et. sl. II p. 70, 31. Ce qui est le plus difficile à expliquer, c'est le changement vocalique *u* > *o*. Faut-il peut-être y voir une espèce de hyperroumanisme fait d'après *rudă* à côté de *rod* (cf. là-haut p...)? Il est possible d'y voir aussi l'influence des adjectifs *glodos* ou *glodoros* où *o* est dû à l'assimilation à la voyelle accentuée.

48. **goardină** (p. 35) est donnée faussement d'après Cihac, v. II, p. 123. Cela paraît être un adjectif, puisqu'il existe aussi *gordin*. Le rapprochement de *grozdъ* manque de précision, celui de Pușcariu, dicț. limbii̯, II, p. 287 est meilleur (russ. *gordina* viburnum lantana).

49. Le nom de lieu bulgare *Gurmazovo* (p. 39) est un adjectif possessif. Voilà pourquoi il faut penser à un nom d'homme qui lui a donné naissance, vraisemblablement à albanais *Gur maδi* »grande pierre«.

50. *horliște* »jachère« (p. 42, ici peut-être aussi *orliște* à la pag 37). Quant à la racine de ce mot, il faut peut-être invoquer *scr. ùgār* = *ogór* (Cihac) »jachère« de *gorěti* »brûler«. Le mot roumain proviendrait de quelque dialecte ukraïnien. Cfr. *Gorlice*, nom de lieu, en Galicie.

51. Sur **ĭasmă** (p. 106) »cauchemar« v. ZfrPh XLIII, p. 193 et Rev. Et. sl. II, p. 60, note 6, Pușcariu, Dacoromania, III, 838.

52. Sur **ĭată** (p. 145) »voilà« v. AfslPh., XXXVII. p. 89, 1 sq.

53. Le suffixe **-ica** > **-iță** (p. 26) pour indiquer la femme mariée se rencontre aussi en Bosnie (Travnik, chez les catholiques): *Jozìnica*, *Perìnica*, la femme de *Józo*, *Péro* etc.

54. **înăbușesc** »s'enfler« (p. 138) est mieux comparé chez Tiktin à scr. *nàbušiti se*.

55. **(în)nădi** (p. 137) au sens de »ajouter, allonger, renoncer« peut être aussi emprunté au slave *na* + *děti*, mais dans ses autres sens il

est une création roumaine de *nadă* »leurre, appât« avec le préfixe *în*. L'exemple est donc très intéressant, parce qu'il montre que le roumain a remanié ses mots slaves à plusieurs reprises.

56. *j* en **îndîrjesc**, *îndîrjie* (p. 12) »irritation« à côté de *dîrzie dîrzoĭŭ* n'a rieu à voir avec *ž* de *дръж-*. C'est un phénomène purement roumain (*z* > *j* devant *ĭ*). Cihac a eu raison ici.

57. **ĭov(ă)** »salix caprea« (p. 49), quant à la forme, semble être identique à scr. *jóva* pour *joha* < *jalъha* »aune« plutôt qu'à *iva* que propose aussi Tiktin p. 852. Pour ce qui est du changement des noms des plantes cfr. en scr. *jablan* anciennement »pommier«, maintenant »peuplier«.

58. Pour **iscalesc** (p. 119) »je souscris«, c'est Tiktin qui a déjà donné une très bonne étymologie slave: p. p. *iskalъ* du verbe *iskati* »faire une pétition«.

59. Le sens de **istovesc** »je finis, achève, termine, liquide«; (p. 137) nous défend de le dériver de *istovъ* »vrai«; c'est *vъzъstavěti* scr. *ustaviti* »arrêter« qui convient. *o* pour *a* est dû à la labiale, cf. *gîrbov* < *grъbavъ* Pour ce qui est de *vъzъ* > *is* cfr. *izbrănesc* < *възбранити*.

60. Cihac II, p. 151 avait raison d'expliquer **istrăvesc** (p. 137) »dilapider« par *sъtraviti* »consumere«, car *i* prosthétique se trouve quelquefois devant *s* + *k* comme en *ispisoc* (p. 119), *ispăsesc, ispas* où il provient de la confusion avec le préfixe *izъ*.

61. Dans la locution adverbiale **de izbeliște** (p. 146) »à l'abandon« il s'agit d'un nom de création roumaine que Tiktin avait déjà très bien rapproché de *băteliște, priveliște*, tous dérivés roumains de *băteală*, *priveală*. Il faut donc supposer ici aussi *izbeală* de *izbì*. V. Pascu. Suffixele românești p. 239.

62. **loavă** (p. 37) »surabondance, timpul prielnic« ne remonte pas à *lovъ*; ce sera plutôt un déverbal roumain de *lovì* (cf. *coasă* »fauchage« de *a così* ou *pază* de *a păzì*) ou bien il faut considérer *-ă* comme dans *stînă* v. là-haut p.

63. **mădăresc** »mignarder, mignotter (p. 18, 130, 138)« et *mădăție* »opiniâtreté« sont loin de *mъdlъ*. Il s'agit peut-être dans le premier mot des modifications qu'avait fait subir le langage enfantin à scr. *máziti* »gâter (un enfant)«.

64. Pour **mocirlă** (p. 40) »marais« v. Slavia, I, p. 490, 6. M. Pușcariu, Dacoromania, III, p. 832 propose plutôt *močidlo*, avec *dl* > *rl*, mais le groupe consonantique *dl* n'est conservé que dans les langues slaves du Nord-Est (tchèque, polonais). Les parlers yougoslaves, source immédiate du mot roumain, le remplacent par *l* (*mòčilo*).

65. **morav** (p. 27) »coutume« serait d'après Tiktin p. 1035 et l'auteur un produit du croisement entre *mōs* + *nъravъ*, ce qui est évidemment faux, *mōs* ne s'étant conservé qu'en partie en roman REW 5698. C'est plutôt le même mot que *nărav* (*nravi* = mœurs) avec l'assimilation *n* - *v* > *m* - *v* comme en tchèque *mravi, mravní*.

66. **năruesc** »s'écrouler« (p. 139) ne s'accorde pas avec *rinǫti*, c'est *na* + *rujǫ* de *na* + *rovati* qui convient mieux. D'après le modèle de tels verbe, il semble que *nazyvati* ait été conjugué dans les dialectes slaves où le roumain a puisé son *năzuesc* »s'adresser à qu.«

67. Sur **năsdrăvan** (p. 103) v. Slavia I, p. 493, 9.

68. **nemernicesc** (p. 125, 139) »vagabonder« ne devrait pas figurer dans une liste des emprunts slaves. C'est un dérivé verbal roumain de l'adjectif roumain *nemernic* ⟨ slav. *naměrьnъ* + lat. *-icus*. La forme supposée par M. C. *nenaměrnik* est tout à fait superflue. Cfr. la bonne explication chez Tiktin, p. 1050 s. v.

69. Le suffixe adjectival *-nic* (p. 27) pour lequel M. C. donne des nombreux exemples n'est qu'en partie slave; c'est *-ьnъ* + lat. *ĭcus*, v. Slavia, I, p. 494, note 1. Il faut le distinguer nettement de l'autre suffixe *-nic* ⟨ *-nikъ* qui sert à former des noms d'agent en roumain aussi bien qu'en slave et qui est tout entier d'origine slave. Ce fait a été méconnu aussi par Pascu o. c. 337.

70. **obraznic** (p. 126) »effronté« est un adjectif. roumain. Quant au sens, il faut admettre dans le dialecte slave respectif d'où il provient un sens ironique de *obrazъ*, cfr. en Bosnie *a jȅs ga obràzli* au sens: Voilà un effronté. *obràzli* est formé avec la désinence turque.

71. **obreaza** à côté de *obreajă* (p. 41) »terre haute et stérile« ne réfléchit pas *обрешь*, mais *obrěžь* de *brěgъ* · *obréjie* avec *-ie* pour *ь* en est la preuve. *-ă* pour *-ie*, *z* pour *j* sont du au pluriel *obrejĭ*.

72. **obrintesc** (p. 18) »devenir rouge« serait d'après Cihac II, 222 et M. C. *obrъditi se*. Quant au sens, parfaitement, mais quant à la phonetique, c'est Tiktin p. 1074 qui dit mieux: origine inconnue, à moins qu'il ne faille admettre *n* secondaire devant la dentale et *nd* ⟩ *nt*.

73. **ofilesc** (p. 139) ou *ovilesc* »flétrir« s'explique très bien par l'adjectif *uvehlъ* = *ufȅl* chez les catholiques de Žumberak. C'est Cihac v. II, p. 235 qui avait raison. Bulg. *ухиленъ* »grinsend« de M. C. ne convient ni au sens ni à la forme.

74. **ogoesc** (p. 24) »calmer« ne contient pas le préfixe *o-*, mais *u*(*gojiti*) cf. scr. *upokojiti*. Quant à *u-* ⟩ *o-* cf. Slavia, I, p. 493, 12. *răzgăesc* »gâter un enfant« que Cihac II, p. 226 rattache à *goj* »paix« appartient, comme l'auteur a très bien vu (p. 142), à bulg. *разгалям* de *gal'ъ* (Berneker, 293.)

75. **ojina** (p. 86,) »collation« est emprunté à scr. *užina* (chez tous les Scr. de religion orthodoxe) à côté de *južina* qu'employent les catholiques. Pour *o-* v. nro 74.

76. Pour **opintesc** (p. 139) »arrêter« il convient mieux *upęti* que *opęti*.

77. Pour **oploșesc** (p. 139) »protéger« l'auteur propose justement avec Cihac, v. II, p. 229 *oploštǫ, oplotiti*, un dénominal slave de *plotъ* »saepes«; mais il ne se rend pas compte de *ș* au lieu de *șt*. C'est pour cela vraisemblablement que Tiktin pensait à *plohъ* qui ne convient non plus. Je crois que *ș* provienne de la dissimilation *șt* — *șt* ⟩ *ș* — *șt* qui s'est produite dans la deuxième et la troisième personnes du singulier.

78. **pălicĭŭ** (p. 21, 64) pour *policĭŭ* »petit verre« n'est pas dû au croisement *паля* + *паличе*. Le mot est identique à scr. *polić*, mesure pour les liquides, qui est un calque linguistique de all. *Halbe* ⟩ *hȏlba*. Le changement de *po-* ⟩ *pă* se trouve p. e. en. *căpiță* nro 11.

79. La désinence *-ie* en **pîrghie** (p. 79) »perche« de **prînghie* (pour la métathèse cf. *pîrleaz* ⟨ *prilazъ*) pour lequel M. C. propose bien *prǫgъ* (cf. hong. *porong*) est due à *salcie, stînghie, osie, jerdie* (⟨ *žrъdь*).

80. **pîrdalnic** (p. 13. 126) »diable« est sans étymologie. C'est l'adjectif roumain de scr. *prdalo* qui provient de son côté du verbe *prděti*, v. *AfslPh.* XXXVII, p. 92, 3. J'approuve par là l'étymologie de Cihac, II, 245.

81. **pîrpălesc** (p. 140) »rôtir, diminuer« réfléchit sans doute *prěpaliti*. Quant à *prě* > *pîr* cf. *pîrleaz, pîrlog*.

82. Les verbes roumains provenant du slave ont, dans la plus grande majorité de cas, le radical présent pour base. Ce ne sont que **plutì** < *plovǫ, pluti* »nager« et *izbutì* < *izъbyti, izъbǫdǫ* qui font exception. C'est donc mal à propos d'indiquer *плувамъ* comme base de *plutì* (p. 140). En scr. on a un infinitif analogique *plutati* qui pourrait suffire à la rigueur Si le roumain a pris cette dernière forme pour base, *plutì* ne fait par d'exception à la règle générale.

83. **pobedesc** (p. 123), *povedesc, podidesc, prididesc* que l'auteur donne pour »vaincre« d'après Cihac, II, p. 219, ne vont évidemment pas ensemble.

84. **pocesc** (p. 140) »défigurer« réfléchit *podъtъčǫ* (cf. *pȍtka* au Monténégro »grana koja se udari u livadu, da se zna dokle je zabranjeno«).

85. **poftă** (p. 86) »souhait« ne remonte pas à *похотъ*, c'est un déverbal roumain de *poftì* < *pohъtěti*.

86. **poghîrcă** (p. 126) »nabot, ragot« ne repose pas directement sur *набиръкъ*; ce sera plutôt le déverbal roumain de *pobîrcì* < scr. *pabirčiti*.

87. Si nous avons **polegniță** (p. 21) »verglas« pour *поледица*, ce n'est pas comme le voudrait l'auteur, à cause du croisement avec *полегна*. Le mot roumain remonte à un adjectif substantivé slave *poledьnъ* + *-ica* avec la dissimilation advenue dans le groupe *dn* > *gn*, cf. *tn* > *cn* dans *jicniță* < *žitnica*.

88. **pomină** (p. 132) »commémoration« est le déverbal roumain de *pomenì* et ne réfléchit pas *pomin*. Pour *ѣ* $\underline{'}$ > *i* cf. *domiri* à côté de *dumerì*. Il en est de même de *prigoană, răscoală, roadă* (à côté de *rod*), *smintă* qui sont des déverbaux de *prigonesc, răscolesc, rodesc, smintesc*.

89. *o* en **popelcă** (p. 126) nous dit que ce mot ne provient pas d'un dialecte bulgare où ce mot a *e* comme en scr.; cf. *pepele* »cendrillon« (p. 126).

90. **pornì** (p. 70, 140) »mouvoir«, de même que *urnì* »pousser«, *zărnì* »se rabougrir«, ont été bien expliqués par Cihac, par *po-, u-, za* + *rynǫ*. A quoi bon proposer d'autres étymologies qui n'expliquent pas la forme et ne s'accordent pas avec le sens? La syncope vocalique après *r* devant l'accent n'est pas rare: cf. *surpà* < **subrupare*.

91. **posip** (p. 21) »sable« ou, avec la métathèse vocalique, *pisop* ne s'explique pas par *pěsъkъ*. Ce n'est que le déverbal de **posipì* < *posypati* comme **răsipă** de *risipesc*. C'est Cihac II, p. 213 qui avait raison ici.

92. **povîrș** (p. 38) »versant« n'est pas *повръшинє*, mais **površь*, cf. scr. *obȑš* (Žumberak), cf. AfslPh., XXXIII, p. 366.

93. Pour **prieten** (p. 132) »ami«, il n'est pas nécessaire de supposer comme base adj. *приꙗтьнь*, puisque *приꙗтель* aurait donné **prieteĭ* qui, considéré comme pluriel formé d'après le type *-el* — *eĭ*, avait engendré

un nouveau singulier *prietel* attesté (cf. Tiktin, p. 1252). Conformement à l'accent slave de *prijátelь*, on avait en roumain aussi *priétel*. Il en résulta ainsi une forme qui s'accordait mal avec le sentiment linguistique roumain, pour lequel *-el* de la terminaison était identique avec le suffixe déminutif *-el, -ea*. Le sens du mot n'impliquant aucune idée déminutive, on se tira d'affaire avec le changement du suffixe: *⊥ en, ⊥ in*, d'où *priéten, priétin*, ou avec + *-ĭcus prietnic*. Il n'y avait pas d'autre possibilité pour retenir l'accent slave.

94. **pripesc** (p. 68, 72, 141) aux deux sens »1. hâter, 2. mûrir de bonne heure« dérive sûrement de *prispěti* avec la chute de *s* dans le groupe *sp* à cause de la dissimilation qui s'est produite au présent **prispesc*. *припєкъ* de Cihac et de M. C. n'explique pas les sons. La seconde étymologie de Cihac, II, p. 293 était bonne.

95. **răspintinea** (p. 42) »carrefour« est une forme secondaire de *răspintie* < *razъpǫtьje*. V. d'autres formes chez Tiktin, p. 1305. Il semble que *pinten*, élargi au moyen de *-ella*, s'y soit introduit, sans qu'on puisse dire comment.

96. **sărăntoc** (p. 132) »mendiant« correspond à scr. *siròtan* »orbus« avec un autre suffixe *-ъk* (cf. *dobitoc*). *n* est secondaire, devant une dentale.

97. **a se sclăfărì** (p. 142) »rire« semble être une création onomatopéique. *sklabiti sę* est à écarter; cfr. *klakk* dans les langues romanes REW 4705, *klafùta* »une femme bavarde« en Žumberak, roum. *clefetì* »bavarder«.

98. **a sclipuì** (p. 142) = *a strînge* paraît reposer sur *sъlěpiti* plutôt que sur *съклеп-*.

99. **scoroceală** (p. 133) est un substantif abstrait de *scorocesc* »farfouiller«, non de *скор*. Il est probable que le verbe appartienne à *krok* »pas«: *ex* + *kročiti*. *o* serait une voyelle svarabhactique pour faciliter la prononciation du groupe consonantique ou onomatopéique.

100. **scotocesc** (p. 62) »fureter« ne s'explique pas suffisamment par *стъкеамъ*. C'est un dérivé roumain de *cotoc* < **kotъkъ*, cf. R. Et. sl. II, p. 66, 16.

101. **scrintesc** (p. 142) »tordre« s'explique par *sъkrętati* et non par *sъkrenǫti*.

102. **sdărià** (p. 143) ou *sgărià* »déchirer« ne s'explique pas clairement par *derǫ* (*dьrǫ*) d'où *dîrî* et le nom postverbal *dîră*. Reste à expliquer la conjugaison et *-ià* pour *î*. Ne serait-il pas possible d'admettre que le verbe slave a reçu en roumain la désinence des verbes onomatopéique *-ăì* (cf. *şovăesc* p. 143) changée en *-ià* d'après *sgăţăì* à côté de *sgâlţià*?

103. *a* **sdrenţuì** (p. 143) »déchirer« dérive évidemment de *sdreanţă* »lambeau«, adj. *sdrenţeros*, un mot dont la racine est la même que dans scr. *dróńcĭ*, sg. *dróńak, dròńavac, dròńeska, odrlija* du verbe *drijeti*. *sdreanţă* suppose donc *sъdren* + ьc. *-ă* serait d'après le pluriel. Cfr. aussi *trenţuì, trenţar, trenţăros* de la même famille avec la chute du préfixe et avec l'assimilation de la consonne initiale.

104. **seciŭ** (p. 19) »mâquis, forêt« est sûrement un mot d'emprunt très récent, non de *sěčь*, puisqu'il n'y a pour *-ь* ni *-e* (*veste*) ni *-ie*

(*trestie*). Sa base est le mot ékave *sěča* »frondes desectae pro pabulo hiberno« > **sece* considéré comme pluriel d'où le singulier *secĭŭ* d'après *lemn* — *lemne*.

105. **sfarogesc** (p. 88) »étuver, braiser« est un dérivé roumain de *sfarog* s. »vapeur«, adj. »steinhart« (Tiktin) qui provient de **skvarъkъ* > scr. *čvárak* »cretons« du verbe *čvariti*, cf. Miklosich, Et. Wb. s. v. *skver*, Bulg. etc. *spara* est évidemment à écarter. Quant à *-k* > *g* cf. *ovsigă* < *ovsik, strugure, vitreg* < *vitricus*.

106. *a se* **sfiì** (p. 99) »avoir honte, manquer de courage« n'a rien à voir avec scr. *svijam se* = bulg. *свивамъ се* »se courber«. Le changement de sens serait trop curieux. C'est bulg. *свѣня се* »j'ai honte« (Tiktin) de *свѣнъ* »honte«.

107. Pour **sfîrc** (p. 12), l'auteur ne donne ni de sens ni d'étymologie. C'est *sfîrcul țițeĭ* »tetin«, *sfîrc de bicĭŭ* »mèche de fouet« qui me paraît être en rapport avec *safȓknìti (se)*, en Žumberak, AfslPh., XXXII p. 377 § 54 a et *fȓknìti*, ib. XXXIII, p. 362.

108. A quoi bon rapprocher p. 133 **sfîrșință** de *свършъкъ* »fin«, le mot roumain étant une création indépendante du verbe slave au moyen du suffixe latin *-entia* > *ință*?

109. **sfrîncĭoc** (p. 54) »picus maior« (Cihac, II, p. 341 écrit *sfrancĭoc* et donne d'autres formes bien curieuses, v. aussi Tiktin p. 1420), *sfîrcĭoc* réfléchit regulièrement **svračьkъ* = scr. *svráčak* »emberiza hortulana« de *svraka* > **sarcă* > *țarcă* avec *n* secondaire comme en *scîncì* et avec *ъ* > *o* comme en *dobitoc, sfarog*.

110. **sgornì** (p. 143) »chasser« est identique à scr. *gurnuti* de *gurati* »pousser«. *o* pour *u* s'explique par *pornì, gonì* etc.

111. **smuncesc** (p. 18) »tirer« n'est pas *smyčati*, mais scr. *smúcati, smûčem* cf. Cihac, II, p. 350. *n* secondaire est dû à la nasale précédente. C'est un fait roumain: *mînjì* < *mazati*.

112. **staroste** (p. 58) »entremetteur de mariage« n'est évidemment pas *starosvatъ*, mais *starosta*. Le changement de *-a* > *e* est d'après *frate*.

113. Sur *a se* **stîrcì** (p. 143) »se blottir« v. R. Et. sl. II, p. 63, 5. Quant à *scr* > *str* cfr. *stropì* pour **scropì*, Cihac, II, p. 375.

114. **stîrculeț** (p. 12) ne s'accorde pas avec *вършец*. M. C. nous renseigne généralement très mal sur les mots roumains qu'il cite. Où a-t-il puisé celui-ci? Au sens indiqué, il ne paraît pas qu'il soit à comparer avec *u štȓk* s. m., vb. *uštȓkäti se* qu'on dit dans le patois de Žumberak pour le bétail qui, piqué par le taon, lève la queue et se met à courir.

115. **stîrnesc** (p. 143) »exciter, remuer, pousser« n'est expliqué ni par *strъmiti* de *strъmъ*, d'après Cihac, II, p. 369 ni par *strъvъ* > *stîrv*, d'après l'auteur. En scr. il y a *utŕnuti* »éteindre« < **utrgъnǫti* qui correspond, quant au sens, à *exstinguere* dans les langues romanes REW 3070, 8262, *stîrnesc* serait **sъtrъgnǫ* de *trgati*.

116. M. C. se contente beaucoup de fois des rapprochements vagues qui n'expliquent pas tout le mot. En voilà un exemple bien caractéristique . **străpezesc** (p. 13, 86) »rendre âpre« serait d'après lui *истрънянува* ou *стрънтими*. On voudrait savoir d'où vient *z*, si c'est juste.

117. **strighe** (p. 23, 74) »miélat« s'explique difficilement par *трьдь*. č. *stred'*, gen. *strdí* nous autorise à supposer **strьdь* d'où regulièrement *stredie* (Mardarie) ou, à travers de *di̯e* > *ghie* (cf. *zaghie* pour *zadie*, *ghĭavol* pour *dĭavol*), *strighe*, le second *i* étant tombé à cause de la dissimilation.

118. Il est vrai que **strivesc** (p. 143) »briser« s'explique par *сътрыти*, mais il reste à expliquer encore *v*. Cihac, II, 374 propose bien *sъtryvati*.

119. Sur **strugur, -e** (p. 51) »grappe«, v. ZfrPh. XLIII, p. 191, 10., Pușcariu, Dacoromania, III, p. 838 sq.

120. Pour expliquer **strujesc** (p. 77) »tourner«, il n'est pas nécessaire d'admettre le croisement *стругати* + *стържа*, puisque les verbes roumains d'origine slave ont généralement pour base le radical présent. *stružǫ* suffit complètement.

121. **svîrlesc** (p. 12) ou *asvîrlesc* »jaillir, jeter« est onomatopéique; cf. les mêmes sons imitatifs dans *nacvr̄lìti se* »boire à longs coups« (Žumberak) et Miklosich, Et. Wb. s. v. *skverl*. Cfr. aussi Pușcariu, Dicț. limbii, v. I, p. 395.

122. Il est fort douteux qu'on ait dans le nom de lieu **Șipot** (p. 26) »fontaine« l'article bulgare. Une autre variante de se mot onomatopéique se rencontre en **șopot** »murmure«; cf. Cihac, II, p. 387.

123. Adj. **șugubeț** (p. 18, 100) »malicieux, drôle« dont le suffixe est latin *-ĭcius* > *-eț* évoque le nom **deșugubină** »crime« < *dušegubьna*, une comparaison que Tiktin avait déjà très bien entrevu. Il faut donc pour l'adjectif roumain supposer un nom slave **dušegubъ* avec la même metathèse de *u* — *e* > e — *u*. *de-* assimilé au préfixe roumain *de* a fini par disparaître.

124. Pour **tărniță** „пѫтека отъ добитъкъ" (p. 42), l'auteur ne donne ni source ni étymologie. C'est **trъvьnica* de *trъti*, cf. scr. *utrt put* = *utrènīk* »via trita«.

125. *ș* dans *tîrș* »buisson, fagot« (p. 13, 50) s'explique par le pluriel d'où le déminutif *târșiță* »sarculum« qui n'a rien à voir avec le verbe *кръшити*.

126. **tîrșesc** (p. 13, 144) »blossstellen, entblössen« s'explique mal par *тършувам* »eifrig suchen«. C'est scr. *trsiti se* = bulg: *тръся* qui convient mieux. *s* > *ș* devant *ī* de l'infinitif correspond à *tussīre* > *tușì*. Quant au changement de sens, cfr. *lovì* < *loviti* »frapper« ou *cîștigà* < lat. *castigare* »gagner« où l'action a été remplacée par son résultat.

127. Dans **trensi** (p. 144) la voyelle ne peut remonter à ѧ, puisqu'on s'attendrait à *in* ou *în*. Peut-être faut-il y voir scr. *tresem tresti* avec *s* > *ns* secondaire comme en *însurà* < *uxorare*.

128. **trînsită** (holda) „полегнала" (p. 71) s'accorde mal avec *трѫт*; c'est plutôt scr. *trus, trusiti* < *trǫs* (cf. Miklosich, Et. Wb. p. 360 s. v. *tręs*) qui convient mieux.

129. **tulbă** (p. 122) »carquois« ne s'explique qu'en admettant le croisement entre *tulъ* + **tolóbă* < *tobola*, à moins qu'on ne préfère le rapprochement avec džag. *tulb* »sac de peau« qui est sans doute apparenté avec turc *torba* > roum. *torbă*, *tolbă* »carquois« et dans beaucoup d'autres langues. Toute cette famille me paraît d'origine turque très ancienne.

130. **țărină** (p. 68), *țárnă* »Flur eines Dorfes« ne provient directement de *цѣлина* > *țelînă* qui serait d'après l'auteur un emprunt plus récent. *r* < *l* ne se rencontre pas dans les mots slaves. Ce phonème est caractéristique pour l'élément latin, albanais et grec. Il faut peut-être y voir un adjectif slave du mot latin *țară* < *terra* + *-ina* ou *-ьna.*

131. **țélină** (p. 41) »friche, jachère« se rapproche mieux de scr. *cìlina* »idem« (l'accent est de Žumberak, catholiques) que de *цѣлизна*, cfr. aussi Pușcariu, Dacoromania, III, 836.

132. La façon d'exprimer la valeur intensive de l'adjectif par la répétition en ajoutant un suffixe encore à l'adjectif répété en dernier lieu: *un cuțit nou nouț* (p. 32) »un couteau tout à fait neuf« a son analogie parfaite aussi en scr. *nòv nòvcât, isti istacat* »le même«. La forme roumaine nous permet d'analyser le suffixe scr. plutôt que celui de l'expression analogue en bulgare. C'est un suffixe composé *-ьcь* + *-at.* Le roumain n'a maintenu que la première partie de ce suffixe composé ou bien, on pourrait à la rigueur y voir le déminutif roumain **-uț** > *-ĭceus*

133. Pour **verigea** (p. 85) »anneau« il n'est pas nécessaire de supposer **veriže, -gea* s'expliquant facilement par *-g* + *ella.*

134. **vîrcolesc** (p. 12, 145), *svîrcolesc* »se rouler«, à cause de *c*, semble se rapporter plutôt à scr. *zvȑk* »trochus« qu'à bulg. *връгалямъ, сврѫголи се.*

135. **vîrticap** (p. 54) »jynx torquilla« semble contenir à moitié la traduction roumaine de *vrtoglav.*

136. a) **viscol** (p. 37) = *vicol* »tourbillon«, b) *vîjîeala* de *vîjîesc* »siffler (vent)« ne peuvent être rattachés à *виялица*. *vîjîi* est une création onomatopéique, comme le montre *-ăi* > *îi* après *j*. De ce verbe aucune route ne mène au premier groupe. De *vijati* il y a *viliște* ou *vieliște* „вѣтровито мјесто за гумно" pour lequel l'auteur ne donne pas d'étymologie. C'est sûrement *vijalište* avec *ja* > *i* qu'on connaît. *orliște* reste à expliquer.

137. Adj. **voĭnic** (p. 121) »brave, courageux« ne provient pas de nom slave *vojnikъ* »soldat«. C'est une formation roumaine du nom slave *vojь* »armée« (cf. *vojevoda*) au moyen du suffixe adjectival hybride *-nic* < *-ьnъ* + *-ĭcus*, ou plutôt c'est l'adjectif slave *vojьnъ* qui a été roumanisé au moyen du suffixe latin *-icus*. Il en est de même de l'adjectif **strașnic** (p. 127) < *strašьnъ* + *icus.*

138. Sur **vorovì** (p. 27, 95) < ukraïnien *hovoryty* »parler«, v. Romanski, Weigands XIII. Jahresbericht, p. 107 sq.

139. *dn* > *n* dans **zăbranic** (p. 21, 85) »crêpe« < *za* + *bradъnikъ* de *brada* n'est pas dû à *браня*. C'est simplement la réduction d'un groupe consonantique étranger au roumain, cf. *vornic* pour *dvornikъ.*

140. **zadie** (p. 84) ou *zaghie* »tablier«, très loin du verbe *zaděti*, a été très bien expliqué par adj. f. *zadńa* (sc. *sukńa*) par Drăganu, Dacoromania I, p. 306 sq., cfr. *spòdńa* dans quelques villages catholiques de Žumberak.

141. On s'étonne de lire pour **zăpartă** (p. 101), »reprimande« l'étymologie de Cihac запрѣтити qui est fausse. M. C. cite au même endroit bulg. *запарта* qui doit être considérée comme véritable source.

142. zgîrnăilă (p. 127) »avare« dérive évidemment de scr. *zgrtati, zgrnuti* (sc. novac na kup) > *mă zgîrnăesc* et non de bulg. *сгжрнал се = стиснал се*. Quant au suffixe, il y a un croisement entre *-alo* (cf. *puhalo, blebetalo* + *-ilo* provenant des noms propres tels *Dáne — Dànilo* > *-ală* + *-ilă*. La bonne explication du mot en question se trouve chez Pascu, Suffixele românești, p. 330.

2.

143. *a se* aciuà (p. 134) »se glisser, se sauver« ne peut pas être slave à cause de la conjugaison. C'est dans REW 1802, Pușcariu, Dicț. limbii I p. 19 etc. qu'on trouve l'étymologie juste: < *ad* + *cellare* de *cella* . *aciolă* d'où *acioală* »abri« y a été expliqué également.

144. Pourquoi acoperiș (p. 150) »toit« serait-il pour **apocriș* et celui-ci de *покрив*, *acoperiș* étant une création roumaine avec le suffixe bien connu *-iș* du verbe *acoperì*?

145. adià (p. 134) que M. C. écrit mal, est latin déjà à cause de la conjugaison: **aduliare* REW 4260 et Pușcariu, Dicț. limbii I, p. 42 etc.

146. Pour astrucà (p. 35) »couvrir« < **astruicare* REW 648 et Pușcariu Dicț. limbii I p. 332; c'est à cause de la conjugaison qu'il faut abandonner l'étymologie de Cihac *sъkryti*.

147. buestru »qui va l'amble« (p. 128) d'où *buiestraș, -uș* n'a rien avoir avec *bujь*, comme le montre le suffixe qui ne peut être que latin *-ester*. Il est par conséquent à écarter de *buiac* »dru, fertile«. L'étymologie qui suffit, est proposée par Pușcariu, Dicț. limbii, I, p. 680 et qui me plaît plus que celle de REW 1245.

148. căer (p. 68), dém. *căerel*, »quenouille« ne s'accorde absolument pas avec *кждѣль* malgré le sens identique auquel avait songé déjà Miklosich; il faut plutôt envisager la possibilité d'un déverbal **carium* de *carere* ZfrPh. XXVIII, p. 689 sl. ou dire prudemment avec Tiktin: origine inconnue.

149. A quoi bon pour *căpros* de *capră* »mîndru și trutaș ca o capră« (p. 128; quant au sens cfr. *kòmprič*, Štrekelj, Zur slav. Lehnwörterkunde, p. 32) proposer кыпр - qui n'explique pas la voyelle?

150. ciutură (p. 64, 82) »godet« de même que ital. *ciotola* remonte au grec *κότυλος* avec *v* > *iu* comme en *jur* < *γῦρος*, *acciuga* < *ἀφύη*, *Corcyra* > *Curzola* > *Korčula* (cf. Archivum romanicum, VIII, p. 153, 7) et la métathèse *o — iu* > *iu — o*, REW 2290, 4749; scr. bulg. *ćutura* (*čentüra* chez les catholiques de Žumberak) est emprunté à roum., cf. Berneker p. 164, Capidan, Dacoromania, v. III, p. 194 sq.

151. La consonne finale de cot »coude« au lieu de **cod* (d'où sait M. C. que *cubitu* aurait évolué ainsi?) s'explique par bulg. *lakot*, dit-il (p. 28): C'est une supposition superflue. Le mot latin, quant à la consonne finale, a régulièrement abouti à *cot*. Ce n'est que la voyelle qui fait difficulté. Pour la comprendre, il faut prendre en considération le vocalisme de *nūbilu* > *nuăr, noor, nor* (cfr. Candrea-Densusianu, Dicț. etym., p. 185) qui se prête à la comparaison. *Nuoř*, avec la métathèse vocalique, a donné *nour*. Il en était ainsi peut-être aussi dans **cuot* >

**cout* dont le pluriel **couturĭ* > *coturĭ* a fait disparaître *u* par suite de la dissimilation vocalique. Ce pluriel engendra le nouveau singulier *cot* d'où, à leur tour, *coțĭ* ou *coate*. Le bulgare n'y est pour rien.

152. M. C. a eu la curieuse idée p. 108 à supposer pour roum. **creștin** »chrétien« hongr. *kerestyen* qui repose complètement sur slave *krščanin* comme forme intermédiaire. C'est absurde. Il n'y a pas d'influence hongroise sur la nomenclature chrétienne roumaine. *creștin* correspond, pour ce qui est du traitement du groupe consonantique *stį*, à frç. *chrétien*, c.-à-d. il n'a pas suivi la même route qu'on trouve p. e. en *mixtionare* > *mișunà* etc. où, déjà en latin, il y avait *stį* > *ss*, cfr. *depossio* < *depostio* sur une inscription dalmate (cfr. Pojave, p. 40, 67). C'est grâce à l'influence toute puissante des prédicateurs mieux initiés au latin classique que *stį* a pu mieux se maintenir ici qu'ailleurs. Quant à *-ianu* > *in*, il n'y a ici aucune irrégularité, cfr. *filianu* > *fin*. On pourrait d'ailleurs pour *stį* admettre le même traitement que pour sc^e > *șt*, *tį* ayant donné *ț* (cf. *puteu* > *puț*). *creștin* de même que *biserică* témoignent de l'existence de la terminologie chrétienne chez les Roumains avant l'arrivée des Slaves, ce que nous confirme aussi la terminologie chrétienne des Albanais. Il est temps de refaire l'importante étude de Miklosich sur cette matière en prenant pour base l'histoire du christianisme dans les pays danubiens doublée de la recherche linguistique comparée sur cette terminologie dans les langues balkaniques. C'est ce que je me propose de faire, il y a déjà longtemps.

153. **crunt** (p. 16, 100) »cruel« est latin: *cruentus* Pușc. 418, REW 6455.

154. On ne sait pas d'où est le verbe **cruntà** qui, à cause de la conjugaison ne peut provenir du slave. On ne trouve que *a încruntà* où *crunt* n'est pas de *krǫtъ*, mais de *cruentus*.

155. **cumet** (p. 35) »jose« est trop loin de *kъmetъ*; c'est *committere* REW 2086.

156. **custură** (p. 66) »mauvais couteau« est aussi latin: < **cuțitură*. Pour ce qui est de l'haplologie *țit* > *st*, cf. *toțĭtrei* > *tustrei*, *negustor* < *negotiatorem*. Le mot scr. et bulg. provient du roumain (en Žumberak *kostùra*), Berneker, 652. Il se trouve jusqu'en Slovénie; *kostûra* (Pleteršnik, I, p. 444). Cfr. maintenant l'excellente étude de M. Capidan, Dacoromania, v. III, p. 207 sq.

157. **destúl** (p. 145) à côté de *sătul* »assez« est latin: < *de* + *satullu* REW 7620 etc., la préposition *de* étant très usitée dans les adverbes roumains, cf. *de abia* (ce n'est pas non plus slave), *deosebì* etc. Quant à la syncope *ă* cfr. *negustor* pour *negutător*. Elle pourrait être due à slave *dosta*.

158. Dans **dornic** (p. 21, 27) = *doritor* »aimant« seul le suffixe est à moitié slave: *-ьnъ* + *icus*. C'est un adjectif roumain de *dolus* > *dor*. Le nom slave *dvornikъ* auquel l'auteur a pensé en ce lieu a donné *vornic* avec la suppression de la consonne iniatiale d'un groupe inusité.

159. **dumeșnic** (p. 71) »apprivoisé« a été bien expliqué par Pușcariu 556.

160. **ghioagă** (p. 9, 49) »bâton« n'a rien à faire avec *glogъ*, comme le voudrait Cihac, II, p. 120. Les mots slaves ne montrent pas le passage *gl* > *gị*. Ce phénomène est préslave. C'est **clavica* REW 1978. Si l'on a *jghiab* < *žlěbъ*, c'est parce qu'on a ici le remplacement d'un groupe étranger au roumain par un autre plus roumain. C'est pour cela aussi que *ghĭorghin* (p. 49) = *gherghin* »crataegus oxyacantha« ne provient non plus de *glogъ* ou *gloginja*, Pușcarĭu, Dicț. limbiĭ, v. II, p. 254.

161. **graur** (p. 21, 36, 55) »gris foncé mélangé de petites taches« n'est pas *гpaxopъ*, c'est *graulus* REW 3850.

162. **împănà** (p. 14, 137) »larder« est ou **impennare* REW 4302 ou un dérivé de *pĭnna* REW 6514, les verbes d'origine slave se conjuguent tous d'après la conjugaison *-ì*, à moins que ce ne soient pas de créations roumains n'ayant que pour leur base un mot slave.

163. **împlinì** (p. 14, 140) »remplir«, dérivé roumain de *plin* < *plenus*; n'a rien a faire avec *плън* qui aurait donné la même voyelle que dans *pîlnie*.

164. *a se* **îndoì** (p. 103) »douter« est un calque linguistique de *dvojiti se*, quant au pronom réfléchi. La formation du verbe est roumaine, cf. AfslPh., XXXVII, p. 86.

165. **iniște** (p. 73)» champ de lin« et *cânipiste* »chénevière«, dérivés de *in* < *linum* REW 5073 et de *canapa* > *cînepă* ne contiennent que le suffixe slave. La différence qui existe entre *iniște* et *leniște* ne s'explique pas par la différence chronologique, *leniște* étant complètement slave: < *lьnište*.

166. **în(la)untru** (p. 17, 146) »dedans« n'a rien à faire avec *(вън)-жтръ*; c'est *în* + *la* < *illac* + *întru* < *intro*. *u* pour *în* repose sur une espèce d'harmonie vocalique, cf. *unghiu* < *angulu*, *umblu* < *ambulo* à côté de *plimbà* < *perambulare*.

167. Pour **înșel** (p. 35) »je trompe« j'ai proposé AfslPh. XXXVII, p. 84, contre Miklosich, Cihac et Weigand, *in*+*sellare* de *sella* > *șeauă*, le verbe roumain ne pouvant provenir du slave à cause de la conjugaison *-à* qui ne se rencontre que quand le roumain fait des verbes des noms slaves, tels *desgrădinà*, *descleștà* etc. de *grădină*, *cleșe* etc. Cfr. maintenant aussi Spitzer, Dacoromania, III, p. 657 sq.

168. **iscà** (p. 137) »naître, provenir«, pour la même raison, ne provient pas de slave *искати*, comme le pensait encore Cihac, v. II, p. 149. C'est Tiktin qui a raison à admettre une création roumaine de *ĭasca* > *esca* avec *ia*⊥ > *i*⊥ comme dans les mots slaves.

169. **ițe** (p. 61) »rateau (du métier à tisser)« < *licia*, Pușcarĭu 906. *нити* est à écarter.

170. **mintă** (p. 17, 44) »menthe«, au point de vue purement phonétique, pourrait être aussi bien latin que slave *męta*, Berneker, v. II, p. 44, REW 5504, Pușcarĭu 1089. La terminologie latine s'étant conservée beaucoup de fois dans la botanique, il est à préférer d'admettre l'origine latine.

171. Sur *mire* »fiancé« (p. 58) v. AfslPh. XXXVII, p. 85, 4, *milъ* étant exclu à cause du rhotacisme.

172. A côté de **mișcuesc** (p. 20, 138) »mouvoir«, une forme dont on ne sait pas au juste d'où M. C. l'a puisée, on dit plus usuellement

mișc, *mișcà*, Cihac, v. II, p. 197. La conjugaison *-à* nous défend de penser à un verbe d'origine slave; il faut peut-être plutôt penser à **mersicare*, itératif de *mergere* > *merge* »aller« cfr. **morsicare* > *mușcà* de *mordere*, ce qui n'exclut cependant pas la possibilité de l'immixtion de bulg. *mičkam* = *mìškati se* en Žumberak.

173. On ne voit pas bien comment vient dans une liste des mots contenant la voyelle ъı **mișuncl** ou *mișun* (p. 20). »mus cricetus«. C'est à coup sûr parce que Cihac, v. II p. 198 le dérivait à tort de *myšь*. Il est clair que le mot roumain soit un déminutif de *mișină* »Wintervorrat an Nüssen, Äpfeln« (Tiktin), qui est, de son côté, un déverbal de *mišunà* < *mixtionare* REW 5620.

174. A quoi bon faut-il songer à l'influence du préfixe bulgare *на-* pour expliquer **nălbì** (p. 28) »blanchir« de *alb*? On voit la même prosthèse de la préposition *în nalt, înalt* en roumain et en albanais.

175. **naș** (p. 58) »grand-pere« est à coup sûr un dérivé de *nun* < *nonnus* REW 5817 au moyen du suffixe hongrois *-aș* répandu aussi en scr. *nunaș* ou *nănaș* a donne par suite de la haplologie *naș*; cf. Pușcariu 1207. Le pronom possessif slave *našь* est exclu. L'auteur lui-même accompagne sa proposition très prudemment d'un point d'interrogation.

176. Pourquoi faudrait-il admettre que **nebun** (p. 125) »fou« soit pour *năbun* = bulg. *набуненъ*, puisque, sémantiquement, on comprend très bien sl. *ne* + lat. *bonus*. REW 1208.

177. **neghină** (p. 51) »Lichnis githago«, serait d'après M. C. „не гине“ avec le point d'interrogation, cela va sans dire. Il serait superflu de réfuter cette pensée. L'étymologie qu'en donne Pușcariu 1163 > *nigella* est bonne malgré l'objection de REW 5917. C'est que, dans ce mot, il y avait un changement des suffixes déminutifs *-ella* et *-ula* semblable à celui que j'ai observé entre *vigil* et **vigul* d'où *veghià* (cf. Archivum romanicum, VI, Mélanges Schuchardt 1922, p. 127 sq.).

178. **nutreț** (p. 27) »Futter« montre à l'évidence comment M. C. a procédé trop superficiellement en traitant le vocabulaire roumain. Le suffixe *-eț* de ce mot lui a paru comme slave, ce qui est faux, puisque le suffixe slave *-ьсь* > roum. *eț* sert à former des nom d'agent et jamais des abstraits. C'est *nutricium* REW 6004.

179. Le suffixe **-oaică** (p. 127) en *smeoaïcă* etc. est hybride (cf. Pascu, Suffixele românșeti p. 118): < lat. *-oneu* + sl. *ъka*. Bulg. *zmeica* est à écarter.

180. **păcură** (p. 10, 36) »poix« n'est pas slave *pьkьlъ*, les emprunts slaves ne montrant pas *l* > *r* excepté *metъla* > *mătură*[1]) »balai« où, dans la désinence, il faut voir l'immixtion du suffixe latin *-ula* >

[1]) Je maintiens cette étymologie malgré l'objection de M. Pușcariu, Dacoromania, v. III, p. 638 (cf. REW 5554). Il y a aussi d'autres cas où le suffixe slave a été roumanisé de même qu' ici, cf. *glavìca* > *glavînța* p. e. On peut croire que, dans *mătura* < *metla*, le changement de suffixe s'est opéré d'après *mînastergura*. Il est impossible d'en déterminer la chronologie. Il est toutefois à présumer que cela ait été au temps qu'il fallait satisfaire à l'accent de *metla* et se défaire du groupe *tl* qui n'existait pas dans les mots de provenance latine.

-ură dont on trouve une analogie dans sl. *britva* > *britule* en frioulan REW 1317, *păcură* est *picula*.

181. **părîngă** (p. 16, 66) »bâton« est mal expliqué par un croisement entre *парог* + *ржгам*; c'est *phalanga* REW 6455, en scr. *pòluga*.

182 **plaĭŭ** (p. 38) »haute montagne« n'a rien à voir avec sl. *planina*, c'est *plagiu* REW 3641.

183. *a* **predà** (p. 141) »transmettre«, appartenant à la conjugaison *-à*, ne peut pas provenir de *прѣдамu*. Il faut plutôt admettre que*prĕ* + lat. *dare* > *prădà* REW 6715 a été influencé, quant au sens, par le mot slave. Des cas de ce genre ne sont pas rares en roumain.Il faut dire le même pour *răzdà* (p. 142) »donner encore« qui ne contient que le préfixe slave.

184. **premând** (p. 18, 141) ou *tămînd* »tarder, différer« ne peut avoir rien de commun avec *mъdliti* ou *mǫditi*, comme le voudraient Cihac et M. C. et cela rien qu'à cause de la conjugaison *-à*.[1]) Je le rapproche de *terminare*» atermoyer« dont le substantif existe déjà en roumain: *ţărm* ou, d'après le pluriel, *ţărmur(e)* »le rivage«; ici au sens juridique de »terme«. De l'adjectif ou du gérondif *terminandu* »à déterminer« on aurait **terminandare* (cfr. frc. *gourmander* < **gubernandare* ČMFL, VII, p. 160 et Romania, L, 213, 6) > **tremîndà* où l'on a changé *tre-* en *pre* ou *tă-* pour éviter la homonymie avec *tremendus* de *tremere* (roum. *tremurì*). On a plusieurs exemples, en roumain, du changement de l'initiale, sans qu'on en sache toujours la raison: *tăvală* (p. 133), déverbal de *tăvalì* ou *trăvalì* < *povaliti* ou *prĕvaliti*, cfr. le contraire en *tovar* > *povară*.

185. La conjugaison *-à* de *a* **răbdà** »endurer, supporter« (p. 141) repousse l'origine slave. C'est à M. Herzog que nous devons dernièrement une étymologie latine qui mérite sans doute d'être prise en très sérieuse considération: < ***rĭgĭdare**, Dacoromania, v. I, p. 222 sq. — Il en est de même de l'origine slave de *răschir* ou *răschiŭ* de *răschià* qui provient de *rasiculare* REW 7072.

186. A côté du nom **răsbun** (p. 132) »repos« il y a aussi le verbe *a se răsbunà* dont la conjugaison *-à* nous défend de songer à l'origine slave. Sur la bonne étymologie nous renseigne REW 1208. L'auteur a fait entrer dans le cadre des mots »bulgares« du roumain, en ontre, *răzbunică* »bis-aïeule«, sans doute à cause du préfixe et du suffixe (?); mais il a oublié de prendre en considération *străbun* où il n'y a rien de slave et qui, cependant, ne saurait être séparé du mot en question.

187. **răsturnătoare** (p. 71) »Pflugschar« ne contient rien de slave, à moins qu'on ne préfère voir en *răs* sl. *razъ* plutôt que lat. *re* + *ex*.

188. **ruşine** (p. 132) »honte« est latin: < **roseone* de l'adj. **roseus* REW 7381. Quant à *-ine* pour *-une* cf. *mişină* d'où le verbe *mişi(u)nesc* que l'auteur mal explique par le slave (p. 138), *mişuesc* ne montrant que le changement du suffixe.

189. *a* **sfidà** (p. 99) »défier« est un italianisme moderne: *sfidare*. Il est comique del e voir rattachér à bulg. *свиди ми се* (съ промѣнено значение)!

[1]) Tiktin 1232 enregistre ce verbe d'après *-ì* < *-ire*, ce qui permet en effet d'y voir sl. *prĕmǫditi*. De nouveaux renseignements sont nécessaires pour en savoir le type exact de conjugaison et leur relation réciproque.

190. **smintesc** (p. 143) »troubler, déranger« est une création roumaine de *minte* < *mente*.

191. **sorbì** (p. 13) »sucer« n'est pas bulg. *сръбам*; c'est *sorbere* REW 609. C'est peut-être le mot bulgare qui provient du roumain, à moins qu'il ne soit d'origine onomatopéique. Du verbe bulgare M. C. dérive, en outre, le nom d'une espèce de soupe *sîrbușcă* (p. 87). Il me paraît plus probable qu'il faut y voir plutôt un dérivé de *srbin, srpski*.

192, **streche** (p. 127) »taon« n'est pas slave *стрѣкъ*, c'est le déminutif latin *oestriculus* de grec *oestros* d'où le verbe *a strechià* »piquer par un taon«. C'est à M. Giuglea que nous devons l'explication étymologique qui convient, v. Dacoromania, v. II, p. 824.

193. Le mot bulgare **сугарé** (p. 143) n'a rien à voir avec *сгуpu*, c'est un mot d'origine roumaine qui se retrouve aussi en scr., cf. ZfrPh., XXXVI, p. 656, 29 et Capidan, Dacoromania, v. III, p. 212.

194. *a* **sugușà** (p. 144) »étrangler« est complètement roumain, non seulement à cause de la conjugaison *-à*, mais aussi quant au préfixe: *sub* + *gușă* RÉW 3750. C'est le nom f. scr. et bulg. *guša* qui est emprunté au roumain. Cfr. le même préfixe dans *sugrumà*, un dérivé de *grumaz* »nuque«. En scr. il a été slavisé par *za-gúšiti*. Cfr. Capidan, ibid., p. 201 sq.

195. **surpà** (p. 14, 144) »détruire« est latin, de *rupes* REW 7451. Bulg. *сурпамъ* (emprunté au roumain?), **срупаямъ** (slov. kajk. *orōpàti*, l'accent est de Žumberak) est peut-être à écarter comme source. On ne sait pas d'où l'auteur *a surpesc* (!) au lieu de *surp*.

196. On ne sait pas non plus d'où il a puisé **svântesc** (p. 144) »abtrocknen, schwenken«, puisque dans chaque dictionnaire et même dans son exemple qu'il cité à l'appui, il se trouve la forme à laquelle on s'attend *svântà* de lat. *ventus*.

197. **tată** (p. 57) et *mamă* ne sont pas de mots d'emprunt. On les trouve déjà sur les inscriptions, v. Pojave, p. 87.

198. *a se* **trăgănà** (p. 144) »in die Länge ziehen. trillern« n'est pas slave; c'est un dérivé du verbe *trage* < *trahere* + l'infixe verbal *-ĭnare* REW 8837. Cfr. quant au traitement de l'infixe verbal qui ne provoque pas la palatalisation de la gutturale précédente: *leagăn* — *lăgănà*, *strângănesc* (p. 143, aussi avec *c* pour *g*). Cet infixe a peut-être causé le passage dans la conjugaison *-à* de *sdruncinà* (p. 143) qui est d'origine slave.

199. Le sens double de **a ucide** (p. 28) »1. tuer, 2. battre, donner des coups de poing à q.« se retrouve aussi dans les parlers de Lika (Croatie).

200. **unghiu** (p. 17, 77) »coin« ne peut pas être *жглъ* à cause de *gl* > *ghĭ* qui est préslave. C'est *angulus* REW 465.

201. *a* **ursì** (p. 144) »faire la trame« est une forme secondaire pour *urzì* < *ordire* REW 6093.

202. **văduvîță** (p. 10, 59) »veuve« ne contient que le suffixe slave ajouté à lat. *vidua* > *văduvă*. Il est cependant sûr que le roumain s'est rencontré ici avec le slave, en faisant de ce mot les mêmes dérivés que le slave.

203. On est surpris de lire (p. 38) que *vâlcea* »vallon« ne soit pas *vallicella*, mais bulg. *валчé* qui signifie toute une autre chose.

204. **zăcătoare** (p. 149) »Werfte, Lagerfasz« est pour chacun qui sait un peu de roumain, l'adjectif verbal de *a zace* < *jacere* et n'a rien à voir avec *закладь*.

3.

205. M. C. a omis de nous renseigner sur la source de *adîrîsi* »arroser« (p. 10) qui s'accorde très mal avec *ръся* qu'il propose pour base. On n'apprend non plus d'où il a *săjnălì* < *съжали*.

206. Aux p. 51 et 59, l'auteur a fait voir sous un jour bien singulier sa manière de travailler dans le domaine d'étymologie roumaine. Il rattache d'abord *brădiș* »sapinière«, *brădeț* »sapin«, dérivés de **brad** d'origine albanaise (cf. Arhiv de Barić, v. I, p. 223) à *брада*-, pour abandonner cette pensée plutard dans la locution *ziuă de brad* »la veille de la noce«, où il préfère voir *brak*. Sur le rôle du mot »*brad*“ dans la terminologie des noces roumaines, M. C. a pu se renseigner chez Pușcariŭ, Dicț. limbiĭ, v. I, p. 636.

207. **brăneț** (p. 12, 84) ou *bîrneț* »cordon des chausses«, déminutif avec -*ьсь* de *brîu* »ceinture«, n'a rien à voir avec *брна*. Ce mot est vraisamblablement d'origine illyrique, v. maintenant Arhiv de Barić, v. I, p. 227 et Archivum romanicum, VIII, p. 150, 3).

208. **briceag** (p. 66) »canif« est turc *bičak* repandu dans toutes les langues balkaniques d'où le nom d'homme musulman en Bosnie *Bičàkčić* de *bičakčija* »celui qui fait les canifs«). *r* est de *bričю* < *bričь*. V. Pușcariŭ, Dicț. limbiĭ, I. p. 650 et Tiktin, p. 223.

209. **căptar** (p. 149) »capot d'une ruche« n'est pas latin, v. R. Et. sl., II, 73, 1.

210. **cărăuș** (p. 76) »charretier« est probablement dû a ce que turc *calauz* »guide« a été déformé par *car* »char«.

211. **dăbilez** (p. 35) = *dăbălà* »fatiguer, éreinter«. Ce verbe n'a rien à voir avec *debelъ*, comme le montre déjà la conjugaison -*à*.

212. **dodăi** (p. 19) »radoter« d'où *dodie* et *dodăială* ne contient pas de *ѣ*. Dans la terminaison, il faut voir -*ăì* des verbes onomatopéiques roumains que Pușcariu, Dacoromania, v. I, p. 98, a très bien expliqué par sl. -*ajǫ*. Le mot même est, par conséquent, d'origine onomatopéique, comme le montre la réduplication de la syllabe initiale.

213. **dodot** (p. 129) »radotage« montre la même chose. C'est une création spontanée. Pourquoi, pour de tels mots, proposer comme source des onomatopées slaves p. e. *бобот* qui n'expliquent pas même les consonnes?

214. **gaia** (p. 129, 130, avec -*a* et non -*ă*) »prêt«, d'où *a gătì* ou *gătà* ne provient pas de sl. *gotovъ*, le vocalisme s'y opposant nettement. Le mot roumain est identique à alb. *gat*. -*a* peut être assimilé à -*a* < *hāc* de *acela*, *acesta* etc. Il est fort difficile de s'expliquer le rapport entre *gotovъ* et alb. *gat*(*ï*) (cf. Berneker p. 338 qui, en somme, ne fait que répéter la pensée de Meyer). *pregătesc* (p. 141) est une création roumaine.

215. Pour *găvănat* »creux« (p. 129) il aurait fallu indiquer aussi son primitif qui est *găvan* »vase«, sur lequel v. Tiktin, p. 667.

216. **groapă** (p. 27, 42, 81) »fosse, tombe«. M. C. répète la fausse étymologie qu'on a donnée beaucoup de fois jusqu'à présent. M. Cancel, Despre »Rumân« etc. p. 67 sq. exprime des doutes très sérieuses concernant le rapprochement avec *grobъ*. Il n'y a pas de changement *-b* > *-p* dans les emprunts slaves. *p* dans *gropniță* (p. 81) < *grobъnica* est dû à ce mot. Quant à *-ă* pour *-ъ*, on pourrait l'expliquer, il est vrai, comme dans *stână*.[1]) Ce n'est pas ici que se trouve la difficulté. Mais ce qui doit être pris en considération, c'est que nous trouvons en albanais *gropε*, absolument identique à *groapă*. La forme albanaise pourrait être expliquée par *crypta* (v. là-dessus Arhiv de Barić, v. I, p. 228 sq.) Si cela est vrai, le mot roumain serait emprunté à alb. et aurait subi l'influence de *grobъ*. — A cause de *p*, on ne peut également pas rattacher *grapă* (p. 71) à *grab-*. Sur ce dernier mot v. REW 4760. Le verbe *grăpà* appartenant à la conjugaison *-à*, ne parle non plus en faveur de l'origine slave.

217. **haĭs** (p. 147) »interjection dont on se sert pour inciter les bœufs«, est une onomatopée, par conséquent, une création spontanée qui peut se produire partout d'une manière semblable. En Žumberak, on dit p. e. aussi *häj(ĭ)s*. Il en est de même de *nani* et de *oleleu*. Ce ne sont pas de mots d'emprunt.

218. Je n'aurais également pas mis dans une liste des mots d'emprunt roumains p. e. **îmbîzuì** (p. 136), création onomatopéique de *bîz*, où l'infixe *-uì* > *-ujǫ*, *-ovati* est slave. Il en est de même des dérivés dénominaux, tels *a se împăinjinì* de *paingen, împrăştiez* de *praştie, strejuì* de *strajă* (p. 143) *împrìetenesc* de *prieten* (et non de приꙗти), *mlădiez* (p. 138), *împricinà* (a quoi bon admettre ici le croisement entre *prića* et *pričina?*, p. 137), *încleştà, încroşnesc* (pour ce mot, Tiktin a *încrosnà), a se îndeletnicì*,[2]) *înţep, înţepuşez* de *ţeapă, ţepuş, îndîrjì* est un dérivé roumain de *dîrz* (ou d'après pluriel) *dîrj* < *drъzъ* et non de *dražiti*. Dans tous ces cas, il serait assez d'indiquer le mot primitif. M. C. n'a suivi ici aucun principe. Dans *întrebuinţez* (p. 137), il a p. e. bien observé ce fait.

219. **lăstar** (p. 50) »rejeton, bouton, branche« est peut-être entré directement de grec *βλαστάρι* sans intermédiaire slave, Berneker, p. 692.

220. **măglisesc** (p. 18, 35, 99) ou *mănglisesc* »tromper, duper, décevoir, leurrer« ne peut pas être slave, de *мънгла* du dialecte de Kostur suivant l'auteur, à cause de l'infixe *-isesc* qui provient de l'aoriste grec et qui s'ajoute aux verbes d'origine grecque et turque, de même qu'en scr., alb. et bulg. L'origine slave de *urgisì* est exclue pour la même raison. Le premier mot se retrouve encore une fois en *măgulì* »caresser« da *μάγουλον* »la joue,« cfr. Berneker, v. II, p. 4, Tiktin p. 980.

---

[1]) D'après M. Puscariu, Dacoromania, v. III, 381 sq., ce terme pastoral ne serait pas d'origine slave, mais réfléchirait * *stān(a)* des aucêtres des Roumains actuels. Le savant linguiste roumain s'appuie sur l'étymologie de *šteze* »animal« < * *stān* + *zε* proposée par M. Jokl. Je me propose de revenir encore une fois sur cette question dans le prochain fascicule de *Архив* de Barić.

[2]) Ce verbe n'a rien à voir avec *dêlo* (p. 129), comme prétend l'auteur, p. 137. D'aprés l'analyse très judicieuse de M. Puşcariu, Dacoromania, v. I, 232 sq., il est en rapport avec l'adverbe *lětě*.

221. **magură** (p. 39) »sommet d'une colline« n'est sûrement pas emprunté à sl. *mogýla*, précisement à cause du rhotacisme pour lequel il n'y a pas d'exemples slaves. Quant à l'accent, le mot roumain ne s'accorde ni avec le slave ni avec le grec *μαγούλα*, tandis que alb. *mágul'ε* n'en diffère pas du touts à ce point-là, cfr. roum. *viézure* et alb. *vjeδul'ε* où l'accord en l'accent est parfait. *moghilă* et *movilă* »colline« sont, au contraire, des slavismes, le premier d'un dialecte yougoslave, l'autre de l'ukraïnien.[1]) Ce qui est curieux, c'est que la métathèse *m - g* > *g - m* ne s'observe qu'en yougoslave et en albanais *gamul'e*. Elle fait défaut au roumain. En scr. je l'ai constatée encore dans *grmjelica* à côté de *mrnđelica*, < *margella* ZfrPh, XXXVIII, p. 548, 20. Je l'ai entendue encore en *gamazîn* pour *magazîn* dans le langage négligé de quelques gens de Karlovac (Croatie). Alb. *l'* de ce mot ne s'accorde pas avec *r* du roumain. *ă* roum. pour *á* alb. est aussi difficile à expliquer dans un mot roum. emprunté à l'albanais.[2]) Le mot roumain paraît se retrouver aussi dans la toponymie scr. *Mogòrjelo*, l'emplacement d'un castellum romain en Hercégovine, serait le pluriel roumain déminutif *Măgurele* ou, peut-être, un nom illyrique latinisé avec le suffixe déminutif *-ellus* : **magulellu*. Pour ce qui est du phonétisme, cf. *ĕ* > *je* dans *tovjelica* à Raguse < *tabella*, *u* > *o* : *vinum* > *vino*, *Ducculum* > *Diklo*, *Decimum* (sc. lapidem) *Dicmo*. Le premier *o* serait d'après *Salona* > *Solin* etc., le second serait dû à l'immixtion de *gorje* de *gora*.

222. Sur **molid** (p. 48) v. Jokl, Linguistisch-Kulturhistorische Untersuchungen p. 199 sl. et Arhiv de Barić, v I. p. 223 sl.

223. **murg** (p. 97) »brun, bai« est identique à alb. *murk* qui se retrouve en scr. *mrk*. C'est un mot balkanique issu on ne sait pas d'où. A ce même mot se rattache aussi *murgeà* et *murgan(ă)* (p. 125). Cfr. Capidan, Dacoromania, v. III, p. 210.

224. M. C. et M. Bărbulescu o. c. p. 436 considèrent à tort, d'après Cihac, v. II, p. 206, **mușcoiu** ou *mîscoiu* (p. 10; î-u est à cause de *m* qui a amené aussi *mîșîi* à côté de *mișunà*, ou comme en *mîlcom*

---

[1]) De *mohýla* avec *h* > *v*, cf. Tiktin, Gröber's Grundriss², v. I, p. 588, 32 et 33. Il y a, cependant, encore une possibilité. Etant donhé que *Movilă* se trouve dans la toponymie non seulement du territoire limitrophe de l'ukraïnien, mais dans tout l'ancien royaume de Roumanie (v. Joroan, Rum. Ortsnamen, v. I, p. 15), alorsque *Moghílă* n'y a laissé de traces, il se pourrait que *movilă* repose sur *moghilă* plus an cien. *vi* au lieu de *ghi* s'explixuerait peut-être comme un cas de hyperroumainisme dû à la palatalisation des labiales: *potriǵit, coliǵio*. ǵespe, *iǵit* etc. pour *potrivit* etc.

[2]) M. Capidan, Dacorom., v. II, p. 537 donne (pour les Roumains de l'Albanie) l'accent *măgúră*. Le même accent est peut-être à supposer aussi pour le daco-roumain ancien, parce qu'on a dans la toponymie ukraïnienne *Magúra* (Berneker, v. II, p. 69). S'il en est ainsi, nous avons dans *magura* le même déplacement de l'accent que p. e. dans *cărui* pour *cărúi*, déplacement qui serait dû à la récomposition faite d'après le déminutif *magurél* pour cette dernière forme qui est attestée dans la toponymie roumaine, v. J. Jordan, Rum. Toponomastik, v. I., p. 15), Or, *ă* pour *a* est en ordre et il n'y a pas de différence entre *măgúră* et *mogýla* au point de vue de l'accent. C'est l'accent albanais qui serait, dans ce cas-là, secondaire.

à côté de *mulcum*) »mulet« comme provenant de sl. *mьskъ*. Le groupe slave *sk* reste en roumain inaltéré. Il faut remonter à alb. *mușk* + roum. -*oiu* > lat. -*oneu*, qui se retrouve aussi en alb. *ońε*, cf. Jokl o. c. p. 243.

225. **nădolcnț** (p. 35) n'a rien à faire avec sl. *nadojiti*; c'est le même mot que adj. *nădolean* > turc. *Anadol* (= l'Asie Mineure) + *janinъ* + *ьcь*, v. Tiktin, p. 502.

226. **năpârcă** (p. 130) au sens de »fouet« est sans doute une expression métaphorique de *năpârcă* »vipère,« v. sur ce mot qui est loin de *дa нaпaря* R. Et. sl., v. II, p. 74. 3.

227. **părcălab** (p. 118) »préfet d'une ville« est entré en roumain par l'intermédiaire hongrois *parkaláb* > scr. *porkulab* < *Burggraf*.

228. **prunc** (p. 18) »nourrisson« est expliqué mieux par hong. *poronty* (Tiktin) ou par. lat. **pueruncul*us* (Pușcariu, Dacoromania, v. II, p. 602 sq.) que par *прѫкъ* -.

229. **răbuș** (p. 78) »entaille« est de provenance hongroise de même que scr. *râboš*, cfr. Štrekelj, Zur sl. Lehnwörterkunde, p. 53—57.

230. **răfuesc** (p. 78) »solder un compte,« à cause de *f*, est plus près de *rovaš* (pour *v* > *f* cfr. *rofiĭ* > **rov*-). *b* en *răbuesc* est dû à *răboj* (Tiktin); du verbe hong. *rovni*, *róni* »einschneiden, kerben« peut-être.

231. **tîmpă** (p. 39) »планинско било,« très répandu dans la toponymie, n'est pas identique avec *tǫpъ*, cf. Drăganu, Dacoromania, v. I, p. 109 sq.

232. **trandafir** (p. 49) »rose« n'est pas entré en roumain par l'intermédiaire bulgare à cause du rhotacisme, mais directement du grec *τϱανταφύλλον*, cfr. Capidan, Dacorom., v. III, p. 138, note 1.

233. La désinence -*ău* < hong. *ó* ou -*ö* montre clairement que *vezetău* (p. 76) »cocher« ne peut provenir que directément de hong. *vezető*. A quoi bon le citer parmi les »bulgarismes.«

234. S. v. *ĭezúină* (p. 39) un mot d'origine slave est confondu avec celui d'origine albanaise *viezure* »blaireau« > *vjeδuŧe*. On voit que l'auteur suit Cihac, II, p. 455 sans aucune critique.

A la fin de son mémoire (p. 151), M. C. nous promet de continuer ses recherches. Mais ce qu'on désire vivement d'ores et déjà, c'est qu'il le fasse plus rigoureusement et avec une information beaucoup plus exacte et étendue qu'il ne l'avait fait jusqu'à présent; avant tout, que ses étymologies soient à la hauteur de la science actuelle. Des fautes élémentaires telles que *a se sguresc* (pour *a se sgurì*) qu'on lit à chaquè page nous font apparaître sa connaissance du roumain sous un jour bien peu favorable. Des fautes d'orthographe et d'imprimerie foisonnent. Somme toute, son ouvrage est bien decevant. Dans le domaine de l'étymologie roumaine, il est quelquefois même au-dessous de Cihac. On consultera cependant quand même çà et là avec profit quelques- uns de ses nombreux rapprochements avec le bulgare. C'est le seul service que cette étude puisse noùs rendre.

Zagreb.

P. Skok.

Max Vasmer: **Ein russisch-byzantinisches Gesprächsbuch.** Beiträge zur Erforschung der älteren russischen Lexikographie. (Veröffentlichungen des baltischen und slavischen Instituts an der Universität Leipzig, herausg. von G. Gerullis und M. Vasmer. 2). Leipzig, bei Markert & Petters, 1922. II+180.

Книга Фасмера содержит текст русско-греческого глоссария, сохранившегося в списках XVI и XVII в., под заглавием ,,Рѣчь тонкословiа греческаго“ (ниже РТГр.), реконструкцию его греческой части в греческом правописании, напечатанную en regard с текстом РТГр. (стр. 11—121), небольшой комментарий (стр. 1 -10 и 122 -143), и указатели греческих слов (стр. 144—174) и редких русских слов (стр. 175—178), встречающихся в РТГр.

РТГр. содержит русские и церковнославянские слова, фразы, разговоры и несколько молитв с греческим переводом в русской транскрипции, для того времени очень точной. РТГр. очень интересна, как показатель того состояния, в каком находилось изучение греческого языка в то время, когда она была составлена, и несколько позднее, и как один из источников русских азбуковников (вид кратких толковых и энциклопедических словарей), и является ценным источником для суждения о греческом языке того времени и о тогдашнем разговорном языке русских книжных людей в великорусской области.

РТГр. уже была издана раньше, вполне исправно, Н. К. Никольским в 1896 г., но по одному списку XVI в. Фасмер для своего издания пользуется еще 3 списками, из которых два — XVI в. и один — XVII в., которые дают ему возможность восстановить правильное чтение во многих местах, читающихся в списке, изданном Н. К. Никольскимъ, ошибочно. Реконструкция греческой части РТГр. в греческом правописании даётся в издании Фасмера впервые и делает это издание особенно ценнымъ.

Рассматриваемое издание имело очень сложную историю, изложенную Фасмером во Введении (Einleitung. стр. 1—4). Оно было готово к печати еще в 1906 г. и печаталось в Сборнике Отд. русск. языка и слов. И. Академии Наук в 1906—1908 годах, но сгорело во время пожара в 1908 году. По счастию, у Фасмера остались корректурные листы всего текста. Фасмер собирался вновь приступить к изданию, но до 1921 г. не мог осуществить своего намерения по разным причинам, изложенным на стр. 2—3 введения, и издание удалось выпустить только в 1922 г. При этом в виду дороговизны набора и недостатка церковно-славянского шрифта пришлось текст РТГр. печатать с клише, сделанного со старых корректурных листов, почти без поправок. Благодаря этому, РТГр. вместе со сделанной Фасмером реконструкцией её греческой части является в настоящее время в том виде, какой она имела еще за 19 лет до выхода всей книги, и только комментарий и указатели подверглись позднейшей переработке. Понятно, что сам издатель не вполне удовлетворён своим изданием, о чём он и упоминает на стр. 3. Впрочем, в существенном, за исключением некоторых частностей, Фасмер остался, повидимому, при том же понимании текста РТГр., какого он держался и 19 лет тому назад. Сделаю несколько замечаний по поводу изданія.

Текст РТГр. в издании Фасмера даётся правленный; в основу положен древнейший список, изданный Н. К. Никольским, но в этот основной текст внесены исправляющие чтения других списков; повидимому, допущена некоторая нивеллировка правописания и сдѣланы кое-какие конъектуры. К сожалению, принципы, которыми руководился издатель, нигде не выяснены с достаточной полнотой; из подстрочных примечаний не всегда можно выяснить, какое чтение имеется въ списках, не указанных в этих примечаниях. В греческом тексте, как в русской транскрипции РТГр., так и в греческой реконструкции часто встречаются угловатые скобки, значение которых не объяснено; иногда, как видно из подстрочных примечаний, в эти скобки включены буквы, пропущенные в рукописях, иногда — конъектуры издателся (напр. анат⟨о⟩ли 15, ркпси: анатали).

Большую ценность представляетъ реконструкция греческаго текста, т. е. передача русской транскрипции в греческом правописании. К сожалению, и принципы этой реконструкции не выяснены; повидимому, система реконструкции вырабатывалась во время самого печатания и потому в издании не выдержана. Так, написания б, мб, нб, соответствующие этимологическим *μπ, ντ*, передаются то через *μπ, ντ*, то латинским *b*, ср. *ἠμπορῶ* Фасмер, иборо РТГр. (строка 353), *ἠμπορεῖ Φ*, имбори РТГр. (стрк. 153), *τὴν bρώτην* (т. е. *τὴν πρώτην*) Ф, тин бротин РТГр. (стрк. 315) и др., написания с г, соответствующим этимологическим *γγ* и *γκ*, передаются то через *γγ* (*γκ* я не встретил), то латинским *g*: *στρογγυλό* 1650, *φέγγει* 2053, *ἀστροφεgιά* 489, *ἐσφουgίσθην* 512, *ἀναgαῖον* 2124, в РТГр.: строгило, фегги, астрофегїа, есфѹгістин, анагеон; но нд, соответствующие этимологическим *ντ*, кажется, везде переданы только через *ντ*: *σύντομα* 111, РГГр.: синдома и др. Точно так же, в тех случаях, где в новогреческом старое *ι* слоговое (на письме *ι, ει, η*) перед гласными измѣнилось в *ι* неслоговое, Ф. в своей реконструкции частью ставит дугу под *ι* и следующей гласной буквой: *ὑγιαίνουσι* 326, *δουλειάν* 330, *ξαστριά* 486, *ἱστιά* 203, 206 и др., частью такой дуги не ставит, причём сохранение ударения над *ι* показывает, что Ф. и не читает такое *ι* за неслоговое: *διά* 300—307 и др., много раз, *καρύδια* 686, *πεδιάδες* 599, *πιάσετε* 565, *διδασκαλία* 210, *ἁγία* 265, *γλωσσία* 372 и др.; в РТГр. игеенѹси 326, во всех остальных случаях — „їа". Из РТГр. видно, что неслоговое произношение *ι* перед гласной составителю было извѣстно, потому что он иногда передает сочетание *ι* с следующей гласной буквами, обозначающими сочетание *j* с гласным звуком или гласный звук после мягкого согласного звука: ꙗти 190, 259 = *διὰ τί*), (Ф. *γιατί*), парагꙗли 597 = *παραγιαλι* (у Ф. *ια* без дуги), карес (т. е. *kaŕes*) 688 = *καρυές* (Ф. *υέ*), ватє (т. е. *vaťo*) 875 = *βαθυό* (Ф.: *βαθιό*), глꙗнос 892 = *γλιανος* (Ф: *ιά*), копрꙗ 902 = *κοπρία* (Ф.: *ιά*), лендари (т. е. *ľondari*) 939 = *λεοντάρι* (Ф: *λιοντάρι*) и др., но в тех случаях, когда русская транскрипция РТГр. на такое произношение указаний не даёт, лучше было оставить этимологическое написание. Вообще, мне кажется, Ф. поставил себе невыполнимую задачу — совместить этимологическое правописание

с передачей живого произношения; отсюда и получилась непоследовательность в способах передачи одних и тех же звуков. Думаю, что если бы Ф. имел возможность напечатать текст РТГр. со своей реконстукцией вновь, многое бы получило не тот вид, какой он придал ему 18 лет тому назад.

Комментарий состоит из 6 глав: I. Handschriftliche Überliferung, где даётся обзор текстов и устанавливается их взаимоотношение; III (глава II — текст). Die Nationalität des Verfassers: из анализа греческого и русского текстов Ф. делает вывод, что составитель РТГр. был русский, не грек и не южный славянин; IV. Die Sprache des griechischen Teiles: в греческой части РТГр. отражаются черты северногреческих говоров, V. Zur Sprache des russischen Teiles: говор составителя РТГр. был северно-русский; VI. Zeit und Ort der Abfassung des Textes: РТГр. составлена не позже конца XV в. севернорусским монахом, бывшим на Афоне; VII. Das Verhältnis des Gesprächsbuches zu den Azbukovniki: азбуковники пользовались РТГр., но кроме РТГр. для греческих слов у них был еще какой-то источник македонского происхождения.

Бóльшая часть соображенiй и выводов Ф. у меня возражений не вызывает. Хотелось бы видеть лишь более подробный анализ языка греческой части РТГр., чем это сделано в настоящей книге, и особую главу о русской транскрипции РТГр. и об отношении русского текста РТГр. к греческому: в какой степени русская транскрипция передаёт точно греческое произношение; что̀ в ней надо относить на долю произношения и что̀ на долю греческого правописания; насколько эта транскрипция последовательна, и т. д.; в какой мере греческий перевод русских слов и выражений или русский перевод греческих слов и выраженiй являются точным, и в каком виде следует представлять себе работу русского составителя: переводил ли он на греческий язык фразы из своего обихода или давал русский перевод тем фразам греческой речи, которые ему приходилось слышать?

Несколько замечаний могу сделать по поводу главы V. Я бы предпочёл говорить не о севернорусском, а о великорусском происхождении составителя РТГр.: великорусское происхождение его вне сомнения; доводы же в пользу севернорусского (т. е. северновеликорусского [1]) происхождения, как те, которые приводит Ф., так и те, которые могут быть извлечены из текста, недостаточно ярки, так как могут быть отнесены по бóльшей части и на долю переписчиков сохранившихся списков, несомненных северных великоруссов. Правда, некоторые слова, встречающиеся в РТГр., отмечены только в северновеликорусской области, но это может быть и случайностью. Что̀ для меня более или менее очевидно, это то, что РТГр. принадлежит уроженцу такой области, которая тянула не к Новгороду, а к Москве.

Москва. *Николай Дурново.*

---

[1] Термин „севернорусский" в применении к русским говорам XV в., когда велико русский язык уже вполне сформировался, неудобен.

Новый сборникъ по діалектологіи и фолклору Македоніи.

Лѣтомъ 1914 г. отправился въ научную командировку въ Болгарію André Mazon. Цѣлью командировки было изученіе болгарскаго языка. Намѣченная программа этого изученія была цѣльная и широкая. Она охватывала прошлое и современное состояніе этого языка. [1] Начавшаяся война не позволила изслѣдователю осуществить намѣченную программу изученій. Но тѣмъ не менѣе и inter arma онъ изыскалъ возможность сдѣлать солидный вкладъ въ науку славянской филологіи, — дать діалектологическое описаніе малодоступной мѣстности въ южной Македоніи и записать тамъ нѣсколько десятковъ образцовъ словесныхъ произведеній тамошнихъ славянъ. Именно, во время пребыванія въ южной Македоніи въ 1916—1917 и въ 1920 г. André Mazon, кромѣ выполненія оффиціальныхъ обязанностей, удѣлилъ время и силы на то, чтобы побывать въ рядѣ пунктовъ этой мѣстности и собрать діалектологическій и фолклорный матеріалъ. Въ результатѣ появилась книга, изданная французскимъ Институтомъ славянскихъ изученій: „C o n t e s s l a v e s de la Macédoine sud-occidentale. Étude linguistique; textes et traduction; notes de folklore. Par André M a z o n, Professeur à la Faculté des Lettres de l'Université de Strasbourg. (Travaux publiés par l'Institut d'études slaves. I). Paris. 1923. — Въ предисловіи (1—3) указаны тѣ пункты, къ которымъ относится собранный матеріалъ. Это — городъ Леринъ и села въ Леринской и Костурской областяхъ: Го́рно Нево́лани, Екши́су, Мо́крени, Ви́шени, Жє́рвени, Смрдешъ. Въ введеніи (Introduction, 4—12) даны важныя географическія и отчасти историко-этнографическія свѣдѣнія о вышеназванныхъ пунктахъ съ присоединеніемъ еще одного — села А́рменско (около Лерина) и приложена карта описываемаго района. По разнымъ затронутымъ здѣсь вопросамъ указана соотвѣтствующая литература. Дополнимъ эти ссылки указаніемъ на большую карту южной Македоніи, составленную г. Йорданомъ Ивановымъ: „Carte ethnographique de la Macédoine du sud. Représentant la répartition ethnique à la veille de la guerre des Balkans. 1912. (Echelle 1:200.000)". „Notes explicatives"... (Sophia, 1913).

Стр. 13—59 занимаетъ Étude linguistique. Здѣсь представленъ описательный очеркъ современнаго состоянія говоровъ вышеназванныхъ пунктовъ. На стр. 60—149 помѣщены Textes et traduction. Тексты и переводъ снабжены лингвистическими и филологическими примѣчаніями. Дальнѣйшая часть заключаетъ въ себѣ Notes de folklore (150—222). На стр. 223—224 даны Indications bibliographiques. Стр. 225—232 заключаютъ въ себѣ Index и Table analytique.

Мы знаемъ, съ какими трудностями сопряжено добыванье діалектологическаго матеріала, относящагося къ Македоніи. Намъ хорошо извѣстно, какъ скуденъ матеріалъ тѣхъ македонскихъ „умотвореній", который разсѣянъ въ разныхъ болгарскихъ и сербскихъ изданіяхъ, сколько сомнѣній и тяжелыхъ раздумій вызываетъ онъ у лингвиста. Книга же госп. А. Мазона заключаетъ въ себѣ богатыя и достовѣрныя данныя,

---

[1]) Объ этой программѣ см. въ замѣткѣ „Научная экспедиція въ Болгарію" (Славянскія Извѣстія, 1914 г., № 11—12. СПб.)

ъ которыми спокойно можно будетъ оперировать въ лингвистическихъ изысканіяхъ. Мы горячо привѣтствуемъ появленіе этого сборника и душевно благодаримъ его автора. Въ своей статьѣ мы сдѣлаемъ нѣкоторыя замѣчанія критическія, а больше дополнительныя, въ связи съ данными другихъ македонскихъ говоровъ. Часть фолклорную мы оставляемъ въ сторонѣ.

Прежде всего остановлюсь на судьбѣ редуцированныхъ гласныхъ. Въ сильномъ положеніи *ъ* > *о*, *ь* > *е*, — процессъ, общій всѣмъ говорамъ Македоніи и юго-западной Болгаріи. Необходимо выдѣлить особо сочетанія съ *ъ* или съ его позднѣйшимъ замѣнителемъ *а* въ началѣ слова послѣ *l*, *m*: *lъ-*, *mъ-* (lъža, mъgla вм. *mьgla). Ни въ какой связи съ носовымъ *ǫ* сочетанія *lъ-*, *mъ-* не находятся. Наличность *ъ* обусловлена была здѣсь положеніемъ сонорныхъ *l*, *m* въ началѣ слова передъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія. Подробнѣе о начальныхъ *lъ-*, *rъ-*, *mь-* > *mъ-* говорится въ моихъ „Очеркахъ по македонской діалектологіи", I, 51—55.

Не совсѣмъ точно объяснены сочетанія для ѥсмь: sum, s"m, som. Гласный *u* или *о* въ этихъ сочетаніяхъ совсѣмъ нельзя отожествлять съ обычной замѣной *ъ* въ сильномъ положеніи *(сон)*. Въ сочетаніяхъ sum, som гласный *u*, ", *о* обязанъ одному и тому же процессу, — лабіализующему воздѣйствію конечнаго *m* на вторичный гласный, развившійся послѣ согласнаго передъ конечнымъ *m*, — развившійся послѣ утраты конечныхъ *ъ*, *ь* и послѣ *ъ* > *о*, *ь* > *е* въ сильномъ положеніи. О качественной и количественной сторонѣ этого вторичнаго гласнаго сравните въ моихъ „Очеркахъ" I, 59—60. Не слѣдуетъ также подчеркивать значеніе ударенія (акцента) въ появленіи *u* или *о* въ sum, som: ударяемость тутъ не имѣла значенія. Наоборотъ, эти и имъ подобныя сочетанія (sédum, ósum...) находятся обычно въ безударномъ положеніи. Тенденція воздѣйствія артикуляціи конечнаго *m* на образованіе предшествующаго ему гласнаго *ъ*, становившагося лабіализованнымъ и переходившаго въ *о* и *u*, является общей для всѣхъ говоровъ Македоніи. Конечный результатъ въ видѣ *u* является общераспространеннымъ въ Македоніи. Лишь на юго-востокѣ и востокѣ въ глагольной формѣ *sъm* сочетаніе *-ъm* появилось въ связи съ общимъ тамъ (позднимъ) окончаніемъ формы наст. вр. ед. *-ъ* + *m*: nósъm, móžъm, jádъm, sъm (Воденская и Солунская области).

ǫ, *ę*. Указаны замѣны гласнаго *ǫ*: — *ъ* и *а*; *ъ* „въ ударенномъ слогѣ", *а* „въ конечномъ неударенномъ слогѣ" (15): dъp, rъ́ka, préda, prédat. Лучше бы было опредѣлить такъ, что *а* находится въ окончаніи (не только въ конечномъ слогѣ, но и не въ конечномъ): sednala, viknáia-viknáie... По представленнымъ доводамъ (Очерки I, 46—47) мы не можемъ раздѣлять то мнѣніе, по которому гласный *ǫ* измѣнился въ окончаніи въ *а*, не проходя стадіи *ъ*, а въ корнѣ *ǫ* > *ъ*. Гласный *а* въ этихъ окончаніяхъ представляетъ собою элементъ формальный, и въ говорахъ, имѣющихъ *ъ*, *о* < *ъ* вм. *ǫ* (rъka на югѣ, roka — въ Дебрѣ), появленіе его обязано не фонетическому процессу измѣненія *ǫ* здѣсь, а воздѣйствію другихъ діалектовъ, измѣнившихъ *ъ* всякаго происхожденія въ *а* (raka, sednala...). Въ Дебрѣ

еще въ 70-хъ гг. прошлаго вѣка употреблялись, хотя и рѣдко, формы съ суф. *no* ⟨ *nъ* ' *nǫ*: padno, povenoƚe, legnaf. Проникъ суф. *-na-* и на сѣверъ, въ области, близкія къ Македоніи, — въ Враню-Луково, гдѣ *ǫ* ⟩ *u*: ruka, но - sednaƚa и т. п. Хотя и не такъ далеко на сѣверъ, но все же за предѣлы *ъ* ' *a* говоровъ распространилось окончаніе глагольной формы наст. 3. мн. *-at* (въ Дольнемъ Пологѣ, въ Скопьѣ и даже сѣвернѣе).

Въ описанныхъ А. Мазономъ говорахъ употребляются въ отдѣльныхъ случаяхъ сочетанія не съ *ъ* вм. коренного *ǫ* и не съ *e* вм. *ę*, а съ назалированнымъ гласнымъ + *n* или *m*. Важно указаніе А. Мазона на слѣдующее явленіе, до сихъ поръ не отмѣченное: назализація гласнаго передъ *n*, *m*. Кромѣ того, онъ отмѣтилъ, что такая замѣна носовыхъ гласныхъ встрѣчается не передъ всякимъ согласнымъ, а только передъ *b*, *d*, *k*: dlъmbóka, mъ̍ndro, govéndo, krъ̍nk и др. (Употребляемъ въ данныхъ случаяхъ *ъ* вм. знака *a*). Вѣроятно, раньше и передъ другими взрывными согласными произносились сочетанія — гл. + *n*, *m*-. Если это состояніе въ отношеніи судьбы носовыхъ гласныхъ (— гл. + *n*, *m*- передъ взрывнымъ согл., -гл.- передъ фрикативнымъ согл.) отражаетъ давнее состояніе, то приходится полагать между прочимъ слѣдующее въ происхожденіи процесса измѣненія носовыхъ гласныхъ въ этихъ говорахъ. При образованіи носового гласнаго небная занавѣска была открыта только въ моментъ произношенія гласнаго, находившагося передъ фрикативнымъ согласнымъ *s*, *z*, *š*, *ž*, *ch*. Съ ослабленіемъ энергіи въ опусканіи небной занавѣски сталъ произноситься гласный слабо-назалированный *ъ* или *e*, а затѣмъ небная занавѣска совсѣмъ перестала опускаться: *ъ* ⟩ *ъ*, *ę* ⟩ *e*. Передъ взрывнымъ согласнымъ *g*, *k*, *d*, *t*, *b*, *p* небная занавѣска оставалась опущенной и послѣ момента произношенія гласнаго, а затѣмъ совсѣмъ отстала отъ артикуляціи гласнаго *ъ* или *e*: стали произноситься сочетанія — гл. [*ъ*, *e*] + *n*, *m* —. Въ такомъ же направленіи пережито было измѣненіе въ носовыхъ гласныхъ по отношенію къ небной занавѣскѣ и по говорамъ польскаго языка.[1]) Слова, въ которыхъ имѣются группы — гл. + *n*, *m*- вмѣсто прежнихъ носовыхъ гласныхъ въ корнѣ, немногочисленны. Вотъ всѣ эти слова, отмѣченныя г. А. Мазономъ, — krъnk, mъndr-, mъ̍nd- (mъ̍ndi), sъnd- (sъ̍ndo, sъndelíšče . . .), dlъmbók-a (glъmbók-a), dъmp, galъ̍mbi (galómbi), sъ̍mbota, trъ̍mba, zъmp; grenda, govéndo, naréndvam, prénda, glend-am, čendo, péndeset, devéndeset. Болѣе ранніѧ указанія, относящіяся къ говорамъ Костурской области, представляютъ сочетанія — гл. + *n*, *m*- въ бо́льшемъ количествѣ случаевъ. Такъ, мы располагаемъ данными, относящимися къ говору одного изъ костурскихъ селъ, описанныхъ А. Мазономъ, — с. Смрдешъ. Въ концѣ 80-хъ гг. въ этомъ селѣ говорили и другія слова съ -гл. + *n*, *m*-, кромѣ тѣхъ, которыя указаны А. Мазономъ для этого пункта. Именно: пънда, ръмб;

[1] Jan Rozwadowski, Szkic wymowy (fonetyki) polskiej (Materyały i prace kom. język. I); T. Benni, Opis fonetyczny języka polskiego (Język polski i jego historya, I, 257); K. Nitsch, Djalekty języka polskiego (тамъ же, II, 267—269); С. М. Кульбакинъ, Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка (Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Ак. Н., т. 73, стр. 33—45).

поръмбено, енгар, лендина, пенда, ремпам, ярембица, ренда (Книжици за прочитъ, I, Солунъ 1889, 21—25). Ср. также ниже въ приложеніи: „Нарѣждание на една майка". Весьма вѣроятно, что отсутствіе тѣхъ или иныхъ словъ съ -гл. + *n*, *m*- въ матеріалахъ, собранныхъ А. Мазономъ, не является случайностью: эти слова съ -гл. + *n*, *m*- вытѣснены подъ вліяніемъ другихъ говоровъ словами съ -ъ-.

r̥, *l̥*. Интересныя данныя, относящіяся къ *l̥* и его замѣнамъ въ описываемыхъ говорахъ, представлены А. Мазономъ. Эти данныя еще разъ иллюстрируютъ діалектическую пестроту Македоніи. Почти каждый изъ описанныхъ пунктовъ въ своихъ измѣненіяхъ *l̥* пришелъ къ результатомъ, отличнымъ отъ говоровъ другихъ недалекихъ пунктовъ. Несомѣнно, всѣмъ говорамъ Македоніи былъ извѣстенъ плавный слоговой *ɫ̥*, болѣе твердый (велярный) въ своемъ образованіи между согласными по сравненію съ *ɫ* въ другихъ положеніяхъ. Такого образованія *ɫ̥* имѣютъ до сихъ поръ нѣкоторые говоры Македоніи. Такой *ɫ̥* или близкій къ нему имѣется въ говорахъ юго-западныхъ пунктовъ, описанныхъ А. Мазономъ, — въ Жервени и Смрдешъ. Такой *ɫ̥* представленъ и въ другихъ мѣстахъ Македоніи (Дебръ, Мала Рѣка). Другая черта образованія *ɫ̥* — особая близость къ образованію гласнаго. Вслѣдствіе этой близости развился передъ плавнымъ гласный элементъ, слабый или затѣмъ болѣе или менѣе полный. Это общее явленіе для всѣхъ говоровъ Македоніи.

Направленія въ измѣненіи *ɫ̥*, пережитыя въ говорахъ Леринско-Костурской области, были таковы:

1) *ɫ̥* > *ъ*. Ходъ измѣненія, въ результатѣ котораго получился этотъ гласный, мы представляемъ себѣ такимъ образомъ. При слабомъ гласномъ приступѣ *ɫ* вокализовалось и, уподобившись по качеству предшествующему гласному ^{ъ}, ассимилировалось съ нимъ въ одинъ гласный обычнаго образованія для этого звука. Такъ было въ говорѣ с. Неволани: **dъ́go** (**dəgo**), **jabъ́ko**, **sъ́nce**, **sъ́za**, **žъt**. Иногда еще присутствуетъ слабый элементъ плавнаго: **jabъ́^{l}ko**, **vъ^{l}k**, **žъ^{l}to**. Только въ группѣ *ɫ̥n* плавный не утраченъ: *ɫ̥n* > *l̥n* (**vl̥na**, **kl̥na**).

2) Предшествующій губной согласный могъ благопріятствовать развитію лабіализаціи въ образованіи гласнаго передъ *l*. Такъ было въ говорѣ Лерина: **jabólka**, **poln**, **volk**, **volna**. Въ другомъ положеніи — *ɫ̥* > *l̥*: **dlgo**, **slza**, **žlto**.

3) Развитіе гласнаго передъ плавнымъ: *ɫ̥* > ^{o}*ɫ* или *oɫ*. Говоръ с. Жервени: m^{o}ɫva, p^{o}ɫno, s^{o}ɫce, voɫk. Въ другомъ юго-западномъ пунктѣ, въ с. Смрдешъ, тоже представленъ слабый гласный передъ *ɫ*, но гласный этотъ тамъ нелабіализованный (^{a}); при этомъ велярность *ɫ* не такъ значительна въ Смрдешѣ, какъ въ Жервени: d^{a}ɫgo, p^{a}ɫno, s^{a}ɫza, v^{a}ɫk, ž^{a}ɫto.

4) Сохраняется во всѣхъ положеніяхъ *l̥* > *ɫ̥*. Такъ на юго-востокѣ, въ Екшису, Мокрени и Вишени. Плавный *ɫ*, сохранялся ли онъ безъ гласнаго передъ нимъ или съ развившимся гласнымъ, измѣнялъ свое образованіе въ отношеніи уклада той части языка, которая находилась за затворомъ: эта часть языкового тѣла перестала сосредоточиваться въ задней части полости рта; она передвинулась нѣсколько впередъ: вм. *ɫ* сталъ произноситься плавный, близкій къ „среднему" *l* (*l̥*).

Такіе же результаты измѣненія $\underset{\circ}{l}$ представлены и другими говорами Македоніи. Обширный районъ въ западной Македоніи занимаютъ говоры съ *ol* вм. $\underset{\circ}{l}$. Это въ областяхъ Рѣсена (*ou* < *ol*), Охрида, Битоли, Прилѣна, Скопья, Д. Полога (*ou*). То же по говорамъ дебрскимъ, кичевскимъ, маріовскимъ. Значительна и область $\underset{\circ}{l}$ > *ъ*. Это въ говорахъ Велеса, Штипа, Тиквеша, Малешова, Піянца и сѣверной части Маріова (въ прочихъ областяхъ Маріова *-ol*, какъ въ сосѣднихъ областяхъ прилѣпской и битольской). Въ сѣверо-восточной части за Вардаромъ, въ Штипѣ, тотъ гласный, который смѣнилъ собою образованіе $\underset{\circ}{l}$, представленъ въ видѣ *ъ* и *u*. Условіе появленія *u* ясно: послѣ губного согласнаго. Срв. žъt, sъ́za, prokъ́ne, но vuk, búa. Та же двойственность въ замѣнѣ и въ сосѣдней области юго-западной Болгаріи.

Тенденція развитія гласнаго передъ $\underset{\circ}{r}$ отражается въ говорахъ Македоніи слабѣе, чѣмъ при $\underset{\circ}{l}$.

Начальное **rъ-*. Въ отдѣлѣ о слоговыхъ плавныхъ между согласными разсматриваетъ А. Мазонъ и $\underset{\circ}{r}$ въ началѣ слова. Имъ сообщены слѣдующіе примѣры: *ъrš* (*ərš*, *ə́^{r}š*, *^{a}rš*) „и съ метатезой: *rəš* или *rъš*“ (19). Но ходъ процесса измѣненія начальныхъ **rъ-*, **rь-* въ говорахъ Македоніи не былъ тожественнымъ съ направленіемъ въ измѣненіи **tъrt*, **tьrt*, **trъt*, **trьt*. Необходимо было бы сообщить примѣры, въ которыхъ za *rъ-* находился слогъ съ гласнымъ полнаго образованія. Именно въ этихъ случаяхъ по утратѣ слабыхъ редуцированныхъ гласныхъ развивался $\underset{\circ}{r}$ съ дальнѣйшими его измѣненіями. Въ текстѣ изъ Неволани встрѣтилось: grédi éden koin: *ъ́rži*, *ъ́rži* (82). Сочетанія, въ которыхъ $\underset{\circ}{r}$- (*ъr*) развился фонетически, обобщились и вытѣснили сочетанія въ родственныхъ основахъ, въ которыхъ *r* было неслоговымъ, такъ какъ за нимъ слѣдовалъ нѣкогда *ъ* „сильный“ (**rъžь*). Въ одномъ сѣверо-западномъ пунктѣ мною отмѣчено было комбинаторное сочетаніе: *ъrъš* (с. Лешокъ, къ сѣв. отъ гор. Тетова). Въ большинствѣ македонскихъ говоровъ представлены сочетанія съ *ъr-*: ъrži, ъržanik, ъrš.

-trъ, *-tlъ*, *-tlь*. Обозрѣвая судбу сочетанія редуцированныхъ *ъ*, *ь* съ плавными, необходимо отмѣтить и результаты измѣненій, пережитыхъ конечными *-rъ*, *-lъ*, *-lь* послѣ согласнаго: dobrъ, větrъ, reklь. Къ сожалѣнію, въ обзорѣ А. Мазона этотъ пунктъ не затронутъ. Не много примѣровъ мы найдемъ и въ записанныхъ текстахъ. Вотъ они: dóbər (64; ср. также 23), véter (82), но на стр. 26 (въ „Лингв. этюдѣ“) vetər; rékl (118). Передачу послѣдняго примѣра мы оставляемъ подъ вопросомъ.

Недавно г. Йорданъ Ивановъ сообщилъ въ „Revue des études slaves“, T. II, f. 1—2 („Un parler bulgare archaïque“) чрезвычайно интересное явленіе въ говорѣ двухъ селъ Висока и Сухо въ области „Богданско“ (къ востоку отъ Солуня). Именно, тамъ въ концѣ слова послѣ двухъ согласныхъ произносится гласный *ъ*. Такое явленіе представлено въ формѣ муж. ед. прилагательныхъ, чаще при тѣсномъ сочетаніи ихъ съ существительнымъ. По сообщенію Й. Иванова, гласный *ъ* находится въ концѣ и въ формѣ прич. муж. ед. Но среди примѣровъ только одинъ относится къ причастію (ре́клъ). Мы остаемся при

сомнѣніи: во всѣхъ ли случаяхъ причастная форма муж. ед. имѣетъ ъ послѣ двухъ конечныхъ согласныхъ? Въ большинствѣ сообщенныхъ примѣровъ конечному ъ предшествуетъ сонорный *р, л, н*: рéклъ, сúлнъ, та̄снъ, éндръ, прѣмнъ — прѣвнъ, пра́днъ, мѣндръ, чѣрнъ, дрéбнъ, жéднъ. Находится ъ и послѣ другихъ согласныхъ: плúткъ г'ол, тéнкъ чова́к, нискъ чова́к, сла́ткъ пекмéс, мѣнтъ пекмéс, мѣшкъ чова́к, мéнкъ ла̄п, скѣмпъ орúс. — Йорд. Ивановъ видитъ въ этомъ ъ остатокъ давняго, праславянскаго ъ. Въ такихъ примѣрахъ, какъ мѣндръ, рéклъ . . . конечный ъ идетъ изстари, а въ такихъ какъ сúлнъ (вм. **сильнъ**), мѣнтъ (**мѫтьнъ**), конечный ъ явился позднѣе, послѣ утраты ь въ предшествующемъ слогѣ, — явился „по аналогіи“. Но объясненія уважаемаго Йорд. Иванова невозможно, разумѣется, принять. Конечный ъ во всѣхъ этихъ сочетаніяхъ не восходитъ къ давнему конечному ъ, а явился позднѣе, после утраты конечыхъ ъ, ь, — явился такимъ же путемъ, какъ и въ прочихъ болгарскихъ и другихъ славянскихъ группахъ. Появленіе гласнаго типа ъ вызвано было тѣмъ, что посредствомъ него устранялось слоговое свойство конечнаго согласнаго, находившагося за согласнымъ. Такое свойство, несомнѣнно, принадлежало въ теченіе нѣкотораго времени конечнымъ *r, l, m, n*: *-tr̥, -tl̥, -tm̥, -tn̥*. Вторичный гласный ъ у славянъ произносился передъ *r, l, m, n*: *-tr̥* *-tъr* . . . Такъ въ болгарскихъ говорахъ, въ томъ числѣ въ ближайшемъ къ вышеназваннымъ, — въ говорѣ „богданскаго“ села Зарово: рéкъл, éндър . . .

Что касается такихъ сочетаній, какъ *слаткъ, та̄снъ, тенкъ, мѣнтъ*, то они имѣли иной видъ послѣ утраты конечныхъ согласныхъ: *сладок, та̄сен, тенок, мжтен*. Современное *скѣмпъ* имѣло въ концѣ не два, а одинъ согласный (скѫп); позднее стало произноситься *скъмп*. Ясно, что гласный ъ въ этихъ и другихъ сочетаніяхъ явился еще позднѣе. Путь, какимъ появился ъ въ концѣ этихъ формъ, ясенъ. Обратимъ вниманіе на формы *силн-ъ, та̄сн-ъ, мънт-ъ*. Основы *силн-, та̄сн-, мънт-* (вм. *силен, та̄сен, мънтен*) появились вслѣдствіе обобщенія съ прочими основами жен. и ср. ед. и съ основами множ.: *силн-а, силн-и*. Съ такой основой стала употребляться и форма муж. ед.: *силн* . . . Въ томъ же направленіи происходило обобщеніе и въ основахъ прилагательныхъ, имѣвшихъ до того въ муж. ед. въ концѣ *-ър, -ъл*: добр-, ендр-. То же обобщеніе могло быть пережито и основами прич. *рекл-* въ муж. ед. Въ формахъ прилагательныхъ *добр, силн* . . . чутье послѣдняго слога съ *-р, -н* . . . не утрачивалось. Какъ параллель, укажу, что въ такомъ же направленіи обобщались основы и по другимъ говорамъ. Такъ, въ говорѣ дебрскаго села Обоки В. Облакъ отмѣтилъ mъdr̥. То же явленіе отражается въ édn̥ (по анагогіи съ édn-a, édn-o . . .), *sin̥* по аналогіи *sm-e* (V. Oblak, Macedonische Studien, 23, 17, 16; Селищевъ, Очерки, 57). Говоры богданскихъ сель Висока и Сухо не остановились на стадіи съ конечными слоговыми сонорными. Опять стала отражаться прежняя тенденція — освободить конечный согласный отъ слогового свойства и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить общность основы: появляется снова гласный ъ, но произносится онъ за сонорнымъ согласнымъ. По этимъ образцамъ стали произносить гласный ъ въ основахъ прилагат. муж. ед. и послѣ прочихъ

согласныхъ: ендръ, жеднъ, нискъ... На обобщеніе основъ, какъ на отправной пунктъ, указываетъ еще слѣдующій фактъ: форма *мънт-ъ*. Какъ видно, это прилагательное утратило въ концѣ *н* послѣ *т*: мънтн › мънт. Эта утрата обусловлена была тѣмъ, что *н* оказался конечнымъ согласнымъ и находился послѣ глухого *т*. Это положеніе и обусловило утрату сонорности *н* и полное его исчезновеніе. Итакъ: мѫтен-*мънтен* по аналогіи съ прочими основами смѣнилось посредствомъ *мънтн; мънтн › мънт*, позднѣе за *-т* сталъ произноситься ъ: *мънтъ*.

*ě. Важныя данныя представляютъ наблюденія А. Мазона надъ замѣнителемъ *ě. То, что передъ *e* ‹ *ě* согласные (нѣкоторые) являются въ той или иной степени мягкими, было извѣстно и ранѣе. Но до сихъ поръ не было извѣстно, что гласные *e* вм. *ě* и *e* вм. *e различны въ своемъ образованіи: первое (вм. *ě) имѣетъ болѣе высокое образованіе, чѣмъ *e* вм. *e. „C'est un *e* fermé, au moins dans sa partie initiale (ẹ), que l'on entend dans: *déca*, *dédo*, *snek*, *pésna*, *béše*, *bégam*, *zvézda*, *dve*, *vérvam*, *sétne* (bulg. се́тнѣ) etc.; le caractère fermé de cet *e* semble plus net en particulier après *r*: *réka*, *stréda*, *tréva*, *vréme*" (20).

Неударенные гласные. Гласный *e* въ неударенномъ слогѣ, по наблюденію А. Мазона, не измѣняетъ своего образованія (20). Что касается *o*, то „въ нѣкоторыхъ говорахъ онъ склоненъ къ закрытію въ ọ или даже въ *u*". Однако эта тенденція къ закрытію *o* въ ọ › *u* въ говорахъ Лерина и Костура отражается нопослѣдовательно (manière toute sporadique, стр. 22). На основаніи болѣе раннихъ данныхъ я пришелъ къ слѣдующему положенію относительно неударенныхъ гласныхъ. Измѣненія неударенныхъ *a* по направленію къ ъ, *o* къ *u*, *e* къ *i* представляютъ говоры юго-востока Македоніи, Водена — Кукуша. Говоры областей, подходящихъ къ Водену и Кукушу съ юга и сѣвера, также представляютъ результаты измѣненія неударенныхъ гласныхъ *e* къ *i*, *o* къ *u*. Это говоры областей Кайляра, Лерина, Меглена, Гевгели, Дойрана, Солуни (Срв. мои Очерки, I, 88). Но данныя, относящіяся къ западнымъ предѣламъ указанныхъ областей Македоніи, именно къ леринскому району, не свидѣтельствуютъ о послѣдовательно проведенной манерѣ значительнаго измѣненія неударенныхъ *e*, *o*, въ особенности перваго гласнаго. Можно было бы думать о неудовлетворительной передачѣ записывателемъ чертъ говора. Но свидѣтельство А. Мазона подтверждаетъ существованіе этой непослѣдовательности, какъ факта живого говора. Въ записяхъ изъ Леринскаго края лишь въ немногихъ случаяхъ представлено было *i* вм. *e*. Въ отношеніи передачи гласнаго вм. неударенпаго *o* такъ же, какъ и въ записяхъ А. Мазона, является *u* въ формѣ 1 л. ед. аориста: јас ви́ду, реку, се нај́адуф (Зап. въ Сб. за народ. умотв. VIII, 160, 174; Шапкаревъ, Сборн. IX, 313. 321 и др.). Но вотъ въ чемъ расхожденія съ результатами наблюденій А. Мазона: въ болѣе раннихъ записяхъ больше случаевъ употребленія неударённаго *y* (въ значеніи *u* или *o*" и ọ): гуле́мо, не́гу, гьа́вул, по́-ста́рију брат, по́-ма́лију брат, по́муш „помощь", ву е́дна (зап. въ Сборн. за народ. умотв. VIII). Примѣры сообщены по записи изъ села Церово. Для пониманія этого расхожденія примемъ во вниманіе, что Церово находится въ восточной части Леринской области. А далѣе къ вос-

току, къ бассейну Вардара идутъ говоры съ послѣдовательно (или болѣе послѣдовательно) проведеннымъ результатомъ измѣненія неударенныхъ *e, o*. Такъ въ области Водена. См. описаніе этого говора въ Сборн. за народни умотвор., XVIII)[1].

Изъ состава согласныхъ звуковъ, полно для данной области охарактеризованнаго А. Мазономъ, мы остановимся на слѣдующихъ 3 пунктахъ.

1. Плавный *l*. А. Мазонъ отмѣчаетъ для изученныхъ имъ говоровъ тенденцію „нейтрализаціи" *ł* : *ł* > *l* (25). Но въ нѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ *ł* до сихъ поръ держится. Степень велярности этого *ł* слабѣе по сравненію съ великорусскимъ *ł* (наблюденіе А. Мазона). Такое *ł* является замѣнителемъ плавнаго *ł̥* между согласныхъ. Данныя македонскихъ говоровъ свидѣтелствуютъ съ несомнѣнностю, что раньше имъ всѣмъ былъ извѣстенъ въ этомъ положеніи, между согласными, велярный *ł*. Положеніе передъ согласнымъ благопріятствовало веляризаціи или лабіо-веляризаціи *l*. Слѣды ея обнаруживаются въ разныхъ славянскихъ группахъ. Ср. напр., судьбу **tьlt*, **tolt*, **telt* въ русской и поморской-полабской группахъ: **tьlt* > *tъłt* съ дальнѣйшими измѣненіями; *tolt* > *tołt* съ дальнѣйшими измѣненіями; *telt* > *tołt* съ дальнѣйшими измѣненіями: рус. *волк* (діалект. воўк), кашубское *vouk*, рус. *молóт'*, кашубское *młoc*.

Еще другое положеніе благопріятствовало веляризаціи или лабіо-веляризаціи. Это положеніе въ концѣ слова. Въ нѣкоторыхъ говорахъ Македоніи представлено въ такомъ положеніи *u̯*. Такъ въ говорахъ Полога (въ сѣв.-западной Македоніи): stou̯, sókou̯, dóšou̯ (А. Селищевъ, „Замѣтки о говорахъ Тетовскаго округа", въ „Отчетѣ о занятіяхъ заграницею", Казань 1915, 16; Зап. Йорд. Иванова въ журн. „Минало" I, вып. 1, 74 примѣч.). Въ концѣ слова было извѣстно лабіо-велярное *ł* и нѣкоторымъ другимъ говорамъ, но при такомъ еще условіи: въ замѣнѣ -**lъ* послѣ согласнаго: -**tlъ* (*t* — к.-ниб. согласный). Очевидно, одна изъ стадій въ измѣненіи **-tlъ* была *-tł̥*, смѣнившаяся затѣмъ посредствомъ *-toł*. Поздѣе *-toł* > *-tol*. Таковы говоры на западѣ, югѣ, центрѣ и сѣверѣ Македоніи: rekol, sekol, otnesol... Поучительно указаніе говоровъ Рѣсенскаго края: тамъ замѣнителемъ *tł̥t* является *tou̯t*: žou̯t. Если же въ концѣ не произошло измѣненія *ł* въ *u̯*, то это обусловлено было тѣмъ, что *ł̥* въ *tł̥t* имѣлъ болѣе велярное образованіе, чемъ *ł* въ другихъ положеніяхъ и *ł̥* въ концѣ слова. Срав. сказанное выше о замѣнахъ *tł̥t* въ македонскихъ говорахъ.

Что касается судьбы *ł* передъ гласными, то дѣйствительно пережита и переживается тенденція замѣны его „среднимъ" *l*. Но все же,

---

[1] Во II й книгѣ, св. 3—4 журн. „Јужнословенски филолог" помѣщено начало изслѣдованія Милоша Ивковиһа объ удареніи, „акцентѣ" въ македонскихъ говорахъ: „Акценатски системи српско-македонских говора". Онъ также указываетъ на измѣненіе неударенныхъ гласныхъ въ говорахъ юго-восточной Македоніи. Но при примѣрахъ, сообщенныхъ имъ, не всегда указано, къ какимъ географическимъ пунктамъ относятся они. Въ частности нѣтъ указаній ни на одинъ пунктъ Леринскаго края. Вѣроятно въ слѣдующихъ частяхъ изслѣдованія, въ которыхъ представленъ будетъ фактическій матеріалъ, будутъ опредѣленно указаны и географическ е пункты.

во многихъ говорахъ до послѣдняго времени *l* передъ гласными задняго ряда отличалось въ своемъ образованіи отъ „средняго“ *l*, — отличалось велярностью въ той или иной степени. О такомъ *l*, образуемомъ съ нѣкоторой отодвижкой взадъ языкового тѣла, находящагося за затворомъ, мы знаемъ по отношенію къ говорамъ на сѣрозападѣ (въ Пологѣ), въ центрѣ (въ Прилѣпѣ), на западѣ (въ Дебрѣ), на югѣ (въ Корчѣ).

l’ > *l*. А. Мазонъ отмѣчаетъ измѣненіе „мягкаго“ *l’* въ „среднее“ *l* передъ гласнымъ *e*: pole. То же и въ другихъ областяхъ Македоніи. Кромѣ того онъ замѣтилъ въ рѣчи отдѣльныхъ лицъ *l* вм. *l’* передъ *u* (неудобно сказать „devant *-ju-*“, 25): klúkam, se nalúti. И такое явленіе свойственно многимъ говорамъ Македоніи. При этомъ, измѣненіе *l’* > *l* пережито (или переживается) не только передъ *u*, но и передъ *a*. По даннымъ, бывшимъ въ моемъ распоряженіи, я отмѣтилъ, что *l’* > *l* въ слѣдующихъ случаяхъ: nedela, postela, košula, selanec, selanin, povela; lud’ʒ’e (lug’e), lut-, lub-, blu- (bluen’e), plusk, (pluska v race; Прилѣпъ), kluč, klun „клювъ“. Кромѣ того, въ концѣ слова: kral, pri[i̯]atel. Такъ въ разныхъ говорахъ Македоніи. Но не всѣ эти сочетанія въ каждомъ говорѣ имѣютъ *l*: при *l* въ однихъ сочетаніяхъ произносится *l’* въ другихъ.

По говорамъ при образованіи такого происхожденія *l* языковое тѣло нѣсколько отодвинулось взадъ: *l* приблизилось къ *ł*. Подробнѣе о плавномъ *l* въ говорахъ Македоніи говорится въ моихъ Очеркахъ I, 151—157, 56—58.

2. *d͡z*. Въ отношеніи аффрикаты *d͡z* говоры Македоніи представляютъ слѣдующее. Въ однихъ изъ нихъ до сихъ поръ сохраняется старая аффриката *d͡z* и, кромѣ того, въ отдѣльныхъ сочетаніяхъ появилось еще новаго происхожденія *d͡z* вм. *z*. Таковы, напр., говоры Охридскаго края. Въ другихъ *d͡z* во многихъ сочетаніяхъ утрачено: произошла утрата затвора: *d͡z* > *z* (noze-nozi). Таковы говоры въ восточной и сѣверной Македоніи. Въ третьихъ находится *d͡z* только новаго происхожденія, вм. *z*, въ нѣкоторыхъ словахъ. Если въ послѣднихъ говорахъ имѣется dzvezda, то здѣсь *d͡z* неисконно, а новаго происхожденія, вм. *z* начальнаго слога. Такъ по говорамъ на сѣверѣ и востокѣ Македоніи. Говоры описываемой А. Мазономъ области относятся къ такимъ, въ которыхъ въ рядѣ сочетаній сохранилось старое *d͡z*, въ другихъ *d͡z* > *z* (28). На юго-востокѣ находятся такіе говоры, въ которыхъ при значительной (?) утратѣ старыхъ *d͡z* появилось *d͡z* вм. *z* въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ (Мокрени). Еще значительнѣе утрата *d͡z* въ юго-западномъ пунктѣ, въ с. Смрдешъ: nózi, zvézdi. Тутъ даже zvónec, — съ *z*-; въ другихъ же говорахъ Македоніи обычно это сочетаніе имѣетъ вторичное *d͡z*: dzvón-o.

3. „M é t a t h è s e d e *j(i̯)*“. Такъ названа VII-я глава отдѣла о согласныхъ звукахъ (29). „Le tendance à la métathèse de *j*, *i̯* ou d’une mouillure de fin de mot est commune à tous les parlers étudiés: le *j(i̯)* ou la mouillure sont reportés à l’intérieur du mot“. Сообщены такіе примѣры: kúi̯k’a – kúi̯ka, skói̯le, koi̯n, bái̯na, gróize, sunvái̯ne.

Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и произошла метатеза. Напр., въ сочетаніи gróźje > gróize. Я указываю именно на этотъ примѣръ, съ *-źje*, потому что gróize, lóize находится и въ такихъ македонскихъ говорахъ, которые не представляютъ *i* передъ мягкимъ согласнымъ. Таковы говоры на западѣ и сѣверѣ Македоніи: въ Дебрскомъ краѣ, въ Криво-Рѣчной Паланкѣ, въ Кратовѣ. Въ говорахъ названныхъ областей, знающихъ *-ize*, находится *-n'e* (не *-ine!*): imán'e. Но вѣроятнѣе будетъ представлять процессъ для сочетанія *-z'je* (*z'ie*) иначе. *j* или *i* за *z'* не утрачивался, т. е. не ассимилировался съ *z'* и не испыталъ метатезы. Вслѣдствіе ассимиляціоннаго процесса, передъ *-z'j* (*z'i*) появился *i* послѣ гласнаго. Такая стадія представлена въ говорахъ Дебра на западѣ, Штипа на сѣверовостокѣ: lóizie — lóiz'e. Позднѣе произошла во многихъ говорахъ утрата *i* послѣ палатальнаго звука. Появленіе *i* передъ другими мягкими согласными (*n'*, *k'*, *g'*) обязано тому же процессу ассимиляціи съ мягкими (*n'*, *k'*, *g'*): происходила антиципація въ укладѣ языка для производства „мягкости" согласнаго, т. е. его подъемъ къ твердому небу. Итакъ: bán'a báin'a, kon' > koin', imán'e > imáin'e. Параллельное явленіе представляютъ и другіе славянскіе говоры: русскіе (сѣверно-великорусскіе и малорусскіе), польскіе, лужицкіе, восточно-словацкіе, словинскіе.

Въ опредѣленіи условій появленія этого *i* необходимо указать, что не передъ всякимъ мягкимъ согласнымъ развивался послѣ гласнаго *i*: kla·je, orużje и въ данныхъ (леринско-костурскихъ) говорахъ и въ прочихъ македонскихъ не имѣютъ *i* передъ *ś*, *ź*. Чаще всего появлялся *i* передъ *n'*. И въ другихъ славянскихъ языковыхъ группахъ, переживших процессъ антиципаціи въ артикуляціи передней части языка, представлено *i* именно передъ *ń* (*n*). Рѣже по славянщинѣ появлялся *i* передъ другими мягкими согласными, напр. передъ *ś* (въ восточно-словацкихъ говорахъ: kois „кость", nêis „несть"). Появленію *i* передъ *n'* благопріятствовала физіологическая близость *n'* къ *j* (сравните, напр., албанскій процессъ *n'* > *j*: kron' им. мн. > kroj и др.). Въ македонскихъ говорахъ *i* находится передъ *n'*, *k'*, *g'*, *z'*. Не во всѣхъ говорахъ, знающихъ *i* указаннаго происхожденія, развился *i* передъ каждымъ изъ этихъ согласныхъ. Нерѣдко приходится наблюдать, что *i* или *i* не употребляется послѣдовательно передъ однимъ и тѣмъ же согласнымъ. Иногда наличность *i* или его отсутствіе связано съ возрастной дифференціацей общественной группы: въ рѣчи пожилыхъ напр., — kúk'a, а молодежь говоритъ kúik'a — kúika (наблюденіе А. Мазона). Благопріятствовало иногда появленію *i* передъ мягкимъ согласнымъ такое фонетическое условіе: открытость слога. Въ открытомъ слогѣ *i* передъ мягкимъ согласнымъ распространено по македонскимъ говорамъ шире, чѣмъ въ закрытомъ слогѣ. Напр., въ солунскихъ говорахъ kon', но bain'a. Съ другой стороны, на сѣверѣ, въ Кумановѣ, kon', но koin'a. То же отражается и въ текстахъ А. Мазона: kon', но kóino, kóinite (с. Екшису; 126). То же явленіе, вѣроятно, представляетъ и говоръ с. Арменско: kon' (126). По говорамъ появленіе *i* обусловлено было, кромѣ указанныхъ обстоятельствъ (мягкость согл., открытость слога), еще слѣдующимъ: *i* развивался въ открытомъ слогѣ передъ мягкимъ согласнымъ

тогда, когда за мягкимъ согласнымъ находился гласный широкаго образованія, *a*. Такъ въ Радовиштѣ: јаден'е, трн'е, кон'у, кон'о; нокучиịната, пеіна.

Дальнѣйшій процессъ состоялъ въ диспалатализаціи образованій, находившихся послѣ *i̯*: *i̯n'* > *i̯n*, *i̯k'* > *i̯k*, *i̯g'* > *i̯g*, *i̯z'* или *i̯z'i̯* > *i̯z*. Въ частности отвердѣніе *n'* происходило по говорамъ или въ опредѣленныхъ условіяхъ (въ закрытомъ слогѣ, напр. въ Прилѣпѣ), или во всѣхъ положеніяхъ: koi̯n, koi̯no[t], ƀai̯na. Процессъ диспалатализаціи образованій за *i̯* переживетъ и въ другихъ (не во всѣхъ) славянскихъ группахъ.

i̯ передъ *n'* (*n*) отмѣчено почти во всѣхъ областяхъ Македоніи, за исключеніемъ окраинныхъ областей на западѣ (Дебръ, Кичево), на сѣверѣ (Дольній Пологъ, Скопье, Кратово) и нѣкоторыхъ мѣстностей на востокѣ.

Еще въ одной категоріи сочетаній появлялся мягкій, палатальный *n'*: въ неударенномъ суффиксальномъ сочетаніи *-n-ica*: -nica > -ni̯ca > -n̄ca > -i̯n'ca > -i̯nca. Такъ въ западныхъ и срединныхъ македонскихъ говорахъ, имѣющихъ удареніе на 3-мъ слогѣ отъ конца слова: vodéi̯nca, pái̯nca... (Охридъ, Струга, Рѣсенъ, Битоля, Кичево, отчасти Дебръ). Замѣчаніе о стадіи съ долгимъ слоговымъ *n̄'*: кромѣ теоретическаго представленія о необходимости такой стадіи съ точки зрѣнія физіологіи процесса можно указать, какъ на параллель, на соотвѣтствующую стадію въ одномъ изъ сѣверновеликорусскихъ говоровъ, въ Тотемскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи: p'ie̯n̄'ca[1].

Во всѣхъ македонскихъ говорахъ имѣются и сочетанія *i̯k'* > *i̯k* < *k'* послѣ гласнаго. Но употребленіе ихъ не проведено послѣдовательно. Процессъ развитія *i̯* передъ *k'* (*g'*) не далъ пока опредѣленныхъ результатовъ во всѣхъ тожественныхъ случаяхъ. Въ одномъ и томъ же говорѣ можно наблюдать kúi̯k'a и kúk'a или ƀrai̯k'a и ƀrák'a.

Что касается *i̯* передъ *z'* — *z*, то область распространенія *i̯z* не совпадаетъ съ областью, представляющей *i̯* передъ *n'* (*n*), *k'* (*g*): во многихъ говорахъ на югѣ и въ центрѣ Македоніи находится *-zje*. Сочетанія съ *-i̯ze* употребляются преимущественно на западѣ и сѣверѣ. Въ пунктахъ, описанныхъ А. Мазономъ, указано только *-i̯ze*: grói̯ze. Но мы не увѣрены въ томъ, что тамъ послѣдовательно проведены эти сочетанія со вторичнымъ *i̯* передъ *z*.

Многіе македонскіе говоры представляютъ утрату звонкихъ согласныхъ между гласными звуками, въ заударномъ слогѣ. Къ такимъ говорамъ принадлежатъ и говоры Леринскаго района, описанные А. Мазономъ. Утрата отражается въ указанномъ положеніи на согласныхъ *d*, *g*, *ž*: da vīme (вм. da vídime), kóa (вм. koga), móiš (вм. možiš).

Широко проведена и утрата *u̯* — *v*. Такъ и въ другихъ македонскихъ говорахъ.

Удареніе (акцентъ). Акцентъ въ говорахъ описываемаго района опредѣленъ А. Мазономъ такъ. „L'accent du macédonien sud-occidental

[1] О. Брокъ, Описаніе одного говора изъ юго-зап. части Тотемскаго уѣзда (Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Н., т. 83), стр. 112.

est un accent d'intensité de faible force. Il ne détermine pas les modifications de voyelles qu'entraine un accent vigoureux, comme par exemple l'accent russe" (34). Мѣсто акцента — на предпослѣднемъ слогѣ. Но нерѣдки формы съ акцентомъ на 3-мъ слогѣ. При дальнѣйшемъ изученіи данныя, сообщенныя А. Мазономъ, будутъ освѣщены сравнительно съ данными другихъ македонскихъ говоровъ. Акцентъ македонскихъ говоровъ специально изслѣдуется г. Милошемъ Ивковичемъ въ его работѣ: „Акценатски системи српско-мак. говора" („Јужнослов. филолог", II, св. 3—4).

Слѣдующая часть „этюда" посвящена морфологіи. Здѣсь съ достаточной полнотой охарактеризованы формы именныя, мѣстоименныя и глагольныя въ говорахъ Леринскаго и Костурскаго районовъ. Отмѣтимъ немногое. Въ именныхъ формахъ слѣдуетъ указать формы винит. ед. муж. на *-a*: brata, svata...

Формы мѣстоименій. Не видно основаній для слитной передачи мѣстоименныхъ формъ méneme, tebete вм. *méne* me, tébe te. Сравните тѣ конструкціи, когда мѣстоименныя формы находятся п о с л ѣ глагола. Такъ бываетъ при повелительномъ накл.: bij me mene! Вѣдь такъ и въ Леринско-Костурской области? Ср. также и такую, къ примѣру, конструкцію: toi̯ me zabii̯e [i] méne.

Затѣмъ, почему неуказана „полная" форма мѣстоименія 1. и 2 л. для дат. ед. и мн.?

Въ качествѣ „краткой" (энклит.) формы личнаго мѣстоименія употребляется въ винит. множ. *ne* (1 л.), *ve* (2 л.). Такъ и въ другихъ говорахъ Македоніи. Гласный *e* появлялся здѣсь по аналогіи съ формой мѣстоим. винит. е д и н с т в. (а не по аналогіи съ существ.). На это ясно указываютъ говоры областей Водена и Кукуша. Тамъ „краткія" формы личныхъ мѣстоименій имѣютъ въ винит. ед. такой видъ: *mъ*, *tъ*, *sъ* — фонетическіе замѣнители прежнихъ *mę*, *tę*, *sę*. (Такъ и по говорамъ Болгаріи). Т ѣ ж е гласные находятся въ формахъ винит. для личныхъ мѣстоименій и во множ.: nas — nъ, vas — vъ.

Въ качествѣ характерной черты для говора с. Жервени А. Мазонъ отмѣтилъ винит. ед. жен. р. *e* (въ другихъ описываемыхъ пунктахъ — *a*). *e* или *i̯e* были отмѣчены мною и для другихъ говоровъ въ областяхъ Костура, Лерина, Битоли, Маріова (Очерки, I, 196).

Въ юго-восточномъ пунктѣ, въ с. Мокрени, А. Мазонъ встрѣтилъ форму винит. ед. *sa*. Это *sa* появилось вм. болѣе раняго *sъ*, замѣнителя *sę*. Мокрени, повидимому, одинъ изъ послѣднихъ окраинныхъ пунктовъ на югѣ, гдѣ представлены, хотя и не въ полномъ составѣ, замѣны среднеболгарскихъ мѫ, тѫ, сѫ. Далѣе къ сѣверовостоку отъ Мокрени, въ Воденскомъ и Кукушскомъ краяхъ, находится не только *sъ*, но и *mъ*, *tъ* (ъ вм. ѫ < ѧ).

Въ Костурско-Леринскихъ говорахъ *mu* — единственная энклитика для дат. ед. и множ. Такъ въ пунктахъ, описанныхъ А. Мазономъ, и въ другихъ частяхъ Костурско-Леринской области и въ говорахъ сосѣднихъ областей на сѣверѣ: въ Битольской, Прилѣпской, Мегленской и Воденской. Напр.: ótišla pri mái̯ka si i *mu* rékla...; da mu prečit n a ž e n i t e (Битоля) и т. под.

Для говоровъ Леринскаго района А. Мазонъ указалъ такую передачу мѣстоименія „весь, всё, вся, всѣ“: sъt, sъ́to, sъ́ta; мн. sъ́ti. Утрата *u* передъ *s*, *z* — общее явленіе въ говорахъ Македоніи. Согласный же *-t* — это элементъ указательнаго мѣстоименія *tъ*. „La présence de cet élément démonstratif n'empêche pas la postposition de l'article“. Не мѣшаетъ потому, что *t* въ этихъ сочетаніяхъ уже не чувствуется говорящими въ качествѣ элемента указательнаго мѣстоименія, а воспринимается какъ звуковая часть въ передачѣ мѣстоименія „весь“ . . . Если же нужно выразить опредѣленное значеніе, свойственное вообще членной формѣ, то за sъt . . . употребляются обычныя формальныя принадлежности членной формы: toi znáe *sъt* tóia memlekét, но caro sobral *sъ́tio* (чл. форма) narot (Очерки, I, 208).

Въ отдѣлѣ „Numeralia“ А. Мазонъ отмѣтилъ въ значеніи „1“ éden или jéden, — съ суф. *-en* вм. **-ьn*. Такъ и въ другихъ говорахъ Македоніи. Но въ восточной части ея, въ Воденской области и далѣе за Вардаръ, — въ Кукушской, Струмичской, Солунской, находятся формы съ давнимъ *-in*, какъ и въ говорахъ юго-западной и восточной Болгаріи: edin — jedin, adín. И въ описываемой А. Мазономъ области, на востокѣ ея, при формѣ éden употребляется и édin. Такъ въ записи изъ с. Екшису (126).

На стр. 42—53 представленъ полный обзоръ глагольныхъ формъ въ изучаемыхъ пунктахъ. По поводу этихъ формъ сдѣлаемъ одно только замѣчаніе-дополненіе. Форма 3. ед. не имѣетъ въ концѣ *-t*, какъ и во многихъ другихъ македонскихъ говорахъ, центральныхъ, восточныхъ и сѣверныхъ. На западѣ и въ сосѣднихъ частяхъ центральной Македоніи эта форма оканчивается на глас. + *t*: nesit или neset, mijet, utepat . . . (области Рѣсена, Охрида, Битоли, Прилѣпа, Маріова, Дебра, Крушова, Кичева, Порѣчья, Горняго Полога). Въ восточныхъ частяхъ этихъ говоровъ на-ряду съ формами на *-t* употребляются и формы безъ *-t* (въ Битольской, Прилѣпской, Маріовской областяхъ). Обращаемъ вниманіе на замѣчательный языковый фактъ. Въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ форма наст. вр. 3. ед. имѣетъ *-t*, тамъ и членная форма въ муж. р. ед. ч. оканчивается на *-[o]t*; а въ говорахъ, не имѣющихъ въ формѣ наст. 3. ед. *-t*, членная форма муж. ед. тоже безъ *-t*: 1) nesit (neset), tepat: volot, gradot; 2) nesi (nese), tepa: volo, grado.

Послѣднія двѣ главы касаются нѣкоторыхъ явленій синтаксиса и словарнаго состава костурско-леринскихъ говоровъ. Изъ последней главы отмѣчу слѣдующее: pée, péi „il lit“, „il chante“. Тѣ же значенія имѣетъ этотъ глаголъ и въ болгарскихъ и въ сербскихъ говорахъ. На стр. 67, въ примѣч. 2-мъ, дано культурно-историческое объясненіе происхожденія значенія „читать“ — „пѣть“. Кромѣ того, тамъ указано, что тѣ же значенія глагола „пѣть“ представляютъ и другіе балканскіе языки. Это одинъ изъ балканизмовъ культурной и языковой жизни населенія Балканскаго полуострова. „Un pareil dévoloppement de sens „chanter, déclamer, lire“ se constate dans l'albanais *kœndoñ* „chanter, lire, réciter les prières“, dans le turc *čaǧyrmaq* „chanter, crier, lire“ et dans le grec *τραγωδῶ* „je chante, je déclame, je lis à haute voix“. Дополнимъ указаніемъ и на параллельное явленіе въ аромунскомъ: kuntu „пою, кричу (о пѣтухѣ), читаю“.

Съ своей стороны отмѣтимъ давній глаголъ съ корневымъ gręd- > gred-, держащійся до сихъ поръ въ Леринско-Костурской области. Слѣдовало бы этотъ глаголъ внести по крайней мѣрѣ въ словоуказатель; срав. gréde si éden čóvek (запись изъ Арменска; 120). Еще примѣръ: „Ко́а до́шло вре́ме за мъже́і̯не, зе́ле да гре́дат строі̯ници на ба́бата“ и др. (запис. отъ Ст. Забърдеца, Сборн. за народ. умотв. IV). „Дадо́те бе́ла Яна, бе́ла Яна на дале́ко, ка не гре́ди кле́та чу́ма (с. Загоричани въ костур. краѣ, „Книжици за прочитъ“, I, 32).

Еще любопытна передача предлога „къ“ *камо*: до́шъл камо не́го (костурское село Бобища, „Книжнци за прочитъ“, II, 50).

Очень полезные (хотя и не полные) указатели иноязычныхъ словъ, преимущественно греческихъ и турецкихъ, находятся въ отдѣлѣ „Vocabulaire“ (57—59) и въ примѣчаніяхъ къ тексту сказокъ.

Въ записяхъ я отмѣтилъ лишь незначительныя неточности: go i séče вм. go iséče (74); četíridese mína (78), dvanái̯se mína (96, 112) и др. mina незачѣмъ отдѣлять отъ основы числительнаго; v ístina вм. vístina (102) и кое-что другое.

Заканчивая обозрѣніе македонскаго сборника А. Мазона, мы еще разъ подчеркиваемъ высокую цѣнность этого изданія для балканской филологіи, въ частности для изученія языка славянъ южной Македоніи. На основаніи данныхъ, находящихся въ этомъ сборникѣ, мы можемъ составить себѣ ясное представленіе о говорахъ ряда пунктовъ Леринско-Костурской области. Значеніе труда А. Мазона тѣмъ болѣе цѣнно, что Македонія въ діалектологическомъ отношеніи до сихъ поръ не обслѣдована надлежащимъ образомъ. Результаты трудовъ сербскихъ діалектологовъ, подъ общимъ руководствомъ А. И. Белича приступившихъ къ систематическому изученію Македоніи въ 1914 г., не опубликованы еще. Воздавъ должное труду г. А. Мазона, мы выражаемъ горячее пожеланіе скорѣйшаго появленія труда его коллеги, г. A. Vaillant, — труда по изученію говора Дойранскаго района.

Въ заключеніе прилагаемъ хорошую запись изъ Костурской области: „Нарѣждане на една майка“, — запись, помѣщенную въ малодоступномъ константинопольскомъ изданіи „Новини“, I, 1891 г., 11 апрѣля. Запись снабжена примѣчаніями, которыя мы также воспроизводимъ, не измѣняя ихъ.

Нарѣждание на една майка.

На Костурско нарѣчие.

Елте братя, елте[1] сестри, барте[1] жени и невести, да ме вите[2] изгорена, отъ църна змия иседена, жива ошъ не закопана, на вър[3] земата чкрумосана[4]. Чуйте, големо и мало, шчо писмо ми се писало: да го вида я умрено мойто Петре издължено — со очите затворени, ржци, нодзи испушчени; истърнато кай дъмбица[5], безъ душа й без устица. Зашчо, Петре, зашчо, синко! да оставиш църна майка да орипни отъ викайне,

---

[1] Дойдѣте. [2] Видите. [3] Върху. [4] Изгорено до почернуване. [5] Джбъ (остатъкъ отъ старо-бъл., гдѣто *ж- ѫм*).

да ослепи от плакайне? Не стигаше, Петре чендо[6], шчо те расти от малендо[7]) парталаво раскинато и от свите потурнато? тога баре младос име: клети очи ми пулеа[8], нодзи, ржци здрави беа[9], ами сега яска гора, ка[10] ке чина, ка ке стора, ка не глендам [1] твойте деца, ка ке пера, ка ке меса; ка ке можа да и пуля без гашчички, без кошуля, раскапани, парталави да се скитe гологлави по планинята офчара, по лендини[12] гове[н]дари *)[11]? Ка кайдиса, Петре младо! да оставиш клета жена век векови отруена? млада, млада като роса да се скита гола боса; чужи фурки да запрендва[11], тебе, синко, да нарендва[11]. И по полйе ко да сади, кога копа, кога вади, со плакови да се смраква[13], дърво й камен да расплаква? и на кѫшча ко[14] ке биди, клети сираци да види; ко ке найди твоя плячка[15] — иль гурдия[16], иль расачка[16], ко ке ткае, ко ке влачи, тебе, синко, вес да плачи? келко[17] реко: сполай Богу, се измѫчи яска [8] многу, елял мѫките на младос, ке помина бър на старос. Ами пусто, аро[19], Петре! зад вратата е стоело: ето, чендо, то те звело, да те клади църна зема, да те стори да те нема. Не чинеше[20], Боже злати! син ми така да не пати[21]; яска курбан да се стора, да не беше ва[22] изгора? мольба, синко, ти се моля, со све мѫки и неволя, ти се моля, Петре море, да прикажиш тамо горе, и на тети, и на стрини, и на свичките роднини, зашчо ме заборавие, тук(а) да търгам м'оставие? да се молиш, Петре, добро! и пред Ристос, и пред Госпо, пред Пречиста Богордица, и пред свичките свентии: стига веке, дойде време, нека пушче да ме земе, от пусти мѫки да откина, тамо горе да почина.

Москва, 15 января 1924. *А. Селищевъ.*

Prof. Dr. Miloš Weingart, **Byzantské kroniky v literatuře církevněslovanské. Přehled a rozbor filologický.** Část II. — Oddíl 1. V Bratislavě, 1923 (= Spisy filosofické fakulty university Komenského v Bratislavě, číslo IV). 8⁰. 142. Cena 27 Kč.

Предъ нами вторая часть капитальнаго изслѣдованія Вейнгарта, посвященная хроникѣ Георгія Амартола и ея древнѣйшему славянскому переводу, извѣстному подъ названіемъ *Временникъ въ простѣ*. Она обнаруживаетъ то же исчерпывающее знакомство съ научной литературой, ту же ясность и точность ея анализа. Но самъ памятникъ принадлежитъ къ наиболѣе изученнымъ, и Вейнгарту большею частью остается лишь выбирать между мнѣніями своихъ предшественниковъ.

Разборъ 1-ой главы, посвященной греческому оригиналу, оставляю византологамъ. Остановлюсь лишь на одномъ пунктѣ, интересномъ и для слависта. Вейнгартъ и другіе изслѣдователи Амартола даютъ крайне

[6] Чедо (сѫщо остатъкъ отъ староблг., дѣто *я* (ѫ) = *ен*). [7] Мъничко [8] Пулѣхѫ (виждахѫ). 6[9] ѣхѫ. [10] какъ. [11] Тоже остатъкъ от старо-бъл дѣто ѧ = *ен*. [12] Мѣста за пасене. [13] Да се стъмнува. [14] Когато. [15] Дрѣха. [16] Названия на дрѣхи. [17] по нѣкѫдѣ и кеку = колко. [18] Навѣрно вмѣсто харон (гърцко митич. божество, което принасяше съ лодка мъртвитѣ). [20] Не бѣше ли възможно. [21] Пострада. [22] Вая — тази.

*) Пропущено *н* после *гове*-. Но на то, что *н* должно быть, указываетъ примѣчаніе.

неблагопріятную характеристику его труда. Его упрекаютъ въ компиляторствѣ, некритичности, скудости содержанія, странномъ выборѣ сообщаемыхъ фактовъ, любви къ чудесному, излишней морализаціи и обширнымъ выпискамъ изъ отцовъ церкви въ ущербъ фактической содержательности. Вопреки всему этому хроника Амартола изъ всѣхъ хроникъ пользовалась въ среднихъ вѣкахъ наибольшей популярностью и на родной почвѣ, и въ славянскихъ переводахъ. Фактъ этотъ приводитъ въ недоумѣніе изслѣдователей, которые объясняютъ его низкимъ уровнемъ читателей (стр. 41). Но большая часть недоумѣній отпадаетъ, если мы примемъ, что Георгій писалъ не всеобщую исторію, а исторію спасенія человѣческаго рода. Ставъ на эту точку зрѣнія, мы поймемъ, почему онъ начинаетъ свой трудъ грѣхопаденіемъ Адама, почему онъ подробно излагаетъ исторію еврейскаго народа и лишь вскользь касается персовъ и мидянъ, почему онъ игнорируетъ исторію грековъ до Александра Великаго и Рима до императоровъ, почему онъ императорами язычниками пользуется почти только какъ хронологической канвой для распредѣленія событій церковнаго характера, а въ дѣятельности императоровъ христіанъ интересуется главнымъ образомъ ихъ отношеніемъ къ церковной жизни. Тогда становится понятнымъ и игнорированіе Амартоломъ событій, которыя сами по себѣ были огромнаго историческаго значенія, но не были нужны для его задачи, и необходимость моральной оцѣнки приводимыхъ имъ фактовъ, и завершеніе труда соборомъ торжества православія. Что читателей въ этой хроникѣ привлекала религіозно-нравственная идея труда, а не суевѣрный интересъ къ чудесному, видно изъ того, что хроника Малалы, изъ которой Георгій почерпнулъ большую часть фантастическихъ разсказовъ, не сохранилась ни въ одномъ полномъ экземплярѣ ни въ византійской, ни въ славянской литературѣ.

Въ той же главѣ Вейнгартъ дѣлаетъ дополненія къ тому, что имъ сказано о хроникѣ Симеона Логофета въ первой части его изслѣдованія. Вмѣстѣ съ Васильевскимъ онъ признаетъ »že v Muraltově vydání máme v pokračování kroniky Georgiovy skutečně poměrně nejbližší text pravému Logothetu«, при чемъ »řecké pokračování Georgiovy kroniky, jak je vydal Muralt, jeví shodu se slovanským Logothetem« (стр. 47). Изъ трудолюбивой, но довольно сумбурной работы Преображенскаго авторъ заключаетъ о необходимости различать три редакціи славянскаго Логофета: 1. полный славянскій текстъ, 2. продолженіе въ »болгарской« редакціи Амартола (Временникъ), 3. продолженіе въ »сербской« его редакціи (Лѣтовникъ) (стр. 55). Сопоставленіемъ параллельныхъ мѣстъ Вейнгартъ устанавливаетъ, что переводъ Временника древнѣе и стоитъ особо отъ прочихъ; за нимъ слѣдуютъ переводъ Лѣтовника и наконецъ полный Логофетъ, которые близки другъ къ другу, но лишь потому, что имѣютъ сходные оригиналы.

Вторая глава посвящена изученію Временника. Славянскихъ рукописей Амартола очень много. Вейнгартъ насчитываетъ ихъ до 24 и справедливо добавляетъ, что ихъ должно быть еще больше (стр. 61). Онѣ принадлежатъ двумъ редакціямъ, такъ называемымъ »болгарской« и »сербской«. Изложивъ попытки русской науки до Истрина выяснить отношенія обѣихъ редакцій другъ къ другу и къ греческому тексту (стр. 62

до 64), Вейнгартъ даетъ перечень и описаніе десяти рукописей »болгарской« редакціи или »Временника« (стр. 64—71). Въ вопросѣ о взаимномъ ихъ отношеніи и отношеніи ихъ прототипа къ греческой рукописной традиціи онъ усваиваетъ выводы Истрина (стр. 72—77). Далѣе авторъ даетъ характеристику перевода Временника (стр. 77—81). Здѣсь онъ идетъ по слѣдамъ Истрина, пользуясь разработаннымъ имъ матеріаломъ, но въ частностяхъ отступая отъ него. Его оцѣнка перевода менѣе благопріятна, чѣмъ приговоръ Истрина, но и онъ признаетъ, »že Vremennik, ač není překladem dokonalým, nepatří také mezi překlady nejhorší« (стр. 81). Познакомивъ читателя съ капитальнѣйшимъ явленіемъ въ литературѣ о Временникѣ — изданіемъ его и изслѣдованіемъ о немъ Истрина (стр. 81—84), Вейнгартъ переходитъ къ опредѣленію времени и мѣста возникновенія Временника. Первое опредѣлено уже давно. Византійская исторія въ памятникѣ доведена до 948 года, а русская лѣтопись конца XI в. уже имъ пользовалась. Слѣд., памятникъ долженъ былъ появиться въ этотъ промежутокъ времени (стр. 84). Гораздо сложнѣе вопросъ о мѣстѣ его возникновенія. Шафарикъ, Оболенскій, Палаузовъ причисляли его къ памятникамъ болгарской письменности (стр. 84—85). Но уже Востоковъ усомнился, не отнести ли Временникъ къ письменности русской (стр. 62). Срезневскій также полагалъ, что онъ могъ возникнуть и на Руси (стр. 85). Послѣ долгихъ колебаній Истринъ принялъ послѣднюю точку зрѣнія (стр. 87—88). Но многіе ученые, какъ напримѣръ Ягичъ, заняли выжидательное положеніе (стр. 86—87). Одиноко стоитъ отвергнутая гипотеза архим. Леонида, что Временникъ написалъ болгаринъ Григорій, извѣстный авторъ перевода октатеуха, но уже по своемъ переселеніи въ Кіевъ ко двору Ольги, которое ему приписываетъ Леонидъ (стр. 86—87). Выбросивъ Григорія, чешскій ученый воскрешаетъ гипотезу русскаго архимандрита: Временникъ переведенъ болгариномъ, бѣжавшимъ въ Кіевъ. Ссылается онъ и на болгарскаго ученаго Мутафѣева, по мнѣнію котораго вся литературная дѣятельность восточныхъ болгаръ послѣ паденія болгарскаго царства перемѣстилась въ Россію (стр. 95).

Это самый крупный и самый спорный вопросъ въ книгѣ, на которомъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Доказательства Вейнгарта дѣлятся на отрицательныя и положительныя. Отсутствіе болгарскихъ списковъ Временника, утверждаетъ онъ, еще ничего не говоритъ противъ его болгарскаго происхожденія, ибо такова судьба и многихъ другихъ несомнѣнно болгарскихъ памятниковъ (стр. 88). Но авторъ самъ ослабляетъ свой доводъ, такъ какъ, когда ему нужно доказать, что памятникъ возникъ въ Кіевѣ, онъ самъ находитъ, что полное отсутствіе всякихъ слѣдовъ его въ болгарской литературѣ и новый переводъ Амартола уже въ XIV вѣкѣ, говорятъ за то, что старый переводъ хроники въ Болгаріи извѣстенъ не былъ (стр. 94—95). Далѣе, ссылаясь на указаніе Владимирова, что переводная дѣятельность въ Россіи приняла широкіе размѣры лишь съ XII вѣка, Вейнгартъ полагаетъ, что переводъ хроники Амартола на Руси въ XI ст. »byl by ... osamocen a je tedy pochybný, téměř pravděnepodobný« (стр. 89). Упоминаетъ даже про опытъ съ зеленогорскою и краледворской рукописью (стр. 89). Значеніе этого довода ослабляется уже тѣмъ, что точно на

такомъ же основаніи авторъ исключилъ изъ русской письменности переводъ Малалы. А разъ ужъ дѣло идетъ о двухъ памятникахъ, невольно возникаетъ сомнѣніе въ справедливости исходнаго утвержденія. Конечно, на Руси переписка болгарскихъ рукописей предшествовала переводамъ съ греческаго, а переводческая дѣятельность предваряла самобытную письменность. Послѣдняя также широкаго развитія достигла лишь въ XII вѣкѣ. И тѣмъ не менѣе уже въ XI столѣтіи мы имѣли »Слово о законѣ и благодати«, явленіе исключительное по литературному развитію автора и его знакомству съ образцами византійской проповѣди, имѣли лѣтопись, которая во всякомъ случаѣ является болѣе высокой точкой литературнаго напряженія, чѣмъ простой переводъ съ греческаго. Могли на Руси выполнить и переводъ Малалы и Амартола. Объясняется это тѣмъ, что въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ и до сихъ поръ существовали бокъ о бокъ — самыя различныя уровни образованія, и памятники, для которыхъ еще не созрѣли широкіе круги народа, появлялись въ ограниченномъ кружкѣ высшей интеллигенціи.

Положительныя доказательства въ пользу своей гипотезы Вейнгартъ думаетъ найти въ словарѣ и въ орѳографіи Временника. Нельзя сказать, чтобъ они были убѣдительны.

Лексическій матеріалъ не даетъ ничего въ пользу его мнѣнія. Слова **въселити сѧ, водворити сѧ, недѫгъ, источьникъ, орѫжиѥ, зълъ** чисто русскія и до сихъ поръ живутъ въ литературномъ языкѣ, разумѣется, измѣнившись согласно законамъ языка; **лодиꙗ, пастырь, особь, клѧти сѧ, клѧтва, останъки**, хотя теперь частью устарѣли, частью стали діалектическими или видоизмѣнили значеніе, тоже исконно русскія; **брань** въ смыслѣ **война, коумиръ, прѣлѣсть, разорити**, конечно, ц.-славянизмы, но издавна приняты въ русскій книжный языкъ и въ обрусѣлой формѣ существуютъ въ немъ до настоящаго времени. Лишь о **искрь** и **ѫжика** я, не имѣя подъ руками нужныхъ пособій, не могу сейчасъ выяснить, въ какой мѣрѣ они неожиданы въ русскомъ памятникѣ.

Еще менѣе доказательны фонетическія черты памятника, которымъ Вейнгартъ придаетъ такое значеніе (стр. 93, 94). Мѣны **ѣ** и **ѧ**, вопреки его мнѣнію, Временникъ не знаетъ. Слово **самосатѧнинъ** образовано суфиксомъ *janinъ*, который слѣдуетъ отличать отъ *ěninъ* (Vondrák, Vergl. Slav. Grammatik. I. 1906, стр. 422) и который въ русскомъ языкѣ употребительнѣе второго. Слова **бѧше звьнѧше** типично русскія формы имперфекта. Старому русскому живому языку были чужды и нестяженный имперфектъ на **ѣахъ, ꙗахъ, аахъ** и стеженный на **ѣхъ** (Соболевскій, Лекціи[4], 162—163). Формы род. п. ед. ч. на **ыꙗ, иꙗ, ѥꙗ, а**, конечно, возникли подъ вліяніемъ ц.-славянскихъ на **ыѩ, иѩ, ѥѩ, ѧ**, но, будучи усвоены русскимъ книжнымъ языкомъ уже въ XI в., продержались въ немъ до XVIII ст. включительно, встрѣчаясь даже у Пушкина. То же относится къ тѣмъ же окончаніямъ въ им.-вин. п. мн. ч., но они раньше вытѣснены были изъ употребленія чисто русскими. Утвержденіе, будто формы на **ниѥ, ниꙗ, ию** являются преимущественно русскими сравнительно съ формами на **ьѥ, ьꙗ, ью**, пущенное въ ходъ Ягичемъ и принятое Вондракомъ, совершенно произвольно (ср. Leskien, Hand-

buch. 1886 г., стр. 36—38). Форма оубиваѥть вм. оубиваѭтъ, въ которой находимъ сразу два болгаризма: мѣну ѭ и ѩ и переходъ ѩ въ ѥ, изъ которыхъ ни одинъ не встрѣчается болѣе ни разу во всемъ памятникѣ, конечно, описка.

Тѣмъ менѣе возможно говорить о западно-болгарскомъ происхожденіи Временника. Въ формахъ вельможами и вельможьнихъ нельзя видѣть родопской замѣны ѫ черезъ о. Это образованіе, совершенно отличное отъ родственнаго по смыслу вельмѫжь. Это compositum изъ прилагательнаго велии и образованія отъ корня mog (Miklosich, Slav. Etym. Wörterbuch. 199. 201; Vondrák, VSG, I, 403; Преображенскій, Этимол. Словарь рус. яз., 70—71).

Вообще отрывки Временника, изданные Вейнгартомъ, по языку приближаются къ лѣтописи[1]) и не имѣютъ рѣзкихъ болгаризмовъ. Нѣтъ аориста сильнаго, равно какъ и сигматическаго на съ. Вездѣ обычный въ русскихъ памятникахъ аористъ на охъ и хъ. Имперфектъ лишь стяженный на ахъ и ıахъ; лишь отъ глагола имати, какъ и въ лѣтописи, встрѣчаемъ имѣıаше. Формы тобѣ, собѣ преобладаютъ. Никакихъ слѣдовъ употребленія ѫ и ѭ. Нѣсколько случаевъ полногласія при томъ не въ русскихъ словахъ, въ которыхъ оно скорѣе могло быть подставлено русскимъ переписчикомъ на мѣсто первоначальныхъ ра, ла: мороморѧнъ, скоропиıа, скоропіи (стр. 127). Миклотичъ эти слова въ такой формѣ указываетъ только въ русскомъ языкѣ (SEW. 183, 303). На 13 случаевъ же изъ праславянскаго *dj* встрѣчаемъ только два раза жд, и то одинъ разъ въ собственномъ имени междоурѣчие, безъ сомнѣнія, попавшемъ въ русскій книжный языкъ изъ болгарскихъ хронографовъ. Не говорю уже о постоянномъ ть въ 3 л. наст. вр. глаголовъ, неизмѣнномъ щ и о другихъ особенностяхъ, обычныхъ и у русскихъ переписчиковъ. Вообще переводъ, повидимому, сдѣланъ русскимъ книжникомъ, бѣгло владѣвшимъ церковнославянскимъ языкомъ русскаго извода.

Далѣе идетъ сопоставленіе Временника съ Лѣтовникомъ съ обширными извлеченіями изъ обоихъ (стр. 97—111). Уже Оболенскій указалъ, что это два разныхъ перевода, восходящихъ къ различнымъ греческимъ редакціямъ, и далъ ихъ главныя отличія. Вейнгартъ добавляетъ, что эти памятники различаются и по языку (стр. 95, 96) и что переводчикъ Лѣтовника не зналъ Временника (стр. 95—96).

Третья глава представляетъ собой Poměr Vremenniku k Pověsti vremennych lět. Сжато и продумано излагаетъ Вейнгартъ обширную литературу вопроса (стр. 112—118). Присоединяясь къ послѣдней работѣ Шахматова, онъ полагаетъ, что составителемъ Лѣтописи былъ Несторъ, который, слѣдовательно, и использовалъ хронику Амартола для своего труда (стр. 119). По вопросу о степени вліянія Амартола на Лѣтопись онъ примыкаетъ къ ученымъ, которые ограничивали это вліяніе заимствованіемъ отдѣльныхъ мѣстъ. Здѣсь чешскому ученому надлежитъ без-

[1]) Очень жаль, что авторъ вмѣсто того, что онъ сдѣлалъ, не сличилъ просто языка Временника съ языкомъ лѣтописи, несомнѣнно русскимъ памятникомъ того же времени. Это дало бы ему болѣе для сужденія о мѣстѣ перевода Временника. Языкъ лѣтописи къ тому же уже изученъ. Ср. работы Некрасова и Никольскаго.

спорная заслуга, что онъ рѣшительнѣе, чѣмъ кто-либо до него, высказалъ мнѣніе, что заимствованія Лѣтописи изъ Временника носятъ эпизодическій, а не органическій характеръ. Онъ отрицаетъ, и съ полнымъ правомъ, даже утвержденіе Шахматова, будто бы лѣтописецъ систематически выбралъ изъ Амартола все касающееся Россіи (стр. 120). Далѣе помѣщенъ текстъ мѣстъ, заимствованныхъ Лѣтописью изъ Временника, параллельно съ оригиналомъ (стр. 120—137). Ихъ указалъ уже Строевъ, но Вейнгартъ исключаетъ изъ нихъ походъ Игоря 941 г., такъ какъ разсказъ о немъ въ Лѣтописи отличается отъ Временника (стр. 130).

Выводы Вейнгарта. »Skladatel letopisu Georgiovu kroniku znal a z ní čerpal«, »ji znal *celou*«.[1]) Заимствованья изъ Временника »ukazují valnou většinou *doslovnou shodu*«,[1]) слѣд., взяты непосредственно изъ него (стр. 137). »Souvislost letopisu kijevského s Vremennikem je tedy nepochybná a památná, ale nemá býti přeceňována, jak se někdy v literatuře nestorovské dálo, ba i se strany samého Šachmatova.« »Zprávy, které letopisec vzal z Georgia. ... jsou ... vesměs *nepodstatné exkursy*«.[1]) Oni »týkají se vesměs jen předmětů vzdálaných« (стр. 138). »Ruských dějin se týká *jediná* zpráva, přejatá z Vremenniku — o výpravě Rusů-Varjahů r. 866 ... — a ta vlastně pochází ze Symeona Logotheta, nikoli z Georgia. V podstatě však je Nestorův letopis *dílo původní*, jeho jádro je Georgiova *vlivu prosto*, a zajisté jenom na svůj prospěch«[1]) (стр. 138—9; ср. и на стр. 120). Со всѣмъ этимъ нельзя не согласиться. Но мнѣніе Вейнгарта будто бы »parallely k Vremenniku z letopisu svědčí pro jeho starobulharský původ« (стр. 138), какъ мы видѣли, недостаточно обосновано.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ авторъ указываетъ отраженіе Временника въ позднѣйшихъ русскихъ лѣтописяхъ, хронографахъ и другихъ произведеніяхъ. Здѣсь онъ лишь резюмируетъ результаты русскихъ изслѣдованій (стр. 139—142). Интересно правильное замѣчаніе автора по въ высшей степени запутанному вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ русскихъ хронографовъ: »Jest velmi ošemetné, konstruovati si množství rozmanitých redakcí. jejichž existence nemá bezpečného důkazu. Není konečně třeba při drobných, nahodilých odchylkách pomýšleti na novou redakci či na neznámý pramen« (стр. 141). Однако рѣшеніе этого вопроса мнѣ не представляется, какъ Вейнгарту, совершенно безнадежнымъ. Не могу согласиться съ нимъ и въ томъ, что позднѣйшіе лѣтописцы и хронографы не пользовались непосредственно Временникомъ, а брали то, что вошло въ первоначальную лѣтопись и первый хронографъ (стр. 141). Напротивъ, мы видимъ, что Лицевая лѣтопись содержитъ разсказъ о гибели Геркуланума и Помпеи, котораго нѣтъ у Нестора (стр. 139), а Румянцевскій хронографъ № 453 взялъ по собственнымъ его указаніямъ рядъ статей изъ хронографа пѡ великомоу изложеню (Л. 341). Нѣкоторые заключаютъ отсюда о существованіи еще одного намъ неизвѣстнаго русскаго хронографа. Но я полагаю, что эти слова означаютъ просто »полный хронографъ« въ противоположность сдѣланнымъ изъ него выпискамъ и указываютъ на Временникъ.

---

[1]) Курсивъ автора.

Такимъ образомъ и новая книга почтеннаго ученаго, представляя собою подведеніе итоговъ болѣе чѣмъ столѣтняго научнаго труда, является въ высшей степени своевременнымъ и цѣннымъ вкладомъ въ славянскую филологію.

Владимиръ Розовъ.

Historja literatury polskiej. (Przegląd wydawnictw i opracowań naukowych.) Serja druga: 1922—1924. Część pierwsza.

IV.

Opracowania ogólne, ciąg dalszy: Chlebowski, Feldman, Lam, Szyjkowski.

Wcześniej nieco, niż książka Brücknera, ukazało się w druku dzieło pośmiertne Bronisława Chlebowskiego: *Literatura polska (1795—1905), jako główny wyraz życia narodu po utracie niepodległości.* (Z rękopisu wydał i przedmową poprzedził Manfred Kridl, Lwów 1923, Zakład Narodowy Ossolińskich). Główny swój zamiar odsłonił autor zaraz w tytule: »literatura, jako główny wyraz życia narodu po utracie niepodległości«. Ten zamiar odsłaniają i nagłówki wielu poszczególnych rozdziałów, np. »Poezja bólu i protestu patrjotycznego«, »Najpotężniejsze wypowiedzenie się duszy polskiej, wstrząśniętej przez klęskę 1831. Mickiewicz wieszczem, wodzem narodu«, »Wyraz cierpienia narodowego w liryce«, »Przeszłość narodowa w odtworzeniach duszy Słowackiego«, »Rozwój historjografji, pracy nad literaturą i krytyki literackiej, jako wyraz doniosły przekształcania się duszy polskiej w okresie od 1864 do 1905 roku«, i t. p. W związku z takim zamiarem pojmuje Chlebowski literaturę bardzo szeroko, włączając do niej nie tylko poezję i piękną prozę, ale wogóle wszystkie dzieła, które były w XIX wyrazem duszy narodu, walczącego w niewoli o niepodległość moralną, a więc przedewszystkiem o przechowanie ducha narodowego i o jego postęp; oto dlaczego uwzględnia autor, pomiędzy innemi, wcale szczegółowo pracę naukową nad językiem ojczystym i ojczystą przeszłością, tudzież pokrótce filozofję, która przecie w XIX wieku szła nieraz w służbę narodową. Tym sposobem książka Chlebowskiego jest historją nie tylko literatury polskiej XIX wieku, ale wogóle duszy narodowej, jej niezaprzeczonej, przyznawanej nam nieraz nawet przez śmiertelnych wrogów, żywotności.

Lecz oprócz naczelnego zamiaru, wykonanego świetnie, wycisnęła na *Literaturze polskiej* mocne piętno silna i nawskroś oryginalna indywidualność autora. W obydwóch tych czynnikach tkwi główna przyczyna, dlaczego ta książka, rozpatrywana jako podręcznik (nie szkolny, oczywiście), nie jest bynajmniej doskonała, choćby już dlatego, że autor bardzo często nie uwzględnia poprzednich badań, zwłaszcza dotyczących źródeł literackich utworu (i wogóle badań filologicznych), nie żeby ich nie znał (chociaż i to mu się nieraz zdarzało), ale że mu one były niepotrzebne do wykonania zamiaru. A zresztą, za główny cel badacza literatury poczytując, z jednej strony, przeniknięcie — na podstawie danych biograficznych i utworów — do duszy twórcy, a na podstawie całości literatury — do duszy narodu, z drugiej zaś, wyjaśnienie ducha literatury warunkami,

w jakich się rozwija życie narodu, w tym nadewszystko kierunku prowadził swoje własne badania, bardzo subtelne, bardzo bystre, ale nieraz zbyt śmiałe i ryzykowne, jak to często bywa i być musi u zwolenników psychologizmu i biografizmu.

Drugą zasadniczą cechą Chlebowskiego jako krytyka, która *Literaturze polskiej* nadała swoiste piętno, to ogromna wrażliwość estetyczna na piękno poezji (i to na jej wartości nie tylko ideowe i uczuciowe, ale także na inne, zwłaszcza muzyczne i malarskie), oraz bardzo szeroka skala odczuwania estetycznego. Ogromne uwielbienie, jakie miał dla Mickiewicza i Sienkiewicza, nie osłabiło nic a nic jego wrażliwości na poezję ani Słowackiego i Krasińskiego, ani Norwida i Wyspiańskiego. Z krytyków starszego pokolenia (Chlebowski urodził się w roku 1846) żaden nie był tak entuzjastycznym wielbicielem Wyspiańskiego, jak on, i to, co o nim w *Literaturze polskiej* napisał, jest bodaj czy nie najpiękniejszą rzeczą, jaką u nas o autorze *Wesela* napisano.

Lecz przemówił w tem dziele nie tylko oryginalny krytyk i subtelny esteta, ale nadto wyjątkowo zacny i szlachetny człowiek, oraz rozumny i gorący patrjota. Kto, jak niżej podpisany, miał szczęście znać Chlebowskiego i długo pracować z nim razem, ten dobrze wie, że dusz równie jasnych, pięknych, czystych i tak nawskroś polskich (zwłaszcza w swoim idealizmie) mało było i jest w całej Polsce. Najpiękniejszą zaś ozdobą tej duszy była miłość — ojczyzny i człowieka. »Dzieło Chlebowskiego o literaturze polskiej XIX wieku stanowi godne ukoronowanie jego półwiekowej pracy nad zbadaniem i zgłębieniem duszy narodu, odbitej w twórczości literackiej«: do tych słów Kridla niechaj wolno będzie dodać, że książka ta jest nie tylko koroną pracy myśli, ale także koroną pracy serca Chlebowskiego; nie będąc — dzięki swemu biografizmowi i psychologizmowi — doskonałą pod względem ściłości naukowej, jest doskonałą, niezrównaną pod względem moralnym; jest pełna nie tylko rozumnego i gorącego ducha obywatelskiego, ale także, co jest uczuciem o wiele jeszcze rzadszem, miłości człowieka, nie zmąconej, nie osłabionej ani szowinizmem narodowym, ani wyłącznością wyznaniową, ani stronniczością partyjną, ani choćby tylko cieniem niechęci osobistej. I ta miłość człowieka, szacunek dla jego indywidualności i dla jego pracy, to, obok szerokiej skali wrażliwości estetycznej, drugie źródło bezstronności Chlebowskiego. Książkę tak mądrą a bezstronną, tak wogóle piękną pod względem moralnym, mógł był — oprócz Chlebowskiego — napisać w Polsce jeszcze jeden tylko człowiek, pokrewny mu rodzajem patrjotyzmu i miłością człowieka — Bolesław Prus.

Dla ścisłości dodajmy, że praca ta powstała jeszcze przed wojną; była przeznaczona dla »Encyklopedji filologji słowiańskiej« Jagića, więc pierwotnie mieła się ukazać w przekładzie rosyjskim. Wskutek wojny i rewolucji nie było mowy o przesłaniu rękopisu do Petersburga — przeleżał aż do roku 1920 u Brücknera, który go zwrócił rodzinie zmarłegoł Wydaniem zajął się gorliwie i umiejętnie Kridl, który nie tylko usuną. z rękopisu niektóre zwroty, brzmiące dzisiaj już anachronicznie, ale nadto pouzupełniał daty biograficzne o pisarzach zmarłych w latach 1914—1923, oraz pominął niektóre objaśnienia, potrzebne dla cudzoziemców, a nie-

potrzebne dla swoich. Przez niedopatrzenie wydawcy na str. 13 pozostała błędna wiadomość (ta sama, co u Brücknera), że Niemcewicz »uporządkował, rozszerzył nieco i wygładził stylowo« poemat *Bard polski* i że jest to jedyna poezja Czartoryskiego; na str. 15 podano mylnie datę wydania *Myśli o pismach polskich* — 1801 zamiast 1810; na str. 29 podano mylną wiadomość, że Niemcewicz wydał *Dumy wolne* podczas powstania roku 1794: nie »dumy wolne«, tylko *Dumy polskie* napisał i wydał Niemcewicz — w roku 1791.

O książce Stanisława Baczyńskiego: *Literatura piękna Polski porozbiorowej (1794—1863)* (Lwów-Poznań 1924, Wydawnictwo Polskie) — wystarczy krótka wzmianka, nie dlatego, że jestto podręcznik (nie szkolny, lecz przeznaczony dla »szerokiego ogółu naszej inteligencji i młodzieży«), ale dlatego, że, poza kilku samodzielnemi i trafnemi sądami autora o niektórych utworach poezji romantycznej, nic nowego ta książka do nauki nie wnosi, często nawet z dzisiejszym jej stanem się kłóci.

Obszerniejsza ocena należy się natomiast nowemu wydaniu książki Wilhelma Feldmana: *Współczesna literatura polska, 1864—1923, wydanie siódme z 53 ilustracjami, przygotował do druku i uzupełnił okresem 1918—1923 Stanisław Lam* (Lwów 1923, H. Altenberg). Wprawdzie to nowe wydanie jest przedrukiem (z pominięciem działu krytyki literackiej) wydania szóstego, o którem była mowa już w pierwszej serji tych przeglądów (ob. *Slavia* I, 148—149); pomimo to wracamy do tego przedmiotu, a to dlatego, że dotychczas jeszcze sądy o tem dziele nie są u nas ustalone: po dawnemu jedni odsądzają je od czci i wiary, albo też usiłują je ignorować, inni zaś obsypują je nadmiernemi pochwałami. Dzisiaj, kiedy od śmierci Feldmana upłynęło już przeszło lat pięć, kiedy więc przestają wchodzić w grę osobiste animozje, przychodzi czas na bezstronną ocenę — a któreż czasopismo nadaje się do tego bardziej, niż *Slavia*, wyższa ponad wszystkie partyjności narodowe, polityczne, społeczne i t. p.?

Przedewszystkiem — jeden niezbity fakt. Książka Feldmana przez cały szereg lat (wydanie pierwsze wyszło w roku 1902) cieszyła się i do dziś dnia cieszy ogromną poczytnością, i nie ulega najmniejszej wątpliwości, że wywarła duży wpływ na opinję publiczną, że mianowicie odegrała ważną rolę w kształtowaniu się sądów o t. zw. »Młodej Polsce«, t. j. o epoce modernizmu (symbolizmu) czyli, jak ją inni nazywają, o epoce »neoromantyzmu« (Kasprowicz, Przybyszewski, Wyspiański, Żeromski i t. d.). Jeżeli byli i są tacy, którzyby się dali w kawałki posiekać za to, że była to epoka wielka, godna stanąć obok »epoki romantycznej«, że się w tej epoce literatura polska wybiła na samo czoło europejskiej — to jest to w bardzo znacznej mierze zasługą, a raczej nie zasługą, tylko dziełem Feldmana, którego książkę śmiało można nazwać apoteozą »Młodej Polski«. Otóż tego niezbitego faktu niektórzy albo nie widzą, albo nie chcą widzieć, — przecie, kiedy Feldman umarł, niektóre pisma poprzestały jedynie na krótkiej notatce o jego śmierci. Historyk literatury musi jednak chętnie, czy niechętnie, orzec stanowczo, że Feldman, jako pisarz z niepospolitym temperamentem, ma zapewnione stanowisko w historji nie tylko krytyki i publicystyki, ale wogóle literatury — już przez to jedno właśnie, że

wywarł tak wielki wpływ na sądy o literaturze współczesnej, że przyczynił się niemało do wywalczenia triumfu »Młodej Polsce«. Pod tym względem, ale tylko pod tym jednym, można go porównać do Mochnackiego, który się tak bardzo przyczynił do wywalczenia triumfu romantyzmowi. Dodajmy jeszcze, po pierwsze, że wrogie stanowisko znacznego odłamu krytyki polskiej względem książki Feldmana tłumaczyło się i tłumaczy, jeśli nie wyłącznie, to w znacznej mierze, bądź partyjnictwem, bądź antysemityzmem, bądź osobistemi antypatjami, po drugie, że ci, którzy zajęli względem niej stanowisko przyjazne, kierowali się także, jeśli nie wyłącznie, to w znacznej mierze, bądź partyjnictwem, bądź osobistą sympatją dla człowieka uczciwego, zdolnego, pełnego dobrej woli i szlachetnego entuzjazmu, szczerze i bezinteresownie służącego sprawie polskiej — tak, oczywiście, jak ją rozumiał i kochał. Ta osobista sympatja bardzo mocno wpłynęła nawet na sąd Brücknera (w książce zbiorowej *Pamięci Wilhelma Feldmana*, ob. *Slavia* III, 540); odegrało tu pewną rolę i stanowisko polityczne (niechęć ku narodowej demokracji, którą Feldman »zwalczał namiętnie«): nie dziw, że Brückner, pomimo że z właściwym sobie krytycyzmem uwydatnił cały szereg słabych stron książki Feldmana, przesadził, i to bardzo mocno, nazywając ją »znakomitem dziełem historycznem« (str. 36), »pięknem, treściwem« (38), oraz twierdząc, że góruje ono »nad wszelkiemi innemi próbami ujęcia dziejów literackich najnowszych to szerokością, obfitością, dokładnością, to unikaniem ciasnej doktryny, czy tendencji, to usuwaniem frazesu«, że dalej autor »o rzeczach piękna mówi pięknie, a jasno, nie gubi się w mglistych, niby głębokich wieszczeniach-rojeniach«, że to »książka-czyn, o znacznych wartościach moralnych i estetycznych« (54). A i we wspomnianym artykule *O literaturze słów kilka* nie zmienił Brückner swego sądu.

Pod jednym względem Brückner ma zupełną słuszność: pracowitość Feldmana, jako historyka literatury (zresztą nie tylko na tem polu), była wprost fenomenalna. Śmiało można powiedzieć, że pod względem rozległego oczytania w naszej najnowszej literaturze nikt się z nim równać nie mógł. Prawda, że niektóre jej utwory pominął niezasłużonem, krzywdzącem milczeniem, np. *Pająki* Klemensa Junoszy, albo zbiór przepięknych obrazków Jana Powalskiego p. t. *W słońcu*. Czy tłumaczy się to tem, że w *Pająkach* dopatrzył się może taniego paszkwilu na żydów (w rzeczywistości nie jest to wcale paszkwil, tylko przepyszna, zgodna z prawdą charakterystyka lichwiarzy żydowskich), a na piękności obrazów Powalskiego poprostu się nie poznał, jak nie poznało się na niej tylu innych? Jestto możliwe; wolimy jednak przypuścić, że przemilczenie tych utworów tłumaczy się jedynie przeoczeniem, bardzo zrozumiałem wobec ogromu nagromadzenego materjału.

I ten właśnie ogrom nagromadzonego materjału oraz próba jego regestracji i usystematyzowania stanowi rzetelną zasługę Feldmana, jako historyka literatury, ale też, jeśli się nie mylimy, jest jedyną nie podlegającą wątpliwości wartością jego dzieła.

A poglądy i sądy Feldmana? Byłoby rzeczą bardzo pożądaną, aby większa ich część jaknajprędzej . . . należała do historji, aby przestała wpływać na opinję publiczną o literaturze naszej od roku 1863

aż do śmierci autora. Charakterystykę tych sądów i poglądów, niezmiernie dobitną, bardzo jaskrawą, a nawet przejaskrawioną, może jednostronną, ale *in merito* słuszną, napisał — po ukazaniu się wydania piątego (w roku 1908) — Ignacy Rosner, w feljetonach krakowskiego *Czasu* (i w odbitce p. t. *Literatura p. Feldmanna*, Kraków, 1909; odpowiedź Rosnerowi, a także innym swoim krytykom i napastnikom dał Feldman na łamach swojej *Krytyki* i w odbitce p. t. *Pro domo et pro arte*, Kraków 1909). Tutaj jednak dodać trzeba, że wydanie szóste (1918), ostatnie za życia Feldmana, posiada wartość większą od piątego; niestety, zarzuty, poczynione przez Rosnera, nie straciły, naogół biorąc, swojej słuszności w odniesieniu do szóstego, a więc i do siódmego także wydania.

Ostał się przedewszystkiem w całej mocy zarzut tendencyjności w ocenie najnowszej literatury polskiej. Feldman był przedewszystkiem publicystą, mianowicie szczerym rzecznikiem i gorącym apologetą wszelkiego rodzaju liberalizmu — społecznego, politycznego, religijnego; nacjonalizmu nienawidził, nie pojmując jego doniosłości w historji; nie lubił i tradycjonalizmu, także nie doceniając olbrzymiego znaczenia tradycji, jako jedynego silnego fundamentu, na którym można coś zbudować; wszelka walka o wolność, choćby w danej chwili beznadziejna, bezmyślna, a przez to dla społeczeństwa szkodliwa, uchodziła w jego oczach za cnotę, za wielki czyn, za bohaterstwo, za dźwignię i błogosławieństwo życia. I zdawało mu się, że w tych swoich hasłach był człowiekiem postępowym, ani się spostrzegając, że brnie głęboko po części w przestarzałym liberalizmie, a po części w przestarzałej ideologji romantyzmu politycznego. Możnaby z jego książki przytoczyć cały szereg próbek, ilustrujących jego poglądy. Często mowa w niej o religijności, o »bóstwie«, o »religji entuzjazmu«, o »absolucie«, o »nieskończaności«. »Stary bóg umarł — czytamy na str. 143 — nowy się nie narodził; nie przynosi go ni wiara, ni filozofja, niema go w sferze transcendentalnej, ani w tej ziemskiej, jaką jest patrjotyzm, zastępujący współczesnemu człowiekowi dawną religję« (! mowa tu o epoce pozytywizmu). Bourget'a (w drugiej epoce jego twórczości) obdarza autor mianem »prawdziwego *cochon triste*, kończącego, jak każda stara rozpustnica, dewocją nie tyle w kościele, ile u stóp księdza« (146). Wogóle wyraża się z przekąsem o tych, którzy uznają konieczną potrzebę zewnętrznej organizacji życia religijnego; nie rozumie wyraźnie tej prawdy, że przy dzisiejszym stanie kultury ogromna większość ludzi nie może poprzestać na żywieniu uczuć religijnych w głębi piersi, powtarza skwapliwie czyjeś ironiczne zdanie, że »Kremer absolutowi Hegla wsadził na głowę infułę biskupią«, i dodaje od siebie, że »w wyższym jeszcze stopniu czynił to Cieszkowski« (9), co jest dowodem, że o filozofji Cieszkowskiego nie miał Feldman pojęcia; o Mickiewiczu mówi raz mimochodem (36), że (w trzeciej części *Dziadów*) »odrzucał wszelką theodiceę« (»póki Nowosilcow pija«), zapominając dodać, że to »odrzucanie teodycei« należało — w tym właśnie utworze — już do przeszłości. Lubi także Feldman mówić o wartościach i uczuciach »nadnarodowych«, »ogólnoludzkich«, »kosmicznych«, o »czystem człowieczeństwie«, nie zdając sobie sprawy z tego, że droga do urzeczywistnienia ideału wszechczłowieczeństwa prowadzi przez realizację ideałów narodowych, że więc nacjonalizm jest

postępem, nie wstecznictwem. Wogóle pełno w książce frazesów, wziętych z międzynarodowego słownika liberalizmu.

A oto kilka próbek romantyzmu politycznego Feldmana. Powstanie Kościuszki dlatego się nie udało, że »dusze tak mało były rozegzaltowane« (389); jeżeli powstanie listopadowe skończyło się klęską, to odpowiada za nią »brak wiary i czucia romantycznego, mędrkowanie i rezygnacja« (1); ruchawka roku 1905 (po wojnie japońskiej) to »jeden z najszlachetniejszych wysiłków nie najgorszych synów Polski«, cóż z tego, kiedy »głuchą na ten głos pozostała zwarta większość »dobrze myślącego społeczeństwa«, kiedy »nie okazała odrodzenia w duchu, zabrakło jej woli dziejowej« (395); w roku 1914 jedynym wielkim, bo romantycznym, czynem był czyn Piłsudskiego (491); »czynniki romantyczne to sprawiły, że spełnił się sen pokoleń i przy poklasku całego kulturalnego świata Polska zrzuciła z siebie jarzmo niewoli« (497).

Otóż tendencyjność Feldmana polega na tem, że główną miarą oceny utworów i twórców jest dlań właśnie ów liberalizm i romantyzm, że, jak się wyraził słusznie Rosner, »każde dzieło, nie »organizujące życia« po jego myśli, nazywa ideowo słabem«. Ucierpieli na liberalizmie Feldmana niektórzy z tych nawet pisarzów, dla których autor żywi już nie tylko sympatję, ale cześć i kult. Oto np. w twórczości Wyspiańskiego (na co kiedyś zwrócił uwagę już Chlebowski) widzi Feldman przedewszystkiem prometeizm, a nie wyczuwa głębiej ani narodowych, ani religijnych wartości jego poezji. Że *Wyzwolenie* jest w znacznej mierze odpowiedzią na ideologję mesjanistyczną Wojciecha Dzieduszyckiego *(Mesjanizm polski a prawda dziejów)*, autor ma słuszność (279—80); ale tego, że na ideologję *Wyzwolenia* widoczny wpływ wywołała trzeźwa myśl nacjonalistyczna *Przeglądu Wszechpolskiego*, zwłaszcza umieszczanych na łamach tego czasopisma *Myśli nowoczesnego Polaka* Romana Dmowskiego, tego się Feldman nawet nie domyśla — i z oburzeniem odrzuciłby to twierdzenie, bo toby w jego oczach Wyspiańskiemu ubliżało. W *Księdze ubogich* Kasprowicza (napisanej już podczas wielkiej wojny), w wierszach mianowicie: »Pali się świat... Niechaj ginie — W tej strasznej skier zawierusze, — Byleby wyszły z niej cało — Nasze stęsknione dusze«, nie wyczuwa Feldman, nie domyśla się nawet uczuć patrjotycznych (225). Utwory »nieromantyczne« lub niedosyć »romantyczne«, oraz utwory nie dosyć »liberalne«, a cóż dopiero »konserwatywne«, np. wielbiące piękne strony tradycji narodowej, nie znajdują w jego oczach łaski. Że na tym kulcie Feldmana dla wszelakiego romantyzmu ucierpiał w jego książce niejeden pisarz z epoki pozytywizmu, która wypowiedziała romantyzmowi wojnę, to jasne; wogóle całą tę epokę potraktował autor pomacoszemu w porównaniu z »Młodą Polską«, załatwiając się np. nadto szybko i pobieżnie z powieściami Orzeszkowej.

Najjaskrawszym jednak wyrazem i dowodem tendencyjności Feldmana jest prawie to wszystko, co napisał o Sienkiewiczu. Swoje sądy o jego twórczości umiarkował wprawdzie w ostatniem wydaniu, rozpisał się wymowniej, aniżeli w dawnych wydaniach, o tem, czem jest *Trylogja* dla narodu (90); ale i w ostatniem wydaniu pokutują dawne wręcz bezsensowne poglądy, że »krzesając z przeszłości głównie artystyczne piękno, Sienkiewicz nie umie

go harmonizować z ideałem« (!!! 93), że był »poetą przeciętności« (94), że w osobie Waskowskiego (w *Rodzinie Połanieckich*) okazał »urąganie... idei mesjanizmu narodowego« (178), jak gdyby Waskowski i Sienkiewicz byli jedną osobą. »W cóż się obrócił — woła Feldman patetycznie — gdzież się zapodział duch rycerzy Zbaraża i Częstochowy? Czy jest jakikolwiek ślad, że Stanisław Połaniecki bodaj czytał — *Ogniem i Mieczem?*« (178). To, że Połanieckiego Sienkiewicz bynajmniej nie idealizuje, nie przyszło jakoś autorowi do głowy. Dawnego sądu o *Trylogji*, że jest w niej Sienkiewicz »opowiadaczem najpyszniejszych bajek (!!!), jakie literatura polska posiada« (wydanie piąte, str. 195), w wydaniu ostatniem — w przytoczonem brzmieniu — niema, ale i w ostatniem szydło z worka wyłazi: czytamy i tam o »bajkowym tonie« *Trylogji* (95) i dowiadujemy się, że »między nią a życiem żadnego pomostu nie było« (378), — trudno, naprawkę, o większy absurd! W *Krzyżakach* widzi Feldman samo tylko »piękno formalne«, zwłaszcza walory malarskie (93); bohaterskiego ducha, ożywiającego tą powieść, jakoś nie wyczuwa... Wogóle nie rozumie należycie tej olbrzymiej roli, jaką Sienkiewicz odegrał w życiu narodu polskiego, nie rozumie, że on to wyrwał dusze polskie z tego zwątpienia o sobie, w jakie je wtrąciła klęska 63 roku. »Wyspiański — czytamy na str. 261 — przywraca Słowu majestat jego królewski i wagę, w jego rękach stoje się ono znowu młotem Woli, potęgą, mającą organizować życie narodu. Sztuka wraca do posłannictwa, jakie pełniła za wielkich romantyków — choć ze zmienioną treścią« (361). Czy Sienkiewicz, przez *Trylogję* i *Krzyżaków*, nie uprzedził czasem Wyspiańskiego w położeniu tej zasługi narodowej? Ale o tem głucho u książce Feldmana — i czy mogło być inaczej? Przecie kult tradycji narodowej, wydobywanie z jej popiołów świętego ognia, oświecającego drogę przyszłości, nie zgadza się z »postępem«, z »liberalizmem«, z »demokracją« i t. d. Przecie, zdaniem Feldmana, nawet »Świętochowski zdolnym do rozwoju się nie okazał« (43)! Trudno, naprawdę, własnym oczom wierzyć — Świętochowski nie okazał się zdolnym do rozwoju! Ależ do dnia dzisiejszego ten starzec się rozwija, do dziś dnia jest chorążym postępu... i właśnie dlatego apostołem nacjonalizmu.

Jakże inny jest stosunek uczuciowy Feldmana względem największego powieściopisarza »Młodej Polski« — Żeromskiego! Cały rozdział, poświęcony jego twórczości, jest jednym hymnem pochwalnym na jego cześć; tu i owdzie tylko czyni mu autor drobniutnie zarzuty, dotyczące strony estetycznej jego utworów (mianowicie — kompozycji). Co do ich strony ideowej i uczuciowej, np. co do ich pesymizmu i erotyzmu, nie ma zastrzeżeń: o erotyzmie czytamy tylko, że »słabość to siły wielkiej, cienie towarzyszące słońcu« (250). Czyż ideowa strona utworów Żeromskiego nie budzi w umyśle krytycznym żadnych wątpliwości? czy mianowicie beznadziejny pesymizm tego wielkiego twórcy nie nastręcza żadnych uwag krytykowi, takiemu zwłaszcza, jak Feldman, który jest tak wrogo usposobiony dla hasła »sztuka dla sztuki«, który od sztuki tego przedewszystkiem żąda, aby była »potęgą, mającą organizować życie«? czy powieści Żeromskiego odpowiadają temu warunkowi? »Walka z szatanem«, piętnowanie krywdy bliźniego i wogóle zbrodni społecznych,

choćby ono nawet płynęło z głębi zbolałego serca, jak u Żeromskiego, — nie jest jeszcze potęgą, organizującą życie; bo dla organizacji życia trzeba nie tylko negacji, nie tylko burzenia, nie tylko walki, ale nadewszystko budowania, organicznej, twórczej pracy, w której skuteczność Żeromski niekoniecznie wierzy... Więc czy niema w poglądach Feldmana na jego twórczość niekonsekwencji?

Nie można jednak odmówić mu konsekwencji w stałem i ustawicznem zwalczaniu hasła »sztuka dla sztuki«. Najjaskrawszym wyrazem jego niechęci względem »czystej sztuki«, względem »estetyzmu« jest to wszystko, co mówi o Miriamie i o jego *Chimerze* (314 -319). »Estetyzm — czytamy w innem miejscu — nie jest sztuką, tylko środkiem. Ajschylos i Calderon, Goethe i Mickiewicz nie myśleli o pięknych wierszach, lecz o kształtowaniu w wyższym sensie: o formowaniu pewnych postaci, wyrażających treść ich wzruszeń, idee czy wprost ideały... I one się nam udzielają. Triumfują, jeśli nie w przestrzeni — szlachetne postacie Sofoklesa, Szekspira, Słowackiego giną — to w czasie, gdyż zwyciężają przez wieki w duszach czujących widzów. W ten sposób artysta formuje wyobraźnię i sferę emocjonalną. Wśród nędzy i małości dnia powszechniego nie dopuszcza grzechu najcięższego: zleniwienia ducha, panowania »kukieł«, rzuca niematerjalny, a jednak niezłomny most, wiodący ku coraz to wyższemu bytowi: wielką tęsknotę — i smutno z dziełem sztuki, które tego nastroju nie zostawia, a biada tęsknocie, która nie przechodzi w wolę czynną... Z czasem wszelki ruch stygnie, tężeje, staje się intelektualistycznym, ujętym w ustalone prawidła: to klasycyzm; wówczas młodość apeluje do bezpośredniości uczucia, intuicji, natury, a ta wola łączy się z bezustannem dążeniem, t. j. z »rozpędem życiowym«, istotą bytu — to romantyzm, w ostatnich czasach świadomy siebie, prózen sentymentalizmu, z całą mocą tempa życia nowoczesnego dążący do wysokich celów« (514). A więc życie, według Feldmana, organizują tylko pierwiastki irracjonalne (emocje, nastroje, rozpęd życiowy) i, co za tem idzie, ta tylko sztuka pomaga do organizowania życia, która w duszy ludzkiej te pierwiastki budzi i podnieca do czynu, to znaczy tylko sztuka »romantyczna«.

Otóż pogląd ten, którego ciasnoty wykazywać nie potrzeba (dosyć przypomnieć tę doniosłą rolę, jaką w organizowaniu życia odegrał we Francji właśnie »klasycyzm« XVII i XVIII wieku, a w Polsce »klasycyzm« stanisławowski) — zaważył, rzecz naturalna, także i na estetycznych sądach Feldmana. »Okres Stanisławowski nie miał poezji«, dowiadujemy się ze str. 389. Mniejsza o to. Jeszcze ciekawszą jest wiadomość, że Słowacki w epoce tych swoich dzieł, w których się świadomie troszczył o artyzm, »był jeszcze mało Słowackim« (! ! 49): poszedł tu Feldman (nie ten jeden raz) za pędem mody, za modernistami, dla których prawdziwa wielkość poezji Słowackiego rozpoczęła się dopiero w epoce »utworów mistycznych«. Szczytem piękności w oczach Feldmana jest poezja »Młodej Polski«. Nie wystarczył mu sąd (bardzo słuszny), że »po wielkich trzech wieszczach jest Wyspiański największym poezji polskiej inicjatorem«: dodał jeszcze, że jest on »o tyle bogatszym, niż oni, że nie tylko słowa był panem; mistrz formy malarskiej, reżyserskiej,

drukarskiej, twórca w dziedzinie przemysłu artystycznego, snycerz form rzeźbiarskich, mógł być dla całej przyszłości, czem dla swojego czasu Norwid: twórcą wielkiej kultury polskiej, narodowej, a jednocześnie nadnarodowej« (! 293). (Wogóle wierzył Feldman w możność urzeczywistnienia artystycznego utopji Wagnera o syntezie wszystkich sztuk, utopji, która zaszkodziła przedewszystkiem Wagnerowi, a potem wszystkim zwolennikom jego utopji, do których, niestety, należał i Wyspiański). Oceniając poszczególne utwory Wyspiańskiego, nie rozróżnia Feldman, jak to już Brückner słusznie zaznaczył, tego, co w jego poezji jest »istotnie wielkie, piękne, niespożyte, szczere, jasne, od tego, co mętne, naciągane gwałtownie« (*Pamięci Wilhelma Feldmana,* 46), i »rozróżnia może zamało między doskonałem wykonaniem a niejasnem majaczeniem olbrzymiej fantazji, dręczonej nadmiarem pomysłów, obrazów, scen i efektów« (tamże 48). Wolelibyśmy tylko, żeby w tem ostatniem zdaniu nie było wyrazu »może«. A i na to jeszcze trudno się zgodzić z Brücknerem, że »stopniowania wartości i znaczenia Wyspiańskiego autor umyślnie nie przeprowadził« (tamże, 47): ależ nie »umyślnie«, tylko nieumyślnie, prawie wszystkie bowiem sądy Feldmana o »Młodej Polsce« aż nadto wyraźnie świadczą, że nie rozróżniał on »między doskonałem wykonaniem a niejasnem majaczeniem«, że — w jaskrawej sprzeczności z własnym przelotnie wypowiedzianym poglądem, iż »niewątpliwie pierwiastek logiczny i formalny ma w sztuce znaczenie i tylko on czyni dzieło przemyślanem i doskonałem« (316) — za wielkie dzieła sztuki poczytywał nieraz i takie, w których owego pierwiastku jest za mało, albo go niema zupełnie. Tem właśnie tłumaczy się owo nierozróżnianie wartości utworów Wyspiańskiego, a nadewszystko — sądy o Micińskim. »Wchodzimy — tak brzmi początek rozdziału o tym niewątpliwie bardzo utalentowanym, ale niezrównoważonym, a co gorsza drwiącym sobie nieraz w żywe oczy z czytelnika, poecie — wchodzimy w krainę »mroku gwiazd«. »Żegnamy światło dziennej logiki« (229). Ale ponieważ logika nie jest koniecznym warunkiem ani poezji, ani organizowania życia, więc »wczuwajmy się w utwory Micińskiego, a »najwyższy oddech« nas ogarnie« (230). Niech się wczuwa, kto może! Kto może, niech także wierzy, że Miciński, kiedy piormuje na zwyrodniałą ludzkość, »wydobywa tony potężne, godne stanąć obok najsilniejszych inwokacyj Izajasza, Dantego, Miltona, Skargi« (233), i że »w rodzinie artystów o górującej fantazji, w rodzinie Szekspira, Danta, Blake'a, Słowackiego, Wyspiańskiego, Miciński się ostanie, jako mocarz olbrzymiej wyobraźni twórczej« (237).

Nieodosobnione to w książce Feldmana próbki jego sądów estetycznych; przeciwnie, dają one pojęcie o wartości jego sądów wogóle: są to po większej części osobiste impresje, których wyrazem są najczęściej bezkrytyczne superlatywy, czasami wręcz śmieszne (tak np. młodzieńczą lirykę Asmyka nazywa autor »wulkaniczną«, 59), i, co gorsza — szumne albo i puste frazesy. Trudno naprawdę zrozumieć, jakim sposobem na dobro książki Feldmana zapisał »usuwanie frazesów« — kto? wielki uczony, który chyba przez całe swoje życie nigdy nie napisał i chyba nigdy nawet nie powiedział ani jednego frazesu — Brückner! (*Pamięci Wilhelma Feldmana,* 54). Ależ książka Feldmana roi się poprostu od

frazesów, które się sypią, jak z rogu obfitości tam zwłaszcza, gdzie autor usiłuje dać definicję lub uogólnienie jakiegoś prądu lub zjawiska literackiego, oraz gdzie pragnie wypowiedzieć jakiś pogląd czy estetyczny, czy też wogóle filozoficzny.

Żeby nie być gołosłownym, przytoczmy trochę dowodów. »Prawdziwi poeci — pisze Feldman — myślą nie słowami, lecz samą istnością bytu« (231); ale, co to jest »istność bytu«, tego autor nigdzie nie wyjaśnił. Z utworów Żeromskiego przemawia »nieromantyczny romantyzm« (240); tenże tworca »na falach muzyki wewnętrznej odbija świat wzruszeń kosmicznych« (246), — co to są »wzruszenia kosmiczne«, tego się także nie dowiadujemy; »kto przeżył duchowo te dzieła« (*Legjon*, *Wesele* i *Wyzwolenie*), »ten istotnie rozszerzył duszę na miarę narodu i nieskończoności« (283): co znaczy rozszerzyć duszę »na miarę nieskończoności«? »Każdy czas, któremu było dane rozwinąć swe jestestwo w całej pełni, ma kulturę własną, stylową ... Własny, pełny styl ma kultura odrodzenia; pełny, skończony, lubo mniej własny, ma klasycyzm polski; żadnego stylu, bo żadnej pełni i zgody prawdy wewnętrznej z zewnętrzną, nie ma i mieć nie może Polska niewolna, t. j. czująca niewolniczo« (1): to także nic więcej, tylko stek pustych frazesów; autor rozumie tutaj przez »styl« coś zupełnie dowolnego; a że i »Polska niewolna« zdobyła się jednak także na swój styl, o tem może coś powiedzieć Henryk Rzewoski, a później, po roku 1863, np. Stańczycy krakowscy. Co to jest romantyzm, pozytywizm, realizm, naturalizm, symbolizm, neoromantyzm? Tego się z książki Feldmana nikt dokładnie i pewnie nie dowie. Pomiędzy innemi czytamy, że »romantyzm rozwinął z dawnych pierwiastków i doprowadził do rozkwitu nową, wielką kulturę polską« (1); dalej dowiadujemy się, że »do stworzenia całokształtu żywej kultury polskiej« był powołany Norwid i że »wydany w roku 1851 *Promethidion* mógł być datą jej narodzin« (15), a jeszcze dalej, że dopiero z »Asnykiem poezja polska przechodzi« z okresu bohaterstwa do okresu kultury« (!56). Nie dosyć na tem, dowiadujemy się, że to nie romantyzm stworzył wielką kulturę polską, tylko, zupełnie przeciwnie, »wielka kultura polska ... stworzyła była potężny gmach romantyzmu polskiego« (177). Nakoniec dowiadujemy się, że romantyzm, pomimo że trwał tylko »ćwierć wieku«, »przyniósł był kulturze polskiej więcej, niż przedtem pełnych kilka wieków« dosłownie: »pełnych kilka wieków« (376): czy to wszystko nie puste i sprzeczne z sobą frazesy? A oto inna jeszcze próbka: »Byłoby dziwnem od syna Muzy żądać, by zarazem był synem Gracyj« (227 — o Kasprowiczu): czyż taki Słowacki nie był »zarazem« »synem Muzy« i »synem Gracyj«?

Gdzie panują frazesy, tam i o sprzeczności nie trudno; jakoż nie brakuje ich w książce Feldmana. Na str. 2 czytamy, że kultura romantyzmu jest »religijną, a rozsadza zawsze formuły kościelne«, a na str. 9, że »konstrukcje myślowe« naszych myślicieli epoki romantyzmu, »z wyjątkiem jednego może Trentowskiego — stale wieńczyła kopuła kościelna.« O badaniu wpływów literackich autor, chętnie szydzący z krytyki »profesorskiej«, mówi ironicznie: »Specjalista, w rodzaju tych, którzy w Szekspirze widzą »ojca złodziei« literackich, odkryje w szeregu doktorskich

»przyczynków«, ile uncyj Maeterlincka jest w *Gościach* Przybyszewskiego« (200), a o dziesięć stronic niżej mówi od siebie autor, że Przybyszewski »przy całej zależności« (a więc nawet zależności!!) od Maeterlincka... w tych samych *Gościach*, »osiąga... szczyt grozy« (210). »Źródłem właściwem Sztuki jest pęd bytu kosmiczny, wcielający się w wybrane jednostki. Uwarunkowany życiem historycznem pęd ten wyraża się w duchu narodowym. Literaturę dyktuje, sztukę tworzy właściwie naród... O te dwie osie: indywidualność i moment dziejowy opiera się cały rydwan sztuki. Indywidualność jest czynnikiem najważniejszym: genjusz człowieczeństwa, duch narodu, potrzeba czasu wnosi w nią swoje pierwiastki — indywidualność artysty, uskrzydlona, potężniej czując i widząc, niż otoczenie, przemienia je w nowe syntezy i wypowiada, co musi w danej chwili być wypowiedziane, co, w łonie czasu uśpione, w niej znalazło wyraziciela« (515). Konia z rzędem temu, kto z tych słów wyrozumie, co ostatecznie w twórczości »jest czynnikiem najważniejszym«, co »właściwie« »literaturę dyktuje, sztukę tworzy«, — czy indywidualność twórzy, czy naród!

Niech tego wystarczy. W myśl zasady: *amicus Plato, sed magis amica veritas,* nie możemy z Brücknerem przyznać Feldmanowi ani »kunsztu charakteryzowania krótkiego a dobitnego«, ani nadewszystko »umysłu jasnego«. Zgoda na to, że trud jego był »znojny«, że serce było »gorące« i pełne szlachetnego entuzjazmu, ale umysłu jasnego nie posiadał Feldman — i ten właśnie brak, obok tendencyjności, jest piętą achillesową jego książki o polskiej literaturze współczesnej i odbiera jej tę najwyższą ze wszystkich wartości, jaką tego rodzaju książka zawsze posiadać powinna, — wartość pedagogiczną (w szerokiem znaczeniu tego wyrazu). I właśnie brakiem jasnego umysłu tłumaczy się głównie, jeśli się nie mylimy, szczególna predylekcja Feldmana do poezji »Młodej Polski« i nie rozróżnianie w niej ziarna od plew.

Na zakończenie tej oceny jeszcze jedno. Są we *Współczesnej literaturze polskiej* karty gorsze i lepsze; do najlepszych należą poświęcone Wyspiańskiemu; tłumaczy się to nie tem, że go autor ze wszystkich poetów najwyżej ceni, ale tem, że wiele skorzystał ze studjów o Wyspiańskim, napisanych przez owych »uczonych« przedstawicieli »krytyki profesorskiej«, z których sobie tak często drwi i żartuje; zwłaszcza wiele zawdzięcza autor studjom Sinki).

Całą księgę siódmą w siódmem wydaniu *Współczesnej literatury polskiej* Feldmana, omawiającą *Literaturę odrodzonej Polski* (str. 521 do 571), napisał Stanisław Lam. Mamy tutaj krótką charakterystykę najnowszych prądów liryki (formizmu, futuryzmu, ekspresjonizmu, »neorealizmu« miesięcznika *Skamander*), dramatu (pomiędzy innemi innowacyj St. Ign. Witkiewicza) i powieści. Sposób pisania Lama odbija korzystnie od stylu Feldmana, bo jest wolny od pustych frazesów. Na sąd ogólny Lama o naszych »najmłodszych« można się zgodzić: na nic wielkiego jeszcze się nie zdobyli. A jeżeli słowa Mickiewicza »Taki wieszcz, jaki słuchacz« są prawdą, to na coś wielkiego długo nam jeszcze czekać przyjdzie, trudno się bowiem spodziewać, ażeby w społeczeństwie, znużonem i zdemoralizowanem wojną zrodził się, zamiast głodu nowości i sensacji, głód piękna.

Nie dosyć na tem. Autor słusznie zwraca uwagę na to, że dzisiaj, »kiedy życie nasze otrzymało możność pełnego rozwoju«, nowe prądy literackie dochodzą do nas często »nie zawsze prostą drogą«, ale ... przez Rosję, a to dzięki temu, »że pośrednictwa w sprowadzaniu haseł i form podjęli się głównie nie ci pisarze, w których duszy przewagę stanowić mogą elementy szczerze polskie« (526), tylko (tutaj autor boi się, czy też niechce nazwać tych pośredników po imieniu) Żydzi. I mówi jeszcze autor, że »polemiki literackie doby obecnej mają tedy zupełnie inny ton, niż znane nam z czasów walki klasyków z romantykami, romantyków z pozytywistami, czy wreszcie z okresu »Młodej Polski«. »Zabarwienie polityczne w zwalczaniu literatury nowej jest kto wie, czy nie silniejsze, niż zajęcie się samą sztuką, zbadanie jej walorów i bezstronna ocena«. I tutaj autor ma słuszność, szkoda tylko, że znowu wyraził się nadto wstydliwie, używając wyrazu »polityczny« zamiast »narodowy«. Nie ulega bowiem najmniejszej wątpliwości, że dzisiaj toczy się u nas walka przedewszystkiem o polskość naszej literatury, o to, czy będzie ona słowiańsko-polską, czy też żydowsko-polską. Nigdy jeszcze najazd Żydów na nasze życie umysłowe wogóle, a na literaturę w szczególności, nie był tak tłumny i tak zorganizowany. Otóż temu problemowi Lam zbyt mało poświęcił uwagi, pomijając milczeniem, że Tuwim, Słonimski i inni to poeci niepolscy, tylko żydowsko-polscy. Trudno także zrozumieć tę ironję, z jaką się Lam wyraża o nowellach przedwcześnie zmarłego Eugenjusza Małaczewskiego, twórcy dużej miary o wskroś polskiej duszy; pomiędzy innemi autor twierdzi, że »epizody wojny bolszewickiej« w tych nowellach »są więcej propagandą, niż belletrystyką«, że »dziennikarskie wieści o barbarzyństwach, popełnianych przez czerwoną armję, wdzierającą się na ziemie polskie, zostały potraktowane tu jako prawda, do czego fantazja młodego autora dodała jeszcze sporo nieprawdziwości«. »W ten sposób — pisze dalej Lam — otrzymaliśmy utwór, który w feljetonie, tuż pod depeszami i relacjami z frontu, mógł czynić pewne wrażenie, w książce jednak razi przejaskrawienieniem« (561).

Lamowi zawdzięczamy także książkę: *Polska literatura współczesna (od roku 1897 do chwili bieżącej). Charakterystyki i wypisy* (Poznań 1924, Księgarnia św. Wojciecha). Są to wypisy ze współczesnych poetów, powieściopisarzów i krytyków, poprzedzane krótkiemi informacjami biograficzno-bibljograficznemi. Bardziej szczegółowe informacje tego rodzaju (bez wypisów) podał Lam w krótkiem kompendjum p. t. *Współcześni pisarze polscy. Literatura piękna, krytyka literacka* (Warszawa 1922, »Placówka«). Liczne braki i niedokładności tego kompendjum wykazał z właściwą sobie sumiennością i wiedzą Kridl (w *Przeglądzie Warszawskim*, nr. 20).

Pożyteczny podręcznik, ale nie szkolny, tylko dla szerszej publiczności, napisał Marjan Szyjkowski: *Współczesna Literatura Polska, z wypisami (1863—1923)* (Poznań 1923, Spółka Pedagogiczna). Część pierwszą poświęcił autor epoce pozytywizmu, drugą — »Młodej Polsce«, a w każdej z tych dwóch części rozpatruje, wzorem krytyków francuskich, osobno powieść, osobno »poezję«, osobno dramat; szkoda wielka, że (inaczej, niż krytycy francuscy) pominął i prozę historyczną, i krytykę

literacką, i moralistykę; tytuł więc (podobnie jak u Feldmana) zapowiada więcej, niż książka daje. Niemałą zaletą książki jest bezstronność, brak tendencyjności, która tak bardzo bróździ w książce Feldmana: Szyjkowski sądzi literaturę jedynie ze stanowiska jej wartości literackich. Główne światło skupił na kilku najwybitniejszych autorach, poświęcając im osobne rozdziały (w epoce pozytywizmu — Orzeszkowa, Prus, Sienkiewicz, Asnyk, Konopnicka; w epoce modernizmu — Kasprowicz, Staff, Przybyszewski, Żeromski, Wyspiański). Twórczość innych autorów rozpatruje Szyjkowski w ramach charakterystyki prądów lub rodzajów literackich. Taka metoda zasługuje niewątpliwie na uznanie, z tem wszakże (pomiędzy innemi) zastrzeżeniem, że komu, jak komu, ale Dygasińskiemu i Reymontowi należały się chyba rozdziały osobne. W wypisach są urywki z powieści Rodziewiczówny, a niema — ani z Junoszy, ani z Dygasińskiego, ani z Szymańskiego; są także urywki z dramatów Rittnera (słusznie), Perzyńskiego, Rostworowskiego, a niema — z Kisielewskiego. Dodajmy jeszcze, że są wzmianki o drugo- i trzeciorzędnych powieściopisarzach, a o Janie Powalskim ani nawet wzmianki.

Wydawców książki Szyjkowskiego niech wolno będzie prosić, aby, wydając poważną książkę, lepiej pilnowali korekty, bo tak haniebna korekta, jakiej książka Szyjkowskiego padła ofiarą, jest dla wydawców wstydem i kompromitacją.

Kraków. *Ign. Chrzanowski.*

Parchomenko Vlad. A.: **У истоков русской государственности.** Leningrad 1924. Stran 115.

Kdo znal starší články Parchomenkovy, není překvapen obsahem jeho poslední knihy. Každým způsobem soubor všeho zde uložený vzbudí ve velké míře interess každého, kdo se zajímá o počátky Ruska. Možno nesouhlasiti s hlavní myšlenkou, možno nesouhlasiti s řadou detailů, ale nelze při tom upříti, že kniha Parchomenkova znamená pokus o důležitý nový výklad počátků Ruska.

Jsou dvě hlavní these, které zde Parchomenko postavil, rozvedl a odůvodnil. První vykládá, že Slované východní byli už v VIII. a IX. století, ba ještě dříve rozděleni kulturně i politicky na tři skupiny: severní (pozdější Slověné a Kriviči), jihozápadní (Uliči, Tiverci, Drevljané, Lučané) a jihovýchodní (Poljané a Severci, Vjatiči, Radimiči). Tyto tři skupiny tvořily základ prvního vývoje ruského národa a boj emezi nimi první periodu ruských dějin. Parchomenko tu velmi pilně sebral vše, co z pramenů, zejména z letopisů mluví pro tuto starou tripartici a nechci ji také v základech popírati. Jsou pro ni důvody a také jsem ji sám konstatoval ve svém posledním svazku Slov. starožitností (IV. 145). Musím však říci, že detaily, kterými Parchomenko provází svůj vyklad, zejména pokud se týče vývoje a dosahu této tripartice, nepokládám vždy za správné, nebo aspoň nejsou přesvědčivě doloženy. Sem patří na př. autorovo stanovisko k lašským Radimičům a Vjatičům, a vůbec častá polemika s Šachmatovem, umístění Radimičů do jihových. skupiny, chronologie postupu skupin na sever, k Dněpru a k Oce, dále autorovo hledání opor v anthropologických kombinacích Talko-Hrynce-

wicze nebo opor archaeologických, kde nebyla vzata náležitě v úvahu chronologie. Také představa o Poljanech, jakožto hlavních representantech jihovýchodní větve, sedící kdysi u Azovského moře, není bez pochybností.

Těmto Poljanům — a zde přicházíme k druhé hlavní thesi autorově, zbližující jej s ideami Hruševského — náleželo totiž výhradně jméno Rusů. Parchomenko nepopírá existenci normanských Varjagů na dráze volchovsko-dněprovské a vliv jejich na skupinu severní, ale Rusové k nim nepatří, nebyli původu skandinavského, nýbrž Slované, a sice speciálně Poljané, kteří sedíce při azovské Rusi, kde vznikli ze starých Antů, podnikali útoky a výpravy po moři Černém i Chvalinském a od Byzantinců dostali »mezinárodní název« Rusů (str. 57). Tam u Azovského moře byla černomořská Rus již od VII. století, a odtud přišla na rozhraní IX. a X. století na střední Dněpr, kde se dostala do nepřátelských styků s Drevljany a Uliči. Provedl to kníže Igor.

Pro tuto novou versi antinormanismu Rusů snaží se Parchomenko uvésti, co se dá ze starých pramenů, z letopisů, z Leona Diakona, Konstantina, z Arabů, ale je toho málo a pojem jižní černomořské Rusi zůstává přece jen nejasný a pochybný; tytéž prameny mnohem určitěji mluví o Rusi severní jako o národu zvláštním, který se ovšem pak s Poljany spojiti nedá. A co stará výmluvná fakta jazyková? Ta přece věčně budou státi proti jakékoliv slovanskosti původních Rusů, a že by bylo lze jména dněprovských prahů vyložiti spíše z jazyka chazarského než z nordické germanštiny, velice pochybuji. Věřím nadále v Rusy jako cizí severní element, jehož výpravy se ovšem často dotýkaly Azovského moře, ale přicházely ze severu, kde je výslovně znají prameny IX. století až po nově publikovaného Ibn Miskavaiha, jenž při obšírném popisu Rusů mluví opět o velmi chladné vlasti jejich, tedy o vlasti severní.

Jinak však nepopírám, že našel Parchomenko řadu zajímavých a vážných důvodů, které mluví pro starší existenci Poljanů na jihovýchodě Ruska v stepích (srv. na př. jméno Poljanů v Kijevské oblasti těžko vysvětlitelné, dále antagonism Poljanů a Drevljanů, užívání titulu kagana, jméno Sambatas, vlivy náboženské atd.). Bylo by je lze ještě doplniti. To je věc vskutku hodná dalších úvah a studií. Zejména bude nutno hledati, zdali se objeví předpokládaný úzký styk s Chazary také archaeologicky v míře dostatečné na dněprovském území. I později ráz státu polanského má na sobě vlivy východní.

Rozbírati dále do všech podrobností knihu Parchomenkovu nemohu. Je tam nahromaděno množství všelijakých nových postřehů, bystrých analys a kombinací, které budou pilně zaměstnávati ruské historiky. Každým způsobem vzbudí kniha Parchomenkova velký a opravdový zájem.

L. Niederle.

П. В. Безобразов. **Очерки византийской культуры.** Из-во „Огни", „Круг Знания" ПГ. 1919 г. стр. I + 178 + I не нумерованная. Цена 20 рублей.

Мартиролог современной русской науки отмечен крупными потерями и в области византиноведения: с 1917-го года мы потеряли академика Ю. А. Кулаковского, профф. Я. И. Смирнова, Х. М. Лопарева, И. А. Скаба-

лановича, Б. А. Панченко, П. А. Яковенко и К. Н. Успенского,[1]) а осенью 1918-го года скончался от болезни, развившейся на почве истощения, магистр всеобщей истории Павел Васильевич Безобразов, незадолго до того избранный профессором средней истории в Самарский Университет.

Ученик академика В. Г. Васильевского, он сперва был приват-доцентом Московского Университета, потом избран был по уходе А. И. Пападопуло-Керамевса на единственную русскую кафедру византиноведения в Одесский Университет, но . . . М. Н. Пр. не соблаговолило его утвердить, и эта нелепая случайность наложила определенный отпечаток на всю его карьеру, лишив его возможности в полной мере развернуть свое дарование. Однако и при неблагоприятной обстановке он сделал немало, и в лице его русское византиноведение лишилось не только редкого знатока византийской политической, социально-экономической и культурной истории, в частности агиографии, и переводчика ряда специальных работ западных византинистов, но и беллетриста, давшего несколько небезинтересных романов из византийской истории.

Разбираемая книга является последним его трудом, к сожалению уже посмертным.

Цель его — нарисовать культурный облик Византийской империи, о котором было в свое время столько споров, уловить душу этой своеобразной культуры, которая, приблизительно на тысячу лет, подчинила своему обаянию южное и восточное славянство. И эта культура обрисована такими мрачными красками, равных которым не видала еще историография византиноведения за 4 столетия, протекших от Иеронима Вольфа до наших дней, хотя казалось бы, что после убийственного приговора Э. Гиббона, концепций Монтескье и Гегеля и жгучих инвектив Сафы, нельзя произнести более удручающего приговора. Это однако оказалось возможным, потому, что картина рисуемая Безобразовым превосходит даже то, что дали названные ученые. Книге предпослано небольшое предисловие проф. С. А. Жебелева, где этот последний отмечает указанную тенденцию „Очерков", но оговаривается что „таково уже было свойство исследовательского таланта П. В. Безобразова: он подмечал скорее минусы, чем плюсы византийской культуры и склонен был эти минусы иной раз даже подчеркивать". Однако этот отзыв недостаточно выясняет сущность разбираемого труда, и византинист закроет эту книгу с неприятным чувством, не потому что он розойдется с Безобразовым в оценке, а потому что более необоснованной оценки византийской культуры не появлялось еще ни разу, и автор как будто поставил себе целью игнорировать все, что написано за последние полвека по этому поводу.

Очерки распадаются на 9 отдельных глав: „Цари", „Царицы", „Сановники", „Помещики" „Ремесленники", „Литература", „Зрелища и увеселения" и „Судебные дела". Если определять понятие „культура" как совокупность явлений окружающего нас быта, то станет ясно, что книга представляет именно очерки, а не общий абрис культуры империи Ромеев. Досадное впечатление все более возрастает по мере того, как выясняются методологические принципы автора. Вообще говоря

[1]) Список составлен А. А. Васильевым, журнал „Анналы" 1923 г. т. II.

над методологией, которой он придерживался, поставлен крест стремительным темпом развития современной истории, но даже требования этой устарелой методологии грубо нарушаются на каждой странице очерка.

В результате мы имеем только беглую компиляцию из более ранних работ автора, иллюстрированную цитатами, но не из подлинников, а из совершенно неудовлетворительных переводов византийских историков, исполненных в начале второй половины прошлого XIX века при Петроградской духовной Академии и особенно из Никиты Акомината[1]) (см. стр. 5, 6, 7, 11, 12, 22 . ., 147—149 и др. в наших „Очерках"), нигде впрочем неназванного по имени.

Остается впечатление, что проф. Безобразов как будто не хочет знать новой научной литературы, но ведь мы имеем достаточно доказательств, что он ее знает. Повидимому он поставил себе целью дать очерк византийской культуры на основании резюме собственных трудов, только для Г. Шлюмбержа он сделал почему то исключение, и влияние французского ученого явственно просвечивает на страницах, посвященных „византийской эпопее" конца X и начала XI века.

Не дело историка доискиваться психологических оснований такой работы, но нельзя с другой стороны не отметить факта, о котором не останется двух мнений в кругах византиноведов.

Очерки проф. Безобразова посвящены главным образом поздней поре византинизма, когда „Позднейшая Римская Империя", придерживаясь терминологии проф. Бюри, уже целиком превратилась в Восточно-Римскую, в Византию — империю Ромеев. Ученая деятельность Безобразова не могла конечно охватить всей этой семисотлетней полосы, чем и об'ясняется прежде всего неполнота очерков, их излишняя отрывочность и местами зависимость от главного первоисточника Никиты Акомината. Убийственный отзыв Акомината о византийских царях, писанный под впечатлением позорного царствования Андроника Комнена и обоих братьев Ангелов, вполне понятен, но он целиком опровергается рассказами самого Никиты: о двух предшественниках Андроника, Алексее V Мурзуфле или Феодоре Ласкаре Никейском. И, мне кажется, что отзыв проф. Бюри („Государственный строй Византийской Империи" Очерки В. Н. Бенешевича, т. II) куда ближе к истине, чем указанный отзыв В. П. Безобразова. Точно также для характеристики византийских базилисс можно было бы найти и другие черты, особенно после блестящих силуэтов Ш. Диля, лучший перевод которых дан на русском языке под редакцией самого же Безобразова.

Конечно, мы не в праве требовать от историка подчинения чужим мнениям, хотя бы и прочно установившимся. Но совершенно непозволительно давать такие оценки византийской агиографии, какая дана в VII главе „Очерков", особенно после появления прекрасной работы приват-доцента Рудакова „Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии" (М. 1917 г.), с об'ективными выводами которой В. П. Безобразов обязан был бы считаться, каковы бы ни были его личные

[1]) Никиты Хониата. История начинающаяся с царствования Ивана Комнина, т. I. (перевод под редакцией проф. В. И. Долоцкого) СПБ. 1860 г. т. II. пер. под ред. И. В. Чемцова С. П. Б. 1862.

взгляды:[1]) сейчас после этой диссертации нельзя уже отрицать, вопреки тому, что проф. Безобразов пишет, что житийная литература представляет богатейший источник для характеристики социального и экономического уклада империи. И, если „византийская беллетристика не отражает совсем жизни“ (Очерки, стр. 105), то агиография отражает ее полнее, чем какой либо другой источник.

Нельзя не отметить еще целого ряда lapsus'ов, некоторые из которых прямо поразительны, напр. на стр. 14-ой: „до четвертого крестового похода на престоле упрочилось только две династии, Македонская и Комнины.“ Династии Феодосия Великого, Юстиниана, Гераклия, Исаврийская и Аморийская почему то забыты.

Крайне рисковано также утверждение, что „сословной аристократии с присвоенными ей привилегиями не существовало.“ (стр. 12).

На других сторонах „Очерков“ мы останавливаться не будем; сказанного, я думаю, достаточно для того, чтобы охарактеризовать „Очерки“ В. П. Безобразова и их значение — они не нужны ни для памяти почившего ученого, т. к. ничего не прибавят к его ученым заслугам, ни для читающей публики, которой дадут совершенно неверное представление о Византии, ни для репутации издательства, уже давшего ряд блестящих очерков профф. М. И. Ростовцева, С. А. Жебелева, И. М. Гревса, Л. П. Карсавина и др. Будем поэтому ждать появления обещанных в предисловии С. А. Жебелева очерков других сторон византийской культуры.

Ю. Иванов,
доцент Г. Саратовского Университета.

---

[1]) Выводы его тем более поразительны, что он сам является одним из крупнейших знатоков в той области, что и доказал опубликованной в 1917 году первой частью „Византийских сказаний“ и мастерским разбором известной книги Х. М. Лопарева.

Diskusse.

Еще раз о праславянских дублетах типа *jelenь : olenь.*

Редакцiя журнала »Slavia«, без сомнения, поступила очень мудро, когда поместив на стр. 232—276 II тома мою статью, в которой славянские дублеты типа *jelenь : olenь, jezero : ozero* об'яснялись с морфологической точки зрения, дала место на стр. 225—271 след. тома обширной статье Н. Н. Дурново, в которой те же дублеты об'яснялись с фонетической точки зрения. Отныне каждый желающий может легко ознакомиться, кажется, со всеми аргументами, которые можно выставить pro и contra той и другой теории.

Меня же лично исследование Дурново не только не разуверило в правильности моего взгляда на дославянское происхождение начального *o-* в упомянутых русских словах, но, напротив, еще более убедило в полной несостоятельности, или, выражаясь еще более резко, — в банкротстве фонетической теории. В самом деле, в защиту последней Дурново привел все, что только былъ в силах, не жалея ни времени, ни труда, и обнаружив не мало учености и методического искусства, и в результате *сам* принужден был признаться, что для него «неясно, какие причины могли вызвать изменение начального *e* в *ö*: и тот и другой звук до отпадения *j* были известны только после *j* и согласных, но при этом *ö* являлось только послѣ мягких согласных не перед мягкими и полумягкими; здесь же *e* оказалось в положении не после мягких и притом перед полумягкими или мягкими. *Ничего по соседству, что могло бы вызвать лабиализацию e, не было.*» (стр. 257)[1] После такого признания (в сущности, только подтверждающего и мои собственные соображения по тому же вопросу), казалось бы, осторожный исследователь должен был бы сказать себе «non liquet», и постараться поискать ключа к разгадке в другом месте, но не тут-то было! Чтобы спасти падающее здание фонетической теории, Дурново решается на смелый шаг: он отказывается от фортунатовской схемы эволюции русс. начального *o-* (*e-* 〉 *ö-* 〉 *o-*) и предлагает свою *e-* 〉 *ə-* 〉 *ö-* 〉 *o-*, предполагая, что твердость начального *e-* могла вызвать непосредственно не лабиализацию его, а передвижение его артикуляции «назад к среднему ряду, и уже после этого лабиализацию получившагося звука среднего ряда». Но не говоря уже о том, что такая схема не вероятна уже с чисто-физиологической точки зрения, — она предполагает собой фонетический процесс, единственный в своем роде, не имеющий, насколько мне известно, никаких антецедентов ни в русском,

[1]) Курсив наш.

ни в других славянских языках. Если, по крайней мере, первая стадия предполагаемого Дурново процесса — продвижение артикуляции *е-* к среднему ряду навеяна известным законом Шахматова, который он горячо защищает (стр. 249), и по которому *е* перешло в *а* в свр. словах *жалѣзо, жаних, пчалиной, пшаница*, то и в этом случае он смешивает факты морфологического характера с фонетическими. В самом деле: *пьшаница*, без сомнения, образовано от основы *pьš-ęn-* (ср. *rъžęnъ, ječь-nenъ* и пр.), прилаг. *пчалиной* ведет происхождение от основы *bъčel-* (ср. лит. суфф. *-ėl-* и слав. *-ěl-* в **свирѣль, коурѣлъкъ** и пр.), имя *жаних*, как производное от основы на *-i-*, не случайно совпадает по своему вокализму с такой же основой готск. *qens* и др.-инд. *ǧāniš*, а *жалѣзо* может заключать в корне удлиненную ступень вокализма в противоположность редуцированной в греч. *χαλκός*. На морфологический характер всех четырех вариантов указывает не только тот факт, что все они обычно употребляются в русских говорах врозь, — Дурново l. c. совершенно неверно утверждает противоположное,[1]) — но и следы их в мр. языке, ср. *залізо, пшаница* (Изв. XVI, 4, 82).

Не имеет никакого отношения к защищаемому Дурново закону и переход начального *е-* в *о-* в тех заимствованнных из греческого языка словах, богатую коллекцию которых собрал Дурново на стр. 295 и сл. своего исследования. Даже оставляя в стороне вопрос, в какой степени в этом переходе сыграли роль законы среднегреч. произношения, — в известной гипотезе Соболевского несомненно есть некоторая доля правды, — и даже не учитывая в истории их преобразования на русской почве фактора народной этимологии, все же и Дурново, вероятно, с нами согласится, что данные слова не вполне адэкватны русским примерам: ведь в последних, согласно его теории, *е-* переходит в *о* лишь перед гласными переднего ряда, да и то не перед всеми, а в первых *е-* > *о-* наблюдается при всяких условиях, даже перед гласными широкими. И это вполне естественно. Так как русские уже в IX. в. почти не знали в начале слов твердого *е-*, и так как в то же время их *о-* звучало еще очень широко, почти как *å-*, то акустическая разница между *je-* в *елень* и гр. *ε* (= *ä*) в *ἐχίδνη* должна была им представляться неизмеримо большей, чем расстояние между последним гласным и гласным *о* = *å*, которым русские заменяли начальное *α* слов типа *Ἀλέξανδρος, Ἀλέξιος*. Необычность для русского уха иностранного *е* (*ä*) и была причиной, почему последнее и было субституировано в словах *äхидна, äмболъ* гласнымъ *å* > *о*.

Итак, построенный Дурново закон в высшей степени проблематичен сам по себе, и отстаивать его quand même стоило бы лишь в самом исключительном случае, — если бы он непосредственно вытекал из исследуемых фактов, подтверждался многими десятками примеров, не имел никаких исключений и — главное — опирался на вполне прозрачный в этимологическом отношении матерьял. К сожалению,

[1]) Напр. в Новг. губ. Устюж. у. употребляются *жаниться, жана*, но ничего не известно об употреблении *жалѣзо* или *пчала* (Изв I 981), то же самое в Тюм. окр. Тобольск. губ. (ib. 973) и во мн. др. местностях.

ничего такого нельзя сказать про разбираемую фонетическую теорию даже в той слегка видоизмененной редакции, какую ей дает наш автор.

В самом деле, и Дурново признает, что измениться в *o-* (все равно, через посредство-ли *ö-*, или *ə̑- > ȯ-*) могло не всякое начальное *e-*, а только твердое. Поэтому необходимой предпосылкой для его теории является гипотеза, что еще в праславянском языке слова с начальным *je-*, resp. *i̯e-* утрачивали свое *j*, resp. *i̯* перед слогом, заключавшим в себе *e*, *ę* и — по крайней мере, в некоторых говорах, — *i* (стр. 255).

Но нет ничего более невероятного, чем эта гипотеза!

Главное основание для нее Дурново видит в том факте, что довольно многочисленная группа древнерусских памятников XI и XII в. последовательно пишет слова **єзєро, єлєнь** и нек. другие без иотации начального гласного. Хотя нельзя сказать, чтобы это наблюдение было солидно аргументировано,[1]) я для упрощения дела не буду оспаривать вывод автора, что «правописание названных слов с є- отражает ст.-слав. правописание, причем выдержанность этого правописания указывает на то, что ему соответствовало и произношение, и притом не только ст.-сл., но и русское книжное, восходящее к церковнославянскому» (стр. 284). Но что из этого следует? Конечно, не то, что формы *елень*, *езеро* перешли на русской почве в *олень*, *озеро* (как умозаключает автор), а то, что к началу XI в. большая часть древних праслав. форм типа *jezero*, *jelenь*, в громадной части русских говоров, уступила свое место своим сестрам с начальным *o-*: *озеро*, *олень* и т. п. Поэтому, когда русские писцы встрѣчали в своих старославянских оригиналах формы **єлєнь**, **єзєро**, то они копировали их, как слова чуждые для их уха, также внимательно и точно, как и многие другие церковнославянизмы, напр. **нощь**, **рождьство**, **градъ**, **брѣгъ** и пр.; но **єдинъ**, которое имело в русском языке XI в. живого корреспондента в виде *jединъ*, они переписывали более смело как **ѥдинъ**. Этим и об'ясняется, почему именно так пишут данное числительное памятники указанной категории.

Таким образом, из факта выдержанного правописания известных слов в известных памятниках Дурново сделал совершенно неверный вывод, что формы с *e-* представляют фонетическое prius перед формами с *o-*. Без сомнения, он первый стал бы смеяться над тем, кто, на основании выдержанного (и при том гораздо более строго, чем **єзєро**, **єлєнь**) правописания форм **нощь**, **градъ** в др.-русс. памятниках, стал бы утверждать, что современные русские формы *ночь*, *городъ* непосредственно возникли из старославянских. Но в данном случае он поступает совершенно также!

А если так, то собранные автором на страницах 226—235 «показания старославянских памятников», по существу, ничего не доказывают

[1]) Супрасльская рукопись, в которой **ѥлєнь**, **ѥзєро** и нек. др. слова почти не уступают, а скорее превосходят численностью формы с *e-*, притянута автором насильственно, целый ряд других рукописей, в том числе такая важная, как Евгеньевская Псалтирь, совсем не принята во внимание, самые примеры приводятся без достаточной степени статистической полноты, среди них попадаются примеры, к делу не относящиеся (**єгнѧнааго** в Супр. рук., стр. 227) и т. д.

и ничего не опровергают, и потому могли бы быть, без всякого вреда для дела, спокойно оставлены в стороне: их единственное значение заключается в том, что они лишний раз свидетельствуют о том глубоком влиянии, которое оказывала древнецерковнославянская письменность на древнерусскую графику. Но кто же сомневался в этом влиянии?

Но не имеют значения эти «показания» и для решения трудного вопроса, как звучали старослав. **єзеро, єлень** и тп. слова: с твердым или мягким *е*? Я лично склонен слышать в **є**- этих слов лишь последний отголосок глаголических, хотя бы и очень отдаленных оригиналов. Впрочем, если бы даже удалось доказать, что **є**- в данных словах было твердое, то и такой гласный не мог бы говорить ни pro, ни contra происхождения его антипода *о*-. Как я доказываю в своей П. Г. § 132, иотация начальных гласных происходила в праслав. языке по условиям sandhi, почему, как и вообще во всех явлениях, обязанных своим происхождением влиянию аналогии, она не во всех словах и формах могла быть проведена последовательно. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в отдельных говорах праславянского языка некоторые слова с начальным *е*- избежали иотации, ср. *ešče* (ч. диал. *eště*, п. диал. *eszcze*, р. диал. *эще*), **edьnъ** (с. диал. *eden*-, ч. диал. *eden*) и т. д.

Но если так, то Дурново не имел никакого права начальное *е*- этих слов возводить, вслед за Фортунатовым, к дославянскому *he*-, которое под ударением будто бы сохранилось до наших времен в мр., бр. и зап.-слав. языках! Ведь в этих последних диалектах *h*- встречается не только перед *е*-, но и перед другими гласными, а в нлж. яз. даже перед *i*- (ср. *hić*). Неужели и здесь *h* происхождения иде.?! Во-вторых, письменные памятники указанных языков ясно указывают на сравнительно позднее появление придыхательного приступа *h*- перед начальными гласными их слов. Наконец, в третьих, — и это самое главное, — другие иде. языки не сохранили ни малейшего следа существования в праязыке придыхания *h*. Правда, Дурново ссылается на латинское местоимение *hic* и гр. *ἕτερος*, но первое местоимение, как показано нами в Прасл. Грамм. § 273, восходит к самостоятельному иде. мест. *gho*-, с которым тождественна и вторая часть славянск. сложных местоим. *togo*, *kogo* и пр., а второе удовлетворительно об'ясняется этимологами (Boisacq DE 292) из *ἅτερος* (которое действительно существовало в дорич. диалектах) < **sm̥-tero-*, превратившегося в *ἕτερος* под влиянием *εἷς*. Конечно, оба эти об'яснения суть только гипотезы, но уже самый факт крайней спорности происхождения обоих примеров показывает, на какой скользкой почве находится наш автор. Но Дурново, проявляющий столь суровую требовательность к чужим этимологиям и отвергающий их даже тогда, когда они, по его собственному признанию, вполне возможны (стр. 265), обнаруживает легковерие младенца тогда, когда это выгодно для любезной его сердцу теории . . .

Итак, ни «показания старославянских памятников», ни мифическое *h* не подтверждают существования в праславянском языке фонетического закона, в силу которого *i̯*, resp. *j* отпадало в этом языке перед известными гласными. Поэтому, мы имеем полное право сказать,

что сооруженное Дурново здание не имеет под собой прочного фундамента.

Но еще хуже то, что и матерьял, которым пользуется Дурново для своей постройки, не отличается доброкачественностью. Это видно уже из того, что исключений из защищаемого им закона едва-ли не больше, чем примеров, его подтверждающих.

Под давлением этого факта Дурново принужден даже сделать одну весьма существенную уступку: в то время как его предшественники учили о диспалатализации начального *е-* перед гласными переднего ряда вообще, Дурново уже ничего не говорит о переходе *е* 〉 *о* перед *ь* следующего слога, а относительно такого же перехода перед *i* допускает возможность, что «в некоторых говорах общерусского языка» оно не имело места. Сдавши эти две чрезвычайно важные позиции, Дурново с тем большей энергией защищает postremum refugium теории, — положение начального *(j)e-*, resp. *(i̯)e-* перед следующим *е* или *ę*, как главное условие его последующего перехода в *о-* в прарусском языке. Но и этот героический шаг не спасает дела, так как в теории Дурново нет, кажется, ни одного факта, в противовес которому нельзя было бы привести противоположный.

Эти исключения в области как самого русского языка, так и его славянских собратьев, и были перечислены в моей статье. Некоторые из них (влр. *единый*, *единова*, млр. *іден)* так разительны, что, как мы только что видели, заставили самого Дурново, еще до ознакомления с моей работой, допустить, что диспалатализация *е* 〉 *о* перед *i* происходила не во всех говорах прарусского языка. Перед другими (*ежевика*) он сам становится в тупик, и не видит из него другого выхода, как предположение Фортунатова, что переход *е* 〉 *о* возможен был только перед полумягкими согласными (стр. 251); но едва-ли эта заплата спасает дело. Третьи исключения Дурново пытается отвести гипотезой вмешательства аналогии, но тоже неудачно: трудно допустить, чтобы, напр., столь часто употребляющееся слово *ежь* подверглось влиянию со стороны гораздо более редкого *ожикъ* (стр. 252). Четвертые, как рязан. *есень* и тамб. *есенясь*, Дурново заподазривает как неправильные записи Даля или его источников: в действительности, второе будто бы нужно читать как *исенясь*, а первое якобы извлечено из тв. п. *исянью* (стр. 271). Но форма *есенясь*, если я верно понимаю Брока (Опис. одного гов. в югозап. части Тотемск. у. 90), известна и в свр. говорах, а *исянью* уже необычностью места своего ударения внушает сильные сомнения относительно неслучайности такого, вероятно, чисто индивидуального произношения. Наконец, пятые *(езеро, лезеро)*, как взятые из неизвестного ему источника, Дурново отводит совсем, но этот источник совершенно правильно указан ему Селищевым в примеч. на стр. 270 его статьи.

Таким образом, ни одно из русских слов, в начале которых вместо ожидаемого *о-* находим *е-*, Дурново не удалось об'яснить рациональным способом. Но столь же неудачно этот ученый старается об'яснить и те инославянские слова, которые, вопреки его теории, начинаются не гласным *е-*, а гласным *о-*.

Так, относительно *одьначе* Син. Пс. Дурново замечает, что это написание исправлено из первоначального *їначе*. Пусть так, но ведь эта поправка сделана тою же рукою, что писала самый текст, почему же доказательная сила данного примера должна умалиться? Но если бы даже *одьначе* было поправкой позднейшего читателя рукописи, то и тогда мы не вправе были бы отрицать ее значение для нашего вопроса, пока в языке рукописи не указаны другие руссизмы. Конечно, таким же предвзятым желанием a limine отклонить неприятный факт продиктовано и то гадание Дурново, что в географическом названии *῎Οζερος* (Эпир) начальное *ο-* возникло на греческой или албанской почве из *ε-* (стр. 265). Но чтобы эта гипотеза не была праздной, Дурново надлежало бы подтвердить хотя бы парой других примеров аналогических изменений славянских onomastica, которых так много в современном Эпире. Пока это не сделано, я уже из уважения к простому здравому смыслу не перестану отделять *῎Οζερος* от *᾽Οσόγια = Осоя*, *᾽Οστανίτζα = Останица*, *᾽Οσέτζκα = Осъцка* и тп. имен, где *о-*, как и в *῎Οζερος*, несомненно отражает праслав. *о-* (ср. Гильфердинг, Собр. соч. I 284, 286, 288). И это тем более, что и в Акарнании существуют *Μεγάλη ῎Οζερος* и *Μικρὰ ῎Οζερος* (Гильфердинг l. c. 291). Но если относительно *῎Οζερος* Дурново можеть сказать хоть что-нибудь, то он совершенно пассует перед инослав. *omela* и *orebice*: он просто отмахивается от них, как от докучных мух!

Все неясное с точки зрения фонетической теории делается, напротив, ясным как день с точки зрения морфологической. Согласно этой теории, и формы с начальным *е-* и формы с начальным *о-* суть одинаково древние дославянские образования. Но в то время как формы с начальным *о-* употреблялись преимущественно в восточных говорах праслав. языка, в южных и западных наблюдалось противоположное: там формы с начальным *е-* преобладали над формами с начальным *о-*. Но употребляться *преимущественно* не значит *исключительно*, и вот почему в обеих частях современного славянского языкового мира наблюдаются отступления от общего правила. Как все просто и ясно! И как верно охарактеризовал Brückner отличие гипотезы Соболевского от Шахматовской теории: «hier die Angabe der Fakta, dort die verwickeltesten und unwahrscheinlichsten Kombinationen» (Gesch. der idg. Sprachwissensch. II, 3, 52).

И Дурново вместо того, чтобы заниматься этими безплодными комбинациями, лучше бы сделал, если бы попытался поразить несимпатичную ему теорию в самое ее сердце, или доказав полную несостоятельность тех этимологий, на которых она базируется, или приведя такие новые этимологии данных слов, которые исключали бы возможность дославянского чередования гласных *е- : о-* в этих последних. Однако, ни того, ни другого мы в статье Дурново не находим. Совсем напротив: он сам признает полную возможность моих этимологий, и только относительно немногих из них ограничивается или голословными возражениями (как, напр., по поводу *odinъ*, стр. 267 sq.) или мелкими придирками. Так, напр., ему кажется странным мое сближение вр. *омежь*, сх. *ȍmora* «лѣс» и общеслав. *jama*, но в семасиологическом

отношении сближение первого и второго слова не более смело, чем допускаемое всеми этимологами отожествление р. *гвоздь* и чш. *hvozd* «лѣс»; основное значение корня *ет-* было «быть острым, колючим»: из этого понятия одинаково легко вывести как *омежь* в смысле «острой палочки» или «чего-то отломанного» (ср. его синоним *лемеш*), так и *яму* в смысле «нечто выкопанное»; гр. *ἀμάρα* я не присоединяю сюда только потому, что не уверен, что его начальное *α-* отражает иде. редуцированный гласный.

Бессильный сказать что-нибудь против моих этимологий по существу, Дурново старается дискредитировать их вообще, выхватывая из других моих работ отдельные мои этимологические комбинации, которые ему кажутся курьезными, но при этом тщательно *утаивая* от читателей те семасиологические моменты, которые я всегда старательно выдвигаю в своих исследованиях. Такую полемику я не могу назвать корректной. Ведь следуя ее методу, не трудно высмеять любую этимологию. Как дико и смешно должно, напр., звучать в ушах профана одно голое этимологическое отожествление слав. *bogъ* и греч. *φαγεῖν*! Однако эту этимологию с полным правом признают истинной многие первоклассные лингвисты, которым *не я* чета!

* * *

Мы рассмотрели, кажется, все главные аргументы Дурново в пользу защищаемой им теории и пришли к выводу, что они совершенно не достигают цели: фонетическая гипотеза и в редакции Дурново продолжает оставаться кафтаном, в котором за заплатами уже давно не видно живой ткани.

Чем же об'яснить, что Дурново, вместо того, чтобы сдать его в музей древностей, с таким упорством старается спасти его для всеобщего употребления?

Мне кажется, что причина этого лежит не в нем самом, а в воспитавшей его лингвистической школе.

Как известно, Дурново принадлежит к числу наиболее энергичных и плодовитых и вместе с тем правоверных и убежденных последователей т. н. «московской» или «фортунатовской» школы. Не мне, конечно, отрицать великое значение этой школы в истории славянской лингвистической мысли: ее огромные заслуги известны всем и никогда не будут забыты в летописях нашей науки. Но где свет, там и тени. Отдавая должное этим заслугам, мы не должны скрывать от себя и один весьма существенный недостаток того научного направления, которое возглавлял собой покойный Фортунатов. Я имею в виду именно его органическую антипатию к построениям морфологического характера: чтобы об'яснить загадочное явление в истории языка, «московская» школа обыкновенно не останавливается ни перед какими самыми смелыми и сложными конструкциями, лишь бы quand même представить его в конечном итоге как результат более или менее длинного ряда фонетических процессов: для этой цели с легким сердцем придумываются никогда не существовавшие «переходные звуки», открываются, —

иногда целыми десятками — новые фонетические законы[1]), восстанавливаются праавуки, которых язык никогда не знал, изобретаются самые хитрые звуковые комбинации, и в то же время крепко зажмуриваются глаза на все, что могло бы указывать на чисто-морфологический характер явления. Такое ультра-фонетическое направление московской школы принесло много вреда изучению славянских языков, оставив в тени целые обширные категории одних явлений и направив по ложному пути исследование других.

В разобранной мною статье Дурново все отмеченные теневые стороны фортунатовской гиперфонетики отражаются как в фокусе: тут мы находим и целую коллекцию старых и вновь открытых звуковых законов, и запутанные фонетические комбинации, и ad hoc придуманные «переходные звуки», и никогда несуществовавшие иде. праавуки (вроде пресловутого γ), и в то же время совершенно откровенное нежелание считаться с данными морфологического характера. Все это делает исследование Дурново типичнейшим элаборатом фортунатовской школы, но этим и ограничивается, по нашему мнению, его интерес и значение: не подвигая ни на одну иоту вперед решение вопроса, Дурново в своей статье почти ad absurdum доводит отрицательные черты научного направления своего великого учителя.

Саратов. *Г. Ильинский.*

---

[1]) Классическим примером такого нагромождения фонетических законов может служить известная теория „третьяго полногласия" Шахматова. К чести его следует, однако, сказать, что впоследствии он сам отказался от этого чудовищного фонетического небоскреба.

† Проф. Ал-др Ив. Яцимирский.

В начале 1925 г. в Ростове на Дону скончался, 50 лет от роду, славист проф. А. И. Яцимирский. Покойный кончил Московский Ун-т в 1899 г., был некоторое время приват-доцентом Петербургского Ун-та а затем ордин. профессором Варшавского Ун-та. В 1915 г., при эвакуации Варшавского Университета, перешел вместе с Ун-том в Ростов на Дону, где и оставался профессором до самой смерти. Научную деятельность Я. начал еще, будучи студентом Ун-та. Первым его печатным трудом было обширное (4 тома) описание славянских рукописей собрания П. И. Щукина (в настоящее время собрание П. И. Щукина — в Моск. Историч. Музее), в приложениях к которому Яц-м опубликованы некоторые старинные тексты из этого собрания. К тому же студенческому периоду деятельности Я. относятся и некоторые другие его работы. В течение своей жизни Я. напечатал огромное количество работ, появлявшихся как в специальных научных изданиях: Известиях и Сборнике 2 Отд. Российской Академии Наук, Р. Ф. В., Журн. Мин. Нар. Просвещ., Живой Старине, Трудах (Древностях) Славянской Комиссии Моск. Археологического О-ва, так и в других изданиях: Энциклопедическом Словаре, толстых и иллюстрированых журналах и т. п.[1]) Интересы Я. имели несколько библиографический уклон и сосредоточивались главным образом на старинной церковнославянской (т. е. болгарской, сербской, молдавской и русской) письменности, как оригинальной, так и переводной, и вопросе о взаимоотношениях между румынами и славянами. Полурумын по национальности, он широко использовал в своих научных работах своё знание румынского языка и знакомство со старой румынской письменностью и фольклором и румынской наукой. Он внимательно следил за румынской научной литературой по славяноведению или по вопросам, так или иначе связанным с изучением славянства, и давал в русских научных изданиях отзывы о всех заслуживающих внимания научных работах этого рода. Собственные научные работы Я. по большей части содержат издание неопубликованных ранее старинных рукописных текстов, часто представляющих большой историко-литературный или исторический интерес, их описание и научный историко-библиографический и историко-литературный комментарий. Ряд работ Я. посвящен описанию различных собраний славянских рукописей кирилловского письма, преимущественно вне России. Но среди работ Я. имеются и работы, посвященные новым славянским (гл. о. польской и русской) литературам и румынской этнографии. Интерес Я. к старинной славянской письменности выразился не только в опубликовании и комментировании старинных рукописных текстов, но и в собирании рукописей и приве-

[1]) О количестве работ Я. можно судить по тому, что в одном из отчётов 2 Отд. Акад. Наук был помещён список работ Я., напечатанных в отчётном году, в котором значится около 60 статей и книг, не считая мелких статей в Энциклоп. Словаре и мелких рецензий и заметок, число которых Я. определяет в 300.

дении в известность наличного запаса старинных славянских рукописей в неизвестных или мало известных ранее рукописных собраниях. Разными путями ему удалось составить собственное, довольно значительное собрание старинных славянских рукописей, в котором имелось между прочим много рукописей молдавского письма. Это собрание было им пожертвовано Росс. Акад. Наук.

Назову некоторые из работ Я., напечатанных в изданиях Отделения яз и словесн. Акад. Наук и в Р. Ф. В.[1])

1. ,,Мелкіе тексты и замѣтки по старинной славянской литературѣ''. Под этим названием Я. печатал в течение почти всей своей жизни в Известиях Отделения русск. яз. и слов. Росс. Акад. Наук небольшие тексты самого разнообразного содержания (здесь есть и апокрифы и другие статьи литературного содержания и приписки и записи, имеющие историческое значение, и пр.) и происхождения (тексты русские, молдавские, болгарские и др.), частью из своего собрания, частью из других изученных им и, по б. ч., мало доступных собраний. Тексты сопровождаются комментарием библиографического, исторического и историко-литературного содержания. Всех статей, обьединенных под вышеприведённым заглавием, с 1897 г. до 1918 года, 90.

2. Къ исторіи апокрифовъ и легендъ въ южнославянской письменности. Изв. Отд. р. яаз. и слов. Акад. Наукъ 1909 и 1910. 11 №№.

3. Григорій Цамблакъ. Изслѣдованіе. Спб. 1904.

4. Ряд небольших статей о румынских источниках некоторых мест в произведениях Пушкина в Р. Ф. В. и Известиях 2 Отд. Акад. Наук.

5. Описание славянских рукописей заграничных библиотек.

6. Неизвѣстныя (румынскія) пѣсни о Маркѣ Кралевичѣ. Изв. IX. 4.

7. Описаніе южно-славянскихъ и русскихъ рукописей заграничныхъ библіотекъ Т. I. Вѣна. Берлинъ. Дрезденъ. Лейпцигъ. Мюнхенъ. Прага. Любляна. — Сборн. 2 Отд. Росс. Акад. Наукъ, т. 96. Петрогр. 1921; 1912 стр.

Н. Дурново.

---

[1]) За неимением под руками бо́льшей части изданий, в которых напечатаны работы Я., могу назвать из них лишь немногие. Многочисленные рецензии и библиографические заметки Я. вообще не называю.

Zprávy.

Библиографический обзор работ об А. Н. Островском с 1914—1925 г.

31 марта ст. стиля, 12 апреля н. ст. 1923 г. исполнилось сто лет со дня рождения одного из самых крупных и плодовитых русских драматургов А. Н. Островского. Ко дню столетнего юбилея и после этого юбилея появился в России и заграницей целый ряд статей и книг, посвященных жизни и творчеству Островского. Я в своем обзоре отмечу не только юбилейную литературу, но и все известные мне работы об Островском, появившиеся в печати от 1914 г., т. е. с того времени, когда в Европу, в частности в Чехословакию, перестали регулярно доходить русские книги.

Сочинения Островского.

1. Сочинения А. Н. Островского. Государственное издательство. Петербург, вышло 10 томов. Тексты пьес в этом издании проверены по рукописям и все пьесы снабжены примечаниями. В первом томе — „Очерк жизни и творчества А. Н. Островского“, написанный Н. Н. Долговым. Им же даны примечания к отдельным пьесам. Рец. на первый том соч. Островского Вл. Кн. в „Бирюче“ 1921 г. и Н. П. Кашина в „Культуре Театра“ 1922 г. I—II. На I, III, V и VI-ой тома рецензия Т. Г. в „Книга и революция“. Ежемесячный библиографический журнал. 1923. Год III. № 2 (26). Госуд. изд. Москва-Петроград. Стр. 20.

Кроме того Госуд. изд. были выпущены отдельными книжками следующие пьесы:

2. А. Н. Островский „Гроза“.
3. А. Н. Островский „Лес“.
4. А. Н. Островский „Свои люди сочтемся“.
5. А. Н. Островский „Бедность не порок“. Москва-Петроград 1922—1923 г.

Каждый выпуск снабжен общей статьей о творчестве Островского, написанной Н. Эфросом и небольшой статьей о данной пьесе.

См. рец. „Книга и революция“ 1923 г. № 2 (26).[1]

Заграницей переизданы следующие пьесы Островского:

6. А. Н. Островский „Бедность не порок“. Изд. Я. Поволоцкого. Миниатюрная библиотека. Париж. 1922 г. Стр. 144.
7. А. Н. Островский „Гроза“. Изд. Поволоцкого. Миниатюрная библиотека. Париж. 1921 г. Стр. 176.
8. А. Н. Островский. Гроза. Добролюбов. Темное царство. Изд. Альфа. Общедоступная библиотека. № 7—8. Юрьев. 1921 г.[2])

Кроме того вышли следующие до сих пор не напечатанные произведения Островского.

---

[1]) Кроме того, мне известны еще следующие издания отдельных пьес Островского: Бедность не порок. Госиздат. 1919. Гроза. Изд. литер. издат. отдела Наркомпроса. Петроград, 1919 г. Бедная невеста. Госиздат. 1922 г. Свои люди — сочтемся. Госиздат. 1922 г. Не так живи, как хочется. Госиздат. 1919 г.

[2]) Кроме того, в Берлине была издана комедия „На всякого мудреца довольно простоты“. Берлин. Из-во „Литература“. 1921 г. Стр. 144.

9. В „Ежегоднике Петроградских театров“. (Сезон 1918—19 г. под ред. А. С. Полякова 1922 г.) вышла неизданная пьеса Островского „Пока“. Комедия в трех действиях. Там же предисловие к этой комедии А. С. Полякова.

10. В „Вестнике Европы“ 1916, X, 83—84 вышел „План статьи об актах и сценическом искусстве“, составленный Островским.

Кроме того вышел большой сборник:

11. Островский. Новые материалы. Письма, труды и дни, статьи. Под ред. М. Д. Беляева. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук. Государственное Издательство. Ленинград, 1924 г. Стр. 460. К сборнику приложен снимок с автографа А. Н. Островского и его фотографическая карточка. Сборник посвящен памяти исследователя произведений Островского Н. Н. Долгова, скончавшегося в 1923 г.

В сборнике опубликованы материалы, касающиеся жизни и творчества драматурга, которые хранятся в архиве Пушкинского Дома и которые до сих пор не появлялись в печати. (Переводы Островского, также хранящиеся в Пушкинском Доме, „Гецира“ Теренция, „Мандрагора“ Маккиавелли, „Вдовый мошенник“ Сервантеса и заметка Островского о Лопе де Вега были напечатаны в сборнике Петроградского Об-ва А. Н. Островского, вышедшем в 1923 г. См. отдел нашей библиографии „Отдельные сборники, посвященные Островскому“. № 1.) Кроме того, в сборник Пуш. Дома включены работа Г. Т. Синюхаева „Труды и дни“ Островского с дополнениями Томашевского и Измайлова и работа Кашина „Откуда взял Островский фамилию Юсов“.

Содержание сборника:

I. Беляев М. Д. Неизданные страницы Островского (К истории текста „Записки Замоскорецкого жителя“). Беляев среди хранящихся в Пушкинском Доме рукописей нашел рукопись, являющуюся черновиком „Записок“ — и представляющую интерес для истории возникновения этого произведения Островского. Беляев приготовил эту рукопись к печати и снабдил ее предисловием.

II. Переселенков С. А. Два отрывка из рукописей А. Н. Островского. Приводится одна ненапечатанная сцена из пьесы „Свои люди сочтемся“ и начало незаконченной Островским шутки в одном действии под заглавием „Накануне отъезда“.

III. Измайлов Н. В. Рукопись драматической хроники „Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“. Кашин, работая над рукописью драматической хроники „Царь Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“, принадлежавшей графу С. Д. Шереметеву, отметил, что часть этой пьесы отсутствует в этой рукописи. Среди бумаг М. И. Семевского, хранящихся в Пушкинском Доме, нашлась недостающая часть рукописи Шереметева. Измайлов приводит эту рукопись Пушкинского Дома и снабжает ее коментариями.

IV. Томашевский Б. В. Рукописи Островского, хранящиеся в Пушкинском Доме“. Томашевский сопоставляет рукописные тексты пьес Островского, хранящиеся в Пушкинском Доме, „Снегурочки“, „Сердце не камень“, „Без вины виноватые“ и одной сцены из пьесы „Трудовой хлеб“ с напечатанными текстами этих пьес.

V. Петров Д. К. приготовил к печати пьесу „Фрина“, комедия в 4 действиях с прологом в стихах, перевод (Островского) с итальянского.

VI. Ольденбург С. Ф. Приготовил к печати и снабдил предисловием перевод Островского южно-индийской народной драмы „Дэвадасси“ (Баядерка). Переводил Островский эту пьесу с французского. Рукопись перевода обрывается на последней части пьесы.

VII. Яковлев Н. В. Островский переводчик „Антония и Клеопатры“ Шекспира. Яковлев на основании материалов, хранящихся в Пушкинском Доме, дает картину работы Островского над переводом этой пьесы Шекспира; далее перепечатывает с рукописи перевод 11-ой и 12-ой

сцен 3-го действия, изданный впервые с грубыми ошибками в „Сборнике Общества любителей Российской словесности на 1891 г. (Москва 1891 г.).

VIII. Из переписки Островского с Некрасовым. Редакция и примечания В. Е. Максимова-Евгеньева. Приводятся 7 писем Островского к Некрасову.

IX. Связка писем Островского. Приготовил к печати Б. Л. Модзалевский. Приводится 38 писем Островского: к Салтыкову, Писемскому, Панаеву, Горбунову, Майкову, Вейнбергу и другим. Письма снабжены вступительной статьей и примечаниями Модзалевского.

X. О братьях и сестрах Островского. Редакция и вводная статья Б. Л. Модзалевского. Дается краткая биография и характеристика братьев Островского, и приводятся письма братьев и сестер Островского.

XI. Кашин Н. П. Откуда взял Островский фамилию Юсова? Кашин сопоставляет Юсова с одним из действующих лиц в повести Лихачева „Мечтатель“.

XII. Синюхаев Г. Т. Труды и дни Островского. Дается детальная канва жизни и творчества Островского. К этой работе Синюхаева делают дополнения Томашевский и Измайлов.

В книге имеется указатель имен и указатель произведений А. Н. Островского.

Рец. в журнале „Русский Современник“. Лит.-худ. журнал. Книга II. 1924. Стр. 295—6 и в „Печать и революция“. Журнал литературы искусства, критики и библиографии. Книга I, 1925 год. Стр. 272—274.

Биографии и воспоминания об Островском.

Кроме биографии Островского, написанной Долговым и вышедшей в I т. „Сочинений“ изданных Госуд. изд. отмечу:

1. Н. Е. Эфрос. А. Н. Островский. Книжка содержит популярный очерк жизни и творчества Островского. Изд. „Колос“ СПБ. 1922 г.

Рецензия Н. Бродского. „Печать и революция“. Кн. 7. 1922 г. Стр. 291.

2. Валериан Полянский. (П. И. Лебедев). Островский. К столетию со дня рождения. Москва-Петроград. 1923 г. Популярная компилятивная брошюра. Автор кратко излагает биографию Островского и пытается по драмам Островского нарисовать быт купцов, чиновников, актеров и др. На эту брошюру имеется детальная рецензия Б. Томашевского в журнале „Книга и революция“. Год III. № 4 (28). 1923. Стр. 53—54.

3. Н. П. Кашин. А. Н. Островский. Биографический очерк. Государственное издательство. Москва 1923 г.

4. А. Ф. Кони. Островский. Изд. Рус. Театр. Общ. 1923 г.

5. Старый актер. Встреча с Островским. Из воспоминаний. „Исторический журнал“. 1917, I, стр. 69—77.

6. Дневник А. Н. Островского. В журнале „Культура театра“ 1921, № 7—8. Дневник велся только в течение нескольких дней с 23 апреля по 2 мая.

7. В журнале „Жизнь“. Москва. 1922 г. № I, стр. 188—193 — вышла статья Н. Кашина „По поводу дневника А. Н. Островского“. Кашин не соглашается с мнением приготовившего к печати этот дневник А. Б., что дневник написан в 1855 г. Кашин относит дневник к 1843 г.

8. Александров А. Д. К биографии А. Н. Островского „Русский библиофил“. 1915 г., 3, стр. 82.

9. Дунин А. А. „Надзор“ за А. Н. Островским. „Наша старина“. 1914 г. VIII.

10. Н. М. Мендельсон. А. Н. Островский в воспоминаниях современников и его письмах. Историко-литературная библиотека под редакцией Н. Л. Бродского, А. Е. Грузинского, Н. М. Мендельсона и Н. П. Сидорова, вып. I, стр. 179. Издательство Т-ва Думнов насл. бр. Салаевых. Москва 1923 г. Книга стремится дать материал для занимающихся само-

образованием. После краткой вступительной заметки Н. М. Мендельсона о жизни и творчесте Островского дается краткая биографическая канва. Далее помещены произведения и речи Островского. 1. Автобиография Островского. 2. Критическая заметка о повести Евг. Тур — „Ошибка“. 3. Критический отзыв о повести Писемского „Тюфяк“. 4. Из дневника Островского. 5. Заметки о Диккенсе. 6. Речь на обеде в честь Мартынова 7. Застольное слово о Пушкине. Статьи выбраны из малодоступных журналов и кроме „Застольного слова о Пушкине“ не вошли в полное собрание сочинений А. Н. Островского под редакцией М. И. Писарева. — СПБ. К-ство „Просвещение“. Далее идет целый ряд воспоминаний об Островском его современиков — Горбунова, Боборыкина, Писарева, Андреева-Бурлака и др. Следующий отдел — письма Островского. Несколько писем напечатано впервые. Затем идут воспоминания о лучших исполнителях ролей в пьесах Островского, артистах П. М. Садовском и С. В. Васильеве. Воспоминания эти извлечены из старых, мало доступных журналов. В главе „Из литературы об Островском“ приводится: 1. Фельетон Б. Н. Алмазова из „Сна по случаю одной комедии, написанной в форме драмы“. 2. А. А. Григорьев. „Искусство и правда“. 3. Островский в оценке цензурного ведомства. Наконец даются библиографические указания работ об Островском. Рецензия в „Книга и революция“. Год. III. № 3. 1923.

Письма Островского.

За это время в печати появилось большое количество неизданных писем Островского. Здесь прежде всего следует отметить большую работу А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма из собраний Государственного Театрального Музея имени А. А. Бахрушина под. ред. Н. Л. Бродского, Н. П. Кашина, при ближайшем участии А. А. Бахрушина. Росс. Ак. Худож. Наук. Театральная секция. 1923 г. Москва-Петроград. 498 стр. Биографический очерк Бурдина написан Н. Кашиным. Бурдин — артист Петербургских Импер. Театров, один из ближайших друзей А. Н. Островского. В этом сборнике опубликованы, как письма Островского к Бурдину, так и письма Бурдина к Островскому.

Рецензия Б. В. Томашевского на эту книгу помещена в сборнике „Атеней“, выпуск I-ый и II-ой. 1924. В рецензии сделана попытка исправить датировку писем.

Рецензия Д. Благого на ту же книгу в „Печать и револ.“ Кн. 2. 1924. Стр. 259.

На основании этого издания переписки Островского с Бурдиным, написана проф. А. А. Кизеветтером работа „Тернистый путь драматурга“ „На Чужой стороне“. Историко-литературные сборники под ред. С. Н. Мельгунова. № VIII. Изд. „Ватага и Пламя“. Берлин-Прага. 1924 г. стр. 247—262.

Укажу ряд сборников, где были помещены за это время другие письма Островского: „Бирюч“. 1918 г № 4, 1919 г. № 13—14, 1921 г.; „Русск. Арх.“ 1915 кн. I; „Культура театра“. 1921 г., II; „Из Архива Достоевского“ изд. Центрархива. М 1923 г.; „Известия Москов. Литературно-Художественного Кружка“. Вып. 8—9. 1914 г.; „Русский Библиофил“. 1915 г. кн. III; „Архив с. Карабихи“. М. 1916 г; „Вестник Европы“. 1916 г. кн. 10; „Ежегодник Петрогр. Госуд Театров“. Сезон 1918—1919. П. 1922; „Театральная газета“. 1914 г. № 36. Кроме того дальше будут мною указаны письма в сборниках, посвященных памяти Островского.

Здесь же укажу работу:

Морозов П. О.: А. Н. Островский в его переписке. „Вестник Европы“, 1916.

В отдел писем отнесу и изданную Б. Л. Модзалевским „Альбомную запись Островского“. „Бирюч Петроградских государственных

театров". Сборник статей под редакцией А. С. Полякова. Июнь—август. 1919 г. Стр. 142–143.

Библиография литературы об Островском.

1. И. Владиславлев. Русские писатели XIX—XX ст. Опыт библиографического пособия. Изд. III. М. 1918 г.

2. Б. Л. Модзалевский. Из архива артиста М. И. Писарева. — „Ежегодник Петроградских Государственных Театров". Сезон 1918–1919 гг. В обширном примечании дана библиография писем Островского.

3. Н. К. Пиксанов. Студия по истории русского театра. Журнал „Культура театра", 1922 г. № I—2. Дана библиография к следующим четырем темам: 1. Приемы творчества у Островского, 2. Народно-поэтическая стихия у Островского, 3. Островский и почвенники из „Москвитянина", 4. У кого учился Островский?

4. Пиксанов. Островский. Литературно-театральный семинарий. Иваново-Вознесенск. 1923 г. Книгоиздательское товарищество „Основа". В обращении к учащимся проф. Пиксанов дает ряд практических указаний студентам, как следует приступать к разработке предложенных составителем семинарских работ. В главе „Введение в изучение Островского" дается обзор работ по Островскому: 1. библиографических работ; 2. обзор текстового фонда: сочинения, письма; 3. обзор работ по биографии; 4. историко-литературных работ; 5. работ по сценической истории Островского; 6. наконец, разбор критических статей об Островском. Далее идет краткий летописец жизни Островского, затем отдел „Островский в печати" и отдел „Сценическая хроника Островского". Здесь отмечены даты первых представлений в Московском Малом, Александринском, Суворинском и Московском Художественном театрах с обозначением исполнителей ролей. Затем идут библиографические отделы: библиография писем Островского, библиография воспоминаний об Островском и, наконец, систематическая библиография, расположенная в порядке определенных тем.

Вот эти темы:

1. Островский и почвенники из „Москвитянина". 2. Социально-политическое миросозерцание Островского. 3. Культ Островского и его идеологическая стилизация у московских почвенников. 4. Радикальная стилизация Островского у Добролюбова. 5. Островский под цензурой. 6. Первое собрание сочинений Островского 1859 г., как творческий момент. 7. Купечество в русской драме XVIII века. 8. Социологический анализ купеческих пьес Островского. 9. Бытописатели купечества. П. И. Мельников-Печерский и его повесть „Красильниковы". 10. Бытописатели купечества. С. Найденов и его пьесы (в аналогиях с театром Островского). 11. Островский и мелодрама. 12. Чиновничий мир в пьесах Островского. 13. Экскурс. Комедия В. А. Соллогуба „Чиновник" и новые веяния в театре 50-х годов. 14. Театральный мир в изображении Островского. 15. Народно-поэтическая стихия у Островского. 16. Скриб и его усвоение русским театром. 17. Старый русский водевиль. 18. Д. Т. Ленский и его театр. 19. Жанр драматических пословиц и Островский. 20. Творческая история „Грозы". 21. Островский и передвижники-жанристы. 22. Бытовик или символист? 23. Островский теоретик. 24. У кого учился Островский? 25. Приемы творчества у Островского. 26. Ремарки в пьесах Островского. 27. Поэтика заглавий у Островского. 28. Русская историческая драма до Островского. 29. Исторические драмы Островского. 30. Пров Садовский в пьесах Островского. 31. Островский и Щепкин. 32. Островский и Бурдин. 33. Островский и Некрасов. 34. Островский и Писемский. 35. Сверстники Островского. М. Н. Владыкин и его пьеса „Купец лобазник, или выгодная женитьба". 36. Спутники и последователи Островского в народно-бытовой комедии. 37. Драматургия А. А. Потехина. 38. Школа Островского, драмы П. Н. Невежина. Библиография составлена тщательно,

Рецензия Б. Томашевского в „Книга и революция“. Год III, № 4 (28), 1923. Стр. 52—53.

5. Справочник и памятная книжка сценических и театральных деятелей на 1923 г. Под редакцией Лучинина. В книжке помещены: 1. Справочные сведения по библиографии А. Н. Островского. 2. Список оригинальных драматических произведений А. Н. Островского. 3. Список произведений, написанных Островским совместно с другими драматургами. 4. Список драматических произведений Островского с позаимствованными сюжетами. 5. Список переводных драматических произведений Островского. 6. Музыка на слова Островского.

Рецензия А. Борского в „Книга и революция“. Год III. 1923. № 2 (26). Стр. 19—20.

6. В № VII 1922 г. журнала „Печать и революция“ вышла библиография работ по истории литературы, Ефимова. Там между прочим имеется библиография работ об Островском, вышедших за время революции.

7. Линин: „Литература об Островском“. Владикавказ.

8. В библиографическом обзоре С. Балухатого „История новой русской литературы за годы 1917—1924“, помещенном в „Slavia“. Roč. III. S. 4. 1924., отмечены новые работы и об Островском. (Стр. 735—736).

Критическая и научная литература.

Остановлюсь сначала на работах по истории русской литературы, русской драмы и русскому театру, в которых уделено место и произведениям Островского.

1. Варнеке. История русского театра. Изд. II. Петербург 1914 г. В книге отведено большое место театру Островского.

2. Отметим, что за это время вышло два новых издания сборника Ю. Айхенвальда „Силуэты русских писателей.“ Новая литература IV изд. 1916 г. V изд. 1923 г. Берлин К-ство „Слово“. Один из силуэтов рисует Островского. Проф. Ю. Айхенвальд дает отрицательную оценку творчества Островского.

3. Игнатов. Психика русского театрального зрителя 60-ых годов. Вестник Европы. 1916 г. кн. 9. В статье между прочим говорится об отношении театрального зрителя к Островскому. Стр. 271—275.

4. Суворин А. С. Тетральные очерки. Петербург, 1914 г.

5. И. Замотин. Накануне Островского. Русская драматургия 20—40 годов. Труды Белорусского Государственного Университета. 1923 г. № 4—5. Минск. стр. 171—190. Несколько страниц посвящено театру Островского.

Работы, посвященные общей характеристике творчества Островского:

1. Томашевский. А. Н. Островский. Журнал „Книга и революция“. Год III. 1923. № 2 (26). Небольшая, но одна из самых ценных, работа об Островском, намечающая новые пути в исследовании литературного значения Островского.

2 В 1923 г. вышла большая работа Н. Н. Долгова. А. Н. Островский. 1823—1923. Жизнь и творчество.—Критика.—Сценические образы. Государственное Издательство. Москва-Петербург. 1923. Стр. 272 + 1 портрет.

Привожу содержание этой книги: Происхождение Островского. Детские годы. Университет. Служба. Первые пьесы и наброски. Комедия „Свои люди сочтемся“. Успех ее на литературных чтениях. Кружок „Молодой редакции „Москвитянина“. Демократизм, как высший принцип. Цензурные преследования. „Бедная невеста“. „Не в свои сани не садись“. „Бедность не порок“. „Не так живи, как хочется“. Бури в критике. Театр в ожидании писателя — реалиста. Первые успехи на сцене. Единодушный отзыв печати. Друзья и враги. Уход из „Москвитянина“. Островский в Петербурге. Литературные и театральные круги. Новые веяния и творчество

писателя. Поездка по Волге. „Гроза". Негодование старых эстетов. Смерть Мартынова. Забракованная пьеса. Постановка комедии „Свои люди сочтемся". Условия театральной работы. Поездка заграницу. Неудачи с исторической драмой. Островский среди своих героев. „Шутники" и „Воевода". Островский и печать. Поездка по Волге. Артистический кружок. Слишком реальная пьеса. „Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский". Спор из-за пьес. Драма писателя или драма театра. Расхождение с композитором Серовым. Либретто „Грозы". Сотрудничество с директором театра. Мир бюрократии. Буржуазия нового склада. „Лес". Последний самодур. Дух творчества. Двадцатипятилетний юбилей. Сборник переводных пьес. Тип скупца в обрисовке Островского. Пьеса к 200-летию русского театра. „Снегурочка". Нечуткость печати. Новые сюжеты и старые темы. Характер творчества. „Бесприданица" в истории творчества Островского. „Сердце не камень". Пушкинские торжества. „Невольницы". Мечты о зрителе — народе. Взгляд на искусство актера. Последние пьесы. Театр и творчество. Островский во главе Московских театров. Болезнь. Смерть.

Книга ценна между прочим тем, что в ней собрано воедино большое количество отзывов современников Островского (критиков, артистов и т. п.) о его пьесах. По этим отзывам можно составить довольно ясное представление о том новом, что привнес Островский в русский театр.

Рецензии А. Борского в „Книга и революция". Год III. № 2 (26). 1923. Стр. 19, и Н. Кашина в „Печать и революция" 1924. Книга третья. Стр. 242—244.

3. Носков Н. Д. Наш долг. Журнал „Бирюч Петроградских Государственных театров". Сборник статей под редакцией А. С. Полякова. Петроград. 1921 г. Стр. 97—110. Носков указывает на недостаточное внимание, уделяемое учеными Островскому, и призывает к планомерному изучению драматурга.

4. А. И. Малеин. Островский и античная комедия. Бирюч. 1918 г. № 8.

5. Кашин Н. Смена классов в русском обществе по произведениям А. Н. Островского. К столетию со дня рождения. Статья напечатана в журнале „Печать и революция". Третья (апрель — май) книга. 1923 г.

6. Н. П. Кашин. А. Н. Островский во французской литературе. Журнал Мин. Нар. Просвещения, 1915 г. кн. X и XI.

7. В „Известиях русского языка и словесности Российской Академии Наук", т. XXIV, кн. 2. 1919 г. вышла работа проф. Варнеке „Творчество Островского", стр. 173—187. Проф. Варнеке разбирает 16 пьес Островского, в которых разработан один и тот же сюжет — женщина жестоко платится за свою любовь к мужчине, причем в большинстве пьес выбор героини падает на мужчину совсем недостойного ее любви. Во второй части рассматривается тот же сюжет в пьесах Островского, но примененный к мужчине. Мужчина страдает из-за любви к женщине.

8. Статья П. П. Гнедича. Переоценка III. Островский. „Жизнь Искусства" 1922 г. № 32—855 — 15 -21 августа.

9. Б. В. Варнеке. Заметки об Островском. „Русский Филологический Вестник" 1917 г. кн. I, III и IV.

10. А. А. Кизеветтер, Споры об Островском. Сборник „На чужой стороне". Берлин 1923 г., стр. 175—192.

11. Федор Комиссаржевский. Власть быта. — Сборник статей „Театральные прелюдии" М. 1917 г. Комиссаржевский рисует Островского, как „символиста" быта. Комиссаржевский, один из первых режиссеров, начавший стилизовать на сцене пьесы Островского и отступивший от традиции Московского Малого Театра. Он же один из первых выступил в печати, трактуя Островского, как символиста, в статье „Островский психолог быта". „Маски" 1913—1914. № 1.

За и против толкования пьес Островского, как пьес символических, кроме Комиссаржевского писали:

12. Ю. Слонимская. Театр Островского. „Ежегодник Имп. Театров“ за 1915 г.

13. А. И. Южин-Сумбатов. Романтизм и Островский. „Театральная газета“. 1914 г. №№ 35–43.

14. Б. В. Варнеке. Воображаемый Островский. „Русский Филологический Вестник“. 1916 г. I–II.

15. А. Е. Редько. К попыткам освободить Островского от быта. „Русские записки“ 1917 г. I.

16. В. Г. Сахновский. Театр А. Н. Островского. М. 1920 г.

17. Н. П. Кашин. Символика Островского. „Жизнь“. Литературный, художественный и научно-популярный журнал. Москва. 1922 г. №№ 3, 5–26 стр. Автор показывает, как Островский в качестве символов использует песни, пересказы сна, фамилии действующих лиц, название пьес и т. п. Символы эти освещают ту или иную подробность его пьесы, ту или иную черту в личности персонажей, делают намек на какое-либо событие, имеющее быть в дальнейшем ходе пьесы и т. п. Некоторые примеры, приводимые Кашиным, неубедительны. С другой стороны, Кашиным далеко не исчерпан весь „подходящий сюда материал“.

18. В Киеве были прочитаны два научных доклада об Островском: А. Лобода „Островский и наше время“ и П. Рулин „Островский и современный ему театр“.

На сколько мне известно, доклады эти нигде напечатаны не были.

Сведения об этих докладах взяты мною из „Наукові Записки“. Орган Київських науковых дослідчих катедр. Т. І. Всеукраїнська Академія Наук. Київ. 1923 р.

19. Д. К. Петров. „Слово в память А. Н. Островского“. Известия отделения русского языка и словесности Российской Акад. Наук. Том XXVIII. Ленинград. 1924 г. Стр. 1—8.

20. В том-же номере „Известий“ (Стр. 9—70) помещена ценная работа Георгия Синюхаева — „Островский и народная песня“. Автор поставил задачею — „указать подлинные образцы народной песни, записанные или избранные Островским и помещенные целиком или в отрывках в полном собрании его сочинений, и отыскать и, если можно, выяснить те песенные стихотворения, которые, выражаясь слогом Пушкина, он „смастерил сам“ на основе усвоенных им элементов народного песнотворчества“.

Подводя итоги своей работы, Синюхаев приходит к следующим выводам: „Островский был большим знатоком народной песенной поэзии, которую стал любовно изучать еще с середины 40-х годов. Песни, вложенные им в уста действующих лиц его пьес, относятся в большинстве случаев к числу подлинно-народных. Островский предпочитает книжным текстам собственные записи песен. Иногда Островский сознательно прибегает к стилизации народных песен. Кроме богатого подбора народной песенной поэзии, мы находим у Островского прекрасные образцы сказки, пословиц, прибауток, загадок и безчисленное множество „круглых словечек“. Яркие следы народных песен заметны также в языке действующих лиц некоторых пьес“. При сравнении песен, вошедших в пьесы Островского, с народными песнями, автор привлекает большое число сборников народных песен, старые „песенники“ и собственные записи народных песен. Странно только, что при своем сравнении автор не пользовался сборниками лирических песен, собранных П. В. Киреевским, и сравнительно недавно опубликованных под редакцией ак. В Миллера и проф. Сперанского. Ведь мы имеем указание, что Островскому, вероятно, были известны материалы Киреевского. (См. Кашин: „Этюды“ I Стр. 277—8). Собрание Киреевского следовало бы привлечь еще и потому, что в нем имеются записи песен московской губернии и г. Москвы.

Работа Синюхаева не лишена и крупных методологических ошибок. Так мы не считаем достаточно доказательными заключения Синюхаева такого типа: „Так как эту песню поет простая деревенская девушка“ (— „А пошто я тебе пойду?“ — говорит она Леониду) то о подлинности

ее говорит не приходится". Стр. 31. Подобное же заключение о подлинности песни Груши и Еремки на стр. 28. Там, где Синюхаев стремится доказать, что сочиненные Островским песни очень близки к подлинно-народным, желательно было бы видеть точное указание на сходство в форме и содержании подлинно народных и сочиненных Островским песен, так как одни только импрессионистические заявления автора статьи о сходстве между этими песнями едва ли могут удовлетворить читателя.

21. Скворцов Б.: А. Н. Островский в оценке И. С. Тургенева. „Казанский Библиофил". 1923 г. Казань. Изд. А. Т. ССР. Стр. 79—82.

22. В книге Евг. А. Зноско — Боровского — „Русский театр начала XX. века" (Изд. Пламя. Прага.) в I-ой части глава VI, озаглавленая „Торжествующий реализм" — посвящена творчеству Островского. Стр. 65—82. Рец Н. Мельниковой-Папоушковой на эту книгу в „Воля России". 4-ый год издания. VI. 1925. Прага. Стр. 216—217. и ее же в „Slovanský přehled" č. 3. Roč. XVII. Str. 232—233.

23. Рулін. П. „Українські мотиви у О. Н. Островского". Україна. Науковий трьохмісячник українознавства. Під редакцією акад. Михайла Грушевського. Книга 4. 1924. Стр. 88—92. Державне відавництво України. 1924.

Автор рассматривает образы „хохла-будочника" в рассказе Островского „Записки замоскворецкого жителя" и те влияния, под какими создался у Островского этот образ. Кроме того, Рулин останавливается на переводе Островским пьесы Квитки „Щира любов" и на поездке А. Н. Островского на Украину в 1860 году.

Исследования об отдельных пьесах Островского.

1. Морозов Ю. П. Новое о „Грозе" Островского. „Голос Минувшего". 1914 г., кн. 9. Стр. 209.

2. Гудзий Н. К. Прототип Кулигина. Из литературной истории „Грозы" Островского. Статья вошла в Историко-литературный сборник, посвященный Всеволоду Измайловичу Срезневскому 1891—1916 г. Изд. Отделения Русского Языка и Словесности Российской Академии Наук. Ленинград 1924 г.

Автор статьи указывает, что прототипом Кулигина был известный механик — самоучка И. П. Кулибин.

3. М. Григорьев. Гроза быта. Родной язык в школе. Научно-педагогический сборник под ред. А. М. Лебедева. Книга 4. 1923 г. Москва. Издательство В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых. Стр. 10—15. Статья научного интереса не представляет.

4. О „Грозе" Островского. Режиссерские заметки В. Сахновского. Литературный журнал „Жизнь" 1922 г. №№ 3—5, Москва. Стр. 120.

5. Р. Старый „Лес" Александринского театра. „Бирюч". 1918 г. № 8.

6. Н. Носков. К юбилею „Леса". Жизнь искусства. 1921 г. № 823, 27 Дек.

7. О новых постановках „Грозы" в Московском Камерном театре под режиссерством Таирова и „Лесе" в театре Мейерхольда вышло несколько статей. Отмечу работу, в которой говорится об этих постановках, Смирнова Проблема современного театра. „Русский Современник". Книга II. Стр. 246—257.

В частности, о постановке „Леса" в театре Мейерхольда укажу следующие статьи: Марков П. А. — Московская театральная жизнь 1923—1924 гг. „Печать и революция". Кн. 4. 1924 г. Стр. 130—140. Проф. Ив. Гливенко — О „Лесе" Мейерхольда. „Октябрь". Литературно-художественный и общественно-бытовой журнал Московской ассоциации пролетарских писателей. № 2 июль—август 1924 г. Госиздат. Стр. 176—182. Н. Ш. Из-за леса „ЛЕС", Журнал „Искусство и промышленность". № 2, 1924 г. Стр. 69—70.

О постановке и по поводу постановки „Грозы“ в Камерном театре укажу статьи: Марков, П. А. Московская театральная жизнь 1923—1924 г. „Печать и революция“. Кн. 3-я. 1924 г. Стр. 139—148. Целый ряд статей о „Грозе“ — вышел в газете, издаваемой Московским Камерным театром под названием: „7 дней МКТ“. Выпуск еженедельный. В № 13 1924 г. вышли статьи: Сергей Игнатов — „Русская национальная драма“ и С. Кржижановский. — „Этюды об Островском“. В № 14 — С. Кржижановский. „Этюды об Островском“. Без подписи — К постановке „Грозы“. В № 15 — С. Игнатов. — „Гроза — трагедия русского быта“. В № 17 — Александр Таиров. — „Мы ставим Грозу“ (Диалог). В № 19 помещены рисунки из постановки „Грозы“ и обзор печати, где приводятся рецензии из газет об этой постановке. Здесь я не привожу библиографию других газетных статей о новых постановках „Грозы“, „Леса“ и „Доходного места“.

8. Поляков А. С. Первая постановка „Доходного места“. Бирюч. 1918 г.

9. Мирон Коган. „Мещанин в дворянстве“ Мольера и „Бедность не порок“ Островского. „Филологические записки“ за 1914 г.

10. Сергей Обручев. Островский и Чижевский. Журнал „Печать и революция“ 1924 г. Кн. третья, стр. 131—135. Обручев сопоставляет недавно вышедшую в свет комедию Чижевского „Сиволапинская комедия“, в которой драматург пытается изобразить быт современной деревни, с комедией Островского „Свои люди сочтемся“ и констатирует рабское заимствование Чижевским у Островского языка, фабулы и фактуры пьесы.

11. Ф. Д. Батюшков. Генезис „Снегурочки“ Островского. Журнал Министерства Народного Просвещения. 1917 г. кн. 5-ая. Автор указывает фольклорные источники этой пьесы и сопоставляет героев этой пьесы-сказки с персонажами бытовой пьесы „Не в свои сани не садись“.

12. Т. Глаголева. „Снегурочка“ А. Н. Островского. Опыт анализа. В статье приводятся из русского фольклора параллели к отдельным местам „Снегурочки“.

Мы полагаем, что ближайшей задачей изучения „Снегурочки“ Островского является изучение не только влияния русской народной поэзии на эту пьесу Островского, но и современных Островскому научных и полунаучных мифологических построений, отразившихся в этой сказке-драме.

13. Мирон Коган. „Воевода“ Островского и „Разбойники“ Шиллера. Киев 1915 г.

14. Н. П. Кашин. Драматическая хроника А. Н. Островского „Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский. Опыт изучения хроники. Журнал Министерства народного просвещения. 1917 г. кн. 6 7. Кашин дает описание рукописи хроники, принадлежавшей графу С. Д. Шереметеву, затем сравнивает хронику с историческими данными, какие были известны о смутном времени в то время, когда Островский творил свою пьесу, и которые отразились в этой драме.

15. Исторической пьесе Островского посвящена и статья проф. А. А. Кизеветтера „Островский о начале русского театра“ в сборнике статей проф. Кизеветтера „Театр“. Москва 1922 г. изд. Задруга. Проф. Кизеветтер останавливается на разборе комедии „Комик XVII в.“ и отмечает прекрасное знание Островским языка и быта XVII в.

16. Спиридонов В. С. Забытая страница из деятельности Островского. Бирюч. 1919 г. №№ 19—20. Спиридонов указывает забытые статьи Островского, в свое время напечатанные Островским в Погодинском „Москвитянине“.

17. Долгов. Лучшая пьеса Островского. „Ежегод. Императ. Театров“. 1914 г. № 3. стр. 72.

Критические статьи об Островском Добролюбова и Аполона Григорьева.

За это время были перепечатаны и вновь напечатаны произведения критиков Островского Добролюбова и А. Григорьева

1. Н. А. Добролюбов „Темное царство“. Классики русской литературы Госуд. Изд. стр. XXIII + 213 М. — П. 1923 г. К статье Добролюбова приложены две статьи И. Кубикова „Н. А. Добролюбов и Темное царство“ и „Луч света в темном царстве“.

2. Н. А. Добролюбов „Луч света в темном царстве“. Классики русской литературы Госуд. Изд. стр. 112 М. — П. 1923 г. На обе книги рецензия Б. Томашевского в „Книга и революция“ № 4, 1923 г. Стр. 52.

3. Заграницей переиздано „Темное царство“, изд. „Альфа“. Юрьев.

4. О Добролюбове вышла работа: Н. Н. Долгов. Добролюбов о „Темном царстве“ и позднейшая критика об Островском. Автор останавливается на разборе статьи Добролюбова „Темное царство“ и критических статей А. Григорьева, О. Миллера, Незеленова и др. „Бирюч“ Петроградск. Госуд. театров. Сборн. статей. Петроград. 1921 г. Стр. 51—72.

За годы от 1915- 1918 вышел ряд изданий сочинений А. А. Григорьева:

5. Под ред. В. Ф. Саводника М. 1915 г.

6. Стихи А. Григорьева под ред. А. Блока. Изд. Н. Ф. Некрасова М. 1916 г.

7. Полное собрание соч. и писем Ап. Григорьева под ред. Вас. Спиридонова. Изд. А. П. Иванова. Петроград, 1918 г.

8. Статья А. А. Григорьева „О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене“. Статья в свое время была запрещена и впервые появилась в печати только в 1920 г. с примечаниями В. Спиридонова, в „Ежегоднике Петроградских Государственных Театров“. Сезон 1918—1919 г., стр. 175—196.

О сочинениях Григорьева вышли следующие работы:

9. Спиридонов В. С.: А. Н. Островский в оценке А. А. Григорьева. Разбор критических статей, написанных А. Григорьевым об Островском. „Ежегодник Петроградских Государственных Театров“. Сезон 1918—1919 г. под редакцией А. С. Полякова.

10. Долгов Н. Н.: Ап. Григорьев, как театральный рецензент. „Ежегодник Императорских театров“ 1914 г. V. стр. 38—96.

11. Долгов Н. Н.- Ап. Григорьев и театр. „Русская мысль“ 1914 г XI.

Кроме того вышел сборник:

12. Русские критики об Островском. С предисловием Н. Мещерякова. Госуд. Изд. Москва-Петроград. 1923 г. 298 стр. В сборник вошли статьи об Островском только трех критиков Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и Г. В. Плеханова. Предисловие написано Мещеряковым пристрастно и грешит против фактов. См. подробную и ценную рецензию Б. В. Томашевского. „Книга и революция“ 1923 г. III № 4(28). Госуд. изд. Москва-Петроград. Стр. 51—52.

Актеры-исполнители ролей Островского.

Об актерах, создателях ролей Островского вышли следующие работы:

1. Н. Эфрос. Пров Садовский. Опыт характеристики. П. 1920 г. 4 46: '. Художественное издательство „Светозор“. П. М. Садовский считается одним из самых лучших истолкователей ролей Островского. Рецензия на эту книгу А. П. в „Бирюче“ 1921 г.

2. Дризен Н. В. — П. Далматов в некоторых ролях своего репертуара „Ежегодник императорских театров“ 1914 г. вып. 2, стр. 68.

3. Кизеветтер А. А., проф. - М. С. Щепкин. Эпизод из истории русского сценического искусства. Изд. „Пламя“, Прага. 1925. Стр. 162.

Первое издание этой книги появилось в Москве в 1916 году. Рецензия на второе издание Н. Мельниковой-Папушковой в журнале „Slovanský Pře-

hled" Roč. XVII. č. 2. Стр. 147—148. и ее же рец. в „Воля России" V. 1925. Стр. 209—211.

4. М. А. Щепкин. Михаил Семенович Щепкин. 1788—1863 г. г. Записки его, письма, рассказы, материалы для биографии и родословная. СПБ. 1914 г. Письма М. С. Щепкина к сыну и особенно к Галахову важны для характеристики отношений Щепкина к Островскому.

5. М. Читау-Кармина: П. А. Стрепетова. (Воспоминания). „На Чужой стороне". № VII стр. 33.

6. Старк Э. — Царь русского смеха. К. А. Варламов. Петербург 1916 г.

7. Об артистах Варламове, Ленском и Федотовой в ролях пьес Островского несколько замечаний находим в книге проф. А. Кизеветтера „Театр" Москва 1922 г. „Задруга".

8. Об отдельных исполнителях ролей в пьесах Островского в московском Малом театре целый ряд указаний можно найти в юбилейном сборнике, вышедшим в память столетия существования Малого театра. „Московский Малый театр" 1824—1924. Москва. Гос. издат. Стр. 709. Особенно ценны в этом отношении статьи: Бродского Н. Л. „В Малом театре 50—70-х годов", С. К. Шамбинаго — „Островский и Садовский". и П. Н. Сакулина — „Малый театр в последнюю четверть XIX века".

9. Кара-Мурза. С. Т. Малый театр. Очерки и впечатления. Издание автора. Москва. 1924. Стр. 272. В книге дан целый ряд характеристик творчества отдельных актеров Малого театра.

На юбилейный сборник Малого театра и на книгу Кара-Мурзы см. резенцию В. Волкенштейна. „Печать и революция". 1925. Кн. 2. Стр. 293—294.

10. О постановках Островского в московском Художественном театре см. Н. Эфрос: „Московский Художественный Театр". Госиздат Москва-Петербург. 1924.

11. Об исполнении Станиславским отдельных ролей в пьесах Островского см. Н. Эфрос. „Станиславский". Опыт характеристики. Петербург, 1918 г.

Сборники исследований об Островском, вышедшие в память столетия со дня рождения.

1. Памяти А. Н. Островского. Сборник статей об Островском и неизданные труды его под редакцией засл. режиссера Е. П. Карпова, проф. Петроградского Университета Д. К. Петрова, ученого хранителя Пушкинского дома при Росс. Академ. Наук М. Д. Беляева и зав. Центральной Библиотекой Русск. Драмы Петроград. Акад. Театров А. С. Полякова. С портретом Островского и иллюстрациями Н. М. Боклевского, И. Шерлеманя, П. Бламбина, Д. С. Стелецкого и И. А. Всеволожского. 1823 $\frac{\text{31 марта}}{\text{13 апреля}}$ 1923 г. К столетию со дня рождения. Петроградское общество имени А. Н. Островского. Книгоиздательство „Путь к знанию". Петроград. 1923 г. стр. 276. По содержанию сборник разделяется на три отдела: к первому относятся статьи, характеризующие творчество Островского; ко второму-работы, касающиеся его биографии и, наконец, к третьему — неизданные переводы А. Н. Островского, произведения Теренция, Сервантеса, Макьявелли; здесь же помещены отдельные варианты к его оригинальным драмам и комедиям и др.

В первом отделе большой интерес представляет до сих пор не появлявшийся в печати очерк И. А. Гончарова о драмах Островского. Гончаров берет под свою защиту последние пьесы Островского и считает их „не хуже прежних", а пьесы „Не все коту масленица", „Последняя любовь" относит к группе лучших произведений Островского. Холодность, с которой принимала публика последние пьесы Островского, Гончаров объясняет тем, что Островский пишет „все одну картину, одну и одну. Зритель начинает утомляться. Картина громадна, писать больше нечего. При-

ходится продолжать ее, одну ее, другого Островский писать не может. Картина эта „Тысячелетний памятник России“. Одним концом она упирается в доисторическое время („Снегурочка“), другим останавливается у первой станции железной дороги, с самодурами, поникшими головой перед гласным судом, перед нагрубившим ему строкулистом племяником“. Гончаров заявляет „если популярность Островского не громка, т. е. далеко звенящее эхо не разносит по всем концам России его имени, как оно разносило имена Пушкина, Гоголя, хотя в Москве оно также популярно как имя папы в Риме, то с другой стороны в удел ему достанется другое, более прочное благо — это долговечность.“

Интересно указание Гончарова на то, что Островский остался совершенно чужд и непонят современным ему „высшим кругом общества“ и что „бель-этажи театра во время представлений его пьес, большей частью, заняты людьми незначительными, в сенях не толпятся, как например в опере или в Михайловском театре, лакеи с гербами на ливрее“.

Вторая статья „Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский“ принадлежит перу покойного проф. П. О. Морозова. Проф. Морозов находит, что в этой исторической хронике Островскому, благодаря прекрасному знанию русского быта и языка XVII века, удалось оживить давно минувшее бурное время.

Гнедич в статье „Олеарий, Корб и Островский“ указывает на сходство картин, описанных Олеарием и Корбом (виденных ими при своем путешествии по Москве), с картинами из пьес Островского.

Проф. Б. Варнеке в статье „Стиль Островского“ считает, что Островский по своему стилю ближе всего подходит к художнику Перову, и думает, что „только в тонах, манере и ритме этого направления живописи театр найдет материал для внешнего воплощения пьес Островского.“

Боцяновский в статье „Любим Торцов“ дает характеристику Любима Торцова и сравнивает его с героями романов Достоевского.

Режиссер Е. Карпов в статье „П. А. Стрепетова-Катерина в драме Островского“ дает воспоминания об игре Стрепетовой в „Грозе“. В. Бороздин дает воспоминания о провинциальных актерах времени Островского, послуживших образцами драматургу при изображении в его пьесах актеров.

Далее идут статьи биографического характера.

М. Беляев в статье „Газетная травля“ разбирает вопрос об обвинении Островского в том, что он замолчал участие в своей пьесе „Свои люди сочтемся“ — Горева-Тарасевича, и газетную травлю поднятую по этому поводу.

Кашин. Страничка из биографии Островского. По поводу первой постановки хроники А. Н. Островского „Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский“. В статье рассказывается, с каким трудом удалось добиться Островскому постановки вышеназванной пьесы на Императорских сценах.

Г. Т. Синюхин в статье „Болезнь и смерть Островского“, описывает последние дни драматурга.

Третья часть — материалы.

А. С. Поляков приводит три неизданых письма Островского.

Затем идут „Материалы для изучения текста произведений А. Н. Островского“. Описание М. О. Пишкевича и А. Н. Гладцыной с предисловием А. С. Полякова. Даются разночтения рукописей Островского сравнительно с последним изданием „Просвещения“ под редакцией М. И. Писарева и первопечатными текстами. При сравнении не приняты во внимание варианты в работах Кашина и Безобразова. Приводится разночтение следующих пьес Островского: 1. Бедность не порок. 2. В чужом пиру похмелье. 3. Горячее сердце. 4. Гроза. 5. Комик XVII столетия. 6. Кошке игрушки, мышке слезки (Воспитанница). 7. На бойком месте. 8. На всякого мудреца довольно простоты. 9. Поздняя любовь. 10. Последняя жертва. 11. Сердце не камень. 12. Шутники. Затем идет статья Д. К. Петрова — Неизданные труды Островского. Далее

приводится статья Островского о Лопе-де-Вега с примечаниями Д. К. Петрова. Наконец, идут переводы А. Н. Островского: Комедия Теренция „Гецира“ („Свекровь“) с предисловиями и примечаниями Малеина; интермедия Сервантеса „Вдовый мошенник“ с предисловием и примечаниями Б. А. Кржевского; Комедия Макиявелли „Мандрагора“ с предисловием и примечаниями Д. К. Петрова. Книга снабжена интересными иллюстрациями и портретом Островского с редкой фотографии 70-х годов.

Рецензия А. Борского в журнале „Книга и революция“ Год III. 1923. № 2 (26), стр. 18—19.

2. Александр Николаевич Островский. 1823—1923 г. Сборник статей к столетию со дня рождения под редакцией проф. П. С. Когана. Книгоиздательское общество „Основа“. Иваново-Вознесенск. 1923 г. 163 стр.

1. И. И. Смирнов. Александр Николаевич Островский. Дается краткий очерк жизни и творчества Островского. 2. Н. Кашин. Мартиролог А. Н. Островского. В статье рассказывается о тех затруднениях, какие приходилось преодолевать Островскому, чтобы добиться постановки своих пьес на Императорских сценах. Здесь же приведены „данные о постановке каждой пьесы в хронологическом порядке“ по мере появления на сцене. 3. П. С. Коган. Темные лучи в светлом царстве. (К вопросу о классах в поэзии Островского). П. С. Коган безуспешно стремится доказать, что все пьесы Островского являются отражением славянофильства. 4. С. Шамбинаго. Пучина. С. Шамбинаго сопоставляет купцов Островского с Хорем Тургенева и дает характеристику „царства“, изображенного Островским, которое неверно (по мнению Шамбинаго) было окрещено Добролюбовым „темным“. 5. С. Елеонский. К истории драматического творчества А. Н. Островского. Елеонский сопоставляет пьесу Островского и Соловьева „Светит, да не греет“ с „Вишневым садом“ Чехова. 6. М. Сокольников. В усадьбе Островского. Передается описание усадьбы Островского в Щелыкове и разговоры об Островском со старыми обывателями Щелыкова, еще знавшими Островского. 7. И. Кубиков. Бытовое и вечное в пьесах Островского. Кубиков пытается социологически обосновать пьесы Островского. 8. Н. Пиксанов. Итоги и задачи изучения Островского. Статья эта была напечатана проф. Пиксановым в его книге „Островский“ под заглавьем „Введение в изучение Островского“.

Рецензия А. Борского в журнале „Книга и революция“ Год III. 1923. № 2 (26) Гос. изд. Москва-Петроград.

2. А. Н. Островский 1823—1923 г. Сборник статей под редакцией Б. В. Варнеке. Государственное Издательство Украины. Харьков. 1923. с. 194. (Содержание: 1. З. П. Чучмарев. Социально-экономический момент в творчестве Островского. (Опыт марксистского освещения). Работа научного интереса не представляет. 2. Б. В. Варнеке. Приемы творчества Островского. Варнеке отмечает, что Островский хорошо знал актеров и целый ряд ролей написан им, применяясь к индивидуальностям известных ему актеров. Далее Варнеке пытается наметить разницу в творчестве Островского и Гоголя. Затем останавливается на одном из излюбленных Островским сюжете; любовник жестоко платится за свою любовь. (Об этом сюжете подробнее в статье II-го Отделения Рос. Ак. Н. т. XIV, кн. 2-ая). Варнеке отмечает манеру Островского изображать сущность характера путем противопоставления противоположных характеров.

3. Кашин. К характеристике одного типа у Островского. Кашин рассматривает разновидност одного и того же типа пьес Островского, изображенного в лице Вихорева „Не в свои сани не садись“, Поля „Не сошлись характерами“, Глумова „На всякого мудреца довольно простоты“ и Баклушина „Не было ни гроша, да вдруг алтын“.

4. А. Де-Рибас. Первенец Островского „Свои люди сочтемся“. В статье говорится об изменениях, какие пришлось Островскому под влиянием цензурных условий внести в эту пьесу.

5. М. П. Алексеев. Пейзаж и жанр у Островского. Алексеев елает несколько замечаний о композиционном построении пьес Островкого и считает Островского по преимуществу жанристом. Алексеев отмеает влияние Островского на современных ему русских живописцев при ыборе ими сюжетов для своих картин. Затем останавливается на изобраении пейзажа в произведениях Островского.

Материалы:

6. М. П. Алексеев. А. Н. Островский в Одессе. В статье расказывается о пребывании Островского и артиста Мартынова в Одессе описывается банкет, устроенный в их честь в этом городе.

7. И. С. Зильберштейн. Неизданное письмо Островкого. Приводится с коментариями одно письмо Островского к Бурдину.

8. И. П. Перван. Островский на сцене. Упоминается ряд актеов — создателей ролей Островского и даются цыфры количества постановок ьес Островского на столичных сценах по сезонам. От сезона 1890—1891 г. 1910—1911 г.

9. Б. В.: Островский и Достоевский (библиографическая справка). В(арнеке) несоглашается с предположением издателя (A. Mazon'a) писем остоевского и Тургенева, напечатанных в первом томе Revue des études aves (1921 г. стр. 133). Проф. Mazon приписывает статью об Островском, апечатанную в июльской книжке журнала „Эпоха" 1864 г. Достоевскому. о мнению Варнеке, она принадлежит Аверкиеву.

Рецензия на сборник в „Книга и революция". Год III № 3. 1923.

4. Островский. К столетию со дня рождения. Юбилейный орник под редакцией А. А. Бахрушина, Н Л. Бродского и Н. А. Повa. Издание Русского Театрального Общества. Стр. 74 in 4°. Москва 1923.

Рецензия — „Книга и революция". Год III. № 3 (27). 1923.

5. Творчество А. Н. Островского. Юбилейный сборник под едакцией С. К. Шамбинаго. 1923 г. Москва-Петроград. Госиздат. Росс. кад. Художественных Наук. Театральная секция. 365 стр. Содержание орника следующее:

А. А. Фомин. Связь Островского с предшествующей аматической литературой. Фомин указывает, что Островский большой степени унаследовал художественные заветы драматургов пол. XVIII в. Лукина, Плавильщикова. Копьева и мн. других.

Н. П. Кашин. Отношение к Островскому западных сцен научной литературы. Кашин разбирает французские, английские немецкие критические и научные статьи об Островском и переводы его ес на эти языки. В работе рассмотрена только (кроме „Plays by Ostrovy". 1917) старая довоенная литература. Из старых работ Кашиным тались неотмечены переводы на английский язык пьес „Не сошлись хактерами" — „Incompatibility of Temper" и „Семейная картина" — „A Doestic Picture", которые вошли в сборник „The Humour of Russia" by L. Vognicz. London, New York. 1895 и немецкая работа об Островском: Scholz. Alexander Ostrovskij, помещенная в № 32 Magazin für die Literatur s In- und Auslandes. Begr. von. J. Lehmann. 55 Jahrg. S. 497—500. 1866.

В. В. Яковлев. Общественно-театральная деятельность стровского.

А. А. Фомин. Черты романтизма у Островского.

П. А. Марков. Морализм Островского.

Б. В. Варнеке. Островский и сценические исполнители.

В. Г. Сахновский. Влияние театра Островского на русое сценическое искусство.

Н. П. Кашин. Исторические пьесы Островского.

С. К. Шамбинаго. Из наблюдений над творчеством Осовского: а) Ночи на Волге, б) Театральный цех, в) Стиль.

Из статей проф. Шамбинаго наиболее интересна последняя статья — иль. С. К. Шамбинаго отмечает зависимость в пьесах Островского языка йствующего лица от его характера. Так, девицы, язык которых близок народному, обычно добродетельны, девицы с отрицательными чертами

в характере, испорченном внешне понятой культурой, говорят языком мещан, уснащая свою речь иностранными словечками.

Ценная рецензия на этот сборник напечатана Б. Томашевским в журнале „Книга и революция" Год III. № 4 (28). 1923. Стр. 50—51.

О всех вышеуказанных юбилейных сборниках вышла рецензия Юрия Соболева под названием Из юбилейной литературы об А. Н. Островском. „Печать и революция". 1924 г. Кн. 2. Стр. 260—264.

Наконец отмечу переводы пьес Островского на другие языки, вышедшие с 1914—1925 гг. и работы об Островском за это же время не на русском языке.

На чешском языке вышли переводы следующих пьес Островского:

1. **Бесприданница.** — Bez věna. Drama o čtyřech dějstvích. Přeložil dle vydání z r. 1896 Vincenc Červinka. S úvodem o významu a době autorově. Světová knihovna čís. 1283—85. V Praze. 1915. Стр. 141.

2. **Гроза.** — Bouře. Drama o pěti dějstvích. Přeložil dle petrohradského vydání z r. 1896 Vinc. Červinka. К переводу приложена: Úvodní poznámka k překladu „Bouře". Světová knihovna čís. 1309—10. V Praze. 1918. Стр. 100.

На сюжет „Грозы" была написана известным чешским композитором Яначком опера — „Káťa Kabanová". Либретто оставлено в прозе. Текст либретто „Káťa Kabanová" является сокращением перевода „Грозы", сделанного доктором В. Червинкой. Вся опера имеет три действия и шесть картин. Сам по себе текст оперы остался по сравнению с переводом Червинки, не считая купюр, почти без изменений, но роли Кулигина и Кудряша сведены воедино в роли Váňa Kudrjáš, učitel, chemik-mechanik и, кроме того, отдельные реплики присвоены не тем действующим лицам, как в оригинале. Нет в пьесе барыни с двумя лакеями, и ее роль исполняют голоса за сценой, отсутствует роль Шапкина.

Káťa Kabanová. Opera o 3 jednáních. Podle A. N. Ostrovského „Bouře" v překladu Vinc. Červinky. Hudbu složil Leoš Janáček. Klavírní výtah se zpěvy upravil Břetislav Bakala. Katja Kabanowa. Oper in 3 Akten. Nach A. N. Ostrowskijs „Gewitter" in der Übersetzung von Vinc. Červinka. Musik von Leoš Janáček. Klavierauszug mit Text von Břetislav Bakala. Ins Deutsche übertragen von Max Brod. Universal-Edition A. G. Wien—New York. 1922.

Имеется также и одно либретто оперы: Káťa Kabanová. Složil Leoš Janáček. Universální Edice. Čís. 7102. 1922.

Музыкальному разбору оперы: „Káťa Kabanová" посвящена статья И. Левенбаха — Чешская опера на русскую тему. „Воля России". Июль. 13. 1923. Прага. Стр. 62—77.

3. Nevolnice. Komedie o čtyřech dějstvích. Přeložil Vinc. Červinka. České divadlo. Svazek 20. Praha. 1920. Переводу предпослана статья „A. N. Ostrovskij a jeho dílo", написанная В. Червинкой.

4. **На всякого мудреца довольно простоты.** — I chytrák se spálí. Komedie o pěti dějstvích. Přeložil Vinc. Červinka. České divadlo. Svazek 27. Praha. 1921. Стр. 115. Перевод сопровождает „Úvodní poznámka", написанная V. Č.

5. В чешском театральном журнале „Jeviště" вышла статья Vinc. Červinky: Veselohra Ostrovského. (K provedení komedie „I chytrák se spálí" v květnovém cyklu moskevského „Uměleckého divadla" na Vinohradech). Jeviště. Ročn. II. 1921. Praha. Стр. 261—262.

Кроме того по поводу гастрольных спектаклей в Праге Московского Художественного театра, ставившего между прочим „На всякого мудреца довольно простоты", и по поводу спектаклей пражского русского Камерного театра, поставившего несколько пьес Островского, в чешских газетах вышел целый ряд статей о пьесах Островского и об их исполнении.

На польском языке вышла книга проф. Брюкнера „Historja literatury Rosyjskej. Tom drugi 1825—1914. Lwów—Warszawa—Kraków Wydawnictwo zakładu narodowego imienia Ossolińskich. 1923, в которой несколько страниц (280—289) посвящено Островскому.

В польском издании „Истории русской литературы“ проф. Брюкнер значительно изменил то, что он писал об Островском в „Ист. русск. литературы“, изданной на немецком языке. (Geschichte der russischen Literatur. Zweite Ausgabe. Leipzig. 1909. Это немецкое издание, переведенное на английский, чешский и русский языки, было переиздано, как стереотип, в 1921 г.). В польской книге проф. Брюкнер значительно меньше останавливается на пересказе содержания пьес Островского (в польском издании „Historja literat. Rossyjskej“ уделено вообще меньше места Островскому, чем в немецком), но зато значительно больше уделил здесь места оценке — в некоторых местах оригинальной и значительной — творчества Островского.

Литература об Островском и пьесы Островского на немецком языке.5

1. В 1922 году были изданы переводы, сделанные проф. Артуром Лютером, пьес „Грозы“ и „Снегурочки“. Meisterwerke der russischen Bühne. Übersetzt, eingeleitet und herausg. von A. Luther. Leipzig. 1922. Обеим пьесам Лютер предпослал подробные вступительные статьи.

2. По поводу этого перевода несколько строк отрицательной оценки „Снегурочки“ поместил Бернекер в Archiv für slavische Philologie. 38 Band, 3—4 Heft. Berlin. 1923. S. 277—278.

Из немецких работ, уделяющих внимание Островскому, укажу:

3. Arthur Luther. Geschichte der russischen Literatur Bibliographisches Institut. Leipzig, 1924.

На страницах (281—286), посвященных Островскому, дается общее представление о творчестве Островского, приводится пересказ и перевод нескольких отрывков из его пьес. Автор не высказывает оригинальных мыслей, но все же эти несколько страниц, написанные об Островском, надо признать весьма полезными, как информационный материал для немецкого читателя о русском драматурге.

4. Alexander Brückner. Russische Literatur. 1922. Jedermanns Bücherei F. Hirt in Breslau.

В этом сокращенном очерке русской литературы несколько страниц (57—59) посвящено творчеству Островского.

Переводы пьес Островского на английский язык.

1. Plays by Alexander Ostrovsky: 1. A protégée of the mistress (Воспитанница). 2. Poverty is no crime. (Бедность не порок). 3. Sin and sorrow are common to all (Грех да беда на кого не живут). 4. It's a family affair — we'll settle it owiselves, (Свои люди — сочтемся) a translation from the russian, edited by George Rapall Noyes. New York Charles Scribner's sons 1917. (Semicentennial publications of the University of California). Стр. 305.

Переводам пьес предшествует небольшое вступление (6 стр.), написанное G. R. Noyess, о творчестве Островского.

2. Кроме того, в конце 1923 года вышел перевод пьесы „На всякого мудреца довольно простоты“. A. Ostrovsky. Enough stupidity in a wise man. Englisch trans. by Jenny Covan. Moskow Art Theatre series of Russian plays. London, Brentano 1923. Стр. 102.

На итальянском языке вышли следующие переводы.

1. A. N. Ostrovskij. La foresta. Commedia in 5 atti. Trad. di Ettore Lo Gatto. Ricciardi ed Napoli. 1923. Pagg. 136.

2. Alessandro Ostrovskij. I lupi e le peccore. Commedia. Trad. Enrico Damiani (nella collezione „Scrittori italiani e stranieri“) s. d. 1924. pagg. 212.

На французском языке, насколько мне известно, с 1914 года, не вышло ни новых переводов пьес Островского, ни новых работ об Островском. Укажу только, что проф. Paul Boyer вел семинарии по комедии

Островского „Не в свои сани не садись“ в Славянском Институте в 1924 году.

Заканчивая обзор, я считаю долгом предупредить, что не претендую на его полноту. Делая этот обзор заграницей, я, естественно, мог пропустить не одну работу.

Прага. 10 июля 1925 г. *П. Богатырев.*

Slovanský Přehled 1914—1924. Sborník statí, dopisů a zpráv ze života slovanského. K šedesátým narozeninám Adolfa Černého uspořádali Antonín Frinta a František Tichý. V Praze 1925. Nákladem Orbis. str. 408.

Poměry nastalé vypuknutím války vedly nutně k tomu, že byl zastaven list, který byl před 25 lety založen od Ad. Černého, a tiskové i vydavatelské poměry nastalé v dobách poválečných nedovolovaly ještě obnoviti jej. Jest velmi vítati, že náhradou za tyto pravidelné zprávy o kulturním a veřejném životě slovanských národů, které přinášíval zaniklý časopis Ad. Černého, dostali jsme prací dvou někdejších jeho spolupracovníků dosti výstižný obraz činnosti Slovanstva za uplynulé desítiletí. Zatím redaktor toho listu dovršil 60. rok svého záslužného života i slavil nad to čtyřicetiletí své literární práce. A takto stal se tento sborník zároveň radostným projevem úcty a vděčnosti četných přátel, bývalých spolupracovníků i mladších sil váženému redaktoru a vydavateli.

Sborník podle toho rozpadá se ve 3 části. V první části oceňuje řada spisovatelů práci jubilantovu, blíže jest oceňována jeho práce věnovaná Lužičanům a též Slovincům. Nejcennější a nejobsáhlejší přirozeně jest stať Fr. Tichého: Dílo a osobnost A. Černého a téhož bibliografický seznam jeho prací jak vědeckých a publicistických, tak též literárních, básnických (str. 31—58).

V druhé části (str. 59—232) čteme velkou řadu studií, příspěvků literárněhistorických, jako: Hviezdoslav a Slovanstvo od P. Bujnáka (62—76), ocenění P. P. Dubrovského listu Dennica-Jutrzenka 1842—3 od Jiřího Horáka (77—85), Poměr srbské hierarchie k P. J. Šafaříkovi (164—182) od K. Paula a j. Velice jsou vítány přehledy slavistických studií v zemích neslovanských, jež jsou vhodně zahájeny pietním oceněním činnosti Louis Légera od A. Mazona (86—90), následují dosti obšírné přehledy slavistiky v Anglii, Německu a Americe od O. Vočadla (119—137), A. St. Mágra (95—117) a G. J. Vaškoviče (137—140). K tomu se druží vhodně článek L. Niederle Slovanský ústav v Praze (141—6), na jehož přípravách měl autor vynikající účastenství. Z ostatních statí budiž ještě připomenuta A. Frintova: Jazykový problém Slovanstva (151—9), o usnadňování studia jednotlivých jazyků, při čemž se klade zvláštní důraz na rozdílná písma a pravopisy, což bývá obyčejně přezíráno, podle mínění spisovatelova nesprávně.

V třetí části knihy podávají se přehledy činnosti literární, i vůbec kulturní u jednotlivých národů za minulé desítiletí, místy též o politickém vývoji. Přirozeně jest tu více méně seřazeno nesmírně mnoho jmen a titulů knih s charakteristickými poznámkami přes příliš stručnými. Nad jiné vyniká stať Frant. Kubky: Hlavní zjevy ruské literatury v letech 1914—1924 (302—314), ač o lecjakém posudku může býti jiné mínění, aneb byl by býval žádoucí podrobnější posudek. Velice jsou vítány mapy jednotlivých nových států a podrobnější statistické zprávy o jich obyvatelstvu. *jpa.*

Volkskundliche Bibliographie für das Jahr 1920. Im Auftrage des Verbandes Deutscher Vereine für Volkskunde herausgegeben von E. Hoffmann-Krayer. Berlin und Leipzig, Walter de Gruyter Co. 1924 (str. XVIII a 212).

Srovnáme-li tento svazek se svazkem o lidovědě r. 1919 vydaným r. 1922 týmž nákladem, vidíme, že se silně rozrostl, obsahoval jen str. XVI a 142. Program zůstal téměř týž, ale místy provedeny změny. Poněvadž v slavistických kruzích podle našich vědomostí nebyla dosud vůbec ještě věnována pozornost tomuto podniku, ač se nemálo dotýká také slovanské lidovědy, budiž promluveno napřed o celém plánu této bibliografie. I. Lidověda vůbec (Gesamtvolkskunde): *a)* bibliografie, *b)* dějiny a pěstování lidovědy: 1. podle jednotlivých zemí a národů. 2. životopisné zprávy o badatelích, *c)* principie, metodika, dotazníky, *d)* všeobecné o zeměpisných a etnografických jednotkách: 1. vše-

obecné. 2. Evropa, tu podle různých jazykových celků, 3—6. ostatní části zeměkoule, 7. cikáni, *e)* všeobecné spisy různých oborů: 1. bez zeměpisného ohraničení, sborníky rozmanitých studií, 2. o antice, 3—10. o různých národech, 11. o jiných menších skupinach národních, Maďařích, Rumunech, Řecích, Arménech i jiných částech zeměkoule, *f)* úhrnné spisy o selském stavu, chlebu, draku, vejci, barvách, ženě, zvonech, hvězdách, dítěti, kýchání, rostlinách a j. sestaveno abecedně podle německých názvů. Po této úvodní kapitole následují speciální oddíly: II. Sídlení, historická, částečně i předhistorická etnografie. III. Stavby, dům, hospodářská stavení a kostel, rozděleno opět podle zemí. IV. Věci: *a)* nemovité, pomníky, jako kříže, studnice, *b)* movité, jako mlýny, hudební nástroje, zbraně a j. V. Znamení, písmo, amulety a j. VI. Technika, povolání, lidový průmysl a umění: *a)* všeobecné, lidový průmysl a umění, rozděleno podle dotyčných odvětví, *b)* řemesla, *c)* zemědělství a dobytkářství. VII. Charakteristika lidu, typy lidové. VIII. Kroj. IX. Jídla a nápoje. X. Zvyky a obyčeje, slavnosti a hry: *a)* úhrnné: 1. všeobecné, 2. antika, 3—11. podle různých národů, 12. o národech mimoevropských, *b)* jednotlivosti: 1. zrození a křest, 2. svatba, 3. úmrtí a pohřeb, za tím následují drobnější oddíly, větší: 7. o zvycích vesnických, 8. obyčeje zemědělské, 12. církevní obyčeje a slavnosti, 13. podle kalendáře: zimní, jarní (sem zařazeny masopustní, velikonoční, svatodušní), *c)* letní (svatojanské a j.), *d)* podzimní (všech svatých, dušičky), 14. hry a hračky. XI. Sociální, právo a ústava v lidovědě (částečně nalézáme tu práce zasahující do starých i středověkých dob). XII. Víra, náboženství, pověry (str. 61—80): *a)* bibliografie, *b)* všeobecné, *c)* úhrnné zprávy a články, *d)* náboženství a mytus: 1. všeobecné (na př. totemism, animism a j.), 2. nekřesťanské: *a)* myty, kulty a p., *b)* demony, *c)* čarodějnice a čarodějníci, *d)* strašidla, 3. křesťanské (kult mariánský, různí světcové), *e)* předzvěsti, orakuly, *f)* čáry, tu jsou též amulety, zaříkadla, modlitby, *g)* různé (o zednářství, dvojnících, rozmanitých pověrách). XIII. Lidová medicina. XIV. Literární lidověda. XV. Poesie lidová (86—116), rozděleno opět podle národů, německá část jest ovšem podrobněji propracována, sem zařazeny ještě nápisy na domech, zvonech, hřbitovech a j., a dále hudba a tanec. XVI. Pohádky, povídky a pověsti a legendy (116—139) rozděleno též podle národů, předeslány spisy všeobecnější studie pohádkoslovné a látkoslovné, odděleny pohádky od povídek zvláště žertovných, jakož i pověsti do zvláštních oddílů, některé práce tu uvedené bychom raději viděli mezi všeobecnějšími pracemi. XVII. Lidové divadlo. XVIII. Ostatní lidová literatura (rozmanité listy a dopisy). XIX. Mluva lidu t. j. hádanky (těm by se mělo přiděliti význačnější místo, jako zvláštní části lidových aneb pololidových podání), přísloví a říkadla, též říkadla povětrnostní, výklady hlasů zvonů, řečí zvířecích a j., dále sem zařazeno o různých slovních zvláštnostech, o řečích některých stavů, jako vojenského, o řeči zlodějské a j. XX. Jména, zvláštně rozmanitá místní, onomastika topografická sestavena podle různých jazyků (149—156), následují jména národní, pak zvláštně rodinná, konečně též jména zvířat, rostlin i také démonů (bohů). Poslední kapitola XXI. Varia obsahuje práce o číslovkách, počítání a kalendáři.

Množství látky sebrané v tom kterém odvětví odůvodňuje místy podrobnější klasifikaci každého toho oddílu, tu se nejvíce projevují rozdíly mezi oběma ročníky.

Velmi podrobné rejstříky usnadňují velice užívání díla, jak seznam spisovatelů a jich spisů (161—198), i věcný (199—212).

Jest tu zpracován ohromný materiál, a není-li tu onde některý ten článek zařazen na tom místě, kam podle našeho mínění vlastně náležel, nepadá to hrubě na váhu.

Přirozeně mohl švýcarský bibliograf velký ten materiál sehnati jen součinností odborníků ze všech málem zemí. Ze slovanských odborníků mohl bohužel uváděti jediného, prof. W. Andersena, nyní v Derptu. Slovanské odborné časopisy prohlížel jedině dr. A. Byhan v Hamburce, a ten neměl patrně po ruce řadu slovanských publikací. V seznamu časopisů (str. XV—XVIII) nalézáme jedině dva slovanské časopisy: Sofijská Izvěstija na narodnija etnografski muzej a náš Národopisný Věstník. Není tu publikací ani polských ani jihoslovanských a o ruských ovšem při nynějších poměrech nemohlo hrubě býti

řeči. Přirozeně jsou slovanské oddíly ve všech částech nesmírně kusé. Nevyužito ani Narodop. Věst. za rok 1920, a proto nezaznamenány díla vyšlá dříve, o nichž podána zpráva. Doplňovati všechny nedostatky této bigliografie na tomto místě není ani možno, přesahovalo by to přespříliš meze našeho referátu. Doufejme, že se nahradí v příštím ročníku. Tolik však budiž poznamenáno, že hlavní vinu na takovém nedostatečném informování učeného světa o naší slovanské práci máme přede vším sami my slovanští odborníci.

Naší jest povinností přispívati svou prací cizímu odborníku. Prof. Hoffmann-Krayer obracel se sám na referenta se žádostí za pomoc při této práci; žádal jsem známé mladší síly, aby přispěli, bohužel s nevalným zdarem. Doufejme, že tento náš apel bude míti lepší výsledek. *jpa.*

Istarske narodne pjesme. Izdala Istarska književna zadruga 1924. Tisak zadružne tiskare Kreisel i dr. Abbazia-Opatija, str. 239.

Jest to nové, rozšířené vydání knihy, která dávno již rozprodána, nalézá se leda v některých knihovnách, a jest dnes zajisté bibliografickou vzácností; knihy Hrvatske narodne pjesme, što se pjevaju po Istri i Kvarnerskih otocih, preštampane iz Naše Sloge. U Trstu 1879.

Doplňky jsou zvlášť označeny, než i mimo to nalézají se místy, tak na str. 35 dodáno č. 26 Junačko rodište. K 1. oddílu junáckých písní připojeno nových 12, všechny ze sbírky St. Žiže, vyznačují se výhodně tím, že přesně zaznamenáno, od koho a kde byly zápsány. V druhém oddíle ženské písně byla jednotlivá čísla namnoze silně přeřazena, str. 49, č. 1 dříve 24, č. 2 dříve 154, str. 58 č. 16—19 dříve 108—112, str. 66 č. 29 dříve 168, č. 30 dříve 135, str. 68 č. 33 dříve 130, č. 34 dříve 155, str. 69 č. 35 dříve 132, str. 70 č. 37 dříve 107, str. 90 č. 81—82 dříve 163—165, str. 101 č. 105 dříve 21, str. 112 č. 126—130 dříve 158—162, str. 113 č. 132 dříve 17, str. 116 č. 133—135 dříve 18—20, str. 118 č. 137 dříve 156, str. 125 č. 152 dříve 25. Některá čísla byla z toho oddílu vyřazena, a sice č. 23, 31, 44, 73, 97, 118, 134, 137, 150, 153, 157, 166, 167, 169. Nově jest dodána dosti značná sbírka str. 126—163 čísel 97. Do třetího oddílu Svatovske i napitnice str. 164 a d. byla přejata jako 1. číslo píseň z 1. vydání str. 28 č. 23. V něm byly ještě dvě koledy č. 22 a 23, z nich byla první pojata do sbírky nábožných písní str. 221 č. 20. Připojena nevelká sbírka 10 čísel str. 174—177. Stejně jako první vydání má oddíl dětských písní, do něho byla z č. oddílu I. vydání převzata č. 36 dříve 72, č. 73 a č. 37 dříve str. 149 č. 153. Vynechána pak z 1. vyd. č. 18, 20 a 28. Připojena nová sbírka 22 čísel, mezi nimi jedna hádanka str. 192 č. 8. Stejný je oddíl Naricaljke, ale úvodní slova prvního vydání byla vynechána. Dvě písně jsou dodány (str. 202—3). V oddělení Pobožne pjesme vynechán popis koledování na sv. Štěpána (1. vyd. 16—18), vynechán dále ještě druhý variant koledy sv. Kateřiny (str. 23) a čísla 14, 17, 18, 19, 24 a přejata sem z druhého oddílu prvního vyd. str. 221 č. 20 dříve 26 č. 22. Nově připojeno ještě 11 čísel (str. 222—230).

Vítán jest slovníček cizích a méně známých slov.

Nejmenovaní vydavatelé místy měnili také pravopis, někde nadpisy písní.

Nové toto vydání isterských národních písní bude zajisté všude vřele vítáno. *jpa.*

Борис Соколов. Сказители. Государственное издательство. Москва (1924) 16°, str. 123.

Velmi pěkná informativní knížka o ruské epické poesii a jejích pěvcích. Na základě vší literatury vyličují se poměry, za kterých se zvláště na dalekém ruském severu podnes udržela epická poesie i okolnosti, při kterých se písně recitují. Poukazováno plným právem na význam recitátorů, na jich vyspělost nad okolí, ukazováno, jak se osobnost pěvcova projevuje v písních, i osobní umělecká tvořivost, i podrobněji promluveno o některých význačnějších recitátorech o obou Rjabininech a o Krivopolenové. *jpa.*

Pražský germanista **Arnošt Kraus** dokončil hlavní dílo svého života, látkoslovný spis s ideovými výhledy, Husitství v literatuře zejména německé (Rozpravy České akademie věd a umění 1917, 1918 a 1924, v Praze

271 + 237 + 320 str.), který jest důležitou pomůckou jak pro historika vůbec, tak pro literárního dějepisce, ale kde i slavista nalezne mnoho poučení, zvláště látkového. Profesor Kraus si vytkl za úkol životní, prostudovati historicky a kriticky vzájemné vztahy německého a českého písemnictví, a to nejen v jejich uměleckých neb myšlenkových vrcholech, nýbrž s ovládnutím látky celé; proto musila výklad předcházeti trpělivá a namáhavá práce sběratelská. R. 1902 vydal knihu Stará historie česká v německé literatuře, jež jest vlastně předchůdkyní přítomného díla; tam sledoval německá zpracování látek z českých dějin a z české pověsti od dob nejstarších do vymření rodu Přemyslova. Kritika správně tehdy Krausovi vytkla, že postupem výhradně látkoslovným trhá vnitřní spojitost a velice znesnadňuje přehled o tom, jak se v Němcích měnilo veřejné i literární mínění o věcech českých. V důsledku těchto kritických námitek rozhodl se prof. Kraus v novém díle pro postup jiný. Přeskočiv první období lucemburské, jal se zabývati mohutným ohlasem husitského hnutí v literatuře za hranicemi, a to ne podle toho, jak jednotlivé motivy a události náboženské revoluce české jsou zpracovány od různých spisovatelů, nýbrž podle toho, jak se kulturně myšlenkové periody stavěly v pojetí i v podání k husitské reformaci a jejímu válečnému doprovodu. V prvním díle, kam vedle literatury v nejvlastnějším smyslu zahrnul také mnoho látky pramenné, vyšetřuje ozvuk husitství v písemnictví prvních dvou století jeho, v druhém studuje (vkládaje sem také velký exkurs o zpracování legendy svatojanské v slovesnosti a o boji proti ní) poměr barokní a osvícenské literatury k české reformaci, v třetím probírá vědecká, popularisační i beletristická díla XIX. století, jako vůbec se zde literatura pojímá ve smyslu co nejširším. Ze čtyř pětin obírá se Arnošt Kraus knihami německými, ale sem tam přihlíží také k bohemikům jiným, jmenovitě francouzským a severským (jenom výjimečně i slovanským) a vůbec ze zdrojů zapadlých a těžko dostupných snáší mnoho poučného: podává vydatně instruktivní obsahy, karakterisuje stručně a bystře autory třetího a čtvrtého řádu, osvěžuje suchopárnou látku říznými poznámkami liberálního kritika a duchaplného causeura. Kdokoliv se bude příště ze zájmu historického neb látkově srovnávacího zabývati tématy českými, zvláště českou reformací, bude k dílu Krausovu opětovně sahati, řidčeji snad, aby v něm soustavně četl, častěji, aby v něm hledal rychlé a spolehlivé poučení o tom onom motivu, o tom onom díle. *A. N.*

Sotva druhý obor leží v české vědě literární do té míry ladem jako **kritické vydávání novočeských spisovatelů**; ani texty nejpřednějších autorů nejsou přístupny v edicích uspokojujících přísné požadavky naukové. Nehledíc k několika svazkům populární Světové knihovny, kde odborníci vydali ve správném způsobě několik děl národního obrození (Jungmann, Rukopisy, Kollár, Klácel a j.), ovšem většinou bez aparátu a s úvody i poznámkami určenými laikům, soustředila se vědecky ediční práce slovesných historiků českých za vedení Jar. Vlčka od r. 1906 v knihovně Čeští spisovatelé XIX. století, kde znovu vydáni Čelakovský, Mácha, Havlíček, Sabina, Němcová, Hálek, Pfleger-Moravský; jenom Němcová, Mácha a beletrie Havlíčkova, jakož i verše Čelakovského a K. Sabiny publikováni zde skutečně úplně, jediný pak Čelakovský (J. Jakubcem) přísně kriticky, když r. 1921 sbírka, pohřešující jednotné soustavy, zašla, nesplnivši zdaleka úkolu, který si byla vytkla. Z části a to jen pro starší období obrozenské počala ji r. 1917 nahrazovati Novočeská knihovna, pořádaná III. třídou České akademie věd a umění, v níž posud podali ukázky svého edičního umění tři pražští literární dějepisci, Jan Jakubec, Jan Máchal a Jar. Vlček; bohužel pomalý postup a nevhodný výběr památek většinou podružných, ne-li přímo bezcenných, značně zeslabují hodnotu podniku. Dobře jsou řízena Diela spisovateľov slovenských vycházející v Turč. Sv. Martině péčí Matice slovenské; Jar. Vlček zde vydal obě první verse Kollárovy poesie, než nabyla v Slávy dceři podoby definitivní. Nyní dva mladší literární historikové čeští, již žáci Jar. Vlčka a Jana Jakubce, přihlásili se s velkou chutí a s dobrou vědní průpravou k obdělávání úhoru a zvolili si k ediční práci díla spisovatelů, kteří se již nepočítají k národnímu obrození ve vlastním smyslu, ale za to jsou pravými základy moderního písemnictví

básnického v Čechách; Fr. Krčma se ujal Máchy, Mil. Novotný Jana Nerudy; každému z nich připadl úkol celou povahou jiný. Díla K. H. Máchy poskytují odborníku snad nejtěžší problémy ediční z celé české poesie i přes svůj celkem neveliký rozsah: až na Máj a Cikány neuspořádal jich autor sám v celky knižní; první neznámý vydavatel (Sabina?) r. 1862 počínal si velice libovolně; moderní editoři Jar. Šťastný r. 1906 a Jar. Vlček r. 1907 obohatili, ale nezpracovali kriticky materiál a sami vnesli do textu leckterý omyl. Od r. 1922 se zabral František Krčma monograficky do máchovských studií a v miniaturní knihovně Hyperion předkládá jejich výsledky, vydávaje netoliko Máchova díla (dvojí text Máje, Obrazy ze života mého, Básně), ale i zatímní dokumenty (Dopisy, Deník z r. 1833, Literární zápisník z let 1833—1835) a to s úplným aparátem, vydatnými poznámkami a s naprostým ovládnutím veškerého materiálu. Až soubor, do něhož chybí ještě čtyři svazečky, bude dokončen, bude to výborný základ všeho dalšího studia máchovského, třebaže ne ještě definitivní vydání Máchy; kromě titěrného a pro vědecké potřeby nevhodného formátu lze svědomitému Krčmovi vytýkati jednak míšení textu a variant, jednak příliš konservativní lpění na textu, jak jej podává vydání z r. 1862. Třicet let, které uplynulo od smrti Jana Nerudy, uvolnilo právo na jeho díla a tím dalo podnět k novému soubornému vydání jeho spisů, jež prací Miloslava Novotného v krásné úpravě knižní vychází v mladém pražském nakladatelství Kvasničky a Hampla od r. 1923, jsouc doposud ovšem ve svých 20 svazcích velice vzdáleno dovršení; plán a metodu celého podniku lze však již nyní jasně postihnouti. Obě souborná vydání Nerudových sebraných spisů, v nakladatelství Topičově, XII svaz. z r. 1892—1905 (péčí Ign. Herrmanna) a XLI svaz. z l. 1906—1915 (prací L. Quise, K. Rožka a Ad. Weniga) předem resignovala na aparát a vůbec ohledy vědecké a soustředila se na to, aby se sběratelskou horlivostí, ale přece beze snahy o úplnost shrnula a přehledně, ač namnoze nahodile seskupila všecky Nerudovy práce. Mil. Novotný, jenž všude dbá různočtení a postupných změn textových i uspořádacích a neskrblí ani poznámkami, nejprve si oddělil všecka díla, která knižně vyšla z Nerudovy ruky a od nich hlavně v oboru feuilletonistiky a kritiky odlišil jeho práce knižně nesebrané, aby je podával v organických skupinách chronologických, doplňuje všude na základě bohatého bádání v pražských knihovnách. Až bude soubor ukončen, vrátíme se k němu, jest to záslužný podnik velkého slohu, důstojný velkého významu Nerudova. *A. N.*

Brněnský slavista z vídeňské školy **Oskar Donath,** známý cennými pracemi o S. Kapperovi, českožidovském básníku a průkopníku jihoslovanské poesie v Čechách, vydal v Brně spis Židé a židovství v české literatuře XIX. století, v němž spojil dvě literárně historická témata, podstatou různá. Jednak sleduje, jak v literatuře české od doby Máchovy až po Vrchlického byly zpracovány látky židovské, jednak vyšetřuje, jak se v témže období měnil názor české inteligence na otázku židovskou, na problém asimilace i na uchování židovské národnosti a jak vznikal i vyvíjel se antisemitismus v Čechách. Takto Donathova zajímavá kniha, založená na důkladném probrání a pozorném rozboru příslušné látky, shrnuje vývoj celého půlstoletí, na jehož prahu byronskými postavami a náladami v díle Máchově Židé vůbec vstupují do české literatury a na jehož závěru dva básníci s kapkami židovské krve v žilách, Julius Zeyer a Jar. Vrchlický, sami tvoří z plnosti židovského cítění a židovské tradice a to díla tak významná, jako Bar Kochba tohoto a Sulamit i El Cristo de la Luz onoho. Od Máchovy byronovsky konvenční romantiky, kde by k osvětlení předmětu prospělo uvedení analogií polských (jako vůbec by byl býval Donathově monografii s výhodou zřetel ke spřízněným zjevům v písemnictví polském) Donath se obrací k periodě politické emancipace kolem r. 1848, vykazující vedle humanitních filosemitů S. Kappera, V. B. Nebeského, V. K. Klicpery a J. J. Kolára již ostrou kritiku židovství u Havlíčka. Ta se pak po revoluci stupňuje v antisemitismus a to jak u liberálů Jana Nerudy a Sv. Čecha, kteří oba, každý jiným způsobem stavějí v kontrast židovství starozákonní a ziskuchtivé, poněmčující židovství soudobé, tak u konservativců Fr. Pravdy a A. V. Šmilovského; významnější díla slovesná o látkách a problémech židov-

ských v tomto období nevznikají. Poslední nejobsáhlejší kapitolu nadpisuje Donath »hledání kulturního obsahu« a věnuje rozboru židovských motivů u Zeyera a Vrchlického, u obou myšlenkový zájem ustupuje citovému vzrušení a estetickému pojetí; leccos mohlo býti doloženo i z děl jiných jejich vrstevníků, když již rozbor židovského problému v literatuře od hnutí realistického Donath odkázal do monografie další. Spis, doprovázený 40 str. ukázek, není ve všech částech stejně propracován a metodicky pojat, ale důležitostí námětu i bohatstvím podrobností má nemalou cenu literárně dějepisnou. *A. N.*

O školství a osvětě v Bulharsku v letech 1878—1913, to jest tedy od osvobození Bulharska po světovou válku, vydal cennou dokumentární knihu Vel. Jordanov v druhém svazku publikací Učebního odboru bulharského ministerstva národní osvěty **„Материали за изучване на учебното дѣло въ България, Книга II.: Развитие на нашето просвѣтно дѣло отъ освобождението до войнитѣ (1878—1913)“** (Sofie 1925, stran 198, tisk státní tiskárny, cena 45 leva). Vel. Jordanov podle ministerských archivalií a se stálým zřetelem k bulharským školským zákonům podává historiát školského a osvětového vývoje v Bulharsku v uvedených letech. Po stručných úvodních slovech o stavu bulharského školství po osvobození uvádí školské a kulturní dokumenty nejdříve v severním, pak v jižním a posléze v sjednoceném Bulharsku, a to chronologicky podle jednotlivých ministrů anebo správců ministerstva školství. Čteme tu mnohá zvučná a dobře známá jména počínaje Marinem Drinovem až po S. S. Bobčeva. Nalézáme tu P. R. Slavejkova, Konst. Veličkova, Ivana Vazova, dra Daneva, prof. Šišmanova a jiné. Nalézáme tu také — a to nutno zvláště zdůrazniti — po prvé přesné doklady o pronikavé organisační školské a kulturní činnosti našeho Konstantina Jirečka v Bulharsku. Tím odčiněna konečně křivda, které se dopouštěli pracovníci bulharští, kteří v podobných pracích Konstantina Jirečka téměř úplně přehlíželi. Vytkl jsem to ve své studii »Z dějin vzdělanosti nejmladšího slovanského státu« ve Vlčkově Osvětě (1912, str. 411 a další) a zvláště ve svém obsažném nekrologu o »Konstantinu Jirečkovi« tamže (1918, str. 135 a další), jak po mně výtku opakoval nově Dr. Nikola Radojčić ve své studii o »Jos. Konstantinu Jirečkovi« v záhřebské revui »Narodna Starina«, 1924—25, sv. 6; str. 197.

Vel. Jordanov cituje všude přesně ministerské školské a kulturní výnosy a zákony vůbec, takže bedlivý čtenář po pročtení jeho knihy nabude dosti jasného pojmu o začátcích i vývoji dnešního školství a dnešní osvěty v Bulharsku. Lituji jen, že autor nepřipojil ke své knize celkových přehledných diagramů, portretů jednotlivých ministrů anebo správců ministerstva, o nichž se mluví, jakož i fotografií některých význačných školských budov a jejich vnitřních zařízení, jak to částečně shledávám v anglické objemné publikaci »Bulgaria of to—day« (Londýn 1907) anebo zvláště zdařile v německé knize dra V. Nikolčova »Das bulgarische Bildungswesen« (Lipsko 1910), jakož i ve francouzské knize (belgické vydání bez udání roku) Peeters-Zlatanové »L'éducation en Bulgarie«, kteréž vznikly všechny rovněž na základě dokumentů bulharského ministerstva osvěty. Lituji také, že autor nepřipojil aspoň pod čarou stručných životopisných poznámek o jednotlivých uvedených osobnostech, z nichž některé již upadly v úplné zapomenutí. Připomínám jen na příklad dra Dimitra K. Vačova, jenž v roce 1879 zasedal v redakci vídeňského Slovanského almanachu. Nerad také pohřešuji příslušné bibliografie jak pro jednotlivé osobnosti, tak pro celou práci samu.

Praha *Jos. Páta.*

Ve sborníku věnovaném srbskému chemikovi Lozanićovi — **Споменица петедесетогодишњице професорског рада С. М. Лозанића. Београд 1922** — vyšly tři články z oborů filologicko-historických, Belićův, Radojčićův a Skokův.

A. Belić v článku **О развитку речника књижевног језика** (str. 7) ukazuje, jak Vuk Karadžić ostře odsuzoval libovolné a zbytečné tvoření nových slov a přejímání slov ze srbské a ruské církevní slovanštiny u soudobých spisovatelů, ale nezamítal možnost obohacovati slovník spisovného

*

jazyka slovy přejatými tam, kde je toho potřeba, a slovy novými, tvořenými v duchu jazyka lidového. Vlastní praksi Karadžićovu v tom dokládá Belić na jeho překladu Nového zákona, vypočítávaje a rozbíraje tam užitá slova přejatá z jazyka tureckého (30), zachovaná z překladu církevněslovanského (49), posrbštěná po stránce hláskové slova církevněslovanská (47) a slova nově tvořená: živými příponami (*-ač, -nje, -ljiv, -nik, -nica, -ar, -štvo* a- *ost)*, slova *otpad, raspusna knjiga, zajedničan* a tři komposita tvořená podle dobrých vzorů, jinak se Vuk Karadžić kompositům vyhýbal. Zásady Karadžićovy, nepřekládati libovolně cizí slova, ale hledati pro nový pojem slova a výrazy tvořené podle živých typů tvoření jazyka lidového, jsou zachovávány ve spisovném jazyku srbském i dnes, kdy ovšem jeho lexikální potřeby o mnoho vzrostly.

K článku Belićově druží se také linguistický příspěvek P. Skoka, **Iz toponomastike** (6 str.). Skok v něm zdůrazňuje cenu metodicky správného zkoumání toponomastického pro historickou etnografii; vypočítává pak a rozbírá místní a pomístní jména na ostrově Krku s románským suffixem *-ētum* a *-cellus* ve veljotské formě *(-ait, -al)*, určuje jejich geografickou polohu a stanoví podle nich hranici románského dialektu veljotského na Krku. Jméno *Prniba* vykládá z *pronus* kontaminovaného s *proclivus* v **pronîvus*, které pak se suff. *-ius* dalo **pronîvia* 〉 *Prnïba* a veljot. *Pornaiba*. Slovan. *Prniba* dokazuje, že Slované přišli na Krk před veljotskou diftongisací. Jazykem veljotským mluvilo obyvatelstvo — nečetné — jen asi na části ostrova, o něco větší než jedna třetina, hlavně v okolí města Krku a pak od Glavotoku do Bašky.

N. Radojčić v článku **О почецима историјске критике код Срба** (str. 11) ukazuje, že se srbská historická kritika začíná až u Đorđe Brankoviće (1645—1741); v středověké historiografii srbské nebylo pro ni místa, už proto ne, že se počíná vždy kritikou cizí minulosti a tou se srbští středověcí kronikáři intensivněji nezabývali. Branković hlásí sice kritický rozdíl mezi prameny a literaturou, ale sám se ho nedrží; důsledně zato rozeznává mezi domácími prameny a cizími, domácím věří, cizím ne. Tato zásada spojená s tendencí patriotickou a konfesionální ovládla celou první periodu srbské historiografie (do Jovana Rajiće); i P. Julinac i t. zv. Trnošac a Opšti list stejně hodnotí své prameny, první vypouštěje z cizích věcí patrioticky nevhodné, druhý kritisuje zvláště »cizího« historika Orbinia. U Brankoviće přistupuje k tomu ještě tendence dynastická, v první tištěné srbské historii vladyky Vas. Petroviće (1754 v Moskvě), nejméně kritické, k silné tendenci konfesionální (z ohledu na Rusy) i lokální patriotismus.

Zásady středověké kritiky, která se podle slov autorových »показује само као брига да се за књижевни рад набаве добри и поуздани ‚изводи'«, bylo by možno typicky dokumentovati z předmluvy Grigorijova přepracování Zonarovy kroniky (t. zv. Paralipomena Zonarova) z r. 1408, prvního srbského chronografa (srov. Weingartovy Byzantské kroniky I, 1922, 125 sl.).

Nemile působí v cenné a kritické studii Radojčićově snižující epitheton »barbarský« (str. 1, 3), jež je přece tak nepřesného obsahu, a to, že nespecifikoval svou povšechnou výtku ostatním malým národům, že z nacionálních důvodů nemají dostatek historické kritiky (str. 1). *B. Havránek.*

Známý Popovićův přehled srbské literatury, jenž obsahuje starou literaturu srbskou, literaturu lidovou a ze střední dubrovnickou (z 15.—18. stol.), vyšel již v šestém vydání, nezměněném: **Павле Поповић, Преглед српске књижевности,** Beograd, g. Kon 1925, str. 279, za 44 din.; bohužel jest opět i toto nové vydání bez cenné bibliografie, kterou dosud mají jen vydání první (1909) a třetí (1919). *Bílk.*

O Jos. Konstantinovi Jirečkovi napsal studii Nikola Radojčić v 6. svazku záhřebského časopisu **Narodna starina** (1924), též zvl. otisk, v Záhřebě, 1923, str. 26. Studie ta přináší přehled toho, co bylo dosud o životě, osobnosti a práci Jirečkově napsáno, v něm shrnuje zvláště základní obsah jubilejních článků: životopisu Vlčkova v Osvětě (1904) a Bidlova ocenění v ČČM. r. 1914 a pak důležitý, dokumentární nekrolog Jagićův v Almanachu

vídeň. akademie za r. 1918,[1]) rozbor Murkův v Oesterreich I. (1917) a nekrolog Pátův v Osvětě r. 1918. Pak v rámci životních dat kreslí jeho samotářskou osobnost opíraje se hlavně o zprávy Jagićovy a sleduje vývoj i výsledky jeho vědecké činnosti, kterou podrobně rozbírá a hodnotí. Zdůrazňuje Jirečkův krajní objektivismus, jeho ponětí historické práce jako neosobního výsledku nashromážděných fakt, výsledku opřeného o znalost fysických podmínek, hospodářského vývoje i otázek právních a státovědných a fakt nashromážděných přesným studiem archivních památek. Označuje jej jako skutečného balkanologa, jenž sledoval vývoj Balkánu v celé souvislosti se střediskem v dějinách srbských a upozorňuje na významné, ale velmi roztroušené jeho příspěvky byzantologické. Přání, aby byly souborně vydány jeho drobné práce, doplňuje výzvou vydati i paměti a korespondenci (podle připojené zprávy redakce koupila celou rukopisnou pozůstalost Jirečkovu bulharská vláda).

V otázce poměru jeho k pražskému vědeckému prostředí podotýká Radojčić správně, že vylíčení jeho s české strany od V. Vlčka a Páty v Osvětě 1904 a 1918 není prosto politického zabarvení a vytýká Praze, že si jej nedovedla ceniti. Nelze zapomínati, že jeho nespokojenost v Praze zaviňovala i jeho samotářská uzavřenost až plachost, a pak zvláště jeho skutečně nemilé postavení z důvodů rodinných v boji rukopisném. Jeho désintéressement v té věci bylo dáno touto okolností a jeho povahou, věcně mu předmět boje jako znalci středověku nebyl tak zcela vzdálen. Jen jí a tím, že rodinnou tradicí byl připoután k starší české generaci vědecké, lze si vysvětliti jeho úplnou neúčast v prvním rozmachu mladé generace vědecké, který v Praze zastihl r. 1884 po návratu z Bulharska; do Athenea nepřispíval ani před boji rukopisnými. V dokladu nepřízně sboru pražské fakulty uvedeném na str. 15 v pozn., že totiž byl zvolen děkanem na r. 1889/90, když byl dostal dovolenou na r. 1890 — doklad ten přejal autor z Vlčkova článku v Osvětě — nelze bez podrobnější úvahy viděti akt nepřátelský; vždyť i Jireček sám v autobiografickém náčrtku uvádí to spíše jako vyznamenání (v. Jagićův nekrolog, l. c., 395) a byl Jireček toho roku pro volbu za děkana na řadě, přeskočiti jej byl by býval také čin nepřízně.

Na druhé straně z vět Jirečkova konceptu z r. 1916: »1914 bis 1916 der grosse Weltkrieg. Serbiens Anteil. Ueber die Mittel hinaus, die es hatte. Ende 1916 vollständiger Untergang, das ganze Terrorium von Oesterreichen, Deutschen und Bulgaren erobert. Die Restauration des altserbischen Glanzes nach zwei Jahren verschwunden« (Jagićův nekrolog, l. c., str. 415) nelze myslím užívati jako význačného dokladu jeho národní lhostejnosti (LF. 47, 1920, 63 sl.). Bylo by možno z nich vyčísti také opak. Při všem skutečném chladu, který vane z toho, co se nepřímo dovídáme o Jirečkově osobnosti z Jagićových zpráv, nelze jeho citovost osobní posuzovati tak přímo.

Bibliografii článků o Jirečkovi třeba doplniti ještě přehledem jeho činnosti od J. Bidla ve Věstníku České akademie 27, 1918, 115—133 a v Almanachu Čes. akademie 28, 1918, 158—68, Jagićovou biografií v Neue öst. Biographie 1815—1914. I. Abt. Biographien, Vídeň 1923, stručným přehledem Pátovým v Čas. mod. fil. 6, 1918, 274—6 a nekrologem V. N. Zlatarského v akadem. publikaci **Лѣтопис на Българската академия на наукитѣ** (IV, za léta 1915—7, 1919, str. 85—110), v němž Zlatarski podrobně probírá a oceňuje Jirečkovu práci pro Bulharsko: zásluhy jeho o bulharské školství ocenil také Vel. Jordanov v souborné publikaci Развитие на нашето просвѣтно дѣло отъ освобождението до войнитѣ (1878—1913), 1925, str. 48—52, srov. o této publikaci podrobnou zprávu Pátovu zde str. 419. *B. Havránek.*

Srbský překlad základních prací Jos. Konst. Jirečka **Geschichte der Serben** a **Staat und Gesellschaft im mittelalterischen Serbien** pořídil Jovan Radonić. Toto souborné vydání pod titulem **Историја Срба. Написао Конст. Јиречек, превео и допунио Јов. Радонић** (Beograd, G. Kon) vyšlo ve čtyřech svazcích (I, 1922, str. 328; II, 1922, str. 325; III, 1923, str. 297 a IV, 1925, 326 str.). První dva svazky obsahují druhé vydání dříve již

[1]) Podrobně o něm referoval M. Hýsek v Lfil. 47, 1920, 62—4.

vyšlého překladu I. dílu Geschichte der Serben (**Историја Срба. Први део (до 1371), превео J. Радонић, Београд 1911**) a překlad 1. části II. dílu (1371—1537), vyšlé v německém originálu r. 1918. Doplněny jsou zvláště podrobným rejstříkem. Třetí svazek obsahuje prvních dvanáct kapitol druhého spisu, vyšlých v Denkschriften der kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. Phil.-hist. Kl., 1. a 2. část v sv. 56, č. 2 a 3 (1912) a 3. část v 58, č. 2 (1915) a čtvrtý pak poslední kapitolu této třetí části a část 4., posmrtně vydanou z pozůstalosti Jagićem, ib. 64, č. 2 (1919). Vydavatel opět přidal podrobný rejstřík a doplnil kritický aparát. *BHk.*

Kus slovenského národního utrpení, ale zároveň i dějin literárních podává kniha *dra Alberta Pražáka* **Hurbanovia vo väzeniach** (nákl. O. Trávníčka v Žilině, 1923, str. 118), uveřejňovaná původně v Slovenském Denníku. Pražák otiskuje tu část materiálu, který získal badáním archivním, studiem korespondence, projevů novinářských a časopiseckých při studiu otázky československé na Slovensku za Hurbana a přípravách k dějinám spisovné slovenštiny. Zajímavé jsou tu ohlasy slovenského utrpení a protesty proti maďarské zvůli, šířící se i mimo Slovensko, sympatie české k národním trpitelům a domácí uctívání rodných vůdců. Kniha obsahuje cenné příspěvky i k psychologii, cítění, myšlení a vyjadřování J. M. Hurbana a hlavně jeho syna Svetozára Hurbana-Vajanského. Při J. M. Hurbanovi Pražák znovu zdůrazňuje jeho snahu o výhradné užívání češtiny ve vědeckých pracích na Slovensku, zmařenou nátlakem A. Pietora a J. Francisciho, v tom čase už rusky orientovaných, a nevšímavostí českou k finančním nesnázím Hurbanovým. Velmi cenně je vylíčen duševní život a práce Vajanského za jeho několikerého vězení, jeho odpor proti Vrchlickému, Masarykovi působením listu Lamanského, psychologie tvorby Vajanského, jeho často bizarní názory a drastické vyjadřování i osobní vzpomínky. Pro výklad tvůrčí činnosti Vajanského a jejích podnětů Pražák v této knize snesl mnoho cenné dokumentární látky, nepouštěje se do podrobnějšího jejího zpracování. Místy v knize vznikla nejasnost nepřesnou stilisací nebo nevhodným spojením faktů. Pražák (str. 67) zdůrazňuje na př., jak Vajanský pronikavě pozoroval v Segedině r. 1892 své spoluvězně a jak mu jistě dodali materiál ke »Kotlínu«, který tu „po mnohej stránke bol pripravený aj myšlienkove. Z otca spoluväzňa Šandora Justha vzal si Vajanský model k »Letiacim tieňom«". Není pochyby, že na »Kotlín«, který vyšel r. 1901, působily i modely z pobytu v segedinském vězení; ale »Letiace tiene« vyšly už r. 1883, kdy ještě Šandor Justh nebyl spoluvězněm Vajanského. Ze stilisace Pražákovy není jasno, zda Vajanský už před r. 1883 znal otce Justhova. *J. Mk.*

Výtahy z časopisů.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1915 г. Томъ XX.

Книжка 3-я (Петроградъ 1915 г).

Б. В. Варнеке. Замѣтки о народной драмѣ. (стр. 1—21) Проф.
Варнеке, признавая правдоподобнымъ предположеніе И. Л. Щеглова,
будто „Комедія о царѣ Максимильанѣ“ стоитъ въ зависимости отъ 2-го
брака Петра и его столкновенія съ царевичемъ Алексѣемъ, считаетъ,
что это все таки не препятствуетъ признать ее въ основѣ переводной
повѣстью. Сопоставленіемъ отдѣльныхъ мѣстъ комедіи по различнымъ
варіантамъ (Ончукова I и II, Виноградова I—IV, Минскаго, Лебедин-
ской трупы, Костина и др.) проф. Варнеке устанавливаетъ „порази-
тельную . . . безграничную гибкость персонажей (комедіи): они при пере-
ходѣ отъ однихъ авторовъ къ другимъ подвергаются такимъ измѣне-
ніямъ и осложненіямъ, что зачастую отъ основного образа почти ничего
и не остается“ (стр. 13). — И. П. Поповъ. Нѣсколько разясненій
о чудѣ св. Климента надъ отрокомъ (стр. 22—31). Въ противополож-
ность Ак. Соболевскому, опубликовавшему Слово въ Изв. (VI т.
кн. I) и признавшему его „древне-русскимъ словомъ до-монгольскаго
періода“, и Грушевскому, говорившему то же, Поповъ считаетъ его
переведеннымъ съ греческаго оригинала, скорѣе всего со слова псевдо-
Ефрема, которое было посвящено чуду Климента надъ отрокомъ. Съ этимъ
послѣднимъ оно совпадаетъ $^3/_4$ текста, параллели коего и даются
въ статьѣ. — М. Ванъ-Вейкъ. Къ интонаціи праславянскихъ падежей
на *-ъ* (стр. 32—40). Авторъ не соглашается съ проф. Кулббакинымъ (его
статья въ Изв. XI т. 4, 293), утверждавшимъ идентичность окончаній
въ основѣ на *-o* nom. sing. и gen. pl. и обяснявшимъ измѣненную инто-
націю въ этихъ падежахъ окончательнымъ ослабленіемъ *-ъ (-ь)* еще
въ общеславянскую эпоху. По мнѣнію Ванъ-Вейка, измѣненіе интонаціи
въ gen. plur. не стоитъ въ связи съ окончательнымъ ослабленіемъ *-ъ* и *-ь*,
ибо присутствіе этихъ звуковъ въ алфавитѣ славянскихъ апостоловъ
говоритъ за то, что въ болг. яз. IX. в., а тѣмъ болѣе въ праслав. яз.,
ъ -ь произносились какъ гласные. Это послѣднее утверждаетъ впрочемъ
и С. М. Кульбакинъ. Для Ванъ-Вейка шесть унаслѣдованныхъ пра-слав.
интонацій группировались различными способами въ отд. слав. языкахъ;
отсюда — вторичныя интонаціи: чак. *nóg*, слов. *nóg*, словацк., ст. чешск.
noh. польск *nóg:* acc. sing. общеслав. *nȍgǫ* (чак. шток. *nȍgu*. р. *нóгу*,
польск. *nogę* и т. д.), чак. *rúk*. слов. *rǫ́k*. стчешск. *rúk*, польск. *rąk:*
общслав. nom. sing. *rǫká*, acc. *rǫ̑kǫ*, сербск. *rúka*, чак. *rukȁ*, acc. *rûku*,
. *рукá*. *pýку*; русск. *вóлосъ*: *волóсъ, головá, гóлову*: *голóвъ* -- сербск. чак.
lāvȁ. *glâvu:* *gláv*. Причину измѣненія интонацій Ванъ-Вейкъ вслѣдъ
а Педерсеномъ видитъ въ переходѣ *-ŏm* 〉 *-ъ*, что нарушило равновѣсіе
лова. Только къ концу праславянской эпохи окончаніе gen. plur. стало
дентичнымъ окончанію nom. и acc. sg. — Г. Плакисъ. Къ исторіи
итво-латышскихъ интонацій (стр. 41—52). Отмѣчая фактъ передвиженія
дареній въ литовскомъ языкѣ къ началу слова, авторъ считаетъ для
атышскаго яз. этотъ процессъ вполнѣ законченнымъ, только не выяс-
ены тѣ законы, по которымъ совершается передвиженіе ударенія и со-
кращеніе въ связи съ этимъ слоговъ. Рядъ ученыхъ, изучавшихъ съ раз-

личныхъ сторонъ этотъ вопросъ (Куршатъ, Гиртъ, Биценбергъ, Фортунатовъ, Эндзелинъ), къ опредѣленнымъ результатамъ не пришли. Авторъ рѣшаетъ вопросъ на основаніи сравненія тѣхъ діалектовъ, верхне-лит. и латышскаго, которые имѣютъ 2 типа слогоударенія. — Г. А. Ильинскій. Звукъ *ch* въ славянскихъ языкахъ (стр. 53—118). Въ началѣ дается обзоръ всей научной литературы по этому вопросу и его исторія, начиная съ Боппа до 1915 г. А) Звукъ *ch* послѣ гласныхъ: а) послѣ гласныхъ ряда *-i-* (*ě, i, ь*): в) послѣ гласныхъ ряда *-u-* (*u, ˇu, ъ, y*). В) Звукъ *ch* послѣ согласныхъ: а) послѣ *r*, в) послѣ *k*. (Продолж. статьи въ 4-й кн. т. XX). — Д. К. Зеленинъ. Къ вопросу объ изученіи соціальной стороны жизни языка (стр. 119—125). Выводъ проф. Зеленина: „неорганическое смягченіе задненебныхъ въ великорусскихъ говорахъ не могло появиться ранѣе XV в.“; въ южновеликорусскихъ говорахъ эта черта была первоначально чертой сословнаго говора военно-служилыхъ людей московской Руси; съ правительственной колонизаціей черта эта получила распространеніе по всему пространству южно-русскихъ степей. Въ „окающихъ“ говорахъ факторомъ распространенія было торгово-промышленное движеніе, т. е. гл. обр. бурлачество и коноводчество. Попутно проф. Зеленинъ приводитъ тотъ выводъ, къ которому пришелъ онъ въ своей диссертаціи („Великорусскіе говоры съ неорганическимъ и непереходнымъ смягченіемъ задненёбныхъ согласныхъ въ связи съ теченіями позднейшей великорусской колонизаціи“): предполагать существованіе особой эпохи пра-великорусскаго единства достаточныхъ основаній нѣтъ“. — И. Квачала. Первыя философскія занятія Яна Гуса и новое критическое изданіе сочиненій Виклифа (Wiclif-Society) (стр. 126—138). — П. М. Копко. Изслѣдованіе о языкѣ Пандектовъ Антіоха XI в. I—IX (продолженіе въ кн. 4, XX т. стр. 139—216). I. Особенности правописанія Пандектовъ Антіоха XI в. II. Пропуски слоговъ. III. Пропускъ глухихъ въ суффиксальныхъ слогахъ (имѣется въ виду гл. обр. пропускъ ь въ суфф. -ьн, особенно въ группѣ -ньн-) IV. Замѣна глухихъ гласными полнаго образованія (Панденкты А. принадлежатъ къ той группѣ церк.-слав. памятниковъ, которые знаютъ чаще є вм. ь, чемъ о вм. ъ). V. Сочетаніе ьн, ьє и др. VI. Соче таніе -ън, -ън.- VII. Носовые звуки (въ отношеніи употребленія носовыхъ Пандекты „сравнительно очень точны“). VIII. Глухіе въ корняхъ. IX. Ассимиляція и лабіализація глухихъ. — В. П. Адріанова. Къ исторіи легенды о странствующемъ жидѣ въ старинной русской литературѣ (стр. 217—232). Авторъ въ общихъ чертахъ рисуетъ процессъ созданія новой легенды о странствующемъ жидѣ и даетъ русскій текстъ легенды объ Агасферѣ по рукописи XVI в. Древнехранилища Погодина № 1565; паралельно дается нѣмецкій текстъ по Neubaur-y. — П. Н. Столпянскій. Старый Петербургъ. Августъ Вицманъ — одинъ изъ былыхъ петербургскихъ педагоговъ конца XVIII в. I—VIII (стр. 233—291). — Библіографія: А. М. Пѣшковскій. Е. К. Тимченко. Функція генетива въ южно-русской языковой области. Варшава, 1913 (стр. 292—313). — В. М. Поповъ. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Объ отношеніи русскаго письма къ русскому языку. СПБ. 1912. (Стр. 313—324). — И. М. Петровскій. Русская библіографія XVIII в. Планъ работы, предпринятой В. П. Семенниковымъ. Петроградъ. 1915 г. (стр. 324—331). — А. А. Шахматовъ. Д. К. Зеленинъ, Великорусскіе говоры съ неорганическимъ и непереходнымъ смягченіемъ задненёбныхъ согласныхъ въ связи съ теченіями позднѣйшей великорусской колонизаціи.[1]) Статья покойнаго Академика представляетъ довольно обширную рецензію на докторскую диссертацію Д. К. Зеленина (Стр. 332—358).

Книжка 4-я (Петроградъ 1916).

П. М. Копко. Изслѣдованіе о языкѣ Пандектовъ Антіоха XI в. X—XVIII. (Продолженіе стр. 1—92). X. Глухіе при плавныхъ (авторъ

[1]) СПБ. 1913.

констатируетъ фактъ отсутствія общерусскихъ сочетаній *tъrt* < *tъ̑rt*, *tьrt* < *tь̑rt*; въ этомъ отношеніи Пандекты А. отличаются отъ Остр. Ев., Сборниковъ Свят. 1073 и 1076 г. г., отъ Миней XI в., отъ Григорія Назіанзина XI в., знающихъ въ изобиліи сочетанія -ьр-, -ър- и даже -ьрь-, -ъръ-). — XI. Окончаніе -омь въ твр. ед. м. р. (г. Копко устанавливаетъ отличи- тельную особенность этого памятника въ сопоставленіи его съ др.-русскими текстами Остр. Евангелія, Сворниковъ Свят., Миней XI в.: ,,выдержанное употребленіе -омь и -емь въ муж. родѣ и въ среднемъ“). XII. Сочетаніе шт (является въ Пандектахъ Ант. ,,почти господствующимъ“). XIII. *l* epentheticum. XIV. Употребленіе ѩ, ж, ю (въ начальномъ положеніи). XV. Остальныя явленія, касающіяся глухихъ и гласныхъ. XVI. Остальныя явленія, касающіяся консонантизма (ц вм. ч). XVII. Формальныя особенности Пандектовъ Ант. XI. в. (особенности въ формахъ основъ на *-ŏ*, *-jo*; окончаніе -тъ въ глагольныхъ формахъ). XVIII. Часть памятника, обнимающая л. л. 18 об. — 26 об. (предпочитающая глухой ь). — Н. А. Морозовъ. Лингвистическіе спектры. Средство для отличія плагіатовъ отъ истинныхъ произведеній того или другого извѣстнаго автора (стр. 93—134). Г. Морозовъ пытается установить методъ, при помощи котораго можно было бы съ объективной очевидностью говорить о принадлежности тому или иному автору тѣхъ или иныхъ произведеній, когда подъ ними нѣтъ имени автора. Всѣ заключенія по данному вопросу, исходящія изъ сужденія о чистотѣ языка произведенія, носятъ неизбѣжно субъективный характеръ и не являются обязательной для каждаго истиной. Вотъ почему авторъ приходитъ къ мысли о ,,лингвистическомъ спектрѣ“, который бы далъ возможность изслѣдовать стиль писателя подобно тому, какъ спектральный анализъ химика-астронома даетъ ему возможность судитъ по спектру о химическомъ составѣ небесныхъ свѣтилъ. ,,Лингвистическій спектръ“ строится на основаніи наблюденія надъ употребленіемъ тѣмъ или другимъ авторомъ ,,служебныхъ“ или ,,распорядительныхъ“ частицъ: *въ*, *на*, *съ*, *и* и т. д.; эти частицы менѣе всего зависятъ отъ намѣренныхъ исправленій писателемъ своего изложенія при корректурахъ. Такъ, напр., на 1000 словъ Гоголя *въ* встрѣчается 14 разъ, *на* — 24, *съ* — 10; у Пушкина: *въ* — 40 разъ, *на* — 12, — *съ* 14; у Тургенева: *въ* — 40, *на* — 14, *съ* — 16 и т. д. при томъ же общемъ количествѣ словъ. Сдѣлавъ наблюденіе надъ разными произведеніями этихъ авторовъ въ отношеніи разныхъ частицъ (предлоговъ, союзовъ, междометій, ибо одного спектра зачастую мало), можно построить кривую, которая и будетъ тѣмъ ,,лингвистическимъ спектромъ“, по которому можно узнать автора въ его произведеніи, гдѣ имени его нѣтъ. Далѣе приводится рядъ таблицъ примѣрныхъ спектровъ. Въ подтвержденіе мысли о продуктивности подобнаго метода въ любомъ языкѣ, г. Морозовъ разсматриваетъ съ этой точки зрѣнія сочиненія Платона и даетъ 7 таблицъ для различныхъ ,,распорядительныхъ“ частицъ. Въ заключеніе приведены 2 общихъ таблицы, въ которыхъ содержится весь сырой матеріалъ, собраный авторомъ для разбираемой статьи. — Г. А. Ильинскій. Звукъ *ch* въ славянскихъ языкахъ (окончаніе, стр. 135—186). Отд. II. Звукъ *ch* изъ иде. *kh*. A) Корни незвукоподражательнаго происхожденія. B) Корни звукоподражательнаго происхожденія. Отд. III. Звукъ *ch* аналогичнаго происхожденія. — П. А. Ровинскій. Сербская хроника въ латинскомъ переводѣ второй половины XII ст. (стр. 187—254). Имѣется въ виду ,,лѣтопись попа Дукланина“. Во введеніи дается исторія изученія памятника съ XVI в. Далѣе въ первой главѣ попутно выясняется вопросъ объ отношеніи переводчика къ оригиналу — переписка, переводъ и внесеніе въ его содержаніе элементовъ отъ переводчика. Во второй гл. авторъ останавливается на содержаніи памятника въ его первоначальномъ, чистомъ видѣ. Желая выяснить взаимоотношеніе ,,хроники“ и сочиненія К. Порфирогенета, какъ единственныхъ источниковъ по цѣлому ряду вопросовъ сербской исторіи, г. Ровинскій въ 3-ей главѣ своего изслѣдованія разсматриваетъ сочиненіе К. Порфирогенета ,,О провин-

ціяхъ и народахъ“ и „хронику“, какъ историческіе памятники. Приходитъ къ выводу, что сочиненіе К. Порфирогенета является надежнымъ источникомъ для исторіи о первомъ поселеніи сербовъ и хорватовъ на Балканскомъ полуостровѣ и объ отношеніи къ Рашкѣ, тогда какъ такимъ источникомъ для всѣхъ другихъ областей является „хроника“. IV. гл. говоритъ объ отраженіи въ хроникѣ сербской народной жизни и народнаго характера. Гл. V. „Хроника“, какъ литературное произведеніе, и сопоставленіе ее съ „Цароставникомъ“. Наконецъ, VI. гл. „Хорватская хроника“, которую для перевода на латинскій яз. Доминикъ Папаличъ, далматинскій князъ, прислалъ Марку Маруличу. — Библіографія: Н. Н. Дурново. Ал. Дм. Григорьевъ. Повѣсть объ Акирѣ Премудромъ. Изслѣдованіе и тексты. Изд. Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Москва. 1913. (стр. 255—302). — Н. П. Кашинъ. Леонидъ Семеновъ. Лермонтовъ и Левъ Толстой (къ столѣтію со дня рожденія Лермонтова). М. 1914. (стр. 303—325). — А. И. Степовичъ. А. Л. Погодинъ. Славянскій міръ. Москва 1915 г. (стр. 325—328). — А. И. Соболевскій. Автобіография на Софрони Врачански. Отъ Д-ръ П. Н. Орѣшковъ. София. 1914. (стр. 328—329).

Томъ XXI (1916 г.), книжка 1-я (Петроградъ 1916).

Н. И. Веселовскій. Замѣтки по исторіи Золотой Орды. I-II (стр. 1—15). I. Золотоордынскій ханъ Дюдень и царевичъ Дюдень. — II. Золотоордынскій ханъ Тохта (1291—1313 г. г.) и царевичъ Токтомиръ. — Первая глава представлаетъ результаты изысканія при помощи мусульманской литературы по вопросу о загадочномъ имени царя, который въ русскихъ лѣтописяхъ (Лаврентьевской, Никоновской, Софійской, Воскресенской, Новгородской и Тверской) называется Дюденемъ. Авторъ приходитъ къ заключенію, что подъ Дюденемъ разумѣется Туданъ, сынъ Мангутемира. Попутно выясняется, что посолъ Щелканъ, погибшій въ Твери, приходится хану Узбеку двоюроднымъ братомъ. Къ главѣ приложена родословная таблица первыхъ Чингизидовъ въ Золотой ордѣ. — Во второй главѣ ак. Веселовскій, вопреки мнѣнію П. С. Савельева, доказываетъ, что Токтомиръ не есть Токта-Эмиръ, а Токъ-Темирь; Тохта и Токъ-Темирь — 2 различныхъ лица; Токъ-Темирь не ханъ, а царевичъ, родословная котораго намъ не извѣстна. — А. С. Грушевскій. Изъ жизни украинской интеллигенціи 1830-тыхъ годовъ I—III (стр. 16—37). I. Настроенія въ перепискѣ—глубокая привязанность къ родному краю, родной природѣ. II. Интересъ къ прошлому — къ образамъ прошлаго, навѣяннымъ „думами“, и къ образамъ прошлаго изъ фамильныхъ преданій и разсказовъ о прошлыхъ судьбахъ рода. Однимъ изъ ревностныхъ собирателей матеріаловъ по исторіи Украины является А. Я. Стороженко. III. Сношеніе А. Я. Стороженко съ польскими и славянскими учеными — имѣются въ виду: В. Мацѣевскій, доставшій въ Познанской библіотекѣ гр. Рачинскихъ для С. Универсалы казацкихъ гетмановъ и письма предка С., полковника запорожскаго Стороженко (1610 г.), Ганка, Зубрицкій и Вагилевичъ, который выдвигался кандидатомъ на каѳедру славистики въ Кіевскомъ Ун-тѣ. Велъ С. переписку и съ Бодянскимъ. — С. В. Штейнъ. „Любовь мертвеца“ у Лермонтова и Альфонса Карра (стр. 38—47). Авторъ статьи относитъ написаніе этого стихотворенія Л. къ 1841 г., а не къ 1840, какъ это дѣлалось до него, и высказываеть предложеніе, что стих. Карра „Le mort amoureux“ стало извѣстно Л. въ Петроградѣ или Москвѣ въ Маѣ 1841 г., гдѣ Л. могъ читать весьма распространенный тогда и за предѣлами Франціи сборникъ Карра „Les Guêpes“. Впрочемъ авторъ не исключаетъ возможности ознакомленія Л. съ этимъ сборникомъ въ виду его популярности и на Кавказѣ; однако это представляется ему менѣе вѣроятнымъ. „Любовь мертвеца“ создана подъ впечатленіемъ „Le mort amoreux“ и является творческой переработкой намѣченной французскимъ поэтомъ темы. — М. Д. Приселковъ и М. Р. Фасмеръ. Отрывки

Б. Н. Бенешевича по исторіи русской церкви XIV вѣка. (Посвящается Б. Н. Бенешевичу). I—IV (стр. 48—70). Въ 1914 г. Б. И. Бенешевичъ во 2-й гл. своей книги о „Синагогѣ въ 50 титуловъ и другихъ юридическихъ сборникахъ Іоанна Схоластика" далъ подробное описаніе Ватиканскаго греческаго сборника XIV в. № 840 и указалъ „помѣтки, интересныя и для исторіи древне-русской церкви"; другой ученый — В. Э. Регель изъ этого же Ватиканскаго сборника извлекъ „Записки о поставленіи русскихъ епископовъ при митрополитѣ Өеогностѣ" въ 1887 г. Статья является попыткой перевода и толкованія „Помѣтокъ", коимъ авторы усваиваютъ названіе „Отрывковъ . . . "; къ статьѣ приложено фототипическое воспроизведеніе листовъ Ватиканскаго сборника, на которыхъ читаются „Отрывки" Бенешевича и „Записи" Регеля. Дальше идутъ текстъ, переводъ, примѣчанія. — А. В. Марковъ. Обзоръ трудовъ В. Ө. Миллера по народной словесности. Памяти дорогого учителя (стр. 71—108). — С. П. Розановъ. Повѣсть объ убіеніи Батыя (стр. 109—142). Авторъ отличаетъ большую популярность повѣсти, несмотря на то, что въ ней преобладаютъ чуждые элементы: мѣсто дѣйствія — Венгрія; герой, убившій Батыя—Владиславъ и мн. др. Изученіе списковъ повѣсти даетъ основаніе свести ихъ къ 2-мъ редакціямъ: лѣтописной и минейной. С. П. Розановъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) родина легенды о Батыѣ — городъ Варадинъ (Венгрія), къ историческимъ памятникамъ котораго приросли двѣ, потомъ спаявшіяся, легенды: о Владиславѣ Св. и о татарскомъ нашествіи. 2) Въ этой комбинаціи легенды были записаны въ Варадинѣ сербомъ, обработавшимъ ихъ литературно. 3) Въ половинѣ XV в. повѣсть была принесена въ Россію и получила свою настоящую редакцію. Въ статьѣ данъ текстъ повѣсти и въ видѣ приложенія — перечень списковъ ея съ ихъ характеристикой. — С. А. Щеглова. Описаніе рукописей Кіевскаго Художественно-Промышленнаго и Научнаго Музея имени Государя Императора Николая Александровича (стр. 143—191). I. Книги Св. Писанія. — II. Богослужебныя книги. — III. Рукописи религіознаго содержанія. — IV. Историческіе, юридическіе и архивные документы. — А. И. Яцимирскій. Мелкіе тексты и замѣтки по старинной южно-славянской и русской литературамъ (стр. 192—261). LXXI. Агіографическія и литургическія статьи о кн. Борисѣ и Глѣбѣ въ южно-славянскихъ спискахъ. — LXXII. Южно-славянскіе списки XIV в. проложнаго сказанія о кн. Мстиславѣ. — LXXIII. Сербскія приписки XVII—XVIII в. о русскихъ святыхъ. — LXXIV. Компиляція изъ апостольскихъ институцій въ сербскомъ спискѣ XV в. — LXXV. Южно-славянская декабрьская Минея Четья XIV в. — LXXVI. Сербская Минея Четья на первую треть года XIV в. — LXXVII. Попытка составленія годичной Минеи Четьей у сербовъ въ концѣ третьей четверти XIV в. — В. Н. Перетцъ. Къ исторіи текста „Повѣсти объ Акирѣ Премудромъ" (262—278). Проф. Перетцъ указываетъ, что детальнаго анализа литературной исторіи повѣсти до сихъ поръ (1916) еще нѣтъ, такъ какъ изслѣдованіе И. И. Дурново и обширный трудъ А. Д. Григорьева касались гл. об. вопросовъ происхожденія повѣсти, мѣста и времени ея созданія, путей перехода въ словянскую литературу, отчасти — редакцій славяно-русскихъ списковъ. Статья имѣетъ цѣлью обратить вниманіе на нѣкоторыя детали списка 1-й редакціи повѣсти, принадлежащаго Лонгинову. — Ю. В. Петровская. Къ вопросу о мѣнѣ глухихъ въ старо-славянскихъ памятникахъ. Мѣна глухихъ въ Синайской Псалтири (стр. 279—319). Приводя мнѣніе о мѣнѣ глухихъ Срезневскаго, Ягича, Лескина, авторъ опредѣляетъ цѣль изслѣдованія, какъ „попытку примѣненія гипотезы Ягича при объясненіи фактовъ языка памятника, въ которомъ мѣна глухихъ далеко не отличается правильностью", т. е. Синайской Псалтири, и ставитъ своей задачей отвѣтъ на вопросъ: „противорѣчитъ ли непослѣдовательность въ мѣнѣ глухихъ въ этомъ памятникѣ гипотезѣ Ягича?" Дается характеристика употребленія въ памятникѣ ъ и ь; указывается на пріемы 4 писцовъ, писавшихъ памятникъ; наконецъ, выводъ: гипотеза Лес-

кина] о мнѣ глухихъ стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ свидѣтельствомъ памятника; съ другой стороны, факты языка Син. Пс. „гораздо сильнѣе говорятъ въ пользу гипотезы Ягича, чѣмъ противъ нея". — Библіографія: 1) С. П. Обнорскій. Рад. Кошутић. Граматика руског језика. II. Облици. Београд. 1914 (стр. 320—342). — Неудовлетворяясь краткой рецензіей на эту грамматику проф. Кульмана (пом. во 2-й кн. Изв. за 1915 г.), С. П. Обнорскій дѣлаетъ подробный разборъ труда Кошутића. — 2) Г. З. К — чъ. Записки Императорскаго Русск. Геогр. О-ва по отд. этнографіи. Т. XL. Великорусскія сказки Вятской губ. Съ приложеніемъ шести вотяцкихъ сказокъ. Сборникъ Д. К. Зеленина. Петроградъ. 1915. (стр. 342—347). — Н. И. Веселовскій. Дополненія и поправки къ ст. Н. И. Веселовскаго „Замѣтки по исторіи Золотой Орды" (стр. 348). —

Книжка 2-я (Петроградъ 1916).

Н. П. Лихачевъ. Двинская купчая XV вѣка (стр. 1—4). Замѣтка касается подлинника того документа (купчей Өедора Макарова), который въ копіи нач. XIX в. подъ № 100 вошелъ въ Шахматовское „Изслѣдованіе о Двинскихъ грамотахъ XV в." Покойный академикъ указывалъ, что подлинникъ утраченъ. Въ послѣднее время подлинникъ нашелся въ частномъ собраніи въ Петроградѣ. Къ замѣткѣ приложенъ списокъ съ листа найденной купчей. — В. Ө. Ржига. Кто былъ монахъ Эразмъ? (Стр. 5—12). Статья даетъ отвѣтъ на тотъ вопросъ, которымъ закончилъ свою работу, посвященную муромской легендѣ о Петрѣ и Февроніи, академикъ Александръ Веселовскій. Подводя итого всему, что сказано было по этому вопросу до него, авторъ считаетъ „наиболѣе целѣсообразнымъ разыскивать Эразма среди той группы писателей, которые работали въ литературныхъ предпріятіяхъ митр. Макарія", и останавливаетъ свое внишаніе на вновь найденомъ писателѣ XVI в. Ермолаѣ Прегрѣшномъ, авторѣ моленія къ Ивану Грозному и ряда др. произведеній, как это видно изъ изслѣдованія проф. И. Шляпкина („Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Грознаго". Сборникъ статей, посвященный С. Ө. Платонову: „Сергѣю Өедоровичу Платонову — ученики, друзья и почитатели". СПБ. 1911). Въ одномъ изъ произведеній Ермолая по рук. Петр. Дух. Анад. (Бкбл. Новг. Соф. Соб. № 1296) авторъ нашелъ такое заглавіе поученія Ермолая къ своей душѣ: „Прегрѣшнаго Ермолая, въ иноцѣхъ Еразма, къ своей ему души поученіе" (л. 209 об.). Гипотеза о тожествѣ Ермолая и Еразма получаетъ польное обоснованіе и В. Ө. Р. приходитъ къ выводу: „монахъ Еразмъ — не кто иной, какъ Ермолай Прегрѣшный" (стр. 11). — С. А. Щеглова. Описаніе рукописей Кіевскаго Художественно-Промышленнаго и Научнаго Музея имени Государя Императора Николая Александровича (стр. 13—64). V. Автографы, письма и дневники. — VI. Исторія литературы. — VII. Сборники разнаго содержанія. — VIII. Смѣсь. — (См. Изв. XXI, кн. 1-я.) — А. И. Яцимирскій. Мелкіе тексты и замѣтки по старинной южнославянской и русской литературамъ. (Стр. 65—122). LXXVIII. Славянскій переводъ Диоптры инока Филиппа. — LXXIX. Чинъ омовенія ногъ у южныхъ славянъ въ XIV—XV в. в. — LXXX. „О ереси армѣнской" въ сербскомъ спискѣ к. XIV в. — LXXXI. Автографъ болгарскаго іерея Стойка 1765 г. — LXXXII. Изъ переводовъ и сочиненій Софронія Врачанскаго. — Н. Н. Виноградовъ. Асексѣй Өеофилактовичъ Писемскій. (Матеріалы для его біографіи и выясненія процесса творчества. Стр. 123—151). Въ статьѣ приведены случаи изъ жизни А. Ө. Писемскаго въ бытность его чиновникомъ особыхъ порученій при костромскомъ военномъ губернаторѣ, гдѣ ему приходилось много работать въ Совѣщательномъ Комитетѣ по дѣламъ о расколѣ и раскольникахъ. Эти случаи реальной дѣйствительности своеобразно преломились въ творческой фантазіи П. и вошли въ содержаніе его произведеній (напр., въ романѣ „Люди сороковыхъ годовъ"). По даннымъ Архива костр. Губ. Правленія А. О. Писемскій, будучи чиновникомъ

особыхъ порученій при Костр. Губернаторѣ, много занимался раскольничьими дѣлами и уничтожилъ двѣ старообрядческихъ моленныхъ — въ с. Уренѣ, Варнавин. у. и въ д. Гавриловкѣ, Нерехтскаго у. Романъ Писемскаго „Люди сороковыхъ годовъ", по мнѣнію автора статьи, имѣетъ автобіографическое значеніе: въ лицѣ Вихрова выведенъ самъ Писемскій; въ описаніи ломки 2-хъ моленныхъ мы имѣемъ въ художественной обработкѣ реальные факты уничтоженія. П. моленныхъ въ Уренѣ и Гавриловкѣ; въ личной жизни П. проявлялъ особый интересъ къ расколу и большую терпимостъ къ его послѣдователямъ. — С. Я. Штрайхъ. Литературное воспитаніе Н. И. Пирогова. (Изъ исторіи русскаго просвѣщенія. Стр. 152—205). Разсказывая біографію знаменитаго ученаго, мыслителя и общественнаго дѣятеля, авторъ статьи подробно говоритъ о первыхъ ученическихъ шагахъ Н. И. Пирогова, обильно ползуясь данными изъ „Дневника" Ник. Ивановича; приводитъ кругъ его дѣтскаго чтенія; разсказываетъ объ ученіи Пирогова въ пансіонѣ В. С. Кряжева и, наконецъ, о поступленіи его въ Московскій Ун-тъ на медицинскій фак. Въ концѣ статьи помѣщено произведеніе Пирогова „Посвященіе всѣхъ моихъ трудовъ Родителю" въ 2-хъ частяхъ — собственныя сочинеиія и переводы. Все это, вмѣстѣ взятое, по мнѣнію автора статьи, даетъ матеріалъ между прочимъ для „опредѣленія системы воспитанія въ 20-е годы XIX ст. дѣтей школьнаго возраста изъ семьи разночинцевъ". — А. И. Соболевскій. Матеріалы и замѣтки по др.-русской литературѣ (стр. 206—214). XIV. Когда написано Несторово „Чтеніе" о свв. Борисѣ и Глѣбѣ? Не соглашаясь съ Абрамовичемъ о написаніи „Чтенія" въ концѣ 70-хъ или началѣ 80-хъ годовъ XI в., ак. Соболевскій относитъ время написанія „Чтенія" только къ началу XII в. — XV. О преображеніи Спасовѣ. — XVI. Заговоръ отъ грома. — XVII. Таблица разстояній разныхъ говоровъ отъ Москвы. — XVIII. Къ „Слову о полку Игоревѣ". — XIX. Одно мѣсто Русской Правды. — В. М. Истринъ. Лѣтописныя повѣствованія о походахъ русскихъ князей на Царьградъ (стр. 215—236). Сдѣлавъ краткое замѣчаніе объ исторіи походовъ русскихъ князей на Византію, какъ эти походы представлены въ русскихъ лѣтописяхъ, ак. Истринъ останавливается на сказаніи о походѣ Игоря подъ 6449 (941) г. по Лавр. сп., сравнивая это сказаніе со сказаніями въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ, которыя сводитъ къ двумъ источникамъ: 1) Хроникѣ Амартола и 2) „русскому сказанію" (такъ называетъ И. неизвѣстный источникъ, бывшій 3-мъ для Елинск. Лѣт., кромѣ хроники Амартола и Житія Василія Новаго). Въ 2-хъ указанныхъ источникахъ и читалась исторія въ „Хронографѣ по великому изложенію" въ одной его редакціи, авторъ которой „произвелъ нѣкоторую работу для приспособленія разсказа чужеземнаго источника къ изложенію русской исторіи" (стр. 217). Эту работу и анализируетъ ак. Истринъ. Въ концѣ статьи приложены три разсмотрѣнныхъ в ней отрывка: 1) изъ хроники Амартола, сп. Ундольскаго № 1289, л. л. 400 б—402 а; 2) изъ Еллинскаго Лѣтописца, сп. Чудовской № 3—353, л. л. 453 с—455 в и 3) изъ хронографической Палеи полной редакціи, сп. Рум. Муз. № 453, л. л. 440 с-д. — А. А. Шахматовъ. Замѣтки по исторіи звуковъ лужицкихъ языковъ. По поводу книги Л. В. Щербы: „Восточно-лужицкое нарѣчіе. Томъ I. Петроградъ 1915." (Стр. 237—276). Отмѣтивъ особенности пріемовъ научнаго изслѣдованія Л. В. Щербы, изучавшаго на мѣстѣ описываемое имъ нарѣчіе въ 1907, 1908 и 1913 г. г. съ примѣненіемъ въ изслѣдованіи звуковъ экспериментальныхъ наблюденій, а также расположеніе имъ богатаго матеріала такъ, чтобы дать исчерпывающее описаніе изслѣдуемаго имъ такъ наз. Мужаковскаго нарѣчія, — ак. Шахматовъ указываетъ рядъ неоговоренныхъ авторомъ разногласій его выводовъ съ выводами проф. Муки („Historische und vergl. Laut- und Formenlehre der Niedersorbischen Sprache") и послѣдовательно, по параграфамъ, даетъ свои критическія замѣчанія по поводу добытыхъ Л. В. Щербой данныхъ. Въ отдѣлѣ морфологіи (стр. 92—140 труда Щ.) ак. Шахматовъ отмѣчаетъ неполноту, вызванную тѣмъ, что

,,явленія другихъ лужицкихъ говоровъ и вся относящаяся къ нимъ грамматическая литература оставлены совсѣмъ въ сторонѣ. Имѣемъ — пишетъ ак. Шахматовъ — передъ собою простое описаніе, а не историко-сравнительное ихъ изслѣдованіе" (стр. 249). Такъ не указано окончаніе *-u* въ род. ед. и *-u* въ дат. м. р.; сомнительно для ак. Ш. указаніе Щ. на то, что въ дв. ч. формы, какъ *dubovu, pšlovu naju* и т. п, означаютъ не только род. п., но и мѣстный; не указано Щ., что отсутствіе предлога *v* передъ формами мѣстн. п. зависитъ отъ фонетическаго выпаденія *v*: *karcmɛ, mužakovɛ* и т. д. Не согласенъ покойный академикъ съ тѣмъ, что авторъ не нашелъ въ муж. нар. формальныхъ различій между глаголами совершеннаго и несовершеннаго вида. Далѣе ак. Ш. останавливается на двухъ гипотезахъ, предложенныхъ Щ.: 1) ,,нормальнымъ соотвѣтствіемъ прасл. *ě* (ѣ) передъ твердыми переднеязычными будетъ мужаковское *a*"; ,,въ тѣхъ случаяхъ, когда прасл. *ě* (ѣ) не перешло въ *a*, оно смѣшалось во всѣхъ положеніяхъ съ прасл. *e, ь*, поскольку эти послѣднія не перешли въ *ɔ* или *o*". 2) *e* ,,соотвѣтствующее въ концѣ слова прасл. *e* разнаго качества, а также *e* въ соотвѣтствіяхъ прасл. *er, el* имѣютъ различную судьбу: нѣкоторыя изъ нихъ перешли въ *o* въ извѣстныхъ условіяхъ, нѣкоторыя нѣтъ . . . *e* перешло въ *o* въ тѣхъ случаяхъ, когда мы предполагаемъ для прошлаго интонацію I (лит. ~, слав. нисходящее удареніе), и осталосъ *e* въ тѣхъ случаяхъ, когда мы предполагаемъ для прошлаго интонацію II (лит. ´, слав. восходящее удареніе" (стр. 261). Не согласенъ ак. Ш. съ утвержденіемъ автора о томъ, что ,,эпоха общелужицкаго единства" является предметомъ вѣры, а не знанія, и что мужаковскій говоръ слѣдуетъ непосредственно возводить къ праславянскому. Въ противоположность автору, ак. Ш. указываетъ главнѣйшія явленія общелужицкаго праязыка (стр. 266 и слѣд.). — Е. Ю. Перфецкій. Печатная церковно-славянская книга Угорской Руси въ XVII и XVIII вѣкахъ (стр. 277—294). Впервые въ изданіи Угорской Руси печатная церк.-слав. книга появиласъ тамъ въ XVII в. — полемическое сочиненіе противъ католиковъ и уніатовъ свящ. Михаила; въ XVII же вѣкѣ была въ У. Р. и типографія — въ Грушевѣ, въ монастырѣ Михаила Архистратига; съ 40 г. г. XVIII в. началась организація русской школы, благодаря трудамъ русскихъ мукачевскихъ епископовъ — Мануила Ольшавскаго и особенно Андрея Бачинскаго; въ 1698 г. для У. Р. внѣ ея, въ Тырнавѣ, былъ отпечатанъ катехизисъ еп. Іосифа де Камелиса; въ 1770 г. въ Вѣнѣ была основана Іосифомъ Курцбекомъ типографія для изданія книгъ исключительно церк.-слав. шрифтомъ и въ этой типографіи еп. Іоанномъ Брадачемъ въ 1770 г. были изданы ,,Азбука" и ,,Сборникъ" — популярный катехизисъ, но вслѣдствіе рецензіи на нихъ Свидницкаго еп. Божичкова и по приказанію правительства всѣ экземпляры были собраны, отвезены въ Кошицы и уничтожены. — И. Эндзелинъ. Къ литовской акцентуаціи именит. пад. множ. ч. основъ на *-o* (стр. 295—312). Эндзелинъ говоритъ объ окончаніи лит. им. мн. ч. *-ai*, которое невозможно, съ его точки зрѣнія, считать первоначально свойственнымъ основамъ ср. р., какъ это допускаетъ Meillet; далѣе — о причинахъ балтійскаго совпаденія формъ 3 л. ед. и множ. ч., возражая на критику данной гипотезы со стороны Meillet; о наконечномъ удареніи литовскихъ формъ вродѣ dievaĩ — старыя oxytona, возражая Meillet на приведенные имъ противорѣчащіе мнѣнію И. Э. примѣры. — Библіографія: 1) И. Эндзелинъ. Kr. Barons und H. Wissendorffs. Latwju dainas (Хр. Баронъ и Г. Виссендорфъ. Латышскія народныя пѣсни). Т. I, Митава, 1894; т. II, Петроградъ, 1903; т. III, Петроградъ, 1904; Т. III_2, Петроградъ, 1909; т. IV, Петроградъ, 1910; т. V, Петроградъ, 1915; т. VI, Петроградъ, 1915. (Стр. 313—319).

Л. Копецкій.

Sborník Matice Slovenskej pre jazykozpyt, národopis a literárnu historiu. Ročník druhý. V Turčianskom Sv. Martine 1924.

Ludevít Štúr: Řeč v loučivém zasednutí dne 18. června 1842 držaná (1—9). Proslov, který Štúr pronesl k svým posluchačům bratislavským, když působil jako náměstek (pomocník) profesora Jiřího Palkoviče. Posluchači Štúrovi, rozcházejíce se na Slovensko, kde budou působiti, mají znáti dobré i špatné vlastnosti svého národa. Stránky přirozeně pěkné a čistě lidské v povaze slovenské jsou zpěvavost, dobrosrdečnost, upřímnost, pracovitost, nábožnost. Stránka zlá nejen na Slovensku, ale u Slovanů vůbec, je nesvornost, egoistické vypínání osobnosti nad celek a, neprorazí-li vůle zvláštní, osobní, zazlení na věc samu. Štúr, jenž tím narážel zejména na spory o rekonstituci bratislavského ústavu, vzniklé v mládeži, důrazně vybízí k nastoupení lepší cesty. — **Václav Vážný:** Príspevky k slovenskému dialektickému slovníku. Niektoré význačné slová v nárečiach slovenských a zemepisné určenie hraníc ich upotrebovania (10—16, 73—77, 100—111, 180—199). Autor zpracoval materiál získaný metodou dotazníkovou od více než tisíce dopisovatelů z více než osmi set míst celého Slovenska. Probírá především názvy pro různé druhy obilí a pro brambory, pak jména příbuzenská. Při jménech rodinných předvádí napřed souvislý obraz rodinné terminologie z některých míst středního, záp. a vých. Slovenska a pak si všímá teprve jmen jednotlivých. Objevují se tu zajímavé podrobnosti: tak se zachovaly v slc. místy starodávné výrazy *dever* a *zolva, zolvica* (*zovlica*), *tesť, testiná, tešč, téšč, teščová* = rodiče mužovi a ženini; všeobecně se drží dvojice *strýk, strýko, strýčko* = bratr otcův, a *ujo, ujec, ujček* = bratr matčin. Rozšíření jednotlivých výrazů znázorněno na třech mapkách. Na 1. mapě nutno isoglosu 4. pojmenovati patrně *žito — pšenica* a ne obráceně, neboť v záp. a částečně stř. nář. se užívá názvu *žito* pro pšenici, kdežto na východě se mluví *pšenica* v témž významu; též isoglosa 6. má být označena *oves — ovos* m. *ovos — oves.* — **Ján Mjartan:** Sebedražie. Národopisná monografia (17—39, 145—179). Práce z národopisného semináře prof. Chotka v Bratislavě. Autor popisuje po všech stránkách dědinu, ležící v severním okrsku župy nitranské, v údolí horní Nitry, v okrese prievidzském, na jih od Prievidze. Obec se připomíná již r. 1245. Autor podává zevnější popis dědiny, statistiku měny obyvatelstva, popisuje stavení, jak se staví, všímá si starého kroje, pokrmů, zvláště pak života v obci a v rodině, mluví o hygieně, o zaměstnání a vzdělání obyvatelstva. Nakonec vypisuje zvyky při narození, pohřbu a svatbě a i jiné návyky a pověry; poslední kapitola se týká lidového umění, kdež podáno několik ukázek lidové písně s nápěvy. — **Anton Václavík:** Povery v podunajskej dedine. Z monografie o Horvatskom grobe (39—44). O t. zv. bosorkách a bosorácích, o rarášku, pastoglavci, vodních mužích, ukrytých pokladech, o múrách a mátohách, o uštknutí, jak se v ně věří v uvedené vesnici. — **Karol Plicka:** O sbierani ľudových piesní (49—59, viz i pozn. na str. 96). Spisovatel, jemuž Maticí Slovenskou bylo uloženo systematické sbírání lidových písní slovenských, vykládá o tom, jak třeba si při práci takové vésti. — **Julius Bodnár:** Uderiná. Obraz jej minulosti a prítomnosti (59—66, 111—127). O obci Uderiné, ležící v severní části bývalé novohradské župy, 12 *km* nad Lučencem. Jméno znělo prý původně *Dvorná*, odtud maď. *Udornya, Ugyerna*, slc. *Uderiná*, pův. tedy dvůr přináležející Děvínskému hradu. Uvádějí se a namnoze i poměry přírodními, historickými neb pod. vykládají pomístná jména ve vsi a v okolí; zejména se však dosti obšírně vypisují její dějiny a osudy až do dob nových. — **Josef Zubatý**: Drobnosti mluvnické a etymologické. IV. Podlý (66—72). Základem tohoto přídavného jména je adj. *podlejší*, odvozené od příslovce a předložky *pedle*, slc. *podlie*, jako je *dolejší, hořejší, nynější* atd. od slov *dole, (na)hoře, nynie*. Stejně bylo k adverbiu *vedlé, vedle, vedľa* adj. *vedlejší, vedľajší*. Adj. *podlejší* znamenalo původně ‚vedlejší, nebcn, vicinus, sousední, pak i soused', tedy význam čistě místní, pak i ‚něco méně cenného'; význam se pak blíží skutečnému komparativu a slova se užívá především o menší ceně hmotné, společenské, pak i o větší mravní nízkosti a hanebnosti. Když slovo *podlejší* cítěno jako komparativ, vznikl k němu i příslušný positiv *podlý*. Tento vývoj až do posledních důsledků se udál asi jen v polštině a snad i v slo-

venštině, kde pak vznikly i jiné výrazy odvozené od takto nově vytvořeného positivu *podlý: podliak, podliačka, podlina, podlec* hromadné pejorativní *podlač, spodliťsa* (srv. i čes. *podle, podlec, podlectví, podlost*): význam mravní nízkosti není aspoň podle původu v těchto slc. slovích jediný, sám tvar *podlejší* znamenává v slc. pouze menší cennost neb větší skrovnost něčeho, i bez přímého srovnávání s předměty jinými, tedy ve funkci t. zv. absolutního komparativu. Nová spisovná čeština, která zná adj. *podlý* teprve po r. 1800, vzala je asi z polštiny, při čemž snad pomáhala i slc.; také rus. *pódlyj* je původu polského. — **G. Iljinskij:** Slovenské etymologie (97—100). 1. Pikulík. I. spojuje jméno tohoto slc. bůžka se stprus. *pickūls* a stlit. *pikulùs*, čert; vychází od stupně **peik-*, jenž je na př. v got. *faih* ‚podvod' a j. Kořen ten znamenal ‚črtať, rezať, potom ‚mučiť', konečně vůbec ‚spôsobiť zlo'. Překvapující podobnost slova slov. s příbuznými baltskými (viděl ji už Matzenauer v LF. 12, 340) dává právo hledat kult tohoto bůžka již v epoše etnické jednoty slov.-baltské. 2. *Luna*, »vlna« je prý z baze **lē* ‚líti', rozšířené determinantem *-u-* v **lēu-*, a to ze stupně **lōu* neb prý z »redukovaného« *leu-* (!). I. vykládá odtud i pol. *lunąć* ‚bryznúť prúdom'. 3. Pera, č. ret, r. губа. Spojuje toto slovo s mor.-slc. *pěra* ‚veliká šiška, nadívaná povidlím', základní význam je prý ‚cosi oválného, vydutého', s lit. *spirà* ‚Mistkugel' a j. Jest třeba vyjíti z představy o oválné, okrouhlé vnější podobě lidských úst. 4. *Kynožit*, »hubit« vzniklo denom. odvozením od adj. **kynogъ*, utvořeného od základu **kъn-* s dlouhým stupněm kořenného vokálu; psl. bylo *kъnь*, resp. *kъnъ* ‚peň, kmen' (viz na př. pol. *kień, kien* téhož významu), tedy *kynožiť* pův. »vyrúbať les do posledného pňa«, odtud jednak »kaziť, hubiť, vyhubiť«, jednak o penězích »márniť, tratiť«. K stupni **kъn-* je patrně stupeň **kon-* v slc. *konár* »vetev« a p. *konar* »suk«. 5. *Galamuta*, »zmätok« jest vysvětlovati spojením slovesa *mǫtiti* s onomatopoickým základem **gala* (stejně je *bala-, kala-, šala- mǫtiti*); kořen *gal-* (viz csl. *galêti*, č. *haliti* »chichotať sa« je prodloužením kořene **gol-* (*golgolъ* a j.). — **Václav Vážný:** O niektorých zvláštnych formách slovesných v západoslovenských nárečiach (127—129). Sleduje geografické rozšíření těchto tvarových variant: 1. *sem — som* (1. sg. slovesa *byť*), 2. záporné *nejsem (nejsom) — neni sem (som)*, 3. *biu, biua, bili* či *bil, bila-bol, bola, boli* či *bou, bú, bua, buua*, (*l*-ové part. od slovesa *byť*), 4. tvary *mjej, mjejte, mjeu, mjeua, mjel, mjela-maj, majte, mal, mala* (od slovesa *mať, mám* »habere«: **jьmê-, jьma-*; název pro majetek je celkem málo znám ve formě *mjeňí*, všeobecně je *majetok*). — **Listinár** (44—48, 78—96, 130—144, 199—200). Dva listy Miloslava B. Salaye Jankovi Šafárikovi z r. 1843 [první pronikavě osvětluje prostředí, z něhož povstala řeč Štúrova v loučivém zasednutí r. 1842 (viz výše) a její účinky v mládeži, druhý je významným dokumentem ke kulturně politickým poměrům v Uhrách v pol. 19. stol.], list Ľudovíta Štúra Dr. Staňkovi z r. 1842 (líčí hlavně poměry mezi slovenskými posluchači v slc. ústavu v Bratislavě), 19 listů Jozefa Miloslava Hurbana Danielovi Slobodovi z let 1844—1881 (listy tyto jsou pozoruhodny pisatelovou otevřeností a přinášejí zvláště leckterý zajímavý doplněk k poznání pozadí jazykového sporu slovenského), list Augusta Horislava Škultétyho Ondrejovi Sládkovičovi z r. 1858 (o vydávání národních pověstí slovenských s nevlídnou zmínkou o činnosti Boženy Němcové; redakce otiskuje k tomu důležitý list Němcové z r. 1856 Sládkovičovi, aby byly jasné její pravé úmysly při vydávání slc. národních pověstí) a jiné dopisy. Všecky tyto dopisy vydány a komentovány společnou prací Jaroslava Vlčka a Flóry Kleinschnitzové.

J. K.

Příspěvek k otázce o zdloužení krátkých samohlásek v zavřených slabikách v polštině.

Ačkoli otázce o zdloužení krátkých samohlásek v souvislosti s odpadáním ъ a ь v slovanštině byla již věnována dosti obsáhlá literatura, není tato otázka dosud rozřešena. Ale tolik je při nejmenším jisto, že jednotlivé slovanské jazyky šly tu různými cestami.

V polštině, jak je známo, nalézáme stopy zdloužení samohlásky v takových případech pravidelně jen před znělou souhláskou,[1]) kdežto před neznělou je samohláska krátká, na př. *bóg* — *boga*, *ród* — *rodu*, *wół* — *wołu*: *bok* — *boku*, *kot* — *kota* a j.[2])

Tento rozdíl se vykládá různě. BAUDOUIN DE COURTENAY[3]) se domnívá, že se původně při zániku koncového ъ a ь krátké samohlásky dloužily před souhláskami znělými i neznělými, že tedy bylo na př. nejen *bōg* < *bogъ*, ale také **bōk* < *bokъ*. Teprve později prý před souhláskou neznělou vlivem tvarů ostatních pádů, na př. *boku*, *bokiem* atd. délka také v nom.-akk. sing. zanikla. V paradigmatu *bóg* — *boga* (vysl. *buk* — *boga*), kde rozdíl mezi nom.-akk. sing. a tvary ostatních pádů byl větší (rozdíl nejen v samohlásce, ale také v souhlásce), se tento rozdíl zachoval.[4]) Před »sonantami«, na př. *bōj*, *wōł*, *bōr*, stpol. *kōń'* a pod. se délka zachovala, protože vznikla souvislost (ассоціацiя) mezi délkou samohlásky a zvučností souhlásky.

Proti domněnce BAUDOUINA DE COURTENAY se vyslovil KULBAKIN[5]) poukazuje na to, že kdyby v tvarech **pōt*, **bōk* a pod.

---

[1]) Srv. VONDRÁK, Vergleichende slavische Grammatik I (1906), str. 215 nsl. a Slavische akzent- u. quantitäts-studien BB. XXX (1906), str. 101 nsl., KULBAKIN, Къ исторiи и дiалектологiи польскаго языка, Сборникъ отд. русск. яз. и слов. имп. ак. наукъ LXXIII, № 4 (1903), str. 159 nsl. a také Замѣтки о славянскомъ количествѣ и удареніи, Извѣстія XI, 4 (1906), str. 303 nsl., NITSCH, Prace filologiczne VI (1907), str. 282 nsl. a Rocznik slawistyczny I (1908), str. 132 nsl., PEDERSEN, Die nasalpräsentia und der slavische akzent KZ. XXXVIII (1905), str. 305 nsl., PORZEZIŃSKI, Сборникъ LXXXI, № 4 (1906), str. 101 nsl., ROZWADOWSKI, Encyklopedya polska tom II, dział III (część I), str. 329 (1915) a také Gramatyka języka polskiego (1923), str. 97. Srv. nyní také VONDRÁK, Vergl. sl. Gr.[2] I (1924), str. 310 nsl.

[2]) O jiných případech zdloužení v zavřených slabikách viz níže str. 440 nsl.

[3]) О древнепольскомъ языкѣ до XIV столѣтія (1870), str. 78.

[4]) Srv. také mínění ROZWADOWSKÉHO v IF. XXV (1909) na str. 40 nsl.

[5]) Сборникъ LXXIII, № 4, str. 159 nsl.

délka mohla se zkrátiti vlivem tvarů ostatních pádů, právě takové zkrácení bychom očekávali také před souhláskami *j*, *l*, *r*, *m*, *n*, na př. ve slovech *bōj*, *wōł*, *bōr* a pod. Ale domnívaje se, že délka vznikla v zavřených slabikách při přechodu znělé souhlásky v neznělou, na př. *woz* > *wōs*, Kulbakin sám také nenachází uspokojivého výkladu tohoto zdloužení před souhláskami *j*, *l*, *r*, *m*, *n*.[1])

Vondrák[2]) snaží se vysvětliti tento zjev polského jazyka rozdíly chronologickými: po znělých souhláskách se prý ъ a ь udržely déle, aby zachovaly zvučnost těchto souhlásek, čímž zabráněno přilišnému odlišení nominativu sing. od tvarů ostatních pádů; když konečně odpadly, předcházející samohláska se zdloužila. Před neznělou souhláskou zdloužení nenastalo, protože ъ a ь odpadly zde dříve, nezanechavše po sobě žádných stop. Kde před ъ nebo ь byly souhlásky *j*, *r*, *l*, *m*, *n*, tam především se zdloužily tyto souhlásky a teprve později zdloužení přešlo na samohlásku.[3])

Výklad výkladu Vondrákovu docela opačný podal již dříve Potebnja[4]): po znělých souhláskách ъ a ь odpadly dříve, při čemž předcházející samohláska se zdloužila, po neznělých, které se vyslovovaly intensivněji, se ъ i ь zachovaly déle; když potom odpadly, zdloužení již nenastalo.

Pedersen v článku výše uvedeném[5]) snaží se vysvětliti polské zdloužení pouze před znělými souhláskami růzností intonací v krátkých slabikách; l. c. na str. 305 praví: »Auch die Dehnung im auslaut (d. h. vor urspr. auslautendem ъ, ь), die im Polnischen und auch wohl im Čechischen nur vor stimmhaften lauten eintritt (p. *bóg bób stół nóż wóz tchórz dwór miód mój nów*, č. *bůh stůl nůž vůz dvůr můj*; nur im Polnischen werden liquidadiphthonge und nasalwokale gedehnt: *wróg chłód gród król żłób ząb rząd ksiądz*), muss mit hülfe der intonationen erklärt werden. Dann muss man aber konstatiren, dass vor einem auslautenden stimmhaften konsonanten ein geschleifter kurzer vokal bes. *o* (im Polnischen zugleich ein liquidadiphthong oder nasalvokal) gestossen wurde; vor einem stimmlosen konsonanten mag umgekehrt ein gestossener

---

[1]) Viz l. c. str. 162; srv. také Nitsch, Prace fil. VI. str. 283.

[2]) Vergl. sl. Gram. I, str. 215 nsl., BB. XXX, str. 102 nsl. Jinak soudí o tom Vondrák v druhém vydání své Vergl. sl. Gr. I (1924), str. 311 nsl.

[3]) S výkladem Vondrákovým, pokud se týče zdloužení před souhláskami *j*, *r*, *l*, *m*, *n*, souhlasí později také Kulbakin (Извѣстія XI, 4, str. 304).

[4]) Къ исторіи звуковъ русскаго языка (1876), str. 52 nsl.

[5]) KZ. XXXVIII, str. 305 nsl.

kurzer vokal geschleift geworden sein (nicht aber ein liquidadiphtong oder nasalvokal: p. gen. plur. *cieląt*).«

Názor Baudouina de Courtenay obhajovali v pozdější době K. Nitsch,[1] Rudnicki,[2] Otrębski.[3] Tento výklad sám o sobě by snad nebyl nemožný.[4] Později podané výklady nedokázaly jeho nesprávnost, ale není také žádných bezpečných důkazů, které by svědčily o správnosti tohoto názoru. Ty případy, kde nalézáme zdlouženou samohlásku také před neznělými souhláskami (bývá to na př. v zavřených slabikách uprostřed slova, v tvarech genitivu plur., v zavřených slabikách s nasální samohláskou), na které se odvolávají přívrženci Baudouina de Courtenay,[5] můžeme vysvětliti také jinak, jak uvidíme později; nemáme aspoň dostatečné příčiny pokládati tyto případy za zbytek původních poměrů.

Kułbakinův názor,[6] že zdloužení vzniklo při ztrátě zvučnosti koncové souhlásky, nejen nemá, pokud vím, odůvodnění, nýbrž právě naopak: živé jazyky ukazují, že před neznělou souhláskou bývá samohláska obyčejně kratší nežli před znělou.[7] Kromě toho nevíme také, zanikla-li v polštině zvučnost souhlásky na konci slabiky hned při odpadnutí koncových samohlásek, nebo až později při změně slabikového typu, neboť, jak ukazují živé jazyky,[8] je přece možná také zvučnost koncové souhlásky v zavřených slabikách. S myšlenkou Kułbakinovou mohu souhlasiti jen v tom, že rozdíl mezi tvary *bóg* — *boga* a *bok* — *boku* může býti skutečně zjev fonetický.

Co se týče výkladů Potebni a Vondráka, zdá se mi, že mohl by býti správný výklad Vondrákův v tom, že ъ a ь mohly skutečně odpadnouti dříve po neznělých souhláskách než po znělých. Ve prospěch tohoto mínění svědčila by na př. středolotyšská nářečí, kde nalézáme neslabičnou výslovnost koncové krátké samohlásky častěji po neznělé souhlásce než po znělé, jak o tom svědčí expe-

[1]) Viz výše zmíněné spisy.
[2]) Materjaly i prace V, str. 210.
[3]) Рус. Фил. Вѣстникъ LXIX, str. 28.
[4]) Zdloužení jak před znělou, tak také před neznělou souhláskou nalézáme také v ukrajinštině.
[5]) Srv. Nitsch, Prace fil. VI, str. 283 nsl.
[6]) Srv. Сборникъ LXXIII, № 4, str. 162 a také Porzeziński, Сборникъ LXXXI, № 4, 101 nsl.
[7]) Srv. Slavia III, str. 26 nsl., Jespersen, Lehrbuch der Phonetik², str. 182 a také Hermann, Silbenbildung im Griechischen und in den anderen indogermanischen Sprachen (1923), str. 224, kde je poukázáno také k příslušné literatuře.
[8]) Srv. Adamovičs, Filologu biedrības raksti III, str. 102, Jespersen, Lehrbuch² str. 184 nsl.; mezi slovanskými jazyky taková výslovnost se vyskytuje v ukrajinštině (srv. Smal-Stockyj und Gartner, Grammatik der ruthenischen Sprache (1913), str. 25 nsl., Симович, Граматика української мови, str. 40 nsl.

rimentální badání. Tento zjev je dosti snadno pochopitelný: před neznělou souhláskou v rychlé výslovnosti samohláska může býti tak krátká, že následující souhláska se připojuje k první slabice, a samohláska druhé slabiky stává se neslabičnou.[1]) Nutný však, jak uvidíme později, takový názor není. Za to docela strojené je VONDRÁKOVO odůvodnění, že po znělých souhláskách ъ a ь se zachovaly déle, aby tím udržovaly znělost souhlásky. Jak již bylo ukázáno, neznělá výslovnost koncové souhlásky, jak ji nalézáme teď v polštině, mohla se vyvinouti teprve později, kdežto při vývoji zavřených slabik mohla se zachovati do jisté doby ještě znělost koncové souhlásky. Podobná znělá výslovnost koncové souhlásky v nových zavřených slabikách vyskytuje se také v západolotyšských (livonských) nářečích.[2])

Úplně neodůvodněno, zdá se mi, je mínění PEDERSENOVO,[3]) které je vyvoláno nejspíše pouze snahou vysvětliti zjevy polského jazyka (také zdloužení v zavřených slabikách) podobně jako stejné zjevy v těch slovanských jazycích, které ukazují na intonační různost v krátkých slabikách,[4]) nehledě k tomu, že polština, pokud se týče délek a intonací, šla docela jinou cestou než ty slovanské jazyky, ve kterých staré délky a intonace do jisté míry se zachovaly.[5])

Není ovšem nemožné, že se také v polštině již po zkrácení starých délek v přízvučných slabikách znovu vyvíjel intonační rozdíl v těchto zkrácených a také starých krátkých slabikách v souvislosti se znělostí nebo neznělostí souhlásky následující slabiky. Podobný intonační rozdíl nalézáme však také v některých středolotyšských nářečích: neznělá souhláska připojuje se lehko k předcházející slabice, zvláště je-li přízvučná, při čemž tato přízvučná krátká samohláska má do jisté míry stoupající intonaci, jak o tom svědčí pokusy; neznělá souhláska naopak se připojuje k následujíci slabice, při čemž předcházející krátká samohláska se vyslovuje trochu déle a s intonací klesající.[6]) Ale tento zjev lotyšského jazyka svědčí, že právě před neznělou souhláskou může se rozvinouti stoupající into-

---

[1]) Srv. Slavia III, str. 25 nsl., ENDZELIN, Lettische Grammatik (1922), str. 14 a 17.

[2]) Srv. ADAMOVIČS, FBR. III, str. 102 nsl.

[3]) Srv. výše na str. 434 nsl.

[4]) Viz KZ. XXXVIII, str. 303 nsl.

[5]) Srv. NITSCH, Prace fil. VI, str. 278, Rocznik slaw. I, str. 134, ROZWADOWSKI, Encyklopedya polska II, str. 329 a Gramatyka jęz. polsk., str. 97.

[6]) Srv. také ENDZELIN, Lettisches Lesebuch (1922), str. 126. Intonační rozdíl v krátkých slabikách není však v lotyštině zvláště patrný, protože není spojen s růzností významu; mluvící si ho obyčejně ani nevšímá.

nace, před znělou pak klesající; s fonetického stanoviska možno tomu snadno rozuměti: v prvním případě vzniká difthongická slabika se stoupající první součástí, v druhém, kde slabikotvornou je jen samohláska, může míti tato samohláska intonaci klesající.[1]) Pedersonova myšlenka, že před znělou souhláskou povstala stoupající intonace místo klesající, nemá tedy žádného hláskoslovného podkladu.

Snad by našli slavisté výklad pravděpodobnější, kdyby obrátili pozornost také k živým jazykům, kde podobné zjevy se vyskytují v době přítomné. Na lotyšskou obdobu s polskými tvary *bóg : bok* poukazoval své doby již Endzelin;[2]) kromě toho, jak sděluje van Wijk,[3]) stejný zjev jeví se prý také v nářečích holandských.

V západolotyšských (livonských) nářečích, která pozbývají jak krátké koncové samohlásky tak také krátké samohlásky uprostřed slova,[4]) vyskytuje se zdloužení předcházející krátké samohlásky jen před znělou souhláskou, za to však před souhláskou neznělou zůstává samohláska krátkou, a neznělá souhláska se dlouží, na př. nom. sing. *kàz* (s dlouhým klesajícím *a*) ‹ *kaza* »koza« : *a$\bar{k}$* (s dlouhým *k*) ‹ *aka* »studně« a pod.; totéž uprostřed slova, na př. nom. plur. part. praet. akt. *vę̀dšęs* (s dlouhým *ę*) ‹ *vędušiês* »kteří se vedli« : *si$\bar{t}$šęs* (s dlouhým *t*) ‹ *situšiês* »kteří se bili« a pod.[5])

Tyto příklady svědčí dosti zřetelně, že se při zániku slabiky dlouží předcházející slabika, nezávisle na hlasnosti nebo nehlaslosti následující souhlásky. Od souhlásky závisí, jak jsme viděli, jen to, dlouží-li se v této zavřené slabice samohláska nebo její koncová souhláska. (Fonetický výklad těchto západolotyšských zdloužení viz ve Slavii III, str. 26 nsl.)

Tyto zjevy západolotyšských nářečí připouštějí domněnku, že v těch slovanských jazycích, kde nalézáme stopy zdloužení pravidelně jen před souhláskou znělou (jak to máme aspoň v polštině a kašubštině), v té době, kdy zánikem ъ a ь znovu se tvořily zavřené slabiky, převládl podobný slabikový typ, jaký se vyskytuje teď v západolotyšských a také aspoň v části středolotyšských nářečí, jmenovitě před neznělou souhláskou samohláska byla asi tak krátká, že připojením této následující souhlásky mohla se utvořiti difthon-

---

[1]) Srv. Slavia III, str. 19 nsl. a Filologu biedrības raksti I, str. 41 nsl.
[2]) Русскій Фил. Вѣстникъ LXXI, str. 562—563.
[3]) Balties-slaviese problemen str. 9 nsl. (s poukazem na příslušnou literaturu).
[4]) Srv. Endzelin, Lettische Grammatik §§ 33, 38b., 62 (s poukazem na literaturu) a také Adamovičs, FBR. III, str. 96 nsl.
[5]) Srv. Endzelin, Lett. Gramm., str. 56.

gická slabika[1]); dloužení takové slabiky při zániku ъ a ь mohlo se vykonati jen zdloužením druhé součásti difthongu, tedy souhlásky.[2]) Časem mohly tyto dlouhé souhlásky své délky, nebyla-li spojena s rozdílem významu, lehce pozbýti,[3]) poněvadž délka souhlásky snadno se kolísá, zvláště na konci slabiky v souvislosti s postavením slova ve větě, s větnou intonací, rychlostí řeči a podobnými podmínkami. Případy s krátkou (neslabičnou) výslovností souhlásky mohly později býti zevšeobecněny,[4]) zvláště ovládl-li při tom monofthongický slabikovy typ [s jednou hláskou jako vrcholem slabiky],[5]) jak to nyní je ve slovanštině.[6])

Před znělou souhláskou, kde samohláska mohla míti delší výslovnost,[7]) byla tato samohláska jedinou slabikotvornou hláskou a proto musila podlehnouti zdloužení (dloužila-li se slabika).

S takovéhoto stanoviska byl by snadno pochopitelný rozdíl mezi tvary rázu *bóg — boga : bok — boku* v polštině; byl by to rozdíl úplně paralelní západolotyšskému rozdílu *kāz* ‹ *kaza* : *kas̄* ‹ *kasa* »škrábe, češe« (3. os. ind. praes.) a pod. V takovém případě dalo by se vysvětliti také zdloužení před »sonantami« *j, r, l, m, n*. Měla-li slova se »sonantou« před ъ a ь první slabiku monofthongickou, na př. *bo-rъ*, *wo-łъ* a pod., mohli bychom očekávati podle toho, co bylo řečeno výše, jen *bōr*, *wōł*, tvary podobné západolotyšským *mūl* ‹ *mala* »kraj«, *zem'* ‹ *zeme* »země« a pod. Zdloužení »sonanty«, které potom by přešlo na předcházející samohlásku,[8]) jak se domnívá Vondrák a později také Kulbakin,[9]) očekávali bychom jen v tom případě, kdyby ještě v dvouslabičném stadiu »sonans« se připojoval k předcházející slabice, t. j. kdybychom ještě před konečným zánikem ъ a ь měli zde zavřené difthongické slabiky s dlouhou »sonantou«, jako na př. v lotyšských dialektických *pil̃la* ‹ *pilna* »plná«, *vil̃la* ‹ *vilna* »vlna« a pod., kde po odpadnutí koncové samohlásky

---

[1]) Srv. Slavia III, str. 21 nsl.

[2]) Srv. Slavia III, str. 27 a FBR. I, str. 42 nsl.

[3]) Hermann, Silbenbildung, str. 84 nsl.

[4]) Srv. hornolotyšské (hochlettische) *nass* ‹ *nazis* »nůž«, *mešš* ‹ *mežs* »les« a pod. s dlouhou souhláskou (Endzelin, Lett. Gr., str. 178 nsl.) vedle středolotyšských *mas* ‹ *mazs* »malý«, *as* ‹ *ass* »ostrý«, *meš* ‹ *mežs* »les« a p., kde ve vědomí mluvícího délka již není.

[5]) Srv. Slavia III, str. 21 nsl.

[6]) Srv. Broch, Slavische Phonetik, str. 187.

[7]) Srv. Slavia III, str. 26.

[8]) To by se mohlo státi, kdyby se slabikový typ během doby změnil, difthongické slabiky by přešly v monofthongické, jak to máme na př. v lotyšském *vārna* ‹ **var̃nā* »vrána«, *kārta* ‹ **kàrtā* »řada, vrstva« a pod., kde samohláska se zdloužila a slabikotvorné *r* stalo se neslabičným.

[9]) Извѣстія XI, 4, str. 101 nsl.

náme *pil̃, vil̃* (s dlouhým slabikotvorným *l*). Nemáme však žádných ůvodů předpokládati, že by byly bývaly v polštině kdysi dvouslaičné tvary **bor-rъ, *voł-łъ* a pod. [s difthongickou první slabikou].[1])

O těch nečetných případech, kde, soudě podle způsobu psaní, alézáme v staré polštině dlouhé samohlásky také před neznělou ouhláskou (na př. staropolské *czaas, laas, uyaas* »suspensum«, *zeecz* »factum«, *prooch* »pulvis«; *kooth* »felis«, *potook* »rivus« a ěkteré jiné,[2]) je nesnadno říci, co představují. Podle výkladu BAUDOUINA DE COURTENAY je to zbytek starého zdloužení také řed neznělou souhláskou,[3]) což ovšem s výše podaným výkladem onetickým nesouhlasí. KULBAKIN a také PORZEZIŃSKI[4]) se domnívají, že tato zdloužení vznikla analogií podle tvarů se znělou kon-ovou souhláskou; VONDRÁK opět se domnívá, že zdloužení bylo pravidelně také před neznělými spirantami.[5])

Kdyby tyto výjimky měly svůj původ v analogii, museli bychom ředpokládati, že mezitím již dlouhé souhlásky na konci slabiky anikly (difthongické slabiky se staly monofthongickými). S druhé trany není docela vyloučena možnost, že zdloužení bylo původně aké před neznělými spirantami, jak myslí VONDRÁK, neboť také ivé jazyky ukazují, že před spirantami samohlásky bývají delší než řed explosivami.[6]) Jestliže také před neznělými spirantami délka amohlásky stačila k vytvoření přísně monofthongické slabiky, tu

---

[1]) V zavřených slabikách, jež se končí nosovkou, ve spisovné řeči polské dloužení teď již nemáme, na př. *dom, koń*, gen. plur. *stron, bron*, dem. *stronka, łomka*; v staropolských tekstech a v některých nářečích nalézáme tu také louhé samohlásky (srv. NITSCH, Końcowe *oN, oł, oj* w polszczyznie literackiej ludowej, Zbornik u slavu Jagića (1908), str. 316 nsl., ROZWADOWSKI, Encykl. ol. II, str. 329 nsl. a také Gramatyka jęz. polsk., str. 97 a 100). Tento zjev řipouští domněnku, že před nosovkou zdloužené samohlásky se zkrátily v něterých polských nářečích ještě před konečným zánikem délek a náhradou jich amohláskami zúženými (pochylone).

[2]) Srv. VONDRÁK, BB. XXX, str. 103 nsl., KULBAKIN, Изв. XI, 4, str. 304, ROZWADOWSKI, Encykl. pol. II, str. 330 a Gramatyka jęz. polsk., str. 98, Łoś, race fil. II, str. 119—142.

[3]) Srv. také NITSCH, Rocznik slaw. I, 132 nsl.

[4]) Сбор. LXXXI, № 4, str. 104.

[5]) Vedle zdloužení před neznělými spirantami nalézáme však také jedotlivé případy zdloužení před neznělými souhláskami explosivními (*kooth, otook*).

[6]) Srv. JESPERSEN, Lehrbuch[2], str. 182. Také ve středolotyšských nářečích, ak ukazují pokusy, je krátká samohláska delší před následující spirantou než řed explosivou (na př. ve slovech: gen. sing. *kapa* »hrobu«, nom. sing. fem. *ati* »sama«, trvání přízvučného *a* je podle mých zkoumání 7—9σ, kdežto ve ovech: nom. plur. m. *paši* »sami«, 3 os. ind. praes. *kasa* »češe, škrábe« — , 5—12σ), ačkoli v mé výslovnosti při dloužení těchto slov (na př. pod silným ůrazem) se objevuje v první slabice zřetelná dvojhláska: *pat̃i, paši* (s dlouhým abičným *t* a *š*).

při zániku ъ a ь mohly také zde vzniknouti zdloužené samohlásky. Nemáme však dostatečné příčiny k takovému tvrzení, poněvadž podobné délky se vyskytují jen v ojedinělých případech, a s druhé strany musíme hleděti také k tomu, že ve XIII, XIV, XV stol., t. j. v době, kdy dlouhé samohlásky mizely a vedle nich se ukazovaly již samohlásky zúžené [pochylone],[1]) snadno můžeme očekávati neurčitost a kolísání ve výslovnosti a rovněž ve způsobu psaní.

V zavřených slabikách uprostřed slova nalézáme ovšem méně určitosti než v zavřených koncových slabikách (v tvarech nom.-akk. *o*- kmenů). Máme tu dosti často zdlouženou samohlásku také před neznělou souhláskou; zvláště dá se to říci o zavřených slabikách obsahujících nasální samohlásky. Přivrženci BAUDOUINA DE COURTENAY vidí v těchto případech zase zbytky původního stavu a pokládají je za důkaz toho, že nejprve zdloužení bylo také před neznělými souhláskami.[2])

Shoda s výše zmíněnými případy zdloužení v západolotyšských nářečích, která ukazují, že zdloužení v koncových slabikách úplně souhlasí se zdloužením uprostřed slova, očekávali bychom fonetický rozdíl mezi zavřenými koncovými a středními slabikami jen v případě, kdy mezi vznikem zavřených slabik s jedné strany na konci slova, s druhé — ve středu[3]) změnil by se slabikový ráz, t. j. kdyby mezitím krátké samohlásky před neznělými souhláskami trochu se zdloužily.[4]) Bylo-li tomu tak, očekávali bychom fonetické zdloužení uprostřed slova také před neznělými souhláskami; ale že tomu opravdu tak bylo, o tom ze zjevů polského jazyka přece se souditi nedá.

Jako KULBAKIN,[5]) tak také NITSCH[6]) opírají se ve svých úvahách o zdloužení uprostřed slova hlavně o materiál sebraný LORENTZEM,[7]) t. j. na slova s nasálními samohláskami, která, podle mého mínění, v tomto případě nic nedokazují. Mezi nosovou samohláskou a následující souhláskou jistě byly jiné kvantitativní poměry než mezi krátkou samohláskou nenosovou a následující souhláskou, a jmenovitě

---

[1]) Srv. ŁOŚ, Prace fil. II, str. 141 nsl., T. BENNI, J. ŁOŚ, K. NITSCH, J. ROZWADOWSKI, H. UŁASZYN, Gramatyka języka polskiego (1923), str. 73 nsl.
[2]) Srv. NITSCH, Prace fil. VI, str. 284 nsl. a Rocznik slaw. I. str. 132 nsl.
[3]) Srv. ROZWADOWSKI, Encyklopedya polska II, str. 328.
[4]) Takovou výslovnost nalézáme na př. ve východních lotyšských nářečích, kde se vyskytují jen monofthongické slabiky jak před znělými, tak také před neznělými spirantami a explosivami. Viz FRR IV, str. 41 nsl.
[5]) Сборникъ LXXIII, № 4, str. 179.
[6]) Prace fil. VI, str. 284.
[7]) Arch. f. sl. Phil. XIX, str. 348 nsl.

;aková nosová samohláska byla patrně jak před znělou, tak také před neznělou souhláskou trochu delší než odpovídající samohláska orální.[1]) Tyto nosové samohlásky nebyly snad tak dlouhé, že by je mluvící cítil jako dlouhé samohlásky, délka jejich mohla však býti dostatečná, aby také ve spojení s následující neznělou souhláskou se vytvořila monofthongická slabika, v níž při zániku *ъ* a *ь* mohla býti zdloužena pouze tato nasální samohláska.[2])

Domníváme-li se, že zdloužení nasální samohlásky vzniklo fo-neticky ve všech zavřených slabikách, jak před znělou, tak také před neznělou souhláskou, musíme připustiti, že v těch případech, kde se vyskytuje krátká nosová samohláska před neznělou souhláskou vedle dlouhé před znělou, jako na př. v nominativech sing. *kęs — kęsu, pręt — pręta* : *dąb — dębu, mąž — męża* a pod.,[3]) tento poměr vznikl napodobením fonetického poměru *bok — boku* : *bóg — boga*.[4]) Původně kvantitativní rozdíl, který vytvořil v polštině dvojici *ą* : *ę*, povstal patrně za jiných podmínek, jmenovitě v souvislosti s místem přízvuku,[5]) a časem tato kvantitativní dvojitost mohla býti přenesena dílem také na zavřené slabiky podle té dvojitosti, jež vznikla tu foneticky při samohláskách nenasálních. Během času vznikly tu velmi četné změny a zpovšechnění, jak ukazuje také materiál Lorentzem sebraný (l. c. str. 149 nsl.).

V jistých případech se starou kořennou délkou mohla se za-chovati uprostřed slova tato stará délka jak před znělou, tak také před neznělou souhláskou v souvislosti s místem přízvuku, jako na př. v deminutivech na *-ъkъ, -ьkъ*.[6])

Pokud se týče případů s přízvučnou krátkou samohláskou *o* (pů-vodní a rovněž vzniklé z původní délky), nepozorujeme v nich zá-

---

[1]) Srv. Jespersen, Lehrbuch², str. 188 o délce nosových samohlásek ve francouzštině.

[2]) Srv. také vývody Lorentzovy l. c. str. 377 nsl. S fysiologického sta-noviska zdá se docela nemožným takové spojení nosové samohlásky se sou-hláskou, jehož následkem byla by difthongická slabika (s dlouhou souhláskou).

[3]) Srv. Lorentz, l. c. str. 162. nsl.

[4]) Ve prospěch tohoto mínění by mluvilo snad také to, že v deminutivech na *-ątko*, na př. *gołębiątko, zwierzątko, gąsiątko* a pod. nacházíme bez výjimky reflex dlouhé samohlásky (srv. Rozwadowski, Encykl. polska II. str. 331 a Gram. jęz. polsk., str. 100, Kulbakin, Сбор. LXXIII № 4, str. 179, Lorentz, Arch. f. sl. Phil. XIX, str. 353). Tato zvláštní kategorie byla chráněna před vlivem slov, v nichž v zavřené slabice byla krátká samohláska (před neznělou souhláskou) a proto fonetické zdloužení mohlo se zachovati ve všech slovech této kategorie.

[5]) Srv. Lorentz, Arch. f. sl. Phil. XIX, str. 377, Rozwadowski, Encykl. pol. II, str. 311 nsl. a Gram. jęz. polsk., str. 82 nsl., Kulbakin, Сборникъ LXXIII № 4, str. 206 nsl., Vondrák, Vergl. sl. Gr.² I (1924), str. 306 nsl.

[6]) Srv. Rozwadowski Encyklopedya polska II, str. 330 a Gramatyka ję-zyka polskiego, 98 nsl.

sadního rozdílu mezi zdloužením na konci a uprostřed slova; srv. na př. v deminutivech se suffixy *-ьka*, *-ъka*, *-ьko*, *-ъko*[1]) s jedné strany: ***kostka***, ***kotka***, ***kropka***, ***kwoczka***, ***lotka***, ***sierotka***, ***ciotka***, ***szczotka***, ***sroczka***, ***zgłoska***, ***oczko***, ***złotko***,[2]) s druhé: ***krówka***, ***brzózka***, ***główka***, ***bródka***, ***łódka***, ***kózka***, ***nóżka***, ***osóbka***, ***kólko***, ***łóżko*** a j.

Vyloučíme-li tedy případy s nasálními souhláskami a rovněž případy, kde se mohla zachovati délka stará, sotva budeme míti dostatečnou příčinu domnívati se, že dloužení v zavřených slabikách uprostřed slova[3]) se neřídilo stejnými zákony jako v koncových slabikách. Máme-li přece také po vyloučení výše uvedených případů v zavřených slabikách uprostřed slova více kolisání než na konci slova, svědčí to pravděpodobně jen o tom, že v tomto postavení mohlo vzniknouti více novotvarů, buď pod vlivem tvarů základních, anebo pod vlivem tvarů ostatních pádů.[4]) O tvarech genitivu plur. (u *ā*- kmenů a neutr. *o*- kmenů), kde, jak známo, máme podobné zdloužení krátké samohlásky, také nejsou badatelé stejného mínění, poněvadž v těchto tvarech se vyskytují dosti hojné případy zdloužení také před souhláskou neznělou, na př. *cnót*, *robót*, *stóp*, *kóp*, stpol. *koos* a j.[5]) Nitsch, jenž pokládá tyto délky před neznělou souhláskou za pravidelné, domnívá se, že v tvarech genitivu plur. původní délky se zachovaly pod vlivem deminutiv, na př. v genitivu plur. *robót* délka zůstala, protože vedle bylo deminutivum *robótka* a pod.[6])

Kulbakin opět pokládá případy se zdlouženou samohláskou před neznělou souhláskou za analogické novotvary, vzniklé podle genitivů s pravidelnou délkou před znělou souhláskou jako na př. ve slovech *wód*, *nóg*, *głów*, *osób* a pod.[7]) V poslední době ovládlo mínění, že v tvarech genitivu plur. také v polštině se zachovalo zdloužení, vzniklé ještě v praslovanštině zkrácením genitivní kon-

---

[1]) Jinak soudí o těchto případech Rozwadowski, Enc. pol. II, str. 331 a Gram. jęz. polsk., str. 99 nsl.

[2]) O zdloužení v *sobótka*, *robótka* viz Rozwadowski, Encykl. pol. II, str. 331 a Gramat. jęz. polsk., str. 99—100.

[3]) Aspoň pokud se týče slabik přízvučných.

[4]) Srv. Kulbakin, Сборникъ LXXIII, № 4, str. 181, Rozwadowski, Encykl. polska, str. 328, 330 nsl. a Gram. jęz. polsk., str. 99. Zachovala-li se v těchto případech v polštině také v přízvučných slabikách délka novoakutová, vzniklá metatonií z původního cirkumflexu ještě v praslovanštině (srv. Rozwadowski, Gram. jęz. polsk., str. 98 nsl.), je otázka, kterou dosud sotva lze s bezpečností řešiti (srv. také níže o zdloužení v tvarech genitivu plur.).

[5]) Srv. Kulbakin, Сборникъ LXXIII, № 4, str. 163.

[6]) Srv. Prace fil. VI, str. 285 a Rocznik slaw. I, str. 133.

[7]) Srv. l. c., str. 163 nsl. Příklady s nasálními samohláskami také v těchto případech nemohou míti průkazné síly (srv. výše str. 440 nsl.).

ovky *-ōm* > *ъ*.[1]) Dejme tomu, že v genitivu plur. při zkrácení konovky *-ōm* předcházející krátká slabika byla zdloužena již v praovanštině v době, kdy byly možny pouze monofthongické slabiky, nusíme, podle výše uvedených důvodů (srv. str. 440), očekávati dloužení krátké samohlásky ve všech případech nezávisle od náledující souhlásky. Ale co se stalo s těmito praslovanskými délami dále v polštině není dosud docela jisto.[2]) Zkrátily-li se tyto élky v přízvukovaných slabikách ještě v době předcházející koečnému odpadnutí *ъ* a *ь* a zároveň s původními dlouhými samoláskami se srovnaly ve výslovnosti s původními krátkými,[3]) očeávali bychom tu tytéž výsledky jako v nominativě sing. u *o*-kmenů, jmenovitě zdloužení předcházející krátké samohlásky v případě, yla-li koncová souhláska znělá; byla-li neznělá — zdloužení této ouhlásky (srv. výše str. 437 nsl.).

Ve prospěch tohoto názoru svědčily by jazyky kašubský a sloinský (slowinzisch), v nichž tvary genitivu plur., pokud se týče délek, docela odpovídají tvarům nominativním u *o*-kmenů.[4]) Je-li omu tak, musíme předpokládati, že aspoň v některých polských nářeích nastalo v tvarech genitivu plur. časem zpovšechnění této délky, terá tu dostala význam morfologického elementu.[5]) Rozwadowski, enž[6]) bere v úvahu jen tvary genitivu plur. se starou hořennou délkou, vidí v těchto polských tvarech právě takovou metatonii, jako jazycích jihoslovanských a češtině a proto pokládá za pravidelné genitivy *rąk, wrót, głów, miąs* . . . s délkou novoakutovou: *srok, pęt*, de metatonií měla vzniknouti intonace novocirkumflexová. Rozdíl, terý se vyskytuje v kašubo-slovinštině (délka před znělou, krátkost před neznělou souhláskou), pokládá Rozwadowski za zjev pozdější, vzniklý pod vlivem tvarů nom-akk. sing. u *o*-kmenů.[7])

Podobně soudí také van Wijk.[8]) Pojednávaje také o genitivních tvarech s krátkou kořennou samohláskou, praví l. c. str. 350: »Wenn

---

[1]) Srv. Vondrák, BB XXX, str. 140 nsl., van Wijk, Arch. f. sl. Phil. XXXVI, str. 349 nsl. a Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonationssysteme 1923), str. 97 nsl. (s poukazem k ostatní literatuře).

[2]) Srv. Rozwadowski, Encykl. polska II, str. 307 nsl. a Gram. jęz. polsk., str. 77 nsl.

[3]) Srv. nominativy *gród, głód, próg, mróz* a pod.: *mrok, głos, młot, proch* a pod., jež jsou úplně paralelny *bóg : bok*.

[4]) Srv. Kulbakin, Сборникъ LXXIII, № 4, str. 164 nsl.

[5]) Srv. Porzeziński, Сборникъ LXXXI, № 4, str. 107, Nitsch, Rocznik sław. I, str. 133.

[6]) Srv. Encyklopedya polska II, str. 323 nsl. a Gram. jęz. polsk., str. 92 nsl.

[7]) Srv. Encykl. pol. II, str. 324 a Gram. jęz. polsk., str. 93.

[8]) Arch. f. sl. Phil. XXXVI, str. 350 nsl.

wir darauf achten, dass in allen Sprachen die Intonation der Genitive Plur. mit alter kürze genau mit derjenigen der ursprünglich langvokalischen Formen übereinstimmt, so ist meines Erachtens die Vermutung nicht zu gewagt, dass dieser Intonationszusammenfall auf einem urslavischen Zusammenfall der Quantitäten beruht. Die Übereinstimmung ist so vollständig, wie nur möglich ist: nicht bloss entsprechen im Serbischen, Slovenischen, Čechischen, Slovakischen, Polnischen den ursprünglich langvokalischen Formen vom Typus *rúk* (čak.), *rǫ́k*, *rúk*, *rûk*, *rąk* die vollständig parallelen Formen (mit Dehnung ursprünglicher Kürze) *nóg*, *nọ́g*, *nóh*, *nôh*, *koos*: Wenn wir ausserdem noch das Slovinzische mit in Betracht ziehen, finden wir auch dort Übereinstimmung zwischen den beiden Kategorien *kùǫs*, *rą̃k*. Der Unterschied zwischen Polnisch und Slovinzisch ist der, dass im Slovinzischen das lechische Gesetz für die Verteilung der langen und kurzen Vokale in geschlossenen Endsilben (Länge vor tönenden, Kürze vor tonlosen Konsonanten) auch im Genitiv Plur. durchgeführt wurde, während es im Polnischen auf die von jeher abweichend von anderen Wörtern intonierten Formen dieses Kasus keinen Einfluss gehabt hat.« Proč tato novoakutová délka z doby praslovanské v tvarech genitivu plur. se zachovala v polštině také v slabikách přízvučných, kdežto v nom.-akk. u starých oxyton táž novoakutová délka (srv. l. c. str. 321 nsl.) se zkrátila a při zániku ъ a ь se vytvořily nové kvantitativní poměry v souvislosti s jakostí následující souhlásky, není, zdá se mi, tak samozřejmé, jak o tom soudí van Wijk l. c. str. 350² máme však dosti odchylek v polštině (srv. také zjevy kašubské a slovinské), které museli bychom pokládati v tomto případě většinou za analogické novotvary.¹) Právě tak mohli bychom pokládati za pozdější novotvary také případy zdloužení před neznělou souhláskou v polštině.

Důvody Rozwadowského mne také úplně nepřesvědčují. Pojednávaje o zdloužení v tvarech nom.-akk. u *o*-kmenů, praví:²) »Z drugiej strony już w prasłow. silne osłabienie iloczasu i dźwięczności wygłosowych *ŭ*, *ĭ* musiało oddziaływać na samogłoski poprzedniej zgłoski przynajmniej przyciskowe, zarówno pierwotnie długie jak krótkie; oczekujemy zatem tutaj tej samej metatonji cyrkumfleksowej rdzennej na nowy akut a akutowej na nowy cyrkumfleks. Niema jej wprawdzie, jak wiadomo, ale z jednej strony usunięcie

¹) Srv. Rozwadowski, Encykl. polska II, str. 324 a Gram. języka polsk., str. 93 nsl., viz také Lehr-Spławiński, O prasłowiańskiej metatonji (1918), str. 20.
²) Gramatyka języka polskiego, str. 97—98.

jej wedle innych przypadków, gdzie jej nie było, jest a priori naturalne, z drugiej zaś są może resztki dawnego stanu rzeczy, jak się to starał wykazać Lehr-Spławiński: o prasłow. metatonji 42 nstt. Tylko potem przyszła ostateczna redukcja jerów: jej wpływ na gruncie poszczególnych języków słowiańskych, co zaciemnie przejrzystość rozwojowego obrazu. W każdym razie z tych zaczątków narzecza lechickie rozwinęły samodzielnie nowy stosunek iloczasowy, przyczem jakość wygłosowej spółgłoski grała znaczną rolę.«

Je-li kvantitativní různost, která se vyskytuje v tvarech nom.-akk. *o*-kmenů, zjev fonetický, vzniklý v souvislosti s jakostí souhlásky před *ъ* a *ь*, musíme předpokládati, že v době zániku jerů vytvořil se v přízvučných slabikách nový slabikový ráz (viz výše str. 437 nsl.), který setřel také starý (vzniklý v době praslovanské) rozdíl mezi délkou novoakutovou a novocirkumflexovou. Ale v takovém případě očekávali bychom stejnou změnu slabikového typu ve všech přízvučných slabikách, tedy také v tvarech genitivu plur. S druhé strany, domníváme-li se, že v tvarech genitivu plur. a snad také v zavřených slabikách uprostřed slova rozdíl mezi délkou novoakutovou a novocirkumflexovou se zachoval v polštině také v slabikách přízvučných, nemohli bychom pokládati také kvantitativní rozdíl v nom.-akk. *o*-kmenů (*bóg* : *bok*) za zjev fonetický, o čemž však sotva bychom měli dostatečnou příčinu pochybovati.

Praha.

A. Ábele.

К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола.

В своём капитальном труде „Хроника Георгія Амартола въ древнемъ славянорусскомъ переводѣ"[1]) акад. В. М. Истрин между прочим собрал богатый матерьял для решения вопроса о происхождении того славянского перевода Хроники Георгия Амартола, который сохранился в русских списках, и привёл ряд убедительных доказательств в пользу того, что этот перевод был сделан на Руси в XI в. Однако некоторые из доводов акад. Истрина на мой взгляд нуждаются в пересмотре. Рассмотрю все его доводы в том порядке, как они изложены в исследовании.[2])

Рассматривая фонетические и морфологические особенности русских списков Хроники, акад. Истрин обращает внимание на последовательное употребление в древнейшем списке Хроники — Троицком XIII в. – написаний с *ж* вм. старославянского *жд*: **вѣжь**, **ѡсоуженинѥмь**, **оутвержати сѧ** и т. п. и последовательное же написание слова **лодиꙗ** (последнее не только в Троицком, но и в поздних списках) через „о" и замечает: „Такое послѣдовательное употребленіе двухъ руссизмовъ . . . наводитъ на вопросъ: что болѣе правдоподобно — приписывать ли эти руссизмы первооригиналу или позднѣйшимъ переписчикамъ? Конечно, правдоподобнѣе будетъ первое предположеніе, такъ какъ въ позднѣйшей передѣлкѣ всюду *жд* на *ж* и *ла* въ *ло* ни для одного переписчика не было ни-

---

[1]) Точное заглавие: В. М. Истринъ. Книги временьныѥ и образныѥ Георгиꙗ мниха. Хроника Георгія Амартола въ древнемъ славянорусскомъ переводѣ. Текстъ, изслѣдованіе и словарь. Томъ I: Текстъ. Петроградъ 1920; XVIII + 612 + III стр. (Предисловие, русский текст, указатель собственных имён, поправки). Томъ II: а) Греческій текстъ „Продолженія Амартола; б) Изслѣдованіе. Петроградъ 1922; XXXI + 454 стр. (Введеніе, греч. текст „Продолженія Амартола", греч. отрывки из истории императоров, славянские тексты выдержек из Амартола в Архивском Хронографе, Еллинском Летописце и хронографической Палее, исследование — 117—434 стр., указатель). Изд. Отд. р. яз. и слов. Росс. Акад. Н.

[2]) Т. II, стр. 268—309.

какой нужды".[1]) Но последовательное употребление „ж" вместо „жд" в соответствии с русским *ж* — особенность русского правописания XI—XIV в., свойственная не только русским переводам, но и русским спискам южнославянских памятников[2]) и, следовательно, ничего не доказывает кроме того, что Троицкий список русский. Что касается „ло" в слове лодиꙗ, то такое написание не требовалось русским правописанием XI—XIV в.,[3]) а потому последовательное „ло" в этом слове, как и в словѣ „локоть", можно бы возводить к первоначальному чтению перевода, если бы нам не были известны русские списки XI и XII в. с памятников несомненио ю-сл. происхождения, в которых как раз эти слова пишутся с начальным *ло*: Изборн. 1073 г., 1-й почерк Арханг. Ев., Гал. Ев. 1144 г. и др.[4]) В то же время сама по себе эта черта может приниматься во внимание только при наличии других несомненных руссизмов. Ср. Супрасльскую рукопись, памятник безусловно южнославянский,[5]) в которой однако встречается та же черта.

---

[1]) Стр. 275 примеч.

[2]) См. мою статью: К вопросу о языке Киевских листков, Slavia I s. 2—3.

[3]) В русских списках южнославянских памятников в этих словах обычно пишется „ла".

[4]) См. ЈФ. IV. 78, 82, 84.

[5]) Проф. Вондрак, основываясь главным образом на некоторых лексических особенностях Супрасльской рукописи, предполагает, что на ней отразилось южнорусское влияние. Действительно, в ней мы находим ряд слов, известных помимо неё только из памятников русского происхождения. Но таких слов в общем немного, и совпадение с русскими памятниками может объясняться содержанием Супрасльской рукописи, отличным от содержания других южнославянских памятников и требовавшим таких слов, которых не требовало содержание тех памятников, а также тем обстоятельством, что статьи Супр. ркписи переведены хотя и на славянском юге, но не там, где сделаны остальные южнославянские переводы. Насколько поспешно было бы заключение о русском влиянии на Супр. на основании присутствия немногих слов, общих с русскими памятниками, показывает хотя бы такое слово, как прѣгыни или прѣгынꙗ, встречающееся кроме Супр. только в русских памятниках, м. пр. в повести об Акире, а также в том переводе Хроники Амартола, который акад. Истрин считает русским, и в житии монаха Власия, известном пока только в одном русском списке и переведённом, может быть, тоже на Руси. Форма перегини или перегиня (не „перегина", как у Истрина на стр. 276) в Хронике Георгия Амартола показывает, что это слово некогда было известно в русском языке (в XV в., как показывают все русские списки повести об Акире, это слово русским переписчикам было непонятно). В то же время написание „прѣгыни", „прѣгыньнъ" в таких памятниках, как повесть об Акире и житие Власия, показывают, что это слово было известно русским и в южнославянской огласовке, т. е. из южнославянских памятников, куда это слово не могло проникнуть из русского яз., п. ч. иначе оно и в югославянских памятниках являлось

Скорее, чем употребление „ж“ вместо „жд“ могло бы указывать на русское происхождение перевода употребление „ч“ в соответственности с русским *ч* вместо старославянского „шт“. Но акад. Истрин на этом употреблении не останавливается, ограничиваясь словами: „Послѣднее (т. е. употребление „ч“ вм. „щ“) впрочемъ не такъ послѣдовательно“ (стр. 274). Эта черта, вызванная русским произношением, свойственна только русским рукописям, но не является чертою древнего русского правописания, т. е старославянское „шт“ в русском правописании XI—XV в. передается через „щ“, а не „ч“, и „ч“ в этом значении встречается в русских списках южнославянских памятников лишь как ошибка, в единичных примерах.[1]) В русских переводах и оригинальных произведениях того же времени правописание то же, но в тех случаях, когда переводчик или автор не знал южнославянской параллели с *шт* к своему русскому слову с *ч*, можно ждать в памятнике последовательного написания этого слова с буквой „ч“. Наличность даже небольшого количества таких слов была бы очень показательна в пользу русского происхождения перевода. Это обстоятельство побудило меня бегло просмотреть ту часть Хроники, которая напечатана ак. Истриным по Троицкому списку. Изложу здесь результаты этого просмотра.[2]) Через „ч“ постоянно пишется слово „чюжь“ и сложные с ним (я насчитал не меньше 20 случаев), и только 2 раза мне встретилось „щюжихъ“, „щюжи“. Но в этом слове „ч“ пишется часто и в русских списках старославянских памятников.[3])

бы в русском звуковом виде. В настоящее время слово прѣгын҄и (-нꙗ) сохранилось только в польском яз. и то только, как собственное имя, в названиях местностей и гербов, в виде przeginia или przegonia. Первоначальное значение выясняется из Супр., где въ прѣгынѩхъ и непроходимыихъ горахъ соотстветвует греч. *ἐν ἀγρίοις καὶ ἀνυπερβάτοις ὄρεσι*, и повести об Акирѣ, где прегын҄и соответствует тому слову сирийского текста, которое у Григорьева Повѣсть об Акирѣ) переводится „лѣсистая гора“. Т. о. это слово обозначает какую-то принадлежность горной местности (обрыв? ущелье?) Этимологически слово „прѣгыни“ или происходит от готского fairguni или — общеславянское образование, из *per-gyb-ńa. См. Kryński. Pr. Fil. VII. 1909, Durnovo, ib. X. 1924.

[1]) См. назв. выше мою статью „К вопросу“ и пр.

[2]) Так как просмотр был беглый, то не ручаюсь за то, что я не пропустил к.-н. случаев с написанием „ч“ вм. „щ“

[3]) Так, в Архангельском Ев. чюжемь 163 об., чюжихъ 153 об.; случаев с „щ“ или „т“ нет. Ср. также Изб. 1073 г. (1-й почерк), 13 слов Григ. Богосл. XI в., Кир. Иер. XI в., Минеи 1096 и 1097 гг., Мстисл. Ев. до 1117 г., Гал. Ев. 1114 г., нерусские статьи Усп. Сб. XII в. и др. См. JФ. IV. 78—87.

Остальные случаи написания „ч“ вместо „щ“ единичны: наплечницю 43, плечистъ 125_5, желчениѥ, ропчющемъ 110_{11}, растопчюще 265_{24}, тъпчемъ 268_4, стрѣчи 128_2, посѣчи 381_1, и может быть, пречаѧше сѧ 325_{30}, если эта форма - старослав. прѣштааате сѧ,[1]) и мечахоу сѧ 371_{14}, если это не описка вместо влечаху сѧ.[2]) Часть этих слов: наплечницю, плечистъ, желчениѥ в старославянских памятниках не встречаются и потому могли бы быть отнесены на долю русского переводчика, но могли явиться в таком виде и под пером русского переписчика, если в его оригинале в этих словах стояло „щ“. Можно заметить, что слово „плещи“в Троицком списке пишется всегда с „щ“. Церковнославянские параллели к „растопчюще“, „тъпчемъ“ могли быть тоже неизвестны переводчику, как очень редкие в церковнославянских памятниках, употребительных тогда на Руси. Но если в первоначальном тексте перевода в этих словах стояло „щ“, то оно тоже легко могло быть заменено переписчиком через „ч“, потому что произношение их через *щ*, неизвестное русскому языку в таком положении (после *п*), могло представлять для писца затруднение; поэтому он мог произносить эти слова по-русски. Что касается инфинитивов на *-чи*, то они не говорят ни за, ни против русского переводчика: писцу Троицкого списка инфинитивы на *щи* были хорошо известны (ср. написания „рещи“, „мощи“ и др.). Таким образом, употребление „ч“ вместо „щ“ в Троицком списке не дает определённых указаний на национальность переводчика. Можно только заметить, что против русского происхождения перевода не говорят и случаи написания „щ“ в соответствии со старославянским „шт“, русским *ч*, так как все случаи такого написания, как я мог заметить, встречаются в общеизвестных русским грамотным людям XI—XIII в. словах и формах, как наприм. аще, хощеши, рещи, мощи, свѣща, тысяща, нощь, пещь, обрящеть, отвѣща, дщерь, причастия наст. врем. и т. п.

На одной фонетической черте Хроники акад. Истрин останавливается дольше. Это — полногласие.[3]) Сначала

[1]) По-русски мы ждали бы „прѣтяше“ (глагол церковнославянский).

[2]) Сравни аналогичные случаи в памятниках XI и XII в. ю.-сл. происхождения — Словах Григ. Богосл., Кир. Иерус., 1-м и 2-м почерках Арханг. Ев., Минеях 1096 и 1097 гг., Мстисл. Ев., Гал. Ев. 1144 г. и др. См. JФ. VI. 78—87.

[3]) Стр. 275—278.

он говорит, что „полногласныя формы сами по себѣ ничего не могутъ говорить въ пользу того или другого происхожденія памятника“; самое бо́льшее, „если полногласныя формы встрѣчаются въ однихъ и тѣхъ же словахъ во всѣхъ спискахъ“, они могут говорить за то, „что та редакція, отъ которой пошли наличные списки, была редакціей русской“.[1]) В то же время „употребленіе церковнославянскихъ сочетаній *ра, ла* и т. п. нисколько не говорит само по себѣ о южнославянскомъ происхожденіи памятника“, так как церковнославянские слова с такими сочетаниями могли быть хорошо известны и русскому переводчику.[2]) Тем не менее он выписывает все слова с полногласием, встречающиеся в Хронике, и пытается решить, принадлежат ли они переводчику или позднейшим переписчикам. Для этого он делит эти слова на 3 категории: 1. слова, являющиеся в полногласной форме в одних и тех же местах Хроники в Троицком и позднейших списках, 2. слова, являющиеся в полногласной форме только в позднейших списках, а в Троицком в тех же местах представляющие формы старославянские, 3. слова, являющиеся в полногласной форме в позднейших списках и отсутствующие в Троицком.[3]) Слова 2-ой категории, по его мнению, в общем оригинале всех списков были в неполногласной форме, из слов 3-ей категории часть могла быть в неполногласной форме, но бо́льшая часть, вероятно, являлась с полногласием.[4]) Из тех слов, которые можно возводить к протографу всех списков, по крайней мере, часть, наприм., такие, как ожерелие, холопъ, поромъ, городьць, перевозъ, король, городъ, мороморянъ, волочи, можно считать принадлежащими переводчику и таким образом указывающими на то, что переводчик был русский.[5])

К этим осторожным и основательным соображениям акад. Истрина добавлю некоторые замечания. Полногласие не принадлежит к числу руссизмов, узаконенных древне-русским правописанием. Поэтому в русских списках южнославянских памятников слова с полногласием могут являться лишь в еди-

---

[1]) Стр. 275.
[2]) Стр. 276.
[3]) Стр. 276—277.
[4]) Стр. 277. Акад. Истрин исходит из того факта, что в той части поздних списков, какая имеется в Троицком, бо́льшая часть полногласных форм (16) является и в Троицком и в лишь меньшая (9) не находит себе соответствия в Троицком списке.
[5]) Стр. 277—278.

ничных случаях; в русских же переводах и оригинальных памятниках употребление полногласных форм зависит от знакомства переводчика или автора с соответствующими словами литературного церковнославянского языка. При отсутствии такого знакомства ни переводчик, ни писец не могли образовать церковнославянские неполногласные формы от своих слов с полногласием. Поэтому напр., русский переводчик церковного устава[1]) употребляет слова „паволока“, „сторона“, „переходить“, п. ч. не знает церковнославянской параллели слову „паволока“, а с церковнославянскими словами „страна“, „прѣходити“ привык соединять несколько иные значения, но в других словах обычно выдерживает последовательно церковнославянское правописание с неполногласными сочетаниями. От переводчика Хроники Георгия Амартола, если он был русский, мы должны ждать того же: те слова, церковнославянское произношение которых переводчик знал, он скорее всего должен был употреблять в неполногласной форме, а те, которых он по-церковнославянски не знал, — в полногласной. Позднейшие переписчики в том случае, если они плохо знали церковнославянский язык, могли в единичных случаях слова с неполногласными сочетаниями первоначального перевода заменять по невниманию словами с полногласными сочетаниями;[2]) переписчики, более знакомые с церковнославянским языком, могли заменять более или менее последовательно встретившиеся им русские слова с полногласием церковнославянскими словами без полногласия. Можно думать, что если непосредственное, живое знакомство с болгарским языком в русском обществе с течением времени уменьшалось, то знание книжного языка, наоборот, должно было увеличиваться. Потому я думаю, что там, где чтению „полони“ Троицкого списка XIII в. в позднейших соответствует „плѣни“ (2 раза), более первоначально первое из них, а не второе, как думает акад. Истрин.[3]) Слова „плѣнъ“, „плѣнити“ были такими обычными словами литературного языка, что мало вероятия, чтобы пере-

[1]) Ркпси Моск. Типогр. б-ки № 142 и Патр. Б-ки № 330; перевод сделан в XI в. См. jф. IV. 82 и 85.

[2]) Ср. слова с полногласием в Изборнике 1073 г., Архангельском Ев., Минеях 1095, 1096 и 1097 гг., Гал. Ев. 1144 г., житии Мефодия в Усп. Сб. XII в. и др. См. JФ. IV. 78—87. В Остромировом Ев. в самом евангельском тексте полногласные формы не встречаются ни разу.

[3]) Стр. 277.

писчики разных списков в XIII. и позднее так часто (в Троицком списке 5 раз, в поздних 6 раз, из них 3 раза общих для всех списков и 3 раза — в части, несохранившейся в Троицком) заменяли это обычное слово своим русским. Скорее наоборот, переписчик Троицкого списка исправил два раза „полони“ на „плѣни“; то же можно думать и о слове „половы“ поздних списков, заменённом в Троицком словом „плѣвы“.[1]) Относительно большинства слов, являющихся в списках Хроники в полногласном виде, трудно сделать определенное заключение в виду их единичности. Впрочем можно заметить, что значительная часть их (своробъ, порозъ, перегини, ожерелие, хоромъ, перевозъ) в неполногласном виде не встречается и принадлежит к словам, неупотребительным в известных на Руси в XI—XII в. литературных памятниках южнославянского происхождения; наоборот, слова, встречающиеся в неполногласной форме (а таких огромное большинство), последовательно пишутся в таком виде, за немногими исключениями (врани и ворони, мраморянъ и мороморянъ, плѣни и полони, плѣвы и половы, градьць, и городьць, волочити и възвлачати, поплашатися и пополошивъся, брегъ и берегъ), и почти все, или по крайней мере, их основы принадлежат к словам (или основам), обычным в известных на Руси литературных памятниках южнославянского происхождения. Но есть два-три слова в неполногласной форме; очень редкие в подобных памятниках; сюда принадлежат блатьнъ и напрашити. Это обстоятельство делает весьма вероятным, но не обязательным заключение, что так было уже в первоначальном тексте перевода, что слова в полногласной форме принадлежат русскому переводчику, и что ему же может принадлежать употребление большинства слов в неполногласной форме.

Следующей чертой, указывающей на русское происхождение перевода Хроники, акад. Истрин считает приставку *вы* в ряде глагольных слов.[2]) Несомненно, эта приставка была уже в первоначальном тексте перевода, и употребление слов с этой приставкой принадлежит переводчику. Но в виду наличия слов с приставкой *вы-* в Синайской Псалтыри, Кло-

[1]) Но более ранние переписчики, XI и XII в. могли заменить ст.-сл. плѣни, плѣвы русскими полони, половы. Ср. Изб. 1073 г., где часто полонъ и т. д., и Гал. Ев. 1144 г., где последовательно половы и т. д. вм. плѣвы других списков Еванг. См. Jф. IV. 78 и 84.

[2]) Стр. 278—279.

цовом сборнике и др., на что ссылается и сам акад. Истрин, рассматривать эту черту, как безусловное указание на русского переводчика, я бы не решился; показательное значение она приобретает лишь в связи с другими руссизмами.

Далее акад. Истрин ссылается, как на руссизм, на передачу греческого $\mu\beta$ в переводе Хроники через „мб“,[1] замечая, что „такая передача... встречается не всегда и до сихъ поръ не объяснена удовлетворительно“,[2] и устанавливая такое правило: „въ памятникахъ русского происхожденія *мв* = $\mu\beta$ будетъ объясняться вліяніемъ церковно-славянскаго, а употребленіе въ памятникѣ „мб“ будетъ служить однимъ изъ доказательствъ его русскаго происхожденія“.[3] Действительно, такая передача встречается в ряде переводов, русское происхождение которых можно считать доказанным,[4] а также в оригинальных русских произведениях[5] и не встречается в ряде памятников южнославянского происхождения. Но нельзя сказать, чтобы южнославянские переводчики и писатели вовсе не прибегали к такой передаче. Ср. в Супрасльской рукописи:[6] амбакоумъ (bis), висамбонъ (149), в Болонской Псалтири: въ кумбалѣхъ (пс. 150 bis), кумбалъ (толк. к пс. 150), тумбанъ (*τύμπανον*, пс. 80), в Погодинской Псалтири (южнослав. XII в.): амбакоума, в Шишатовацком апостоле 1324 г.: Амбросин, коумбалъ и др., а также в русских списках переводных памятников южнославянского происхождения: в северно-русской служебной Минее 1095 г.: амбакомь, амбакоумъ, в Феодоритовой Псалтири Чудовской XI в.: амбакоумъ, в книге проф. Даниила по очень архаичному, сохраняющему старое правописание Чудовскому списку XV в. (Симеоновск. ред.): амбакоумъ и др. В южнославянском переводе Хроники Георгия Амартола, известном исключительно по сербским спискам, встречается „амбона“. Думаю, что нетрудно найти и другие примеры написания „мб“

---

[1]) Стр. 279—282.

[2]) Стр. 280. Мне не совсем понятны последние слова. Вполне ясно, что греческое $\mu\beta$ часто передается славянскими переводчиками через „мб“ согласно живому греческому произношению, существовавшему еще в X—XI в. и сохранившемуся до сих пор. Поэтому нисколько не странно и месябрь = *μεσεμβρία* (ср. стр. 281).

[3]) Стр. 281.

[4]) Напр., повѣсть об Акире, житие Феодора Студита, житие Андрея Юродивого, Иосиф Флавий и др.

[5]) Напр., Паломники Даниила, Антония Новгородского и др.

[6]) Ср. выше (об отсутствии русского влияния в Супрасльской ркпси).

не только в поздних, но и в ранних памятниках южнославянского происхождения.

Следующим руссизмом акад. Истрин считает передачу в Хронике отчества на -ичь: Александромь Филиповичемь, І-съ Сираховичь и т. п.[1]) Однако он сам оговаривается, что тот же суффикс в форме „ишть" встречается и в болгарском переводе хроники Малалы. Я бы добавил, что он очень распространен в сербском языке. Но, действительно, в такой форме, в какой он употребляется в Хронике Амартола, этот суффикс русский, т. к. в болгарских памятниках он является в виде -ишть, а в сербских (поздних) — -икь. Поэтому осторожнее было бы сказать: употребление суффикса *-ичь* скорее всего указывает на русский перевод, п. ч. в болгарском и сербском языках он употребляется в другой форме, которая, вероятно, была бы сохранена русским переписчиком при переписке с южнославянского оригинала.

Важным указанием на русского переводчика акад. Истрин признает глоссы,[2]) т. е. объяснение тех или других слов другими словами. Глоссы в Хронике двух родов: 1. или рядом с непереведённым греческим словом дается его перевод: „ѥлоура *(αἴλουρον)* рекше коуноу", „архисоунагога рекше старѣйшинѣ сбороу", „Неаполїи рекше новъ городъ" и т. п., 2. или даётся двойной перевод: „четца *(ἀναγνῶσται)* рекше дьячца", „прозѧбошѧ *(ἀνεφύησαν)* рекше родишѧ сѧ" и т. п. Слова 1-ой категории по б. ч. или собственные имена или термины, перевод которых передает только значение слова, но не его техническое употребление; таковы: дьякон, дромоніи (вид лодки), идолы, история и пр. Слова второй категории дают рядом с точным переводом слова его пояснение. Исходя из того предположения, что переписчики Хроники вряд ли могли узнать греческие слова в их славянской транскрипции, акад. Истрин предполагает, что глоссы, по крайней мере, бóльшая часть их принадлежит самому переводчику.[3]) Мне кажется это соображение само по себе не совсем убедительным: в первоначальном тексте перевода греческие слова, конечно, были менее искажены, чем в дошедших до нас списках; узнавать греческие слова в славянской транскрипции русские люди

---

[1]) Стр. 282.
[2]) Стр. 283—289.
[3]) Стр. 283—289.

могли, так как существовали пособия для изучения греческого языка, где греческие слова давались в славянской транскрипции.[1]) Впрочем, независимо от этого соображения глоссы действительно скорее всего следует относить на долю самого переводчика, а не переписчиков. За русское происхождение глосс, а следовательно и перевода, по мнению акад. Истрина говорят такие факты: 1. Глоссы вызывались тѣмъ, что многія греческія слова, особенно техническія, не были извѣстны тѣмъ, для кого предназначались обѣ хроники (Амартола и Синкелла). На славянскомъ же югѣ греческій языкъ былъ достаточно извѣстенъ".[2]) — 2. Некоторые глоссы „вообще могутъ считаться русскими (т. е. не южнославянскими) словами".[3]) — 3. В глоссах к переведенным, т. е. уже славянским словам глоссатор два раза ссылается на свой („нашь") язык, очевидно противополагая его языку того славянского слова, которое поясняется глоссой.[4]) — 4. В глоссах чаще, чем в других местах является „русское правописание" т. е. написания, передающие русское произношение): Новъ городъ, городець, перевозъ и др.[5]) Некоторые из этих доводов не достаточно убедительны: знание южными славянами греческого языка акад. Истрин несомненно преувеличивает; если даже южные славяне и были знакомы со многими встречающимися в Хронике греческими терминами, то первоначального значения соответствующих слов, не как терминов, могли и не знать; если в остальных глоссах переводчик не ссылается на „нашь языкъ", то допустимо предположение, что глоссы с такой ссылкой принадлежат не переводчику, а переписчику; показательная сила „русского правописания" в глоссах та-же, что и в других местах; скорее наоборот: еслибы „русское правописание" встречалось только в глоссах, это дало бы повод заподозрить принадлежность их переводчику.[6]) Самым сильным

---

[1]) Ср. (впрочем значительно позднее) „Рѣчь тонкословія греческаго" (изд. Max Vasmer, Russisch-byzantinisches Gesprächsbuch, Leipzig 1922).

[2]) Стр. 288.

[3]) Стр. 283.

[4]) Стр. 283—284.

[5]) Стр. 284.

[6]) Самое указание акад. Истрина на то, что руссизмы в глоссах гораздо чаще, чем в остальном тексте Хроники, страдает преувеличением. Он говорит, что „руссизмы встречаются именно в глоссах" потому, что „переводчикъ слѣдуя въ изложеніи чужого текста обычному литературному правописанію, . . . въ глоссахъ считалъ возможнымъ (или, точнѣе, дѣлалъ это безсознательно) слѣдовать своему живому (русскому)

аргументом акад. Истрина является соображение, что глоссы даются к тем словам, которые могли быть непонятны читателю; непонятными для читателя могли быть только слова другого языка; следовательно, язык глосс и язык тех слов, к которым даются глоссы, разные; если второй из них южнославянский, то первый должен быть русский. В некоторых случаях, повидимому, так и было, но в бо́льшей части случаев глоссы объясняются иначе: иногда они являются толкованием метафорического выражения, которое могло быть непонятно читателям не по незнанию языка, а по необычности метафоры: ,,апостоли прозябошя рекше родишяся“, ,,теплѣйше рекше скорѣйше“ и др.; в других случаях рядом с точным переводом к.-н. слова дается глосса, поясняющая, в каком смысле это слово употреблено в данном случае: ,,сына грома рекше проповѣднича“; иногда глоссы поясняют понятия, которые могли быть неизвестны читателю и независимо от незнания языка: ,,рыбѣ рекше морьскѣй свиніи“.

Далее, как на руссизм, допущенный переводчиком, акад. Истрин указывает на перевод слов *ἐκ γένους τῶν Φράγγων* ,,от рода варяжеска соущимъ“. Этот перевод, по его мнению, ,,указываетъ на переводчика русскаго, которому из письменныхъ и устныхъ источниковъ были извѣстны сказанія о походахъ русскихъ князей на Царьградъ“.[1]) Но это чтение встречается только в поздних списках,[2]) представляющих и по

произношению“ (стр. 286). Однако это не так: в глоссах действительно даётся несколько русских слов, но русские слова встречаются и помимо глосс, причём бо́льшая часть русских слов — не в глоссах (хотя [illegible] русских слов в глоссах сравнительно с числом русских слов вне глосс довольно большой). Что касается правописания, то оно в глоссах — то же, что́ и в остальном тексте. Акад. Истрин ссылается на русское правописание ,,волканяне“ в глоссе, рядом с ,,влъкочлци“ не в глоссе. Но последнее (это место встречается только в поздних списках) — несомненная болгаризация, следование модному в XV в. правописанию; в более ранних списках и здесь должно было читаться ,,волко-“: в Троицком списке, написанном до Киприановской реформы, в подобных случаях везде пишутся сочетания ,,ол“, ,,ор“, ,,ер“ между согласными, и такое правописание обычно во всех русских рукописях XIII в., как русского, так и южнославянского происхождения. Почему переписчики XV в. сохранили ,,ол“ в глоссе, заменив это сочетание через ,,лъ“ в других случаях, — на это могут быть разные ответы, но сам переводчик тут не при чём. Ссылка на русское правописание слов ,,солга“, ,,долгоживци“, ,,холмъ“ именно в глоссах основана на каком-то недоразумении, п. ч. в Троицком списке на тех же страницах и в других словах то же правописание, а написания ,,лъ“, ,,ръ“ поздних списков несомненно явились не раньше конца XIV в.

[1]) Стр. 289. — [2]) В Троицком списке соответствующая часть Хроники не сохранилась.

мнению акад. Истрина позднюю русскую переделку и притом в таком месте, которое как бы на напрашивалось на такую переделку. Поэтому можно думать, что слово „варяжеска" явилось здесь под влиянием летописи.

Русскому же переводчику приписывает акад. Истрин и глоссы: „Скоуфиею рекше козары" и „от Скоуфана рекше козари".[1]) Оба места сохранены и в Троицком списке и, очевидно, были в протографе Троицкого и остальных списков; но были ли эти места в первоначальном тексте перевода, остаётся неизвестным.

По поводу глоссы „въ Фессалоникіи рекше в Селоуны" акад. Истрин предполагает, что южнославянскому переводчику вряд ли нужно было пояснять слово „Фессалоники", „такъ какъ на Балканскомъ полуостровѣ, конечно, это знали".[2]) Не думаю, чтобы знали очень хорошо: вряд ли это знали не умевшие читать по-гречески, а таких, надо думать, было большинство. Сами греки называли город не *Θεσσαλονίκη*, а *Σαλονίκη*.

Принадлежащим русскому переводчику акад. Истрин считает и перевод имени *Μουχούμεδ* через „Бохмит".[3]) Несомненно, чтение „Бохмит" — русское. Но так ли читалось в первоначальном тексте перевода, сказать трудно, потому что это имя встречается только в поздних списках, относящихся ко 2-й редакции, а в Троицком списке отсутствует. Между тем, в поздних списках довольно часто встречаются замены слов, читающихся в Троицком списке, их синонимами.[4]) Кроме того, из поздних списков в списке Пб, дающем иногда архаичные чтения, это имя из 7 случаев в 5 читается как „Моамедъ".

Русскому же переводчику, по мнению акад. Истрина, принадлежит и передача греч. *τὸ Στενὸν* и *τὸ Ἱερόν* словом „Судъ".[5]) Хотя и это слово встречается только во 2-ой редакции, но, действительно, трудно предположить, чтобы его мог вставить позднейший переписчик.

Имена Аскольда и Дира, встречающиеся только в одной группе поздних списков, по мнению акад. Истрина, могут

---

[1]) Стр. 290.
[2]) Стр. 290—291.
[3]) Стр. 291.
[4]) Акад. Истрин приводит (стр. 325—327) всего 100 случаев такой замены.
[5]) Стр. 291—293.

быть поздней вставкой.[1]) Если бы можно было доказать принадлежность их первоначальному тексту перевода, то они служили бы сильным доводом в пользу русского переводчика.

К числу самых важных доказательств русского происхождения перевода Хроники акад. Истрин относит её словоупотребление.[2]) Сопоставляя его с словоупотреблением других памятников, южнославянское или русское происхождение которых можно считать доказанным, акад. Истрин устанавливает, что в переводе Хроники встречается ряд слов, обычных в других переводных и оригинальных памятниках русского происхождения и неизвестных южнославянским памятникам. Таких слов он перечисляет всего 49;[3]) сюда надо прибавить ещё 5 слов, которые он тоже считает русскими, но упоминает в других местах. При определении принадлежности того или другого слова русскому языку акад. Истрин руководится главным образом указаниями словарей Миклюшича и Срезневского, лишь изредка обращаясь к некоторым памятникам, преимущественно русским, неиспользованным в этих словарях. Он признаёт недостаточность привлечённых им пособий для решения поставленного им вопроса, но, повидимому, не стремится этот недостаток пополнить. Между тем недостаток матерьяла из древнейших памятников в словарях Миклошича и Срезневского можно было до некоторой степени восполнить привлечением матерьяла из словарей, сопровождающих издания некоторых отдельных памятников, а также из словарей отдельных славянских языков. Благодаря тому, что акад. Истрин этого не делает, в его список русских слов Хроники Георгия Амартола попали некоторые слова, обычные в нынешних южнославянских языках и, очевидно, существующие в них издавна. Таковы, напр. слова: болесть или болѣсть,[4]) дружина (в значении — „воинская дружина"), наговорити, неговорливъ (ср. срб. говорљив), недѣля (в значении „седмица"), хортица, вѣче (ср. в стар. срб. — „совет господ" в Дубровнике), поплашитися (здесь сама неполногласная форма указывает на то, что это слово не русское).

[1]) Стр. 294—295.
[2]) Стр. 295—306.
[3]) Стр. 298—305.
[4]) Первонач. болюсть, но срб. болест (в экавских говорах) и болиjест вместо ожидаемого бољест указывает на ѣ (под влиянием болѣзнь?).

К русским словам отнесено также слово „быль" (вельможа), хотя это слово и встречается в Супрасльской рукописи.[1]) Впрочем, и за вычетом этих слов, а также слов, русское происхождение которых не может быть доказано за недостаточностью матерьяла, остаются слова, несомненно русские, которые можно относить на долю переводчика. Таковы слова: окорокъ, холопъ, комоница, пуще, поромъ, порозъ (т. к. трудно предположить, чтобы переписчики заменили этими словами южнославянские црамъ, празъ), а также, должно быть, корста, скѣди и др. Может быть, сюда же следует прибавить и некоторые слова, неназванные Истриным. Но из названных 54 слов третья часть (именно 18 слов) взята акад. Истриным из той части Хроники, которая сохранилась только в поздних списках, а именно, слова: выньзти, грамотица, гридь, дружити, ловъ, ловьница, неговорливъ, обложити, окорокъ, олядь, орь, пристроити, скѣди, смолвитися, сѣни, хортица, вѣно. Если принять во внимание, что в той части Хроники, которая сохранилась в Троицком списке XIII в., поздние списки в 100 случаях заменяют слова, имеющиеся в Троицком списке, другими синонимическими словами (напр. „тоскою" вм. „скорбью", „округъ" вм. „около", „языка" вм. „гласа", „лесть" вм. „мечетъ", „древле" вм. „преже", „скотомъ" вм. „звѣрми", „дѣти" вм. „чада", „на обѣдѣ" вм. „на тр҃апезѣ" и др.), то вопрос о принадлежности этих слов самому переводчику, а не редактору 2-ой редакции остаётся открытым.

Таким образом, из анализа словоупотребления Хроники выясняется, что слов, которые могут указывать на русскую национальность переводчика, ничтожное количество по сравнению с объемом всего словаря перевода, в котором акад. Истрин насчитывает 6800 слов.[2]) В то же время анализ, произведенный акад. Истриным, страдает односторонностью. Для более ясного представления о национальности переводчика следовало не только выделить те слова, которые можно считать русскими, но и выяснить, нет ли в Хронике таких слов, которые мало употребительны или вовсе не встречаются в памятниках, как русских, так и южнославянских, распространённых на Руси в XI—XII в., и не известны позднейщему русскому

[1]) См. выше замечания по поводу мнения проф. Вондрака о русском влиянии на словарный состав Супрасльской рукописи.

[2]) Стр. 227.

языку, но встречаются в южнославянских памятниках, нераспространенных на Руси, или известны южнославянским языкам. Еслибы такие слова нашлись (а я думаю, что они найдутся), они свидетельствовали бы об участии в переводе Хроники южного славянина.

Из разбора доказательств акад. Истрина в пользу русского происхождения славянского перевода Хроники Георгия Амартола мы видим, что указаний на участие в этом переводе русского чрезвычайно мало, особенно, если принять во внимание огромные размеры Хроники. Если предположить, что перевод сделан русским переводчиком в XI в. (а к более позднему времени мешают отнести перевод цитаты из него в русских памятниках, возникших во 2-ой половине XI в.), то придётся допустить совершенно исключительную для того времени начитанность переводчика в южнославянской письменности, выразившуюся в свободном пользовании не только грамматическими формами, несвойственными русскому языку, но и огромным запасом южнославянских слов, среди которых много незнакомых или почти незнакомых его грамотным русским современникам. В то же время те указания на русского переводчика, какие можно извлечь из изучения перевода Хроники, в некоторых случаях не допускают другого объяснения, как то, что в переводе (а не в позднейшей переработке) принимал участие русский. В виду этого мне представляется найболее вероятным такое предположение, что русский переводчик работал над переводом Хроники в сотрудничестве с более опытными в этом деле переводчиками южными славянами. Если принять предположение акад. Истрина, что перевод Хроники Георгия Амартола входит в целую серию переводов, предпринятых вел. князем Ярославом, то необходимо допустить, что этого нового и трудного дела русские переводчики одни, без помощи опытных руководителей, и не могли выполнить. Южные славяне, приглашенные для этой цели Ярославом, могли быть из разных частей Балканского полуострова.

Москва.

Николай Дурново.

Георгій Амартолъ въ изданіи В. М. Истрина.

Въ исторіи югославянскихъ литературъ проф. Мурко жаловался на то, что Георгій Амартолъ в той редакціи, которой пользовался Несторъ, такъ долго не выходитъ въ свѣтъ. Теперъ въ изданіи, приготовленномъ В. М. Истринымъ, мы получили критическое изданіе Амартола и посвященное ему изслѣдованіе, вышедшія въ двухъ большихъ томахъ (Т. 1. Текстъ. Петроградъ 1920. Т. 2. Греческій текстъ продолженія Амартола, изслѣдованіе. Петроградъ 1922). Остается только 3 т., который будетъ заключать словарь. Въ основу изданія положенъ пергаменный списокъ Московской Духовной Академіи № 100 XIII—XIV в. Недостающая его часть восполнена по списку изъ собранія Ундольскаго № 1289 XV в.

В. М. Истринъ различаетъ двѣ редакціи текста: одну болѣе древнюю, дошедшую въ Троицкомъ спискѣ, и другую болѣе позднюю во всѣхъ остальныхъ спискахъ во главѣ со старшимъ изъ нихъ спискомъ Ундольскаго. Оттого по этому послѣднему и напечатаны тѣ части Хроники, которыя въ Троицкомъ спискѣ не дошли. Текстъ памятника издается съ соблюденіемъ палеографическихъ особенностей. Отступленія заключаются только въ томъ, что собственныя имена напечатаны прописными буквами и знаки препинанія разставлены по смыслу, при чемъ въ трудныхъ мѣстахъ принимался въ соображеніе греческій текстъ. Ошибочныя чтенія списка № 100 удерживаются въ текстѣ, а исправляются въ примѣчаніхъ за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ошибочное чтеніе наблюдалось только въ одномъ Троицкомъ спискѣ и имѣло характеръ простой описки. Когда варіанты списковъ совпадали, это обозначается буквой S, т. е. суммой всѣхъ списковъ. Если при этомъ одинъ списокъ даетъ иное чтеніе, то послѣ S ставится знакъ — съ указаніемъ такого списка. Такой пріемъ нельзя не признать очень удачнымъ. Въ варіантахъ удерживалась орѳографія перваго изъ приводимыхъ списковъ,

а въ варіантахъ, гдѣ всѣ списки совпадали, орѳографія Погодинскаго списка, какъ перваго по алфавиту.

Второй томъ труда В. М. Истрина заключаетъ цѣнныя дополненія къ первому. На первомъ мѣстѣ напечатанъ греческій текстъ Продолженія Амартола съ 842 г., съ царствованія Михаила III, по Ватиканскому списку XIII в. Этотъ текстъ былъ оригиналомъ перевода Амартола по изд. въ I т. со стр. 503. Затѣмъ слѣдуетъ другой греческій текстъ: Отрывки изъ исторіи императоровъ по Вѣнскому списку XI в.

За этими греческими текстами слѣдуютъ славянскія дополненія: 3. Текстъ Хроники Георгія Амартола, сохранившійся въ Архивскомъ (Іудейскомъ) Хронографѣ Москов. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ. 4. Изъ Еллинскаго лѣтописца первой редакціи по списку Моск. Синод. библ. № 280 и 5. Изъ полной Хронографической палеи по сп. Погодинскому № 1435.

За этими приложеніями слѣдуетъ изслѣдованіе. Оно состоитъ изъ 9 главъ. 1. посвящена ученой литературѣ о Хроникѣ Георгія Амартола; 2. даетъ указаніе отклоненій перевода отъ Коаленева Кодекса Париж. Націон. Библіотеки № 310, X в., изданнаго Де-Бооромъ, и Ватиканскаго, изданнаго В. М. Истринымъ. Изъ разсмотрѣнія этихъ уклоненій вытекаетъ заключеніе, что они незначительны и носятъ характеръ уклоненія въ отдѣльныхъ словахъ. Третья глава даетъ перечень пропусковъ и добавленій въ переводѣ сравнительно съ греческимъ текстомъ. Четвертая глава касается стилистическихъ и синтаксическихъ особенностей перевода. Она исчерпывается слѣдующими категоріями: 1. Невѣрно понятый греческій текстъ. 2. Передача двухъ существительныхъ чрезъ существительное съ прилагательнымъ съ перечнемъ ихъ: *А*) отъ именъ собственныхь и *В*) отъ именъ нарицательныхъ. 3. Передача причастія черезъ глагольную форму. 4. Смѣна чиселъ. 5. Смѣна залоговъ. 6. Степени сравненія. 7. Нѣкоторыя синтаксическія явленія. 8. Сложныя слова съ перечнемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя не встрѣчаются въ словаряхъ Миклошича и Срезневскаго. 9. Непереведенныя слова съ перечнемъ 1) словъ указанныхъ въ словаряхъ Срезневскаго и Миклошича и 2) отсутствующихъ въ нихъ. 10. Глоссы. 11. Свободный переводъ. 12. Уклоненія перевода отъ греческаго оригинала. 13. Мелкія особенности перевода. Вся эта глава чрезвычайно цѣнна по обилію и обработкѣ привлеченнаго въ ней матеріала.

Пятая глава посвящена словарному матеріалу. Въ ней находимъ списокъ словъ изъ Георгія Амартола, не вошедшихъ въ Матеріалы Срезневскаго, но нашедшихъ мѣсто въ словарѣ Миклошича, извлеченныхъ имъ изъ памятниковъ югославянскаго происхожденія. Далѣе списокъ словъ, не находящихся ни у Миклошича, ни у Срезневскаго, перечень словъ, не вошедшихъ въ словарь Миклошича, но вошедшихъ въ Матеріалы Срезневскаго, и другой перечень словъ неизвѣстныхъ Миклошичу, а извѣстныхъ Срезневскому только изъ Хроники Георгія Амартола. Эти списки и перечни заключаютъ мѣстами пропуски, мѣстами неточности, на которыя далѣе нами будетъ обращено вниманіе. Конечно до нѣкоторой степени это неудивительно при массѣ привлеченнаго авторомъ матеріала.

Шестая глава предлагаетъ возстановленіе правильнаго чтенія въ переводѣ хроники.

Далѣе слѣдуютъ главы, относимыя авторомъ къ исторической части изслѣдованія. На первомъ мѣстѣ въ седьмой главѣ стоитъ наиболѣе важный и интересный вопросъ о мѣстѣ и времени перевода Хроники. Онъ разрѣшается въ томъ смыслѣ, что переводъ сдѣланъ на Руси, въ Кіевѣ, на церковнославянскій, тогда литературный языкъ, съ извѣстной долей русской стихіи, въ половинѣ XI вѣка. Восьмая глава устанавливаетъ наличность второй обработки Хроники. Девятая глава посвящена изслѣдованію текста Хроники въ различныхъ историческихъ компилятивныхъ памятникахъ древнерусской литературы. Въ ней устанавливается первая обработка Хроники. Въ связи съ этимъ изслѣдователь касается исторіи памятниковъ, пользовавшихся Хроникой Георгія Амартола.

Десятая и послѣдняя глава содержитъ общіе выводы изъ изслѣдованія исторіи Хроники и общія соображенія о ходѣ развитія древнорусской исторической литературы.

Какъ можно видѣть изъ этого обозрѣнія содержанія труда В. М. Истрина, посвященнаго Георгію Амартолу, велика его заслуга какъ по изданію представляющаго столь большой интересъ памятника, такъ и по тщательному изслѣдованію всѣхъ связанныхъ съ его судьбой вопросовъ. Отнынѣ онъ является для всѣхъ доступнымъ, и открывается возможность его дальнѣйшаог разсмотрѣнія и обсужденія.

Внимательно познакомившись съ текстомъ хроники и изслѣдованіемъ ея въ столь замѣчательномъ изданіи, какимъ являются два вышедшіе тома, мы рѣшаемся высказать свой взглядъ главнымъ образомъ по вопросу о мѣстѣ и времени перевода Георгія Амартола.

В. М. Истринъ сдѣлалъ очень много въ томъ направленіи, чтобы пріурочить переводъ хроники къ нашей древней письменности, утвердить за нимъ его кіевское происхожденіе и отнести его къ половинѣ XI вѣка.

Мы напередъ должны сказать, что участіе русскихъ въ усвоеніи этого перевода своей письменности было велико и значительно. Хроника дошла исключительно въ русскихъ спискахъ, сильно обрусѣла и невольно является соблазнъ, что и въ самомъ дѣлѣ мы имѣемъ дѣло съ самостоятельнымъ русскимъ переводомъ съ греческаго. A priori ничего нельзя возражать противъ допущенія такой возможности. Но, когда по выходѣ перваго тома мы съ любопытствомъ принялись за его чтеніе, у насъ возникли нѣкоторыя сомнѣнія. Обычно вопросъ ставился такъ, что переводъ могъ появиться или на славянскомъ югѣ и тогда, конечно, въ Болгаріи, или же у насъ на Руси и тогда, конечно въ Кіевѣ въ половинѣ XI в.

Но теперь послѣ того, какъ наукѣ удалось выяснить роль начальной славянской письменности въ предѣлахъ Великой Моравіи, послѣ того, какъ мы знаемъ, что въ концѣ IX вѣка и началѣ X происходило передвиженіе книжныхъ людей этой западнославянской державы на югъ, на Балканскій полуостровъ, и при томъ въ разныхъ направленіяхъ, послѣ того какъ мы знаемъ цѣлый рядъ текстовъ моравскаго происхожденія, открывается возможность къ допущенію, что въ предѣлахъ или Болгаріи, или Византіи славянскіе переводы могли быть сдѣланы съ греческаго языка не одними только южными славянами, но и выходцами съ славянскаго запада, владѣвшими языкомъ церковнославянской письменности. Отдѣльныя лица могли еще у себя на родинѣ въ Моравіи овладѣть греческимъ языкомъ, какъ языкомъ богатой литературы, памятники которой переводились въ то время на славянскій языкъ.

Намъ думается, что намъ удалось установить слѣды этого западнославянскаго вліянія и въ переводѣ Амартола. Насколько мы въ этомъ успѣли, рѣшитъ критика. Послѣ

этихъ замѣчаній мы перейдемъ къ своему обслѣдованію, располагая собранными данными.

Предварительно скажемъ нѣсколько словъ о изданіи текста.

Что касается пріемовъ изданія текста, нельзя не отмѣтить непослѣдовательность въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ текстъ требовалъ исправленія или удаленія явныхъ описокъ, пропусковъ слоговъ, или обратно лишнихъ, или же испорченныхъ мѣстъ. У В. М. принята такая система. Послѣ варіантовъ изъ рукописей слѣдуетъ сличеніе съ греческимъ текстомъ и на основаніи такого сличенія выше варіантовъ дается исправленіе текста, воспроизведеннаго въ изданіи. Но иногда такое исправленіе сдѣлано въ той самой части примѣчанія, гдѣ производится сличеніе съ греч. текстомъ; при этомъ иногда добавляется указаніе на то, что S., т. е. сумма текстовъ заключаетъ правильное чтеніе; очевидно потому, что среди варіантовъ оно было опущено. Такъ, напр., на стр. 306 **за(з)рѧше**, въ примѣчаніяхъ, заключающихъ сличеніе: **зазрѧше** (S.) *ἔσκωπτε*; на стр. 311 **по(ѹ)дивъ**, въ примѣчаніяхъ **поѹдивъ** (S.) *παραβιασάμενος*. Иначе на стр. 310: **подроупию** въ текстѣ напечатано какъ въ рук.; за тѣмъ подъ чертой: **подрȣмию**. какъ должно быть въ варіантахъ **подрȣмию** и въ примѣчаніяхъ **подрȣмию** = *ἱπποδρόμῳ* М. 18. Но не было ли бы проще напечатать въ текстѣ **подроумию** и въ варіантахъ, отмѣтивъ списки, указать, что въ рук. **п** вм. **м** и затѣмъ привести греч. текстъ. Какое значеніе можетъ имѣть сохраненіе явной, грубой описки? Къ исправленному тексту: **подроумию** находилось бы на своемъ мѣстѣ среди варіантовъ: согласно К. Пб. Сл. Ун. съ **м** вм. **п** рук. *ἱπποδρόμῳ* М. 18. Намъ лично равнымъ образомъ было бы пріятнѣе читать въ изд. **Оригенъ**, подъ строкой этой ф. не ставить, а въ прим. »въ рук. **ригеонъ**«. Вѣдь и эта порча текста никакого значенія не имѣетъ. Въ такомъ случаѣ, какъ на стр. 312 **ꙗ(ко)**, въ прим. **ꙗко** (S) *ὅτι* 15. Но не достаточно ли было бы привести лишь одно *ὅτι* въ прим. въ оправданіе скобки? А о значеніи скобокъ могла бы быть сдѣлана общая оговорка. На стр. 313 вмѣсто **онънъ** напечатать **онъ** даже и безъ прим., что въ рук. лишній разъ стоитъ **нъ**. Вѣдь опять и здѣсь явная описка. При **м(ал)ыхъ** достаточно было бы »согл. S. *τῶν βραχυτάτων*« вмѣсто »**малыхъ** (S) = *τῶν βραχυτάτων*. въ рук. **мыхъ**«; вѣдь

уже самыя скобки указываютъ, что ал въ рук. пропущено. И конечно совершенно удачно напечатано [раи] съ прим. доб., слѣдуетъ перечень списковъ и греч. текстъ. Или, напр: ıако възбранивше 315, (Нава) на стр. 318. Но исправляя подъ строкой и въ примѣчаніяхъ текстъ въ такихъ случаяхъ, какъ на стр. 316 видѣ или на стр. 317 ієрѣискія, В. М. Истринъ оставляетъ въ изданіи ошибочныя чтенія ради, иеретичьскыя. На нашъ взглядъ для чтенія Хроники было бы пріятнѣе вѣрное чтеніе читать въ основномъ текстѣ.

Иногда допускаемое исправленіе текста — подстановка спущеннаго слова — отмѣчается указаніемъ на строку изданія въ примѣчаніяхъ, безъ отмѣтки цифрой. Разумѣется исправленіе текста требуетъ осторожности. Такъ, напр., на стр. 38 чтеніе Троицкаго списка, къ счастію оставшееся въ изданіи:, кнѧжыı не нуждается въ исправленіи на кнѧжена подъ чертой съ оправданіемъ его въ примѣчаніяхъ. Форма кнѧжние встрѣчается въ памятникахъ моравскаго происхожденія. Она значится и въ древнечешскомъ словарѣ профессора Гебауера.

Въ переводѣ Амартола, дошедшемъ исключительно въ русскихъ спискахъ, изъ которыхъ древнѣйшій не старше XIII—XIV в., можно однако указать слѣды такихъ особенностей языка, которыя были бы непонятны, еслибы первоначальный переводъ былъ сдѣланъ русскимъ. Прежде всего отмѣтимъ зависимость списковъ отъ юсоваго текста. На стр. 446 ѫ, на стр. 465 оусрачѫ въ варіантѣ оусрѧщют, на стр. 372 быстростиѫ въ варіантѣ. На стр. 38 ѿ Поуфию въ остальныхъ спискахъ: поуфиа, въ греч. *παρὰ τῆς Πυθίας*; на стр. 74 ѿ марманью и тихию, во всѣхъ другихъ спискахъ имарменью въ гр. *ἐκ τῆς εἱμαρμένης καὶ τύχης*. Эти формы объясняются изъ обычной средне-болг. съ ıѫ вм. ıѧ, а съ утратой іотаціи ѫ, отчего въ первомъ примѣрѣ а вм. ıа. Если на стр. 141 тысющь не опечатка, то и эту форму пришлось бы объяснить изъ тысıѫщь (отсюда чеш. *tisúc* и современное *tisíc* и серб. *тисућа* отъ тысѫща, въ то время какъ стоящее рядомъ тысѧщь есть русское *тысяча* отъ тысѧща. На стр. 151 ıатрока объясняется среднеболг. ф. ѫтрока. Обращаетъ вниманіе форма ѡбрѣтоу т. е. ѡбрѣтѫ оригинала на стр. 62, 26.

Намъ не ясно, отмѣчались ли юсовыя написанія др. списковъ, или опускались. Но если бы даже были только при-

веденные примѣры, то и они сохраняли бы значеніе. Такіе случаи возможны. Въ одной рук. словъ Іоанна Златоустаго Хиланд. мон. серб. письма на пергаментѣ встрѣтилосъ два примѣра съ ж на большого объема рукопись.

Есть очень немногіе примѣры, гдѣ на мѣстѣ ѣ находимъ а: надрахъ 344, одоланиѥмь 72 въ варіантахъ съ ѣ, ѡ палаѥть 80. На стр. 193, наоборотъ, въ томъ же словѣ въ глагольныхъ формахъ ѣ въ тр. сп. и а въ варіантахъ ѡдалаеть, ѡдолаеть, ѡдалають, ѡдолають. Можно, пожалуй, отмѣтить и тама стр. 63 при тѣма S., при чемъ, конечно, слѣдуетъ предполагать первоначально тьма; но, разумѣется, такое искаженіе текста можно было бы признать только за грубую ошибку переписывавшаго механически текстъ рукописи переписчика. Отдѣльные примѣры съ ꙗ вм. ѣ встрѣчаются въ рук. Таковъ, напр., единичный случай въ спискѣ Шестоднева 1263 г. Ср. кесадамъ Супр. рук. 363.

За счетъ болгарскаго оригинала объясняются примѣры съ а вмѣсто ꙗ: авѣ 44, акоꙗже 39, ацѣми 19, ацѣмь 101, 154, 257, акымь 380.

Отмѣтимъ нѣкоторые примѣры, обычные въ болгарскихъ и сербскихь текстахъ, напр., передача греч. *β* слав. п: Ѧптокроумлъ стр. 487, ср. педепсати. На стр. 511 въ проелепсъ *ἐν τῇ προέλευσει*.

Слѣдуетъ отмѣтить употребленіе предлога отъ согласно синтаксису болгарскаго яз. 1. при глаголѣ боꙗти сѧ: не оубоите сѧ ѿ чрънмнаго кокота Доукса, въ греч. *ἀπὸ* 544. Такая постановка въ церковнослав. древнѣйшихъ текстахъ евангелія, псалтыри. Изъ нихъ примѣры и у Срезн. Но въ болгар. современномъ при глаголахъ съ значеніемъ *бояться* стоитъ всегда предлогъ *отъ*. 2. при глаголахъ, обозначающихъ лишеніе: ѿ божиꙗ помощи лиши *τῆς θείας κηδεμονίας ἐστήρησε* 75, лишенъ еси ѿ раꙗ *ἐστερήθης τοῦ παραδείσου* 474. Въ Син. пс. отъ при греч. *ἀπὸ*, иначе род. пад. Въ русскихъ пам. у Срезн. род. пад., кромѣ одного прим. западнорус.; при глаголѣ обнажити сѧ: ѿ премудрости ѡбнажи сѧ, въ греч. *ταύτης ἐγυμνώθη* 148, ср. обнажавша ѿ благодатиѧ І. Екз. Бог. 223; при прилаг. поустъ: поустъ ѿ бога *ἔρημος θεοῦ* 80; при глаголѣ останоути: ѡстаноутъ ѿ христианскаго убійства *στήσωνται τοῦ χριστιανοῦς ἀναιρεῖν* 559. — Вмѣсто греч. род. ѿ съ род.: мнѡгы ѿ болгаръ *πολλοὺς τῶν Βουλγάρων* 554, прочии ѿ владоущихъ *ἄλλοι τῶν*

ἀρχόντων 547, нѣции ѿ соудии *τινὲς τῶν δικαστῶν* 544; при сравнит. степени: лоучше ѿ обоихъ 531, гдѣ у насъ употребляется *изъ*.

Часты случаи отдѣленія нѣ отъ мѣстоименныхъ или нарѣчныхъ формъ: нѣ въ кыи градъ 499, нѣ в котораа мѣста 472, нѣ в кое чаание 446, нѣ за колико 487, нѣ на которомъ мѣстѣ 496, нѣ подъ которою 520, нѣ ѿ коудоу 526, нѣ по котором 534, нѣ ѿт которыхъ 559, нѣ къ комоу 110, нѣ по комъ 534. Сравни, напр., у Іоанна Екзарха: нѣ въ кыхъ Шдн. І. Е. Болг. 236, нѣ по коемоу wбразоу І. Е. Бог. 202. Въ Словахъ Григ. нѣ въ кѫѭ.

Можно отмѣтить примѣры смѣны рода муж.: и жен. єдинъ соуботъ 217 встрѣчается въ еванг. и церковныхъ пѣснопѣніяхъ, проказъ 158, проказа S., въ оудолъ плачевныи 457, ср. въ ждолъ иwасафатовъ въ Парем. Григор. Альб. болг. и серб. пис. 92, корванъ 920, мечьтъ 403 въ слов. исключит. въ древнихъ болг. пам., въ Шест. І. Е. 231, заставъ 556, у Микл. изъ Библ. Іез. и мин. Мих., ковригъ 400, въ русскихъ памятникахъ чередуется съ *коврига,* но въ современномъ болг. яз. *ковригъ* м. р. см. у Герова; оудавъ 502 вм. оудава. У Микл. отмѣчено въ пат., у Іо. Лѣств., въ Жит. Саввы. блазнъ м. р. Супр., Изб. 1073 г.; ср. слов. *blazen* и чеш. *blázn* у Гебауера въ знач. *глупецъ,* ср. блазнь ж. р. 60; wтравъ м. р. стр. 466 вм. *отрава.* Въ словахъ кедръ и кедра ж. р., бедро ср. р. и бедра ж. р. (до бедры 43).

Къ числу рѣдкихъ словъ принадлежатъ такія существительныя, какъ: быстрь 373, видь 77, 422, 477, лють 394, соуѥть 119.

Изъ нихъ перваго нѣтъ ни у Миклошича, ни у Срезневскаго, второе отмѣчено только изъ Георгія Амартола, третье, кромѣ Георг. Амар., въ Минеѣ XI в. и послѣднее у Срезн., кромѣ Георг. Ам., у Ефр. Сир. XIII в. и Іак. Бор. и Глѣба, но послѣдній источникъ не народный, а книжный подъ вліяніемъ слав. яз. Таково же, напр., дать у І. Е. Шестодн. и въ житіи Еутих. въ выраженіи изъ литургіи. Существительныя малота 127 ср. Бол. Пс. 591; у Срезн. въ рус. источникахъ не отмѣчено, у Даля нѣтъ; ср. великота въ Жит. Меѳ., мракота 230, у Срезн., кромѣ Георг. Ам., только въ Псалт. и Мин., у Даля нѣтъ; но есть въ чеш. яз. у Гебауера и Котта. Ср. бѣлота въ Бол. пс. 689, въ Изб. 1073 г. Слово нечистость 504 относится къ обычнымъ въ старѣйшихъ памятникахъ образова-

ніямъ. Сравни гладость, кривость, лакость, видость, быстрость въ Бес. Григ., чеш. čistost у Гебауера. Ср. чистость Григ. Бог. 165.

Изъ существ. съ окончаніемъ -икъ, въ числѣ которыхъ очень много сложныхъ, есть не мало довольно рѣдко употребляющихся:

безъградникъ 103, ср. градьникъ Супр.; — бритвьникъ 404, ср. бритвити 397, у Срезн. изъ кормч., бритвие у Микл.; — възлюбленикъ 537, Супр. рук.; — властникъ 471, у Микл. въ югослав. ист., серб. *власник* и чеш. *vlastník*; уже въ Мар. Ев. и др. четврьто-властьникъ; — глагольникъ въ сложныхъ съ предлогами и другими словами, приведенными у В. М. Истрина въ спискѣ сложныхъ словъ. Ср. подъ словомъ *глаголъ*. — сверникъ 353, ср. вѣрьникъ въ Фреиз. отр. и др. югосл. ист. у Миклошича и *věrník* у Котта; — свѧзникъ 409; у Миклошича въ болг. ист. съвѧзьнь уже въ переводѣ Ев. Мар.; — достославникъ 339, ср. въ Шестодн. І. Е. Болг. славникъ 44; — смотрьникъ 327; у Срезн. въ Ефрем. Корм.; — словесьникъ 342, у Григ. Наз.

Между сложными словами такія, каковы: варвароглясникъ, находятъ соотвѣтствіе въ серб. *гласник*; достопобѣдьникъ ср. съ побѣдьникъ Супр., иконохоульникъ ср. хоульникъ Супр., свѧтокрамольникъ съ крамольникъ въ Супр. рук., юдиноколѣньникъ съ колѣньникъ въ бѣлгр. рук. Ефр. Сирина, юдинохызникъ съ хызьникъ въ житіи Саввы Домент. Они заслуживаютъ вниманія тѣмъ, что указываютъ на ту среду, въ которой могли появиться при наличности въ ней простыхъ словъ.

Между словами съ окончаніемъ -ьць отмѣтимъ:

васнозиждьць 68, ср. ѕиѕдъць Манас. Хрон. Словарь къ Обзору звуков. и форм. особ. болг. яз.

боговидець 95, Супр., завидьць 476. Безъ сложенія видьць см. у Микл. Прибавить можно видъца Бол. Пс. изд. Яг. 566 и Григ. Бог. 257 ;.

богоносьць 473, Супр. рук., Шиш. ап., побѣдоносець 397, претоносець 448, ср. носьць у Микл. Ефр. Сир., Іо. Лѣствич.

кратоборець 261, достоборець 522, ср. борьць Супр.

данонлатьць 375, ср. платьць у Микл. въ серб. источн.

древосѣчьць 133, ср. сѣчьца и сѣчьць Супр. юдиновластець 208, земовластець 223.

самовластець 470 ср. самовластьць Супр.

единодрьжьць 509, самодержьць 74, ср. самодръжьць Супр., Изб. 1073 г.

златооустець 243, ср. у Микл.

иноѡдець 166, ѡдьць у Микл. изъ Патер., ѣдьца Мар. ев.

истинолюбьць 84, ср. истинолюбець Шдн. I. Е. 229 об. — жизнолюбьць. истоволюбьць 235, ср. любьць у Микл.

звѣздословьць 62, у Микл. Діоптра; лжесловьць 83, у Микл. Ант.

стрѣлець 46, срв. Изб. 1073 г., Григ. Бог. 265.

Особо должны быть поставлены брадатець, главатець, женатець, бронистець, также двоименитець 466, ср. именитица Григ. Наз.

Уменьшительныя на -ьць обычны въ болг. яз.: градьць 555 (Мар. ев.), ковчежець 360, кораблець 349 (Мар. ев.), коумирець 40, облачьць 349, ср. облачьць Супр., одрьць 236, прѣсньць 95, прѣстольць 341, съсець 93 (Мар. Ев., Григ. Наз., Жит. Кир.), оунець 253, юньць (Мар. ев.), домець 367.

Сюда же относятся уменьшит. отъ собственныхъ именъ Іаковець 517, Василиць 541, ср. Ѳеофиличь 505, 6. Два послѣднія въ греч. текстѣ: *Βασιλίτζης, Θεοφιλίτζης*. Имена съ этимъ окончаніемъ встрѣчаются также въ хроникѣ Зонары.

Языкъ первоначальнаго перевода отличаетъ также обиліе глаголовъ съ окончаніемъ -ствовати. Таковы, напр., вѣрьствовати 551, собьствовати 552, ѡземьствовати 553, чоудьствовати 497, оуБальствовати, оунылъствовати, рачьствовати, недостатьствовати, дьньствовати, мнимьствовати, также всѣ глаголы съ этимъ окончаніемъ, отмѣченные у В. М. Истрина, какъ отсутствующіе въ словаряхъ Миклошича и Срезневскаго. Нѣкоторые изъ нихъ однако встрѣчаются въ древнихъ памятникахъ, напр., вѣрьствовати въ Супр. рук., хоульствовати 493 въ Остр. Ев., памѧтьствовати 93 Шиш. ап. Въ общемъ такіе глаголы носятъ отпечатокъ искусственности, многіе изъ нихъ могутъ встрѣтиться и въ старыхъ и въ позднихъ памятникахъ. Но можно указать, что, напр., ни въ Глаг. Клоц., ни въ Чудовской псалтири нѣтъ ни одного такого глагола. Съ другой стороны любопытно, что мы и теперь употребляемъ иные изъ нихъ въ сложеніи напр. *благодействовать, неистовствовать*, между тѣмъ какъ безъ сложенія простые глаголы намъ кажутся странны и совершенно неупотребительны. А ихъ наличность въ памятникахъ можетъ свидѣтельствовать, что было время,

когда они могли употребляться въ книжномъ языкѣ въ особенности.

Что касается текста, заслуживаютъ вниманія такіе случаи, какъ удержаніе рѣдкихъ грецизмовъ. Такъ, напр., келевен 466, явившееся изъ *καὶ Λεββαῖος* или дина въ переводѣ Амартола юдина изъ *ὁ δεῖνα* (II, 201). На ряду съ др. примѣрами неудачнаго перевода или порчи текста эти два примѣра отмѣчены были еще Шафарикомъ. Возможно, что переводчикъ, трудившійся на славянскомъ югѣ, но южнымъ славяниномъ не бывшій, внесъ эти слова, будучи начитанъ въ старыхъ текстахъ, гдѣ они еще не были исправлены.

Въ другихъ случаяхъ въ переводѣ рядомъ съ удержаніемъ многихъ грецизмовъ, которые приведены В. М. Истринымъ на стр. 200—201 II т. и которые почти всѣ встрѣчаются въ различныхъ памятникахъ древнеславянской письменности, находимъ и замѣну ихъ славянскими словами. Таково, напр., слово бѣлилникъ вмѣсто гнафеи, находящееся уже въ Галицкомъ и Тырновскомъ еванг., ср. у Ягича, а потому требуетъ исправленія замѣчаніе въ примѣчаніи на стр. 210 II т., гдѣ сказано, что бѣлильникъ встрѣчено пока только въ данныхъ хроникахъ. Прибавимъ еще нѣсколько примѣровъ сохраненія въ переводѣ Георгія Амартола старыхъ словъ, которыя позднѣе замѣнялись другими. На стр. 411 удержанъ грецизмъ ипопантию рекше оусрѣтенью; на стр. 285 читается: до христа игоумена, какъ и въ житіи св. Кирила; на стр. 225 слово сынъ объяснено словомъ столпъ такъ однако, что это послѣднее объясняется первымъ. Такое поясненіе конечно естественнѣе относить къ первоначальному переводу. Переводчикъ, замѣнявшій слово, начинавшее выходить изъ употребленія, зналъ однако, что въ древнихъ текстахъ стояло именно это слово. Это слово находимъ въ словахъ Григорія Богослова: яко же и соупъ слышахомъ съграждати, у Будиловича въ примѣч. нев. стлъпъ? Это мѣсто не было понято издателемъ л. 223 *a*.

Теперь перейдемъ къ тѣмъ особенностямъ перевода, которыя, по нашему мнѣнію, могутъ быть отнесены за счетъ чешскаго языка. Таковы прежде всего тѣ примѣры, въ которыхъ на мѣстѣ с находимъ ш в собственныхъ именахъ. Пелопонишане *Πελοποννήσιοι*, Фракишане *Θρᾶκες* 361, 561, Орѣфевесъ Фракишанинъ 113, Тивери Ракишанинъ 427.

Эти формы стоятъ въ связи съ *Θρακήσιοι*. Правда въ словарѣ Котта нѣтъ указаній ни на первое, ни на второе слово, но они образованы такъ же, какъ *Rakušan* отъ *Rakous*. Сюда же относятся еще два примѣра Телмишанина 361 при греч. *Τελμησέων* и Само(са)тевшанинъ 322, объясняющееся изъ *Σαμοσατεύς*; *υ* дало в, ς . *ш*, слогъ са надо дополнить. Безъ него варіантъ самоветшанинъ какъ будто являлся попыткой осмыслить испорченное чтеніе чрезъ сопоставленіе съ ветхъ.

Въ соотвѣтствіе переходу с въ ш находимъ два примѣра съ ж вмѣсто з: Оклажанинъ *ὁ Κλαζομένιος*, при чемъ *ὁ* членъ слитъ съ самымъ именемъ. Другой примѣръ относится къ передачѣ глагола *σκυθίζειν* скоуфиижествовати 72. Русскіе переписчики измѣнили это чтеніе на скоуфишествоують (S) Такъ оно значится съ ш вмѣсто ж и на стр. 202.

Примѣры такого перехода *s* и *z* въ чешскомъ яз. обычны: *Jidáš, Tomáš, Ježíš.*

Сохранился и еще одинъ чешскій оборотъ. На стр. 217, II читается: въ . ё . межю дьсатьма, въ срв. чеш. современномъ яз. *pět mecítma*, рядомъ съ обычнымъ въ . ке҃ . днк 217, 16. Такіе примѣры встрѣчаются въ памятникахъ начальной славянской письменности, стоящихъ въ связи съ великоморавской эпохой; между прочимъ въ нѣкоторыхъ спискахъ сказанія о Письменахъ Черноризца Храбра.

Вліяніемъ чешскаго языка объясняется то обиліе существительныхъ съ окончаніемъ -ствиѥ вмѣсто -ство. которымъ отличается переводъ Георгія Амартола. Встрѣчаются съ этимъ окончаніемъ существительныя и въ церковнослав. яз., но ихъ число не велико, напр., чловѣколюбьствиѥ Супр. 394 изд. Север., сребролюбьствиѥ 412, владычьствиѥ 458, безмльвьствиѥ 462, мѫжеблажьствиѥ 566, братолюбьствиѥ, цѣсарьствиѥ 364, лѫкавьствиѥ 486, величьствиѥ 508. Въ Чудовской псалтыри всего четыре примѣра: величьствиѥ богатьствиѥ, цѣсарьствиѥ, лоукавьствиѥ. Въ нашемъ литературномъ языкѣ такихъ словъ точно также не много, напр., *самочувствіе, дѣйствіе, спокойствіе* и др.

А потому для русскаго было бы странно внести такую массу словъ съ окончаніемъ -ствиѥ, для котораго и въ церковнославянскомъ яз. онъ не могъ найти много примѣровъ.

Иначе это въ чешскомъ языкѣ, гдѣ такихъ словъ огромное количество и гдѣ менѣе рядомъ съ ними находитъ существ. съ окончаніемъ на -ство, причемъ значеніе дублетовъ иногда

различается. Въ древнемъ яз. чаще окончанія на *-stvo*, чѣмъ въ новомъ, въ которомъ *-ství* преобладаетъ. Быть можетъ, слова на -ствиѥ были въ значительномъ употребленіи уже въ началѣ славянской письменности въ Моравіи и отсюда перенесены были и на Балканскій полуостровъ.

Во всякомъ случаѣ важно отмѣтить, что число такихъ словъ велико въ Бесѣдахъ папы Григорія, переводъ которыхъ принадлежитъ западному чешскоморавскому славянину. У А. И. Соболевскаго отмѣчены: богатьствиѥ, божьствиѥ, болꙗрьствиѥ, владычьствиѥ, вѣчьньствиѥ, господьствиѥ, зеленьствиѥ, злобьствиѥ, лакомьствиѥ, плодьствиѥ, подобьствиѥ, родьствиѥ, существьѥ, сьмрьт(в)ьствиѥ. Мы прибавимъ: жесточьствиѥ 35 об., таиньствиѥ 144, противьньствиѥ 80, воиньствиѥ 70 об., блаженьствиѥ 60 об.

Съ этимъ можно сравнить въ Псалт. Витенб. *blahoslavenstvie, dědičstvie, dobrovolenstvie, hubenstvie, jalovstvie, jestvie, ješutenstvie, milosrdenstvie, množstvie, obiženstvie, plodičstvie, pravedlenstvie, pravědlivenstvie, protivenstvie, tajenstvie, taženbenstvie, ustavičenstvie, veličstvie*.

Если мы обратимся къ сопоставленію съ переводомъ Георгія Амартола, то можно будетъ отмѣтить моужьствиѥ и *mužstvie* Геб., непослоушьствиѥ и *neposlušenstvie* Геб., для неоумѣтельствиѥ важно указать наличность прилагат. *neumětedlný* Псалт. Витенб. У Котта есть *neumětelstvo* изъ рук. XIV в., для приплодьствиѥ важно привести *připloditi, připlozovati připlod*, и сущ. изъ Псалт. *plodičství*, а плодьствиѥ есть въ Бес. Григ.; противьствиѥ и *protivenstvie*, различьствиѥ и *rozličenství*, для страшильствиѥ *strašidelnictví*, свободьствиѥ *svobodství* (какъ видно изъ примѣровъ у Kotta VII), съ свꙗтительствиѥ ср. прилаг. *svätitelský* тамъ же, таиньствиѥ см. выше Псалт. Витенб., въдовьствиѥ *vdovství*, жесточьствиѥ какъ и въ Бес. Григ., многобожьствиѥ *božství*, величьствиѥ ср. въ Псалт. Витенб. Что иногда уцѣлѣвшее чешское слово отличается приставкой другого суф. *-en-* отъ прилаг. или *-ič-*, это, конечно, не мѣшаетъ общему заключенію. Что многія слова составлены переводчикомъ искусственно и могутъ принадлежать единственно ему, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Но при сопоставленіи съ данными памятниковъ и живого яз. уже нельзя говорить: »переводчику *почемуто* нравилось производство именъ существительныхъ на -ствиѥ- рядомъ съ обычными на -ство« Георг. Ам. II, 245.

Изъ словарнаго запаса перевода приведемъ списокъ слѣдующихъ словъ, который восполняется еще и другими, отмѣченными въ спискѣ словъ, находящихъ параллели въ памятникахъ старой славянской письменности, а также и въ другихъ мѣстахъ статьи.

бесѣдникъ 366, 23, ср. чеш. *besedník*, пол. *biesiadnik* въ древнечеш. слов. Гебауера *besěda* — бесѣда, разговоръ и мѣсто собесѣдованія, у Штитнаго прилаг. *besední* (*besednie řeči*). Въ памятникахъ **бесѣдовъникъ** о папѣ Григоріи, сочинителѣ разговоровъ.

велеҳвала 330, ср. *velechvalný* у Котта.

велдѹ҃шь 393; ни у Миклошича, ни у Срезневскаго въ памятникахъ это слово не отмѣчено. Сравни въ чеш. *velduchý*, *veleduch*. Въ памятникахъ *вель* и *веле* встрѣчается въ древнѣйшихъ, въ русскихъ его нѣтъ и всѣ такія слова перешли къ намъ черезъ югослав. письменность. Но любопытно, что у чеховъ очень велико и до сихъ поръ число словъ въ сложеніи съ *vel-* или *vele-*. Ср. *velryb* китъ Псалт. Вит. и др.

врановъ 179, 31 въ одномъ изъ списковъ любопытно по совпаденію съ *dětem vranovým*. въ Псалт. Витт. у Гебауера. Слѣдует отмѣтить, что въ этой псалтыри очень велико число прилаг. на *-ový*, каковы; *bohový* deorum, *bravóv* arietum, *býkový* taurorum, *hospodinóv* domini, *chrámový* templi, *koňový* equi, *králóv* regis, *lovový* venantium, *prorokový* prophetarum, *stanový* tabernaculorum, *větrový* venti, *vlasový* capilli. Изъ нихъ *быковъ* у Амартола: **смрьти быковѣ** 338.

въртѣти сѧ 560; ср. чеш. *vřítiti se*, у Миклошича приведено пол. *rzucić*. У Срезн. только изъ Георг. Ам. и Изб. 1073 г.

гъдавабль 145, чеш. *hedváb*.

главатець 547 *τοῦ κεφαλᾶ*, т. е. имѣющій большую голову, какъ видно изъ другого мѣста на стр. 506 *αὐτὴν δὲ τὴν κεφαλὴν μεγάλην ἔχοντα Κεφαλᾶν ἐπωνόμασε* — **самоу же главоу великоу имыи главатьца нарече**. Въ этомъ мѣстѣ русскій переписчикъ испортилъ текстъ, замѣнивъ **главатьца** оригинала. Значитъ *главатецъ*, ср. *брадатецъ*, для него было словомъ изъ живого яз. незнакомымъ. У Миклошича этого слова нѣтъ, опустилъ его и Срезневскій, у котораго много примѣровъ приводится изъ Амартола. Но въ чеш. яз. есть *hlavatci* мѣсто въ мн. ч. У Котта приведено *Hlavatec* и какъ личное имя, а также *hlavatec* ленъ съ головками. У Бернолака *hlavat* »человѣкъ

ъ большой головой«, откуда съ суф.-ьць и образовано гла-
атець, какъ и цѣлый рядъ др. словъ, напр. женатець. Ср.
ohatec у Гуса Postilla 245. И подъ словомъ брадатьць у Срезн.
два примѣра только изъ Амартола, а у Миклошича ссылка
на прологъ Вука Караджича. Въ болг. слов. Герова ни того,
ни другого слова нѣтъ.

Любопытно, что хорошо извѣстное изъ церковнаго яз.
лово главизна въ чеш. яз. употребляется въ разныхъ значе-
ніяхъ и до сихъ поръ, а въ значеніи *глава въ книгѣ* его упо-
треблялъ Гусъ. Въ живыхъ югослав. яз. оно не употреби-
тельно. Изъ памятниковъ въ Изб. 1073 г., Григ. Бог.

глаголъ 536, встрѣтившееся въ поясненіи выраженія
убіщим конеₘ нашимъ глаголомь (такъ надо раскрыть здѣсь
итло) повозныиь, объясняется изъ чешскаго, *hlahol* въ зна-
ченіи *»řeč, hlas, mluvení, jazyk, schopnost mluviti, způsob řeči,
promluvení, výpověd«*, всѣ эти значенія сопровождаются боль-
шимъ числомъ примѣровъ въ древнечеш. словарѣ проф. Ге-
бауера, ср. также и словарь Котта. У Гебауера есть и уменьш.
hlaholek и глаголъ *hlaholiti*. Для настоящаго мѣста подхо-
дящій примѣръ *svým hlaholem* secundum linguam suam Gen. 10. 5
и въ памятникѣ моравскаго происхожденія Бесѣдахъ папы
Григорія: исъ латиньскыимъ глъмь мстлк исправитсѧ (толкуется)
interpretatur 132. Срв. также выраженія: *přirozeným hlaholem*
voce patria, *domácím hlaholem, českým hlaholem, slovenským
hlaholem, latinským hlaholem, přeloženo z řeckého hlahola v la-
tinský, egyptským hlaholem.* Какъ можно видѣть, такое упо-
требленіе этого слова было у чеховъ всеобщимъ и ни въ
одномъ изъ другихъ славянскихъ языковъ такихъ примѣровъ
указать нельзя. Въ сербско-хорватскомъ словарѣ подъ этимъ
словомъ указывается, что встрѣчающіеся примѣры его употре-
бленія находятся въ памятникахъ славянскаго происхожденія,
писанныхъ не чисто народнымъ языкомъ, въ словарѣ Stulli
изъ бревіара.

доброписець 398, ср. у Котта *dobropisec.*

доброрѣчиие 374, ср. чеш. *dobrořečiti.*

дочитати 337 въ значеніи »узнать изъ чтенія«, по греч.
ἀναγιγνώσκω у Срезневскаго нѣтъ, а у Миклошича со ссылкой
на Козьму пресв. **дочисти сѧ**, ср. у Гебауера *dočísti sě* въ
древнечеш. пам., у Котта *dočísti, dočítati se.* Есть и у Берно-

лака, но и у Гринченка есть *дочитуватися, дочитатися*, повид. съ тѣмъ же значеніемъ.

заиденние слнчьное 331, 16 »заходъ солнца«; ср. *zajdení* то же, что *zajíti, západ*, т. е. заходъ солнца.

застоупъ 203, 18 въ значеніи »отрядъ войска« въ Виттенб. псалт. *když se stanovie proti mně zástupy, ne vzbojí sě srdce mé; k bitvě vyvedení zástupové* Коменскій.

звѣрненица 535, 10 »мѣсто, исполненное звѣрей«, ср. *zvěřinice* зоологическій садъ, ср. *Zvernice, Zverník* имена мѣста. Въ малор. *звірнiи* »богатый звѣрями«, *звірник* »звѣринецъ«, *звірно* »много хищныхъ звѣрей«.

земьць 34, 6, ср. *zemec* въ томъ же значеніи у Котта, Ранка. Есть въ сонетахъ Коллара Slávy dcera.

изнебыти 520, 18, ср. чеш. *znebyti* »потерять«, въ малорус. *з небути* въ томъ же значеніи.

изница 379, 24, ср. *hleděti z nice* Лег. о св. Екат. и др. и въ житіи Меѳодія, памятникѣ моравскаго происхожденія: **рече краль из ница**. У Миклошича этотъ примѣръ приведенъ подъ словомъ **ниць**.

изнизоу 448, 1, ср. *z niza do výsosti* у Котта.

кокотъ 544, 3, въ большомъ числѣ примѣровъ *kokot* встрѣчается въ древнечеш. слов. Гебауера.

кра 479, встрѣчается не только въ древнерусскихъ, но и въ древнечешскихъ памятникахъ, что отмѣчено у Срезневскаго.

краıати 433, ср. чеш. *krájeti* кроить, но также и малорус. *краяти*, слов.-*krajat* рѣзать, разрѣзать.

крижмо 181, ср. *křižmo* въ др. чеш. слов. Гебауера.

кротъчение 394, ср. *krotčeji* сравн. ст. отъ *krotce;* **кротъцѣ** въ Супр. рук. и др. древн. память.

лють 394, у Гебауера *ľut, ľuť* »náhlost, prudkost, krutost« въ Лег. Екатерины, у Далимила.

мнишница 402, 14 »монастырь«, ср. чеш. *mnišní*, отъ котораго образовано это существ.

моукарь 393, 394, у Миклошича только изъ Георг. Амарт., также и у Срезневскаго; но безъ указанія, что въ чешскомъ есть *mukař* въ лег. Екат. у Гебауера. Ср. также Котта.

наповѣдѣти 303, у Срезн. и Микл. только изъ Георг. Амарт.; *napověděti* у Коменскаго и въ послов. *hloupému napověz, moudrý se dovtípí.*

пацьскы см. ниже, гдѣ рѣчь идетъ о глоссахъ.

несмысленъ 452, 30, ср. чеш. *nesmyslný*. Въ памятн. смысленыи Жит. Кир. 6.

нестоудние 286, 13, ср. чеш. *nestud* у Гебауера, *nestuda* Котт, *nestoudný* и др.

немечьскъ 472, -скаıа власть *τῶν φράγγων*, ср. *němečský* у Далим., Мандев. и др. Въ древн. памятн. нѣмьчьскыıа попы Жит. Меѳ. 10, нѣмечьскымь людемь прол. жит., стоящее въ связи съ пространными житіями.

ѡбразьникъ 35, 23; есть и въ чеш. яз. *obrazník* въ значеніи »кто пишетъ или продаетъ образа«, такъ это слово употребляется у насъ по Далю; у Гринченка *образник* »продавецъ иконъ«. Въ переводѣ Амартола это слово употреблено и въ значеніи »историкъ«. Ср. также образьница »исторія« только у Георг. Ам. У Срезн. для *образьникъ* указанъ еще примѣръ изъ Ефрем. Кормчей въ значеніи *σχισματικός*.

окрилие 261, у Миклошича приведено чеш. *okřídlí*.

омрачныи (*грѣхъ*) 72, 7, ср. *omračný strach* у Котта съ указаніемъ на Ранка. Ср. примрачныи 96, 18 и чеш. *přímrak* »сумракъ«, *přimračiti* »темнѣть«. Въ пам. примракъ въ Син. Псалт., Болон. У Срезн. также въ памятн. переводныхъ. Если слово омрачныи есть въ нашей лѣтописи, то оно въ ней изъ церковнаго яз., какъ видно изъ примѣровъ у Срезневскаго.

орь 414, 30; ср. чеш. *oř: v odění na oři seděl*, у Далимила, *vsednouti na oře* у Гайка. Указаніе на чеш. слово приведено у Срезневскаго. Въ слов. Бернолака есть еще *or:* »naruční koň«.

оходъ 556, 9 есть и въ чешскомъ яз. въ томъже значеніи, какъ у насъ: *ochod* »odřitní střevo, konečník; trubice v pánvici ženské ležící«.

пазъ 494, и въ чеш яз.

паоучии, ср. въч еш. *pavučí příze* у Котта, также у Бернолака.

пискупъ 369, 396, пискоупьствовати 396, глагола нѣтъ у Миклошича и Срезневскаго, пискоупиıа, пискоупль въ древнихъ пам. прилаг. въ Супр. рук., существ. въ Супр. рук. стр. 222 Север., бесѣдахъ папы Григорія и др. переходило къ южнымъ славянамъ и намъ, можно думать черезъ посредство чешско-моравской среды.

плюча 178, 21 было непонятно переписчикамъ, какъ видно изъ варіантовъ: ключь, плечь. Въ памятникахъ въ Супр. рук.,

Шестодн. I. Е., у Кир. Іерус., въ жит. Козьмы и Дам. у Срезн. Извѣстное словин., сербохорв. и западнослав. яз., теперь не оказывается въ болгар., въ чешскомъ и до сихъ поръ *plíce*, а древнечеш. *plúce* было ближе къ югосл. яз., въ словац. *pluca* у Бернолака.

повозныи 536, ср. чеш. *povozní, povozný,* встрѣчается въ слов. 1560 г., *povozné* плата съ *povozu* съ XV. в. *povoz* употребительное въ яз. слово, также *povozka* и цѣлый рядъ др. словъ; а потому, если принять во вниманіе, что оно встрѣтилось въ глоссѣ, поясняемой словами **нашимъ глаголомъ**, ср. это слово, то скорѣе его можно объяснять какъ старое чешскослав. слово; у Бернолака *powozní* син. *wozar.*

погонъ 535, 25, въ чеш. *pohon* муж. р. »поспѣшность«: »však jsem měla pohon, jak jsem spěchala«; *póhon* и *půhon* спеціально въ юридич. яз. вызовъ въ судъ, въ др. яз. ж. р., ср. у Миклошича.

поперсьци 339, у Миклошича нѣтъ, у Срезневскаго только изъ Георг. Амарт. *λῶροι* съ сопоставленіемъ *пьрси.* Но надо было бы привести чешское *poprsí.*

посвѣтъ 568, ср. чеш. *posvět* устарѣлое, »что служитъ для освѣщенія, свѣтъ«, употребительно и до сихъ поръ въ Забжегѣ (Коттъ); у Миклошича приведено слов. *posvet* lucerna. У Срезневскаго примѣръ еще изъ Ефремов. Кормчей и Устюж. грам., но въ послѣдней въ выраженіи **на посвѣтъ св. Богородици**, значитъ въ церковномъ словоупотребленіи.

при силѣ 546, ср. тоже выражение *při síle* у Котта и у Бернолака.

пригасити 158, ср. *přihasiti* потушить; но есть и въ рус. у Даля.

примостъ 562, ср. чеш. *přímostek.*

приплакати 571, ср. *připlakati, připlakávati:* »Kdo ke všemu připlakuje, zlé jen v srdci svojem kuje«. Сравни и болгар. *приплаквамъ, приплакувамъ* у Герова.

приподоблꙗтисѧ 181, ср. чеш. *připodobiti, připodobati, připodobívati. připodobovati,* также *připodobniti, připodobňovati,* и съ *se,* въ древн. чешскихъ памятникахъ и у чешскихъ писателей. У Микл. есть, у Срезнев. нѣтъ.

приринѹти сѧ 568; ср. чеш. *přiřinouti se,* въ еванг. отъ Марка.

прискочити 540, есть въ Супр. рук., чеш. *přiskočiti.*

присѣкивати 567, у Срезневскаго только изъ Георгіа Амарт., ср. чеш. *přisekati, přisekávati.*

прироуза 214, у Миклошича указано чеш. *příbuzný,* въ древнечеш. *přívuzný* у Штитнаго, Гуса, *přívuznost* Гус.

пропоустити сѧ — на поле 398, ср. чеш. *propustiti se kudy, kam:* »mořem nyní propustili se Pavlovi průvodčí všickni až do Assu« Нов. Зав.

псиюглавьць 61, 10, ср. чеш. *psihlav, psihlavec* рядомъ съ *psohlavec.*

размышливати, ср. чеш. *rozmyšlívati.*

разрѧдити 551, въ чеш. *rozříditi.* **расѣкывати** 325, ср. *rozsekávati.*

ситию 41, 24, въ чеш. *sítí;* въ вар. **ситиюмь** искажено въ **ситцемь** (S).

слоухатель 180, словац. *sluchatel.*

старостьство 58, 23, *πατριαῖς* чеш. *staroství* Kott.

съпрѣти сѧ 253, и въ чеш. *sepříti se s kým;* въ Супр. рук. и др. древн. пам.

сършень 64, 25, вар. **шершнемъ**, въ чеш. *sršeň.*

състоупити сѧ 543, чеш. *sestúpiti se.*

състоупъ 547, чеш. *sestup.*

дрѣво глаголемоѥ съвлакъ 262, 6—9, въ чеш. *svlak* »дерево, соединяющее два или большее число другихъ, перекладина, балка«; есть и въ малор. *сволок* у Гринченка, въ болг. *съвлакъ* раст. вьюнокъ. Любопытно, что правильная форма **съвлакъ**, измѣненная всѣми другими списками въ **съвлекъ**, не полногласная, какъ бы этого слѣдовало ожидать отъ русскаго переводчика. В. М. Истринъ думаетъ, что слово это значило »валекъ«. Но вѣдь въ греч. *καὶ δραμὼν τις γναφεὺς ἔδωκεν εἰς τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ μετὰ τοῦ ξύλου ἐν ᾧ τὰ ἱμάτια ἐκπιέζειν εἰώθασιν.* А потому: **имь же портъ вѣ извиваѩ** не точно, ожидалось бы: **на немь же**. Любопытно, что **извивати** въ значеніи »выжимать« и до сихъ поръ употребительно въ болгар. и серб. яз. и слѣдовательно есть выраженіе югославянское. Намъ кажется, что понимать слово **съвлакъ** какъ »валекъ«, которымъ можно только бить, нельзя, не дозволяетъ и значеніе глагола *извивать* и греч. текстъ, въ которомъ идетъ рѣчь о деревѣ, на которомъ выжимали платье. А. А. Васильевъ переводитъ это слово словомъ *скалка.*

сѣни 531, 29, и въ чеш. яз. употребляется въ томъ же значеніи, какъ въ русскомъ.

теплица 301; у Срезн. изъ рус. ист. примѣровъ нѣтъ; чеш. *teplice* (Котт) »teplé lázně, teplá voda«. У Іоан. Екз. Богосл.

оуломъкъ 141, есть въ малор. *уломок* у Грінченка; но есть и въ чеш. *úlomek,* также въ словац. у Бернолака.

оулютати 196, въ чеш. *ulitovati* »сожалѣть«; въ варіантахъ это слово, бывши переписчикамъ непонятымъ, замѣнено: доквчаше.

оумолвити 383, у Срезневскаго въ русскихъ памятникахъ не встрѣтилось, а ѹмовити изъ польскаго источника; ср. чеш. *umluviti.*

оухаблѧтисѧ 81, 25, ср. *uchaběti* »ослабѣть«, *uchabek* »ослабленіе, уменьшеніе«, *uchabek a uštěrbek.*

хортица 542, 1—2, ср. чеш. *chrtice* »самка борзаго пса«. Есть и въ малор. *хортиця* »борзая сука« у Грінченка. В. М. Истрину надо было бы и указать это слово.

Сравнительно съ этимъ спискомъ изъ словъ югославянскаго происхожденія въ переводѣ Амартола можно отмѣтить немногія; они слѣдующія:

вила въ глоссѣ къ греч. сирины 428, 28, извѣстное сербамъ и болгарамъ

братоучадъ 154, серб. и болг. *братучед,* сравни въ Супр. рук. братоучѧдъ.

воиникъ 47, 405, до сихъ поръ у болгаръ и сербовъ употребляется въ значеніи »солдатъ«.

година встрѣчается рядомъ съ *годъ* въ этомъ значеніи, какъ и до сихъ поръ у болгаръ и сербовъ.

доунавъ о рѣкѣ Дунай, какъ и до сихъ поръ у болгаръ и сербовъ.

звиздъ 70, звиздѣние 169 въ значеніи »свистъ«, въ варіантахъ русскихъ переписчиковъ измѣнено въ двизание; и на стр. 276 позвѣздита (овѣ оуши его) замѣнено въ варіантахъ позвенита, въ серб. *звизда, звиждање, звиждати, звизнути* о шумѣ въ ушахъ. У Миклошича въ цѣломъ рядѣ югослав. памятниковъ; у него приводится и словин. *zvizdati.*

зѣпѣти въ словахъ горѣзѣпѣка 273 (также и на стр. 493, 8, гдѣ текстъ испорченъ и напечатано; его рѣзѣпка, въ вар. рѣзопиы, рѣзопѣкы вмѣсто горѣ зѣпѣкы, но во II т. это мѣсто исправлено на стр. 231; однако ясно, что русскіе переписчики

этого слова не понимали) и въспрѣзѣпѣюще 235, соотвѣтствующихъ въ греч. глаголу ἀνοηταίνω быть необдуманнымъ, безразсуднымъ, сумасшедшимъ. Переводчикъ воспользовался глаголомъ, который въ болг. яз. употребляется и до сихъ поръ *зяпамъ* »разѣваю ротъ, зѣваю, глазѣю, верхоглядничаю«, но также и »теряю чувство, впадаю въ безпамятство«; это послѣднее значеніе объясняетъ, почему этотъ глаголъ взятъ былъ для передачи греч. ἀνοηταίνω. Иначе и въ рус. и въ малор. есть тотъ же глаголъ *зяпать* »кричать, зѣвать«, *зiпати* »кричать, зѣвать, испускать духъ«.

извертѣти око 343 15, 341 14.

исп(о)ротокъ 205; у Миклошича испрътъкъ, уцѣлѣло въ современномъ болг. яз. въ формѣ *испорец*; но надо было бы ожидать *испрътъкъ*, ср. запрътокъ у Миклошича; слѣдуетъ добавить примѣръ изъ Козьмы пресвитера: запортки, запортокъ »болтунъ«, у Герова *запрътъкъ*, у Дюверуа изъ Знанія Л. Каравелова *запрътакъ*. Въ рус. *выпоротокъ*, *випорток*, малор. »мертворожденное животное«. Отъ русскаго переводчика слѣдовало бы ожидатъ эту именно русскую форму съ *вы-* вмѣсто *из-*.

кола 419, и въ болг. и въ серб. и до сихъ поръ въ найбольшемъ употребленіи. Уже въ Супр. рук. рядомъ съ козыкола 80 изд. Север., 96.

котка 178, *котка* и въ болг. и въ серб. и до сихъ поръ.

мъска 145, въ значеніи »мулъ« и до сихъ поръ болг. *мъска*, серб. *маска*.

Одринъ 371 Адріанополь, болгарское имя города какъ въ древнихъ памятникахъ, такъ и въ современномъ яз.

прѣполовити 492, болг. *прѣполовявамъ, прѣполовя*. Син. пс.

перегина въ выраженіи: по перегини лютѣи 363 διὰ τῆς ἀλγει δυσβάτου; у Миклошича прѣгыни sensus dubius: въ числѣ примѣровъ, кромѣ даннаго изъ Георг. Амарт., изъ Супр. рук. и изъ Гомил. Михановича, у Срезневскаго еще примѣръ изъ житія Авксентія. Сравни также прилаг. прѣгъіньнъ у Миклошича и Срезневскаго изъ житія св. Власія, памятника болгарской письменности. Можно указать у Герова *прѣгънка*, *прѣгъвка* »перегибъ« и глаголъ *прѣгънувамъ* »перегибаю, сгибаю«.

прѣпѣвати 86 συνᾴδω, ср. болг. *прѣпѣвамъ, прѣпявка* »пою о комъ пѣсню«, въ памятникахъ прѣпѣтыи.

свитл 428, свитица 433, въ болг. *свитица* у Герова. Ср. *свита* постоянно у Козьмы пресв.

скоутъ 511, болг. и серб. *скутъ*.

Талиы 383, 5, ср. Талија у Караджича.

тети, тепе 523, тепени 94. (S) біени, ср. болг. *тепам, тепа.*

трѣмъ 174, въ болг. *трѣмъ*, въ серб. *тријем*. Ср. у Миклошича въ памятникахъ.

хусы 567, у Срезневскаго, кромѣ примѣровъ изъ Георг. Амарт., еще примѣръ изъ Псалт. Ѳеодор. У него же указанія на употребленіе этого слова и производныхъ въ сербск. пам.

чесновиткъ 63, въ болг. *чесновъ* »лук«. У Срезнев. примѣры только изъ югослав. источниковъ.

ѩчьмыкъ 131, въ болг. *ячемикъ*, въ серб. *ечемик*. У Срезневскаго примѣры только изъ югослав. источниковъ.

Обращаясь къ лексическому составу перевода, поскольку въ немъ не отражаются тѣ или другія особенности языковъ чешскославянскаго, югославянскихъ и русскаго, приходится отмѣтить въ немъ большое число словъ, являющихся составленными большею частью искусственно самимъ переводчикомъ. Оттого такія слова чаще всего остаются безъ соотвѣтствія въ другихъ переводныхъ памятникахъ; а иногда параллели могутъ быть указаны въ такихъ изъ нихъ, которые страдаютъ подобнымъ же недостаткомъ. Таковы большая часть словъ, приведенныхъ В. М. Истринымъ въ перечнѣ сложныхъ словъ на стр. 188—194 второго тома, отчасти также и въ перечнѣ на стр. 230—239. Такія слова, конечно, менѣе всего любопытны и мало интересны въ лексическомъ отношеніи.

Гораздо важнѣе другой разрядъ словъ, для которыхъ можно найти совпаденіе въ другихъ переводныхъ памятникахъ. Такія слова могутъ проливать свѣтъ на ту среду, въ которой появился переводъ, и на время, когда онъ появился. Въ числѣ такихъ словъ мы находимъ большое число такихъ, которыя находились въ книгахъ священнаго писанія, или же литургическихъ.

Отмѣтимъ слѣдующія неточности, замѣченныя нами у В. М. Истрина при разборѣ лексическаго состава Амартола.

жадание, у Миклошича есть жѧдание; изница есть подъ ницѫ; късалькати есть; голкъ есть подъ глъкъ съ указаніемъ на славянскія параллели, при чемъ приведена и рус. *голкъ*; граматица съ о въ прим. изъ лѣтоп. есть; изгърѣти см. подъ изрѣти изъ Парем.; исчезение есть съ прим. изъ Шишат. ап.; мѣдѧница есть подъ мѣдѣница. въ прим. съ ѩ: остоуженоу

бъıти не нуждается во внесеніи въ словарь, а остоудити есть; отколѣ см. колѣ; отлогъ см. отълогъ; погонъ есть съ большимъ числомъ примѣровъ и съ указаніемъ на это слово въ пол., чеш. и малор.; половъ см. плавъ, попоустити есть съ прим. изъ Супр. рук. и др., а у Срезн. нѣтъ прим. изъ Амарт.; порозъ см. подъ празъ; приоуза подъ прижза; прѣвъзнашати есть съ указаніемъ на Георг. Ам., Вост.; равьно есть; соумежникъ см. подъ сѫмеждьникъ.

При сопоставленіи лексическаго матеріала тѣхъ или другихъ памятниковъ приходится считаться съ тѣмъ, что очень часто въ словаряхъ мы не находимъ его исчерпаннымъ съ безусловной полнотой. Къ сожалѣнію, такъ стоитъ дѣло даже съ такими изъ нихъ, которыхъ время и авторъ извѣстны. Для примѣра укажемъ на Іоанна Екзарха, Козьму пресвитера, Климента словѣнскаго, житія Кирилла и Меѳодія и др. Неудивительно поэтому, что заключенія по наличности словарнаго матеріала въ словаряхъ Миклошича или Срезневскаго не могутъ быть всегда прабильны. Для выясненія, что въ этихъ словаряхъ есть русскаго или старославянскаго и югославянскаго, опять таки нельзя дѣлать того или другого вывода на томъ только основаніи, что то или другое слово можетъ встрѣтиться въ одномъ изъ нихъ и отсутствовать въ другомъ. Если, напр., мы находимъ какія либо слова у Срезневскаго, а они отсутствуютъ у Миклошича, это еще не значитъ, что эти слова будутъ русскія. У Срезневскаго часто берутся слова изъ переводной письменности и когда рядомъ съ примѣрами изъ такихъ текстовъ, мы не находимъ примѣровъ изъ чисто народныхъ русскихъ источниковъ, или если въ русскихъ памятникахъ они встрѣчаются у духовныхъ писателей и нерѣдко въ примѣрахъ библейскаго или литургическаго употребленія, то ихъ присутствіе въ словарѣ Срезневскаго не будетъ говорить о принадлежности ихъ русскому языку. Равнымъ образомъ и отсутствіе въ словарѣ Миклошича тѣхъ или др. словъ югославянскаго происхожденія еще не рѣшаетъ дѣла и объясняется только тѣмъ, что словарный матеріалъ далеко не исчерпанъ.

Нельзя признать вполнѣ достаточнымъ оба словаря, и болѣе пожалуй словарь Миклошича потому, что въ нихъ часто не приводятся примѣры въ желательной полнотѣ, чтобы можно было судить о стилистическихъ особенностяхъ того или

другого текста, нерѣдки и такіе случаи, когда отдѣльныя слова не сопровождаются примѣрами. Очень всегда приходится сожалѣть, что въ словаряхъ не достаетъ собственныхъ именъ, что они, напр., у Срезневскаго не внесены на своемъ мѣстѣ рядомъ съ другими словами. А пока списка собственныхъ именъ въ отдѣльномъ дополнительномъ выпускѣ къ остальному словарю еще не вышло. Нельзя не упомянуть съ признаніемъ и благодарностью, что проф. Гебауеръ въ своемъ древнечешскомъ словарѣ вносилъ имена собственныя лицъ и мѣстъ на ряду съ другими. Конечно чрезвычайно желательны сопоставленія съ другими славянскими языками. И тотъ и другой словарь ихъ даютъ, но и здѣсь нельзя разсчитывать на полноту сопоставленій и приходится обращаться къ словарямъ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, а наиболѣе полные словари того или другого языка остаются еще не закончены. Близость этихъ языковъ и наличность одинаковыхъ словъ въ нихъ несмотря на принадлежность того или другого яз. той или иной группѣ опять таки даютъ возможность дѣлать выводы только приблизительные и съ оговорками. Общее заключеніе можетъ быть дано только по совокупности всѣхъ данныхъ, какими въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ располагать изслѣдователь.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Ленинградъ.

П. А. Лавровъ.

Kratice »Nomina sacra« u cksl. spomenicima.

(Nastavak.)

III. Prinove kratica u cksl. spomenicima.

Grčka književnost doterala je, u svemu, do navedenih 15 reči koje su se, bar u neku ruku, stalno skraćivale. Pojedinačno nalazi se tu i tamo i u grčkome profanih kontrakcija, ali konsekventno i sistematski ne skraćuje se nijedna druga reč.[1]) Toliko više pada u oči da u cksl. spomenicima, i u najstarijima, nalazimo broj kratica znatno uvećan. Moglo bi se navesti, iz nužde, dva razloga zbog kojih je došlo u našoj književnosti do toga, da se je uzimalo i druge reči u stalan broj kratica. Moglo bi se, u prvome redu, pomisliti na to da je Konstantin, na kojega se na kraju krajeva ovo prinavljanje kratica mora svesti, uvećao broj kratica na osnovi samoga principa, odnosno samih pravila koja su postojala za skraćivanje, jer je osim navedenih 15 reči bilo još mnogo drugih koje su nosile na sebi toliko sakralnih svojstava, da ih se je mirne duše moglo uvesti u krug kodificiranih svetih imena kaošto na pr. **пророкъ**, **ангелъ**, **апостолъ** i t. d. Tome bi se razlogu protivila samo činjenica da se je prevodilac ipak u najviše slučajeva strogo držao grčkih uzora, što nam najbolje dokazuju kratice za **богъ**, **исоусъ**, **христосъ** i t. d., tako da izgleda nelogički da bi se prevodilac držao na jednoj strani grčkih uzora, a na drugoj samostalno povećavao broj kratica. Mogao je biti po sredi i drugi razlog, naime primer latinske književnosti koja je u doba, kad se je stvarala crkvenoslovenska, davno prekoračila broj grčkih kontrakcija i, osim toga, u kontrakciju uvukla i profane izraze. Postanak pojedinih naših prinova najlakše se tumači sa latinskim uplivom, tako u prvom redu kratica **свѧтъ** = sanctus koja se u lat. upotrebljava od V. stol. dalje,[2]) a i kratice **цръкы**, **апостолъ** (u lat. počevši od VII. stol.),[3]) **пророкъ** i **милость** (u lat. počevši od VIII. stol.).[4]) Ma da bi bilo

---

[1]) Traube, l. c. 125 sl. Sr. k tome i našu opasku str. 240 br. 2.
[2]) Traube, l. c. str. 193 sl.
[3]) l. c. str. 245 i 247.
[4]) l. c. str. 247 i 248.

teško poricati upliv latinskoga kod pojedinih slučajeva, ipak se ne mogu sve prinove tumačiti samo sa uplivom Latina. Tako na pr. naš česti **глаголати** ima, doduše, svoga druga u lat. d(ice)re, ali se taj pojavljuje tek u VIII. i IX. stol., i to u Engleskoj,[1] tako da bi bilo u tom slučaju teško govoriti o lat. uplivu, dok bi bilo na pr. kod naših kratica **мѫченикъ** ili **срьдьце** uopće nemoguće pozivati se na lat. upliv, jer te dve reči, onda, u lat. nikako nisu poznate kao kratice. Konačno treba da se istakne da je utemeljitelj cksl. književnosti, ma da je, verovatno, bio pod uplivom latinskih uzora, postupao kod povećavanja ipak sa svesnim razborom i vazda u skladu sa sakralnim principom kontrakcije. U našim spomenicima nema, osim navedenog **глаголати**, u krugu kontrakcija nijedna reč koja po svome bistvu ne bi posedovala legitimno pravo na skraćivanje.

Manje ili više stalno skraćuje se u cksl. spomenicima osim dosad navedenih 15 iz grčkoga preuzetih reči još 15 slovenskih prinova. Pojedine od njih nalaze se u svima spomenicima tako konsekventno upotrebljavane, da se za njih s pravom može držati da su uvedene još u najstarije doba, i to reči **свѧтъ**, **цръкы**, **глаголати**, **цѣсарь**, **ангелъ**, **апостолъ**, **срьдьце** i **благословити**. Kod nekih, naime kod **владыка**, **пророкъ** i **мѫченикъ**, može se opažati njihovo postepeno prodiranje u krug kratica, a reči **милость**, **молитва**, **епископъ** i **ѩзыкъ** nalaze se skraćene samo u pojedinim rukopisima; tek u kasnijoj crkvenoj književnosti pojedinih naroda i one ulaze u krug kontrakcija.

1. (16.) **свѧтъ**. Najobičniji oblik ove kratice u našim spomenicima je **стъ**, **стааго** i t. d. Uz ovaj redoviti oblik nalazimo u Psalt. sin. i oblik **свтъ**.[2] Jednako adjektivu skraćuje se i glagol **свѧтити**[3] i razne imenice istoga korena.[4] Ova se reč nalazi skraćena u svima spomenicima osim u kijevskim listićima, čak u Cod. Supr. koji se inače odlikuje po tome, da čak najsvetija imena često piše sa svima slovima, kratica **стъ** je jedna od najčešćih.

2. (17.) **цръкы**. Skraćivanje ove reči moralo je početi vrlo rano, jer ju skraćenu nalazimo u svima spomenicima, a oblik kratice ugledao se je u slovensku kraticu za **кръстъ**. I **цръкы**

---

[1]) l. c. str. 249.

[2]) Na pr. str. 23, 251 i t. d.

[3]) Na pr. Cod. Zogr. str. 5, Glag. Cloz. $44/_{12}$ neobični oblik **свѧтъ** = ἁγιάσουσι, ali i pravilni oblik **остѧтъ** istotamo, Euch. sin. str. 2 i t. d. Sr. i indeks u Cod. Mar. i Savv. knj.

[4]) Sr. na pr. indeks Savv. knj.

skraćuje se samo time da se ispušta ъ, dakle u obliku цркы, црквє i t. d. Iznimni položaj među spomenicima zauzima Cod. Zogr. u toliko što ovu reč doduše skraćuje, ali još više puta piše sa svima slovima,[1]) i Psalt. sin. koji reč, katkada, piše sa svima slovima, ali ipak meće nad nju crtu kao znak skraćivanja,[2]) običaj koji osobito pada u oči na ćirilskom natpisu iz god. 993, na kojem se također nalaze oblici ѡтьца, съ-ина, доуха i t. d.[3])

3. (18.) Глаголати. Iz kojih je razloga došlo do skraćivanja ove profane reči, da li uistinu možda već pod latinskim uplivom, ili zbog toga što se u crkvenim knjigama tako često ponavlja, teško bi bilo ustanoviti. Svakako stoji to da se ta kratica upotrebljava bez iznimke u svima spomenicima, i da spada među korisne kratice, jer se je s njome faktički uštedilo i truda i mesta, što se na pr. za црквє ne bi moglo kazati. Osnovni je oblik kratice bez iznimke гл., na koji se nadovezuje nastavak glagola, participa i imenice. Obzirom na osnovku kratice nema u spomenicima razlike, tek nastavke pojedini spomenici pišu opsežnije ili kraće, tako da za isti gramatički oblik nalazimo sad глашє, sad глаашє i sl.

4. Цѣсарь. Ova je reč mogla biti primljena još iz grčkoga gde se *βασιλεύς* nalazi ponekad skraćen,[4]) a u cksl. spada među one prinove koje se skraćuju jednako konsekventno kaošto sama legitimna nomina sacra. Redoviti je oblik kratice црь, odnosno цръ, i nalazi se u svima spomenicima vrlo često. Ređi su oblici цсрь koje nalazimo u Cod. Mar.[5]) i jedanput u Glag. Cloz.[6]) Mnogo više slobode ima u glagolu i u imenicama istoga korena. U njima nalazimo najrazličitijih tvorevina, ne samo црствиє ili цсрствиє, nego i цѣсрствиє, цсрєствиє, uopće sve moguće kombinacije.[7])

5. (20.) ангєль. Stariji spomenici obično upotrebljavaju za ovu reč skraćeni oblik аглъ, агла i t. d.,[8]) vremenom počima ulaziti „н" u kraticu, pa dok Cod. Zogr. i u složenicama upotrebljava oblik євагльнє, nalazimо u Glag. Cloz. čak u nesloženoj reči uz глмъ[9]) i prošireni oblik англъ,[10]) pogotovo pak u složenicama

[1]) Na pr. str. 139 Joan. II 14, 15, 19 i 21 neskraćeno, a II 20 skraćeno.
[2]) Na pr. str. 18 i dr.
[3]) C. Jireček-V. Jagić, Eine cyrillische Inschrift vom Jahre 993. A. f. sl. Ph. XXI str. 541 sl. Snimak na str. 554 i 555.
[4]) Traube, l. c. str. 127.
[5]) Sr. indeks.
[6]) Str. 46/50.
[7]) Sr. indeks Cod. Mar.
[8]) Cod. Zogr. str. 2, 19, 65 i t. d.
[9]) Na pr. str. 65/266.
[10]) Str. 92/880.

ovaj spomenik upotrebljava samo oblike архиѣломъ, евиѣлькѣ i t. d.[1]) Isto kolebanje između kraćeg i proširenog oblika opažamo u Euch. i Psalt. sin.,[2]) a Cod. Mar. upotrebljava isključivo već prošireni oblik.[3]) U potonjem se spomeniku pojavljuje i grecizirajući oblik агглъ[4]) koji se isključivo nalazi u Savv. knj. i u Cod. Supr.,[5]) ali u potonjemu vazda pisan sa svima slovima.

6. (21.) апостолъ. Oblik „аплъ" ove kratice vlada u Euch. sin.[6]) (Psalterium ovu reč ne skraćuje), Cod. Assem.[7]) i u Savv. knj.,[8]) a nalazi se, uz oblik апоlъ i u Cod. Mar.[9]) Glag. Cloz. upotrebljava samo oblik а^о^плъ,[10]) dok Cod. Zogr. redovito piše mlađi oblik а^с^плъ.[11]) Konačno se u Cod. Mar. uz već navedene oblike nalazi i апостла i t. d.[12]) što nije čudo obzirom na mnoštvo oblika drugih kratica u ovome spomeniku.

7. (22.) срьдьце. I ova reč, izgleda, uzeta je vrlo rano u krug kratica, ali se je vremenom izgubila, tako da ju jedan od navedenih ruskih popisa kratica uopće ne navađa.[13]) Uzalud bi kušali da tražimo uzrok, zbog kojega je ova reč našla ulaz u ograničeni broj kratica, ma da nije ni toliko sakralna kaošto je mnoga druga reč koja je ostala izvan kruga, ma da za ovu reč nije bilo uzora ili primera ni u grčkom, ni u latinskom. Moglo bi se nagađati da se je, možda, počela skraćivati zbog sličnosti sastava sa крьстъ i цръкы, ali je pitanje, bismo li se nalazili sa ovakvim nagađanjem na pravome putu. Bilo tome kako da bilo, reč se nalazi skraćena u svima cksl. spomenicima, ma da ju na pr. Cod. Zogr. i Glag. Cloz. češće pišu sa svima slovima nego skraćuju.[14]) Ostali ju spomenici redovito skraćuju ispuštanjem poluglasnika u obliku срдце.[15]) Jače ju skraćuje samo Euch. sin. koji konsekventno upo-

[1]) Str. 47, 65, 74 i t. d.
[2]) Euch. sin. str. 3, 18 i dr., Psalt. sin. str. 11 i dr.
[3]) Sr. indeks.
[4]) Sr. indeks.
[5]) Savv. knj. indeks, Cod. Supr. str. 1 i dr.
[6]) Str. 12, 13, 18 i dr.
[7]) Str. XXI.
[8]) Sr. indeks.
[9]) Na pr. str. 47, 48, 49 i dr.
[10]) Sr. indeks.
[11]) Na pr. str. 11, 57, 162.
[12]) Sr. indeks.
[13]) Jagić, Cod. slov. str. 426 pod Слово.
[14]) Na pr. Cod. Zogr. str. 6, 16, 18, Glag. Cloz. sr. indeks i str. 49 ₁₁₃.
[15]) Sr. indeks Cod. Mar. i Savv. knj., Cod. Assem. str. XLIX.

trebljava oblike срце, срца i t. d.,[1]) ali ga u tome još nadmašuje Psalt. sin. sa oblicima сци, сцемъ[2]) i t. d., koje nalazimo u tome spomeniku pokraj срдци,[3]) i срцихъ,[4]) pa čak uz ispisane сръдъци.[5])

8. (23.) благословити. Ni prvi, ni drugi sastavni deo ove reči ne skraćuje se u našim spomenicima, ako stoji sam bez drugoga, a kao složeni glagol skraćuje se redovito u svima spomenicima. Mnogovrsnost skraćenih oblika gotovo se ne može iscrpiti. U spomenicima nalazimo uz najčešći oblik part. perf. pass. благнъ[6]) još svih mogućih drugih oblika, na pr. бгвнъ,[7]) бгсвно,[8]) благвенаго,[9]) блнъ,[10]) бгнъ[11]) i t. d. Jedinu iznimku među spomenicima čini Savv. knj. koja ponekad skraćuje i samu reč благъ, a i druge složenice sa благо-, ne samo благословити.[12]) U kašnjem razvoju književnosti pojedinih slov. naroda upotrebljavaju se i благъ (kako sam, tako i druge složenice s njime), i слово kao kratice.

9. (24.) владъка. Od naših spomenika Cod. Zogr. i Glag. Cloz. ovu reč ne skraćuju nikako, ma da se ona nalazi katkada u blizini drugih kratica,[13]) Psalt. sin. ju doduše skraćuje, ali još radije ispisuje,[14]) tek Cod. Mar., Euch. sin., Cod. Assem., Savv. knj. i Cod. Supr. ju skraćuju redovito, i to u obliku влка[15]) ili владка.[16]) Kako je ova reč tek postepeno prodirala među kratice, vidi se i po tome da Cod. Mar. drugih reči istoga korena ne skraćuje,[17]) a Cod. Assem. skraćuje i владчцѧ i владчствиѣ.[18]) U kašnjem razvoju ova reč i njezini derivati, naravno, postaju stalne kratice.

10. (25.) пророкъ. Potpuno iste prilike kaošto kod kratice владыка nalazimo i kod kratice za пророкъ. Cod. Zogr. i Glag. Cloz. kon-

---

[1]) Na pr. str. 31, 35 i t. d. Ali u složenicama младе (s. 47), младне (s. 48 i dr.) i čak млсръдънжѭ (s. 156), gde je kratica prenesena na »мило«.

[2]) Str. 78, 80, 68, 203 i dr.

[3]) Str. 5 i dr.

[4]) Str. 5.

[5]) Str. 15, 17 i dr.

[6]) Na pr. Glag. Cloz. 45/39 i t. d.

[7]) Zogr. str. 67.

[8]) Zogr. 67.

[9]) Zogr. 75.

[10]) Glag. Cloz. 45.

[11]) Glag. Cloz. 46. Sr. i indeks Cod. Mar.

[12]) Sr. indeks Savv. knj. U Psalt. sin. samo jedanput ima kratica бженъ (s. 61), u ostalom je i Psalt. sin. čist od ovih novotarija.

[13]) Na pr. »црѣмъ и владъкамъ« Cod. Zogr. 127 (Luc. XXI 12).

[14]) Str. 114.

[15]) Euch. sin. str. 1 i Savv. knj.

[16]) Cod. Mar. indeks, Cod. Assem. str. XXII, Savv. knj. indeks i t. d.

[17]) Sr. Cod. Mar. indeks.

[18]) Sr. str. XXII.

sekventno ispisuju reč sasvim, u Psalt. sin. nalazi se skraćena bar u natpisima,[1]) Cod. Mar. koleba još između skraćivanja i ispisivanja,[2]) a Euch. sin., Cod. Assem. i Savv. knj. služe se već konsekventno kraticom, i to oblika прк҃ъ,[3]) ili — u Savv. knj. — прⷦо.[4])

11. (26.) мѫченикъ. Ova se reč retko nalazi u našim spomenicima, ali, izgleda da se je rano počela skraćivati. U Glag. Cloz. nalazi se jedanput, skraćena u obliku мчкмъ, ali bez crte kao znaka skraćivanja.[5]) Od ostalih ju glagolskih spomenika skraćuje redovito samo Euch. sin. u obliku мчкъ, мчка i t. d.[6]) i Cod. Assem. koji upotrebljava i nešto opširniji мчникъ uz normalni, napred navedeni.[7]) Savv. knj. skraćuje ovu reč u natpisima, nalik na kraticu прⷦо, sa oblikom мⷱка,[8]) мⷱцꙗ i t. d.[9])

12. (27.) милость. Ma da se reč милость nalazi gotovo u svima spomenicima, ma da bi u latinskoj kratici mia = misericordia imala lepi primer još iz VIII. stol.,[10]) ipak ju od svih naših spomenika skraćuje samo Euch. sin., katkada jače sa мл҃сть,[11]) katkada manje sa мил҃сть,[12]) a ima i slučajeva da ju uopće ispisuje.[13])

13. (28.) молитва. Isti je slučaj i sa rečju молитва. Jedino Euch. sin. ju skraćuje sa млтвъ,[14]) мол҃твами[15]) i моⷧтвѫ,[16]) ali glagol молити сѧ piše i Euch. sin. sa svima slovima, dok u ostalim spomenicima nema još traga o kratici ni kod imenice, ni kod glagola. Razumljivo je da su i милость i молитва, kašnje, zauzele stalno mesto među kraticama, oba ruska opširna popisa ih navađaju.[17])

[1]) Na pr. str. 107.

[2]) Sr. na pr. skraćeno str. 38_{13}, 45_{21}, 136_{9} i t. d., ispisano str. 135_{5}, 207_{7} i t. d. a skraćeno пророкъ bez crte str. 195_{26}, 208_{6} i t. d. Indeks u ovom, a i u mnogim drugim slučajevima, uopće ne označuje skraćenih i neskraćenih oblika.

[3]) Euch. sin. str. 14, 122 i dr., Cod. Assem. XXVIII.

[4]) Na pr. str. 7, 8 i t. d., str. 136 прчца!

[5]) Str. $84/_{702}$.

[6]) Na pr. str. 19, 21 i dr.

[7]) Sr. str. XLIV i LXXII.

[8]) Str. 125 i dr.

[9]) U indeksu мⷱца, u tekstu str. 126 мⷱц!

[10]) Traube l. c. str. 248.

[11]) Str. 8, 25 i dr.

[12]) Str. 7 i dr.

[13]) Str. 48 милостиѭ i dr.

[14]) Str. 29, 63 i dr.

[15]) Str. 32 i dr.

[16]) Str. 62.

[17]) Jagić, Cod. slov. str. 424 i 447.

14. (29.) епискоупъ. Od sviju spomenika ovu reč, koja se uopće retko nalazi, skraćuju jedino Cod. Assem.[1]) i Cod. Supr.,[2]) oba u obliku еппъ i архиеппъ, tek kasnija literatura upotrebljava ovu kraticu konsekventno.[3])

15. (30.) ѩзыкъ. Kako je došlo do skraćivanja ove nikako sakralne reči, bilo bi jednako teško obrazložiti kaošto za reč сръдьце. Skraćuje se reč samo u Cod. Mar. i u Psalt. sin.,[4]) ali ni tu ne konsekventno, nego se često ispisuje.[5]) Jednako сръдьцоу i ѩзыкъ kašnje iščezava iz društva kratica, ni jedan ruski popis ga više ne navađa.

16. (31.) Potpuno osamljen, konačno, stoji Euch. sin. sa svojom kraticom ппъ = попъ[6]) koju ni pre ni kašnje više ne nalazimo među kraticama.

IV. Karakteristika pojedinih spomenika.

Kijevski listići.[7]) Ovaj spomenik za kojega Jagić, na osnovi karaktera pismena, drži da je stariji od Glag. Cloz. i Cod. Zogr.,[8]) predstavlja unikum među cks. spomenicima što se skraćivanja tiče. Kijevski listići, naime, od svih 15 grčkih i 16 slovenskih kratica upotrebljavaju u svemu samo 4 kratice, i to богъ, господь, исоусъ i хрьстъ. Prva, богъ, nalazi se u oblicima nom. бъ,[9]) voc. бже[10]) i složenice бца = богородица,[11]) druga, господь, samo u gen. dat. i voc. гı[12]) te instr. гмь,[13]) treća, исоусъ, u dat. исоу[14]) i instr. исм,[15]) konačno хрьстъ u gen. ха,[16]) dat. хоу[17]) i instr. хмь.[18]) Sem skraćenih

[1]) Str. XXVIII i LXIX.
[2]) Str. 81.
[3]) Jagić, Cod. slov. str. 422 i 445.
[4]) Cod. Mar. indeks, Psalt. sin. 64, 67, 72 i t. d.
[5]) Cod. Mar. indeks, Psalt. sin. str. 83, 100 i dr.
[6]) Na pr. str. 176, 177, 184 i dr.
[7]) V. Jagić. Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente. Denkschr. d. kais. Ak. d. Wiss. Bd. XXXVIII (1890). Erster Anhang, str. 44 sl.
[8]) И. В. Ягичъ, Глаголическое письмо. (Энциклоп. слав. фил. Вып. 3.) Ст. Петербургъ, 1911, str. 121 sl.
[9]) Jagić, Denkschr. XXXVIII str. 45 fol. I v. 1, str. 46 i 53.
[10]) l. c. str. 45 fol. I v. 16, f. II_7, str. 46 (dva puta), str. 47 (2 p.), 48 (2 p.), 49 (2 p.), 50, 51, 52, 54.
[11]) Str. 53 f. VII_4 i str. 54 f. $VII^b{}_{16}$.
[12]) Str. 45 (2 puta), 46 (1 p.), 47 (2 p.), 48 (3 p.), 49 (5 p.), 50 (2 p.), 51 (4 p.), 52 (4 p.), 53 (3 p.) i 54 (2 p.).
[13]) Str. 45 (3 p.), 46 (3 p.), 47 (5 p.), 48 (3 p.), 49 (3 p.), 50 (3 p.), 51 (5 p.), 52 (4 p.), 53 (2 p.), 54 (2 p.).
[14]) Str. 52 f. VI_{11}.
[15]) Str. 47 f. III_{15} na kraju vrste, zbog čega je ь na kraju otpao!
[16]) Str. 49 f. $IV^b{}_{14}$.
[17]) Str. 52 f. VI_{11}.
[18]) Str. 45, 47, 48, 49, 50, 51, 52.

oblika navedenih sakralnih reči nema nijedan slučaj, u kojem bi se ova sakralna imena ispisivala sa svima slovima.

Ostale sakralne reči, koje se u grčkome i u drugim cksl. spomenicima skraćuju, naš spomenik piše dosledno sa svima slovima. Od njih fale u Kijevskim listićima **Давидъ**, **Израиль**, **Иероусалимъ**, **крьстъ** i **мати**, a sve ostale nalaze se u njemu, i to **доухъ**, odnosno **доуша**,[1]) **отьць**,[2]) **небо** odnosno pridev **небесьскъı**,[3]) **чловѣкъ** odnosno pridev **чловѣчьскъı**,[4]) **сынъ**,[5]) **съпасъ** odnosno **съпасение**[6]) i **съпасти**.[7]) Od slovenskih prinova fale **глаголати**, **владыка**, **пророкъ**, **ꙗзыкъ** i **епископъ**, a nalaze se **свѧтъ**,[8]) **цръкы**,[9]) **цѣсарь**,[10]) **анѣель**,[11]) **апостолъ**,[12]) **мѫченикъ**,[13]) **срьдьце**,[14]) **благословестити**,[15]) **милость**[16]) i **молитва**,[17]) naravno, nijedna skraćena nego sve ispisane.

Promatramo li kratice na jednoj i neskraćene reči na drugoj strani, pada nam u oči:

1. Da spomenik veoma dosledno upotrebljava jednu te istu kraticu u onom te istom obliku. Nema u njemu nikakvog kolebanja između eventualnog **б҃е** i postojećeg **бж҃е**, ili kakvog **гд҃мь** i uistinu upotrebljavanog **г҃мь**. Dosledno se ma i 33 puta upotrebljava jedan te isti oblik;

2. Da spomenik upotrebljava stariji oblik **б҃ъ** bez mlađega umetka **бг҃ъ** (sr. str. 253), jednako starije oblike **г҃ı** i **г҃мь** bez traga kakvoga **гд҃и** ili **гд҃мь** (sr. str. 255), ali da ipak ne upotrebljava najstarijih oblika **б҃е** za voc., mesto kojega stalno piše **бж҃е** (sr. str. 253), dalje da nema traga kakvome grecizirajućemu **ı҃ѵ** ili **ıс҃ѵ** kojega nalazimo još u Cod. Zogr. pa i kašnje (sr. str. 261), i konačno da upotrebljava slavizirani oblik **х҃ъ**, a ne grčki **х҃с**, jer bi inače glasili padeži koje u spomeniku nalazimo, **х҃са**, **х҃соу** i **х҃смь**, a ne, kako uistinu glase, **х҃а**, **х҃оу** i **х҃мь** (sr. str. 262);

[1]) Str. 48 III^b $^{13}/_{14}$ i IV$_{12}$.
[2]) Str. 49 f. IV^b $^{14}/_{15}$.
[3]) Razni padeži prideva na str. 47, 48, 49 (2 p.), 50, 52, 53 (5 p.) i 54.
[4]) Str. 46 i 48.
[5]) Str. 52 f. VI$_{11}$.
[6]) Str. 46, 47 i 51.
[7]) Str. 52 (2 p.).
[8]) Razni padeži na str. 45 (f. I$_{11}$, f. I^b$_5$), 46 (2 p.), 47, 48, 49, 50, 53 (4 p.) i 54 (4 p.).
[9]) **цръкъве** str. 51 f. VI$_4$ i **цркънаѣ** str. 49 f. IV^b$_{17}$.
[10]) **цѣсарьствѣ** str. 49 i **цѣсаритъ** str. 49.
[11]) Str. 53 i 54.
[12]) Str. 45, 53, 54.
[13]) Str. 45 (3 p.), 46, 52 (3 p.), 53 i 54.
[14]) Str. 46, 50 i 54.
[15]) Str. 47 f. III^b$_3$.
[16]) Str. 46, 47, 48 (2 p.), 49, 51, 52 (4 p.) i 53.
[17]) Str. 46 (3 p.), 47, 49, 51, 52, 53 (3 p.) i 54 (4 p.).

3. Da spomenik, konačno, skraćuje jedino ova četiri sveta imena, a sve ostale sakralne reči ispisuje, bez razlike, da li se radi o kakvim već u grčkome kodificiranim svetim imenima, ili o kakvim slovenskim prinovama. Pogotovo pada u oči i izgleda direktno neverovatno da ovaj prevod latinske bogoslužne knjige[1]) 16 puta piše reč свѧтъ, a ne skraćuje ju ni jedan put, ma da lat. sanctus spada među najobičnije i najranije prinove, nikle na tlu sakralnih kratica, ma da ovu reč nalazimo skraćenu bez iznimke u svima ostalim cksl. spomenicima, a ti su, notabene, prevodi grčkih originala, u kojima se nije moglo naći uzora za skraćivanje reči свѧтъ. Ipak, u njima nalazimo kraticu с҃тъ, a u Kijevskim ju listićima ne nalazimo.

Ove su pojave, na oko, kontradiktorne u toj meri da ih ne možemo objasniti ni na osnovi grčkih, ni na osnovi latinskih originala. Pogotovo ne grčkih. Istina, i u najstarijim grčkim spomenicima nalazimo vrlo ograničen broj kratica, što više, najstariji rukopis, Cod. Vaticanus iz IV. stol., upotrebljava baš one iste kratice koje i naši Kijevski listići, naime ϑς, κς, ῑς i χς, dok sve druge sakralne reči još ispisuje.[2]) Moglo bi se, prema tome, kod kijevskih fragmenata misliti i na grčku podlogu, neposredno ili posredno jednako staroga tipa, kaošto ga nalazimo sačuvanog u pomenutom Cod. Vat. iz IV. stol. Moglo bi se misliti — da nema u našem spomeniku kratice бца за ϑεοτόκος. Reč ϑεοτόκος javlja se u literaturi tek u III. stol. i Traube drži o njoj, da je m o g l a rano unići među kratice, ali da se u sačuvanim starijim spomenicima kao kratica ne nalazi.[3]) Još Cod. Alexandrinus iz V. stol. upotrebljava reč pisanu sa svima slovima, ma da, inače, zna već za svih ostalih 15 kratica.[4]) Da su kijevski listići imali pred sobom grčku podlogu sa kraticom za ϑεοτόκος, sigurno bi se u takovoj podlozi nalazilo svih ostalih 15 kratica, tako da bi bilo nerazumljivo zašto bi naš prevod upotrebljavao baš samo 4 najstarije kratice i jednu najmlađu kraticu — prinovu, a ostalih 11 dobro uvedenih i kodificiranih kratica bi ispisivao.

Za tumačenje ovih pojava u Kijevskim listićima ne preostaje drugo, već da spomeniku pretpostavimo latinsku podlogu prastaroga tipa. Ima i u latinskoj književnosti rukopisa, koji znaju samo za

---

[1]) Jagić, l. c. str. 1 i sl.
[2]) Traube, l. c. 43 i pregled kratica Vatik. rukop. str. 66—67.
[3]) l. c. str. 126.
[4]) l. c. str. 126 i pregled kratica Aleks. rukopisa str. 72—73.

ograničeni broj kratica, kaošto na pr. Turinski fragmenat evanđelja afričkoga porekla koji upotrebljava također samo naše 4 kratice deus, dominus, Jesus, Christus.[1] Na drugoj strani, reč sanctus kao kratica počne se pojavljati tek u V. stol.,[2] pre VI. stol. sigurno nije bila opće poznata i raširena. Naši bi Kijevski listići, prema tome, imali pred sobom latinski original koji je znao samo za navedene 4 kratice, koji još nije poznavao kraticu za reč sanctus, koji je, jednom rečju, neposredno sam ili posredno putem svoga arhetipa potecao iz V., najkašnje iz VI. stoleća. Sa takovom pretpostavkom lako je, onda, tumačiti kraticu za reč богородица. Prevodilac imao je pred sobom latinske reči »dei mater«,[3] pisane svakako u obliku di mater, i, samo je po sebi razumljivo, upotrebio je u prevodu kraticu бца koja mu je bila vrlo dobro poznata. Ostalih 11 kratica i, sem toga, neodređen broj slovenskih prinova nije hteo ili nije smeo upotrebiti, jer ih latinska podloga nije upotrebljavala.

Zadnje opažanje, da ostale kratice nije smeo ili nije hteo upotrebiti, daje mnogo štošta naslućivati o mestu i o vremenu postanka arhetipa kijevskih listića. Prevodilac morao je biti ličnost koja, ili nije znala za noviji razvoj latinske ortografije što se kratica tiče, pa je preuzela u prevod samo one kratice koliko ih je našla u latinskoj podlozi, ili pak je znala za latinski razvoj, ali je zbog izvesnog razloga sa svesnom namerom prevađala iz prastarog latinskog originala, preuzimajući sve njegove osobine. Uzmemo li prvi slučaj, nepoznavanje latinskih modernih kratica, onda bi se moralo raditi samo o kakovom učeniku Konstantina i Metoda, koji je znao za nuždu latinski i kome je pala u ruke 400 godina stara obredna knjiga, da ju prevede na slovenski jezik. U tom slučaju pre bi se moglo misliti na delovanje Konstantinovih i Metodovih učenika u Dalmaciji i Hrvatskoj te na njihovo prilagođivanje latinskoj crkvi, negoli na prevađanje u Moravskoj. Prevodu u Dalmaciji protive se bohemizmi,[4] a na drugoj strani i razlog što bi u Dalmaciji IX.toga ili

[1]) l. c. str. 134 i pregled kratica turinskog fragmenta str. 138—142.

[2]) l. c. str. 193 sl., 237 i 245.

[3]) Jagić l. c. str. 53 i 54 prevađa reč богородица sa deipara. Ova, valjda, prema grčkome udešena složenica pojavljuje se u lat. književnosti tek u Mariju Mercatoru (sr. Thesaurus linguae lat. Leipzig, 1910, sv. V. pod »deipara«) sredinom V. stol., (sr. W. S. Teuffel, Gesch. d. röm. Lit. VI. Aufl. Leipzig 1913, sv. III str. 409) opće primljena je tek kašnje, tako da možemo gotovo sa sigurnošću uzeti da je podloga Kij. listića upotrebljavala »dei mater«.

[4]) Sr. Jagić l. c. str. 2 sl., protivno V. Vondrák, O původu Kij. listů . . . Praha, 1904, koji uzima Panoniju za domovinu Kij. listića. Rasprava N. K. Grunskoga o kijevskim glag. listićima (Jurjev, 1903—1904) nije mi pristupačna. Na osnovi navedenih pojava u kraticama može se razumeti i Jagićeva rezig-

X.-toga stoleća lakše bilo naći noviji latinski misal nego li misal kome je bilo 400 godina. Tako stara podloga lakše se je našla u predelima u kojima je tamo u V. ili VI. stol. latinsko bogoslužje i latinski elemenat postojao, a više nije postojao u vreme prevodioca. Ti razlozi pokazuju na Makedoniju, domovinu slovenskih apostola, kao predeo iz kojega poteče arhetip podloge Kijevskih listića i iz kojega je, verovatno, donešen u Moravsku, ujedno daju ti razlozi naslućivati da je prevod morao nastati vrlo rano, možda još u prvim godinama Konstantinovog i Metodovog rada, u kojima je, m o ž d a, Konstantin imao razloga da udesi slovenski misal prema prastaroj podlozi, čija pravovernost uopće nije mogla doći u diskusiju. Potpuno određen i jasan odgovor na pitanje o mestu i vremenu postanka spomenikovog same kratice, doduše, neće moći da dadu, ali će ih filolog ozbiljno morati uzimati u obzir kod tumačenja filoloških pitanja.

Što se, konačno, tiče starosti Kijevskih listića, koje Jagić drži starijima od Glag. Cloz. ili Cod. Zogr., nije pravo mesto ovde, prilikom govora o kraticama, da se meritorno raspravlja o tome, ali treba da se još jedanput istakne da Kijevski listići, uza svu svoju doslednost u upotrebljavanju starijih oblika, ipak ne sadržavaju više oblika koje možemo smatrati najstarijima zbog njihove težnje, da što više sačuvaju grčke uzore u skraćivanju, kaošto su na pr. voc. бє ili dat. ісѵ (sr. str. 253 i 261).

Promatranje kratica u celini kod ostalih spomenika daje, otprilike, iste rezultate obzirom na starinu i međusobni odnošaj njihov koje i proučavanje sa filološke strane.

Najstarije što među spomenicima u pogledu kratica nalazimo pružaju nesumnjivo C o d. Z o g r. i G l a g. C l o z. Kod pojedinih kratica smo videli da prvi spomenik retkokada upotrebi kakav mlađi oblik, kaošto na pr. бгочьтьць (sr. str. 253), гднъ (sr. str. 256), отчстки (sr. str. 257) i члчє (sr. str. 258), dalje da konsekventno upotrebljava iste oblike skraćivanja kod pojedinih kratica, kolebajući među različitim oblicima većinom samo kod onih reči koje ni u grčkome nemaju stalnih oblika te, konačno, da baš u njemu nalazimo arhaističke oblike бѵ (sr. str. 252), бє (sr. str. 253), jače skraćene исъ i мрє (sr. str. 257), i grecizirajuće oblike ис, исѵ te інс (sr. str. 261 sl.). Ravan mu je pisac Clozovog Glagolite koji je

nirana izjava, da usprkos svome traganju nije mogao naći potpuno jednaki latinski misal. (l. c. 44).

na pr. u pisanju kratice бъ (sr. str. 253), оць (sr. str. 256) čak doslednjiji od pisca Zografskog evanđelja. Oba su spomenika, konačno, dosta rezervirani u upotrebljavanju slovenskih prinova, od kojih neke uopće još ne priznavaju (na pr. владъıка str. 489 i пророкъ str. 489), u drugima, pak, kolebaju između pisanja i skraćivanja (na pr. срьдьце str. 488).

Cod. Mar. u svemu zaostaje daleko iza napred pomenutih. Njegov pisac upotrebljave po neki put izrazito mlađe oblike, kaošto na pr. бгомь (sr. str. 253, op. 11), члвкъ (sr. str. 258) i t. d., a osobito se ističe po svojem mnoštvu najrazličitijih oblika jedne te iste kratice, te mu fali ona doslednost upotrebljavanja istih oblika, koja karakteriše pisce Kijevskih listića, Zografskog evanđelja i Clozovog Glagolite. Bogat je Cod. Mar. i na prinovama, te od njih poznaje sve koje su uopće unišle u krug kratica još u doba cksl. književnosti, a kao jedan od retkih upotrebljava kraticu za ıазыкъ — sve same osobine sa kojima pokazuje na postanak mnogo kasniji od napred navedenih glagolskih rukopisa.

Još dalje su odskočili u razvoju Euchologium i Psalterium sinaiticum. I u njima nalazi se ponekad kratica starinskoga obeležja, na pr. dosledni оць u Euch. (sr. str. 256), ili jače skraćeni нсе i мре u Psalt. (sr. str. 257), ali često upotrebljavanje oblika бгъ (sr. str. 254, op. 1), гдь (sr. str. 255, op. 3 i 4) i t. d., nesigurnost u primenjivanju različitih oblika jedne te iste kratice i, konačno, obilan broj prinova jasni su dokazi da stoje oba spomenika već dosta duboko u samostalnome razvoju cksl. pisaćih škola.

Od glagolskih spomenika najmlađi je svakako Cod. Assemanijev. Da ga je Jagić u svojoj glag. paleografiji smestio među spomenicima okrugloga tipa na prvome mestu,[1]) pre samoga Zografskog evanđ i Cloz. Glag., može se razumeti samo na taj način da je Jagić hteo dati samo klasifikaciju spomenika prema vanjskome izgledu bez obzira na genetički razvoj. Prema razvoju pisma i kratica spada on među najmlađe. Dokaz su tome oblici бгъ, гдь i t. d. i obilato upotrebljavanje prinova, od kojih ga kratica еппъ stavlja u jednu te istu razvojnu liniju sa Supraslskim rukopisom (sr. str. 491).

Što se ćirilskih spomenika, u prvom redu *Savine knjige* tiče, to pregled kratica pokazuje isti rezultat koji i analiza jezika. Kaošto je poznato sačuvala je Savina knjiga, gdekada, više starih oblika

[1]) Глагол. письмо, str. 126.

d samog Cod. Zogr., te je na pr. obzirom na sačuvanje polglasnika ь“ savesnija od njega.[1]) Istu pojavu opažamo u kraticama. Tako av. knjiga u voc. češće upotrebljava stariji oblik кє negoli Cod. ogr. (sr. str. 253), jednako se Sav. knjiga dosledno služi samo oslovnim oblikom kratice оцꙿь, čak u složenicama u kojima Zogr. rošiiruje kraticu sa umetnutim „т“ (sr. str. 256—257), konačno viimo da upotrebljava Sav. knj. isključivo samo grčki oblik kratice ис a koji zna, doduše, i Cod. Zogr., ali ga meša sa slaviziranim исъ sr. str. 261), te da Savina knj. (zajedno se Supraslskim rukopisom) na za grčki oblik хс, naizmence upotrebljavan sa slovenskim oblikom ъ (sr. str. 261—262), kojega u glagolskim spomenicima nema nikako. ve ove pojave stavljale bi Savinu knjigu na prvo mesto među svima ksl. spomenicima, kako ćirilskim, tako i glagolskim, da nema drugih ojava koje Savinoj knjizi određuju mesto bar iza triju najstarijih lag. spomenika, Kijevskih listića, Zogr. evanđ. i Cloz. Glag. Od tih u pojava, prvo, dosledno skraćivanje prinova владꙑка i пророкъ oje u vreme Cod. Zogr. ili Glag. Cloz. još nisu dospele među kratice sr. str. 489—490), a drugo što čak Cod. Mar. — da o Zogr. i ne govomo — još tačno razlikuje između kratice црь i rimskoga кесарь, koega u redu piše sa svima slovima,[2]) dok ga Savina knjiga protiv svih ravila skraćuje.[3]) Te pojave pokazuju nesumnjivo na kasniji postanak. asebno je pitanje, u koliko se kod tih pojava radi o ortografskoj koli, dosta različitoj od onih pisaćih škola iz kojih su proizašli lagolski spomenici.

Supraslski rukopis od sviju ostalih spomenika odskače a svojom osobinom da ne skraćuje ni polovicu kratica, ali ne u smislu ijevskih listića koji skraćuju samo 4 reči. Naprotiv, pisac Supraslkoga rukopisa zna za sve kratice osim jedine кръстъ,[4]) a od priova dosledno ispisuje samo пророкъ, аггелъ, мѫченикъ, срьдьце, лагословити, ѩзꙑкъ, милость i молитва, dok ostale, među njima ak єппъ (sr. str. 491), također skraćuje. Ali, od svih kratica upoebljava pisac sad skraćeni, sad neskraćeni oblik, gotovo više puta, ože se kazati, neskraćeni nego skraćeni. Nema nijedne, pa ni najvetije reči, koju pisac Supraslskoga rukopisa ne bi sporadično ispi-

[1]) В. Н. Щепкинъ, Разсужденіе... Изв. отд. рус. яз. III. str. 1180 sl., sobito str. 1235 sl.
[2]) Sr. indeks Cod. Mar.
[3]) Sr. indeks Sav. knj.
[4]) I reč ѥроусалимъ pisac ovoga rukopisa dosledno ispisuje, ali je na str. 9 v. 17 reč prvo skratio, pa onda tek ispisao sa svima slovima, tako da se idi da mu je i ova kratica poznata. Sr. opasku na str. 99 u izdanju!

sivao, tako da nalazimo ispisano богъ,[1]) ї҆соуса[2]) ili христоса[3]) pokraj pravilno skraćenih istih reči. Svoj pendant u tom pogledu ima Supr. rukopis među glagolskim spomenicima u Praškim odlomcima, koji također ispisuju небеса, мати,[4]) цѣсарю[5]) i t. d. U pojedinim oblicima i Supraslski rukopis često pruža veoma stare oblike. U složenicama služi se na pr. isključivo samo oblicima боoубиници,[6]) бoчьствивъ[7]) i t. d., dakle starijim oblicima bez „г" (sr. str. 253), slično u njemu nalazimo starinske oblike ї҆су—хе[8]) (sr. str. 261, op. 6), ali pokraj ovih starih nalazimo i najmlađe slovenske oblike бгъ,[9]), ili poganske бгы u skraćenom obliku,[10]) što se piscu u vreme Cod. Zogr. još ne bi bilo desilo, tako da kratice pokazuju istu sliku mešavine staroga sa najmlađim koju pokazuje jezik.

Ćirilski odlomci cksl. literature sadržavaju tako neznatan broj kratica, da se na njihovej osnovi ne može izreči nikakav, i malo određeniji sud.

Sarajevo.

Dr. G. Čremošnik,
kustos muzeja u Sarajevu.

---

1) Str. 1 v. 29 i drugde često.
2) 132 v. 2 i dr.
3) 132 v. 2 i dr.
4) Пражскiе глаголическiе отрывки, изд. И. К. Грунскiй. Памятники старослав. языка I, 4. С. Петербургъ 1905, str. 17 v. 27.
5) l. c. str. 21 v. 4.
6) Str. 471 v. 27.
7) Str. 552.
8) Str. 143 i dr.
9) Str. 32 i dr.
10) Str. 28 i dr.

Die Bedeutung der Reformation und Gegenreformation für das geistige Leben der Südslaven.[1]

I. Bei den Slovenen.

Die Reformation bildet einen wichtigen Abschnitt auch im geistigen Leben der meisten slavischen Völker. Im Norden wirkte sie ungemein befruchtend auf die Literatur der Čechen und Po-en, berührte sogar die Weiß- und Kleinrussen (Ukrainer); die Sprache der Lausitzer Serben (Wenden) begann man aber über-naupt erst im Zeitalter der Reformation zu schreiben. Im Süden orachte erst die Reformation den Slovenen eine Literatur, denn ois zu den ersten Drucken Primus *Trubars* (Katechismus und Abecedarium, Tübingen) im J. 1550 oder „um 1551“[2]) finden vir bei ihnen nur spärliche und kleine Sprachdenkmäler. Da-gegen erhielten die Slovenen in der kurzen Zeit von 1550 -1595 aicht bloß Abecedarien, Katechismen und einzelne Bibelbücher, Postillen, Gebet-und sechs Gesangbücher, Ritual, Streit-, Lehr-ınd Bekenntnisschriften[3]) (gedruckt meist in Tübingen, teilweise n Urach, Regensburg, Laibach, Wittenberg), sondern auch das ganze Neue Testament von Pr. Trubar[4]) (1557–1577, 2. Aufl.

[1]) Dieser Aufsatz war als Einleitung zu der Schrift von Fr. *Kidrić*, Die pro-estantische Kirchenordnung der Slovenen im XVI. Jahrhundert, Heidelberg, Carl Vinter, 1919 (Slavica I.) gedacht, die schon vor Ausbruch des Weltkrieges fast anz gedruckt war. Die Einleitung mußte jedoch entfallen, da der Stoff allzusehr nwuchs, und ich entschloß mich in Leipzig, wo ich eine Vorlesung über die Wir-ung der Reformation auf die Literatur der slavischen Völker hielt, zur Abfassung iner größeren Schrift, weshalb ich im J. 1919 alle Orte in Bayern und Würten-erg besuchte, in denen sich die südslavischen Protestanten aufhielten. Der Vechsel meiner Wirkungsstätte machte diesen Plan auf Jahre hinaus unmöglich; ch veröffentlichte daher meine Gedanken und einen Teil meiner Materialien an ieser Stelle und behalte die Originalsprache bei, da der Gegenstand auch für veitere deutsche Kreise von Interesse ist.

[2]) Zu dieser Datierung gelangt Fr. Kidrić, Južnoslovenski filolog II. 301—3.

[3]) Th. Elze's Abhandlungen über diese Schriften und einen großen Teil der onstigen einschlägigen Literatur verzeichnet Fr. Kidrić, Die protestantische Kir-henordnung der Slovenen im XVI. Jahrh., S. IX—XVIII.

[4]) Es ist beachtenswert, daß Trubar, der keine Universität besucht hatte, ür die Übersetzung der Evangelien zwar Luthers Bibel als Hauptquelle benutzte, abei sich aber an einigen Stellen mehr der Vulgata näherte, wo ihm Luthers

1582) und die ganze Bibel von *Georg Dalmatin*, die 50 Jahre nach der ersten Bibel Luthers ebenfalls in Wittenberg (1584) gedruckt wurde und eine ebenso bedeutungsvolle Erscheinung war. Die slovenische protestantische Bibel wurde „sowohl aus den Brunquellen der Originalsprachen und anderen Interpretibus als auch Luthers Bibel" (deutsche Vorrede) in eine bereits normalisierte Literatursprache übersetzt, die gleichzeitig auch eine theoretische Behandlung durch die Kommission erfuhr, welche die Stände von Steiermark, Kärnten und Krain zur Prüfung der Bibelübersetzung Dalmatins, die auf ihre Kosten erschien,[1]) eingesetzt hatten. So entstand — bald nach den ersten deutschen Grammatiken (A. Oelinger, L. Albertus 1573, J. Clajus 1578) — auch die erste slovenische von Adam *Bohorič* (Arcticae horulae, Wittenberg 1584), einem Schüler Melanchthons. Dalmatins Bibel und Bohoričs Grammatik bringen auch Glossarien, die wichtigste Quelle für das erste slovenische Wörterbuch, das in des deutschen Polyhistors Hieronymus *Megiser* Dictionarium quatuor linguarum[2]) vorliegt.

Die Habsburger haben trotz Türkennot dem slovenischen Volke unter starkem Einfluß des Münchener Hofes die Glaubenseinheit bewahrt und von der Wirksamkeit der slovenischen Protestanten ist mit Ausnahme einiger slovenischer Anhänger der evangelischen Kirche um Arnoldstein in Kärnten[3]) nichts übrig geblieben als ihre in wenigen, manchmal sogar in einem einzigen Exemplare (dazu in Orten wie Dresden und Kopenhagen) erhaltenen Bücher und die *slovenische* (nach Miklosich „neuslovenische", im Gegensatz zu „altslovenisch" = altkirchenslavisch, altbulgarisch) *Schriftsprache*, denn bei dieser blieben die Schrift-

Übersetzung zu frei erschien, sich außerdem an Bullingers Ausgabe der Bibel hielt, die er als zweite deutsche Übersetzung in der Hand hatte, an die lateinische Übersetzung und die Annotationes des Erasmus von Rotterdam und an die italienische Übersetzung von Ant. Brucioli; ob er auch „ein croatisch Meßbuch" wirklich und inwieweit benutzte, ist noch nicht untersucht worden. J. Grafenauer, Dom in Svet 1914, S. 297—303, besonders 298.

[1]) Vgl. P. Walter Šmid, Über Entstehung und Herausgabe der Bibel Dalmatins. Laibach 1904. Sonderdruck aus den Mitteilungen des Musealvereines für Krain 1904. Über die Revision dieser Bibel vgl. Fr. Ramovš, Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino I. 113—147.

[2]) Der Titel lautet weiter: videlicet Germanicae, Latinae, *Illyricae* (*quae vulgo Sclavonica appellatur*) et Italicae sive Hetruscae. Graecii Styriae, 1592. 2. Ausg. Francof. ad Moen. 1603, 3. Ausg. Clagenfurti 1744.

[3]) Bei ihnen erhielten sich Bruchstücke protestantischer Drucke des 16. Jahrh. in Abschriften, Dalmatin's Gebetbuch (Karſzhanſke lepe molitve, 1584) wurde aber nach dem Josephinischen Toleranzpatent sogar wieder gedruckt (Kristianske bukvize, Klagenfurt 1784). Vgl. V. Oblak, Letopis slov. Matice 1895, S. 234 ff.

teller der „katholischen Periode“, angefangen vom Bischof Thomas *Chrön* (d. i. Hren), dem Hauptvertreter der Gegenreformaion in Krain, dessen Evangelia inu lystovi (Evangelien und Episteln) 1613 in Graz gedruckt wurden. Das erste bekannte Verk der Gegenreformation[1]) beruht mit geringen Ausnahmen ollständig auf der Bibel Dalmatins. Bischof Chrön und seine Mitarbeiter, die Jesuiten J. Čandík und Mali, änderten *nur inige* von der Vulgata abweichende Stellen, ersetzten sehr viele Germanismen durch gute slovenische Wörter, berichtigten auch inige Ausdrücke und Konstruktionen, führten einige neue Fornen ein und verbesserten manchmal sogar die Rechtschreibung, erschlechterten aber auch manches. Chröns Verdienst ist also icht groß, aber im Vergleich mit seinen Nachfolgern, die ihn is zum Aufklärungszeitalter einfach abschrieben, immerhin bechtenswert. Die Herausgeber der ersten katholischen Bibel Laibach, 1784—1802) mit Japelj und Kumerdej als Hauptmitrbeitern und unter Führung des Bischofs Herberstein, eines ansenisten, welche die Bibel zum Volksbuch machen wollten,[2]) ingen mit vollem Bewußtsein auf Dalmatin zurück und so iente auch Japeljs Evangelistar (1787) die Bibel Dalmatins ur Grundlage, namentlich in sprachlichformaler Hinsicht. Erst Ravnikar, zuletzt Bischof von Triest, setzte Kopitars Lehren, amentlich die der Grammatik, in die Tat um und hob das Evangelistar in seiner Ausgabe (1816) in stilistischer und phraeologischer Hinsicht; vor allem beseitigte er die deutschen Kontruktionen, die auf Trubar und Dalmatin zurückgingen, welche Luthers Bibel meist sklavisch, sogar buchstäblich übersetzten. Nichtsdestoweniger blieb auch in den folgenden Ausgaben des Evangelistars und der ganzen Bibel die auf Trubar, Dalmatin nd an „ziemlich vielen“ Stellen sogar auf Luther zurückehende Tradition ohne Unterbrechung erhalten.[3])

Unter solchen Umständen ist es begreiflich, daß sich der Verfasser der ersten modernen und wissenschaftlichen slovenichen Grammatik, B. Kopitar,[4]) 1808 darüber wundern konnte,

[1]) Leonhard Pacheneckers, eines Zisterziensers in Viktring bei Klagenfurt, ompendium Catechismi catholici in slavonica lingua, Graecii Styriae 1574, ist sher nicht gefunden worden.

[2]) J. Gruden, Carniola VII. (1916). 97.

[3]) Das sind die wichtigsten Resultate einer Abhandlung von Dr. A. Breznik ı Dom in Svet (Laibach) 1917, S. 170 f., 225 f., 279 f., 333 f.

[4]) Grammatik der slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steiermark. aibach, 1808.

wie die Sprache „in Dalmatins Bibel nach 200 Jahren noch *gar nicht* veraltet ist", im Gegensatz zu Luthers Deutsch und Montaignes Französisch,[1]) und „daß unsere Sprache, seit dem 16. Jahrhundert bis auf uns sich *gar nicht* geändert hat".[2]) Seit Kopitar haben allerdings Schriftsteller aus verschiedenen dialektischen Gebieten, hauptsächlich aus Oberkrain, dann die historische und vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, namentlich das große Werk Miklosichs, der als erster Herausgeber der Lesebücher für Mittelschulen auch praktisch eingriff, besonders aber die Berücksichtigung des „Altslovenischen" und des eng verwandten Serbokroatischen (hierin gaben auch schon unter den Reformatoren Krelj und Juričič ein Beispiel), neue Elemente hineingebracht, doch gilt auch heute der *Grundsatz, daß die slovenische Schriftsprache grammatisch und lexikalisch auf dem von Trubar, Dalmatin und Bohorič gesprochenen unterkrainischen Dialekt beruht.*[3]) Es ist beachtenswert, daß diesen Grundsatz mit besonderem Nachdruck der Franziskaner Stanislav Škrabec († 1918), ein vorzüglicher Kenner der Geschichte der slovenischen Sprache,[4]) vertrat und daß Prof. Dr. A. Breznik, gleichfalls katholischer Geistlicher, sich noch 1917 begeisterte für „jene Kontinuität, die unserer Literatur den Glanz einer 367jährigen ununterbrochenen orthographischen Tradition verleiht".[5]) Es verdient auch hervorgehoben zu werden, wie Breznik den katholischen Begründer dieser Tradition charakterisiert: „Hren war literarisch gebildet und erkannte, daß in Dalmatins Schreibweise ein Stück slovenischer schriftlicher Kultur liegt, die man verwenden muß." [6])

Dem italienisch-humanistischen Einschlag in dem Bildungsgang Trubars und dem Einfluß des P. P. Vergerius haben es die Slovenen auch zu verdanken, daß sie seit 1555 die lateinische

---

[1]) O. c. 39.

[2]) O. c. 158.

[3]) Wie wenig die Menschen aus der Geschichte lernen, zeigt die Tatsache, *daß*, und die Art und Weise, *wie* im 19. Jahrh. in den Landtagen von Steiermark, Kärnten und Krain darüber gestritten wurde, ob die slovenische Schriftsprache *er*funden worden sei, während sie schon ihre Vorgänger, die innerösterreichischen Stände, im 16. Jahrh. für ihre Zwecke *ge*funden hatten.

[4]) Seine Aufsätze veröffentlichte er meist auf den Umschlagblättern des von ihm redigierten Organes des Tertiarierordens *Cvetje z vrtov sv. Frančiška* I. (V Gorici 1886) — XXXII. (1915). Über die bisher erschienenen gesammelten Schriften (Jezikoslovni spisi) vgl. Slavia II. 115—123.

[5]) Dom in Svet, 1917, S. 280.

[6]) O. c. 282.

Antiqua (nur die beiden ersten Bücher Trubars wurden 1550 in „gotischen" oder deutschen Lettern gedruckt) gebrauchen, eben so wie die Kroaten,[1]) wodurch sie sich von den lateinisch schreibenden Nordslaven unterscheiden, denn diese gebrauchten größtenteils bis ins 19. Jahrh. die „Schwabacher" Lettern.

Auch Bohoričs „Orthographie" beziehungsweise Graphik, die eigentlich Krelj[2]) und Dalmatin zu verdanken ist, herrschte bei den Slovenen unumschränkt bis 1824 und wurde erst in den folgenden Jahrzehnten durch die kroatisch-čechische, auf J. Hus zurückgehende, verdrängt.

Die Reformation brachte den Slovenen nicht bloß eine Literatur, sondern trug auch sonst zur Hebung ihres Kulturniveaus durch die Predigt, das Kirchenlied und den Ausbau des Schulwesens bei; für den hohen Stand des Laibacher landschaftlichen Gymnasiums spricht die Tatsache, daß als dessen Rektor vorübergehend der Dramatiker Nicodemus Frischlin aus Tübingen wirkte.

In die Fußstapfen der Reformation trat auch bei den Slovenen die Gegenreformation. Natürlich widmeten auch die Jesuiten der Katechese, der Predigt und dem Kirchengesang in slovenischer Sprache besondere Aufmerksamkeit und sorgten auch eifrig für das mittlere (schon 1604 war das Gymnasium in Laibach vollständig) und teilweise sogar für das niedere Schulwesen; die höhere Schulbildung holten sich aber die Slovenen bei ihnen hauptsächlich in Graz und Wien.[3]) Es ist bezeichnend, daß die Jesuiten bei der Einführung slovenischer Predigten (1615) in ihrer Laibacher Kirche dem Bischof Chrön,[4]) dem „Apostel von Krain", allzustürmisch vorgingen, doch konnten sie sich leicht rechtfertigen, daß die slovenischen Predigten großen Zulauf hatten, während die bisherigen deutschen wenig

---

[1]) Auch hier steht die P. P. Vergerius zugeschriebene Streitschrift Razgovarange megiu Papistu i gednim Luteran (angeblich in Padua, in Wirklichkeit in Tübingen, 1555) an der Spitze (vgl. das Faksimile in Fr. Bučar's Povijest hrv. prot. knjiž., 189); sonst sind die ersten kroatischen Lateindrucke „gotisch", ob alle, kann ich allerdings nicht behaupten.

[2]) Fr. Ramovš, Časopis za slov. jezik I. 131—132.

[3]) Vgl. Bernhard Duhr S. J., Geschichte der Jesuiten in den Ländern deutscher Zunge, II.1, S. 316, 342, 345—351. V. Steska, Izvestja muz. društva za Kranjsko XII. (1902), 6—12.

[4]) Dieser stellte sich 1605 in einem Bericht an den Papst folgendes literarisches Programm: varii orationum, precationum et cantionum libelli in linguam nostram slavicam sunt a me translati, multique alii tractatus. Carniola VII. (1916), 53.

Frucht gebracht hatten.[1]) Auch in Klagenfurt suchten die Jesuiten außer durch Predigten und Christenlehre das Volk schon seit 1605 durch Dialoge über die Kindheit, das Leiden und den Fronleichnam Christi in slovenischer Sprache anzuziehen.[2]) In Triest predigten die Jesuiten schon in den ersten Jahren (seit 1620) italienisch, *slovenisch* und deutsch,[3]) in Görz trat aber seit 1. Nov. 1683 die bisher nicht gebräuchliche „slavonische" Predigt an allen Sonn- u. Feiertagen unter großem Zulauf des Volkes hinzu und fand starke Nachahmung in den Nachbarpfarren.[4])

Dabei gebrauchten die Jesuiten und andere Priester nicht bloß Chröns Evangelistar und das sonstige Schrifttum der Gegenreformation,[5]) sondern auch die Bücher der Protestanten; die Erlaubnis sie zu lesen erwirkte Bischof Chrön schon 1602 von der römischen congregatio inquisitionis. Von Dalmatins Bibel kam noch ein großer Teil der nach Krain geschickten 800 Exemplare in den Besitz der Jesuiten (1616) und für ihr häufiges Vorkommen spricht die Tatsache, daß sie Bischof Herberstein noch vor 1780 ausdrücklich empfehlen konnte und daß der Probst Albrecht in Novo Mesto (Rudolfswert) noch um 1820 dadurch Aufsehen erregte, daß er die Bibel Dalmatins besonders eifrig eintrieb.[6]) Bewilligungen des zuständigen Bischofs zum Gebrauch der protestantischen Bibel und Postillen sind schon seit 1584—1689 mehrfach bezeugt.[7])

Bei den slovenischen Protestanten, die durch besonders starke Bande mit Süddeutschland verknüpft waren, ist es auffällig, daß sie großes Verständnis für eine sprachliche Zusammengehörigkeit aller Südslaven, auch der Bulgaren, hatten und sogar mit allslavischen Gefühlen prunkten. In Trubars deutschen Vorreden zu den serbokroatischen Drucken, namentlich zum I. Teil des glagolitischen Neuen Testamentes (1562) finden wir gute Schilderungen der südslavischen Verhältnisse. Trubar, andere Slovenen und die Stände der innerösterreichischen Länder, namentlich die von Krain, dachten im Verein mit Kroaten an eine

[1]) B. Duhr o. c. II.1. S. 317, III. 286.
[2]) O. c. II.1, S. 341.
[3]) O. c. II.1, S. 351.
[4]) O. c. III. 207.
[5]) Vgl. jetzt ein chronologisches Verzeichnis der slovenischen Drucke und Handschriften von 1600—1761 und dazugehörige bibliographische Bemerkungen bei Fr. Kidrič, Časopis za slov. jezik. III. 73—133.
[6]) J. Gruden, Carniola VII. (1906), 93.
[7]) Fr. Kidrič, Bogoslovski Vestnik III. (1923), 169, Anm. 9.

Gewinnung des ganzen slawischen Balkans bis Konstantinopel ür das Evangelium (s. u.). Dazu gab es Wechselbeziehungen uf literarischem Gebiet zwischen Slovenen und Kroaten, wie vir sie erst in den Zeiten des Illyrismus, welcher alle Südslaven iterarisch einigen wollte, in den dreißiger und vierziger Jahren les 19. Jahrhunderts wiederfinden. Trubar gab die Anregung u den ersten serbokroatischen Drucken, die zum Teil auch aus einen Werken übersetzt wurden, anderseits zog S. Krelj, der in Jena unter M. Flacius Illyricus studiert hatte, für seine Übersetzung des Winterteils der Spangenbergischen Postille (1567) großen Nutzen aus der Kenntnis der serbokroatischen glagolitischen und cyrillischen Drucke, sowohl für seine orthographische Reform, die nach einigen Rückfällen Dalmatin und Bohorič doch zur Geltung brachten, als auch für sein besseres, von Germanismen freieres Slovenisch, sodaß er auf beiden Gebieten gegenüber Trubar einen Fortschritt bedeutet. Die Vorzüge „der alten slavischen (im Original: staro slovensko) Schrift", der kroatischen (d. i. glagolitischen) und cyrillischen, imponierten ihm so sehr, daß er den Wunsch äußerte: „Möge es Gott fügen, daß diese, namentlich cyrillische schöne Schrift wieder unter die Leute gebracht werde." Noch wichtiger ist die Tatsache, daß mehrere Kroaten aus Istrien und Dalmatien als Anhänger der Reformation in Krain Zuflucht fanden, hier auch als slovenische Prediger wirkten und einer von ihnen, Jurij Juričič (nicht Jurišič[1]) aus Vinodol im kroatischen Küstenlande, sich noch als slovenischer (und als kroatischer s. u.) Schriftsteller betätigte, indem er die erste Sammlung geistlicher Lieder (1563) drucken ließ und Kreljs Übersetzung der Spangenbergischen Postille neu herausgab und durch zwei weitere Teile ergänzte[2]) (Laibach 1578).

Wie nordslavische Chronisten und andere Schriftsteller betont auch Jurij Dalmatin in der deutschen Vorrede zu seiner Bibel, nachdem er die lange Vernachlässigung der slovenischen Sprache erwähnt hatte: „. . . welches um desto mehr zu beklagen

[1]) Diese Form, die auch ganz gut möglich wäre (Ableitung von Juriša, s. Rječník hrv. ili srp. jez.), beruht auf mangelhafter, deutscher Schreibweise, denn in der Vorrede zum cyrillischen Neuen Testament unterschrieb er sich deutlich Juričić; ebenso in der glagol. Ausgabe der Predigt vom Hagel (s. Rad jsl. ak. 214/93, 99); übrigens auch in der deutschen Vorrede zum glag. Crikveni ordinalic: Juritschitsch.

[2]) V. Oblak, Protestantske postile v slovenskem prevodu, Letopis Matice Slovenske 1894, 202—219.

gewest, das die Windische Sprach nit in eim winckel verborgen sondern durch ganze mächtige und viel königreich (gleichwohl in etliche Dialectos abgetheilt) heutigs tags im schwung gehet. Denn der Windischen Sprach nit allein die so in gantzem Creinland, under Steyer und Kärnten, sambt den angrentzenden Landen als Crabaten Dalmatien und Windischer Marck Carst Metling und Isterreich gesessen sondern auch Behemen Polacken Moscoviten Reussen Bossnaken und Walachen und auch schier der meiste theil der Völcker so unser Erbfeind der Türck der Christenheit abgerungen, dieser Zeit gebrauchen." Mit Stolz berichtet er, daß auch am türkischen Hofe die slavische Sprache bekannt und in der ganzen Türkei als Kanzleisprache[1]) gewöhnlich, also „ein heubtsprach" ist.

Adam Bohorič zeigt schon im Titel[2]) seiner slovenischen Grammatik die Verwandtschaft der slavischen Sprachen an und macht ebenfalls schon auf dem Titel eine Verbeugung vor der cyrillischen und glagolitischen Schrift, indem er die Worte: omnis lingua confitebitur Deo auch den serbokroatischen protestantischen Drucken entnimmt. In der Grammatik schenkt er beiden Alphabeten, obgleich er sich für die slovenische Sprache der Lateinschrift bedient, besondere Beachtung und bringt in der 5. Tabelle vom Vater unser Cyrulicae, Croaticae (cum quibus ut plurimum Rutenica et Moscovitica conveniunt) Boemicae, Lusaticae seu Vandalicae et Carniolanae linguae collationem. Das könnte man durch die universalen Interessen vieler Gelehrten der Periode des Humanismus und der Renaissance und der in ihre Fußstapfen tretenden Polyhistoren erklären, doch Bohoričs ausführliche Vorrede verrät auch einen Mann von starkem slavischen Bewußtsein. Er gehört zu denjenigen, die den Namen der Slaven von *slava* (Ruhm) ableiten, daher „laudabiles, celebres et clari"; er phantasiert, daß slavische Heneti schon vor Troja standen, spricht mit Stolz von der großen Ver-

---

[1]) In der Tat konnte sich die erste Gesandtschaft Ferdinand I. mit ihrem slovenischen Sekretär Kuripečić (nicht Kuripešić, wie ich schon in meiner Geschichte der älteren südsl. Lit., 219, angemerkt habe) in Konstantinopel nur slavisch verständigen; slavische Urkunden türkischer Würdenträger aus den Grenzgebieten sind bekannt.

[2]) Arcticae horulae succesivae de latino-carniolana, ad latinae linguae analogiam accomodata unde Mofhoviticae, Rutenicae, Polonicae, Boemicae et Lusaticae linguae, cum Dalmatica et Croatica cognatis, facile deprehenditur. Praemittentur his omnibus tabellae aliquot, Cyrillicam et Glagoliticam, et in his Rutenicam et Mofhoviticam Orthographiam continentes, Adami Bohorizh. Witebergae. 1584. 8°. (XXIV) + 178 + 59 + (XX) S.

breitung der slavischen Sprache, auch in der Türkei, sodaß die Sprache der Türken durch sie verdunkelt werde, bringt einige richtige Etymologien wie „Graz richtig Gradec", Lypsia (Leipzig) von lipa (Linde), erwähnt die goldene Bulle Karl IV., die den Söhnen der deutschen Kurfürsten das Lernen der lingua slavica (welcher!) empfiehlt, betont ihre Wichtigkeit für die Verbreitung des christlichen Glaubens, spricht von der Einführung des slavischen Gottesdienstes durch Karl IV. in Prag und führt auf solche Art der adeligen Jugend von Steiermark, Kärnten und Krain die Notwendigkeit des Studiums der slavischen Sprache zu Gemüte. Bohoričs Abhängigkeit von seinen Vorgängern (einer ist Gelenius, d. i. der böhmische Humanist Zikmund Hrubý *z Jelení*) ist noch nicht untersucht worden, ebenso nicht seine Wirkung auf andere Schriftsteller; jedenfalls treffen wir solche Äußerungen öfters an, u. a. auch in den ersten Drucken einiger Lausitzer Serben, die entschieden slovenischen protestantischen Drucken entnommen sind.[1]) Wie sehr im Fahrwasser eines allslavischen Bewußtseins die Schriftsteller der südslavischen, von Rom aus geförderten Gegenreformation segeln, werden die folgenden Kapitel lehren.

II. Die literarischen Wirkungen der Reformation bei den Kroaten und Serben.

Die slovenischen Protestanten schrieben ihre Bücher nicht bloß für ihre Sprachgenossen im südlichen Steiermark und Kärnten, in Krain, Görz, in der Umgebung von Triest und im nördlichen Istrien, sondern dachten auch an die Kroaten, namentlich an die Bevölkerung des nordwestlichen Kroatien,[2]) wo ein Dialekt gesprochen wird, welcher nach der Mehrzahl seiner Merkmale tatsächlich zur slovenischen Gruppe gehört. Für eine Sprachmischung, wie sie der des Kroatischen nicht ganz, des

[1]) Vgl. Karl H. Meyer, Archiv f. slav. Phil. Bd. 39, 93ff.

[2]) Trubar gedenkt öfters der *Bezjaki*, *Istriani* (ohne Unterschied, größtenteils sind sie Kroaten) und *Crouati*. Am wichtigsten ist aber das „Register" zu Dalmatins Bibel, das nach Art der süddeutschen Nachdrucke der Bibel Luthers ein Verzeichnis der vom Slovenischen (Crajnfki, Corofhki) abweichenden Wörter unter den Rubriken bringt: Slovenfki ali *Bezjazhki*, *Hervazki*, *Dalmatinski*, *Iftrianfki*, *ali Krafki*. Noch in den Zeiten der Gegenreformation lasen auch kroatische Priester die slovenische Bibel J. Dalmatins mit besonderer Erlaubnis; eine solche erteilte noch 1733 der Bischof von Modruš (südwestliches Kroatien) dem Kaplan in Babino Polje, nachdem alle bedenklichen Stellen überklebt oder gestrichen worden waren. Kceda III. 623.

Slovenischen und anderer slavischen Sprachen gar nicht kundige Diplomat Peter Paul Vergerius[1]) wünschte, war Primus Trubar nicht zugänglich, dagegen wirkte sein Beispiel so anregend, daß man auch die übrigen Kroaten und überhaupt alle Südslaven bis Konstantinopel durch das gedruckte Wort für die evangelische Lehre gewinnen wollte und sich sogar der Täuschung hingab, die „Türken" auf dem Balkan, die ja zum großen Teil Slaven waren, bekehren und so die türkische Frage lösen zu können. Den Wunsch des Erasmus von Rotterdam, daß die Bibel auch von Türken und Sarazenen gelesen werden sollte, versuchten also die südslavischen Protestanten wenigstens zum Teil in die Tat umzusetzen.

Von den vielen Belegen für diese Tendenzen sei vor allem das Gutachten der Sachverständigen von der krainisch-kroatischen Grenze vom 28. August 1559 über die erste Übersetzung Stephan Consuls angeführt: Dieselb ist ersehen vnnd befunden, das die durch ganntz Dalmatien nach dem adrianischen meer, dergleichen durch Krobaten, Wossner, Sirffey vnnd derselbenort piss auf Constantinopel verstandig vnnd genugsam sey. So mag auch dise crobatische version weiter in die ziruliza, das ist halb oder abreuirt griechisch, dest leichter gepracht werden. Darmit wirdet verhoffentlich die recht christlich religion vnnd das ware hailsam euangeli durch die ganntz Türckhey gefürdert, Türckhen hertz vnnd gemuet zu christlichem glauben ernewert, irem wueten gewert, die armen gefangnen christen getröst vnnd gesterckht vnnd vnnser hailandt Christus mit der zeit in die Türckhey ausgeprait werden.[2])

Ebenso äußert sich die Landschaft von Krain in einem Schreiben vom 22. Juni 1562: vmb befurderung willen des angefangnen chrabatischen vnd cyrullischen trukhs, zu wolfart vnd aufnemung der christglaubigen vnd anderer menschen in Crabathen, Ysterreich (Istrien), Dalmatien, Wossen, Seruien, Vulgarien vnd derselben umliegenden enden.[3]) In gleicher Weise mit den Varianten: Crabathey, Seruia, Bulgaria.[4]) Ähnlich schrieb die Landschaft an Baron Ungnad.[5])

[1]) Vgl. Fr. Bučar, Povijest hrv. prot. knjiž., 31—46.
[2]) J. Kostrenčić, Urkundliche Beiträge zur Geschichte der protestantischen Literatur der Südslawen, S. 2.
[3]) O. c. 79.
[4]) O. c. 80.
[5]) O. c. 92.

In der deutschen Vorrede der dem König Maximilian gewidmeten *Edni kratki i razumnl nauci* (= Loci communes theologici Melanchtons) betonen die Dolmetscher (Djj^{v}); . . . den Alten / Rechten / Seligmachenden / Christlichen Glauben / vnnd die (!)[1]) rechte Gottgefellige Gottesdienst vnd gůte Werck in der gantzen Illyria / in Dalmatien, in Seruia / vnnd in der Bulgarey / widerumb mit Hülffe vnd Segen des Allmächtigen gern wölten auffbringen vnnd anrichten / vnnd die Christenheit erweittern / des Antichrists vñ Machomets Glauben und Reich schwechen vnnd zerstören.

In der Widmung der cyr. *Artikuli* dem Landgrafen Philipp von Hessen danken die Herausgeber für seine Förderung des christlichen Werkes, „damit dem Herrn Christo vnder den Crobaten, Wenden, ja den Türcken, ein Kirch gesam̄let, die in recht erkenne. In der Übersetzung: Словиномь, Хр̑ватом, ꙗ и Тѹркомь єднѹ кьрстіанскѹ црикаѣ савкѹпиті.

Die Anschauungen der südslavischen Protestanten eigneten sich auch „die Rektoren, Doktoren und Regenten" der Universität Tübingen an, als sie die von Ungnad für den Bücherdruck in den J. 1561—1564 vorgelegten Rechnungen guthießen: . . zu zeitlicher und ewiger wolfart der armen unwissenden in Croatia, Dalmatia, Histria, Bosna, Seruia, Bulgaria, Walachia und denen anrainenden vilen künigreichen und lendern, auch gar in der Türkey biss gehn Constantinopel vnd weyter ausgepraitet werden möge.[2]) Ähnlich äußerten sich auch die Söhne Ungnads in einem Schreiben vom 12. August 1565 an den Bürgermeister und Rath der Reichsstadt Kaufbeueren, als sie sich zur Fortsetzung des Werkes ihres Vaters bereit erklärten.

Der Begründer der slovenischen Reformation P. Trubar glaubte noch 1577, als er den letzten Teil des Neuen Testaments herausgab (slov. Vorrede, XVIII.), daß der türkische Glaube sich im Niedergange befinde, daß Paschas und Türken ihre Kinder geheim taufen lassen, daß junge Türken in Ungarn (das erzählten ihm zwei Studenten aus Siebenbürgen) in den Schulen den Katechismus lernen und einige den christlichen Glauben offen bekennen und sich dafür von den Türken steinigen und töten lassen. Die Türken erzählen auch selber, daß ihr Glaube und ihr Reich bald ein Ende nehmen werden . . .

---

[1]) Unter dem Einfluss des slov. božja služba = Gottesdienst.

[2]) Kostrenčić o. c. 225.

Besonders charakteristisch ist das Sendschreiben Hans Ungnads vom 14. Sept. 1561 an die deutschen Kurfürsten und Fürsten sowie an die Reichsstädte, worin er die Unterstützung der vorbereiteten cyrillischen Drucke in folgender Weise empfiehlt: das also verhoffenlich die raine lehr göttliches worts werde dardurch auch in die Thürkhey gebracht werden mügen vnnd sich ansehen last auch zu dem almechtigen gott verhoffennlich, *als wölle der genedige gott durch dis mittl vnnd auf dise weiss den Thirkhen mit dem schwerdt seiner almechtigen sterckh schlagen*, gleich wie er durch den seligen d. Martinum Lutherum das gantz babstumb entdeckht vnd geschlagen hat, *vnnd also gott der herr für sein liebe christenheit streiten vnnd sein reich vnnder denselben völckhern widerumb aufrichten wölle.*[1])

Dieser Idee widmete Hans Ungnad, Freiherr zu Sonneck, der die Südslaven als Kriegsheld und Politiker kennen gelernt hatte, die letzten Lebensjahre (1557—1564) in seinem freiwilligen Exil[2]) in Würtemberg und verstand es, für sie nicht bloß die Unterstützung des Herzogs Christoph, sondern auch die des Königs Maximilian von Böhmen und der protestantischen Kurfürsten, Fürsten, Herren und Reichsstädte zu gewinnen; den größten Teil der Lasten für seine Druck- und Übersetzungsanstalt in Urach trug er allerdings selbst. Ursprünglich stand dieselbe unter Pr. Trubars Leitung, der die deutschen, kulturhistorisch sehr beachtenswerten Vorreden zu den Drucken schrieb, während die eigentliche Arbeit Stephan Consul aus Istrien und Anton Dalmatin (lat. Dalmata, d. h. aus Dalmatien,[3]) das nach den damaligen Begriffen weiter nach Norden[4]) reichte) besorgten und sich vorübergehend der Unterstützung anderer Mitarbeiter aus dem slavischen Süden erfreuten.

Das Werk dieser kroatischen Übersetzer und Drucker war sehr kompliziert und sein Erfolg wurde dadurch stark beein-

[1]) J. Kostrenčić o. c. 49.

[2]) Über Ungnads Auswanderung vgl. jetzt die gründliche Abhandlung von Fr. Kidrić, Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino I. (1918), 64—78, II. 47—62.

[3]) Auch Stephan Consul unterschreibt sich in den Drucken kroatisch: Stipan *Istrianin* (z. B. Katechismus glag.) oder *Istrian* (Katechismus cyr., N. Testament I., glag.); sogar Trubar nennt sich im cyr. Katechismus, in den Artikuli und in der Postila: Primuž *Krańac, ohne* Trubar; in der deutschen Vorrede der Postila kombiniert er: Primus Truber Crainer.

[4]) So galt Senj (Zengg) als die Hauptstadt Dalmatiens, Vj. Klaić, P. Ritter, 120. Nur in diesem Sinne könnte man sagen, es stamme aus dem kroatischen Küstenlande, was Fr. Fancev (Rad jsl. ak. 212/92, 173) behauptet.

rächtigt, daß die Bücher zwar in derselben Sprache mit geringügigen grammatischen und lexikalischen Unterschieden, aber n drei sehr verschiedenen Schriften selbst für die der römischen Kirche angehörigen Kroaten gedruckt werden mußten. Im südwestlichen Kroatien, auf den Inseln des Quarnero, im nördlichen Dalmatien und teilweise im nordwestlichen Bosnien erhielt sich hauptsächlich in der Kirche, die sich des außergewöhnlichen Privilegiums der slavischen Liturgie nach römischem Ritus bis auf den heutigen Tag erfreut, die *glagolitische* Schrift, das eigentliche Erbe der Slavenapostel Cyrill und Method, hervorgegangen aus der griechischen Minuskel;[1]) im Laufe der Zeit hatte die ursprünglich rundliche („bulgarische") Glagolica, entsprechend der Entwicklung der lateinischen Schrift, eine eckige Gestalt („kroatische" Glagolica) angenommen; schon im 13. Jahrhundert war bei den slavischen katholischen Priestern die Legende verbreitet, daß diese Schrift der hl. Hieronymus, der sich als Dalmatiner eines besonderen Ansehens erfreute, erfunden habe. Daneben war in denselben und noch mehr in anderen kroatischen Gebieten, auch die *cyrillische* Schrift, hervorgegangen aus der griechischen jüngeren[2]) Unziale, in einer besonderen Abart, der sogenannten bosnischen Cirilica, verbreitet, deren sich nicht bloß kroatische Magnaten und Adelige, sondern auch österreichische Grenzkommandanten in ihren Urkunden und Korrespondenzen bedienten. Unsere Protestanten nahmen sich jedoch die ersten serbischen Drucke in Venedig mit ihren schönen, der lateinischen Antiqua angepaßten Lettern, ebenso die Prager Drucke des Weißrussen Dr. Skorina, zum Muster[3]) und vermieden außer vielen unnötigen aus dem Griechischen entlehnten Spiritus- und

[1]) Vgl. V. Jagić, Enciklopedija slavjanskoj filologii (Petersburg 1911), ›yp. 3. 51ff.

[2]) V. Gardthausen, o. c. 46.

[3]) Das Hauptverdienst scheint allerdings dem Punzenschneider Joh. Hartwarch in Nürnberg zu gebühren, dem man „von allen orten venetische vnnd ruthenische (damit können nur Skorinas Drucke gemeint sein) vnnd gar vil geschribne robattische vnnd cyrulische geschrifften vnnd buechstaben" zusammengebracht at. Primus Trubers Briefe, herausg. von Th. Elze, 148. Aus der kroatischen Vorede zum glagolitischen Neuen Testament I. Teil (1562) erfahren wir, daß sich die Herausgeber „mit vielen verständigen und gelehrten kroatischen Schriftstellern in ateinischer und kroatischer Sprache" berieten und die glagolitischen Buchstaben ach den alten kroatischen Drucken der Breviarien und Missale schneiden und ießen ließen. Bezüglich der cyrillischen Buchstaben heben sie hervor, daß sie die ielen griechischen Zeichen über den Buchstaben als unnütz und störend fallen eßen, die auch die Ruthenen und eine Venediger Druckerei nicht haben (Koihь Rusiani i edna Bnetačka štampa takoie nêmaju).

Akzentzeichen auch die zahlreichen Abkürzungen und Ligaturen, welche das Lesen ihrer auch sonst schwerfälligen, glagolitischen Drucke so schwierig gestalten. Hätte man cyrillische Bücher weiter nach dem Beispiel der südslavischen Protestanten und ihrer Muster gedruckt, so wäre Peters des Großen Reform der cyrillischen Schrift „nach dem lateinischen Duktus", wie sein Auftrag lautete, für die Russen und die übrigen orthodoxen Slaven nicht nötig gewesen!

Die Sprache dieser Drucke wird in den Titeln, Vorreden und brieflichen Äußerungen „crobatisch"[1] (hrvacki, im cyr. Neuen Testament hrvatski) genannt, eben so die beiden Schriften,[2] doch werden den „glagolitischen" oder „crobatischen" Buchstaben häufig die „cirulischen" oder „Cirulica" entgegengestellt, diese sogar als „Sprach"[3] bezeichnet, der deutsche Titel des ersten cyrillischen Druckes *Tabla za dicu* (1561) lautet aber direkt: Abecedarium / Vnd der ganze Catechißmus / one außlegung / in der *Syruischen* Sprach; auch der zyrillische Katechismus aus demselben Jahre ist „in der Syruischen Sprach", während im kroatischen Titel in der Vorrede die Sprache wieder kroatisch[4]) heißt. Anderseits können wir für die cyrillischen Drucke direkt den Ausdruck „die syrfischen Bücher" belegen.[5]) Die beiden Namen werden auch aneinandergereiht, aber der Zu-

[1]) Beachte auch die stereotypen deutschen Titelangaben: in die Crobatische Sprach verdolmetscht und mit Cyrulischen Buchstaben getruckt. Die ganze Bibel wollte man „Crabatisch mit dreyerlei Buechstaben lateinischen crabatischen vnnd cyrulischen truckhen".

[2]) Primus Truber berichtet in seinem „Register und summarischen Inhalt" (1561) der von ihm gedruckten „Windischen Bücher", daß dieselben jetzt „*in der Crobatischen Sprach mit zweyerley Crobatischen Geschrifften*, nämlich mit Glagola und Cirulitza, werden getruckt". Chr. Fr. Schnurrer, Slawischer Bücherdruck in Württemberg, 46. Ähnlich drücken sich die beiden Hauptmitarbeiter in der deutschen Vorrede zu den glagolitischen Edni kratki razumni nauci (Die fürnämpsten Hauptartikel) aus: die seind alßdann jetzo durch uns beide Anthonium Dalmatam vñ Stephanum Consulem . . . in die *Crobatische Sprach verdolmetscht vnd mit Crobatischen vnd Cyrulischen Buchstaben gedruckt* worden, mit denen erhoffen wir bey den Windischen vnnd Crobatischen Völckern vil nutz zu schaffen.

[3]) Vgl. in Hans Ungnads Sendschreiben an die deutschen Fürsten: das man gottes seligmachende wort vnnd sein heiliges evangelium auch in die ciruliza oder cirulischen Sprach, welche durch die Thürkei bis geen Constantinopel geth, auch den Crabaten vnnd Windischen bekhanndt ist, zu vertieren . . . J. Kostrenčić, Urkundliche Beiträge, 49. Auch Anton Dalmatin und Stephan Consul sagen, daß zwei uskokische Priester aus Bosnien und Serbien „beim vertieren der evangelien und der loci communes in die cyrulische Sprache" geholfen haben. Pr. Trubers Briefe, 240.

[4]) Vgl. Kopitar, Grammatik, S. 449—450. Im Original: из многих ѥзик ȣ хрвацки тȣмачене ѥсȣ.

[5]) Fabian Kirchberger aus Laibach an H. Ungnad: die syrfischen Bücher . . . Elze, Pr. Trubers Briefe, 381, 384.

ammenhang zeigt, daß sie als gleichbedeutend oder sich ergänzend aufzufassen sind: in crobatischer und syrvischer Sprach nit cyrulischen buchstaben jezund zum ersten mal gedruckht.[1]) Kurz und gut: die slovenischen und kroatischen Protestanten varen sich schon der sprachlichen Einheit der Kroaten und Serben[2]) bewußt, ebenso der Identität ihrer liturgischen Sprache.[3]) Da sie aber *alle* Südslaven „bis gegen Konstantinopel" bekehren vollten, so waren ihre glagolitischen und namentlich die cyrillichen[4]) Bücher auch für die *Bulgaren* bestimmt, deren sprachiche Verwandtschaft mit den Kroaten und Serben ihnen nicht inbekannt war.[5]) Hiebei handelt es sich natürlich nicht um die virklich gemeinsame Kirchensprache, obwohl auch hier von iner bulgarischen, serbischen und kroatischen Redaktion der Kirchenbücher gesprochen werden muß, sondern um die „ge-

---

[1]) Pr. Truber an H. Ungnad, o. c. 194.

[2]) Diese Einheit der „serbokroatischen", „serbischen oder kroatischen" (im Rječnik der südslavischen Akademie „kroatischen oder serbischen") Sprache ist eute noch manchmal Slavisten nicht ganz klar und noch weniger slavischen Laien. Man darf sich daher nicht wundern, wenn sich Fremde in dieser verwickelten Frage icht auskennen. So spricht der bedeutendste deutsche Forscher auf dem Gebiete er südslavischen protestantischen Literatur Th. Elze (in seinem Gefolge Hegenann u. a.) von „dalmatisch-illyrischen Übersetzungen". Anlaß dazu gaben die üdslavischen Protestanten, die sich in lateinischer und deutscher Sprache auch er Ausdrücke *illyrisch* (geht auf die Humanisten zurück, welche klassische Namen ür die heutigen Völker anwendeten) und *dalmatisch* (auch im Original: Dalmatinkoga ili hrvackoga jezika, Vorr. zu den *Artikuli*) bedienten und *windisch* nicht loß für slovenisch, sondern sehr häufig für slavisch im südslavischen und allgenein slavischen Sinne (ebenso wie *slovinski* oder *slovenski*) verwendeten; *dalmatisch* eißt die Sprache schon im ersten serbokroatischen Wörterbuche des F. Vrančić Verantius, 1595), bei unseren Protestanten kam aber noch der seiner Heimat entommene Name des einen Übersetzers (Anton Dalmata, Dalmatin) hinzu.

[3]) Dise Christen in Seruia allesampt, und ein Theil zu und vmb Boßna . . . es Griechischen Glaubens . . . haben ein besondere lange Meß in jrer eigenen geneinen (!) *syrfischen vnnd Crobatischen* Sprach. Pr. Truber in der Vorrede zum Prvi el Novoga Testamenta (glag. V. Tubingi 1562), A, iij.

[4]) Beachtenswert ist der Unterschied in der Vorrede der *Artikuli*; cyrillisch: ѕвим добрим Боголюбним, слабим и моћним ꙋ вери крстианомь в Далмацији, в Хрватих, Сербие (!), Босне. срнмске ѕемлє, и ка всиҳь инихь овога изыка странаҳ или земляхь ребивають. Die hervorgehobenen Worte fehlen im glagolitischen Druck, dessen Verreitung in Serbien, Bosnien und Syrmien daher nicht in Aussicht genommen war.

[5]) das arm Christlich Windisch vnd Crobatisch Volck / wölches an den Türckichen Gräntzen / vnd vnder den Türcken / in Boßna / in Seruia / in Bulgaria / vnd n denselbigen vmbligenden Ländern wonet (die alle sich der Windischen (= slaisch, wie öfters) Sprach gebrauchen / vnd eins das ander nach notturfft versteht). r. Truber a. a. O(NT. I.) Ajj. Noch deutlicher drücken sich Anton Dalmatin und tipan Istrian in ihrer kroatischen Vorrede zum glagol. Neuen Testament aus: jesmo im našim tumačeńem svim slovenskoga ẽžika ljudemь služiti hoteli, naiprvo vam, Hrvatom i Dalmatinom, potom takaiše Bošnakom, Bezėkomı, *Srbianom i Bulgaom*. O. c. a, 4. Bl. In der Vorrede zu den cyr. *Edni kratki razumni nauci:* слꙋнти . . . вам Хрватом, Далматином, Истрианом, Бошнаком, Србланом, Бꙋгаром, и всим ним кои с овим изиком овиҳ именованиҳ земал говоре. Vgl. dazu auf S. 488 - 489.

meine“ oder Volkssprache, die Trubar und seine Mitarbeiter ihrer ganzen protestantischen Richtung nach im Auge gehabt haben müssen (s. u.) Daher ließ sich Trubar auch vom richtigen Instinkt leiten, als er behauptete, Consul sei „kein Crobath“, und seine Laibacher Freunde bat: „schauet umb einen rechten Boßniaken und Uskoken, der recht crobatisch cirulisch reden und schreiben khan“,[1]) denn wenn die Bücher nach Bosnien und Serbien und noch weiter gehen sollten, so war ein Kroate aus dem äußersten Nordwesten des serbokroatischen Sprachgebietes nicht der richtige Übersetzer. Vorübergehend kamen nach Urach zwei solche Priester „griechischen Glaubens unter welchen der ain in *Seruia*, der annder bey Bossna geboren und erzogen“,[2]) bewährten sich aber nicht, und mit einem „Raizen“ oder „Syrffen“ Demetrius[3]) wurde vergeblich verhandelt.

Solche Umstände und die Schwierigkeiten, eine größere Anzahl von Büchern in die damals so nahe Türkei zu bringen, trugen wohl dazu bei, daß der Druck cyrillischer Bücher bereits 1563 eingestellt wurde, obgleich sie nach Dalmatien eher „versilbert“ werden konnten als die glagolitischen.[4]) Doch in demselben Dalmatien „vnd annderer derselbigen ortten“ gab es viel Frauen, „die di crabatischen puechstaben nicht, aber di lateinischen versteen“.[5]) Die ungelehrten Frauen haben also nicht bloß Verdienste für die Anfänge der Literatur in der kroatischen Volkssprache in Dalmatien,[6]) sondern auch für die Ausbreitung der lateinischen Schrift, welche namentlich seit der Erfindung der Buchdruckerkunst die beiden nationalen Alphabete immer mehr zurückdrängte. Aus Kroatien selbst empfahl Ungnad sein Sohn Christoph in Warasdin den lateinischen Druck. Es ist charakteristisch, daß in Urach-Tübingen die letzten Werke nur glagolitisch und lateinisch gedruckt wurden, und daß Stephan

---

[1]) Th. Elze, Primus Trubers Briefe, 107—108.

[2]) O. c. 141—142. Nach den von Dr. Franjo Bučar (Povijest hrvatske protestantovske književnosti, S. 105) reproduzierten cyrillischen Unterschriften urteile ich, daß M. Popović aus Bosnien und J. Maleševac aus Serbien stammte, nicht umgekehrt, wie Schnurrer (Slawischer Bücherdruck, S. 53) und andere nach ihm annehmen.

[3]) Kostrenčić o. c. 39, 42, 44, 45, 53, 60, 68.

[4]) Kostrenčić o. c. 142.

[5]) Kostrenčić o. c. 196.

[6]) So schrieb der Spalatiner Marko Marulić (1450—1524) seine kroatischen Werke hauptsächlich für seine Schwester, eine Nonne. Auch die Gegenreformation nahm besondere Rücksicht auf Nonnen, z. B. der Jesuit B. Kašić. M. Stojković, Nastavni Vjesník XXII., S. 6.

Consul und Anton Dalmatin ihre Tätigkeit mit dem lateinischen Druck einer Postille (Regensburg 1568) für die kroatischen Ansiedler im westlichen Ungarn beendeten.

Wie sehr das ganze Unternehmen von Ungnads Tatkraft, Ansehen und materieller Förderung abhängig war, ersieht man daraus, daß es mit seinem Tode (27. Dez. 1564) ein Ende fand, obwohl er diesen seinen „Schatz" auf dem Totenbett seiner Frau besonders ans Herz gelegt hatte und die Söhne auch zu weiteren Opfern bereit waren. Um so höher ist daher das zu bewerten, was in den Jahren 1561 (1560 erschien nur der glagolitische „Probzedl") bis 1565 (in diesem Jahr erschien aber nur noch ein kroatischer, lateinischer Druck) von Ungnads Druckanstalt veröffentlicht wurde: 13 bekannte[1]) glagolitische Drucke, 8 cyrillische, 7 in Lateinschrift (dazu kommen noch 8 italienische) und zwar Abecedarien (Tabla za dicu, glag. cyr., 1561), Katechismen (Katechismus, glag. cyr., 1561, lat. 1563), Bekenntnisschriften,[2]) die Würtenbergische Kirchenordnung (Crikveni ordinalic, glag. lat. 1564), Predigten,[3]) Postillen,[4]) das Neue Testament (glag. I. Teil 1562, II. T. 1563, cyr. der I. und II. T. 1563) und die Propheten (Vsih prorokov stumačenje hrvatsko, lat. 1564). Wenn wir noch die Regensburger Postille (1568) in zwei Teilen hinzurechnen, so bekommen wir 30 kroatische Drucke in ungefähr 24.000—25.000 Exemplaren.[5]) Einen Wertmesser für diese Leistung haben wir in den im Laufe von 4 Jahren herausgegebenen 13 (14) glagolitischen Drucken, denen auf katholischer

---

[1]) Über eine unbekannte glagol. Ausgabe der Propheten s. u.

[2]) 1. Rasgovarange megiu papistu i gednim Luteran (Gespräch zwischen einem Papisten und einem Lutheraner, 1555, lat.).
2. Edni kratki razumni nauci (nach Trubars freier sloven. Übersetzung von Melanchthons Loci communes theologici, glag. cyr. 1562).
3. Artikuli ili deli prave stare krstjanske vere (Confessiones tres nach Trubars sloven. Bearbeitung, glag. cyr. 1562).
4. Spovid i spoznanie prave krstianske vere (Übersetzung aus dem Lateinischen und Deutschen der Confessio Augustana, lat. 1564).
5. Bramba Augustanske spovedi (Apologia der Augsburger Konfession, aus dem Lateinischen übersetzt, lat. 1564).

[3]) 1. Edna kratka summa nikih prodiki od tlče i od čarnic (Eine Summa etlicher Predigen vom Hagel und Unholden, glag. 1563).
2. Govorenje vele prudno od dobročiněnič ili dobrote propetoga JSHA, (Beneficium Christi, glag. 1563, lat. 1565).

[4]) Postila (nach Trubars sloven. Bearbeitung der Postillen Luthers, Melanchtonis et *Losii*, an anderer Stelle *Brentii*, glag. 1562, cyr. 1563, lat. Prvi del postile, Drugi del postile 1568).

[5]) Dr. Franjo *Bučar*, Povijest hrvatske protestantovske književnosti za reformacije, 238.

Seite bis dahin in einem Zeitraum von 80 Jahren nur 14[1]) entgegenstehen, denn im J. 1483 erschien in Venedig das erste glagolitische Missale (8 Jahre nach dem ersten lateinischen!), dem bis 1561 noch 4 gesicherte[2]) Auflagen folgten (1494, 1507 bis 1509, 1528, 1531), so daß für Horologien (Časoslov), ein Handbuch für Geistliche, eine Fibel, eine Chronik und Predigten nur 8 Drucke übrig blieben. Dabei muß noch hervorgehoben werden, daß seit 1561—1624 kein glagolitischer Druck mehr zu verzeichnen ist, später aber auch nur die notwendigsten kirchlichen Bücher. Es darf allerdings nicht vergessen werden, daß von den „nationalen" Alphabeten Europas das glagolitische als das nationalste dem modernen Kulturfortschritt zuerst zum Opfer fiel. Was jedoch die Zeitgenossen von Anton Dalmatin und Stephan Consul hielten, lehrt ein nach Urach gerichtetes Dankschreiben (vom 28. Dez. 1562) des Pfarrers Vincenz Vernković aus Antignana in Istrien, der sie mit einem „anderen" Cyrill und Method vergleicht, weil sie „die warhait der heiligen schrifft in vnser crabatischer sprach eröffnet vnnd an das licht pracht".[3])

Bis auf den cyrillischen Probezettel[4]) scheinen jetzt dank den Funden von Jagić, Rešetar und Bučar alle protestantischen kroatischen Drucke bekannt[5]) zu sein, doch gibt es unter den

---

[1]) Vgl. V. *Jagić* in Branko *Vodniks* Povijest hrvatske književnosti, S. 37 bis 42, Jvan *Broz*, Crtice iz hrvatske književnosti, II., 119 (zählt 13, unterdessen ist jedoch das in Senj 1494 gedruckte Missale dazugekommen).

[2]) Kukuljević, Bibliografia hrvatska, 6, zählt auch ein Venediger Missale aus d. J. 1562 auf. Der Wortlaut des Titels verrät, daß derselbe nicht authentisch ist, doch scheint etwas daran wahr zu sein, denn *Ivan Berčić*, Čitanka staroslovenskoga jezika, XVI., berichtet, daß Nikola Brozic 1561 in Venedig Časoslov *s misalom u kratko složenim* i s obrednikom herausgegeben hat; darnach würde es sich allerdings nur um ein „Kurzgefaßtes Missale" handeln, das dem bekannten Horologium von 1561 beigegeben war. Auch E. Fermendžin (Starine XXIV., 1) nimmt eine Ausgabe des Missals im J. 1561 an.

[3]) Nach einer gleichzeitigen Übersetzung aus dem kroatischen Original. Kostrenčić, o. c. 133.

[4]) Der glagolitische ist nicht verschollen; ich sah ihn 1919 in der Landesbibliothek in Stuttgart, wo ihn schon vor vielen Jahren Th. Elze kopiert hatte (erhalten in seinem Nachlaß in der Universitätsbibliothek in Graz).

[5]) Nach meiner Überzeugung ist das nicht richtig. Schon Schnurrer (S. 71) und nach ihm Dobrovský (Slavin S. 135) berichten, daß Proben von den Propheten sowohl mit glagolitischer als auch mit cyrillischer Schrift, jede Sorte zu 50 Ex. im Sept. 1569 in Urach gedruckt wurden. Die Nachricht beruht auf einem noch ungedruckten Verzeichnis (Vermerckht was man jetzt truckht vnnd hernach truckhen vorhabenn) im Stuttgarter Archiv, wo u. a. zu lesen ist: Jetzt truckht man alle Propheten Crabatisch mit glagolischen vnnd lateinischen Buechstaben Jeder sort 50 Ex. zu einer Prob. —— 100 Ex. Die werdenn In 14 tagen fertig. Da die lateinischen Propheten im Besitz des Stiftes Schlägl in Oberösterreich von V. Jagić an das Licht gezogen worden sind (Anzeiger d. Akad. d. Wiss. in Wien, phil.-hist. kl. XXXIII. Jahrg., 1896, S. 19—29), so kann es keinem Zweifel unterliegen,

3 glagolitischen 2 Unika, unter den 9 lateinischen aber nicht weniger als 6;[1]) von den lateinischen sind nach Bučars Zählung überhaupt nur 13 Exemplare erhalten oder wenigstens bisher bekannt, von den 7 cyrillischen 99, von den 12 glagolitischen 39 an 50 Fundorten, worunter sich 29 in Deutschland befinden (am meisten in Dresden, 19), weil die deutschen Fürsten und Städte[2]) ihre glagolitischen und cyrillischen Widmungsexemplare wohl als Raritäten gut bewahrten; schade, daß sie nicht auch den lateinischen dieselbe Aufmerksamkeit schenkten oder sie nicht auch in solcher Zahl zum Geschenk erhielten.[3]) Bezeichnend ist es, daß im slavischen Süden zwar in Laibach 15 Drucke vorhanden sind, dagegen in Zagreb nur 5, außerdem nur noch

---

daß wenigstens eine Probe oder auch eine vollständige glagolitische Ausgabe der Propheten vorhanden war und vielleicht noch eines Entdeckers harrt. Ferner ist beachtenswert in einem „Verzeichnuss was für windisch Crabatisch cirulisch vnd wellsche Büecher getruckht worden" (veröffentlicht in der *Carniolia* 1916, Heft 3, folgende Stelle (SA. S. 16): Item die hauspostill Luthery Crabatisch mit glagolischen und Lateinischen buechstaben vnd wellsch — Item alle Propheten ehe man mit der ganczen Bibl auffkhombt. Es ist also nicht ausgeschlossen, daß Luthers Hauspostille gedruckt worden ist, da sie vor den Propheten erwähnt wird, deren vollständige la-teinische Ausgabe uns erhalten ist.

Außer dem ist in einem Repertorium über Freiherrn von Ungnad 1831 (von RR. Günzler) im Stuttgarter Staatsarchiv zu lesen (nach meiner stenographischen, in der Eile gemachten Aufzeichnung): den anderen Halbteil des Neuen Testamentes mit glagol. Buchstaben 1000 Ex., und mit lateinischen Buchstaben auch 1000 Ex. tuet 2000 Ex. Darnach müsste es also wenigstens den II. Teil des Neuen Testaments in lateinischen Schrift gegeben haben. Da sich die Nachricht jedenfalls auf das J. 1563 bezieht, so ist sie angesichts anderen Quellen auffällig, aber jedenfalls sind die Forschungen über die protestantischen südslavischen Drucke noch nicht abgeschlossen.

[1]) Bučar o. c. 242.

[2]) So sind in Frankfurt a. M. von den 15 Büchern, welche St. Consul im Auftrag St. Ungnads dahin gebracht hatte, 11 erhalten; die fehlenden 4, darunter das glagolitische und cyrillische Abecedarium und zwei italienische Drucke, können aber auch irgendwo unter einem anderen Titel verborgen sein. Lj. Pivko, Trubarjev Zbornik, 54.

[3]) Bučars Zahlen sind auch nicht endgültig. So sah ich 1919 in der Staatsbibliothek in München noch nicht katalogisierte Neuerwerbungen aus Neuburg: glagolitisch: 1. Prvi del Novoga Teštamenta, 2. Drugi del Novoga Teštamenta, 3. Artikuli; cyr.: 4. Postila, 5. Kratki razumni nauci, 6. Artikuli. (Dazu slovenisch Trubars Articuli oli deili.) Auf dem Titelblatte vom 2. ist als Besitzer angemerkt: Soc. Jesu Neoburgi. Auf dem leeren Blatt vor dem Titel steht auf allen Ex. geschrieben: Meinem g.[nädigen] F.[ürsten] vnnd Herrn durch Herrn Hanns Ungnaden zugestellt. Unten in der Ecke: Pretiert (präsentiert) Neuburg an der Thonau den 24ten 7bers añ. 1564. Außerdem fand ich in der Pfarrkirche St. Mang in Kempten eine cyr. Postila, in der Stiftsbibliothek in Tübingen glag. N. Test. I., in der Stadtbibliothek in Nürnberg befinden sich nicht 2, sondern 3 Drucke: glag. u. cyr. Catechismus und cyr. Abecedarium, das verloren, aber wieder gefunden worden ist. Eine genaue Durchforschung der deutschen Bibliotheken wird gewiß noch mehr Funde ergeben. Ich mache aufmerksam, daß die serbokroatischen protestantischen Drucke öfters unter Trubars Namen katalogisiert sind; der Irrtum ist erklärlich, weil mehrere mit seinen deutschen Vorreden erschienen sind und von den südslavischen Reformatoren Trubar in Deutschland am meisten bekannt war.

in Belgrad 4.[1]) Schuld daran sind aber nicht bloß die Gegenreformation und die Türkennot!

Aus diesen traurigen Resten darf man jedoch nicht schließen, daß die Bücher ihrer Bestimmung nicht zugeführt worden wären, denn sie wurden nach allen südslavischen Ländern verkauft und noch mehr verschenkt, sogar in das südöstliche Ungarn, in die Moldau und Walachei, die ja um diese Zeit noch die slavische Kirchen- und Staatssprache kannten, und in die Türkei; hauptsächlich gingen sie aber über Laibach und Villach in die kroatischen Länder bis nach Bihać im heutigen Bosnien, weil speziell unter den Besatzungen der Grenzgebiete die Reformation durch die adeligen Offiziere aus den innerösterreichischen Ländern starken Anhang gefunden hatte; so verbreitete in Warasdin Ungnads Sohn Christoph viele cyrillische und glagolitische Drucke. Von den kroatischen Magnaten erhielt sie u. a. Nikola Zrinski, der Held von Siget, dem Pr. Trubar slovenische und Ungnad, der mit der Familie viele Beziehungen hatte, kroatische Bücher zuschickten.[2])

Für ihre Übersetzung mußten Consul und Dalmatin samt ihren Mitarbeitern im Sinne der protestantischen Lehre (Paulus an die Korinther I. 14) die zeitgenössische Volkssprache verwenden. Mit Berufung auf Paulus an die Römer I.14 sagen sie in der Vorrede zum glag. und cyr. Neuen Testament ausdrücklich, sie wollten gebrauchen „ove priproste, navadne razumne, obćene, vsagdańe, sadašnega vrěmena besede“ (einfache, gewöhnliche, verständliche, allgemeine, alltägliche Wörter), wie sie „die Kroaten, Dalmatiner und andere Slověnci (cyr.: Slovinci, d. i. Wenden, Winden oder Slaven), und die Krainer (Krańci) in ihrer Rede am meisten sprechen“. Letztere Bestimmung gehört zu ihren üblichen allslavischen Unklarheiten, doch ergibt eine Analyse ihrer Sprache,[3]) daß ihr hauptsächlich der *čakavische* Dialekt von Istrien, das in dieser Zeit die bedeutendste Rolle in der Literaturgeschichte der Kroaten und Serben spielt, und Dalmatien mit Beimischung des *štokavischen*[4]) Dialektes zu Grunde liegt. Wie weit beim Štokavischen die wirkliche

[1]) Bučar o. c. 244—245.

[2]) Näheres bei Bučar o. c. 162—181.

[3]) Vgl. Fr. *Fancev*, Jezik hrvatskih protestantskih pisaca, *Rad* jugoslav. akademije knj. 212/92 und 214/93 und meine Abhandlung: Nekoliko reči o jeziku srpsko-hrvatskih protestantskih knjiga Даничићев Зборник (Српска краљ. Академија, Београд-Љубљана, 1925), S. 72—106.

[4]) ča, što = quid, quod.

Volkssprache, etwa Dalmatins, in Betracht kommt, steht in Frage; sehr stark benützten unsere Übersetzer außer der čakavisch-dalmatinischen Übersetzung des Lectionariums (gedruckt 1495, 1543) noch die kirchenslavischen Texte, hauptsächlich aus den kroatischen glagolitischen Missalen und Breviarien, in denen allmählich die Volkssprache Eingang fand, aber auch aus den serbischen cyrillischen Drucken, die viel mehr an der ursprünglichen Fassung festhielten. Auch in solchen Drucken, die direkt aus dem Lateinischen, Deutschen oder Italienischen übersetzt wurden, gibt es kirchenslavische Einflüsse, weil die Übersetzer die zahlreichen Bibelstellen nachschlagen konnten, viele Wörter und Wendungen aber als glagolitische Priester auch im Kopfe hatten. Außerdem kommen in den ersten Übersetzungen, die Trubars Werke berücksichtigen mußten, sehr starke slovenische Einflüsse vor, vereinzelt auch in den späteren, weil Juričić, der aus dem kroatischen Küstenlande stammte, durch seinen längeren Aufenthalt in Krain des Slovenischen vollkommen mächtig war und auch als slovenischer Schriftsteller wirkte, auch Dalmatin sich in Krain aufgehalten hatte und er sowie Consul die slovenischen Drucke auch später berücksichtigen konnten. Die Sprache in den serbokroatischen protestantischen Drucken ist daher nicht reiner und einheitlicher Volksdialekt von Istrien, dem kroatischen Küstenlande und Norddalmatien, vielmehr enthält sie ältere und südlichere čakavische (aus dem Lectionarium), kirchenslavische und slovenische Elemente. Dabei ist der Wortlaut der glagolitischen, cyrillischen und lateinischen Drucke meist gleich, die Unterschiede sind hauptsächlich graphischer Natur; wo sie tiefer gehen, bieten die glagolitischen Drucke einen mehr volkstümlichen, die cyrillischen einen archaisierenden Text; das Verhältnis der lateinischen zu den glagolitischen und cyrillischen ist noch zu wenig untersucht, doch liegen ihnen meist glagolitische zugrunde.

Trubars, Stephan Consuls und Anton Dalmatins Beispiel gab aber den Anstoß noch zur Schreibung des dritten unter den Kroaten üblichen, mit dem Slovenischen eng verwandten Kaj-[1]) Dialektes in Provinzial-Kroatien und auf der Murinsel im früheren Ungarn, die kirchlich immer zur Agramer Diözese gehörte. Georg III. Zrinski, der Sohn des Helden von Siget, trat seit 1570 als offener Anhänger der Reformation auf, führte sie auf seinen

[1]) Ebenso benannt nach dem Fragepronomen *was*.

ungarischen Besitzungen ein [1]) und errichtete in Nedelišće, eine Viertelstunde von seinem Sitz in Čakovac (Csakathurn), eine Druckerei, die wahrscheinlich keinen langen Bestand hatte und 1586 nach Warasdin in Kroatien verlegt wurde, 1587 aber wieder nach Ungarn und zwar nach Eberau zurückkam; an den beiden letzten Orten war der aus Laibach vertriebene protestantische Buchdrucker Johannes Manlius tätig.[2])

In Nedelišće druckte Michael Bučić (geschrieben Buchich), zuerst Pfarrer in Stenjevac bei Agram (1565—1570), dann aber in Belica auf der Murinsel, wohin ihn Georg Zrinski berief, *vor* 1574 das Neue Testament und einen Katechismus.[3]) Diese Werke sind nicht erhalten. Eine Vorstellung von dieser neuen Schriftsprache können wir uns erst aus der 1574 daselbst gedruckten Übersetzung des ungarischen Rechtsbuches Decretum tripartitum von Verböczy machen, die Ivan Pergošić, Notar und Komitatsrichter in Warasdin, angefertigt hatte.[4]) Es ist jedoch auffällig, daß das erste erhaltene Werk der kajkavischen kroatischen Literatur, die 1835 einer höheren kulturellen Einheit zum Opfer fiel, bereits Elemente des allmählich zur Alleinherrschaft gelangten štokavischen Dialektes enthält [5]) und daß ein Teil desselben in zwei Redaktionen, in einer mehr kajkavischen und in einer mehr štokavischen, vorhanden ist.[6]) Auf diese Weise wollte Pergošić, dessen Herkunft unbekannt ist, allen Bewohnern Kroatiens den *ßloveni* (nördlich der Kulpa) und *horuati* [7]) (süd-

[1]) Näheres bei Dr. Fr. *Bučar* o. c. und besonders Povijest reformacije i protureformacije u Medjumurju i susjednoj Hrvatskoj. Varaždin, 1913.

[2]) J. Kukuljević, Arkiv za povĕstnicu jugoslav. I. 150.

[3]) Eine Revision der Anschauungen über die ersten kajkovischen Drucke bringt *Fr. Fancev* in Jugoslav. Njiva VI. Knj. I. S. 486—489. [Korr. N.]

[4]) Wieder abgedruckt von *K. Kadlec* mit einer sprachlichen Abhandlung von *J. Polívka* im Zbornik za istoriju, jezik i književnost srpskog naroda, I. Bd., 5. (Belgrad, 1909, Akademie). Mit seiner Übersetzung machte er keine angenehmen Erfahrungen, denn er veranstaltete einen Nachdruck der Praefationes et epistolae dedicatoriae doctiss. et sanctae vitae viri Desiderij *Erasmi Rotterdami* in quatuor Evangelistas Christianis hominibus lectu dignae... (Opera et impensis Joannis Pergossich Typis renovatae. Varasdini Joannes Manlius excudebat. Anno 1587), um „nostris Sclauis penuria librorum laborantibus" zu nützen, und schreibt: a Translatione in linguam domesticam ob id abstinere volui, ne similem gratiam, quae mihi in versione Decreti Trypartiti ab aemulis olim accidit, consequeret. (Martin Hajnal, Nastavni Vjesnik XV, 324, 326.) Gewiß trug dazu auch seine Neigung zur Reformation bei. Vgl. das weiter unten über Vramec Gesagte.

[5]) J. Polívka o. c. LVIII ff, LXIV ff, CXIV ff.

[6]) Kadlec o. c. XXXV. und die Ausgabe des Textes auf S. 11—43.

[7]) S. Vorrede, S. 3. Bezüglich der entsprechenden Bezeichnungen regnum Slavoniae und regnum Croatiae vgl. V. Jagić in seinem Archiv f. slaw. Phil., XXXI., 532.

lich davon, im *alten* Kroatien), entgegenkommen, *im ganzen stand er aber offenbar unter dem Einflusse der kroatischen protestantischen Drucke.* Am meisten kann man das beobachten und zugleich die Methode kennen lernen, nach welcher M. Bučić seine verlorenen Übersetzungen angefertigt haben muß, an der *Postille von Anton Vramec*[1]) (*Warasdin, 1586)*, der mehr durch seine „Kronika“[2]) *(Laibach, 1578)* bekannt ist. Man braucht nur wenige Evangelistentexte dieser Postille mit denen der lateinisch gedruckten Postille von St. Consul und A. Dalmatin (Regensburg, 1568), die wieder mit ihrem glagolitischen Druck[3]) (1562) fast identisch ist, zu vergleichen, um sich zu überzeugen, daß Vramec die Regensburger Postille gründlich ausschrieb.[4]) Auf diese Weise ist auch der *namentlich in der Postille bei Vramec hervortretende sprachliche Dualismus leicht zu erklären*, während Fancev, der ihn deutlich gesehen hat, einen Einfluß des Štokavischen oder Čakavischen geradezu ausschließt.[5]) Auch der starke Gebrauch zweier und mehrerer Synonyme[6]) ist bei Vramec auf das protestantische Beispiel zurückzuführen. Dabei gehört aber die dem Bischof von Agram gewidmete Postille bereits der Literatur der Gegenreformation an, denn A. Vramec schrieb sie ausdrücklich contra haereses und zur Befestigung des Volkes in orthodoxa fide . . .sacrosancta religione catholica,[7]) während er in der kroatischen Vorrede die Herausgabe seines Werkes mit der Vorrede des Katechismus des Tridentiner Konzils begründet[8]) Trotzdem erfreute sich der römische Doctor, Canonicus, Archi-

---

[1]) Postilla na vsze leto po nedelne dni vezda znovich ſzpravlena ſzlovenſzkim iezikom po Antolu Vramcze. 2 Teile. Ich kenne das Exemplar der Universitätsbibliothek in Agram.

[2]) Neu herausgegeben und mit wichtigen neuen biographischen Daten eingeleitet von Vj. *Klaić*, Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium, vol. XXXI.

[3]) Dieser ist wieder stark beeinflußt von dem *Lekcionarij* Bernardina Spljećanina (2. Ausg. von B. Zborovčić, Venedig, 1543), neu herausgegeben von T. Maretić nach der ersten Ausgabe (Venedig 1495) in den Djela jugoslav. Akademije, knj. V.

[4]) S. meine Abhandlung Nekoliko reči o jeziku srpsko-hrvatskih protestantskih knjiga, Даничићев Зборник, 95—103. Jagić’s Meinung (Archiv f. sl. Phil., XXXIV., 503), daß über das Verhältnis der Regensburger Postille zur glagolitisch-cyrillischen „noch nicht Klarheit verschafft“ sei, ist nicht stichhältig, doch erkläre auch ich eine genauere Untersuchung dieses Verhältnisses für wünschenswert (o. c. 105).

[5]) Archiv f. slav. Phil. XXXI., 379, 380, XXXII., 50, 52.

[6]) O. c. XXXII. 20.

[7]) Diese VorredeIabgedruckt bei Vj. Klaič, o. c. XXXIII.

[8]) Obilne ſztoga v Catechißmuſe ſzpraviſcha Tridentinſzkoga v predgouoru napißano naides. Bl. 2b.

diakonus und Pfarrer in Agram und an anderen Orten, zuletzt in Warasdin, der als Jurist überdies häufig dem Agramer Kapitel, dem Banus und dem Lande gute Dienste leistete, keiner unbestrittenen Anerkennung, was damit erklärt wird, daß er verheiratet war, als Geistlicher über weltliche Dinge (Kronika) schrieb, seine Werke bei einem protestantischcu Drucker und dazu in der Volkssprache herausgab, was als Neigung zur Reformation gedeutet wurde.[1]) Jedenfalls war seine Postille anrüchig — die Inquisition soll seine Kronika sogar verbrannt haben[2]) — und der Agramer Bischof Peter Petretić, der zuerst ein Evangelistar (Sveti Evangeliomi, Graz, 1651) herausgab, behauptet, daß bis auf ihn im nordwestlichen Kroatien (v slovenskom orsage) kein entsprechendes Werk gedruckt worden sei, obwohl er Vramecs Postille vielfach wörtlich ausgeschrieben hat.[3]) Zu seiner Ehre muß allerdings gesagt werden, daß er gegenüber Vramec viel selbständiger ist als Vramec gegenüber seinen Quellen.[4])

Wir sehen schon an diesem einen Beispiel, wie die in Deutschland gedruckten protestantischen Bücher ihren Einfluß dauernd auch auf die nordwestlichen Kroaten ausübten.

(Fortsetzung folgt.)

M. Murko.

---

[1]) Klaić o. c. XXXIV.—XXXV. Branko Vodnik (Drechsler), Povijest hrvatske književnosti, 209.

[3]) Vodnik l. c.

[3]) V. Jagić, Književnik III., 309.

[4]) Vgl. meine auf S. 521, Anm. 5 erwähnte Abhandlung, S. 103.

Русскія интерлюдіи первой половины XVIII вѣка.

Въ недавно найденномъ цѣнномъ собраніи русскихъ драматическихъ памятниковъ первой половины XVIII вѣка,[1]) о которомъ уже была, между прочимъ, рѣчь и въ „Slavii“,[2]) оказалось семь очень интересныхъ и по большей части неизвѣстныхъ интерлюдій изъ Елизаветинскаго времени. Эти интерлюдіи находятся въ двухъ неизвѣстныхъ и еще неопубликованныхъ памятникахъ этой эпохи и связаны, по всей вѣроятности, съ исполненіемъ этихъ двухъ драматическихъ произведеній. Въ первомъ произведеніи, которое называется „Опера объ Александрѣ Македонскомъ“, находятся четыре интерлюдіи, которыя слѣдуютъ одна за другой съ извѣстными промежутками послѣ отдѣльныхъ картинъ оперы, съ указаніемъ: „интерлюдіумъ или игралище первое, второе, третье, четвертое“. Вѣроятно эти интерлюдіи въ такомъ порядкѣ и поставлены были на сценѣ. Другая группа интерлюдій, которая состоитъ изъ трехъ, одна за другой слѣдующихъ, находится въ концѣ (послѣ балета) неизданнаго еще тріумфальнаго акта „Сѵнопсисъ или краткое видѣніе декламаціи Высочайшему дню рожденія Ея Императорскаго Величества восписанной 1745 году м҃ца февраля . . . дня в присудствіи преосвященнаго митрополита архіеп҃па тверскаго и кашинскаго отъ семинаріи тверской въ двоихъ дѣйствіяхъ изображенной“. Эт҃и послѣднія три интерлюдіи помѣщены одна за другой, безъ всякаго указанія сценическаго ихъ отношенія къ „Сѵнопсису“, съ которыми, однако, безусловно, имѣютъ связь. Ввиду того, что оба указанные драматическіе памятника относятся къ сороковымъ годамъ восемнадцатаго вѣка,[3]) то и обѣ группы нашихъ интерлюдій, связанныхъ съ тѣми же памятниками, должны быть причислены къ Елизаветинскому времени.

---

[1]) Cf. Josip Badalić: Spomenici ruske drame prve polovine XVIII vijeka u zagrebačkoj sveuč. biblioteci. Ljetopis jugosl. akademije, sv. 37. Zagreb, 1923.

[2]) „Slavia“, Praha, 1924, roč. III. seš. 1., str. 162—163.

[3]) Ljetopis Jugoslav. akad. l. c.

Къ этому же заключенію насъ приводитъ и самый поверхностный анализъ этихъ интерлюдій. И съ формальной стороны и въ отношеніи содержанія эти интерлюдіи тѣснымъ образомъ подходятъ къ извѣстному собранію интерлюдій этого времени, опубликованному въ 1859 году Н. С. Тихонравовымъ.[1]) Стихъ, его характеръ, діалогическая форма, а также и содержаніе, которое въ главномъ вращается около раскольничества и противораскольничества, чиновничьяго взяточничества, пьянства и имъ подобныхъ пороковъ данныхъ лицъ и ихъ среды — все это общія черты, которыя родственными узами связываютъ нами найденныя интерлюдіи съ опубликованными шестьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ Тихонравовымъ. Это же касается участниковъ и всѣхъ этихъ интерлюдій, которыя персонажей своихъ діалоговъ и сценъ берутъ главнымъ образомъ изъ рядовъ раскольниковъ, подьячихъ, чертей, евреевъ, цыганъ, литвиновъ и другихъ. Характеристики этихъ лицъ, въ обоихъ случаяхъ, сдѣланы почти шаблонно-одинаковыми, и иногда до такой степени, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходится думать о непосредственномъ и сильномъ вліяніи, или о нѣкоторыхъ опредѣленно-установившихся популярныхъ литературныхъ характеристикахъ и сценическихъ пріемахъ и взглядахъ, потому что мѣстами замѣчается не только сходство, но и полное словесное совпаданіе въ обрисовкѣ отдѣльныхъ лицъ и положеній. Это положеніе, въ концѣ-концовъ, и въ конкретномъ случаѣ для насъ возможно и объяснимо, потому что во время возникновенія этихъ интерлюдій между тверскими духовными кругами, гдѣ появились наши интерлюдіи, и Москвой (Московской духовной академіей), гдѣ возникли опубликованныя Тихонравовымъ интерлюдіи, существовала живѣйшая духовная связь, особенно послѣ назначенія ректора Московской славяно-греко-латинской академіи Ѳеофилакта Лопатинскаго тверско-кашинскимъ архіепископомъ.

Изъ нашихъ семи интерлюдій три (II, IV и VI.) разсматриваютъ раскольничій вопросъ, который при Елизаветѣ, въ сороковыхъ годахъ XVIII вѣка, снова, хотя и на нѣкоторое лишь время, сталъ живымъ и острымъ. Всѣ эти три интерлюдіи тѣсно связаны съ официальными духовными кругами, чѣмъ заранѣе и точно было опредѣлено ихъ отношеніе къ расколь-

[1]) Лѣтописи русской литературы и древности. Томъ II. Кн. 31. Стр. 35—60.

ничьему вопросу и его рѣшенію: всѣ онѣ носятъ опредѣленно противораскольничій характеръ. Участвующія лица этихъ интерлюдій главнымъ образомъ слѣдующія: раскольникъ, еврей, цыганъ, литвинъ и чертъ. Остальныя три интерлюдіи (I, III и VII) направлены противъ трехъ соціальныхъ пороковъ, которые тяготили тогдашнюю русскую жизнь и ея соціальную среду: взяточничество чиновниковъ (I), пьянство (III) и мошенничество (VII). Главные герои этихъ интерлюдій слѣдующіе: подьячій, посадскій и мошенникъ, и неизмѣнный цыганъ либо литвинъ, либо смерть, которая исполняетъ функцію или исполнителя человѣческой законности или высшей божественной справедливости (смерть). Послѣдняя (V) интерлюдія имѣетъ антиеврейскій характеръ, занимаясь высмѣиваніемъ еврейской трусости. Это короткій монологъ еврея, оканчивающійся обычной потасовкой, въ которой Ярыга избиваетъ Еврея и его войско.

Характеристики лицъ и въ нашихъ интерлюдіяхъ, какъ и въ опубликованныхъ Тихонравовымъ, необычайно живы и красочны, и иногда грубоваты и карикатурны, какъ и вся та обстановка, въ которой онѣ возникли и которую онѣ изображаютъ. И наши интерлюдіи, какъ и значительная часть уже извѣстныхъ, оканчиваются обычно большей или меньшей потасовкой ввиду того, что среда, откуда берется содержаніе этихъ интерлюдій, также какъ и среда, для которой онѣ писались, была необычайно склонна къ грубо-комическимъ сценическимъ эфектамъ. А это было тѣмъ еще понятнѣе, что главный предметъ драмы, въ которую вставлялись такія интерлюдіи, былъ пренасыщенъ въ своей обработкѣ пустой декламаціей и сухой реторикой, которыя съ повседневной жизнью были въ наилучшемъ случаѣ связаны отдаленными аналогіями и туманными метафорами, а иногда даже и ничѣмъ. Поэтому интерлюдіи и въ русской литературѣ этого времени, какъ и въ ранней западно-европейской средневѣковой драмѣ, были извѣстнаго рода отдушиной, черезъ которую находила себѣ свободный выходъ тогдашняя русская литературно-художественная мысль и среда связанная въ литературномъ отношеніи узами ложно-схоластической реторики и поэтики. Въ этомъ и есть главная цѣнность этихъ интерлюдій, единственныхъ непосредственныхъ литературныхъ и человѣческихъ документовъ этой эпохи.

Изъ лицъ, играющихъ видную роль въ нашихъ, а также и въ опубликованныхъ Н. С. Тихонравовымъ интерлюдіяхъ,

назовемъ въ первую очередь Раскольника. Въ лицѣ Раскольника во всѣхъ сохранившихся интерлюдіяхъ изображенъ типичный представитель извѣстныхъ старомосковскихъ круговъ, представитель типично-русскаго консерватизма; онъ представляетъ собою центральную фигуру въ рядѣ великорусскихъ типовъ интерлюдіи, которыми, кромѣ него, являются еще Подьячій, Посадскій, Мошенникъ, Церковнослужитель, Приставъ. Раскольникъ нашихъ интерлюдій, равно какъ и опубликованыхъ Тихонравовымъ (Proludium primum), является упорнымъ фанатикомъ въ вопросѣ своего вѣроисповѣднаго консерватизма и видитъ даже въ самыхъ невинныхъ новшествахъ, главнымъ образомъ Петровскаго и Елизаветинскаго времени, доказательства того, что „исполнишася слова намъ вся повѣрена“ о скоромъ пришествіи Антихриста. Серьезнѣйшій признакъ того, что „будетъ конецъ всему міру“ онъ видитъ кромѣ „проклятой размножившейся латинской ереси“ также и въ — „брадобритіи“. Эта консервативная фигура Раскольника выводится и подъ именемъ „дьячка“, который является противникомъ всякой науки и проклинаетъ семинарію, какъ мѣсто мученія, и съ большей радостью готовъ умереть, чѣмъ смотрѣть какъ

> „дѣтей моихъ отъ меня отнимаютъ
> и въ проклятую семинарію на муку обираютъ“ [1])

Не менѣе выразительно говоритъ объ этомъ и Попъ въ нашей второй интерлюдіи, скорбя, что

> „Вездѣ проклята ересь латынь размножилась
> которая прежде сего намъ свѣтомъ не мнилась“,

но онъ все же признаетъ, что

> „Грѣшно врать, что латынь на худо насъ учитъ“,

но все же остается при своемъ, потому что

> „Много и Бога знать ужъ намъ и наскучитъ“

А въ концѣ заключаетъ, что человѣку нѣтъ необходимости знать слишкомъ много:

> „Прежде мы и безъ тово хлѣбъ и щи едали,
> лапти новы носили, брашки попивали.“

Подьячій является въ интерлюдіи типичнымъ представителемъ низшей, склонной къ взяточничеству администраціи (интер. I), въ то время какъ Посадскій вмѣстѣ съ Попомъ представляетъ прототипъ русскаго пьяницы (III интер.), а Мошенникъ (VII) является представителемъ опасныхъ городскихъ

---

[1]) „Лѣтопись, т. II, стр. 49.

поддонковъ (въ нашемъ случаѣ — карманщикъ). Интересно, вмѣстѣ съ Подьячимъ, какъ обманщикомъ и плутомъ, выводится его обманывающій квалифицированный плутъ Цыганъ, съ глуповатымъ Посадскимъ — придурковатый тяжелодумъ Литвинъ, а съ Мошенникомъ — безпардонная Смерть. Несмотря на всю явную примитивность идейной конструкціи самихъ интерлюдій, этическая категоризація, однако, намѣчена здѣсь мастерски!

Значительно красочнѣе этихъ великорусскихъ типовъ интерлюдіи очерчены — Еврей, Цыганъ и Литвинъ, представляющіе собою яркіе образцы южнорусскихъ или украинскихъ типовъ интерлюдіи. Комическая фигура Еврея появляется уже въ первоначальныхъ наброскахъ русскихъ комическихъ діалогическихъ сценъ. Такъ, П. Морозовъ [1]) замѣчаетъ, что уже на свадебныхъ гуляніяхъ, гдѣ разыгривались различныя шуточныя сцены съ переодѣваньемъ мужчинъ въ женщинъ и обратно, или и тѣхъ и другихъ въ цыганское платье, принимала участіе живая комическая фигура Еврея, который обычно исполнялъ роль посредника. И въ комедіи о Іосифѣ мы встрѣчаемъ Еврея въ компаніи училищнаго сторожа, который продаетъ ему палку. Чтобы увѣрить Еврея въ высокихъ качествахъ продаваемой палки, сторожъ его избиваетъ ею. Такую же роль играетъ Еврей и въ такъ называемомъ Краковскомъ вертепномъ действіи, которое упоминаетъ Морозовъ,[2]) гдѣ Еврея сперва колотятъ палками, а затѣмъ уводятъ въ пекло. Въ такой же роли изображаетъ Еврея и украинскій вертепъ, на его плечи взваливая самыя тяжелыя сценическія положенія.[3]) Такъ, напримѣръ, въ одной украинской вертепной драмѣ казакъ убивъ Еврея, вручаетъ его черту со словами:

„Дідьку, дідьку, го! ходи сюди
Будь ласкавъ, возьми собѣ жида,
Таки рідного твого діда.“[4])

Въ такомъ же видѣ изображается Еврей и въ такъ называемыхъ рождественскихъ и пасхальныхъ интерлюдіяхъ Довгалевскаго.[5]) Виноватъ ли онъ или правъ — все равно — онъ избивается (напр. во 2. т. наз. пасхальной интерлюдіи) и даже

---

[1]) П. О. Морозовъ: Исторія русскаго театра до половины XVIII столѣтія. С. Петербургъ, 1889, стр. 19.
[2]) Морозов, o. c. p. 76.
[3]) Ib. p. 80.
[4]) Ib. p. 83.
[5]) Ib. p. 387.

такимъ лицомъ, какъ Цыганъ. Довгалевскій видитъ въ Евреѣ угнетателя крестьянства и потому въ одной изъ своихъ интерлюдій запрягаетъ въ ярмо его вмѣстѣ съ попомъ[1]) (также угнетателемъ народа), чтобы этимъ освободить отъ нихъ крестьянство. Одинаково незавидную роль отводитъ Еврею и авторъ нашихъ интерлюдій. Такъ, напримѣръ, въ интересной пятой интерлюдіи, гдѣ авторъ выводитъ на сцену и монологъ еврейскаго хвастуна, который ради угнетенія своей родины угрожаетъ еврейскимъ войскомъ половины свѣта, заканчивается все такимъ образомъ, что на сценѣ появляется „deus ex machina" въ обликѣ Ярыги съ дубиной и избиваетъ Еврея и его войско. Н. Н. Виноградовъ[2]) свидѣтельствуетъ, что этотъ типъ Еврея сохранился въ такомъ же видѣ, въ какомъ мы его видѣли въ старомъ вертепѣ и въ нашей интерлюдіи, также и въ современномъ вертепѣ, сохранившемся и до настоящаго времени въ глухихъ мѣстахъ Россіи. И въ этихъ вертепныхъ дѣйствіяхъ остается Еврей, такъ сказать, громоотводомъ для самыхъ грубыхъ сценическихъ положеній, а также предметомъ всеобщаго издѣвательства, будучи вынужденъ, напримѣръ, плясать передъ цыганомъ, который въ концѣ-концовъ его избиваетъ, а затѣмъ дьяволъ бросаетъ въ пекло.[3]) Попутно замѣтимъ, что и въ этомъ новомъ вертепномъ дѣйствіи, также какъ и въ старомъ, а соотвѣтственно и въ нашей (пятой) интерлюдіи Еврей рисуется со стереотипными и типично-еврейскими выраженіями: „О вей, вей, миръ!" (o, weh! weh!), смѣшанными съ различными исковерканными иностранными словами (нѣмецкими), а также и своими особыми еврейскими фразами.

Болѣе выигрышную роль даетъ интерлюдія Цыгану, который служитъ главнымъ образомъ для развлеченія публики. Въ этой роли онъ выводится уже въ раннихъ свадебныхъ обрядахъ. Упомянемъ, согласно указаніямъ П. Морозова,[4]) обычай „цыганенья", который особенно примѣнялся въ свадебныхъ развлеченіяхъ, и состоялъ въ переодѣваніи гостей въ цыганскую одежду. Такими же выводится цыганъ (и цыганка) и въ южнорусскомъ вертепѣ,[5]) гдѣ онъ развлекаетъ присутствующихъ

---

[1]) Ib. p. 388—389.

[2]) Николай Н. Виноградовъ: Великорусскій вертепъ. Извѣстія II. отд. русской акад. наукъ. Томъ 10 (1905) кн. 3. стр. 360 и д.

[3]) Виноградовъ, l. c. стр. 374—376.

[4]) Исторія театра, стр. 19.

[5]) Морозовъ, о. с. стр. 80—81.

своими танцами. Въ интерлюдіяхъ цыганъ частый гость: и въ безсмысленныхъ спорахъ и въ ученыхъ разглагольствованіяхъ онъ принимаетъ живое участіе (какъ въ нашей I интер.), а также выступаетъ иногда какъ судья въ какомъ-либо спорѣ (въ нашей VI интер.). Обычно для него все заканчивается благополучно, но иногда и онъ страдаетъ, какъ напримѣръ во второй интерлюдіи, опубликованной Тихонравовымъ, гдѣ онъ выступаетъ какъ паціентъ зубного врача,[1]) теряя безъ всякой своей вины свои здоровые зубы. И у Довгалевскаго играетъ цыганъ въ интерлюдіи важную роль (въ I и II рождественской интерлюдіи), являясь комическимъ центромъ интерлюдіи, своей спиной неся отвѣтственность за кражи, совершенныя его же соплеменниками.

Менѣе значительна роль въ нашей интерлюдіи Литвина. Тутъ онъ выступаетъ какъ несложный хитрецъ, желающій надуть пьянаго Посадскаго. Таковъ онъ и въ одной изъ интерлюдій (I), опубликованныхъ Тихонравовымъ, гдѣ ему временами удается даже перехитрить и Цыгана, который, однако, въ концѣ концовъ все же одолѣваетъ, и запрягаетъ Литвина въ повозку, подгоняя его палкой.

Приблизительно такую же роль, что Цыгану и Литвину, отводитъ интерлюдія и Черту. Его роль скорѣе симпатично-комическая, чѣмъ дѣйствительно-дьявольская. Попъ, въ главномъ, подобно Цыгану служитъ для развлеченія публики, оставаясь въ то же время вѣренъ типу Черта, который встрѣчаемъ въ нѣмецкомъ Weihnachtsspiel и въ польскомъ вертепѣ, гдѣ онъ также больше шутъ, чѣмъ малиціозный демонъ. Въ одномъ малороссійскомъ вертепѣ, по свидѣтельству Морозова,[2]) чертъ относитъ въ пекло грѣшнаго Ирода, тѣмъ самымъ непосредственно служа божьей справедливости, а также выступаетъ онъ и исполнителемъ наказанія противъ грѣшнаго Адама.

Эта основная нота въ обликѣ Черта вполнѣ совпадаетъ съ характеристикой Черта въ нашей четвертой интерлюдіи, гдѣ Чертъ выступаетъ какъ органъ высшаго чувства справедливости и заслуженнаго наказанія, увлекая за собою въ пекло грѣшнаго Раскольника. Согласно свидѣтельству Виноградова[3])

[1]) Лѣтописи русской литературы и древности, стр. 40—42.
[2]) С. Морозовъ, о. с. стр. 78, 110.
[3]) Виноградовъ, о. с. Извѣстія II. отд. русской акад. наукъ, томъ 10 (1905) кн. 4., стр. 376, 404 и др.

этотъ же характеръ и индивидуальность сохранилъ Чертъ и въ современномъ великорусскомъ вертепномъ дѣйствіи, выступая въ качествѣ простого отправителя грѣшниковъ въ пекло.

Остальныя лица нашихъ итерлюдій, какъ Приставъ, Слуга, Ярыга, Смерть — эпизодическаго характера и насколько они не являются сами по себѣ уже типично установленными традиціей — въ интерлюдіяхъ отдѣланы менѣе ярко и тщательно.

Обо всемъ остальномъ, а также какъ и о многомъ нами здѣсь несказанномъ, лучше всего могутъ сказать сами интерлюдіи, большую часть текста которыхъ даемъ мы здѣсь впервые и въ порядкѣ, указанномъ упомянутыми литературными памятниками Елизаветинскаго времени. Упомянувъ еще въ заключеніе, что и теперь еще главный источникъ литературнаго матерьяла о русскихъ интерлюдіяхъ содержится въ опубликованныхъ Тихонравовымъ семи интерлюдіяхъ, съ увѣренностью можемъ сказать, что эти семь новыхъ интерлюдій[1]) все же замѣтно пополнятъ небогатую покамѣстъ русскую интерлюдійную литературу.

I

Интерлюдіумъ или игралище первое.

Подя'чей.

Плахое наше дѣло; не всегда случится
Челобитчикъ, с каво бы мощно поживится.
Случается, что цѣлу и нощъ ту просидишъ,
Думая, что бы болше сорвать, но вота увидишъ.
Куды какъ мудры свѣтъ насталъ, что хатъ дѣла многа,
Настои брат, что бы сарвать с мужичка простога.
Смекнувши и мужичекъ, чево стоитъ дѣло.
На алтынъ купивъ луку, в глаза лезетъ смѣло;
Когда-жъ нашъ братъ за дѣло станетъ торговатца,
Смотритъ, какъ бы с жалобои до судей дорватца.
Живетъ сплашъ, что такова плутишка толчками
Выпочтуешъ, чтобы не смѣлъ гаварить с судьями,
Судьи, веть, на насъ добры, тотъ часъ примѣчаютъ,
Кагда дѣло замедлитъ, взятком порицаютъ,
Гаваря: безсовѣстнои, что людей волочишъ?
В нашемъ ли брате совѣсть сыскать другъ мои хочешъ?
Какъ же быть, когда бы мы на совѣсть смотрѣли?
Ничева бы и в дамишкѣ атьнюдь, не имѣли.
Итакъ ужъ дни четыре челабитныхъ не видалъ!

Цыганъ.

А я тебя давно на кабакахъ шукалъ.

---

[1]) Первыя двѣ, а отчасти и третья изъ нашихъ интерлюдій, найдены недавно въ нѣсколько иной редакціи въ Россіи и изданы проф. В. П. Адріановой въ сборникѣ статей „Старинный театр в России" („Academia"), Петербургъ, 1923, стр. 112 и др.

Подячей.

Для чего ты ка мнѣ не пришелъ на дамишко?
Что твоя ко мнѣ нужда, какое дѣлишко?

Цыганъ

Сыскалъ себѣ невѣсту, то хочу женитца.

Подъячеи.

Нады а твоемъ дѣлѣ много потрудитца.

Цыганъ.

Пожалуй, не держи, чтобы за трудъ взялъ?

Подъячеи.

Что бы ты за трудъ поднесъ я бы то принялъ.

Цыганъ.

Однакож, какъ сказуютъ, торгъ людей не гневатъ,
Лучше, что тебе поднесть, дружно приговорят.

Подъячей.

Вѣдаешъ ли, что в синей продаютъ бумаге,
И что болше на (водѣ), на рынке с рогами?

Цыганъ.

Хорошо ты сказуешъ, я немношко смѣкаю,
Но какъ бы то мнѣ скоро сыскать, и не знаю.

Подъячей.

С етакимъ машенником умно говорить,
Когда что нибуть нашъ братъ с нево хощет нажить.

Цыганъ.

Куды каки ты щастливъ: только что я вышолъ,
Все то какъ бы на заказъ готово нашолъ.

Подъячей.

Все ли то, что приказал? смотри, братъ, не ври.

Цыганъ.

Я тебе не обману, изволь посмотри.

Подъячей.

Что ты принес, беса?

Цыганъ.

Да то, что с рогами,
На рынке в водѣ, в лавках той же живет самы.
Возми себе на шею.

Подъячей.

Я отъ него крещусь.

Дѣмонъ.

Я твоего креста не оченно боюсь.

II

Интерлюдіумъ или игралище второе.

Попъ.

Куды какая бѣда? чево мы дождали?
Чево наши праотци и отцы не знали!
Вездѣ проклята ересь, латынь размножиласъ.
Которая прежде сего намъ свѣтомъ не мниласъ

Толко что въ восми лѣтѣхъ малчику женитца,
А тутъ в семинаріи принужденъ учитца.
Грѣшно врать, что латынь на худо насъ учитъ,
Но много и Бога знать ужъ намъ и наскучитъ!
Прежде мы и без тово хлѣбъ и щи едали,
Лапти новы носили, брашки попивали.
На что много Бога знать? толко помолитца —
Можно вездѣ, гдѣ поидешъ допьяна упитца.
Ето я вамъ говорю: полноль вы внушили?

Дѣти Ево.

Сладки твоя слова насъ весма умилили.

Попъ.

Куды, какъ эти малцы смысленно говорятъ!
Блаженные тѣ дѣти, что отцу не спорятъ!
Пока еще молоды, должны вы умѣти.

Дѣти.

Не отче ли нашъ?

Попъ.

Что ты болтаешъ тавлею?
Я и самъ, вѣть, от роду ето не умѣю.
Громко свистать и плясать и какъ волки пѣти
Етово то я училъ давно васъ умѣти.

Дѣти.

Мы охотно желаемъ отъ тебя поняти;

Попъ.

Полно врать!

Дѣти.

Нѣтъ, в правду, изволишъ начати.

Попъ.

Дьячекъ, а, дъяѣекъ, что ты невеселы?
Заиграико намъ въ рыле, пусть поплянутъ малы!

Дѣти.

Батюшка, вѣть, пріехалъ пвиставъ за тобою.

Попъ.

Ахъ, ти, какая бѣда, гдѣ закромъ съ мукою?

Приставъ.

Бачка, здаровъ живеши? не здѣсь ли ты заспалъ?

Попъ.

Провались ты прокляты, я на блины муки бралъ.

Приставъ.

Здѣсь чертъ сидѣлъ, а не попъ, или дика кошка,
Или какая баба вь мукѣ бѣлилась тверская.

III

Интерлюдіумъ или игралище третье.

Посацкои.

Какъ бы мнѣ не обмочитца?

Слуга.

Не боися, здѣ сухо!

Посацкои.

Еко проклято пиво раздуло мнѣ брюхо.
Что и свѣтъ менится мнѣ и путь пред очами.

Слуга.

Напрасно ты его жралъ болшими ковшами.

Посацкои.

Что ты меня плутъ учишъ? я, вѣть, не впервое
Трипудное жралъ пиво; случилось и вдвое
Етово пить; но етакъ первое случися;
Пять ведръ я выпилъ вдругъ, а болшъ чуть моглъ обмочтися,
Ахъ, какая бѣда! чуть всего не раздуетъ!
Что и глаза мнѣ на верхъ и душу вонъ суетъ!
Полно мнѣ, дружокъ мои, соленыхъ сазановъ
Кушать; и то запивать цѣлымъ вдругъ кунганомъ.
Слышу я, что во мнѣ жаръ горитъ, какъ во адѣ.
Не можно ль ти лду сыскать хоть мало в посадѣ?
И ледъ не пособляетъ; чуть ли мнѣ здѣсь неумереть!

Слуга.

Отца ли к тебѣ д͠ховнаго призвать не велеть?

Посацкои.

Какихъ ты здѣ хошъ поповъ? вѣть, все нововѣрцы.

Литвинъ.

Ахъ ти, ужъ и здѣсь нами валяютца ржевцы!

Посацкои.

Ты здѣ о͠цъ протоповъ?

Литвинъ.

Е, что услушалъ прибѣжалъ.
Что ты, Фролъ Лавровичъ, нечаянно худъ сталъ?

Посацкои.

Вотъ и небо отверзлось, какъ я примѣчаю,
Уже Богъ мою ко святымъ душу принялъ, знаю.
Вижду честнаго отца, вона, Аввакума,
Мартина, Гришку, Федку, Сысоя, Наума.

Литвинъ.

Что, Фролъ Филатьевичъ, на себя затѣялъ?

Посацкои.

Я етова на себя давно ужъ надѣялъ.

Литвинъ.

Ахти, ахти, гдѣ бы то намъ крылъ скоро взяти?
Увидѣли бы какъ нашъ Фролъ умѣетъ лѣтати
Воронье прицепить, то не понесется,
Совенье прицепить, къ черту оборветца,
Развѣ мыши летучей ему прицепити!

Посацкои.

Даите суды лесницу, чтобы на что ступити!

Литвинъ.

Что, тебя, Фролъ, вздурило? что хошъ поцепится?

Посацкои.

Даите мнѣ лесницу потихонку вздратся.

IV

Интерлюдiумъ или игралище четвертое.

Расколникъ.

Еже Хртосъ предрече неложными словы:
Мы терпѣть старой ради вѣры готовы.
„Блажени“, рече, „изгнани“! не мы ли такіе?
Вездѣ разгнаны терпимъ нужды немалые.
„Блажени поносими“! не намъ ли то дѣютъ?
И уже до тово дошло, что и брады брѣютъ.
Быть такъ, зане нужно есть царствіе небесно,
Но да и здѣсь за вѣру старую жить тѣсно.
И что дхъ сты предрече Павлома устами,
То видимъ дѣемое ежеденно съ нами.
Онъ, вѣть, намъ то предрече: „всякъ де кто желаетъ
Старовѣръ быти твердои, тотъ гонимъ бываетъ“.
На что болшеи обиды, какъ намъ нововѣрцы
Дѣютъ, что имена отцевъ нашихъ въ святцы
Не ввели? легко ли былъ священъ мужъ умченми
Аввакумъ, протопопа первы в насъ ученми?
Гдѣ отъ ихъ книгахъ сыщется Федка Палаумнои?
Ахъ, ти, проговорился: хотѣлъ сказать умнои...
И ты, праведной Мартинъ, въ томъ с Сидоромъ обижденъ,
Что въ книгахъ нововѣрцовъ нигдѣ неположенъ,
Когда жъ этихъ знатнѣйшихъ оне не пріяли,
Какъ онѣ уже быть христіане стали?
Кто не чтитъ Аввакума за свята и честна,
Того во вся противна вѣра и прелѣстна.
Аввакумъ былъ свѣтилникъ и с Федкою Сидоръ
В нихъ бывалъ о Божествѣ до блаженныхъ брадъ споръ.
Щутошнои ли Федоръ, Стефанъ и Серапіонъ,
Да и братъ ево роднои в томъ же скиту Симеонъ,
Которые столь твердо постится учили,
Что многих и в затворяхъ гладомъ поморили
Этые вси свтые в святцы не введены,
Отъ нововѣрцовъ хотя и Аггломъ причтенны
Но мы за стару вѣру всего того не брежемъ,
И для того охотно самых себе ижжемъ,
Что чаемъ получати обѣтъ намъ реченны.
Радуитесь и веселитесь, яко написанны
Имена Ваши стары, имена святыи.

Чортъ.

Куды васъ несетъ в небо? развѣ вы слѣпыи,
Что ваши имена мы у насъ записали,
С начала как вы старои вѣры зватся стали?

Расколникъ.

Какъ бы старои вѣры мужъ былъ Богу знаемъ,
Аще бы сатаною не былъ искушаемъ?
Но мы престоломъ его отгонимъ вся его навѣты.

Чортъ.

Поетому то кресту вы все наши святыи,
Ето наш крестъ, а не Хртовъ, а вы отъ насъ взяли.
Мы то и Аввакума слагать научали,
Когда ты мнѣ не веришъ, я тебѣ покажу:
Тотъ крестъ и преболшую быковую кожу,
Вотъ и полнои тотъ мешокъ всѣхъ святыхъ брадъ.

Расколникъ.

Я бы ихъ, свѣтовъ моихъ, теперь видѣть радъ.

Чортъ.

Нечево долго думать, садися на кожи,
Повидишъ в насъ во адѣ всихъ твоихъ святых рожи.

(И тако, посадя на кожу расколника, на которои написаны имена еретиковъ, отвозитъ.)

V

Інтерлюдіумъ или игралища бывшая между сценами.

Інтерлюдіумъ первое.

Жидъ.

ѿ вей миръ! ω вей, посмотрите токмо люде,
сцо стого пива за новой квасъ буде!
Вси цураются, вси насъ виганяютъ
з городовъ, с селъ итти понуждаютъ.
Мусю в голову зайти с сей круцины,
сцо такъ скитаемся Авраамли сины.
Овей, якій я дуренъ, сцо се я говорю,
лучше мини, войско богатое соберу.
Пойду чрез Ригу, с Риги до Азова.
ωтъ туду въ Дербенъ, с Дербени до Лвова.
И такъ прямо идуцы, доиду Цариграда
и взявши останется тамъ моя осада.
А я с Полши, с Неаполя, из Риги, из Рима
собравши жидовъ до Іерусалима
Поиду и сяду тамъ цртвовати,
а туркѣ, охъ, матерь его, не стану дань давати.
За сцо онъ, хрюкало, свиня, нашу землю мае?
развѣ онъ ѿтъ нене сегω не цулъ и не знае?
Сцо я такъ мудры, такъ умѣю бити,
Хотяб и сію драгую рясу положити.
ѿвей, яки тутъ умъ, якая ωтвага!
якая персона! и якая повага!

(Потомужде войско жидовское выходитъ и танцуетъ, а встрѣчу ему выбѣгаетъ ярыга з дубиной и разгоняетъ всѣхъ жидовъ.)

VI

Інтерлюдіумъ второе.

Раскольникъ.

Отъ пророка реченныхъ словесъ Даніила
уже зримъ событіе и безбожна дѣла;
Мерзость запустенія, брадобрити сильнихъ
укореній, гоненій, брадобрити насилныхъ,
Четвероконечна креста и иконъ холстянных
в почтеніе новой ереси преданных:
Исполнишася слова намъ вся повѣренна,
отъ всѣхъ праотцей наших древле предреченна:
„Какъ скоть начнутъ хулити вашу стару вѣру,
узнаете, что будетъ конецъ всему миру.
Какъ будете гонимы именъ нашихъ ради,
какъ запретятъ вамъ носить блаженныя брады

Когда не возмутъ крестъ свой и послѣдовати
не будутъ намъ точію туне укоряти
Не престанутъ, тако намъ дѣется пред всеми
новои вѣры уставы зѣло прелщенными.

Жидъ.

Сцо ты говоришъ, свиня? ницого не знаешъ!
для цого ты о вѣрѣ тутъ не вопрошаешъ?
Мы вѣруемъ, сцо будемъ вездѣ царствовати,
Хорошо ходити, пити и гуляти.

Раскольникъ.

И что есть вѣра ваша и что вы за люде?
ожидаете, не зная, когда ето буде!

Жидъ.

Сцо тебѣ до того, слѣпы свинару?

Цыганъ.

А я тебя шукаю давно по базару.
Что у вас за разговоры? прошу мнѣ сказати!

Жидъ.

Поди прочъ, мошеннику, от меня, прокляты,
Мы говоримъ о Бозѣ мудрыми словами.

Цыганъ.

Бываетъ о томъ молва часто между вами.
Я твою вѣру знаю; ты вѣруешъ како?

Раскольникъ.

Стару вѣру держу, ношу браду тако.

Цыганъ.

Того стара твоя стара и обоихъ брада,
не знаю, кто пойдетъ с васъ в небо, кто до ада?
Обои есте равны, нелзя так познати,
развѣ бы васъ обоихъ на кубикъ прегнати.

Расколникъ.

Сколко огнемъ жегомо злато не бываетъ,
столко чистѣйше себе всѣм людемъ являетъ,
Мнѣ лучше есть все муки в огнѣ претерпѣти,
нежели стару вѣру з брады посрамити.

Цыганъ.

Хорошо ты сказуешъ, усмотрятъ все люде,
Чія лучша правда между вами буде.
Ч' хаве, дай сюды кубикъ и мехи кожаны!

Цыгнченокъ.

Развѣ новы, а стары уже все подраны.

Цыганъ.

Дай новы и болшои кубь, чтобы разогрѣти,
лучше мощно и правду двоих вѣръ увѣдѣти.
Кто первѣ с васъ полезет в кубикъ охотнѣише?

Расколникъ.

Я желаю оправданъ быть наискорѣише.

(Расколникъ в кубъ садится, коего в мѣсто чортъ выходитъ и Цыгану на плеча садится.)

VII

Интерлюдіумъ третіе.

Мошенникъ.

Ахъти, ахти, какъ то молодые
лѣта мои прошли, лѣта ли шутошные!
Какъ я былъ резокъ, дѣтина проворнои!
я первой в праздники былъ в церквѣ соборнои.
Тутъто мнѣ была добыча: кто ротъ какъ ворона
розиня стоялъ, я его кармана
Берегъ, чтобы другои братъ нашъ мене преже
не сунулся; а хотя и тово, вона, рука моя здѣ же.
А гдѣ было неловко на бокахъ примѣта,
Что за дубьемъ и и кулачьемъ не видалъ ис вѣта,
Грѣшонъ человѣкъ, случилося разныхъ
провесть, но согрѣшилъ, никого с приказныхъ
Не случилося; кромѣ что еднажды
обмишенился, но за то битъ дважды,
Мнѣ чалось, что на мою ручъ ажно было дѣло
алтынное и за нимъ лѣто цѣло
Мужичекъ проходилъ по алтыну сплошъ.
на всякъ денъ, авершено утро придешъ,
Малоль чево прошло чрез етіе руки,
но много и взбутетенщины бывало до скуки.
Что все нѣтъ ничево; я тѣмъ болше оплошалъ,
что уже мочи нѣтъ, и болно старъ сталъ,
Нагулялся, молодецъ, пора перестати,
кармановъ чужихъ полно оберегати.
Когда бь уже смерть пришла, пора бь умерети
уже мнѣ в старыхъ лѣтѣхъ кого одолѣти?

Смерть.

Что ты, окаянне, о смерти тужиши?
Развѣ за грѣхи в мукахъ быть не мниши?
Не покаяся желаешъ умерти.

Мошенникъ.

Я думалъ потомъ, что зналъ много денегъ в смерти,
ты, веть, братъ много купцевъ богатыхъ поѣла;
а гдѣ ты ихъ товары и денги подѣла?

Смерть.

Я души беру, денги оставляю,
когда праведно собранны быть знаю.
Но твои скверне собранны убивствомъ,
воровствомъ, хищнымъ и разнымъ насилствомъ,
Се вруку имамъ за то посѣкаю.

Мошенникъ.

Постой, я самъ вашу братью перебирать какъ знаю!

Zagreb, 1925.

Осипъ М. Бадаличъ.

Замѣтки по ркк. и творчеству Лермонтова.

(Продолженiе.)

III

Н. И., И. или Н. Ф. И-ва.

Эти двѣ главы посвящаю молодому англiйскому поэту Алеку Брауну.

Въ автобiографическихъ драмахъ Menschen und Leidenschaften и Странный Человѣкъ ко всѣмъ душевнымъ терзанiямъ ихъ главнаго героя, Юрiя Волина, или молодого Арбенина, присоединяются еще любовныя муки. На ихъ автобiографическое значенiе обыкновенно не обращалось особаго вниманiя. Однако совершенно очевидно, что и Любовь, двоюродная сестра Юрiя, и Наташа, возлюбленная Арбенина, обѣ изображаютъ ту же самую дѣйствительно существовавшую дѣвушку, къ которой обращены, какъ Посвященiе совсѣмъ еще дѣтской драмы Испанцы, такъ и подобное же Посвященiе драмы Menschen und Leidenschaften. Въ Посвященiи къ Испанцамъ поэтъ восклицаетъ:

Нѣтъ! не для свѣта я писалъ, —
Онъ чуждъ восторгамъ вдохновенья;
Нѣтъ! не ему я обѣщалъ
Свои любимыя творенья.

Она, одна, эта избранная и понявшая его „исполненную печали" душу дѣвушка способна оцѣнить настоящимъ образомъ его произведенiе:

Но ты меня понять могла:
Страдальца ты не осмѣяла...

Тоже самое, но только въ несравненно болѣе сильныхъ выраженiяхъ, повторяетъ поэтъ и въ Посвященiи къ Menschen und Leidenschaften:

Тобою только вдохновенный,
Я строки грустныя писалъ,
Не знавъ ни славы, ни похвалъ,
Не мысля о толпѣ презрѣнной.
Одной тобою жилъ поэтъ,
Скрываючи въ груди мятежной
Страданья многихъ, многихъ лѣтъ,
Свои мечты, твой образъ нѣжной.

На зло враждующей судьбѣ
Имѣлъ онъ лишь одно въ предметѣ:
Всю душу посвятить тебѣ,
И больше никому на свѣтѣ!...

И цѣлый циклъ стиховъ среди его неугомонно звучащей ирики на всемъ протяженіи 30-го и 31-го годовъ вторитъ лавной мысли этихъ двухъ Посвященій. Вся любовная ирика Л-ва въ самой тѣсной связи съ этими мольбами и увѣдеваніями какой-то особенно близкой дѣвушки или женщины. то внѣ этого цикла, все то либо свѣтскіе стихи, связанные ь мимолетными ухаживаніями за кузинами и ихъ подругами, ибо начало новой, иной любви, къ которой и подведетъ асъ разсмотрѣніе этого цикла стиховъ. Впрорѣдь политиеcкіе стихи.

Всего ближе къ обоимъ посвященіямъ стоятъ четыре стиховоренія, написанныя, если мои построенія относителъно взаимыхъ отношеній черновыхъ тетрадей поэта правильны, въ ервой половинѣ или скорѣе весной 1830 г. Въ третьемъ изъ ихъ какая то мольба, къ кому-то, кто, можетъ быть, замѣитъ ее и знаетъ о его любви и близости съ нею:

Прими, прими мой грустный трудъ
И, если можешь, плачь надъ нимъ.
Я много плакалъ, — не придутъ
Вновь эти слезы: вѣчно имъ
Не освѣжать моихъ очей.
Когда катилися они,
Я думалъ, думалъ все о ней,
Жалѣлъ и ждалъ другіе дни!...
(Аи I № 139; Тлм VI, 47).

раньше, въ той же черновой тетрадкѣ обращеніе къ ней амой, скромное въ видѣ письма; оно озаглавлено Къ ***:

Простите мнѣ, что я рѣшился къ вамъ
Писать. Перо въ рукѣ...

дальше:

Я чувствую, что это трудъ ничтожный, —
Не усладитъ послѣднихъ онъ минутъ.
Но такъ и быть, — пишу, пока возможно.
Сей трудъ — души моей любимый трудъ!
Прими письмо мое. Твой взоръ увидитъ,
Что я не могъ стѣснить души своей
Къ молчанью; такъ ужасна власть страстей!
Тебя письмо страдальца не обидитъ...
(Аи I № 132; Тлм VI, 40).

тогда же вырывается крикъ отчаянія въ стихахъ, озаглавенныхъ Раскаяніе (Аи I № 180; Тлм XX, 3). Обыденъ акой мотивъ: стихи за стихами, и въ нихъ все тоже. А въ

Пѣсни онъ проситъ прощенія за свою любовь. Онъ спрашиваетъ себя еще, не былъ ли онъ обманутъ, но все же вѣритъ, какъ раньше, посвящая ей Испанцевъ, что

...со временемъ эти листы
Тебѣ объяснятъ мои чувства.,.
(Аи I № 189; Тлм XX, 33),

наконецъ прямое обращеніе, на этотъ разъ обозначенное иниціалами Н. Ф. И-вой, гдѣ сказано:

Мои неясныя мечты
Я выразить хотѣлъ стихами,
Чтобы, прочтя сіи листы,
Меня бы примирила ты
Съ людьми и буйными страстями.
(Аи I № 108; Тлм VI, 5).

Кто же эта дѣвушка, которой теперь мы знаемъ и иниціалы: Н. Ф. И-ва?

Мы подошли къ возможности окончательно использовать приписку къ дѣтскому стихотворенію Къ Генію (Аи I № 19). Тамъ напоминаетъ поэтъ дѣвушкѣ, которую онъ любитъ:

Но ты забыла, другъ, когда порой ночной
Мы на балконѣ тамъ сидѣли. Какъ нѣмой,
Смотрѣлъ я на тебя съ обычною печалью.
Не помнишь ты тотъ мигъ, какъ я, подъ длинной шалью
Сокрывши, голову на грудь твою склонялъ —
И былъ отвѣтомъ вздохъ; твою я руку жалъ —
И былъ отвѣтомъ взглядъ, и страстный, и стыдливый!
И мѣсяцъ былъ одинъ свидѣтель молчаливый
Послѣднихъ и невинныхъ радостей моихъ!
Ихъ пламень на груди моей давно затихъ!..

Отмѣтка въ заголовкѣ стиховъ сохранила свѣдѣніе о томъ, когда и гдѣ это происходило. Тамъ сказано:

„Напоминаніе о томъ, что было въ Ефремовской деревнѣ въ 1827 году, гдѣ я во второй разъ любилъ 12-ти лѣтъ — и понынѣ люблю.“
(Аи I стр. 364)

Каждое слово тутъ для меня на вѣсу. Въ Ефремовской деревнѣ, значитъ, не въ Чамбарскомъ уѣздѣ, гдѣ обычно проживала Е. А. Арсеньева со своимъ внукомъ, до его поступленія въ Благородный Пансіонъ. Въ Ефремовскомъ уѣздѣ находилось имѣніе отца Л-ова, Кропотовка, и тамъ же то самое Вознесенское, которое было дано въ приданое матери Л-ва, что осталось однако не оформлено и послѣ ея смерти Вознесенское продолжало принадлежать Е. А. Арсеньевой съ тѣмъ, чтобы перейти послѣ Мишелю, изъ за чего, какъ мы знаемъ изъ Menschen und Leidenschaften, еще осложнились и безъ того натянутыя отношенія между отцомъ и ба-

ушкой поэта. Тутъ развился этотъ дѣтскій романъ 12-ти лѣтяго мальчика. Тутъ онъ встрѣтилъ дѣвушку, которая поняла го и стала наперстницей его тогда навѣянныхъ „Разбойниами" Шиллера, но и безъ того мрачныхъ поэтическихъ помыловъ. Такое мѣсто дѣйствія вполнѣ подходитъ къ событіямъ раматизованнымъ въ Menschen und Leidenschaften. юда въ Вознесенское всего удобнѣе было пріѣзжать Ю. П. Лерontову на свиданіе съ сыномъ; для этого могла нарочно ереѣзжать въ Вознесенское С. А. Арсеньева, никогда не тпускавшая внука къ отцу.

Правда въ Menschen und Leidenschaften отношенія го къ двоюродной сестрѣ только любовныя. Юрій говоритъ ро себя Заруцкому: „Любовь мою къ свободѣ человѣчества очитали вольнодумствомъ", но о томъ, что онъ поэтъ, нѣтъ ѣчи. Онъ лишь собирается въ чужіе края, въ университетъ, зъ-за чего новое столкновеніе между его отцомъ и бабушкой. а то въ Испанцахъ какъ разъ такъ, какъ обстоитъ дѣло ъ Посвященіяхъ. Когда Эмилія заявила своей мачехѣ;

Повѣрьте, благородство не въ бумагахъ,
А въ сердцѣ,

Донна Марія отвѣчаетъ ей:

Такъ ужъ вѣрно, отъ него
Ты этого наслышалась. Прекрасно!...

ще характернѣе первый отзывъ Наташинъ объ Арбенинѣ, ока она не успѣла его разлюбить, чему соотвѣтствуютъ тѣ го стихи, которые она носитъ на цѣпочкѣ тѣльнаго креста. ъ сценѣ II, назначенной авторомъ на 28-ое августа гости въ омѣ Загорскиныхъ нападаютъ на Юрія: „онъ ужасный поѣса, насмѣшникъ и злой насмѣшникъ, дерзокъ и все, что хоите." Наташа заступается: „Я первая не такъ думаю о немъ". этого-то и проситъ у нея въ своихъ стихахъ молодой Арбеинъ:

Когда съ насмѣшкой ядовитой
Осудятъ жизнь его порой,
Ты будешь ли его защитой
Передъ безчувственной толпой?

(Аи, III стр. 196).

Въ одномъ изъ обращеній, очевидно, все къ той же дѣушкѣ, мы и встрѣтимъ совсѣмъ такую же точно мольбу. олько поэтъ воображаетъ себя за свое вольнодумство уже е просто осужденнымъ на словахъ, но на плахѣ, что одно ремя такъ полюбилось ему:

Настанетъ день, — и міромъ осужденный
    Чужой въ родномъ краю,
На мѣстѣ казни гордый, хоть презрѣнный,
    Я кончу жизнь свою.

и вотъ тогда...

Тогда... молю!... единою слезою
    Почти холодный прахъ,
Того, кто часто съ скрытою тоскою
    Искалъ въ твоихъ глазахъ
Блаженства юныхъ лѣтъ и сожалѣнья;
    Кто предъ тобой открылъ
Таинственную душу и мученья,
    Которыхъ жертвой былъ...

(Аи I, № 60; Тлм IV, 6).

Но уже совсѣмъ воочію и, очевидно, не вызывая ни малѣйшей возможности сомнѣній, сплетаетъ въ одинъ и тотъ же узоръ поэтизаціи дѣйствительныя происшествія маленькій эпизодъ, возведенный въ Испанцахъ и Menschen und Leidenschaften въ величайшее событіе, которому по важности нѣтъ подобнаго. Это событіе одинъ, только одинъ, единственный прощальный поцѣлуй. Когда герой Испанцевъ, пламенный найденышъ и бунтарь, Фернандо, при лунѣ въ самую полночь, на единѣ съ Эмиліей, что въ романтической выспренности очевидно изображаетъ дѣйствительно бывшее свиданіе на балконѣ въ лунный вечеръ въ Ефремовской деревнѣ, сорвалъ съ устъ Эмиліи поцѣлуй, онъ восклицаетъ въ охватившемъ его восторгѣ:

О, если счастье неба будетъ
Имѣть такъ много горечи, какъ этотъ
Единый поцѣлуй, то я бы отказался
Отъ рая добровольно...

И вырывается Гамлетовскій совѣтъ:

Ахъ, Эмилія!
Ступай ты лучше въ монастырь,
Ступай въ обитель, скрой себя отъ свѣта!
Умри!

(Аи, III стр. 20).

А при немного другихъ условіяхъ въ той патетической сценѣ изъ Menschen und Leidenschaften, когда Юрій, не вѣря больше своей двоюродной сестрѣ, вырывается изъ ея объятій, тоже, разумѣется, при лунѣ и на свиданіи въ саду, онъ судорожно бормочетъ:

Юрій — Прощай. *(Идетъ, но ворочается).* Дай мнѣ послѣдній поцѣлуй. *(Беретъ ея руки).* Прощай, Любовь, прощай надолго! *(Цѣлуетъ ее въ губы; въ восторгѣ)* Нѣтъ, нѣтъ! эти уста никогда не могли быть преступными...

(Аи, III стр. 133).

Этотъ поцѣлуй и именно поцѣлуй прощальный — дѣйствительное происшествіе.

Только романтическій послѣдній поцѣлуй въ стихахъ, обращенныхъ именно къ Н. И. и еще, и еще разъ безъ обозначенія инціаловъ, опоэтизированный, какъ главное событіе изъ полюбовныхъ испытаній самого поэта, явится въ нѣсколько иномъ, увы, болѣе прозаическомъ освѣщеніи въ стихахъ, написанныхъ позже, уже въ 1831 г.:

Я помню, сорвалъ я обманомъ разъ
Цвѣтокъ, хранившій ядъ страданья —
Съ невинныхъ устъ твоихъ въ прощальный часъ,
Непринужденное лобзанье.

(Аи I № 221; Тлм XI, 1).

И вторично на этотъ разъ Къ Н. И... —

Въ тѣ дни, когда, любимъ тобой,
Я могъ доволенъ быть судьбой,
Прощальный поцѣлуй однажды
Я сорвалъ съ нѣжныхъ устъ твоихъ;
Но въ зной, среди степей сухихъ,
Не утоляетъ капля жажды.

(Аи I № 233; Тлм XI, 18).

Итакъ, если мы раньше убѣдились въ томъ, что Посвященія къ Испанцамъ и къ Menschen und Leidenschaften обращены къ дѣвушкѣ, обозначаемой въ лирическихъ стихахъ инціалами Н. И., И. или Н. Ф. И-ва, теперь едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что таже Н. И., И. или Н. Ф. И-ва опоэтизирована въ Эмиліи, Любови, и Наташѣ: романтическій прощальный поцѣлуй — не выдумка, а дѣйствительное событіе, оставившее въ сердцѣ мальчика-поэта неизгладимое воспоминаніе. Да, когда приходилъ конецъ занимающей насъ теперь второй любви поэта, и загорѣлась новая полюбовная заря, при чемъ — такой былъ его удѣлъ — и эта заря была вечерняя, онъ пѣлъ:

Быть можетъ, ослѣпленъ огнемъ его сіянья,
Я хоть на время позабуду
Волшебные глаза и поцѣлуй прощанья
За мной бѣгущіе повсюду.

(Аи I № 276; Тлм, XX, 100).

Такъ сковались въ одну неразрывную связь дѣйствительность и поэзія, воспоминанія и пылкій расцвѣтъ воображенія. Намъ предстоитъ неблагодарный трудъ совсѣмъ расплести причудливое кружево поэтическаго творчества и прослѣдить, какъ и когда было на самомъ дѣлѣ. Только вопросъ о томъ, кто-же была эта Н. И. или просто И. или Н. Ф. И-ва

оставлю открытымъ. Я не могу предпринять біографическаго изслѣдованія. Оно требуетъ матеріала, котораго у меня нѣтъ. Но въ сущности развѣ такъ важно подставить полное имя вмѣсто инициаловъ, и еще прибавить нѣсколько скудныхъ данныхъ о женщинѣ, которая сама по себѣ, по всей вѣроятности, была довольно безлична?

Первыя указанія намъ опять даетъ знакомая намъ помѣтка въ заголовкѣ стиховъ Къ Генію. Она содержитъ въ себѣ точную дату, которая и послужитъ намъ исходной точкой.

Двѣнадцатилѣтній мальчикъ въ 1827 году влюбился въ взрослую, но еще очень молоденькую барышню, можетъ быть, свою двоюродную или троюродную сестру. Завязалась дружба, и повѣрялъ ей геніальный мальчикъ свое горе и свои мечты. Мучало его воспріимчивое сердце безысходная распря между отцомъ и бабушкой, а распря была изъ за него. Грубилъ поочередно то отцу, то бабушкѣ, хотя при этомъ именно онъ-то и говорилъ единственно разумное. А тутъ „Разбойники" Шиллера, „Гамлетъ", Чацкій, то, что зналъ отъ своего француза-гувернера о героическихъ временахъ Директоріи и наполеоновскихъ войнъ; уже читалъ „Ренэ" Шатобріана, и доносилась волна байронизма, черезъ Ламартина, Альфреда де Виньи, Жуковскаго и Пушкина. Горѣла душа, и переписывалъ въ записную книжку „La flamme qui le brûle au-dedans" Ла-Гарпа. Стала ли любимая имъ дѣвушка, при ихъ задушевныхъ отношеніяхъ полу-дѣтской дружбы, его наперстницей? Такъ хотѣлось этого! Можетъ быть, и она хотѣла. Но черезъ нѣсколько лѣтъ, терзая себя воспоминаньями о томъ уже пережитомъ времени, онъ признавался въ стихахъ, озаглавленныхъ Н. Ф. И-вой:

... взоръ спокойный, чистый твой
Въ меня вперился изумленный;
Ты покачала головой,
Сказавъ, что боленъ розумъ мой,
Желаньемъ вздорнымъ ослѣпленный.

(Аи I № 108; Тлм. VI, 5).

Вотъ — проза, то, что было на самомъ дѣлѣ. Сплелась семейная драма въ помѣщичьей семьѣ съ тревогой еще не перевернутой, но уже готовой быть вписанной въ книгу вѣчнаго Хроноса, новой страницы не только русской, но и міровой поэзіи. Все это до 1829 года. Л-ву не было 15-ти лѣтъ.

Они, повидимому, разставались на долго. Какъ видно изъ Menschen und Leidenschaften дѣвушка, обозначаемая

инициалами Н. И. или Н. Ф. Й-ва, принадлежала къ роднѣ отца поэта, съ которой его бабушка не поддерживала близкаго знакомства. Тѣмъ большая создавалась запутанность и безъ того совершенно неестественныхъ отношеній. Въ томъ самомъ стихотвореніи, гдѣ поэтъ напоминалъ о „послѣднихъ и невинныхъ радостяхъ" ихъ любви, тогда въ Вознесенскомъ, на балконѣ, при лунѣ вдругъ неожиданно:

Но, милая, зачѣмъ, какъ годъ прошелъ разлуки,
Какъ я почти забылъ и радости и муки,
Желаешь ты опять привлечь меня къ себѣ?...
Забудь любовь мою! Покорна будь судьбѣ!
Кляни мой взоръ, моихъ восторговъ сладость!
Забудь!... Пускай другой твою украситъ младость.
(Аи I № 19).

И, правда, вѣдь не могло быть другого выхода, кромѣ вотъ этого. Развѣ что спокойная дружба, будь она возможна между пылкимъ мальчикомъ и дѣвушкой, въ которую онъ влюбленъ. Нѣтъ, нѣтъ, тотчасъ сѣтованіе:

Мы снова встрѣтились съ тобой,
Но какъ мы оба измѣнились!...
Года унылой чередой
Отъ насъ невидимо сокрылись.
Ищу въ глазахъ твоихъ огня
Ищу въ душѣ своей волненья...
Ахъ, какъ тебя, такъ и меня
Убило жизни тяготѣнье!...
(Аи I № 47).

Не побѣдила, не успокоила проза; а мы увидимъ, что исходъ будетъ все-таки тотъ самый, какой предвидѣлъ мальчикъ-поэтъ. Только, когда это случится, тогда, — о нѣтъ! — совсѣмъ другое вырвется изъ его сердца, чѣмъ благоразумныя слова:

Забудь!... Пускай другой твою украситъ младость!...

Только слова, какъ только слова о томъ, что затихли въ его душѣ волненья! Вовсе нѣтъ. Напротивъ.

Что произошло послѣ 1829 г., когда написаны стихи Къ Генію и при нихъ замѣтка, легко дознаться изъ сопоставленія соотвѣтственныхъ сценъ тѣхъ же самыхъ драмъ. Въ Испанцахъ, законченныхъ не позже начала 1830 года, сама по себѣ, помимо внѣшнихъ, мѣшающихъ ихъ счастью трагическихъ обстоятельствъ, любовь Фернандо и Эмиліи благополучна. Эмилія всецѣло, и умомъ, и сердцемъ привязана къ Фердинанду. Въ Menschen und Leidenschaften дѣло иное. Въ самой любви терзанія. Не хочетъ его двоюродная сестра сознаться, что она любитъ Юрія, а тутъ эта

сцена, гдѣ Юрій находитъ гусара Заруцкаго передъ ней на колѣняхъ. Это недоразумѣніе, но ужъ пропала вѣра въ ея чувства у Юрія, и отсюда — его послѣднее испытаніе, доводящее до самоубійства. Странный Человѣкъ тоже — драма совершенно явно автобіографическая, хотя столь же явно авторъ представляетъ намъ обстановку, вовсе не соотвѣтствующую тому, что было на самомъ дѣлѣ. Сейчасъ намъ надо принять въ соображеніе, насколько измѣнились отношенія героя къ его возлюбленной, а эти отношенія незамаскированы. Однако въ этой третьей автобіографической драмѣ, написанной двумя годами позже, дѣло выясняется. Подозрѣнія, замучавшія Юрія изъ Menschen und Leidenschaften, стали осуществившейся и самой прозаической правдой жизни, при этомъ какъ разъ той, какую предвидѣлъ шестнадцатилѣтній поэтъ, когда записалъ эту строку:

Забудь!... Пускай другой твою украситъ младость!...

Только говоритъ нѣчто подобное теперь она. И правда, вѣдь, поскольку рѣчь идетъ о дѣйствительности, никакъ не могла же дѣвушка на выданьи видѣть въ своемъ шестнадцатилѣтнемъ двоюродномъ братѣ жениха.

Бѣда стряслась надъ влюбленнымъ юношей по Странному Человѣку, — а вѣдь здѣсь, измѣнивъ отношенія почти до неузнаваемости, Л-въ каждую сцену обозначилъ датой, — 12 или 13 мая, и молодой Арбенинъ не снесъ горя: въ одинъ и тотъ же день и свадьба, и похороны покончившаго съ собою молодого Арбенина. Надо ли видѣть въ этихъ числахъ 12 или 13 мая дѣйствительно то самое число, когда Н. Ф. И-ва вышла замужъ? Извѣстіе объ этомъ событіи, если оно имѣло мѣсто, должно было дойти до Середникова черезъ нѣсколько дней, и вотъ именно 16 мая написаны стихи, въ которыхъ поэтъ какъ бы раздумываетъ покончить съ собою:

Боюсь не смерти я, о нѣтъ!...

Сопоставивъ эти обстоятельства и придавъ вѣру такому сопоставленію, мы получаемъ жизненное объясненіе поэтизаціи.

Да, молодой Арбенинъ, похороны котораго должны были состояться въ самый день свадьбы, по счастью, поскольку онъ нашъ поэтъ, на самомъ дѣлѣ остался живъ. Терзала мысль о смерти. Размышленій о смерти въ роковое лѣто 1830 года — безъ конца. Но отвергнута была мысль о самоубійствѣ и вотъ по какимъ соображеніямъ:

Боюсь не смерти я, о нѣтъ!
Боюсь исчезнуть совершенно, —
Хочу, чтобъ трудъ мой вдохновенный
Когда нибудь увидѣлъ свѣтъ.

Опять, какъ мы это уже часто видѣли въ лирическомъ изліяніи, въ сущности, — проза. Таковы эти стихи точно изображающіе душевное состояніе на день 1830 Мая 16 числа (Аи I № 145; Тлм VI, 55 = Тлм XX, 15). Да, мысль о самоубійствѣ мелькнула, но отброшена по соображеніямъ чисто литературнаго порядка: мальчикъ-поэтъ чувствуетъ себя писателемъ, его влечетъ писательская карьера и ради нея онъ останется жить. Зато глубоко, упорно за все лѣто 1830 г. думаетъ поэтъ о смерти. Отсюда его Ночи (Тлм VI, 40, 5, 7; Аи I № 133, 109, 111), Кладбище (Тлм 48 = Тлм XX, 14; Аи I № 140) и др. На нихъ сейчасъ не буду останавливаться и сразу перейду къ стихамъ Дереву, которое послужитъ намъ съ одной стороны переходомъ къ дальнѣйшей опоэтизаціи постигшаго поэта горя, а съ другой и къ тому, что произошло дальше въ самой жизни.

Дереву

Давно-ли зеленью радушной
Передо мной стояло ты,
И я корѣ твоей послушной
Ввѣрялъ любимыя мечты.
Лишь годъ назадъ, два талисмана
Свѣтилися въ тѣни твоей,
И даже замысла обмана
Не скрылося въ душѣ дѣтей...
Дѣтей!... О! да, я былъ ребенокъ.
Промчался легкой страсти сонъ;
Дремоты флеръ былъ слишкомъ тонокъ, —
Въ единый мигъ прорвался онъ.
И деревцо съ моей любовью
Погибло, чтобы вновь не цвѣсть;
Я жизнь его купилъ-бы кровью,
Но какъ перемѣнить, что есть?
Ужели также вдохновенье
Умретъ невозвратимо съ нимъ?
Иль шуму свѣтскаго волненья
Бороться съ сердцемъ молодымъ?
Нѣтъ, нѣтъ! — Мой духъ безсмертенъ силой,
Мой геній вѣки пролетитъ,
И эти вѣтви, надъ могилой
Пѣвца-страдальца, освятитъ!...

(Аи I № 148; Тлм VI, 64).

Стоитъ обратить вниманіе на мѣсто, занимаемое этими стихами въ той же самой черновой тетрадкѣ Тлм VI, гдѣ и предшествующіе, на 16 мая, изъ которыхъ я привелъ первыя четыре строчки, чтобы убѣдиться въ ихъ сопряженности. Дереву

немного позже, чемъ 1830 г. Мая 16 числа, а между ними, тутъ же, — эта уже совершенно прозаическая замѣтка, вовсе не упоминающая о свадьбѣ, но представляющая ихъ отношенія съ полнымъ и хладнокровнымъ самосознаніемъ:

> 1830. (мнѣ теперь 15 лѣтъ). Я однажды (3 года назадъ) укралъ у одной дѣвушки, которой было 17 лѣтъ, и потому безнадежно любимой мною, бисерный синій снурокъ; онъ и теперь у меня хранится. — Кто хочетъ узнать имя дѣвушки, пусть спроситъ у двоюродной сестры моей. Какъ я былъ глупъ!...
>
> (Аи IV стр. 350; Тлм VI, 33).

Бисерный снурокъ — весьма вѣроятно одинъ изъ двухъ талисмановъ, которые „свѣтилися въ тѣни" дерева съ вырѣзаными стихами о ней. Другой, по всей вѣроятности, ея силуэтъ. Ему посвящены поздніе, черезъ годъ написанные прелестные стихи —

Силуэтъ

Есть у меня твой силуэтъ
Мнѣ милъ его печальный цвѣтъ,
Виситъ онъ на груди моей,
И мраченъ онъ, какъ сердце въ ней.
Въ глазахъ нѣтъ жизни и огня,
За то онъ вѣчно близъ меня.
Онъ тѣнь твоя, но я люблю,
Какъ тѣнь блаженства, тѣнь твою.

(Аи I № 65; Тлм IV, 11 = XX, 93).

О томъ же талисманѣ — и въ шуточныхъ стихахъ, написанныхъ „Въ мыльнѣ, ночью, когда мы ходили попа пугать".

.... Волшебный талисманъ
Я на груди ношу съ тоскою;
Хоть не твоей любовью данъ,
Онъ освященъ твоей рукою

(Аи I № 220; Тлм X, 4).

Все это очень милая и очень поэтическая проза, но все таки проза. Но мы изъ этихъ сопоставленій можемъ вывести кое-какіе, уже вовсе не прозаическіе, выводы. Пока происходила свадьба Н. Ф. И-вой, пятнадцатилѣтній пылкій ея возлюбленный и, можетъ быть, троюродный братъ, находился въ Середниковѣ, гдѣ написаны стихи Дереву, и прозаически готовился къ экзамену въ Университетъ, который предстоялъ черезъ мѣсяцъ. Однако пуще прежняго загорѣлась страсть. Нѣтъ не умерло вдохновеніе. Эта вторая любовь Л-ва къ Н. Ф. И-вой занимаетъ центральное, самое важное мѣсто въ развитіи его лирики. Она не эпизодъ, а главный внѣшній и одновременно внутренній толчекъ для всей многообразной его поэтической дѣятельности. На этой страсти воспитался его геній. Можетъ быть, эта любовь была даже единственная,

настоящая любовь, которую такъ никогда и не переборолъ поэтъ до конца дней. И мы сейчасъ увидимъ, что такое значенie имѣетъ эта вторая любовь не только для пониманiя его лирики, но всего склада кавказскихъ поэмъ второй болѣе зрѣлой серiи. Она или, вѣрнѣе, стремленie ее перебороть вернуло Л-ва къ его кавказскимъ темамъ; не только она оживила ихъ, но вложила въ нихъ основной, самый острый и самый лермонтовскiй замыслъ. Въ самомъ дѣлѣ. Не понятно ли теперь, почему, пока шли въ Москвѣ экзамены, и Л-въ находился одинъ, поэтизируя свою разлуку съ близкими, какъ въ стихахъ 1830. Iюля 15-го (Тлм VII, 4; Аи I № 151), онъ началъ мечтать о той прежней, позабытой любви къ бѣлокурой дѣвочкѣ на Кавказѣ, а эти-то мечты, вылившiяся въ стихахъ 11 Iюля (Тлм XX, 43; Аи I № 199) и Первая любовь (Тлм XX, 44; А и I № 200), вернули его къ завѣтному увлеченiю Кавказомъ.

Въ заключенie, раньше чѣмъ обратиться къ стихамъ и душевнымъ волненiямъ Л-ва за его студенческie годы, еще одно замѣчанie, касающееся стихотворенiя Дереву. Оно требуетъ еще одной оговорки.

Въ Тлм VI, гдѣ находится его черновикъ, за нимъ слѣдуетъ такой комментарiй самого поэта. „Мое завѣщанie (про дерево гдѣ я сидѣлъ съ А. С.) Схороните меня подъ этимъ сухимъ деревомъ, чтобы два образа смерти предстояли глазамъ вашимъ. Я любилъ, я любилъ подъ нимъ (этимъ деревомъ) и слышалъ волшебное слово: „люблю“ которое потрясло судорожнымъ движенiемъ каждую жилу моего сердца. Въ то время (вѣтви) это дерево, еще цвѣтущее, при свѣжемъ вѣтрѣ, покачало головою и шопотомъ молвило: „безумецъ, что ты дѣлаешь?“ .... (Оно засохло) Время постигло мрачнаго свидѣтеля радостей человѣческихъ, прежде меня. Я не плакалъ, ибо слезы есть принадлежность тѣхъ, у которыхъ есть надежды, — но тогда же взялъ бумагу и сдѣлалъ слѣдующее завѣщанie: „похороните мои кости подъ этой сухою яблоней, положите камень, — и пускай на немъ ничего не будетъ написано, если одного имени моего не довольно будетъ доставить ему безсмертie“!...“

(Аи I стр. 389).

Упоминаемая поэтомъ А. С. — одна изъ кузинъ, хотя на самомъ дѣлѣ, она была однофамилицей его двоюродныхъ сестеръ, Анн. Григ. Столыпина. Ей посвящено раннее стихотворенi

Къ А. С. (Аи I № 25). ,,Не привлекай меня красой.“ А на немъ помѣтка: ,,Хотя я этого тогда не думалъ,“ и въ немъ уже находимъ явный намекъ, на любовь, другую, главную, т. е. не на любовь къ А. С.:

> Ахъ много лѣтъ, какъ взглядъ другой
> Въ умѣ моемъ напечатлѣлся!...

Лѣтомъ 1830 г. А. Столыпина была главной наперстницей его вдохновенiй и полюбовной тоски. Отмѣчаю это главнымъ образомъ потому, что по какому-то странному недоразумѣнiю иногда бiографы полагаютъ, что въ стихахъ Дереву любовныя мечты Л-ва направлены къ А. Столыпиной, хотя и изъ стиховъ и изъ замѣтки ясно, какая второстепенная, а вовсе неглавная роль выпала ей тутъ на долю.[1])

IV.

Демонизмъ и ,,дѣва небесная“.

Итакъ романъ съ Н. Ф. И-вой прервался съ ея выходомъ замужъ. Говорю: прервался, потому что такъ было въ дѣйствительности, но въ поэзiи онъ, напротивъ, продолжается; изливаются стихи, горитъ сердце, неугомонно нанизываются мечты и мысли.

А разъ такъ обстоитъ дѣло въ поэзiи, то и въ самой сердечной жизни поэта романъ, значитъ, тоже все-таки продолжался. Онъ лишь входилъ теперь въ свою новую фазу. Открывается другая, слѣдующая глава. Л-въ все еще почти мальчикъ, но уже студентъ продолжаетъ любить теперь замужнюю женщину, а она вдали, недоступная, чужая, положенiе, которое не можетъ не быть чревато для поэзiи, какъ бы выгоднѣе, чтобы служить побудителемъ къ творчеству. Оно даже лучше подходитъ для поэтическихъ излiянiй. Стоитъ только вспомнить литературныя аналогiи. Передъ Л-вымъ былъ рядъ примѣровъ: ,,Вертеръ“ и ,,Новая Элоиза“, и прежде всего ,,Евгенiй Онѣгинъ“ Пушкина. Замужество И. или Н. И. или Н. Ф. И-вой разграничило романъ на первую половину — любовь къ дѣвушкѣ и вторую — любовь къ замужней женщинѣ. И то письмо Къ***, ,,Простите мнѣ, что я рѣшился къ вамъ писать...“ (Аи I № 132) изъ той-же самой Тлм VI, что и Мая 16 числа (Аи I № 145) и Дереву (Аи I № 148),

[1]) В. V стр. 91—99.

т. е. написанное, какъ разъ время, когда въ Середниково пришло извѣстіе о ея свадьбѣ, не спроста кончается:

....О храни моихъ мученій
Слова... Прости! И больше нѣтъ волненій...
Прости, мой другъ,... И подписалъ: Евгеній.

Какъ стала она невѣстой, такъ немедленно его превращеніе въ Евгенія Онѣгина, который встрѣтитъ любившую его когда-то дѣвушку въ суетѣ большого свѣта и тогда... тогда онъ предстанетъ передъ нею, разъ онъ порѣшилъ пережить этотъ ударъ судьбы, мрачный, скрестивши руки на груди, обуреваемый страстями, странный, непонятый, даже оклеветанный презираемой толпой!... И этимъ, можетъ быть, окажется неотразимымъ, какъ Байронъ!...

Не для одного, конечно, Л-ва характерно такое стремленіе играть своими чувствами, а попутно и чувствами другихъ, дѣлать изъ жизни поэзію, использовать для поэзіи то, что для обычныхъ людей проходитъ вяло и тускло, т. е. холить и взлелѣять свое сердечное воображеніе. Но, можетъ быть, ни у кого изъ поэтовъ не поражаетъ до такой степени это сочетаніе прозы и поэзіи, хладнокровнаго самосознанія и выспренней воспаленности сложныхъ и глубокихъ душевныхъ переживаній. Отсюда — въ прозаической замѣткѣ онъ самъ записалъ: „какъ я былъ глупъ", а рядомъ стихи, стихи и не прерывающееся наростаніе образовъ.

По двумъ направленіямъ пойдетъ это наростаніе.

1-ое направленіе поэтизаціи ищетъ утѣшенія. Нужды нѣтъ, что оно грозитъ новыми сердечными муками. Въ роковой май мѣсяцъ 1830 г. въ рукахъ нашего поэта черновая тетрадь Тлм VI. Черезъ мѣсяцъ онъ одинъ въ Москвѣ, держитъ экзамены въ Московскій Университетъ. Тутъ написаны стихи объ одиночествѣ 1830 г. Іюля 15 дня. Москва, „Зачѣмъ семьи родной безвѣстный кругъ я покидалъ?" (Аи I № 151) Эти стихи стоятъ на четвертомъ мѣстѣ новой черновой тетради, Тлм VII. На третьемъ мѣстѣ знакомыя намъ восемь строкъ:

Все тихо. Полная луна
Блеститъ межъ ветелъ надъ прудомъ,
И возлѣ берега волна
Съ холоднымъ рѣзвится лучемъ.
Никто никто не усладилъ
Въ изгнаньи семъ тоски мятежной!
Любить? — три раза я любилъ,
Любилъ три раза безнадежно.

(Аи I № 150; Тлм VII, 3).

Откуда три? Мы знаемъ двѣ любви. Вторую, которая насъ сейчасъ и занимаетъ, и первую, къ той бѣлокурой дѣвочкѣ на Кавказѣ. Первой любви посвящены стихи: 11-го іюля (Аи I № 199; Тлм XX, 43) и Первая любовь (Аи I № 200; Тлм XX, 44); когда и гдѣ, объ этомъ говоритъ Записка 1830 г., 8 іюля, ночь. (Аи IV стр. 349—350; Тлм VI, 54). Она вернула поэта къ его кавказскимъ воспоминаніямъ. Пятнадцатилѣтній юноша увѣряетъ себя, что онъ не новичекъ въ любви. Какъ можетъ развѣяться сумрачность его души, когда уже второй разъ онъ полюбилъ такъ страстно и второй разъ ничего кромѣ страданій не дала ему любовь? А третья? Это, разумѣется, Варв. Ал. Лопухина, впослѣдствіи Бахметева, которой посвященъ Демонъ. Стихи къ ней однако всѣ написаны годомъ позже. Въ 1830 ей правда, повидимому, посвящены Стансы „Люблю когда, борясь съ душою". (Аи I № 107; Тлм VI, 3). Ей было всего 15 лѣтъ. Она родилась съ Л-вымъ одновременно. Значитъ, какъ будто только еще намѣчалась, но уже готова была вспыхнуть новая любовь; отъ прежней остались лишь воспоминанія; они терзаютъ душу; забвенья нѣтъ; но борется съ ними поэтъ и послѣ бурныхъ страстей ищетъ успокоенія, свѣтлаго ангелоподобнаго образа новой возлюбленной; она успокоитъ и очиститъ. Это одинъ исходъ. Онъ чисто лермонтовскій. Въ немъ ничего нѣтъ, что напоминало бы Евгенія Онѣгина. Такъ сладостна ея способность пролить слезу: такъ „невинный плакалъ херувимъ" (Аи I № 107). Но къ этой третьей любви Л-ва мы вернемся послѣ разсмотрѣнія другого исхода любви къ Н. Ф. И-вой.

2-ое направленіе поэтизаціи любовныхъ переживаній — демоническое. Оно еще болѣе строго лермонтовское или, вѣрнѣе, именно сочетаніе того и другого, обѣихъ поэтизацій, успокаивающей какъ бы ангельской и демонической — та особность лермонтовскаго байронизма, которую надо переступить, словно порубежную межу, переходя въ исторіи литературы отъ Евгенія Онѣгина къ Печорину.

Тогда же лѣтомъ 1830 г., когда мальчикъ-поэтъ долженъ былъ освоиться съ мыслью, что любимая имъ уже девятнадцатилѣтняя дѣвушка вышла замужъ, возникло мрачное стихотвореніе Гость (Аи I № 144; Тлм VI, 53). Оно родилось одновременно съ тѣми, что поэтизируютъ мысль о самоубійствѣ.

Заблудился въ лѣсномъ бездорожьи, куда-то ѣхавшій въ кибиткѣ монахъ, и его пріютили въ захолустной усадьбѣ мужъ и жена; но вотъ, войдя, чернецъ дрожитъ, забился . . . Что это? Онъ, самъ неузнанный, узналъ хозяйку: — она, и на слѣдующее утро въ отведенной ему комнатѣ нашли его „безчувственное тѣло". Этотъ несложный дѣтскій сюжетъ полюбился. Съ обыденной у Л-ва настойчивостью онъ возвращается годомъ позже къ тому же сюжету, и теперь болѣе изощренной рукой онъ опоэтизированъ на мотивъ „Леноры". Но заглавіе осталось тоже — Гость (Аи I № 218; Л. М. № 20), только прибавлено въ подзаголовкѣ: быль — и посвящено кому-то, безъ обозначенія лица. Калмаръ любилъ Кларису; когда ушелъ онъ на войну, она недождавшись, выходитъ замужъ за другого. На брачномъ пиру какой-то незнакомый незванный гость. —

На немъ шеломъ избитъ въ бояхъ,
Подъ хладной сталью ликъ,
И плащъ изорванъ на плечахъ,
И ржавый мечъ великъ.
Сидитъ онъ прямъ и недвижимъ,
И рѣчь начать боятся съ нимъ . . .

Но онъ заговорилъ. Онъ напомнилъ невѣстѣ о ея клятвѣ въ вѣрности до гроба. Теперь онъ пришелъ за ней.

Онъ обхватилъ ее рукой
И оба скрылисъ подъ землей.

Не была нарушена клятва въ вѣчной любви. Горе той, кто не соблюдетъ ея! Она — измѣнница. Такъ назоветъ ее Л-въ. Измѣной, забвеніемъ былой любви представится ему этотъ разрушившій самую возможность его полюбовнаго счастья ненавистный бракъ.

Тогда вырвутся изъ сердца оба стихотворенія, въ которыхъ онъ вспоминаетъ тотъ завѣтный поцѣлуй и, хотя именно въ нихъ самъ сознается, что этотъ единственный поцѣлуй вовсе не былъ ею данъ въ залогъ вѣчной любви — все равно, онъ вправѣ обвинять:

Но ты обманомъ наградила
Мои надежды и мечты,
И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила.
Ты не коварна, какъ змѣя,
Лишь часто новымъ впечатлѣньямъ
Душа ввѣряется твоя

И все еще какъ будто не покидаетъ онъ надежды, что —

. . . . женщина забыть не можетъ
Того, кто такъ любилъ, какъ я, —
И въ часъ блаженнѣйшій тебя
Воспоминаніе встревожитъ.
(Аи I № 233; Тлм XI, 20).

Къ кому относится обвиненіе въ измѣнѣ, — ясно. Оно озаглавлено: Къ Н. И. . . . Мало этого. Дальше уноситъ сердечное воображеніе. Будетъ поздно. —

Нѣтъ, нѣтъ! милый голосъ и пламенный взоръ
Тогда своей власти лишатся;
Во слѣдъ за тобой побѣжитъ мой укоръ,
И въ душу онъ будетъ впиваться.
И мщенье, напомнивъ, что я перенесъ,
Уста мои къ смѣху принудитъ,
Хоть эта улыбка всѣхъ твоихъ слезъ
Гораздо мучительный будетъ.
(Аи I № 255 Тлм XX, 54).

Вырвалось роковое слово: мщеніе. Да —

Всевышній произнесъ свой приговоръ, —
Его ничто не перемѣнитъ:
Межъ нами руку мести онъ простеръ.
(Аи I № 221; XI, 1).

Вотъ откуда эти образы мстителей въ кавказскихъ поэмахъ второго болѣе зрѣлаго періода кавказскихъ увлеченій. Они нашли себѣ наиболѣе яркое выраженіе, когда слились съ воспоминаніями о дикихъ горныхъ утесахъ и стремнинахъ, гдѣ гнѣздятся аулы воспитанныхъ на кровавой мести народцевъ. А вѣдь еще совсѣмъ мальчикомъ въ 1829 г., любопытно, что, судя по черновой тетради, чуть раньше стиховъ Черкешенка (Аи I № 36; Тлм II, 31) и Грузинская пѣсня (Аи I № 39; Тлм II, 34) такіе стихи, обращенные къ какой-то NN. Приведу эти дѣтскіе стихи цѣликомъ.

Не играй моей тоской
И холодной, и нѣмой
Для меня бываетъ время:
Какъ о прошломъ вспомню я,
Сердце (Богъ ему судья)
Жметъ невѣдомое бремя!...
Я хладѣю и горю,
Самъ съ собою говорю,
Внемлю смертному напѣву;
Я гляжу на бѣгъ рѣки,
На ударъ моей руки
На поверженную дѣву!
Я ищу въ ея глазахъ,
Въ измѣнившихся чертахъ
Искру муки, угрызенья...
Но напрасно! злобный рокъ
Начертать сего не могъ,
Чтобъ мое спокоить мщенье.
(Аи I № 36; Тлм II, 30).

Тутъ нѣтъ никакого литературнаго вліянія, никакой вычитанности. Не вспоминать же о той, ни Л-ву, ни кому изъ его русскихъ современниковъ неизвѣстную знаменитую своей странностью канцону Данте о „бѣлокурныхъ косахъ“, за которыя хотѣлось бы ее оттаскать! Тутъ самъ Л-въ, самъ геніальный мальчикъ, душа его, совсѣмъ по своему сумрачная и содержавшая въ потенціи и предчувствіи его поэзію зрѣлыхъ лѣтъ. И такъ хочется по прочтеніи этого стихотворенія напомнить о письмѣ поэта къ кузинѣ А. М. Верещагиной, гдѣ разсказано о его чувствѣ мести, да настоящей мести, побудившемъ его отправить анонимное письмо Е. А. Сушковой, впослѣдствіи Хвостовой, чтобы отомстить „за слезы“, которыя кокетство д-цы Сушковой заставило его проливать пять лѣтъ тому назадъ, т. е. когда онъ былъ почти ребенкомъ (Аи IV стр. 323—324). А всѣ эти приставанья, насмѣшки, злыя выходки и злыя слова Л-ва, о которыхъ разсказываютъ всѣ знавшіе его лично? А это преслѣдованіе своего товарища по школѣ и когда то близкаго пріятеля, Мартынова, на Кавказскихъ водахъ за то только, что Мартыновъ, можетъ быть немного больше, чѣмъ надо, заботился о своей красивой и стройной наружности?

Раньше, чѣмъ стали возникать образы кавказскихъ мстителей, еще была написана поэма Атаманъ (Аи I № 228; Тлм XI, 7 и XX, 79), изображающая волжскаго разбойника, съ этимъ грознымъ напѣвомъ: „Горе тебѣ!...“

...заплачу-ль, какъ плачетъ
  Любовникъ другой?...
И смягчишь ли меня ты дѣвица,
  Своею слезой?“

По замыслу этой поэмы, читатель остается въ недоумѣніи, дѣйствительно ли измѣнила атаману любимая дѣвушка, и подхватываетъ слѣдующая строфа:

  Горе тебѣ, гроза-атаманъ,
Ты свой произнесъ приговоръ!
Средь пожаровъ ограбленныхъ странъ
Ты забудешь ли пламенный взоръ?...
  Остался ль ты хладенъ
  И твердъ, какъ въ бою,
Когда бросили въ пѣнныя волны
  Красотку твою.

Съ возмездіемъ самому мстителю сплелась месть. Месть за месть. Самъ образъ мести мучаетъ воображеніе. Оттого и изъ кавказскихъ мстителей одинъ Селимъ изъ Аула Бастунджи

мститъ женщинѣ. И вѣдь мститъ не за измѣну, а за отвергнутую любовь, при чемъ осложненъ сюжетъ еще тѣмъ, что она вѣрная жена родного брата Селима. Критика, когда была напечатана эта поэма, назвала ее безнравственной. Что бы сказали моралисты, если бы, какъ это знаемъ мы, имъ было извѣстно, что еще совсѣмъ ребенкомъ былъ задуманъ нашимъ поэтомъ тотъ же сюжетъ о ненависти брата къ брату и именно изъ-за любви одного къ женѣ другого въ неоконченной поэмѣ: Два брата (Аи I № 56; Тлм III, 18), сочиненной одновременно съ самымъ первымъ поэтическимъ наброскомъ Демона? Ядомъ чувства мести озлобилось сердце шестнадцатилѣтняго поэта, и оно, запѣнившись, пошло черезъ край. Зачаровала сама месть и сама мстительность, мстители, за что бы они не мстили: по долгу родовой мести, предписаннымъ Мулою, какъ въ Каллы, за порабощеніе, какъ въ Измаилѣ беѣ; самая страшная месть не прямо, а убійствомъ возлюбленной и вдобавокъ, точно исполняя просьбу ея родного отца, въ Хаджи Абрекѣ. Только тутъ на высяхъ трагедіи закончился, дозрѣвъ до насыщенности, циклъ о мстителяхъ.

Нѣтъ, не способнымъ устыдиться, стать ручнымъ и присмирѣть Евгеніемъ Онѣгинымъ повстрѣчался съ тою женщиной, которую полюбилъ двѣнадцати лѣтъ отъ роду, Л-въ.

Опять прозаическій эпизодъ изъ этого романа, какъ онъ развивался на самомъ дѣлѣ, а не только въ мечтахъ поэта, и отсюда новая поэтизація того, что съ ними произошло. Они встрѣтились. Ея мужъ былъ москвичъ. Значитъ, неминуемо и помимо родства, они должны были видѣть другъ друга въ московскихъ гостинныхъ. Вотъ, когда пригодится намъ изслѣдованіе взаимныхъ отношеній Тлм XI, Тлм IV и Тлм XX. Мы видѣли, что стихи, черновики которыхъ начинаются съ 6-ого мѣста въ Тлм IV, т. е. Аи I №№ 61—103 должны быть перенесены впередъ на цѣлые полтора года, на зиму 1831—1832 гг. По расположенію въ Тлм IV, самый первый изъ свѣтскихъ мадригаловъ, сочиненныхъ по словамъ А. Шанъ-Гирея для костюмированнаго бала въ Московскомъ Благородномъ Собраніи, обращенъ къ знакомымъ намъ инициаламъ Н. Ф. И. (Аи I № 69; Тлм IV, 18). Вотъ они: —

Н. Ф. И.
Дай Богъ, чтобъ вы не знали,
Что значатъ толки дураковъ,
И чтобъ вамъ не было печали

От҃ шпоръ, мундира и усовъ!
Дай Богъ, чтобъ васъ не огорчали
Соперницъ ложныя красы,
Чтобы у ногъ вы увидали
Мундиръ, и шпоры, и усы!

Евгеній Онѣгинъ едва-ли сказалъ бы даже самую приторно вѣжливую колкость Татьянѣ. А колкость усугубляется въ этихъ стихахъ, если, вспомнивъ гусара Заруцкаго изъ Menschen und Leidenschaften, предположить, что мужъ ея былъ гусаромъ. Значитъ, и въ дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ отдался поэтъ чувству мести; онъ отомстилъ; правда, опять довольно прозаически, свѣтской колкостью; но она весьма вѣроятно задѣла за живое. Эта колкость, намекающая на склонность Н. Ф. И. быть окруженной военными вздыхателями, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что сказано о ней въ уже знакомыхъ намъ стихахъ, гдѣ поэтъ обвиняетъ ее, —

Что всѣхъ моихъ надеждъ и мукъ и слезъ
Веселый мигъ тебѣ дороже!

(Аи I № 221; Тлм XI, 1).

Или, что тоже: —

Ты не коварна, какъ змѣя,
Лишь часто новымъ впечатлѣньямъ
Душа ввѣряется твоя.

(Аи I № 233; Тлм I, 20).

Вооружившись этими сближеніями, мы можемъ установить теперь точную дату, когда произошла ихъ встрѣча. Ей посвящены стихи, озаглавленные Сентября 28 (Аи I № 235; Тлм XI, 26; XX 83):

Опять, опять я видѣлъ взоръ твой милый!
Я говорилъ съ тобой!
И мнѣ былое, взятое могилой
Напомнилъ голосъ твой.

Это единственное Онѣгинское стихотвореніе. Здѣсь, въ этихъ стихахъ, которыхъ пѣвуче размѣренныя слова никогда, вѣроятно, до нея не дошли, поэтъ хочетъ увѣрить и себя, и ее, что не далъ и не можетъ дать ей счастья мужъ, и кончаются они этимъ возгласомъ:

Такъ! ты его не любишь!... Тайной властью
Прикована ты вновь
Къ душѣ печальной, незнакомой счастью,
Но нѣжной, какъ любовь.

Да, нѣжной, потому нѣжно продолжалъ ее любить Л-овъ. Весь первый годъ студенчества, т. е. до встрѣчи 28 сентября 1831 года не перестаютъ выливаться стихи, общая тема которыхъ:

Я все любилъ, я все страдалъ.

Такъ восклицалъ онъ еще ночью 28 августа 1830 года (Ночь Аи I № 163 VIII, 1; Тлм XX, 10). И подсказываетъ сердце: нельзя разлюбить. Не исходъ изъ любовныхъ мукъ самая страшная месть, а она-то и есть трагически безысходный ея показатель.

Нельзя забыть. И старался выразить шестнадцатилѣтній мальчикъ эту еще непознанную мудрость жизни въ образѣ болотнаго цвѣточка незабудки. Вотъ онъ настоящій мистическій голубой цвѣтокъ —

Въ мѣстахъ сырыхъ, вблизи болотъ,
Какъ бы страшась прикосновенья
Онъ ищетъ тамъ уединенья,
И цвѣтомъ неба онъ цвѣтетъ,
Гдѣ смерти нѣтъ и нѣтъ забвенья
(Аи I № 112, Тлм VI, 10).

Сочетаніе мрачнаго демонизма и нѣжности, злодѣйства и добра, небеснаго и адскаго началъ, ихъ сопряженность и борьба составляютъ послѣднее и главное достиженіе этой долгой и упорной, мнѣ хочется сказать трудолюбивой, поэтизаціи любви, начавшейся въ сердцѣ еще двѣнадцатилѣтняго мальчика. Мы видѣли свѣтское обращеніе къ Н. Ф. И, колкое и даже какъ будто холодное, но въ той же Тлм IV чуть раньше, можетъ быть за нѣсколько дней передъ свѣтскими стихами, три раза къ ней же обращается поэтъ. И вновь поэтъ, теперь уже шестнадцати лѣтъ, воображаетъ себя въ чемъ-то виновнымъ, какимъ-то злодѣемъ; ему предстоитъ казнь, и вновь онъ ждетъ отъ нея, отъ нея одной, заступничества, а если она отвернется отъ него, тогда еще разъ накипаетъ на всѣ лады опоэтизированное чувство мести, тогда —

...не жди пощады:
Какъ червь, къ душѣ твоей
Я прилѣплюсь, и каждый мигъ отрады
Несносенъ будетъ ей,
И будешь помнить прежнюю безпечность,
Не зная воскресить,
И будетъ жизнь тебѣ долга, какъ вѣчность,
А все не будешь жить.
(Аи I № 61; Тлм IV, 6).

Не мудрено поэтому, что чуть не проклять готовъ поэтъ свою любовь:

Какъ духъ отчаянья и зла,
Мою ты душу обняла.
О, для чего тебѣ нельзя
Ее совсѣмъ взять у меня,
Моя душа — твой вѣчный храмъ,
Какъ божество, твой образъ тамъ:

Не отъ небесъ, лишь отъ него
Я жду спасенья своего.
(Аи I № 66; Тлм IV 14).

И словно итогъ подводятъ эти восемь строкъ, написанныхъ для себя одновременно со свѣтскими, во всеуслышаніе произнесенными на балу, такими же восемью стихами, обозначенными знакомыми намъ иниціалами: Н. Ф. И. Они продолжены знаменитымъ, совершеннымъ по своей сжатой законченности глубокимъ афоризмомъ, ставшимъ для образованныхъ русскихъ людей, ходячей пословицей, которой автора часто неупомнятъ:

Я не люблю тебя! Страстей
И мукъ умчался прежній сонъ;
Но образъ твой въ душѣ моей
Все живъ, хотя безсиленъ онъ.
Другимъ предавшися мечтамъ
Я все забыть его не могъ:
Такъ храмъ оставленный — все храмъ
Кумиръ поверженный — все богъ!
(Аи I № 67; Тлм IV, 15).

Да, мы знаемъ, что уже почти два года шестнадцатилѣтній мальчикъ-поэтъ старался увѣрить себя, что полюбилъ въ третій разъ и избранницей его оказалась милая, съ блестящими глазами, дѣвочка, его однолѣтка, которую еще такъ недавно за родимое пятнышко на лбу онъ и его сверстванники дразнили: „у Вареньки родинка, Варенька уродинка.“ Она казалась небесной утѣшительницей, ангелоподобной; о ней думалъ поэтъ, когда еще ночью, 28 августа 1830 г. записывалъ свои размышленья: [1])

Желалъ я на другой предметъ
Излить огонь страстей своихъ
Но память, слезы прежнихъ лѣтъ!
Кто устоитъ противу нихъ?!
(Аи I, 163; Тлм VIII, 1 = XX, 10).

[1]) Пришла пора оговорить мое разногласіе въ толкованіи всего этого цикла стиховъ Л-ва съ авторомъ до сихъ поръ оставшейся самой обстоятельной біографіи поэта, П. А. Висковатымъ. В-ый лишь скользнулъ по той второй любви Л-ва, которой посвящено изслѣдованіе предшествующей главы. Онъ сосредоточилъ все свое вниманіе только на любви поэта къ В. А. Лопухиной-Бахметевой. Къ ней отнесены даже тѣ стихи, которые я назвалъ демоническими, т. е. стихи о мести и измѣнѣ. Истолковывая обращенное къ замужней женщинѣ стихотвореніе, которое я назвалъ онѣгинскимъ (Сент. 28 (Аи I № 235; Тлм XI, 22), В-тый принужденъ прибѣгнуть къ такому ухищренію: „Когда разнесся слухъ, что она „снизошла“ къ одному изъ ухаживавшихъ и выходитъ замужъ, поэтъ пришелъ въ негодованіе, потомъ загрустилъ и долго не видѣлся съ нею. Они случайно встрѣтились въ домѣ у общихъ друзей. Тамъ объяснились... Тогда Л-въ возвратясь домой, написалъ стихотвореніе, въ которомъ ... выставлена какъ бы уже вышедшей замужъ“ (Ibid. стр. 150). Но Варенькѣ Л-ой тогда было 16 лѣтъ!

Всякій литературно-образованный русскій человѣкъ уже лѣтъ двадцать пять, какъ знаетъ про любовь Л-ва къ В. А. Лопухиной, вышедшей въ 1835 году замужъ за Бахметева. О ней разсказалъ А. П. Шанъ-Гирей родственникъ и другъ Л-ва въ „Русскомъ Обозрѣніи" за 1890. В. А. Лопухиной - Бахметевой посвященъ Демонъ. Къ ней — эта знаменитая строчка:

Прими мой даръ, моя мадонна!

Отношеніе къ ней поэта такъ ярко характеризуется этими строками, которыя также знаетъ наизусть каждый образованный русскій человѣкъ:

Такой любви нельзя не вѣрить
А взоръ не скроетъ ничего:
Ты не способна лицемѣрить,
Ты слишкомъ ангелъ для того!

Итакъ объ этой третьей любви мы знаемъ лишь со стороны, не изъ текста произведеній поэта. Намъ объ этомъ разсказалъ Шанъ-Гирей и подтвердили издатели Демона въ 50-ыхъ годахъ. Значитъ, что касается послѣдней, третьей любви свѣдѣнія исходятъ изъ постороннихъ источниковъ, и только вооружившись ими обычно обращаются къ текстамъ. А вѣдь всего только одни стихи Л-ва болѣе или менѣе обозначены обращенными къ В. Лопухиной; и то они помѣчены лишь одной буквой: Къ Л. (Аи I № 232; XI, 19), въ подзаголовкѣ же прибавлено: „Подраженіе Байрону". Мало этого, если вчитаться въ нихъ внимательно, то дѣло оказывается еще требующимъ весьма сложныхъ оговорокъ. Съ первымъ четверостишіемъ какъ на будто все идетъ благополучно:

У ногъ другихъ не забывалъ
Я взоръ твоихъ очей;
Любя другихъ, я лишь страдалъ
Любовью прежнихъ дней.

Однако продолженіе этихъ стиховъ, припѣвъ которыхъ:

Люблю, люблю одну!

никакъ не могутъ быть обращены къ дѣвочкѣ, которой едва минуло шестнадцать лѣтъ:

Принадлежишь другому ты,
Забытъ пѣвецъ тобой?

Стихи явно опоэтизировали какую-то давнишнюю любовь къ особѣ, уже успѣвшей повѣнчаться съ другимъ, т. е. опять любовь къ Н. Ф. И. Отсюда маловѣроятно, чтобы Л. подразумѣвалъ

Вареньку Л-ну, скорѣе ея старшую сестру, наперстницу поэта, съ которой онъ оставался въ перепискѣ очень долго, какъ мы это сейчасъ увидимъ. Однако вмѣсто того, чтобы теряться въ догадкахъ, оставимъ, пока, эти стихи и присмотримся попристальнѣе къ самымъ текстамъ безъ всякихъ постороннихъ указаній.

Демонъ тогда окажется посвященнымъ кому-то, чьимъ отличительнымъ признакомъ будутъ слова, дающія намъ противоположное представленіе всему тому, что говорилось о Н. И. или Н. Ф. И-вой:

> Ты не способна лицемѣрить
> Ты слишкомъ ангелъ для того!...

Я подчеркнулъ выраженіе ангелъ. Въ цѣломъ циклѣ стиховъ царятъ образы „дѣвы небесной", „залетнаго херувима", „дѣвы рая". Циклъ начинается Стансами 1830 г., которые я уже отнесъ на счетъ третьей любви Л-ва. Они кончаются строками:

> Такъ зря Спасителя мученья
> Невинный плакалъ херувимъ
> (Аи I № 107; Тлм VI, 3).

А стансы написаны почти в тоже самое время, когда и стихи о томъ, что три раза любилъ поэтъ, т. е. лѣтомъ 1830 г. (Аи I № 150; Тлм VII, 3). Точно такой же образъ мы находимъ въ поэмѣ о самомъ себѣ 1831 г. іюня 11 дня (Аи I № 217; Тлм XX, 51). Оно, правда, лишь промелькнуло; въ одной изъ конечныхъ строфъ поэтъ будто все еще не теряетъ надежды, что „созданье есть одно", которое не любитъ теперь, но когда-то „пророчество припомнитъ умъ ея", и все-таки „отуманится слезой" по немъ „взоръ, теперь веселый и живой" (строфа 29). Но нельзя понять слѣдующія строки иначе, какъ, увидя въ нихъ усиліе найти выходъ изъ вотъ этой давней роковой любви:

> .... О, когда-бъ я могъ
> Забыть, что незабвенно... женскій взоръ!
> Причину столькихъ слезъ, безумствъ, тревогъ!
> Другой владѣетъ ею съ давнихъ поръ,
> И я другую съ нѣжностью люблю,
> Хочу любить — и небеса молю,
> О новыхъ мукахъ! но въ груди моей
> Все живъ печальный призракъ прежнихъ дней.
> (Строфа 8-ая).

Едва ли къ этому надо прибавить — хоть одно слово, истолковывающее смыслъ этихъ строкъ. Они сразу безъ обиняковъ вводятъ насъ въ пониманіе стихотворенія —

Къ дѣвѣ небесной.

Когда бы встрѣтилъ я въ раю
На третьемъ небѣ, образъ твой,
Онъ душу бы плѣнилъ мою
Своей небесной красотой.
И я-бъ в тотъ мигъ (не утаю)
Забылъ о радости земной
Спокоенъ твой лазурный взоръ,
Какъ вспоминаніе о немъ;
Какъ дальній отзывъ дальнихъ горъ,
Твой голосъ нравится во всемъ
И твой привѣтъ, и твой укоръ —
Все полно, дышетъ божествомъ
Не для земли ты создана,
И я могу-ль тебя любить?
Другая женщина должна
Надежды юноши манить.
Ты превосходнѣй, чѣмъ она,
Но такъ мила не можешь быть!
(Аи I № 223; Тлм XI, 3 = XX, 77).

Не лучше ли всякихъ воспоминаній, какъ бы безъ посторонней помощи, эти геніальные стихи изливаютъ борьбу начавшуюся въ сердцѣ поэта, и надо ли намъ называть ее теперь иначе, чѣмъ это данное ей самимъ поэтомъ имя: дѣва небесная.

Мнѣ осталось теперь только напомнить еще три стихотворенія, гдѣ встрѣтится тотъ же обликъ „дѣвы небесной". Въ ней надежда.

Она залогъ, что есть понынѣ,
На небѣ иль въ другой пустынѣ,
Такое мѣсто, гдѣ любовь
Предстанетъ намъ, какъ ангелъ нѣжный,
И гдѣ тоски ея мятежной
Душа узнать не можетъ вновь
(Аи I № 240; Тлм XI, 34 = XX, 86).

Озарилась измученная душа. Опять и эта новая любовь, кажется ему, должна утѣшить его, непонятаго и одинокаго среди людей, и хочется ему сказать:, ,пускай поэта обвиняетъ" чужой и чуждый ему „насмѣшливый безумный свѣтъ"; ему нѣтъ до него никакого дѣла, —

Когда съ тобой, о, дѣва рая,
Я провожу небесный часъ,
Не безпокоясь, не страдая,
Не отварачивая глазъ.
(Аи I № 260; Тлм XX, 60).

Однако все же, стоило заглянуть въ тайникъ своего сердца, какъ въ стихахъ Къ себѣ, и выявилось тогда, все-таки обнаружилось, что понапрасно онъ „хотѣлъ" себя увѣрить: увы, что не любитъ ее; нѣтъ, „любви безбрежный данъ предѣлъ"; она, т. е. прежняя, давняя любовь, не забыта, и ясно ему, —

Что цѣпь моя несокрушима,
Что мой теперешній покой —
Лишь гласъ залетный херувима
Надъ сонной демоновъ толпой
(Аи I № 257; Тлм XX, 58).

Непреодолимо все продолжалась борьба... Чѣмъ, чьей побѣдой она окончится, „дѣвы небесной“ или той прежней, измѣнившей роковой женщины?

Небольшой циклъ къ „дѣвѣ небесной“, который я постарался выдѣлить изъ стиховъ за 1831 г. привелъ насъ теперь къ записи, заканчивающей Тлм XI: „2-ого декабря, св. Варвары. Вечеромъ возвратясь. Вчера еще я дивился продолжительности моего счастья! Кто бы подумалъ, взглянувъ на нее, что она можетъ быть причиною страданья?“ (Аи IV стр. 351). Стать причиною страданія не значитъ ли стать предметомъ любви? Но вѣдь она „дѣва рая“, „залетный херувимъ“, „дѣва небесная“, и тогда странно, что можетъ она причинить страданіе. А мы еще безъ посторонней помощи изъ самихъ текстовъ узнали и имя небесной дѣвы: не Варвара ли? И это имя возвращаетъ насъ не только на землю, но еще въ послѣдній разъ и отъ поэзіи къ прозѣ, къ дѣйствительности отъ красныхъ вымысловъ. Да, зимою 1831—32 года Л-въ увлеченъ Варенькой Лопухиной, которой пошелъ семнадцатый годъ, какъ и самому поэту. Эту любовь, третью по счету опоэтизировалъ Л-въ какъ бы на фонѣ той давней, прежней къ Н. И. или И. или Н. Ф. И-вой. Прозаическую, т. е. сложившуюся на самомъ дѣлѣ обстановку этой третьей любви, мнѣ кажется, можно извлечь изъ переписки Л-ва за 1832—33 гг.; онъ только что оставилъ Москву и поступилъ вмѣсто Петербургскаго Университета, лейбъ-гусаромъ, въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Только отъ нихъ теперь обращусь вновь къ воспоминаніямъ Шанъ-Гирея.

Немногія письма, какія дошли до насъ отъ первыхъ мѣсяцевъ его пребыванія въ Петербургѣ еще полны Москвой. Онъ чувствуетъ себя Москвичемъ, чужимъ въ Петербургѣ. Всѣ его помыслы тамъ, въ Москвѣ, въ тѣсномъ кругу родни и друзей, выхолившемъ въ дѣтствѣ его геній. Въ письмѣ къ старшей сестрѣ Вареньки Лопухиной, М. А. Лопухиной, съ которой онъ былъ особенно друженъ, есть такая приписка:

P. S. J'aurais bien voulu vous faire une petite question; mais elle se refuse à sortir de ma plume. Si vous me dévinez — bien, je serai

content; si — non... alors, cela veut dire que si même je vous avais dit la question, vous n'y auriez pas su répondre.
(Ан IV стр. 313).

Мы не знаемъ послѣдовалъ ли отвѣтъ. Но въ письмѣ того же времени — Л-овъ спрашиваетъ 12 сент., а письмо, которое я разумѣю, отъ 12 окт. того же 1832 г. — другой другъ поэта, тоже старше его и близкій человѣкъ Лопухинымъ, М. А. Верещагина, шлетъ ему такое увѣщеваніе:

Courage, mon cher, courage! ne vous laissez pas abattre par un mécompte, ne désespérez pas, croyez moi, que tout ira bien. Ce ne sont pas des phrases de consolation que je vous offre là, non pas du tout; mais il y a un je ne sai quoi, qui me dit que tout ira bien?

О чемъ рѣчь? Дальше сожалѣнія, что, правда, они не увидятся цѣлыхъ два года и затѣмъ:

Croyez-moi, je n'ai pas perdu l'habitude de vous deviner, mais que voulez-vous que je vous dise? Elle se porte bien, paraît assez gaie, du reste sa vie est tellement uniforme, qu'on n'a pas beaucoup à dire sur son compte; c'est aujourd'hui comme hier. Je crois que vous n'êtez pas tout-à-fait fâché de savoir, qu'elle mène ce genre de vie, car elle est à l'abri de toute épreuve; mais pour mon compte, je lui voudrais un peu de distraction, car, qu'est ce que c'est, que cette jeune personne dondinant d'une chambre à l'autre, à quoi une vie comme celle-là mènera-t-elle? à devenir un être nul, et voilà tout. Eh bien! Vous ai-je deviné? est-ce là le plaisir que vous attendiez de moi?

Еще дальше замарано, и П. А. Висковатый, раздобывшій это письмо, сообщаетъ, что всѣ мѣста въ перепискѣ Л-ва съ М. А. Верещагиной, гдѣ упоминается имя Вареньки Лопухиной, замараны. (В. V. стр. 213 и Прил. стр. 8—9, ср. тамъ-же стр. 279.)

Покидая Москву, Л-въ увезъ въ своемъ сердцѣ образъ Вареньки Лопухиной. Если любовь была обоюдна, какой могъ быть ея исходъ, кромѣ женитьбы? Но обоимъ имъ было 17 лѣтъ. Рано. И по тогдашнимъ понятіямъ поэтъ былъ слишкомъ молодъ для нея. А разъ онъ поступилъ въ юнкера, предстояло до свадьбы ждать цѣлыхъ долгихъ два года, да и то, женихъ ли только что выпущенный изъ Школы корнетъ? И вотъ волнуется еще мальчикъ — онъ былъ моложе Л-ва — А. П. Шанъ-Гирей. Въ своихъ Воспоминаніяхъ онъ съ негодованіемъ разсказываетъ, что, пріѣхавъ въ Петербургъ, двумя годами позже, и передавъ отъ Вареньки Мишелю, что она „покойна", довольна, даже счастлива, у Мишеля встрѣтилъ слишкомъ „хладнокровное" отношеніе, и отсюда такой діалогъ между ними:

,, — Ты еще ребенокъ, ничего не понимаешь".
,, — А ты хоть и много понимаешь, но не стоишь ея мизинца! возразилъ я, разсердившись не на шутку..."
(Прив. у В. V стр. 278.)

Безысходной осталась и любовь къ ,,дѣвѣ небесной". И опять — проза, то, что неминуемо должно было случиться — Варенька черезъ годъ вышла замужъ за другого. Л-въ тогда уже былъ офицеромъ. Онъ принялъ это извѣстіе со свойственнымъ ему запутывающимъ и затуманивающимъ положеніе сарказмомъ. Вотъ относящійся сюда и часто приводимый отрывокъ изъ его письма къ той-же В. А. Верещагиной. Онъ пишетъ о встрѣчѣ съ г-жей Углицкой и прибавляетъ:

Elle m'a annoncé encore que mademoiselle Barbe allait se marier avec M. Bachmétef. Je ne sais pas si je dois trop lui croire, mais en tout cas, je souhaite a M-lle Barbe de vivre en paix conjugale jusqu'au célèbrement de sa noce d'argent, — et même plus, si jusque-là elle n'en est pas encore dégoûtée. .
(Аи IV стр. 325).

Охладѣлъ? Забылъ? А она?

Переписка съ сестрой Вареньки, М. А. Лопухиной продолжалась за оба ,,страшныхъ", какъ называлъ ихъ поэтъ, года пребыванія въ Школѣ. Онъ проситъ не прекращать ея ,,что бы не случилось", говоритъ о перемѣнахъ въ себѣ до неузнаваемости, и все же хотѣлъ бы не терять черезъ эту переписку ,,связи съ прошлымъ". Самъ не отдавалъ себѣ отчета и борясь съ этимъ чувствомъ, но охваченный новыми впечатлѣніями столичной и военной жизни, все таки все дальше уходилъ Л-въ отъ прежней любви. Не заспорю, что такъ было. Однако мнѣ кажется знамемательнымъ это изліяніе въ стихахъ, находящееся въ томъ самомъ письмѣ къ М. А. Лопухиной, гдѣ, еще осенью 1832 г., онъ сообщаетъ о неожиданномъ поступленіи въ Школу, т. е. о томъ, что они не увидятся цѣлыхъ два года:

Онъ былъ рожденъ для счастья, для надеждъ
И вдохновеній мирныхъ! Но — безумный —
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной:
И свѣтъ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!
(Аи II № 22 и IV I стр. 317).

Тутъ сѣтованіе на свое новое душевное состояніе. Въ немъ видитъ поэтъ опасность, даже безысходность. Больше того. Какъ будто чувствуется ядъ мучавшаго его воображеніе Демона, — а именно тогда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, зимой 1833 года, онъ еще разъ примется за свою завѣтную

поэму, — да, напрасны мечты, хотя ничто не мѣшаетъ въ его внѣшней жизни ихъ осуществленію, не суждено ему предаться „вдохновеньямъ мирнымъ“. Не будетъ забыта „дѣва небесная“. Напротивъ. Она останется его „Мадонной“. Ей будетъ посвященъ Демонъ. Но достаточно ли обращали вниманіе біографы Л-ва на еще одно посвященіе его главнаго созданія? Его автографъ не сохранился. Оно было напечатано въ „Отечественныхъ Запискахъ“ вскорѣ послѣ смерти поэта. Его очевидно тогда же нашелъ нужнымъ сообщить близкій Л-ву человѣкъ — Краевскій. Кто этотъ „забывчивый и незабвенный другъ“, къ которому обращается поэтъ? Трудно не видѣть здѣсь послѣдній отзвукъ той горькой надежды, что не въ обѣщающей ему „мирныя вдохновенія“ „небесной дѣвѣ“, а въ той, прежней, отъ которой ждалъ этого Л-въ столько лѣтъ, изливъ это чувство въ столькихъ стихахъ, наконецъ „пробудится о прошломъ сожалѣнье“? И спрашиваетъ онъ ее, неужели и теперь ей можно остаться холодной —

И не узнаешь здѣсь простого выраженья
Тоски мой бѣдный умъ томившей столько лѣтъ,
И примешь за игру иль сонъ воображенья
Больной души тяжелый бредъ!

(Аи I, Прил. стр. 413—414).

Надо ли въ заключеніе вернуться кь неразрѣшенной мною энигмѣ стиховъ Къ Л. Прибавлю лишь одно. Правдоподобнѣе подъ Л. предполагать старшую сестру Вареньки, ту Марію Александровну, съ которой поэтъ былъ друженъ, но видѣть въ нихъ изліяніе, обращенное къ той же, кто зачаровавъ собою его прошлое, все еще и разъ на всегда стояла между нимъ и милой, звавшей его своей дѣтской прелестью къ „вдохновеньямъ мирнымъ“ „небесной дѣвой“.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Бѣлградъ.

Евгеній Аничковъ.

Diskuse o Kubínových pohádkách.

(K článkům v Slavii IV, 99—122, 294—313.)

I.

Poznámky, po případě výtky, které činí prof. Tille ve své stati sbírce Kubínově, týkají se jistou měrou též mne, jako jejího vydavatele, a proto budiž mi dovoleno, připojiti několik slov, abych mohl vyložiti stanovisko, které jsem zaujal při této práci.

Poznámky prof. Tille jsou jednak zásadní hlediska při sbírání a vydávání pohádek a vůbec lidových podání, jednak jsou to kritické rozbory jednotlivých čísel sbírky Kubínovy, i kritika jednotlivých vypravěčů, od nichž čerpal Kubín svůj materiál.

Tille připomíná, že u několika čísel jsem odkazoval na značné shody s povídkami jiných sbírek již dávno známých. Tyto moje údaje Tille značně rozmnožil, a v tom jest nepopíratelná cena jeho rozboru, i vděčně jej přijímáme. Ovšem jde tu Tille podle mého mínění poněkud daleko. Jest namnoze velmi těžko usuzovati ze shod třebas velmi hojných a závažných, že nová povídka přímo souvisí se starší, byla složena, reprodukována z této. Bývá to někdy nesnadné, když máme před sebou dva vytištěné teksty téže povídky. Na př. Fr. Sušil přispěl do Mikšíčkovy sbírky vytištěné r. 1845 povídkou Divotvorný mlýnek. Ta shoduje se velice silně s norvéžskou povídkou sbírky Asbjörnsena a Moe vydané r. 1843—44, krátce před vydáním Mikšíčkovy knihy. Německý její překlad pořízený od Bresemana vydal L. Tieck později, r. 1847. Látka taková mohla vůbec vzniknouti jen v zemi přímořské, nikoliv hluboce na pevnině, kde sotva mnoho věděli o moři. Zdálo by se nutným předpokládati užší souvislost Sušilovy povídky s norvéžskou. Známe ještě dva novější zápisy její z blízkých nám krajů, z horního Slezska z roku 1886 a Opavska (Povídky lidu opav. a han. str. 8. č. 2), ale ty mnohem méně se srovnávají s norvéžskou než starší Sušilova. A přece jest takořka vyloučeno, že by ji znamenitý sběratel mo-

ravských písní mohl poznati ze sbírky Asbjörnsenovy, sotva asi znal norvéžsky. Tylova povídka „Panna jezerní“ z r. 1840 srovnává se ku podivu až do nejmenších podrobností s rumunskou povídkou z Banátu ve sbírce bratří Schott „Wallachische Märchen“ z r. 1845, takže nahodilá shoda je vyloučena. Později zařadil ji ještě Th. Vernaleken do svých Oesterreichische Kinder- und Hausmärchen r. 1864, dostal ji prý z Krajiny, ale potom poznal, že jest to povídka Schottova. Jaký byl společný pramen obou versí?

Mnohem nesnadněji lze určitě tvrditi, že ústní podání vzešlo z jisté předlohy tištěné, stanoviti cesty, kterými ta která povídka pronikla do lidu a dostala se k tomu kterému vypravovateli. Prof. Tille srovnává řadu povídek se staršími tištěnými texty, vytýká řadu slovných shod, a z těch usuzuje, že nový zápis z nich vzešel. Srovnejme blíže několik čísel a zkoumejme, možno-li souhlasiti s kritikovými vývody. Na př. uvádí sice nemalé odchylky povídky Kubína otce č. 6, str. 28 od povídky Bož. Němcové: „O Marišce“, ale klade zvláštní důraz, že místy jsou jakoby slovní shody dokazující závislost její na tisku. Než přihlédneme-li blíže, vidíme, že neshod jest mnohem více, a shody jsou právě ve scénách, když jinak hrubě ani jiné nemohly býti, jako když kmotřenka donucována přiznávati, že byla v pokoji. Nehledě na to, že celá řada scén, které vypravovala Němcová, byla vynechána, jako pokřtění dítěte, před tím marný pokus u bohaté sousedky a j. v., jsou ještě jiné odchylky, jako chudý otec přišel s nemluvňátkem k šípkovému keři a tam spatřil shrbenou stařenu seděti, ta se mu nabídla za kmotru, ale poznamenala, že nemá peněz, nemá co mu dáti do peřinky, kdežto u Němcové zaplatila knězi za křest dukátem, a otci dala též dukát, ze kterého byla pak doma celá hrst dukátů — jak oblíbený motiv, a tu by byl býval zapomenut! V pohádce byly pod tím šípkem dveře, a babička s jeho dcerou se tam ztratily. U Němcové udělala babička na tom místě, kam měl po 12 letech přivésti dceru, znamení, vytáhla ze záňadří proutek, a z toho vyrostl růžový keř plný poupat. U Němcové byl to keř, jehož se nikdo nechtěl dotýkati, že je rejdiště divých žen — co by lidový vypravovatel mohl z těch motivů vytvořiti, kdyby je byl znal! — U Němcové nesměla do šestého pokoje, u Kubína zaměněno číslo typičtějším 7. Vidění vypisoval Kubín zcela jiné: babička seděla v umrlčí truhle, měla koňskou hlavu místo své, a tu si

klíně típala. U Němcové v umrlčí truhle seděl kostlivec a kýval eustále hlavou. Proměnu zahrady v poušť Kubín též nezná. Dále vypravuje, dívka bloudila po lese jako bludná ovce, až ji od stromem našel princ, který byl tam právě na honě. U Němové probudila se ze mdlob, do které ji čarodějný proutek baiččin uvrhl, v tom slyšela troubení a dusot koní... Když měla ýti Liduška hozena na hranici, letěl v Kubínově povídce černý očár od lesa „a bílou fánglí někdo mejkal sem a tam; pardón, ardón!" U Němcové spatřil král čtvero bílých koní, zlatým áčiním ozdobených, z dáli přijížděti. „Princata", přivedení od abičky, měli zlaté pásky na krkách, rys neznámý u Němcové. o proti těmto rozdílům znamenají některé stejné otázky a odovědi za běžných situací? Bezprostřední souvislosti tohoto noého zápisu se starším tiskem tedy není.

Při povídce Fr. Kocourkové: „Hastrmánek a tatrmánek" č. 91) vytýká T. slovní shody, opět především v rozmluvách, nezi druhou částí její a tištěnou povídkou v jedné sbírce J. K. Iraše. V první části reprodukována známá pověst o vodníkoviramáři, prodávajícím stužky a p., totéž ještě pod. 121 (v. můj lánek ve sborníku věnovaném Al. Jiráskovi), a v druhé části ak druhá pověst, která nalézá se ve sbírce Kubínově ještě od č. 204. Pro první část neuvádí se tištěná předloha. Když ychom připouštěli, že vypravovatelka skutečně znala povídku Irašovu, jest to jednak velmi nápadné takové spojení dvou lastně různých povídek o vodníkovi různého původu, a pak řece možno v tom viděti jakousi samostatnější práci v takové ontaminaci.

O povídce č. 20 „Silný Honza" praví T., že jest stručně ypráвěna podle Němcové č. 46 „O Nesytovi", původ je zřejmý. rovnáme-li blíže obě povídky, přesvědčíme se, že povídka A. Kulíčkové sotva by mohla býti označena za stručný výtah z poídky Němcové. Právě druhá důležitá část, ve které jsou chatrné eminiscence z látky Grimm KHM č. 100, kterou Němcová lépe ypravovala pod č. 26 „Čertův švagr", docela byla od Kulíčkové apomenuta, poznala-li tištěnou povídku. Výrazem svým celým, ikcí svou jest to povídka zcela svá, a kdyby byla poznala přece ištěný tekst, tak jej zpracovala tou měrou, že můžeme její versi lásti zcela rovnoprávně vedle jiných reprodukcí této látky. Poídka Kocourkové č. 83, vypráвěna podle Němcové č. 5, zajisté, e nejenom mnohem stručněji, než málem tak, že máme před

sebou takořka novou povídku; jsou některé motivy také dodány, jak na př. Janeček bavil se tím, že z krtin si dělal jako zahrádku, běžel za ptáčkem až k nějaké skále, a tu dodáno, že ptáček mu položil zrovna před nohy proutek, tím pak otevřel skálu; není jen velmi mnoho vynecháno, leč mnohé jinak vypisováno, zcela jinak líčeno, jak se hoch dostal z podsvětí na zemi. Když byl od podzemních dívek bohatě obdařen, udělalo se mu najednou teskno a nic jiného si nepřál, než aby byl zase doma. Dívky ho ani nevedly dále do zámku — u Němcové byly právě tyto scény široce vypisovány — a najednou se udělala taková tma... po chvíli se ocitl u té díry, u těch vrat, a byl zase venku! U Němcové dívka sama mu řekla, že se musí rozloučiti, dovedla ho ke skále, dotkla se jí, skála se otevřela a hoch stál v širém poli. Málem bychom řekli, kdybychom vůbec nevěřili v samostatnou tvůrčí schopnost lidové vypravovatelky, že její předlohou muselo býti jakési jiné knižní zpracování povídky Němcové.

Předlohou povídky č. 175 byla povídka zpracovaná od J. K. Hraše. T. připomíná kromě shod též odchylky vypravovatelovy, ač ne všechny. Kromě shod zvláště totéž jméno rekovo Miloš dokazuje, že T. právem sbližuje nový zápis s tímto tištěným zpracováním. Odchylky ukazují pak, že si vypravovatel počínal dosti samostatně. V tisku hned napřed varoval zajíček reka, aby živého masa nevykupoval, jak to obyčejně bývá ve versích této látky. Hraše poznamenává, že si rek v jámě vlčí vzpomněl na tuto jeho výstrahu. V povídce dodáno, že zajíček hrozbami přinutí reka, že mu prokázal poslední službu, zastřelil ho, a pak ze zajíčka vyletěla bílá holubička. To jest motiv velice oblíbený, ale Hraše ho nemá. Vypravovatel nepřidržoval se nikterak otrocky své předlohy. Předlohu povídky č. 181 shledává T. v Mikšíčkově povídce č. 23 (verse Grimm KHM č. 111), ale dodává, že byl ještě pod vlivem jiného variantu. Úvodní motivy jsou skutečně jiné: nadlesní sám poslal před svou smrtí ženu se syny na pouť do Říma, aby tam zaň dali na modlení, kdežto v tisku si vdova usmyslela vykonati tuto pouť. Rek střelil do džbánku obrova, u Mik. ustřelil mu maso od úst. Na psíka hlídajícího na hradbách zapomněl a j. Jsou ovšem shody, které T. označil proloženým tiskem, nevím, jestli by byly tak rozhodné.

Č. 236 podle Hraše III, 15 „pod cizím vlivem". Nejvíce padalo by na váhu stejné jméno Švančar, u Hraše Čvančara, ale v naší povídce jest svobodný, u Hraše ženatým sousedem. Na

jiné shody a neshody poukázal T. Sám připouští T., že nebyla povídka Hrašova jedinou předlohou. Máme tu před sebou asi přece samostatnější povídku, ne pouhý ohlas tisku.

Ostatně srovnávajíce novější povídku se starším tištěným vzděláním téže látky, měli bychom si klásti ještě otázku o pramenech této tištěné povídky. Hraše na př. zajisté nezbásnil své povídky ze své hlavy, nevymýšlel sám takové látky, než musel je kdesi dříve čísti neb slyšeti. A tu by mohla někdy vznikati myšlenka, nespočívají-li Hrašova povídka a nový zápis na jakési společné předloze. Aspoň teoreticky jest zajisté možno to připouštěti. Taková myšlenka vzniká, když srovnáme povídku č. 297 s Hrašovou povídkou. T. praví, že jest vypravována věrně podle tisku toho, odchylky jsou bezvýznamné. Srovnáme-li ji ještě s kladskou versí (sv. II. str. 78 č. 22), poznáme, že je tato vypravována mnohem knižněji než podkrkonošská. Odchylky bych nepokládal za bezvýznamné: když rek přečetl pikolo-fikolo, zjevil se mu chlap velký, větší než on sám, u Hraše malý, švižný mužíček, v kladské versi mládenec. V naší povídce vyžádal si nejdříve jídlo, pak kuřivo, večer večeři, ráno snídani atd., a teprve třetí den vyžádal si šaty a kočár. U Hraše nejdříve šaty, potom peníze, a hned potom chtěl, aby mu zaopatřil dobrou a pěknou příležitost; jsou i jiné drobnější odchylky, jako že pikolo praví svému pánovi, že vyplnil svou úlohu, přestál svůj trest, k němuž byl odsouzen, a tak prosí, aby mu vrátil tu cedulku. Naše povídka vypravuje přirozeněji: teď jsi už velkým pánem, ten lístek už nepotřebuješ, ten mi vrať. Podobně prostě vypravuje též kladská verse. Takové motivy čteme ve velké řadě cizích versí, srv. Kladské povídky II, 82.

Nemohu zde pro nedostatek místa podrobněji rozbírati všechny poznámky prof. Tille, i tak se obávám, že jsem příliš zneužil laskavosti redakce tohoto listu.

Nemohu souhlasiti ani s některými zásadními vývody kritikovými. Domnívám se, že mohu být prost výtek, že jsem se nemohl ještě úplně zprostiti zbytků romantismu, ale přece jsem přesvědčen, že nutno spatřovati více méně u každého národa, též sebe vyspělejšího, různé vrstvy společenské, odlišující se také svým „duševním obzorem, obsahem svého myšlení", a také svými duševními potřebami i požadavky. T. ř. lid, t. j. spodní vrstvy společnosti, jednak venkovské jednak velkoměstské, u nás ve velkých i menších průmyslových střediscích, liší se

zajisté nemálo jak mezi sebou tak zvláště od „vyšších", kulturně vyspělejších vrstev. Mají též rozmanité potřeby duševní. V dřívějších dobách, kdy znalost písma nebyla ještě tak obecná, tištěná literatura málo přístupná, aneb vůbec nepřístupná, zastupovala literatura tradicionální nynější beletrii. Tyto doby nevymizely ani dnes ještě docela ani v střední a západní Evropě, jak tomu nasvědčují právě novější sbírky pohádkové. Studujíce lidová podání studujeme duševní život širokých vrstev lidu. Zkoumajíce poměr tradic toho kterého národa jednak k literatuře tištěné, umělé, jednak k tradicím sousedních i vzdálenějších národů, odkrýváme rozmanité kulturní styky a vlivy. V tom, myslím, jest význam našich studií.

Rozbírajíce tyto tradice dále ukazujeme, pokud a do které míry „lid", t. j. vlastně význačnější osobnosti ze širokých mass lidových umějí tvořiti, aneb aspoň přetvořovati staré tradice. I když se přesvědčujeme, že se tu přejímají jen známá literární zpracování, jest zajímavo sledovati, do které míry se přejímají a pokud se přetvořují, po případě i kazí. Důležito jest to jak co do obsahu, co se přejímá, tak co do formy, jak se přejímá. Nemusíme přestávati na studiích starších látek, než není nezajímavo sledovati, co široké vrstvy čtou, po případě si přivlastňují, dále to mezi sebou si vypravujíce. Proces, který můžeme sledovati od ranního středověku, není asi podnes ještě uzavřen.

Prof. Tille při vší místy ostré kritice neodepřel jisté zásluhy Kubínově sběratelské činnosti. Z toho smím snad se domnívati, že ani moje práce, kterou jsem věnoval jí při jejím vydání i při jejím komentování, nebyla marná, nevyšla na prázdno!

J. Polívka.

II.

Vítám vřele tuto diskusi. Při vzájemné dohodě bude moci objasniti mnohou spornou věc. Řídě se svou zkušeností, podám tu zatím jen letmo (jak mi dnes možno) některé své námitky a poznámky.

1. *(Účel sbírky dialektický.)* — Nezapisoval jsem povídky tyto pro ně samé, než měly mně býti spíše dokumentem živé, svérázné mluvy tohoto kraje (v. mou předmluvu p. XX.). V souvislé povídce lze zajisté nejplatněji stopovati všecek ráz lidové mluvy, řeč v plném plastickém podání, se všemi odlesky mluvní psychologie. (Co po té stránce by sem dál hledělo, pominu, pro-

tože to už nesouvisí s touto diskusí.) I odmítl jsem vypravěče, nutící se do mluvy knižní, ač i jejich čísla byla zajímavá (viz tamže; bylo jich víc, než zmínkou udáno). Z toho vyplývá, proč jsem šel za zdejší povídkou tak úsilně a po ní pátral; kdo se mi přihlásil, objevil jako vypravěč, byl vítán, sláva mu! Nevybíral jsem si v nich, také nebylo proč. — Že se mi tak sešel materiál, který snad do jisté míry osvětluje látkoslovné bohatství kraje, byl už výsledek *druhotný* (podružný) mé snahy. Proto nebudiž mi vykládáno za zlé, jestli jsem v něčem nedostál methodě, platící pro látkosloví samé. Skákal jsem tu po léta do víru, abych ulapil předmět — je-li v něčem pomáčený, kaji se upřímně. Že leckdy některý povídkář může oklamat (z knížky), tomu by se žádný lidový badatel nevyhnul — ač sám tomu v udaných případech nevěřím!

2. *(Četba lidu.)* V každém místě, ani města nevyjímaje, najde se značný počet lidí, mnohdy i dost situovaných, kteří o knihu nezavadili od svého školního mládí. Nebyl u nich vypěstován pud, sháňka po knize. Nebylo na ni také času, shon za nejnutnějším výdělkem zabavil den za dnem, a kupovat ji teprve nebylo zvykem, ani touhou, ne-li možností. I v „krajském" městě Jičíně, typickém sídle škol, znal jsem od mládí sta a sta rodin, kam kniha nikdy nevnikla. Natož ve vsích! Snad je nověji lépe, ale pokud jsem shlédl při své práci tyto poměry, kdyby i dnes někdo pořídil bezpečný popis jich třeba i v Jičíně, nebo některé vsi (což zapadlé!), užasli bychom nad výsledkem. Proto nikdo nemysli, že nějaká Kulíčková, Junek, Pítro... měli hned doma pro své pohádky řadu sbírek knižních, odkud čerpali své vědomosti! — Pokud jde o *tři* mé povídkáře, sám jsem ve věci svědkem bez omylu. Zde byl styk přímý, sahal do srdce i do hlavy. Můj *otec* nikdy nečetl — až na udanou výjimku, důvody shora, a tedy také neznal ani jedné pohádkové sbírky. Totéž platí o jeho matce měrou ještě vrchovatější (chudičká chaloupka na Podhradí), pokud mohl zdědit *po ní* pohádkovou zásobu, také ta nekořenila v některé knížce. Mohl ovšem i z vojny něco získati, pobyl v letech 50. min. stol. v Mohuči, Uhrách, Sedmihradech. Ale to byla sotva čísla z Němcové nebo Radostova. *Kulíčkovou* i její poměry znal jsem podrobně. Nikdy nečtla, knížek neměla. Býval u nich někdy vandrovní chasník na práci, ne trvaleji, jen aby se nakrátko zachytil. Totéž svědčím o *Kocourkové* z Brad. Chudá baráčnice a pak výměnkářka. Knížka

jí byla neznámým tajemstvím. — Ba, kdyby ta knížka byla jen tak lehko zdrojem pohádkářů, stál by z těch, kdo vskutku čtli, anebo čtou, aspoň jeden za každým rohem. Potvrzuje věc i taková okolnost: Jda za povídkou, mohl jsem nejdůkladněji prozkoumat Jičín, Železnici a 20 vsí, osad, které jsou tu na hodinu v okruhu (stejně Boleslav). Tu jsem byl dokonale znám jako domácí člověk. I svých studentů jsem se po léta dotazoval — vypráví někdo u vašich...? Kdo zná účinnou ochotu na venku vyhovět *tehdy* stůj co stůj, jistě mu bude se mnou divno, že se vynašla *jediná* dívka Vaňoučková, sestra mého žáka, s *jediným* číslem, *vyčteným* prý z Němcové. Ovšem přestavila kulisy, jiné vynechala, jiné přidala! Tedy tolik dokola *skutečných* čtenářů, ale nikoho nenapadlo vyčíst a povídat, jak se zachovaly tak hojné rovnice (N povídkář = N knížka) v ostatním území, kde jsem byl už více méně cizincem. A zatím pokud šlo o píseň, týž okres mi poskytl dosti kořisti. Není to nápadné? Ba není! Není lidovému člověku tak lehké, přečíst a povídat.

3. *(Pohádka a vypravěč.)* Každý kraj má asi svůj kruh pohádek, a ty *převahou* žijí v jeho ústním podání. Jsou tam usazeny. Pohádka zas má svou náplň dějovou, od té je těžké uchýlení, je s ní nerozlučně spiata. Patří jí, jako ořechu jeho jádro, nemůže v něm být než jeho jádro. Kdo látku nesvládá, potrhá osnovu, zplichtí ji — to bývá po jednotlivu. — Je tedy látka dána, jen detaily a forma jsou osobitý příděl vypravěčův.

Také každý vypravěč má jen svůj omezený počet látek; jen ty, jež se mu od čilého mládí usadily v hlavě, srostly s ní, jsou jeho duševním majetkem; jen ty, pokud si častým tradováním (vypravováno dětem, vnukům, za černých hodinek...) vyšlapaly cestičku jeho hlavou i jazykem. U koho nebylo tak často možné, musí děj sbírat déle v paměti (sr. Procházka); zato plyne nacvičeně, v půvabném přednesu, komu ta cestička nezarůstá travou zapomenutí (j. u Kulíčkové). Pohádkář je vždycky kus básníka. Ale ustálil se jen na jistém, pevném fondu látek, *nepustí se do jiných*, než kolik sám zná. Řekni, přečti mu látku, aby ji rázem (natož po čase) povídal, *nesvede nic*. Neusadila se mu tím nezbytným pochodem v hlavě. Proto i látky velice populární, četbou, loutkovým divadlem a jinak šířené, nejsou v jeho fondu; z téže příčiny. Ptám se: Znáte Trnovou Růženku? Palečka? Perníkovou chaloupku? Sněhulku?... odpoví: — Snad sem ji ňedá slišal, ale neumim ji povidať. Ejhle,

nekolují v kraji, nevnikly také do hlavy. Podobně to je s domnělou četbou. Proč neznají „O 12 měsíčkách"? „Rozum a Štěstí"?... atd. když přece je mohli vedle druhých udaných stejně číst? A čísla tak zajímavá, chytlavá! A když z 5—6 knížek udaných, proč také ne z Kalenského, Košťála, Třebízského a sta jiných, jež nadbytkem zaplavují veřejnost? I listové pohádky (Šolc...) v nepočtu vnikají do lidu, a přece jich nevypráví, nedovede! I viděti, kdyby ty rovnice N povídkář = N knížka byly tak nepochybné, lid by musil býti *nabit* látkami. Ale vypravěč se taky hned hlásí: to bylo v kalendáři, to v knížce. Je v té věci zcela upřímný, není, nebylo by proč, aby tu něco ztajoval. Nesmlčel by ani, kde je s jeho pohádkou možná rovnice. Proto se jinde nehlásil, že látka jeho není z knížky, kolovala tu *před ní*, a kolovala by *bez ní*.

4. *(Pohádky beletrijní; vypravěč; shody.)* — Pohádkových tekstů, z úst lidu diplomaticky zapsaných, máme dosud velmi málo. Kdyby takový soupis byl pro všechno české území, bylo by, tuším, lze souditi o řadě sporných otázek (shody!) mnohem podstatněji. Proto se mi zdá, že tvořiti dnes rovnice N povídkář = N knížka je dosti nejisté. Bylo by věru velmi zajímavé slyšeti, jak by př. pohádku č. 6 (Kubín otec = Němcová) pověděl Čech z rozličných končin území. Myslím, že by v ní takové slovní shody (pověz... babičko, já tam nebyla...), na něž p. T. ukazuje, byly také, poněvadž je to *nutný útek dějový*. V Klads. II. 240. je podobně: povjez, bude s tebou zle! Prof. Tille je totiž přesvědčen, najde-li u vypravěče shodu, shody s knížkou, že ten vypravěč jí také podléhá. Ale té Němcové, tomu Radostovu... vyprávěli také zas jejich povídkáři, ti tu zůstali, tutéž látku tradovali svůj život dál, byli jejími tlumočníky, a ta slova (řekni ... a pod.) s nimi nezašla, než i ona žila s látkou dál. I myslím, kdyby tu látku povídalo x vypravěčů, že by se u všech ozvaly podobné shody. T. j. zápisem (Radostova...) nepřestala látka s celou svou výstrojí eksistovat a v lidu kolovat. Tak tomu je s písní, s dialektem, se zvykoslovnými projevy — co v těch je doslovných shod! Jistě si je nešel nikdo přečíst do knížky. O *kyji* (4krát) na př. p. T. tvrdí, že jeho základem je *Malý*. Je to jistě látka velice rozšířená a ovšem i jinde známá bez Malého. Podstatné útky má stejné. Jen namátkou cituji Contes par Al. Dumas p. (Dürr, Leipzig II. sv.), p. 41. atd. Table, couvre-toi, — Il arriva un soir à une auberge, — (l'aubergiste) avait dans son

grenier une table de forme tout à fait pareille, — alors la bonne bête te crachera de l'or par devant et par derrière, — le sort voulut qu'il entrât justement dans la même auberge où l'on avait changé la table de son frère, — gourdin, sors du sac, — gourdin, rentre dans le sac, — et dansera une si joyeuse bourrée sur les épaules de ... Jsou-li shody slovní i dějové s povídkou *cizí*, jaký teprve div, že je shledáme také *u nás!*

Jiná zajímavost: p. T. stanoviv rovnici (N povídkář = N knížka) shledává, že povídkář ovšem útek *a* přestavil, *b* vzal odjinud, na *c* zapomněl, místo *d* má *e*, pořad motivů jiný, když neví dál — bere z jiné látky, *f* zas pod vlivem jiného variantu atp. — Pochybuji silně, že tento způsob klížení látky, stojící pod vlivem knížky, odpovídá tvůrčímu duchu lidové poesie. Mladá holka Vaňoučková vypráví dlouhou pohádku (74), ale vyčtla ji z Němcové, a při tom klíží — atd.

Němcová píše své pohádky jako *beletrii*, hovějící všem *estetickým* požadavkům, snad z *několika* čísel látky *a* dělá *výslední* výtvor; vkládá jistě i útky *vlastní* invence. Podobně tomu u některých čísel Erbenových. A Baar (chodské) se výslovně přiznal, že si nechá tutéž látku povídat od více vypravěčů, a co u nich nejlepšího, spojí, skombinuje ve výsledný děj (podle svědectví literárního aprobateura nakladatelství, p. Máje). A teď si pomysleme: lidový vypravěč má takto vysoustruhovanou pohádku s dějem pěkně kausálně sepiatým, ale místo toho přestavuje, přebírá, a co všecko. Mně se zdá: právě naopak, těch jeho x útků rozličných svědčí, že jeho povídka v tomto podání je zcela samostatný jeho plod, majetek lidové jeho hlavy a úst, a není proč dělati ji tak šmahem závislou na určité knížce. Jsou tu ovšem nesčetné vztahy a vlivy, o nichž nevíme, mohla působit neznámá suma jich, i když někdy snad také knížka, jistě ne sama. — A teď názorný případ sem hledící. Kdyby byla v Radostovu... Prokurátova povídka č. 223 (jízda do nebe), jistě by byl p. T. stanovil rovnici P = R, jako činí soustavně jinde. Tato povídka v době kol 1917 (chystání díla do tisku) nebyla známa, jinak by ji byl prof. Polívka uvedl. Až u Flammariona, Paris (bez roku, patrně hned po válce, soudě podle papíru) vyšly Contes espagnols z Blasca Ibaněze, a tam je p. 267 povídka z Valencie, ku podivu v podstatě shodná s naší. (Je také u Därnhardta I. 61.) Případ tento zdůrazňuji, je pro naši argumentaci velice poučný a výmluvný.

Ještě se zastavím u č. 91. zvlášť. Je to prý kopie z Hraše 1896 (nebyl Krkonošák, než od r. 1868 úřadem v *Náchodě*, a odtud k nám daleko). Kocourková *klamala*, zaměňujíc jména a místo. Hastrmany, světličky, štvaní... vypravěč vždycky lokalisuje a připíná místním osobám. To je obecný zvyk. Že by tím úmyslně K. maskovala svůj „pramen", netřeba mysliti, takovým věcem prostý člověk nerozumí. Stejně se děje v písních: (zebínský) kostelíčku — sviť měsíčku... kde mají zelené okenice; u (Žmolilů) tam je mají a p. vždycky se mění podle místa zpěvákova. „Jářku — nauštivit" je *vlastní vtip* této drobnůstky, zasazené do osobního rozjímání, a x povídkářů by jej asi stejně povědělo. Také hop na záda, hrst písku patří jako útek k jejímu ději. Viz i 316, houp na záda, chloust do milé tůně. Drobnost ta je rázu dost anekdotického (jako většina hastrmanů), v anekdotách musí být vlastní vtip *doslova*, bez něho by se děj zhroutil. Některé látky hastrmanské (pentličky), rovněž světýlka (necky!) bývají podány týmiž slovy, jako by pocházely z jedněch úst. Škoda, že jsem všecky stejné látky tohoto druhu nezapsal. To slovo *jářku* je tu zejména čistě krajové, od nás! — Cestičky tradice! Jak jsou spletité a nevyzpytatelné! Kdo by je dopodrobna vyzkoumal? zejména i jejich shody, třeba i slovní? Neznáme vůbec možných pojítek mezi jednotlivými zřídly povídkářů, ani kterou třeba i dost bludnou cestou se braly jejich plody od osoby k osobě. Srov. vandrovní Chvátalovy a Kulíčkovy: jak mohla lehce táž osoba roubovat svou látku tam i zde. Vztahy a vlivy vypravěčů jsou mnohonásobné a rozmanité, kdo je zjistí? Zlatník (II. díl) vykládá: Mý sme si na vojně f kasárnách poudali pohádky celí večery. — Co tu bylo zúčastněno osob z rozličných míst! Mnozí si anekdoty (jako písně) i do sešitů vpisují; do kolika rukou, i vzdálených, se takový sešit dostane! Mimo to jsou honáci, trhovníci, krajánci (!), služky-pohádkářky, rodiče přicházejí do mladých rodin, chůze daleko na svatbu, na funus, hauzírníci (viz Hadinec); má žena svědčí: jilemnická plátenice přicházela až do Chotěboře a tam vyprávěla na noclehu v rodinách své pohádky; vambeřičtí poutníci — jak snadno se tu mohl literát setkati divnou náhodou s naší Kocourkovou! — Kdyby přes to vše při ostatních nápadných shodách slovních byl číslu 96. přec pramenem Hraše, uvažoval jsem dost a mám aspoň jednu možnou vysvětlivku. Jak jsem častěji shledal, venkovští učitelé rádi diktují dětem tyto lidové drob-

nosti (ovšem že z knížky), a lehko se mohl stát případ, že K. slyšela povídku touto cestou (vnuk, jiné dítě).

Než jakkoliv se věci mají, nález tak rozsáhlé souvislosti zdejších povídek s knížkou mě samotného do té míry zajímá, že navrhuji prof. T—ovi: ohledejme v kterémkoli prázdnu (sob., ned.) aspoň některé povídkáře, pokud se různý odhad srovnává s tím neb oním míněním. Stačil by jediný cíl (nejbližší oba Hortlíkové a Brixí) — podle výsledku pak možno lehko souditi na druhé.

Takové shody větné a blízce dějové jsou i v cizích povídkách hojné. Jen okamžitou namátkou uvádím:

Hortlík č. 115.	*Därnhardt*, D. Märchenbuch, IV. v. 1914, Verl. Teubner, Leipzig, II. p. 138.
Štrnáct dní za svatodušními svátky...	Sieben Meilen hinter Eulenpfingsten lebten...

Má ke mně tak daleko, jako já k němu (obecně). — (Muž se ptá ženy na radu) — Udělej, jak rozumíš; také franc., a j.

Norské pohádky, Žeň z literatur, XLII., p. 32 (náš Prašiveček) — jeden střelil po něm šípem a zasáhl ho do nohy; — král svůj kapesník, aby se jím ovázal; — po bitvě, spatřil král svůj kapesník; — Vezmi meč a setni mi hlavu. — (Syn bohatý nepoznán rodiči): a pak se jich ptal, jestli neměli nikdy dětí (p. 55.) — Dostane princeznu a půl království (p. 88.) — Scéna s vyřezanými jazyky bývá slovně zcela stejná.

Contes d'Espagne, Soupey; Paris, Nathan, 1922, p. 115 sq. (princ poslouchá 3 holky): Je voudrais, disait l'aînée, épouser le cuisinier du roi! — Pour moi, je préfèrerais le pâtissier du roi — Je voudrais, dit-elle, épouser le roi! ...Je lui donnerais un fils brave comme lui et une fille belle comme le jour atd.

Tamže *Trois devinettes*, p. 156.	(mé Tři otázky, Ježek II. díl)
1. Combien je vaux	1. Jakou mám cenu?
3. Ce que je pense...	3. A co si teď myslím? atd.
Erben, Čes. pohádky, Žeň z literatur VII. p. 77. (Vaněk chce nemluvnou princeznu přivésti k řeči a vypravuje):	*Därnhardt* II, p. 8—9.
Byli jsme tři tovaryši: jeden řezbář, druhý krejčí a já. Jed-	Ich bin ein Uhrmacher und ging einmal mit einem Bild-

ou jsme šli lesem a musili jsme
 něm zůstat přes noc. Aby-
hom před vlky byli bezpečni,
dělali jsme si oheň a umluvili
sme se, aby jeden po druhém
lídal. Nejdříve hlídal řezbář,
pro ukrácení chvíle vzal špa-
k i vyřezal z něho pěknou
annu. Když byla hotova, pro-
udil krejčího, aby ten zase hlí-
al. Krejčí vida dřevěnou pan-
u, ptal se, co to? — „Jak vi-
íš," řekl řezbář, „byla mi
louhá chvíle a vyřezal jsem ze
palíka pannu: bude-li tobě ta-
y dlouhá chvíle, můžeš ji oša-
it." Krejčí hned vyndal nůž-
y, jehlu a nit, střihl na šaty
dal se do šití; a když byly
aty hotovy, pannu přistrojil.
'otom zavolal na mě, abych já
el hlídat. I ptám se ho taky,
o to má? — „Jak vidíš," řekl
rejčí, „řezbáři byla dlouhá
hvíle a vyřezal ze špalíka
annu, a já z dlouhé chvíle
sem ji ošatil: a bude-li tobě
aky dlouhá chvíle, můžeš ji
aučit mluvit" atd.

hauer und einem Schneider auf die Wanderschaft. Eines Nachts kamen wir in einen groszen Wald. Da fürchteten wir uns vor den wilden Tieren und beschlossen, dasz einer immer für den anderen wachen solle. Wir warfen das Los, und die erste Nummer traf den Bildhauer, die zweite erhielt der Schneider, während mir die dritte Nummer zuteil wurde. Während wir schliefen, wurde aber dem Bildhauer die Zeit lang und er ergriff einen Block, zog das Messer aus der Tasche und schnitzte daraus ein wunderschönes Frauenbild. Als seine Zeit um war, war auch das Bild fertig, und er lehnte es an den Baum und legte sich schlafen. Der Schneider, der jetzt an der Reihe war, sah das Bild, und es dauerte ihn, dasz es nackend war. Flugs schnallte er sein Ränzel auf, holte Nadel und Zwirn und Zeug hervor und nähte dem Bilde ein Kleid und zog es ihm an. Atd.

5. *(Jednotlivosti.)* — Ač to nehovělo ani *mému* programu, ojal jsem do sbírky některé ukázky Hillerovy přec (bylo všech si 30). Látkoslovci mohou býti dokladem, jak inteligence šíří lidu *své* povídky. H. vyprávěl i před prostými lidmi, řemeslíky. Mám-li na mysli př. Starého legrutu (č. 16.), u něhož ražba dová je tuším nade vši pochybnost patrná, a dostal-li se do ausend und eine Anekdote, vidíme z toho, jak veselé povídky du plnily takové sbírky. Můj otec ji ovšem z Tausend neznal. imochodem podotýkám, že H. do č. 144. pojal pořekadlo (jako nedopatření božího . . .) po mně, některá plastická úsloví lidová

jsem rád vplétal do hovoru. — O hastrmanech prý je málo osobitě vyprávěno, z živého, strašidelného dojmu: to snad proto, že vypravěč sám děj neprožil, nebyl sám účastníkem. — U Plichtové (č. 297) p. T. praví, že i *název* „Švec králem" ponechala z knížky: všecky názvy jsem podle povahy děje stanovil sám, a je čirou náhodou, že se tento shoduje s Hrašem; P. na tom nenese viny žádné. — Byl jsem prý závislý na několika málo kulturních střediscích: zatím jsem probadal všechna v tom území od Jizery k Labi; že jsem nepronikl všude hlouběji i do vesnických okruhů, zavinily různé příčiny — hledal jsem př. východisko v Bytouchově, Veselí (v. od Rovenska) a j., ale nenajde se podle věd. přání byt, tím méně stravování. — Neměl jsem prý již předem stanovený program (znát kroniku kraje...), proto chybějí pověsti o Mužském atd., bajky, duchařská podání: zatím jsem měl na paměti tyto věci všecky, ale nemohu za to, že se v tom směru nenašel vypravěč; bajku stihnout, ó, byl bych ji do zlata zasadil! S duchařským podáním je svízel, aspoň tady, kam sahají jen odnože této víry horské; duchař nic nesdělí cizinci, nečlenu, snad že byli za Rakouska stiháni četnictvem. Ostatně duchařství je už rys čistě lidopisný a do poesie nepatří. Také je zajímavé, že tady prof. T. žádá *víc*, než skýtá sbírka: jiní byli naopak překvapeni jejím bohatstvím (sám Polívka!). — Že jsem nenapsal *jiných* povídek svého otce (prý knihu literární), to jsou osobní a jiné ohledy. Zato jsem myšlenou knihu zapsal jinde, povídky venkovské ženy, týkající se dětství její dcerušky. — V geologii se nevyznám, ale to, co p. T. říká o podobné práci negativně, vskutku se děje (Barrande): ne že by geolog lámal lom, než umělým válcem na libovolném místě vynímá vrstvy, a hledě vyzkoumati, kde jedna končí a druhá začíná, musí zapouštět svůj válec v síti ovšem husté. — Že bych byl sledoval germ. methodu? Věru mě ani nenapadlo! Sledoval jsem methodu zcela *svou*, účelně praktickou, jak jsem k ní dospěl vlastní zkušeností. Šablonou se tady nic nespraví. — To, po čem p. T. touží ke konci své úvahy, je ideál, který se lehčeji a krásněji vytyčí, nežli prakticky provede. Mohla by jej splniti jen celá legie určitých pracovníků vždy při úzkém území — i těšme se, že se opravdu přihlásí, volám jim rád všecek zdar!

Jos. Š. Kubín.

Kritiky a referáty.

Max Vasmer: **Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrussland.** (Veröffentlichungen des baltischen und slavischen Instituts an der Universität Leipzig, herausgegeben von Georg Gerullis und Max Vasmer. Bd. 3.). Leipzig, in Kommission bei Markert u. Petters. 1923. IV u. 80 S.

Der vielseitige Berliner Ordinarius für slavische Philologie gehört zu denjenigen Forschern, welche wissen, dass die Slavistik sich nicht allein genügen kann. Keiner ist auch so befähigt gewesen, das hier n Angriff genommene Problem zu behandeln.

Es ist unzweifelhaft eine richtige Idee, bei einer Untersuchung über lie Urheimat einer Völkerfamilie zuerst diejenigen Gebiete auszuscheiden, velche von der bewussten Völkerfamilie früher nicht haben besiedelt ein können. Der Verfasser hat sich denn auch die Aufgabe gestellt, n der Hand von Tatsachen nachzuweisen, dass die ältesten Einwohner Südrusslands keine Slaven waren. Es ist aber aus dieser Aufgabe eine ndere, weit grössere und weit schwerere erwachsen, die nämlich, die inguistischen Tatsachen des südrussischen Iraniertums festzustellen.

Schon Müllenhoff hat erwiesen, dass die Skythen und Sarmaten lurchaus keine Mongolen, wie bis dahin geglaubt wurde und wie wohl uch noch der eine oder andere Dilettant glauben mag, sondern Iranier eien. Seitdem haben speziell russische Forscher einen grossen Verdienst m die Erforschung der hierher gehörigen Altertümer eingelegt. Leider ind ihre Arbeiten in Westeuropa — wenigstens in Skandinavien — nzugänglich, und für mich persönlich bedeutet das Buch Vasmers ine Ausdehnung des wissenschaftlichen Horizonts, die ich lebhaft begrüssen muss. Auch für den Iranisten vom Fach ist es deshalb wertvoll, weil hier zum ersten Mal eine reinliche Scheidung zwischen Skythisch nd Sarmatisch vorgenommen wird. Das letzte sieht Vasmer richtig ls mit dem Ossetischen näher verwandt an.

Das sprachliche Material zerfällt in zwei Gruppen: von den klasischen Schriftstellern überlieferte Wörter und Namen, und Ortsnamen. Betreffs der südrussischen Ortsnamenforschung verhehlt sich Vasmer icht die vorliegenden Schwierigkeiten; seine Zusammenstellung von iraischen Ortsnamen hat nur einen provisorischen Charakter; sie genügt ber dennoch, um überzeugend zu zeigen, dass Iranier einst auf weitem Gebiete in Südrussland gesessen haben. Das Buch als solches ist eine beeutende Leistung, und es ist sehnlichst zu erhoffen, dass die übrigen Teile er Untersuchung über die Urheimat der Slaven recht bald folgen werden.

Einige Einzelheiten sind geradezu glänzend, so vor allem die einleuchtende Erklärung des *τὸν σαστῆρα* einer griechischen Inschrift aus avest. *sāstar*, mpers. *sāstār* ‚Fürst'.

Selbstverständlich gibt es auch Stellen, wo man nicht umhin kann, ein Fragezeichen im Marginal zu setzen. So vor allem bezüglich der Verbreitung der iranischen Ortsnamen auch in den Gouvernements Kursk, Orel und Charkov. Die angeführten Beispiele sind jedenfalls zu wenig an Zahl und zu zweideutig, um bestimmte Schlüsse zuzulassen.

Ob dem Skythischen wegen des Fehlens der Epenthese eine höhere Altertümlichkeit als dem Avestischen zugesprochen werden darf, möchte ich bezweifeln. Wir wissen ja noch nicht, wie viel im Avestischen auf sassanidische Schreibungen zurückzuführen ist.

Mit dem südrussischen Iranisch hat das Finnische bestimmt nie Beziehungen gehabt. Setäläs Zusammenstellung von *sarajas,* einem finnischen Sagenwort, dessen genaue Bedeutung nicht feststeht, mit avest. *zrayah-* ‚Meer' hinkt an beiden Füssen. Sonst hat schon Thomsen im Jahre 1885 auf nähere Berührungen zwischen der »medischen« Gruppe des Iranischen und den finnisch-ugrischen Sprachen hingewiesen. Diese scheinen sich aber nur auf die östlicheren von denselben zu erstrecken, während auf die ganze finnisch-ugrische Sprachfamilie eine frühere, wohl gemeiniranische Sprachform einen Einfluss geübt hat.

Das ungarische Wort *túró* ‚Quark' ist keine Entlehnung aus dem Džagataischen (S. 19), sondern wahrscheinlich wohl aus dem Čuvasischen.

Schliesslich ein paar Worte über die Kimmerier. Über ihre Angehörigkeit lässt sich Vasmer nicht bestimmt aus, weist nur, wie es mir scheint, mit Recht Zusammenhang mit den kaukasischen Völkern ab. Man besitzt von der Sprache eigentlich nur die zwei Namen *Šandakšatru* und *Teušpā*. Der erstere enthält im zweiten Teile ein deutlich iranisches Wort; den ersten Teil weiss Vasmer nicht sicher zu erklären, und der andere Name ist ihm ganz unklar. Ich möchte hier auf die Lautähnlichkeit mit zwei Götternamen aus dem kleinasiatischen (»hethitischen«) Kulturkreis hinweisen, nämlich *Šandu (Sandes)* einerseits, und *Tešupaš* des Mitannibriefes andererseits; der letztere Namen kommt ausserdem in etwas modifizierter Form auch bei anderen Völkern desselben Kulturkreises vor. Ein gleichzeitiger iranischer und kleinasiatischer Kultureinfluss ist ja gar nicht ausgeschlossen, wie denn ja bei den Mitannis iranische Königsnamen vorkommen.

Wenn hier nicht blosser Gleichklang vorliegt, zeugen die Namen von Zugehörigkeit der Kimmerier zur Einflusssphäre Kleinasiens. Aber auch so wird selbstverständlich das Volkstum der Kimmerier bis auf weiter zu erhoffende Funde ein Rätsel bleiben.

Nicht nur der Slavist, auch der Historiker und der Iranist werden Vasmers Buch mit Freude in die Hände nehmen. *Hannes Sköld.*

Проф. П. Бузук: **Коротка історія української мови. I. Вступ и звучня.** Одеса 1924. 60 стр. 12⁰.

1-я часть книжки — «Вступ» — содержит 4 главы: I. Назви українців та їхньої мови, II. Походження української мови, III. Історія питання

про українську мову та її витворення, IV. Джерела для студіювання української мови (стр. 5—28). Главная часть — «звучня» – содержит обзор звуков праславянского периода (стр. 29—36) и историю отдельных звуков (расположенную не по периодам, а по звукам) периода «окремного існування української мови». В конце добавлена хронологическая таблица «звукових змін праруської та старо-українскої мови».

Написана книга в академическом тоне, без резких полемических выпадов, хотя и с критикой некоторых взглядов, с которыми автор не согласен. Автор обнаруживает более или менее достаточное знание научной литературы[1]) и в известной мере умение в ней разобраться. Если не всегда можно согласиться с его возражениями тем ученым, трудами которых он пользуется, и с его собственными обьяснениями некоторых фактов, то в большинстве случаев следует признать, что и эти возражения и собственные обьяснения не представляют больших погрешностей против принятых в лингвистической науке методов.

В изложении Б. не оригинален, если не считать некоторых частностей, и повторяет более или менее установившиеся в науке положения, относясь впрочем критически к взглядам других ученых в спорных вопросах, насколько позволяет ему недостаточное непосредственное знакомство как с древними письменными памятниками,[2]) так и с живыми славянскими языками.[3])

Не подвергая книжки Б. подробному разбору, ограничусь несколькими замечаниями.

Излишним и несколько странным представляется мне при доказательстве былого единства прарусского языка, от которого произошли нынешние малорусский (по терминологии, употребляемой Б., украинский), белорусский и великорусский языки, подсчёт черт, обьединяющих все языки западнославянской группы в отличие от языков восточной и южной группы, и черт, обьединяющих все языки южнославянской группы в отличие от языков западной и восточной групп, с целью доказать, что этих черт приблизительно столько же, сколько и черт, обьединяющих языки восточной группы и что, следовательно, существование

---

[1]) О пробелах Бузука в знании научной литературы см. в рецензи Вс. Ганцова в „Зап. Іст.-Філолог. Відділу Укр. Акад. Наук“ кн. V, Київ, 1925.

[2]) Так, к памятникам украинского языка отнесены, между прочим, Остромирово Ев., Пандекты Антиоха XI. в., Мстиславово Е., Юрьевское Ев. 1120 г., в которых нет никаких южнорусских черт; все приводимые из памятников примеры взяты даже не из монографий, а из общих пособий, главным образом из „Лекций“ акад. А. И. Соболевского и крайне ненадежных работ А. Е. Крымского; в книжке есть замечание, что в Галицком Ев. 1144 г. нет „прикладів занепаду глухих“, совершенно не соответствующее действительности.

[3]) Б., между прочим, не знает, что в словацком *a* из *ę* перед мягкими не изменилось в *e*, что в срб.-хрв. *ћ* и *ђ* произносятся, не только, как шипящие, но и как свистящие, а также и вовсе без шипящего и свистящего элемента, что в словин. и чак. о-слав. *dj* дало *j*, что приставка *vy-* известна и в южнослав. области (словинском), что *č* из *tj* нередко и в сербохрв. говорах, что в чешском совпадение *y* и *i* явление позднее, и что совпадение *y* и *i* в южнослав. язз. позднее эпохи распадения южнослав. праязыка (если такой был) и т. д.

восточнославянского или русского языка засвидетельствовано так же хорошо, как и существование западославянского и южнославянского праязыков. Достаточно было ограничиться перечнем черт, обьединяющих все русские языки. Статистика же Б. здесь совершенно ни к чему. Число черт, общих всем языкам той или другой группы, легко может быть увеличено или уменьшено в зависимости от более детального сравнення славянских языков между собою[1]) или соединения нескольких однородных черт в одну или исключения черт, не достаточно засвидетельствованных. Так начальное *ro, lo* из *or, ol*, характерное по Б. для западнослав. группы, отсутствует в одном из несомненно зап.-слав. языков — словацком, мягкость согласных перед *e* отсутствует в чешском. С другой стороны, и в южнослав. языках начальные *ra, la* из *or, ol* без ударения и под нисходящим ударением теперь, действительно, свойственны всем ю.-слав. языкам, но было ли так всегда? Можем ли с уверенностью *ро, ло* в Супр. считать зап.-слав. чертой и утверждать, что ю.-сл. *роб* и диалект. макед. *локът* заимствованы с Запада? Окончание тв. ед. *-омь* засвидетельствовано сербским, словинским и старосл. языками, тогда как окончание *-ъмь* ни одним южносл. яз. не засвидетельствовано, но является ли это общеюжнослав. чертой? в ст.-сл. памятниках, отражающих только некоторые древне-болг. говоры, имеются и следы окончания *-ъмь*, а в нынешнем болг. языке склонение не сохранилось. Группы *tl, dl* сохраняются в некоторых словинских говорах. Звук *l* из *j* после губных отсутствует в болг. яз. Сочетания *dj, tj* не во всех южнослав. языках изменились в шипящие. Начальное *je-* в говорах болг. яз. не сохранилось, а изменилось в *e-*, а без ударения иногда и в другие звуки. Наконец, «збіг *ы* і *ι*» в чешском и болг., как явление позднее, нельзя учитывать.

Не могу согласиться и с тем упрощенным пониманием праязыковых явлений, какое имеется у Б. Так, установивши совпадение вост.-слав. языков с зап.-словянскими в ряде черт, Б. на основании этого решительно отвергает возможность существования в прошлом эпохи единства языков вост.-слав. (русской) и южнослав. групп по отделении их от зап.-слав. группы[2]) и относит изменения, общие южнослав. языкам с вост.-слав. (русскими), как и изменения, общие русским языкам с зап.-славянскими или сев.-зап.-славянскими, к отдельной жизни общерусского, общеюжнославянского и общезападнославянского языков. Я думаю, что предположение такой эпохи само по себе нисколько не мешает признанию, что существовали некогда и эпохи единства вост.-слав. (русской) группы и со всеми зап.-слав. и с одними сев.-зап.-слав. языками, и вопрос о существовании таких эпох должен решатся на основании других соображений. Подобным образом я, напр., думаю также, что говоры, из которых образовался чешско-словацкий язык, некогда стояли ближе к ю.-слав. языкам, чем к сев.-зап.-слав. языкам, что не помешало им в другую эпоху и притом неодповременно примкнуть к зап.-слав.

---

[1]) Так, напр., Б. не указывает в числе черт, общих всем языкам западнослав. группы такую черту, как *š* в случаях в роде: *vše* и пр.

[2]) Это единство предполагалось ак. Шахматовым, который относил к эпохе этого единства изменение *dl, tl* в *l* и *gvě, kvě* в *dzvě, cvě*.

группе.[1]) По таким же соображениям, по каким Б. не признает переходных эпох между общеславянской и общерусской, он почти голословно отвергает и эпоху белорусско-малорусского единства и начинает историю украинского языка, как вполне обособившегося, с XI в.

Б. стремится к точной датировке столетиями явлений праруского и украинского (понимая под последним и южнорусское наречие древнейшей эпохи и выделившийся из него малорусский язык) языков и даже прилагает в конце хронологическую таблицу, где все рассмотренные им явления отнесены к определенным векам. Но эта точность, конечно, фиктивная. Исходным моментом для этой хронологии Б. считает изменение сочетаний **tort, *tert, *tolt* в **torъt, *terьt, *tolъt* (см. ниже), которое он относит к концу VIII или началу IX в., по каким соображениям, не понимаю, п. ч. слово **korlь* »король« и пр., на которое он ссылается, самое большее может говорить лишь о том, что сочетание **tort* в словах, заимствованных из других языков, в конце VIII в. могло подвергаться во всех слав. языках тому же изменению, как и в своих словах, но нисколько не мешает думать, что сочетание **tort* в русском яз. изменилось в сочетание с гласным звуком после *r* в IX и даже X в. (ср. *Νεμογαρδάς* у Константина Порфир.); таким образом хронология полногласия может датироваться менее определённо: не позже начала XI в. В зависимости от этой хронологии стоит хронология изменений **tьlt* > **tъłt* и **telt* > **tołt*. Б. справедливо считает эти изменения предшествовавшими развитию гласных после *l* в сочетаниях *tьlt, telt* и потому относит их к VIII в., но так как появление гласной после *l* в подобных случаях нельзя датировать с такою точностью, как это хочется Бузуку, то и дата изменения в таких сочетаниях *l* в *ł* не может быть определена с такою же точностью. Переход начального *je* > *e* > *o* Б. относит к концу X — началу XI в., потому что 1) начальное *o* вместо *e* не встречается в древнейших памятниках — Остромировом Ев. и Изборнике 1073 г. — и встречается в Арханг. Ев. 1092 г. и 2) начальное *o* вместо *e* является в словах, проникших в русский язык не раньше конца X в.; следовательно, изменение *e* > *o* произошло после этого времени. Но в памятниках начальное *o* из *e* очень редко и во многих крупных памятниках не только XI, но и XII и XIII в. ограничивается двумя — тремя примерами; поэтому отсутствие такого *o* в Остром. Ев. и Изборн. 1073 г., восходящих к ю.-слав. оригиналам и написаных очень тщательно, ни на что не указывает;[2]) возможность же изменения *e* в *o* в заимствованных

[1]) Подобные явления известны и из более поздней эпохи. Так белорусский яз. образовался из слияния части ю.-русских говоров, однородных с теми, какие легли в основу позднейших сев.-малор. и сев.-укр. говоров, с говорами сев.-русскими, причём и те и другие подверглись сильнейшему влиянию говоров третьего русского типа; великорусский яз. получился из слияния сев.-р. говоров с вост.-русскими, стоявшими раньше ближе к ю.-русским. Ср. также соображения Белића о взаимоотношениях срб. и словинского язз. в RESl. 1, 1921, 20 сл.

[2]) Написание *одва* в Изб. 1073 г. сюда не относится. Но, с другой стороны, ничальное *о* из *е* имеется в русских недатированных памятниках XI в. — Словах Кирилла Иерус., Синайск. Патерике и Панд. Ант., из которых, по крайней мере, первый не моложе Изборн. 1073 г.

словах в X—XI в. не говорит за то, что начальное *е* в своих словах изменилось в *о* тотда же: *о* вместо начального *е* в памятниках XI и XII вв. является даже в таких греческих словах, которые встречались писцам XI и XII вв. впервые; следовательно, склонность к изменению начального *е* без јотации в *о* русский яз. сохранял и в XII в., но это вовсе не говорит о том, когда в русском яз. произошло изменение начального *е* в *о* в своих словах. Аканье в южновеликорусском возникло не позже XIII в., но продолжает распространяться и в XX в.; слова с безударным *о*, заимствованные из иностранных языков в XVIII и XIX в., через 5 веков после возникновения аканья, произносятся в русском литературном языке с безударным *а* или редуцированным звуком, а в южновеликор. народных говорах подобному изменению подвергается безударное *о* и в словах, только что заимствованных. Изменение начального *е* в *о* в греческих словах обьясняется тем, что после изменения *е* в *о* в своих словах, в русском языке не оставалось ни в каких положениях начального *е*; начальное *е* в частицах и указательных словах стоит в особом положении; можно думать, что в южнорусском эти слова произносились с начальным придыханием, которое мешало *е* измениться в *о*.

На стр. 13, не соглашаясь с Шахматовым, отожествлявшим антов Прокопия со всеми восточными славянани, Б. отожествляет их с одними вятичами, основываясь на том, что «як що в топерішній час східніх слов'ян разів в сім більше, ніж південних, то необхідно, розуміється, визнати те ж саме й для VI в. відносно кількости східніх та південних слов'ян». Не понимаю этого аргумента: в VI в. англичан совсем не было, а англо-саксов было значительно меньше, чем французов и итальянцев, а теперь англичан гораздо больше, чем и французов и итальянцев; в III в. до Р. Хр. греков, т. е. говоривших на греч. яз. и усвоивших греч. культуру, было значительно больше, чем латинян, а через 1000 лет, конечно, наоборот; в I в. до Р. Хр. во Франции кельтов было раз в 100 больше, чем римлян, а всего через 500 — 600 лет римлян в несколько раз больше, чем кельтов.

Между обшеслав. **tort*, **tert*, **tolt*, **telt* и русским полногласием Б. предполагает промежуточную ступень **torъt*, **terьt*, **tolъt* (стр. 29, 58). Впрочем, на стр. 44 он оговаривается, что в этих сочетаниях были не чистые *ъ*, *ь*, а звуки средние между *ъ*, *ь*, и *о*, *е*. Здесь Б. смешивает количественную и качественную стороны. С количественной стороны *о*, *е* во 2 ом слоге полногласных сочетаний в XI в., по крайней мере, в южно-русском, очевидно, были короче *о* и *е* другого происхождения, но с качественной стороны нет никаких данных считать их отличными от *о*, *е* другого происхождения: во всех русских памятниках XI и XII в. они никогда не смешиваются с *ъ* и *ь*, а в великорусском под восходящим ударением *о* во 2-ом слоге таких сочетаний имело судьбу, отличную от судьбы старого *ъ* сильного.

На стр. 38 Б. возражает против мнения Шахматова, что *ъ* и *ь* в русском яз. раньше выпали в 1-ом слоге, говоря, что «очевидно вимагалось більш сміливости (у писца) для пропуску *ъ*, *ь* в кінцевих складах». Но речь идет не только о конце слова, но и о суффиксальных слогах, в которых ъ и ь пропускаются часто в старослав. памятниках ю.-слав.

письма и в тех памятниках русского письма, в которых найболее выдержано ю.-слав. правописание, как напр., Пандекты Антиоха; там же, где влияние церковнослав. правописания слабее, ъ и ь пропускаются только в 1-ом слоге слова не в предлогах и сохраняются в суффиксальных слогах. За то, что ъ и ь в конце слова произносились, может говорить выдержанное употребление ъ в предлогах *съ*, *въ*, *низъ* и др. (на то, что это не только орфография, указывает правильное написание без конечного ъ предлогов *раз*, *без*, *из* и пр.).

Непониманием психологии правописания обьясняется фраза (стр. 44), что «відсутність прикладів зміни ъ, ь на *о*, *е* в пам'ятниках . . . слід з'ясовувати тим, що для заміни ъ, ь на *о*, *е* від переписувача вимагалось все-таки більше сміливости». В ю.-слав. памятниках XI в. и русских памятниках XII в., где такая замена есть, она является результатом не смелости, а недостаточного знания правописания. Неужели Б. думает, что плохой ученик, делающий больше ошибок, смелее хорошего ученика, пишущего без ошибок?

Есть и другие места в книге Б. или прямо ошибочные или вызывающие возражения, но я их касаться не буду.[1])

8. XI. 24. *Николай Дурново.*

Російсько-український словник. Том перший. А—Ж. Редактори: В. М. Ганцов, Г. К. Голоскевич, М. М. Грінченкова. Головний редактор: акад. *А. Е. Кримський*. 1924. Українська Академія Наук. Комісія для складання словника української живої мови. Друкарня Видавництва „Червоний Шлях" у Київі. 25.000 примірників. 8⁰. XIV+290.

При Украинской Академии Наук в Киеве уже пять лет работает, под председательством акад. А. Е. Крымского, постоянная комиссия для составления словаря живого украинского языка. Но перед нами не тот словарь, для которого эта комиссия в свое время была создана. Настоящий русско-украинский словарь явился ответом на иное, особое задание.

Издательство ,,Путь Просвещения" (теперь ,,Червоний Шлях") при Комиссариате Народного Просвещения Украины летом 1923 г. поручило указанной академической комиссии спешно изготовить рукопись практического русско-украинского словаря, использовав имеющийся в комиссии готовый словарный материал. Поводомъ к такому заданию послужила острая потребность в русско-украинском словаре, вызванная украинизацией всей государственной и общественной жизни Украины. — Размер словаря сначала предполагался всего в 40 печатных листов, и только

[1]) Заслуживаст внимание оценка книжки Бузука, данная Ганцовым в назв. выше рецензии, резко отрицательная, но содержательная и, в общем, верная, хотя с некоторыми возражениями Ганцова, наприм., против признания общерусской эпохи, равно как и эпох зап.-слав. и ю.-слав., я не могу согласится. Рецензия О. Синявского в ,,Пути Просвещения" (тоже ,,Шлях Освіти") 1924, кн. 9, осталас мне недоступной.

когда в процессе работы выяснилась недостаточность такого об'ема, он был увеличен до 90 печ. листов. (В связи с этим первые два листа, до слова богохýльство, разработаны в словаре не так полно, как дальнейшие).

Весь словарь составит 4 тома; редактированье 3 и 4-го томов поручено теперь акад. С. О. Ефремову.

Главную заслугу своего словаря составившая его комиссия видит в том (стр. VII предисловия к словарю), что в словаре исчерпана более или менее полно лексика художественной украинской литературы за последние 50—55 лет (в известном словаре Б. Гринченко литература эта исчерпана только до 1870 г.), исчерпаны также этнографические издания и, наконец, произведения научные, критические, особенно двух последних десятилетий. Немало материалов дали также новые записи (особенно акад. Крымского) из народныхъ уст, из современной печати и из живой речи украинской интеллигенции. В отличие от прежнихъ украинскихъ словарей, в новом словаре преобладает не народно-этнографический элемент, а материал литературный. Что до научной и технической терминологии, то въ словарь вошли лишь термины более широкого, общего значения; в больших несколько размерах вошла терминология ботаническая и зоологическая (поскольку она вошла и в прежние словари — Гринченко и Уманца), но и тут, по замечанию редакции (с. VIII предисловия), очень много пропусков и даже ошибокъ.

Рассматриваемый словарь полнее и лучше всех прежних украинских словарей, в частности словарей Гринченко и Уманца, зависимость от которых нового словаря вне всякого сомнения. Словарь Гринченко дал комиссии 108950 украинских карточек, а всего для словаря редакция имеет около 400 тс. карточек. При всем том, неполнота нового словаря, особенно въ смысле фразеологии, является его главнымъ недостатком. По словам предисловия (с. VI), словарная комиссия имела перед собою два главных задания: первое — дать соответствующий потребностям времени перечень русских слов, второе — исчерпать возможно глубже богатые и мало еще изученные лексические сокровища украинского языка. Между тем, для перечня русских слов редакцией были взяты словари — Макарова „Русско-французский словарь", Дубровского „Полный словарь русскаго и польскаго языка" и Уманця и Спілки „Словарь російсько-український (Львів, 1893). Выбор этих источников, словарей далеко не первой научной ценности, нельзя, конечно, признать удачным. Правда, по словам редакции (с. VI), систематически привлекались также и словари Даля и Академии Наук, но сравнение показало нам, что и академический русский словарь и словарь Даля (конечно, говорю о той его части, которая отражает современный литературный язык) недостаточно использованы. Особенно много пропусков в области русской фразеологии, которая, кстати заметить, представляет главную трудность при переводе съ русского языка на украинский, почему в практическом словаре полнота фразеологии особенно важна. В этом отношении Киевская рекакция совсем даже не воспользовалась и новейшим прекрасным трудом М. И. Михельсона („Русская мысль и рѣчь. Опытъ русской фразеологіи").

Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров (опуская первые два листа, неполноту которых оговаривает редакция). Под

словом давать-дать нет выражений, которые находим под этим словом в русском академическом словаре: дава́ть уро́ки, — дохо́д (нет и под сл. дохо́д), — ход де́лу, — согла́сие, — отве́т, — сове́т, — себя в оби́ду, — доро́гу (нет и под сл. доро́га), — срок, — пощёчину, — кля́тву, — заро́к, — пье́су в театре, — обе́д, пир, бал, — би́тву (нет и под. сл. би́тва), — ве́ру чему (нет и под сл. ве́ра), — депе́шу (нет и под сл. депе́ша), — тре́щинку, щель; дать кому сколько лет. Под словомъ глаз не переведены русские выражения: глаза́ разбежа́лись, пожира́ть глаза́ми, откры́ть кому глаза́, глаз не ка́жет, не спуска́ть с кого глаз, уста́вить глаза, хло́пать глаза́ми, глаза́ прогляде́ть, в глаза́хъ потемнело, потýпить глаза́, стреля́ть глаза́ми, пыль в глаза́ пуска́ть, лезть в глаза́, аза́ (этого слова совсем нет) в глаза́ не зна́ет; очки́ по глаза́м; закрыва́ть глаза покойнику; нет ряда выражений, где глаз означает „присмотр, досмотр", напр. „тут глаз ну́жен". Нет в рассматриваемом словаре выражений: белу́гой реве́ть, бе́шеные де́ньги, гла́дить кого по голо́вке, волы́нку тяну́ть, го́рбом добыва́ть, как на грех, де́шево отде́латься, дешёвая остро́та, по до́брой во́ле, жива́я газе́та и т. д. Нет совсем слов: бубенцы́, буга́й, буда́рка, буди́ровать, бу́ер, бузня́, дальтони́зм и некот. др.

Правда, многие из перечисленныхъ нами выражений вероятно, войдут в словарь под другими словами, в дальнейшихъ томах. Но практический характер словаря, как справочного издания, требует — или повторить эти выражения под разными словами (так повторены в рассматриваемом томе выражения: жи́тель а́да, вре́мя жа́твы) или же сделать под одним словом ссылку на другое. С точки зрения экономии места излишне повторение таких словосочетаний, которые мы находим, напр., под сл. вре́мя: „время рождения овец", время собирания мака", „время, когда греет солнце" и друг. Вряд ли кому-либо придет в голову искать эти словосочетания в словаре под словом вре́мя, и повторение их s. v. овца́, мак, со́лнце неизбежно.

Говорить о том, будто бы русская ботаническая терминология мало разработана и неустановлена (стр. VIII предисловия), будет неточностью. То правда, что русские естествоиспытатели вообще не так много занимаются русской терминологией, придавая главное значение латинской терминологии, как международной. Но русские ботаники как раз посвятили целый ряд больших и ценных трудов специально разработке русской ботанической терминологии. Кроме упомянутого редакцией „ботанического словаря" Анненкова, назову книги: Петунников „Свод ботанической терминологии", Н. Семенов „Русская номенклатура . . . растений".

Система об'яснения слов в рассматриваемом словаре такова: для каждого русского слова приводится не одно только соответствующее украинское слово, но и не все украинские соответствия, а только литературные и лишь немногие областные. На первом месте приводятся е украинские слова, которые употребительнее других в современном украинском литературном языке и которые, одновременно с тем возможно ближе передают значение русского слова; дальше идут менее распространенные в литературном украинском языке синонимы и еще дальше -

слова со специальными оттенками значения. Обычны особые выражения (фразеология) и нередки фразы-примеры из писателей и живой речи. — Все слова в словаре, как украинские, так и русские, приводятся с обозначением ударения.

Вообще, несмотря на свою неполноту, рассматриваемый словарь нужно признать крупным шагом вперед в развитии украинской лексикологии.

Харьков. *Дм. Зеленин.*

Б. Ангеловъ: **Българска литература.** Часть I. Исторически очертъ на старата българска литература отъ началото до от. Паисия. София 1923. 8⁰, 98 и 2 стр. Цѣна 18 лева.

Очерк староболгарской литературы Б. Ангелова построен по обычному типу сжатых учебников по истории литературы, в то же время, естественно, представляет последние научные выводы в этой области. Отличие его от подобных пособий заключается, разве, в том, что внесен параграф об общих пособиях по изучению болгарской литературы (стр. 6—18). Обзор этих пособий подтверждает мысль автора о положении исследователя или вообще лица, интересующегося историей болгарской литературы, до настоящего времени: огромное большинство (чуть ли не девять десятых) этих пособий приходится на труды на иноземных, преимущественно инославянских языках, а не на болгарском; причина этого заключается с одной стороны в том значении, какое имеет староболгарский (старославянский) язык и его литература в истории славянских литератур и языков, с другой — в сравнительной молодости болгарской историко-литературной науки. Поэтому понятно, что историку болгарской, в частности древнеболгарской, литературы особенно часто приходится считаться с тем, что сделано по тому или иному вопросу за пределами болгарской научной литературы, тщательно следить за этой не-болгарской литературой, если он хочет стоять в своих исследованиях и выводах на уровне современной науки. Находясь, т. о., в значительной степени в зависимости от состояния в этом отношении библиографических сведений у себя дома, Б. Ангелов и пытается использовать эти данные, сжато и с выбором указывая подходящую научную литературу при изложении отдельных моментов истории староболгарской литературы, прежде всего стараясь указать, разумеется, то, что по тому или другому вопросу сделано в его родной болгарской научной литературе, доводя эти сведения до новейшего времени. Этот, вполне правильный и естественный метод пользования пособиями в подобном „Очерке" руководстве, дает и нам право судить о состоянии сведений и о степени их разработки в современной научной болгарской литературе по отдельным вопросам истории староболгарской, а, следовательно, определяет для нас и степень научности самой истории литературы Б. Ангелова. В общем он справился со своей задачей, повидимому, вполне удовлетворительно: его „Очерк" показал, насколько разработка истории староболгарского (до XVIII в.) периода литературы продвинулась вперед сравнительно со старшими руководствами А. Н. Пыпина, А. Тодорова, Мирчева и даже Михайлова (1921 г.). Но при всем том

отдельные места „Очерка“ нуждаются в улучшении и поправках. Трудность уследить в Болгарии за современными успехами разработки отдельных вопросов, недостаточная, поэтому, осведомленность автора (в общем очень внимательного) в научной литературе по тому или иному из этих вопросов, осложняемая сжатостью изложения, требуемой „Очерком“ в силу его характера и назначения, — все это объясняет недочеты в этом „Очерке“, нами замечаемые. В библиографии, особенно по общим вопросам славяноведения бросается в глаза отсутствие какой либо стройной системы в подборе указаний, даваемых автором, их как будто случайность: рядом, напр., стоит устаревшая давно работа Иос. Первольфа о взаимоотношениях славян (1890) и новейший труд по славянским древностям Л. Г. Нидерле (при том почему-то указана только одна его часть (1912 г.) со ссылкой на Българску Сбирку этого года!), и тут же плохая книжка Л. Л же по славянской мифологии (1901). В литературе по отдельным вопросам литературной истории (не претендуя, конечно, на исчерпывающую полноту) иногда встретим такие же недочеты, ту же непоследовательность: в общем давая, действительно, существенное по тому или иному вопросу, Б. Ангелов вдруг опускает такие указания на такие труды и пособия, которые по своим достоинствам и значению должны быть сочтены необходимыми при ознакомлении с тем или иным вопросом, и это не всегда касается новейшего исследования или источника (что, пожалуй, еще можно извинить недоступностью его при современных международных научных сношениях); в виде примера можно указать на несколько таких мест в книге Ангелова: в библиографии касательно Климента Словенского (стр. 42) не находим в перечне такого труда, каков труд Н. Л. Туницкого (1913), с которым во всяком случае нельзя не считаться; то же надо сказать и о Константине Пресвитере (стр. 45—46): вся литература о нем, приводимая автором книги, сводится к двум указаниям, при том только на болгарском языке (арх. Антоний и А. И. Соболевский, последний - краткая заметка по мелкому вопросу — в СбМНП. XVIII), тогда как мы ожидали бы указания на солидную русскую работу архиеп. Антония (Из истории христианской проповеди, изд. 2, СПБ. 1895) и на единственную обстоятельную работу по тексту писаний Константина (Учительного Евангелия) А. В. Михайлова (Древности Славянской Комиссии, М. 1894); говоря об Иоанне Екзархе автор (стр. 50 51) указывает на известную статью А. Лескина (в „Архиве“ Ягича, XXVI) о Шестодневе, и не находит нужным отметить еще более важную работу В. Вондрака (O mluvě J. E. — Praha 1896), и т. п. В иных случаях, отсутствие соответствующего библиографического указания заставляет подозревать и незнакомство автора с тем или иным исследованием по тому или иному вопросу: это видно из того, что он излагает иногда мнение, или уже отвергнутое наукой, или уже заподозренное с точки зрения его правильности: так, по поводу „Александрии“ ему осталась неизвестной (либо почему нибудь игнорируемой) большая монография В. М. Истрина (1894) и даже А. Н. Веселовского (Из истории романа и повести, I), „Повесть об Акире премудром“ ему известна только по известной книге А. Н. Пыпина („Очерк...“ 1858) и статейке И. В. Ягича

(в Byz. Ztschr. 1892): большие работы А. Д. Григорьева и Н. Н. Дурново (Москва, 1913 и 1915 г.) им в рассчет не приняты: относительно „Девгениева деяния" автор книги стоит еще на старой точке зрения, полагая, что повесть эта „прѣведена на български", и что „въ българския текстъ религиозниятъ елементъ е засиленъ за смѣтка на любовния, който има надмощие въ гръцкия текстъ" (стр. 73); до него, быть может, еще не дошел 99-ый том Сборника Отд. русск. языка и слов. Рос. А. Н.? То же приходится заключать из слов автора о переводных хрониках (стр. 76): ему осталось не известным даже то, что существует два перевода двух различных редакций Георгия Грешника, из коих один, действительно, болгарский, скорее всего времени патриарха Евфимия. Нельзя не признать крайне рискованным (по крайней мере в той формулировке, какая дана в книге) утверждение Б. Ангелова (стр. 69), что „Беседа трех святителей" (о ней, как известно, существует на русском и славянских языках довольно значительная литература с именами Поливки, Красносельцева, Мочульского и др.) „извѣстна на запад въ латинска обработка под името Lucidarius" и об этом „Луцидарии" есть уже несколько работ, не говоря о работе Н. С. Тихонравова, — Архангельского, Зибрта и др.).

Этих примеров достаточно, чтобы судить о характере недочетов „Очерка": он грешит непоследовательностью, неточностью в пользовании наличной существующей научной литературой, а потому в качестве учебного, справочного руководства оставляет желать многого. Эта слабая сторона „Очерка" подчеркивается явной поспешностью, граничащей с небрежностью, которую обнаруживает автор, стремившийся быть кратким и в то же время дать полезные указания интересующимся болгарской литературой. Во избежание упрека в голословности высказанного суждения об этой стороне труда Б. Ангелова, в виде примера ограничусь указанием на большое примечание на стр. 38 книги, где автор перечисляет главнейшие из глаголических и кирилловских древнейшие памятники старославянской письменности, сообщая при этом места их хранения и издания: Синайские Требник и Псалтирь он считает находящимися в „Имп. Публ. библ. въ ПБгъ"; не знает, что Македонский листок поучений Ефрема Сирина находится в библиотеке Росс. Акад. Наук (собр. И. И. Срезневского), а Хиландарские листки Кирилла Иерусалим. изданы в „Пам. старослав. языка. I, вып. I (СПБ. 1900) и находятся в Одессе в университете (собр. В. И. Григоровича); В. М. Ундольского за что-то произвел в „графы" и т. д. . .

К сожалению, более определенно судить о достоинствах и недостатках библиографического аппарата Б. Ангелова не имею возможности; мне до сих пор остается недоступной его „История на Българската литература въ примѣри и библиография" (София, 1921 и 1922 г.). Во всяком случае, попытка Б. Ангелова — дать отчет о современном состоянии истории староболгарской литературы — при всех ее недостатках, в общем, полагаю, не столь существенных, чтобы счесть попытку неудавшейся, должна быть признана явлением в науке положительным, и надо надеяться, что в новом издании своего труда автору удастся освободиться по крайней мере от указанных недочетов. *М. Сперанский.*

Z ostatnich prac Aleksandra Brücknera.

Dożywający lat 70. Nestor historyków literatury polskiej, Aleksan-er Brückner, pracownik najbardziej uniwersalny, odkrywca i rekon-ruktor całych rozdziałów polskiego piśmiennictwa, przed nim nieistnie-ących, ogarniający pozatem wielki obszar kultury słowiańskiej, także ęzykoznawca i badacz mytu — pracuje z niesłabnącą, krzepką energją.

Ogłosił niedawno trzy prace: nowe wydanie »Dziejów literatury pol-kiej w zarysie«, dwutomowy zbiór pism Jana Kochanowskiego i opraco-anie »Marji« Malczewskiego.

»Dzieje literatury«, dzieło życia, wychodzą po raz czwarty (Warszawa, ibljoteka Polska), jak poprzednie w dwóch tomach, w układzie, aż do mówienia doby ostatniej, zasadniczo niezmienionym. Całokształt ten aczął prof. Brückner budować przed ćwierć wiekiem, ogłaszając naprzód ydanie niemieckie (Lipsk 1901), następnie odmienne, samoistne opra-owanie polskie (Warszawa 1903), z którego jednak również wyłączył io- i bibljografję, gdyż, jak pisze w przedmowie do tego wydania »roz-rawia o dziełach, nie o ludziach i książkach; zatrzymał podział naj-ardziej mechaniczny, jako najmniej gwałcący prawdę; nie uwzględnił teratury naukowej, ograniczając się do pięknej, chociaż bardzo szeroko ojętej i przeprowadził wykład do doby najnowszej«.

Drugie wydanie (1907, data przedmowy), zachowując ten sam układ, względniło późniejsze wyniki badań, prostując mylne nazwy i daty, twier-zenia i domysły oraz dodając nowe ustępy, do czego również przyczyniła ię era »kostytucyjna« w Rosji po 1905 roku, zwalniająca węzły cenzury.

Dwa ostatnie wydania »Literatury« Brücknera przypadają już na zasy Polski wyzwolonej, idąc po sobie w szybkim odstępie czasu (1921, 924). Przedmowa do trzeciego wydania zwraca uwagę, że »książka... mieniła krój i strój, lecz sama się nie przeinaczyła«, co dotyczy układu, dyż w treści »usunięto wiele omyłek, niejedno zbędne, uwzględniono szelakie wyniki nowszych badań, obcych i własnych«; nadto wolność olityczna Polski dopuściła zupełną swobodę wywodów tomu II., który ozpatruje wiek XIX i rzecz dociąga do wybuchu wojny światowej (1914).

Zajmującem jest śledzenie rzeczowego rozrostu książki, dziś, gdy bliża się ćwierćwiecze jej poczęcia, wypełnione pracą tylu badaczy »quo-um pars magna fuit« sam autor, przedewszystkiem w zakresie wieków rednich oraz całkowicie niemal nowej rekonstrukcji XVII stulecia. Naj-ardziej pouczającem będzie zestawienie wydania pierwszego — z ostatniem.

Układ chronologiczny pozostał bez istotnej zmiany. Że i taka kon-trukcja gwałci prawdę, z tego sam autor zdaje sobie sprawę, przyjmując ą jako malum necesarium. Nieuniknionem tegoż następstwem jest ozrywanie twórczości poszczególnych pisarzy, na czem cierpi zwłaszcza loba nowsza (wiek XIX), doprowadzając nadto do takich np. niespodzianek, ak pomieszczenie Cyprjana Norwida, największego w Polsce symbolisty, rozdziale, omawiającym »realizm lat 1863—90«, pomiędzy W. Spaso-viczem a Władysławem Mickiewiczem.

Bieg czasu spowodował też zmianę rozdziałów końcowych: to, co 1903 roku stanowiło »literaturę najnowszą« (od roku 1864) a wy-

łożonem zostało w pięciu końcowych rozdziałach — pszeszło później przeważnie do dwóch rozdziałów, omawiających »realizm lat 1863—90«; przybyła »Młoda Polska« (1890—1914) jako rozdział samoistny; całość zamknęła »literatura potoczna« (rozdz. XX) oraz w uzupełnieniu obu tomów na końcu każdego »dodatek bibljograficzny«, w którym autor wymienił najważniejsze wydawnictwa, opracowania i monografje literatury starszej i nowszej.

Nieprzebraną skarbnicą wiedzy historyczno-literackiej pozostanie na zawsze tom pierwszy literatury Brücknera, doprowadzejący wykład do końca XVIII wieku. Niejeden szczegół pierwszorzędnej wagi został tu zmieniony, charakterystyka wzbogacona, lista pisarzy pomnożona, poszczególne ustępy przestawione lub dopełnione. Zniknął w rozdziale pierwszym, mówiącym o początkach polskiego piśmiennictwa, dawny pewnik Brücknera, że Franciszkanin Bogufał ułożył dwie pierwsze zwrotki »Bogurodzicy«; miejsce powstania tej najstarszej pieśni polskiej wskazano hipotetycznie (»z murów, może klasztornych starosądeckich«). Skorzystano z prac Łosia o zabytkach staropolskich; przesunięto kazania świętokrzyskie na wiek XIII, oddzielając je od późniejszych, t. zw. Gnieźnieńskich.

Zmieniono układ rozdziału 4.; do pisarzy, wykolejonych polemiką teologiczną, przybył Glicner.

Rozzerzyła się znacznie charakterystyka Reja, wzbogaciła o nowe szczegóły Kochanowskiego. Ustęp o prozaikach w rozdziale 5. przeniosł się na koniec; pojawiły się uwagi o literaturze broszurowej z czasów I. bezkrólewia (1572—4), wyszedł z mroków zapomnienia znakomity publicysta, J. D. Solikowski, dawniej ledwo wspomniany jako autor »Apokalipsy«.

O literaturze arjańskiej nikt tyle nie ma do powiedzenia, co Brückner. Pomnożyły się uwagi o udziale cudzoziemców w tym ruchu i o różnowierczych postyllach. Wypłynęło nowe nazwisko Adama Wodzisławczyka, autora »Krotofil ucieszných«, a zwłaszcza Szczęsnego Herburta »najbystrzejszej głowy w Polsce XVII wieku«; zamiast Reja, prawnuka Mikołaja — pojawił się jezuita, Walenty Pęski, prekursor reakcjonisty, A. M. Fredry; niewiadome dawniej autorstwo »Lecha wzbudzonego« przysądzonem zostało Jurkowskiemu; zwiększyła się literatura sowizdrzalska i komedja żaków.

Osobny rozdział w omówieniu XVII wieku tworzyła już dawniej »poezja szlachecka« — później w szczegółach ustalona i rozszerzona. Rozwiązano anonim »Potrzeby cudnowskiej« na rzecz Samuela Leszczyńskiego, autora »Classicum sławy« (o wiktorji Chocimskiej), dodano poezje religijne St. Lubomirskiego, wysunięto ze względów chronologji naprzód Hieronima Morsztyna, dopełniając charakterystyki z nowych materjałów, wciągnięto w ramy epoki »Wirydarz« Jakóba Trembeckiego.

Zamykając tom pierwszy dodał autor wzmianki o literaturze elegijno-patrjotycznej, porastającej nikłą wegetacją świeży grób Polski (najciekawszy »Bard Polski« Ks. Ad. Czartoryskiego, wydobyty z ukrycia przez prof. Kallenbacha).

Całość wykładu oparto na szerokiem tle słowiańskiem, jedynem dla Brücknera (tylko Nehring ma podobny punkt widzenia i Marjan Zdzie-

chowski ongiś dla czasów nowszych), z usilnem podkreślaniem promieniowania kultury piśmienniczej polskiej na wschód i północ, czem Nestor polskich historyków literatury przewyższa wszystkie inne opracowania całokształtu, choć tylko skromny, dwutomowy »zarys« pisze.

Przewyższa też inne opracowania obfitością nazwisk i tytułów w I. tomie zarysu. Popularności dzieła, zamierozonej przez autora, sprzyjać to nie może. Przeciętny czytelnik będzie przytłoczony tą masą faktów, wyliczonych na stosunkowo małej ilości stronic, — pomimo że autor ubiera je przydawką, czy określeniem zawsze jędrnem, plastycznem, stylem sobie właściwym, zalatującym tchem staropolszczyzny, barwionym przysłowiem lub nalotem ludowej gwary. Mimo to, dla obfitości nazw, z któremi ogół jeszcze się nie osłuchał — pozostaną one dźwiękiem zbyt pustym, ten zaś, nie budząc asocjacji, nie zaczepi się trwale o pamięć. Synteza w I. tomie literatury Brücknera wymaga już znacznego stopnia znajomości rzeczy. Zawodowym badaczom dostarczyć może niezliczonej ilości podniet i punktów wyjścia w dalszej analizie zjawisk poszczególnych.

Inny charakter nosi drugi tom zarysu: wiek XIX i czasy najnowsze do 1914 roku. Zaznacza to autor w przedmowie: nie o wyczerpanie szczegółów tu chodzi — ale o wybór zjawisk celniejszych. Tutaj posuwa się Brückner już torem, utartym dookoła zjawisk znanych i ustalonych — tutaj też, w niejednym kierunku, otwiera się szerokie pole do dyskusji.

I tak zaraz na wstępie trudno się zgodzić na zbyt gwałtowny przeskok od pseudoklasycyzmu do romantyzmu. W czasie, dzielącym I. wydanie Brücknera od ostatniego, pojawiła się obfita literatura naukowa, swoja i obca, ustalająca istotę t. zw. preromantyzmu, który, jako stosunkowo nowy rozdział w dziejach piśmiennictwa, stworzył ważne ogniwo łącznikowe pomiędzy klasycyzmem a romantyzmem. W Polsce prąd ten zaczyna się już w czasach przed rozbiorami — przechodzi kolejne fazy ewolucyjne, równolegle z Zachodem — i trwa w pełnej sile aż do wystąpienia Mickiewicza, które historycznie objaśnia i uzasadnia. Nawet literatura naukowa obca skorzystała z polskich prac w tym kierunku (zob. Paul van Tieghem »Le Préromantisme« Paris 1924). Brückner jednak zachował stary szablon, dodając o preromantyżmie wierszy osiem, w których po staremu zjawisko to zaczyna się w Polsce za Księstwa Warszawskiego, wyprowadzone, jako ze źródła, z książki de Staël »O Niemcach«, z genewskiej »Revue universelle« i z tłumaczeń utworów Schillera (»preromantyzm przedstawia się bardzo skromnie, bo polega na tłumaczeniach wszelakich urywków z książki pani de Staël De l'Allemagne albo z genewskiej Revue universelle, z tłumaczeń wyjątków z Schillera i in. a do uświadomienia istoty romantyczności nie dochodzi wcale«). Dopiero Kazimierz Brodziński jest Janem Chrzcicielem polskiego romantyzmu. Są to już dziś ogólniki konwencjonalne, dla których nawet w zarysie literatury miejsca być nie powinno.

W wywodach o twórczości wielkich romantyków nie każdy szczegół trafia do przekonania. Czytamy np., że poemat Słowackiego »W Szwajcarji« to dań poetycka »nierealna prócz kilku rysów, zdradzających wspomnienia pierwszej i jedynej miłości do Ludwiki Śniadeckiej« i że »podobny do opowiadania Araba o losie równie złośliwym, prześladującym niewinnego«.

Że realnym punktem wyjścia dla elegji szwarcarskiej była Śniadecka, a nie Wodzińska — toby należało udowodnić, nie dla drobiazgowej korekty, lecz dla zgoła odmiennego oświetlenia, w jakim stanął by wówczas najbardziej harmonijny utwór poezji polskiej; podobieństwa z powieścią poetycką o Arabie byłoby jeszcze trudniej dowieść — wszak pod każdym względem poematy to różne.

Nie docenia Brückner, naszem zdaniem, scenicznej wartości dramatu Słowackiego, właśnie tem bardziej godnej podziwu, że poeta-tułacz nigdy realizacji swoich wizyj dramatycznych nie widział. Zwracamy na to uwagę także i z tego powodu, że jest to jedno z ogólnych założeń literatury Brücknera, mogących budzić sprzeciwy. Słowianom wogóle, Polsce zaś w szczególności odmawia autor wrodzonych zdolności do stworzeniu dramatu w wielkim stylu. »Brak jej (sc. literaturze polskiej)« — pisze — »i do dziś wielkiego dramatu narodowego i dramaturga takiego, jakich epików i liryków posiada«. »Epiczna rozlewność pisarzów słowiańskich we wsi samej, nie w ruchliwem mieście wykołysanych, walczy z wymaganiami scenicznemi«. Jest to bez mała aksjomat Brodzińskiego z przed stu lat, który do poezji »sielskiej« chciał ograniczyć całą twórczość polską. I o ile doba starsza mogłaby właściwością rasy objaśniać ubóstwo dramaturgji — obok innych, może bardziej istotnych przyczyn — to wielka literatura narodowa, wyzwolona z pęt naśladownictwa, wydaje się przeczyć temu twierdzeniu nazwiskami Fredry, Słowackiego i Wyspiańskiego, godnemi stanąć obok największych dramaturgów zachodnich nowożytnych.

Możnaby stanąć również w obronie pierwszych pokoleń zawodowych aktorów polskich. Brückner utrzymuje, że »znakomitych artystów wydała dopiero druga połowa XIX. wieku«, — czem przekreśla pracę zupełnie pierwszorzędnej generacji aktorów warszawskich z czasów działalności świetnego grona krytyków Ixów oraz pierwszej aplikacyjnej szkoły teatru Bogusławskiego i Osińskiego. Szymanowski, Bogusławski, Kudlicz, Żółkowski (ojciec), Ledóchowska (Modrzejewskiej poprzedniczka, której sława dosięgła Anglji) — nie stoją wcale poniżej ówczesnego poziomu sztuki aktorskiej. Z ich tradycji wyrasta Modrzejewska — i dzisiejszy aktor warszawski, którego pozazdrościć nam może każdy teatr europejski.

Nie wszystkie też charakterystyki dramatopisarzy możemy przyjąć bez zastrzeżeń. Zlekceważonym wydaje nam się Bałucki, o którego najbardziej żywotnem dziele, »Grubych rybach«, znalazła się ledwo wzmianka, i to stylistyczna (II., s 346). Zbyt krótko wspomniana Zapolska (choć »jej Dulska... przetrwa wieki«, gdyż »dosadniejszej karykatury niema w literaturze świata«), Rittner i Perzyński. Modernizacji wymaga ustęp o Wyspiańskim, pozostawiony zasadniczo w starej charakterystyce z 1903 roku, nieco mechanicznie dopełnionej ogólnikiem, że »po Mickiewiczu i Słowackim największy to genjusz poetycki, najoryginalniejszy, rdzennie swojski« (byłby to więc chyba ów »wiekli dramat narodowy«, na którego brak żali się autor na innem miejscu, s. 337).

Natomiast przecenionym wydaje się dramat Świętochowskiego (rzeczywiście książkowy). Skąd wśród dramaturgów polskich wziął się na honorowem miejscu, odbity tłustym drukiem, sionista Alfred Nossig, który

»oddawna po niemiecku pisuje« — trudno zrozumieć; ten chyba nie pomnożył »słowiańskiego« dramatu.

Wracając z tej wycieczki na pole uwag o dramacie do przerwanego toku chronologicznego wykładu — zatrzymujemy się nad Cyprjanem Norwidem, zabłąkanym do rozdziału o realiźmie lat postyczniowych, chociaż rzeczowo łączy się ta twórczość z ideologją trójcy romantycznej i jeszcze silniej, niż Słowacki, czas swój wyprzedza. Powiększyła się charakterystyka Norwida o ilość wierszy — nie dorównując i tak Konopnickiej, czy Asnykowi — mniej o treść, zbyt zdawkową i pobieżną.

W rozdziale o powieści »pozytywistów« nie każdy przyjmie opinję o Prusie, postawioną na antypodzie uwag Matuszewskiego, porównujących Prusa, na równi, z Sienkiewiczem, co może jest również nazbyt krańcowe. W każdym razieu waga o »Lalce« »z chybionym bohaterem i nieciekawym problemem« (»i Lalka wzale nieciekawa ot sobie konwencjonalna«) — może zbyt odskakuje od sądu krytyków i czytających.

Ostatnie dwa rozdziały: »Młoda Polska« i »Literatura potoczna« napotkać muszą najczęstsze sprzeciwy. Autor zamyka rzecz rokiem 1914, co, mimo wybuchu wojny światowej, pozostanie konwencją, niezawsze zadawalającą. Są pisarze, którzy i po tym roku trwają w dalszej ewolucji, odkrywając czasem nowe wartości, wobec których charakterystyka domaga się korekty. Tak np. ze starszych pisarzy Rodziewiczówna, ogłosiwszy »Lato leśnych ludzi« udowodniła, że wioska litewska nie pozostanie »na zawsze jej dziedziną«; z późniejszych Berenta trudno oceniać bez omówienia arcydzieła »Żywe kamienie«. Mści się tu próżnia przyjętej daty, której zresztą i Brückner niezawsze ściśle przestrzoga, wzpominając i utwory późniejsze, jak Kasprowicza, »Księgę ubogich«, Sieroszewskiego »Beniowski«, Weyssenhoffa »Puszczę«, wydanie literatury Feldmana z 1919 roku. Opuszczono natomiast Żeromskiego »Wierną rzekę« z 1913 roku, nie wspomniano ani słowem o Juljuszu Kadenie Bandrowskim, autorze »Niezguły«, »Zawodów« i »Prochu«, którego indywidualność, nawet przy mechanicznem trzymaniu się daty, już przed 1914 rokiem rysuje się wybitnie a odrębnie. Wogóle 1914 roku nie uważamy za datę najszczęśliwszą: jest zbyt późna, jeżeli chodzi o wyczerpanie się Młodej Polski; zawczesna — w odniesieniu do eksperymentów ekspresjonistycznych. Za przełomową datę uważałbym raczej rok 1918, powrót Polski do niepodległości i, co za tem idzie, otwarcie zupełnie nowych perspektyw dla pracy twórczej. Skutki jednak tego epokowego faktu oceni dopiero późniejsza retrospekcja historyczna; na razie każda data, jako zbyt świeża, ma znaczenie względne, a ogarniając materjał płynny, wyłamuje się z ram ścisłych badań historyczno-literackich, otwierając pole dowolności sądów subjektywnych, które przeto powinny być jak najbardziej ostrożne, wstrzymujące się od ostatniego słowa, gdy chodzi o twórców, jeszcze w pełni żywotnych.

Swój sąd o twórczości Młodej Polski ustalił prof. Brückner w 1903 roku; później zasadniczo go nie zmienił. Pozostał w układzie Kasprowicz przed Tetmajerem, jakkolwiek powinno być raczej odwrotnie, skoro Tetmajer, oddawna martwy jako twórca, apogeum swej sztuki i wpływu święcił pod koniec ubiegłego stulecia. Pozostała w charakterystyce Kasprowicza lubieżność, jako rys zasadniczy (»miłość ta, zmysłowa, lubieżna,

trapi go odtąd, jak zmora, wciska się wszystkiemi porami nawet w poematy religijne« II. 409) — choć, jako żywo, nie miłość lubieżna jest znamieniem twórcy »Na wzgórzu śmierci« ale błogosławiona, twórcza, oczyszczająca właśnie wchodzi w skład cierpienia i męki serdecznej. Wystarczy porównać hymny do Afrodyty Tetmajera i Kasprowicza, ażeby zasadnicza odmienność koncepcji siły erotycznej rzuciła się w oczy.

Na tej samej płaszczynie oceny pozostały nazwiska tak różnej miary, jak Rydel, St. Rosowski, J. Żuławski i L. Staff — słusznie natomiast wykluczonym został z tego grona J. S. Wierzbicki (autor »Rajgrodzkiego«). Zofja Wójcicka jednak utrzymała swoją pozycję pomiędzy Kisielewskim a Kaweckim — choć raczej do historji grafomanji przynależy.

Zamyka dzieło rozdział o »literaturze potocznej«. Co tym terminem autor pragnie oznaczyć — trudno dociec. Mamy tu omówienie działalności powieściopisarzy, dramatyków, krytyków i tłumaczy starszych i nowszych. »Powieść najnowsza« pozyskała nowy wstęp, kąt widzenia jednak niezbyt się rozszerzył. Artur Gruszecki, oddawna pomnożyciel makulatury powieściowej, zabiera więcej miejsca, aniżeli Dygasiński. Berent, Reymont, Żeromski (po »Urodę życia«), Weyssenhoff, Sieroszewski (z cofnięciem się do Sewera) — dopełnili się nową charakterystyką późniejszych utworów. Następuje sumaryczne niemal wyliczenie (z wielu opuszczeniami) innych powieściopisarzy i dramatyków (z dodaniem Kisielewskiego) oraz niektórych krytyków literackich i tłumaczów. Zakończenie rozszerza piękny ustęp o wolnej Polsce.

Dzieło prof. Brücknera ma w ostatecznem opracowaniu nierówną wartość. Znakomity historyk i największy erudyta wśród polskich filologów — wybudował sobie pomnik, trwalszy nad spiże, w badaniach starszej epoki. Czasy nowsze, a zwłaszcza najnowsze — odpowiadają mniej jego metodzie i wrażliwości badawczej. Mówi o nich z najlepszą wolą, bez uprzedzeń Tarnowskiego i bez pozytywistycznego »parti pris« Chmielowskiego — ale odczucie, konieczne przy rozpatrywaniu zjawisk nowszych, niezawsze mu dopisuje. Sformułowawszy swój sąd w 1903 roku, nierad go zmienia — choć czasy poszły naprzód, mnożąc problemy i skutkiem skrótu historycznej perspektywy komplikując syntezę. Dlatego to opracowania zjawisk bieżących wypadają u zawodowych historyków literatury zazwyczaj niezadowalająco.

Prof. Brückner idzie w ostatnich rozdziałach swego dzieła śladami Feldmana, z którym dzieli tendencję społeczną, ceniąc przytem wysoko wartość omówienia Feldmana. Typ jednak tych dwóch pracowników jest w zasadzie zgoła różny: uczony badacz przeszłości a publicysta-fejletonista dnia dzisiejszego, to wszak dwie bardzo odmienne organizacje umysłowe.

Połączenie ich w jednem dziele jest niezmiernie trudne — i w »Zarysie« Brücknera też niezupełnie mogło się powieść. Stąd ta zasadnicza różnica, która dzieli tom I. od II., pogłębiając się z chwilą zbliżenia ku dobie najnowszej, gdzie coraz mniej ma do powiedzenia historyk, a coraz więcej kongenjalny, współczesny krytyk-artysta.

Ci dwaj będą zawsze patrzyli na siebie z podełba: — ut docet ostatnia, głośna polemika w Polsce na temat »Pana Tadeusza«.

Na przyszłość byłaby pożądana bardziej staranna korekta nazwisk (np. I. s. 461 Brorcjusz, s. 462 Yong).

* * *

Dwutomowe wydanie »Pism zbiorowych« Jana Kochanowskiego w opracowaniu Brücknera (Warszawa, Bibljoteka Polska 1924) nie jest wydaniem zupełnem: pomija utwory łacińskie, stanowiące $^1/_4$ część twórczości Jana z Czarnolasu oraz trzebi fraszki »wszeteczne«, które pierwszy wydawca pism Kochanowskiego wybrał ongiś osobno i ogłosił »dobrym towarzyszom gwoli«.

Ta editio princeps Januszowskiego, ogłoszona w rok po śmierci poety (1585 »Jan Kochanowski« staraniem wdowy), częściowo przez samego autora przygotowana (»Fraszki« i »Pieśni«) — dopełniona w lat kilka potem przez wydawcę zbiorem »Fragmentów« (1590) — stanowi podstawę wszystkich edycyj późniejszych aż po ostatnią, Brücknera, włącznie. »Jan Kochanowski« wyszedł od 1585 r. do 1639 r. w dziesięciu wydaniach, przyczem edycja z 1617 r. (Piotrkowczyka) objęła opuszczoną »Jezdę do Moskwy«. Po długiej przerwie, trwającej lat 128, pojawia się wznowione wydanie Franciszka Bohomolca (1767), z opuszczeniem jednak 43 fraszek, »Carmen macaronicum« (jako sprzecznego z ówczesną reformą językową) oraz siódmej pieśni z »Fragmentów« (»Do zalotnej«).

Dopiero początek XIX wieku przynosi nową edycję (Tadeusza Mostowskiego, 1803), dowolną w układzie i w tytułach, mnożącą błędy Bohomolca, sprzeczną ze stylem twórczości Kochanowskiego. Wydanie to stało się podstawą szeregu błędnych edycyj w XIX wieku — aż rok jubileuszowy, trzystolecie śmierci twórcy »Trenów«, zdobył się na pierwsze, zupełne, pomnikowe wydanie w czterech tomach (Warszawa, Gebethner i Wolff, 1884—1897), obejmujące w dwóch tomach pisma polskie, w tomie trzecim łacińskie, w ostatnim — ogromną, niezmiernie pracowitą monografję Plenkiewicza.

Jest to jedyne wydanie pism Kochanowskiego o celach naukowych. Toteż zarówno ta okoliczność, jak i rozmiary wydawnictwa sprawiły, że do szerszych mas czytających dotrzeć ono nie mogło a zatem i szkodliwych skutków błędnych wydań nie ukróciło. Pomnożywszy jednak wydatnie wiedzę o Kochanowskim — umożliwiło Janowi Lorentowiczowi staranne opracowanie »opera omnia« w trzech tomach (Warszawa, Orgelbrand, s. a.), poprzedzonych wstępną rozprawką.

Również cele popularyzatorskie na oku ma praca Brücknera, opierająca się na własnych założeniach, wypowiedzianych w ocenie wydania jubileuszowego z przed laty 40. (»Archiv für slavische Philologie« VIII), a powtórzonych w uwagach wstępnych. Przeciwstawia się wydawca poprzednikom głownie układem, oddziela wiersze od prozy i usiłuje trzymać się chronologji (dotąd w wielu wypadkach sprzecznej), co jednak niezawsze da się przeprowadzić. Zaczyna od »Fraszek« i »Pieśni« w układzie, obmyślonym przez samego poetę. Zbiera następnie utwory, które Kochanowski nie zdążył przygotować do druku, rozpoczynając tę grupę hymnem »Czego chcesz od nas Panie« — poczem idą w toku chronologicznym: »Szachy«, »O śmierci Jana Tarnowskiego«, »Zuzanna«, »Pamiątka

Tęczyńskiemu«, »Zgoda«, »Satyr« i »Proporzec«. Następują »w dowolnym nieco porządku« listy poetyckie i utwory, pokrewne im formą, z »Muzami« na czele (»Marszałek«, »Dziewosłąb«, »O pijaństwie«, »Sobótka«). Okres czarnoleski wraca na teren pewnej chronologji, rozpoczynając »Odprawą posłów greckich« (poczem: »Epitalamium« na wesele ks. Krzysztofa Radziwiłła, »Treny« i »Jezda do Moskwy«). Tem wyczerpuje się tom pierwszy wydania.

Tom drugi otwierają »Fragmenty« wedle publikacji Januszowskiego (Pieśni, epigramy, fragmenty epiczne, nagrobki) z przeniesieniem do nich »Brody« (z wydania 1585). Następują przekłady, »Psałterz« i pisma prozą. Pisownia zmodernizowana — na końcu dodany słowniczek.

Wydanie poprzedza cenny wstęp — jak zwykle u Brücknera zwarty, syntetyczny, impulsywny w pomysłach. Kreśli w nim znakomity historyk profil duchowy Kochanowskiego, jego siłę twórczą, jedyną przed Mickiewiczem, odrębność fizjognomji duchowej na tle czasu, niezależność śpiewu »sobie i muzom«, względną samodzielność pomysłów, zmysł artystyczny stworzenie nowych form w poezji polskiej (pieśń erotyczną, gnomiczną, refleksyjną, podmiotową, tragedję renesansową), zaznacza cechy narodowe, nawet ludowe, tłumaczy odmienność odczuwania wieków dawnych a doby dzisiejszej.

Daje szkic życiorysu, odrzucając dane hipotetyczne, omawia krytycznie główne wydania dzieł poety, ocenia utwory poszczególne, naprzód łacińskie, usiłując przez to wypełnić lukę edycji. W poszczególnych analizach przeciwstawia się zapatrywaniom utartym, głównie w obronie samodzielności poety (»Sobótka«, »Treny«) i jego niezależności (»Odprawa« powstała niezależnie od Zamoyskiego, jako pierwsza próba innych, zamierzonych i nienapisanych tragedyj). Rzecz kończy uwagami o języku Kochanowskiego i o znaczeniu historycznem jego dzieła.

Wiele tu wdzięcznego materjału do dyskusji — wiele wskazanych perspektyw na ogólne problemy twórcze renesansowej doby.

* * *

Z właściwą sobie rzutkością myśli przenosi się prof. Brückner z wieku XVI do XIX i tuż po Kochanowskim ogłasza opracowanie jednego z najważniejszych pomników polskiego romantyzmu: Antoniego Malczewskiego »Marję, powieść ukraińską« (Lwów, Zakład Ossolińskich, 1925).

Ogłasza to jedyne niemal dzieło zapoznanego za życia poety w sto lat po pierwodruku, mając poza sobą kilkadziesiąt wydań »Marji«, wśród nich cztery mniej lub więcej krytyczne, a mianowicie: Chmielowskiego (Warszawa 1884 w I. tomie »Złotej przędzy poetów i prozaików polskich«), W. Dropiowskiego (Brody, 1905 w »Arcydziełach polskich i obcych pisarzy«), oparte na kopji autografu, G. Korbuta (Warszawa 1908), na podstawie pierwodruku z zachowaniem głosowni, lecz zmianą interpunkcji, a wreszcie edycję ostatnią i najlepszą, J. Ujejskiego (Kraków »Bibljoteka Narodowa« Serja I., Nr. 46), uwzględniającą obie podstawy tekstu, t. j. zarówno pierwodruk, jak i rękopis. Prof. Ujejski, najlepszy znawca tego tematu, autor wyczerpującej monografji o Malczewskim (Warszawa 1922) — o ile możności trzymał się wiernie pierwotnego tekstu: zachował więc

aogół interpunkcję, gramatycznie wprawdzie niedbałą, ale rytmicznie, daniem jego, uzasadnioną; uszanował wielkie litery w wyrazach, mających charakter personifikacyj; pisownię modernizował umiarkowanie, pozostawiając bez zmiany to, co uważał za charakterystyczne dla sposobu ymawiania Malczewskiego — usunął jedynie oczywiste błędy gramatyczne.

Brückner oparł się na Ujejskim. Zmodernizował jednak zarówno rzecinkowanie, jak i pisownię, usunął wielkie litery. W samym tekście prowadził Brückner ważniejszą zmianę do ustępu XII pierwszej pieśni, rzysądzając dwa wiersze (295, 6), dotąd w autografje i wszystkich wyaniach mówione przez Marję, jej ojcu, Miecznikowi, gdyż w ten sposób — ądzi wydawca — brzmią one naturalniej; toż samo uczynił nieco dalej ww. 419. 20), trzymając się tym razem tradycji druków, sprzecznej autografem i wydaniem Ujejskiego; zmienił brzmienie słów poszczeólnych (np. patrzyć zam. patrzeć, dreszcz zam. droszcz).

Zresztą punkt widzenia prof. Brücknera, wyłożony we wstąpie i obaśnieniach końcowych, różni się często od założeń w ocenie dzieła Ialczewskiego dotąd przyjętych, a przez Ujejskiego najpełniej wypowiezianych. W ogólnej charakterystyce pomniejsza Brückner wpływ Byrona; tara się wskazać dyssymilacje, nie assymilacje; z komentarza usuwa vszelkie analogje byronistyczne, przytoczone przez Ujejskiego, jedyny raz vskazując »Narzeczoną z Abydos« (II, 1284); odrzuca wersję o bezporedniem spotkaniu się Byrona z Malczewskim zagranicą; byroński nastrój owieści wyprowadza raczej z kongenjalności obu twórców, aniżeli z liteackiej zależności.

Jeszcze silniej ogranicza wpływy Walter Skotta (»może nawet zabłąkał ię jaki szczególik«), historyzm »Marji wywodząc z ogólniejszych źródeł.

Obok tej tendencji, zmierzającej do podkreślenia oryginalności talentu Ialczewskiego, zaznaczyła się inna, dobitniejsza. Zamierzył Brückner udovodnić, że »Marja« Malczewskiego jest dziełem pod względem kompoycji wzorowem, we frazeologji jasnem, a w polszczyźnie bez zarzutu.

Zarzuty w tym kierunku obarczały istotnie dzieło Malczewskiego od chwili pojawienia się; zrazu grubo przesadzone i krzywdzące, później nodyfikowane, nie znikły i z opracowania Ujejskiego.

Brückner przeciwstawia się pod tym względem wszystkim swoim porzednikom. Zapowiada we wstępie, że »po stu latach ujął się za krzywdzonem stale arcydziełem, aby wykazać, że niema na niem żadnej z tych kaz, jakie sobie urojono; że nam się uczyć od mistrza języka i kompoycji, zamiast obarczać go najmylniejszemi zarzutami; że wszelkie »nieasności i ułomności« języka czy opowiadania, spadają wyłączenie na karb ych, co nie raczyli się wgłębić w słowa powieści. Oczyszczone ze wszelkich »niejasności i ułomności« nie własnych, lecz wykładów dotychczasowych, tanie arcydzieło języka i psychologji, prawdziwe objawienie natchnionej oezji, w szacie nieskalanej«. »Dobrego komentarza do dzisiejszego dnia ie napisano« — czytamy nieco dalej; pragnie więc Brückner taki komentarz opracować.

Wychodząc z takich założeń jest praca prof. Brücknera polemiczną, akkolwiek żadnych nazwisk nie wymienia. Polemizuje głównie z Ujejskim i we wstępie i w objaśnieniach tekstu. Rolę »Marji« w dziejach

polskiego romantyzmu wyznacza o wiele szerzej, aniżeli dotąd to czyniono. Nie widzi w niej jedynie (co już dość ważne) pierwszej polskiej powieści poetyckiej w stylu Byrona i równocześnie pierwszej też w najcharakterystyczniejszym rodzaju Waltera Scotta (Ujejski) — lecz doniosłość poematu nie waha się postawić ponad historycznem znaczeniem dwóch pierwszych tomików poezyj Mickiewicza, gdyż, jak utrzymuje, program romantyzmu urzeczywistnił się w »Marji« »w nierównie szerszym zakresie i nierównie głębiej«.

Komentarz Brücknera pokrywa się w części z objaśnieniem Ujejskiego, w wielu razach daje egzegezę odmienną, wszystko inne wreszcie, co Ujejski uważał za niejasne w stylu lub niepoprawne w języku — objaśnia i poprawności dowodzi.

Musielibyśmy napisać osobną rozprawę, ażeby wyliczyć i wskazać tę różnicę poglądów — co oczywiście nie leży w naszem założeniu. Przyszły jednak wydawca »Marji« będzie musiał pracy tej dokonać, rozstrzygając, które konjektury są pewne a które mogą być zawodne. W każdym razie niejedno sprostowanie Brücknera nęci swojem prawdopodobieństwem. Dla przykładu jako najciekawsze wskazujemy odrzucenie najbardziej dotąd dręczącego wszystkich wydawców gallicyzmu w wierszach 729—30 pieśni drugiej, przez ujęcie w nawias wiersza środkowego:

> Aż wykrojone usta zadmuchawszy w rogi
> (opuściły się ręce — zatrzymały nogi)
> I głosy ostre, fletni umilone wtórem,
> Wrzasnęły . . .

Polemiczne opracowanie »Marji« nastręcza z natury rzeczy więcej materjału do dyskusji, aniżeli edycja Kochanowskiego: polemizować można i o technikę wydania (modernizacje) i o wiele uwag w komentarzu i o samo zasadnicze postawienie »Marji« jako pełnej enuncjacji polskiego romantyzmu.

Marjan Szyjkowski.

Известия на семинара по славянска филология при Университета въ София. Книга V. Излизатъ под ред. на проф. Л. Милетичъ (София, 1925).

Назначеніе »Извѣстій славянскаго семинара въ Софійскомъ университетѣ« — изданіе наиболѣе серіозныхъ работъ студентовъ, занимающихся въ немъ. Въ настоящемъ томѣ »Извѣстій« напечатанъ чрезвычайно важный и цѣнный трудъ — »Прегледъ на Българскитѣ народни пѣсни«. —

Болгарскія народныя пѣсни, которыя записываются уже около 100 лѣтъ, помѣщались въ чрезвычайно разнообразныхъ сборникахъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ. Это въ высшей степени затрудняло приведеніе въ извѣстность всего количества изданныхъ пѣсенъ и, конечно, было большимъ неудобствомъ при изученіи болгарской пѣсни при работахъ по изслѣдованію славянскаго пѣсеннаго творчества.

Давно уже признавалось необходимымъ изданіе общаго обзора болгарскихъ пѣсенъ по сюжетамъ съ точными библіографическими указаніями. Въ 1916—1918 г. г. въ Софіи былъ выпущенъ въ свѣтъ усердно

внимательно составленный трудъ Антона П. Стоилова — »Показалецъ на печатанитѣ презъ XIX вѣкъ български народни пѣсни« Этотъ трудъ съ возможной полнотой разсматриваетъ и региструетъ болгарскія народныя пѣсни въ изданіяхъ, вышедшихъ въ свѣтъ до 1878 г., т. е. до освобожденія Болгаріи. Такимъ образомъ, все таки безъ разсмотрѣнія и регистраціи библіографической оставалось очень большое число пѣсенъ, изданныхъ послѣ 1878 года, т. е. — почти на протяженіи 50 лѣтъ, въ теченіе которыхъ въ высшей степени успѣшно развились и усилились этнографическія изслѣдованія въ Болгаріи.

Профессоръ Ст. Романскій, стремясь къ тому, чтобы болгарская народная пѣсня была изслѣдователямъ представлена въ полномъ объемѣ своихъ варіантовъ, еще въ 1911 году предложилъ студентамъ въ качествѣ семинарскихъ работъ — занятія по классификаціи и библіографической регистраціи болгарскихъ народныхъ пѣсенъ, при чемъ должны были быть приняты во вниманіе изданія, вышедшія въ свѣтъ не только до освобожденія Болгаріи, но и послѣ него, — до 1913 года.

Начатыя въ 1911 году работы эти велись студентами подъ руководствомъ проф. С. Романскаго, но вслѣдствіе различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ прерывались и только теперь могли принять форму готовыхъ и пригодныхъ для печати трудовъ.

Выходящій нынѣ въ V книгѣ издающихся подъ общей редакціей проф. Л. Милетича »Извѣстій« — »Прегледъ« является первой половиной этихъ трудовъ. Здѣсь мы находимъ разсмотрѣніе пѣсенъ двухъ категорій: I — »Пѣсни периодически и религиозни« — работа . Хлѣбаровой (стр. 1—362) и II — »Пѣсни изъ личния животъ« — работа Н. Захаріевой (стр. 363—631).

Въ первую категорію внесены: I — »пѣсни периодически«, т. е. пѣсни праздничныя, которыя раздѣлены на: а) »пѣсни коледни« (на Коледа (Рожд. Хр.), на Нова година, на Богоявление и на Ивановдень«), — б) »пѣсни пролѣтни«, т. е. пѣсни весеннія, которыя раздѣлены на »лазарски пѣсни« и на »великденски пѣсни«; заключается отдѣлъ весеннихъ пѣсенъ пѣснями на различные второстепенные праздники (»на Св. Власъ, на Св. 40 мѫченици« и пр.) и II — »пѣсни религиозни«, которыя разсмотрѣны въ двухъ группахъ: а) »пѣсни митически«, т. е. такія, въ которыхъ поется о различныхъ миѳическихъ существахъ (самовилы, змѣи и пр.) и б) »пѣсни легендарни«, т. е. пѣсни за Господа, за млада Бога, за светцитѣ и за ангелитѣ«; »пѣсни за задгробния животъ« и т. п.

Въ рамкахъ этой систематизаціи, которая въ общемъ должна быть признана весьма удачной, г. Хлѣбарова группируетъ пѣсни по мотивамъ. Приведя въ сжатомъ, но ясномъ изложеніи краткое содержаніе пѣсни, которая должна быть признана основной по яркости и рельефности чертъ даннаго сюжета, г. Хлѣбарова указываетъ его варіанты. При такого рода обработкѣ каждой группы пѣсенъ даннаго мотива всегда даются указанія на мѣста записи пѣсни, а также точно отмѣчается, гдѣ пѣсня напечатана. Всѣхъ мотивовъ въ работѣ г. Хлѣбаровой разсмотрѣно 1415; это количество само по себѣ говоритъ о детальности разработки сюжетовъ.

Работа Н. Захаріевой, посвященная разсмотрѣнію пѣсенъ, касающихся личной жизни, т. е. главнымъ образомъ любовныхъ пѣсенъ, — заключаетъ разборъ 683 мотивовъ.

Здѣсь также содержаніе основной пѣсни, за которую обыкновенно принимается болѣе художественная по лиризму и образности, — передается въ сжатомъ, но ясномъ видѣ. Неизбѣжный въ любовной пѣснѣ лиризмъ представляетъ большія трудности при установленіи сущности мотива, но г. Захаріева съ этимъ справилась очень удачно, и ея заглавія мотивовъ всегда ясны. Такой ясности опредѣленія мотивовъ не мало способствовало то, что г. Захаріева съ большимъ вниманіемъ останавливалась на бытовыхъ элементахъ любовной пѣсни.

Съ мотива подъ № 603 г-жа Захаріева разсматриваетъ »пѣсни изъ семейния животъ«; въ эту группу также съ обращеніемъ вниманія на бытовую сторону внесены пѣсни объ отношеніяхъ отца и матери къ дѣтямъ, братьевъ между собою, братьевъ къ сестрамъ и т. д. Указанія вариантовъ и библіографическихъ свѣдѣній о каждой пѣснѣ у г. Захаріевой, какъ и у г. Хлѣбаровой, обстоятельны и подробны.

Благодаря всему этому, въ изданныхъ нынѣ подъ редакціей профессора Ст. Романскаго работахъ г. г. Хлѣбаровой и Захаріевой, которыя отнеслись къ своей задачѣ съ исключительнымъ усердіемъ и похвальной добросовѣстностью, — мы имѣемъ детальное обозрѣніе и систематизацію съ библіографическими указаніями очень большого количества болгарскихъ народныхъ пѣсенъ. Изслѣдованіе и изученіе болгарскихъ пѣсенъ этими трудами очень облегчается, такъ какъ они приводятъ въ извѣстность и систематизируютъ матеріалъ часто въ такихъ варіантахъ, которые очень интересны, но были затеряны въ мало извѣстныхъ изданіяхъ, вышедшихъ въ свѣтъ не только до 1878 г., но и въ самое послѣднее время. Списокъ изданій, въ которыхъ были напечатаны болгарскія пѣсни, составленъ очень детально, съ подробными и библіографически точными заглавіями. Онъ приведенъ въ началѣ книги съ указаніемъ сокращеній, принятыхъ авторами при ссылкахъ.

Само собою понятно, что заглавія мотивовъ, по которымъ группируются пѣсни, могутъ иногда вызывать возраженія, но это не уменьшитъ значенія того, что сдѣлано въ работахъ г. г. Хлѣбаровой и Захаріевой. Для такого рода работъ надъ изученіемъ народнаго творчества общей терминологіи еще нѣтъ, а потому всегда нужно считаться съ личнымъ пониманіемъ автора содержанія произведенія; особенно это нужно имѣть въ виду при вопросѣ о группировкѣ лирическихъ произведеній. Отсутствіе указаній на нѣкоторыя изданія, въ которыхъ были напечатаны болгарскія народныя пѣсни (напр. »Отчеты« Одесскаго Общества Исторіи и древностей), должно быть объясняемо тѣмъ, что эти изданія не были въ распоряженіи авторовъ вслѣдствіе ихъ малой извѣстности или отсутствія въ библіотекахъ, въ которыхъ велась работа. — »Прегледъ на българскитѣ народни пѣсни« — явленіе чрезвычайно отрадное; этотъ трудъ долженъ заинтересовать всѣхъ работающихъ надъ изученіемъ славянской народной пѣсни. Въ интересахъ науки нужно желать, чтобы возможно скорѣе вышелъ въ свѣтъ VI т. »Извѣстій славянскаго семинара Софійскаго университета«, такъ какъ въ немъ со-

ласно указанію проф. Ст. Романскаго (стр. X) должны быть напечаганы работы его учениковъ по классификаціи и другихъ категорій олгарскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ VI томѣ будутъ напечатаны и всякаго ида указатели, а также библіографическія и иныя дополненія. Это ще болѣе увеличитъ значеніе предпринятаго подъ руководствомъ проф. т. Романскаго труда по обозрѣнію и классификаціи болгарскихъ наодныхъ пѣсенъ.

Софія. *М. Попруженко.*

Янушевскій, Григорій. Откуда происходитъ славянское племя Русь. Историческое изслѣдованіе. Вильно, 1923, VI + 51.

Авторъ новаго »изслѣдованія« о происхожденіи племени Русь не редлагаетъ какого-либо построенія, не бывшаго уже ранѣе въ оборотѣ, о, наоборотъ, пытается воскресить и подтвердить весьма старое рѣшеніе той сложной проблемы, предлагавшееся уже много вѣковъ назадъ славянскими книжниками и хронистами. По существу, противъ такого возтановленія давнихъ воззрѣній и объясненій возражать не приходится, сторическая наука знаетъ немало вопросовъ и задачъ, въ рѣшеніи которыхъ первенство и хронологически и по внутреннему смыслу сохраняется и принадлежитъ старымъ авторамъ, порой древнимъ хронистамъ повѣствователямъ. Одна изъ самыхъ вліятельныхъ и авторитетныхъ аучныхъ школъ по разъясненію задачи о началѣ Руси имѣетъ, вѣдь, воимъ основоположникомъ начальнаго русскаго лѣтописца, можетъ ыть — лѣтописца Нестора. Его разсказъ о призваніи князей-варяговъ зъза моря, давшихъ начало русскому государственному имени, ъ своемъ основномъ ядрѣ — норманство князей — находитъ изобильное одтвержденіе въ разнообразномъ подборѣ источниковъ и ихъ толкованій. Однако, положеніе г. Янушевскаго въ роли реставратора стараго объясненія происхожденія племени и имени Русь оказывается значительно енѣе благопріятнымъ. Его »изслѣдованіе« ничего въ сущности не доказываетъ и является по своему построенію и содержанію лишь диллеантскимъ досужимъ разсужденіемъ съ едва-ли не совершеннымъ игнорированіемъ основныхъ требованій научной исторической методологіи.

Г. Янушевскій въ своей брошюрѣ выдвигаетъ, какъ своего рода овость и откровеніе, давно извѣстную и разоблаченную легенду о Чехѣ, Лехѣ и Русѣ (Мехѣ) и объ ихъ приходѣ на территоріи Чехіи, Польши южной Руси изъ Хорватіи. Вмѣсто того, чтобы подвергнуть эту леенду въ разнообразной ея литературной передачѣ историко-литераурному обслѣдованію и выяснить постепенное обростаніе лежащей въ ея сиованіи первичной ячейки, г. Янушевскій принимаетъ ее въ дошедшемъ о насъ распространенномъ видѣ у различныхъ писателей и орудуетъ ъ нимъ въ своей работѣ. При этомъ г. Янушевскій знаетъ легенду трехъ братьяхъ не во всѣхъ ея редакціяхъ, но только въ тѣхъ, оторыя стали ему доступными благодаря хорватскому изданію Klaić'a др. (см. отмѣтки на стр. 16, 24, 26). Приводя разсказы о братьяхъ Чехѣ, Лехѣ и Русѣ по тексту цѣлаго ряда писателей разныхъ вѣковъ разныхъ славянскихъ народовъ, г. Янушевскій не дѣлаетъ никакой

попытки свести эти разнообразныя повѣствованія въ какую-либо систему и установить генеологію редакцій и текстовъ. Понятно, что только въ результатѣ такого изслѣдованія легенды можно было бы ставить вопросъ объ исторической достовѣрности ея въ цѣломъ, въ основѣ и въ подробностяхъ. Для г. Янушевскаго, однако, этотъ вопросъ и не возникаетъ. Онъ радуется круглому числу повѣствователей, »согласно« передающихъ преданіе, и въ самомъ числѣ ихъ (насчитано 11) видитъ одно изъ доказательствъ достовѣрности легенды (стр. 36—37). За достовѣрность легенды, по г. Янушевскому, говоритъ и то, что легенда эта извѣстна ряду лицъ, ближе насъ жившихъ къ датѣ событія (III в.) (стр. 32 прим.), какъ будто большая древность сообщенія даетъ гарантію его большей правильности и дѣйствительности. Къ тому же древнѣйшія свидѣтельства о легендѣ, извѣстныя Янушевскому, все же на десять вѣковъ моложе самой установленной имъ даты — Богухвалъ XIII в. со ссылкой глухой на vetustissimi codices (стр. 32). Достовѣрность легенды г. Янушевскій обосновываетъ также тѣмъ, что въ передачѣ ея у Гаека (XVI в.) »есть все необходимое, чего можетъ требовать самая строгая, придирчивая историческая критика: точное обозначеніе дѣйствующихъ лицъ, причины ихъ дѣйствій, мѣсто и обстановка этихъ дѣйствій даже съ бытовыми подробностями . . .« (стр. 23—24). Нашъ авторъ не подозрѣваетъ, очевидно, что для даже снисходительной критики именно эти подробности (цвѣтъ флага или знамени, щита, число дружины и т. п.) лишаютъ разсказъ всякой вѣроятности и значенія. Едва не высшимъ авторитетомъ въ глазахъ автора пользуется ученый Іорданъ (1745) — »болѣе авторитетнаго свидѣтельства нельзя и требовать« (стр. 28—29), а также включеніе легенды въ офиціальный учебникъ для хорватскихъ народныхъ школъ (стр. 39).

Сказаннаго едва ли не достаточно, чтобы подтвердить высказанное выше нами впечатлѣніе о крайне слабой освѣдомленности г. Янушевскаго въ области исторической методологіи. Историческая критика и ея требованія понимаются имъ весьма превратно и кажутся ему согласными съ его совершенно некритическими пріемами. Это проявляется въ книгѣ г. Янушевскаго повсюду. Происхожденіе Руси изъ Хорватіи (приходъ Руса изъ гор. Крапины) обнаруживается для него блестяще въ близости языка Галиціи и Правобережной Украины и народныхъ говоровъ Хорватіи и Словеніи, а также въ близости пѣсенныхъ мелодій (стр. 41), что высказывается безъ какихъ либо филологическихъ справокъ и литературныхъ данныхъ, но на основаніи лишь собственныхъ впечатлѣній автора. Хороши такія заявленія, какъ на стр. 37 — объ основаніи римской имперіи бѣженцами изъ Трои — для доказательства возможности возникновенія Чехіи, Польши и Руси отъ выходцевъ изъ Хорватіи, или датировка основанія гор. Крапины — до Рождества Христова — согласно Ямбрешичу (1742) (стр. 3), или датировка исхода братьевъ изъ Крапины — 278 годъ (по Кодициллюсу, XVI в., стр. 29—30) и т. д.

Можно было бы еще значительно продолжить перечень примѣровъ полной неосвѣдомленности г. Янушевскаго какъ въ области критическихъ пріемовъ изслѣдованія, такъ и въ области научнаго освѣщенія взятой имъ для изученія проблемы. Для ея разрѣшенія недостаточно пары справокъ

въ научныхъ книгахъ и учебникахъ и безоглядна го слѣдованія какому-либо преданію. Только широкій подходъ къ вопросу, охватъ всѣхъ данныхъ, относящихся къ нему, и вооруженность отточенными научными пріемами — могутъ привести къ нѣкоторому научно-пріемлемому рѣшенію. Г. Янушевскій не обладаетъ и сотой долей необходимыхъ для этого знаній и навыковъ, его книжка не можетъ быть причислена къ научной литературѣ. А между тѣмъ сама легенда о Чехѣ, Лехѣ и Русѣ представляетъ значительный интересъ для историко-литературнаго изслѣдованія и въ этомъ отношеніи заслуживаетъ извѣстнаго вниманія.

27. VI. 1924. Záběhlice. *А. Флоровскій.*

L'influence occidentale sur l'architecture religieuse en Rascie (Ancienne Serbie) du XIIe au XIVe siècle. Dissertation representée à la Faculté de lettres de l'Université de Fribourg pour obtenir le grade du doctorat par *Damaskin Grdanitchky* (de Leskovatz). Belgrade. 1924. 50 страницъ in 16^{0}. Цѣна не обозначена.

Книга Грданичкаго, представляющая собой извлеченіе изъ его докторской диссертаціи, несмотря на небольшой объемъ, является цѣннымъ вкладомъ въ исторію сербской средневѣковой церковной архитектуры. Эта область еще крайне недостаточно изучена и мало привлекаетъ къ себѣ изслѣдователей. Каждая лепта, внесенная въ ея изученіе, имѣетъ поэтому большое значеніе. Тѣмъ болѣе пріятно отмѣтить въ новомъ работникѣ, вступающемъ на это поприще, обширную начитанность въ литературѣ предмета, хорошую ученую школу и правильный научный методъ.

Книга имѣетъ введеніе и четыре главы.

Первая глава устанавливаетъ, что земли, въ которыхъ поселились сербскія племена, находились до ихъ прихода въ сферѣ романской культуры и римской церкви. Вторая выясняетъ связи сербскаго народа съ римской церковью отъ его поселенія на Балканскомъ полуостровѣ до прекращенія династіи Неманичей. Авторъ въ этихъ главахъ подводитъ итоги разысканіямъ своихъ предшественниковъ, дополняя выводы западно-европейскихъ ученыхъ на основаніи трудовъ сербскихъ, русскихъ и чешскихъ научныхъ работниковъ. Грданичкому принадлежитъ заслуга ознакомленія западной науки съ тѣмъ, какъ много сдѣлала въ этой области славянская наука.

Третья глава центральная въ книгѣ и въ главномъ даетъ результаты самостоятельныхъ сопоставленій автора на основаніи работъ описательнаго характера и личнаго знакомства съ памятниками. Вотъ его выводы: Ко времени Стефана Немани Сербія уже пережила долгій періодъ культурной жизни (31). Сербская церковная архитектура также успѣла выработать »свою технику, формы стиля и эстетическій вкусъ« (31—32). Три церкви сербскаго Приморья, сохранившіяся отъ XI—XII вв., построены изъ камня въ видѣ базилики (32—35). Этимъ, а также орнаментикой, онѣ примыкаютъ къ далматинскимъ и западно европейскимъ церквамъ той же эпохи, между тѣмъ какъ въ Византіи этотъ архитектурный типъ церкви въ это время былъ уже вытѣсненъ крестообразнымъ,

а сами зданія строились изъ кирпича (35—36). Древнѣйшая церковь Рашки, храмъ св. апостоловъ Петра и Павла, около Новаго Пазара, уже своимъ именемъ указываетъ на римскую традицію (36—37). Архитектурный же стиль ея — ротонда съ башней и тремя абсидами — совпадаетъ съ церквами въ Задрѣ, Которѣ и далѣе въ Равеннѣ и Aix-la Chapelle. Другія церкви Рашки, возникшія до XIII вѣка, представляютъ два типа. Одинъ — корабль безъ купола, архитектурный типъ, забытый уже въ то время въ Византіи, но процвѣтавшій тогда въ Далмаціи. Авторъ указываетъ въ Рашкѣ 8 церквей такой архитектуры. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ еще и особыя отношенія къ Далмаціи. Липлянская церковь имѣетъ маленькія круглыя оконца съ внѣшними арками около нихъ изъ камня и тонкихъ кирпичей, какія обычны въ Далмаціи (39), церковь около Княжевца украшена колоннами римско-коринѳскаго стиля съ орнаментомъ далматинскаго стиля (40), церковь въ Кацанунѣ имѣетъ аркады на 6 полуколоннахъ (42). Всѣмъ этимъ архитектурнымъ разновидностямъ церквей въ Рашкѣ авторъ находитъ соотвѣтственные прототипы вь Далмаціи и на Западѣ Европы (38—42). Другой типъ базилика à trois nefs (42). Прекрасный примѣръ его церковь въ Чурлинѣ около Ниша, построенная до XII в. (42—44). Типъ этотъ идетъ съ Востока, но привился въ Далмаціи раньше, чѣмъ появился въ Македоніи. Въ Рашку онъ проникъ также ранѣе, чѣмъ въ Македонію, слѣдовательно, попалъ въ нее изъ Далмаціи (44—45). Другая церковь подобнаго типа была въ Прокуплѣ (45). Глава четвертая устанавливаетъ, что расцвѣтъ западнаго вліянія въ церковной архитектурѣ Сербіи падаетъ на эпоху Неманичей (XII—XIV вв.). Оно отражается на всѣхъ главныхъ памятникахъ этого времени (47—48). Оно сказывается уже въ матеріалѣ построекъ, воздвигнутыхъ изъ тесаннаго камня и иногда обложенныхъ разноцвѣтнымъ мраморомъ; обтесаннымъ по-тоскански (48—50), затѣмъ въ планѣ, представляющемъ корабль съ абсидой, съ куполомъ или безъ него, съ притворомъ или безъ него. Этотъ архитектурный типъ, излюбленный въ Сербіи, пришелъ въ нее изъ Далмаціи (50). Далѣе западное вліянія видно и изъ способа строить куполъ (48) и въ особенности въ архитектурной орнаментикѣ, наиболѣе чистый образчикъ которой даютъ Дечаны (48).

Книга Грданичкаго убѣдительно доказываетъ, что церковная архитектура средневѣковой Сербіи вплоть до начала XV в. находилась подъ вліяніемъ далматинской какъ въ отношеніи архитектурнаго стиля и орнамента, такъ и въ отношеніи строительной техники и матеріала. Изъ нея видно, что техникой Сербія черезъ Далмацію связывалась съ Италіей, именно сѣверной (Равенна и Тоскана), а что касается архитектурнаго стиля (и отчасти орнамента), то Далмація преимущественно передавала Сербіи византійскія вѣянія, но съ извѣстнымъ запозданіемъ. Въ высшей степени интересенъ для исторіи культуры на Балканскомъ полуостровѣ тотъ фактъ, что путь изъ Византію въ Сербію черезъ Далмацію для нея въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ былъ короче, чѣмъ черезъ Македонію или Ѳракію. Причиной, вѣроятно, были войны, непрестанно разыгрывавшіяся въ этихъ областяхъ.

Влад. Розовъ.

† Antonín Havlík

1. srpna t. r. zemřel jeden z posledních filologů staročeských (béřeme-li
slovo ve významu Boeckhově), Ant. Havlík. To, v čem tak krásně kdysi
ustel de Coulanges (v listu Boissierovi) hledal celou svoji zásluhu, býti »un
mple piocheur des textes«, to konal doslova Havlík celý život. A věrně se také
dil dvěma základními pravidly Fustelovými (1864, La cité antique): studovati
ezprostředně jen a jen texty — a věřiti jenom tomu, co texty podávají. »Vůdčí
eje« znamenají málo nebo nic, správná interpretace textu všecko.

Počal svou práci vědeckou (jeho kariera úřední byla skromná; nar. r. 1855
Rožďalovicích, na nerozdělené ještě universitě poslouchal Gebauera a Hattalu,
ykonal zkoušky z češtiny a frančtiny, učil pak na malostranské reálce do
1914, kdy odešel do výslužby) jako pravý filolog r. 1884 a 1885 v Listech
ilologických příspěvky ke kritice textů staročeských. Ale nebyly to tuctové
onjektury oněch viri docti XVIII. stol.; jeho drobná studia týkala se samých
ákladů textů — a již tehdy ukázal s překvapující jistotou, že nejmladší rukopis
lexandreidy představuje nejstarší recensi textu. Nebyla to dedukce snadná ani
duchu tehdejšího studia; ale jistá a bezpečná.

Zrovna tak přesná — a mimo obvyklou tehdy dráhu — byla další jeho práce
fil. 1887, str. 240) o rýmech přehlásky *u/i*. Zde vypracoval jednotlivé své ná-
ovědi článků starších v celou methodu, po vzoru prací francouzských o textech
arorománských; ukázal, že možno i texty v pozdních opisech dochované bez-
ečně datovati do dob starších, ukazují-li v rýmech stopy starší formy jazykové.

Při těchto kritických pracích pozoroval několikerou neshodu theorií dosa-
adních a běžných vydání od skutečného znění textu. A svými románskými
udiemi byl veden k prvnímu svému velikému objevu — zákonu jerovému
. 1889 v Listech filologických a programu malostr. městské střední školy).
ak jako ve frančtině oživuje v jistých případech t. zv. němé, nehlasné *-e-*
cheter - j'achète; mylně tedy Vondrák, Vgl. Gramm. I², 172 cituje parallelu
to z Lfil. 46, 1919, 277/8 — jeť u Havlíka již položena základem) v *-e-* plné,
ovna tak podle Havlíka ze dvou jer jedno oživuje jako *-e-*. Byl to nález epo-
ální, platný nejenom pro češtinu, ale pro veškerou slovanštinu; osvědčil se
a př. v staré ruštině, kde býval ke gen. *Vitebska, Smolenska* nom. *Vidbesk,*
molnesk — podle zákona Havlíkova, nikoli jako dnes *Vitebsk, Smolensk*; osvěd-
l se v staré polštině, jak ukázal Polívka; podle něho ukázal na př. Opatrný,
býválo stč. sklonění *vep* gen. *upu*; Hujer, že býválo *ppeř* gen. *pepře* atd.
udovali na těchto základech Havlíkových dále Gebauer, M. Opatrný a j.,
ěkoli některým slavistům nejzvučnějších jmen připadal tuze mechanický.
nebylo snadno k tomuto zákonu přijíti; zklamala tu právě nejpřesnější theorie
nejlepší vydání. Gebauerovo vydání Passionálu ukazovalo předložky *ke, se*,
na místech nesprávných podle theorie Havlíkovy; Havlík šel do rukopisu
shledal, že veškery tyto nesprávné odchylky jsou na koncích řádků, tedy
arotou písařovou. Gebauer 1881 ve vydání (padělaného) Evang. sv. Jana bránil
hybné) *ať temy* — místo *tmy* — kmitáním pohybného *-e-* a doklady z nespráv-
ého zápisu Alberta Bohema... Bylo tu nutno jíti cestou svou — a Havlík jí
ošel až na konec.

Nález zákona jerového přinesl Havlíkovi členství učených našich korpo-
ací (členství Akademie se později vzdal); Havlík však se vrátil po této digressi
rammatické ke svým shodám rýmovým.

A r. 1896 v Časopise českého Musea se zjevil jeho základní článek 'O významu slovných shod rýmových pro poznání příbuznosti skládání staročeských', jenž způsobil sensaci v tehdejší literární obci filologické. Bylo to přehodnocení hodnot: Alexandreis se svého prestolu byla sesazena a na místo její vstoupily nejstarší Legendy. Sám Mistr se svým seminářem se postavil proti smělému novotáři, jenž se novým článkem r. 1900 v témž Musejníku bránil vítězně. Ale ovšem — za života Mistrova nauka jeho nepronikla. Nezmýlen tímto osudem pokračoval od Legend a Alexandreid ve svých studiích (v Musejníku 1904, 1905, 1907 a ještě r. 1923 ve Sborníku Pastrnkově) tohoto způsobu o rukopise Hradeckém, Svatovítském, Legendě svatojirské a Dalimilovi — a ještě krátce před smrtí předložil Akademii článek (vyjde již jako práce pohrobní) o jedné episodě ('o svódnici a plačícím psu') v skladbě Desatero kázání v Rukopise hradeckém. Dočkal se však ještě zadostučinění, že Rus Jakobson v těchto pracích — jiným ovšem směrem, ale s výsledky, jež namnoze potvrzují a doplňují zkoumání Havlíkova, — s novým elanem pokračoval; o těchto pracích čtenářům »Slavie« netřeba se šířiti, znají je z minulého ročníku.

Kvantitativně žeň Havlíkova nebyla bohatá; těch 10—12 článků sedmdesátiletého autora sotva vydá obvyklý svazek doktorských dissertac švédských nebo magisterských pojednání ruských. Ale jsou to vesměs práce přesné, samostatné a základní; vzorné ukázky české práce filologické.

V. Flajšhans.

† Václav Vondrák.

Nesplnilo se přání, jímž skončil E. Hermann svůj referát o novém vydání prvního dílu Vondrákovy srovnávací mluvnice ve Philologische Wochenschrift 1925 str. 478 napsav: möge es dem Verfasser vergönnt sein, sein Werk in zweiter Auflage bald zu vollenden. Za několik krátkých měsíců po tom, co slova tato byla vytištěna, byl Vondrák odvolán od svého díla, nové vydání druhého dílu srovnávací mluvnice bude musit již obstarati ruka cizí a nedokončen zůstal slovník jazyka církevněslovanského, jenž měl býti dovršením jeho práce o tomto jazyce.

Zemřel 13. srpna 1925, dokončiv právě první své quadriennium na universitě brněnské, na niž přešel r. 1920 z university vídeňské. Ve Vídni ztrávil největší část svého života. Přišel tam r. 1880 po absolvování gymnasijních studií v Prachaticích a v Čes. Budějovicích (pocházel z jihočeského městečka Dubu u Vodňan, kde se narodil 22. září 1859), aby tu na universitě studoval slovanskou a románskou filologii. Dokončiv studia universitní, byl vychovatelem v několika šlechtických rodinách, od r. 1895 do 1910 byl úředníkem dvorní knihovny; mezitím se r. 1893 habilitoval na universitě vídeňské pro slovanskou filologii, stal se r. 1903 mimořádným a r. 1910 řádným profesorem, a teprve události r. 1918 vrátily jej domácí půdě, jíž se v cizím prostředí nikdy neodcizil: nově založené universitě Masarykově v Brně dostalo se štěstí, že kathedru slovanské filologie na ní zaujal jeden z nejpřednějších představitelů této vědy v současné době, obecně uznávaná autorita ve filologii církevněslovanské a autor hojně souzené, ale také hojně užívané srovnávací mluvnice jazyků slovanských.

Těchto dvou oborů týká se čtyřicetiletá vědecká práce Vondrákova. Zahájil ji právě před čtyřiceti lety příspěvkem k historické mluvnici české: r. 1885 přinesly Listy filologické jeho článek o genitivech na *-u* v staré češtině, roku následujícího podobný článek o koncovkách 1. sing. praes. *-ím*, *-ám* v češtině, a v Jagićově Archivě vyšla téhož roku jeho rozprava o lok. na *-ě* a *-u* u *o*-kmenů ve staré češtině. Jsou to veskrze studie, v nichž statisticky je vyšetřován poměr tvarů, o něž jde, v jednotlivých textech, a osvětluje se tak historie studovaných jevů zcela ve smyslu tou dobou se již uplatňující pražské školy Gebauerovy, k níž jinak byl Vondrák v poměru dosti chladném a s níž střetl se později v názoru na některé zásadní otázky české filologie: působením okolností stál Vondrák stranou proudění, jež v Čechách s takovou životní silou se chápalo velkých úkolů české vědy k novému životu se probouzející. V článcích těch projevuje se už zcela jasně podstatný rys vědeckého profilu Vondrákova: v trpělivém a oddaném studiu textů a zpracování poznatků takto nabytých po všech stránkách, jazykové i literárně historické, je nejsilnější stránka vědecké práce Vondrákovy. Tím směrem jdou také první jeho práce, týkající se církevní slovanštiny, vydané v téže skoro době v Sitzungsberichte vídeňské akademie, jimiž dostává se na pole, na němž se dodělal úspěchů největších a nejtrvalejších.

Obírá se v nich — jsou to rozpravy: Zur Kritik der altslovenischen Denkmale (1886), Altslovenische Studien (1890), Über einige orthographische und lexikalische Eigenthümlichkeiten des Codex Suprasliensis (1891) — nejvýznamnějšími z nejstarších textů církevněslovanských, analysuje jejich jazyk, konsta-

tuje rysy charakterisující každý z nich, srovnává texty tyto po této stránce vespolek a nalézá, že jsou to vesměs opisy textů starších, nezachovávající už přesně jazyk originálů. Rozbor lexikální stránky některých z nich mu ukazuje, že dá se konstatovati dvojí vrstva výrazů v církevněslov. textech se vyskytujících, starší a mladší. To byly veskrze výsledky cenné pro posouzení nejstarších památek jazyka a písemnictví církevněslovanského. Studium církevněslov. legendy o sv. Václavu přivedlo jej k otázce o slovanské liturgii v Čechách a stopách církevněslov. jazyka v textech staročeských. Otázce té věnoval pak samostatnou studii »Die Spuren der altkirchenslav. Evangelienübersetzung in der altböhm. Literatur« (1893), opírající se o hojnější materiál staročeský: uvedl tu na sto slov, v nichž shledával slova z církevněslovanského jazyka do češtiny přejatá. Bylo to podnikání odvážné při nedostatku lexikálního zpracování staročeského jazyka a při obmezené jen možnosti poznání staročeského písemnictví, jemuž se nedostávalo řádných edicí i nejdůležitějších jeho památek, nedostatky to, jež nejsou odčiněny podnes. Není proto divu, že jeho výklad, otřásající míněním vládnoucím od dob Dobrovského, narazil na odpor u těch, kdo opírajíce se o obsáhlejší materiál staročeský jen v několika málo výrazech připustili palaeoslovenismy. Ale kus pravdy ve Vondrákových tvrzeních jistě bylo: jazyk církevněslovanský zanechal stopy v jazyce staročeském (právě tak, jako naopak) a chyba byla v podstatě jen v nesprávné formulaci otázky; Vondrák dovozoval vliv církevněslov. překladu biblického na překlad staročeský, jehož prostředky svými dokázati nemohl, ač v průvodním jeho materiále vlastně jde o vliv jazyka církevněslov. na staročeský. Hnul otázkou, jež není dosud definitivně zpracována (a ani dobře být nemůže pro nesnáze výše naznačené); její řešení však zcela jistě ukáže, že elementy církevněslovanské v staročeském slovníce jsou.

Značnou měrou přispěl Vondrák k poznání některých jednotlivých textů a zjevů církevněslovanské literatury: vzorně vydal Glagolitu Clozova se vším příslušným aparátem; vydal a rozebral Frisínské zlomky, k jejichž dvěma částem našel německé předlohy; hleděl vysvětlit původ a ráz listů Kijevských a zlomků Pražských a ve spojení s tím pojednal o bohemismech v starších církevněslov. památkách vůbec. Podrobil všestrannému rozboru jazyk Jana exarcha bulharského, což přivedlo ho mezi jiným k poznání, že měl tento autor před sebou církevněslov. překlad celé bible a že tedy Methodiem a jeho žáky byl pořízen překlad celého Písma sv. Živý ohlas vyvolal Vondrák svými Studiemi z oboru církevněslov. písemnictví (1903), v nichž se obírá literární činností biskupa Klimenta slověnského, jemuž přisoudil i obě t. zv. panonské legendy i obě Pochvaly a také tu část Glagolity Clozova, pro niž nebyla nalezena řecká předloha. Zasáhl i do choulostivé otázky o původu slovanského písma, vyvozuje některé znaky hlaholské abecedy z písmen abecedy hebrejské a samaritánské.

Synthesí jeho studií o jazykové stránce textů církevněslovanských byla církevněslovanská mluvnice. V prvním svém vydání (1900) lišila se od klassického Handbuchu Leskienova zejména tím, že zvláště v hláskosloví mnohem větší měrou přihlížela ke stránce srovnávací, dále pak tím, že obsahovala také syntax. Ve vydání druhém (1912) se dílo podstatně změnilo; podává zejména v hláskosloví hojnými doklady podepřený obraz jazyka jednotlivých památek církevněslovanských, hledí si i jazyka textů s rysy středobulharskými, srbsko-chorvatskými nebo ruskými, takže líčí jazyk církevněslovanský i v jeho proměnách pozdějších. Vznikla tím nejpodrobnější dosud mluvnice jazyka církevněslovanského, třeba že se stejnou důkladností nejsou zpracovány všechny její části. Praktickým jejím doplňkem je církevněslovanská chrestomathie (1910, 1925); v jejím slovníku zpracoval Vondrák slovník k plnému textu evangelskému jako zatímní náhradu za úplný slovník církevněslovanský, jejž také chystal. Věnoval již mnoho práce tomuto dílu, jímž by byl dovršil svou tak plodnou práci o jazyce církevněslovanském.

Linguistické práce Vondrákovy, týkající se srovnávací mluvnice jazyků slovanských, nebyly provázeny takovým zdarem jako jeho práce filologické o jazyce církevněslovanském. Je řada studií, v nichž se Vondrák pokoušel řešiti leckterou spornou otázku slovanského hláskosloví a tvarosloví, a mnohých se

dotkl v četných svých recensích a referátech. Psal o slov. metathesi liquid, ale nevyložil tohoto zjevu uspokojivěji nežli jeho předchůdci, psal o slov. nosovkách, ale přes některé dobré jednotlivosti hlavní these článku se neosvědčily; vykládal některé nejasné tvary slovanské deklinace a konjugace (na př. slov. imperfektum, flexi sloves na *-i*), ale nikde se nedodělal výkladu přesvědčujícího. Vykládaje flexi slov. sloves na *-i* využil k tomu nejposlednějších poznatků srovnávací mluvnice indoevropské, ale zkonstruoval na jejich podkladě flexi zcela pravdě nepodobnou: je až s podivem, že filolog, zvyklý ve svých pracích filologických pracovati se zaručenými fakty a přísně zkoušeti jejich nosnost, ve svých pracích linguistických tak snadno se pouští na cesty vzdušné a nedovede z jazykového vývoje přímo pozorovatelného a jím samým se zdarem pozorovaného vyvoditi si ukazatele pro sledování dob předhistorických, jež se musí konstruovati. Mnoho se Vondrák obíral otázkami slovanské akcentologie, jež jej zaměstnávaly až do poslední chvíle, jak je při aktuálnosti thematu zcela pochopitelné. Přispěl jimi jistě k osvětlení leckterých zjevů důležité této oblasti, ale k uspokojivému výkladu problemů, jimiž se obíral, nedospěl. A přes to, že sám se řešení těchto otázek účastnil a látku jistě suverenně ovládal, přece patří partie o přízvuku k nejméně zdařilým částem jeho srovnávací mluvnice.

A přece si o srovnávací mluvnici slovanskou získal Vondrák zásluhu velikou. Neboť jeho »Vergleichende slavische Grammatik«, po prvé ve všech částech skutečně srovnávající fakta jednotlivých jazyků slovanských, velkou službu prokázala jazykovědě indoevropské, seznamujíc neslovanské linguisty a filology v pohodlné formě s jevy jazyků slovanských: slovanský materiál v novější jazykovědecké literatuře západoevropské je z největší části z mluvnice Vondrákovy. A ne hrubě menší význam má toto dílo přese všecky své slabé stránky, jež právem se mu vytýkaly a vytýkají, i pro filology a linguisty slovanské: dovoluje i při svých mezerách přehlédnouti materiál a podává první informace, jež těžko se shánějí. Jsou tu roztroušena dobrá drobná pozorování; kmenosloví je, třebas příliš mechanicky sestavené a málo historicky orientované, při nedostatku soustavného zpracování této části mluvnice u jednotlivých jazyků slovanských takřka jediným pramenem poučení o těchto věcech. A totéž platí do značné míry i o syntaxi. Faktum, že po necelých dvacíti létech vyšel 1. díl srovnávací mluvnice Vondrákovy po druhé, ukazuje, že Vondrák dal linguistice dílo, jehož velmi již bylo potřebí; to uznali i kritikové, kteří jinak měli proti knize vážné námitky. Je to dílo záslužné i proto, že to bylo podniknutí odvážné při nepropracovanosti některých částí mluvnice jednotlivých jazyků slovanských, při obsáhlosti látky i nepřístupnosti příslušné literatury.

Na celkovém tomto obraze Vondrákova díla nic nezmění několik málo článků a referátů, týkajících se písemnictví novějšího. Vondrákovou doménou byla filologie církevněslovanská, pro ni znamená čtyřicet let jeho práce veliký tisk. A při významu filologie církevněslovanské pro filologii slovanskou je patrno, že ve Vondrákovi ztratila filologie slovanská opět jednoho ze svých nejvýznačnějších představitelů naší doby.

Oldřich Hujer.

Bibliografický soupis literární činnosti V. Vondráka.[1])

1885

O genitivech na *-u* ve staré češtině. LF. 12, 1885, 253—269.

1886

Zur Kritik der altslovenischen Denkmale. Wien 1886. (Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe. B. CXII., seš. 2.). — Rec. V. Jagić, AslPh. 10, 1887, 177—181; V. Oblak, Ljub. Zvon 7, 1887.

O koncovkách praes. sing. 1. *-ím, -ám* v češtině. LF. 13, 1886, 43—55. — Rec. РФВ. 15, 1886, 232.

---

[1]) Samostatné spisy jsou tištěny proloženě, recense a referáty kursivou.

Ueber die Localendungen *-ě* und *-u* der *ъ-* und *o-* Stämme im Altböhmischen. AslPh. 9, 1886, 605—634.[1])

1889

Kremsmünsterská legenda o 10.000 rytířích. LF. 16, 1889, 21—45.

1890

Altslovenische Studien. Wien 1890, 8°, 90 (Sitzungsber. der kais. Akad. B. CXXII). — Rec. V. Oblak, Ljubljanski Zvon 1891, I—VIII.

Ueber die persönlichen Schimpfwörter im Böhmischen. AslPh. 12, 1890, 47—78. K tomu: Berichtigungen zu »Ueber die persönl. Schimpfwörter im Böhm.«, ib., 319—320.

1891

Über einige orthographische und lexikalische Eigenthümlichkeiten des Codex Suprasliensis im Verhältniss zu den anderen altslovenischen Denkmälern. Wien 1891. 44. (Sitzungsber. der kais. Akad.) Srv. V. Oblak, Zur Würdigung des Altslovenischen, AslPh. 15, 1893, 338 sl.

1892

Zur Würdigung der altslovenischen Wenzelslegende und der Legende vom heil. Prokop. Wien 1892. 8°. 68. (Stzber. B. CXXVII). — Rec.: V. Jagić, AslPh. 15, 1893, 435; Polívka, Athenaeum 10, 1893, 216—218.

Die böhmische Kaiser Franz Joseph-Akademie der Wissenschaften, Litteratur und Kunst in Prag. Österr. Lblatt 1892, 38—41.

J. Gebauer, Mluvnice česká pro školy střední a ústavy učitelské. I. Nauka o slově. V Praze a ve Vídni 1890. II. Skladba. V Praze a ve Vídni 1890. AslPh. 14, 1892. 116—128.

V. Jagić, Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente. Wien 1890. AslPh. 14, 1892, 278—292.

Kronika Dalimilova. K tisku upravil Dr. V. E. Mourek. V Praze 1892. Österr. Lblatt 1892, 120—122.

1893

Glagolita Clozův. Se třemi světlotiskovými přílohami. V Praze 1893. Nákl. Čes. Ak. 4°, 127. — Rec. V. Oblak, AslPh. 15, 1893, 588—594; V. Jagić, ib. 604—605; P. Lavrov, Древности I, 1895, 249—255.

Die Spuren der altkirchenslavischen Evangelienübersetzung in der altbömischen Literatur. Wien 1893, 8°, 38. — Rec. V. Jagić, AslPh. 16, 1894, 291—192; V. Flajšhans, LF. 21, 372 sl. a 463 sl.; ČČM. 67, 1893, 638—639; J. Polívka, ČČM. 68, 1894, 468—470; J. Kvíčala, České museum filologické I, 1895, 77—87. — Viz též ČČM. 69, 1895, 301—314, 487—498, 498—502.

O Kollárově díle »Die Götter Rhetras«. Jan Kollár 1793—1852. Sborník statí o životě, působení a literární činnosti pěvce »Slávy Dcery«. Na oslavu jeho stoletých narozenin redakcí Františka Pastrnka vydaly Český akademický spolek ve Vídni a Slovenský akademický spolok »Tatran« vo Viedni (ve Vídni 1893), str. 243—246.

Ezechiel Zivier, Studien über den Codex Suprasliensis. Breslau 1892. AslPh. 15, 1893, 407—411.

1894

Althochdeutsche Beichtformeln im Altkirchenslavischen und in den Freisinger Denkmälern. AslPh. 16, 1894, 118—132.

Vindobona, Wienne. Eine etymologische Untersuchung von Dr. Theodor R. v. Grienberger. Wien 1894. ČČM. 68, 1894, 599—601.

---

[1]) V Královédvorském rukopisu je odchylný poměr obou tvarů lokálních než v jiných památkách; odtud odvozuje V. již v tomto článku pochybnosti o jeho pravosti. Toto budiž doplněno k ČMFL. 12, 1925, 26.

1895

Jak možno vysvětliti si druhotvar *ricati* vedle *rêkati*, *sêcati* vedle *sêkati* a pod. České museum filologické I, 1895, 59—63.

K otázce o vlivu církevní slovanštiny na starou češtinu. ČČM. 69, 1895, 301—314. Srov. V. Flajšhans, ib. 487—498 a J. Polívka, ib. 501—502.

K námitkám stran vlivu církevní slovanštiny na starou češtinu. ČČM. 69, 1895, 498—501.

V. Jagić a) Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente. Wien 1890. b) Glagolitica II. Grškovićev odlomak glagolskog apostola. U Zagrebu 1893. ČČM. 69, 1895, 344—351.

1896

Frisinské památky, jich vznik a význam v slovanském písemnictví. V Praze 1896, 4°, 82 + 9 fot. snímků. (ČA.). — Srv. Věstník Čes. Ak. 5, 341—342. — Rec. V. Jagić, AslPh. 18, 1896, 594 sl., zvl. 598—601; Frant. Pastrnek, LF. 24, 1897, 46—48; Н. К. Грунскій, Изв. 3, 1898, 267—278; Miletič, Бълг. прѣгл. III, 6, 123.

O mluvě Jana exarcha bulharského. Příspěvek k dějinám církevní slovanštiny. V Praze (u Bursíka a Kohouta) 1896, 4°, 102. — Rec. V. Jagić, AslPh. 18, 1896, 593—598; Fr. Pastrnek, LF. 24, 1897, 44—45; Miletič, Бълг. прѣгл. III, 6, 121—122; Sobolevskij, Жур. Мин. 309, květen, 219—221.

Althochdeutsches in den slav. Freisinger Denkmälern. Paul-Braune Beiträge 22, 1896, 201—208.

K otázce o slovanských abecedách. ČČM. 70, 1896, 282—296.

Zur Frage nach der Herkunft des glagolitischen Alphabets. AslPh. 18, 1896, 541—556 a 19, 1897, 167—188.

1897

Hlaholice (glagolice) a hlaholské památky. OSN. 11, 1897, 332—335.

Novější práce o činnosti slovanských apoštolů sv. Cyrilla a Methodia. ČČM. 71, 1897, 324—352.

A. Meillet, Recherches sur l'emploi du génitif-accusatif en vieux-slave. Paris 1897. ČČM. 71, 1897, 388—393; DLZ. 19, 1898, 915—7.

Ljub. Stojanović, Мирослављево јеванђеље. Издање Његова величанства Александра I, краља Србие. 1897. ČČM. 71, 1897, 568—574.

1898

Die Imperative *daždĭ*, *věždĭ* u. s. w. und die Genitive Plur. *rabŭ*, *ženŭ*, *selŭ* u. s. w. AslPh. 20, 1898, 54—61.

Einige Bedenken gegen die Echtheit des Briefes v. P. Hadrian II. in der Vita S. Methodii c. VIII. AslPh. 20, 1898, 141—147.

Einige Bemerkungen anlässlich Meillet's »Recherches sur l'emploi du génitif-accusatif en vieux-slave«. Paris 1897. AslPh. 20, 1898, 325—342.

Timofej Florinskij, Лекціи по славянскому языкознанію. Часть вторая. С.-Петербургъ 1897. AslPh. 20, 1898, 343—360. Jen o části čsl.

Oskar Wiedemann, Handbuch der litauischen Sprache. Grammatik. Texte. Wörterbuch. Strassburg 1897. AslPh. 20, 1898, 381—384.

Josef Horák, Z konjugace souhláskové. Příspěvek k historické mluvnici slovanské. Praha 1896. AslPh. 20, 1898. 406—410.

Vasil-V. Le-Juge, Das galizische Tetro-Evangelium v. J. 1144. Leipzig 1897. AslPh. 20, 1898, 447—448.

Abicht Rudolf, Die Hauptschwierigkeiten der russ. Sprache. Leipzig und Wien 1897. AslPh. 20, 1898, 448—449.

Universitas linguarum Litvaniae. Denuo edidit, indicem verborum adiecit Joannes Rozwadowski. Cracoviae. Sumptibus academiae litterarum. 1896. AslPh. 20, 1898, 450—453.

Staročeské Alexandreidy rýmované. Upravil a výkladem opatřil Frant. Xav. Prusík. Praha 1894 a 1896. AslPh. 20, 1898, 453—455.

Jaroslav Goll, Čechy a Prusy ve středověku. V Praze 1897. AslPh. 20, 1898, 457—460.

Jaroslav Sutnar, Svatopluk Čech's Leben und Werke. Wien 1897. AslPh. 20, 1898, 460—462.

Ferdinand Tadra, Kulturní styky Čech s cizinou až do válek husitských. V Praze 1897. AslPh. 20, 1898, 462—467.

Arnošt Kraus, Christe ginâdô a Hospodine pomiluj ny. Praha 1897. AslPh. 20, 467—468 a ČČM. 72, 1898, 77—79.

Constantin Jireček, Das christliche Element in der topograph. Nomenclatur der Balkanländer. Wien 1897. AslPh. 20, 1898, 473—476; ČČM. 72, 1898, 82—84.

Frant. Xav. Kryštůfek, Čechy nenáležely nikdy diecési k Řeznu. ČKD. 38, 1897. ČČM. 72. 1898, 79—80; DLZ. 20, 1899, 896—898.

V. Jagić, Vsih prorokov stumačenje hrvatsko. Veteris testamenti prophetarum interpretatio istro-croatica saeculi XVI. Vindobonae-Berolini 1897. ČČM. 72, 1898, 80—82.

P. Matković, Putovanja po balkanskom poluotoku XVI. vieka. XVI. Putni dnevnici Jakova Bongarsa od god. 1585 i Vratislava s Mitrovica od god. 1591. U Zagrebu 1897. ČČM. 72, 1898, 84—86.

Vavřinec Josef Dušek, Hláskosloví nářečí jihočeských. I. Část: Consonantismus. II. Část. Vokalismus. ČČM. 72, 1898, 354—360.

Evangelium S. Joannis secundum codices vetero-slavicos characteribus glagoliticis et cyrillicis unacum textu graeco et latino exaratum. In benedictam SS. Cyrilli et Methodii memoriam offert J. M. 1897. ČČM. 72, 1898, 360—361.

1899

Zur Erklärung des aksl. Dat. Sg. *pąti, kosti.* IF. 10, 1899, 113—116.

A. Leskien, Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Dritte Auflage. Weimar 1898. AslPh. 21, 1899, 224—226.

Olaf Broch, Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn (mit einer Karte). Kristiania 1897. — Týž: Weitere Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn. Kristiania 1899. AslPh. 21, 1899, 226—229.

V. Flajšhans, Podrobný seznam slov rukopisu králodvorskéko. V Praze 1897. AslPh. 21, 1899, 229—231.

V. Flajšhans, Knihy české v knihovnách švédských a ruských. V Praze 1897. AslPh. 21, 1899, 231—233.

Staročeská gesta Romanorum. Dle staročeských rukopisů podává Dr. Jan V. Novák. V Praze 1895. AslPh. 21, 1899, 251—254.

Komenský Jan Amos, Theatrum universitatis rerum. Z rukopisu podávají J. V. Novák a A. Patera. V Praze 1897. AslPh. 21, 1899, 254—255.

A. S. Archangeľskij, Къ исторіи нѣмецкаго и чешскаго луцидаріусовъ. Казань 1897. AslPh. 21, 1899, 255—256.

Rektorská řeč M. Řehoře Pražského r. 1476. Podává Dr. Jan V. Novák. V Praze 1897. AslPh. 21, 1899, 256—257.

Adolf Petr Záturecký, Slovenská príslovi, pořekadla a úsloví. V Praze 1897. AslPh. 21, 1899, 257—259.

Francis Count Lützov, A history of Bohemian Literature. London 1899. DLZ. 20, 1899, 1472—3.

Pavel Križko, Domov slovanskej cirkevnej reči a maďarské zaujatie vlasti. Slov. Pohľady 1898. Věstník slov. starožitností, sv. 2, 1899, 15—17.

J. Škultéty, Slovanské slová v madarčine. Slov. Pohľady 1898. Věstník slov. starožitností 2, 1899, 17—18.

Bernhard Munkácsi, Die Anfänge der ungarisch-slavischen ethnischen Berührung. Die Donauländer. Zeitschr. für Volkskunde. Jhg. I. Věstník slov. starožitností 3, 1899, 71—74.

1900

Altkirchenslavische Grammatik. Berlin, Weidmannsche Buchh. 1900. 8°. XI + 395. — Rec. Fr. Pastrnek, AslPh. 23, 1901, 259—260, LF. 28, 1901, 62—63, DLZ. 22, 1901, 1311—1312; E. Karskij, РФВ. 46, 293; A. Belić, Лет. Мат. срп., књ. 208, св. IV. за г. 1901, 120—126; J. Жувановић, Бран-

ково коло VII, 119—121; J. Zubatý, IF. Anz. 13, 1902/3, 75—77; H. Hirt, Literarisches Centralblatt 2, 1901, 1067—1068; M. Rešetar, Allgem. Literaturblatt 11, 1902, 655.

Zur Declination des zusammengesetzten Adjectivums. AslPh. 22, 1900, 6—11. — Rec. Г. А. Ильинскій, Изв. 5, 1900, 1049.

Zur Renaissance der böhmischen Literatur zu Ende des vorigen Jahrhunderts. AslPh. 22, 1900, 46—52. — Srv. Arne Novák, Obz. lit. a uměl. 3, 1901, 1 sl. a J. Jakubec v I. sv. Lit. české 19. stol., 2. vyd., 1 sl.

Palaeographisches und Sprachliches anlässlich der neuen Publication der Blätter von Chilandar. AslPh. 22, 1900, 542—553. — Rec. Г. А. Ильинскій, Изв. рус. яз. VI, 1903, 241—243.

Z oboru slavistiky. ČČM. 74, 1900, 18—37. — Rec. Г. А. Ильинскій, Изв. 5, 1900, 1046; J. Zubatý, Věstník slov. starožitností II, 4, 20—21.

В. Н. Щепкинъ, Разсужденіе о языкѣ саввиной книги. С.-Петербургъ 1899. AslPh. 22 1900, 247—255. — Odpověď Ščepkinova je v BB. 26, 1901, 161—6.

Potštýn. Práce a vzpomínky letních hostí a přátel zátiší potštýnského. Uspořádali Marie Habeltová a Jiří V. Klíma. V Potštýně n. Orl. 1897. AslPh. 22, 1900, 317—318.

1901

E. Berneker, Die Wortfolge in den slavischen Sprachen. Berlin 1900. DLZ. 1901, 795.

1902

Bruno Guyon, Grammatica, esercizii e vocabolario della lingua slovena. Milán 1902. DLZ. 23, 1902, 224—5.

Tore Torbiörnsson, Die gemeinslavische Liquidametathese. I. Upsala 1901. DLZ. 23, 1902, 1117—18.

Věstník slovanské filologie a starožitností. I. ročník. Praha 1901. DLZ. 23, 1902, 1357—1359.

1903

Studie z oboru církevněslovanského písemnictví. V Praze 1903. Rozpravy české akademie, tř. III., č. 20. Str. 180. — Rec. P. A. Lavrov, AslPh. 27, 1905, 351—372; V. Jagić, ib. 384 sl.; Golubinskij, Изв. 9, 3, 343—49.

Zachodnio-europejskie postanowienia pokutne w języku cerkiewno-słowiańskim. Rozpravy krak. akad. II, t. 25, 1—67. Rés. Bull. de l'Ac. de Cracovie. Červen—červenec, 104—108. — Rec. A. Sobolevskij, ЖМНПр. 1904, duben; E. Karskij, РФВ. 51, 332—334.

Zur Liquidametathese im Slavischen. AslPh. 25, 1903, 182—211.

Nový text hlaholský církevněslovanské legendy o sv. Václavu. ČČM. 77, 1903, 145—162, 435—448.

Djuro Šurmin, Povjest književnosti hrvatske i srpske. Zagreb. Allgem. Lblatt 12, 1903, 48—49.

Josef Masařík, Sloveso české ve svých tvarech a časích. Praha 1902. Seš. 1—3. Allgem. Lblatt 12, 1903, 113. O celém spise ib. 16, 1907, 403—404.

E. Berneker, Slavische Chrestomathie mit Glossaren. Strassburg 1902. DLZ. 1902, 2521—2522 a Allgem. Lblatt 12, 1903, 401—402.

Влад. Даль, Толковый словарь живого великорусскаго языка. 3. изд. С.-Пбгъ и Москва. Allgem. Literaturblatt 12, 1903, 628.

A. Brückner, Psałterze polskie do połowy XVI. wieku. Kraków 1903. Allg. Lbl. 12, 1903, 659—660.

G. Polonskij, Geschichte der russischen Literatur. Sammlung Göschen, Nr. 166. Leipzig 1902. Allg. Lblatt 12, 1903, 726—727.

1904

O původu kijevských listů a pražských zlomků a o bohemismech v starších církevněslovanských památkách vůbec. Spisů poctěných jubilejní cenou Král. české společnosti náuk č. XV. Nákladem jubilejního fondu Král. české společnosti nauk. V Praze 1904. 8°. X + 115 + 4 fotogr. snímky. — Rec. V. Jagić, AslPh. 27, 1905, 441—446; E. Smetánka, LF. 32, 1905,

57—60; ČČH. 11, 1905, 76—78; Jos. Kolář, ČČM. 79, 1905, 179—184; E. Karskij, РФВ. 53, 160—162; S. M. Kul'bakin, Изв. 10, 1905, 320—338.

Několik pohádek z Duba. Český lid 13, 1904, 83—86, 126—130, 167—172, 213—214, 260—262, 308—310, 369—370, 406.

K výkladu některých pádů slovanské deklinace. Статьи по славяновѣдѣнію. Выпускъ I. Подъ редакціею орд. ак. В. И. Ламанскаго. (С.-Пбгъ. 1904), str. 184—193.

Remešské evangelium. OSN. 21, 1904, 539—541.

Věstník slovanské filologie a starožitností. II. ročník. Praha 1902. DLZ. 25, 1904, 1029—30.

V. Flajšhans, Nejstarší památky jazyka i písemnictví českého. Díl I. V Praze 1903. Allgem. Literaturblatt 13, 1904, 400.

Erich Berneker, Russisches Lesebuch mit Glossar. 2. Aufl. Sammlung Göschen 67. Leipzig 1903. Allgem. Lblatt 13, 1904, 592.

1905

Aksl. *sěnь, stěnь, těnь* ‚Schatten' und *tělo* ‚corpus' BB. 29, 1905, 173—178 a 248. Srv. Karskij, РФВ. 53, 331 a G. A. Il'jinskij, AslPh. 28, 1906, 160, 451 sl.

Zu den nasalen im Slavischen. BB. 29, 1905, 201—225.

Das slavische imperfektum und sein Verhältnis zum litauischen praeteritum. BB. 29, 1905, 295—305.

Paul Fuchs, Russische Konversations-Grammatik zum Schul- und Selbstunterricht. 4. Aufl. Heidelberg 1903. Allgem. Literaturblatt 14, 1905, 79—80.

Josef Janko, Soustava dlouhých slabik koncových v staré germánštině. Praha 1903. Allg. Lblatt 14, 1905, 239—240.

1906

Vergleichende slavische Grammatik. I. Lautlehre und Stammbildungslehre. Göttingen (Vandenhoeck und Ruprecht) 1906. X. + 532. 8°. — Rec. A. Brückner, AslPh. 29, 1907, 110—120; W. Porzeziński, AslPh. 29, 1907, 411—428; Joos. J. Mikkola, RS. I, 1908, 3—19; Kazimierz Nitsch, RS. I, 1908, 19—32; A. Mazon, BSL. 14, 1907, 259—261; Asbóth, Nyt 2, 1909, 145 sl.; W. Nehring, DLZ. 28, 1907, 1817—1818; Václav Flajšhans, ČČM. 82, 1908, 382 sl.; H. H., LCBl. 1908, 233—234.

Zur Frage nach dem Verhältnisse des Freisinger Denkmals zu einer Homilie von Klemens. AslPh. 28, 1906, 256—260. Srv. V. Jagić, Mein Zusatz, ib. 260—261.

Über die Provenienz der Kiever Blätter und der Prager Fragmente. (Zur Abwehr.) AslPh. 28, 1906, 472—478.

Slavische akzent- und quantitätsstudien I. BB. 30, 1906, 100—153.

H. v. Ulaszyn, Über die Entpalatalisierung der urslav. e-Laute im Polnischen. Leipzig 1905. DLZ. 1906, 592—593.

Paul Maerkel, Der Kulturwert des Russischen. Berlin 1905. Allg. Literaturblatt 15, 1906, 434.

1907

K výkladu třetí a čtvrté konjugace slovanské. Сборникъ статей посвященныхъ почитателями акад. и заслуж. проф. В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности, часть первая (С.-Петербургъ 1907), 190—198.

Slavische Akzent- und Quantitätsstudien. II. KZ. 41, 1907, 133—153.

Gustav Karpeles, Literarisches Wanderbuch. Neue Folge. Slawische Wanderungen. 2. Auflage. Berlin 1905. Allg. Literaturblatt 16, 1907, 306.

G. S. Petrow, Rußlands Dichter und Schriftsteller. Von dem Verfasser autorisierte Übersetzung von U. v. Mickwitz. Halle 1905. Allg. Literaturblatt 16, 1907, 495.

1908

Vergleichende Slavische Grammatik. II. Band. Formenlehre und Syntax. Göttingen (Vandenhoeck und Ruprecht) 1908. XIV + 548. 8°. — Rec. Josef Zubatý, RS. 2, 1909, 1—21; A. Mazon, BSL, 15, 1908, 68—71; V. Flajšhans, ČČM. 82, 1908, 382—384; Asbóth, Nyt 2, 1909, 145—150; W. Nehring, DLZ. 29, 1908, 862.

O místě attributivního adjektiva a substantivního genitivu ve větě. Jagić-Festschrift (Berlin 1908), 151—158.

Slověnьskaja psalъtyrь. Psalterium Bononiense. Edidit V. Jagić. Accedunt XIX specimina codicum. Vindobonae, Berolini, Petropoli 1907. RS. I, 1908, 140—143.

Supraslьskaja rukopisь. Trudъ Sergěja Severьjanova. Tomъ I. Izdanie otdělenija russkago jazyka i slovesnosti imper. akademii naukъ. Sъ priloženiemъ trechъ snimkovъ. Sanktpeterburgъ 1904. RS. I, 1908, 143—145.

Savvina kniga. Trudъ Vjačeslava Ščepkina. Izdanie otdělenija russkago jazyka i slovesnosti imper. akademii naukъ. Sъ priloženiemъ 4 — chъ fototipičeskichъ snimkovъ. Sanktepeterburgъ 1903. RS. I., 1908, 145—147.

St. Słoński, Die Übertragung der griech. Nebensatzkonstruktionen in den altbulg. Sprachdenkmälern. Kirhain N.-L. 1908. DLZ. 29, 1908, 3169.

1909

Eine Entgegnung auf Porzeziński's Kritik meiner Vgl. slav. Grammatik Bd. I. AslPh. 30, 1909, 284—292.

O anticipaci v slovanštině. Almanach akademického spolku ve Vídni. 1868—1908. (Ve Vídni 1909.) Str. 33—35.

Slověnьskaja psalъtyrь. Psalterium Bononiense. Ed. V. Jagić. Vindobonae, Berolini, Petropoli. 1907. GGA. 171, 1909, 99—108. — Ref. Rudnicki, RS. 3, 1910, 354—356.

Marian Zdziechowski, Die Grundprobleme Rußlands. Aus dem Polnischen übersetzt von Adolf Stylo. Wien 1907. Allg. Literaturblatt 18, 1909, 236—237.

Literatura česká devatenáctého století. Dílu třetího část první a druhá. Praha 1905 a 1907. Allg. Literaturblatt 18, 1909, 274.

Jan Jakubec, Geschichte der čechischen Litteratur. — Arne Novák, Die čechische Litteratur der Gegenwart. Leipzig 1907. Allg. Literaturblatt 18, 1909, 305—306.

1910

Kirchenslavische Chrestomathie. Göttingen 1910. IV + 232. — Rec. Карскій, РФВ. 65, 1911, 270—1; Gauthiot, BSL. 17, 1911, 123—5.; Páta, ČMF. 1, 1911, 51—52; Лавровъ, Изв. 16, 2, 345—9; M. Z. Kryński, PrFil. 8, 1913, 329—334; A. Meillet, Revue critique 1911, I, 144—146; E. Boehme, Lit. Zentralblatt 1911, 372—3.

Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin 1908. Allgem. Literaturblatt 19, 1910, 209—210.

Die osteuropäischen Literaturen und die slawischen Sprachen. Leipzig 1908. Allgem. Literaturblatt 19, 1910, 244—245.

Erich Boehme, Russische Literatur. I.—II. Teil. (Sammlung Göschen 403—404). Leipzig 1908, 1909. Allgem. Literaturblatt 19, 1910, 379.

Rocznik slawistyczny. Tom I. Kraków 1908. Allgem. Literaturblatt 19. 1910, 401—402.

M. Murko, Geschichte der älteren südslawischen Litteraturen. Leipzig 1908. Allgemeines Literaturblatt 19, 1910, 432—433; Neue Freie Presse 4. VI. 1911.

J. Peisker, Die ältere Sozial- und Wirtschaftsverfassung der Alpenslawen (Slowenen). Stuttgart 1909. Allgem. Literaturblatt 19, 1910, 536.

Erich Berneker, Slavisches etymologisches Wörterbuch. 1.—3. Lieferung. Heidelberg 1908—1909. Allgem. Literaturblatt 19, 1910, 49, 560—561.

Leskien A., Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Heidelberg 1909. Allgem. Literaturblatt 19, 1910, 752—753.

1911

Olaf Broch, Slavische Phonetik. Heidelberg 1911. DLZ. 32, 1911, 1183—1184.

J. Peisker, Neue Grundlagen der slawischen Altertumskunde. Stuttgart 1910. Allgem. Literaturblatt 20, 1911, 12—13.

M. Murko, Zur Kritik der Geschichte der älteren südslawischen Litteraturen. Laibach 1911. Allgem. Literaturblatt 20, 1911, 273. Odpověď Murkova e na str. 413—414, replika Vondrákova ib. 414.

Erich Boehme, Kleines russisches Vokabelbuch. Sammlung Göschen 475. Leipzig 1910. Allgem. Literaturblatt 20, 1911, 402.

1912

Altkirchenslavische Grammatik. Zweite Auflage. Berlin (Weidmannsche Buchhandlung). 1912. 8°. XVIII + 656. — Rec. Asbóth, Nyt 4, 1912, 115; Fr. Pastrnek, DLZ. 33, 1912, 2711—2713; M. Weingart, ČMF. 2, 1912, 293—297, 390—396; Agathon Kon/íř, LF. 40, 1913, 457—462; A. Meillet. RS. 6, 1913, 124—143; W. Szczepkin, RS. 6, 1913, 143—151; J. L. Seifert, Allgem. Literaturblatt 22, 1913, 529.

Über einige wichtigeren Publikationen älterer slavischen Texte der letzten Jahre (Б. Цоневъ, Добрѣйшово четвероевангеле; Л. Милетичъ, Коприщенски Дамаскинъ; С. М. Кульбакинъ, Охридская рукопись апостола конца XII. вѣка; Валерій Погорѣловъ: Чудовская Псалтырь, Толкованія Өеодорита Киррскаго на Псалтырь, Словарь къ толкованіямъ Өеодорита Киррскаго на Псалтырь; Г. А. Ильинскій, Македонскій листокъ, Македонскій глаголическій листокъ, Грамоты Болгарскихъ царей; В. Н. Малининъ, Десять словъ златоструя XII. вѣка). RS. 5, 1912, 57—78.

Henryk Ułaszyn, Filologja i lingwistyka prof. A. Brücknera. Kraków 1910. DLZ. 33, 1912, 148—149.

Jan Jakubec, Dějiny literatury české. Od nejstarších dob do probuzení politického. V Praze. Allgem. Literaturblatt 21, 1912, 16.

Rocznik slawistyczny. Tom III, IV. Kraków 1910, 1911. Allgem. Literaturblatt 21, 1912, 307—308.

Literatura česká devatenácteho století. Díl první. 2. vyd. Praha 1911. Allgem. Literaturblatt 21, 1912, 595.

Erich Berneker, Slavisches etym. Wörterbuch. 6.—8. Lief. Heidelberg 1910—11. Allgem. Literaturblatt 21, 1912, 628.

1913

Zur Erklärung des polnischen *dziś*. RS. 6, 1913, 260—261.

V. Jagić, Die Entstehunngsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Neue berichtigte und erweiterte Ausgabe. Berlin 1913 RS. 6, 1913, 236—247.

J. Mikkola, Urslavische Grammatik. I. Teil. Heidelberg 1913. DLZ. 34, 1913, 1880—1881.

Vladimir Ćorović, Serbo-kroatische Grammatik. Sammlung Göschen 638. Berlin und Leipzig. 1913. DLZ. 34, 1913, 2265—2266.

Dragutin Prohaska, Das kroatisch-serbische Schrifttum in Bosnien und der Herzegowina. Zagreb 1911. Allgem. Literaturblatt 22, 1913, 17.

V. Hálka Sebrané spisy, sv. IX; Karla Sabiny Vybrané spisy, sv. II. Praha 1912. Allgem. Literaturblatt 22, 1913, 594.

Camilla Lucerna, Die letzte Kaiserin von Trapezunt in der südslav. Dichtung. Sarajevo 1912. Allgem. Literaturblatt 22, 1913, 683—684.

1914

W. Christiani, Über die persönlichen Schimpfwörter im Russischen. Leipzig 1913. Allgem. Literaturblatt 23, 1914, 34.

E. Berneker, Slavisches etymologisches Wörterbuch. Erster Band: A-L. Heidelberg 1908—1913. Allgem. Literaturblatt 23, 1914,. 132—133.

V. Jagić, Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Neue, berichtigte und erweiterte Ausgabe. Berlin, Weidmann 1913. Allgem. Literaturblatt 23, 1914, 236—237.

Jan Jakubec a Arne Novák, Geschichte der čechischen Literatur. 2. Aufl. Leipzig 1913. Allgem. Literaturblatt 23, 1914, 391.

1915

Старославянскій синтаксисъ. Казань 1915. Překlad N. M. Petrovského. Podle zprávy R. Jakobsona v Slavii 1, 183.

S. Agrell, Zur Erklärung der serbokroatischen Endung -ā beim Gen. Plur. Lund 1915. IF. Anz. 35, 1915, 45.

St. Smal-Stockyj a Th. Gartner, Grammatik der ruthenischen (ukraïnischen) Sprache. Wien 1913. IF. Anz. 35, 1915, 45—50.

E. Smetánka, Tschechisch-deutsches Gesprächsbuch. Berlin und Leipzig 1914. Sammlung Göschen. Nr. 722. IF. Anz. 35, 1915, 50.

Steph. von Smal-Stockyj, Ruthenisch-deutsches Gesprächsbuch (Sammlung Göschen. Nr. 681). Berlin u. Leipzig 1914. IF. Anz. 35, 1915, 50.

F. Spina, Die altčechische Katharinenlegende der Stockholm-Brünner Handschrift. Prag 1913. Allgem. Literaturblatt 24, 1915, 18.

St. Smal-Stockyj und Th. Gartner, Grammatik der ruthenischen (ukraïnischen) Sprache. Wien 1913. — St. v. Smal-Stockyj, Ruthenische Grammatik. Sammlung Göschen 680. Berlin 1913. Allgem. Literaturblatt 24, 1915, 147—148.

Jan V. Novák a Arne Novák, Přehledné dějiny literatury české od nejstarších dob až po naše dny. Vyd. druhé. Olomouc 1913. Allgem. Literaturblatt, 24, 1915, 212—213.

1916

T. Torbiörnsson, Kritische Bemerkungen zur slav. Laut- und Akzentlehre. Uppsala 1914. IF. Anz. 36, 1916, 53—54.

S. Agrell, Zur slavischen Lautlehre. Lund 1915. IF. Anz. 36,1 916, 54—55.

M. Rešetar, Elementar-Grammatik der serbischen (kroatischen) Sprache. Zagreb 1916. IF. Anz. 36, 1916, 55—56.

J. Páta, Zlomek evangelistáře XIII. století sofijské národní knihovny (č. 397). Praha 1915. LF. 43, 1916, 146—149.

Sammlung Göschen 721, 722, 723. Berlin 1914. (Smetánka E., Tschechische Grammatik; týž, Tschechisch-deutsches Gesprächsbuch; týž, Tschechisches Lesebuch mit Glossar). Allgem. Literaturblatt 25, 1916, 20.

1917

R. Trautmann, Die alttschechische Alexandreis. Heidelberg 1916. LZ. 68, 1917, 105—106.

Stephan von Smal-Stockyj, Ruthenisch-deutsches Gesprächsbuch. Sammlung Göschen. Nr. 681. Berlin 1914. Allgem. Literaturblatt 26, 1917, 18.

J. Stur, Die slawischen Sprachelemente in den Ortsnamen der deutsch-österreichischen Alpenländer zwischen Donau und Drau. Wien 1914. Allgm. Literaturblatt 26, 1917, 181.

Aug. Leskien, Grammatik der serbo-kroatischen Sprache I. Heidelberg 1914. Allgem. Literaturblatt 26, 1917, 241 sl.

J. Vajs, Psalterium palaeoslovenicum croatico-glagoliticum. T. I. Textus, annotationes, tabulae. Pragae 1916. LF. 44, 1917, 48—52.

1918

R. Trautmann, Die alttschechische Alexandreis. Heidelberg 1916. Allgem. Literaturblatt 27, 1918, 80—81.

1921

K výkladu tak zv. podružného (pobočného) *i* v slovanštině a polského tvaru *dziś*, stpol. *dzińś (dziś)*. Prace lingwistyczne ofiarowane Janowi Baudouinowi de Courtenay dla uczczenia jego działalności naukowej 1868—1921 (Kraków 1921) 7—10. — Recense: O. Hujer, LF. 49, 1922, 314—315; M. Weingart, ČMFL. 8, 1922, 249; F. Trávníček, Naše věda 3, 1921, 217.

1922

Sig. Agrell, Slavische Lautstudien. Lund 1917. IF. Anz. 40, 1922, 48—50.

Fr. Přikryl, Denkmale der Heiligen Konstantin (Cyrill) und Method in Europa. Wien 1920. ČMM. 46, 1922, 266—269.

Hugo Richter, Slovanské kapitoly z české historie. Olomouc 1922. ČMM. 46, 1922, 269—277.

1923

O pozdějších palatalisacích v praslovanštině. Slavia 2, 1923, 17—25. — Ref. Jos. Kurz, ČMFL. 12, 1925, 68.

Příspěvky z oboru slovanského přízvuku. Slovanský sborník věn. prof. Františku Pastrnkovi k sedmdesátým narozeninám 1853—1923 (Praha 1923), str. 30—34.

Slovanská myšlenka u Križaniće a jeho soud o Slovanech vůbec. Brno 1923. 8°, 16.

Heinrich Felix Schmid, Die Nomokanonübersetzung des Methodius. Leipzig 1922. LF. 50, 1923, 340—342.

Miloš Weingart, Dobrovského Institutiones. Část I. Církevněslovanské mluvnice před Dobrovským. V Bratislavě 1923. ČMM. 47, 1923, 288—289.

1924

Vergleichende slavische Grammatik. I. Band. Lautlehre und Stammbildungslehre. Zweite stark vermehrte und verbesserte Auflage. Göttinger Sammlung indogermanischer Grammatiken und Wörterbücher. Göttingen (Vandenhoeck & Ruprecht) 1924. XVIII + 742. — Rec. A. Belić, Јужнословенски филолог IV, 1924, 222—224;A. Brückner, ZslPh. 2, 1925, 293—309; A. Meillet, RES. 4, 1924, 282; T. Lehr-Spławiński, Slavia occidentalis III—IV, 1923—1925, 400—420; E. Hermann, Philolog. Wochenschrift 1925, 477—478; R. Trautmann, DLZ. 1925, 772—774; A. Meillet, BSL. 25, n. 77, 155—157.

Příspěvky k nauce o praslovanském přízvuku. Brno (Spisy filos. fakulty Masarykovy univ. v Brně, č. 5.) 1924. 105.

Další příspěvky k nauce o praslovanském přízvuku. Brno (Spisy filos. fakulty univ. Masarykovy v Brně, č. 9.) 1924. 8°. 53.

Вопросъ объ единствѣ русскаго языка передъ австрiйскимъ военнымъ судомъ въ Вѣнѣ въ 1915 году. Научныя показанiя проф. д-ра В. Вондрака о сущности и роли русскаго лит. яз. по отношенiю къ его нарѣчiямъ съ вводной замѣткой автора и съ предисловiемъ и примѣчанiями Ю. А. Яворскаго. Львовъ 1924. 9—30. Překlad 31—50.

De l'intonation de la finale du nominatif pluriel des thèmes en *-o-*. RES. 4, 1924, 16—23.

Miloš Weingart, Byz. kroniky v literatuře církevněslovanské. V Bratislavě 1922—1923. Naše věda VI, 1924, 154—157.

1925

Církevněslovanská chrestomatie. (Píšovy vědecké příručky 8.) V Brně 1925. 303. — Rec. J. Vašica, Časopis vlasteneckého spolku musejního v Olomouci 36, 1925, 108.

O cksl. překladu evangelia v jeho dvou různých částech a jak se nám zachoval v hlavnějších rukopisech (zvláště též v Nik., Nik. b. a Hval.). Даничићев Зборник (Београд-Љубљана 1925) str. 9—27.

Menší referáty a zprávy: Allgem. Literaturblatt 10, 1901, 466; 12, 1903, 437; 13, 1904, 17, 208 sl., 339; 15, 1906, 625; 18, 1909, 18; 20, 1911, 83, 304, 370, 467; 21, 1912, 468; 22, 1913, 402; 25, 1916, 278; 26, 1917, 83 sl.; 27, 1918, 180—181.

*

O životě a díle prof. V. Vondráka psali: Josef Zubatý, OSN. 23, 1907, 961—962; A. Brückner, Die Erfoschung der idg. Sprachen: Slavisch-Litauisch (Straßburg 1917) 35—37; Miloš Weingart, Nové Atheneum 2, 1921, 241—250, 289—304.

Nekrology a posmrtné vzpomínky: B. Conev, Българочехословашка взаимность I, 3—4, str. 6; Václav Flajšhans, Národní listy 19. VIII. 1925; O. Hujer, LF. 52, 1925, 312—313; J. Kurz, ČMFL. 12, 1925, 25—31. Slov. přehled 17, 1925, 557—559; St. Madenov, Славянски Гласъ год. XIX-кн. III., 1925, 23—25; M. Noha, Morava I., 1925, 191—194; A. Novák, Lidové noviny 15. VIII. 1925, str. 5; Jar. Sutnar, Lidové noviny 14. VIII. 1925, str. 2; Boh. Vydra, Otavan IX, č. 7.—.9, 1926, 99—100; M. Weingart, The Slavonic Review IV., December 1925, 475—482.

Josef Kurz.

Федор Евгеньевич Корш.

К десятилетию со дня его смерти (1. III. 1915).

Десять лет прошло со времени кончины славного русского языковеда Федора Евгеньевича Корша, и мы пользуемся этим хронологическим поводом, чтобы напомнить о нем славянскому миру, который он так горячо любил и изучению которого отдал столько своих сил.

Родившись 22 Апреля 1843 г. от отца Евгения Федоровича Корша, одного из ярких представителей эпохи 40-х годов, близко стоявшего к корифеям тогдашней литературы и общественности (Герцену, Грановскому, Огареву, Белинскому, Гончарову и др.), Ф. Е. в 1860 г. поступил на Историко-Филологический Факультет Московского Университета, богатый в то время выдающимися профессорами (С. М. Соловьев, С. В. Ешевский, Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонравов, П. М. Леонтьев, О. М. Бодянский, П. Я. Петров и др.). Спустя четыре года по окончании университетского курса (1864 г.) Ф. Е. уже защитил магистерскую диссертацию (De versu Saturnio), после чего был избран доцентом по кафедре греческой филологии и командирован на 2 года за границу. Первый год этой командировки он провел въ Берлине, где особенно сблизился с знаменитым латинистом Морицем Гауптом, посвящая вместе с тем свои досуги Королевской Библиотеке, где изучал памятники Балтийских Славян и совершенствовался в чешском и итальянском языках; следующий год, воспользовавшись своим пребыванием в Вене, он стал изучать два новых дотоле ему неизвестных, славянских языка — сербохорватский и словенский, при чем в занятиях этим последним языком ему содействовал между прочим племянник знаменитого словенского поэта Франца Прешерна, произедения которого впоследствии переведены были Ф. Е-чем на русский язык.

Активная академическая деятельность Ф. Е-ча в Московском Университете началась с осени 1870 г. и тянулась вплоть до 1900 г., когда, избранный ординарным академиком Императорской Академии Наук, он покинул Университетское преподавание. Кроме того, следует прибавить, что московская профессорская деятельность его прервалась на два года (1890—1892 г.), в течение которых он состоял профессором Одесского Университета. Занимая кафедру классической филологии, Ф. Е. университетские курсы посвящал главным образом интерпретации греческих и римских авторов (преимущественно — поэтов), греческой и римской метрике, среднегреческому языку, но научная его деятельность была несравненно шире, захватывая собой, помимо классического мира, и обширную область славистики, и многостороннее филологическое изучение мусульманского Востока, с которым он был впрочем связан и оффициально в качестве профессора персидской словесности в Московском Лазаревском Институте Восточных Языков (с 1892 г.).

Список печатных трудов Ф. Е-ча, обнимающий собой около 240 №, отличается большим разнобразием содержания. В некоторых своих работах Ф. Е. является литератором — преимущественно переводчиком (с малорусского, словенского, польского, итальянского, румынского, древнегреческого, новогреческого, латинского, немецкого, датского, армянского, персидского, арабского, татарского, мадярского языков), в других — публицистом (почти всегда оперировавшим к лингвистическим соображениям), в третьих — автором некрологов и мемуаристом; все остальные №№ — около 180 — имеют чисто научный характер

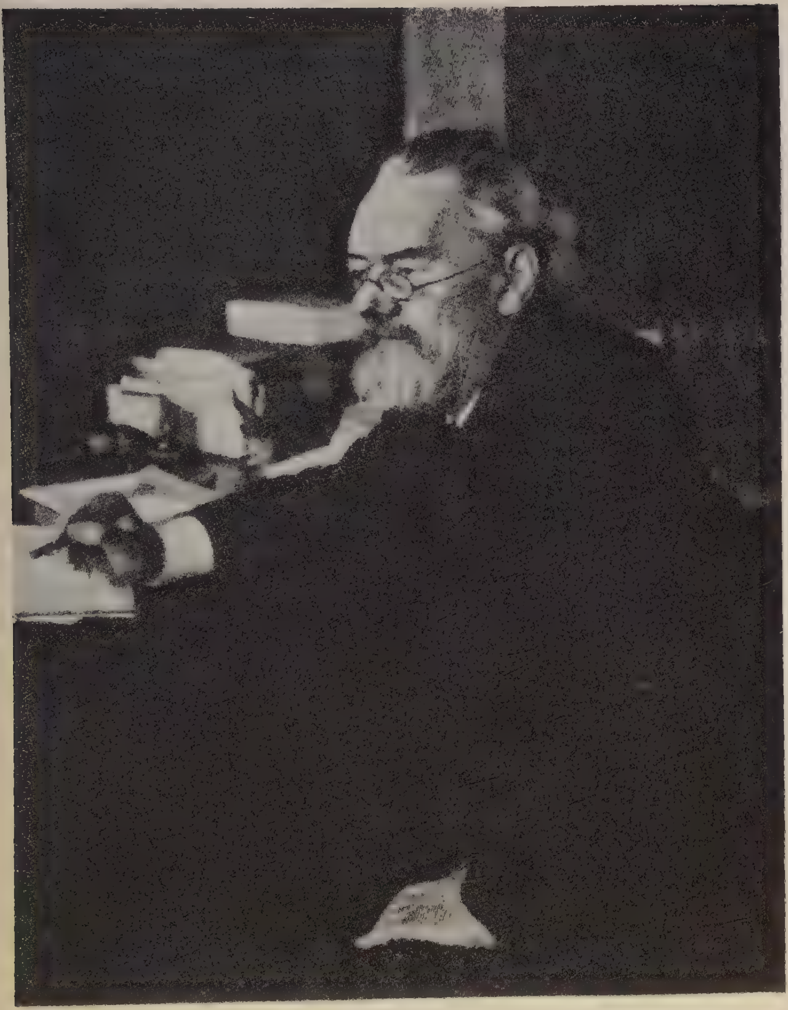
и посвящены различным вопросам европейской и восточной филологии и языкознания.

Как классический филолог, Ф. Е. Корш дал целый ряд блестящих критических и эксегетических статей по самым разнообразным памятникам древнегреческой и римской литературы, сделал драгоценные вклады в область изучения античной метрики, древнегреческой фонетики и синтаксиса и наконец выступил как историк античной литературы въ глубоко продуманном и изящном этюде „Римская элегия и романтизм“ и как совершенно исключительный мастер-виртуоз в области владения древнегреческим и латинским стихом в своих многочисленных, частью оригинальных, но главным образом переводных стихотворениях на обоих классических языках.

Деятельность Ф. Е-ча, как слависта, выразилась преимущественно в трех направлениях — в исследовании славянской метрики (ср. особенно замечательные две работы „Введение в науку о славянском стихосложении“, и „О русском народном стихосложении“, а также его исследования „Слова о Полку Игореве“ и изданный имъ ритмизованный текст этого памятника), в изучении фонетики русского языка (помимо только что отмеченных исследований по „Слову о Полку Игореве“ к этой области относится и его богатое по содержанию разыскание „О русском правописании“) и в этюдах по славянским этимологиям, в которых Ф. Е. освещал преимущественно сложные вопросы о славянских словах, заимствованных из разных восточных языков (ср. в особенности его обширную и превосходную рецензию на книгу Ф. Миклошича: Die türkischen Elemente in den südost- und ost-europäischen Sprachen, а также ряд отдельных небольших исследований). К области славистики можно отнести и ряд исследований и статей Корша по Пушкину (ср. в особенности его обширный и замечательный „Разбор вопроса о подлинности окончания „Русалки“ Пушкина по записи Д. П. Зуева“), Гоголю, Шевченке, Словацкому и др. Следует добавить, что Ф. Е. не только теоретически, но и практически знал целый ряд славянских языков, а на некоторых из них (малорусском, польском, чешском, словенском) писал и прозой и стихами.

Наконец Ф. Е. Корш можеть быть по праву причислен и к крупным русским востоховедам. Не говоря уже о целом ряде исследований по метрике персидской, арабской, тюркской, почти во всех лингвистических работах своих он обнаруживал детальное знакомство с языками мусульманского Востока, которые он изучал, подобно всем другим языкам, не только в хронологической, но и территориальной (диалектической) перспективе. Особенное внимание Ф. Е. уделял персидскому и тюркским языкам, лишь изредка касаясь арабского, при чем и тут, по обыкновению, его работы были направлены преимущественно на изучение проблем метрических, фонетических и этимологических.

Но как ни значительны по своей ценности печатные труды Ф. Е-ча, они в далеко неполной мере выявляют подлинные размеры изумительной одаренности этого ученого; об этом имеют настоящее представление лишь ближайшие ученики его и те ученые, которые имели счастье общаться с ним в форме научных бесед. Мощный, острый, проницательный, живой, женски впечатлительный и вместе с тем непогрешимоточный и всегда стремящийся к обобщениям ум Ф. Е-ча, исключительная способность его к быстрым ассоциациям, соединенная с большой трезвостью суждения, одинаковая восприимчивость к самым разнообразным об'ектам мысли, начиная с осязательно-реальных и кончая мистическими, ослепительное и неистощимое остроумие, феноменальная памятъ и — как следствие ее — необозримые по количеству теоретические и практические знания, блестящее умение формулировать свои всегда оригинальные и свежие мысли в ясной, меткой и незабываемо-яркой речи — вот те свойства этого единственного в своем роде ученого, которые раскрывались в этих творческих, поистине гениальных беседах.



Ѳ. Коршъ.

При всем разнобразии своих научных интересов Ф. Е. был, конечно, прежде всего филологом-лингвистом, и в этой области в многих отношениях он не имеет себе равного не только в русской, но и в западноевропейской науке. Хотя в некоторых отделах языковедения и даже в общей лингвистике нетрудно найти ученых, оставивших более осязательный след или своими вытянутыми в определенную систему научными трудами или всей совокупностью своей учено-преподавательской деятельности, тем не менее едва ли можно назвать хоть одного лингвиста, который обладал бы таким огромным захватом и вместе с тем столь углубленной и отчетливой филологической эрудицией, такой, как выражались Римляне, elegantia doctrinae, таким разносторонним и живым отношением к многообразным явлениям языка, такой исчерпывающей наличностью всех мыслимых точек зрения на эти явления — начиная с фонетико-физиологической и кончая художественно-литературной и ритмико-метрической. По колосальной широте научного размаха, по виртуозности обладания материалом (не только в количественном, но и в качественном смысле) по жизненности отношения к этому материалу, по тонкой восприимчивости к столь часто забываемой языковедами эстетической стороне языка Ф. Е. Коршу принадлежит бесспорно одно из первых мест среди не только русских, но и западноевропейских лингвистов, и вспоминая весь его облик и все проявления его несравненных дарований, невольно хочется вслед за Цицероном воскликнуть: Incredibilis quaedam et prope singularis et divina vis ingenii!

Москва, 10 Апреля 1925 г.

А. Грушка.

К заметке проф. Грушки слелаю некоторые дополнения относительно того, что было сделано акад. Коршем в области славянской филологии[1]). Как указано проф. Грушкой, работы Ф. Е. Корша в этой области касались главным образом славянских языков и славянского стихосложения; статьи и доклады историколитературного содержания носят случайный характер. По славянскому языковедению Ф. Е. Коршу принадлежит между прочим чуть ли не первая научная характеристика русского литературного произношения, напечатанная в Архиве Ягича („Beobachtungen"...), затем многочисленные этимологии заимствованных слов в славянских языках, приводимые им между прочим в статьях о турецких элементах в „Слове о полку Игореве", [2]) в разборах представленных на академич. премии сочинений Д. К. Зеленина, М. Р. Фасмера и др., в Этимологическом Словаре Преображенского и т. п.; в этих этимологиях Ф. Е. Корш блестяще использовал своё знакомство со многими не только индоевропейскими, но и турецкими, финскими и семитскими языками. Коршу принадлежат также и другие лингвистические наблюдения и соображения в области славянских языков, излагаемые им, между прочим, в его работах по славянскому стихосложению и в статьях, посвящённых другим, неславянским языкам. В работах по стихосложению можно найти немало ценных замечаний относительно ударений в славянских языках. Славянскому стихосложению посвящен ряд работ Ф. Е. Корша. Большая часть их касается русского стихосложения; таковы неоконченная статья „о русском народном стихосложении",[3]) обширный „Разбор вопроса о подлинности окончания „Русалки" Пушкина,[4]) ценный не самым решением вопроса, а детальным анализом Пушкинского ритма и рядом оригинальных научных сооб-

---

[1]) К сожалению, в Брне я не нашёл ни одного из некрологов Ф. Е. Корша, а также некоторых изданий, в которых напечатаны работы Корша, как напр., Сборника Отд. русск. яз. и словесности и др., а потому вынужден обо многом говорить по памяти.

[2]) Изв. Отд. р. яз. и слов. И. Акад. Наук VIII. 4, XI. 1.

[3]) Изв. I. 1, II. 2.

[4]) Изв. III. 3, IV. 1. 2.

ражений, издание „Слова о полку Игореве", замечания о ритме песен, записанных в начале XVII в. для Р. Джемса, и о ритме великорусских народных песен в приложении к изданиям Симони и Чернышёва, и др. И в этих работах, особенно в статье „о русском народном стихосложении", для обьяснения русских песенных ритмов привлекаются народные песни других славян. Но помимо этих статей, в числе трудов Корша имеется и статья, посвященная славянскому стихосложению вообще. Это — „Введение в науку о славянском стихосложении".[1]) Южнославянскому стихосложению посвящены статья „о происхождении сербского двенадцатисложного стиха"[2]) и анализ стихотворных размеров Прешерна в предисловии к его переводу стихотворений Прешерна. В работах Корша по славянским языкам и стихосложению многое является спорнымъ, многое устарело, но много и таких соображении и выводов, которые и до сих пор сохраняют свою научную ценность. В изучении славянского стихосложения Корш был первым, широко применившим к нему сравнительный метод. Елинственным его предшественником был Вестфаль, знакомство которого с ритмикой славянских народных песен было слишком недостаточно, чтобы на этом знакомстве строить положительное выводы.

Кроме научных работ по славянскому языковедению и стихосложению, Ф. Е. Коршу принадлежит ряд стихотворных переводов славянских поэтов на русский язык. Из славянских поэтов только один Прешерн был им переведён полностью и издан отдельной книжкой. Переводы других славянских поэтов немногочисленны; часть их была помещена Коршем в некоторых ежемесячных журналах, часть, повидимому, осталась в рукописи.

Для славянской науки и культуры важное значение имело председательство Корша в Московской Диалектологической Комиссии, в Славянской Комиссии Московского Археологического О-ва и в О-ве Славянской Культуры, организации, ставившей своей задачей культурное единение всего Славянства и содействие прогрессу общеславянской культуры.

Председателем Московской Диалектологической Комиссии акад. Корш был с самого возникновения Комиссии в 1904, до самой смерти и своим живым участием в обсуждении докладов и текущих дел, своими огромными знаниями и остроумием очень содействовал успешности её работы.[3]) В Славянской Комиссии Московского Археологического О-ва, занимавшейся главным образом изучением старинной славянской письменности, Ф. Е. Корш был выбран председателем после скончавшегося проф. М. И. Соколова и оставался в этой должности до самой смерти. Кроме живого участия в обсуждении докладов, Корш и сам выступил в Слав. Комиссии с докладом о Словацком. Наконец, чрезвычайно живым энергичным и плодотворным было его председательство в О-ве Славянской Культуры, которое, к сожалению, вследствие неблагоприятных политических условий, просуществовало очень недолго. Активным было и участие Ф. Е. Корша, в качестве ординарного академика, в Отделении русского языка и словесности И. Академии Наук, где он был председателем Комиссии по изданию сочинений Пушкина, рецензентом разных сочинений, представленных на академические премии, членом Комиссии по составлению Словаря русского языка и т. д. Между прочим, дорожа культурной индивидуальностью и правом на национальное самоопределение каждого славянского народа, ак. Корш явился одним из главных

---

[1]) Статьи по славяновѣдѣнію, подъ ред. В. И. Ламанскаго. II. 300—378. Спб. 1906.

[2]) Заглавие неточно, п. ч. Сборника статей, посвящ. Вл. И. Ламанскому, изд. 2. Отд. Акад. Наук, где помещена эта статья, у меня под руками не было.

[3]) См. Воспоминания Д. Н. Ушакова в 4. вып. Трудов Московской Диалектологич. Комиссии „Памяти . . . Ф. Е. Корша", из РФВ. т. 74. 1 (1915. № 3).

авторов известной записки об отмене стеснений малорусского слова, вызвавшей впоследствии неправильное тенденциозное освещение в украинской и русской националистической печати, одинаково приписывавших этой записке то, чего она не заключала. Составленная чрезвычайно объективно, она совершенно не затрагивает вопроса о взаимоотношении между великорусским и малорусским языками, но решительно отстаивает право малоруссов писать и печатать по-украински.

Научная продуктивность Корша не исчерпывается тем, что им напечатано. Чрезвычайно общительный и разговорчивый, он в частной беседе высказывал много ценных наблюдений и соображений, которых сам нигде печатно не опубликовывал, но которые могли быть использованы его собеседником. Таким путём, напр., нам стали известны многие его этимологии, приводимые Преображенским в его Этимологическом Словаре.

Брно, 1 мая 1925.

Николай Дурново.

Zprávy.

Zeitschrift für slavische Philologie (vychází vedením M. Vasmera u Markerta a Petterse v Lipsku) prvním svým svazkem, jenž vydán ve dvou objemných a velmi pěkně vypravených dvojsešitech 1924—1925 (IV a 545 str., za 28 zlat. marek),[1] ukazuje zcela jasně cíl, jejž si nový tento časopis vytkl, i cesty, po nichž cíle toho chce dojíti. Chce býti především prostředníkem mezi slovanskými slavisty a slavisty a filology ostatními, jimž chce dílem přímo, původními pracemi autorů slovanských, dílem obsáhlými a soustavnými referáty o slovanských pracích umožniti a usnadniti těžiti z výsledků vědeckého zkoumání slovanského. Největší část článků i referátů, obsažených v tomto prvním svazku je z péra filologů slovanských (Bubrich, Bulachovskij, Dolobko, Durnovo, Fischer, Jakubinskij, Karskij, Kuľbakin, Obnorskij, Perec, Ramovš, Trubeckoj, Zelenin, Žirmunskij) a značná část místa věnována je přehledům, namnoze značně rozsáhlým, o tom, co vykonáno v posledním desítiletí — to období voleno vhodně proto, že se tím aspoň poněkud navazuje spojení přerušené dobou válečnou — v některých oborech u toho či onoho národa slovanského; většinou jsou to referáty o pracích ruských, což je docela pochopitelné: Karskij referuje o pracích týkajících se běloruské filologie, Zelenin o ruské lidovědě za l. 1914—1924; zvlášť vítán bude mnohým Žirmunského článek »Die Formprobleme in der russ. Literaturwissenschaft«, poučující o novém proudění v ruské vědě literární, sbližující ji s jazykovědou a také jazykovědě vykazující nové úkoly a nové dráhy: tak jako na západě (zejména ve Francii, v poslední době také v Německu) i v Rusku rozpředla se čilá diskusse o těchto otázkách a vyvolala celou řadu rozprav a publikací obecných i speciálních (autor uvádí jich 88, z největší části z let 1916—1924, čímž není jejich počet vyčerpán, poněvadž autor vypočítává jen ty, o nichž se ve svém článku zmiňuje), jež mimo Rusko těžko je sledovati. Pojem slovanské filologie brán je v časopise Vasmerově široce: vedle linguistiky a literární historie je tu zastoupena kultura nová (lidověda) — zatím jen přehledy: vedle uvedeného již Zeleninova přehledu ruské lidovědy je tu Fischerův přehled o lidovědě polské — i stará (starožitnosti): je tu Gerambův článek o germánsko-slovanské kultuře bydlení nebo Schmidův »Die slav. Altertumskunde und die Erforschung der Germanisation des deutschen Nordostens«. Ovšem převahu má filologie v užším slova smyslu, zejména linguistika, což je u časopisu řízeného Vasmerem docela přirozené. Je tu několik cenných příspěvků k mluvnici jednotlivých jazyků slovanských (Trubeckoj, Obnorskij, Ramovš, Jakubinskij) i k mluvnici slovanské vůbec (Dolobko, Torbiörsson, v. Wijk). Časopis Vasmerův rázem získal si mezi časopisy slavistickými význačné místo. Jen cena jeho je bohužel taková, že za nynějších poměrů jen málo jednotlivců bude si jej moci opatřiti. Pro index by se snad doporoučelo uváděti slova jednotlivých jazyků slovanských odděleně. *H.*

Даничићев зборник (Српска краљевска академија, Посебна издања књига LV., философски и филолошки списи, књига 15, Београд—Лубљана 1925. Str. XVI a 295. Za 50 din.) vydán byl ke stému výročí narozenin Daničićových. Obsahuje vedle přehledu všech prací Daničićových v chronologickém pořádku (str. V—XVI) deset rozprav obírajících se skoro vesměs Daničićem a jeho pracemi; i článek Vondrákův »O církevněslovanském překladu evangelia v jeho dvou různých částech a jak se nám zachoval v hlavnějších ruko-

[1]) Zatím již vyšel první dvojsešit svazku druhého.

pisech« (str. 9—27) potud je v souvislosti s Daničićem, že obírá se také texty, jež Daničić vydal nebo ve svém vydání zpracoval; Murkův příspěvek jedná o jazyce srbsko-chorvatských protestantských knih (str. 72—106). Ostatní články všechny napsali nejbližší krajané Daničićovi: Stj. Ivšić a M. Šević podali příspěvky k osvětlení života Daničićova, ostatní pojednali o některých rysích naukové jeho práce. A. Belić v článku »Језично јединство Срба, Хрвата и Словенаца код Ђ. Даничића и његових савременика« (str. 28—71) ukazuje, jak vyvíjely se názory o poměru jazyka srbského, chorvatského a slovinského v době Daničićově (u Vuka, Daničiće, Miklosiće, Jagiće) — článek stejně zajímavý pro poznání Daničiće jako pro věc samu. Drag. Boranić a M. Rešetar obírají se otázkou, jak si Daničić vedl při svém překladě Nového zákona se zřením ke svému předchůdci Vukovi, P. K. Bulat ve studii »Даничић у светлу Академског »Rječnika« oceňuje význam Daničiće v srbsko-chorvatské lexikografii. Jazyk Daničićův je předmětem nevelkého článku Maretićova »Прилог српскохрватској стилистици из језика Даничићева (str. 1—8); ukazuje se v něm, že se Daničić vyhýbal zbytečným abstraktům, v nichž libuje si doba novější. A. Stojičević sděluje úsudek Leskienův o Daničićovi, jak jej poznal z rozhovorů s Leskienem. Úhrnem je příležitostná tato publikace, jejíž jednotlivé články souvisí vespolek jen zcela volně osobou oslavencovou a neřeší podle určitého plánu jednotlivé otázky k ní se vztahující (bývá tomu v podobných publikacích pravidelně tak), pěkným příspěvkem k poznání Daničiće a pietním projevem dnešní jihoslovanské filologie k velikému jejímu předchůdci.

Při téže příležitosti vydán byl první svazek drobných spisů Daničićových (Ситнији списи Ђ. Даничића. I. Критика, полемика и историја књижевности. Посебна издања, књига LIV, философ. и филолошки списи, књига 14. Сремски Карловци 1925. Str. IX a 467. Za 50 din.). Edicí touto zavděčila se Akademie bělehradská všem, kdož obírají se dějinami slovanské filologie a zejména slovanské linguistiky. To bude jistě nejlepším uctěním památky Daničićovy a trvalým výtěžkem oslavy stého výročí jeho narozenin. Že můžeme v brzku očekávati vypsání a ocenění činnosti Daničićovy z povolané ruky, svědčí přednáška prof. A. Beliće, kterou měl o Daničićovi při slavnostní veřejné schůzi pořádané při této příležitosti akademií bělehradskou a záhřebskou.

Le Monde Slave má v ukončeném právě ročníku 1925 (nouvelle série, deuxième année) také dva články linguistické. V článku »Le caractère de l'évolution du serbo-croate de ses origines jusqu'à nos jours« (seš. 4., str. 25—44) vykládá A. Belić způsobem i neodbornému čtenáři přístupným svůj názor o vývoji jazyka srbskochrvatského. Obratně tu informuje čtenáře o otázkách velice delikátních a zasvěcuje jej tak do spletitých jazykových poměrů jihoslovanských, jež uvádí v souvislost s dějinným vývojem těchto kmenů slovanských. Je-li v článku tomto seznamován čtenář s výsledky slovanské linguistiky, ukazuje článek A. Meilleta »Un nouvel atlas linguistique« (seš. 11, str. 161—167) na jeden z nejnaléhavějších úkolů slovanské linguistiky: sestavení linguistického atlasu slovanských jazyků. Vida v Tesnièrově atlasu, připojeném k jeho opisu »Les formes du duel en slovène« a znázorňujícím rozšíření a užívání duálu v nářečích slovinských, počátek takovýchto prací o jazycích slovanských, promlouvá krátce o výsledcích, jichž se jazykový zeměpis již dodělal jinde, a zdůrazňuje nutnost, aby se s takovouto prací začalo co nejdříve také na území jazyků slovanských. »Si l'on ne veut pas que la comparaison des parlers slaves devienne impossible, si la linguistique slave doit avoir une source d'information pareille à ce qu'ont maintenant plusieurs des langues romanes, il faut se hâter d'entreprendre ces enquêtes.«

O švédské slavistice píše Adolf Stender-Petersen v časopise »Przegląd współczesny« 1925, č. 41. První, jenž se ve Švédsku obíral jazyky a literaturami slovanskými, byl v 2. pol. 17. stol. žijící J. G. Sparwenfelt. Potom až teprve ke konci 19. stol. začala býti ve Švédsku opět studia slovanská pěstována a to jednak studia historická jednak filologická; o tom vykládá autor v druhé kapitole svého článku, v níž charakterisuje dnešní představitele slavistiky švédské. Kapitola závěrečná je věnována A. Jensenovi.

O polské jazykovědě počal vydávati pravidelné roční přehledy W. Porzeziński v časopise »Przegląd humanistyczny«. První takovou zprávu podal o roce 1923 (l. c. 1923, seš. 4., zvl. ot. 16 str.), v níž podrobněji pojednal zejména o obou nových polských grammatikách jazyka církevněslovanského (Łośově a Lehra-Spławińského), o Szoberově Grammatice jaz. polského, jehož psychologisující stanovisko podrobuje kritice, a o Benniho pokusu o ortofonii polskou. O produkci roku 1924 jedná v následujícím ročníku jmenovaného časopisu (1924, seš. 4, zvl. ot. 13 str.); obírá se tu podrobněji zejména Szoberovou knihou »Zarys językoznawstwa ogólnego« (Varšava 1924), o níž mluví s velikým uznáním, ale neschvaluje výlučně psychologického traktování nauky o jazyce, dále Rozwadowského článkem »Semantyka a gramatyka« z časop. »Język polski«, jehož utřídění jazykových jevů neschvaluje, — radí zcela rozumně ke konservatismu v této příčině: hlavní věcí je všestranné prozkoumání faktů, kdežto jejich třídění a zařazování je věcí vedlejší, proměnlivou podle postupujícího poznání. Značnou pozornost věnuje také pracím Gaertnerovým: o stilistice, uveřejněné v nevyšlém dosud 10. svazku časopisu »Prace filologiczne«, a rozpravě »O szyku przymiotników«; zvláště druhá z těchto rozprav dala Porzezińskému podnět k řadě poznámek o zajímavém tomto thematu.

Олександер Колесса: **Південно-волиньске Городище і городиські рукописні памятники XII—XVI в.** I.—III. Відбитка з Наукового Збірника Українського Університету в Празі, т. I. Прага 1923. 45 стр. + 3 табл. снимков.

Статья проф. О. Колессы состоит из 3 (I-III) глав: в 1-й содержатся сведения о Городище, о бывшем там монастыре, упразднённом в XVIII., и о рукописях этого монастыря, поступивших после его упразднения, по б. ч., в Христинопольский монастырь; 2-я глава посвящена описанию т. н. Христинопольского апостола XII в., принадлежавшего раньше монастырю в Городище, и 3-я содержит описание и текст отрывков из Евангелия XII—XIII в. (2 листка), открытых проф. Колессой и принадлежавших раньше тому же монастырю. В приложении помещены фототипические снимки с 2 страниц Христинопольского Апостола и одной страницы Городищенских отрывков.

В описании обоих памятников проф. О. Колесса подробно рассматривает их с палеографической стороны и даёт схематический перечень особенностей их правописания, указывая на соответствие его украинской речи писцов.

Описывая язык Христинопольского Апостола, К. выписывает те особенности его правописания, которые „можуть мати діялектологічне значення“. Но из этих особенностей бóльшая часть свойственна или всем церковно-славянским памятникам XI—XIII в., как южнорусского, так и южнославянского и севернорусского происхождения, или всем памятникам русского письма XII в., как южным, так и северным, и только 3 черты являются диалектическими: *у* вместо *в* (свойственна южнорусским и зап.-русским памятникам, но встречается иногда и в восточных северно-русских), *жч* вместо *жд* (только в галицких памятниках) а 3 sg. и pl. imprf. на *-ть* (преимущественно в южнорусских памятниках).

Описание Городищенских отрывков довольно обстоятельно. Датировки отрывков по палеографическим признакам возражений не вызывает. В описании языка отрывков в ключёи небольшой экскурс об употреблении *ѣ* из *е* в новых закрытых слогах (32—35). Проф. Колесса указывает, что эта черта известни письм. памятникам „майже всіх українских земель“ (34). Текст издан, повидимому, исправно. Сверяя издание с приложенным снимком одной страницы, я нашел только одну опечатку: сѵ҃де вместо еѵ҃де. Южнорусская национальность писца сказалась в отрывках только в нескольких случаях употребления *ѣ* вместо *е* в новых закрытых слогах перед мягкими. Чаще — общерусские черты, как напр. *ор*, *ер*, *ол* между согласными, *ж* вмесго *жд* и т. п.

Николай Дурново.

Историческая наука на съѣздѣ русскихъ ученыхъ въ Прагѣ 25 сент.—2 окт. 1924 г.[1])

Состоявшійся осенью 1924 г. въ Прагѣ съѣздъ русскихъ ученыхъ былъ радостнымъ праздникомъ для тружениковъ русской науки, волею судебъ оказавшихся внѣ предѣловъ Россіи. Впервые именно на этомъ — третьемъ русскомъ академическомъ съѣздѣ — встрѣтились русскіе научные работники другъ съ другомъ — уже не только ради организаціонныхъ дѣлъ — для упорядоченія взаимныхъ связей и отношеній и для выясненія нуждъ образованія и просвѣщенія русскихъ эмигрантскихъ студенческихъ и школьныхъ массъ, какъ то было на съѣздахъ 1921 и 1922 гг., но и для ознакомленія другъ друга съ итогами своихъ научныхъ работъ, для обмѣна мнѣній по тѣмъ или инымъ научнымъ темамъ. Къ сожалѣнію, этотъ смотръ русской научной дѣятельности за-рубежемъ не былъ полнымъ. Ученые, осѣвшие послѣ ухода своего изъ Россіи въ далекихъ углахъ Стараго и Новаго свѣта, лишены были возможности внести и свой трудъ на судъ и разсмотрѣніе своихъ русскихъ товарищей по специальности, на съѣздѣ не было русскихъ ученыхъ изъ Америки, Англіи и др. По числу членовъ съѣзда первое мѣсто занимали ученые изъ славянскихъ странъ — и здѣсь впереди другихъ Пражане, далѣе изъ Югославіи и т. д. При такомъ — такъ сказать — территоріальномъ ограниченіи всеже на съѣздѣ съ научными докладами выступило до ста человѣкъ и было прочитано 164 доклада по самымъ разнообразнымъ спеціальностямъ. На историко-филологическія и философскія темы было предложено свыше сорока сообщеній.

* * *

Приступая къ обзору собственно-историческихъ докладовъ, мы должны прежде всего констатировать, что найбольшее число сообщеній было посвящено вопросамъ исторіи Россіи или ея отдѣльныхъ частей (Малороссія, Литовско-русское государство), лишь единичные доклады касаются темъ историко-философскихъ и всеобще-историческихъ, въ четырехъ докладахъ затрагивается исторія и не восточныхъ славянъ, частью въ связи съ исторіей Россіи и русской культуры, и нѣсколько сообщеній разбираютъ вопросы методологическаго характера и даютъ оцѣнку научной дѣятельности русскихъ ученыхъ. Такое распредѣленіе научныхъ интересовъ и вниманія имѣетъ свое объясненіе прежде всего въ личномъ составѣ съѣзда. Наука русской исторіи и исторіи русскаго права была представлена на съѣздѣ тринадцатью лицами, изъ коихъ восемъ постоянно проживаютъ въ Прагѣ; наука всеобщей исторіи имѣла на съѣздѣ собственно лишь двухъ представителей — изъ Болгаріи и Югославіи, и т. д. Въ общемъ — при 19 докладчикахъ и 32 докладахъ по историческимъ вопросамъ на долю обитателей Праги, поставленныхъ, конечно, въ особо благопріятное положеніе въ смыслѣ участія въ работахъ съѣзда самымъ фактомъ его созыва въ Прагѣ, приходится двѣнадцать мѣстъ и 20 докладовъ, остальные семь мѣстъ — на долю пріѣзжихъ: 3 лица и 4 доклада Югославія, 2 лица и 2 доклада Германія, по 1 докладчику и по 3 доклада — Италія и Болгарія.

* * *

Мы начинаемъ нашъ обзоръ съ докладовъ историко-философскаго и историко-методологическаго содержанія. Здѣсь на первомъ мѣстѣ надлежитъ назвать сообщеніе проф. Е. В. Спекторскаго (Прага) на тему „Современность и средневѣковье“. Докладчикъ сопоставляетъ эти два этапа міровой исторіи съ цѣлью подмѣтить въ современности признаки и особенности такихъ государственныхъ и общественныхъ отношеній, которыя въ извѣстной формѣ были присущи раннему средневѣковью. Основнымъ сходнымъ признакомъ и того и другого историческаго момента докладчикъ

[1]) Приводимъ этотъ рефератъ цѣликомъ, такъ какъ трудно опредѣлить, какіе доклады могутъ имѣть особое значеніе для славянской филологіи. См. статейку „Русская литература и языкъ на съѣздѣ русскихъ ученыхъ въ Прагѣ“, Slavia IV. 194—198. *М. М.*

склоненъ считать тотъ фактъ, что и средніе вѣка и послѣднія десятилѣтія міровой исторіи могутъ быть характеризованы, какъ періоды борьбы между государствомъ и обществомъ, причемъ первое — въ средніе вѣка поглащается вторымъ, состоящимъ въ свою очередь изъ болѣе или менѣе автономныхъ союзовъ, для современности же также не исключенъ прогнозъ пораженія государственности общественностью. Иллюстрированный рядомъ указаній на различныя явленія современной политической, экономической и юридической жизни, художественно изложенный докладъ Е. В. Спекторскаго встрѣтилъ рѣшительную оппозицію со стороны длиннаго ряда членовъ съѣзда, несогласныхъ съ данной докладчикомъ характеристикой средневѣковья и современности и отдѣльныхъ присущихъ имъ явленій и признаковъ (напр. о цѣхахъ въ средніе вѣка, о государствѣ и его роли въ средневѣковьи, о гильдейскомъ соціализмѣ въ Англіи и т. п.).

Три привлекшихъ большое вниманіе и вызвавшихъ интересъ среди членовъ съѣзда доклада историко-философскаго и методологическаго характера предложилъ на съѣздѣ проф. П. М. Бицилли (Софія, Болгарія). Въ докладѣ подъ заглавіемъ „Культура и цивилизація“ (Основы для построенія синтеза исторіи западно-европейской культуры) — докладчикъ подвергъ критикѣ тезисъ О. Шпенглера о чередованіи „культуръ“ и „цивилизацій“. Полагая, что схема эта неспособна охватить всѣ значительныя культурно-историческія явленія, докладчикъ склоненъ считать „культуру“ и „цивилизацію“ скорѣе совмѣстимыми во времени „моментами“, нежели стадіями развитія. На основѣ этой критики, П. М. Бицилли предлагаетъ попытку иного опредѣленія характерныхъ признаковъ и особенностей культурно-историческихъ явленій: существенный признакъ для различенія и опредѣленія П. М. Бицилли видитъ въ характерѣ протеченія историческаго процесса и исторической жизни народа и страны: въ исторіи Франціи, напримѣръ, П. М. видитъ развитіе непрерывное и изъ себя, въ исторіи Германіи и Россіи — развитіе толчками и скачками, катастрофами. При обсужденіи именно послѣднее утвержденіе вызвало особенно рѣшительныя возраженія (А. А. Кизеветтеръ). — Второй докладъ проф. Бицилли былъ посвященъ „проблемѣ Возрожденія въ современной исторической наукѣ“ и въ частности оцѣнкѣ и выясненію значенія трудовъ К. Бурдаха и др. Въ сообщеніи на тему „Гностицизмъ и начало христіанства“ докладчикъ подвергаетъ критикѣ попытку Альфарика объяснить происхожденіе евангельской традиціи о Христѣ путемъ признанія ея зависимости отъ сказаній о Симонѣ Волхвѣ.

Если въ основѣ докладовъ П. М. Бицилли лежитъ критическій пересмотръ высказанныхъ въ послѣднее время научныхъ мнѣній по тѣмъ или инымъ вопросамъ и эта критика даетъ автору сообщеній возможность намѣтить тѣ или иныя самостоятельныя научныя конструкціи и толкованія, то докладъ другого спеціалиста по всеобщей исторіи проф. Н. М. Бубнова (Любляна) цѣликомъ построенъ на собственныхъ его разысканіяхъ, идущихъ отъ пересмотра первоисточниковъ. Проблема происхожденія нашихъ современныхъ цифръ, разсмотрѣнная Н. М. Бубновымъ въ нѣсколькихъ большихъ его изслѣдованіяхъ еще много лѣтъ назадъ, въ докладѣ на съѣздѣ была разъяснена въ сжатой и убѣдительной формѣ. Проф. Бубновъ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ обычныхъ нашихъ воззрѣній объ арабскомъ или индійскомъ происхожденіи цифръ и путемъ послѣдовательнаго и стройнаго построенія возстанавливаетъ всѣ этапы, по которымъ двигалась человѣческая мысль и техника счета отъ древнихъ грековъ до средновѣковья. Въ высокой степени интересно замѣчаніе Н. М. Бубнова о урало-алтайскомъ происхожденіи названій нѣкоторыхъ чиселъ.

Методологическіе вопросы исторической науки — помимо докладовъ проф. Бицилли были затронуты также въ докладахъ проф. Ѳ. В. Тарановскаго и акад. П. Б. Струве. Первый говорилъ о „предметѣ и задачѣ т. н. внѣшней исторіи права“. П. Б. Струве (Прага) съ обычной глубиной и зоркостью своихъ наблюденій и обобщеній далъ въ одномъ изъ двухъ своихъ докладовъ „опытъ истолкованія литературныхъ текстовъ съ точки зрѣнія экономической исторіи“. Исходя отъ мысли о значеніи для исторіи

бытовыхъ воззрѣній и понятій, П. Б. Струве на нѣсколькихъ примѣрахъ философско-соціологическаго и реально-историческаго, а также филологическаго толкованія отдѣльныхъ литературныхъ указаній иллюстрируетъ эту свою мысль. Примѣры акад. Струве беретъ — изъ Евангелія отъ Матѳея, гл. 20, гдѣ впервые вычеканивается, по его мнѣнію, и пускается въ оборотъ слово „хозяинъ“ (*οἰκοδεσπότης*), изъ Тертулліана и изъ св. Василія Великаго, въ одномъ изъ произведеній котораго дано опредѣленіе человѣка — какъ животное, хорошо оборудованное или вооруженное, опредѣленіе, которое предвосхищаетъ мысль В. Франклина, воспринятую позднѣе К. Марксомъ. — При обсужденіи былъ затронутъ особенно вопросъ о понятіи и словѣ хозяинъ вообще, и въ русскомъ и славянскихъ языкахъ въ частности.

Темой другого сообщенія П. Б. Струве является вопросъ объ использованіи извѣстій и мнѣній иностранцевъ о Россіи для русской исторіи и для выясненія содержанія и происхожденія тѣхъ или иныхъ воззрѣній на Россію, господствующихъ или высказываемыхъ въ иностраннной литературѣ. Работа проф. Тарановскаго „Монтескье о Россіи“ (въ „Трудахъ русскихъ ученыхъ за границей“, т. II, Берлинъ, 1922) является, по оцѣнкѣ проф. Струве, однимъ изъ образцовъ, по которому надлежитъ проработать иностранныя изданія. При работѣ подобнаго рода надлежитъ особо учесть то обстоятельство, что помимо книгъ, по заглавію своему явно обнаруживающихъ свое отношеніе къ темамъ о Россіи, имѣется еще большой запасъ книгъ, въ которыхъ о Россіи лишь упоминается, между тѣмъ какъ именно такія упоминанія порою даютъ общій тонъ сужденіямъ о Россіи и въ нихъ отражаются основныя тенденціи страны и времени. Ставя вопросъ о систематической проработкѣ иностранныхъ Rossica, П. Б. Струве выдвигаетъ на очередь первостепенной важности задачу, которая именно въ условіяхъ зарубежнаго существованія русскихъ ученыхъ силъ и при координированности ихъ дѣйствій можетъ получить прочное основаніе для своего разрѣшенія. П. Б. Струве упомянулъ во время доклада о выполненіи однимъ лицомъ въ Англіи опыта подобной обработки англійской литературы послѣднихъ лѣтъ. Хотѣлось бы надѣеться, что за этимъ опытомъ послѣдуютъ и иные по другимъ странамъ. Эта важная задача ждетъ и заслуживаетъ затраты на нее интенсивнаго труда.

Докладъ П. Б. Струве приводитъ насъ къ темамъ изъ области исторіи Россіи. Мы уже отмѣтили, что на съѣздѣ эти темы были представлены въ большомъ подборѣ и разнообразіи. Не придавая особаго значенія порядку ихъ обзора, мы далѣе будемъ все же стараться придерживаться порядка хронологическаго. На первомъ мѣстѣ позволимъ себѣ назвать сообщеніе А. Флоровскаго (Прага) на тему „Русь и Чехи на зарѣ ихъ исторіи“, — этотъ докладъ касается самой древней по содержанію темы изъ числа всѣхъ докладовъ по исторіи Руси. Постановка этой темы вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что въ научной литературѣ донынѣ недостаточно разработанъ вопросъ о связяхъ древней Руси съ западнымъ славянствомъ, въ особенности съ Чехами. Разрозненный матеріалъ и сдѣланныя на основаніи его заключенія и выводы остаются разсѣянными въ спеціальныхъ изысканіяхъ и изданіяхъ, но общей систематической сводки всѣхъ этихъ данныхъ нѣтъ ни въ русской, ни въ чешской литературѣ. Зная всю отвѣтственность толкованій сложныхъ древнихъ текстовъ и сообщеній, докладчикъ въ настоящей стадіи своей работы съ рядомъ оговорокъ группируетъ весь имѣющійся матеріалъ, по его мнѣнію достаточный для признанія русско-чешскихъ отношеній въ X вѣкѣ явленіемъ высоко-примѣчательнымъ и значительнымъ для пониманія исторіи древней Руси. Близость политическихъ границъ Руси и Чехіи въ X вѣкѣ (принадлежность Кракова Чехамъ и Червенскихъ городовъ [въ томъ числѣ — Перемышль] — Руси) и политическія взаимоотношенія Руси и Чехіи, русскіе купцы въ Прагѣ (свидѣтельства Ибр. Ибн-Якуба), наконецъ — культурныя связи, выразившіяся во взаимныхъ вліяніяхъ въ области церковной жизни и литературы [славянская литургія у Чеховъ — русское вліяніе (Вондракъ), чехо-моравскія книги на Руси (Соболевскій, Истринъ), судьбы житія св. Вацлава-Вячеслава

и т. д.] — таковы важнѣйшія изъ тѣхъ данныхъ, на которыхъ базируетъ свои заключенія докладчикъ.

Слѣдуя въ хронологическомъ порядкѣ темъ, переходимъ къ докладамъ М. В. Шахматова (Прага). М. В. Шахматовъ предложилъ вниманію членовъ съѣзда нѣкоторые итоги своихъ изслѣдованій древне-русскихъ лѣтописныхъ сводовъ XI—XII вв. со стороны ихъ историко-правового содержанія. Вскрывая идеологію лѣтописцевъ, докладчикъ приходитъ къ интереснымъ выводамъ о возрѣніяхъ ихъ — прежде всего — на „право“ и „правду“. „По ученію лѣтописцевъ, говорилъ докладчикъ, правда государственная подчинена Правдѣ Божіей; право есть лишь частичное выявленіе, въ принудительной дѣятельности государства, идеаловъ вселенской системы Правды Божіей“. Обращаясь къ взглядамъ лѣтописцевъ по вопросу о государственномъ правопорядкѣ, М. В. Шахматовъ въ другихъ двухъ докладахъ констатируетъ отсутствіе въ русскихъ лѣтописяхъ древняго времени представленія о возможности въ древней Руси нераздѣльнаго единодержавнаго государства, — напротивъ, стремленіе къ единовластію осуждается, какъ несоотвѣтствующее политическому идеалу, каковымъ тогда было „многодержавіе“, стоявшее, по мнѣнію докладчика, въ тѣсной связи съ идеаломъ племенного и земскаго сепаратизма. Замѣчанія, вызванныя этими сообщеніями, объясняются, конечно, въ извѣстной степени тѣмъ фактомъ, что доклады эти — лишь по необходимости сжато изложенныя главы изъ большой работы М. В. Шахматова. Въ ея составѣ найдетъ свое мѣсто и разъясненіе методики самой работы докладчика, получитъ тамъ надлежащую разработку и вопросъ объ идеалѣ Единой Руси, несомнѣнно, проходящемъ красной нитью черезъ лѣтописные тексты.

Переходимъ сразу къ Московскому государству. Въ чрезвычайно интересномъ докладѣ проф. Ѳ. В. Тарановскаго (Бѣлградъ) дана была попытка начертать новую „историко-юридическую конструкцію русской государственности Московскаго періода“. Проф. Тарановскій полагаетъ возможнымъ признать — съ историко-юридической точки зрѣнія — Московское государство особой разновидностью государства сословно-монархическаго — со стороны господствовавшей тамъ формы властвованія (forma imperii). Со стороны формы правленія (forma regiminis) Московское государство опредѣляется докладчикомъ какъ деспотическое, ибо оно основывалось на принципіальномъ непризнаніи свободы личности и неприкосновенности частной собственности по отношеніи къ государству и его интересамъ. Въ основаніе этой конструкціи положено, прежде всего, признаніе существованія сословнаго строя на Руси въ московскій періодъ, мысль, какъ извѣстно, находящая рядъ возраженій въ исторической литературѣ, и встрѣтившая и на съѣздѣ горячаго противника въ лицѣ проф. М. Н. Ясинскаго (Любляна). Отмѣчая отсутствіе на Руси въ тотъ историческій періодъ законченности очертаній сословныхъ группъ, слабость корпоративнаго ихъ единства, наличность у нихъ не столько правъ, сколько обязанностей, проф. Тарановскій все же настаивалъ въ своемъ докладѣ на возможности сближенія древне-русскаго общественнаго уклада съ западно-европейскими сословіями, наблюдая и на Руси тотъ же въ основѣ тройной ихъ составъ — служилые люди, Церковь и посадскіе люди. Эта позиція проф. Тарановскаго встрѣтила рѣшительную поддержку со стороны проф. Кизеветтера, на примѣрѣ „гостей московскихъ“, служилыхъ людей съ ихъ уѣздными корпораціями, обнаружившаго ясные признаки и отчетливыя формы сословной кристаллизаціи населенія Московскаго государства. По указаніямъ проф. Кизеветтера докладчикъ согласился лишь установить болѣе тѣсныя хронологическія рамки для полнаго раскрытія изображеннаго имъ общественнаго строя, относя его ко второй половинѣ XVII вѣка. Встрѣтило нѣкоторую оппозицію и другое утвержденіе проф. Тарановскаго, а именно названіе формы управленія Московскаго государства — деспотической. Уступая оппозиціи, докладчикъ замѣнилъ этотъ терминъ словами — неограниченный государственный абсолютизмъ, настаивая все же на своей общей характеристикѣ опредѣляемаго явленія. — Суть дѣла заключалась въ томъ, что въ Московскомъ государствѣ власть

не имѣла предѣла и препятствій въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ личности и имуществу населенія, и только значительно позднѣе съ извѣстной наростающей послѣдовательностью очерчиваются законыя формы и границы правительственной дѣятельности (формы правленія), и паралельно съ этимъ процессомъ развивается другой — форма властвованія теряетъ свой связанный, ограниченный взаимодѣйствіемъ монарха и сословій, характеръ, и переходитъ въ неограниченное самодержавіе. Мастерски развитая проф. Тарановскимъ — лишь сжато намѣченная здѣсь — схема подкупаетъ своею стройностью и изящной простотой конструкціи. (Сжатое изложеніе схемы см. въ статьѣ Ѳ. Тарановскаго — обезпеченіе правъ служилаго землевладѣнія въ сословно-монархическомъ строѣ Московскаго государства, Львовъ, 1925, оттискъ изъ »Księgi pamiątkowej ku czci Oswalda Balzera.)

Въ исторію Московскаго государства дѣлаетъ цѣнный вкладъ и проф. Е. Ф. Шмурло (Римъ) своимъ сообщеніемъ о „политикѣ римскаго престола“ во время московско-польской войны 1609—1611 гг. и въ связи съ вопросомъ о коронованіи королевича Владислава московской короной (1617).

Періоду Имперіи на съѣздѣ посвящено было шесть докладовъ. В. В. Саханевъ (Прага) читалъ о значеніи конференціи, учрежденной при дворѣ Имп. Елисаветы Петровны. Проф. А. А. Кизеветтеръ (Прага) выступилъ съ докладомъ о совѣстныхъ судахъ при Екатеринѣ II-ой, изложивъ его съ присущимъ ему блестящимъ искусствомъ живописанія словомъ. Указанный вопросъ въ русской исторіографіи получилъ болѣе или менѣе широкую разработку впервые именно подъ перомъ А. А. Кизеветтера въ интересной статьѣ, помѣщенной въ журналѣ „Голосъ Минувшаго“ за 1923 годъ (Москва); ранѣе этой работы совѣстные суды одного лишь ограниченнаго района — Тулы были систематически обслѣдованы въ небольшой книжкѣ Н. Кнорринга (Харьковъ). Отмѣтивъ невыдержанность и непослѣдовательность практики судовъ по разнообразнымъ категоріямъ дѣлъ — о кликушествѣ, о колдовствѣ, о преступникахъ безумныхъ и малолѣтнихъ, о правонарушеніяхъ, совершенныхъ въ силу „несчастно сложившихся обстоятельствъ“, докладчикъ за этими фактами извѣстной безсистемности и случайности приговоровъ все же усматриваетъ признаки извѣстнаго благопріятнаго улучшенія и усовершенія судопроизводства сравнительно съ ранѣе дѣйствовавшей практикой. Начала здоровой и гуманной юстиціи пробиваются здѣсь сквозь старыя правовыя понятія, согласно коимъ суровое наказаніе ждетъ каждаго нарушителя права независимо отъ степени вложенной въ него злой и сознательной воли, пробиваются и способствуютъ смягченію суровости уголовнаго законодательства того времени. — Проф. И. А. Стратоновъ (Берлинъ) ознакомилъ съѣздъ съ матеріалами по исторіи развитія и организаціи управленія государственныхъ крестьянъ въ XVIII вѣкѣ. Крестьянское дѣло было затронуто въ одномъ изъ докладовъ проф. Г. В. Вернадскаго (Прага). Онъ сдѣлалъ попытку опредѣлить сущность землепользованія русскихъ помѣщичьихъ крестьянъ XVIII—XIX вв. съ частно-правной точки зрѣнія. Проф. Вернадскій подмѣчаетъ, что право помѣщика выражается во второй половинѣ XVIII в. во владѣніи „населеннымъ имѣніемъ“, т. е. землею, какъ то бытовымъ, а то и юридическимъ образомъ связанной съ живущимъ на ней крестьяниномъ. Эти взаимоотношенія выражаются въ законодательствѣ XIX в. въ установленіи извѣстной нормы надѣла землею. Подыскивая юридическій терминъ для обозначенія сущности этихъ отношеній со стороны частно-правовой, докладчикъ предлагаетъ видѣть въ нихъ типъ сервитутовъ, эмфитевзы, т. е. вещное право въ чужомъ имуществѣ. Такая попытка докладчика встрѣтила возраженія съ различныхъ сторонъ. Подверглась оспариванію самая характеристика природы крѣпостныхъ отношеній какъ отношеній частно-правовыхъ, вносились поправки въ примѣненіе названныхъ только что понятій къ русской крѣпостной дѣйствительности.

Проф. Вернадскій выступилъ на съѣздѣ еще съ двумя докладами, которые дали поводъ къ живому обмѣну мнѣній. Работая надъ изученіемъ второй половины царствованія Имп. Александра I-го, проф. Вернадскій пришелъ къ нѣкоторымъ новымъ выводамъ относительно общаго характера

правительственной дѣятельности этого періода. Докладчикъ полагаетъ, что разрозненныя мѣропріятія этого времени являются лишь частичными и отрывочными проявленіями цѣльной программы и плана, серіозно занимавшаго Имп. Александра I. Этотъ планъ былъ лишь частями извѣстенъ тѣмъ или инымъ сотрудникамъ Императора, причемъ лишь особо проницательные наблюдатели усматривали дѣйствительныя очертанія основныхъ его замысловъ. Основныя черты этого плана, возстановливаемаго докладчикомъ по ряду мѣропріятій и сообщеній современниковъ, проф. Вернадскій опредѣляетъ такъ: разрѣшеніе проблемы центра и окраинъ на конституціонно-федеративныхъ началахъ при сохраненіи всеже сильной императорской власти и разрѣшеніе крестьянскаго вопроса при одновременномъ освобожденіи государственной власти изъ подъ зависимости отъ дворянства въ дѣлѣ комплектованія арміи и снабженія ея провіантомъ — путемъ устроенія военныхъ поселеній. Такая общая характеристика и оцѣнка послѣдняго десятилѣтія внутренней политики Александра Iго, какъ періода, наполненнаго творческими намѣреніями и широкими реформаторскими планами, значительно расходится съ развитыми въ литературѣ послѣдняго времени взглядами на личность и дѣятельность этого Императора. Работы А. А. Кизеветтера, в. кн. Николая Михайловича, С. П. Мельгунова и др. установили и укрѣпили въ наукѣ воззрѣніе, далеко менѣе благопріятное, усматривая во второй половинѣ царствованія Александра Iго торжество началъ реакціи, подавленія, но никакъ не творческихъ стремленій и широкихъ замысловъ преобразованій. Въ лицѣ А. А. Кизеветтера на съѣздѣ проф. Вернадскій встрѣтилъ рѣшительнаго оппонента. А. А. Кизеветтеръ подмѣтилъ въ докладахъ отсутствіе достаточнаго обоснованія изложенныхъ въ нихъ положеній, наличность преувеличенія и извѣстную идеализацію, противорѣчащую объективно установленной въ наукѣ характеристикѣ. Въ исторіи военныхъ поселеній оппоненты (А. А. Кизеветтеръ и иные) отказывались увидѣть связь съ идеей освобожденія крестьянъ, ибо военныя поселенія несли съ собою закрѣпощеніе сельскаго населенія. Общая постановка работы проф. Вернадскаго встрѣтила, однако, сочувствіе со стороны проф. Тарановскаго, Бицилли, Шахматова.

Въ докладахъ проф. И. И. Лаппо, Е. Ф. Шмурло и В. А. Мякотина даны были нѣкоторые итоги научной разработки исторіи западной и южной Россіи. Въ весьма интересномъ сообщеніи проф. И. И. Лаппо (Прага) въ сжатомъ видѣ были изложены общія заключенія этого заслуженнаго изслѣдователя исторіи литовско-русскаго государства по вопросу о его положеніи въ составѣ Рѣчи Посполитой Польской послѣ Люблинской Уніи 1569 г. Докладчикъ имѣлъ случай болѣе подробно раскрыть свой взглядъ по этому вопросу въ недавно вышедшей въ Прагѣ книгѣ „Западная Россія въ составѣ польскаго государства“ (Прага, 1923), а также въ отдѣльныхъ статьяхъ въ „Sborníku věd právních a státních“. Сущность взгляда проф. И. И. Лаппо сводится къ признанію литовско-русскаго государства сохранившимъ свои суверенныя права и самостоятельное государственное бытіе — какъ de facto, такъ и de jure — и послѣ его Уніи съ Польшею.

Въ одномъ изъ своихъ докладовъ проф. Е. Ф. Шмурло познакомилъ съѣздъ съ новыми цѣнными матеріалами о Кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ и его воззрѣніяхъ по вопросу объ Уніи съ Римскимъ Престоломъ. Долголѣтнія разысканія проф. Шмурло въ архивахъ Ватикана уже давно стали приносить высокоцѣнные плоды въ видѣ публикаціи документовъ и изслѣдованій. Эти же архивныя богатства Рима дали нынѣ Е. Ф. возможность освѣтить нѣсколько новымъ свѣтомъ интересный эпизодъ изъ исторіи идеи единенія церквей, идеи, нынѣ живо волнующей разнообразные круги. Проф. Шмурло полагаетъ, что въ глазахъ Могилы Унія имѣла не одно только значеніе церковное, но и государственное. Являясь сторонникомъ Уніи съ Римской церковью, Могила помышлялъ не о подчиненіи Православной церкви Риму, какъ было во Флоренціи и Брестѣ, но о единеніи церквей, путемъ признанія папы главой единой церкви съ сохраненіемъ за православной церковью полной внутренней автономіи, начала

соборности и др. и фактической независимости ея отъ Рима. Сообщеніе проф. Шмурло вызвало нѣкоторыми своими положеніями живой обмѣнъ мнѣній.

Въ интересныхъ докладахъ В. А. Мякотина (Прага) выступили на съѣздѣ нѣкоторые спорные вопросы исторіи Малороссіи. Давно извѣстный въ научной литературѣ своими работами по соціальной исторіи Гетманщины и нынѣ подводящій имъ итогъ въ „Очеркахъ по соціальной исторіи Украины XVII—XVIII вв.“ (Прага 1924—25, вышло вып. 3), В. А. въ одномъ изъ своихъ докладовъ коснулся темы о судьбахъ владѣльческихъ имѣній въ XVII в. послѣ возстанія Б. Хмѣльницкаго, сильно потрясшаго соціально-экономическій строй страны. Въ другомъ докладѣ В. А. Мякотинъ далъ опытъ истолкованія юридическаго смысла и значенія т. наз. „Переяславскаго договора“ 1654 г. Этотъ вопросъ многократно уже былъ предметомъ литературныхъ разборовъ и объясненій, причемъ завершительное его рѣшеніе донынѣ еще не формулировано. На съѣздѣ докладчикъ встрѣтилъ рѣшительную оппозицію своему толкованію со стороны представителей украинской науки (С. П. Шелухинъ, Р. Лащенко). Сущность мнѣнія В. А. Мякотина сводится къ тому, что „Переяславскій договоръ“ съ формальной стороны не былъ въ сущности договоромъ въ настоящемъ, юридическомъ смыслѣ этого слова. Присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ совершилось далеко не на тѣхъ условіяхъ, которыя читаются въ „статьяхъ“ Б. Хмѣльницкаго. Характеризуя сущность этихъ условій, В. А. отвергаетъ возможность говорить объ инкорпораціи, личной уніи, тѣмъ болѣе о только военномъ союзѣ, но утверждаетъ — на основаніи практики ближайшихъ къ 1654 г. лѣтъ, что отношенія Малороссіи къ Москвѣ наиболѣе приближаются къ типичнымъ формамъ вассалитета. Сохраняя извѣстное государственное единство, независимость внутренней организаціи, Малороссія при этомъ актѣ присоединенія теряетъ права внѣшнихъ сношеній, собственную казну и др., переходящія къ сюзерену-Москвѣ. Такая конструкція вызвала горячую критику съ двухъ сторонъ: съ одной стороны было указано на невозможность говорить объ „Украинѣ“ того времени, какъ о цѣльномъ государственномъ образованіи (проф. Вернадскій); съ другой стороны съ настойчивостью было высказано убѣжденіе въ сохраненіи „Украиной“ и послѣ 1654 г. характера независимаго сувереннаго государства, связаннаго съ Москвой лишь тѣмъ, что Московскому царю принадлежалъ моральный авторитетъ, моральная „звірхность“, верховенство (Р. Лащенко). Въ своемъ отвѣтѣ В. А. Мякотинъ не согласился съ доводами оппонентовъ.

Мы закончили обзоръ докладовъ на обще-историческія темы. Намъ надлежитъ теперь обратить вниманіе читателей на сообщенія, посвященныя тѣмъ или другимъ вопросамъ изъ исторіи русской исторической науки и науки русской исторіи. Изъ числа нѣсколькихъ докладовъ на подобныя темы надлежитъ отмѣтить на первомъ мѣстѣ по болѣе общей постановкѣ трактуемыхъ вопросовъ — рѣчь акад. В. А. Францева, посвященную характеристикѣ научныхъ отношеній Россіи и другихъ славянъ въ связи съ общимъ развитіемъ славяновѣдѣнія. Болѣе узкихъ вопросовъ касаются доклады Е. Ф. Шмурло, Д. Н. Вергуна и М. Н. Ясинскаго. Е. Ф. Шмурло сообщилъ весьма интересныя новыя свѣдѣнія о составленіи Вольтеромъ „Исторіи Россіи при Петрѣ Великомъ“. Д. Н. Вергунъ (Прага) далъ краткій обзоръ исторіи изученія гуситства въ русской литературѣ, остановившись особенно на работахъ Н. В. Ястребова. Другой докладъ Д. Н. Вергуна — о необходимости пересмотра научныхъ программъ по руссовѣдѣнію имѣлъ въ виду вопросъ объ освѣдомленіи русскихъ учащихся и читающей публики съ прошлымъ и настоящимъ тѣхъ частей русскаго племени, которыя находились и находятся за предѣлами русскаго государства (гл. обр. рѣчь шла о Карпатской Руси). М. Н. Ясинскій подѣлился съ членами съѣзда своими воспоминаніями объ исторіи установленія степени магистра и доктора исторіи русскаго права. Отмѣтимъ здѣсь, что проф. Ясинскій другой свой докладъ посвятилъ юридическимъ пословицамъ сербовъ, хорватовъ и словенцевъ, какъ матеріалу по исторіи права. Къ группѣ докладовъ по исторіи науки позволимъ себѣ отнести и рѣчь Г. В.

Вернадскаго о научной дѣятельности акад. Н. П. Кондакова, котораго чествовалъ весь съѣздъ по случаю приближавшагося (1 ноября 1924), восьмидесятилѣтія его столь плодотворной для науки жизни (Рѣчь проф. Вернадскаго вышла къ 1 ноября отдѣльнымъ выпускомъ, Прага, 1924, стр. 16).

Мы завершимъ свой краткій обзоръ всѣхъ историческихъ докладовъ, прочитанныхъ на съѣздѣ, если еще упомянемъ о сообщеніяхъ А. Ф. Изюмова (Берлинъ) и Н. М. Могилянскаго (Прага) о положеніи архивнаго и музейнаго дѣла въ Россіи. Печальная картина разрушенія и гибели историческихъ архивныхъ матеріаловъ и музейныхъ собраній была нарисована въ этихъ докладахъ. Краткія свѣдѣнія объ архивахъ въ Совѣтской Россіи А. Ф. Изюмовъ еще ранѣе опубликовалъ въ „Новой Русской Книгѣ", 1922, № 9, ср. М. Поліевктовъ — тамже, 1922, № 2 и въ первомъ томѣ Sbornik'a archivné školy, I, 1923, Praha.

Ограничиваясь по необходимости только самыми сжатыми указаніями на содержаніе прочитанныхъ на съѣздѣ докладовъ, мы все же полагаемъ, что и наши краткія свѣдѣнія могутъ дать нѣкоторое представленіе о всей той научной работѣ русскихъ зарубежныхъ ученыхъ-историковъ, которая частями своими отобразилась при ихъ выступленіяхъ. Кругъ ихъ научныхъ интересовъ можетъ быть признанъ разнообразнымъ и широкимъ, ихъ служеніе наукѣ — напряженнымъ и вдохновеннымъ. Лишенные возможности пользоваться тѣмъ богатѣйшимъ матеріаломъ, какой представляютъ собою родные русскіе архивы и библіотеки, русскіе ученые и за границей не прекращаютъ своихъ сосредоточенныхъ исканій, или погружаясь въ иностранныя архивныя сокровищницы, или подвергая пересмотру старыя историческія темы и изученію — печатный матеріалъ, требующій подхода къ нему съ новыми запросами и новыхъ пріемовъ его эксплоатаціи. Съѣздъ далъ возможность русскимъ ученымъ познакомитъ другъ друга съ итогами ихъ изысканій — это большой научный праздникъ для разсѣянныхъ по далекимъ краямъ тружениковъ русской науки. Живое сочувствіе, проявленное къ докладамъ рядомъ чешскихъ ученыхъ — назовемъ проф. К. Я. Кадлеца, М. Мурко, Ю. И. Поливку — и участіе ихъ въ обсужденіи нѣкоторыхъ сообщеній, вывело съѣздъ изъ узкихъ все же рамокъ чисторусскаго домашняго свиданія, и придало ему черты славянскаго объединенія. Счастливая мысль о общеславянскомъ съѣздѣ естествоиспытателей, высказанная членами съѣзда — натуралистами, соблазнительна и для историковъ. Встрѣча славянскихъ ученыхъ вокругъ разнообразныхъ проблемъ исторической науки была бы торжествомъ — мысль объ этомъ, думается намъ, принадлежитъ къ числу живительныхъ и вдохновляющихъ.

Прага, 11. X. 1924. *А. Флоровскій.*

Franjo Marija Appendini a Čechové. (Dodatek k studii J. Nagya.) Jmenovaný autor snažil[1]) se najíti některé údaje o stycích Appendiniho s P. Jos. Šafaříkem, který v druhém svazku své Geschichte der südslavischen Literatur na str. IV. uvádí jej mezi svými přispívateli. Hledal nadarmo o tom doklady v známé studii K. Jirečka: Pavel Josef Šafařík mezi Jihoslovany[2]) a také bez úspěchu se dotazoval v knihovně pražského Národního musea. Dokladů však o stycích těchto dvou mužů jest již několik otištěno.

Roku 1910 v Jagićově Archivu str. 312 otiskl A. Barić: »Ein Brief Šafaříks an Appendini.« Jest datován z Nového Sadu dne 7. března 1831, píše mu zde Šafařík jako spisovateli osobně neznámému a přiznává se mu, že ví o jeho pracích, které se vztahují k jazyku a literatuře ilyrské. Nepochybuje,[3]) že Appendini také zná jeho Geschichte d. sl. Spr. u. Lit. z r. 1826, kterou po-

---

[1]) Prilozi za književnost, jezik, istoriju i folklor. Knj. III. 1923, str. 105.

[2]) Osvěta 1895.

[3]) Hamuljak píše Vukovi 23. IX. 1825, že poslal několik ohlášení této Šafaříkovy knihy do Lublaně Metelkovi a do Dubrovníka Appendinimu. Vukova Prepiska V. 319.

kládá za neúplnou jako každé počáteční dílo, nechce se však široce rozepisovati o příčinách nedostatků v části ilyrskodalmatské, k níž měl toliko excerpta z jeho Notizií. Darmo o ní psal několikráte knihkupci Schaumburgovi. Poněvadž chystá nové vydání své knihy, žádá ho o pomoc, chce, aby mu posílal zprávy o knihách, které vyšly v Dubrovníku po roce 1800, a katalogy veřejných i soukromých knihoven dubrovnických. Žádal o toto sprostředkování Gagiće před několika měsíci, ale dosud od něho odpovědi neobdržel. Doklad pro to, že skutečně Gagić s Appendinim o této potřebě a pomoci Šafaříkovi rozmlouval, nachází se v dopise Gagićově poslaném Šafaříkovi dne 16.—28. VII. 1832, otištěném Jos. Jirečkem v Starinách 1882, sv. XIV. str. 201. Podle něho skutečně Gagić poslal Šafaříkovi od Appendiniho zprávy o dubrovnických spisovatelích, jichž Šafařík použil pro svůj spis vedle svého hlavního pramene, kterým mu byly Appendiniho Notizie. M. Ivković podle údaje A. Barića v Jagićově Archivu 1910 str. 312 ukázal v třetím Izveštaji bělehradského soukr. gymnasia 1907—8, že z této knihy Šafařík čerpal nejen materiál bio- a bibliografický, než i některá místa, pokud se týkají charakteristiky většiny spisovatelů, přeložil doslovně.

Z korespondence Šafaříkovy s Vukem se vidí, jak český mladý učenec se sháněl po roce 1826 po tomto spise Appendiniho. Dne 9. VIII. 1827 táže se Vuka, zda nemá styků s Dubrovníkem, neboť již prý po pět let marně hledá tuto knihu u vídeňských a peštských knihkupců.[1]) Vuk mu odpověděl dne 4. IX. t. r., že by se dala objednati prostřednictvím Gagićovým, a slíbil mu též vymoci u Kopitara, aby mu poslal svůj exemplář. Opět upomíná Vuka o ni v dopisech z 20. XI. t. r. a 17. VIII. 1828 a musil pak ještě půl roku čekati, než mohl Vukovi dne 8. III. 1829 sděliti radostnou zprávu: »Appendini Notizie übernehme ich gern, weil ich sie bestellte, wiewohl ich schon 2 and. Ex. habe.« Poslal mu je také knihkupec Schaumburg, u něhož si tuto knihu před šesti lety objednal. Jeden exemplář si zamluvil pro Kollára.[2]) O koupení této knihy se staral Gagić, neb píše Vuk Kopitarovi dne 31. III. 1828: »Gagić piše, da je on za Apendiju primio za Vas 40 fl. 16 kr., nego je on 5 fl. dao za Šafarikove Notizie, koje sam ja preko njega naručio za Šafarika i koji piše, da je poslao preko Trsta.«[3]) Tolik let tedy trvalo našemu Šafaříkovi, než dostal z Dalmacie knihu pro jeho práce na tu dobu velmi důležitou.

V dopise Appendinimu nazývá ji zlatou knížkou. Nebyl však s ní úplně spokojen a její nedostatky vytkl v dopise Kopitarovi z 2. X. 1831: »Sie wissen, dass Appendinis Angaben vag und unbibliographisch sind. In seinem Buche gibt es keinen einzigen Büchertitel richtig oder vollständig an ... Ein Büchertitel aus der Autopsie authentisch geschrieben ist für mich mehr werth, als ganze Quartseiten von Appendinis vagem Geschwätz.«[4]) Veřejnost však nedověděla se o tomto posudku Šafaříkově, neb v článku o ilyrské literatuře poznamenává Šafařík, že jest Appendini horlivý spisovatel o věcech ilyrských, jehož historie dějin a literatury Dubrovčanů jest vůbec známa.[5]) V druhém vydání svých dějin jihoslovanské literatury na str. 92 praví s nadšením, že Notizie »enthalten schätzbare Nachrichten historischen und literarischen Inhalts«, a často se tohoto spisu Appendiniho dovolává. Šafaříkova kniha v druhém vydání jest v převážné většině bio- a bibliografická, a proto s tohoto stanoviska posuzoval své pomůcky. Píše v uvedeném dopise Appendinimu, aby v svých zprávách poznamenal místo a rok tisku, dále pak formát a počet stránek. Podobné stanovisko zaujal i k Mikloušićovým příspěvkům, píše o nich Gajovi:[6]) »Die Büchertitel sind vortrefflich; aber die biogr. Notizen über die Schriftsteller ungenügend. Bei vielen Namen sind gar keine biographischen Angaben.«

---

[1]) Uvedené dopisy z korespondence Vukovy a Šafaříkovy v. ve Vukově Prepisce IV., str. 643, 647, 649, 651, 652.

[2]) Kollár cituje z tohoto spisu ve Výkladech (Spisy Jana Kollára II. 1862, str. 119) a v Cestopise (Světová knihovna, sv. 575—9) díle druhém, str. 616, 645, 650.

[3]) Vukova Prepiska I. 320.

[4]) Čas. mod. fil. VIII., str. 196.

[5]) ČČM. 1833, str. 275, Sebr. Spisy III., str. 261.

[6]) Dopis z 11. X. 1831 Gradja VI. 183.

Vedle Šafaříka a Kollára byla tato kniha Appendiniho známa Hamuljakovi,[1]) Vrchovskému a Fr. L. Čelakovskému,[2]) o čemž nejeden doklad nalezneme v korespondenci neb v jejich rukopisných zápiscích.

Druhé dílo Appendiniho, mluvnice ilyrského jazyka z r. 1808, nebylo pozdější generaci české tak dobře známo jako dříve již uvedené. Dobrovský ho neposoudil příznivě[3]) a Šafařík v Geschichte 1826, str. 260 nazývá je pouze »eine brauchbare Grammatik« a v referátu o Brlićově mluvnici řadí tuto knihu Appendiniho mezi ostatní ilyrské mluvnice, které podle jeho mínění jsou zastaralé, nedostatečné a neúplné.[4]) I Hankovi byla tato mluvnice dobře známa. Zaopatřil mu jeden její exemplář Dobrovský pro hr. z Bubna, kterého Hanka učil »ilyrsky«.[5])

K těmto, třebas dosti kusým zprávám o Appendinim, pokud týkají se našich buditelů, jest třeba připojiti, že naše časopisy ho řadily mezi učence neslovanského původu, který pro Slovanstvo pracoval,[6]) a proto také Květy přinesly roku 1836 jeho nekrolog.[7])

Z podaného přehledu různých dokladů jest viděti, že jediný Šafařík[8]) měl s ním přímé styky, kdežto ostatním byl znám toliko podle jména a spisů.

K. Paul.

Walter Scott a literatura o něm. Zkoumáme-li dějiny slovanských literatur s hlediska srovnávacího, poznáme, že se vyskytují v nich dva téměř již vžité výrazy literárně-dějepisné: byronism a scottism. Jsou oba v podstatě stejného původu i rázu a téměř stejného významu: romantického. Byron působil jako básník a W. Scott jako romanopisec, a oba měli veliký vliv na slovanské literatury první poloviny min. století.

Doba W. Scottova (1771—1832) je in nuce dobou světového romantismu, avšak vliv jeho sahá ještě dále, až k létům osmdesátým. Vystoupení W. Scottovo neznamenalo ještě jeho vítězství. Současná kritika vytýkala mu mnoho podstatných vad, jako anachronismy, nedůsledky, nedostatek uměleckého prohloubení příliš široké látky, bagatelisování vědecké znalosti kulturních dějin i obyčejů. Avšak přesto, zrno jeho velikého talentu padalo na půdu okolní a obrazovalo literatury méně pokročilé. Stává se zakladatelem anglického románu a novely, velikým tvůrcem historického románu, po němž teprve v období realismu byl překonán Dickensem. Předchůdcové W. Scottovi i jeho současníci (Rodcliffe, W. Godwin, J. Austen) nestvořili ještě základů románu historického.[9]) Prohloubení nalezl teprve u W. Scotta, jak praví, E. Engel: »Bei dem Begründer und grösstem Pfleger dieser Gattung, Walter Scott, war nicht so sehr die Absicht, in dichterischer Form geschichtliche Belehrung zu geben, der stärkste Trieb, als vielmacher des Ergriffensein von den romantischen Empfindungen, die aus dem vielfachen miteinander in Wechselwirkung stehenden Umschwüngen des geistigen und politischen Lebens um die damalige Jahr hundertwende flossen« (Geschichte der englischen Literatur, 4. Aufl., Leipzig, J. Baedeker, 1897, str. 445). Naproti tomu v poesii i v dramatě W. Scott zůstává daleko pozadu za svým krajanem Byronem, ani nedostihuje světových jmen Bürgera, Schillera a Goetha; po vyjití »Korsara« a »Giaura« (1814) Scott upouští od poesie veršované a odevzdává se plně romanopisectví. Vychází z poesie lidové, a čím

[1]) Let. Matice slovenské IV$_3$, str. 227.

[2]) Korespondence Fr. Lad. Čelakovského I., str. 298, č. 184, II., str. 17, č. 8.

[3]) Jagić, Briefwechsel I., str. 340.

[4]) ČČM. 1833, str. 452.

[5]) Dopisy Dobrovského a V. Hanky v ČČM. 1870, str. 225, 320, 322, 328.

[6]) Jindy a nyní 1833, II, 24. Květy 1840 VII, příl. 42.

[7]) Roč. III., příl. 4. Zemřel 1834.

[8]) Šafařík v bibliografickém přehledu slov. nár. písní v ČČM. 1838, str. 554 poznamenává, že jedna píseň v italském překladě jest zaznamenána v jeho Notiziích.

[9]) Viz bibliografii v: Jonathan Nield: A guide to the Best Historical Novels and Tales, London (Elkin Mathews) 1904, str. 167—174. — Dora Binkert: »Historische Romane vor Walter Scott.« Berlin (Mayer & Müller) 1915.

dále, tím více přibližuje se próze umělé (»The poetical Works of Sir W. S.: Minstrelsy of The Scottich Border: Collection of ancient and modern Englisch Authors«, Scott: Poetical Works, I—VI. Paris, 1838).

Avšak i v románě Scottově vyskytují se často prvky lidové, lidová víra, tradice i umění; toť jedna z příčin jeho úspěchu i vlivu na slovanské literatury. Vyrůstá přímo ze svého národa a budiž zde opět charakterisován autory německými: »Scott war innig mit dem Boden der ihn erzeugt hat, verwachsen. Wie Ginster und Heidekraut ist seine Poesie gleichsam mit Naturnotwendigkeit aus den Schluchten und von den Felsabhängen der schottischen Grenzbezirke und Hochlande hervorgewachsen. Seine Dichtungen schweben nicht in den ätherischen Regionen des Ideals, sondern haften an den Bergen und Seen seines Vaterlandes. Er hat seinen Romanen eine nationale und volkstümliche Grundlage gegeben, während seine deutschen und französischen Vorgänger in historischen Roman ihre Stoffe am liebsten dem Altertum oder dem Morgenland zu entlehnen pflegten« (H. Keiter und T. Kellen: Der Roman: Geschichte, Theorie und Technik des Romans. III. Aufl. Essen — Ruhr, Freudebeue & Koenen 1908).[1]) Své romány čerpá z různých historických dob (srovnej: Nield, cit., a pak: H. Bock u. K. Weitzel: Der historische Roman als Begleiter der Weltgeschichte, Lehrmeister-Bücherei, Nr. 535—544, Leipzig, Hochmeister & Thal), píše živě, svým vlastním stylem (srv.: Gäbel K.: Beiträge zur Technik der Erzählung in Scotts Romanen, Marburg 1901), ač často se opakuje: zachránění milované ženy, vysvobození zajatých, tajemný soud, prorocký sen, výstraha mrtvého předka, souboj, turnaj, domnělí duchové, dobrodružný mnich, pověrčivý ranhojič, domnělý nebožtík, přepadení zámku, tajemný rytíř, tajemství bohatýra, šlechetný čin, únos krásné dámy, bitva a ranění atd.: Wawerley 1814, The Antiquary 1816, Old Chortality 1816, Ivanhoe 1819. Kernilworth 1821, Quartin Durward 1823... Záhy překládá a napodobí se v Německu: »Scotts Romane erschienen schon in Laufe der zwanziger Jahre in zahlreichen deutschen Übersetzungen. Er war bereits so volkstümlich, dass Wilibald Alexis (1798—1871) seine beiden ersten Romane »Walladinor« (1823) und »Schloss Aralon« (1827) als freie Übertragungen Scottischer Werke erscheinen lies«(!). (Keiter & Kellen, cit., str. 89). Vedle Alexise působí tam Karl Spindler, Albert Emil Braettvogel, Ludwig Reltstab (srv.: K. Wenger: »Historische Romane deutscher Romantiker, Bern, A. Francke, 1905.« — H. Mieleke: Der deutsche Roman, 4. Aufl. von »Der Deutsche Roman des 19. Jahrhundertes,« Drezden, Reissner, 1912). K německým spisům o W. Scottovi a romanopisectví druží se ještě zvláště: Dibelius: Die englische Romankunst: Palaestra XCII, XCVIII, 1. 2. Berlin, 1910.

I ve Francii W. Scott záhy zdomácněl. Již r. 1813 vycházejí v Paříži: »La dame du lac«, trad. par Elisabett de *** (viz katalog pražské universitní knihovny), a r. 1821 Amédée Pichot vydává »Notice sur la vie et les origines de W. Scott.« Pak v důležitějších následuje Hallays: W. Scott et le romantisme français, Paris 1892. Význam i vliv pro francouzskou literaturu zachycuje věrně Louis Maigron: Le roman historique à l'epoque romantique, Paris, H. Champion 1898. V této knize autor po charakteristice W. Scotta úspěšně srovnává W. S. s romány Al. Dumas, V. Hugo, A. Thierry a j. — Nesporně působil též v Italii: Dotti: Derivazzioni vei Promessi sposi di Alessandro Manzoni dai Romanji di Walter Scott, Pisa, Mariotti, 1900.

Snažil jsem se vytknouti hlavní cizí díla o W. Scottovi, abych upozornil na literaturu slovanskou. W. Scott mohl působiti zvláště svým talentem epickým a kultem pro bohatýrskou minulost. Toho dokladem je na př. jeho vyznání z úvodu k »Wawerley«. Podle volby této doby posoudí čtenář, že předmětem mé povídky bude více líčení lidí samých než popisování jejich krojů.. Výjevy ty nechť slouží za ilustraci mravním pravidlům, na něž jsem kladl hlavní váhu, ač jsem si vědom, že nedosáhl jsem svého účelu, nedovedl jsem zároveň býti zábavným, což při nynější kritice není tak snadné, jako to bývalo

[1]) Z německých spisů viz: M. Bernays: Beziehungen Goethes zur W. Scott Schrifften zur Kritik und Literat. I. — K. Blumenlagen: W. S. als Übersetzer Rostock 1900.

před šedesáti lety.[1]) A v doslovu »který měl býti vlastně předmluvou« Scott dí: »Ačkoliv nejsem rodem horal, bydlel jsem jako dítě: jako mladík mezi nimi, a teď se snažím, abych zachoval upomínku na ty staré mravy, které nyní již skoro úplně vyhynuly. Skutečné události tak, o kterých jsem slýchal vypravovati osoby, které samy se jich byly zúčastnily, připsal jsem smyšleným osobám, vskutku nejrozmanitější a nejromantičtější částky mé povídky zakládají se na skutečnosti... Starší osoby vzpomenou si na výjevy a charaktery ze svého mládí. a mladšímu pokolení podá věrný obraz způsobů a mravů jich praotců« (ibid. LXXII.). W. Scottovi šlo o generaci, která již téměř vyhynula, jeho cílem bylo nekresliti karikatury, nýbrž věrný obraz obyčejů a mravů. —

Ze slovanských literatur podle dosavadních výsledků kritické literatury scottism objevuje se nejdříve v Polsku, vedle Shakespeara, Ossiana, Younga, Gessnera atd. Působil-li Scott — zvláště v české literatuře — jako romanopisec, v Polsku spíše jako básník. Výrazný vliv Scottův na polskou novelu zjišťuje Szyjkowski již r. 1821 — »Trois nouvelles publiées par une polonaise«, Varsovie 1821 (Génie du Christianisme a prądy umysłowe w Polsce porozbiorowej, Lwów, Gubrynowicz, 1908, str. 174.), jichž autorkou byla kaštelánová Nakwaska. Týž autor ve své vstupní přednášce proslovené dne 13. října 1923 na universitě Karlově: »Styky českopolské v dějinách a písemnictví« se zmínil, že Čelakovský Lady of the Lac W. Scotta poznal prostřednictvím polského překladu Karola z Kalinówki (Warszawa 1822). — Avšak Wacław Borowy we spise: Ignacy Chodźko, artyzm i umysłowość« (Prace histor.-lit. Nr. 4. Kraków 1914) tvrdí, že prvním polským dílem psaným podle vzoru W. S. je »Jan z Tęczyna« Niemcewicze (1825),[2]) naproti tomu u Nakwaské spatřuje vliv Arnauda. K. Wojciechowski: »Dzieje literatury pięknej w Polsce« T. II. str. 130—131, Encyklopedja Polska XXII., Akad. Umiej. 1918) tvrdí, že od 1826 do 1830 bylo přeloženo mnoho Scottových románů; původní povídky Niemcewiczovy, Bernatowicze, Wężyka, Krasińského, Gaszyńského, Bronikowského (německy) byly vesměs pod jeho vlivem. Vědecky prohloubeněji a specielně o věci pojednávali: Konstanty Wojciechowski: »Pan Tadeusz Mickiewicza a Romans W. Scotta« (Akad. Umiej. 1919), St. Windakiewicz: W. S. a Lord Byron w odniesieniu do polskiej poezyi romantycznej« (Kraków, Spółka wydawnicza, s. a.) a J. Ujejski: »Byronizm i skotyzm w Konradzie Wallenrodzie« (ibid., 1914). Avšak i v jiných lit. dějinách potkávané časté zmínky o Scottových vlivech (u Słowackého, Krasińského a j.). Tyto práce o vlivech, závislostech i »pramenech« zavdaly později příčinu Ig. Borowemu, aby v pěkné theoretické studii: »O wpływach i zależnościach w literaturze« (Kraków, Spółka wydawnicza, 1921), uvedl je v náležité meze. — Poláci — jak dosud — ze všech slovanských literatur mají poměrně nejlepší práce o vlivech Scottových, ačkoliv nesystematicky a necelkově zpracovány.

Značnou měrou působil Scott také v Rusku. Přesvědčuje nás o tom četba И. И. Замотинъ: »Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX стол. въ русской литературѣ« (Томъ I., 1903, Томъ II. 1913, Варшава — Москва), avšak vliv jeho konkretně není dosud ještě zjištěn. Ani v jihoslovanských literaturách skotyzm není vyložen. Zprávy o W. S. jen zaznamenává Јован Скерлић: »Историја мове српске књижевности« (Београд 1921). Vedle toho Dr. Dragutin Prohaska napsal pod názvem »Britští autoři v jihoslovanské literatuře« přehledný článek v »Jugoslovenska Obnova — Njiva« (29. května 1920).[3])

Literatura česká, rovněž jako dvě poslední, nevykazuje práci jednající specielně o W. Scottovi. Vlivy jeho zaznamenávají literárně-dějepisně prof. Vlček i Jakubec ve svých dějinách, rovněž tak i Arne Novák. Jediné prof. Jan Máchal ve spise: »O českém románu novodobém« (Praha 1902) v II. přednášce probírá vlivy W. Scottovy na český román historický let padesátých min. stol.

Mir. Zelenka.

---

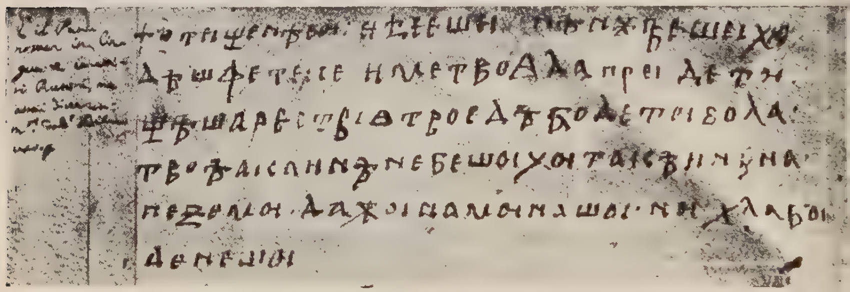
[1]) Z W. Scotta přeložily Dora Hanušová a Paula Králová. V Praze (Th. Mourek). 1875, kapitola I.

[2]) Srv.: M. Czarnik: Spór literacki o Jana z Tęczyna, Pamięt. Literacki 1905, 1906.

[3]) Srv. zprávu F. Sedláčka: Č. pro mod. fil. a lit. R. VIII. str. 90.

Staroslověnský text „Otčenáše" v žaltáři Veronském. Laskavostí Msgra. Cerusiho, skriptora knihovny Vatikánské, byl mi loni předložen snímek se staroslověnským textem »Otčenáše« v proslulém kodexe kapitolní knihovny ve Veroně č. 1.[1])

Na 2v listě řečeného kodexu čte se první polovina slovanského textu »Otčenáše« (5 řádek a 1 slovo), který je zajímavý po stránce grafické i jazykově. Text je psán cyrillicí-polounciálou. Že neušel pozornosti, vidíme z toho, že na témž listě se čtou 3 přípisy, které se vztahují na text, který nás zajímá. Tak jest připsáno bezprostředně pod textem slovanským především toto: »In responsione P. Papebr. p. 223, ubi agit de Laminis Granatensibus confictis et anno 1588 effossis in specimine characterum . . . et cetera.« Neznámému pisci totiž tanuly na mysli při prvním pohledu na řečený slovanský text podivné litery padělku tak zv. desk Granadských, o nichž psal Bolandista Papebroch.[2]) Avšak týž auktor níže správně dodává: »At superpositę litterę Servianę sunt; adhibentur a Servia, Bulgaria, Bosnia, Russia et dein ab Illyricis, a Gręco fonte desumptę. Dicuntur etiam Cyrillianę a S. Cyrillo Sclavor. Epõ, quem earum inventorem perhibent.«



Staroslověnský Otčenáš v žaltáři Veronském; snímek o $^1/_3$ zmenšený.

Týž pisec však již dodává: »Non tamen prorsus consentiunt. Oratio (!) Dominicalis Illyrice seu Sclavonice valde his affines sunt litterę: quamvis supra linguam eandem ac characteres diversos dixerit.« Tedy poznal v nich písmena cyrillská, ale postřehl také, že se v lecčems liší od obvyklých forem písma cyrillského. Konečně na témž listě v levém rohu je připsáno italsky (touž rukou?): »È il Pater noster in lingua e caratteri Russici, ma assai diversamente dal odierno uso.« Povím tedy něco o tomto zajímavém textě předně po stránce grafické, po té o rázovitých znacích jazykových.

1. Stránka grafická nejlépe je patrna na snímku. Povšechný ráz písmen je polounciální. Z liter vybíhajících nad řádku nebo pod ni, vedle з, ρ, ү, ф, х, ѱ, které vybíhají pod linkovou osnovu již v nejstarších památkách

[1]) Veronský žaltář (Psalterium Veronense) je dvojjazyčný řeckolatinský žaltář západního původu asi ze století VI., v němž je napsán po levé straně řecký text latinkou a po pravé straně je připojen překlad starolatinský (Itala). Byl vydán Bianchinim, v jeho Vindiciae canonicarum scripturarum I. Romae 1740; srovnával jej též Lagarde ve své Psalterii gr. quinquagena prima, a H. A. Redpath, jehož srovnání bylo užito v 2. vydání Cambridgeské septuaginty (R) z roku 1896. Srov. H. Swete, Introduction to the old Testament in greek 1902, Cambridge str. 141 a násl.

[2]) Responsio Danielis Papebrochii ex S. I. Theologi ad exhibitionem errorum per R. P. Sebastianum ... evulgatam II. Antverpiae 1697 (se snímkem) pag. 223.

s písmem unciálním, v našem textě jsou to ještě zejména д a л, také б a в, щ a někdy ѣ. U některých písmen, alespoň někdy lze pozorovati tahy kursivní; nebude tudíž text původem starší nežli ze stol. XIV.

Tvary jednotlivých písmen. Písmě а připomíná tvar čistě minuskulní. Vedle toho zvláštní je při něm i ta okolnost, že bývá (i neprejotované) zaměňováno s ѣ; píše na př. v 1. řádku нѣ (předložku на); v řádku 2. píše дѣ (spojku да); totéž v řádce 3. A opačně v řádce 4. píše ака (= ѣка, ıака) a tamtéž opět такѣ = така!

Litera б v řádce 4. a 5. má obvyklý tvar; totéž písmeno v řádce 1. má horní háček obrácený na levo jako písmě ъ, a zabíhá hluboko pod řádku. Litera в všude jeví mladší tvar, polounciální.

O písmeně д bylo výše řečeno, že jedním raménkem vyčnívá nad osnovu linkovou a bývá háčkovitě ukončeno. Litera ж v 1. řádce má zvláštní tvar podobný ћ (ve slově нже); з bývá opatřeno příční linkou.

Hlásku *i* obyčejně píše literou н (vedle jota ve spřežkách ꙑ, ѥı); na př. нме 2. řádka; spojka н (et) ve 4. řádce dvakrát. Vedle toho však píše i ен; tak v 1. řádce ve slovech еıже = нже, ешеı = есн; 2. řádka преıдетꙑ = придетъ; v 5. řádce píše землꙑ = земн? Jednou píše ї (jota) v koncovce -ствıа (= ствıе) ve slově цѣсарьствıе, řádka 3.

Litera л vybíhá nad řádku podobně jako д; písmeno м se tu píše s hlubokým zářezem uprostřed (oblým).

Hlásku *s* vyjadřuje obvyklým písmenem с; tak v 2. řádce zvratné се (сѧ), v 3. řádce щѣшарествıа = цѣсарьствıе. Působením výslovnosti zaměňuje písmě с s ш; tak v 1. řádce v uvedeném slově ешеı = есн; a opačně tamtéž нѣсꙑ = нашъ; opět нѣ нѣбешеıхю = на небесьхъ! Totéž v řádce 4. нѣ небешꙑхꙑ (sic). V poslední řádce píše денешꙑ = денесъ.

Zvláště pozoruhodny jsou značky za polohlásky. Tvrdou polohlásku ъ vyjadřuje spřežkou ꙑ (jednou v 1. řádce i opačně ю), což připomíná ꙑ = ju v památkách středobulharských (Žaltáři Boloňském, Apoštolu Ochridském, Slěpčanském a j.): 1 řádka нѣсꙑ = нашъ, 3. řádka бодетꙑ = бѫдетъ; 2. řádka преıндетꙑ = придетъ, 4. řádka небешꙑхꙑ = небесъхъ, 5. řádka намꙑ = намъ. Jindy píše о ı prostě vedle sebe; tak několikrát v 5. řádce дажоı = imper. даждь, хлабоı = хлѣбъ; v posledním slově денешоı není spojovací čárka znatelně psána.

Za »ь« někdy píše еı, tak v 1. řádce první slovo отеıще (sic) = отьче; ve třetí řádce slovo цѣсарьствїе píše щѣшарествıа! Zaměňuje tudíž polohlásku ь jednou s *e*, po druhé s *i*.

Podobně jako *s* a *š* zaměňuje souhlásky *c* a *č* a píše je obě literou podobnou svaznici щ, která však je dole opatřena příční čárkou; také toto písmeno zabíhá jako jedna z dlouhých liter hluboko pod linkovou soustavu. V textě přichází pouze dvakrát, a to v prvním slově 1. řádky отеıще = отьче a v prvním slově 3. řádky щѣшарествıа = цѣсарьствье.

Ze znaků za nosovky klade jediné ѧ, a to ještě na nepravém místě; zaměňuje jej s *e* ve slově твоѧ = твое řádky 2. a uvedeném již щѣшаре ствıѧ v 3. řádce. Ve slově нме opačně píše е za ѧ v řádce 2.; širokou nosovku vystřídává samohláskou *o*, tedy bez rhinesimu v řádce 3. ve slově бодетꙑ = бѫдетъ.

To je snad vše, co sluší říci o grafické stránce textu; o písmeně ѣ ještě připomenu, že vedle obvyklého tvaru, který se tu vyskytuje častěji, jednou je psáno ve spodní části hranaté na místě obvyklého obloučku, a v horní části je uzavřeno podobnými tahy jako bývá litera ъ (ve slově нѣъешеıхю = небесьхъ); po druhé ve 1. řádce v předložce нѣ = на je psáno tahy čistě kursivními.

2. Jak je ze snímku a z popisu jednotlivých písmen patrno, je v těchto několika řádcích mnoho nepravidelností a nesrovnalostí. Nemohu si představiti, že by byl nějaký Slovánek opisoval tento text »Otčenáše« z nějaké předlohy. Text o sobě tak známý a v našem případě tak přepodivně reprodukovaný vede mne k tomu, že mám za to, že jej psal zpaměti, při čemž ovšem ukazuje, že byl velmi málo zběhlý jak v písmě tak v mluvnici. Kdo to as mohl být? Po stránce palaeografické znaky ѧ a ꙑ by nasvědčovaly,

že si je pisec zapamatoval z předloh starobulharských, po případě středobulharských. S tím se srovnávají i střídnice *e* a *o* za ѧ a ѫ, jakož i plné samohlásky *e* za ь ve slově денешъ (денесь). Kolísání mezi *s* a *š*, jakož i mezi *c* a *č* lze je vysvětliti dialektickou výslovností prostředí, v němž žil. Jest to zjev známý nejen v nářečích hornoitalských (benátském, boloňském), ale i v slovanských, nehledě k jiným, z jihoslovanských právě tam, kde se stýkají Slované s Italy (v Istrii). Srov. Vondrák, »Vergleichende Grammatik« I, 376. Záhadným mi zůstává v 5. řádce imperativ дажои = дажъ!

Při všech výše řečených nepravidelnostech přihodila se pisci v textu nejednou i ta nehoda, že si popletl pořádek některých slov. Již v řádce 4. opakuje dvakrát předložku *na*; jednou píše нѣ a po té на. V páté řádce jsou slova bez ladu a skladu. *Vajs.*

Jan Máchal, řádný profesor slovanských literatur na universitě Karlově, slavil dne 25. října min. roku sedmdesáté narozeniny. Přátelé a žáci jubilantovi vzpomínali toho dne jeho činnosti odborné, kterou rozvinuje téměř půlstoletí a která vydala hojné plody v oboru badání o slovanském bájesloví, o slovanském podání lidovém a jeho ohlasech, v podrobných monografiích z oboru české literatury doby staré, obrozenské i moderní a zvláště v hojných příspěvcích k dějinám literatur slovanských, jimž věnuje i velké dílo souborné, »Slovanské literatury« (díl první r. 1922, druhý r. 1925): celou svou životní prací získal si Máchal opravdových zásluh o kulturní sblížení slovanské. A bylo také vzpomínáno Máchalovy činnosti osvětové, organisační, učitelské i jeho vzácných vlastností osobních. K uctění jubilea oslavencova vydal Klub moderních filologů, jehož časopis Máchal od prvého ročníku rediguje v části slovanské, »Sborník prací« (pořádali Jiří Horák a Miloslav Hýsek), kdež oceněn význam prof. Máchala, podán úplný bibliografický soupis jeho prací (od M. Hýska) a v němž obsaženo celkem 34 článků týkajících se všech období literatury české, literatur slovanských, lidového podání, ba i slovanského jazykozpytu. *J. K.*

Lubor Niederle, jenž v roce 1925 vydal IV. a poslední svazek prvního, t. j. politicko-historického oddílu »Slovanských Starožitností« (Původ a počátky Slovanů východních; v Praze, nákladem Bursíka a Kohouta) a téměř dokončil jejich kulturně-historický oddíl (chybí jen ještě »Slovanské právo«, které napíše prof. Kadlec), dosáhl 20. září 1925 šedesátého roku svého plodného života. Podle jeho přání bylo upuštěno od okázalých oslav. Oslavencovi žáci a přátelé pořádali v listopadu na jeho počest intimní večeři. V své řeči, plné opravdové vědecké skromnosti, jíž odpověděl na projevy zástupců různých slovanských národů, vylíčil zajímavě vývoj a charakteristiku své vědecké činnosti a děkoval vřele všem učencům v slovanských zemích, kteří ho na dotazy vždy ochotně podporovali vysvětlivkami, spisy a jinými pomůckami. *M. M.*

Výtahy z časopisů.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Россійской Академіи Наукъ. 1917 г. Тома XXII

Книжка 1-я. Петроградъ. 1918.

I. В. Н. Бенешевичъ. Московскій соборъ конца XVI вѣка о церковномъ винѣ (стр. 1—9). Постановленіе собора, состоявшагося въ Москвѣ при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ и патріархѣ Іовѣ (т. е. между 1589—1592 г. г.), читается въ небольшой тетради въ 7 листовъ, повидимому, XVII в., найденной въ собраніи рукописей Е. В. Барсова (нынѣ Моск. Ист. Муз. III № 38). Постановленіе собора, о которомъ нигдѣ больше никакихъ свѣдѣній не найдено, противорѣчитъ всѣмъ каноническимъ постановленіямъ и можетъ быть отвергнуто, какъ неподлинное. Приводится текстъ постановленія. — II. Его-же „Заповѣди св. отецъ" до-монгольскаго періода (стр. 10—15). По времени „заповѣди" принадлежатъ до-монгольскому періоду, м. б. XII в. и если придавать значеніе упоминанію въ нихъ имени св. Григорія, то нужно принять во вниманіе, что за XII в. извѣстенъ среди русскихъ іерарховъ одинъ только Григорій, арх. Новгородскій (1186—1193). Данъ текстъ „заповѣдей". — III. С. Л. Бертенсонъ. Къ библіографіи матеріаловъ о Гоголѣ (стр. 16—26). Предлагаемый библіографическій перечень посвященъ литературѣ о Гоголѣ за 1914 и 1915 г. г. и является продолженіемъ опубликованныхъ раньше списковъ литературныхъ матеріаловъ о немъ за 1900—1913 г. г. — IV. А. И. Яцимирскій. Мелкіе тексты и замѣтки по старинной южнославянской и русской литературамъ. LXXIII—XC (стр. 27—84). Начало статьи въ Изв. за: 1897, 1899, 1902, 1906, 1908, 1911, 1916. Въ первыхъ главахъ даются „внѣшнія свѣдѣнія" о Стишныхъ Прологахъ южнославянскихъ, къ которымъ цѣликомъ восходятъ извѣстные автору русскіе списки. LXXXV — пересматриваетъ вопросъ о редакціяхъ такъ наз. сербской Александріи; LXXXVI — о 18 главѣ „Сказанія о письменѣхъ" Константина Костенчскаго. LXXXVII — касается молитвъ предъ ученіемъ въ славянскихъ рукописяхъ; среди нихъ особое мѣсто занимаютъ молитвы, предназначенныя для переписчиковъ; въ южнославянской письменности такихъ молитвъ автору встрѣтить не пришлось, кромѣ одной сербской и то русской по происхожденію. LXXXVIII посвящена славянской Псалтири изъ Вѣнской придв. Библ., переписанной, по свидѣтельству двухъ славянскихъ записей и латинской, молдавскимъ господаремъ Ильей Александромъ въ концѣ XVI в. въ Штиріи. LXXXIX — сообщаетъ два разсказа, характеризующіе дѣятельность московскихъ книжныхъ людей XV—XVI в. в. XC — о сборникѣ Берменской Кор. библіотеки № 44. — V. И. Эндзелинъ. О балтійскомъ окончаніи 2 лица единств. числа (стр. 85—116). Болѣе древнимъ окончаніемъ 2. л. ед. ч. нетематическихъ основъ для общебалтійскаго авторъ считаетъ *-sei*, откуда лит. и лат. *-sie* > *si*: формы на *-sai* возникли подъ вліяніемъ оконч. 1. л. ед. ч. *-mai*; относительно древнепрусскаго языка, авторъ говоритъ, нельзя навѣрно утверждать, имѣлись ли тамъ формы 2 л. ед. ч. на *-ei*, тожественныя по происхожденію съ литовско-латышскими формами (тематическаго спряженія) того же лица на *-i* (< *-ie*), или нѣтъ. И дальше предлагается толкованіе данныхъ всѣхъ балтійскихъ языковъ, начиная съ литовско-латышскихъ формъ (тем. спряж.) безъ *-i*. Указываются затруд-

ненія при выведеніи формъ типа *ved* ,,веди" изъ **veda* или **vede*; правильнѣй, по мнѣнію проф. Ендзелина, было бы отказаться отъ этой гипотезы. Въ латышскомъ яз. изъ стараго *vedi* ⟨ **vedie* могло возникнуть *ved*. формы безъ *i* въ лат. и лит. языкахъ, въ чемъ авторъ соглашается съ Бругманомъ и Зубатымъ, давая обоснованія и дѣлая поправки къ ихъ утвержденіямъ. Наконецъ разсматривается происхожденіе окончаній *-svi* ⟩ *-sie* ⟩ *-si* и *-ei* ⟩ *-ie* ⟩ *-i*. — VI. Э. А. Вольтеръ. Къ вопросу о ,,саянахъ". Изъ исторіи литовскорусскаго костюма (стр. 117—126). ,,Саяны" — этнографическій терминъ для обозначенія жителей Курск. губ. по р. Сейму; пущенъ впервые курскимъ этнографомъ Н. Добротворскимъ; потомъ вопроса о ,,саянахъ" касался Абрамовъ и Д. К. Зеленинъ. Послѣдній связывалъ названіе ,,саяны" съ одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ саянскаго говора — *с* ⟨ *ц*, отрицая тѣмъ древность происхожденія, какъ термина, такъ и самаго народа ,,саяны". Приводя лексикологическія справки изъ польскихъ писателей, гдѣ ,,саянъ", ,,саяникъ" — костюмъ военный, заимствованный изъ итальянскаго, греко-византъ. *σαγία* и римско-полск. *sagum*. а также данныя изъ Московской, Виленской и Минской губ. (разныхъ судебныхъ актовъ), авторъ указываетъ, что *саянъ* не только старинный общерусскій нарядъ, какъ думалъ Абрамовъ, но что онъ особенно часто встрѣчается у литовской шляхты и литовскихъ князей-татаръ 16 в. (стр. 123). *Саяны* такъ или иначе въ Курск. губ. существуютъ; самоназваніе и самоопредѣленіе саяновъ, какъ народности, не доказано; кличка *саянъ* могла возникнуть въ связи съ шляхетской гордостью при встрѣчѣ съ крестьянами Курской губ. — VII. Его-же. К. Мюленбахъ. (Некрологическая замѣтка. Стр. 127—132). М. — извѣстный изслѣдователь латышскаго языка, выдающійся національный лингвистъ, ум. 14/III 1916 г. Приведенъ перечень трудовъ покойнаго по латышскому яз. — VIII. И. М. Петровскій. Библіографическія мелочи. XI. Къ исторіи книги К. С. Аксанова ,,Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка". XII. Кому принадлежитъ первое лексическое сравненіе санскрита со славянскими языками? (стр. 133—149). Гр. Θеодоръ Гавриловичъ Головкинъ былъ авторомъ анонимной статьи ,,Etymologies slavônes tirées du sanscrit," ему и принадлежитъ первое лексическое сопоставленіе санскрита со славянскими языками. — IX. Его-же. Изъ замѣтокъ о Колларѣ I—II (стр. 150—165). Замѣтки сообщаютъ ,,нѣсколько мелочей", касающихся вліянія иноземныхъ писателей на Коллара, именно Фр. Рюккерта, вліяніе котораго сказалось въ томъ, по мнѣнію автора, что Колларъ избралъ для своей ,,Slávy Dcery" ,,такую неудобную и трудную форму, какъ сонетъ". Кромѣ Рюккерта и параллелей изъ его сонетовъ, г. Петровскій, дополняя указанія Челаковскаго на заимствованія Колларомъ четырехъ сонетовъ у Гауга и Шульца, Гёте, Щульце и Грилльпарцера, приводитъ сонеты Коллара-заимствованія изъ Гауга и Шульце съ нѣмецкими параллелями къ нимъ. — 2-я гл. касается перевода знаменитаго трактата Коллара о славянской взаимности на русскій языкъ, при чемъ авторъ останавливается на вопросѣ, въ какомъ видѣ былъ напечатанъ въ Россіи трактатъ, а для этого сравниваетъ переводъ Погодина и Самарина съ подлинникомъ по изд. 1837 г. Сравненіе показываетъ прежде всего, что статья Коллара подверглась въ русскомъ журналѣ значительному сокращенію въ §§ 2, 5, 6, 9—20. Есть случаи невѣрной передачи текста; неудовлетворительной оказывается и корректурная сторона перевода въ ,,Отечественныхъ Запискахъ". Поэтому авторъ считаетъ, что знаменитый трактатъ Коллара ,,до сихъ поръ (1919 г.) не появился на русскомъ языкѣ въ своемъ настоящемъ видѣ" (164). — X. М. М. Бергъ. Опредѣленіе надстройки полости рта при общерусскомъ произношеніи гласныхъ. (Стр. 166—187). Предварительно приводятся результаты изслѣдованія резонанса полости рта при индифферентномъ укладѣ полуоткрытаго рта, напр., при простомъ дыханіи ртомъ или въ положеніи его между словами — такъ приведены нотныя опредѣленія высоты

собственнаго тона полости рта при укладкѣ для гласныхъ: *а, о, у, э, і* и *ы*. Дальше приводятся результаты наблюденій, подтверждающія положеніе, что присутствіе при гласномъ различныхъ согласныхъ отчасти изменяетъ высоту резонансоваго тона и средней части гласнаго, т. е. модифицируетъ тембръ его. Представлены нотныя данныя сочетаній гласнаго *а* съ губными, переднеязычными, альвеолярными, заднеязычными, при чемъ оказывается, что вообще на измѣненіе резонансоваго тона гласнаго „вліяетъ повидимому не относительное положеніе согласнаго, а лишь качество его“ (177). Наконецъ, приведены нотныя данныя для наблюденій, какъ измѣняется тембръ гласнаго *а* въ сосѣдствѣ съ согласными, принадлежащими къ различнымъ категоріямъ. — XI. Г. А. Ильинскій. Мнимая ассимиляція редуцированныхъ гласныхъ въ праславянскомъ языкѣ (стр. 188—204). Имѣется въ виду спорадическое измѣненіе *ъ* въ *ь* подъ вліяніемъ *ь* слѣдующаго слога, какъ думалъ ак. Соболевскій (Ж. М. Н. Пр. т. CCXC, стр. 48—51, РФВ. 64, 1910 г., стр. 114—117), или — и подъ вліяніемъ предшествующихъ *е* і *і*, какъ утверждалъ Шахматовъ (Очеркъ др. періода русск. яз.) или, наконецъ, измѣненіе *ъ* въ *ь* въ зависимости отъ качества слога вообще (передъ узкими слогами — *ь*, передъ широкими — *ъ*), какъ представляли дѣло Ляпуновъ, Meillet, Vondrák, Фортунатовъ, Кульбакинъ, пріурочивавшіе это явленіе къ эпохѣ особой жизни слав. яз., тогда какъ ак. Соболевскій и ак. Шахматовъ относили его къ праславянской эпохѣ. Ильинскій доказываетъ, что „ученіе о праславянской ассимиляціи глухихъ есть ни что иное, какъ лингвистическое недоразумѣніе“ (189). По его мнѣнію, приводимыя въ доказательство указаннаго явленія слова лишь тогда бы имѣли силу аргумента, когда была бы раскрыта во всѣхъ подробностяхъ ихъ дославянская исторія. И дальше предлагается этимологическій анализъ всѣхъ приводимыхъ въ пользу оспариваемаго закона примѣровъ, въ которыхъ *ь* объясняется этимологически, какъ гласный корня на низшей ступени. Изъ 13 примѣровъ въ 11-ти „*ь* столь же древенъ, какъ и *ъ* (конечно, съ праслав. точки зрѣнія); только въ одномъ изъ нихъ (въ **skьrbь*) *ь* несомнѣнно возникъ изъ *ъ* на русской почвѣ, но не вслѣдствіе уподобленія послѣдняго конечному *ь*, а вслѣдствіе вліянія другихъ формъ“ (204). — XII. В. В. Сиповскій. Изъ исторіи русской комедіи XVIII вѣка. (Къ литературной исторіи „темъ“ и „типовъ“ стр. 205—279). Приводя хронологическія справки относительно комедій Сумарокова, Фонвизина и Имп. Екатерины, авторъ указываетъ, что эти справки любопытны во многихъ отношеніяхъ: онѣ даютъ возможность высказаться опредѣленно по поводу творчества Сумарокова, эволюціи въ литературныхъ направленіяхъ его творчества, опредѣлить, въ какой мѣрѣ можно связать творчество Сумарокова съ исторіей современной русской комедіи — съ одной стороны, съ другой — даютъ возможность установить зависимость комедій императрицы Екатерины отъ русскихъ журналовъ и обратно, наконецъ — опредѣлить зависимость комедій Екатерины отъ журнальной дѣятельности ея и ея сотрудниковъ въ этомъ дѣлѣ. Данная авторомъ въ его очеркѣ характеристика русской комедіи XVIII в. приводитъ его къ заключенію, что „эта комедія тѣсно связана съ русской жизнью, что она имѣла въ Россіи свою эволюцію, что она представляетъ собою явленіе органическое, такъ какъ связь главнѣйшихъ ея элементовъ доказуема безъ особаго труда“ (274 стр.). — XIII. Л. К. Ильинскій. Изъ рукописныхъ текстовъ Г. Р. Державина (стр. 275—339). Авторъ останавливается на нѣкоторыхъ вопросахъ, связанныхъ съ рукописями Державина и изданіемъ его сочиненій въ 1883 г. Ак. Наукъ подъ ред. Я. К. Грота. Въ этомъ изданіи обнаруживается, что рукописи поэта были „мало затронуты“ (276 стр.), а поэтому отъ изслѣдователя ускользаетъ самый цѣнный матеріалъ для изученія писателя и его творчества. Очеркъ касается прежде всего VIII-ой Читалагайской оды, озаглавленной въ изданіи Грота. „Ода на день рожденія Ея Величества, сочиненная во время войны и бунта 1774 года“. Псалтирь для Державина не была лишь боговдохно-

венной книгой: онъ, подобно Вл. Мономаху, искалъ въ ней отвѣта на мучившіе его вопросы, черпалъ мысли и образы, а при художественной обработкѣ ихъ вкладывалъ туда всю силу своего темперамента. Это видитъ авторъ въ стих. Д. „Властителямъ и судьямъ". Мысли этого стихотворенія — мысли 81-го псалма. Пьеса Д. „Праведный судія" является переложеніемъ псалма 100-го, „Желанія въ горняя" — передѣлкой псалма 83-го и т. п. Но все это не являлось, по мнѣнію автора, для Д. существомъ поэзіи, какъ таковой: это „ея прикладная цѣль, отзвукъ гражданскаго чувства и дань . . . литературной традиціи" (321 стр.). Для Д. поэзія — скорѣе — была отзвукомъ его личнаго чувства. III-я гл. очерка посвящена этому вопросу („Ключъ", переводъ оды „Сафо"). — XIV. Библіографія. А. П. Кадлубовскій. The tale of the armament of Igor A. D. 1185. A. Russian historical epic. Edited and translated by Leonard A. Magnus. With revised russian text, translation, introduction and glossary. Oxford. 1915 (стр. 340—361).

Книжка 2-я. Петроградъ. 1918.

И. И. Виноградовъ. Послѣконечное *ы* въ народномъ говорѣ Шунгенской волости, Костромского уѣзда (стр. 1—8). Это *ы* слышится, какъ какой то призвукъ послѣ конечныхъ твердыхъ звуковъ — то едва замѣтно, то ясно и отчетливо. Ясность зависитъ: 1) отъ конечныхъ согласныхъ: послѣ *б, г, д, ж, к, м, н, т, х, ч* — *ы* достаточно ясно; послѣ *з, л, н, р, с, ф, ц, ш* — едва слышно; послѣ *в*, который слышится какъ *ц* — *ы* сомнительно; 2) отъ состава фразы и отъ общаго ритма рѣчи говорящаго; 3) отъ того — каковъ начальный звукъ слова слѣдующаго за *ы*: если согласный, — *ы* ясно, если гласный, — *ы* уничтожается, превращая слѣдующій гласный *и* въ *ы*. 4) Передъ продолжительной остановкой *ы* вполнѣ ясно. — Его-же. Причины и время возникновенія аканья въ Чухломскомъ краѣ (стр. 9—24). На основаніи изученія текста писцовыхъ книгъ и другихъ документовъ Костр. губ. за XVII в. авторъ указываетъ главнѣйшую причину появленія аканья въ Чухломскомъ краѣ — раздача земель въ вотчины и помѣстья („черныхъ" волостей) служилымъ людямъ, оказавшимъ услуги государству въ періодъ смуты, и тѣмъ изъ нихъ, чьи владѣнія находились въ мѣстности вокругъ Москвы, къ югу, юго-востоку и юго-западу отъ нея, т. е. мѣстности, опустошенной всякими набѣгами въ періодъ 1607 по 1609 г. Эти новые, болѣе культурные и вліятельные по своему положенію люди и принесли въ край свой говоръ, средне-великорусскій. Среди Чухломскихъ „черныхъ" волостей были патріаршія земли; онѣ роздачѣ не подлежали, и здѣсь во всей неприкосновенности сохранился говоръ сѣверно-великорусскій, окающій. Такова Вершковская волость по рѣкѣ Свѣтицѣ. — Дальнѣйшая причина — Костромскія ополченія, участвовавшія въ борьбѣ съ самозванцами и поляками; они были по „Дозорной книгѣ" г. Чухломы подъ Можайскомъ, Тулою, Болховомъ, Рязанью Нижнимъ Новгородомъ и въ др. мѣстахъ тогдашней южной Руси. Наконецъ — чухломскіе служилые люди, которые до поляновскаго мира „годовали" въ Москвѣ, Дѣдиловѣ, Ржевѣ, Сѣвскѣ, Бѣлгородѣ, Тулѣ, Брянскѣ, Смоленскѣ и мн. др. мѣстахъ, вернулись въ свои помѣстья, а съ ними вмѣстѣ — всѣ низшіе служилые, приказные, даточные и работные люди, которые постоянно требовались въ украинные города, городки и засѣки. — Его-же. Историко-литературныя и этнографическія замѣтки (стр. 25—38). Одинъ изъ невѣдомыхъ собирателей рукописныхъ книгъ — крестьянинъ г. Зиновьева, Бычихинской в., Костр. губ., пожелавшій остаться неизвѣстнымъ; у него непосредственно и черезъ перекупщика авторъ пріобрѣлъ рядъ рукописей XVII и XVIII ст. — Б. В. Нейманъ. Элементы сентиментализма въ творчествѣ Лермонтова (стр. 39—57). — Г. Крижицкій. Вліяніе Руссо на Аблесимова (стр. 58—64). Имѣется въ виду „de Devin du Village intermède" Руссо и „Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ" Аблесимова. Обѣ оперы

сходны не только въ общемъ замыслѣ, на что указалъ Алекс. И. Веселовскій, но и въ цѣломъ рядѣ деталей. Относительно пути вліянія возможны лишь два предположенія: 1) Аблесимовъ могъ узнать ,,Devin du village" въ пересказѣ, напр., Сумароковı, 2) онъ могъ увидѣть оперу Руссо на сценѣ. Самъ онъ оперы Руссо не читалъ. По недостатку матеріала авторъ не можетъ рѣшить вопроса окончательно. — Его-же. Изъ литературной исторіи оды Ломоносова (стр. 65—69). ,,Знаменитое обращеніе, пишетъ авторъ замѣтки, Ломоносова къ Тишинѣ... оказывается простымъ подражаніемъ французскимъ поэтомъ, только передѣлкой, перифразой ихъ произведеній" (стр. 69). Эти произведенія: ,,Idylle sur la Paix". Расина и XI строфа оды Малерба ,,A la Reine Maúe de Médicis". Г. Крижицкій и сопоставляетъ оду Ломоносова съ указанными произведеніями, отмѣчая мѣстами построчное совпаденіе. — В. Э. Сеземанъ ,,Лингвистическіе спектры" г. Морозова и Платоновскій вопросъ (стр. 70—80). — А. В. Марковъ. Чулковскій пѣсенникъ и его значеніе для изученія великорусскихъ народныхъ пѣсенъ (стр. 81—126). Статья написана по поводу выхода въ свѣтъ I тома ,,Сочиненій Михаила Дмитріевича Чулкова: ,,Собраніе разныхъ пѣсенъ. Части I, II и III съ прибавленіемъ 1770—1773 г. г." (СПБ. 1913). Марковъ ставитъ вопросъ: имѣемъ ли мы въ Чулковскомъ пѣсенникѣ литературныя обработки или памятники народнаго творчества? И дальше: насколько сознательно относился Чулковъ къ различнымъ поэтическимъ произведеніямъ, включеннымъ въ ,,Собраніе разныхъ пѣсенъ"? По мнѣнію автора статьи, три части пѣсенника даютъ достаточный матеріалъ для рѣшенія этихъ вопросовъ. Самъ Чулковъ не отдѣлялъ устныя произведенія отъ литературныхъ, такъ какъ самъ не записывалъ пѣсенъ изъ устъ народа; отсюда — собиратель находился въ зависимости отъ тѣхъ рукописей, которыя ему удалось достать. Г. Морозовъ подробно разсматриваетъ отдѣльныя изъ пѣсенъ Чулковскаго пѣсенника. — В. А. Пархоменко. Русь въ IX вѣкѣ (стр. 127—140). Восточно-мусульманскіе писатели IX—X в. в. говорятъ, что современные имъ обитатели Руси дѣлились на три обособленныхъ племени. Таково свидѣтельство одного изъ этихъ писателей Истархи. ,,Вглядываясь въ лѣтописные тексты, мы не можемъ — говоритъ авторъ статьи — сказать, чтобы на страницахъ нашихъ лѣтописей не сохранилось слѣдовъ отмѣчаемаго арабами дѣленія Руси на три главныхъ племени или группы племенъ" (стр. 129). И далѣе авторъ останавливается на данныхъ лѣтописей, побуждающихъ признать наличность трехъ обособившихся племенъ Руси въ IX в.; указываетъ на такіе же выводы исторіи русскаго языка. Этотъ фактъ — обособленной жизни трехъ племенъ къ IX в. — указываетъ на три разныхъ культурно-историческихъ начала, вліявшихъ на ходъ исторіи Руси въ первое время ея существованія: византійское, хазарско-восточное и нормано-финское. — П. О. Потаповъ. Судьба хроники Зонары въ славяно-русской литературѣ (стр. 141—186). Потаповъ указываетъ списки хроники, извѣстные русскимъ ученымъ, а затѣмъ нѣкоторые списки, хранящіеся въ иноземныхъ библіотекахъ. Гл. I. О взаимоотношеніи списковъ полнаго перевода хроники Зонары. Гл. II. Паралипоменъ Зонаринъ (т. е. передѣлка хроники Зонары, сохранившаяся въ сборникѣ Волоколамскаго монастыря № 415 и въ 1847 г. цѣликомъ напечатанная Бодянскимъ). Гл. III. О мѣстѣ и времени перевода хроники Зонары. Внося поправку въ утвержденіе проф. Лаврова о томъ, что переписчикъ, ,,если онъ былъ сербъ, пользовался оригиналомъ среднеболгарскимъ", г. Потаповъ говоритъ, что переписчикомъ полнаго списка хроники (Унд.) былъ не сербъ, а русскій. На это указываютъ нѣкоторыя особенности языка: ѫ на мѣстѣ прасл. ѫ и ѩ; замѣна ъ и ь черезъ *о* и *е*; случаи смягченія *dj* въ *ж*. Что касается болгаризмовъ въ спискѣ, то они объясняются орѳографической модой XIV—XV в. в. Г. Потаповъ относитъ переводъ къ 1170 г. и мѣстомъ перевода считаетъ Болгарію. — И. Эндзелинъ. О литовскомъ имен. п. множ. ч. муж. р. причастій дѣйствительнаго залога (стр. 187—199).

Вмѣсто ожидаемыхъ **liekant(e)s* ‚relinquentes' (= λείποντες), **duosiant(e)s* ‚daturi' = скр. *dasjantah* и **mirus(e)s* ‚mortui' = црксл. мьрьше въ лит. яз. существуютъ формы *lieką, dúosią* и *mirę*, которыя формально совпадаютъ съ соотвѣтствующими формами имен. и винит. п. единств. ч. средняго рода. Этимъ формамъ, по мнѣнію Эндзелина, предшествовали новообразованія **liekanti, *duosianti* и **mirusi* съ -*i* < -*ie*, которыя фонетически совпали съ формами имен. п. ед. и двойств. ч. ж. р. и потому были замѣнены теперешними формами *lieką, dúosią* и *mirę*. Между тѣмъ J. Schmidt полагаетъ, что теперешнему *lieką* непосредственно предшествовало **liekants* < **liekantes*, ставшее неудобнымъ „вслѣдствіе сближенія въ произношеніи" съ nom. s. **liekànts*. Въ дальнѣйшемъ авторъ подробно разбираетъ доводы Шмидта и Мейе, который считаетъ разсматриваемыя формы средняго рода множ. ч. И синтаксическое толкованіе подобныхъ формъ легче, если признать ихъ за формы средн. р. единств. ч. Обороты *man mieta tėvas* или *lab ir uodega* напоминаютъ фразы вродѣ лат. *triste lupus stabulis*, греч. *οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη*, др.-русск. потонуло люди и скоты, ходъ былъ конемъ нужно и др. Разсматриваемое явленіе по времени позднѣе, чѣмъ общебалтійская замѣна старой формы 3-го лица множ. ч. формой 3-го лица единств. ч. Въ связи съ этимъ Эндзелинъ отказывается отъ своего прежняго мнѣнія (Изв. XXI, 2, 296), будто замѣна формы 3-го лица множ. ч. формой 3-го лица единств. ч. была обусловлена главнымъ образомъ совпаденіемъ формы 3-го лица множ. ч. муж. р. причастій дѣйств. залога. Попутно авторъ указываетъ причины этой замѣны. Разсматриваемыя причастія въ балтійскихъ языкахъ являются главнымъ образомъ предикативно. — А. И. Бѣлецкій. Новое изданіе сочиненій К. К. Павловой (стр. 200—220). Имѣется въ виду: „Каролина Павлова. Собраніе сочиненій. Томы I-II. Редакція и матеріалы для біографіи К. Павловой Валерія Брюсова. М. Изд. К. Ф. Некрасова. 1915. Стр. XLIX + 336 + VIII и 436 + II." Каролина Павлова (1807—1893) — поэтесса, мимо которой проходили изслѣдователи исторіи литературы, и только въ „Исторіи русской словесности" Полевого, какъ отмѣчаетъ авторъ статьи, въ примѣчаніи посвящено ей нѣсколько строкъ. Въ 60-хъ годахъ въ ея стихахъ не находили „поэзіи ни капли"; извѣстность пріобрѣла поэтесса въ девяностыхъ и девятисотыхъ годахъ. Г. Бѣлецкій разбираетъ новое изданіе, указываетъ недочеты его, приводитъ попутно данныя изъ біографіи поэтессы, говоритъ о ея переводныхъ сочиненіяхъ и т. п. — А. В. Миловидовъ. Новые документы, относящіеся къ біографіи Франциска Скорины (стр. 221—226). Четыре документа, содержащіе переписку о русскомъ первопечатникѣ докторѣ Францискѣ Скоринѣ, найдены были въ Кенигсбергскомъ Госуд. Архивѣ. — Н. И. Петровъ. Ученые труды по изслѣдованію новооткрытыхъ въ Кіевѣ Звѣринецкихъ пещеръ (стр. 227—255). Г. Петровъ разсматриваетъ критически два труда: 1) „Древнія пещеры на Звѣринцѣ въ Кіевѣ, А. Д. Эртеля. Кіевъ, 1913" и 2) „Звѣринецкія пещеры въ Кіевѣ [ихъ древность и святость], И. М. Каманина, типографія Кіевопечерской лавры. 1914." Въ 1-й главѣ приводятся свѣдѣнія объ открытіи этихъ пещеръ, раскопкахъ. Въ заключеніи авторъ, сравнивая указанныя пещеры и излѣдованіе ихъ съ тѣмъ, что извѣстно о пещерахъ гнилецкихъ, приходитъ къ заключенію, что „Звѣринецкія пещеры въ основныхъ своихъ чертахъ относятся, подобно Гнилецкимъ, къ XI и XII в., но были не особымъ монастыремъ, а только мѣстомъ отшельничества и затворничества на короткое время или до конца жизни" (стр. 253). — Н. И. Карѣевъ. „Удвоеніе", какъ признакъ отрицанія (стр. 256—158). Замѣтка указываетъ, какъ на лингвистическій курьезъ, повтореніе дѣтьми, начинающими говорить, ударямаго слога въ словѣ въ качествѣ отрицанія, тогда какъ повтореніе слова въ рѣчи и „удвоеніе" вообще имѣетъ значеніе подтвержденія, усиленія. Такъ внукъ автора говорилъ: „хи-хóчу" — не хочу, „ви-вижу" — не вижу, „мета-тана" — сметана, „голя-ти-ніе" — не горячò и т. п. Это, по мнѣнію автора замѣтки, оттого, что первыми словами отрицанія у ребенка были:

не надо. И вотъ по аналогiи съ надо и не надо, гдѣ повторялся одинъ и тотъ же звукъ *н*, получились: ,,хи-хóчу", ,,пе-плáчу" и т. п. — Н. П. Поповъ. Къ вопросу о первоначальномъ появленiи виршъ въ сѣверно-русской письменности (стр. 259—275). На основанiи современныхъ автору статьи опубликованныхъ матерiаловъ время появленія на русскомъ сѣверѣ виршъ отодвигается къ первымъ годамъ XVII или даже конечнымъ XVI в. Къ первымъ русскимъ стихотворцамъ должно отнести: 1) Авраамiя Палицына; въ его ,,Исторiи въ память предъ идущимъ родомъ" не мало риѳмованныхъ строкъ. 2) Автора ,,Иного сказанiя", древнѣйшей изъ повѣстей о смутномъ времени. — Д. И. Абрамовичъ. О трудахъ митрополита Макарiя (Булгакова) въ области древней русской литературы (стр. 276—290). Къ столѣтiю со дня его рожденiя (19 сентября 1816 года). Дается перечень научныхъ трудовъ Митрополита съ ихъ характеристикой. — А. С. Грушевскiй. Изъ полемической литературы конца XVI в. послѣ введенiя унiи (стр. 291—313). I. Споры о культурныхъ влiянiяхъ. Оживленная литературная полемика вокругъ религiозной унiи съ Римомъ затронула много вопросовъ, имѣвшихъ большое значенiе для украинскаго общества. Таковы: вопросъ о культурныхъ связяхъ и культурныхъ влiянiяхъ византiйско-славянскихъ и западно-европейскихъ, отношенiе къ новшествамъ, къ старинѣ и т. п. — Гл. II. Въ защиту церковнославянскаго языка. Вокругъ церковно-слав. яз. шла борьба, такъ какъ сторонники унiи понимали опасность тяготѣнiя къ церк.-слав. яз., такъ тѣсно связанному со стариною церковною и литературною. По этому вопросу расходились такiе сотрудники по общему дѣлу, какъ кн. Курбскiй и кн. Острожскiй; противъ церк.-слав. яз. и за языкъ латинскiй велъ полемику Скарга и Гербестъ; въ защиту церк.-слав. яз. выступаютъ, кромѣ Курбскаго, Тяпинскiй, аскетъ Вишенскiй. — Гл. III. Ипатiй Потей и клирикъ Острожскiй. Первый изъ нихъ написалъ посланiе кн. Острожскому, въ которомъ основная мысль — ,,вотъ наконецъ достигнута долгожданная згода" (послѣ брестскаго спора), тонъ спокойный и увѣренный. Потей ожидалъ выступленiя съ отвѣтомъ на его посланiе самаго кн. Острожскаго, но вмѣсто этого появилось полемическое произведенiе безымяннаго клирика Острожскаго, и прежнiй спокойный тонъ Потея смѣнился на рѣзкiй и полемическiй. — Б. М. Соколовъ. По поводу ,,Слова о законѣ и благодати Иларiона" (стр. 314—319). Авторъ дѣлаетъ попытку объясненiя аллегорическаго образа ,,рабичища Измаила", отверженнаго отъ наслѣдованiя Аврааму и уступившаго сыну свободной — Исааку. Образъ этотъ въ ,,Словѣ", прославляющемъ Владимира, неумѣстенъ, ибо по лѣтописному сказанiю и Владимиръ Св. былъ тоже ,,робичичь" сынъ Ольговой ключницы Малуши. Въ объясненiе пользованiя Иларiономъ этимъ образомъ, по мнѣнiю автора статьи, можетъ быть выдвинуто два предположенiя: 1) ,,или лѣтописное сказанiе о происхожденiи кн. Владимира отъ рабыни есть дѣйствительно лишь сказанiе, легенда, оставшаяся Иларiону неизвѣстной, или 2) преданiе о Владимирѣ-рабичичѣ Иларiонъ зналъ, но его сознательно не принялъ, какъ недостовѣрное и ложное" (стр. 317). Б. М. Соколовъ склоненъ ко второму предположенiю. По изслѣдованiямъ ак. Шахматова ни въ Кiевскомъ сводѣ 1039 г., ни въ его редакцiи 1073 г. извѣстiя о Вдадимирѣ-рабичичѣ нѣтъ, такъ что ,,Слово" и Кiевская лѣтопись въ этомъ отношенiи согласны. Въ Кiевѣ въ XI в. преданiе было извѣстно (оно есть въ Новгородскомъ сводѣ XI в., откуда вошло въ Нач. сводъ 1093 г.; на немъ основано эпическое сказанiе о женитьбѣ кн. Владимира на Рогнѣдѣ, отзвуки котораго и сейчасъ живы въ народной поэзiи), но считалось недостовѣрнымъ: Кiевскiй сводъ отвергаетъ его умолчанiемъ, а Иларiонъ — косвенно, приводя образъ и вмѣстѣ съ тѣмъ говоря о Владимирѣ, что онъ не только наслѣдовалъ предкамъ, но въ него то ,,вниде разумъ выше разума земельныхъ мудрецъ, еже возлюбити невидимаго". Поэтому то, говоритъ авторъ статьи, Иларiонъ такъ усиленно въ началѣ

Похвалы подчеркиваетъ благородное происхожденіе кн. Владиміра. — В. М. Истринъ. Гдѣ было переведено Житіе Василія Новаго? (стр. 320—325). На основаніи анализа словарнаго матеріала ак. Истринъ утверждаетъ, что переводъ Ж. В. Н. былъ сдѣланъ на Руси. На Руси сдѣланъ былъ и переводъ хроники Георгія Амартола, т. е. обоихъ источниковъ, которыми пользовался авторъ „Хронографа по великому изложенію", откуда авторъ Повѣсти временныхъ лѣтъ взялъ все повѣствованіе при изложеніи похода Игоря на Царьградъ. — Б. И. Ярхо. Илья, Иліасъ, Хильтебрантъ (стр. 326—337). Статья посвящена выясненію характера и объема русско-германскихъ эпическихъ отношеній, въ частности — вопросу о заимствованіи въ Германіи русскаго пѣсеннаго матеріала. Авторъ разсматриваетъ взаимоотношеніе сказаній: объ Ильѣ Муромцѣ и Сокольникѣ, объ Иліасѣ Русскомъ, объ Хилтебрантѣ и сынѣ (старшая и младшая версія), о Рустемѣ и Сохрабѣ (ирано-кавк. версія). — Н. М. Петровскій. Библіографическія мелочи. XIII. Къ вопросу о первомъ печатномъ переводѣ Новаго Завѣта на новоболгарскій языкъ (стр. 338—347). — П. Л. Маштаковъ. Десна (стр. 348—353). Названіе рѣки Десны „указываетъ на поступательное движеніе славянъ не съ сѣвера на югъ, а съ юга на сѣверъ". Авторъ основывается на гидрографической номенклатурѣ бассейновъ Днѣстра, Буга (южнаго), Днѣпра и подмѣчаетъ цѣлую группу названій рѣкъ, повторяющихся въ большемъ или меньшемъ количествѣ.

Библіографія:

1) М. Г. Долобко: Н. С. Державинъ, Болгарскія колоніи въ Россіи. Т. II-й. Языкъ. 1. Обзоръ говоровъ. 2. Общіе итоги, выводы и наблюденія. 3. Тексты. Съ приложеніемъ діалектической карты. Петроградъ. 1915. XVI + 523 + 1 непом. + 94 + XIV. Цѣна 3 рубля (стр. 356—382). 2) Н. И. Гудзій — Л. Семеновъ: М. Ю. Лермонтовъ. Статьи и замѣтки. I. М. 1915, 294 стр. (стр. 382—385).

Л. Копецкій.

Časopis pro moderní filologii a literatury. Ročník XI. V Praze 1924—1925.

St. Petíra: O českém antifonáři ze Sedmihrad (1—7, 106—113). Gramatický rozbor jazyka českého antifonáře a graduálu, nalezeného r. 1913 výpravou krakovské Akademie v Karlově Bělehradě v Sedmihradsku v knihovně Bathyaňských, podle fotografických snímků (celkem 12 stránek z různých částí rkpu), které zaslal prof. Łoś. Łoś v dopise, který je tu v českém překladě otištěn, stanoví dobu vzniku rkpu mezi l. 1544—1571 a P. hláskoslovně (podle stavu úžení *ie -í* a změny *ó -uo -ů*) potvrzuje toto určení Łošovo. — **J. Mukařovský:** Poznámky ke Králově Prosodii české (7—13, 118—124). Oceňuje Jakubcovo vydání spisu Králova. Královi vytýká dogmatismus jeho metody. Původ Počátků českého básnictví jest nejspíše viděti v bezradnosti přízvučné prosodie, která klade zejména při překladech z antických literatur dosti značné obtíže, a v tom, že si přízvučný verš nevytvořil v té době ještě své melodie, nelze je odbýti vlivem Jungmannovým. Vytknuv své stanovisko k pojmu rytmu, který pokládá za esteticky indiferentní, pokud jde o matematicky pravidelné členění časové, a k pojmu přízvuku ve verši, při němž lze rozeznávati řadu stupňů, konstatuje nezávislost rytmického schematu na slovním projevu a odtud odvozuje, že nelze nic vytýkati básníkovi, jenž se rozhodne užíti rytmického členění kteréhokoliv stupně v hierarchii přízvuků, jako na př. Erbenovi, který vzal za základ většinou přízvuky vyššího řádu. — **Bohumil Rak:** Louis Leger a jeho literární dílo (13—25). Dokončení nákresu životních snah velkého přítele Slovanstva a zvl. českého národa. — **Jos. Janko:** Poznámky a příspěvky k českému slovníku etymologickému (25—31, 124 až 130, 218—227). Etymologický výklad slov od *alter ego* až po *amfi-*. — **B. Trnka:** Jespersenova teorie mluvnice (31—39). Článek tento je rozborem Jespersenova spisu The Philosophy of Grammar, Londýn 1924. — **Jos. Chlumský:** Abbé Petr Rousselot (97—100). Autor, žák a spolupracovník Rousselotův, podává podle sdělení Mistrova a jeho psaných poznámek stručné vy-

líčení života a prací tvůrce fonetiky experimentální, zemřelého 16. prosince 1924 v Paříži. — **Fr. Trávníček:** Gramatické drobnosti (100—105, 208—218). 1. Jihočes. *ščasnej* atpod. (100—103). Poněvadž se v nář. jhčes. změnilo *šč* v *šť* *(propušťenej)*, nutno vyložiti tvar *ščasnej* tak, že tehdy, když se *šč* měnilo v *šť*, nebylo ještě *sč* v uvedeném slově a j. spodobeno v *šč*. Znění *chčasnej* se mohlo vyvinouti ze *ščasnej*. Je-li v jhč. i *pištitej* vedle *ščestí*, je vidět, že se spodoba mohla vyvinout i v témž nářečí v různé době u různých slov. 2. *Bližiti sě komu* atp. (103—105). V stč. patrně *bližiti* bylo. Poznámky k čl. Zubatého v NŘ. 8, 1924, 225 sl. Zejména poukazuje na to, že v stč. *přibližiti sě komu* je prostý dativ domácího původu, neboť slovesa složená s předponami mají v stč. namnoze pád prostý, i když běží o význam nepřenesený. Prosté *bližiti (sě) komu* je z doby starší dosud málo doloženo a proto asi jde o napodobení vazby *blízek*, *blízký čemu*. 3 *Svévolný, svávolný* atp. (208—210). Říkávalo se *člověk svá vóľa*, *vóle*, to se dochovalo v mor. subst. *svávula*, *svávoľa*, snahou po odstranění jmenné věty vznikl genitiv vlastnosti *(člověk své vóle)*, což zachováno v dial. *svévole* ‚svévolný člověk, svévolnost'. Z téže snahy vznikla i přivl. adj. *svávolný* z výrazu *svá vóle* a *svévolný* z výrazu *své vóle*. Krátká kvantita *o* v jmenovaných slovech je asi odrazem starých poměrů, kdy bylo *vole* i *vóle*. 4. Jihočes. *žebrajce*, *hlejte* atp. (210—218). Jde o případy, kde je *j* místo sykavky před sykavkou a místo zubnice před zubnicí nebo i jinou souhláskou. Nejprve se vyvinulo *j* před palatálou (*s, z, š, ž, c, č* byly ještě palatální), načež nastaly změny vyplývající ze styku sousedních souhlásek: *pas se* - *pajs se* - *pajse*, *učeš se* - *učejš se* - *učejse*: *j* je téhož původu jako v slovích *ajž*, *dyjž*, *dnejs* atd. Tak nutno vykládati zejména se zřením případům, kdy vznikla assibilata, změny *čs* - *c*, *čz* - *dz*, *čž* - *dž*, na př. *uč se* - *ujč se* - *ujdš se* - *ujce*, nebo *proč zas* - *projč zas* - *projdš zas* - *projdž zas* - *projdzas* a j.; tyto případy nedaly by se vysvětliti pouhou změnou sykavky v *j*. Také případy se zubnicí se vyvinuly podobně: *plaťte* - *plajťte* - *plajte*, jak nutno souditi z dokladů, kde jde o změny *ďš* - *jc*, *ďz* - *jc*, *jdz*, *ťs* - *jc*, *ťž* - *jdž*, srv. *ať si* - *ajci* z *ajť si* atpod. Tento výklad doplněn poznámkami o případech, které jsou zdánlivě proti němu. Přehláska *aj* - *ej* se při uvedených změnách dílem provedla *(mlejší, drejší)*, dílem ne — jde tu o kolísání ve výslovnosti mezi *pajs se*, *pajse* a *pas se* atd. a odtud zpětné působení výslovnosti se samohláskou *a*, stejně jako bylo *rukaice*, *rukajice*, *rukajce* vedle *lavice*, *lajce*, *lajc*, *lejc*. — **Bedřich Václavek:** Parafráse a parodie písní zlidovělých (113—117). Uvádí příklady nového stilistického přepracování a přebásnění písní umělých: Chmelenského »Nad Berounkou pod Tetínem«, Hněvkovského »Na blízku za městem«, balady »Poutnice« a nové recense i parodie písně Šnajdrovy »V borovém na skále háji«. Písně ty, svým duchem celkem cizí tradici lidové, se dlouhou dobu pro svou odlišnost udržely beze změny a teprve později podrobeny novému zpracování. — **Alois Klouda:** Nápis - věta. Příspěvek k charakteristice samomluvy (141—143). Nápis sám a jeho obdoby (adresa atd.) jest větou. Jde tu o samomluvu, mezi níž a promluvou sdělnou není podstatného rozdílu. V živé řeči, mluvené nebo psané, nenalezneme podle autora vůbec promluv, jež by nebyly větami. — **Ant. Dokoupil a A. Roušer:** Látkoslovné příspěvky. 1. »Kolikmáš« (144—146). Ve vtipném vypravování o psu »Kolikmáši« z lidového podání hanáckého v okolí Olomouce (Blatec) a pak v okolí Slavkova (Rašovice) jsou podstatné rysy shodující se se stfr. fabliau »Estulà« (Montaiglon 1880, IV, č. 96), které bylo asi vzorem snad prostřednictvím zpracování německého. Česká vypravování jsou asi v dobové souvislosti s restaurací staré slávy Fabliaux, spadající do 2. poloviny 18. stol. — **Boh. Havránek:** Přehled vědecké činnosti Josefa Zubatého (193—205). Naznačuje šíři a hlavní směry vědeckých názorů a práce Zubatého u příležitosti jeho 70tých narozenin. — **St. Petíra:** O změně *i̭* - *i̹*, o přehlásce *u* - *i* a úžení *ié* - *í* (205—208). Metodou relativní chronologie snaží se autor uvésti v souvislost nadepsané změny a dospívá pro přehlásku *u* - *i* ke shodě s datováním absolutním, avšak výklad o změně *ié* - *ī* nutno vzhledem k jejím dokladům v památkách podati tak, že při *i* takto vzniklém vůbec o změnu *i̭* > *i̹* nešlo, ale že se *ié* hned od původu měnilo jednak v *i* otevřené, jednak zavřené. Výsledek dvojího toho úžení byl by podle toho mladší než zánik palatalisace při *ć*, *ś*, *ź*

atd. Celkem je však viděl, že relativně-chronologická metoda nestačí sama k datování uvedených zjevů a že se v daných případech nemůžeme obejíti bez kontroly výsledků jí získaných konkretními údaji chronologie statické. — **Václav Burian:** Jan Nečásek v Lublani v letech 1852—62 (227—240). Příspěvek k stykům česko-slovinským. Autor vypisuje pedagogické, osvětové a literární zásluhy ředitele lublaňského gymnasia Jana Nečáska, jenž, odchován kolárovsko-šafaříkovským panslavismem, nalezl svůj citový i myšlenkový vztah k prostředí slovinského národa, mezi nímž působil. Mezi jiným i o aféře Levstik-Stritar. — **P. M. Haškovec:** Drobnosti gramatické i literární (248 až 252). 5. Záhadná slova. Slovo *gusto* se dostalo do zemí českých z Rakouska, kdež se ujalo zvláště v 19. století vlivem italsko-španělského dvora vídeňského; *fena* bylo přeneseno z krajů dauphinských a jihoburgunských, je tedy původu gallorománského. — **A. Raušer:** Látkoslovné příspěvky. 2. Vracející se mrtvý (252—254). Sděluje uvedené podání z Rašovic u Slavkova a shledává v něm křížení látky o »Záletnících« s látkou o »Putující mrtvole«, která se nejvíce podobá fabliau »Les trois bossus ménestrels« s versí galskou. — **Úvahy.** A. Frinta posuzuje celkem nepříznivě studii B. Hály: K popisu pražské výslovnosti, Praha 1923 (57—61), obrana Hálova je na str. 184—186 a replika Frintova na str. 295—298. M. Weingart referuje o těchto pracích: B. Conev, Опис на славянскитѣ ръкописи в софийската народна библиотека, том II., Sofia 1923 (60—61), Konrad Drzewiecki — Jan Baudouin de Courtenay, Teksty do nauki języka staropolskiego, Varšava 1924 (61—62), Arthur Luther, Geschichte der russischen Literatur, Leipzig 1924 (157—159). J. Kurz píše o 2. a 3. ročníku Južnoslovenského filologu (62—67). Jos. Chlumský podává posudky těchto studií: Erich M. von Hornbostel, Phonographische Methoden, Berlín—Vídeň 1923 (67—69), Jakob Katzenstein, Methoden zur Erforschung der Tätigkeit des Kehlkopfes sowie der Stimme u. Sprache, Berlín—Vídeň 1923 (69), J. W. Kaiserová, Quelques remarques sur le fonctionnement du voile du palais dans la phonation (69—71), Miloslav Seemann, Experimentální a fysiologické studie ke vzniku řeči bez hrtanu a zvláště řeči oesofageální, Praha 1924 (254—255). Zevrubný rozbor obou sborníků Streitbergových podal Jos. Janko (71—75, 171—178, 262—275; zde poznámky o době psl., o maď. jménu řeky *Tisza*, úvahy metodologické, a mnoho jiného). K. Paul referuje o studii Wollmanově Srbochorvatské drama, Bratislava 1924 (154—157), Boh. Havránek o Ramovšově Historické mluvnici jazyka slovinského (159—160) a o 1. svazku Hanischových Jahresberichte für Kultur und Geschichte der Slaven (160—161; nepříznivě: »Svou povrchností, neobjektivností a politickým zabarvením neslouží [tot. ona publikace] ke cti německé slavistice, representované daleko lépe v minulosti jménem Leskienovým, nyní Bernekerovým a Vasmerovým. Lze doufati, že se jí dostane odbytí i doma«). O. Svitavský probírá knihu Noreenovu: Einführung in die wissenschaftliche Betrachtung der Sprache, Halle 1923 (257—262). P. M. Haškovec seznamuje se studií Maixnerovou Charles Nodier i Ilirija, Rad 229, Zagreb 1924 (286—287), viz Slavia 4, 205. — **Zprávy** (88—91, 184—187, 295—308).

J. K.

Георгій Амартолъ въ изданіи В. М. Истрина.

(Окончаніе)

Въ словарномъ матеріалѣ Амартола встрѣчается большое число словъ, которыя намъ извѣстны изъ древнѣйшихъ списковъ книгъ Новаго и Ветхаго Завѣта, богослужебныхъ и др. памятниковъ древнѣйшей славянской письменности. Въ дополненіе къ тѣмъ, которыя были приведены выше, прибавимъ еще слѣдующія ниже. Мѣстами въ этомъ спискѣ сдѣланы дополнительныя указанія на совпаденіе отдѣльныхъ съ чешскими и югославянскими.

бальство 223.

безлобиѥ 273, Супр. 340.

безчѧстенъ 179, 556. Григ. Бог.

беспрестани 380. Супр., Житіе Кир.

бестоуда 551, **бѣстоудь** 384, **бестоудиѥ** Супр., Клоц. **бестоудьнъ**, ср. *bezstoudný* у Velesl.

ближика 528, у Конст. пресв., рядомъ съ **оужика**.

бегоунъ 268, въ Словарѣ Срезневскаго въ значеніи »бѣглецъ« съ примѣрами большею частію не изъ русск. памятниковъ: Исх., Изборн. 1073 г., Григор. Бог., Іоаннъ Мал. Недаромъ оно попало въ »Толкованіе неудобь познав. рѣчей«, житіе Василіи Амал., а потому въ русскомъ оно могло употребляться подъ вліяніемъ памятниковъ древнеславянск. письменности. У Даля — въ значеніи »бѣглецъ« оно отмѣчено, какъ старинное. Но въ чешскомъ *běhoun* и въ значеніи »бродяга« (Ранкъ).

бръвистъ 526, Іоаннъ Малала.

брозда 370, **бръзда** Син. пс., Чудов. пс., Григ. Бог.

велии, **превелии** 252, очень часто употребляется на всемъ протяженіи рукоп. рядомъ съ **великъ**, какъ и **веле-**, **вель-** въ сложеніи съ другими словами. Старшій дублетъ ц.-слав. памятниковъ, **вельдоушь**, 393; ср. *velduchý*.

величити, **величаниѥ** 546, 228, Мар. ев.

владычица 562, Супр.

властелинъ 335, Супр. р., Бол. пс. 637, Яг., Шдн. I. Е. 114 об., Григ. Бог.

властель 400, 519, ср. Шдн. I. Е. 100, 106, Чуд. Пс., Бес. папы Григ.; ср. **властельскъ** Конст. пресв. изъ Ист. Христ. проп. Ант. 255, Чуд. псалт. Какъ видно, это слово первоначально было и у болгаръ (позднѣе оно стало преимущественно сербскимъ). Оттого и такое образованіе какъ **властельникъ**.

власть 433 въ смыслѣ »страна«, ср. Іоан. Е. Шдн. 26 об.

водоточа 466, ср. **водотѣча** Григ. Бог. 124 γ, Супр. 349.

вож(д)ь вм. **игоуменъ** 106. Ветх. Зав., Изб. 1073., Чуд. пс., Григ. Бог.

воискъ 35, 466, Чуд. пс. толков., Бес. папы Григ.

волоуй 64, у Микл. Ветхозав. кн., Бес. папы Григ.

вертоградъ 147, Мар. ев., Жит. Кир. 6.

врачьба 175; какъ у Іоан. Екз. болг. рядомъ съ **лѣчьба** и **цѣльба** въ Шестодн. Ср. у Григ. Богослова рядомъ съ **цѣльба** гораздо чаще, но есть и **лѣчба** 339. Ср. также **бальство**.

Предлогъ **въз-** очень частъ въ сложеніи съ глаголами, что слѣдуетъ сравнить съ его употребленіемъ въ чеш. яз.

възавидѣти 41, 72, Супр.

възбѣсити сѧ 177, уже въ Супр. рук.

възбѣсовати сѧ 466, 469.

възвести сѧ 197, Супр., Остр. ев.; *vzvésti, vzvednouti* употребительно въ древн. чеш. пам. См. у Котта.

възгласити 215, 463, Шиш. ап., Григ. Бог. **на ві д҃ній въздъльго** 521. Ср. у Микл. подъ **възъ**. Ср. чеш. *vzdál* »вдаль«, пол. *wzdłuż*.

въздоити 267, у Срезн. примѣры изъ Библ., мин., Малалы, у Микл. Тріодь. См. въ Жит. Кир.

въздрючати сѧ 449 съ *д*; у Срезн. **възрючати сѧ** Вопр. Кирика.

възиграниѥ 165, ср. **възиграти** Мар. ев.

възимати сѧ 258, Супр., Клоц., Сб. 1073 Ант.; ср. чеш. *vzjímati, vznímati, vzejmouti*.

възѧти сѧ 258, Син. пс., Чуд. пс.

възмиловати 538, у Срезн. пропущ., у Микл. ссылка на Misc

възмутъ »возмущеніе« 240, у Срезн. только изъ Ам. Но уже въ еванг. Мар. и др. **възмѫщениѥ**, **възмѫтити** о водѣ. Ср. Супр., Изб. 1073.

въпросъ 44, Супр., Сб. 1073, Григ. Бог.

въскладати 336, Супр., Круш.; ср. ч. *vzkládati.*

въсклонити сѧ 516, у Срезн. и Микл. нѣтъ примѣра изъ Георг. Ам., въсклонениѥ Син. пс., Чуд. пс., въсклоньнъ 152, нѣтъ у Микл. и Срезн.

въскыпѣти 301, Син. Пс., Чуд. пс.; ср. въскъıпѣние Григ. Бог. 271 *δ*.

въскраиньи 379, Супр., Шдн. I. Е. 68.

въсмѣрдѣти 340, Син. Пс.

въспахати 303, въспахноути 333. Кромѣ Геор. Амар., у Срезн. нѣтъ прим.; пахати сѧ у него же въ рус. ист., но пахати и пахание есть въ Шестодн. Іоан. Екз.

въсписати 222, у Микл. въ Прол. В. и др.

въсписати сѧ 352, 361, безъ примѣровъ у Микл. и Срезн., у котораго есть только въсписаниѥ.

въсписъıвати 62.

въсплакати сѧ 171, Син. Пс., Супр., Изб. 1073, Григ. Бог. 216 *β*.

въстъкноути 408, въстокше 465, у Срезн. нѣтъ, у Микл. въ Супр., Пат., Крушед.

въсоудити сѧ 229, у Микл. и Срезн. съ сѧ примѣровъ нѣтъ, значитъ и данный примѣръ опущенъ, но при въсѫдити у Срезн. примѣръ изъ Судн. Псков. грам., рядомъ однако съ прим. изъ Ѳеод. Студ. съ указ. на посл. къ Евр.

въıспрь вратъ 296, Супр., Клоц., Григ. Наз.

вѣтинскъ 73, съ цѣлымъ рядомъ примѣровъ изъ Изб. 1073, Мин., Стихир. Ср. житіе св. Екат. великомуч. въ двухъ древнихъ югослав. его переводахъ, въ Стих. примѣръ относится къ ней. У Микл. Ант.

вѣтовати 356, у Микл. Окт., Второзак.

вѣщати 461, вѣщавати 70, у Микл. Супр.

веıати сѧ 407, съ сѧ нѣтъ примѣровъ ни у Миклошича, ни у Срезн.; въ болг. *вѣяся* употреб. и о вѣтрѣ и въ значеніи »мотаться« у Герова.

Гароусникъ 343, ср. гароусь Бѣлгр. Прол. № 19 л. 18. Ср. у Миклош.

гворатъ 139, у Миклошича съ примѣромъ только изъ Георг. Ам.; у Срезневскаго со ссылкой на книгу Царствъ. Ошибочно у Истрина II, 232. гворъ у Микл. съ указаніемъ на Шестодневъ I. Е., гворьць Панд. Ант.

глаголъ 57, 115, **глаголати** 518, 538, употребляется, какъ и въ древнѣйшихъ церковно-слав. памятникахъ, помимо Ветхаго и Новаго Завѣта въ Супр., Клоц. и др. Сравни также, что сказано объ этихъ словахъ въ спискѣ чешскихъ параллелей, также въ соединеніи съ предлогами и въ сложеніи съ другими словами. Иногда отдѣльныя мѣста не ясны, напр. на стр. 539, надо ли читать **сиа наглаголы сложити** и понимать въ смыслѣ »наговоры« или же отдѣльно, относя это къ изложенію, что, повидимому, также возможно, если принять во вниманіе примѣры у Гебауера; въ греч. текстѣ стоитъ только *συντάξαντος* безъ существ. См. II. т., стр. 36. **злоглаголъ** 453 напоминаетъ чешскія *zlodruh, zloduch.* Глаголы **длъгоглаголати** 364, **соуглаголати** 497. Сложные съ предлогами **възглаголати** Мар. ев., Супр., Жит. Кир., Шестодн. I. Е. 39 об., **изъглаголати** 458, 368, 397, Чуд. пс. въ текстѣ и толкованіяхъ, Супр., Жит. Кир., Григ. Бог., **наглаголати** 191, у Микл. glag., **проглаголати** 209, Мар. ев., Син. Пс., Супр., Изб. 1073 г., **провъзглаголати** 291, **проглаголанию** 210, **противоуглаголати** 191, Бол. пс., Ефр. Кормч. **предъглаголати** 191, мин. 1096, мин. Вука, Прол. Вука, **прежеглаголати** 59, **съглаголати (сѧ)** 317, 351, ср. Супр., Григ. Бог. 204 *α*. Въ др. пам. встрѣчаемъ: **оуглаголати** Жит. Кир., **заглаголати** Фрейз. Отр., **поглаголати** Фрейз. Отр., Остр. ев., Григ. Бог., **доглаголати** Григ. Бог. 44 *δ*., 46 *γ*, **доглаголевати** 103 *β*, **оглаголовати** 230 *α*, **приглаголати** 364 *δ*, **ѿглаголати** Шест. I. Е. 211. Существ. **изглагольникъ** 52, 308, 440, **наглагольникъ** 497, 440, **высокоглагольникъ** 238. Ср. **глагольникъ** Жит. Кир. 16, Шиш. ап.

глезнъ 189, у Срезн. Малала, Жит. св. сдѣлано сопоставленіе съ чеш. *hlezno, hlezen*; въ памятникахъ древней литер. у Гебауера и въ современномъ языкѣ у Ранка.

гобино 563, Чуд. пс., Супр. рук., Григ. Бог.

голоть 298, Бол. пс., Погод.

голѣнистъ 64, Шестодн. Е.

голѣнь 161, Мар. ев., Супр., Изб. 1073 г.

гонити житие 250, Супр., Клоц., Шиш. ап.

грань 472; у Микл. и Срезн. примѣра изъ Амартола нѣтъ. Ср. чеш. *hrana, hrano* у Гебауера.

дверникъ 317, Мар. ев., Номок., Іоан. Схол.; **единодверница** 532, **двьрьница** Мар. ев.

дидаскалъ 494, **дидаскальствию** 373, ср. **дидаскальство** Бес. папы Григ. Обычно и теперь въ болг. въ формѣ *даскалъ*.

довольньствовати 52 опущено въ спискѣ словъ, которыхъ нѣтъ у Микл. и Срезн., предполагаетъ и сущ. въ родѣ чеш. *dovolenství*, какъ *protivenství* отъ *protiven*.

доил(н)ица 431, Син. Пс.

домыслити домысла 170, ср. домисльно Шест. I. Е. 20 об. Ср. чеш. *důmysl, důmyslný*.

дреколы 385, Мар. ев.

дъждевнъ 56, 546, дождевои S., ср. дъждьвьнъ Син. пс., Чуд. пс., Шдн. I. Е.

доубрава 269, Син. пс., Чуд.

ютеръ 47, на всемъ протяженіи рукописи въ большомъ числѣ примѣровъ, подобно велии, рядомъ съ нѣкоторыи. Также и въ сложеніи: ютеросоущьство 344, етероцвѣтоущее, етеро-прозябша 491.

единовластвовати 467, ср. четвртовластвствовати Мар. ев.

женатець 236, Конст. Пресв.

женима 512, ср. старочеш. *ženima*. Номокан. Іоан. Схол., Сборн. 1073 г.

жеравъ 169, встрѣчается въ русскихъ памятникахъ, но также въ югослав. Обычно въ соврем. болг. и серб. яз.

забытливъ 294, Шиш. ап., Григ. Наз.

заворы завирати 262, ср. чеш. *zavírati, závora*; Суп. 317.

заврѣти 257, ср. *zavříti*.

заздати двери 174, у Миклошича и у Срезн. въ русскихъ, источникахъ, въ Кормч. Мих. Жит. Стеф. Саввы, Мин. Мих., Парем. Троян. пр., въ совр. яз. *зазидати* у сербовъ, *зазидамъ* болг.

заимъ 150, заємъ Син. пс., Чуд., Супр.

заповелѣвати 362, Григ. Бог. Оп. 2, 2, 37.

зарицати 283, ср. болг. *заричамъ, зарека*.

злобию 269, у Срезн. Кн. ветх зав., мин. 1097; Чуд. пс.

злохытрию 71, у Микл. Толк. пс.

знаменовати 359, знаменати Мар. ев., Панд. Ант., Григ. Наз., ср. чеш. *znamenati, znamenávati*.

золъчь 309, злъчь Мар. ев., Син. Пс., Чуд. пс., Супр.,

дозорь 228, Супр., Охрид. ап.

избости 279, Син. Пс.

избыточно 73, Григ. Бог. 533, ср. чеш. *zbytečně, -ný*.

изъвлачати сѧ 179, извлачити Супр.

извѣщ(ев)ати 345, 403, ср. извѣштавати Изб. 1073.

издѣıати моукоу 92, Бол. пс.
изгласити 403, Ефр. Кормч.
измѣна 284, Мар. ев.
измѣнити 381, Син. Пс., Чуд. Пс.
измѣтывати 266, ср. измѣтати въ югосл. ист.
изнести 81, износити 365, Супр., Григ. Наз.
изоумѣниѥ 158, Чуд. пс.
изоумѣти сѧ 538, Супр. 238.
искони 52, 217. Мар. ев. рядомъ съ искрьва.
искрь 185. Постоянно въ значеніи близь.
искрьнь 38, Шестодн. 95, Охр. 31.
искоусы дѣıати 92, Супр., Шестодн.
исполинъ Син. пс., Изб. 1073, Григ. Наз.
испрьва, Супр. 344, Шдн. I. Е. 142, Бол. пс. 657, Клоц., Григ. Бог.
испоустити 39, Супр.
истаıати 154, Син. пс., Мин. 1097, Григ. Наз.
исто—истеса 504, Супр., Григ. Наз., Изб. 1073.
истовати 169. Быт. у Срезн.
истовиѥ 169, Григ. Наз.
истовъ 197, у Срезн. югослав. древн. источн. Григ. Бог. 135 α.
ищисти 243, Мар. ев., Син. пс., Чуд. пс., Болон. пс.
ищистити 167, 299, Мар. ев., Григ. Бог. 136 β.
ищитати 285
каженикъ 193, Мар. ев.
кедра ж. р. 144, Син. пс.
ключимъ 229, Ап., Іоан. Лѣств.
книгъчии 46, Мар. ев.
ковачъ 468 рядомъ съ коузнець, т. е. югосл. и рус.
кокотъ 544, 576, Мар. ев.
копеиничь 542, копиникъ Чуд. пс., Супр.
копотнъ 491, Григ. Бог., *копоть* рус., но и чеш. *kopet*, *kopetný*.
котора 371, которати сѧ, ср. Шдн. I. Е. 266 аб.
котыниѥ 265, Чуд. Пс.
крамола 36, крамолникъ 407.
кровавица 320, Шдн. I. Е.
кровоточивъ 494, 565, ср. Мар. ев.
кромѣ быти 48, 18, Бес. папы Григорія, Григ. Бог. 310. б
кръхти 325, Бес. Іон. Злат. Ср. Ч. 2, 185.

ластовица 169, у I, Е. Бог., у Конст. пресв., Бол. пс., Гомил. Мих., Григ. Бог.

лобнъ 358, лобызати 45, ловитва 400, Мар. ев., Супр., Жит. Кир., въ болг. *ловитба*.

ложница 139, 507, Панд. Ант., Мин. Мих., чеш. *ložnice*, пол. *łożnica*.

льгостыни 230, ср. *lehost, lhostejný* у Гебауера.

лѣторасль 491, Супр. рук., Шестодн. I. Е., Жит. Кир.

лютоводитии 105 (ср. врадоводити у Микл. Шиш. ап.), прилаг., ср. ходитии у Микл. изъ Іоан. Екз. Шдн.

лѣчьба 360, Бог. I. Е. 213, Шдн. 81 об., Григ. Бог., ср. врачьба и цѣльба.

лѧдвїа 498, Син. Пс., сб. 1073, чеш. *ledva, ledvina*.

малъженъ 175, Жит., Кир., Чуд. пс., чеш. *manžel*.

маслинница 261, масланица Чуд. пс.

малъва 418, Супр., Клоц. Жит., Кир.

многочловѣчна землѧ 454, Псалт. Өеод. Вост., Ев. XIV в. о Бдинѣ.

мраморѧнъ 305, Жит. Кир.

мьжати 60, ср. Шестодн. I. Е., Ап. и *мигати*.

мѣдница 515, Супр., Пятикн. Мих., Мин. Мих.

набости сѧ 126, Син. пат., Бѣлгр. прол.

наводити 55, Супр.

наитие 510, ср. Минея 1096, 1097, Мин. Пут. XI в.

надчерны 429, ср. такія прилаг. у Малалы.

надроусь Микл.

напрѧшти лоукъ 93, ср. *napřieci* у Гебауера.

нарочитъ 181, Мар. ев., Син. пс., Супр. рук., Охр. сбр., Григ. Бог.

нарѣчиие 200, 523, Супр.

негодовати 221, негодованию 275, Мар. ев., Син. пс., Чуд. пс., Супр.

неюмь 337 »дикій« вм. неюмьнъ, ср. чеш. *nejemný* и *jemný* у Гебауера. Есть у Микл. и Срезн.

неотвратьнъ 422, ср. *neotvratitelný* у Гебауера.

неотесанъ 139, ср. *neotesaný* у Гебауера.

непомьнити 251, ср. у Срезн. непомьнѣниие изъ Мин., ср. чеш. *nepomnění*.

неправедые 80.

неключимъ 108.

неприложитьскъ 103, ср. чеш. *nepřiležitý* у Гебауера.

неприꙗзнинъ 92, у Истрина по недосмотру въ числѣ словъ, не находящихся у Мик. и Срезн.; неприѣзнь Мар. Ев., Супр., Шишат. ап., неприѩзнинъ Бес. Григ. Вел.

неразмысльнъ 422, ср. *nerozmysl* у Гебауера.

неразоумьствиѥ 254, ср. *nerozum* у Гебауера.

несловиѥ 30, ср. несловесьнъ Супр. рук. и чеш. *neslovesný* у Котта.

ноудити 496, Супр., Клоц., Мар. ев.

ноужнивъ 107, Мар. ев.

ѡбалѧти 238, обалити сѧ, ср. чеш. *obaliti* »обернуть«.

обнажити мечь 526.

об онъ полъ 48, Мар. ев.

обрѣзати 209, Мар. ев.

оброучникъ 349, Шиш. ап.

объдо 384, Супр., Григ. Наз.

огласити 341, Супр.

огрѣбати сѧ 91, Шиш. ап.

огрѣховати сѧ 85, Іоан. Лѣств.

оземствовати 488, оземьствиѥ 365. У Клим. с лов.

оканьнъ 56, въ этой формѣ у Козьмы Пресв., окаанъ Григ. Бог. 307 *а*.

оканьствиѥ 271, у Срезн. Мин. XI. Ник. Панд.

окиꙗнъ 70, Изб. 1073 г., Іоан. Екз. Шестодн.

градъ и окроугы ѥго 373, у Миклошича сопоставлено с чеш. *okruh*, пол. *okrąg*.

олѣи 214, Григ. Наз., Син. Пс.

ороужникъ 333, Супр. у Микл.

въ ѡскрилии 42, надо читать: въ въскрилии *περὶ δὲ τ* *κράσπεδα*. Ср. Мар. ев. въскрилиѥ; оскрилъ м. р. съ др. значенiемъ. У Срезневскаго оскрилиѥ выставлено едвали правильно.

останки 297, Син. пс.

островъ 58, Син., Чуд. пс., Супр., Іоан. Екз.; островит 455, въ чеш. *ostrovitý* у Котта. У Срезн. только изъ Геор. Ам

ѿврещи сѧ 450, Супр.

отрасль 248, Син., Чуд. Пс.

отрещи (-сѧ) 545, Мар. ев., Клоц. Супр.

ѿселити сѧ 571., Микл. Ант., Григ. Бог. 162 б.

ѡтъ 41, имя омеги, у Микл. и Срезн. нѣтъ.

оцтъ 167, Мар. ев., Син., Чуд. пс., Григ. Бог. Вмѣсто него въ русской ред. внесено оуксоусъ 400.

оцѣстити 99, въ значеніи »изгладить« въ Панд. Ант. у Срезневскаго.

пагоуба 218, Син. пс., Бес. Григ. вел., Григ. Бог.

пажить 509, Мар. ев., Син., Супр. 495, Григ. Бог. ср.; спажитьникъ 73, въ чеш. *pažit* общеупотребительно, см. у Котта и Ранка.

перць 479, Жит. Меѳ., ср. пьрьникъ: пьрьници сѫдня Григ. Бог. 94 б.

пиръ 562, Чуд. Пс., Бес. Григ. вел., Слова Григ. Бог., народьскыя пиры Гор. Оп. II, 2, 78.

подклонити 565, Мар. ев., Клоц.

подътвердиѥ 175 *ὑποστήριγμα*, ср. твръдиꙗ, твръжда у Микл. югослав. источн.

подъчрѣвнъ 393, ср. чрѣвьнъ Супр.

попахати, ср. въспахати.

порозъ 180, у Вост.; но Миклош. указываетъ *praz* слов. и серб.

послѣдьствовати 307, Ев. Мар.

пороучникъ 560, Григ. Бог. 102 *γ*.

потроудити сѧ до Константина града 351, ср. Жит. Кир., въ рус. источникахъ у Срезн. нѣтъ.

почьстити 544, Шиш. ап., патер. у Микл.

пошибени 529, ср. у І. Е. въ Шдн. пошибении манихеи л. 125.

примоучити 36, встрѣчается въ русскихъ источникахъ, но также въ книгахъ Ветх. Зав.; ср. чеш. *umučiti,* но и у Гринченка. примѫчениѥ у Григ. Наз.

приснодѣваꙗ 327, любопытно употребленіе старой формы не о Богородицѣ.

приоуза 214, ср. прѣвѫза Григ. Бог. 14 *β*.

правдивьѥ, правдиѥ 87, правьдивьствиѥ 261, праведьѥ 300, неправедьѥ 80 ср., бесправедьѥ Шестодн. І. Е. 133 об.

пробости 189, 363, Мар. ев.

провѣщати 78, Супр.

провѣщавати 47, Ап.

прогласити гласъ 505, Супр., Клоц., Мин. В., Пятикн. Мих., Monum. Serb.

проплакати 571, Пятикн. Мих., Супр.

простъ въ значеніи »прямой« 500, Син. пс., Супр. рук. 112
Шестодн. І. Е. 106.

простыни 277, 488, Шестодн. І. Е., Кир. Іерус., Григ. Бог

противиѥ 572, І. Е., Панд. Ант.

прьвый съвѣтникъ 486, ср. Жит. Кир., Супр. рук.

превоуꙗти 63, ср. обоуꙗти Супр., ср. чеш. *přebujeti* у Котта.

прѣдивити сѧ 555, - диковати сѧ 110, ср. чеш. *předivíti se*

прѣдъпоставити 98, Супр., Шиш. ап.

прѣдъстольникъ 322, ср. чеш. *předstolí*, прѣдъстолиѥ Супр.
Григ. Наз.

прѣдъстѣньница 178, ср. прѣдъстѣниѥ Пѣсн. П. у Микл

прѣдъклѣплюще вѣщаютъ 335, ср. клепати у Ягича въ древнѣйшихъ еванг. текстахъ Мар. Ев.

прѣмножати сѧ 66, чеш. *přemnožiti, -žovati.*

прѣстоꙗти 97, Супр., Клоц.

прѣдъповѣдати 357, чеш. *předpověděti, -vídati.*

преоумити сѧ 165, Кир. Іер.

пречити сѧ 325, 528. Ошибочно стоитъ въ спискѣ словъ не находящихся у Миклошича и Срезневскаго; прѣчаꙗти сѧ ошибочная форма неопред. наклон. Глаголъ стоитъ въ связи съ словами прѣкостивъ, прѣкость, прѣкостьникъ съ примѣрами изъ Георг. Ам.

пта 46, 179, Чуд. пс. и Діоптра у Миклошича.

пьщеваниѥ 83, 125, 327, пьщевати 495, Еванг., Григ. Бог
Оп. 2, 2, 85; ср. непьштевати Мар. ев., Син. Пс.

проужьнъ 297, ср. пржгъ Мар. ев., Син. пс., Григ. Бог. 312

пѧдникъ 49, ср. чеш. *pídimuž, pídimužík* и *pídík* у Котта

поучина 372, Ꙗдриꙗтиньскаꙗ (Козна) поучина 59, 535. Супр.
Шдн. І. Е., Изб. 1073 г., Жит. Кир., Григ. Бог.

развратити слово божиѥ 258, ср. развратити вѣроу, рѣч
въ Пов. врем. лѣт., переясл. л. у Срезн., но и у Козьмы прес

развѣщавати 344, Ап. у Микл. Охр. 19.

раздѣлениѥ доуши и тѣлоу 164, у Срезн. изъ рус. ист. примѣровъ нѣтъ; у Далимила: *dušiu s tělem rozdělichu* (у Котта

разлоучениѥ доуши ѿ тѣла 497, ср. разлѫчаетъ сѧ доуша
тѣлеси Супр. 683.

размыслъ 443; у Срезн. примѣры изъ Григ. Наз. Чет., Ми
Сб. 1076 г. Любопытно, что извѣстное мѣсто изъ житія Меѳодія: ѿ великоты бо и доброты дѣлъ по размыслоу и родите
ихъ моудрьствоуетъ сѧ гл. 1 очень близко подходитъ къ мѣст

изъ Амартола на стр. 65: ѿ величьствиꙗ и красотныꙗ твари беспрѣ творитель видимъ бываєть *ἐκ γὰρ μεγέθους καὶ καλλονῆς κτισμάτων ἀναλόγως ὁ γενεσιουργὸς θεωρεῖται.* Конечно, переводъ, какъ видно, не одинаковъ; но источникъ у автора житія былъ греческій. Ср. чеш. *rozmysl.*

размѣсити 57, Супр.

размѣшениѥ 57, Изб. 1073.

разразити 265, раздразити Супр.

рамѧнъ 393, Шдн. І. Е., Изб. 1073, Григ. Наз., чеш. *náramný.*

разповѣдати 362, Кир. Іерус.

расказъ 249, ср. расказити Супр., Изб. 1073.

распоутьѥ 308, Мар. Ев.

растити 249, ср. Шдн. І. Е. 83 об.

ращитати сѧ 94.

ращисти 285, 310, 317, Жит. Кир. 18.

ратникъ Супр., Изб. 1073., Іоан. Е. Шдн. 63 об., Григ. Бог. 269 *δ.*

рачитель 35.

рачительство 70.

ризнъ 339, Супр., Григ. Бог. 91 *β.*

рогозина 41, 311, Супр. рук., Жит. Сим. св. Саввы.

родословесовати 54, ср. словесовати въ Словахъ Григ. Бог. о семь обштьнѣ словесоуѭщю 84 *δ.* Миклошичъ ссылается на Козьму пресвитера, но у него слѣдуетъ читать: словесе соуꙗ, такое чтеніе дается двумя списками Моск. Духов. Акад. и Погод. Публ. библ., оно даетъ вполнѣ ясный смыслъ: словесе суꙗ не рекутъ, въ Моск. копіи пропущенъ слогъ -се.

росоховатъ 544, ср. чеш. *ro(z)socha, rozsochatý, rozsochovatý* у Котта.

роугъ 564, Супр., Чуд. пс., Кир. Іерус., Шест. І. Е. 84.

рѣчистъ 392, ср. Малала.

рѣꙗти 221, Супр. рук.

рюма (роума у Миклош.) 449, рюмою и рюмомъ шибенъ. Миклошичъ сопоставляетъ съ чеш. *rýma, réma* изъ *ῥεῦμα.*

свости 508, Супр.

свепетати 150, ср. у Миклошича свепити сѧ съ указаніемъ словенск. *svepati.*

свитокъ 566, Син. пс.

сецъ 436, у Микл. сьчь изъ Манас., сьць библ. т.

скоудѣлныи 277, скоудѣльникъ 300, Мар.

снемь 540, Мар. ев., Супр., Клоц.; рѣдко, иначе собор

сноузникъ 567, ср. сънжздьство Григ. Бог. 97 γ., собьство 107

собьствовати 475, Григ. Бог., Изб. 1073 Шестодн. I. Е.

стадьникъ 49, Григ. Бог. 1684., въ чеш. *stádník, stádn*

býk, кūй, также въ болг., но также и въ малор. у Гринченка

сторонь 554, страньскъ 148, Изб. 1073, ср. чеш. *stran, strany*

строптивъ 270, стръпьтивъ въ Син. пс., Чуд. пс.

стоуденьцъ 368, Мар. ев., Син. Пс., въ чеш. имя собств

studenec, studnec »бассейнъ« и обычное слово для холоднаг

источника, колодца *studnice, -čka*; но и у Гринченка: *студе*

ница, въ болг. *студенецъ.*

соуюоумныи 269, ср. Мин. 1096 у Срезн.

сүпрүженинє 236, ср. Изб. 1076, несъпржжиниє Григ. Бог. 75 δ

съвлещи сѧ 431, Супр.

съгласьнъ 561, Супр., Кир.

съгроустити сѧ 471, сгроущати сѧ 485, у Микл. Іоан

Лѣств. Гом. Михан.

съгрысти 401, чеш. *shrýzti.*

съпополъзноути 355.

спроста 98, Шдн. I. Е. 158.

сътискати 361, Супр.

сѣри 297, въ библ. книгахъ.

сѣдальница 412, стоитъ въ связи съ *сѣдална* »каѳизма

Ср. чеш. *sedadlo, sedadlný.*

таймичичь 198, ср. таймичичить Іоан. Лѣствич., Іо. Ма

таль 588, у Срезн. масса примѣровъ изъ русскихъ источ

никовъ, но это слово встрѣчается и въ Ветх. Зав., ср. тальник

Хрон. Манас., Сим. Метафр. 258 об., тальць у него же 236 о

У Зонары тальць 141, тальба въ Алекс., тальчьство у Зонары 14

тимѣниє 238, Син. пс., Бол. пс.

томитель 80, 490, томительство (-ствиє) 72, Супр. ру

165, Шдн. I. Е. 241.

точити кръвь 300, ср. свилоу точить I. Е. Бог. 420.

тристатъ 333, тръстатъ Бол. пс., трьстатъ Пог. пс.

тщаниє 334, Мар. ев.

тѧтива 188, Супр.

тьзъ 563, Григ. Бог. Буд. 38; ср. тьзица Конст. пресв.

тьзоименьнъ Григ. Бог. 55 β, которому аналогію пре

ставляетъ тьзоимѧ 149.

оубальствовати 214, ср. бальство.

оуброусъ 470, Мар. ев.

оувирати 265, ср. чеш. *uvírati*.

оуградити 139, ср. *uhraditi*. У Миклошича и Срезневскаго нѣтъ.

оудесмтьствовати 93. У Микл. и Срезн. нѣтъ; ср. чеш. *udesetniti*.

оудьли сѧ брань 204. У Миклошича и Срезневскаго нѣтъ; ср. чеш. *udliti*.

оужасть 103, 473, Супр. 541, Григ. Бог.

оузда 360, Григ. Бог., Супр. 192; ср. оуздачь, син. брозда.

оукратити 41, Ап. Шиш., Жит. Кир. у Миклошича; чеш. *ukrátiti*.

оукромиѥ 47, Бог. І. Е. 217.

оукромнъ 241.

оумѧ(к)чити (сѧ) 171, 558, Супр., Шдн. І. Е. 102, Григ. Бог.

оупремножити 55, Шиш. ап.

оуразити 55, Супр.

оурѣзати 551, Мар. ев., Супр., обычно въ чеш. яз. *uřezati*.

оурѣснити 381, 512, 513.

оусѣкновенъ 565.

оусѣкноути 215, Мар. ев.

оутѣха 276, Мар. ев., Супр.

оуходьствиѥ 537, ср. оуходъ Супр. »перебѣщикъ, бѣглецъ«, оуходьникъ Крушед. »лазутчикъ«.

хлапъ 478, Супр. 465, ср. болг. *хлапáкъ, хлáпе, хлапенце*. А потому нельзя согласиться съ замѣчаніемъ В. М. Истрина на стр. 278 II тома едва ли можно думать, чтобы южнославянскій переводчикъ употребилъ довольно необычное для него слово »хлапъ«, чеш. *chlap*.

храбръ 41, храборъ 71, Супр., Изб. 1073; храбрьство 72.

христолюбць 376, Шдн. Іоан. Е., Поуч. Клим. св. Кир., Григ. Бог. Оп. 2, 2, 86.

хроустове 297.

цѣльба 145, 253, Супр. 352, Григ. Бог., ср. врачьба, лѣчьба.

чемоу ѥси печаленъ 398. Любопытно у Пушкина въ сказкѣ о царѣ Салтанѣ: *опечалился чему*.

чиститель Григ. Бог., Супр. рук., Изб. 1073, Шдн. 1. 2.

чиститєльскъ 489, **чиститєльство** 528, Григ. Бог. 246 б
-**ствиє** 234. Любопытно, что въ Словахъ Григ. Бог. встрѣчаемъ также: **попъ, прозвитеръ, иереи.**

чрънорнзецъ 564, Сказ. Храбра, Супр.

чреслъ 475, малор. *черес* »поясъ«, въ которомъ носятъ деньги, у Пушкина: *съ червонцами чересъ.* У В. М. это слово опущено въ перечнѣ не вошедшихъ въ словари Микл. и Срезнев.; пол. *trzos.*

въ чьсти имѣти 524, ср. Супр. 288, Клоц.

чадоненавиднъ 179, Гом. Мих.

шаıаниє 280, у Микл. и Срезн. нѣтъ, ср. **ошаıание, ошаıати см** Григ. Бог. Оп. 2, 2, 97.

шибати, шибениє 56 »ударъ«, **шибенъ** 449, 29 »пораженный«, см. **рюма**, и »безумный«, ср. **пошибенъ** Іоан. Екз. Шдн.

ıачьнанъ 191, Остр. ев.

оужика 553, Мар. ев., Супр., Шиш. ап., Син. пс. рядомъ съ **ближика**, Григ. Бог. 36 *а.*

оусѣница 297, ср. болг. *вжсеница.*

оусѣничнъ 297.

Сдѣланныя нами сопоставленія далеко не исчерпываютъ полноты словарнаго матеріала Амартола. Равнымъ образомъ къ сопоставленію нами привлечены далеко не всѣ источники, которыми мы теперь располагаемъ. А потому мы напередъ думаемъ, что количество параллелей, которыя могли бы быть указаны изъ всего богатства памятниковъ церковнославянской въ широкомъ смыслѣ письменности, несомнѣнно увеличится, когда будетъ въ большей степени исчерпанъ изданный и рукописный матеріалъ, когда появится новое изданіе словаря, который бы по примѣру Миклошича Lexicon Palaeoslovenicum включалъ все богатство текстовъ разныхъ редакцій.

Но и изъ того подбора, какой сдѣланъ нами, можно, думается намъ, убѣдиться въ томъ, что словарный запасъ перевода совпадаетъ въ значительной степени съ запасомъ древнѣйшихъ памятниковъ не русскаго происхожденія.

И если принять во вниманіе совокупность другихъ данныхъ, указывающихъ съ одной стороны на моравскую, а съ другой на югославянскую среду, то едва ли можно будетъ оставаться при томъ мнѣніи, что переводъ, совмѣщающій такія черты, могъ появиться на русской почвѣ. Болѣе правдоподобно, что, придя къ намъ съ юга и подвергнувшись ре

дакціонной переработкѣ, онъ получилъ тотъ видъ, въ которомъ мы его знаемъ въ дошедшихъ до насъ исключительно русскихъ спискахъ.

Мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію, насколько можно согласиться съ доказательствами, приведенными въ седьмой главѣ II тома въ пользу того, что переводъ сдѣланъ русскимъ.

Мы остановимся сначала на тѣхъ пунктахъ, которые намъ кажутся не достаточно убѣдительными. Таковы:

1. Полногласіе. В. М. на стр. 278 и самъ признаетъ незначительное количество случаевъ полногласія. А потому можно ли ручаться, что обиходныя слова съ полногласіемъ были непремѣнно въ первоначальномъ переводѣ, а не вошли въ его текстъ позднѣе?

Что касается 2-го пункта, частицы вы- въ сложеніи съ глаголами, то изъ немногихъ словъ, встрѣтившихся въ хроникѣ Георгія Амартола, прежде всего обращаетъ вниманіе: выклонити сѧ въ значеніи »высунуться«, но это слово будетъ чешское: *vykloniti se z okna*, *stromy do druhé zahrady se vyklořují*. Равнымъ образомъ употребляются у чеховъ и другіе глаголы *vyložiti*, *vynieti*, *vyskočiti*, *vysypati*, *vyslati*, *vyhnati*, *vyjíti (vyníti)*. А потому глаголы съ вы- вмѣсто изъ- не могутъ быть приводимы въ доказательство русскаго перевода: они могли быть въ славянскомъ текстѣ, если такой былъ писанъ и чешско-моравскимъ славяниномъ. Такіе глаголы встрѣчаются въ церковнославянскихъ памятникахъ. Въ чешскомъ нѣтъ только глагола выселити, который въ переводѣ замѣняется и другимъ ѿселити; этотъ глаголъ находимъ въ словахъ Григ. Бог. Сравни однако *vysedlý*, *vysednouti*.

Пунктъ 3-й точно также вызываетъ возраженія. В. М. устанавливаетъ для русскихъ текстовъ какъ правило передачу греч. $\mu\beta$ через мб. Онъ ссылается при этомъ и на Дурново, соглашаясь съ нимъ, что мб можетъ указывать на греч. оригиналъ — рѣчь идетъ о переводѣ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ — и на переводъ скорѣе русскій, нежели южнославянскій, и на А. И. Соболевскаго, который называетъ мб позднимъ грецизмомъ, возражая противъ этого и называя это явленіе древнимъ руссизмомъ, перечисливъ рядъ памятниковъ, которые онъ склоненъ считать русскими по яз. перевода, и русскими дѣйствительно: Паломникъ Антонія и Даніила Паломника, онъ противополагаетъ имъ сербскій переводъ Георгія

Амартола, переводъ хроники Зонары, Симеона Логоөета, гдѣ всюду мв. Но если мы заглянемъ въ старшіе тексты, то увидимъ, что въ нихъ $\mu\beta$ передается мб: амбакоумъ Супр. рук изд. Север. стр. 289, 502, висамбонъ 149, декамбра 295, амбакоумъ Григ. Бог. 200 δ, Ѩмбакоумь Ἀμβακουμ нѣсколько разъ въ Чудов. псалт. Въ апост. Охрид. кумбалъ Кульб. 101, амбросию Кульб. стр. 109, 128, и Слѣпч. амбросиꙗ Ильин. стр. 100, амбросиоу стр. 108, амбакоума стр. 99. Въ названіяхъ мѣсяцевъ въ Слѣпч. ап. послѣ ѧ всюду б (а слѣдовательно передача мб, носовой передъ б даетъ рефлексъ м) сектѧ^б Ильин. 91, ноѩбръ 95, декабръ 99, октѧ^б 94.

Въ Охрид. ап. б рядомъ съ в: севтебрѣ Кульб. 85, 99, 100, 109, 127, 129, 130, 135, ѡктевръ 95, ноѩвръ 100, сектеврѣ 105, ѡктебрѣ 104, декебръ 107, ноѩврѣ 121, ноѩбрѣ 122 дважды, 131, декеврѣ 122, ноѩ^б 124, 12 разъ съ б, 5 съ в. Выговоръ очевидно передаютъ формы съ б. Въ Отрывкѣ Еванг. XIII в. Соф. библ. (изд. Jos. Páta v Praze 1915) ѡктѧбрѣ 124, сектѧ^б ib. Въ Жит. Меө. симболъ 1. Въ Шишатов. апост. септембрь, ѡктебрь, ноюмбрь, декебрь, амьбросиꙗ.

Въ Врачанскомъ еванг. изд. Цонева (София 1914) сектѧ^б 190, ноѧбръ 200, октѧ^б ib. три раза и два раза съ в: на стр. 196 и 200; декѧ^б 206, амьбросиа 202. Въ Тырнов. ев. ноѧмбрь, октѧ^б амбросиꙗ. И вообще, надо сказать, въ старшихъ текстахъ находимъ передачу греческаго выговора въ большинствѣ случаевъ; но иногда сохраняется в, что объясняется обычнымъ значеніемъ этой буквы, какъ v.

Передавалось черезъ б и греческое π въ сочетаніи $\mu\pi$. Въ Тырнов. еванг. анембодиста Тихановъ Терн. мѣсяц. 5 ламбада 14, рядомъ съ евлампиа 4, евламбиа Карп. ев. Обз. звук. и форм. особ. болг. яз., анембодиста Псалт. Тихонр. ib. Всѣ эти случаи представляютъ аналогію съ передачей нт черезъ нд и см черезъ зм: панделеимона Тырн. ев., козмы ib., змарагдъ ib. о андисохиска^г ib. рядомъ съ другими примѣрами, гдѣ нт и см удерживается. Сравни примѣры, приведенные нами въ Обзорѣ на стр. 86 и 84.

Въ виду всего этого никоимъ образомъ нельзя согласиться съ устанавливаемымъ В. М. Истринымъ правиломъ

»въ памятникахъ русскаго происхожденія мб = $\mu\beta$ будетъ объясняться вліяніемъ церковнославянскаго языка, а употребленіе въ памятникѣ мб будетъ служить однимъ изъ доказательствъ его русскаго происхожденія« II (стр. 281.).

Относительно 5 пункта, т. е. глоссъ, замѣтимъ, что и въ переводныхъ текстахъ, явившихся на славянскомъ югѣ, онѣ были обычны. И въ Богословіи, и въ Шестодневѣ Іоанна екзарха болгарскаго можно указать цѣлый рядъ примѣровъ. Напр. хоумомъ рекше изливомъ 192 изд. Бод. Бог. и обратно: и изливи, рекше хоуми 181, просфоура бо сѧ речеть елиньскы приносъ 279, оукромь сирѣчь себѣ ѥсть 79, епиоусинъ елиньскы речетьсѧ или придоущии, еже есть грѩдоущаго вѣка, или ѥже есть на съблюденье соущьства нашего приемлемо 248, планиты, рекше плавающеѥ Шдн. 113 об., фони бо, рекше фонисоу, ѥже се речетъ на словѣньско ωбращьше свѣт^{s} 8моу 22, саваωѳъ, рекше господъ воинъ 44, подобоѥма, рек^{c}ше двьрникома 45 об., въ дроугыхъ трехъ кентрѣхъ, рек^{s}ше въ животѣхъ соуще звѣзды 136 об., годноѥ, рек^{s}ше лѣтноѥ шестьѥ 33 об., ан^{c}тилию, ѥже се рекоутъ намѣстиꙗ слънъчьнаꙗ 148, иконоу рек^{c}ше ωбразъ 159, вар, номсъ, ѥже ѥ законъ 194 об., цръкы, ѥже се речетъ съборъ 202, име ѥмоу (чловѣкоу) ѥсть инатропосъ се име сказаѥ речетъ се ан^{s}трофосъ, ѥже ѥстъ горѣ зьреи 226, иниѥ, ѥже ѥ тылъ 227, скраниѥ, ѥже ѥсть лобъ ib., пръвии ѿ фесикъ, ѥже соутъ ѥстьствьници нарѣковаше се 227 об., оуховнаꙗ же ѥсть честь знаѥма, ѥже ѥ грьчьскыи ловоса, а словѣньскыи краи оушесе 229, паче же химосомъ, ѥже соутъ соци въсего обоща 232 об., ипероа словетъ ѥлиньскы, ѥже се речетъ горница ib., приѥзычница, ѥже ѥстъ лалока ib., въ велицѣмъ чрѣвеси зовомоѥ же прѣпоꙗсаниѥ, рекьше прѣграда торачьскаꙗ 235, отъ торакъ, нѣсколько разъ названное выше; френесъ, рекше мысли ib., не ѿ четырь вещьныхъ начелъ, рекьше стоухии 236 об., разоумѣи ты како ти геωметриѥ, ѥже ѥстъ земемѣриѥ 188, зодиѥ ѥже се речетъ животъ 139, ѥпанафора, рекше възносиꙑи 129 об.

Нѣсколько примѣровъ можно указать въ житіяхъ Кирилла и Меѳодія: Софьꙗ сирѣчь моудрость Ж. К., строитель иже нарицаѥть сѧ логофеть ib., мьши, рекше слоужьбѣ М., номоканонъ, рекше законоу правило ib., коупетрою, рекъше ꙗтръвью ib., свѧтыи символъ, ѥже ѥстъ вѣроуѭ въ единъ богъ.

У Константина пресвитера: примѣмь христа въ кораблихъ

нашихъ, сирѣчь въ доушахъ нашихъ. Изъ Ист. Христ. Проп. Ант стр. 223 въ добавленіи къ переводной бесѣдѣ.

Какъ можно видѣть, эти глоссы мало отличаются отъ тѣхъ какія находимъ въ переводѣ Амартола. Въ однихъ изъ нихъ дается объясненіе греческаго слова славянскимъ, иногда на оборотъ сначала стоитъ славянское слово и за нимъ слѣдуетъ греческое. Есть глоссы, въ которыхъ одно славянское слово поясняется другимъ. И въ нихъ, хотя онѣ предназначалис для читателей югославянскихъ близкихъ Греціи странъ встрѣ чаемъ поясненія не только менѣе обычныхъ словъ, специаль ныхъ терминовъ, но и словъ, какъ можно было бы думать многимъ знакомыхъ, каковы напр. **икона, номосъ, просфора символъ, софиıа.**

Приведенные примѣры не позволяютъ согласиться съ тѣмъ что сказано на стр. 288 II т.: »еслибы надо было выбират между славянскимъ югомъ и Русью, то скорѣе можно думать что такой характеръ перевода указываетъ именно на русскую среду, а не на южнославянскую. Глоссы вызывались тѣмъ что многія греческія слова, особенно техническія, не был извѣстны тѣмъ, для кого предназначались обѣ хроники. Н славянскомъ же югѣ греческій языкъ былъ достаточно из вѣстенъ, настолько, что можно было обходиться безъ ком ментаріевъ, т. е. безъ глоссъ. Болгары находились въ постоян ныхъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ греками, и болгар переводчики не считали нужнымъ комментировать какое ни будь *ἔμβολος* по той причинѣ, что предполагали это слов хорошо знакомымъ грамотному читателю. Иное дѣло было н Руси, гдѣ непосредственнаго знакомства съ греческимъ язы комъ, а тѣмъ болѣе съ греческой обстановкой, не было; по этому переводчики и считали необходимымъ иныя слова под вергать комментаріямъ«.

Относительно нѣкоторыхъ глоссъ можно было бы сдѣлат иное замѣчаніе, почему иногда даются глоссы къ такимъ сло вамъ, какъ *евангеліе, дьяконъ, Неаполь, митрополья,* или почему напр., удержано греч. *ἔαρ* вмѣсто перевода его словомъ **весн** Всѣ эти слова одни хорошо были извѣстны изъ церковно практики, другія очень простыя и употребительныя, не пред ставляющія затрудненія! А между тѣмъ оставлены безъ объяс ненія слова гораздо болѣе трудныя, напр.: **агоуртикинскъ аргальскъ, мьтьрси** (метарси).

В. М. Истринъ находитъ, что глоссы Амартола носятъ такой характеръ, который свидѣтельствуетъ о томъ, что онѣ сдѣланы русскимъ. Изъ большого числа глоссъ однако немногія могутъ быть привлечены для разрѣшенія вопроса о народности переводчика. Русскими В. М. Истринъ считаетъ именины *Βρουμάλια*, ѡлѫдь *τριῆρος*, съ этимъ можно согласиться; но двѣ другія дьıчьць *ἀναγνώστης* и повозньıи *δημόσιος* нельзя считать исключительно русскими: первое слово, какъ нами указано, встрѣчается и въ югослав. источникахъ, второе можетъ принадлежать и славянину западно-славянскаго происхожденія. В. М. придаетъ значеніе тому, что въ одной фразѣ съ повозньıи встрѣчается другое русское слово окорокы. Любопытно, что этотъ примѣръ изъ Амартола не вошелъ и въ словарь Срезневскаго, самое слово окорокъ въ немъ есть съ единственнымъ примѣромъ изъ уставной грамоты владимирскаго уѣзда 1537 г. въ значеніи »окорокъ мяса«. А между тѣмъ иначе у Срезневскаго много словъ извлечено изъ Георгія Амартола, и этотъ примѣръ съ полногласіемъ, конечно надо было занести, какъ примѣръ изъ памятника. Но любопытно, что выраженіе глаголъ, которое въ этой глоссѣ, какъ выше нами указано, принадлежитъ чешскому языку, какъ равнымъ образомъ въ чешскомъ языкѣ есть и *povozný*, лишаетъ безусловной доказательности слово окорокы. Въ чеш. яз. есть глаголъ *o(b)kročiti* »сѣсть верхомъ« и нарѣчія *o(b)kročmo*, *-mě* *o(b)krokem* »верхомъ, раздвинувши ноги«, а потому окорокы можетъ быть разсматриваемо, какъ замѣна чешской формы русской, относящаяся къ произведенной русскимъ редакторомъ обработкѣ первоначального текста перевода Георгія Амартола. Въ фразу, полностью написанную западнымъ славяниномъ, вставлена русская форма.

Такъ точно и глосса седмиць рекше недѣли нашьскы не можетъ быть объясняема исключительно въ смыслѣ: »а по нашему«, т. е. по русскому, хотя бы уже по одному тому, что ни въ современномъ нашемъ языкѣ нѣтъ этого выраженія, ни въ русскихъ памятникахъ его не встрѣчаемъ. У Срезневскаго приведены только два примѣра нарѣчія нашьскы, одинъ изъ Изб. 1073 г. и другой эта именно глосса изъ Амартола. Въ современномъ болг. яз. его нѣтъ, но оно есть въ сербскомъ. Какъ прилаг. нашьскъ находимъ у Миклошича и Срезневскаго въ нѣсколькихъ примѣрахъ изъ Изборн. 1073 г. Это прилаг

есть и въ чешскомъ яз. въ Моравіи, ср. выше списокъ словъ съ чешскими параллелями. Въ дополненіе прибавимъ, что какъ въ сербскомъ яз. рядомъ съ *нашки* есть и нарѣчіе *нашински*, такъ и въ чешскомъ, рядомъ съ *našky* есть и *našinský* у словаковъ въ словарѣ Палковича. Тамъ же *našinec* съ замѣчаніемъ »лучше, чѣмъ *našina, -y*« а это слово есть у Котта рядомъ съ *našat, i* ж. р. и *našet'* ж. р. въ значеніи »наши«, выраженія, употребительныя у словаковъ; *našinský* находимъ у Палацкаго, Коллара и Ираска, у послѣдняго какъ разъ *mluvit po našinsky*, т. е. въ томъ именно значеніи какъ нашьскы у Амартола. Значитъ только не сохранилась эта старая форма, которая, едва ли можно въ томъ сомнѣваться, могла быть въ древней письменности, хотя и не отмѣчена въ источникахъ. Кромѣ этихъ словъ, у Котта есть еще *našinka* какъ имя ж. р. къ *našinec* съ ссылкой на Коларжа Рус. грам. и Obzor, журн. у словаковъ. *Našina, našinec, našinci* и *našinský* находятся у Ранка, *našinec* и *našinský* »нашъ землякъ, изъ нашихъ« у Мичатка въ Слов. Словарѣ, и у него же *naššký* »простой, ведущій себя по нашему«. У Котта есть еще и *našinstvo*. Какъ видно, и до сихъ поръ эти слова наиболѣе въ употребленіи у чеховъ, и у нихъ особенно въ Моравіи и у словаковъ. Но также и у болгаръ: *нашенецъ, -нци, нашенка, нашенско* »наши мѣста«, *нашенски* прил. у Герова, *нашенски* въ Дам. Тих. конца XVII в. въ слов. къ Обзору. А между тѣмъ у насъ ни въ русскомъ, или въ малорусскомъ, ни въ памятникахъ, ни въ живомъ яз. этихъ словъ нѣтъ. Что касается малорусскаго, то ихъ нѣтъ у Гринченка, но у Огоновскаго есть *нашина, нашиньский* и *наський*, однако со ссылками на Галичанина и Шашкевича, а потому можетъ быть вопросъ, не подъ вліяніемъ ли сосѣднихъ словаковъ.

Что касается поясненія къ слову седмица, которое изъ старыхъ источниковъ встрѣчается въ Изб. 1073 г., у Григ. Назіанз., въ Пятикн., Тріоди, Патер. у Миклошича, въ Бог. Дам. I. Екз., то особенно любопытно, что у Срезн. изъ послѣдняго какъ разъ приведенъ примѣръ: седмицоу, рекше недѣлю. И это нисколько не удивительно, потому что слово недѣлꙗ въ этомъ значеніи есть у Микл. въ Супр. рук., въ Остр. ев., у Срезн. въ Остр. ев., Второз., Ефр. Кормч., Син. патер., Панд. Ант.; дважди въ недѣли Супр. 528, ꙁ҃ днен оучини недѣли Бол. Пс. 606 изд. Ягича. Очень любопытенъ примѣръ

въ словахъ Григорія Богослова: овъ въ недѣлю (т. е. воскресенье) и въ свѧтыѧ дьни (т. е. въ праздники) дѣлаеть, прибытъкъ себѣ творѧ своѭ погыбѣлъ, да елико вьсею недѣлюю (т. е. во всю недѣлю) съдѣлають, тѣмь дьньмь погоубить. Здѣсь слово недѣлꙗ употреблено въ двухъ значеніяхъ и въ последнемъ случаѣ въ значеніи именно недѣли. А это мѣсто важно потому, что представляетъ вставку переводчика славянина, для котораго, отсюда ясно, своимъ было именно это слово, а не книжное седмица. Значитъ, глосса могла быть сдѣлана не только русскимъ, но и на слав. югѣ. Она могла быть сдѣлана и моравскимъ славяниномъ: въ житіи св. Кирилла читаемъ: ѿ недѣль до христа игоумена, а это памятникъ Моравскаго происхожденія. А въ чешскомъ яз. точно также употребительно *neděle* въ значеніи не только воскресенія, но и недѣли съ многими примѣрами у Гебауера. Отмѣчено въ словаряхъ и *sedmice* у Ранка какъ церковное при *týden*, у Палковича *sedmička*. Значитъ, опять таки и моравскій славянинъ могъ сдѣлать подобную глоссу, поясняя одно слово менѣе употребительное другимъ болѣе употребительнымъ. Интересно, что у Ранка есть *sedminedělní*.

О глоссѣ свлакъ подробно сказано выше въ спискѣ чешскихъ параллелей.

Глосса, въ которой стоитъ слово ковригъ, сравни выше, могла быть сдѣлана и на слав. югѣ, гдѣ это слово муж. р. Глосса къ *Νέα Πόλις* первоначально могла быть новыи градъ, а въ городъ передѣлана русскимъ редакторомъ. Тоже можно сказать и о глоссѣ къ Ликаоняне.

Но особенно бросается въ глаза глосса сирины рекше вилы: Южнославянское ея происхожденіе очевидно. Что касается передачи греческаго имени Θессалоники словомъ Селунь, то такое соображеніе, что болгары хорошо знали, что Θессалоники — Солунь, не можетъ быть убѣдительно, потому что, какъ выше было упомянуто, глоссы присоединяются и въ другихъ случаяхъ къ словамъ, которыхъ значеніе очень хорошо извѣстно и въ глоссѣ не нуждалось.

Что касается 3 пункта передачи имени Магомета черезъ Бохмитъ, позволяемъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Во первыхъ, въ варіантахъ изъ рук. Пб. на стр. 449 дважды находимъ моамедъ и моамедꙋ и на стр. 450 также дважды моамедѡ и моамеда и въ то же время на стр. 449 уцѣлѣлъ ж.

Можетъ естественно возникать соображеніе, не слѣдуетъ ли въ этомъ видѣть указаніе, что въ идущемъ съ юга юсовомъ спискѣ Амартола было имя Магометъ въ той или другой формѣ. Съ другой стороны, можемъ привести изъ берлинскаго юсоваго сборника XIII в. примѣръ употребленія формы Бохмитъ: аще кто въ бл'гарѣхь бѫдеть въ бохмытѣхь (напечатано л вмѣсто х, быть можетъ такъ и въ рук., если не опечатка) христиꙗнынь волеѫ вьстѫпить вь бохмытьскѫѫ вѣрѫ. И это вполнѣ понятно, если принять во вниманіе родство болгаръ завоевателей балканскаго полуострова съ волжскими болгарами. Но еще важнѣе то, что и въ Похв. Словѣ Кир. и Меѳ. читаемъ: Бохъмитовы блѧди (стр. 20 нашего изд. по рук. XII в.).

Что касается 11-го пункта списка русскихъ словъ на стр. 298—305, то его придется убавить.

Болѣсть могло смѣнить болѣзнь и на славянскомъ югѣ, ср. болг. *болест,* серб. *болест,* и въ трудѣ западнаго славянина, У Гебауера большое число примѣровъ *bolest* въ древнечешскомъ словарѣ.

Бронистьць слово неясное, могло бы быть объяснено, какъ и главатець отъ главатъ, женатецъ отъ женатъ, еслибы подтверждалось прилаг. бронистъ, но въ словаряхъ такого прилаг. налицо нѣтъ. Доказательствъ русскаго его происхожденія В. М. Истринъ не приводитъ. Однако заслуживаетъ вниманія у Даля *бронистый* объ овсѣ; быть можетъ это прилаг., примѣненное къ бронѣ, объясняетъ образованное отъ него существительное.

Быль должно быть исключено уже потому, что встрѣтилось и въ Супр. рук.; перечень словъ на стр. 298 въ примѣчаніи не характеренъ, исключая одного слова — кощага: это слово отмѣчено Далемъ и вѣроятно на основаніи объясненія Даля, у котораго есть указаніе, что это слово старое, указано его значеніе и у Срезневскаго, однако безъ примѣра.

Для слова дроужина не лишне отмѣтить примѣръ: и прѣдасть и ѡтьць его прѣстоати цареви сь дроужиною своюю, и видѣ его царь велми красна паче всѣхь дроужинь его. Слово о благов. рожд. Димитр. Солун. Хлуд. 162.

Что касается дружити »быть дружкой«, то сущ. *družba* и въ чеш. яз. имѣетъ значеніе »сватъ при сватьбѣ«. См. въ Слов. Гебауера.

Дыачьць встрѣчается и въ югослав. источникахъ: аще кто дѣтищь сын или вь мирьсцѣмь или въ мнишьскомь чинѣ или днıачьць растлить се ѿ коего моужа № 241 Хиланд. мон. 56

Заступъ, земьць, изрѧдити (чеш. *zříditi*) встрѣчаются и въ чеш. яз. Точно также для слова комоница въ чешскомъ есть слова *komoň, komonicě* названіе растенія, *komonka* также раст., *komonník* въ значеніи »сатрапъ«, *komonný, komonně*, нар., *komonstvo* собир. »кони« и »zástup jízdných, конница«. Въ польскомъ *komonica* назв. раст. и »неплодная самка«, *komoniczka* уменьш., *komoniczny, komoniczy, komonik, komonnik, komonny, komonnie, konno*. Вь нашемъ рус. указаны *комонница* »безплодная кобыла и кобылица«, въ Акад. слов. при этомъ отмѣч. цсл. комоница, конечно, можно думать, потому, что хроника Георгія Амарт., изъ которой одной примѣры и у Миклошича изъ Востокова и у Срезневскаго, считается памятникомъ цслав. письменности и комонь также съ приведеніемъ отмѣты цсл. и со ссылкой н ачеш. *komoň*, какъ и у Срезневскаго. У Гринченка *комонь, комонний, комонник, комонниця* раст., *комонно* »конно«. Значитъ, исключительно русскимъ слово это въ Амарт. считаться не можетъ.

Что касается ловы дѣıати, то у Миклошича приведено это выраженіе со ссылкой на Кормчую Михановича.

Подъ словомъ нагокорити В. М. Истринъ замѣтилъ, что въ значеніи »наклеветать« этотъ глаголъ, какъ и наглаголати, отмѣчается въ русскихъ памятникахъ къ сожаленію безъ указанія, гдѣ и кѣмъ. У Срезневскаго ни того, ни другого глагола нѣтъ. У Миклошича при второмъ изъ нихъ ссылка на глаголич. источникъ безъ точнаго указанія, а намълвити у Срезневскаго стоитъ съ значеніемъ »подговорить«.

Накупь у Миклошича указано въ минеѣ Михановича. Сравни у него же навкоупь у Шаф. въ Památkách hlaholského písemnictví.

Слово недѣлѧ встрѣчается въ томъ же значеніи и въ болгарскомъ и въ сербскомъ яз. и въ сравненіи съ седмица болѣе народнаго характера. Оттого оно именно стоитъ въ выраженіяхъ, передающихъ важнѣйшія въ году недѣли, какъ въ кругу церковнаго года, такъ и въ быту.

О словѣ окорокы сказано при глоссахъ. О словѣ орь въ спискѣ чешскихъ параллелей.

поплашити сѧ 112 встрѣчается и въ югославянскихъ источникахъ. У Миклошича приведенъ примѣръ изъ Monum. Serbica.

Мы можемъ прибавить еще одинъ: **вьсегда ходешти прѣдь мною поплашаеши ми звѣрь.** Вьпр. Іоуса. Star. IV. 71. А потому и это слово нельзя считать исключительно русскимъ. На стр. 303 ошибочно отмѣчено, что оно Миклошичу неизвѣстно. **скрипаниѥ** есть и въ чеш. яз. *skřípání,* оттого не можетъ быть причисляемо къ отличительнымъ русскимъ словамъ.

Даже такое слово какъ **сѣни** употребляется и въ чешскомъ яз., напр., *široké sieni* (Spisy Jana Husi, изд. Эрбена 2, 226). Если слово *úděl* и употребляется у новыхъ писателей Верхлицкаго и Шаф., у послѣдняго въ смыслѣ княжескаго удѣла подъ русскимъ вліяніемъ, то **оудѣлити**, не находящееся у Миклошича и Срезневскаго, есть у Іоанна Екзарха въ Шестодневѣ: **своѥ комоуждо ѥсть честь оудѣлена врѣменъ** 113 об., а потому и употребленіе **оудѣлъ** въ смыслѣ *μερίς* не было бы странно въ югослав. текстѣ. Ср. чеш. *uděliti* Evang. sv. Mat.

О словѣ **хортица** смотри въ спискѣ чешскихъ параллелей.

Что касается **вѣно** и **вѣче**, то оба эти слова есть въ чешскомъ яз. въ наибольшемъ употребленіи: *věno, věnko, věneček*, *věnní, věniti, věnovati* съ огромнымъ числомъ примѣровъ у Котта. Также и *viece* »concilium« Псалт. Вит. у Котта.

Наиболѣе характерными русскими словами изъ этого списка будутъ: **гридь, гридити, корста, мовьница, оладь, пуща, сланиатисѧ, одвериѥ,** (**ловы дѣяти**), **кубара, дроужина**; для **вѣдунья** можетъ быть указано *вѣда* у Герова въ смыслѣ »колдунья« и любопытно, что то же слово *věda* есть и въ чешскомъ. Конечно и другія слова этого списка могли быть внесены въ первоначальный текстъ русскимъ редакторомъ, какъ и рядъ другихъ словъ, въ этотъ списокъ не внесенныхъ. Такія слова есть въ дошедшемъ до насъ текстѣ памятника.

Русскому редактору, конечно, принадлежатъ полногласныя формы, онѣ могли быть подбавляемы и переписчиками. Ему же всего вѣроятнѣе принадлежитъ и проведеніе окончанія **-ичъ** въ отчествѣ. В. М. Истринъ отмѣчаетъ такіе случаи изрѣдка въ Александріи, въ хроникѣ Малалы, но только въ переводѣ Георгія Амартола эта особенность находится въ такомъ большомъ числѣ примѣровъ. Это окончаніе могло бы быть въ сербскаго происхожденія рукописи; но въ данномъ случаѣ нельзя думать объ участіи серба. Зато интересно, что въ Виттнб. Псалтыри въ 82 псалмѣ 7 стихъ читается: *sta-*

nowe ydumsczy a ysmahelytowsczy: Moab agareinowiczy, передающее *ἀγαρηνοί* греческаго текста. Но такой примѣръ является единичнымъ.

Только русскому редактору принадлежатъ отчества женскихъ именъ: Єоудокиею Иеросовною, Євдокиею Декаполитовною стр. 564.

Весьма возможно, что имя »варяжскій« для передачи имени *φράγγοι*, обозначеніе скиѳовъ козарами принадлежатъ тому же редактору; внѣ сомнѣнія, онъ воспользовался словомъ Судъ для передачи греческаго Босфора, онъ внесъ имена Аскольда и Дира.

Интересной особенностью перевода Амартола является повтореніе предлоговъ, свойственное народному языку. Это обычно въ языкѣ грамотъ, юридическихъ документовъ, лѣтописи, однимъ словомъ въ такихъ памятникахъ, которые болѣе сохраняютъ народный языкъ въ его чистотѣ и характерныхъ особенностяхъ. Это почти никогда не встрѣчается въ памятникахъ переводной церковной письменности. Но хроники, какъ историческіе памятники, наиболѣе близкіе къ лѣтописи, легче могли быть свободнѣе во внесеніи въ языкъ перевода народныхъ особенностей. Вотъ эти примѣры: къ слоубоу къ непрѣчл҃вкоуоумоу 126, къ Єлеманьтоу къ прьвосовѣтникоу 472, въ ц҃рвь въ шатеръ вше^д 487, в келицинѣ въ ѡбитѣли мимоходнѣи 516, в лодьицоу в малу 537, на мѣстѣ на нарицаемѣмь Зоголоилѣ 521, ѿ своего ѿчьствиа ѿ армѣниа 564, с патриархом с Феѡфилактомъ 569, оу примоста оу Пигінаго 562, Большая часть примѣровъ приходится на списокъ XV в., но первый примѣръ относится къ Троицкому списку, а потому можно думать, что эта особенность была уже въ первоначальномъ текстѣ перевода.

Изрѣдка повтореніе предлоговъ наблюдается и въ древнѣйшихъ произведеніяхъ славянской письменности. Въ Супр. рук. на стр. 343 вь великъıи въ понедѣльникъ. У Іоанна Екзарха болгарскаго въ Шестодневѣ на об. л. 40: по плещема по не^с бнъıма. Въ Бѣлгр. Нар. библ. Прол. № 27 вь таины оудь вь дѣтородныи 84 об., вь ѡдеждоу вь женьскоую 106 об.

Любопытно, что въ чешской письменности нерѣдко встрѣчаемъ эту черту. И даже въ переводѣ евангелія: *k nam ke wssiem, ku czlowieku k hospodarzowi; na horu na gednu, na*

oslsiku na mladem; o wssiech o takich, o dny o tom; pro nycz pro gyneho, pro to pro wssieczko, w Jeruzalemie w chramie w zidowskem, z welike z sswe pychy. Можно прибавить еще примѣръ на стр. 31 *w giehozto buocze w swatem.* Смотри Evangelium sv. Matouše s homiliemi (v Praze 1913) съ приложеніемъ къ тексту обстоятельнаго словаря.

И у чешскихъ писателей встрѣчаемъ эту черту. Напр., у Яна Гуса *pro ny pro hřiešné* изд. Erben'a II 87, *s nimi s kajícími* 278, *od koho od jiného* 329.

Изъ другихъ хроникъ такіе примѣры часты въ переводѣ Зонары: въ χевро́н въ град іоꙋ́дов л. 47, къ лю́дем своим къ страж-нікѡм 201 об., ѿ се́стры ѻнѡ́рієвы ѿ плакі́діє 284, съ сном своим съ тітѡм 190 об., съ воево́дою своим съ фавіємь 223 об., съ зѣтом своим съ лꙋкінієм 269, съ дрꙋ́гѡм своим съ ѳеѡтідієм 333 об., съ же́нок своею̀ съ єꙋдѡкією 311., за дъщерь за фа́вьстꙋ 266 об., съ дрꙋ-жиною своею съ римляны 325 об., оу дрꙋ́га своего́ ꙋ гамаліила 96, въ ѿчьство свое́ въ прꙋсідꙋ 112, о ієрсѡлімѣ о ѿчьствѣ моем 118, къ клеѡпа́трѣ къ женѣ цр҃а димитріа 145, къ бра́тꙋ єго̀ къ фе-ро́рѣ 157, къ сестрѣ єго̀ къ ірѡдіадѣ 179, съ тъстом ірѡдвѣмь съ ареѳою 178, къ кне́зꙋ сгріискомꙋ къ ꙋите́лію 177.

Если согласиться съ В. М. Истринымъ, что тому лицу, на которое онъ смотритъ какъ на русскаго переводчика Амартола, а мы какъ на русскаго редактора ранѣе сдѣланнаго перевода, хорошо были извѣстны княжескій бытъ и военная обстановка, то и народныя черты внесенныхъ имъ въ первоначальный текстъ перемѣнъ скорѣе всего могли бы склонять къ тому, что онъ былъ княжескимъ дружинникомъ, человѣкомъ образованнымъ, знавшимъ греческій языкъ. Можно полностью согласиться съ В. М. Истринымъ, что его трудъ всего скорѣе относится ко времени оживленія книжной дѣятельности при Ярославѣ, начиная съ 1037 г., когда къ намъ были привезены греками различныя рукописи. Между такими, помимо многихъ другихъ, вполнѣ естественно было оказаться и греческимъ хроникамъ и въ такомъ случаѣ не исключалась бы возмож-

ность, что при своемъ трудѣ русскій редакторъ могъ иногда пользоваться и греческимъ текстомъ.

Нельзя сомнѣваться и въ томъ, что переводчикъ принадлежалъ къ южноруссамъ. Въ словахъ, которыя объясняются изъ русскаго языка, совпаденія чаще приходятся на долю малорусскаго словаря, что нисколько не удивительно для того времени, когда наиболѣе оживленная книжная дѣятельность происходила у нас на югѣ.

Ленинградъ.

П. А. Лавровъ.

Die Bedeutung der Reformation und Gegenreformation für das geistige Leben der Südslaven.

(Fortsetzung.)

III.

Die kulturellen Wirkungen der Gegenreformation auf die Kroaten, Serben und Bulgaren. Der Panslavist Jurij Križanić.

Die Reformation wurde in Istrien, wo sie am meisten Verbreitung fand, und Dalmatien, wo sie namentlich in den Städten mit der auch bei den Südslaven zu konstatierenden Neigung zum Calvinismus starke Wurzeln faßte, von den österreichischen Erzherzogen, der Republik Venedig und den kirchlichen Würdenträgern unterdrückt, in den von der Türkenherrschaft freigebliebenen Resten Kroatiens aber durch die Bischöfe von Zagreb (Agram),[1]) die Banusse und den Landtag, dessen Beschlüsse aus den J. 1605 und 1609 im Gegensatz zu Ungarn in Kroatien und Slavonien keine andere Religion als die römisch-katholische gelten ließen; das hatte auch seine politischen Gründe, da man auf diese Weise die Deutschen, welche die autonomen Rechte des Landes bedrohten, fernhalten wollte In der Zagreber Diözese wurde sogar ein kroatisches Privilegium beseitigt: die slavische Liturgie, der man noch auf der Synode von Zagreb im J. 1570 eine Verbeugung machte,[2]) geriet wegen der protestantischen glagolitischen Drucke, auf welche Stefan Consul und Anton Dalmatin das Hauptgewicht legten, in den

[1]) Georg Drašković (Bischof 1563—1578), der als Vertreter des Kaisers Ferdinand an dem Konzil von Trient teilnahm, begann gleich nach seiner Rückkehr di Beschlüsse desselben durchzuführen. Seine Synoden (1570, 1574) organisierten un vollendenten den Kampf gegen die Anhänger Luthers und Calvins, was bei de Slovenen Patriarch Francesco Barbaro und Bischof Hren (Chrön) erst nach Jahrzehnten durchsetzten. V. Klaić, Monumenta spect. historiam Slavorum merid XXXI, S. XI—XII; J. Barlè, Naše diecezanske sinode, Zagreb 1913; Carniol N. F. 4 (1915), 158.

[2]) Eine (oder die?) Messe wurde in „croatica lingua“ gelesen. J. Barlè, o. c. 1

Verdacht der Haeresie und zu deren Vernichtung wurde gerade auf Betreiben des Papstes Urban VIII., der sonst so viel für den slavischen Ritus tat, um die orthodoxen Slaven zu gewinnen, auf einer Diözesensynode 1634 ausschließlich der lateinische Ritus eingeführt.[1]) Spuren des Protestantismus erhielten sich aber lange in Kroatien[2]) und speziell auf der Murinsel (Međimurje) wurde noch 1750 an mehreren Orten, wo es heute Katholiken gibt, für Protestanten kroatisch gepredigt, obgleich Georg Zrinski der Jüngere schon 1623 zum Katholizismus bekehrt worden war.[3]) Auffällig stark sind auf der Murinsel bis auf den heutigen Tag gegen Luther und die Lutheraner gerichtete Sagen erhalten.[4])

Eine literarische Bekämpfung der Reformation im nordwestlichen (Provinzial-) Kroatien, dessen erste kajkavische Drucke dem Protestantismus zu verdanken sind (s. S. 519 f.), wurde zwar schon auf der Zagreber Synode 1574 beschlossen, ließ aber trotz der eifrigsten gegenreformatorischen Bestrebungen der Bischöfe Georg Drašković und Thomas Erdödy, die sogar zu einem politischen Bruch mit Ungarn bereit waren, um das Herübergreifen der neuen Lehre abzuwehren,[5]) lange auf sich warten, denn das erste Gebet- und Liederbuch eines „Geistlichen des Jesuitenordens" erschien vor 1628, ist aber nur in der zweiten Auflage aus dem J. 1640 bekannt (Molitvene knyisicze vszem Christusevem vérnem szlovenskoga jezika priztoyne i hasznovite, Posonii). Als Verfasser wurde ermittelt Nikola *Krajačević*,[6])

---

[1]) Bučar, Povijest reformacije i protureformacije u Medjumurju i susjednoj Hrvatskoj 28, 71. Schon 1595 wurde der kroatisch-glagolitische Gottesdienst als Stütze des Protestantismus in Fiume unterdrückt. Fr. Bučar, Vjesnik zem. arkiva XIX., S. 6. des SA.

[2]) Beiträge zur Geschichte des Protestantismus in Kroatien bringt Lopašić, Starine 26, S. 165 ff. Noch 1643 bat Martin Bogdan, Bischof von Zagreb, den Papst, Geistliche vorzeitig ordinieren zu dürfen, quia in ea parte, ubi haeretici et schismatici degunt, cum parochus catholicus moritur, si ei a vestigio alter non sufficiatur, facile vel haereticus vel schismaticus praedicans subintraret (O. c. 188). Das letzte Dekret Ferdinand III. gegen die Protestanten in Kroatien ist vom Jahre 1647. Kukuljević, Jura regni I. 337.

[3]) Bučar o. c. 39, 43—44, 50 ff, 67, 69.

[4]) Bučar o. c. 85—113.

[5]) Fr. Fancev, Archiv f. slav. Phil. XXXIV., 410—411.

[6]) Über diesen und andere ähnliche Schriftsteller bringt neues wertvolles Material F. *Fancev* in der Abhandlung „Einige Bemerkungen zur Geschichte des Schrifttums in Kroatien", Archiv f. slav. Phil. XXXIV, 379 ff., über Krajačević 394—396. Mit Recht weist er die Behauptung des Literarhistorikers Gj. Šurmin zurück, daß die Jesuiten gegen die Volkssprache eingenommen gewesen wären, und betont besonders ihre Predigertätigkeit. Schon 1614 wurden von Zöglingen des Agramer Jesuitenkollegiums kroatische Kirchenlieder gesungen, dagegen

latinisiert Sartorius (1582—1653), der zuerst Soldat war, dann Weltgeistlicher wurde, das Noviziat bei den Jesuiten in Brünn ablegte, 1621—23 als Missionär in Tkalac bei Križevci in Kroatien wirkte, wo er seine ersten geistlichen Gesänge für das rohe Volk (rudi plebi) dichtete, dann verschiedene Ämter in seinem Orden in Zagreb und Warasdin bekleidete und kurze Zeit auch illyrischer Poenitentiarius in Rom (1651) war. Ihm wird jetzt auch die Abfassung des kajkavisch-kroatischen Lectionariums (Szveti Evangeliomi, Graz 1651), das der Zagreber Bischof Petar Petretić herausgab, zugeschrieben (vgl. S. 522). Darin sind auch die meisten seiner geistlichen Lieder wieder abgedruckt und durch neue vermehrt. Beide Liedersammlungen, die künstlerisch nicht hochstehen, enthalten vielleicht das eine oder andere alte Weihnachts- und Osterlied, sonst größtenteils Übersetzungen lateinischer Lieder; nur diejenigen Gesänge, in denen er verschiedene christliche Wahrheiten erklärt, sind wohl seine Originalarbeit. Im Evangelistar wird bei mehreren Liedern angegeben, daß sie nach der Melodie bekannter Volkslieder zu singen sind, z. B. „O gloriosa Domina" nach „Igralo kolo široko", eine freie Übersetzung des 50. Psalmes (Miserere) nach der Melodie des humoristischen Liedes „Lepo mi poje černi kos." Solcher weltlicher Mittel bedienten sich Krajačević und Petretić mit der ausdrücklichen Absicht, „heidnische, liederliche und unreine Gesänge",[1]) d. h. Volkslieder zu verdrängen. Ausfälle gegen Luther und haeretische Prädikanten findet man bei dem Jesuiten J. Habdelić, dem bedeutendsten Schriftsteller und berühmtesten Prediger Provinzial-Kroatiens im 17. Jahrh.,[2]) dessen dicke Bücher (z. B. zählt das Werk „Pervi oca našega Adama greh, Graz 1674, 1181 Seiten) viele satyrische Schilderungen der zeitgenössischen Zustände enthalten. Auch er eifert gegen Volkslieder und empfiehlt die geistlichen Lieder von Krajačević.

Viel schneller, systematischer, intensiver und extensiver wurde die literarische Bekämpfung des Protestantismus bei den übrigen Kroaten und Balkanslaven überhaupt durch die

---

scheinen die seit 1609 öfters nachgewiesenen dramatischen Vorstellungen nur lateinisch gewesen sein (Vodnik, Povijest hrv. knjiž. 272). Eine Würdigung der geistlichen Lieder Krajačević's gab Janko Barlè in „Sveta Cecilija" 191 (S. A. 14 S.).

[1]) J. Kukuljević, Književnici u Hrvata iz prve polovice XVII. vieka S. 8 168—170.

[2]) V. Jagić in seinem Archiv f. sl. Phil. XXVI, 581; XXXI, 537.

päpstliche Gegenreformation[1]) ins Werk gesetzt. Als Rom seine Reformen im Angriff nahm und speziell an die Durchführung der Beschlüsse des Tridentinums schritt, schenkte es besondere Aufmerksamkeit den Balkanslaven, denn „Illyricum sacrum", das ihm als „primitiae apostolorum" immer am Herzen lag, wurde ihm nicht bloß durch die griechische Kirche und die Türken, sondern auch durch den Protestantismus streitig gemacht. Dementsprechend verfolgte seine Aktion auch dreierlei Zwecke: die Bekämpfung der Haeretiker, die Wiedergewinnung der Schismatiker, hauptsächlich durch eine Union, und die Vertreibung oder auch Bekehrung der Mohammedaner, die ja gerade in den westlichen Gebieten der Balkanhalbinsel größtenteils Slaven waren.

Man kann daher nach den Ausführungen von M. Stojković die von der päpstlichen Gegenreformation für die Südslaven geschaffene oder wenigstens geförderte Literatur und die damaligen geistigen Strömungen unter den Kroaten nicht allein aus dem Kampfe gegen den Protestantismus erklären, muß aber ebenso betonen, daß die römischen Reformen und Institute, die auch den Südslaven sehr stark zugute kamen, in der Tat größtenteils darauf zurückzuführen sind. So strebte schon der Spanier Nicolaus Bobadilla, einer der neun Genossen des Ignatius von Loyola, die Gründung eines Jesuitenkollegiums in Dalmatien an, um das Schisma und die Haeresie in den Grenzgebieten abzuwehren.[2]) Außerdem haben wir direkte Zeugnisse, daß die *literarische* Tätigkeit der südslavischen Protestanten in Rom sehr ernst genommen wurde. Als 1582 Bonifacius aus Ragusa, Bischof von Ston (it. Stagno), von Gregor XIII. als apostolischer Visitator nach Dalmatien, in die Herzegovina, nach Bosnien, Kroatien, Slavonien, Serbien und das südliche Ungarn geschickt wurde, lenkte die ihm gegebene Instruktion seine Aufmerksamkeit darauf, daß in diesen Ländern die Haeresie nicht bloß mündlich, sondern auch durch gedruckte, für Illyricum und Dalmatien bestimmte Bücher in lingua schiavona et

[1]) Vgl. Marijan Stojković, Rimska papinska protivureformacija u južnoslovjenskim zemljama, Nastavni Vjesnik, XXII. (Zagreb 1913), 184—200. Derselbe, Karakteristika života i djelovanja Bartula *Kašića* iz Paga, l. c. 1—9. Als ich den Abschnitt über die Reformation in der „Kultur der Gegenwart" (Teil I. Abt. IX., S. 218—219) schrieb, waren mir die meisten Angaben des Verf. aus seiner schriftlichen Grazer Dissertation über B. Kašić schon bekannt.

[2]) Ad arcendam schismaticam et *haereticam* labem in locis finitimis grassantem. D. Farlati, Illyrici sacri tom. III. 522.

ciurula (= „in crobatischer und cirulischer Sprach“ der Protestanten!) verbreitet werde, worauf er besonders achten und worüber er nach Rom genau berichten soll.[1]) Auch in der Bulle Urban VIII. über die Gründung, richtiger Erneuerung, des Collegium Illyricum in Loreto im J. 1627, worin alle Gründe[2]) dafür kurz zusammengefaßt sind, wird der Vergiftung dieser Länder durch „nördliche Haeresien“ gedacht. Von den Schriftstellern sei nur der auf der quarnerischen Insel Pag geborene und in Rom erzogene Jesuit Bartholomäus *Kašić* (Cassius),[3]) der typischeste und fruchtbarste Vertreter der literarischen Gegenreformation unter den Südslaven, erwähnt, der Urban VIII. bat, seine Übersetzung des Neuen Testamentes und der ganzen Bibel herauszugeben, um die haeretischen und schismatischen Übersetzungen zu verdrängen.[4]) Für den Zusammenhang der südslavischen Literatur der Reformation und Gegenreformation spricht aber auch ein sonderbares äußeres Zeichen:

---

[1]) *Monumenta* spectantia historiam Slavorum meridionalium, v. XXIII., p. 324—325. In diesem Bande, der *Acta Bosnae* potissimum ecclesiastica von P. Eusebius *Fermendžin* enthält, gibt es überhaupt viel Material über die religiösen und kulturellen Verhältnisse der Südslaven.

[2]) Zelo domus dei nos commouente, ut paruulis petentibus panem verbi dei pro munere nostro frangamus; quippe qui universarum gentium, populorum Christi fidem profitentium salutem procurare et promouere studemus, dum omnes christiani orbis partes oculis mentis nostrae perlustramus, *Illyricae linguae gentis*, majorem Europae et maximam Asiae portionem incolentis, *atque per Europam praestantissimis regnis et prouinciis olim florentissimae, ac inter plantas apostolicas in gremio catholicae ecclesiae primogenitae, nunc vero maxima ex parte sub impia Turcarum tirannide gementis schismaticorumque orientalium, haeresumque septentrionalium venenis per partes infectae*, pro debito nostri pastoralis officii necessitatibus spiritualibus succurrere cogimur, et admonemur. Vetera monumenta Slavorum meridionalium... ab Augustino Theiner, t. II. 124.

[3]) Die biographischen und literarischen Daten bringt M. Stojković, Rad jsl. akademije, knj. 220, s. 170—263. Dazu S. 687, Anm. 1.

[4]) Utinam aliquando etiam lucem aspiciat selecta a me ex antiquis Illyricis codicibus Versio Illyrica Noui Testamenti, Tuo imperio, Tuisque perurbanis auspiciis, ut ea tota Natio luce noua Euangelicae praedicationis, veritatis illustrata *contra haereses & schismata*, Tue Sanctitatis aeterna recordatione glorietur, et oblectetur. Rituale Romanum Illyrica lingua. Romae MDCXL. Schluss der Widmung an Urban VIII.

Aus dem Memorial an Urban VIII.: Haec sane gloria etiam Pontificatui Tuo, Pater beatissime, *post Collegii Illyrici* apud sacram domum Lauretanam erectionem debebatur haec, inquam, gloria *selectae Illyricae versionis universae Sacrae Scripturae editio, qua et haereticae et schismaticae et anonymae versionis Illyricae profligantur atque prosternuntur* ad sacros sedes Tuae Sanctitatis. M. Stojković, Nastavni Vjesnik XXII, 2. Die vollständige Übersetzung wird in Rom bei der Kongregation der Propaganda aufbewahrt, der größte Teil des Alten Testamentes und das ganze Neue im Staatsarchiv in Zagreb, Šafařík, Gesch. d. südsl. Lit. II., 203—204, *Građa* za povjest kńiževnosti hrv. II., 43—57; über die Gründe, warum die Übersetzung nicht gedruckt wurde, s. M. Stojković, Rad 220/96, S. 256—257, und u. das Kapitel über die Schriftsprache.

mehrere Bücher, namentlich die glagolitischen, wurden in Rom mit den Lettern der Ungnad'schen Buchdruckerei gedruckt, die aus Urach auf sein Schloß Waldenstein in Kärnten und dann nach Graz gebracht, um noch immer für den Druck protestantischer Bücher zu dienen, hier aber konfisziert und vom Kaiser Ferdinand II. zuerst an die Kapuziner in Trsat bei Fiume, wo man wieder glagolitische Bücher für die Katholiken drucken[1]) wollte, und dann nach Rom an die Congregatio de propaganda fide (1626) geschenkt wurden.[2]) Fr. Glavinić, der diese Übertragung bewerkstelligte, war mit den „Tübinger" Drucken ganz gut vertraut.[3])

Von der größten Bedeutung für unsere Fragen ist der Umstand, daß das höhere Bildungswesen der südslavischen Länder jenem Orden anvertraut wurde, den der hl. Ignatius von Loyola zur Bekämpfung der Reformation gegründet hatte. Gregor XIII. errichtete 1580 in Loreto ein von Jesuiten geleitetes Collegium illyricum, das aber an Schülermangel litt, sodaß 1593 12 ausgewählte Zöglinge in das Jesuitenkollegium nach Rom gebracht wurden; 1627 stellte jedoch Urban VIII. das Collegium illyricum in Loreto wieder her, vertraute es abermals den Jesuiten an und stattete es mit allen Privilegien aus, deren sich das studium generale almae Urbis... aliaque collegia quarumcumque nationum et seminariorum in Rom und auswärts erfreuten.[4]) Natürlich waren auch für die Südslaven die Constitutionen[5]) und dann die Studienordnung der Gesellschaft Jesu von 1586 und 1599 maßgebend und als Vorbild

[1]) Den Grund dafür finden wir in einer Vorstellung des Kaisers Ferdinand II. bei Urban VIII. wegen einer neuen Auflage des glagolitischen Missals: quoniam populi, quum a suis sacerdotibus, Missalibus deficientibus, Missam audire nequerent, *ibant ad schismaticorum ecclesias, qui graeco ritu, lingua autem illyrica sacra faciebant.* P. J. Šafařík, Gesch. d. südslav. Lit. I. 174.

[2]) Chr. Fr. Schnurrer, Slavischer Bücherdruck in Württemberg (Tübingen 1799), 75—78, mit Berufung auf J. S. Assemani Kalendaria ecclesiae Romanae S. 430—32; Bučar, Povijest hrv. prot. knjiž., 226—231. Die Urkunden über den Druck glagolitischer Bücher in den Jahren 1620—1658 wurden von E. Fermendžin in den Starine XXIV. B. S. 1—40. veröffentlicht.

[3]) Starine, XXIV., 11—12.

[4]) Die Hauptquelle ist die Gründungsurkunde, hg. von A. Theiner, Vetera monumenta Slavorum meridionalium, II. 124—128. Weitere Belege s. bei M. Stojković, Nastavni Vjesnik XXII., 195—196.

[5]) Schon diese (IV. Cap. 8) hatten die Bestimmung, daß sich die Zöglinge im Predigen und in der Erklärung der heil. Schrift in der Volkssprache üben sollten: studeantque ad id munus obeundum linguam populo vernaculam bene addiscere. G. M. Pachtler, Ratio studiorum et Institutiones scholasticae Societatis Jesu, Tom. I., S. 40.

diente auch in Loreto das römische Collegium Germanico-Hungaricum, kurz Germanicum genannt, das vom hl. Ignatius 1552 zur Heranbildung frommer und gelehrter Priester für die deutschen Länder gestiftet wurde.[1]) Die Aufnahmsbedingungen erinnern vielfach an das Germanicum,[2]) ebenso wie Oberdeutschland wurden auch die rein katholischen Küstengebiete Dalmatiens bevorzugt. Unter den 36 Zöglingen sollte es aber solche nicht bloß aus Dalmatien mit Einschluß der Inseln des Quarnero und des kroatischen Küstenlandes,[3]) aus Bosnien und Slavonien,[4]) sondern auch aus Serbien (im geschichtlichen Sinne, also auch Altserbien und Montenegro mit Teilen von Nordalbanien) geben, 6 Plätze waren aber ausdrücklich Bulgarien (Bulgarici regni) vorbehalten.[5]) Außerdem kommen für

---

[1]) G. M. Pachtler, o. c. I. 368, 375. Die Gründung des Collegium Germanicum hebt auch der oben erwähnte Jesuit B. Kašić als besonders Verdienst des hl. Ignatius von Loyola hervor (Život sv. Ignacija, 7.) und gibt auch der allgemeinen Anschauung der rechtgläubigen Katholiken Ausdruck, daß derselbe „von Gott erweckt und als Heilmittel gegen die Giftpflanze Martin Luther eingesetzt" worden sei. M. Stojković, XXII, 189.

[2]) § 6....constet illum in et de legitimo matrimonio natum et saltem prima tonsura initiatum, *nec esse neophitum, multo minus aliquo tempore haeresi vel mahumetismo adhaesisse*, sitque sanus et absque ulla infirmitate habituata vel incurabili ac sine ullo vitio vel deformitate notabili corporis, lingua minime impedita, *parentibus Illyricis Illyricaeque linguae, et si fieri poterit, litteraturae quoque Illyricae peritus*, qui vagus non fuerit, nihilque negotii ac litium habeat, et *praeseferat voluntatem ac speciem proficiendi in disciplina pietatis et literarum, ad effectum ut euadat utilis operarius in cultura Illyricanae ecclesiae*, idemque non sit inferior quatuordecim annis, nec vigesimum annum excedat, habeatque aliquam grammaticae cognitionem, quae omnia sicut in duodecim Dalmaticis alumnis ab episcopis et capitulis ut praefertur, diligendis omni rigore, ita in subditis Turcarum mitius observentur. A. Theiner, Vetera monumenta Slavorum meridionalium, II. 126. Vgl. damit Pachtler o. c. I. 375 und besonders 384, § 3.

[3]) Genannt werden die Bistümer Pagensis (s-kr. Pag.), Vegliensis (Krk), Ausserensis it. Osero, s-kr. Osor vero Chersi (Cres) oppidi, Arbensis (Rab) et Segnensis (Senj). Aus dem Bistum Senj (Zengg) gab es im 18. Jahrh. 9 Alumnen im Collegium *Germanicum*-Hungaricum in Rom. Vgl. Cardinal Andreas Steinhuber, Geschichte des Collegium Germanicum-Hungaricum in Rom, II. 349.

[4]) *regio intra Dravum Sauumque fluuios constituta* kann sich dem Zusammenhange und dem Sinne der ganzen Urkunde nach, in welcher von der Zagreber Diözese keine Erwähnung geschieht, nur auf das damalige türkische Slavonien beziehen.

[5]) Wie wenig ein so wichtiges Collegium selbst in der katholischen Literatur bekannt ist, beweist der Umstand, daß es in Wetzer und Welte's Kirchenlexikon unter 17 römischen *Collegien* gar nicht aufgezählt und wie „andere kleinere Anstalten.... für Angehörige gewisser Gegenden Italiens" übergangen wird. (O. c. III². 639). Diese Behandlung verdiente das öfters erwähnte „*Kroatische Seminar in Bologna* (s. Vjesnik kr. hrv. slav. arkiva u Zagrebu XIV. 186—226). Nach der Stiftungsurkunde des Zagreber Großprobstes Paulus Bondinus aus dem J. 155[illegible] war es ein „collegium seu sodalitium scholarium" für 4, 6 oder 8 Studierende der Universität Bologna aus Ungarn und Kroatien. Da das Collegium unter der Leitung des Zagreber Domkapitels stand, wurde es im Laufe der Zeit in der Tat ganz kroatisch. Beachtenswert ist die Aufnahmsbedingung, daß der Alumne vom Ve

die unter den Habsburgern verbliebenen Reste Kroatiens,[1]) d. i. Kroatien im engeren Sinne südlich der Kulpa und „Slavonien“ (slovenska zemlja) nördlich davon bis zur Drau, auf das später hauptsächlich der Name Kroatien bezogen wurde, die Jesuiten-Kollegien oder Alumnate von Graz und Wien und das Collegium Germanico-Hungaricum in Rom selbst in Betracht; von seiner Gründung bis zum J. 1600 gab es darin aus dem Bistum Zagreb 4 Zöglinge, von 1600—1665 23, von 1663—1700 20, von 1700—1800 107.[2]) Diese Kleriker pflegten ihre philosophischen Studien in der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts im Pazmaneum (für Kleriker aus Ungarn) und in einem besonderen „Kroatischen Collegium“ in Wien oder auch im Seminar der roten Kleriker“ von Trnava[3]) (Tyrnau damals Oberungarn) in der Slovakei, im 18. Jahrh. auch im Seminar von Zagreb,[4]) zu absolvieren. Die Bischöfe von Zagreb, darunter der wegen seiner reformatorischen Tätigkeit hervorragende Martin Borković, ein Pauliner, und andere hohe kirchliche Würdenträger waren zum größten Teil Germaniker wie in Ungarn.[5])

So wird es begreiflich, daß zahlreiche Südslaven vor allem in Italien und in Rom selbst von den Jesuiten erzogen wurden und dann im Sinne ihres Ordens auf dem ganzen Balkan wirkten. Übrigens kamen auch andersprachige Mitglieder des Ordens dahin, sogar einer der 9 Genossen des Ignatius von Loyola, der Spanier Nicolaus Bobadilla, der in Dalmatien predigte, in Zara

---

dacht des Luthertums frei sein mußte (alienus a suspicatione haeresis Lutheranae) und daß im Collegium die Lektüre und Haltung haeretischer Bücher verboten war (o. c. 213, 206). Herzog-Hauck's Realenzyklopaedie für die protestantische Theologie (IV^3, 229—230) erwähnt ein „thracisch-illyrisches Collegium“ in Rom und stellt das 1627 erneuerte „Illyrianische“ von Loretto wegen der Gründungszeit in eine Reihe mit den Collegien von Wien und Prag (alle Statuten vom 1. Juni 1627).

[1]) Vgl. o. S. 487, 499. So ist auch die „Provinz Kroatien oder Slavonien“ bei A. Steinhuber (Gesch. des Collegium Germanicum-Hungaricum in Rom, I. 144) zu verstehen. Vgl. V. Klaić, Atlas za hrv. povjestnicu, br. 6.

[2]) Steinhuber o. c. I. 325, 468, II. 121, 133, 349.

[3]) In Trnava studierten mehrere kroatische Schriftsteller, wie Habdelić und Jambrešić, und wurden auch kroatische Bücher (z. B. die zweite Ausgabe von Petretić's Evangelistar, Trnava 1694) gedruckt. Archivarische und bibliothekarische Studien in der Slovakei werden gewiß noch verschiedene Beiträge für čechoslovakische Beziehungen zu den Südslaven auch aus der Zeit der Gegenreformation ergeben. Vgl. bisher K. Konrad, Himnologia starocharvatská, Věstník král. české společnosti nauk, 1890.

[4]) Steinhuber, o. c. II. 121, 133, 349—350, 516.

[5]) Steinhuber. o. c. I. 468, II. 39, 45, 118—120, 133—134, 351, 369—370. Über Borković vgl. Starine XXXV. 380, 384, 389.

und Ragusa weilte und während seines längeren Aufenthaltes auch kroatisch erlernte.[1]) In Dalmatien selbst glückten die ersten Versuche ständiger Niederlassungen nicht, aber in der unter französischem Protektorat in Konstantinopel 1574 gegründeten Residenz gab es unter den ersten Vätern einen Ragusaner Marin Temperica und die geistliche Fürsorge für die in der Türkei zerstreuten ragusanischen Kauf- und Bergleute[2]) war auch der Mantel für die Ausbreitung des Ordens in der europäischen Türkei, wo die Missionshäuser oder Residenzen in Temesvar, in Fünfkirchen (seit 1612),auch sonst in Ungarn und Siebenbürgen, und sogar in Belgrad für uns in Betracht kommen. Außerdem sind zu nennen ihre Sitze in Zagreb (seit 1606), Fiume (1628[3]), Warasdin (1632, von Graz aus). In Ragusa selbst wurde nach mehreren Versuchen (der erste 1560—1585) einer ständigen Niederlassung die Zustimmung zu einer Residenz erst 1628 gegeben und der Grundstein zu einem Collegium 1653 gelegt, das Schulwesen kam aber erst 1658 in ihre Hände.[4]) Abgesehen von innerpolitischen Gründen und der Gegnerschaft Venedigs, das 1616 und 1635 die Gründung eines von Jesuiten geleiteten Seminars in Ragusa durch seine Vorstellungen in Rom verhinderte,[5]) mußte die unter türkischem Protektorat stehende Republik vorsichtig sein, denn ihren Staatsmännern blieben die politischen Absichten des Ordens nicht verborgen. Schon Loyolas Nachfolger Laynez legte nämlich besonderes Gewicht auf eine Niederlassung in Ragusa, denn diese Brücke zwischen Orient und Okzident sollte mit Hilfe der weitverbreiteten „illyrischen“ Sprache nicht bloß die religiöse, sondern auch die politische Eroberung der Türkei

---

[1]) Die Belege bei M. Stojković, Nast. Vjesnik XXII., 190—191. Über den Aufenthalt in Ragusa s. Koerbler, Rad 205, S. 137.

[2]) C. Jireček, Die Bedeutung von Ragusa in der Handelsgeschichte des Mittelalters, 34—36.

[3]) Diese Zahl, nicht 1627, nach B. Duhr, Geschichte der Jesuiten in den Ländern deutscher Zunge II, 352. Gepredigt wurde in Fiume italienisch an den höheren Festen, illyrisch an allen Sonntagen, die Katechese war bloß illyrisch. Ib. 353, III. 209. Falsch ist auf S. 207 des III. B. die Anmerkung 7, wo die „slavonische (slovenische) Sprache, auch krainische oder illyrische Sprache genannt mit der heutigen serbokroatischen oder südslavischen Sprache“ identifiziert wird.

[4]) Đuro Koerbler, Rad 205, S. 140. Daselbst (138—140) gibt es Auszüge aus Senatsbeschlüssen von 1583—1589, welche zeigen, daß man sich mit der Durchführung des ersten vom 28. April 1583 (mit 24 gegen 13 Stimmen) „de introducendo in ciuitatem nostram R-dos Patres Jesuites ad honorem Dei, ad aedificationem nostram et ad educationem filiorum nostrorum“ durchaus nicht beeilte.

[5]) S. Ljubić, Rad jugosl. ak. Bd. LIII., 160—161.

vermitteln.[1]) Diese ganz an die südslavischen Protestanten erinnernden Tendenzen kamen immer mehr zur Geltung,[2]) sodaß Anton Deodatus, Erzpriester des hl. Hieronymus in Rom, als Censor der von B. Kašić „in die ragusanische[3]) Sprache" (u jezik dubrovački) übersetzten „Pistule" (Episteln aus dem römischen Missal, Romae 1641) in seiner Approbation (1. VI. 1639) meinte, der Schall dieser evangelischen Trompete in der ragusanischen Sprache solle weit in die Welt hinaustönen, damit in gewisser Weise das Reich geteilt und *im Westen die römische, im Osten aber die ragusanische Sprache herrsche*; das könnte der Würde der römischen Sprache keinen Schaden bringen, denn die sehr fernen Völker würden die lateinische, für sie dunkle Sprache als heilig verehren, die ihnen verständliche ragusanische aber in ihr Herz schließen und lieben.[4]) Zum besseren Verständnis solcher Bestrebungen sei hervorgehoben, daß Rom den Balkanslaven, unter deren Geistlichkeit die Kenntnis der lateinischen Sprache wenig verbreitet war, so weit entgegen kam, daß die Propaganda denselben Jesuiten B. Kašić mit einer Übersetzung des ganzen *Rituale romanum* (Romae 1640) betraute,[5]) so daß die Spendung der

---

[1]) Satis intelligebat Lainnius peropportunum fore Societati sedem Epidauri tum *propter illyricae linguae usum late patentem*, tum *etiam* ut *inde ad Turcarum quoque provincias pedetentim aditus captaretur.* K. Vojnović, Rad jugoslav. akademije, B. 119, 62 u. 133.

[2]) Auch in Italien wirkten in diesem Sinne unter dem Einfluße der Jesuiten die Herzoge von Mantua, Savoyen (in Ragusa mußte 1611 eine von diesem angezettelte Verschwörung niedergeschlagen werden. S. Ljubić, Rad jugosl. akad., B. LIII., S. 137—142.) und Toscana. Ferdinand II. von Toscana lernte bei Marin Držić, einem aus Ragusa stammenden Jesuiten, drei Jahre kroatisch. A. Pavić, Rad jugoslav. akad. LXVIII., 87.

[3]) Kašić machte den Ragusanern, unter denen er zweimal als Missionär längere Zeit geweilt hatte, mit der Bezeichnung der Sprache eine Konzession, die sachlich ganz gut möglich war.

[4]) M. Stojković, Nast. Vjesnik XXII., 195. Im Original: nempe ut Solis lucem omnibus terris, ita Dei verbum *omnibus gentibus orientalibus* evulgari par est; exeat itaque in fines orbis terrae sonus evangelicae tubae *Ragusinis vocibus* editus, ut *diviso quodammodo Imperio occidentem romana lingua, orientem Ragusina percurrat*; neque illud officiet dignitati regnatrici dictae linguae; nam Latinam obscuram sili *remotissimae* nationes venerabuntur ut Sacram, *Ragusinam quam intelligent*, amplecterentur, atque amabunt. M. Stojković, Rad 220, 96, 252.

[5]) Kašić's Widmung an Urban VIII.: Prudenti ac piissimo consilio factum est, B^me Pater, ut Rituale Latinum fieret Illyricum, Te praecipiente, et expetitum a tota Natione in lucem ederetur. *Perdifficile enim erat Illyricis Sacerdotibus non paucis Sacros Ritus Latino eloquio scriptos intelligere, eosque in praxi exercere, apud quos non ea Latinae lingue uiget eruditio, ut possint, exequi praescripta rite, recteque, sicut opportet. Meum itaque fuit Sacra iubenti Congregatione*, cum adhuc essem in Basilica Vaticana Poenitentiarius Illyricus, *diuturno labore in paene infinita idiomatis Illyrici varietate perscribere communiori dialecto Illyricis*, quod Latinis

Sakramente und überhaupt alle rituellen Verrichtungen nur in der Volkspsrache üblich waren und vielfach noch heute sind.

Die eigentliche Seelsorge war in den Resten Dalmatiens und in den türkischen Provinzen hauptsächlich oder ganz, wie in Bosnien, dem Orden des hl. Franciscus anvertraut, welcher der Legende zufolge selber nach den dalmatinischen Inseln verschlagen worden sei und die Provinz Slavonia[1]) gegründet habe.[2]) Was den sehr volkstümlichen Franziskanern im allgemeinen nachgerühmt wird, daß sie sich unter den Schismatikern und Mohammedanern besonders bewährten und daß sie im Zeitalter der Gegenreformation neben den Jesuiten eifrig an der Hebung des religiösen Lebens wirkten,[3]) gilt in hohem Grade von den südslavischen Ordensbrüdern und namentlich von denen in der Türkei, wo in manchen Gebieten, wie in Bosnien, die Erhaltung des Katholizismus nur ihrem Eifer, ihrer Ausdauer, Umsicht und Anpassungsfähigkeit an die Verhältnisse und häufig auch ihrem Heldenmut zu verdanken ist.[4])

---

sermo Latinus praescripsit... Ditissimus profecto thesaurus Ecclesiae Illyricae erit Sacrorum Rituum Rituale effectum illyricum, quo et gens universa ditabitur, et Catholica fides in latissimis Provinciis propagabitur. Angesichts dieser klaren Angaben ist ganz unhaltbar die Ansicht V. Jagić's (Archiv f.sl. Phil., XXXIV., 509.), Kašić's Rituale sei wegen der darin praevalierenden *i*-Aussprache „ja augenscheinlich vor allem für Norddalmatien und die Inseln, wo die slavische Liturgie in Gebrauch war", bestimmt gewesen. Auch ein Beispiel, wie man irren kann, wenn man bloß die Sprache und nicht auch die literarhistorischen Tatsachen berücksichtigt.

[1]) Unter *Sclauonia* verstand man im Mittelalter die Adriatische Küste zwischen Istrien und der Bojana mit allen Hinterländern, also das gegenwärtige Kroatien, Dalmatien, Montenegro, Nordalbanien, Herzegovina, Bosnien und Serbien, C. Jireček: Die Bedeutung von Ragusa in der Handelsgeschichte des Mittelalters 12, Staat und Gesellschaft im mittelalterlichen Serbien I. (Denkschriften der Akad. der Wissenschaften in Wien, phil. hist. Kl., B. LVI.) S 1—2.

[2]) Stipan Zlatović, Franovci države presvet. odkupitelja i hrvatski puk u Dalmaciji, Zagreb, 1888.

[3]) M. Heimbucher, Die Orden und Kongregationen der katholischen Kirche, II²., 424—427.

[4]) Vgl. darüber außer dem erwähnten Werke von St. *Zlatović*, das hauptsächlich über Dalmatien handelt, noch die Monographie über die Tätigkeit der Franziskaner in Bosnien und Herzegovina bis 1835 von fra Mijo Vjenceslav *Batinić*, Djelovanje Franjevaca u Bosni i Hercegovini, 3 Bde, Zagreb, 1881—1887. Das Quellenmaterial über die Tätigkeit der bosnischen Franziskaner veröffentlichten P. Eusebius *Fermendžin*, Acta Bosnae, Monumenta spect. historiam Slavorum meridionaliam XXIII., und Julijan *Jelenić*, Starine XXXVI. 81—162 (noch nicht vollendet). Wie schlecht es mit der Seelsorge bestellt war (Starine XXXVI, 144, 148) lehrt z. B. der Visitationsbericht des Bischofs Olovčić (Plumbeus), der im J. 1673 in Maglaj (an der Bosna) von 4678 kath. Einwohnern 3410 firmte (hundertjährige Leute hatten keinen Bischof gesehen), im J. 1674 in Jelaške von ungefähr 1400 Katholiken 1014, Dabei muß hervorgehoben werden, daß die Katholiken im Vergleich mit den Orthodoxen besonders schlecht gestellt waren, da sie ihr Oberhapt außerhalb der Türkei hatten und als Glaubensbrüder der

In Bulgarien gelang es ihrer Missionstätigkeit zu Ende des 16. und im 17. Jahrhundert die „Paulikianer", Reste der Bogomilen, die im 10. Jahrhundert auftauchten und starke Verbreitung auch auf dem übrigen Balkan fanden, für den Katholizismus zu gewinnen;[1]) sie bilden bis heute den Kern der nicht zahlreichen Katholiken im nordwestlichen Bulgarien und um Philippopel; der verunglückte Aufstand von 1688 gegen die Türken zwang viele zur Auswanderung nach dem ungarischen Banat, nach Siebenbürgen und in die Walachei.[2])

Diese Franziskaner oblagen den höheren Studien ebenfalls im Auslande, hauptsächlich in den Klöstern Italiens und zwar in den ersten Ordensschulen[3]) auch während der schlimmsten kriegerischen Zeiten,[4]) in denen der Verkehr mit Italien so schwer und gefährlich war; erst mehr als zwei Jahrzehnte nach dem Karlowitzer Frieden wurde hauptsächlich für die ungarisch-kroatisch-slavonischen Ordensbrüder ein theologischer Kursus im Kloster von Ofen (slav. Budim, ung. Buda) eröffnet (1722).[5]) Die in Italien erzogenen südslavischen Franziskaner brachten es zu angesehenen Stellungen als Bischöfe und Lehrer in Italien, Österreich und Polen.[6]) Daß im 16. und 17. Jahrhundert auch über ihnen der Geist der Gegenreformation schwebte, kann man leicht begreifen.

In der Geschichte der südslavischen Franziskaner spielte von Anfang an *Bosnien* eine besonders wichtige Rolle. Nach seiner Eroberung durch die Türken (1463) wurde es immer mehr zu ihrem Mittelpunkte. Vorübergehend gab es noch eine bosnisch-

---

katholischen Mächte mit besonderem Mißtrauen betrachtet wurden. Daher wiederholen sich Klagen über Bedrückungen von Seite der Türken und der Orthodoxen, deren Patriarch und Bischöfe namentlich die Jurisdiktion über die Katholiken anstrebten. Zum besseren Verständnis der Verhältnisse sei noch erwähnt, daß die Katholiken damals in Bosnien verhältnismäßig zahlreicher waren als heute, denn infolge der kriegerischen Ereignisse fanden namentlich am Ende des 17. und zu Beginn des 18. Jahrh. große Auswanderungen nach Kroatien, Slavonien, Dalmatien und nach Ungarn statt.

[1]) Vgl. L. Miletič, Нашитѣ павликияни, Сборникъ за народни умотворения ... XIX. (Sofia, 1903), 1—369. Das urkundliche Material von 1565—1799 sammelte und veröffentlichte P. Fr. Eus. Fermendžin, Acta Bulgariae ecclesiastica, Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium, vol. XVIII. (Zagreb, 1887). Die Schrift von *Milev*, Католическата пропаганда въ България прѣзъ XVII вѣкъ, София 1914, stand mir nicht zur Verfügung.

[2]) L. Miletič, Сборникъ за нар. умотворения ... XIV, 284—543.

[3]) Zlatović, o. c. 106—167.

[4]) Batinić, o. c. III. 12.

[5]) Ib. 39.

[6]) Zlatović, o. c. 239.

dalmatinische Provinz (bis 1469) und eine bosnisch-kroatische Kustodie, beziehungsweise Provinz (seit 1517) neben einer bosnischen, die nach dem Kloster Srebrenica (d. h. Silberstadt), dem ursprünglichen Sitze der bosnischen Vikare im Osten des Landes, den Titel Bosna Argentina führte; als aber die Türken immer weiter nach Westen und Norden vordrangen, zogen mit ihnen auch die bosnischen Franziskaner einher[1]) und die die meisten Pfarren innehabenden Klöster von ganz Bosnien, Türkisch-Dalmatien (alles bis auf die meisten Städte und enge Küstengebiete), Slavonien und Ungarn bis Ofen (Budim), wo die Bosnier auch ihre Kirche und Pfarre hatten, waren in einer einzigen Ordensprovinz Bosna Argentina vereinigt; zu ihr gehörte auch Serbien und vorübergehend (1595—1645) sogar Bulgarien. Nach dem Karlowitzer Frieden unterbrach zwar Venedig gleich (1703—1704) die Verbindung Dalmatiens mit Bosnien, zu einer förmlichen Teilung der in der Tat zu großen Ordensprovinz in eine dalmatinische, ungarisch-syrmische (mit Serbien) und eine bosnisch-slavonische, kam es aber erst 1735, und 1757 wurde auch Slavonien von Bosnien losgelöst. *Diese langjährige Zusammengehörigkeit*, deren Traditionen auch nach der Trennung wirksam blieben, *hatte die grösste Bedeutung für das geistige Leben der Balkanslaven und die Ausbildung einer einheitlichen Schriftsprache der Kroaten und Serben, denn die kirchliche Gemeinschaft wirkte hier ebenso einigend und ausgleichend wie anderswo die staatliche, die überdies auch vorhanden war und nicht unterschätzt werden darf*, denn innerhalb *der Türkei* waren in den ungarischen, kroatischen und venezianischen Gebieten die mohammedanischen Bosnier selbstbewußte und mächtige Herren.

Das im Oktober 1580 errichtete Beglerbegat (Paschalyk, Vilajet) Bosnien umfaßte Bosnien und Herzegovina, Dalmatien bis auf den venezianischen Küstenstreifen und Inseln, den größten Teil Kroatiens und ganz Slavonien bis auf Syrmien, das zum Paschalyk Budim (Ofen) gehörte. Von der Größe dieses Bosnien kann man sich eine Vorstellung machen, wenn man bedenkt, daß von seinen acht Sandžaken das eigentliche Bosnien

---

[1]) Nach der Eroberung Ofens (1541), der Hauptstadt Ungarns, soll schon das Sprichwort entstanden sein: *Kudgod* Turci s ćordom, *onda* fratri s torbom (Wohin immer die Türken mit dem Säbel, dorthin die Fratres mit der Tasche). Batinić o. c. II, 39. *T. Smičiklas*, Poviest hrvatska II., 244. spricht von einem „alten, in Slavonien erhaltenen Sprichwort" mit den Varianten: *Kamo . . . . . tamo.*

den letzten bildete.[1]) Doch auch im Paschalyk Temešvar und namentlich in Budim (Ofen) herrschte die islamisierte feudale bosnische Aristokratie, denn sie hatte den größten Teil Ungarns erobert und verteidigte es,[2]) sodaß von ihren Heldentaten auch in diesen Gebieten noch heutzutage südslawische, mohammedanische und christliche Sänger Kunde geben.[3])

Die in Italien und insbesonders in Rom, teilweise aber auch in Österreich und Ungarn, im Geiste der Gegenreformation herangezogene Geistlichkeit schuf nun auch eine entsprechende *Literatur* für die Kroaten, die aber ganz nach dem Muster der Reformation auch für die Serben und Bulgaren berechnet war. Wie es mit den notwendigsten Lehr- und Erbauungsbüchern bis in die zweite Hälfte des 16. Jahrhunderts bestellt war, zeigt am besten die Tatsache, daß Gregor XIII. im Februar 1582 dem Bischof Bonifacius aus Ragusa als Visitator der südslawischen Länder nur zwei Kisten lateinischer und auch italienischer Bücher mitgeben konnte und ihn überdies für die Slaven des griechischen Ritus mit — griechischen versah, die er an Mönche, Priester und Klöster verteilen sollte, obwohl er wußte, daß sie „im allgemeinen" die griechische Sprache nicht kannten.[4]) Nur *handschriftlich* konnte er ihm zwei kleine Werke (operine) mitgeben, einen kurzen Katechismus „für die einfachen Geistlichen" und eine Christenlehre, übersetzt in die *lingua ciurula*, sodaß also auch hier die „cirulische Sprach" der Protestanten wiederkehrt.[5]) Diese sollten gedruckt werden und am 29. Juni desselben Jahres konnten dem Nachfolger des genannten, in der Türkei verstorbenen Visitators, Agostino Quintio, Bischof von Curzola, bereits 1000 in „illyrischer" Sprache mit lateinischen Lettern gedruckte Christenlehren (dottrine christiane) und 200 Anleitungen für das Beichthören (direttorii de confessori) mitgegeben und gleichzeitig andere Bücher in größerer Zahl in „serbischer[6]) Schrift" (in carettere

---

[1]) F. Šišić, Pregled povijesti hrvatskoga naroda, 268 und die Karte vor S. 265.

[2]) J. v. Asbóth, Bosnien und die Herzegovina, 129—131.

[3]) Vgl. namentlich die mohammedanischen Volksliedersammlungen von K. Hörmann, der Matica hrvatska, B. III. a IV., Esad Hadžiomerspahić und meinen *Bericht* über die Volksepik der bosnischen Mohammedaner, Sitzungsberichte der Wiener Akademie, phil. hist. Kl., 173 Bd., 3 Abh., S. 13.

[4]) Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium, B. XXIII., 332—333.

[5]) Ib. 334.

[6]) Dieser Ausdruck, der sich dann öfters wiederholt, auch bei einheimischen Schriftstellern, wie dem Jesuiten B. Kašić von der Insel Pag im Quarnero (s našimi

serviano) in Aussicht gestellt werden. Von diesen gedruckten Werken ist eines sicher: Ispravnik za jerei ispovidnici i za pokornici[1]) (Rom 1582), eine Paraphrase ex brevi Directorio Latino Magistri Polanci Theologi societatis Jesu, übersetzt von dem aus Zara gebürtigten Priester Šimun Budinić (Budineo). Bezüglich der dottrine christiane muß ich mich nach Prüfung aller Umstände[2]) für Nauk karstjanski (= dottrina christiana) von Alexander Komulović (Rom 1582), einem aus Spalato stammenden Erzpriester des Hospitals des hl. Hyronymus in Rom, entscheiden; das Original soll von Bellarmino[3]) sein. Daß diese ersten südslavischen Bücher der römischen Gegenreformation von Budinić und Komulović herrühren, wissen wir aus den Protokollen der erwähnten Bruderschaft (Societas seu Confraternitas hospitalis) des hl. Hieronymus, die zu ihrem Druck beigetragen hat.[4]) Der erste cyrillische Druck (Rom 1583) war eine Übersetzung der Summa doctrinae christianae des Petrus Canisius von demselben Šimun Budinić.[5])

---

serbskimi slovi, Rad 220/96, S. 263), M. Divković (iztomači ... u bosansk jezik *serbskiemi slovi*, Bosanski Prijatelj I., 30.) aus Bosnien oder A. Reljković in Slavonien noch im 18. Jahrh., und später im Streit serbisch oder kroatisch miß verstanden wurde, steht auf derselben Stufe wie „gotische" oder „deutsche Schrift" oder „Schwabacher Lettern", die von den Nordwestslaven bis ins 19. Jahrh gebraucht wurden.

[1]) So nach Šafařík II., 207. Kukuljević's (Bibl. hrv. 274 und 4) Titel sind wohl willkürliche Änderungen wie so oft.

[2]) Man könnte an die Übersetzung des Katechismus des Peter Canisius von demselben Šimun Budineo denken, der lateinisch und cyrillisch gedruckt, 158 ebenfalls in Rom erschien (vgl. J. Kukuljević, Bibliografia hrvatska N. 273 und 62 *Šafařík* o. c. II. 213, Š. Ljubić, Ogledalo književne poviesti jugoslavjanske II. 389) Der Titel ist bei Kukuljević und bei Šafařík ungenau, der lateinische jetzt authentisch wiedergegeben von Deželić, Hrv. bibliofil. I., 29. Darnach ist es auch sicher gestellt, daß Kukuljević's Angabe, der lateinische Druck sei ohne Jahr, unrichtig ist; beide Ausgaben sind 1583 erschienen, wie schon Ljubić behauptete. Der obigen Instruktion zufolge müßte der lateinische Druck in das Jahr 1582 verlegt werden was aber den Tatsachen widerspricht. M. Stojković (Nastavni Vjesnik XXII., 197 dachte an ein wahrscheinlich zuerst lateinisch und dann cyrillisch gedruckte Abecedarium und einen kurzen Katechismus des P. Canisius von demselben Š. Budineo (vgl. Šafařík o. c. 212, Kukuljević N. 63), was allerdings an die ersten Büchlein P. Trubars erinnern würde, doch ist dieser Druck bisher nicht bezeugt und wurd nach meiner Meinung nur aus dem oben genannten Werk von Stulli und dann vo Šafařík erschlossen und von Šafařík und Kukuljević sogar in dasselbe Jahr 158 verlegt. Die Angaben von Carlos Sommervogel, S. J. Bibliothèque de la Compagnie de Jésus, II. 333 über Summa nauka christiam skoga (!) sind aus zweiter Hand Ein cyrillisches Abecedarium von Budineo ist übrigens gedruckt worden, abe später: Breve istruzione per imparare il carattere Serviano e la lingua Illyrica Venedig 1597. Šafařík o. c. 100.

[3]) Kukuljević, Bibliografia hrv. Nr. 850.

[4]) J. Črnčić, Najstarija povjest krčkoj, osorskoj, rabskoj, senjskoj, i krbavsko biskupiji. 110—111, 108.

[5]) Vgl. o. Anm. 2, Da schon von Kukuljević der Umfang des cyrillische Druckes 4°, 264 Seiten) angegeben ist, so haben wir den Beweis, daß wir es mi

Man sieht schon aus diesen Andeutungen über die ersten Drucke der südslavischen Gegenreformation, daß noch viele Einzelheiten aufzuklären und die großen Zusammenhänge näher zu erforschen sind. Hier genügt es darauf hinzuweisen, daß in ähnlicher Weise auf Anregung und auf Kosten der Päpste, Kardinäle, namentlich ihrer Congregatio de *Propaganda* fide und verschiedener anderer Institute im 16. und 17., teilweise noch im 18. Jahrh., zahlreiche Werke in lateinischer, cyrillischer und glagolitischer Schrift — oft dasselbe Werk gleichzeitig oder später in verschiedeuen Schriften — gedruckt worden sind, meist in Italien, vor allem in Rom und Venedig, nur selten in Wien oder in Graz (hier nur provinzial-kroatische Werke).

Außer den glagolitischen Missalen, Breviarien und Ritualbüchern, die für kirchliche Zwecke bestimmt waren, finden wir längere und kürzere Katechismen des deutschen Jesuiten Peter Canisius, des „umgekehrten Luther", des italienischen Bellarmino und des spanischen J. Ledesma,[1]) andere katechetische und homiletische Werke, besonders Predigten, sodann Amtsbücher und sogar das Rituale romanum in der Volkssprache,[2]) Erbauungsschriften, namentlich Lebensbeschreibungen und Legenden von Heiligen, endlich asketische und Andachtsbücher. Neben der Prosa ist auch die Poesie teilweise schon in diesen Werken oder auch besonders vertreten: außer Psalmen (Budinić, Kašić) und einer Paraphrase der Nachfolge Christi des Thomas von Kempis (von Atanasije Georgiceo[3]) finden wir auch geistliche Lieder von demselben A. Georgiceus,[4]) von R. Levaković

dem Katechismus des P. Canisius (zuerst gedruckt 1554) zu tun haben, nicht mit einem Auszug aus demselben (1561). Vgl. Wetzer und Welte's Kirchenlexikon, 2. Aufl. VII., 302, 303.

[1]) Es gibt auch hier Kontaminationen verschiedener Werke. So schrieb Matija Divković aus Jelaške im östlichen Bosnien außer seinem großen Наѹк карстнански за народ словински (aus dem Lateinischen, nach wem?), Venedig 1611, auch eine kleinere „Christenlehre mit vielen geistlichen Dingen" (Наѹк карстнански многими ствари дѹховнием), welchen Katechismus er „aus dem Katechismus von Ledesma und Belarmino in eins zusammengepresst und zusammengestellt" habe. Gjorgje S. Gjorgjević, Matijo Divković (Beograd 1898), 38, 174—178. Auch das zuerst genannte Werk und die „Беседе" sollen Kompilationen sein. O. c. 179. Eine gewisse Selbstständigkeit zeigt also der erste Schriftsteller der Gegenreformation aus Bosnien.

[2]) Vgl. o. S. 693.

[3]) J. Kukuljević, Književnici u Hrvata iz prve polovine XVII. vieka, 49—54. Ob die nationalisierte Namensform Georgičević (nach anderen Jurjević) zu lauten habe, möchte ich bezweifeln.

[4]) Seine „Lieder für die wichtigsten, Jahresfeste" (Pisni za naypoglavitiye, naysvetiye i nayveseliye dni godischia sloxene (u Beçu (Wien) 1635) wurden nach

und B. Kašić, durch welche namentlich der letztere die weltliche Liebeslyrik und die Volksdichtung verdrängen wollte.[1]) Auf sprachlichem Gebiete gibt es nebst Abecedarien auch grammatische und bedeutende lexikographische Leistungen.[2]) Die Autoren solcher Werke, meist Übersetzer, Bearbeiter und Kompilatoren, stammten aus ganz Dalmatien, von den Inseln des Quarnero, aus dem südwestlichen Kroatien und aus Bosnien, ja sogar aus Bulgarien (P. Bakšić, K. Pejkić, F. Stanislavov), die bedeutendsten Lexikographen, die Jesuiten Jacob Micalia[3]) und Ardelio Dellabella[4]) aber aus Italien.

Eine hervorragende Stellung nehmen auch in der Literatur die *bosnischen Franziskaner* ein, deren cyrillische Drucke 1611,[5]) lateinische 1613 beginnen,[6]) wovon viele bis ins 19. Jahrh. oft aufgelegt wurden. Auch das katholische Bosnien erhielt also verhältnismäßig spät eine Literatur in der Volkssprache, kann sich aber immerhin eines ungemein großen Vorsprunges vor dem mohammedanischen und orthodoxen rühmen. Daß die Anregung dazu der römischen Gegenreformation zu verdanken ist, unterliegt nach den bisherigen Ausführungen keinem Zweifel. Als im J. 1896 Gj. Gjorgjević,[7]) St. Novaković folgend, dieses Schrifttum mittelbar auf die Reformation zurückführte, trat ihm allerdings ein Kritiker mit der Behauptung entgegen, daß

dem einzigen Exemplar wieder abgedruckt (auch mit Noten) von Dr. Jos. Mantuani, Hrvatska crkvena pjesmarica iz god. 1635, u Zagrebu 1915, S. A. aus der Zeitschrift „Sv. Cecilija“. Nach J. Mantuani und Branko Vodnik ist Georgiceus als Dichter ohne besondere Bedeutung, denn er hatte dogmatisch richtige Texte im Auge und konnte sich nicht frei bewegen, dagegen sehr wichtig als Kompositor, da er praktisch alles durchführte, was der Jesuit Athanasius *Kircher* 15 Jahre später theoretisch erörterte und zu beweisen suchte (Musurgia universalis sive Ars magna consoni et dissoni... Romae 1650). Aus den von J. Mantuani gesammelten und überprüften Nachrichten erfahren wir, daß Georgiceus in Spalato geboren, bei den Jesuiten in Graz erzogen, wo er ein Schüler des Hoforganisten J. Valentini gewesen sein muß, und vom Kaiser Ferdinand II. für verschiedene Gesandtschaften, darunter nach Polen und Moskau verwendet wurde.

[1]) Građa za povijest književnosti hrvatske, knj. 7., 202.

[2]) Thesaurus linguae illyricae — Blago jezika slovinskoga... labore P. *Jacobi Micalia*. Lavreti 1649. Dizionario Italiano-Latino-Illirico... opera del P. *Ardelio Dellabella*, Venezia 1728.

[3]) Vgl. M. Rešetar, Arch. f. sl. Phil. XXXIII., 467—469.

[4]) Šafařík, Gesch. d. südsl. Lit. II., 59.

[5]) Ein Venediger Druck in bosnisch-cyrillischer Schrift aus dem J. 1571 stammt von einem Ragusaner.

[6]) Vgl. die neuesten Einzeldarstellungen: Dr. Dragutin *Prohaska*, Das kroatisch-serbische Schrifttum in Bosnien und der Herzegovina (Zagreb 1911), Hamdija *Kreševljaković* (bosn. Moslim!), Kratak pregled hrvatske knjige u Herceg-Bosni (Sarajevo 1912).

[7]) In der Monographie über Matija Divković, Beograd, S. 3. (aus dem *Glas* srpske akademije LII. und LIII.).

die protestantischen Bücher nicht über die Save geraten seien und daß nur die Not die bosnischen Franziskaner zum Bücherschreiben angetrieben habe, obgleich er selbst zugibt, daß sie sich die Muster in den katholischen Werken holten, welche die Reformation hervorgerufen hatte.[1]) Das bildet aber den Kern der Frage, ganz abgesehen davon, daß die Reformation auch unmittelbar den Anstoß zum Drucke serbokroatischer Bücher gab.[2]) Mit Recht heben daher neuere Literarhistoriker, wie Šurmin, Vodnik (Drechsler) und Pavle Popović den mittelbaren protestantischen Einfluß immer mehr hervor und Prohaska[3]) kommt zu dem Schluß: „Man kann sagen, daß die *ganze bosnische* Literatur bis in das 19. Jahrhundert nichts anderes ist als die Erfüllung des literarischen Programms, das auf dem großen Konzil zu Trient aufgestellt worden war". Vielfach haben die bosnischen Franziskaner aus der glagolitischen und aus der dalmatinisch-ragusanischen Literatur in lateinischer Schrift[4]) geschöpft, sodaß sie auch auf diese Weise auf das innigste mit dem Abendlande zusammenhängen.

Als charakteristisches Beispiel für diese Zusammenhänge kann die Geschichte des bosnischen *Lectionars* (Pištole i evangelja), das als erstes mit Lateinschrift gedrucktes bosnisches Buch 1613 in Venedig (weitere Auflagen 1626, 1639, 1640, 1665, 1687, 1699, 1718, 1739, 1773[5]) von Ivan Bandulavić, gebürtig aus Skoplje in Bosnien, herausgegeben wurde. Der bosnische Franziskaner kam also dem dalmatinischen Jesuiten B. Kašić (Pistule, Romae MDCXXXXI.) in der Abfassung eines Lectionars in der štokavischen Literatursprache stark zuvor. Natürlich legte er das dalmatinische čakavische Lectionar (in der Ausgabe von Zborovčić 1586, erste Ausgabe von Bernardin Spljećanin 1495) zu Grunde und štokavisierte dasselbe, namentlich in den Formen, doch blieben sehr viele čakavische Elemente, namentlich auf den ersten 40 Seiten erhalten, sodaß wir darin eine štokavisch-čakavische Mischsprache vorfinden, wie sie nirgends gesprochen wurde, was D. Prohaska noch nach der von ihm benützten Ausgabe aus dem J. 1699 konstatieren

---

[1]) Nada (Sarajevo) III. (1897), S. 79.
[2]) Vgl. o. S. 687, 697.
[3]) O. c., S. 64.
[4]) Vgl. z. B. einen Nachweis T. Maretić's über M. Divković, Archiv f. slav. Phil. VII., 415—418.
[5]) Kukuljević, Bibliografia hrvatska, 18.

konnte. Besonderes Gewicht legte Bandulavić auf die Suche nach mehr verbreiteten Wörtern (za vas jezik općenije, koji osobite nadhode vokabule, aliti imena i riči). Im Anhang bringt er auch geistliche Lieder. Noch mehr der štokavischen Volkssprache wurde dieses Lectionar genähert durch die Slavonier N. Kesić (Epistole i evangelia, Budim 1740), der Formen, Wörter und die Orthographie Bandulavić's änderte, E. Pavić (Budim 1764), der ganz von Kesić abhängt, und M. Lanosović (Budim, 1794), der sich zuerst von seinen Vorgängern stark emanzipiert, dabei aber eine deutsche Übersetzung zur Hilfe nimmt. Auf alle diese Vorgänger stützt sich der erste Herausgeber einer katholischen serbokroatischen Bibel P. Katančić (Sveto pismo, Budim 1831.[1]) Bis auf Bandulavić geht noch das Evangelistar von P. Knežević[2]) zurück. Wir haben also auch hier eine vielhundertjährige Tradition des notwendigsten Handbuches für Geistliche vor uns. Die Geschichte seines Textes müßte natürlich noch genauer untersucht werden. Auf jeden Fall ist es aber klar, daß *dieses Werk bei Untersuchungen der Sprache bosnischer und slavonischer Schriftsteller nur mit Vorsicht zu gebrauchen ist.*

Gegenüber den herrschenden Anschauungen muß man weiter hervorheben, daß die literarische Tätigkeit der Franziskaner selbst auf die orthodoxe und mohammedanische Bevölkerung des Balkans nicht ohne Einfluß blieb: schon die ersten römischen Drucke waren direkt zur Verteilung auch an die orthodoxen Christen[3]) bestimmt, Unionsbestrebungen blieben immer auf der Tagesordnung und hatten auch vorübergehende Erfolge,[4]) anderseits ist es bekannt, daß auch serbischorthodoxe Priester nach Rom kamen, um sich die theologische Bildung anzueignen, nach der Rückkehr aber vom Katholizismus wieder abfielen und die Orthodoxie förderten,[5]) ganz so wie südwestrussische Zöglinge der polnischen

---

[1]) Dr. Prohaska, Budimski lekcionari XVIII. vijeka prema bosansko-dalmatinskomu od B. Bandulavića, Zbornik u slavu Vatroslava Jagića, 557—575. Auf ihn stützt sich V. Jagić, Die serbokroat. Übersetzungen der Bibel, Archiv f. sl. Phil. XXXIV., 506, 513—514, 526.

[2]) V. Jagić, l. c. 534.

[3]) Vgl. o S. 697.

[4]) Vgl. Batinić, Djelovanije Franjevaca u Bosni i Hercegovini II., 79, 81 (Bekehrung der Paulikianer in Bulgarien), 84, 100, 119. Über die Unterordnung des montenegrischen Metropoliten Mardarij unter Urban VIII. vgl. noch P. A. Rovinskij, Černogorija I. (Sbornik d. russ. Abteilung der Akademie in Petersburg B. 45) S. 496—498.

[5]) M. Batinić o. c. III. 115—116, Prohaska o. c. 76.

Jesuitenschulen; namentlich lernten sie die in ihrer Volkssprache geschriebenen katholischen Werke kennen, die bei dem damaligen großen Mangel an Handschriften und Büchern gewiß auch das Interesse der übrigen Geistlichkeit und anderer schriftkundiger Personen [1]) erregten. Besonders ein so populäres Werk wie die italienische Sammlung „Fior di virtù" von Cherubino da Spoleto, Giovanni Antonio Travesogni und Tomaseo Leoni, von dem es schon bis 1500 26 venezianische und florentinische Ausgaben gab, konnte in der Übersetzung des Franziskaners Paul Posilović,[2]) des aus Glamoč in Bosnien gebürtigen Bischofs von Skradin (Scardona), ebenso Anklang finden, wie eine frühere gekürzte handschriftliche (Ragusa 1520), da die katholische Herkunft des Werkes selbst neugriechische, rumänische und russische Übersetzungen und einen serbischen Text aus der russischen Übersetzung [3]) nicht gehindert hat. Ebenso gelangte der Inhalt dieser Bücher durch Predigten, Vorlesungen und Erzählungen der Franziskaner nicht bloß unter die Katholiken, sondern auch unter die Orthodoxen [4]) und Mohammedaner,[5]) mit denen ja

[1]) Es gibt eine Christenlehre (1757), die L. Vladimirović schrieb, um bei den „Katholiken wie *bei den Orthodoxen*" eine größere Liebe zu entfachen. Prohaska, o. c. 143.

[2]) *Cviet od kripostih* duhovnih i tilesnie, Venetiis 1647. II. Ausg. 1701, III. (in lat. Schrift) 1712, IV. 1756, alle in Venedig.

[3]) M. Speranskij, Cvěty darovanij, in den Čtenija der russischen Geschichte- und Altertumsgesellschaft an der Moskauer Universität, 1905, 2. B., S. 527—562.

[4]) Den besten Beweis dafür bietet die Tatsache, daß in Montenegro das ärgste Schimpfwort für den Ausländer lautet *lutor* (= Lutheraner, *lacman*, *lacmanin* aus Landsmann, *švaba* = Schwabe sind nur verächtlich), vgl. die Redensart: *lutor pogani!* mačke jije (unreiner Lutheraner! ißt Katzen. Von den Italienern meint man, daß sie Katzen, Schildkröten und allerlei Unrat essen). P. Rovinskij Černogorija II. 1. (Sbornik der Abt. f. russ. Sprache und Literatur der Akademie in Petersburg, B. LXIII., Nr. 3.), S. 397. Auch aus dem südlichen Dalmatien, aus Grbalj, wird in einer folkloristischen Erzählung, der ein wirkliches Ereignis aus dem J. 1842 zu Grunde liegt, derselbe Ausdruck von einer Gruppe von Feldarbeitern gebraucht, der von einer andern in der Fastenzeit Fleisch aus Neckerei angeboten wurde, wozu aber diese vom Geistlichen die Dispens hatte: „Mi nijesmo *lutori* ni dao Bog, no pravi rišćani, a ko svoj zakon ne pazi, nema ni zakona ni obraza" (Wir sind keine Lutheraner, Gott behüte, sondern echte orthodoxe Christen, wer aber seine Religion nicht achtet, hat weder Religion noch Ehre). Vuk vit. Vrčević, Niz srpskich pripovijedaka, Pančevo 1881, S. 198. Sogar in Belgrad hieß zu Anfang des 19. Jahrh. ein Kaufmann Jovo *Lutor*, „von dem man sprach, daß er niemals faste". (Vuk Karadžić, Istor. sp. I., 270.) Belege für solche Bedeutungen von *lutor* aus Schriftstellern der Gegenreformation (z. B. sieh jenen lutor, er hat nicht gebeichtet; was nicht einmal lutori sagen) bringt Rječnik hrv. ili srp. jezika der südsl. Akademie VI., 230. Besonders bezeichnend ist aber ein Gedicht, das der bosnische Chronist Nikola Lašvanin zum J. 1697 bringt, als der orthodoxe Patriarch von Peć (Ipek) zum dritten Male in Sarajevo den Versuch machte, die Katholiken unter seine Botmäßigkeit zu bringen. *Paćara* (d. i. Patriarch, paćaršija — patrijaršija kennt auch V. Karadžić Rječnik) sei ärger als alle Lutheraner:

die volkstümlichen Fratres oft freundschaftlich verkehrten, die Bevölkerung der drei Konfessionen war aber ohnehin ebensowenig ganz von einander getrennt,[1]) wie sie es auch heutzutage nicht ist.[2]) Dementsprechend sind in den Volksliedern und Erzählungen auch der orthodoxen Serben Stoffe aus dieser katholischen, aus so manchem Speculum und Fiore geschöpften Literatur, namentlich Marienlegenden von Jagić,[3]) Daničić,[4]) Maretić,[5]) Gj. Gjorgjević,[6]) J. Milčetić,[7]) P. Popović,[8]) Š. Urlić,[9]) u. a. konstatiert worden und bei unserer immer mehr wach-

---

pačara je garěke vire,
i od sviu *lutor* gore.

Auch während des Gerichtsverfahrens vor Mehmed paša wird er von den *Karstiani* (d. i. Katholiken) mit verschiedenen Schimpfwörtern bedacht, die aber nichts seien im Vergleich zu Luther, Calvin:

Starovircem vlahom zvaše,
jer istina to biše.
garkom, harkom ńega zvaše,
ni to ružno ne rekoše,
lutor, kalvin da on biše,
i od sviu gori biše.

Ljetopis fra Nikole Lašvanina, hg. von Dr. Fra Julijan Jelenić, Glasnik zem. muzeja u Bosni i Hercegovini, XXVII. (1915), S. 279, 281. (S. 105,107 des S. A.). Von M. V. Batinić (Djelovanje franjevaca, II. 173—175) wird das Gedicht dem zeitgenössischen Chronisten (ib. 171) Margitić zugeschrieben.

[5]) In Bosnien wird auch von den Mohammedanern ein Mensch ohne Glauben, ein Freigeist *lutoran* genannt (von meinem Grazer Hörer H. Ajanović aus Tešanj).

[1]) So wurde nach einem Visitationsbericht aus dem J. 1672 in Olovo (ecclesia Plumbensis) im östlichen Bosnien ein wundertätiges Muttergottesbild „von Türken und allerlei Ungläubigen" verehrt und am Feste Mariae Himmelfahrt gab es daselbst alljährlich einen Zusammenlauf omnium convicinarum nationum, utpote Hungarorum, Slavorum, Croatarum, Dalmatarum, Ragusaeorum, Bosniensium, *Turcarum, schismaticorum*, Graecorum, Iudaeorumque. In der Pfarre Radunjevac, die vom Konvent in Sutiska verwaltet wurde, fand der Visitator keine Kirche, sed duo ampla coemeteria, in quibus diebus festis *Turcae cum schismaticis et quibusdam etiam christianis* nundinas exercent, vinum vendunt, carnes super sepulturas assant et commedunt et inebriantur, parochus vero interim celebrat. (Starine XXXVI., S. 139—140). Diese Vermischung ging aber noch tiefer, da vielfach ganze Familien oder Einzelpersonen für den Katholizismus wieder- oder neugewonnen wurden, anderseits auch Katholiken zu den Orthodoxen und „Türken" übergingen. Belege fast auf jeder Seite des Visitationsberichtes des Bischofs frà Nikola Olovčić aus den J. 1672—1675, a. a. O. S. 132—152.

[2]) So werden orthodoxe, katholische und mohammedanische Sänger epischer Lieder von Anhängern aller Konfessionen angehört. Im J. 1913 sang ein Katholik den Moslims in einem Kaffeehaus in Ostružnica während der Ramasannächte. Vgl. meine unten zitierten Berichte.

[3]) Historija književnosti, 105—106.

[4]) Arch. f. slav. Phil. III., 215.

[5]) Arch. f. slav. Phil. VI., 428—431, Zbornik za narodni život i običaje VII., 227—229, 235.

[6]) Matija Divković, 185—186.

[7]) Zbornik za narodni život i običaje IX., 2—3.

[8]) Pripovedka o devojci bez ruku (Beograd 1905, Akademie) 94, 97,

[9]) Nastavni Vjesnik XIX, 244.

senden Erkenntnis, daß die gedruckte Literatur eine wichtige Quelle der mündlichen[1]) ist, und war, haben wir noch mehr solcher Funde zu erwarten.

Der ganze Sachverhalt macht es weiter begreiflich, daß nicht bloß die religiösen Erbauungsschriften den Geist der Gegenreformation atmen, sondern die ganze Kunstdichtung. Es ist schon längst erkannt worden, daß in der ganzen dalmatinisch-ragusanischen Literatur ein bedeutender Unterschied zwischen dem 16. und 17. Jahrhundert besteht und daß speziell das goldene Zeitalter der ragusanischen Literatur, die in Ivan Gundulić (1588—1638), dem bedeutendsten Dichter des Slaventums vor dem 19. Jahrh.[2]) ihren Höhepunkt erreichte, von der römischen geistlichen Bildung[3]) beeinflußt ist. Daß sich da Renaissance und Gegenreformation[4]) gegenüberstehen, ist natürlich. Sogar Gundulić verkörpert diese ganze Entwicklung in seiner Poesie der Jugend- und Mannesjahre.[5]) Wenn dem gegenüber M. Rešetar[6]) meint: „wenn wir aber ein besonderes charakteristisches Merkmal für die ragusanische Literatur des XVII. gegenüber derjenigen des XVI. Jahrh. suchen wollen, so müssen wir es suchen und finden in dem slavischen und antitürkischen (nicht gegenreformatorischen!) Geist, der die Literatur des ganzen Jahrh., von Gundulić an, durchweht", so kämpft er nur gegen ein Wort, denn auch dieser slavische und antitürkische Geist ist mindestens zum großen Teil ein Werk der Gegenreformation[7]) oder bekam von ihr eine charakteristische Färbung.[8])

---

[1]) Vgl. des Verf. *Bericht* über eine Reise zum Studium der Volksepik in Bosnien und Herzegovina im J. 1913. Sitzungsber. der kais. Akademie der Wiss. in Wien, phil. hist. Klasse, 176Bd., 2 Abh., besonders S. 35—39, 41—43. Auch im ersten Bericht über die Volksepik der bosn. Mohammedaner, ebendaselbst, 173. Bd., 3. Abh. S. 40—41, 44—45.

[2]) Alfred Jensen, Gundulić und sein Osman. Göteborg, 1900.

[3]) Ich vermeide den Ausdruck *jesuitische* Bildung, die früher schon Gundulić zugeschrieben wurde, denn Đuro Körbler (Rad 205, S. 136–168, Rad 212, S. 226–229) hat den Beweis erbracht, daß Gundulić nicht von Jesuiten erzogen wurde, doch sein angesehener Lehrer Palikuća, ein Weltgeistlicher und lateinischer und serbokroatischer Schriftsteller, studierte in Rom, und Jesuiten hielten sich vorübergehend häufig in Ragusa auf und waren Gäste vornehmer Familien.

[4]) Man vergleiche nur die in Ragusa geschriebenen Ausfälle des Jesuiten B. Kašić gegen die „unzüchtige" Liebeslyrik und die Komoediendichtung. Br. Vodnik, Povijest hrv. knj. 228—229. Anm.

[5]) O. c. 228.

[6]) Arch. f. slav. Phil. 36. Bd., 266.

[7]) Vgl. o. S. 692—693, wie die Jesuiten gerade Ragusa zum Stützpunkt ihrer antitürkischen Politik machen wollten.

[8]) Ich vertrat diese Anschauungen schon in meiner Übersicht „Die südslav. Literaturen" (Die Kultur der Gegenwart, Teil I., Abt. IX.), beeinträchtigte aber

Was den „slavischen Geist" anbelangt, so gedenken die slavischen Chronisten von den ältesten Zeiten angefangen der großen Verwandschaft der slavischen Völker und Sprachen, besonders stark betonen sie seit dem Humanismus Grammatiker (vgl. den slovenischen Protestanten Bohorič, einen Schüler Melanchtons) und Lexikographen, und die Türkennot erregte entsprechende Gefühle sogar in weiteren Kreisen, aber die südslavische Gegenreformation, welche die geistigen Einigungsbestrebungen der südslavischen Protestanten gleichfalls als Erbe übernimmt, bringt dadurch einen neuen Zug in die Bewegung, daß sie *die slavische Vergangenheit im Lichte des Katholizismus verklärt*[1]) *und bis nach Moskau reichende Unionsbestrebungen im Auge hat.* So gibt es eine ganze Gruppe hervorragender kroatischer Schriftsteller aus allen Gebieten, die Rom als Gesandte, Bischöfe, Visitatoren und Missionäre bedeutende Dienste leisteten:[2]) Glavinić, Mrnavić, Komulović, Kašić, A. Georgiceus, Križanić[3]) (s. u.) u. a. Zu Ende des 16. und am Anfang des 17. Jahrhunderts war Rom geradezu ein Mittelpunkt der katholischen Südslaven, die dort auch mit katholischen Nordslaven und den unierten Ruthenen in Berührung kamen.[4]) Diese ganze Richtung brachte auch einen Fälscher hervor, denn der gelehrte Ivan Tomko M(a)rnavić (1580—1637), Bischof von Skradin (Scardona), machte den byzantinischen Kaiser Justinian zu einem Slaven,[5]) was lange aurch in Westeuropa geglaubt wurde,

---

die Wirkung derselben dadurch, daß ich mich nicht entschließen konnte, die übliche Einheit der dalmatinisch-ragusanischen Literatur, welche in Wirklichkeit alle europäischen Literaturperioden von den Troubaduren bis zum franz. Pseudoklassizismus, repräsentiert, zu zerreißen und so Reformation und Gegenreformation erst nach der Renaissance behandelte. Es ist in der Tat schwer, beiden Perioden in der Literatur der Kroaten und Serben die richtige Stelle anzuweisen. Der Humanismus und seine Töchter, die italienische Renaissance und die deutsche Reformation, sind schon in ihrer Heimat ineinander verflochten, noch mehr aber in anderen Ländern. Ein Antipode von mir ist A. Brückner, der in seiner „Geschichte der polnischen Literatur" die Reformation vor dem Humanismus behandelt. Daß man sich auch bei den Südslaven strenger an die Chronologie halten müsse, bemerkte ich schon im Srpski književni Glasnik, 1911, 27.B., 921—922.

[1]) F. Šišić, Nastavni Vjesnik IX., 399, 572.

[2]) Gleich der erste gegenreformatorische Schriftsteller, Alexander Komulović (Comuleus), der sich unter Gregor XIII. und Clemens VIII. im ganzen Osten und Nordosten Europas auszeichnete, war 1595 und 1597 in Moskau und erwirkte die Bereitschaft das Zaren Feodor Ivanovič zu einem antitürkischen Bündnis mit König Rudolf. V. Klaić, Povjest Hrvata, V. 355, 398.

[3]) Vgl. T. Smičiklas, Poviest hrvatska II., 146—147, M. Stojković, Nastavni Vjesnik XXII., 1.

[4]) J. Kukuljević, Književnici u Hrvata, 137—138.

[5]) F. Šišić, Nastavni Vjesnik IX., 240ıf.

und wollte einen 1222 geschriebenen glagolitischen Psalter gesehen haben, dessen Übersetzung auf den hl. Hieronymus zurückginge, sodaß zwischen dem slavo-lateinischen (also hieronymischen) und der slavo-griechischen (also kyrillischen) Redaktion eine Scheidewand aufgerichtet würde.[1])

Die von Rom ausgehenden Unionsbestrebungen fanden besonderen Anklang in Kroatien, dessen geistliche und weltliche Stände darin ebenso ein Mittel erblickten, durch die Glaubenseinheit dem Lande auch die politische Einheit zu sichern, wie in der Vernichtung des Protestantismus.[2]) Nicht minder wichtig war der Umstand, daß die geistlichen und weltlichen Stände Kroatiens bestrebt waren, die orthodoxen serbischen Flüchtlinge, aus denen sich die Habsburger eine Hausmacht bilden wollten, ihrem Einfluß und ihrer Verwaltung unterzuordnen. Da namentlich die Zagreber Bischöfe beständig darauf hinarbeiteten, so werden wir es begreifen, daß aus ihrer Diözese auch ein Mann hervorgegangen ist, dem die Rolle eines Missionärs unter den dortigen orthodoxen Serben nicht genügte.

Jurij Križanić[3]) (Georgius Crisanius, 1618—1683), Sohn eines Kaufmanns, gebürtig zwischen Karlovac (Karlstadt) und der heutigen bosnischen Grenze, der bei den Jesuiten das Gymnasium in Zagreb (Agram) studierte, Philosophie in Graz, Theologie im ungarisch-kroatischen Collegium in Bologna und im griechisch-ruthenischen Collegium des hl. Athanasius in Rom (gegründet 1527 von Gregor XIII., stand unter besonderem Schutz Urban VIII., als er Kardinal war, geleitet von Jesuiten),

---

[1]) V. Jagič, Arch. f. slav. Phil., 33. B., 111ff.

[2]) Vj. Klaić, Povjest Hrvata V., 446.

[3]) Ich übergehe hier die älteren Schriften über Križanić von Kukuljević, Bezsonov und Marković und Würdigungen von Solovjev, Berežkov u. a. Eine moderne Monographie über ihn mit vielen neuen Dokumenten veröffentlichte S. A. *Bělokurov*, Jurij Križanić v Rossii, herausgegeben von der kais. Gesellschaft für Geschichte und Altertümer an der Moskauer Universität. Moskva, 1901. Kurz aber klar schilderte sein Leben P. *Pierling* S. J. im IV. B. seines Werkes „La Russie et le Saint-Siège" (Paris 1907), der ihn „Un Panslaviste Missionaire" nennt. Zum 300jährigen Jubiläum veröffentlichte 1917 *V. Jagić* eine ausführliche Monographie „Život i rad Jurja Križanića" (Zagreb, Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti), in welcher die ganze bis dahin bekannte Literatur über sein Leben und seine Werke berücksichtigt wurde. Bělokurov hatte kein Verständnis für die Persönlichkeit Križanić's, aber auch Jagić berücksichtigt zu wenig das Milieu und die Zeit, die Križanić hervorgebracht haben. Doch muß ich erwähnen, daß Jagić einer „Kritik" der Ideale Križanić's und seiner Abhängigkeit von Vorgängern und Zeitgenossen ausdrücklich entsagte (346). Allen kritischen Anforderungen entspricht die Monographie von V. Waldenberg über die Staatsideen Križanić's (Государственныя идеи Крижанича, С.-Петербургъ, 1912).

träumte mindestens seit seiner Studienzeit in Bologna von einer Missionstätigkeit im Reich des Moskauer Zaren.[1]) Auf Grund der Schriften Herbersteins, des Olaus Magnus und namentlich Possevino's machte er sich eine Vorstellung von den dortigen Verhältnissen und überreichte 1641 im Alter von 24 Jahren dem Präfekten der Propaganda, dem Kardinal Antonio Barberini, eine ausführliche Druckschrift[2]) über ein solches Unternehmen, wobei er öfters dem Jesuiten Possevino opponiert. Er betrachtete *die Moskowiter nicht als Haeretiker oder Schismatiker* (da ihr Schisma nicht aus der eigentlichen Quelle, aus Hochmut, sondern aus Unwissenheit stamme), sondern als von Griechen irregeführte Christen.[3]) In seinen Unterredungen mit Russen wollte er daher nicht den Glauben lehren, vielmehr sie zu Tugenden, Wissenschaften und Künsten anleiten, wonach es leichter wäre ihnen ihre Irrtümer nachzuweisen. Vom Schisma würde er nicht reden, in keiner Kirche predigen, nur bei Hof wirken. Die russischen Heiligen würde er nicht ablehnen, und es als eine Hauptaufgabe betrachten, den Russen die Irrtümer der Griechen zu erklären und die russischen Kirchenbücher durchzusehen und zu verbessern. Dem Moskauer Großfürsten wollte er sich durch seine Sprachkenntnisse und literarische Arbeiten nützlich machen und würde Bücher über geistliche und weltliche Dinge[4]) in Poesie und Prosa im „russischen Dialekt" schreiben, zu deren Druck und Übersetzung er sich auch nach Venedig senden ließe. Nach solchen Vorbereitungen im Laufe von 4 bis 5 oder mehr Jahren würde er dem Fürsten seine

---

[1]) Vor ihm waren als Gesandte (Missionäre) der römischen Kurie in Rußland schon zwei Kroaten, Alexander Komulović in den J. 1593 und 1596 und Rafael Levaković um 1625. J. Kukuljević, Književnici u Hrvata, 225.

[2]) Nach einer Abschrift des P. Pierling gedruckt im genannten Werk Bělokurov's unter den Beilagen S. 88—106 im italienischen Original, S. 107—126 in russischer Übersetzung.

[3]) Punkt 8 der Denkschrift. Bělokurov o. c., 96—97.

[4]) Für die ganze Literatur der südslavischen Gegenreformation sind bezeichnend die Werke, die *gedruckt* werden sollten: „E qui ci vuole mettersi in opera prima, e poi ancora stamparsi li modi di confessarsi, e di fare l'esame della coscienza il rosario, lo stellario, la corona del Signore, l'ufficio della Madonna ed ogni sorte di meditazioni, esercizi spirituali, perchè essendo i Moschi molto inclinati alla religione, queste si fatte cose nuove ed insolite, non gli potranno se non piacere, se prima saranno approvate dalli vescovi.

Nel tradurre poi e stampare i libri bisognerà adesso dar fuori uno delle materie secolare, adesso un altro delle spirituali, e cosi a vicenda sempre. Tra i spirituali poi (ecceto quelli di devozione) fare ancora l'istoria ecclesiastica e il trattato de notis Ecclesiae ed altri simili come delli casi di coscienza, ed alcuni più grosse questioni di teologia. E seguitare a scrivere l'istoria del Duca, di suo tempi." Bělokurov o. c., Beilagen, 105.

wahre Absicht entdecken und ihn zu einem Krieg gegen den allgemeinen Feind, die Türken, ermahnen, wobei ihm die glaubensverwandten Serben und Bulgaren, Bosniaken, Walachen und Bogdanesen folgen würden, um so lieber, als sie mit ihm der gleichen Sprache und Nation angehören.[1]) Um jedoch ordentlich gerüstet zu sein, würde der Fürst die Hilfe der katholischen Herrscher brauchen, für deren Gewinnung aber wieder die Union notwendig wäre. Um sich den Weg nach Moskau zu bahnen, wollte er noch in Rom ein Werk über die Geschichte der christlichen Kirche schreiben, worin er die übrigen Nationen nur im allgemeinen, dagegen alle Slaven[2]) auf das genaueste behandeln würde, und es über Konstantinopel oder Smolensk dem Zaren senden, dem allein er als „dem würdigsten unseren nationalen Fürsten" dienen wollte. Dabei gebraucht er für die slavischen Völker zweimal den Ausdruck nostre nazioni, einmal spricht er von „unserer ganzen Nation" (di tutta la nostra nazione[3]), eine Unklarheit, die auch sonst vor und nach ihm vorkommt. Aus Werken über Künste und Wissenschaften übersetzte er schon einiges in lingua croata per poterle poi con una poca mutazione mettere nella moscovitica. Um den Fürsten zu gewinnen, würde er die modernen und alten Großfürsten auch in Versen nach lateinischem Muster und Maß (a modi e misure latine), wie bisher vielleicht nur Ovid[4]) gesungen habe, rühmen und als echter Jesuitenzögling wollte er auch Theatervorstellungen aus dem Leben der russischen Heiligen und Fürsten[5]) veranstalten.

---

[1]) Ed i Bulgari, i Serviani, i Bosnesi, Vallachi e Bogdanesi faranno l'isteso volentieri *per amor di un principe di comune loro lingua e nazione.* Bělokurov o. c., Beilagen, 106. Bezüglich Rumäniens konnte die Behauptung aufgestellt werden, weil das Kirchenslavische daselbst bis zum 17. Jahrh. die Kirchen- und Staatssprache bildete. Vgl. F. Miklosich, Die slavischen Elemente im Rumänischen, 12.

[2]) ...un opera dell' Istoria cristiana, che toccasse solamente in universale le Istorie ecclesiastiche delle altre nazioni, ma però che non tralasciasse nissuna particolarità delli primi principi, progressi o mancamenti e perdite della fede cristiana apresso tutte le nostre nazioni, come sono i Polacchi, Boemi, Moscoviti, Bulgari, Circassi (die Ruthenen, Ukrainer), Croati, Bosnesi ed altri. Bělokurov, o. c., 101.

[3]) Beilagen, S. 102.

[4]) Auch das ist bezeichnend für Križanić und seine ganze Zeit, daß er es für möglich hält, Ovid habe in der Verbannung slavisch gedichtet. So sind wohl zu verstehen die Worte: ...con un modo *di versi che da nessuno (se non forse da Ovidio come si dubita da alcune sue parole) sono fatti, cioè in lingua nostra* versi a modi e misure latine. O. c. 104.

[5]) O. c., 104.

Als Seelsorger in Kroatien trug Križanić wiederholt der Propaganda seine Dienste an[1]) und bekam 1646 Gelegenheit nach Polen zu gehen, um sich in den ruthenischen Gebieten für seine Mission weiter vorzubereiten. Hiebei traf er in Warschau mit dem Moskauer Diplomaten Dochturov zusammen, dem er sein Verlangen nach slavischen Sprachstudien durch die gedrückte Lage seiner „illyrischen Nation“ begreiflich zu machen suchte und wieder besondere Vorliebe für Moskau zeigte, dessen Fürsten von „unserem Blut und unserer Sprache“ er vor allem zu dienen wünschte, wobei ihm nur wegen seines Glaubens keine Schwierigkeiten gemacht werden dürften.[2]) Auf zwei Monate gelangte er mit einer polnischen Gesandschaft 1647 nach Moskau, war 1650 mit einer kaiserlichen Gesandschaft in Konstantinopel, beschäftigte sich in Rom mit Übersetzung von polemischen

---

[1]) Seine weiteren Schicksale kann auch der des Russischen unkundige Leser aus den von Bèlokurov (S. 127—286) veröffentlichten Akten des Archivs der Congregatio de propaganda fide studieren.

[2]) Bělokurov o. c., Beilagen, S. 191—194: „. . . ego de natione Illyricus Croatus sum, religionis romanae sacerdos; et hoc primum tempore cum domino episcopo Smolen. in has partes veni. Causa autem haec est, quod mea natio Illyrica cum sit tota Turcis, Germanis et Italis subdita, linguam quoque propriam non solum cum praedictis miscuerit, sed fere plane perdiderit. Quam rem ego aegerrime ferens semper laboravi circa culturam huius linguae, et adhuc laborare cupio. Ad hoc autem perfectius efficiendum, et ad cognoscendam omnem proprietatem *Illyrici sermonis*, existimavi mihi esse necessarium cognoscere praecipuas eius dialectos. Et iam *calleo Croaticam, Sarbliacam et Carnicam* (krainisch-slovenisch): huc autem veni ut apprehendam *Polonicam* et *Rutenicam*. Sed inter omnes maxime desidero assequi vestram *Moscoviticam*: illa enim ceterarum nostratium praecipua mihi videtur in eo quod *vos soli ex tota nostra natione indigenam principem habetis*, et ideo omnia reip. et ecclesia negotia propria lingua perficitis. Sed duo mihi obstant: unum quod sim a vobis in religione alienus, alterum quod extermus. . . . *Praeterea cum princeps sit nostri sanguinis et linguae*, illi postius quam ulli alii principi servire cupio. Servire autempossem in lingua Slavonica, latina, italica et germanica: quas profiteri possem. Graecam quoque calleo mediocriter, ut et in illa possem tradere grammaticalia principia (f.-b.). Scholas quoque sive latina sive slavonica lingua docere, grammatikam, rhetoricam, arithmeticam et philosophiam. Item ex praedictis linguis quoscunque digniores libros historicos, et alios in Moscoviticam (quam brevi assequi posse sperarem) transferre. Historias Moscoviticas scribere modernas, et priores in ordinem redigere. Interpretem agere tum domi apud principem, tum ofris si mitterer cum legatis. Principis prolem in literis et linguis erudire. Et si opus esset ad exteras nationes pro aliqua re verbi gratia pro conducendis opificibus mittere, me posset uti princeps. Si in aliquo ex dictis modis serenissimo principi mea opera grata esse posset, ego promptus essem ad serviendum, neque de remuneratione domini principis erga me dubitarem. Hoc solum maxime obstat, quod ego fidei romanae sum, sed et hoc non est tanti, quin me pati posset dominus princeps, quando multi plane haeretici Germani, et Mahometani Tartari inter vos habitant, qui multo magis a vobis distant, neque fidelitatem principi iurarunt, sicut et ego iurarem. Turbas autem in fide ego nullas conatare possem, ad latus principis constitutus; cuius gladius semper esset mihi imminens. Tantum vellem ut nemo mihi molestus esset de fide, nam sic tenerer loqui pro mea fide, quam nunquam negare sed defendere semper desidero“.

Schriften in griechischer und russischer Sprache und begab sich, da sich die Verhandlungen über seine Mission zu sehr in die Länge zogen, *eigenmächtig* nach Moskau, um sich dort als Lehrer zu betätigen.

Während seines zweijährigen Aufenthaltes (1659—1661) bewarb sich Jurij Serbenin („der Serbe“, das war in Moskau verständlicher und erregte mehr Vertrauen als „Kroate“) um höhere Beschäftigungen in der Gesandtenkanzlei und bekam auch den Auftrag eine slavische Grammatik und ein Lexikon zu schreiben. Wegen eines „dummen Wortes“ wurde er jedoch nach Sibirien verbannt, und hatte so durch 15 Jahre Gelegenheit (1661—1676) Werke theologischen, philosophischen, geschichtlichen, politischen und volkswirtschaftlichen Inhaltes über Rußland und das Slaventum in einem russisch-kroatisch-kirchenslavischem Gemisch oder in lateinischer Sprache zu schreiben, die den Zeitgenossen nicht ganz unbekannt blieben großen Beifall aber erst bei den Russen des 19. Jahrh. fanden, ebenso wie seine slavische Grammatik, obwohl sie bis heute nur teilweise gedruckt vorliegen. Križanić bat begreiflicherweise oft um Rückkehr nach Moskau, wo er wieder zwei Jahre (1676—1677) verbrachte, und dann um freien Abzug in sein Vaterland. In Wilna trat er in den Dominikaner- als Missionsorden, fand aber mit seinen Anschauungen und polemischen Schriften bei den polnischen geistlichen Brüdern keinen Anklang, wohl aber beim päpstlichen Nuntius in Warschau, der sie den Jesuiten zur Beurteilung übergeben hatte. In Rom konnte er nicht mehr über seine Erfahrungen berichten, denn er starb im Polenlager vor Wien. Alle Enttäuschungen brachten ihn von seinen Ideen nicht ab, er blieb ihnen treu bis zum Tode.

Auf eine nähere Charakteristik und kritische Würdigung seiner Werke kann hier nicht eingegangen werden. Ich erwähne nur kurz, daß seine Anschauungen von einer kirchlichen Union Rußlands mit Rom und von einer Einheit der slavischen Völker, die er in seiner Denkschrift an den Präfekten der Propaganda 1641 niedergelegt hatte, im Wesen gleich geblieben sind. Dem entsprechend behandelt er die russische Kirche mit der größten Hochachtung, verteidigt sie in einer besonderen Streitschrift gegen die Mönche von Solovki, Anhänger des russischen Raskol, und erklärt die Orthodoxie als den ersten Grundpfeiler

Rußlands,[1]) hält aber an der Union mit Rom fest, die geradezu eine Notwendigkeit sei, damit der russische Zar den polnischen Thron besteigen könne, was damals ein ganz ernster Plan auf russischer wie auf polnischer Seite war, denn weder können die Polen einen orthodoxen Herrscher anerkennen, noch der russische Zar oder sein Sohn der Orthodoxie entsagen.[2]) Dagegen bekämpft er die Idee einer Weltmonarchie, also auch der byzantinischen, lehnt mit aller Entschiedenheit die Legende ab, daß die russischen Zarenregalien aus Byzanz stammen, und findet die Bezeichnung von Byzanz als „zweites Rom" ganz ungerechtfertigt,[3]) was zudem eine indirekte Kritik der Moskauer Staattheorie vom „dritten Rom" ist. Jetzt denkt er auch nicht mehr in erster Linie an eine europäische Koalition mit Rußland gegen die Türkei, wie im Jahre 1641, sondern vor allem an ein enges Bündnis zwischen Rußland und Polen,[4]) welcher Plan damals auch vielen Russen vorschwebte, anderseits glaubten aber nach Križanić auch die Türken, daß ihnen von Rußland und Polen Gefahr droht.[5])

Seine Ausführungen über die Gründe der großen Kirchenspaltung schließt er mit den Worten: „Hic breviter ostendimus causas schismatis non procedere ex spiritualibus causis, sed ex duorum populorum ambitione et aemulatione et saecularibus controversiis, scilicet contendendo pro auctoritate regali et pro auctoritate ecclesiastica sive papali".[6]) Ausführlich verteidigt er die römische Kirche und widmet ein ganzes Kapitel den Beleidigungen, welche die Griechen der römischen Kirche und „uns Slaven" antun. Die Unbilden gegen die Römer faßt er in 5 Punkten zusammen, gegen die Slaven in 24. So lassen die Griechen die Slaven in Unwissenheit schmachten, ihre Mönche und Metropoliten treiben sich „in unserem Lande" herum, durch List ziehen sie metropoliam Serbiacam an sich, verkaufen die geistlichen Würden an Unwürdige und verlangen die Wiedertaufe; sie tragen die Schuld an den blutigen Kriegen und den Mißverständnissen zwischen Russen und Polen, auch daran, daß die Krimtataren Rußland belästigen, weil es zwischen

---

[1]) Waldenberg o. c. 164.
[2]) Jagić o. c. 326.
[3]) Waldenberg 136, 142, 146.
[4]) Id. 334—335.
[5]) Waldenberg 152.
[6]) Jagić 354.

Rußland und Polen kein Bündnis gibt; sie nennen „unsere“ Bulgaren Unmenschen, haben einst 20.000 Bulgaren grausam geblendet und unsere Vorfahren (russische oder kroatische?, richtig wäre beides) zum Kampfe gegen die bulgarischen Brüder verleitet, sprechen von den Russen, daß sie Barbaren seien, der griechische Kaiser hat einst dem russischen Großfürsten Insignien geschickt, um ihn zu beschämen, als ob der russische Herrscher keine Zarengewalt haben könnte, ohne daß er sie von den Griechen erhalten hätte. An anderer Stelle wirft er ihnen vor, daß sie cartas synchoreticas (Ablaßbriefe) verkaufen.[1])

Die Slaven als Gesamtheit nennt Križanić nach Art der südslavischen Protestanten Slovenci,[2]) Slovinci[3]) und spricht wiederholt vom „ganzen slavischen Volk“ (народе словенскій, всего народа словенского, словенского народа,[4]) wobei die Südslaven als „zadunajski (jenseits der Donau) Slovency (Bulgary, Serby i Hervaty[5]) eine besondere Gruppe bilden. Dieser Panslavismus bleibt aber ebenso unklar wie im Memorandum von 1641 und wie der Panslavismus anderer südslavischer protestantischer und gegenreformatorischer Schriftsteller und Gelehrten. V. Jagić,[6]) der sich während seiner gesamten gelehrten Laufbahn mit Križanić beschäftigte und besonderes Verständnis für die einschlägigen Fragen hatte, meint, „sein Panslavismus sei weder religiös noch politisch, sondern mehr geographisch und kulturell, eine Solidarität der slavischen Völker namentlich gegen die Deutschen im Westen und die Turkotataren im Osten“.

Ebenso kehrt bei Križanić der Gedanke wieder, daß der Herrscher von derselben Sprache und demselben Volke sein müsse; namentlich den Polen wirft er die vielen fremden Könige vor[7]) und lehnt sogar Frauen aus fremden Fürstenhäusern ab. Überhaupt spielt bei Križanić der Kampf gegen die Xenomanie (čužeběsie), eine immer größere Rolle, sodaß er gegen Ausländer, namentlich gegen die Haeretiker, intoleranter ist als manche

---

[1]) Jagić 355—356.
[2]) Waldenberg 133, 181, 197 n. ö.
[3]) Waldenberg 147, Jagić 278: nam Slowincem wsim, se iest Rusianom, Lehom, Czehom, Serblyanom, Herwatom i Bolgarom.
[4]) Waldenberg 337, 339.
[5]) Ib. 340, Jagić 380, 471.
[6]) O. c. 370.
[7]) Waldenberg 130—132.

gemäßigte Russen.[1]) In dieser Hinsicht sind bei ihm sogar Rückschritte zu verzeichnen. Ein Mann, der die Russen mit Jesuitendramen beglücken und als Dichter mit Ovid wetteifern wollte, erklärt sich öfters gegen ausländische Theatervorstellungen[2]) und gegen die Poetik,[3]) da unter allen Sprachen die slavische für Poesie und Verse am wenigsten geeignet sei, überhaupt gegen verschiedene europäischen Wissenschaften, darunter allerdings auch „lügnerische deutsche" wie Magie, Astrologie, Alchymie[4]) u. s. w.

Križanić hatte sich schon 1641 auch für die unbeschränkte russische Monarchie erklärt und wurde in dieser Anschauung durch den Vergleich des polnischen Staatswesens mit dem russischen immer mehr bestärkt; auch die Monarchie nach deutschem Muster war nicht nach seinem Geschmack; in dieser Hinsicht hat er daher wenig Berührungspunkte mit katholischen Schriftstellern.[5])

Zur richtigen Würdigung Križanić's muß jedoch hervorgehoben werden, daß er in der Sorge für das Volkswohl seiner Zeit weit vorauseilte und die Notwendigkeit von Reformen für Rußland predigte, wobei allerdings ein Mittelweg einzuhalten wäre.[6]) Ebenso ist beachtenswert, daß der Jesuitenzögling, der schon 1641 in seinem Memorandum an den Präfekten der Propaganda gegen des Jesuiten Possevino Auffaßung der russischen Heiligen polemisierte,[7]) in Rußland die Jesuiten, namentlich ihre Erziehungsmethode, kritisierte und sie nicht ins Land lassen wollte, dafür aber die Piaristen rühmte.[8])

Ein Mann, der die Orthodoxie, Autokratie, Bewahrung der nationalen Eigentümlichkeiten und den Mangel einer übermäßigen bürgerlichen Freiheit als Grundlagen Rußlands pries,[9]) fand im 19. Jahrhundert, bei aller Abneigung der Russen gegen

[1]) Ib. 277. — [2]) Ib. 279. — [3]) Ib. 283. — [4]) Ib. 293. — [5]) Ib. 98—99, 168, 175—178. — [6]) Ib. 214, 275. — [7]) Bělokurov, Beilagen 99.

[8]) Waldenberg 29—30. Ich hebe die wichtigsten von Waldenberg ans Licht gezogenen Stellen hervor: Promittunt igitur docere scientias, sed non agunt sincere. Quod possent parvo tempore docere, ipsi in longum tempus protrahunt et multis ambagibusque inutilium verborum suos discipulos detinent... Apparet ergo, quod Jesuitae ibi possent esse utiles, ubi iam antea omnia plena sunt licentia et dissolutione et inani garrulitate. Jesuitae enim in illis clamoribus et garritionibus conantur iuvenibus inspergere aliqua semina pietatis. Apad nos vero, ubi res integrae et quietae sunt, et mentes hominum non sunt infascinatae istis vanitatibus, nullo modo debent admitti Jesuitarum doctrinae. Quippe et in Italia post Jesuitas surrexerant quidam religiosi, quae appellantur scholae piae; isti docebant omnes mendicorum filios legere, bene scribere et arithmeticam...

[9]) Waldenberg 164.

den Katholizismus und gegen die Unionsbestrebungen, viel Beifall bei den Anhängern der slavjanophilen Theorien (vergleiche die Schlagworte: Autokratie, Orthodoxie und Nationalität) und bei ihren Epigonen, den Anhängern des Panrussismus. Anders beurteilten den „Vater des Panslavismus“, was er aber nur für die Russen war, nüchterne und kritische Forscher. Den Höhepunkt bildet der Historiker Bělokurov,[1]) der in seiner inhaltsreichen Monographie das Schlußurteil über Križanić in die Worte faßt: „Nicht Politik erfüllt sein Herz, nicht vom Slaventum ist seine Seele voll... Alle seine politisch-ökonomischen, historischen und anderen Schriften hatten nur ein Ziel, größeres Vertrauen zu gewinnen, um sodann nach einer bestimmten Zeit mit der Wirksamkeit ad maiorem Dei gloriam zu beginnen“.

„Slaventum“ kann man Križanić natürlich nicht absprechen, nur muß man es im Zusammenhang mit den allslavischen Anschauungen der südslavischen Gelehrten, Schriftsteller und Dichter des 16. und 17. Jahrhunderts studieren und ähnliche Anschauungen bei den Nordslaven, speziell bei den Polen[2]) berücksichtigen. Daß auch ein Russe über Unionsbestrebungen anderer Meinung sein kann, zeigt Waldenberg, der es Križanić als riesiges Verdienst (gromadnuju zaslugu) anrechnet, daß er als katholischer Geistlicher eine höhere Auffassung von der Vereinigung der Kirchen hatte als die offiziellen römischen Kreise; der slavische Patriotismus Križanićs ist aber für Waldenberg[3]) über jeden Zweifel erhaben. Auch der Kroate Jagić[4]) urteilte 1917 anders über Križanić als vor 45 Jahren: er möchte ihn durchaus nicht mit anderen Vorkämpfern für die Union vergleichen, z. B. mit dem polnischen Jesuiten Skarga, der die Union nur als ein vorübergehendes Mittel der Bekehrung zum Katholizismus ansah, und rühmt seinen festen Charakter, den er durch seine Glaubenstreue auch in den schwierigsten Verhältnissen bewies.

Ich griff Križanić nicht bloß als eine interessante historische Persönlichkeit, sondern auch als bewußten Mitkämpfer der

---

[1]) O. c. 208.

[2]) Trotzdem Križanić oft scharfe Kritik an den polnischen Zuständen übt, stand er doch unter starkem polnischen Einfluß, sodaß er für seine slavischen Zitate und die in Lateinschrift in einem kroatisch-kirchenslavisch-russischen Gemisch geschriebenen Werke nicht eine der „Orthographieen“ (richtiger Graphik) seiner Heimat verwendete, sondern in polnischer Weise schrieb: cz = č, sz = š, ż = ž.

[3]) O. c. 34—35.

[4]) O. c. 183.

Gegenreformation heraus, denn nach seiner Ansicht gab es nicht einmal in der griechischen oder lateinischen Sprache eine *Schrift gegen das Schisma nach Art verschiedener Werke gegen die Lutheraner, namentlich Bellarminos*; von ihm und seinesgleichen eignete er sich auch die scholastische Philosophie an.[1]) Nicht umsonst schrieb er sich den Traktat dieses führenden italienischen Jesuiten „De arte bene vivendi" in Rom oder in Rußland (zum mindesten trug er in die Abschrift eine Notiz vom J. 1663 ein) ab,[2]) denn dessen stoische Grundstimmung entsprach dem Wesen des Mannes, der nur für die Idee lebte.[3])

Begreiflich sind seine Ausfälle gegen die Haeretiker, namentlich gegen Luther und Calvin, ungerecht sind öfters seine Urteile über die Deutschen, weil er sie schon wegen ihres Protestantismus und als echter Kroate des 17. Jahrhunderts[4]) nicht leiden mag, sie seien Rußland als Haetiker besonders gefährlich; über Rußland haben Deutsche und Germanen überhaupt viele Irrtümer verbreitet. Ferdinand II. wird von ihm gelobt, weil er die Lutheraner aus seinen Ländern verwiesen hat.[5])

Dabei steht Križanić nicht vereinzelt da, vielmehr ist er ein typischer Vertreter der südslavischen Unionsbestrebungen und der Stellungsnahme gegenüber den slavischen Anhängern der griechischen Kirche seit dem 17. Jahrh. bis auf den heutigen Tag.[6])

---

[1]) „Practerea nullus adhuc liber, qui schisma oppugnat, etiam in Graeca vel Latina lingua prodiit ita per omnia sofficiens, sicut sunt variorum auctorum *opera contra Luteranos et quale praesertim est opus Bellarmimi*. Omnes enim contra schisma editi libri vel sunt sine ordine scolastico, debitisque distinctionibus: vel non tractant de omnibus controversiis; sed vel de solis articulis fidei, vel de solis ritibus, idque etiam non de omnibus. Ordine igitur scolastico, distincte, breviter, et in lingua Sclavonica deberet quis omnia praedicta comprehendere, qui vellet operae pretium facere pro Moscis". Križanić in einem Bericht an die Propaganda aus dem. J. 1647. Bělokurov, Beilagen, 240. Jagić (258) erwähnt einen ähnlichen Bericht aus dem J. 1650: *ordine Bellarminiano, methodo scholastica.*

[2]) V. Jagić o. c. 256—257.

[3]) Waldenberg o. c. 63, 66.

[4]) Der Wiener Hof, seine Generäle und sonstige Würdenträger in Kroatien und in der aus demselben herausgeschnittenen Militärgrenze suchten die Rechte Kroatiens möglichst einzuschränken und machten sich auch sonst so unbeliebt, daß sie einen ähnlichen Widerspruch erregten wie in Ungarn. Den Höhepunkt erreichte diese Bewegung gerade in des Zeit, als Križanić in Sibirien weilte, und endete mit der Hinrichtung der kroatischen Magnaten Banus Peter Zrinski und des Fürsten Franz Kr. Frankopan (1671).

[5]) V. Jagić, o. c. 164, 322, 329, 333, 143, 149, 359, 371, 439, 443, Waldenberg 190, 321, 268.

[6]) Vgl. des Verfassers „Kroaten und Serben", Österreichische Rundschau IX. (1906), 242.

Dafür ließen sich viele Beispiele anführen. Ich nenne für das 18. Jahrhundert nur den slavonischen Jesuiten Anton Kanižlić, der in der Vorrede zu seinem der Kirchenspaltung gewidmeten Werk „Kamen pravi smutnje velike" (geschrieben 1771, gedruckt nach seinem Tode 1780, Osiek) schreibt:[1]) Ufam se pako, da ja odgovarajući Meniati (grčkomu piscu[2]) neću uvriditi ostale naslidnike zakona grčkoga, kakono su Slavonci, Srblji, Bošnjaci i Moskovi. Poljubljena braći moja! Vi *niste ni rodom, ni jezikom, ni čudi Grci, suprot kojima pišem, nego jeste plemeniti list slavne ilirijánske gore.* Daleko je od odluke pera moga, da bi se ja njime Grke, koji Vas zavedoše, a kamo li Vas usudio uvriditi. Spominjam se od one beside sada, koju sam od nikojih izmedju Vas čuo: *Bog ubio onoga, koji nas je razstavio.*[3]) Die letzten Worte sind besonders bemerkenswert, weil sie zeigen, daß diese Gefühle bei den südslavischen Katholiken und Orthodoxen gegenseitig waren. Im 19. Jahrhundert huldigten solchen Anschauungen die weltlichen und zahlreichen geistlichen Anhänger des Illyrismus und ihre Nachfolger die Jugoslaven (Südslaven), vor allem die glänzende Gestalt des Bischofs J. Stroßmayer, dessen ganze Tätigkeit der Vereinigung der Kirchen, der Eintracht und Einheit der Kroaten und Serben sowie der Förderung der Slovenen und Bulgaren gewidmet war. Alle seine Kundgebungen in Wort und Schrift, die Gründung der südslavischen Akademie der Wissenschaften und Künste, der Universität und der Bildergallerie in Zagreb sowie der Bau der künstlerisch und wegen ihrer Grundidee hochstehenden Kathedrale von Djakovo,[4]) für die er den frühromanischen, den Orient und Okzident verbindenden Stil wählte, sind von

---

[1]) Nach dem Abdruck von Scherzen im Nastavni Vjesnik III . . .

[2]) Gemeint ist Elias Meniates *Πέτρα σκανδάλου*, 1752.

[3]) In Übersetzung: Ich hoffe, daß ich durch meine Erwiderung gegen Meniates (den grieschischen Schriftsteller) die übrigen Anhänger des griechischen Glaubens, wie es die Slavonier, Serben, Bosniaken und Moskowiter sind, nicht beleidigen werde. Meine geliebten Brüder: Ihr seid weder der Geburt, nach der Sprache, noch dem Gemüt nach Griechen, gegen die ich schreibe, sondern seid ein edles Blatt des ruhmreichen illyrischen Waldberges. Es ist weit entfernt vom Entschluß meiner Feder, daß ich damit die Griechen, welche euch verführt haben, noch viel weniger aber auch zu beleidigen wagen würde. Ich gedenke jetzt jenes Wortes, welches ich von einigen von euch gehört habe: Gott möge den erschlagen, der uns getrennt hat.

[4]) Die Widmungsinschrift über dem Eingangstor gibt die Idee wieder: Der Ehre Gottes, der Einheit der Kirchen, der Eintracht und Liebe meines Volkes.

diesem Geiste getragen.[1]) Gegenüber den Griechen und den orthodoxen Slaven nimmt er dieselbe Stellung ein wie Križanić, nur sind seine Worte poetischer und seine Gründe besser gewählt und formuliert. Allerdings ging er über Križanić auch hinaus, da er auf dem Vatikanischen Konzil mutige Worte der Anerkennung für den Protestantismus fand.[2])

Besondere Erwähnung verdient die Tatsache, daß das neue bulgarische Schrifttum mit Drucken in serbokroatischer Sprache beginnt. Bezüglich der in Rom 1638 auf Kosten der Propaganda gedruckten ,,Bogoljubna razmišljanja od otajstva čovičanskoga",[3]) eine Übersetzung der Meditationes S. Bonaventurae, des Franziskaners Petar Bogdan Bakšić, wird das allgemein zugegeben;[4]) dabei ist es interessant, daß ein in Venedig 1730 veranstalteter Nachdruck des bosnischen Franziskaners Marijan Lekušić der bulgarischen Herkunft des Übersetzers gedenkt: prie mnogo vrimena u jezik slovinski od jednog Bugarina prinešena.[5]) Dagegen wurde ein von Filip Stanislavov, ,,Bischof von Großbulgarien", ,,für sein bulgarisches Volk" in Rom von der Propaganda 1641 oder 1651 gedrucktes Gebetbuch mit dem sonderbaren Titel ,,Abagar" (enthält auch Apokryphen) trotz der Einwendungen A. Leskiens[6]) von A. Teodorov[7]) abermals für bulgarisch erklärt, was jedoch L. Miletić[8]) dahin richtig stellte, daß ,,trotz vieler Bulgarismen auch hier im allgemeinen stark die kroatische Grundlage vorherrscht". Eine Analyse des Textes, die durch einen teilweisen Neudruck A. Teodorov's[9]) ermöglicht wird, bestätigt dieses Urteil. Die Ausführungen B. Angelov's[10]) über den Abagar in der Nationalbibliothek von

---

[1]) Ich muß es mir versagen Belege für diese und die folgenden Zeilen anzuführen. Vgl. T. *Smičiklas*, Nacrt života i djelâ biskupa J. J. Strossmayera (Zagreb 1906), wo seine ausgewählten Schriften: Reden, Abhandlungen und Hirtenbriefe enthalten sind. Weiter das Jubiläumswerk: *Josip Juraj Strossmayer*, biskup bosansko-djakovački i sriemski, Zagreb 1900—1904. Auzsüge aus seinen Reden und Schriften bietet M. *Prelog*, Strossmayerova Čitanka (Zagreb 1924).

[2]) Lord Acton, Zur Geschichte des Vaticanischen Conciles (München 1874), 87—89. Th. Granderath, Geschichte des Vatikanischen Konzils, Bd. II., 390—403.

[3]) Ich modernisiere die Graphik, weil sie in keiner Bibliographie das Original wiedergibt.

[4]) L. Miletič, Сборникъ за нар. умотворения XIX., 15.

[5]) Batinić, Djelovanje franjevaca u Bosni i Hercegovini, 103.

[6]) Archiv f. slav. Phil. III., 518—512.

[7]) Сборникъ ва нар. умотворения IX., 8.

[8]) O. c. XIX, 16.

[9]) O. c. IX., 150—156.

[10]) Годишникъ на Народна библиотека въ София за 1923 година (София 1924), 89—92.

Sofia, der den Druck in das J. 1651 verlegt, ändern nichts an dieser Tatsache. Sein Verfasser, „Bischof von Großbulgarien“, konnte sich recht gut als Bulgare fühlen, sein für die Bulgaren bestimmtes Buch kann in diesem Sinne auch bulgarisch genannt werden, aber dessen sprachliche Grundlage bleibt serbokroatisch. Ebenso bietet ein „bulgarisch-kroatisches Gemisch“ das von dem nach Ungarn ausgewanderten Bulgaren Krsto Pejkić 1716 in Venedig gedruckte Büchlein „Zarcalo istine“.[1]) Das ist auch vollkommen begreiflich, denn alle Bulgaren wurden im Illyrischen Collegium in Loreto erzogen und in den bulgarischen Schulen selbst, z. B. in Čiprovec, wurden die Lehrbücher der bosnischen Franziskaner gebraucht.[2]) Allmählig wurde der Volksdialekt der Paulikianer auch zur Schriftsprache, meist in handschriftlichen Werken und in Kirchenliedern, aber Kroatismen wurden auch da den Originalen entnommen.[3]) Jedenfalls wurde wenigstens bei einem allerdings kleinen Teil der Bulgaren im 17. Jahrh. das Ziel erreicht, das die südslavischen Protestanten im Auge hatten und von dem die Zagreber Illyrier im 19. Jahrh. träumten.

(Fortsetzung folgt.)

M. Murko.

[1]) Miletič l. c. — [2]) Miletič, 15. — [3]) Miletič, 232.

Элементы злободневности в комедиях А. П. Сумарокова.

Уже в тех немногочисленных суждених о комедиях Сумарокова, которые были высказаны его современниками, можно заметить два, почти противоположные друг другу, мнения. Дмитревский в своем „Извѣстіи о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ“ (1767) отмѣчал в комедиях Сумарокова „ѣдкія сатирическія черты“.[1] Автор же анонимной статьи, напечатанной вскоре после смерти писателя в „Санктъ-Петербургскомъ Вѣстникѣ“, видел причину недостатков этих комедий в том, что Сумароков не изучал русские нравы.[2] Через сорок лет после своего первого суждения о Сумарокове, уже тогда, когда комедии его не занимали на русской сцене и того скромного места, что и при жизни писателя, Дмитревский произнес в собрании Российской Академии „похвальное слово А. П. Сумарокову“, в котором высказал мысль, что в комедиях его „осмѣиваемыя лица представлялись в ихъ безобразіи живо и естественно. Колкія на ихъ насмѣшки, свойственныя каждому лицу нарѣчія, острыя слова, сатирическія черты . . .“.[3] И далее, в отзывах С. Глинки,[4] Н. Булича,[5] Н. Добролюбова,[6] А. Галахова[7] и др. это мнение крепнет, хотя и не облекается в более конкретную форму. Даже Белинский, не скупившийся на отрицательные отзывы по отношению к „северному Расину“, признавал его верность

---

[1]) П. Ефремовъ. Матеріалы для исторіи русской литературы. Спб. 1867, 133—134. Суждение Дмитревского основано лишь на шести первых комедиях Сумарокова.

[2]) Сокращенная повѣсть о жизни и писаніяхъ господина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и св. Анны кавалера Александра Петровича Сумарокова. — Спб. Вѣстникъ. 1778, I, 41.

[3]) Сочиненія и переводы Россійской Академіи Спб. 1807, ч. III, 191.

[4]) С. Глинка. Очерки жизни и сочиненія А. П. Сумарокова. Спб. 1841, ч. III, 171; ср. ч. I, 170, 171, 181, 188.

[5]) Н. Буличъ. Сумароковъ и современная ему критика. Спб. 1854, 72—73, 161.

[6]) Н. Добролюбовъ. Первое полное собраніе сочиненій. Спб. 1912. I, 310.

[7]) Отечествен. записки. 1854, ч. 3, стр. 17.

быту,[1]) хотя и полагал, что не ему, а Фонвизину суждено было создать комедию нравов.[2])

И в то же время — для Пушкина Сумароков — „холодный“, „без силы, без огня“ (Послание к Державину).

Но, если у Сумарокова не было силы и вдохновения Державина или даже Ломоносова, то можем ли мы согласиться с этой характеристикой — „холодный“? Думается, что таким эпитетом Пушкин наградил Сумарокова только в противовес его давнему званию „северного Расина“. Трагедии Сумарокова привлекали к себе уже по одному тому больше внимания, что этому роду поэзии, наряду с эпопеей, вообще отводилось больше места в системе классической поэтики. Так шло еще от Аристотеля, который сближает эти два „важных“ рода, противопоставляя им комедию.

И действительно, меньше всего можем мы назвать Сумарокова „холодным“. Стоит нам обратиться к той мешанине непроверенных сведений и анекдотов, которую представляет собою теперь его биография, чтобы вынести неоспоримое впечатление о горячем и необузданном нраве поэта, причинявшем ему немало неприятностей и выводившем из себя даже снисходительно относившуюся к нему в общем Екатерину:[3]) „. . . nous avons faire — писала она о нем А. В. Олсуфьеву — à une tête chaude, qui commence a perdre la tramontane, si elle n'est pas deja perdu depuis longtemps“.[4]) Учитывая такие особенности натуры Сумарокова, мы уже à priori можем усомниться в том, что-бы комедии его были только сколками с чужих образцов, что-бы сатирический задор писателя, ясно видный в его баснях,[5]) сатирах, эпиграммах и статьях, не отразился и в комедиях. „Поборник истины, гонитель злых пороков“, как определял его еще В. Майков,[6]) он не мог быть только в комедиях холодным и безучастным зрителем всего, что видел вокруг себя. К тому же, в своей сатире „Пиит

[1]) Полн. собр. соч. под ред. С. Венгерова, т. VII, 367.

[2]) Там-же; IX, 391.

[3]) „Осьмнадцатый Вѣкъ“ М. 1868, I, 77, 85—87.

[4]) Письмо отъ 30 апр. 1765. — Москвитянинъ. 1855, № 17—18, стр. 14—15.

[5]) Заусцинскій. Басни Сумарокова. Варш. Унив. Изв. 1884, № 3—4.

[6]) В. Майков. Сочиненія и переводы... ред. П. Ефремова. Спб. 1867, стр. 155.

и друг его" Сумароков видит свое призвание именно в обличении окружающего зла:

Гдѣ я ни буду жить, въ Москвѣ въ лѣсу иль полѣ,
Богатъ или убогъ, терпѣть не буду болѣ
Безъ обличенія презрительныхъ вещей.
....
....
Доколѣ дряхлостью иль смертью не увяну
Противъ пороковъ я писать не перестану.[1])

И внимательное рассмотрение творчества Сумарокова обнаруживает тесную связь его с окружающей жизнью. Еще Дмитревский находил в комедиях Сумарокова определенные личные намеки: „часто осуждалъ онъ своихъ знакомыхъ и даже сродниковъ, кои были виноваты: комедія Лихоимецъ или Кощей то доказываетъ".[2]) А последующие исследователи неоднократно подчеркивали роль, которую играли в творчестве Сумарокова раздражавшие его явления современной ему действительности. „Каждый случай въ жизни, въ литературѣ, которую онъ страстно любилъ — пишет А. Лаговской — каждое особо замѣчательное событіе въ сферѣ его дѣятельности подстрекали его живой характеръ и вызывали къ новому чувству, къ новой мысли или къ насмѣшкѣ. Вотъ почему въ твореніяхъ Сумарокова сохранилось такъ много тонкихъ намековъ на жизнь и литературу того времени".[3]) Тоже говорит и автор одной из лучших работ о Сумарокове — В. Стоюнин. По его мнению, несколько уродливая форма комедий этого писателя отражала обычно очень резко современность.[4]) Того же мнения придерживаются и Н. Булич, автор не потерявшей еще и до сих пор своего интереса монографии о нашем писателе,[5]) и С. Соловьев,[6]) суждение которого, как историка

---

[1]) Соч.[2] 1787, ср. письма Сумарокова. Лѣт. рус. лит. и др. III,(1860), 60

[2]) Цит. по „Отеч. Запискамъ". ч. CXVI, 1858, февр. 543.

[3]) А. Лаговской. А. П. Сумороковъ, какъ писатель. Пантеонъ 1852, № 10.

[4]) В. Стоюнинъ. А. П. Сумароковъ. — Музык. и Театр. Вѣстникъ 1856, № 39, стр. 694.

[5]) Н. Булич, op. cit. 72—73.

[6]) С. Соловьевъ. Исторія Россіи ... изд. 2. (т. XXIII), книга V стр. 873. Особняком от мнений о бытовом характере комедийного творчества Сумарокова стоит автор статьи „Исторія драматической поэзіи у русскихъ" в Современнике за 1847 год. (I. 80). И в новейшее время находим мы довольно курьезную полемику с Белинским и одновременно сближение Сумарокова с декадентами, символистами и импрессионистами по общей им всем тенденции к „хитростямъ піитическимъ", придуманнымъ для замаскированія внутренняго ничтожества. См. Протоповъ. На зарѣ русской поэзіи. Русск. Богатство. 1895. VII. 14-

особенно ценно. Те же мысли на разные лады повторяли и другие исследователи, но все в той же общей форме. В течение более чем полувека о Сумарокове не было сказано в сущности ничего нового.[1])

И только в самое последнее время в напечатанной в журнале Российской Академии Искусств „Искусство“ статье Н. Л. Бродского мы видим попытку всмотреться в творчество Сумарокова и освежить сложившиеся о нем представления.

Анализируя язык и стиль комедий Сумарокова, автор приходит к выводу, что оригинальные приемы его творчества заключаются в „характерной индивидуализации, этнографизме, сочной реалистической струе.[2]) Не новая в сущности мысль — она развивает сказанное еще в 1807 г. Дмитриевским — получила теперь свой фундамент в умелом использовании Сумароковских Комедий; и теперь, когда в них найдено так много общего с народной лексикой и фразеологией, — нельзя уже будет говорить об оторванности Сумарокова от жизни и о влиянии французской комедии, как об единственном факторе, определявшем создание его комедии. Вопрос может лишь теперь ставиться в плоскости выяснения всей картины связанности Сумарокова с бытом, а также того, что именно из явлений этого быта привлекало его внимание. Интересен затем вопрос и о том, как пользовался Сумароков этим материалом — исключительно-ли лишь в полемическом задоре, или же и в театральном аспекте; иначе говоря, только-ли сводил он счеты с тем, что ему не нравилось, или же видел в этом и сценически-актуальный материал, способный заинтересовать зрителей в связи со всей фабулой пьесы.

Учет всего бытового матерьяла, имеющегося в комедиях Сумарокова, сопоставление его с его-же произведениями других жанров, со всей сатирической литературой эпохи, с одной стороны и с мемуарными и историческими памятниками, отражающими действительную жизнь того времени, с другой стороны — это тема отдельной и довольно сложной

---

[1]) Так от кандидатской еще работы Н. С. Тихонравова „О заимствованіяхъ русскихъ писателей“ (напеч. только в 1899 г. в „Сочиненіяхъ Н. С. Тихонравова, т. III, вып. 2, стр. 314) пошли в научную литературу указания на определенные образцы для комедий Сумарокова; эти мнения повторялись потом без попыток проверить их или выяснить точнее характер и детали этого влияния.

[2]) История стиля русской комедии. „Искусство“, 1923, №1, 172—148; см. стр. 181.

работы. В данной статье меня интересуют явления другого порядка — не перманентные типы и частности быта, не щеголи, крючкотворцы и подьячие, не то, что можно было наблюдать на протяжении целых десятилетий, а более кратковременные явления, характеризуемые связью с определенным моментом, интересные именно своею злободневностью.

И комедии Сумарокова далеко не лишены такого материала.

Уже первая комедия его — „Тресотиниус" была написана ad hoc, и одна пометка на ней: „зачата 12 генваря 1750, окончана генваря 13 1750. С. Петербургъ" является в этом отношении достаточно показательной.[1])

Выяснение истории взаимоотношений Сумарокова, Тредьяковского и Ломоносова[2]) не дает нам возможности установить, что именно побудило Сумарокова написать эту пьесу. Ясно лишь, что она полна намеков на недавно еще волновавшие трех поэтов вопросы, как, например, вышедший в 1748 году „Разговоръ объ орѳографіи" Тредьяковского,[3]) любовные стихотворения его,[4]) словом, на такие явления, которые были еще у всех свежи в памяти и могли вызвать интерес у хорошо осведомленной о всех перипетиях этих ссор придворной публики.

Но, помимо этого, можно отметить в ранних комедиях Сумарокова и другие приемы, которыми он связывает комедию с интересами дня. В „Тресотиниусе" он вкладывает в уста одного из героев комедии несколько стихов из монолога „Хорева",[5]) хорошо известных всем в виду того успеха, который имела эта первая русская трагедия.[6]) В „Хореве" эти слова произносит герой, открывающий Оснельде, что его сердце доступно не только воинским трудам, но и любовным утехам. В „Тресотиниусе" те же слова приводит, как понравившийся „стишок", гротескный Брамбарбас, благодаря чему создается элемент пародии.[7]) В следующей комедии, поставленной в том

[1]) Соч.², V, 298.

[2]) Вопросу о бытовых и литературных источниках „Тресотиниуса" мною посвящена специальная работа.

[3]) П. Пекарскій. Исторія Академіи Наукъ. Спб. 1870, II, 152.

[4]) В. Сиповскій. Русская лирика. Вып. 1. XVIII вѣкъ. П. 1914, стр. 40.

[5]) Сочин.², V, 213.

[6]) „Камеръ-фурьерскій Журналъ" 1750 г. отмечает три представления Хорева: 8 и 25 февраля и 30 мая; в последний раз вслед за „Хоревом" дали в первый раз „Тресотиниуса".

[7]) Особенную актуальность представляла эта пародия в виду того, что „Хорев" был на первом представлении „Тресотиниуса" сыгран перед этой комедией.

же году, — „Чудовищи", один из героев рассказывает о том, как он был на представлении Хорева.[1]) В той же комедии, продолжая свои счеты с Тредьяковским, Сумароков будто бы осуждает автора, который „здѣлалъ комедію на учоных людей и премудраго господина Шапелена назвалъ в ней подъ вымышленнымъ именемъ Тресотиниуса"; далее следуют уже вполне ясные намеки: тут и перевод Геродота, то-есть Ролленя и „дополненіе ко книгѣ, что господинъ Шапеленъ сочинилъ о буквѣ *і*" — то-есть, „Разговоръ объ орфографіи".[2]) В этих-же комедиях Сумароков вспоминает популярные свои песенки: „О мѣста, мѣста драгія", „Толь награда за мою вѣрность".[3]) В „Опекуне" вставлен анекдот о папе Сиксте V,[4]) очевидно позаимствованный из ходкой анекдотической литературы, потому что мы находим его и „Письмовнике" Курганова, этой литературой воспользовавшегося.[5]) Все эти упоминания о фактах, хорошо известных публике, связывали комедии Сумарокова с интересами его современников.

В других случаях встречаются намеки на недавние исторические события, всем еще хорошо памятные. Так, в написанной не позже апреля 1772 года комедии „Мать совмѣстница дочери"[6]) одно из действующих лиц говорит: „Бендеръ покрѣпче супруги вашей да и то мужествомъ и искусствомъ полководца взятъ";[7]) событие же это произошло осенью 1770 года.[8]) В написанной около того-же времени „Вздорщице"

---

[1]) Соч.[2], V, 262—263—267.

[2]) Соч.[2], V, 268.

[3]) Сочин.[2], V, 301. — Первая из этих песен встречается в „Собраніи" Чулкова (I, № 63), в Всеобщем Песеннике 1800 г. (I, № 233; описан мною в статье: „Українська пісня в старовинному російському співаннику. Зап. Іст.-Філолог. Відд. У. А. Н. т. IV (1923), 158—162); см. Соч.[2] VIII, 256. Вторая же — в рукописных собраниях; наиболее раннее из них относится ко времени около 1767 г.; см. Бычковъ. Труды VI Археол. Съѣзда. Каз. 1891. т. II, стр. 189, № 10; стр. 180, № 13. — Н. Петровскій, Изв. ОРЯСл. 1907, I. 286, № 133. См. А. Лаговской, цит. ст. в „Пантеоне", 1852. № 13.

[4]) Соч.[2], V, 17.

[5]) В известном мне 11-ом изд. 1837 г. — т. I. 194, № 204. По А. Кирпичникову (Курганов и его „письмовникъ". Очерки по исторіи нов. рус. литерат. Спб. 1896, 45, 56, 59, 62) первое издание „П.", называвшегося тогда еще грамматикой, вышло в 1769 г. 4-ое изд., 1790 г., в дальнейшем переработке уже не подвергалось.

[6]) См. мою статью: К хронологии и библиографии комедий Сумарокова. Изв. Отд. Рус. яз. и сл., т. XXVIII, 139—140.

[7]) Соч.[2], VI, 86. — Ср. песню Сумарокова, сочиненную им на этот случай: Соч.[2] VIII, 204—205. Эта же песня вошла и в „Собраніе" Чулкова — III, № 70.

[8]) Энц. Слов. Бр. & Ефр. пт. V, 855.

дурак, интересная в бытовом отношении фигура шута, говорит о том, что ему барыня „здѣлала... конфидуратскую шапку, да и перушко воткнула...“[1]) — очевидно, намек на существовавшую в 1768—1772 гг. Барскую конфедерацию.[2] В более ранней пьесе „Опекунъ“ Сумароков, делая один из излюбленнейших своих выпадов — против подьячих — говорит: „что взято, то свято, а ето присловица законная и въ приказѣ наблюдается ненарушимо, развѣ нынѣ по новомь уложенiи оставится“.[3]) Комедiя была уже готова 19 января 1765 года.[4]) В это время Екатерина работала уже над Наказом для „Комиссiи о сочиненiи новаго уложенiя“ и, хотя, держала свою работу в секрете,[5]) слухи о ней могли дойти до вращавшегося в придворных кругах Сумарокова. Во всяком случае намек ясен.

Помимо этих намеков на имевшие большое значение исторические события, мы встречаем у Сумарокова указания и на длительные бытовые явления, приобретавшие к известному моменту определенную остроту. И особенно много таких намеков в написаной в 1765—1766 г.[6]) комедии „Приданное

---

[1]) Соч.[2]; VI, 102.

[2]) Энц. Слов. Бр. & Ефр., пт. XLVII, 448.

[3]) Соч.[2]; V, 12.

[4]) С. Порошинъ. Записки[2]. Спб. 1881, 244.

[5]) В. Ключевский. Русская История. Спб. 1919, т. V, 45—51.

[6]) В указанной уже моей статье „К хронологии и библиографии комедий Сумарокова“ мною был допущен досадный недосмотр. Еще 20 октября 1764 года Порошин заносит в свой дневник следующее: „доносилъ я Его Высочеству о заслугахъ покойнаго профессора Крашенинникова и достоинствѣ оной его исторiи; такожъ, что его дѣти теперь въ великой бѣдности, что и А. П. Сумароковъ в новой *сочиняемой* (курсив мой. П. Р.) имъ комедiи ихъ представилъ, говоря, что ихъ отецъ ѣздилъ въ Камчатное и в Китайчетое государство, а дѣти ходятъ въ крашенинѣ и потому Крашенинниковыми называются“ (С. Порошинъ. Записки[2]; 80). Очевидно, Сумароков познакомил Порошина хотя-бы с началом своей комедии, в 4-м явлении которой идет речь о семье знаменитого исследователя Сибири (Соч.[2], V, 12). Очевидно, запись 23 декабря 1764 года, когда цесаревич „отъ государыни изволилъ прiити часовъ въ восемъ; изволилъ мнѣ сказывать, что читали тамъ новую Сумарокова комедiю“ (ib. 204) — относится к той же комедии „Опекун“, о которой, как об уже сочиненной, определенно говорил сам писатель 19 янв. 1765 г. (iв. 244).

При привлечении всего этого материала отпадают высказанные мною раньше соображения (Изв. О. Р. Яз. Сп. XXVIII, 126) о том, что „Приданное обманом“ было написано определенно в конце 1764 г. Данными для точной фиксации ее сочинения во времени мы не располагаем. Во всяком случае, раз Сумароков 12 янв. 1769 г. мог говорить, что она уже „*нѣсколько* лѣтъ играна“, то правильным будет отнести ее сочинение ко времени не позже 1766 г.

обманомъ", одной из наиболее популярных на сцене, если верить „Драматическому Словарю" 1787 г.[1])

Главная фигура этой пьесы, Салидар, скорбит о том, что деньги приносят теперь мало прибыли. „Прежде сево брали по пятцатнати, по дватцати рублевъ и больше со ста процѣнтовъ: а нынѣ только по шести рублевъ со ста приказано брать; не` разоренье ли ето: а особливо добрымъ людямъ, которыя денежки беречь умѣютъ. Такую то прибыль приноситъ государственной банкъ! однако многія берутъ по прежнему, которыя поумняе, и на ето не смотрятъ; ежели во всемъ поступать по Священному писанію, да по Указамъ, такъ и никогда не розживешся". Резонер комедии возражает на это: „За что всѣ люди правительство благодарятъ, за то ты негодуешъ".[2]) Обращаясь к истории частнаго кредита в России, мы видим, что еще в 1754 году Елизавета, учреждая Государственный Банк, говорила о чрезвычайно высоких процентах, которые взимались частными лицами — до 12—15% и даже 20%. С целью борьбы с этим злом и учреждался Государственный Банк; с другой-же стороны, закон угрожал карами за лихоимство.[3]) Но указ не устранил этого зла; в ближайшие годы появляются подобные ему,[4]) а 1-го апреля 1764 года издается новой манифест, напоминающий об указе 1754 года, запрещавшем взимание свыше 6% и грозившем: „. . . что ежели кто подъ какимъ бы то ни было тайнымъ условіемъ обременитъ кого излишними сверхъ указанными процентами . . . навлечетъ онъ на себя наш гнѣвъ".[5]) Возможно, что именно это распоряжение и отразилось в комедии Сумарокова. Не первая уже мера, стремящаяся к искоренению застарелого зла, этот указ мог иметь силу только вскоре после его опубликования; значительно же изменить положения он не мог: в 80-х годах последовали новые мероприятия.[6])

---

[1]) „Много разъ представлена была на Россійскомъ театрѣ и всегда публикой была принята благосклонно", стр. 110; ср. стр. 31, 72, 77, 87, 101, 117, 118, 144, 157, 165.

[2]) Соч.[2] V, 222—223.

[3]) Полное Собраніе Законовъ. 1830, т. XIV, 87. № 10235. Ср. Я. Печеринъ. Историч. обзоръ правительств. кредитныхъ установленій. Спб. 1904, стр. 1. — А. Биманнъ. Исторія банковъ. Спб. 1914, стр. 54. — В. Ключевскій. Курсъ Русской Исторіи. М. 1915. IV, 422.

[4]) Я. Гурьевъ. Очеркъ развитія кредитныхъ учрежденій в Россіи. Спб. 1904, стр. 1—8.

[5]) П. С. З., т. XVI, 700. № 12124.

[6]) П. С. З., т. XVII, 787., т. XXII, 614 — ср. Биманнъ . . . : 54.

Позднее Сумароков еще раз возвращается в своих комедиях к ростовщичеству. В написанном специально на эту тему „Лихоимце“ развивая то, что в „Приданное обманомъ“ было только намеками, он подробно рассказывает о тех ухищрениях, к которым прибегали ростовщики: „в закладной написано шесть процентовъ, а вы вычли сверьхъ того по девяти рублей со ста при дачѣ мнѣ“.[1]) В другом же месте слуга лихоимца говорит о нем: „едакова скареднова лихоимца, каковъ Кащей, на свѣтѣ не бывало. Чудно ето, что о ево лихоимствѣ по сіе время при Дворѣ не знаютъ. Со всѣхъ лупитъ по двенатцати, по пятнатцати процентовъ, и все молчатъ, будто какъ бы заимодавцы въ непристойной вѣрности ему присягали. Не опасаются ли они, чтобы ихъ не назвали доводчиками. Ежели опасаются, такъ надобно молчать и видя вора, разбойника и предателя своего отечества. По етому и машейниковъ не надобно ловить: а Кащей всѣхъ машейниковъ гаже“.[2]) — Параллель тому, что было в действительности и о чем говорит Указ Екатерины — полная: и величина процентов, и техника взимания закладов и увеличения процентов.

Но, помимо всей остроты социального зла, которое в это время сильно давало себя знать, эта комедия является больше всего отражением личных неприятностей. Крупно поссорившись в концѣ 1767 г. при разделе отцовского имения[3]) с зятем своим Бутурлиным, он изобразил последнего в лице свирепого ростовщика Кащея настолько определенными чертами, что тот не мог не узнать самого себя. В разгаре этой ссоры Сумароков резко обошелся даже со своею матерью, так что она должна была прибегнуть к защите главнокомандующего Салтыкова. Тот донес обо всем Екатерине; Сумароков получил от нее внушение, на которое отвечал длинным, расположенным по пунктам письмом, надеясь убедить этим Екатерину в том, „что есть у насъ люди, о которыхъ характерахъ сказали бы, что они у насъ вымышлены“.[4]) И в доказательство правоты своих слов он повторяет все те обвинения, которыми охарактеризован в комедии Кащей.[5])

---

[1]) Соч.², V, 66.

[2]) Соч.², V, 64.

[3]) Об этом см. Осьмнадцатый Вѣкъ, М. 1868. I, 59—62 и у М. Лонгинова. Послѣдніе годы Сумарокова. Русскій Архивъ. 1871, стр. 1643—1646.

[4]) Москвитянинъ. 1842, № 3, стр. 121.

[5]) ib. ср. пунткы 6, 7, 9 (стр. 122—124) и Соч.², V, 95, 100—101.

Сумароков нисколько не считал неправильным то, что он делал комедию орудием сведения своих личных счетов. В том же письме к Екатерине, оправдываясь в взводимых на него обвинениях, будто он написал на своего зятя пасквили, которые были найдены прибитыми на заборе, он замечает: „Шествую я по стопамъ Горацiя, Ювенала, Депрео и Мольера, имѣю ли я нужду въ пасквиляхъ? Сатира и комедiя лучше бы мнѣ праведное учинили отомщенiе къ пользѣ публики, нежели пасквиль; можетъ ли человѣкъ снабженный оружiемъ ухватиться во время защищенiя за заржавленное шило, а знатный стихотворецъ вмѣсто сатиры и комедiи за пашквиль.[1])

Любопытный диалог находим мы в упоминавшейся уже комедии „Приданное обманомъ".

Салидаръ: . . . . . пришли послѣднiя вѣки и скоро преставленiе свѣта будетъ.

Мирсанъ. У насъ день отъ дня все лутче становится.

Салидаръ. Да! день отъ дня у насъ умножаются ереси и безбожiе.

Мирсанъ. Какiя ереси и какое безбожiе?

Салидаръ. Ты самъ еретикъ и безбожникъ.

Мирсанъ. По чему?

Салидаръ. По тому что ты молишся въ парикѣ: а парикъ та же шапка[2]; да ты же отдалъ дѣтей учиться басурманскимъ языкамъ и басурманскимъ хитростямъ въ какую то новую школу. Вотъ такъ то учился въ какой то новой школѣ, проклятой цыфирѣ мальчикъ, моего древняго приятеля внучекъ; да научился красть.

Мирсань. Въ школахъ красть не учатъ.

Салидаръ. Еще и волшебству учатъ; а ето еще и кражи хуже.

Мирсанъ. Какому волшебству?

Салидаръ. Какъ же ето не волшебство! иноземецъ иноземцу побормочитъ бара, бара, бара! а тотъ ему самъ на то бара, бара, бара: и другъ друга разумѣютъ; отъ чево ето? да не только большiя: да и маленькiя лѣтъ по пяти рабята бармочатъ. Для чево жъ я ихъ не разумѣю?

Мирсанъ. Для тово, что ты ихъ языка не знаешъ: у тебя свой языкъ, а у нихъ свой.

Салидаръ. У всѣхъ языки одинакiя: и у нихъ такiя же какъ и у насъ.

Мирсанъ. Я говорю о нарѣчiи.

Салидаръ. Какое у нихъ нарѣчiе! бармотанье одно. Скоро научатся красть и твои дѣти; етотъ мальчикъ фамилiею повыше твоихъ дѣтей, да избаловался. Дѣдъ ево былъ регистраторъ, и за отечество повѣшенъ; по тому что многимъ людямъ дѣлалъ онъ услуги, и помогалъ

---

[1]) Москвитянинъ, 1842, № 3, 187.

[2]) Тут Сумароков воспользовался старыми нападками на парики. Еще Посошков жалел о том, что некоторые православные научились у немцев „во время божественныя литургiи въ церкви стоятъ въ парикахъ а въ явленiе пресвятаго тѣла Христова не снимаютъ ихъ съ главъ своихъ и тѣмъ они тѣло Христово ругаютъ" (цит. по А. Лободе Лекцiи по исторiи новой русской литературы. Кiевъ, 1913, ч. I, 13). „Парики ужъ всякъ знаетъ, что дьявольское дѣло", говорит Кантемир (сатира IX, 23).

не только съ легка; да для нихъ строки выскребалъ, и вписывалъ то, что имъ на пользу было! протоколы вытаскивалъ. Отецъ ево остался сиротою; однакожъ большому разуму сиротство и убожество не помѣха. Хотя грамотѣ и не учился, однако научился блины печь, и расторговался: а по томъ будто по наслѣдству, для возобновленія знатности фамиліи своей, взялъ чернилы на откупъ, не для собственнаго своего прибытка, да для государственной пользы; что бы чернилы вздорожали, а враки писцовъ поумалились. Да и то великое дѣло, что онъ изъ одной чернилъ бутылки, дѣлаетъ ихъ по цѣлой дюжинѣ; а отъ тово въ казну собирается великая пошлина: и въ водку воду мѣшаютъ: а въ чернилы для чего не мѣшать? вить ихъ не пить: а книгъ за грѣхи наши, что бы ими деньги вытягивать, и такъ ужъ довольно: а пошлины съ нихъ ни какой нѣтъ. О откупы, святыя откупы! какую вы приносите государству пользу! а вы проклятыя науки лишъ только ево разоряете! ништо вамъ ученыя люди, что дѣти ваши послѣ васъ по миру таскаются".[1])

Целый ряд намеков на определенные явления можно отметить в выписанном отрывке. Тут и откупы, тут и вопросы педагогики, тут-же и необеспеченность ученого сословия... Панегирик Салидара откупам дышал современностью. Единый, общий откуп был введен в России еще в 1751 году, но система эта страдала многими недостатками. „Правительству сдѣлалось извѣстнымъ, что откупа приносятъ государству вредъ", говорит автор „Исторіи кабаковъ въ Россіи" Прыжов; в 1764 году Екатерина учредила особую комиссию с целью приискать способы к улучшению питейных сборов, но комиссия сочла за нужное по обстоятельствам времени продолжить откупное содержание.[2]) 1-го августа 1765 года об этом был издан соответствующий указ.[3]) Таким образом, в то самое время, когда Сумароков писал свою комедию (1765 или 1766), упоминание об откупах носило определенно злободневный характер.[4])

Определенно волновали Сумарокова в это время и педагогические вопросы. Записки Порошина передают, что он был противником некоторых предпринятых в школе реформ Бецкого. 27-го сент. 1765 г. у вел. кн. Павла Петровича Сумароков бранил некоего Кювильи, служившего повидимому в Сухопутном Шляхетном Корпусе. Когда же граф Панин заметил, что „Иванъ Ивановичъ Бецкой господиномъ Кювильи очень доволенъ и уверяетъ, что онъ въ новыхъ его учрежденіяхъ весьма много споспѣшествуетъ, то Александръ Петровичъ гово-

---

[1]) Соч.[2], V, 223—225.

[2]) Спб. 1868, стр. 261.

[3]) ib. 262.

[4]) Менее резкие выпады против откупной системы встречаются у Сумарокова и в других местах, См. Сочин.[2], IX; 117, 138, 318.

рилъ на то: „таковы то (вить) и учрежденія Ваше Превосходительство! Вы, конечно о нихъ, какъ разумной человѣкъ, по одной наружности судить не будете. Кювильи надобно метлами отсюда вонъ выгнать, а Бецкова подъ присмотромъ прямо разумново и основательново человѣка опредѣлить на мѣсто Кювильи смотрѣть, чтобъ мальчики хорошо были одѣты и комнаты у нихъ вычищены“. Еще примолвилъ Александръ Петровичъ: „есть де нѣкто г. Таубертъ: онъ смѣется Бецкому, что робятъ воспытываютъ на французскомъ языкѣ. Бецкій смѣется Тауберту, что онъ робятъ въ училищѣ, которое недавно заведено при Академіи, воспитываетъ на языкѣ нѣмецкомъ. А мнѣ кажется, и Бецкій и Таубертъ оба дураки: должно дѣтей въ Россіи воспитывать на языкѣ россійскомъ“.[1])

Любопытно выяснить, насколько эта тема была острой не только для одного Сумарокова, но и для других лиц того-же круга и насколько справедлив и сам поэт к этим явлениям.

По свидетельству Бюшинга, еще в 1763—1764 гг.[2]) была у Бецкого мысль завести уездные училища, преподавать в которых должны были быть немцы, французы и англичане,[3]) но, очевидно это была крайняя мера, к которой Бецкий прибегал в силу невозможности найти русских педагогов. По крайней мере, в распубликованном в 1763—1765 гг. „Генеральномъ планѣ Воспитательнаго дома“, Бецкий определенно находил, что русскому юношеству необходимы именно русские воспитатели, потому что только таковые смогут подавать пример своим воспитанникам.[4]) Ту же мысль повторяет Бецкий и в 1766 году[5]) в уставе порученного ему Сухопутного Шляхетного Корпуса, но, очевидно, действительность была сильнее его планов, потому что и в 1772 году в одном

---

[1]) Записки[2], 453.

[2]) „по утвержденіи генеральнаго плана Воспитательнаго дома, но раньше составленія устава Академіи Художествъ и воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ“, то-есть после 26 авг. 1763 г. (см. Майковъ, 71—72, 115 а также: „Обществ. и частн. жизнь Авг. Людв. Шлецера, имъ самимъ описанная“. Сборн. Отд. р. яз. и сл. XIII, стр. 134; Спб. 1875) и ранее 2 мая 1764 г. (Майков, 256, 314).

[3]) П. Майковъ. Ив. Ив. Бецкой. Опытъ его біографіи. Спб. 1904, 115—6.

[4]) ib. 121, 122 пр. 2, 58, 140, 71—72; ср. М. М. Демковъ. Исторія русской педагогіи. М. 1899. ч. II, 315—336.

[5]) П. Майковъ, 362—363; Демковъ, 327.

из своих докладов императрице Бецкий констатирует, что почти все принимаемые на службу воспитатели — иностранцы.[1])

Заметим, что не один Сумароков упрекал Бецкого в пристрастии к иностранным языкам. В галломании упрекал его и Эмин в сатире „Сон", в которой высмеивается устав Сухопутного Шляхетного Корпуса;[2]) об этом же говорит и Шлецер.[3]) Конечно, в резкости того, что говорил Сумароков о Бецком, значительную роль играл и запальчивый нрав поэта,[4]) хотя в оправдание его и можно сказать, что в Московской Университетской гимназии существовало особое отделение „знатнѣйшихъ европейскихъ языковъ", главный контингент учеников которого составляли дворяне. Учреждение же этих особых отделений историк русского просвещения проф. С. Рождественский считает несомненной уступкой невысоким образовательным интересам малокультурной дворянской массы.[5])

Таким образом, если Сумароков и говорил в своей комедии о ненужности изучения иностранных языков, он очевидно имел в виду крайности в этом направлении[6]) — изучение многих предметов на иностранных языках. Но это явление казалось ненормальным и самым руководителям школьного дела в то время.

Другая часть нападок Сумароковского героя на училища касается дурного поведения учеников. Обратимся к состоянию находившейся при Академии петербургской гимназии, которая тогда была у всех на виду.

---

[1]) П. Майковъ. 380—382; о более позднем времени см. Д. Толстой. Взглядъ на учебную часть въ Россіи в XVIII в. до 1782 г. — Сборн. отд. рус. яз. и слов. Спб. 1866. XXXVIII. № 4, 35.

[2]) П. Майковъ, 465, 342, 371. Сатира „Сонъ видѣнный въ 1765 году" напечатана Л. Майковымъ в Рус. Арх. 1873, т. II, стр. 1910—1927 и в его „Очеркахъ по исторіи русск. литер.". Ср. С. Соловьевъ, Исторія Россіи², (т. XXVI), ч. VI, 266—267.

[3]) Цит. сочиненіе, 134.

[4]) В 1768 г. у Сумарокова были какие-то личные счеты с Бецким; сл. М. Лонгиновъ. Послѣдніе годы жизни Сумарокова. Рус. Арх. 1871, стр. 1652. Впоследствие (очевидно, после 1770 года, когда начались спектакли в Смольном монастыре; см. В. Всеволодскій-Гернгроссъ. Исторія театральнаго образованія в Россіи. Спб. 1913. т. I, 374) Сумароковъ отнесся более беспристрастно к деятельности Бецкого. См. Соч.², VI, 242, 245—246.

[5]) С. В. Рождественскій. Очерки по исторіи системъ народнаго образованія въ Россіи въ XVIII—XIX вв. Спб. 1912, т. I, 220, 225, 258 (Записки Ист. Фил. Фак. Спб. Унив. CIV). См. так же Д. Толстой, цит. труд, 43. — Его же. Академическая Гимназія въ XVIII ст. Сборн. Отд. рус. яз. и слов. т. XXXVIII, № 5. Спб. 1886, № 5. — Н. Чечулинъ. Русск. провинц. общество во вторую половину XVIII в. Спб. 1889, стр. 81.

[6]) См. „Сатиру о французскомъ языкѣ". Соч.², VII, 364—365.

Главный контингент этого учебного заведения составляли солдатские дети; многие из них учились на казенный счет.[1]) Преподавание в гимназии было поставлено неудовлетворительно;[2]) подбор учителей очень невысокий; многие из них были горькими пьяницами;[3]) обращались с учениками они очень грубо.[4]) Среди документов, опубликованных Билярским, мы находим яркий рассказ об учителе Введенском, взятом в 1760 г. за пьянство под караул, о буйстве его в заключении и о том самоуправстве по отношению к нему, которое учинил академический прапорщик Галл, избивши плетью пьяницу учителя.[5]) Любопытно, что этот учитель Введенский — из студентов университета — уже и раньше был замечен в пьянстве и буйстве.[6]) Но он не был исключением. Другой учитель, тоже из студентов, Степанов, несмотря на то, что его аттестовали „ко хмѣлю склоннымъ", все же был определен в учителя в надежде на то, что „какъ сей порокъ не природной, то можетъ быть что исправится . . ."[7])

Помимо такого подбора учителей, внешние условия тоже не благоприятствовали работе. В гимназии часто бывал сильный холод, вынуждавший учителей прекращать занятия;[8]) к тому-же ученики были настолько бедны, что приходили в класс в лохмотьях.[9]) Неудивительно, что при таких условиях успехи учеников были невысоки: в 1764 г. из 13 учеников низшего класса переведено было в средний только 3, а из 10 среднего — в высший только один.[10]) С 1758 г. в течение 7 лет управлял гимназией Ломоносов; главной заботой его было наполнение гимназии учениками.[11]) При этом особой разборчивости не соблюдалось, и напечатанные Билярским документы довольно печально рисуют гимназическое житье. Один из рапортов инспектора Котельникова сообщает, например, что „гимназистъ Ефимъ Морозовъ Декабря съ 11 прошлаго

[1]) Д. Толстой. Акад. Гимназія. . . . . стр. 20.
[2]) ib. 26.
[3]) ib. 36—38, 43—44.
[4]) ib. 28—30.
[5]) Билярскій. Матеріалы для біографіи Ломоносова. Спб. 1865, 481—486; ср. Д. Толстой. Акад. Гимназія 36—38.
[6]) Д. Толстой. Академ. Университетъ въ XVIII стол. Сборн. рус. яз. и слов. т. XXXVIII. № 6. Спб. 1886, стр. 47.
[7]) ib. 43.
[8]) Д. Толстой. Акад. Гимназія. . . . 44—45.
[9]) ib. 45—46.
[10]) ib. 39—40, 80—81.
[11]) Билярскій, 38; ср. 745.

1762 года Генваря по 15 число сего года былъ въ бѣгахъ, а допросомъ онъ показалъ, что былъ де онъ въ бѣгахъ со обучающимъ[1]) въ гимназіи придворнаго пѣвчаго сыномъ Иваномъ Головнинымъ съ пашпортомъ, которой написалъ онъ Головнинъ съ подпискою подъ руку упомянутаго профессора Котельникова, и въ ту де ихъ отлучку были они въ Нарвѣ, въ Ревелѣ, въ Перновѣ и въ Ригѣ, а оттуда возвратились они въ С.-Петербургъ; при отлучкѣ же де ево изъ гимназіи, укралъ онъ Морозовъ у гимназиста Косова казенную суконную епончу, кою будучи въ дорогѣ утратилъ". Дальше выясняется, что „оной Морозовъ и прежде сего въ бѣгахъ бывалъ не однажды" и даже самовольно записался на Голштинскую службу. За все эти проступки канцелярия Академии Наук постановила уволить Морозова изъ гимназии и отдать его в солдаты.[2]) А в том-же 1763 году тот-же Котельников докладывал о гимназисте Арсенове, который „въ наукѣ непонятенъ и часто бѣгаетъ.... а когда де онъ отъ гимназіи отлучался, то бывали покражи, да и нынѣ... во время евожъ отлучки у гимназиста Косова пропали новые башмаки, а послѣ оной Арсеновъ пришелъ въ гимназію пьянъ". Канцелярия Академии Наукъ постановила гимназиста Арсенова выключить, „учинить жестокое наказанье батожьемъ, и отослать для написанія въ солдаты...".[3])

После смерти Ломоносова один из академических документов довольно безотрадно оценивает его деятельность по управлению гимназией: „А нынѣ... какъ между студентами, такъ и гимназистами находится почти половина отчасти пьяницъ, забіакъ, лѣнивыхъ, непонятныхъ и в ученіи никакого успѣха не оказывавшихъ, что наипаче происходитъ отъ того, что 1. оные ученики принимаемы были единственно для наполненія числа, не разсматривая притомъ ихъ лѣтъ, состоянія и способности къ наукамъ, а набираемы были всѣ изъ самой подлости, и потому не имѣли добраго воспитанія, и въ общежитіи никакого о томъ попеченія не приложено, особливо что и надзиратели ихъ были люди всякими пороками зараженные; 2. между гимназическими учениками и нынѣ еще многіе такіе находятся, которые при непонятности своей и худыхъ

---

[1]) обучавшего?
[2]) Билярский, 589—590.
[3]) ib. 621—622.

поступкахъ достигли уже дватцатилѣтняго возраста, а иные оной уже и превзошли, признавая ученіе себѣ крайнимъ принужденіемъ и тягостью...".[1]) Историк-же гимназии дополняет картину: „Грубость нравовъ учениковъ гимназіи всюду проявлялась; они царапали другъ друга, рвали свою одежду и т. п.... наказанія на нихъ налагаемыя, были столь же грубы, какъ ихъ поступки..."[2]) Дѣло дошло до того, что в 1767 г. гимназисты подожгли свою alma mater.[3])

Таково было состояние гимназии в то время, когда Сумароков написал свою комедию „Приданное обманом". Не приходится совмневаться в том, что он был хорошо знаком с постановкой учебного и воспитательного дела в гимназии: слишком тесен был тогдашний Петербург, да и вся учебная ученая и литературная жизнь того времени концентрировалась в Петербурге около Академии. Кроме того, с 1758 г. по время своей смерти (4 апр. 1765 г.) во главе академической гимназии стоял Ломоносов,[4]) с которым Сумароков враждовал в течение многих лет, и уже одно это обстоятельство могло заставить его особенно внимательно прислушиваться к слухам, ходившим об академической гимназии. Для характеристики же творчества Сумарокова интересно то, что в свою комедию он внес факты современной ему жизни, выросшие как раз к этому моменту до размеров большого зла.

Помимо отмеченного уже злободневного материала, приведенный отрывок указывает на необезпеченность ученого сословия. В близкой по времени написания комедии „Опекуне" эта-же тема развивается подробнее: „А честнова та человѣка дѣти пришли милостыни просить, которыхъ отецъ ѣздилъ до Китайчетова царства и былъ въ Камчатномъ государствѣ, и объ етомъ государствѣ написалъ повѣсть; однако сказку то ево читаютъ, а дѣтки то ево ходятъ по миру; а у дочекъ то ево крашенинныя бостроки, да и тѣ въ заплатах; даромъ то, что отецъ ихъ во Камчатномъ былъ государствѣ, и для тово, что они въ крашенинномъ толкаются платьи, называютъ ихъ крашенинкиными".[5]) В этой тираде уже давно[6])

---

[1]) Там-же, 745—746. См. и у Д. Толстого, Акад. Гимназія.. 46—47.
[2]) Д. Толстой, ib. 67.
[3]) ib. 66—67.
[4]) Билярский, 738, 745.
[5]) Соч.[2], V, 12.
[6]) Буличъ, цит. роб. 73—75.

был отмечен намек на бедственное положение семьи исследователя Сибири Крашенинникова, который действительно написал книгу „Описаніе земли Камчатской“, изданную Миллером в год смерти исследователя.[1]) Интересно отметить настойчивость Сумарокова. Еще в 1760 году он написал стихотворение,[2]) в котором пользуется тем-же приемом, что и в комедиях „Опекун“ и „Пр. обманом“ — противопоставляет положение детей честного человека детям взяточников и приказных. Эта, очевидно, настойчивость и создала легенду о том, что благодаря Сумарокову на положение детей Крашенинниковых и было обращено внимание.[3])

Так реагировал Сумароков на непорядки в окружавшей его жизни. Иногда горячий поэт терял меру в оценке тех или иных явлений и говорил о мелочах, которые его лично раздражали. В „Опекуне“ и „Лихоимце“ он несколько раз говорит о злоупотреблениях, которые практиковались при заеме денег: медная монета служила разменной единицей, и потому при обмене ее на серебрянную часто брали известный процент.[4]) И это явление, очевидно, настолько раздражало Сумарокова, что он счел необходимым вспомнить о нем и в более поздней свой пьесе „Рогоносец по воображению“.[5]) В последние годы своей жизни Сумароков имел много неприятностей при постановке своих пьес в Москве.[6]) Возмущала его и некультурность публики в театре, не проявлявшей должного уважения к храму искусства. В предисловии к своему „Дмитрию Самозванцу“, написанному в 1772 году,[7]) он дает прекрасную картину нравов тогдашней театральной публики. А в написанной около этого же времени комедии он показывает щеголиху, которая хвастает тем, что больше всех смеется в траге-

---

[1]) П. Пекарскій. Исторія Академіи Наукъ. I, 326, 520, 608—619. А. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. Спб. 1892. I, 108; IV, 225.

[2]) „Праздное время къ пользѣ и увеселенію употребленное“, VI, 140, (1760); Ср. Соч.[2], X, 157.

[3]) Мих. Лонгиновъ (Замѣтки къ первоначальной исторіи русскаго театра. Рус. Арх. 1873, стр. 2044), отвергая влияние „Опекуна“ на получение пенсии Крашенинниковыми, полагает все же, что Сумароков содѣйствовал этому делу „только косвеннымъ образомъ“.

[4]) Соч.[2], V, 19—20, 64, 83, 105.

[5]) Соч.[2], VI, 48.

[6]) Лѣтописи русск. литер. и древности, ч. III (1860), стр. 60, 61, 71—74. — Осьмадцатый Вѣкъ, М. 1868, I. 77. Подробную и связно изложенную историю этих эпизодов см. у М. Лонгинова, Р. Арх. 1871, стр. 1672—1685.

[7]) Соч.[2], VI, 92.

диях и плачет в комедиях.[1]) Эту же формулу для изображения невежества театральной публики Сумароков использовал уже в ранней своей комедии — „Чудовищи". Но в ней нет ничего оригинального: мы ее встречаем и у одного малоизвестного французского драматурга De-Vaure'a,[2]) а позже — у Крылова.[3]) Но для нас в данном случае интересно то, что Сумароков извлекает ее тогда, когда его особенно резко оскорбляет неуважение к театру.

Таковы отголоски злободневных интересов в комедиях Сумарокова. Живой и горячий, раздражавшийся всем, что казалось ему непорядками, не без основания снискавший себе репутацию неуживчивого человека — Сумароков тесно связывал свои поизведения с действительною жизнью. Конечно, не всегда умел он отличить важное от случайного. По этому и встречаем мы в его комедиях указания на значительные явления, болезненно отражавшихся в жизни широких кругов общества; встречаем и филиппики, вызванные личными неприятностями, стоившими ему много крови. И наряду со всем этим — жалобы на мужиков, рубящих мерзлые барки и мешающих ему по утрам спать и т. под. И нельзя тут не согласиться с мнением В. Стоюнина: „принявшись за комедію и имѣя одну цѣль, Сумароковъ во время работы захватывалъ всѣ минутныя непріятныя впечатлѣнія".[4]) Но, так или иначе усвоивая своим пьесам иностранные образцы, он иногда очень сильно насыщал их русским бытом, как в постоянных его проявлениях, так и в тех, которые в определенный момент приобретали значительную остроту. Более того, мы видим, что Сумароков привлекает действительность не только с целью повлиять на нее, исправить. Иногда он только связывал свое произведение каким нибудь случайным упоминанием с хорошо памятным зрителям событием. Эти упоминания имели своею целью определенный сценический эффект: сцена сближалась с текущей жизнью. Правда, эти упоминания не приводились в органическую связь со всей фабулой комедии, но и вообще Сумарокову было далеко даже и от слабого мастерства в области композиции.

---

[1]) Соч.[2], V, 261—263.

[2]) De-Vaure. Les faux savants. Théâtre des auteurs du second ordre. Paris, 1818, t. V, 86.

[3]) Похвальная рѣчь Ермалофиду. Сочиненія Крылова подъ ред. В. Каллаша, III, 375—376.

[4]) Цит. раб. Музык. и Театр. Вѣстн. 1856. № 45, стр. 809.

Мы могли заметить, что не все комедии Сумарокова имели такую связь с бытом или со злобой дня. В некоторых из них такой элемент совершенно отсутствует. Таковы, напр., „Нарциссъ". „Три брата совмѣстники". Но и эта неровность была вполне в характере Сумарокова: пути, приводившие его произведения на свет были разные: злая пародия, написанная в 2 дня и использововшая иностранный образец („Тресотиниусъ"), быстро сделанная переделка иностранного образца („Три брата совмѣстники") и, наконец, комедии, комбинировавшие заимствованную схему с отголосками окружавшей писателя жизни — плод более вдумчивой работы... В течение свыше двадцати лет писал Сумароков свои комедии и пока, при теперішнем состоянии разработки их литературной истории, мы видим только толчки, которые направляли его творчество то в одну, то в другую сторону; определенной же эволюции наметить нельзя, пока не будет полностью учтен тот материал — бытовой и литературный — который лег в основу его комедий и подсказывал те или иные приемы обрисовки отдельных лиц, ту или иную технику комических эффектов.

Киев.

П. Рулин.

Замѣтки по ркк. и творчеству Лермонтова.

(Окончаніе.)

V

Смерть отца и переломъ въ жизни и творчествѣ.

Въ заключеніе остановлюсь на послѣднихъ, отразившихся въ поэзіи Л-ва, душевныхъ мукахъ и переживаніяхъ, когда онъ покинулъ Московскій Университетъ и вообще Москву. Какъ разъ въ это время, наконецъ, изжита была долго терзавшая юношу семейная распря, на томительномъ фонѣ которой развивалась его любовь къ Н. Ф. И-вой. Разрѣшила ссору между его отцемъ и воспитавшей его бабкой смерть отца. Новое испытаніе.

Но, когда скончался Юрій Петровичъ Лермонтовъ?

Въ Аи мы находимъ объ этомъ очень приблизительныя указанія. Въ »Хронологической канвѣ для біографіи« поэта подъ 28 января 1831 упомянуто Завѣщаніе Юрія Петровича, а въ концѣ перечня событій за 1832 годъ сказано: »Умеръ Ю. П. Л-въ, отецъ поэта«, безъ указанія числа и мѣсяца, а лишь со ссылкой на Ревизскую Сказку за 1834 г., по дѣламъ Имп. Росс. Истор. Музея Инвентарь № 26275. Так. обр. хоть сколько нибудь точная дата остается неизвѣстной. Одно только совершенно несомнѣнно, что въ 1832 г., т. е. по отъѣздѣ Е. А. Арсеньевой съ внукомъ въ Петербургъ мы о немъ больше не находимъ никакихъ упоминаній. Ю. П. уже не было въ живыхъ (Аи V, стр. 8 и 10). Порядокъ записи лирическихъ стиховъ въ черновыхъ тетрадяхъ Тлм XI и IV поможетъ опредѣлить кончину отца поэта нѣсколько точнѣе, а попутно раскроетъ и новыя душевныя муки, повліявшія на его творчество.

Мы видѣли, что любовь, изображенная въ Странномъ Человѣкѣ, — та же, что и въ Menschen und Leidenschaften. Передъ нами лишь ея новая стадія: замужество любимой дѣвушки. Иначе обстоитъ дѣло, что касается семейныхъ невзгодъ героя. Сохраненъ трагическій эпизодъ про-

клятія отцемъ сына. Тѣ же заимствованныя изъ »Короля Лира« слова говоритъ юноша приставленному слѣдить за нимъ слугѣ:

Mensch. u. Leid.:

Юрій — Такъ у тебя есть жена и дѣти? . . .

Иванъ — Да еще как'я . . . какъ съ неба; прекрасная, добрая жена . . . И малютки: сердце радуется, глядя на нихъ . . .

Юрій — Если я тебѣ сдѣлалъ добро, исполни мою единственную просьбу . . .

Иванъ — И тѣломъ, и душой готовъ, батюшка, на вашу службу.

Юрій — У тебя есть дѣти . . . не проклинай ихъ никогда.

Странн. Челов.:

Владиміръ (разсѣянно) — Такъ у тебя есть жена и дѣти?

Иванъ —Да еще какія, — будто съ неба . . . Добрая жена и малютки! сердце радуется, глядя на нихъ.

Владиміръ — Если я тебѣ сдѣлалъ добро, исполни мою единственную просьбу.

Иванъ — И тѣломъ и душой готовъ, батюшка, на вашу службу . . .

Владиміръ (беретъ его за руку) — У тебя есть дѣти . . . не проклинай ихъ никогда!

При этомъ — Иванъ лицо, вновь взятое изъ дѣйствительности такъ же точно, какъ и Дарья, изъ Menschen und Leidenschaften. Дарьей звали приближенную Е. А. Арсеньевой ключницу. И въ одномъ письмѣ къ внуку, когда онъ былъ уже офицеромъ, бабушка проситъ не обойти Дарьи подаркомъ. »Achetez quelque chose pour Дарья, — вставляетъ она по французски, — elle me sert avec beaucoup d'attachement« (В V, стр. 6 Приложеній). Иванъ — ея мужъ, и позднѣе именно онъ привезъ съ Кавказа тѣло поэта (В V, стр. 61 прим.).

Однако вся обстановка дѣйствія совершенно другая. Владиміръ Арбенинъ живетъ у отца, разведеннаго съ женою, и изъ-за того, что Владиміру не удалось уговорить отца посѣтить умирающую мать и помириться съ нею, происходитъ между отцемъ и сыномъ роковая сцена, кончающаяся его проклятіемъ. Эти обстоятельства какъ будто ужъ совершенно не похожи на окружавшую поэта дѣйствительность.

Откуда они? Откуда, зачѣмъ этотъ скорбный образъ когда-то провинившейся и давно раскаивающейся женщины?

Вѣдь поэтъ категорически говоритъ, что его герои »всѣ взяты изъ дѣйствительности«. Мало этого, онъ хочетъ, »чтобы они были узнаны« и прибавляетъ: »тогда раскаяніе, вѣрно, посѣтитъ души тѣхъ людей . . .« А самая воображаемая смерть матери, какъ и всѣ прочія сцены въ Странномъ Человѣкѣ пріурочена къ опредѣленному числу мѣсяца, къ 3-ему февраля.

Разобраться въ этомъ намъ помогутъ лирическіе стихи изъ Тлм XI и IV, оплакивающіе смерть отца поэта. Ихъ всего пять. Изъ нихъ четыре въ Тлм XI и одинъ въ Тлм IV.

Мы знаемъ, что стихи изъ черновой Тлм XI вписывались въ рук. сборникъ Тлм XX послѣ стиховъ на 1831 года Іюня 11 дня и 1831 Янв., а поэтому обычно относятся къ 1831 г. Мы знаемъ также, что въ началѣ Тлм XI стихи Желаніе (Аи I № 222; Тлм XI, 2 и XX, 76) помѣчены 29 іюля, а на послѣднемъ мѣстѣ въ Тлм XI прозаическая замѣтка на Варваринъ день 2-ого (?) Декабря. Т. обр. этотъ черновикъ былъ использованъ во вторую половину 1831 г. Первые стихи, гдѣ упомянута смерть отца поэта, записаны на 39-омъ мѣстѣ. Здѣсь неожиданное восклицаніе:

О мой отецъ! гдѣ ты? гдѣ мнѣ найти
Твой гордый духъ, бродящій въ небесахъ?
Въ твой міръ ведутъ столь разные пути,
Что избирать мѣшаетъ тайный страхъ.
(Аи I № 242; Тлм XI, 39, строфа 5-ая.)

Это стихотвореніе несомнѣнно возникло ранней осенью, т. к. нѣсколько раньше него, въ той же черновой находятся уже использованные нами стихи, начинающіеся словами:

Опять, опять я видѣлъ взоръ твой милый!
Я говорилъ съ тобой!
И мнѣ былое, взятое могилой,
Напомнилъ голосъ твой.
(Аи I № 235; Тлм XI, 23 = XX, 83.)

Они озаглавлены Сентября 28. Они написаны подъ впечатлѣніемъ новой встрѣчи съ Н. Ф. И., и дальше въ Тлм XI чередуются обращенныя къ ней, вновь вспыхнувшія чувства съ мыслями о покойномъ отцѣ. Очевидно не метафора слова: „былое, взятое могилой“. Такъ было на самомъ дѣлѣ. Она напомнила, и оттого то вновь въ обращенныхъ къ ней строфахъ, начинающихся словами: „Я видѣлъ тѣнь блаженства,“ и срывается поэтъ на воспоминаніе объ отцѣ. Оттого къ стихамъ объ отцѣ я причисляю и строки:

О, не скрывай! ты плакала о немъ . . .
И я его люблю; онъ заслужилъ
Твою слезу, и если-бъ былъ врагомъ
Моимъ, то я-бъ съ тѣхъ поръ его любилъ.
И я бы могъ быть счастливъ . . . Но зачѣмъ
Искать условій счастія въ быломъ?
Нѣтъ! я доволенъ долженъ быть и тѣмъ,
Что зрѣлъ, какъ ты жалѣла о другомъ.
(Аи I №№ 243; Тмм XI, 37 = Тлм, 86.)

Что она „плакала о немъ," при тогдашнихъ родственныхъ привычкахъ, очень естественно, если она приходилась поэту родней по отцу.

Быстро слѣдуютъ за этими строками два слѣдующихъ стихотворенія, одно посвященное уже только отцу, и второе, озаглавленное Стансы. Въ этомъ послѣднемъ стихотвореніи первыя двѣ строфы въ Тлм перечеркнуты, и въ Тлм XX вписана лишь послѣдняя, какъ разъ завершающая раздумье поэта о своихъ родителяхъ:

Я сынъ страданья. Мой отецъ
Не зналъ покоя по-конецъ;
Въ слезахъ угасла мать моя;
Отъ нихъ остался только я,
Ненужный членъ въ пиру людскомъ,
Младая вѣтвь на пнѣ сухомъ;
Въ ней соку нѣтъ хоть зелена,
Дочь смерти, — смерть ей суждена.
(Аи I № 249; Тлм XI, 47 = Тлм XX, 91.)

Въ стихахъ, посвященныхъ исключительно отцу и начинающихся строкой „Ужасная судьба отца и сына" (Аи I № 248; XI, 42; XX, 89) — разсказъ ихъ отношеній съ самаго его дѣтства, т. е. какъ все то, что изображено въ Menschen und Leidenschaften. Опять все это переживаетъ поэтъ, и уже мертвому отцу изливаетъ сыновнія чувства любви, которыхъ не поколебали никакія козни. Однако и въ этомъ стихотвореніи не удержался, чтобы не помянуть о своей любви. Если раньше онъ отъ нея срывался на чувства къ отцу, теперь наоборотъ:

Ужель теперь совсѣмъ меня не любишь ты?...
О, если такъ, — то небо не сравняю
Я съ этою землей, гдѣ жизнь влачу мою;
Пускай на ней блаженства я не знаю,
По крайней мѣрѣ я люблю!

Важнѣе, что есть въ этихъ стихахъ что-то совсѣмъ новое, еще не знакомыя намъ до сихъ поръ мысли и переживанія, связанныя съ отцомъ, и мы сейчасъ къ этому вернемся. А именно они то и подведутъ насъ къ пониманію семейныхъ отношеній, изображенныхъ въ Странномъ Человѣкѣ.

Послѣднее стихотвореніе объ отцѣ, находящееся уже не въ Тлм XI, а въ Тлм IV, носитъ заглавіе Эпитафія. Тутъ самое послѣднее прости покойному отцу, и какъ самое первое, оно задаетъ этотъ безотвѣтный вопросъ о свиданіи въ горнемъ мірѣ:

Прости! Увидимся-ли снова?
И смерть захочетъ ли свести
Двѣ жертвы жребія земного?
Какъ знать! Итакъ, прости, прости! . . .
(Аи I № 102; Тлм IV, 102.)

Эпитафія, занимая 102-ое мѣсто въ Тлм IV, написана уже въ 1832 г. Мы видѣли, что поэтъ началъ записывать стихи въ Тлм IV, использовавъ Тлм XI и найдя въ старой черновой, еще незаполненной въ 1830-го году, пустыя страницы.[1])

Самыя первыя изъ приведенныхъ стихотвореній уже даютъ возможность сдѣлать шагъ впередъ въ разрѣшеніи поставленной мною задачи. Они написаны нѣсколько позже 28 сентября 1831, а въ нихъ обращеніе къ ушедшей въ лучшій міръ душѣ отца, показываетъ, что его уже не было въ живыхъ. Юрій Петровичъ Л-въ умеръ до сентября 1831 г. Но вотъ эти строки изъ стихотворенія: „Ужасная судьба отца и сына", важность которыхъ я только что отмѣтилъ:

Не мнѣ судить, виновенъ ты иль нѣтъ! . . .
Ты свѣтомъ осужденъ . . . а что такое свѣтъ?

О какой винѣ отца вспоминаетъ здѣсь сынъ? За что осужденъ былъ его отецъ? А въ Эпитафіи опять схоже:

Ты самъ на свѣтѣ былъ гонимъ,
Ты въ людяхъ только зло извѣдалъ . . .

Кѣмъ гонимъ, за что?

Изъ Menschen und Leidenschaften мы знаемъ, что семейная распря между Е. А. Арсеньевой и мужемъ ея покойной дочери происходила отъ соревнованія за чувства внука и сына; они какъ бы вырывали мальчика-поэта изъ рукъ другъ друга; на сторонѣ Е. А. Арсеньевой было богат-

---

[1]) Висковатый справедливо сопоставилъ строку изъ Эпитафіи:

Ты далъ мнѣ жизнь, но счастья не далъ;

со словами Юрія Волина изъ Menschen und Leidenschaften: „Я обязанъ вамъ одной жизнью . . . Возьмите ее назадъ, если можете . . . О, это горькій даръ". Отсюда онъ заключилъ, что Эпитафія возникла въ 1830 г., т. е. что тогда отца поэта уже не было въ живыхъ (В. V, стр. 69). Такое предположеніе было возможно, т. к. Завѣщаніе Юрія Петровича, сообщенное лишь въ 1898 г. („Историческій Вѣстникъ" № 10) не было извѣстно В-ому, а только изъ этого завѣщанія мы узнаемъ, что еще 28 января 1831 года, когда оно было подписано, отецъ поэта былъ въ живыхъ. Но совершенно непонятно, какъ могъ редакторъ Аи напечатать Эпитафію среди стихотвореній 1830 года, когда въ своей „хронологической канвѣ" онъ сообщаетъ самъ эту дату: terminus a quo для изслѣдованія года смерти Юрія Петровича. Тутъ какое-то непростительное невниманіе къ печатаемымъ текстамъ.

ство, и въ своемъ завѣщаніи сыну Юрій Петровичъ пишетъ, что принесъ для него жертву ради него самого, спасъ ему состояніе, лишивши себя радости жить съ сыномъ подъ одной кровлей и заботиться о его воспитаніи. Къ этому примѣшивались споры о Васильевскомъ, имѣніи данномъ въ приданое покойной дочери, а теперь задержанномъ Е. А. Арсеньевой за собою. Кругомъ этихъ дрязгъ еще гоношили сплетни и интриги крѣпостныхъ слугъ, вродѣ ключницы Дарьи, низкопоклонныхъ, испорченныхъ рабствомъ, хитрыхъ и въ тайнѣ злыхъ. Все это безъ прикрасъ, какъ скажутъ позднѣе, реалистически, изобразилъ мальчикъ-поэтъ. Теперь что-то другое. Очевидно помимо этого на отцѣ поэта еще тяготѣло какое-то обвиненіе. Можетъ быть, годъ тому назадъ и не зналъ объ этомъ мальчикъ. Теперь именно это болью бороздитъ его сыновнее сердце. Висковатый слышалъ, что Е. А. Арсеньева затаила не доброе чувство противъ Юрія Петровича давно, еще при жизни дочери. Юрій Петровичъ на глазахъ у жены, проживая въ Тарханахъ, увлекся какой-то Юліей Ивановной, жившей въ семьѣ Арсеньевыхъ и уже вскружившей голову одному изъ ея членовъ (В. V, стр. 14). Если такъ, то не подтверждаетъ ли это извѣстіе слѣдующее мѣсто изъ ранней поэмы Литвинка. Ея содержаніе вѣдь въ томъ, что герой поэмы, Арсеній, измѣнилъ молодой женѣ, забывши „святой обрядъ“ —

Что святой обрядъ
Тому, кто ищетъ лишь земныхъ наградъ? —
(Аи I стр. 205.)

ради прекрасной плѣнницы, литвинки. И тогда:

Гдѣ такъ недавно, съ радостью живой,
Облокотясь на столикъ, у окна,
Ждала супруга вѣрная жена;
Гдѣ съ дѣтскою досадой сынъ ее
Чуть поднималъ отцовское копье, . . .

тамъ —

Сидитъ Литвинка, дочь степей чужихъ.
(Аи I стр. 206.)

Не в этой-ли измѣнѣ молодой женѣ, которая вскорѣ скончалась, — вина отца, о которой упоминаетъ сынъ-поэтъ? И если такъ, то не спроста въ своемъ немного витіеватомъ завѣщаніи Юрій Петровичъ, проситъ сына увѣрить свою бабку въ его сыновнихъ къ ней чувствахъ: „я былъ готовъ — пишетъ онъ — любить ее всѣмъ сердцемъ, какъ мать обожаемой мною женщины“. (Аи V стр. XXXI) Слова „обожаемая мною

кенщина“ относительно покойной жены звучатъ какимъ-то оправданіемъ.

И вотъ теперь вспомнимъ сцену смерти матери Арбенина въ Странномъ Человѣкѣ. И она измѣнила. Она говорить сыну:

Нѣтъ... нѣтъ... я соберу послѣднія силы... Владиміръ, ты долженъ узнать все... и судить твоихъ родителей... Подойди!... Я умираю ...отдаю душу правосудному Богу, и хочу чтобы ты, ты, мой единственный другъ, не обвинялъ меня по чужимъ словамъ ...я сама произнесу свой приговоръ (Останавливается) Я виновна: молодость была моей виною!.. Я имѣла пылкую душу... твой отецъ холодно со мной обращался... я прежде любила другого... если-бъ мой мужъ хотѣлъ, я забыла бы прежнее. Нѣсколько лѣтъ старалась я побѣждать эту любовь, — и одна минута рѣшила мою участь... Не смотри на меня такъ... о!... упрекай лучше самыми жестокими словами! Я твоя злодѣйка!... Мой проступокъ заставляетъ тебя презирать меня, и не одну меня... Долгимъ раскаяніемъ я загладила свой проступокъ. (Аи III стр. 184).

Не вытекаетъ ли изъ моихъ сопоставленій, что въ Странномъ Человѣкѣ мать, Марія Дмитріевна Арбенина, представлена умирающей какъ разъ въ такихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ и такомъ же душевномъ состояніи, какъ Юрій Петровичъ Л-въ, хотя и давно овдовѣвшій, но все еще чувствовавшій свою старую вину и передъ тещей, и передъ сыномъ?

А если такъ, то сейчасъ же еще вопросъ. Сцена смерти матери Арбенина въ Странномъ Человѣкѣ помѣчена 3-ьимъ февраля. Не надо ли полагать, что именно 3-ьяго февраля 1831 г. умеръ Юрій Петровичъ, лишь за нѣсколько дней передъ этимъ написавшій свое завѣщаніе сыну. Можетъ быть этой точной датой хотѣлъ поэтъ дать понять своимъ близкимъ, что подъ судьбою Маріи Дм. Арбениной онъ разумѣлъ судьбу отца.

Во всякомъ случаѣ не только въ сентябрѣ этого года, но уже лѣтомъ Юрія Петровича, повидимому, не было въ живыхъ. По свидѣтельству Аи черновая рк. Страннаго Человѣка закончена 17 іюля (Аи V стр. 8). Правда работа надъ нею продолжалась. Это видно изъ Тлм XI. Тутъ нѣсколько добавленій и поправокъ къ Странному Человѣку. Между прочимъ тотъ діалогъ между молодымъ Арбенинымъ и Иваномъ, позаимствованный почти слово въ слово изъ Menschen und Leidenschaften, который я привелъ въ началѣ этой главы, въ Тлм XI замѣненъ монологомъ, и, скажу попутно, діалога не слѣдовало бы помѣщать

въ текстъ. Но и самый сюжетъ драмы, въ центрѣ котораго находится раскаяніе и смерть Маріи Дм. Арбениной едва ли могъ возникнуть до кончины отца поэта.

Такъ новыми душевными муками Л-ва изжита была семейная распря, которой теперь онъ пересталъ себя считать главной причиной.

Для творчества его и для всего склада его поэтическихъ грёзъ и раздумій этотъ исходъ семейной расприи имѣетъ прежде всего то значеніе, что онъ прибавилъ еще и эти переживанія къ представленной въ предшествующихъ главахъ борьбѣ между демонизмомъ и свѣтлыми образами, »дѣвой небесной« и роковой любовью, раемъ и адомъ. Новое прибавилось, опоэтизированіе измѣны: не только измѣна горячо любимой имъ дѣвушки, скорѣе воображаемая, чѣмъ дѣйствительная, ибо вѣдь вовсе не было измѣной ея совершенно естественное и давнымъ давно предвиденное самимъ поэтомъ замужество, заныло сердце и отравлено было воображеніе еще и этой хотя давней, но такъ больно уязвившей, когда узналъ о ней, дѣйствительной измѣной отца его матери. Не винилъ, не считалъ себя судьею; но тѣмъ болѣе ложилось бременемъ на сознаніе. Хотѣлось вѣчнаго неизбывнаго свѣточа любви, но горечь опыта подсказывала иное. Не литературный байронизмъ, а дѣйствительное переживаніе выливалось въ мрачные стихи, особенно тогда, когда мечталось о „дѣвѣ небесной".

Эту давнюю запретную любовь отца опоэтизировалъ Л-въ въ Литвинкѣ, гдѣ изображенъ образъ покинутой мужемъ для другой любви матери его единственнаго сына. Нѣтъ, не дала отцу счастья его преступная любовь. Напротивъ. Не любила Арсенія литвинка. Не только покинула, но отомстила. Она вообразилась поэту въ образѣ, похожемъ на Гражину Мицкевича и, одѣтая воиномъ, въ бою позвала покончить со своимъ врагомъ—любовникомъ,

И три копья пронзили эту грудь,
Которой такъ хотѣлось отдохнуть,
Гдѣ столько лѣтъ съ добромъ боролось зло
И, наконецъ, оно превозмогло . . .

(Аи I стр. 216).

Арсеній и самъ измѣнилъ, и на себѣ испыталъ горечь измѣны. Какъ бы мораль или психологическій смыслъ поэмы составляетъ его строфа XVII.

Есть сумерки души, несчастья слѣдъ,
Когда ни мрака въ ней, ни свѣта нѣтъ;
Она сама собою стѣснена,
Жизнь ненавистна ей, и смерть страшна;
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ,
И, какъ на зло, все весело кругомъ!
Въ прекрасномъ мірѣ — жертва тайныхъ мукъ,
Въ созвучіи вселенной — ложный звукъ,
Она встрѣчаетъ блескъ природы всей,
Какъ встрѣтилъ бы улыбку палачей
Приговоренный къ казни; и назадъ
Она кидаетъ безпокойный взглядъ.
Но слѣдъ волны потерянъ въ безднѣ водъ,
И листъ, отпавшій, вновь не зацвѣтетъ.
Есть демонъ, сокрушитель благъ земныхъ.
Онъ радость намъ даритъ на краткій мигъ,
Чтобы ударъ судьбы сразилъ скорѣй;
Врагъ истины, врагъ неба и людей,
Нашъ слабый духъ ожесточаетъ онъ,
Пока страданья не умчатъ, какъ сонъ,
Все, что мы въ жизни цѣнимъ только разъ, —
Все, что ему еще завидно въ насъ.
(Аи I стр. 213—214).

А эти мысли уже дразнили воображеніе и раньше. Они отражаютъ преслѣдовавшій Л-ва съ дѣтства образъ Демона. Стоитъ перечесть демоническіе стихи 1830 г. изъ Тбм IV: Аи I №№ 57 и 58 и Мой Демонъ (Аи I № 272), особенно еще его дѣтскую версію 1829 г. (Аи I № 41) съ этой строкой:

Онъ презрѣлъ чистую любовь,

чтобы почувствовать значеніе этой строфы для лермонтовскаго генія. Строфа эта возникла изъ соединенія вмѣстѣ стиховъ 490—493 и 342—347 изъ поэмы Джюліо, т. е. одинъ разъ эти стихи уже были использованы.

Однако кончается поэма какимъ-то апофеозомъ вѣрной, несмотря на все, любви, какой воображается жена Арсенія, т. е. поэтизація обманутой когда-то отцемъ матери поэта. И заключительныя строки поэмы подхвачены вновь, чтобы войти въ эту знаменательную поэму о самомъ себѣ 1831 года, іюня 11 дня. Здѣсь онѣ перенесены на самого себя. Привидилась и понравилась метафора: береза, выросшая въ ращелинѣ, засохнетъ,

Но чтожъ? — Усилья вихря и дождей
Не могутъ обнажить ея корней,
И пыльный листъ, встрѣчая жаръ дневной,
Трепещетъ все на вѣткѣ молодой.
(Литвинка Аи I стр. 218).

Но съ корнемъ не исторгнетъ никогда
Мою березу вихрь: она тверда;
Такъ лишь въ разбитомъ сердцѣ можетъ страсть
Имѣть неограниченную власть.
(Аи I № 217 строфа 14-ая).

Значитъ поэма Литвинка хронологически должна быть пріурочена между поэмой Джюліо (1830) и лѣтомъ 1831 г.

Въ той-же поэмѣ о самомъ себѣ, почему-то озаглавленной: 11-ое іюня, не позабыты и тѣ строки, что, перейдя изъ Джюліо въ Литвинку, въ этомъ послѣднемъ произведеніи занимаютъ центральное мѣсто, объясняя весь замыселъ. Онѣ теперь лишь тоже обращены на самого себя и передѣланы:

Есть время, — леденѣетъ быстрый умъ;
Есть сумерки души, когда предметъ
Желаній мраченъ: усыпленье думъ;
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ;
Душа сама собою стѣснена
Жизнь ненавистна ей, и смерть страшна...

(Строфа 24-ая).

Я подчеркнулъ перенесенныя сюда строки. Ихъ всего двѣ, но психическое состояніе осталось тоже. Къ приколдовавшему къ себѣ выраженію: „сумерки души" прибавилось новое „усыпленье думъ". Во всякомъ случаѣ мы видимъ, какъ связанъ между собою, сплетенъ однимъ настроеніемъ весь циклъ этихъ произведеніи 1831 г.: и Литвинка, и Странный Человѣкъ, и пять стихотвореній, навѣянныхъ смертью отца, и новыя изліянія любви къ Н. Ф. И., и поэма 11-аго іюня, первыя ея строфы которой введены въ драму Странный Человѣкъ. Она вѣдь разнится отъ своихъ предшественницъ тѣмъ, что третій лирическій герой Л-ва, въ отличіе отъ Фернандо и Юрія Волина, изъ прежнихъ — поэтъ. Точно наконецъ проговорился объ этомъ Л-въ. Не утерпѣлъ. Конечно, поэтъ — молодой Арбенинъ. И вотъ стихи его, которые ходятъ по рукамъ его пріятелей, — какъ разъ три первыя строфы поэмы о самомъ себѣ на 11-ое іюня. Еще тѣснѣе закрѣпилась связь, соединяющая весь циклъ.

Узналъ поэтъ, предвосхищая знаменитое изреченіе Тютчева, что „мысль изреченная есть ложь", какъ трудно выразить все сцѣпляющееся богатство душевныхъ переживаній. Все въ той-же поэмѣ о самомъ себѣ —

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье думъ.

(Строфа 3-ья).

Замѣняютъ холодную букву образъ березы, выросшей въ расщелинѣ, и особенно эти слова о „сумеркахъ души, несчастья слѣдѣ", о „сумеркахъ души", времени, когда „леденѣетъ быстрый умъ". И перегоняютъ другъ друга воспоминанія,

горечь горя, мечты и раздумья. Не надо-ли присоединить къ разсматриваемому циклу поэтическихъ произведенiй такъ же и взволнованныя строки изъ письма къ Н. И. Поливанову, помѣченнаго: „Москва 7 iюня 1831 г.“: „Нѣтъ, другъ мой! мы съ тобой не для свѣта созданы; я не могу тебѣ много писать: болѣнъ, разстроенъ, глаза каждую минуту мокры — source intarissable. Много со мной было“. (Аи IV стр. 305).

Между тѣмъ, несмотря на новыя душевныя бури то, что происходило съ поэтомъ и что я назвалъ исходомъ семейной распри, въ общемъ должно было принести скорѣе успокоенiе. Смерть отца была, дѣйствительно, исходомъ.

Если, судя по изображенiю, далеко не прикрашенному, Е. А. Арсеньевой въ Menschen und Leidenschaften онъ, повидимому, считалъ ее виновницей невзгодъ своего отца, то теперь — иное. Только ключницѣ Дарьѣ не простилъ. Отношенiе къ ней осталось то-же до конца, судя по этой фразѣ въ „Другомъ отрывкѣ изъ начатой повѣсти“: маленькiй Арбенинъ семи лѣтъ „принявъ гордый видъ, умѣлъ съ презрѣньемъ улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы.“ (Аи IV, стр. 299). Но съ бабкой, своей воспитательницей — до конца его дней самыя близкiя и нѣжныя отношенiя. Не обвинялъ отца, вѣрилъ, что мать оставалась для него „обожаемой женщиной“, однако непрiязнь къ отцу Е. А. Арсеньевой все-таки получала объясненiе. Сорвались же эти слова въ Литвинкѣ:

Что святой обрядъ
Тому, кто ищетъ лишь земныхъ наградъ?

И съ конца 1831 ни въ одномъ изъ дальнѣйшихъ произведенiй Л-ва не будетъ больше никакихъ намековъ на эти отравившiя его дѣтство и юность отношенiя. Точно тяжело захлопнулась дверь, и должно было начаться новое...

Нѣтъ въ 1831 г. еще не началось. Переплелись домашнiя дѣла съ раздумьемъ о самомъ себѣ. Мы это уже видѣли. Отсюда длинная поэма о самомъ себѣ 11-аго iюня. На первый планъ выходитъ это сознанiе:

Всегда кипитъ и зрѣетъ, что-нибудь
Въ моемъ умѣ...

(Строфа 23-ья).

Молодой Арбенинъ — поэтъ. Онъ такой же „странный человѣкъ“, какъ Чаттартонъ Альфреда де Виньи. Уже было достигнуто совершенство. Въ послѣднемъ отдѣлѣ сборника

слабо прикрытый самой измышленной экзотикой. Разсудочность, вольнодумство и иронія, все это нравилось, потому что все это было уже традиціонно, привычно, и потому понятнѣе на отсталомъ континентѣ, тогда какъ на родинѣ поэта именно эти черты такъ скоро представились отсутствіемъ изощренности, этого „finer touch", къ которому пріучили Китсъ и Шелли.

Л-въ не былъ піонеромъ; отъ него не надо требовать ни новыхъ пріемовъ выразительности, ни новыхъ сплетеній идей или умственныхъ исканій. Его поэзія заключительный аккордъ русскаго байронизма.

Эйхенбаумъ, авторъ обстоятельной книги о поэзіи Л-ва (Лермонтов. Госиздат. Ленинград 1924) постарался отвѣтить на вопросъ, какимъ должно закончиться каждое изслѣдованіе о большомъ поэтѣ: что внесъ онъ новаго въ общую кошницу національной поэзіи. Въ частности о Л-вѣ онъ сведется къ тому, каково было черезъ Л-ва поступательное движеніе русской поэзіи отъ Пушкина до Некрасова, ибо Л-въ выводитъ насъ за предѣлы эпохи „поэтовъ Пушкинской поры". Книга Эйхенбаума пользуется, какъ точкой отправленія отзывами о Л-вѣ Шевырева и Кюхельбекера. Оба эти современника знали поэзію Л-ва лишь по изданію 1840 г. т. е. лишь стихи зрѣлаго возроста; и все-таки Шевыревъ отозвался о Л-вѣ, что „онъ не шелъ впередъ. Лира его не звучала новыми струнами", а Кюхельбекеръ назвалъ его талантъ „эклектически подражательнымъ" (Эйх. стр. 16—17). Современному ученому критику пришлось не только подтвердить это мнѣніе, но, что касается раннихъ стиховъ, которымъ посвящено мое изслѣдованіе, то еще его усилить. Мальчикомъ Л-въ, иногда, даже не передѣлывая ихъ вовсе, вводилъ въ свои поэмы чужіе стихи. Такъ IX строфа Черкесовъ пользуется Освобожденіемъ Москвы Дмитріева и Сномъ воиновъ Батюшкова. Въ Корсарѣ и Кавказскомъ Плѣнникѣ кишатъ стихи Пушкина (Эйх. стр. 24—27). Использованы были еще стихи Жуковскаго, Полежаева, Козлова, Подолинскаго. Тоже самое и относительно иностранныхъ поэтовъ. „Кромѣ Байрона — пишетъ Эйхенбаумъ, — мы имѣемъ въ его творчествѣ слѣды близкаго знакомства съ Т. Муромъ, В. Скоттомъ, Гюго, Ламартиномъ, Шатобріаномъ, А. Де-Виньи, Мюссе, Барбье,

Шиллеромъ, Гейне, Мицкевичемъ и т. д." (стр. 33). Эйхенбаумъ подобралъ богатый матеріалъ подобныхъ заимствованій. Имъ посвящена значительная часть его книги. (До стр. 61).

Мнѣ, для моихъ цѣлей важнѣе подобранные Эйхенбаумомъ примѣры другого, того, что онъ называетъ „буквальными переносами отдѣльныхъ кусковъ, какъ разъ навсегда выработанныхъ клише" изъ одного собственнаго произведенія въ другое (стр. 62). Такое повтореніе своихъ собственныхъ стиховъ продолжается и послѣ 1832 г. Оно теперь присоединилось къ использованію чужихъ образовъ, стиховъ, афоризмовъ. Такъ говоря о Мцыри, Эйхенбаумъ приходитъ къ такому выводу: „это — послѣднее слово, итогъ развитія русской лирической поэмы, поглощающей въ себѣ опыты Жуковскаго, Козлова, Подолинскаго и др. Мы видимъ, что въ области поэмы Л-въ не порываетъ со своимъ прошлымъ, и лишь совершенствуетъ то, что было имъ набросано еще въ 1830 г." (стр. 92).

Тѣмъ болѣе нужно признать, что къ 1832-ому году восемнадцатилѣтній Л-въ уже достигъ поэтической зрѣлости, что кстати сказать, облегчалось отсутствіемъ исканія новыхъ путей. Однако тутъ-то и возникаетъ вопросъ о томъ, можемъ ли мы постараться опредѣлить, въ чемъ сказалась поэтическая индивидуальность Л-ва. Какой этапъ былъ имъ уже пройденъ по пути отъ поэтовъ Пушкинской поры по направленію къ Некрасову?

Въ письмѣ отъ 28 авг. 1832 г., т. е. вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, Л-въ посылаетъ К. А. Лопухиной, одной изъ наперстницъ его юношескихъ грёзъ, два стихотворенія, одно „Для чего я не родился" (Аи II, № 19) и другое, составляющее двѣ строфы изъ стиховъ „Что толку жить! . . . Безъ приключеній" . . . (Аи II № 20). Къ нимъ такое замѣчаніе: „ces deux pièces vous expliqueront mon état moral mieux que j'aurais pu le faire en prose". (Аи IV, стр. 311.) Я остановлюсь на второмъ изъ нихъ. Оно очевидно подверглось отдѣлкѣ, прибавлена была первая строфа, съ которой они впервые появились въ печати въ „Русской Старинѣ" за 1872 съ какого-то не дошедшаго до насъ автографа. Послѣдняя строфа, начиная со словъ: „Когда жъ чиновный человѣкъ," была опущена. Не дастъ его въ текстѣ стихотвореній и Аи. Оно, правда, странно. Въ письмѣ къ молодой дѣвушкѣ еще болѣе уди-

вляетъ. Ужъ очень прозаично. И я настаиваю на этомъ выраженіи. Въ самомъ дѣлѣ:

И, можетъ быть, изъ вашей кости,
Подливъ воды, подсыпавъ крупъ,
Кухмейстеръ изготовитъ супъ,
(Все это дружески, безъ злости).
А тамъ голодный апетитъ
Хвалить васъ будетъ съ восхищеньемъ
А тамъ желудокъ васъ сваритъ,
А тамъ... Но съ вашимъ позволеньемъ
Я здѣсь кончу свой разсказъ
И этого довольно съ васъ.

Прозаичность стиля появляющуюся съ стихахъ Л-ва отмѣчаетъ и Эйхенбаумъ, ссылаясь на выраженія: „не стоитъ труда", „и жизнь, какъ посмотришь" изъ Думы, и строчки: „И Ишки Мятлева стиха" Изъ альбома С. Н. Карамзиной (стр. 19 и 116).[1]) Нашъ поэтъ, разумѣется, старался избѣгать такихъ срывовъ на прозу. Но они встрѣчаются и раньше:

И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила (Аи I № 233.)

или:

Развѣ нѣту
Примѣровъ? Первый ли урокъ
Во мнѣ дается свѣту? (Аи I № 256.)

или:

Слишкомъ знаемъ мы другъ друга... (Аи I № 91.)

Эти выраженія, черезъ стихи въ письмѣ къ М. А. Лопухиной, надо сопоставить съ самыми что ни на есть прозаическими, бытовыми сценами изъ Menschen und Leidenschaften и изъ Страннаго Человѣка. Критики (Котляревскій) видѣли въ нихъ чуть ли не предвосхищеніе Островскаго. Я напомню особенно патетическую сцену смерти матери Арбенина, когда горничная, оставшись наединѣ съ покойницей, пользуется возможностью поживиться. И вѣдь черезъ обѣ пьесы проходитъ это противоположеніе экзальтаціи героя и трезвой обыкновеннѣйшей жизни окружающихъ, которые

---

[1]) Я воспользовался лишь тѣми замѣчаніями изъ книги Эйхенбаума, которыя схожи съ моими собственными наблюденіями надъ поэзіей Л-ва. Обойти ихъ молчаніемъ, разъ его книга оказалась мнѣ доступной, я бы считалъ недобросовѣстнымъ. Но Эйхенбаумъ — убѣжденный приверженецъ увлекающей теперь многихъ русскихъ историковъ литературы и критиковъ т. наз. „формальной" теоріи, которой посвященъ м. б. и слишкомъ обстоятельный обзоръ въ начальной книжкѣ „Zeitschrift für slavische Philologie". Входить въ разсмотрѣніе преувеличеній и узости во взглядахъ „формалистовъ" здѣсь не мѣсто. Скажу только, что менѣе всего примѣнимы такіе пріемы критики къ поэзіи Л-ва именно потому, что онъ не былъ піонеромъ формы.

чужды этой экзальтаціи. Тоже самое въ душѣ мальчика-поэта. Вѣрнѣе всего именно перипетіи семейной распри рано открыли ему глаза, и онъ видѣлъ все, что его окружало безъ ложной идеализаціи. Особенно же исходъ семейнаго раздора, то, что узналъ онъ объ отцѣ и матери повергло въ прозу, обыденность, житейскую повседневность. А не тоже ли самое и съ его любовью. Одна, бурная, застыла передъ прозой замужества любимой имъ дѣвушки, а другая — та, къ которой старался себя принудить, грозила такой же прозой, его собственной ранней женитьбой. И свойственное ему чувство дѣйствительности, прозаическіе задатки въ немъ самомъ заставляли это почувствовать съ особой силой.

Рвался отъ этой прозы. Старался пересилить ее поэзіей своихъ стиховъ. Байронизмъ былъ его романтическимъ Пегасомъ. Но что случилось? До начала 1832 г. вся его поэзія, и драмы, и стихотворенія, и поэмы были не только стихами на случай, но больше того; всѣ они какъ будто для того только и написаны, чтобы вмѣшаться въ прозу жизни. Они всѣ — въ назиданіе себѣ, либо воображаемымъ или дѣйствительнымъ читателямъ и читательницамъ. Что-то доказывалъ ими поэтъ, объяснялъ свои чувства, свои переживанія, свою любовь и свои негодованія. Теперь точно побѣдила прозаическая дѣйствительность. Стихи стихами, а жизнь сама по себѣ, и даже какъ будто и не было никогда между ними связи. Поэзія оторвалась отъ жизни, ушла въ міръ красныхъ вымысловъ. Отсюда новое, что онъ творитъ, становится объективнѣе. Онъ самъ, живой и пылкій, словно уйдетъ за кулисы, оставивъ на сценѣ созданные имъ образы.

И вотъ тогда точно перемѣстились поэзія и проза, помѣнявшись мѣстами. Судя по Исповѣди, этому первому прототипу Мцыри, уже давно безмятежная жизнь у бабушки стала ему воображаться монастыремъ, гдѣ, скучное и однообразное, прошло его дѣтство. Вырваться на волю, въ бури житейскія, испытать и превратности, и яркое счастье, развернуть свою удаль! И мечтается:

Я праздный отдалъ бы покой
За нѣсколько мгновеній
Блаженства иль мученій.

Эти три строки изъ стихотворенія Потокъ (Аи I № 254; Тлм XX, 52), которое вмѣстѣ съ другими стихами 6-ого отдѣла

Тлм, переписанныхъ сюда послѣ поэмы на 11-ое іюня, я отнесъ къ осени 1830 г. Въ 1832 г. — цѣлый циклъ стихотвореній подобнаго рода. Поэту хочется опоэтизировать самое жизнь, не мечтать, а дѣйствовать, не воображеніе тѣшить, а упиться пестротой приключеній. Тутъ сказалась черта, которая опредѣлитъ всю дальнѣйшую жизнь поэта, всю его быстро, неугомонно, бурно развивавшуюся молодость, до самаго послѣдняго и рокового приключенія, когда сбылось его дѣтское пророчество объ ожидающей его кровавой могилѣ. Надо ли приводить эти стихи. Вѣдь съ ними мы на самыхъ высяхъ творчества, и ихъ помнитъ наизустъ каждый образованный человѣкъ. Это: „Я жить хочу! Хочу печали" (Аи II № 8), „Отворите мнѣ темницу" (Аи II № 15), Парусъ (Аи № 21). Оба первыхъ стихотворенія изъ послѣдняго отдѣла Тлм XX, гдѣ этотъ сборникъ начинаетъ служить и черновой тетрадью. „Отворите мнѣ темницу" еще и въ Тлм XV, а тутъ и Парусъ. Точно объясняетъ смыслъ этихъ стиховъ письмо къ М. А. Лопухиной передъ самымъ поступленіемъ въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Жутко было. На цѣлыхъ два года суровая дисциплина и грубые нравы. И назоветъ ихъ позднѣе самъ поэтъ „страшными годами". Но пусть, тѣмъ паче:

Онъ былъ рожденъ для счастья, для надеждъ
И вдохновеній мирныхъ! Но, безумный
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ,
И сердце бросилъ въ море жизни шумной...

(Аи II № 22 и IV, стр. 316.)

А сама поэзія? Въ томъ-то и дѣло, что въ ней былъ острый переломъ. Опоэтизировавъ свою жизнь разрывомъ съ прошлымъ, и краснымъ доломаномъ лейбъ-гусара, и предчувствіемъ двухъ страшныхъ лѣтъ юнкерства, а за ними чаемой, дѣйствительно, бурной походной жизни, какъ поэтъ, въ поэзіи, Л-въ будитъ въ себѣ свои прозаическія склонности. Въ самой поэзіи — что-то въ родѣ Блоковскаго „молчите проклятыя книги, я васъ не писалъ никогда."

Отсюда приведенная выше послѣдняя строфа стихотворенія „Что толку жить!..." (Аи II № 20), которую вписалъ въ письмо М. А. Лопухиной. Ожило въ поэзіи враждебное ей прозаическое начало и съ нимъ вмѣстѣ иронія, новая, почти еще совсѣмъ не сказавшаяся въ его раннемъ творчествѣ черта байронизма. Разумѣется, не пересталъ быть поэтомъ.

Даже расцвѣтетъ ею его поэзія. Зато черезъ нее, какъ гораздо позднѣе въ стихахъ Изъ альбома С. Н. Карамзиной посмотритъ Л-въ на свой юношескій байронизмъ:

Любилъ и я въ былые годы,
Въ невинности души моей,
И бури шумныя природы,
И бури тайныя страстей (Аи II № 101.)

Такъ неожиданно случилось для всѣхъ его друзей это событіе; не только отъѣздъ изъ Москвы съ цѣлью перевестись въ Петербургскій университетъ, но ужъ совсѣмъ невѣроятное, до сихъ поръ загадка для его біографовъ, поступленіе юнкеромъ въ лейбъ-гусары и затѣмъ въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Стихи Гусаръ точно отмѣчаютъ этотъ день, когда впервые надѣлъ поэтъ „свой красный доломанъ" и задумался объ оставленномъ позади безвозвратномъ прошломъ. Изъ сердца вырвалось:

Увы! зачѣмъ отъ жизни прежней
Ты разомъ сердце оторвалъ?
Ты не всегда былъ тѣмъ, что нынѣ;
Ты жилъ, ты слишкомъ много жилъ,
И лишь съ послѣднею святыней
Ты пламень сердца схоронилъ. (Аи II № 4.)

Это стихотвореніе сохранилось въ двухъ спискахъ Хохрякова и Понафутина. Въ Аи, что касается хронологической послѣдовальности, оно стоитъ не на мѣстѣ, потому что оно несомнѣнно написано позже стиховъ, изъ письма къ М. А. Лопухиной отъ 28 авг., о которыхъ была только что рѣчь. Лишь 13 ноября 1832 „недоросль изъ дворянъ Михаилъ Лермонтовъ, просящійся на службу въ Л. Гв. Гусарскій полкъ, зачисленъ на правѣ вольноопредѣляющагося унтеръ-офицеромъ". Съ этого времени онъ началъ носить форму. 10 ноября онъ былъ зачисленъ въ Школу лишь кандидатомъ, и въ юнкера переименованъ только 18 декабря (Аи V, стр. 10).

А сборникъ Тлм XX, внимательное отношеніе къ которому послужило мнѣ точкой отправленія, заканчивается четырьмя стихотвореніями, подводящими итогъ къ его юности. Тутъ и послѣднее прости той роковой любви къ Н. Ф. И., съ воспоминаніемъ о завѣтномъ, столько разъ упомянутомъ единственномъ поцѣлуѣ:

Всѣ чувства мы вдругъ истощили,
Сожгли поцѣлуемъ однимъ.
Прости! не жалѣй безразсудно,
О краткой любви не жалѣй:

Разстаться казалось намъ трудно,
Но встрѣтиться было бъ труднѣй.
(Аи II № 16; Тлм XX, 116.)

Повидимому, къ ней же обращены и послѣдніе стихи сборника „Она не гордой красотою" (Аи II № 25; Тлм XX, 119). Тутъ же обращеніе и къ „дѣвѣ небесной", къ другой, не пересилившей главную, любви, т. е. къ В. А. Лопухиной. Ея вѣрующей души не считаетъ себя теперь достойнымъ поэтъ. Увы, онъ привязанъ къ землѣ, и нѣтъ исхода. Оттого —

Оставь страдальца! будь покойна:
Гдѣ бъ ни былъ этотъ міръ святой
Двухъ жизней сердцемъ ты достойна,
А мнѣ довольно и одной!
(Аи II № 23; Тлм XX, 117.)

Наконецъ тутъ же иступленный крикъ, обращенный къ толпѣ непонявшихъ и не способныхъ его понять, настоящее: odi profanum vulgus, или манфредовское изліяніе, но только оно словно покаянное, словно готовъ поэтъ смириться въ эти мѣсяцы перелома, сомнѣній и разставанья съ прошлымъ.

Безумецъ я! вы правы, правы!

И мало этого, готовъ поэтъ отрицать и самое свое призваніе, взлелѣянное его безъ устали напряженнымъ, съ упорнымъ трудолюбіемъ пересиленнымъ и теперь изжитымъ, поэтическимъ ученичествомъ. Онъ бросаетъ толпѣ, какъ послѣднюю жертву, какъ разбитое сердце, ненужное, потому что оно перестало биться:

Нѣтъ не похожъ я на поэта!
Я обманулся вижу самъ.
(Аи II № 24, Тлм XX, 118.)

Тяжекъ былъ переживаемый имъ переломъ. Нѣтъ, конечно, не вѣрилъ тому, что записалось въ иступленную минуту. Остался поэтомъ, но, работая теперь надъ своимъ первымъ романомъ Вадимъ, онъ пишетъ въ Москву: „mon roman devient une œuvre de désespoir; j'ai fouillé dans mon âme pour en retirer tout ce qui est capable de se changer en haine, et je l'ai versé pêle-mêle sur le papier" (Аи IV, стр. 310). Вадимъ — революціонный романъ.

Русскій байронизмъ становился призывнымъ кличемъ, который услышатъ въ „станѣ погибающихъ за священное дѣло любви". Путь отъ поэтовъ Пушкинской поры до самыхъ завѣтныхъ чаяній Бѣлинскаго былъ пройденъ.

Бѣлградъ.

Евгеній Аничковъ.

„Лирическая дерзость“.

(Опытъ комментарія къ одной эстетической формулѣ Л. Н. Толстого.)

I.

Л. Н. Толстой, котораго принято упрекать въ недостаточной чуткости къ поэзіи, какъ-то высказалъ интересную мысль. Въ письмѣ къ В. П. Боткину 21 іюля 1857 г. онъ высказываетъ свое мнѣніе о стихотвореніи Фета: „Еще майская ночь“ (нач. сл. „Какая ночь! на всемъ какая нѣга“).[1]) Онъ находитъ, что двустишіе фетовскаго стихотворенія:

„И въ воздухѣ за пѣснью соловьиной
Разносится тревога и любовь“ —

„прелестно“. Чрезвычайно интересно, что́ Толстой ставитъ въ особую заслугу Фету. Онъ пишетъ: „И откуда у этого добродушнаго офицера берется такая непонятная лирическая дерзость, свойство великихъ поэтовъ“.[2]) Великій поэтъ, по мнѣнію Толстого, „лирически дерзокъ“. Какъ понимать такое странное сочетаніе, и что оно можетъ означать въ примѣненіи къ поэзіи?

Обратимся къ двустишію Фета, которое вызвало неожиданное опредѣленіе Толстого:

„И въ воздухѣ за пѣснью соловьиной
Разносится тревога и любовь“.

Что въ этомъ двустишіи могло показаться Толстому „дерзкимъ“? Конечно, здѣсь Толстой имѣетъ въ виду прежде всего смѣлость, дерзаніе поэта на неожиданный, никому другому не свойственный изгибъ мысли. Это чувство неожиданности, необычности можетъ быть всегда вскрыто въ произведеніи крупномъ, выдающемся. Дѣйствительно, двустишіе Фета поражаетъ этой неожиданной смѣлостью, на первый взглядъ можетъ быть и непримѣтной.

Между словесными сочетаніями, повторяющимися въ разнообразной обстановкѣ, помимо этимологическихъ и синтактическихъ категорій, устанавливаются связи, вовсе не нашедшія фор-

---

[1]) См. „Полн. собр. стих.“ Петр. 1912, т. I, стр. 293.

[2]) „Переписка Л. Н. Толстого с В. П. Боткинымъ“ въ сборн. „Толстой. Памятники творчества и жизни.“ Редакц. В. И. Срезневскаго. IV. Москва. 1923, стр. 37. Подчеркнуто мною. А. Б.

мальнаго отраженія въ языкѣ, но тѣмъ не менѣе дѣйственныя въ языковомъ сознаніи.

Невидимыя нити протягиваются отъ одной смысловой единицы къ другой, и весь запасъ человѣческихъ словъ опутанъ такими трудно улавливаемыми связями. Вотъ одинъ изъ примѣровъ. У Пушкина извѣстное стихотвореніе 1820 г. „Подражаніе Байрону“ начинается строкой:

„Погасло днéвное свѣтило“.

Казалось страннымъ, почему Пушкинъ съ его чутьемъ къ языку употребилъ прилагательное съ необычнымъ удареніемъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи этого вопроса нетрудно установить, что въ живомъ говорѣ существовало два прилагательныхъ: „дневнóй“ и „днéвный“, изъ которыхъ второе удержалось въ языкѣ пушкинскаго времени въ сочетаніи со словомъ „свѣтило“, къ которому оно тяготѣло въ силу смысловой связи, общей архаичности окраски и размѣрной спаянности („днéвноé свѣти́ло“). Мнѣ удалось найти до десятка примѣровъ у писателей XVIII в. и у современниковъ Пушкина съ сочетаніемъ „днéвное свѣтило“.[1]) Значеніе рифмы поэтому далеко не исчерпывается звуковой и формирующей стороной ея: куда болѣе важно установленіе путемъ рифмовки особой связи между рифмующимися словами. Между двумя срифмованными словами устанавливаются связи, которыя влекутъ за собою путемъ весьма тонкихъ ассоціацій весь комплексъ слово-смысловъ. Поэтому сама по себѣ не представляетъ ничего страшнаго рифма: „кровь-любовь“, если поэту силой вдохновенія удалось преодолѣть косность смысловыхъ ассоціацій, протянутыхъ между этими двумя словами.

Вотъ въ этой способности по новому располагать словесные комплексы, сдвигать ихъ съ привычной установки лежитъ одна изъ тайнъ поэтической силы.

Когда Фетъ писалъ:

„И въ воздухѣ за пѣснью соловьиной
Разносится тревога и любовь,“

онъ безсознательно именно произвелъ этотъ сдвигъ и придалъ самымъ обычнымъ словамъ неожиданное очарованіе. Вѣдь по существу смысловая связь между „пѣснью соловьиной“ и „любовью“ находится на грани поэтическаго шаблона. Нужна большая поэтическая дерзость, чтобы не впасть въ безвкусіе, поль-

---

[1]) См. мою статью: „Днéвный“ и „дневнóй“ у Пушкина (Лингвистическая справка) въ сб. „Пушкинъ и его современники.“

зуясь такими сочетаніями. Однако Фетъ, какъ правильно подмѣтилъ Толстой, съ честью вышелъ изъ этого испытанія. Вышло не только не шаблонно, но „прелестно“. Въ чемъ-же дѣло? Гдѣ этотъ магическій ударъ смычка, который очаровываетъ насъ?

Присмотримся ближе къ фетовскому построенію смысловыхъ единицъ. Я считаю въ двустишіи опредѣляющими двѣ единицы: 1. „пѣснь соловьиная“, и 2. „любовь.“ Между ними поэтъ устанавливаетъ въ нашемъ сознаніи какую-то связь, считаясь съ тѣмъ, что въ читателѣ-слушателѣ имѣются уже на-лицо свои связи между этими слово-смыслами. Надо не только вызвать желаемое поэту впечатлѣніе, отзвукъ, но и разрушить уже сложившіяся ассоціаціи. Эта необычайно навязчивая связь между „пѣснью соловьиной“ и „любовью“ имѣетъ за собой многовѣковый грузъ традиціоннаго сочетанія, уже использовавшаго всѣ возможные пути ихъ соединенія. Нужна подлинная „поэтическая дерзость“ преодолѣнія этихъ уже проложенныхъ путей. Фетъ это дѣлаетъ очень тонко. Во первыхъ, онъ вводитъ посредствующее понятіе между двумя опредѣляющими, разрывая этимъ ихъ первоначальную связь. Роль замѣстителя „любви“ играетъ „тревóга“. Между „пѣснью соловьиной“ и „тревогой“ совершенно непроизвольно вызывается надсмысловая близость, благодаря созвучію словъ „т р е л и“ и „т р е вога“. Шаблонныя „трели“ соловьиныя неожиданно подмѣняются „тревогой“ и создаютъ этимъ переосмысливаніе всѣхъ связей. Законность трехчленной группы — „пѣснь соловьиная: тревога: любовь“ становится ясной поэтическому сознанію. Но эту новую связь необходимо уложить и въ формальныя отношенія языка, и въ ритмико-мелодическую схему. Особенно интереснымъ является исполненіе Фетомъ первой задачи. Въ первой строкѣ опредѣляющимъ является „пѣснь“, которая невольно вызываетъ ожиданіе *звуковой* ассоціаціи. По этому ждешь соотвѣтственнаго глагола, напр. „слышится“ („и въ воздухѣ за пѣснью соловьиной слышится“), но тогда предлогъ „за“ теряетъ свой временный смыслъ „вслѣдъ за“, а пріобрѣтаетъ оттѣнокъ пространственный „позади“. Другими словами, смыслъ былъ-бы слѣдующій: за пѣснью соловьиной слышится тревога и любовь. Снова шаблонная установка, которую истинный поэтъ не можетъ принять. Фетъ опять дѣлаетъ перестановку, перенося удареніе на слова „въ воздухѣ“, чѣмъ разрушаетъ звуковую ассоціацію и вызываетъ представленіе „легкости, текучести“ и т. п. Такимъ образомъ возможность появленія глагола „разносится“

создана включеніемъ въ ассоціаціи слова „воздухъ“, и этимъ создана большая конкретность, почти осязаемость отвлеченныхъ понятій „тревоги“ и „любви.“ Эта конкретность поддержана надсмысловой ассоціацией между „трелями“ и „тревогой“, такъ какъ „тревога“ разносится, какъ, „трели“ соловьиныя.

Вотъ тотъ безсознательный путь, какимъ Фетъ шелъ къ преодолѣнію установившихся связей между словесными группами. Такимъ образомъ, однимъ изъ условій „поэтичности“ является неожиданность, переосмысливаніе, то что называется „смысловымъ сдвигомъ“. Но напрасно думаютъ современные поэты, что такое переосмысливаніе можно возвести въ „пріемъ“, т. е. искусственно пользоватся имъ, механически прибѣгая къ „остраненію“ въ самомъ процессѣ творчества. У Толстого очень тонко сказано не просто дерзость, а „лирическая“ дерзость. Дерзость въ поэзіи сплошь и рядомъ является именно пріемомъ, ошарашиваніемъ, стремленіемъ поразить, быть оригинальнымъ. Но такая „дерзость“ ничего общаго не имѣетъ съ „лирической дерзостью“, о которой говоритъ Толстой. „Лирическій“ въ пониманіи Толстого можетъ быть истолковано только какъ внутренне созвучный съ поэтомъ, ему интимно присущій. То есть эта „дерзость“ должна быть лирично окрашена. Безъ этой внутренней обусловленности, связи съ личностью поэта никакая дерзость не создаетъ подлинно поэтическаго впечатлѣнія. Свести искусство поэта къ пріему значитъ не замѣтить самаго существеннаго — обусловленности поэзіи личностью, внѣ связи съ которой всякая поэзія мертва, ибо бездушна.

Эту внутреннюю связь я попробую показать на пушкинскомъ „Демонѣ“.

II.

Напомню это стихотвореніе:

Демонъ.

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія —
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья,
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь,
Часы надеждъ и вдохновеній
Тоской внезапной осѣня,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня.

Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою
Онъ провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою;
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ —
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.[1])

Все стихотвореніе дѣлится на двѣ равныя части по 12 строкъ, хотя въ немъ формально и нѣтъ строфическихъ членeній. Такимъ образомъ, въ основѣ лежитъ парное члененіе, скорѣе ведущее къ ощущенію симметріи, гармоніи, чѣмъ къ диссимметріи, хаосу.

Первая половина (1—12 стр.) построена по типу временнаго періода: когда-тогда, но съ явнымъ перевѣсомъ придаточнаго предложенія (8 : 4). Этимъ какъ-бы подчеркивается валентность смысловыхъ единицъ, заключенныхъ въ придаточной части.

Первыя восемь строкъ распадаются въ свою очередь на 2 + 6 стр., изъ которыхъ вторыя шесть являются только раскрытіемъ, конкретизацiей второй строки, объясненіемъ того, что поэтъ вкладываетъ во „всѣ впечатлѣнья бытія.“ Такимъ образомъ, первыя 12 строкъ по содержанію легко могли-бы быть сведены къ простому четверостишію:

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія . . .
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня.

Въ сущности всю пушкинскую пьесу можно свести къ лирическому раскрытію этого мысленнаго четверостишія. Къ „лирическому раскрытію“, т. е. поэтическому осмысливанію для себя, а черезъ себя и для другихъ, необычайнаго появленія въ моментъ наибольшей казалось-бы душевной полноты какой-то трещины, соприкосновенія съ силами хаоса и опустошенности. Вотъ это душевное состояніе надо было поэтически осмыслить, и ка́къ это осмысливается Пушкинымъ становится для насъ чрезвычайно интереснымъ.

Стихотвореніе начинается нѣсколько торжественнымъ, приподнятымъ „въ тѣ дни . . .“ Помимо того, что этимъ данъ зачинъ,

---

[1]) Текстъ по изданію Брокгауза п. р. С. А. Венгерова, т. II, стр. 205.

который приподнимаетъ стилистически все стихотвореніе, такое вступленіе имѣетъ и свое значеніе въ преодолѣніи шаблоннаго построенія періода-„когда, тогда“. Путемъ вводныхъ словъ „въ тѣ дни . . .“ акцентуируется уже въ самомъ началѣ полнота, заполненность событіями, вмѣсто простого указанія временной послѣдовательности. Эта заполненность, насыщенность далѣе раскрывается конкретнымъ указаніемъ того, что́ поэтъ понимаетъ подъ „впечатлѣніями бытія“. Это „взоры дѣвъ“, „шумъ дубровы“, „пѣнье соловья“. Новое „когда“ поднимаетъ насъ еще на ступень выше и соотвѣтствуетъ перенесенію вниманія отъ „впечатлѣній бытія“ къ „возвышеннымъ чувствамъ“ и „вдохновеннымъ искусствамъ“.

Впечатлѣніе насыщенности, полноты бытія еще усиливается тѣмъ, что даже въ главномъ предложеніи поэту удается отвоевать одинъ стихъ для подчеркиванія положительнаго содержанія своей душевной жизни. „Часы надеждъ и наслажденій“ по смыслу относятся къ положительному утвержденію жизненнаго смысла.

Т. о. изъ первыхъ 12 стиховъ мотивъ „демона“ захватываетъ только три стиха, положительное-же содержаніе душевной жизни развивается въ 9 стихахъ. Это само по себѣ уже даетъ ощущеніе утвержденія Пушкинымъ того содержанія „бытія“, которое внезапно было „осѣнено тоской“. Если мы обратимъ вниманіе еще на подборъ словъ послѣднихъ трехъ стиховъ четверостишія:

„Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осѣня,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня“,

то еще болѣе укрѣпится это чувство необычайной цѣнности внутренняго міра поэта. Интересно, что озаглавивъ стихотвереніе словомъ „демонъ“ Пушкинъ въ самомъ стихотвореніи не пользуется этимъ словомъ, а называетъ демона „злобнымъ геніемъ“, какъ-бы сразу лишая его того ореола, который невольно связывается съ демономъ, падшимъ ангеломъ. Сразу дано и впечатлѣніе „сторонности“, чуждости внутреннему міру поэта демоническихъ настроеній. Онъ навѣщаетъ „тайно“, противъ воли. Глаголъ „осѣнять“ въ связи съ „тоской“ вызываетъ образъ „тучи“, бросающей тѣнь, чего-то внезапно, извнѣ пришедшаго, враждебнаго и чуждаго. Уже этимъ 12-тистишіемъ создано „лирическое“ настроеніе контраста „свѣтлаго“ и „темнаго“, „полнаго“ и „ущербнаго“. Не можетъ быть сомнѣнія, что поэту, написавшему такую

пьесу органически чуждо хаотическое, разлагающее начало, что соприкосновеніе съ нимъ онъ воспринимаетъ, какъ встрѣчу съ враждебнымъ ему духомъ зла и хаоса.

Вторая половина стихотворенія только углубляетъ это впечатлѣніе. Уже первый стихъ, точно боясь ввести въ заблужденіе, подводитъ итогъ столкновенію поэта съ враждебнымъ геніемъ.

„Печальны были наши встрѣчи" — вотъ этотъ итогъ, разъясненію котораго посвящены послѣдніе 11 стиховъ. Сначала слѣдуетъ внѣшнее впечатлѣніе отъ „злобнаго генія":

„Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ".

Враждебность этого образа ясно чувствуется. „Его улыбка" создаетъ образъ человѣка съ постоянной, т. е. искусственной улыбкой, лицомъ-маской. „Чудный" взглядъ — значитъ „странный" взглядъ; рѣчь язвительная — опять преднамѣренная, ставящая цѣлью уязвить. Глаголъ „вливать" подчеркиваетъ дѣйствіе насильное, непріязненное, вызывающее душевное сопротивленіе.

Строки:

„Неистощимой клеветою
Онъ провидѣнье искушалъ,
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ,
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ —

выражаютъ нарастающее возмущеніе враждебнымъ духомъ, который отрицаетъ самое дорогое душевному міру поэта. Это возмущеніе достигаетъ высшаго напряженія въ заключительномъ аккордѣ:

„И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ".

Все то, что въ первой части Пушкинъ раскрываетъ, какъ содержаніе своего внутренняго міра: свобода, слава и любовь, все это „злобный геній" отрицаетъ.

Поэтъ очень тонко проводитъ свое пріятіе міра, свое утвержденіе жизни путемъ столкновенія съ враждебнымъ отрицающимъ духомъ. Изъ этого столкновенія онъ выходитъ побѣдителемъ, и еще больше укрѣпляетъ въ насъ впечатлѣніе душевной полноты, гармоничности и цѣльности. Особенно ярко чувствуется эта внутренняя связь пушкинскаго „Демона" съ его поэтическою личностью при сравненіи его съ пьесой Лермонтова „Мой демонъ" (1829 г.).

„Демонъ“ Лермонтова-олицетвореніе внутренняго міра поэта, которымъ владѣютъ темныя демоническія силы. Это подчеркивается и самимъ заглавіемъ стихотворенія, въ отличіе отъ пушкинскаго названнаго „мой“ демонъ.[1]) „Демонъ“ — же Пушкина — искушеніе, пришедшее извнѣ.

Разрушающая сила перваго направлена во внѣ, на другихъ, онъ демонъ-искуситель. Разлагающее вліяніе второго направлено на внутренній міръ поэта, онъ демонъ искушающій. Пушкинъ отвергаетъ, отталкиваетъ отъ себя встрѣтившагося на его пути демона, Лермонтовъ, отожествляетъ себя съ нимъ, подпадаетъ его власти.

Уже современники Пушкина и Лермонтова отмѣтили эту разницу въ міроощущеніи обоихъ писателей, такъ ярко отразившихся въ этихъ сходныхъ по мотивамъ пьесахъ. Такъ В. П. Боткинъ писалъ Бѣлинскому: „въ молодости демонъ на мгновеніе являлся Пушкину, но кроткая, нѣжная, святая душа Пушкина трепетала этого страшнаго духа, и онъ съ тоскою говорилъ о печальныхъ встрѣчахъ съ нимъ. Лермонтовъ взглянулъ ему прямо въ глаза, сдружился съ нимъ и сдѣлалъ его царемъ своей фантазіи“. „Совершенно согласенъ съ тобою“, отвѣчалъ Бѣлинскій: „особенно поражаетъ меня страхъ и боязнь Пушкина къ демону: ‚печальны были наши встрѣчи‘, именно отсюда и здѣсь его разница съ Лермонтовымъ“.[2])

Если выйти за предѣлы окончательнаго текста и обратиться къ рукописямъ Пушкина, то правильность этихъ выводовъ станетъ еще очевиднѣй. Въ несомнѣнной связи съ „Демономъ“ стоитъ напр. отрывокъ въ Румянц. тетр. № 2369, л. 29 об. съ помѣтой „I Novembre“:

„Мнѣ было грустно, тяжко, больно . . .
Но одолѣвъ меня въ борьбѣ
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ;
Я сталъ взирать его очами;
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ“ . . .[3])

---

[1]) Надо оговорить, что и у Пушкина въ „Мнемозинѣ“ В. К. Кюхельбекера (Москва 1824.), гдѣ стихотвореніе появилось впервые, оно было озаглавлено „Мой Демонъ“. Однако, самъ Пушкинъ затѣмъ измѣнилъ заглавіе.

[2]) См. у Пыпина: „Бѣлинскій“, 2-е изд., стр. 403, 407. Цитирую по изд. Пушкина подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 620.

[3]) См. соч. Пушкина въ изд. Брокгауза подъ ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 618.

Въ другомъ набroomскѣ, приведенномъ въ свое время В. Е. Якушкинымъ („Русск. Стар.“ 1884, май, 337) есть такія строки:

„Непостижимое волненье
Меня къ лукавому влекло...
И я мое существованье
Съ его навѣкъ соединилъ...
...Я сталъ взирать его глазами,
Мнѣ жизни дался бѣдный кладъ,
Съ его неясными словами
Моя душа звучала въ ладъ..“[1])

Здѣсь въ этихъ отрывкахъ значительно рѣзче высказано пріятіе „демона“, и Пушкинъ отбросилъ эти строки, какъ неотвѣчающія его внутреннему настроенію.

Такъ анализъ пушкинскаго „Демона“ является лишнимъ доказательствомъ ошибочности взгляда М. О. Гершензона на творчество Пушкина, высказаннаго имъ въ его извѣстной книгѣ „Мудрость Пушкина“ (М. 1919). Пытаться доказать, какъ это дѣлаетъ М. О. Гершензонъ, что Пушкинъ въ глубинахъ творческаго духа былъ во власти разлагающей стихіи хаоса, значитъ насиловать факты. „Демонъ“ Пушкина явно не можетъ быть втиснутъ въ эту схему.

* * *

Мы видимъ, какъ по одному стихотворенію иногда возможно установить тѣснѣйшую связь каждой строки съ общимъ замысломъ, съ самой личностью поэта, полную обусловленность цѣлаго и отдѣльныхъ частей. Уже поэтому одинъ формальный подходъ къ творчеству, полный отрывъ произведенія отъ личности поэта — незаконенъ. Однимъ формальнымъ анализомъ никогда нельзя раскрыть „лиричности“, т. е. индивидуальной обусловленности произведенія.

Итакъ, свойство великаго поэта, по мнѣнію Толстого, „лирическая дерзость“. Подъ дерзостью въ этомъ опредѣленіи, по нашему, слѣдуетъ понимать преодолѣніе поэтомъ косности словеснаго матеріала, смѣщеніе привычныхъ связей и внесеніе желательнаго для поэта соотношенія словесныхъ группъ. Здѣсь „дерзаніе“ тѣмъ больше, чѣмъ проще, незамѣтнѣе дается это смѣщеніе. Всякая нарочитость, надуманность, искусственность пріема идетъ всегда за счетъ цѣльности, законченности и гармоничности цѣлаго.

---

[1]) Рум. тетр. № 2366; привед. тамъ-же.

Но одной дерзости въ этомъ смыслѣ мало, она должна быть внутренне обусловлена, т. е. связана съ личностью поэта, другими словами „лирична“.

Вотъ тотъ смыслъ, который можно вложить въ толстовское опредѣленіе „лирическая дерзость“.

16. VI. 1924.

А. Бемъ.

Kritiky a referáty.

Dr. V. Vondrák: **Církevněslovanská chrestomatie.** V Brně, A. Píša 1925. 303 с. 48 Kč.

Первое впечатлѣніе, какое производитъ это новое, второе, изданіе церковнословянской хрестоматіи проф. Вондрака, очень пріятное: полнота, разнообразіе текстовъ, внѣшнее изящество изданія.

Вслѣдъ за предисловіемъ идетъ краткое введеніе: опредѣленіе церковно-словянскаго языка, замѣчанія о группахъ церковно-словянскихъ памятниковъ; затѣмъ дается церк.-словянская азбука съ числовыми значеніями буквъ.

Памятники даются въ такомъ порядкѣ: *A.* Кирилло-меѳодіевскіе памятники — *a)* глаголическіе и *b)* кирилловскіе; *B.* Среднеболгарскіе памятники; *C.* Памятники сербской редакціи — *a)* глаголическіе и *b)* кирилловскіе; *D.* Памятники русской редакціи; *E.* Памятники съ чешской окраской (Пражскіе отрывки).

Глаголическіе старо-словянскіе памятники даются сначала глаголицей, затѣмъ въ кирильской транскрипціи.

Также памятники хорватской угловатой глаголицы напечатаны хорватскимъ глаголическимъ шрифтомъ.

Въ своемъ желаніи дать читателю возможно болѣе точное представленіе о древнихъ памятникахъ издатель идетъ такъ далеко, что вноситъ въ принятый глаголическій шрифтъ, какимъ печатались до сихъ поръ глаголическіе старословянскіе тексты, новые типы буквъ **ъ**, **ь** (въ нѣсколько наклонномъ положеніи), **ш**, **т**, **ѧ**, **ж**, **ѩ**, — типы, соотвѣтствующіе показаніямъ Кіевскаго Миссала — древнѣйшаго памятника глаголицы.

Новшество это, конечно, симпатично, хотя и слѣдуетъ замѣтить, что цѣнность его ослабляется тѣмъ, что въ осуществленіи своей идеи авторъ остановился на половинѣ дороги: типы буквъ **оу**, **ю**, **л** не соотвѣтствуютъ тѣмъ типамъ, которые находимъ въ Кіевскомъ Миссалѣ и которые также, несомнѣнно, являются древнѣйшими.

Образцамъ памятниковъ предшествуютъ краткія свѣдѣнія о памятникѣ и его изданіяхъ. Въ концѣ книги находимъ словарчикъ къ текстамъ, въ которомъ даны чешскія значенія словъ.

Въ хрестоматію вошли отрывки всѣхъ почти старословянскихъ текстовъ. Изъ ср.-болгарскихъ памятниковъ взяты Добромирово Ев., Боянское Ев., Дечанское Четвероев., Трновское Четвероев., Карпинское Ев., Ев. Іоанна-Александра, Добрѣйшево Ев., Охридскій ап., Слѣпченскій ап., Македонскій апостолъ, Погодинская Пс., Болонская Пс., Паремейникъ Григоровича и текстъ сказанія »о писменехъ« Храбра по списку 1348 г.

Изъ памятниковъ сербско-хорватской редакціи представлены — Вѣнскіе листки, отрывокъ Гршковича, отрывокъ Апостола Михановича, Миссалъ Новака, Реймское Ев., Люблянскій Часословъ, Мирославлево Ев., Вуканово Ев., Никольское Ев., Шишатовацкій Ап., Псалтырь Бранка Младеновича, рукопись Хвала, Иловачкій Номоканонъ.

Изъ памятниковъ русскаго извода взяты всѣ важнѣйшіе памятники XI—XII в., начиная съ Остромирова Ев., а изъ болѣе позднихъ Псковской Апостолъ 1307 г. Можно оправдать пропускъ Македонскаго кирилловскаго листка, такъ какъ отрывокъ очень плохо сохранился и почти не представляетъ связнаго текста. Но трудно понять включеніе въ хрестоматію въ отдѣлѣ памятниковъ »кирилло-меѳодіевскаго извода« Слуцкой Псалтыри: и самъ авторъ въ предпосланныхъ тексту замѣчаніяхъ о памятникѣ признаетъ въ немъ русскія черты, а главное — врядъ ли имѣло смыслъ печатать текстъ, который намъ извѣстенъ лишь въ изданіи Срезневскаго: всѣ изданія текстовъ Срезневскаго отличаются крайней небрежностью.

Порядокъ, въ которомъ даны тескты среднеболгарской редакціи, также мнѣ непонятенъ; сперва идетъ Добромирово Евангеліе — македонскій текстъ приблизительно половины XII вѣка, затѣмъ памятники XIII вѣка, — Боянское Ев., Дечанское, Трновское (вост. болгарское), Карпинское, далѣе Еванг. 1356 г. и затѣмъ уже Охридскій Ап., Слѣпч. Ап., нѣсколько далѣе Болонская Пс., Парем. Григоровича — все тексты XII в. Я не вижу здѣсь ни хронологическаго порядка, ни локальной группировки.

Но, конечно, все это мелкія придирки, нисколько не умаляющія значенія хрестоматіи. Гораздо важнѣе другой вопросъ: насколько точно изданы въ хрестоматіи тексты.

Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи хрестоматія проф. Вондрака оставляетъ желать многаго. Я не могъ, конечно, свѣрить всѣ напечатанные въ книгѣ тексты. Но то, что я свѣрилъ, даетъ результаты не вполнѣ благопріятные. Чтобы не быть голословнымъ приведу примѣры.

Студентамъ обычно сообщается, что Кіевскій Миссалъ отличается почти идеально правильнымъ употребленіемъ **ъ** и **ь**, что въ немъ только два раза замѣненъ **ь** чрезъ **ъ** въ корнѣ **вьс-**; въ отрывкѣ К. М., напечатанномъ кириллицей, кромѣ **въсѣхъ** находимъ **възѩтъимъ** вм. **-имь** (instr. s.); кромѣ того замѣчу по поводу К. М., что Вондракъ вслѣдъ за Ягичемъ передаетъ глаголическій знакъ, общій для **ѧ** и **ѩ**, буквой **ѩ**, что врядъ ли правильно, такъ какъ можетъ дать неправильное представленіе о смягченности согласныхъ предъ **ѧ**. Въ тѣхъ глаголическихъ памятникахъ, въ которыхъ употребляется одинъ знакъ для **ѧ** и **ѩ** — знакъ съ глаголическимъ **є** въ первой части, — онъ вполнѣ параллеленъ глаголическому **є** = **є** и **ѥ** и отнюдь не имѣетъ того значенія, какое имѣетъ въ памятникахъ, выдѣлившихъ его вторую часть въ особый знакъ для **ѧ**, а старый знакъ употребляющихъ въ значеніи **ѩ**.

Въ отрывкѣ изъ Zogr. не мало такихъ ошибокъ, которыя легко исправить при чтеніи, какъ явныя опечатки: **моеьо** вм. **моего**, **іменемь** вм. **іменемь**, **наде сѧ** вм. **паде сѧ**, **исвн** вм. **исви**, **влюдѣта** вм. **блю-**

дѣта, во вcѣмъ вм. бо вcѣмъ, крѣмене вм. врѣмене, бънъ вм. вънъ, ариереомъ вм. архиереомъ, миѣ вм. мнѣ, съвѣдѣтелѣ — вм. съвѣдѣтелѣ . . ., грови вм. гроби, иа вм. на.

Но кромѣ нихъ находимъ и такія ошибки, которыя не могутъ быть поняты, какъ опечатки, и которыя создаютъ не вполнѣ точное представленіе о памятникѣ: есть вм. естъ Мт. V. 21, слоузѣ вм. слоуѕѣ ib., мнозѣ вм. мноѕѣ Мт. VI. 7., есть вм. естъ Мт. VII. 3, по нему вм. по нему Мт. IX. 27, примъши вм. приемъши Мт. XXVI. 52, странъным вм. странънъимъ Мт. XXVII. 7, что вм. чьто Мт. XXVII. 22, архиереі вм. архиереі ib. 20; кромѣ того Мт. VI. 19 читаемъ ни татие . . . вм. татие и Мт. VIII. 2 емоу гла. ги вм. емоу і гла. ги.

Въ отрывкѣ изъ Мар. Ев. также находимъ ошибки и того и другого рода: 1) не только бмъ вм. бмъ (= богомъ), бъцѣкаритъ вм. въцѣсаритъ, страиѣ вм. странѣ, праведьиѣемь вм. праведьнѣемь, вѣ вм. бѣ, оутврьдн вм. оутврьди и т. п., но и 2) ѡна вм. она Мр. XVI. 10, ѡни вм. они ib. 20, мънози вм. мъноѕи Л. I. 14, естъ вм. естъ еи Л. I. 36, захариинь вм. захариинъ ib. 40, бънидє вм. вънидє ib., елисаветъ вм. елисаветь ib. 41, избавльшемъ вм. избавльшемь ib. 74, отвѣшта вм. отъвѣшта Jo. IX. 30 (ноу вм. исоу Jo. XI. 21), отврьзъи вм. отврьзыи Jo. XI. 37, плачештѫ са вм. плачѫштѫ са ів. 33. Особенно послѣдняя ошибка неудобна, так какъ можетъ подать поводъ къ ложнымъ заключеніямъ.

Ассеманіево Ев. извѣстно своимъ точнымъ употребленіемъ буквъ з и ѕ; общепринято предположеніе, что въ немъ отражается говоръ съ сохраненіемъ звука $\widehat{dz}$. Между тѣмъ въ отрывкѣ изъ Ассем. Ев., напечатанномъ проф. Вондракомъ, находимъ: брѣзѣ вм. брѣѕѣ Jo. XXI. 4, истѧзаті вм. истѧѕаті ів. 12, что очевидно вызоветъ недоумѣніе у внимательнаго читателя (эти 2 примѣра приходятся на 5 страницъ текста съ 7 случаями сохраненія ѕ); другія ошибки: къ тебѣ вм. кь тебѣ Мт. XIV. 28, оучѧникъ (sic) вм. -кь Jo. XXI. 7, оученикъ вм. оученикь ib. 12; для Ассем. Ев. -кь вм. -къ — характерно. Такую же картину можно наблюдать и въ другихъ текстахъ. Я не буду въ дальнѣйшемъ указывать опечатокъ, которыя легко могутъ быть поняты, какъ опечатки; такихъ опечатокъ въ книгѣ очень много, но онѣ безвредны.

Ограничусь лишь ошибками, которыя такъ или иначе препятствуютъ формированію у читающаго тексты вполнѣ точнаго представленія о памятникѣ. Въ Синайской Псалтыри, отрывки которой проф. В. печатаетъ по новѣйшему изданію Северьянова, находимъ: мноѕи вм. мноѕіі (III 2), застѫпьникъ вм. —ікъ (III 4), отъ мене вм. от мене (XII 2), милостъ вм. мілостъ (XII 6), вьпоѭ вм. вьспоѭ (XII 6), милості вм. мілості (XXIV 6), помѣни вм. помѣні (XXIV 7), раждьзи вм. раждъзи (XXV 2), законопрѣстѫпьнъіимі вм. —ънъіимі (XXV 4), светѫѩ вм. стѫѩ (LXXVIII 1), рьвеніе вм. ръвеніе (LXXVIII 5), нощьнъі вм. нощънъі (CI 7), въ родъ вм. вь родъ (CI 13), дьнеі вм. дънеі (CI 25), пьтицѧ вм. пьтіцѧ (CIII 12), пажить вм. пажитъ (CIII 14), вьзвеселітъ вм. -итъ (CIII 15), олѣимь вм. -мъ (ib.), вьзве-

личишѩ вм. **въз-** (CIII 24), **деснѫѭ** вм. **деснѫѫ** (CVIII 6), **а ра(с)хъı-тіѧтъ** вм. **и рахъıтѩтъ** (CVIII 11), **милость** вм. **милостъ** (CVIII 21); удивитъ читателя **чѧда** вм. **чѩда** (CVIII 13), такъ какъ Син. Пс. знаетъ лишь одинъ знакъ для **ѧ** и **ѩ**, который издатель всюду передаетъ черезъ **ѩ**, кромѣ одного даннаго случая; непонятно будетъ **вгсі** (CI 16) вм. **вьсі**; неточно **члкомъ** вм. **члкмъ**.

Въ Gl. Cloz.: **съпьтъ** вм. **съпітъ** (87 c.) **іноплемен'нікъı** вм. **-икъı** (ib.), **слънце** вм. **слънъце** (ib.), **животъ** вм. **жівотъ** (ib.), **ѫзами** вм. **ѫзамі** (88 c.).

Въ Suprasl. **блаженаꙗ живѣаше** вм. **блаженаꙗ сливиꙗ живѣаше** (99 c.), **ѕ златицъ** вм. **ѕ҃ златицъ** (ib.), **тъжъе** вм. **тъжде** (ib.), **ві златицъ** вм. **ві҃ златицъ** (100 c.).

Въ Охридскомъ Апостолѣ: **да еще** вм. **да аще** (IX 2), **именемь** вм. **именемъ** (IX 10), **многих** (sic.) вм. **многⷯъı** (IX 13), **наріцаѭтъ** вм. **наріцаѫтъ** (IX 14), **сы** вм. **сь** (IX 15), **что** вм. **что** (XVII 18), **възпоминание** вм. **въс-** (I Cor. 25). Неправильныя представленія о правописаніи памятника даетъ послѣдовательное **ωт** вм. **ѿ**, какъ и **реч** вм. **реⷱ**, **глас** вм. **глаⷭ**, **град** вм. **граⷣ**, **ωтпадѫ** вм. **ѿпадѫ** и т. п.

Сдѣланныя наблюденія даютъ основаніе предполагать, что и другіе тексты, которыхъ я не провѣрилъ, напечатаны также съ ошибками, и можно пожалѣть, что къ хрестоматіи не приложенъ списокъ хотя бы важнѣйшихъ опечатокъ.

Закончу еще однимъ замѣчаніемъ: въ отрывкѣ изъ Македонскаго (Струмицкаго) Апостола (127 128 с.) находимъ **правдѧ** accus. s., **вѣчнѧ** acc. s. f., **бескврьнѧ** acc. s. f., т. е. **ѧ** вм. **ѫ**, такъ что получается впечатлѣніе одноюсового текста, что — явное недоразумѣніе: дѣло въ томъ, что въ Макед. Апостолѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ среднеболгарскихъ XIII XIV в. в. буква **ѫ** является съ полной редукціей верхней части, но тѣмъ не менѣе ясно отличается отъ **ѧ**, такъ какъ язычокъ выходитъ изъ боковой линіи, а не изъ горизонтальной черты, какъ въ **ѧ**; этой горизонтальной черты въ **ѫ** нѣтъ вовсе. Такимъ образомъ, должно быть: **правдѫ, вѣчнѫ, бескврьнѫ**.

С. Кульбакинъ.

A. Mazon: **Grammaire de la langue tchèque.** Collection de grammaires de l'Institut d'Etudes slaves. II. Paris 1921. Librairie ancienne Honoré Champion, éditeur Edouard Champion. Str. 252 in 8.⁰ 12 fr.

Mluvnice Mazonova, na jejíž posudek shodou okolností dochází teprve teď, vyšla jako druhý svazek sbírky příručních mluvnic slovanských, jejímž prvním svazkem byla polská mluvnice sepsaná Meilletem a Willman-Grabowskou a kriticky probraná v předešlém ročníku Slavie (str. 676—684) St. Szobrem. Mluvnice Mazonova je určena především současným i příštím slavistům francouzským jako úvod do studia češtiny,

ale přesahujíc svými výklady daleko rámec pouhého linguistického nahození struktury českého jazyka, bude jistě i výbornou praktickou příručkou pro učení češtině vůbec. Zkoumati, pokud mluvnice Mazonova vyhovuje tomuto svému užšímu a vlastnímu poslání a speciálním potřebám svých francouzských čtenářů, nemůže býti dobře úkolem tohoto referátu, neboť dáti správnou ve všem odpověď na tuto otázku je povolána především kritika francouzská. Nám nezbývá než abstrahovati se od tohoto speciálního hlediska, třeba jeho závažnost je na bíle dni, a posuzovati mluvnici Mazonovu jen s hlediska našeho, jako každou jinou mluvnici českou, t. j. podle toho, jak správný, relativně úplný a jasný obraz struktury českého jazyka podává. Výklady Mazonovy o jazyce českém opírají se arciť o naše mluvnice domácí, jichž výčet uvádí autor na konci své knihy. Ale Mazon nepřestává na tomto prameni, nýbrž opírá se také o vlastní znalost českého jazyka a jeho přímé studium v životě i v současné literatuře. Jeho vynikající vzdělání linguistické, větší odstup od pozorovaného předmětu i možnost emancipace od vychozených cest a ustálených tradic v mluvnictví českém umožňují mu spolu s touto znalostí samostatnost názoru jak v celkové koncepci a rozvržení látky, tak i v pojímání a traktování jednotlivých zjevů jazykových, jež popisuje. A v této samostatnosti pozorování, výběru a názoru záleží vlastní cena mluvnice Mazonovy, kterou se povznáší nad průměrné příručky tohoto druhu, spokojující se namnoze prostým reprodukováním mluvnic původních, a která jí zaručuje i vlastní místo mezi prameny, o něž se opírá. Ukázati, jak a kde se podařilo autorovi na těchto vlastních cestách dobrati se nových a správnějších poznatků nebo osvítiti známá fakta novým a lepším světlem, a zase naopak, kde nelze výklady autorovy přijímati s našeho stanoviska bez námitek anebo bez korekce, bude úkolem tohoto referátu. Tímto postupem, zjednodušeným proti původnímu thematu, bude referent práv nejen sobě a své pravdě, nýbrž i autorovi, neboť kladné a vlastní hodnoty jeho knihy vyniknou takto v plném světle.

Význačnou předností Mazonovy mluvnice je především průzračná jasnost jeho výkladů a lehkost a přehlednost v uspořádání látky, vlastnosti tak typické pro francouzskou vědeckou literaturu vůbec. Jeho třídění mluvnického materiálu je daleko vší důsledné a tuhé systematičnosti, snaží se spíše seskupovati než tříštiti, má na zřeteli víc praktickou vhodnost než důmyslnost a přísnou logičnost stavby. Postup jeho výkladů, celkem shodný s postupem polské mluvnice Meilletovy a Willman-Grabowské, je tento: V 1. kapitole (Orthographie et prononciation, str. 5—15) charakterisuje pravopis český jako pravopis v podstatě fonetický (vymezuje ovšem poněkud úzce doménu etymologie v pravopise jen zachováváním liter *y, ů, ě* a souhlásek zdvojených) a popisuje výslovnost hlásek českých kvantitu a přízvuk; v 2. kap. (Principales alternances phonétiques, str. 23—30) probírá nejdůležitější historické proměny hlásek českých, zvláště palatalisaci souhlásek i samohlásek, ztrátu jotace, změny kvantity, pohybné *e* a změnu *dt, tt* > *st.* Kapitola 3. (La flexion nominale, str. 31—33), která je úvodem ke kapitole 4., obsahuje výklad o pádové soustavě české a rozvrh substantiv podle rodu (zároveň se zřetelem na rozdíl mezi životnými a neživotnými) a podle kmenotvorných přípon (kmeny tvrdé — měkké);

v kap. 4. (Déclinaison des substantifs, str. 34—64) podává se obraz skloňování jmen podstatných, rozvržený podle gram. rodu ve tři velké skupiny; v kap. 5. (Les pronoms, str. 65—74) je probrána v obvyklém pořádku deklinace zájmenná, v kap. 6. (Les adjectifs, str. 77—81) tvaroslovná stránka adjektiv (formes courtes ou indéterminées — *zdráv*, formes longues ou déterminées — *zdravý*, formes mixtes — *bratrův*), v kap. 7. (Les numéraux, str. 82—90) druhy, tvary, struktura i syntaktické vztahy číslovek. Probrav takto morfologickou stránku jmen, rozbírá autor v kap. 8. (Emploi des formes nominales, str. 91—109) významovou platnost tvarů jmenných, vykládaje o gram. rodě a čísle (a o shodě gramatické v těchto kategoriích), jakož i o významových funkcích pádů (a v souvislosti s tím i o významové stránce předložek); kap. 9. (Formation des noms, str. 110—130), věnovaná příponovému tvoření substantiv a adjektiv (se zvláštním článkem o komparaci), komposici a tvoření adverbií, uzavírá výklady o výrazech jmenných. Kapitola 10. (Le système du verbe, str. 131—151), pojednávající obecně o významových i tvarových kategoriích slovesných (o vidu, o tvoření jednotlivých tvarů slovesných a o slovesných kmenech jakožto základu pro roztřídění sloves), je zase úvodem ke kap. 11. (Les verbes), nejrozsáhlejší z celé knihy (str. 152—230), obsahující morfologický popis českého slovesa, doplněný článkem o významové platnosti slovesných předpon a slovesných tvarů (vzhledem k času a vidu). Poslední, 12. kapitola (La phrase, str. 231—243), relativně nejskoupější, podává výběr poznatků o vlastnostech české věty (byť ne vždy právě typických), o podmětě a větách bezpodmětých, o spojkách souřadicích a podřadicích, o větách s přísudkem verbálním (a o jeho shodě s podmětem), o větách jmenných, o přívlastku predikativním, dále o t. zv. souslovích (Wortgruppen) jmenných a slovesných a o slovosledu.

Jak je viděti z tohoto přehledu látky, je v mluvnici Mazonově věnováno nejvíce místa českému tvarosloví (deklinaci a konjugaci), věc snadno pochopitelná při knize, která chce usnadniti cizinci vniknouti dalším samostatným studiem hlouběji v podstatu jazyka, ležící ovšem mimo tvarosloví. Pokud jde o rozvržení látky v podrobnostech, bylo by snad možno pozastaviti se nad umístěním některých kapitol. Tak na př. výklad o tvoření jmen umisťuje Mazon (shodně s polskou mluvnicí Meilletovou) proti pořádku v mluvnicích obvyklému až za kapitoly o jmenné deklinaci a o platnosti tvarů jmenných. Autor, řídící se při postupu svých výkladů zřeteli praktickými, měl ovšem právo zařaditi tuto kapitolu tam, kam se mu s tohoto hlediska nejlépe hodila. Ale právě s praktického hlediska by bylo bývalo lépe ponechati této kapitole její tradiční místo před výklady tvaroslovnými. O některých věcech do této kapitoly náležejících musil totiž autor mluviti v partiích tvaroslovných anticipando; tak o substantivech s příponami *-jan* a *-ek* v § 29, o substantivech na *-tel* v § 31, o místních jménech typu *mezi-říčí* v § 38, o adjektivních sufixech *-óv*, *-in* v § 58 atd. Velmi by se byl usnadnil na př. výklad o pohybném *e* v deklinaci jmenné, věci to pro Nečecha jistě dost nesnadné a autorem většinou jen na několika málo, ne vždy typických příkladech demonstrované (§§ 28a, 36a, 43a, 56), kdyby byly p ř e d výklady o deklinaci probrány sufixy, v nichž se pohybné *e* objevuje pravidelně (*-ec*,

-ek, *-ka* atd.). To platí i o Mazonově výkladu (§ 24), jak stanoviti gramatický rod českých substantiv podle koncové hlásky (l'indice empirique — prý — le plus aisé à reconnaître du genre d'un substantif): končí-li se maskulina souhláskou nebo samohláskami *-í*, *-a*, *-o*[1]) (schází *-e* pro subst. vzoru *soudce* a *-ě* pro typ *hrabě)*, feminina zase souhláskou nebo samohláskami *-í (-i)*, *-a*, *-e (-ě)*, neutra samohláskami *-í*, *-e (-ě)*, *-o*, je to kriterium velmi malé ceny pro rozeznání gramatického rodu. Nechtěl-li už autor ponechati tuto věc slovníku a chtěl-li se jí zabývati, pokud je to vůbec možno, v mluvnici, bylo by bývalo účelnější připojiti takové rozdělení (arciť nevyčerpávající) k předeslaným výkladům kmenoslovným ve formě rodového roztřídění odvozovacích přípon, které jsou ovšem pro stanovení gram. rodu mnohem průkaznější než pouhé mechanické zakončení hláskou tou nebo onou. Že by z toho byl býval zisk nejen pro tuto věc a spojené s ní rozdělení deklinace, nýbrž i pro podrobnější výklady tvaroslovné, je vidět na př. z toho, že autor, chtěje vésti hranici (§ 38) mezi dvojím typem neuter na *-ě (-e)*, musil zase chtěj nechtěj sáhnouti anticipando ke kmenoslovnému výkladu o neutrech se sufixem *-iště*, o neutrech s příponou *-ě* značících živočišná mláďata atd. Jediný důvod, který mohl vésti autora mluvnice k zařadění kapitoly o tvoření jmen za partie o jmenném tvarosloví, byla okolnost, že s výkladem o tvoření jmen je spojen článek o tvoření adverbií, z nichž mnohá jsou původem tvary jmenné. Ovšem i tomu se dalo snadno pomocí, kdyby byl autor výklad o tvoření adverbií oddělil od výkladů o tvoření substantiv a adjektiv a věnoval adverbiím zvláštní kapitolu, jako se jí dostalo zájmenům a číslovkám (po stránce tvaroslovné i kmenoslovné zároveň). Je ovšem pravda, že se při postupu v probírání gramatické látky nelze ubránit nikdy anticipaci; jde jen o to, uspořádat, kde je volnost, postup tak, aby se k ní — zvláště v mluvnici cizího jazyka — mohlo sahati co nejméně.

Jisté nevýhody, rovněž ovšem jen se stanoviska praktického, chová v sobě správná jinak a rozumná snaha autorova netříštiti základní výklady gramatické přílišným členěním (ač na př. partie o časování je mnohem víc rozčleněna — a to leckde trvám zbytečně — než bývá v našich mluvnicích popisných); získává-li tím zpravidla a při střídmém koncentrování přehlednost výkladů, obrací se tato přednost v nedostatek, zachází-li snaha po kumulaci příliš daleko. Probírá-li na př. Mazon všechny mužské vzory zároveň (typ *soudce* byl však v popisné mluvnici zbytečně odloučen od vzoru *oráč*), netrpí tím naprosto přehlednost výkladů; ale již u ženských vzorů t. zv. měkkého typu *(duše*, *daň*, *kost*, *paní*, § 44) vzniká z toho vír, v němž se dost těžko vyzná Čech, natož cizinec. Také výklady o platnosti pádů předložkových, posuzujeme-li je se stanoviska praktického, nezískaly sloučením s výklady o významu pádů prostých; zejména posunuté významy předložkových pádů (mimo časový) vyšly spínáním předložkových pádů s významem pádů prostých v nich obsažených poněkud zkrátka. Výkladu o tvoření sloves (kmenů slovesných), o jejich významu vůbec a po stránce vidové zvlášť nevěnoval Mazon

---

[1]) Za zástupce maskulin na *-o* uvádí M. jméno *Janko*, což je ovšem tvar dialektický, nespisovný (nehledíc k tomu, že je to jméno osobní).

které však linguistický zájem autorův přece nechtěl nechati bez povšimnutí. Kompromis mezi hlediskem statickým a historickým projevil se, jak ukázal už dříve Havránek v svém referátě o této knize v NŘ. 7 (1923), 300, především v Mazonově roztřídění českého slovesa, které vycházejíc z Leskienova rozdělení podle kmenů présentních, dělí thematická slovesa podle dnešního stavu ve čtyři třídy: 1. slovesa s prés. thematem *-e-*: *a) nésti, b) bráti*, 2. slovesa s thematem *-ne-*: *a) vinouti, b) padnouti*, 3. slovesa s thematem *-je-*: *a) mýti, b) řezati, láti, kovati, c) kupovati, d) dělati;* 4. slovesa s thematem *-i-*: *a) mluviti, b) trpěti, uměti, nabízeti.* Spojení sloves typu *dělati* a *řezati* se slovesy s kmenotvornou příponou présentní *-je-* bylo umožněno právě jen proražením principu statického kriteriem historickým, bez jehož použití by bylo bývalo nutno přiřaditi podle dnešního stavu typ *řezati* k slovesům s prés. thematem *-e-* (= *a) nésti, b) bráti, řezati*) a pro typ *dělati* vytvořiti samostatnou třídu s prés. thematem *-a-*, jak to provedeno na př. v polské mluvnici Meilletově a Willman-Grabowské. Také sloučení vzorů *tru* a *tnu* s infinitivním kmenem dnes otevřeným se skupinou sloves typu *nésti* s inf. kmenem zavřeným podařilo se Mazonovi jen tím, že nehleděl k rozdílům obou těchto skupin v tvarech infinitivních, resp. ke změnám hláskoslovným, které historickým vývojem změnily zavřené kmeny oněch obou vzorů v otevřené. Jestliže se tato kompromisnost v roztřídění slovesa dá vyložit a pochopit celkovou tendencí výkladů Mazonových směřujících spíše k přehlednějšímu slučování a kumulování než k tříštění, vznikajícímu neúprosně konsekventním a vyčerpávajícím dělením, jakým se vyznačuje na př. třídění sloves ve jmenované mluvnici polské, nelze najíti jiný výklad kromě interesu čistě linguistického pro výklady, kde z důvodů historických respektovány takové rozdíly, které jsou v dnešním jazyce úplně setřeny. Tak na př. za zbytečné bych pokládal držeti v mluvnici, popisující dnešní stav jazyka, čistě historický vzor *kovati, kuji;* ze dvou sloves, která všeho všudy náleží k tomuto typu, první, *kovati*, rozpoltilo se v dnešním jazyce úplně v slovesa dvě, *kuji* — *kouti* podle *mýti* a *kovu* n. *kovám* — *kovati* podle *řežu* n. *dělám* (kuje, kul okovy, pikle atd., kove, koval koně atd.), druhé, *osnovati*, cítí se už jen jako simplex (vidu imperfektivního) podle *kupovati*, prosté pak *snouti* mívá v jaz. spisovném, vl. jen básnickém, infinitivní tvary podle *mýti* (v posunku se snula Vrchlický, Bozi a lidé 96, zem divná vůkol mne se snula Procházka, Pís. o Č. 13 a j.). Rovněž nebylo třeba rozdělovati slovesa vzoru *minouti* ve dvě skupiny, v typ *minouti* a *kanouti* (à racine en apparence vocalique), neboť mezi oběma skupinami není naprosto žádných rozdílů morfologických (při tom nedůsledně sloveso *ochrnouti* přiřaděno sice — právem — k slovesům s kmenem jen na pohled vokalickým, kdežto sloveso *hrnouti*, jehož kmen končíval rovněž souhláskou, zůstalo mezi slovesy à racine vocalique originelle). To platí i o odloučení sloves typu *číti* (z *čúti*) od sloves typu *píti* (§ 122 c). Linguistický zájem přiměl autora všímati si i takových zjevů jazykových, které lze s dnešního stanoviska pokládati jen za archaistické zvláštnosti anebo aspoň za zjevy celkem vzácné. To se týká na př. akusativů *na sv. Jan, na sv. Havel* (§ 29), zajímavých

sice historicky, ale dnešním generacím už skoro neznámých, tvaru *měštěnín* (proti plur. *měšťané*), ač nynější jazyk zná (kde nejde o historický kolorit) jen tvary *měšťan, dvořan* a p., duálového instr. *rtoma* (§ 34), který je ostatně jen nově a uměle utvořen jako *křídloma* a p., tvarů *rži, ržeš* (§ 124), které nemají ani stč. dokladů (do nč. zbyly jen tvary *ržal* n. *ržál* a *ržání* s nespr. *ž*.: koně ržali Jirásek XXVIII., 339; ržáním t. XIX., 570), přechodníku *buda* (§ 114), číslovkových odvozenin *všelikerý, trojaký* (§ 62; v nč. jen *několikerý*, ale *všeliký*; *dvojaký, obojaký*, ale *trojí*), zpodstatnělého adjektiva *podací* (§ 38), jehož význam kromě filologů a historiků je i v Čechách znám jen málokomu, adjektiva *nedobytý* s významem ‚imprenable' (§ 88), dnes v tomto významu již úplně zaniklého a nahrazeného adjektivem *nedobytný, nedobytelný* (jen adj. *nenabytý* drží se ve výraze »k své nenabyté škodě« v tomto významu jako knižní archaismus).

Jinak jsou ovšem všecky tyto historické výklady i digrese s vědeckého stanoviska úplně správné a svědčí zase o autorově velké znalosti jazyka českého i po stránce historické. Jen tu a tam zůstal některý výklad, pro přílišnou stručnost víc napovídající než dopovídající, poněkud nejasný (na př. o akusativní povaze příslovcí *letos, dnes* v § 73, o adjektivním původu míst. jmen typu *Boleslav* v § 56), anebo vinou nevhodné stilisace nepřesný. O příponě *-m* u vzoru *dělám* (§ 103) vykládá M., že sem pronikla analogií podle sloves s thematem *-i-* (1. sg. *-ím*), jejichž prý je charakteristickou známkou; tato stilisace by mohla vésti k nesprávné domněnce, že koncovka *-m*, o jejímž původu M. nic více nepraví, je u sloves s kmenotvornou příponou *-i-* původní, nehledíc ani k tomu, že je to výklad méně pravděpodobný než výklad dnes obecně přijatý o popudu vycházejícím z tvarů sloves *dám, mám*. Zbytečně přehistorisován a tím zkomplikován a znesnadněn je výklad o tvoření novočeského imperativu (§ 103). Normální tvar nč. imperativu není tvar *čti*, nýbrž *veď*, neboť k tvaru *čti* sahá novočeská praxe (často bez ohledu na historii) jen tam, kde by vznikl tvar neslabičný *(čti)* anebo koncová skupina souhlásek těžko vyslovitelná *(klekni, budiž)*. V této formulaci byl by býval bez újmy správnosti nejen výklad prostší a srozumitelnější, nýbrž byl by se stal takto zbytečným třetí typ imperativu *bij* a bylo by bývalo zabráněno i domněnce, z autorova výkladu plynoucí, že příponu *-i* mají v t. zv. emfatickém imperativu i slovesa s prés. kmenem na *-je-*.

Význačnou předností mluvnice Mazonovy je pozornost, kterou spisovatel věnoval vedle tvarů spisovných i formám, jichž se užívá v řeči mluvené a jimž se dosud nedostalo pečeti spisovnosti. Tímto rozšířeným obzorem, který byl umožněn ovšem jeho stanoviskem čistě popisným, vyniká mluvnice Mazonova nad všechny naše dosavadní mluvnice novočeské, které, jsouce rázu převahou praktického a tedy normativního, mohou takovýmto tvarům věnovati kladnou pozornost teprve od toho momentu, kdy si dobudou převahy anebo aspoň rovnocennosti v praxi spisovné.

Jak bystře si všímal M. mluvené řeči, toho svědectvím je hned 1. kapitola jeho knihy o výslovnosti hlásek českých, podávající množství přesných, samostatných a namnoze i originálních pozorování o české (přesněji pražské) výslovnosti. Článkování hlásek českých vykládá M. čistě

prakticky, bez složitého aparátu foneticky popisného, většinou srovnáváním artikulace hlásek českých s článkováním příbuzných hlásek francouzských nebo německých. Namítnouti lze jen několik málo drobností. Nedosti přesným zdá se mi, ač nejsem fonetik, srovnává-li M. výslovnost českého *ě* po retnicích s výslovností slabiky *je* ve franc. *balayer*, kde hláska *j* je článkována podle mého mínění mnohem energičtěji než v čes. slovech *pět, věta* a p., jejichž výslovnost, pokud jde o hlásku *j*, dala by se snad lépe srovnávati s výslovností franc. *pierre, vienne* a p. Ani téžeslabičné *j* v slovech jako *kraj, zdroj, můj, dej, pij* nedá se dobře srovnávati s franc. *j* v *balayer, payer* (§ 9). Že se jeho článkování lišilo a liší od článkování ve tvarech *kraje, leje, pije,* tomu nasvědčují na př. pro skupinu *aj* už různé účinky, které mělo ve vývoji hlásek českých na palatalisaci *a j* téžeslabičné a různoslabičné, pro skupinu *ij* pak zjev stále živý, že se téžeslabičné *j* blíží artikulaci předcházejícího *i* do té míry, že s ním v nenásilné výslovnosti splývá v hlásku jedinou (*pij > pí, pijte > píte;* v. i Frinta, Nč. výslovnost s. 70 n.). Proti Frintovi, který pro čes. *v* rozeznává artikulaci dvojí, raženou a třenou (ib. s. 113), má M. (§ 10) jen jedno *v*, třené. O hlásce *h* vykládá (§ 11), že se mění v neznělou jen na konci, kde splývá s *ch (bůh)*, ač toto zatemnění nastává i před každou souhláskou neznělou (*nehty* a p.); také spodoba *sh > sch* není jediná forma asimilace v této skupině, jak by se zdálo z výkladu Mazonova v § 13. Ve změně *mě > mňe* nejde o *n* intercalaire (§ 12), leda pro oko, nýbrž o změnu *j (mje)* v *ň (mňe)*, způsobenou předržením svislé polohy vela (Frinta s. 87); je to výslovnost v češtině odedávna ustálená a dnes aspoň ve výslovnosti středočeské i sebe pečlivější jediné možná, nikoliv tedy omezená jen na prononciation courante. Poněkud nepřesné je i tvrzení (§ 6), že jednoslabičné předložky přejímají hlavní slovní přízvuk, následuje-li hned po nich příslušný pád (immédiatement accompagnées de leur complément), s nímž splývají takřka v jedno slovo; přenášení přízvuku na jednoslabičnou předložku je čistě mechanické a nezávisí na tom, následuje-li po předložce její pád či výraz jiný (*nà jeho zahradě, sè sobě rovnými, pòd nebes bání* atd.).

Zajímavá jsou pozorování, která učinil M. o vzájemném poměru přízvuku a kvantity v češtině. Vykládá především (§ 6), že v nynějším jazyce přízvuk nemá žádného vlivu ani na kvalitu ani na kvantitu přízvučné samohlásky, jmenovitě, že pod přízvukem hláska krátká zůstává krátkou a hláska dlouhá se o nic neprodlužuje. Je sice pravda, že dojem sluchový dává celkem za pravdu Mazonovi, ale přes to je třeba uvésti, že pozorování takto obecně pronesené je jednak v odporu s výsledky experimentálního měření (Chlumský, Pokus o měření českých zvuků, zvl. s. 72), podle nichž se krátká slabika přízvučná někdy nejen vyrovnává dlouhé slabice nepřízvučné, nýbrž ji dokonce i předčí, jednak mu odporuje i známé faktum, že aspoň některé samohlásky (na př. *i*) mají v pražské a středočeské výslovnosti snahu pod přízvukem a před krátkou slabikou se prodlužovati (*tícho*), jako zase naopak dlouhé samohlásky po slabice přízvučné jeví sklon ke zkracování (pom*a*hat, upř*i*mný, má‿*u*cta atd., v. i Frinta s. 150 n.). Ještě více překvapuje další pozorování Mazonovo

o poměru kvantity a přízvuku, že ve výslovnosti české vyniká pro ucho cizí mnohem více kvantita než exspiratorní přízvuk a že se samohlásky dlouhé liší od krátkých tak markantně, až působí dojmem geminace. I to je pozorování, jemuž odporuje zase nejen pozorování jiných cizích badatelů (na př. Vendryesovo) a experimentální měření domácí (Královo-Marešovo a Chlumského), nýbrž i zjištěná kolísavost v kvantitě některých samohlásek, souvisící patrně s proměnlivostí relativních rozdílů mezi samohláskami krátkými a dlouhými z příčin dosud ne dosti probadaných. Příklad, jímž M. ilustruje nápadnost rozdílu mezi slabikami krátkými a dlouhými *(nāārodnīī dĭvădlŏ)* neshoduje se ani s normální výslovností pražskou ani s výslovností mou, středočeskou (která se liší od přepisu Mazonova redukcí délky v slabice *-ní* a patrnějším nad ni zdloužením slabiky *di-*), a dělá spíše dojem buď výslovnosti individuálně odchylné anebo strojené a pathetické *(tak to je to n. d.* !).

V popise české výslovnosti všímá si M. také rozdílů, které se jeví mezi písemným obrazem slova a skutečnou výslovností: vedle střídání znělých — neznělých, upozorňuje zejména na výslovnost *mě* — *mňe*, na průvodní *u* v *sedum, osum*, na splývání zubnic se sykavkami *(dětský* — *děcký)* a jejich zanikání ve skupinách *zdn, ctn, stn,* na jednoduchou výslovnost zdvojených konsonantů, zanikání *j* na začátku před jinou souhláskou *(jdu* — *du),* na výslovnost *být* — *bejt*, *lépe* — *líp*. K tomu by bylo možno nejvýše ještě dodati spodobenou výslovnost *hamba* m. *hanba*, předržování závěru v *pancký* m. *panský* a splývání sykavek ve *vlaský* m. *vlašský* a p., jakož i pro správnější poučení cizích čtenářů, že některé z vypočtených odchylek od pravopisu jsou obecné, vyskytujíce se pravidelně v přirozené výslovnosti i sebe pečlivější (na př. hra*t*, pro*z*ba; *mě* — *mňe*; *d*cera — cera; pa*nn*a — pa*n*a atd.), jiné, jako *osum* m. *osm*, *prázný* m. *prázdný, pancký* m. *panský* atd., že jsou omezeny na výslovnost vulgární anebo zběžnou, kdežto výslovnost pečlivá, v jistém smyslu ortoepická, snaží se v takovýchto případech říditi se písemným obrazem slova. To platí i o hlásce *j* na začátku slova před souhláskou ve slovech jako *jsem, jsi* atd., *jméno, jmenovati, jmenný, jdu, jdeš* atd., v nichž pokládá M. *j* za značku čistě ortografickou, protože normální výslovnost prý je *sem, si, méno* (spr. ovšem *meno), menovati, du* atd. Výslovnost *sem, meno, du* není ovšem tak obecná jako výslovnost *pana* nebo *umňel,* neboť v pečlivé výslovnosti (na př. recitační, přednáškové a p.) bývá *j* ve výslovnosti zachováváno (učené slovo *jmenný* se trvám jinak ani nevyslovuje).

Nejpatrněji ovšem jeví se Mazonův zájem o řeč mluvenou ve výkladech tvaroslovných, v nichž se snaží podávati vedle tvarů spisovných, leckdy jen knižních, i tvary obíhající skutečně od úst k ústům, a to nejen ze zájmu čistě linguistického, nýbrž i proto, aby tak zjistil tendence, jejichž výsledky buď už pozměňují anebo by v budoucnosti mohly pozměniti dnešní tvarový stav českého jazyka (str. 3). Ke způsobů jakým M. provádí tento svůj záměr v praxi, měl bych zase několik poznámek. Především není dost jasno, co míní M. řečí mluvenou. Nelze se toho dohadovati z jeho terminologie, která je v té věci poněkud neurčitá; uváděje tvary z mluvené řeči, užívá názvů *langue parlée, courante, familière*,

moyenne, populaire, ano i *vulgaire.* Nelze se toho dobrati ani zkusmo, sestavíme-li si tvary, které z mluvené řeči v své gramatice uvádí a jichž se nedotýká. Tak na př. poznamenává, že formy *rámě* a p. ustoupily v živé řeči (§ 39) tvarům *rameno* a p., ale nekonstatuje na př., že je v mluvené řeči na vymření koncovka nom. plur. *-é* (*Moravani, lidi, hosti*); uvádí pro nom. plur. masc. tvar *mí* (což je v podstatě jen tvar téhož rázu jako tvary *mí* knihy, *mí* slova, *hodný* lidi, o nichž se však nezmiňuje), ale neuvádí, že akus. sing. masc. a neut. má v mluvené řeči zpravidla už jen tvar *ho* (i m. *jej, je*), ani že gen., dat., akus. a lok. zájmena *já* je v ní zjednodušen na tvar *mňe* (*ode mňe, pro mňe* atd.); zaznamenává 1. os. sg. ve tvaru *piju, češu,* ale pomíjí mlčením novotvary typu *tesám*; cituje (dokonce v paradigmatě) tvary 1. os. *peču,* ne však imperativy tvaru *peč*; zapisuje novotvary *tnul, tnut* (velmi řídké i v mluvené řeči), ne však mnohem častější formy *začla, zapla*; konstatuje, že v mluvené řeči zaniká gen. záporový, ale nemluví o tom, že je gen. na ústupu i po mnohých jiných slovesech (zvl. nezvratných), jako *potřebovati, přáti, poslouchati, následovati, dobývati, zasluhovati* atd.; neuvádí časté novotvary jako vok. *anděli, manželi,* dat., lok. (*v*) *popeli* (gen. *z popele*), příčestí tvaru *nešen* a *sezen,* imperativy tvaru *pí—píte, přikrý—přikrýte* (*přikrej—přikrejte* s prés. *přikreju*), naproti tomu uvádí novotvary *duju* (vedle *duji*), *sluju. -suju, nyju, věju, zeju* a j., kterých není v řeči mluvené, protože jde o slova čistě knižní; ze jmenných tvarů adjektivních pokládá na př. tvary *bled, bohat, hladov, milostiv, mrzut* a j. za tvary jen knižní, tvary *dalek, churav, pamětliv, pln, prost, prázden, vděčen, věren* za tvary užívané i v řeči mluvené, ač jmenných tvarů skutečně živých je velmi málo (*bos, rád, hotov, živ, dlužen,* někdy *hoden*) a tomu, kdo užívá i v hovoru tvarů *dalek, pln, prázden* (!), *věren,* nejsou ani tvary *bled, blízek, mrzut* cizí atd.

Tento nestejnoměrný výběr tvarů z mluvené řeči nelze zajisté vykládati tím, že by byl M. vyloučil ze svého zájmu tvary méně rozšířené, neboť mezi tvary neuvedenými jsou i takové, které se v živé řeči vyskytují takřka napořád, a naopak jsou zase mezi formami uvedenými i tvary, které se zase v mluvené řeči — máme ovšem stále na zřeteli řeč mluvenou v Praze a okolí — vyskytují jen zřídka. Vysvětlení lze snad najíti v tom, že se autor mluvnice nesetkal s oněmi tvary v hovoru těch vrstev a kruhů, s nimiž se stýkal a z jejichž praxe čerpal svá pozorování o řeči mluvené. Tato domněnka je tím pravděpodobnější, že mluvená řeč inteligence a středních vrstev pražské společnosti, pro niž se u nás podle jiných vzorů ustaluje v poslední době název češtiny hovorové, je útvar velmi neurčitý a nejednotný. Tak zv. hovorová čeština (pražská) je vlastně celá škála rozličných způsobů vyjadřovacích, od úplného přimykání k formám spisovným (t. zv. učitelská čeština) až do úplného sestupu na formy čistě lidové, vulgární, — škála, jejíž jednotlivé stupně bližší pólu tomu neb onomu lze studovati nejen na rozličných jednotlivcích a skupinách jednotlivců podle jejich původu, vychování, zaměstnání atd., nýbrž často i na témž individuu za rozličných okolností podle toho, jak velké ústupky si dovoluje učiniti jazyku obecnému, jediné pevné a jednotné basi všeho mluveného jazyka.

Nejednotnost této pražské hovorové češtiny, pokud se jí nemíní jazyk obecný, nýbrž řeč inteligence, lze přímo demonstrovati na některých ukázkách Mazonových, které nesou na sobě zřejmé stopy mluvené řeči mimopražské, dialektu. Tak vedle lok. sg. *v uchu* uvádí M. (§ 37) jako tvar mluvený (bien que l'on dise) *v uše* (v kterém uše mně zní?), který je pražské češtině (usu obecnému) a vůbec nářečí středočeskému načisto cizí. Zrovna tak cizí je jí inf. *péc*, který pojal M. dokonce do paradigmatu (§ 110) a za nějž má pražská a střední čeština jen *pect* (*moct, utect* atd.), anebo tvary *hrám, hráš* ..., *hrej* (žijící prý dans la langue courante, § 125), kdežto pražská čeština zná jen *hraju, hraješ* ..., *hraj*! Jako gen. místních jmen tvaru *Boleslav* uvádí M. (§ 44) jen tvar *Boleslavě*, ač v Praze a ve střed. Čechách neříká nikdo (mimo vzdělance mluvící spisovně) jinak než *z Boleslavi*; pro označení rodiny zná jen tvar *Novákovi* (§ 90), ač v lidové češtině pražské žije stále ještě středočeská forma *Novákovic, Primasovic* a p. Všechny tyto tvary mají určitou marku, ne pražskou, nýbrž východočeskou a jsou svědectvím, že hovorová čeština, z níž M. čerpal, byla zbarvena nářečím východočeským, jehož stopy utkvěly patrně i v popražštěné řeči těch jednotlivců, s nimiž přišel do styku. Zrovna tak by byl našel v mluvené řeči jiných jednotlivců, mluvících jinak po pražsku anebo spisovně, zřejmé moravismy *(tož, beztak)* atd., pražské lidové češtině ovšem zase docela cizí.

Nejednotnost této hovorové češtiny způsobují mimo to i omyly jednotlivců nebo určitých složek t. zv. inteligence. Toho způsobu jsou na př. velmi rozšířené v hovorové češtině hyperkorektní tvary 3. pl. *umí, vrací, ví*, které nejsou ani spisovné, ani lidové. Takovým tvarem je na př. i citované už *mí* (*mí synové*), tvar původem vulgární, který bývá brán na milost i v t. zv. hovorové češtině (kde se jinak tvarů *velkí synové* ani *mí věci* neužívá) buď z mylné domněnky, že je to tvar stažený (domněnky, které se nelze ubrániti také při stilisaci Mazonově v § 53) anebo proto, že se tvary *mí, mé, má* konformují s tvary *dobří, dobré, dobrá*. *Mí* je sice tvar živý, forma řeči lidové, ale vytržená z jejího systému, v němž je jen jedním z projevů tendence jazyka vyrovnati v nom. pl. adjektiv a adjektivalií tvarové rozdíly podložené gramatickým rodem. Normálně se však mluví v Praze buď *moji, mé, má* (v řeči pečlivé) anebo *mí, mí, mí* (v jaz. obecném a familiárním). Z toho je vidět, že k účelům, o nichž mluví v úvodě k své mluvnici M., nehodí se u nás t. zv. hovorová čeština, tvarově i lexikálně nejednotná, často i individuálně diferencovaná, nýbrž že pevnou a spolehlivou basí pro studium živých tendencí v jazyce mohla by býti jen pražská čeština lidová (Gebauerův usus obecný), určitá v svých formách stejně jako jádro některého nářečí. K účelu tomu nebylo by ovšem třeba úplného popisu usu obecného (ač by byl nejbezpečnější), protože ne všechny odchylné zjevy v jazyce obecném mají stejnou průbojnost (pokud jde o praxi spisovnou) a stejnou vitalitu. Na př. obecné tvary *peču, tluču, teču, vleču, můžu* není možno stavěti do jedné řady (§ 111, 4), protože tvaru *mohu* zajišťuje časté užívání v praxi spisovné i v pečlivé řeči hovorové posici mnohem pevnější, než mají tvary *peku* atd.; impt. *pomoz* opřený o ustrnulé »*pomoz Pán Bůh*« je mnohem stabilnější než tvary *pec, tluc* atd. Tvary *kupuji, kupují* odolávají

lépe vlivu obecných tvarů *kupuju*, *kupujou* než tytéž tvary u vzoru *mazati* (*maži*, *maží*) a obecné *piju* (*kupuju*) je zase v mnohem větší výhodě proti spis. *piji* (*kupuji*) než ob. *pijou* (*kupujou*) proti spis. *pijí* (*kupují*), chráněnému sdruženými tvary s *-ají*, *-ejí* atd. To jsou poznatky, k nimž dospíváme nejen úvahou, nýbrž i skutečným pozorováním vývoje spis. jazyka. Proto za jedinou objektivní metodu ke zjištění tendencí pracujících v živé řeči se zřetelem na další možný vývoj jazyka spisovného pokládal bych studium dnešní řeči spisovné a jejích odchylek od normativní mluvnice, pokud se dají redukovati na formy jazyka obecného, pronikající (ovšem mediem t. zv. hovorové češtiny) do jazyka knižního. Snůška tvarů z mluvené řeči, kterou podává v své mluvnici M., je, jak bylo výše ukázáno, výběr více méně nahodilý; výběr pořízený touto metodou měl by cenu aspoň momentánní průkaznosti. To není ovšem míněno jako výtka, neboť nelze žádati na autorovi, píšícím příruční mluvnici cizího jazyka, aby podnikal na vlastní vrub časově nákladné statistické studie o odchylných tendencích v dnešním spis. jazyce; je to jen ideální návod, jak je možno vystříhati se nesprávného anebo nerovnoměrného hodnocení rozličných zjevů v dnešní mluvené řeči pražské se vyskytujících. Jako výtka by musil býti tento požadavek adresován do našich vlastních řad, z nichž takové soustavné a detailní probadání současné spis. řeči po této stránce dosud nevyšlo. Zásluhou Mazonovou zůstává, že si v své mluvnici těchto vlivů mluvené řeči na jazyk knižní všímal a ukázal jejich důležitost.

Dnešní stav vědeckého probadání novočeského jazyka spisovného, který v svých výsledcích zůstává stále ještě daleko za prací vykonanou Gebauerem pro jazyk staročeský, zvláště do stol. 15., ztěžoval Mazonovi prováděti úplně a přesně i jinou ještě snahu, která je další vynikající předností jeho knihy, zachytiti totiž aspoň po stránce morfologické obraz dnešní spisovné řeči v daném rámci a rozsahu co možná nejpřesněji. M. postihl v úvodě k své knize zcela správně charakter dnešního spisovného jazyka v tom, že nemá té pevné ustálenosti (rigidité) morfologické jako jeho mateřština a že nejen v poměru k mluvené řeči, doléhající na jeho strukturu, nýbrž i v samém materiálu spisovném je mnoho kolísavosti, neurčitosti a nepravidelnosti. V takových případech snaží se M., maje arci na zřeteli čtenáře své, dobrati se většinou zcela samostatně poznání co nejurčitějšího. Proto sahá často k výčtu případů mnohem bohatšímu a zevrubnějšímu, než jaký podávají mluvnice naše, opírající se i o přirozený cit (na př. při genitivech *dubu* — *lesa*, při tvarech sloves vzoru *tisknouti*, *mazati*, při výkladech o perfektivech — imperfektivech atd.), charakterisuje jednotlivé formy jako běžné, málo běžné, knižní, archaické atd., rozlišuje typy produktivní od neproduktivních, při tvarových dubletech, o nichž naše mluvnice zpravidla jen konstatují, že se tu usus kolísá, snaží se zjišťovati, na kterou stranu se kloní praxe spisovná atd. V těchto výkladech zachází M. často do podrobností velmi jemných a pozorování minuciosních, která již sama o sobě vydávají svědectví o velmi hlubokém proniknutí do struktury českého jazyka, tím pozoruhodnějším, že díla teoretická, o něž se opíral, nechávala ho dost často bez rady a pomoci.

Pokud jde o úplnost v rámci těch zjevů, jimiž se jeho mluvnice obírá, zbývá málo podstatného, co by bylo třeba k jeho výkladům do-

dati. Ve výčtu substantiv na *-l*, která mají skloňování tvrdé (§ 31), vypadlo slovo *účel*. U muž. podst. jmen na *-ita*, *-ista* (§ 47) není uvedena spisovná koncovka nominativu plur. *-é* (*husité, houslisté*). Výčet substantiv kolísajících se mezi vzorem *kost* a *duše* (§ 44) je v poměru k podobným jiným výčtům skoupý; M. uvádí jen *hůl, labuť, loď, zeď* (ač na př. u *zeď* je v usu spis. kolísání relativně menší než u jiných, která M. neuvádí, na př. *pec, lať, nit, síť* atd.). V kapitole o tvoření jmen soustřeďuje autor pozornost vším právem na sufixy produktivní a živé, ač skutečný výběr neodpovídá vždy těmto intencím. Tak mezi příponami zpodstatňujícími (§ 79) uvádí na př. přípony *-och*, *-ouš*, *černoch*, *bělouš* (arci s poznámkou »peu productifs«), ale neuvádí mnohem produktivnější přípony *-ek* (*bílek*), *-ka* (*hnědka*, *myšlenka*), *-ice* (*pravice*); mezi příponami, jimiž se tvoří nomina agentis (*-ec, -čí, -ce, -ka, -tel, -č*) schází produktivní a živé dosud *-l* (*tlachal*); z přípon tvořících nomina instrumenti (§ 80) zaznamenává vedle přípony *-dlo* příponu *-to* (*dláto, pouto, síto*) načisto již mrtvou a celkem dost vzácnou; substantiva znamenající látku (§ 82) jsou charakterisována příponou *-ina* se jmény *tkanina*, *rostlina(!)*, *skopovina* (která jsou ovšem vlastně jen zpodstatnělá adjektiva) a zcela ojedinělou příponu *-ov-ec*, doloženou jediným, a to čistě nářečním jménem *třešňovec* (=třešňový koláč), kdežto mnohem obyčejnější souznačnou příponu *-ník* (*jablečník, zelník, jahelník, vaječník* atd.) M. nejmenuje; pro nomina actionis (§ 84) uvádí jen sufix *-í* (subst. verbale), pomíjeje relativně velmi produktivní příponu *-ba* (*honba*), která se zvláště v nové době z nechuti k podst. jménům slovesným těšila značné oblibě právě tak jako »bezpříponové« odvozeniny tvaru *převoz* (m. *převezení*). Jistý nepoměr povaze věci neodpovídající jeví se v této kapitole i mezi výkladem o předložkových složeninách jmenných (§ 93), tak stručným, že pro významové a tvarové rozlišení typů tak podstatně rozdílných jako *bezvládí* (= *bez vlády*) a *vztek* (ze *vztéci se*) nezbylo místa, a výkladem o předložkových složeninách adverbiálních (§ 98), mnohem zevrubnějším, ač se v dnešním jazykovém vědomí ve většině těchto případů (*zpět, dosti* a p.) složení ani necítí, o produktivnosti těchto typů ani nemluvíc. Velkou péči věnoval M. tvarosloví českého slovesa, jež probírá na mnohých místech detailněji než mluvnice domácí. Mezi uváděnými zvláštnostmi jednotlivých sloves pohřeší český čtenář na př. sloveso *nalézti* s prés. *naleznu* (§ 111), *ukrásti* s prés. *ukradnu* (t.) proti *vylezu* a p., *přikradu se* a p., složeniny slovesa *vléci* s prés. tvary podle *peku* nebo *tisknu*, složeniny slovesa *-menouti* (§ 117), jejichž infinitivní tvary proti *vzpomněl* — *vzpomenul* bývají jen jednoho typu (*napomenul, vzpomenuto*) atd. Nejistotě, která se jeví v dnešním spis. jazyce v tvarech sloves typu *tisknouti* a *mazati*, snažil se spisovatel čeliti co nejhojnějším výčtem sloves do těchto skupin slušejících (§ 119, 124). Projevenému úmyslu uváděti při jednotlivých vypočtených slovesech jen novotvary (podle *minouti* a *dělati*) zůstal však práv jen zčásti. Tak uvádí skutečně na př. (u vzoru *tisknouti*) minulý přechodník *kápnuv, rýpnuv, škrábnuv*, ale neuvádí přechodníky tohoto (ani jiného) tvaru u mnohých sloves jiných, jako *dupnouti, klepnouti, skřípnouti, šlápnouti, hrábnouti, hmátnouti, máchnouti, vládnouti, vyřknouti* atd., ponechávaje tak otevřené dveře

nesprávné domněnce, že min. přechodník těchto sloves je normální (bez *-nu-*). U slovesa *bodnouti* uvádí přechodník *bod* i *bodnuv* a pod. také *klek* i *kleknuv*, *do-běh* i *do-běhnuv*, *za-přáh* i *za-přáhnuv*, *žas* i *žasnuv*, *vy-váz* i *vy-váznuv*, *v-nik* i *v-niknuv*, *táh* i *táhnuv*, ale *zblednouti* má jen *zbled* (nikoli *zblednuv*), *padnouti* jen *padnuv* (nikoli *pad*) a pod. jen *sednuv*, *křiknuv*, *vnuknuv*, *svléknuv*, *vyslechnuv* (nikoli také *sed* atd.). Ani to není docela správné a nepravidelnost v této věci není ani zdaleka tak velká, jak by se zdálo podle výčtu Mazonova: normální tvar min. přechodníku (u všech sloves této skupiny) je v dnešní praxi spisovné *padnuv*; vedle něho, a to už skoro jen archaisticky (častěji ve fem. a plur. než v masc.), vyskytuje se u některých sloves přechodník tvaru *pad*, *-ši*, a to nejen u sloves Mazonem vypočtených, nýbrž ještě u některých jiných (zvláště na *k*, *h*, *d*), na př. *vzkřikše, vsedše, vyslechše, shlédše, zvykše.* Přesný výčet těchto tvarů bez podrobného prozkoumání dnešního stavu spisovné řeči je ztížen i Čechovi ovšem tím, že jde o výraz, který se sám sebou vyskytuje zřídka, a to ještě o tvary zřejmě zastarávající. To platí i o některých sporných tvarech sloves vzoru *mazati* (*dupu — dupám, klepu — klepám, koupu — koupám, štípu — štípám, kloužu — klouzám, kašli — kašlej, drap — drápej, liž — lízej* a pod.), s nimiž si ani domácí pomůcky normativní nevědí rady, nemohouce pro nedostatek sneseného materiálu spisovného bezpečně stanoviti, kolik novotvarů řeči obecné proniklo skutečně a trvale do jazyka spisovného. Zato zbytečně kusý je Mazonův výklad o tvoření trpného participia u sloves vzoru *prositi* (§ 135), kde se mluví jen o tvarech s náležitou palatalisací kmenové souhlásky (*prošen*), ač tvary bez palatalisace (*cítěn*) jsou zvláště v dnešním jazyce neméně hojné (v. Smetánka, Tschech. Gram. 85, NŘ. 2, 23 n.). Týž defekt je i ve výkladě o tvoření iterativ příponou *-ova-* (*nutiti — donucovati*, § 128), kde jsou uvedeny jen případy náležité. Obšírnější mohl býti také výklad o postavení enklitik v češtině (§ 171), zvláště když byl spisovatel nucen na rozličných místech (na př. v § 104 při rozdíle: *byl jsem — když jsem byl*, *psal bych — co bych psal*, v § 106: *mýlím se — já se mýlím*) aspoň o některých případech postavení enklitik vykládati ad hoc.

Také v rozlišování výrazů běžných od knižních a archaických by bylo žádoucí tu a tam něco doplniti. Tak na př. o tvarech *v Uhřích, k Uhrům* (proti *v Uhrách, k Uhrám*) poznamenává M. (§ 32) zcela správně, že jsou to formy dnes už zastaralé, ale bez poznámky uvádí (§ 44) stejný archaismus *ovec* jako jediný tvar novočeský; slovesa *vrci, mříti* (§ 111) charakterisuje právem jako výrazy knižní (ač *mříti* žije i v řeči lidové: chudí mřeli Němc. IV, 31), ne však *housti, stříci, vříti, douti;* za knižní označuje (§ 122) právem *plvati, nýti,* ne však *kanouti, slynouti, sunouti* (§ 117); knižními výrazy jsou mu slovesa *rzáti* (§ 124), *ssáti* (§ 125), ba i *táti*(?), ne však *laji* ani *zeji* atd.; o gen. záporovém *nečiň toho* a p. poznamenává (§ 74), že se vyskytuje jen v jazyce knižním, ale komparativní gen. *rychlejší vzduchu* (§ 167), je uveden bez poznámky; o tvarech *břímě, símě* a p. (§ 39) je správně pověděno, že žijí jen v řeči knižní, ale totéž mohlo býti stejným právem řečeno na př. o zájmeně *jenž*, o táz. partikuli *-li*, o tvarech *vše, vši*

o výrazech číselných jako *dvacet jeden* (m. *jedenadvacet*), o imperativech *nesiž, beřiž* atd.

Dnešním kusým stavem našich vědomostí o jazyce novočeském lze si dále vyložiti i některé nepřesnosti tam, kde se autor snažil přesněji vymeziti platnost nebo rozsah některých forem dnešního jazyka, určitěji formulovati nebo vyložiti některou zásadu, podrobněji klasifikovati některé zjevy. Tak vykládá (§ 29), že koncovku *-ové* (proti *-i*) u vzoru *had* mívají zejména také jména osob a národů, jako *Řekové* a p.; ale u jmen národních stejně častá bývá i koncovka *-i* (*Turci, Švýcaři* atd.), Kdyby šlo o to, vymeziti skutečně přesněji tendenci jazyka v této věci, bylo by třeba doplniti pozorování Mazonovo v tom smyslu, že koncovku *-ové* mívají častěji jména národní jednoslabičná (*Švédové, Srbové, Rusové, Sasové, Indové* a do nedávna ještě i *Čechové*), koncovku *-i* víceslabičná (*Slováci, Bulhaři, Bavoři, Turci* atd.); táž tendence, ač ne tak patrná, je ovšem i u apelativ významu osobního (*synové, rekové, duchové, druhové, vrahové, bohové, pánové* a j.). O příponě *-é* poznamenává M. v témže § poněkud nejasně, že se vyskytuje také u některých jmen obyvatelských s příponou *-an*, jako *Pražané, Moravané,* k nimž prý třeba připojiti i subst. *zemané, dvořané, měšťané, křesťané, pohané;* ale příponu *-é* mají v spis. jazyce všecka obyvatelská jména příponou *-an* odvozená (to jsou arciť i jména *měšťan, zeman, dvořan*) a podle nich *křesťané, pohané.* Připojená k tomu poznámka, že »formes classiques« *zeměnín, měštěnín* jsou nahrazeny »courament« tvary *zeman, měšťan,* mohla by sváděti k mylné domněnce, že tvary *zeměnín* a p. žijí aspoň v jazyce knižním, ač jsou to tvary, jak už bylo výše poznamenáno, z jazyka úplně vymizelé. Že by přípona *-ové* byla normalisována u subst. *zástup* (tak jako na př. v nom. *čeští stavové*), je těžko pokládati za tvrzení správné; tvar normální je *zástupy* (zástupy lidí) a tvaru s koncovkou *-ové* se užívá tak jako tvarů *kůrové, sborové* a p. jen v řeči povznesené (biblické a p.). Jiné pozorování Mazonovo, že koncovka *-ové* u vzoru *oráč* (§ 30) je konstantní v *králové, otcové, strýcové*, koncovka *-i* naproti tomu v *Němci*, bylo by žádoucí doplniti aspoň tím, že koncovka *-ové* je konstantní také u jmen osobních (*Tomášové, Tomcové*), koncovka *-i* u jmen živočišných (*vrabci, ohaři, vepři* atd.). Subst. *titul, artikul* — vykládá M. (§ 31) — skloňují se častěji (plus ordinairement) měkce (gen. *titule, artikule*). V našich mluvnicích bývá obyčejně, že se tato podst. jména kolísají mezi skloňováním tvrdým a měkkým, ale jde-li už o to precisovati usus novočeský, třeba konstatovati právě naopak, že se dnešní praxe kloní (jako u většiny cizích na *-l*) k sklonění tvrdému (Palacký psával ještě po staru »na tituli« ČČM. 1827, 1, 55, »titule toho« Radh. 2, 498, rovněž Šafařík »na tituli« Starož. 470, ale už Jungm. »prázdnými tituly« Hlasatel 1807, 2, 150 a v nč. pravidlem: »titulu jiného« Jirás. II, 56; »zvyšuje tituly« t. XXVIII., 41; »od titulu k titulu« Čech I, 29; »na titule« Durdík, Krit. 5 a j.); měkké sklonění subst. *artikul* žije jen archaisticky ve výraze »čtyři artikule pražské«; ale už Palacký píše »z artikulu« ČČM. 1828, 2, 134; »čtyry artikuly« t. 1827, 3, 37; »ty artikuly« Jirásek XIX, 562, »na konci artikulu« Amerling ČČM.

1837, 9 atd.). Substantiva vzoru *kámen* skloňují prý se »indifféremment« podle typu tvrdého nebo měkkého (§ 32); ale pokud jde o usus spisovný, jsou v něm pravidlem genitivy tvaru *kamene, křemene, plamene* a p., kdežto novotvary *kamenu, křemenu* a p. mají dosud příchuť vulgární. Pro instr. plur. substantiva *kůň* uvádí M. (§ 32) vedle tvaru *koňmi* též tvar *koni*, který by bylo bývalo po výkladu Zubatého (NŘ. 3, 1919, str. 123) lépe vypustit. Složeniny tvaru *meziříčí* (u vz. *znamení*, § 38) jsou charakterisovány jako jména označující »une région géographique«, což je výměr příliš úzký, protože jsou to složeniny významu místního vůbec (*obočí, zápraží, podpaží* atd.). O sklonění substantiv typu *sluha, soudce* píše M. (§ 47), že mají v sing. sklonění podle ženských vzorů *žena, země* vyjímajíc dat., lok. (*sluhovi, soudcovi*), v plur. podle mužských *had, oráč*; to platí arci o jménech typu *sluha*, ne však o substantivech typu *soudce*, který se vyrovnal (mimo spisovný vokativ) se vzorem mužským úplně (není tedy akus. sing. *soudci*, instr. *soudcí*, jak by se zdálo podle stilisace Mazonovy). K tvarům zájmena *kdo* připomíná M. (§ 52), že jeho akusativ (genitiv-akusativ *koho*) je vždycky »du genre animé« — poznámka ne dost jasná, proto že *kdo-koho* je významu toliko osobního (jménům živočišným odpovídá *co*). Ženský tvar u maskulin (*kluku jedna*) nemusí míti vždycky odstín více nebo méně hanlivý (§ 65), jak ukazují výrazy *milá brachu, člověče nešťastná*. Z výkladu o genitivě záporovém (§ 74) mohlo by se zdáti, že se záporového genitivu užívá jen »dans la langue livresque«, kdežto ve skutečnosti bývá — byť měrou velmi omezenou — i v jazyce obecném (neměl groše, kouska rozumu, nezamhouřil oka a p.). Ve výkladě o genitivě partitivním (§ 74) rozlišuje M. výrazy »nalej mi *vína*« (= du vin) a »nalej mi *víno*« (= le vin); ale tam, kde partitivní genitiv žije, neřekne nikdo »nalej mi *víno*« ve smyslu »verse moi le vin«, nýbrž jen »*to víno*« (jinak mezi výrazy »nalej mi *vína*« a »nalej mi *víno*« není jiného rozdílu, než že ve výraze druhém je pův. genitiv vytlačen akusativem). Podobně o slovese *přáti* vykládá M. (§ 74), že *přáti* ve významu souhaiter qch. à qn. má při sobě genitiv, *přáti si* (= désirer pour soi-même) akusativ (co si přejete?) — rozlišení jistě nepřesné: v jazyce spisovném (a v pečlivém hovoru) mají obě slovesa genitiv (štěstí nebeského vám přeji Rais II, 128; čeho si pán přeje Jirásek II, 19), v řeči lidové (a odtud někdy i v spis.) obě akusativ (přej nám tu radost Němcová, Bab. 12, co si holky přály Němcová V, 153). Mezi slovesy s předmětem genitivním uvádí M. dále (§ 74) i sloveso *čekati* s poznámkou, že vazba akusativní anebo s předl. *na* je běžnější; *čekati čeho*, pokud se kde knižně (zřídka) vyskytne, je čirý archaismus, mezi vazbami *čekám ho* a *čekám naň* je pak rozdíl významový. Předložka *za* s gen. ve významu časovém vyskytuje prý se jen v některých rčeních ustrnulých (§ 74), ač tato funkce předložky *za* je dosud plně živá (za Rakouska, za vojny, za nebožtíka otce — často až přes míru místo předl. *při, mezi*); naproti tomu bez poznámky uvádí M. ve významu časovém *s* s gen. (s neděle), které je skutečně omezeno jen na několik málo ustálených případů (pro nejčastější užití předložky *s* s gen. — ve významu místním, *se stolu* — M. příkladu neuvádí). Význam lo-

kální není uveden také při předl. *proti* (§ 75); zato je uvedeno *proti* významu komparativního s příkladem »politická situace je lepší *proti loňské*«, kde by Čech předložky *proti* stěží užil (bývá buď mimo komparativ, na př. »je skvělá *proti loňsku*« anebo aspoň před ním: »*proti loňsku* je situace lepší«). Nepřesné je také tvrzení, že se instr. místa (díval se oknem) vyskytuje jen dans quelques expressions figées (§ 76); na vyjádření směru je instrumentál možný u každého substantiva (v novější češtině se dokonce zvláště rozmohl z nemístné obavy před předl. *skrze*), jen ve významu klidovém je jeho rozsah omezen (*místem, krajem, stranou* a p.). Přípona *-ín* (*Turčín, Rusín*, § 79) neznamená původ, nýbrž má význam individualisační; proto v plur. nebývá (Vondrák, Vgl. Gr. 1, 419). *Poselkyně* (§ 87) je v dnešním jazyce jen výraz básnický (poselkyně míru); obyč. ženský tvar k mask. *posel* je *poslice*. O příslovečných výrazech původu slovesného *vyjma, chtěj nechtěj, prý* čteme v § 96, že prý to jsou dosud spíše slovesné tvary než příslovce; to neplatí najisto o *prý*, v němž slovesný tvar vidí dnes už jen filolog, a dost těžko to lze říci o *vyjma*, které se v dnešním jazyce spojuje dost často s genitivem jako předložka (= *kromě*) místo s akus. (srov. NŘ. IV, 54, 200, 284; V, 282, VII, 24). Za složeninu je těžko, myslím, pokládati výraz *ba jo* (§ 98), už proto, že podle různého užití může býti přízvuk na kterékoli z obou slabik (*bà jo* i *ba jò*). O zájmeně *já* vykládá M. (§ 100), že v mluvené řeči vedle obyčejného tvaru preterita *byl jsem tam* bývá i tvar *já jsem tam byl* bez patrného rozdílu; pozorování Mazonovo lze nyní doplniti článkem Mathesiovým (v Slov. sborníku věn. prof. Pastrnkovi 1923, 118 n.) aspoň potud, že tvar bez zájmena bývá v odpovědi úsečnější. Že by se tvar 1. os. plur. *nesem* (vedle *neseme*) vyskytoval rovnoměrně v řeči mluvené i spisovné (§ 103), nemohl bych ze své zkušenosti potvrditi; v jaz. spisovném je pravidlem dosud *-eme*, vedle něhož se *-em* cítí jako forma vulgární. O pořádku členů složeného preterita *byl jsem* praví M. (§ 104), že se tento pořádek zachovává, nepředchází-li ani zájmenný podmět, ani výraz tázací, ani spojka, ani příslovečné určení; ale změněný pořádek (*jsem byl*) může býti způsoben ještě jinými výrazy, na př. predikativním atributem (zdráv jsem byl) anebo, při slovese předmětném, předmětem (hlad jsem měl). To je jeden z případů, na něž se vztahuje poznámka o zákonu Wackernagelově položená výše. V 2. os. sing. perfekta zachovávají se podle M. (§ 104) tvary pomocného slovesa *jsi, jste* (byl jsi, byl jste) vždycky, ale v sing. bývá prý tvar *jsi* většinou zkracován — aspoň v řeči mluvené — v *-s* (byls), které se může pak spojovati se zájmenným podmětem (*tys* byl). Ale v pražské češtině (a v střední češtině vůbec) je nezkrácené *si* právě tak časté jako zkrácené *-s'* (pozorování Mazonovo by se mohlo vztahovati zase leda na nářečí východočeská, která vedle *seš* mívají častěji *-s'* než *si*, srov. Hodura, Nář. litom. 36, Hošek Polen. 84, t. Polnic. 90 a j.); naopak pražská čeština se v některých případech zkrácenému *-s'* přímo vyhýbá (nač si, když si a p.). Ke tvaru *seš*, o němž poznamenává M. (§ 144), že v jaz. obecném nahrazuje tvar *jsi*, bylo by pak bývalo žádoucí podotknouti, že se tvar *seš* nevyskytuje nikdy ve funkci pomocného slovesa. Jako B. Havránek, nesrovnávám se

ani já s pozorováním Mazonovým, že se plnějšího tvaru *jest* (vedle *je*) užívá skoro jen v knižních definicích jako *Bůh jest láska* (psaní jest mi protivno Machar, Konfesse 7, Kolín jest mým rodištěm t. 12, zde jest jedno slovo t. 59 a t. č.); v jazyce obecném ho arciť není. U slovesa *pnu* (§ 111) uvádí M. tvary *piav, pial, piat* anebo *pav, pal, pat*. Ale dnešní spisovná čeština zná jen tvary prvého způsobu (které psáváme nyní raději *pjal* atd., protože Gebauerem zavedené psaní *pial* nevyhovuje ani nč. grafice, kde *ia* = *ija*, ani není odůvodněno historicky, protože tu neběží o měkkost původní, nýbrž nově zavedenou podle tvarů s *pě-* = *pje*) a tak i usus obecný (pražský a středočeský), pokud neužívá novotvarů podle *tisknu* (jen v ustálených rčeních, a i to už zřídka, bývá *sepatejma* n. *sepjatejma rukama, rozepatej kabát*); tvary *pal, pat* jsou zase tvary nářeční (vých.-české). Při tvarech slovesa *klnu* (*klíti*) = maudire konstatuje M. (§ 111) tendenci, nahrazovati tyto pův. tvary formami mladšími, *kleju, kleješ*, což není zcela přesné; tvary *kleju, kleješ* jsou dnes už ustáleny v řeči spisovné i obecné, ovšem ne s významem »maudire«, nýbrž »jurer« (teď že kleje Jirásek XXVIII, 40; Pohorák kleje Neruda, Mal. p. 179 a j.; jen přech. jako tvar arch. bývá též *klna*: vyběhl klna Jirásek I, 88); ve významu »maudire« má knižní jazyk *klnu, klnouti* (klne zrádcům Machar, Tristium 33 a j.; kdo nejvíc tobě klnul Vrchl. VII, 115), usus obecný pak tvary sloves *proklínati, zaklínati*. Rozštěpení zcela analogické bylo možno konstatovati i u slovesa *douti, dmu* (prsa dmou se Čech, Bás. 55; — vítr duje Vrchlický V, 102). O tvarech *béřeš, béře* poznamenává M. (§ 112), že vedle tvarů *bereš* atd. »n'ont plus guère de vie réelle«; toliko prý emfatický a knižní impt. *beřiž* drží prý se ještě vedle obyčejného imperativu *ber*. I když připustíme, že tvary *béřeš, béře* jsou dnes už opravdu tak vzácné i v řeči spis., je impt. *beřiž* proti nim najisto přímo kuriosum. Z téhož důvodu zbytečnou se mi zdá podobná poznámka (§ 123), že ze sloves skupiny C 2 (*řezati, láti, kovati*) mají slovesa typu *řezati* jediná schopnost tvořiti emfatický impt. *řežiž*; je to jednak rozlišení věcně nesprávné, neboť emfatický impt. bývá i u sloves jiných (na př. *dějž* se vůle boží, *popřejž*, o 2. os. plur. *-tež* ani nemluvíc), jednak jsou to vůbec tvary tak řídké, že za zvláštní zmínku (vedle obecného výkladu v § 103) vskutku nestojí. Vykládaje o tvoření iterativ typu *kupovati* (§ 128), vytýká M. jako jednu z charakteristických známek jejich proti jiným slovesům téhož vzoru krátkost kmenové samohlásky proti dlouhé samohlásce sloves typu *koupiti* (a jiných, na př. *žádati*, ovšem také); ale nezdlouženou samohlásku kmenovou mívají i denominativa tohoto vzoru — aspoň stará: *pán* — *panovati* atd. Podobným neprávem precisuje M. (§ 138), když píše, že zobecnění koncovky *-ejí* v 3. plur. je jedna z charakteristických známek mluvy pražské (du parler de Prague), kdežto jde o zjev obecně středočeský i východočeský (srov. Trávníček, O čes. jaz. 10, 11).

Vedle těchto několika nepřesností, které vznikly většinou při autorově snaze precisovati co možná určitě rozsah anebo charakter jazykových zjevů, jimiž se obírá, je v knize Mazonově hrstka drobností, které by bylo možno pojímati anebo vykládati jinak než autor, nevhodně

volených příkladů a menších přehlédnutí, někdy zajisté jen čistě typografických. Na př. podle Mazonova výkladu (§ 5), že dlouhé *ě* a někdy dlouhé *é* dalo diftong *ie*, který přešel v *í* (*hřiech* — *hřích, večer* — *večírek*), mohla by vzniknouti mylná domněnka (zvláště když se o úžení *é* — *í* jinak nemluví), že se i *é*, pokud přešlo v *í*, nejprve diftongisovalo v *ie*, kdežto ve skutečnosti *é* se měnilo normálně přímo v *í* (případy jako *dřéve* — *dřieve* jsou zcela ojedinělé). Z tvarů *ber* (m. *beř*), *doktore* (vedle *bratře*) není možno, podle mého soudu, vyvozovati malou stabilitu hlásky *ř* (§ 17), protože tu nejde o zjevy povahy fonetické, nýbrž morfologické (stejným právem by se pak mohlo mluviti o malé stabilitě hlásky *k* v *peču* m. *peku*, v ob. *hezkí* m. *hezcí* a p.) Rovněž bych nechtěl viděti s M. (§ 20) příčinu kolísavosti mužských *o*-kmenových substantiv na *-l* v indiferentnosti hlásky *l*; přecházejí-li v nč. jména jako *kotel, popel, manžel, anděl* a p. zcela anebo zčásti ke vzoru měkkému, je třeba hledati příčinu spíše v přitažlivosti dosti četné a časté skupiny substantiv na *-tel*, kdežto jména zakončená jinak než *-el* (jako *motýl, mol, úl* a p.) přecházejí ke vzoru tvrdému. Jde tu tedy zase o změnu způsobenou spíše důvody morfologickými než fonetickými; indiferentnost hlásky *l* má tu význam jen potud, že vzniku analogických novotvarů nebrání. Koncovku *-ové* má podle M. několik jmen činitelských se sufixem *-ek*, jako *předek, sládek, svědek* (§ 20); ale jméno *předek* není významu činitelského (srov. Vondrák, Vgl. Gram. I, 464), *sládek* je pak ze staršího *sladovník* (podle *mládek*). Koncovku *-ové* mají ostatně i jiná jména na *-ek*, u nichž ani podle dnešního pojetí nelze mluviti o významu činitelském (*synek, strýček, zrzek* a j.). *Všudybyl* není »celui qui a été partout« (§ 31), nýbrž tak jako *prášil, dlachal* a p., ten, kdo j e (b ý v á) všude. Nepřesné je, praví-li M. (§ 32), že substantiva *hosté* a *lidé* jeví v plur. tendenci sblížiti se se vzorem *kost*; skloňování *i*-kmenové je tu přece původní (naopak u subst. *host* je viděti tendenci opačnou, od *i*-kmenů ke vzorům *had, oráč*). Ve výkladech o gram. rodu (§ 65) vyslovuje M. mínění, že jména měsíců jsou maskulina »peut-être en tant que personnifiés par certaines légendes populaires«; o jménech na *-en* (*leden* atd.) ukázal Zubatý (Sbor. fil. VI, 104), že jsou to zpodstatnělá adjektiva (*ledný* měsíc atd.) jako *pecen* a p., ostatní (*únor, listopad* atd.) jsou maskulina svým tvarem. Za příklad cílového akusativu uvádí M. (§ 43) výrazy *konec, kraj, prostřed*; ale *konec* a *prostřed* mají v dnešním jazyce, pokud se jich kde užívá, už jen význam lokalisace klidové (bydlí konec Karlína, bylo to konec ledna, stojí prostřed města) a ve významu cílovém (i v stč. už řidším) nahrazují se dnes pády předložkovými (*na konec, doprostřed*), subst. *kraj* žije pak ve významu cílovém jen v ustrnulém rčení (*jíti* a p.) *kraj světa* (šla bych s ním kraj světa Němcová III, 71), jinak mívá i *kraj* význam klidový (kraj lesa viděl ... pavučinu, Erben-Tille, Poh., 1924, s. 64). Sloveso *nadíti se* (§ 75) nemá v nč. nikdy už při sobě dativ (jako bylo v stč.), nýbrž jen genitiv (*nadíti se čeho*). Subst. *cizinec* není odvozeno z *cizina* (§ 79), nýbrž z kmene *cuz-* (*tjudjo-*) příponami *-ino-* a *-ьco-* (Vondrák, Vgl. Gram. 1, 420). Nedosti jasné jest, proč pokládá M. (§ 79) subst. *hříšník* za normální odvozeninu z adj. *hříšný* (příponou

-ík), kdežto ve jménech *služebník* (= člověk služebný), *zahradník* vidí *n* analogické podle adjektiv *služebný, zahradní*. Přehlédnutím uvedeno adj. *příznivý* v § 89 mezi deverbativy a v § 90 (správně) mezi denominativy. Málo vhodný příklad pro složeniny typu *lido-jed* (s druhým členem verbálním) je subst. *pravo-pis* (§ 93), utvořené zcela mechanicky podle něm. *Rechtschreibung* (*orthographia*). Komparativ příslovcí se tvoří podle výkladu Mazonova (§ 99) buď příponou *-ěji* (*-eji*) nebo *-ě* (*-e*); mělo býti správněji *-e* (*-ě*), protože *ě* je tu jen grafické označení měkkosti *n* v *méně* (= *méňe*). Zpodstatnělého adjektiva *podívaná* se neužívá ve výraze »nestojí to za podívanou« (cela ne vaut pas la peine d'être vu, § 104), nýbrž říká se »to nestojí za podívání (za vidění)«, kdežto *podívaná* je věc hodná podívání a podivu, divadlo (bude to podívaná! Rais VIII, 105; chodili tam jako na podívanou a p.). Ani »to stojí za optanou« se neříká, nýbrž »to nestojí ani za zeptání«; jen na otázku »jak se máte« odpovídává se stereotypně »děkuji *za optanou*« (Rais XIV, 208). Jiných, správnějších příkladů krom »*na shledanou*« M. neuvádí. Místo knižního *mříti* jsou prý v mluvené řeči slovesa *umříti, zemříti*, která prý mají týž smysl (§ 111); správněji ovšem mělo býti *umírati*. Ze stč. *žíti, živu* zachovala prý se do nč. participiální forma *živoucí* (§ 122); v dnešním jazyce se ovšem v slově *živoucí* necítí participiální tvar toho významu jako *žijící*, nýbrž samostatné adjektivum, které působením adjektiv tvaru *horoucí* nabylo vedle adjektiva *živý* významu intensivního (živoucí noha tam nevkročila, stála přede mnou živá živoucí). O slovese *melu, mlíti* praví M. (§ 111), že mělo v présentních tvarech původně kmen na *-jo-*, a proto že jeho příčeští trpné je *mlet;* ale v době, kdy se sloveso *mlíti* časovalo ještě měkce, bylo partic. *mlen*, nikoli *mlet*, které je původu novějšího. Za tiskovou chybu sluší asi pokládati omyl ve výkladě (§ 143), že iterativa *chyběti, mizeti* a *stavěti* mají proti slovesům *chybiti, minouti* a *staviti*, která prý jsou téhož kmene, kmenovou samohlásku nezdlouženou; *mizeti* není ovšem z kmene *mi-* (*minouti*), nýbrž *mig-* a místo *minouti* má se patrně na uv. m. čísti *mihnouti*.

Je-li ve všech partiích mluvnických výkladů hodna podivu neobyčejná jistota, s jakou M. rozbírá a vykládá jazyk tak odlišný svou strukturou od jeho mateřštiny až do podrobností a odstínů často velmi jemných, jsou partie o slovesném vidu, najisto nejobtížnější kapitola slovanské morfologie, této jistoty důkazem přímo skvělým. Zevrubnost a jasnost, s jakou jsou zpracovány tyto výklady o slovesném vidu, imponuje tím více, uvážíme-li, že M. nemohl ještě použíti důkladných a podrobných Trávníčkových Studií o českém vidu slovesném, vydaných teprve r. 1923. Po stránce teoretické byly autorovi ovšem dobrou basí a průpravou obě jeho dřívější studie o vidu slovesa ruského (Morphologie des aspects du verbe russe 1908 a Emploi des aspects du verbe russe 1914, z nichž druhá je bohužel rozebrána). Tím si lze vysvětliti, že v rozboru českého slovesa po stránce vidové projevuje M. na mnohých místech své vlastní názory a že pojímá nebo vykládá některé zjevy na tomto poli způsobem jiným, než jak bývá a bývalo u nás. Pokud s ním v těchto jednotlivostech a odchylkách lze býti zajedno, anebo spíše, kde se nabízí mínění nebo pojetí jiné, budiž ukázáno v poslední části tohoto referátu.

Podle vidu rozděluje M. slovesa především obvyklým způsobem na slovesa perfektivní a imperfektivní, která pak třídí podle toho, jsou-li schopna perfektivisace, na perfectibilia a imperfectibilia, kategorie, jimiž M. nahrazuje starší dělení na durativa a iterativa podle jeho mínění dnes už nepřesné. Toto třídění podle dokonavosti děje slovesného kombinuje M. pro některé případy s dělením podle kolikosti děje, podle níž rozeznává M. slovesa determinovaná (déterminés) a nedeterminovaná (indéterminés).

Kriteriem pro rozeznávání sloves perfektivních od imperfektivních je mu jako obyčejně tvoření futura (§ 102); slovesa, která mají futurum perifrastické, jsou imperfektiva, kdežto slovesa, jejichž indik. présentní má platnost futura a která tedy netvoří futura perifrastického, jsou perfektiva. Tohoto způsobu dělení, které M. našel už v mluvnici Doležalově, použil již dříve v citované výše studii o vidu slovesa ruského. O praktické ceně tohoto kriteria v knize, v níž výklady o perfektivnosti slovesné slouží především účelům morfologickým (tvoření présentu a futura), by bylo možno míti jisté pochybnosti, ale M. unikl tomuto nebezpečí bludného kruhu jednak tím způsobem, že při každé tvarové skupině sloves vypočítává zvlášť prostá slovesa perfektivní, jednak tím, že připojuje výklady o perfektivisaci imperfektiv, takže i bez tohoto kriteria, abstrahovaného vlastně jen z morfologických důsledků vidu, dostane se i cizímu čtenáři správného a celkem úplného poučení pro rozlišování těchto dvou kategorií vidových a tím i návodu pro dvojí způsob tvoření futura v češtině. Mazon sám ovšem uvažuje kriticky také o vědecké hodnotě tohoto kriteria; uznává sice, že je nelze aplikovati důsledně, ale namítá na jeho obranu, že počet sloves, pro něž neplatí toto mechanické kriterium, je příliš nepatrný, aby zeslaboval jeho obecnou platnost. Toto výminečné postavení vyhrazuje totiž M. (§ 114) všeho všudy pěti slovesům, *jedu, jdu, vedu, nesu, ženu*, která jsou imperfektiva, ač futura perifrastického netvoří. Ale počet jich omezil snad M. až příliš. Podle mínění Smetánkova (Tschech. Gram. 90), které pokládám za správnější, neužívá se opisného futura kromě těchto pěti také ještě u sloves ***lézti, běžeti, plouti, téci, táhnouti, vléci, vésti, kvésti, růsti*** (k nimž dodávám ***letěti***.[1]) Jsou to vesměs durativní slovesa, jejichž významovým pojítkem je představa pohybu; čím

[1]) Mazon se obíral otázkou o tvoření opisného futura u těchto sloves také v svém článku «D'une limitation du développement du futur périphrastique en tchéque» ve Zborniku filoloških i lingvističkih studija A. Belića 1921 str. 116—118, kde neschopnost tvořiti futurum opisné přiznal jen dvěma slovesům, t. *jíti* a *jeti*. Zdá se, že k domněnce o možnosti opisného futura u sloves výše vypočtených (kromě *jeti* a *jíti*) přivedla ho poněkud nejasná stilisace v mém zpracování Gebauerovy Mluvnice české pro školy střední a ústavy učitelské, vyd. 6., 1918, srvl. § 808, 2, že se u těch sloves užívá raději futura prostého než opisného. Měla to býti mírná forma výstrahy před užíváním futura opisného, jehož existenci v dnešní češtině, zvl. knižní, stírající leckdy i jiné vidové zvláštnosti slovesa, nelze arciť popírati. Doklady, které uvádí M. v uv. článku na důkaz užívání opisného futura v řeči mluvené, na př. «budeš-li lézti nebo ne, když se budeš hnáti za ním, budeš-li nésti kříž svůj« je těžko verifikovati a hodnotiti; Čech z lidu řekl by tu jistě »polezeš nebo ne, tam se mu lidé nepoženou, já to neponesu« atd. Doklady stč. (hospodářstvie budu vésti z NRady) jsou pro usus dnešní ovšem neprůkazné.

je tato představa živější, tím silnější je v daném užití odpor proti futuru opisnému. Doklady opisného futura u těchto sloves při významu pohybovém stěží by se našly v řeči lidové a v praxi dobrých spisovatelů, a vyskytnou-li se kde tvary toho způsobu (na př. *budu lézti* n. *polezu*), budí dojem nepřirozenosti nebo neumělosti (Bartoš v Nové rukověti 1901 str. 100 pokládá je přímo za mluvnické chyby). Jak tato jejich vlastnost trvá pevně v živém citu jazykovém, toho svědectvím jsou i nově vznikající slovesa pohybová, vulgární nebo argotická, která se rodí s touž vlastností (*pomašíruju, pocapu, poplavu, posypu* atd. = půjdu). Jsou i jiná slovesa, u nichž nebývá v obyčeji opisné futurum a která jsou přes to imperfektiva; uvádím (podle Trávníčkových Studií, passim) *díti, praviti, kázati* (= rozkazovati), *tknouti se* (co se tkne = týká), *ráčiti, darovati, zvěstovati, šinouti se.* Ale tvaroslovné kriterium, jež si M. zvolil pro rozlišení perfektiv a imperfektiv, má ještě další vadu, o níž se M. nezmiňuje, ač s námitkou právě uvedenou těsně souvisí. Jako se prostá slovesa *jeti, jíti* atd. vymykají tomuto kriteriu z příčin formálních (netvoříce opis. futura), tak se mu vymykají z důvodů významových ty z jejich složenin, jejichž indikativ présentní funguje jako futurum těchto prostých sloves, t. j. *pojedu, půjdu, povedu, ponesu, poženu, polezu, poběžím* atd. (slovesa v tomto významu v nč. vesměs defektní, omezená jen na ind. prés. a impt.). Podle dělení Mazonova i jeho výslovného konstatování (§ 114) jsou to slovesa perfektivní. To je ovšem nutný důsledek plynoucí z dělicího principu Mazonova, neboť indikativ présentní těchto sloves *pojedu* atd. má význam budoucí, což je charakteristická známka sloves perfektivních. Avšak, hledíme-li k v ý z n a m u těchto složenin, shledáváme, že vyjadřují durativní futurum sloves *jeti, jíti* atd. a jsou tedy vidu imperfektivního.[1]) Svědčí o tom nejen vidová rovnocennost futur tohoto typu (*pokvetu*) s futurem opisným (stč. *budu kvísti*), ale i měřitelnost jejich trvání odpovídajícího otázce *jak dlouho?*, čehož u perfektiv, schopných jen pouhé lokalisace v čase ve smyslu otázky *kdy?*, není. Tato slovesa *pojedu, ponesu* atd. souvisí pak těsně významem a snad i původem se skupinou jiných složených sloves, utvořených ze základů rovněž durativních zvláště příponami *po-* nebo *na-* (v. Trávníček, Studie s. 191 n.), jako *posadím, pobudu, postojím, poležím (si), počkám, pohraji (si), pobavím se, pohovořím, pomlčím, nasedím se, nastojím se, načekám se* a p., od nichž se liší zevně tím, že prostá slovesa těchto složenin (*sedím, stojím* atd., vyjímajíc jediné *budu*) mají schopnost vytvářeti futurum perifrastické (*budu seděti*), čehož u sloves typu *jeti — pojedu* není. Pojítkem složenin typu *posedím* s imperfektivními futury typu *pojedu* (a s imperfektivy vůbec) je vlastnost, že jejich indikativ présentní (i při svém významu futurálním), na př. *posedím*, je povahy imperfektivní; jeť po stránce vidové skoro rovnocenný s opisným futurem slovesa prostého (*posedím = budu seděti*) a průběh děje, jejž

---

[1]) To platí ovšem o těchto složeninách naprosto jen potud, pokud jsou významu pohybového. Stejně utvořené složeniny týchž sloves, ale jiného významu, mohou býti ovšem perfektiva; na př. já tě *povedu* (impf.) — snad se to *povede* (perf.); *potáhnu* do boje (impf.) — *potáhnu* pohovku (perf.); kdo se s tím *povleče* (impf.) — *povleče* peřiny (perf.).

vyjadřuje, je měřitelný ve smyslu otázky *jak dlouho?* S perfektivy spojuje složeniny typu *posedím* vedle futurální platnosti jejich indikativu présentního ta vlastnost, že trvání děje, jejž vyjadřují, v čase jest přece jen terminováno v tom smyslu, že míra trvání děje musí býti u nich zpravidla vyjádřena (ať adverbiálně, či emfasí a p.: posedím chvíli, tam se nasedíte!), čehož u normálních imperfektiv (na př. *budu seděti*) není.[1]) Ze skupiny sloves typu *posedím* mohla se vyvinouti i slovesa typu *pojedu*. Jako se u sloves typu *posedím* mohl ustalovati u některých složenin v určitých spojeních (na př. posedím chvíli) význam malé míry kursivního děje i bez připojeného adverbia (Trávníček, Studie 193), mohla se u jiných rozšířením významu (t. j. pominutím omezovacích adverbií) vyvinouti platnost neomezené míry kursivního děje, čímž pak tvary jako *pojedu, porostu* nabývaly významu prostě imperfektivního a konformovaly se platností futuru opisnému *(*budu jěti, budu rósti)*, které vedle nich zanikalo. Z toho ze všeho plyne, že relativnost tohoto formálního kriteria pro rozlišování perfektiv a imperfektiv je větší, než by se zdálo podle citované námitky Mazonovy, že při tomto rozlišování není možno pro kriterium mechanické, jakým je pro stanovení vidu tvoření futura, pustiti se zřetele stránku významovou a že hranice mezi slovesy dokonavými a nedokonavými jsou jako všude v jazyce plynulé, jak to ostatně vycítil správně v citovaném článku v Belićově Zborniku Mazon sám, připomínaje analogii sloves typu *pojedu* se slovesem *budu*.

Mechaničností kriteria zkomplikoval Mazon — a to po mém soudu zbytečně — také výklad o perfektibilitě imperfektiv, a zvláště iterativ. Mazon aplikuje tu na soustavu českého slovesa obě hlavní zásady, které vyvodil ze studia ruského vidu, t. j. že se každé durativum stává ve složení s předponou slovesem perfektivním (je perfectible), kdežto každé iterativum zůstává i v složenině slovesem imperfektivním (je imperfectible). O správnost první z obou zásad není pochybnosti; ale aplikování druhé zásady o neperfektibilitě iterativ musil M. vybaviti tak četnými poznámkami a výminkami, že se tím obraz o vlastnostech této skupiny sloves stal velmi nepřehledný. Iterativa typu *kupuji* jsou podle výkladu Mazonova (§ 128) ve shodě s jeho obecnou zásadou vesměs imperfectibilia. Iterativa typu *padám* (§ 131 n.) jsou normálně rovněž imperfectibilia *(vy-bírám)*, ale s dvojí výminkou; především: iterativa, jichž se užívá samostatně (na př. *padám*), vyvinula si schopnost zcela analogickou s durativy, že se totiž v komposici stávají perfektivními, na př. *načítám si* vedle *vyčítám*, — schopnost, která dosáhla maxima u sloves *létati, sekati*, jejichž všechna komposita jsou perfektivní, kdežto naopak iterativa *bývám, vídám* nevyvinula žádného kom-

[1]) Mezi výrazy »chvilku tu budu sedět« a »chvilku tu posedím« a p. je ten rozdíl, že oba výrazy vyjadřují sice stejnou míru budoucího děje, ale ve výraze druhém je toto omezení, vyjádřené v obou větách příslovečně, vyjádřeno také ještě tvarem slovesným (předponou *po-*), čehož v prvním výraze není. Někdy se jeví omezovací platnost předpony *po-* u těchto sloves jako individualisování trvacího děje: není možno říci »zítra celý den pomlčím«, nýbrž »budu mlčeti«, ale je možno ovšem říci »o té věci pomlčím, jak dlouho budete chtít« (= budu mlčet); na otázku »co budete dělat?« odpovídáme »budeme se bavit« (t. j. čímkoli a kdekoli), ale říkáme »tam se dobře pobavíte« (= budete se bavit) atp.

posita perfektivního; za druhé: některá komposita imperfektivní nabývají častým užíváním v určitém smyslu jisté autonomie, která jim propůjčuje podobnou schopnost jako perfektibiliím, na př. sloveso *vdávám* stává se proto, že se cítí v tom významu slovesem prostým, ve spojení s další předponou perfektivním (*povdávám*) a tak i jiná slovesa jako *nasbírám*, *posnídám* proti slovesům »pseudo-simples« *sbírám* (?), *snídám*. Iterativa typu *nositi* (§ 136) jsou perfectibilia; imperfektivní platnost slovesa *dovoditi* vysvětluje M. tím, že je to denominativní odvozenina ze subst. *důvod*. Iterativa typu *házeti* (§ 142), vyskytující se nejčastěji v komposici, jsou normálně imperfectibilia; ta, která se vyskytují i v tvaru nesloženém, jsou zase do jisté míry autonomní v tom smyslu, že se v komposici stávají perfektivy (*házím — naházím*), vyjímajíc jen slovesa *klaněti se, míjeti* a *vraceti*, která mají složeniny toliko imperfektivní (složené *převracím*, které prý se cítí jako simplex, může se ovšem perfektivovati další předponou, na př. *zpřevracím*).

Tento jistě složitý výklad Mazonův o perfektivním nebo imperfektivním vidu sloves složených s iterativními (pův.) slovesy typů *nositi*, *padati*, *házeti*, *kupovati* lze formulovati mnohem prostěji, a to podle toho, v kterých případech podle dnešního citu jazykového vidíme a cítíme skutečnou složeninu a v kterých nikoli. Je zajisté zřetelný rozdíl vidový mezi slovesem *rozmetati* perf. a *zametati* impf., ač jsou obě slovesa zevním tvarem složeniny téhož iterativa *metati*. Jak vyložiti tento dvojí různý efekt téhož na pohled způsobu složení? V slovese *rozmetám* cítíme dnes zřetelně složeninu předpony *roz-* se slovesem *metám* (tak jako v *roznesu* proti *nesu* a p.); proto je *rozmetám* perfektivum. V slovese *zametám* však necítíme složeninu; sloveso *zametám* není sdruženo významově s prostým iterativem *metám* v tom poměru jako *roz-metám* (vyjadřující svou předponou resultát metání), nýbrž se slovesem *zametu*, k němuž se druží v témž poměru jako *padám* k *padnu*. Tu tedy nejde v našem povědomí jazykovém o komposici, nýbrž o imperfektivní tvar k perfektivu *zametu*, které je v tomto případě pro jazykový cit slovesem právě tak jednotným a prostým jako *padnu* proti *padám*; proto je *zametám* imperfektivum. O tomto dvojím různém pojetí, jímž se řídí dvojí různý vid na pohled stejně složených komposit sloves iterativních, lze se přesvědčovati v jazyce přes tu chvíli; na př. *zjímati* je perf., protože = *z* + *jímati* (jímati až do zjímání), ale *přijímati, najímati* jsou imperf., protože patří významem k *přijmouti, najmouti*; *vyházeti* je perf. (z *vy* + *házeti*), ale *přiházeti se* imperf. (k *přihoditi se*); *posedati* perf. (z *po* + *sedati*), ale *usedati, přesedati* a j. imperf. (k *usednu*, *přesednu* atd.); *zmáčeti* perf. (ze *z* + *máčeti*), ale *namáčeti* imperf. (k *namočiti*); to platí i o složeninách s nestejným základem iterativním, na př. *vychoditi* školu je perf. (z *vy* + *choditi*, choditi do vychození), *vycházeti* imperf. (k *vyjíti*); *nanositi* perf. (z *na* + *nositi*), *nanášeti* barvu imperf. (k *nanésti*); *rozjezditi* perf. (z *roz* + *jezditi*), *rozjížděti se* imperf. (k *rozjeti se*) atd. Možno tedy zásadu o perfektivním nebo imperfektivním vidu komposit tvaru iterativního (*rozmetati, vycházeti*) vyjádřiti obecně takto: všecka komposita, v nichž cítíme složení prostého iterativa s předponou, jsou perfektiva; všechna komposita, v nichž necí-

tíme složení, nýbrž pouhé imperfektivum k složenému perfektivu (pojatému jako simplex), jsou imperfektiva.[1])

S toho stanoviska lze pak vyložiti a korigovati všecky výminky a odchylky od zásady Mazonovy uvedené výše. Pro stručnost budu říkati prvému druhu komposit *(rozmetám)* komposita pravá, druhému *(zametám)* nepravá. Komposita, jejichž základem je simplex typu *kupovati*, jsou vesměs komposita nepravá (*dovolovati* k *dovoliti*, *otiskovati* k *otisknouti* atd.), a proto imperfektiva. To platí i o jediném simplex této skupiny, *kupovati*, které se vyskytuje zpravidla jen v složeninách nepravých (*dokupovati* je impf. k *dokoupiti* atd.). Z téhož důvodu, ale naopak, jsou všechna komposita se slovesy typu *nositi* perfektiva, protože ve všech cítíme složeniny pravé (*nosím* = *vy* + *nosím* atd.). Nepravé složeniny, pokud se v této skupině vyskytují, jsou však imperfektiva: to je na př. *dovoditi*, které nemusí býti, jak soudí M., impf. proto, že je to denominativum (bylo by asi *dóvoditi*), nýbrž proto, že se v něm cítilo impf. k *dovésti* (= dokázati); a pod. *přivoditi* je impf. k *přivésti*, *uvoditi* k *uvésti*, *pochoditi* k *pojíti*[2]). Nejpatrněji se jeví rozdíl mezi pravými a nepravými komposity, jak postřehl i M., u složenin se slovesy typu *padati*, *házeti*: *načítám si* — abych uvedl jen příklady Mazonovy — *odříkám* (úlohu), *vypadám* (vlasy mi vypadají), *posedáme si*, *naházím*, *posázím*, *nastřílím*, *poválím*, *navěším*, *převláčím* jsou složeniny pravé (čítám si, až si načítám; říkám úlohu, až ji odříkám; vlasy padají, až vypadají; sedáme, až všichni posedáme atd.), a proto perfektiva; *sečítám*, *vyčítám*, *zaříkám se*, *odříkám se*, *dopadám*, *přihází̇m se*, *nabízím* atd. jsou složeniny nepravé, sdružené významem ne s prostými slovesy *čítám*, *říkám* atd. (*sečítám* není »čítám tak dlouho, až sečítám« atd.), nýbrž s perfektivy *sečtu* (sečítám tak dlouho, až sečtu), *vyčtu*, *zařeknu se*, *odřeknu se*, *dopadnu*, *přihodím se*, *nabídnu* atd., a jsou proto imperfektiva. Z prostých iterativ *létati*, *sekati*, *mizeti*, *stavěti* nebývají proti zásadě o imperfektibilitě iterativ, jak M. sám podotýká, nikdy složeniny imperfektivní (kromě *létati*, o němž dále), protože se tato iterativa vyskytují jen ve složeninách, v nichž možno cítiti složeniny pravé (sekám, až rozsekám, nasekám atd.).

---

[1]) Tato statická zásada, která naprosto ovšem není genetickým výkladem, je konstantní, ale způsob pojetí může býti arci v různých dobách, na různých místech a při různých významech různý. Na př. stč. *vynositi* (soud) je impf., protože je sdruženo s *vynésti*; nč. *vynositi* je perf., protože se v něm cítí složenina s *nositi*; spis. *vychoditi* (školu) je perf., mor. *vychoditi* (z lesa) je imperf. k *vyjíti* (o tom u Trávníčka § 206 n. a j.). Nám zde jde ovšem o poměry v nč. jazyce spisovném. I Mazon si byl vědom toho rozdílu u komposit typu *načítám si* proti kompositům tvaru *vyčítám*, ale viděl v tom jen odchylku omezenou na určité případy, nikoli pravidlo.

[2]) Protože slovesa *dovésti* a *přivésti* s významem ‚dokázati' a ‚způsobiti' v nč. vymizela a tím se spojitost párů *dovésti* — *dovoditi*, *přivésti* — *přivoditi* rozrušila, nastává v nč. citu pro vid těchto sloves nejistota. Na př.: jakož figura dovodí (= wie Figura zeigt Marek, Velde, Div. z och. 17) — impf.; ale: v pojednání prvním dovodiv Schiller, že..., praví posléze (Palacký v Kroku 1823, 60); již pak na všechen pád (staří) dovodili, že jiné jest vzduch horní atd. (Čelak., O městě b. 1, 196) — perf. O kolísavosti nč. *přivoditi* v. NŘ. 2 (1918), 211. *Pochoditi* je v nč. impf. ve významu ‚herkommen' (z toho pojde nemoc — z toho pochodí nemoc); perf. ve významu ‚ankommen' (špatně pochodíš).

Proti Mazonově zásadě, že iterativa zůstávají imperfektivy i v komposici, možno tedy konstatovati, že každé prosté iterativum je v češtině schopno perfektivisace, ať skutečně, či aspoň virtuelně, v našem citu jazykovém.[1]) Vyskytují-li se na př. iterativa *kupovati, vídati, kráčeti, klaněti se, míjeti, vraceti, bývati* v dnešním jazyce zpravidla jen v složeninách imperfektivních, neplyne z toho, že by aspoň tato iterativa byla imperfectibilia, neboť i u těchto iterativ je v našem citu jazykovém dána možnost utvořiti z nich podle potřeby komposita pravá, t. j. perfektivní (na př. ten už brzo dokupuje = přestane kupovat; s ním se ještě navídáte!, tam se ještě nabýváte!, to byste se navracel!, on by se uklaněl atd.). Podle mého citu není iterativa, které by se některou z předpon *do-*, *na-*, *u-* nedalo perfektivisovati. Je-li možno v této věci mluviti o autonomii některých imperfektiv, mohla by se vztahovati leda na některá frekventativa, ač se frekventativa v pravých komposicích vyskytují dost zřídka (těm se nadávám!), protože tu jazyk přestává obyčejně na tvaru bez *-va-* (dělával, dělával, ... ale už je o žněch dvě léta, co dodělal, Němc., Bab. 55).

Táž zásada, která tu byla vyslovena pro perfektibilitu prostých iterativ platí i o perfektivování složených imperfektiv předponou další. I tu by M. na správné cestě k této zásadě, ač ji ani tu nedopověděl, protože v případech, které ho k ní vedly, viděl zase jen individuální odchylky od zásady své. M. konstatoval (§ 132), jak bylo už výše pověděno, autonomi jistých komposit iterativních *(vdávám, snídám, sbírám)*, která se přidá ním další předpony stávají perfektivními *(po-vdávám, po-snídám, na-sbírám)*, protože se cítí jako slovesa nesložená, prostá (pseudo-simples). Ale neběží tu zase o autonomii, o výminku, nýbrž o pravidlo obecné. Imperfektiva s jednou předponou jsou pro dnešní cit jazykový, pokud jde o skládání s další předponou, prostě imperfektiva jako všechna jiná, tedy i prostá. Proto cítíme-li v nové složenině (s předponou další) resultát skládání, neboli t. zv. složeninu pravou, je výsledkem vždycky, nejen v citovaných případech Mazonových, perfektivum. To je zde případ nejčastější a normální (srov. Trávníček, Studie § 152 a d.). Na př. mezi *sbírati* a *po* + *sbírati* je týž poměr jako mezi *bráti* a *po* + *brat* (n. *káceti* a *po* + *káceti*), a proto je *posbírati* perfektivum; a týž poměr a týž důsledek je i v *povídati* : *roz* + *povídati* *(se)*, *zavírati* : *po* + *zavírati*, *ohýbati* : *z* + *ohýbati*, *dováděti* : *vy* + *dováděti se*, *překládat* (traduire) : *roz* + *překládati*, *utírati* : *do* + *utírati* atd.[2]) Proti těmt

[1]) Protože tento cit pro perfektibilitu iterativ je pevně zakořeněn v našem jazykovém vědomí, vyskytují se nepravá (imperfektivní) komposita z iterativ nejčastěji tam, kde se význam perfektivní složeniny odchýlil od významu iterativ prostého (na př. k *odpustiti hříchy* je kompos. *odpouštěti hříchy*, které odoláv možnosti pojetí perfektivního, protože výrazu »pouštěti hříchy« není), anebo kde pravé kompositum není možno cítiti proto, že se iterativního simplex vůbec neužívá *(přinášeti)*. Proto s komposity nepravými bývá spojen obyčejně význam posunutý (až sníh napadá — co tě to napadá). V složeninách, kde je možno poje oboje, t. j. za složeninu pravou i nepravou (na př. *rozsekám* může býti *roz* + *sekám* ale může se spojovati i s *rozseknu*), dává jazyk přednost pojetí za složeninu pravou; proto *rozsekám*, *vyházím*, *vynosím*, *vychodím* atd. jsou perfektiva.

[2]) Při tomto způsobu perfektivisace skládáním jde vesměs arci o imperfektivní komposita se základem iterativním, neboli t. zv. komposita neprav

perfektivům s dvojí předponou stojí zase dvoupříponová imperfektiva, v nichž však necítíme složení imperfektivního komposita s další předponou, nýbrž prostě zase jen imperfektiva družící se k perfektivům se dvěma předponami již složeným. Je-li tedy *odpovídati* imperfektivum proti perf. *rozpovídati se*, je jím proto, že v něm necítíme složeninu z předpony *od* + impf. *povídati* (jako na př. v *od* + *přednášeti*, *od* + *poslouchati* a p.), nýbrž imperfektivum k perfektivu *odpověděti*. Jde tu tedy zase podle naší terminologie o složeninu nepravou. A právě tak je *uzavírati* (smlouvu) impf. k *uzavříti*, *doporoučeti* k *doporučiti*, *pronajímati* k *pronajmouti*, *poukazovati* k *poukázati*, *napomínati* k *napomenouti*, *rozprostírati* k *rozprostříti*, *napovídati* (souffler) k *napověděti*, *vynakládati* k *vynaložiti*, *poposedati* k *poposednouti* atd. Pravá a nepravá komposita téhož tvaru (s významem arci zase odlišným) mohou se jako u iterativ (sníh napadá — co tě napadá) vyskytovati i zde; na př. *napovídati* (ten toho napovídá perf., žák napovídá impf.), *zapovídati* (zapovídal se perf., zákon zapovídá impf.), *uzavírati* (uzavírám smlouvu impf., města polední uzavírána budou Jer. 13, 19, nč. pozavírána, perf.) atd. Má-li býti takovéto nepravé dvoupříponové kompositum perfektivováno, je k tomu třeba ovšem zase předpony další (*vynakládám* impf. — na toho se ještě *na* + *vynakládáte* perf., *pronajímám* impf. — všecko *rozpronajímám* perf. atd.).

Zásady, které dominují po této stránce v českém slovese, bylo by tedy možno formulovati takto: 1. každé perfektivum základní, ať prosté *(bodnu)* či složením vzniklé *(vynesu)* je imperfektibilní, t. j. ke každému takovému slovesu disponuje jazyk souznačným slovesem, které je k němu v poměru imperfektiva k perfektivu *(bodám, vynáším)*; 2. každé imperfektivum je podle potřeby komponováním perfektibilní *(rozbodám, povynáším)*, při čemž za kompositum pokládáme takový útvar, jehož význam resultuje podle našeho jazykového cítění ze složení předpony se slovesem (t. j. *vy* + *nosím*, nikoli *vynáším*).

Třídění sloves na déterminés a indéterminés, jehož užil M. už dříve v své studii o vidu slovesa ruského, je na poměry českého slovesa aplikováno, co vím, v mluvnici Mazonově po prvé. Důvod tohoto třídění leží ve známém faktu, že starší (semasiologické) dělení na durativa a iterativa pozbylo rozšířením významu původních iterativ v značné míře svého opodstatnění a opíralo se už jen o znaky čistě morfologické. Proto bylo jednak nahrazeno formálním tříděním na perfectibilia (neboli durativa, v novém slova smyslu) a imperfectibilia (neboli iterativa), o němž byla řeč výše, jednak doplněno pro určité případy novým semasiologickým dělením na déterminés a indéterminés. Indéterminés jsou Mazonovi ta

typu *vynášeti*, protože ze základu durativního jsou složeniny už samy sebou perfektivní *(vynesu)*. Imperfektivní komposita z durativ typu *záviděti* (Trávníček, Studie § 135) s další předponou se zpravidla neskládají, což ovšem nevylučuje jejich perfektibilitu (ti se mu nazáviděli!); imperfektivem i s další předponou zůstává jen sloveso *přináležeti* (dolož. až ze 16. stol.) vedle *náležeti* (bez patrného rozdílu významového) nejspíše vlivem něm. gehören — zugehören. O tom, že sloveso *náležeti* po významové stránce bylo vydáno vlivu něm., viz čl. Zubatého v NŘ. 1 (1917), 129 a d.

bývalá iterativa, která v poměru k jiným slovesům značícím jeden konkretní děj, místně a časově určitý, determinovaný (na př. *jdu*, *hodím*) vyjadřují děj buď opakovaný (*chodím* po pokoji, *házím* kamením) anebo obecně platný, časově ani místně nedeterminovaný (*chodím* do školy = jsem školák, ten kůň *hází* = má tu stálou vlastnost, že vyhazuje). Týž poměr, který je mezi *jdu* (déterm.) a *chodím* (indétérm.), je i mezi perfektivy *vyjdu* (perfectif déterm.) a *vychodím* (perfectif indéterm.). Za indéterminés pokládá M. v soustavě českých sloves všechna bývalá iterativa (prostá i složená), t. j. slovesa typu *nosím* (proti déterm. *nesu*), slovesa typu *házím, válím* (proti déterm. *hodím*, *valím*) a slovesa typu *bodám*, pokud jim jako příslušná déterminés odpovídají imperfektiva, na př. *čítám* (ke *čtu*), *jídám* (k *jím*) a p., kdežto bývalá iterativa téhož typu slušející k slovesům perfektivním, na př. *bodám* (k *bodnu*), *sekám* (k *seknu*) a p., pokládá za obyčejná imperfektiva (imperfectifs ordinaires); bývalá iterativa typu *kupovati, odhazovati* označuje podle perfektibility prostě za itératifs (= imperfectibles). Ale tento způsob, jímž M. aplikuje kategorie déterminés — indéterminés na sloveso české, zanechává ve čtenáři některé pochybnosti nebo aspoň nejasnosti. Především není dost jasno, proč M. rozšířiv tyto kategorie i na slovesa nepohybová (srov. jeho Morphol. des aspectes du verbe russe p. 6 ss.), na př. *jídám, čítám, nabízím* a p. vyloučil z kategorie sloves nedeterminovaných slovesa typu *kupovati* když se jejich význam původně čistě iterativní rozšířil o význam děje obecně platného (action générale) právě tak jako u sloves typu *nosit* nebo *házeti* (na př. antikvář *kupuje* staré knihy, ten kůň *vyhazuje*, t. j. má tu vlastnost) a když tedy mezi *koupiti* — *kupovati* je v češtině týž významový poměr jako mezi *hoditi* — *házeti*, který M. charakterisuje (§ 143) jako poměr déterminé: indéterminé (*hoditi* = jeter à un moment donné d'un geste unique, *házeti* = jeter à plusieurs reprises ou d'un geste prolongé). A dále: i poměr mezi slovesy typu *bodám*, která figurují u M. jen jako imperfectifs simples (t. j. bez určitějšího významového zabarvení), a slovesy typu *bodnu* je podle mého soudu v podstatě týž jako mezi *házím* (indéterm.) a *hodím* (déterm.), neboť i slovesa typu *bodám* mohou znamenati nejen děj opětovaný, nýbrž i habituelní, časově nedeterminovaný, na př.: bodlák *píchá* (t. j. má tu stálou vlastnost); kam pěnkava nosem *sedá*?; pravda v oči *bodá* (= kůle) atd. Rozhodovala-li při vyloučení sloves tohoto typu z kategorie indéterminés okolnost, že mohou znamenati často nejen une action multiple et générale, nýbrž i une action unique (na př. list *padá* se stromu, *dotýkám* se stolu atd.), bylo by možno vyloučiti z této kategorie z téhož důvodu i některá slovesa typu *házeti*, která mohou znamenati také děj jeden časově nebo směrově určitý, na př. *kácím se* (= padám), *vracím* (ti knihu), *obracím* (list), *míjím* (nádraží), *stavím* (sklenici na stůl) atd. (srov. Trávníček Studie § 32). Poměr déterminés : indéterminés, který se jeví u prostých sloves *nesu* — *nosím*, není možno s M. prostě přenášeti na jejich perfektivovaná komposita v tom smyslu, že by mezi *vynesu* a *vynosím* byl poměr perfectif déterminé : perfectif indéterminé, jednak proto, že tyto složky bývají významem různé, na př. *dojeti* (na místo) nelze srovnávati s *dojezditi, zajeti* se *zajezditi, pojíti* s *pochoditi, donésti* s *donositi*

přivésti s *přivoditi* atd. (mezi *dohnati* a *dohoniti* naopak není vůbec rozdílu), jednak proto, že i při významové shodě zůstává význam složeniny iterativní (*vynosím*) čistě opětovací; říkáme na př.: »listonoš roznesl psaní« a (s významem distributivním) »listonoš roznosil psaní«, ale podle vzoru »listonoš nosí psaní« (t. j. je to jeho habituelní vlastnost) nemůžeme říci »listonoš roznosí psaní«, nýbrž *roznáší* (srov. Trávníček, Studie § 262). A konečně: Jako některá indéterminés (*padám, vracím*) mohou znamenati i une action unique, tak zase některá déterminés mohou znamenati také une action générale. Nemám na mysli imperfektiva, která nelze srovnávati po stránce vidové s jinými imperfektivy leda frekventativními (*volati — volávati*), nýbrž vlastní doménu kategorií déterminés — indéterminés, t. j. pohybová slovesa typu *nesu — nosím.* Ve větách *nesu knihu, jdu domů* atd. vyjadřují tato slovesa najisto děj determinovaný (proti *nosím vodu* atd.), ale naprosto je nelze pokládati za výraz determinovaného děje ve větách: *slepice nese vejce* (= snáší), *statek málo nese* (= vynáší), *ty hodiny nejdou* (vůbec, jsou pokaženy), *jak se vám vede v obchodě?* (= jak to chodí?, v. Trávníček, Studie § 35), *pivo žene na krev, hrách mu nejede*, a pod., *čtu už jen na brejle* (= čítám), *pod večer špatně vidím* a p., neboť tu všude jde o vyjádření děje opětovaného anebo, zpravidla, děje obecně platného, o výraz habituelní vlastnosti nebo schopnosti. Mohlo by se ovšem namítnouti, že se případy jako *slepice nese vejce* vymykají třídění na déterminés — indéterminés, protože tu většinou schází druhý souznačný člen do páru, který je v *nesu* (vodu), *nosím* (vodu), ale M. sám neklade na tuto okolnost váhu, neboť i v typickém příkladě, který uvádí na objasnění pojmu verbe indéterminé, *nosím šaty* (= bývám oblečen) schází příslušný člen determinovaný téhož významu (*nesu šaty* neznamená ,jsem oblečen').

Z toho, myslím, lze vyvozovati, že hranice mezi kategoriemi déterminés a indéterminés jsou v češtině velmi flottantní, že třídění podle tohoto hlediska, když by se už na českou soustavu slovesnou aplikovalo, nemohlo by se díti podle starých kategorií morfologických (iterativních), nýbrž od slovesa k slovesu a někdy i od významu k významu a že by se týkalo mnohem menšího počtu sloves, než jich do něho zahrnul Mazon.

K těmto obecným výkladům přidávám ještě několik drobnějších poznámek a pozorování vidové stránky českého slovesa se týkajících anebo s ní souvisících. O infinitivu a imperativu poznamenává M. (§ 102), že vyjadřují pouhý vid bez jakékoli platnosti časové; ale v imperativě (zvláště u sloves perfektivních) proniká přece jen zřetelně platnost futurální (Paul, Princ.[5], 274) a obě formy, imperativ a futurum, střídají se velmi často v téže platnosti. Za perfektiva mezi slovesy I. třídy pokládá M. (§ 109) jen dvě slovesa, *tnu* a *budu*; ale perfektivní vid má dnes také *říci* (ve všech tvarech mimo ustrnulé *řku*) a *jmouti se* (Trávníček, Studie § 158 n.). Slovesa typu *padnouti* jsou podle vidu (M. § 119) valnou většinou perfektiva, jen velmi malý počet jich, významu inchoativního, jsou imperfektiva; toto roztřídění mohlo býti přesněji formulováno v ten smysl, že všechna denominativa jsou imperfektiva, deverbativa pak, která jsou v živém povědomí sdružena významově s imperfektivy jiných tříd (*padnouti — padati*), skoro vesměs perfektiva

ostatní (*lesknouti se, mrznouti, vládnouti* a p.) imperfektiva. Denominativa typu *panovati* jsou v komposici všecka perfektiva; imperfektivní platnost se však zachovala podle výkladu Mazonova (§ 128) u sloves *přenocovati, následovati, pronásledovati.* Ale sloveso *přenocovati* bylo dříve perfektivum (nocleh míti bude, přenocuje, pobude Kral. Žal. 30, 6. výklad k slovu *potrvá*; ještě Jungm. je označuje za dokonavé): teprve v nové době, kdy *nocovati* zaniká, vzalo se *přenocovati* snad vlivem něm. übernachten za sloveso s videm imperfektivním. *Následovati* (vedle zaniklého impf. *následiti*) není třeba pokládati za kompositum, nýbrž spíše za denominativum utvořené z výrazu *na slědъ* (jako *ponocovati* z *po noci, opětovati* z *o-pętь* a p.); *pronásledovati* je pak slovo novější (v stč. ho není) a vzniklo asi vlivem cizím (*persequi*, v. Zubatý v NŘ. 3, 205). O slovese *sedám* píše M. (§ 132), že se vyskytuje jen v složeninách imperfektivních; ale jako »pravé« kompositum bývá perfektivního vidu, na př. *všichni posedali* (Trávníček, Studie § 282, 294). *tam se nasedáte!* Názvu »kausativa« užívá M. (§ 136) ve smyslu širším, než bývá zvykem v mluvnicích (na př. Brugmann, Kurze vgl. Gram. 536); za kausativa pokládá na př. i slovesa *chybiti* (= chybu učiniti), *skočiti* (= skok učiniti), *sytiti* (= sytým činiti) a p. — skutečná kausativa ve smyslu běžném jsou ze všech jeho příkladů jen *vařiti* (ke *vříti*) a *vrátiti* (k *vrtěti*). Počet perfektivních kausativ (ve smyslu svém) stanoví určitým číslem 14; ale proti výčtu Trávníčkovu (Studie § 177) scházejí perfektiva *lapiti* (= udělati »lap«), *mrštiti, raniti, stanoviti* (u Jungm. však ndk., srv. i: stanoviti bude Palacký v ČČM. 1835, 460), *staviti se, tasiti* (u Jungm. ndk.) a *trefiti*: *krojiti*. jež uvádí M. také mezi oněmi 14 perfektivy, vyskytuje se jako simplex v nč. zřídka (a to podle Jungm. 2, 198 jako ndk.), nč. pak *stoupiti* perf. (stoupil do pekel) je vlastně *sstoupiti.* Sloveso *kouzliti* se podle M. (§ 136) vyskytuje jen jako složené, *okouzliti*; ale i *kouzliti* je dost časté (sen kouzlí starci milé podoby Neruda, Knihy v. 47 a j.; Čech, Básně 152; Vrchlický, Z hlubin 18 atd.) — oboje ovšem, *okouzliti* i *kouzliti,* jen knižně. Mezi imperfektivy typu *trpěti* upozorňuje M. (§ 138) na sloveso *letěti,* v němž prý možno najíti stopy platnosti perfektivní; to platí pro stč., ale v nč. je *letěti* zcela určitě imperfektivum (Trávníček, Studie § 165). Některá slovesa tohoto typu jsou prý (§ 139) tak eminentně imperfektivní (en raison d'état prolongé qu'ils expriment), že některá z jejich komposit, jako *náležeti, záležeti, záviděti, záviseti, pomníti,* zůstávají imperfektivy i v komposici. Ale příčina netkví asi ve zvláštním dějovém charakteru těchto sloves prostých (jsouť i stejně ustrojená komposita platnosti perfektivní, na př. vedle *záležěti* je i perf. *zaležěti*: zasedí a zaleží Chelč., Post. 113a; vedle *přídržěti* i perf. *přidržěti* Alx V. 2320, vedle *nástáti* i perf. *nastáti*: nastojiu a uzřiu ŽKlem. 5, 5; vedle *nádržěti* i perf. *nadržěti*: od plakánie nemohl sě jest nadržeti Jeron. Mus. 23^b atd.), nýbrž spíše ve významovém osamostatnění těchto komposit od významu sloves prostých (na rozdíl od složenin perfektivních), vyplynulém z potřeby vyjadřovati ve styku s pokročilejšími kulturami, zvl. řecko-latinskou, trvalé abstraktní stavy, které byly v jazycích cizích vyjadřovány namnoze také slovesy složenými (*ἐπικεῖσθαι*, instare, invi-

dere a p.), při čemž mohla napomáhati i analogie s dvojicemi jako *rušiti — rúšěti, minouti — mijěti* a p. (odtud i zdloužení v předponě a sklon k novotvarům podle *sázěti*, srov. Zubatý v Sbor. fil. 3, 229, Trávníček, Studie § 137). Podle hotových typů tímto způsobem vzniklých, na př. perf. *naležěti*: impf. *náležěti* (= ἐπικεῖσθαι, instare), tvořila se pak imperfektiva nová a nová (*nástáti, přídržěti, přístáti* atd.). U slovesa *pomníti* je asi příčina jiná (snad ve zvláštní vidové platnosti předpony *po-*), ale najisto zase ne ta, kterou míní M., neboť *domnieti* zase je perf.[1])

Perfektiva vzniklá složením s předponou plnou (plnovýznamnou), praví M. (§ 146), mají vždycky vedle sebe stejně složené imperfektivum téhož významu, na př. *připíše* a *připisuje;* perfektiva vzniklá složením s předponou prázdnou (t. j. čistě vidovou) mají k sobě jakožto souznačné imperfektivum jen sloveso prosté, na př. *napíšu* : *píšu,* — stejně složených komposit téhož významu, ale vidu imperfektivního, k nim prý není. To platí sice o složeném *napsati* a jiných slovesech, ale o mnohých jiných to neplatí, na př. *způsobiti — působiti — způsobovati, pocítiti — cítiti — pociťovati, podiviti se — diviti se — podivovati se, umříti — mříti — umírati* atd. (srov. Trávníček, Studie § 265 n.). Významovou platnost některých předpon slovesných nevykládá M. podle mého soudu dost přesně. Tak předpona *na-* znamená podle M. (§ 147) abondance et satiété v složeninách *nalovím* »je prendrai en grande quantité«, *napije se* »il boira jusqu'à étancher sa soif« (a tak i ve všech reflexivních složeninách toho typu: *najísti se* »manger son saoûl«, *nasytiti se* »se rassassier» atd.); ale předpona *na-* v složeninách jako *naloviti, natrhati, nachytati* znamená toliko jisté kvantum (proto bývá u nich partitivní genitiv, natrhati *švestek),* v složeninách pak jako *napíti se, najísti se, nasytiti se* a j. znamená prostou perfektivitu sloves *píti* (napij se!), *jísti, sytiti se* tak jako v *naroditi se, naučiti se* a j. (srov. Trávníček, Studie § 126). Naopak, mnohem zřetelněji se jeví u některých složenin s předponou *na-* význam m a l é h o kvanta, načetí a nedokončení, jako u *naříznouti, namrznouti, nalomiti* (význam založený patrně ve významu lokálním: *naříznouti* = říznouti na povrchu jako *namazati* a p.). Předpona *o-* (kterou M. odděluje neprávem a zbytečně od předp. *ob-*) nemá v *o-slyším* význam pejorativní (doslovně prý »j'entendrai mal« = action mal faite), nýbrž negativní = ,nevyslyším' (o významovém vývoji těchto složenin Zubatý v Sbor. fil. 5, 17); v *oženiti, oživiti, oznámiti* má předpona *o-* dnes význam jen čistě vidový. V *obelhal, obstarám* necítíme dnes význam úplnosti jako M. (= il a si complètement menti, qu'il a réussi à tromper; je prendrai entièrement le soin de . .), nýbrž pro nás jde tu prostě o předpony, které vedle perfektivisace mají jen úkol přeměňovati intransitivní slovesa *lháti komu, starati se oč* v transitiva *obelhati koho, obstarati co* (jako *oplakati, oželeti,* stč. *oblúditi* a j.). Ani v *obnositi* (které znamená podle M. porter jusqu'à usure, aussi complètement que possible) a *obehráti* (= user par le jeu) nemá *ob-* význam úplného vy-

---

[1]) Sloveso *pomnieti* se mohlo cítiti také jako simplex, jednak proto, že jeho významová souvislost s *mnieti* = putare byla dost nejasná (jako v podobných případech jiných, na př. *zdáti se, doufati* a p., Trávníček, Studie § 130), jednak vlivem svého opposita *zapomnéti.*

čerpání; *obnošené šaty* jsou šaty, které už byly nošeny (ne zedrané n. umýcené), *obehrané karty*, kterými se už hrálo (třeba zánovní). Několik málo sloves, *báti se, hapati* (v dětské řeči), *tykati* a *vykati*, vymykají prý se (§ 149) složení a existují jen jako slovesa prostá; nemám sice dokladu nč. pro jejich komposita, ale z toho neplyne, že by byla, pokud jsou běžná a pokud je jejich komposit třeba, komposice neschopná: složeniny *báti se* byly v stč. zcela normální (Trávníček uvádí *ubáti sě, vzbáti sě, pobáti sě*) a není, proč by se nemohly podle potřeby tvořiti i dnes (toho jsme se něco nabáli!, v. i Kott 6, 1062); to platí i o *tykati, vykati* (tykali si, ale už si dotykali a p.). Nezvykle je užito (§ 152) slovesa *odebírati* v příkladě présentu historického: »vidím ho jako dnes: časně vstává, čile se obléká a *odebírá se* do kanceláře« (jde tu ovšem spíše o děj relativně přítomný k *vidím* než o présens historický); k slovesu *odebrati se* je v nč. imperfektivum *ubírati se*, nikoli *odebírati se* (právě tak jako není perfektiva *ubrati se*). Za nedosti vhodný příklad t. zv. imperfektiva autorského (v uvozovacích větách) pokládám větu »říkal jsem to včera..., a *odpovídal jsi* mi na to...« (§ 155); Čech by v tomto případě neřekl jinak než »a ty jsi mi na to *odpověděl*«. Také v tom bych nedával za pravdu autorovi (§ 156), že imperfektivní imperativ *piš* je konkretnější a tím i naléhavější než perfektivní *napiš;* naopak. řeknu-li někomu (na př. při rozchodu) *piš mi*, je to rozkaz mnohem méně konkretní a méně naléhavý než *napiš mi*, které se vztahuje zpravidla na konkretní případ (až se o tom něco dovíš, napiš mi), a proto je také naléhavější, neboť stanoví termín.

Tím jsou vyčerpány poznámky, které se mi nashromáždily při čtení mluvnice Mazonovy. Tomu, kdo by se informoval o knize Mazonově jen z tohoto referátu, mohly by se zdáti snad příliš hojné na knihu celkem nevelikou, reprodukující většinou poznatky známé, a místy snad příliš minuciosní na příruční učebnici, jakou chce býti a je mluvnice Mazonova. Ale kniha Mazonova nejen snese, nýbrž i zaslouží takový referát. Jeho rozsah odpovídá bohatství a hutnosti jejího obsahu, jeho podrobnost je ve shodě se snahou autorovou studovati nejen kostru a muskulaturu jazyka, nýbrž i celou tu spletitou a vibrující síť žilek a nervů, která z něho činí živý a jemný organismus. Z poznámek, jimiž reaguje tento referát na výklady autorovy, je právě nejlépe vidět, jakou hojnost pozorování dovedl spisovatel vtěsnati bez nejmenší újmy jasnosti, přehlednosti a elegance formy v neveliký rozsah své knihy, jakých jemností se v ní často dotýká, jaké nové průhledy otvírá do struktury jazyka, co nových podnětů, popudů a zárodků dalšího badání chovají v sobě jeho výklady. Všechno toto bohatství je tím hodnější úcty, že tento popis českého jazyka je dílem cizího učence, třeba slavisty, jehož jméno má dnes už svou resonanci, a že mnohá z jeho detailních pozorování jsou výsledkem jeho vlastního a přímého studia řeči, která právě v posledních fasích svého vývoje je relativně nejméně probadána. Byl-li kde v referátě vysloven nesouhlas s výsledkem jeho pozorování, je třeba ve mnohých případech i to míti na paměti, že spisovatel neváhal sestupovati v svých výkladech často i ke zjevům, kde jistota opouští leckdy i linguistu domácího anebo kde jí snad není ani v jazyce samém. Ale

právě v této snaze, i když vždycky nevedla a nemohla vésti k cíli, je cena a zajímavost mluvnice Mazonovy i pro linguistiku českou.

Praha. *V. Ertl.*

F. Trávníček: **Příspěvky k nauce o českém přízvuku.** (Spisy filosofické fakulty Masarykovy university v Brně, č. 7.) V Brně 1924. Str. 52. Za 8 Kč.

Mimogramatické jevy, totiž zvukové rozdíly, s nimiž se nemůže spojovati rozlišování významů, zpravidla upoutávají nejméně pozornost nositelů jazykového povědomí. Tak český slovní přízvuk byl popisován až do nedávna takřka mimochodem, zůstával na periferii českého jazykozpytu konce 19. a začátku 20. st. Značná část pozorování a úvah o českém přízvuku padá na vrub cizinců (Brandt, Gauthiot a Vendryes, Pedersen, Broch, Ekblom a j.). Teprve v posledních letech vznikají v české vědě speciální monografické studie o českém přízvuku. Po zajímavém článku prof. Frinty »Přemístění českého přízvuku« (Prace lingwistyczne ofiarowane Baudouinowi de Courtenay, Krakov 1921), jehož jsem měl již příležitost vícekráte se dotknouti ve své knize »О чешском стихе« (Berlín 1923, v komisi knihkupectví »Čin«), vyšly ve Spisech filosofické fakulty Masarykovy university v Brně obsažné »Příspěvky k nauce o českém přízvuku« prof. Fr. Trávníčka.

Z problémů současného českého přízvuku byly probírány v starší české vědecké literatuře téměř výhradně otázky rozvrhu vedlejších přízvuků v slovech a těsných slovních skupinách (Vorovka, Gebauer, Vaňorný, Král a j.). Této tradici zůstává věren i Trávníček. Ona část jeho práce, která se obírá současným českým přízvukem, pojednává výhradně o místě vedlejšího přízvuku v několikaslabičných slovních celcích a o rozvrhu přízvuků v těsných slovních skupinách. Hlavní hodnota Trávníčkova díla záleží v tom, že prohloubil a zaostřil tyto otázky a dal na ně důkladnější a systematičtější odpověď než jeho předchůdci.

První paragraf Trávníčkovy studie jedná o místě vedlejšího přízvuku v pětislabičných slovech. Podle mínění autorova je tento přízvuk v pětislabičných slovech (mimo složeniny) n o r m á l n ě na třetí (resp. páté) slabice, podle Krále na čtvrté. Jinými slovy, Trávníček kanonisuje důsledně zpomalený typ české řeči, klonící se k trochaickému rozvrhu výdechu. Tento typ jsem precisoval na str. 85 zmíněné své práce. Král uznává onen rozvrh přízvuků za normální ve slovech čtyřslabičných a šestislabičných, který tato mají v pomalejším pronášení (ʹo o, o o, ʹo o, o o, o o), uchyluje se však vzhledem k pětislabičným slovům, při nichž má za normu typ allegrový (ʹo o o, o o). Čím lze vysvětliti tuto zdánlivou nedůslednost? Rozvrh vedlejších přízvuků nemá valného významu v českém jazykovém povědomí a značně kolísá v odvislosti od individuality, tempa a emočního zabarvení — sama představa normy má poněkud subjektivní ráz. Král kanonisoval nevědomky jako základ své normy gravitaci českého vedlejšího přízvuku k předposlední slovní slabice,[1]) zatím co základem

[1]) Trojslabičná slova tvoří zdánlivou výjimku, ale zákon progresivní alternace přízvuků znemožňuje vývoj samostatné výdechové vlny na druhé, současně předposlední slabice (srv. О ч. ст. 84—85).

normy Trávníčkovy je jednota tempová. Avšak i když norma, kterou stanoví Trávníček, správně vystihuje mezní hodnotu, k níž gravituje česká pomalejší řeč, přece pochybuji, že by se ve skutečnosti Trávníček často od ní neuchyloval (zvláště je-li čtvrtá slabika pětislabičného slova dlouhá) a že by na př. vždy přizvukoval *'vyšet,řová,ní, 'odr,hovač,ka, 'poslu,hovač,ka, 'filo,logic,ký, 'komu,nistic,ký, 'komu,nikač,ní* a p.

V §§ 3—4 rozebírá Trávníček »tak zvaná nepřízvučná slova jednoslabičná«. Tato slova dělí na dvě skupiny: 1. slova, jež se po pause nevyskytují (t. j. vlastně bezpřízvučná slova nebo přesněji slova, jež nemohou míti hlavní slovní přízvuk — slova příklonná); 2. slova, jež mohou stávati po pause.

Zdá se, že by bylo účelnější rozčleniti druhou skupinu na dvě. Pak bychom měli: 1. vlastní enklitika (*ho, mi, ti, si, mu, mě, tě, se,* pomocné *jsem* a *li),* 2. vlastní proklitika (spojky *a, i,* předložky *kol, krom, stran, skrz, dle,* o nichž se autor vůbec nezmiňuje, a ostatní předložky v těch případech normativní mluvnicí neuznávaných, kdy přízvuk přechází na jméno[1]), 3. slova, která, když nemají na sobě hlavní přízvuk, jsou předklonná po pause, příklonná v ostatních posicích. Potřeba vydělení spojek *a, i* v kategorii samostatnou je dosti zdůrazněna tou okolností, že Trávníček je nucen vícekrát je vyjímati pro jejich zvláštní ráz. Tak na str. 8 zaznamenává, že v jazyce spisovném ihned za spojkami *a, i* příklonky zpravidla nestávají. Na str. 10 poukazuje na to, že spojka *a* nebo *i* před přízvučnou slabikou je nepřízvučná, kdežto slova, která jsem zahrnul do 3. skupiny, mají často po pause před přízvučnou slabikou vedlejší přízvuk. Na str. 26 tvrdí, že, jsou-li spojky *a, i* po pause a před trojčlennou skupinou, zůstávají v klidné výslovnosti předklonné, zatím co slova třetí skupiny mají za takových okolností hlavní přízvuk.

Je pravda, že se stanoviska Trávníčkova slova druhé z navržených mnou skupin se úplně shodují s třetí v tom, že nejsou-li po pause, vždy se přikloňují. Tak ve slovních skupinách typu *já i ty* pokládá autor *i* za slovo příklonné. Je jasno, že v podobných případech pro Trávníčka je rozhodujícím momentem tatáž setrvačnost sestupného rytmického chodu, která nutí Mukařovského (Příspěvek k estetice českého verše, Praha 1923, 16) Nerudův verš *Ugo Bassi, mnich a republikán* členiti: *Ugo / Bassi, / mnich a / republikán.*

Již jednou jsem naznačil (О ч. ст. 35), že v jazyce s převládajícím sestupným rytmickým chodem bývají předpřízvučné slabiky subjektivně vztahovány k předcházejícímu slovnímu celku. Avšak nemožnost pausy (rozhraní větných taktů) **já i / ty* (vedle potenciální pausy *já / i ty*) odděluje v jazykovém povědomí tuto kategorii slovních skupin od skupin typu *já dnes dám,* a proto myslím, že je správnější posuzovati slovní skupinu *já i ty* jako souhrn slovních celků *já, i ty,* i když máme při tom na mysli, že spojení předklonného slova se slovem přízvučným je, zvláště ve vnitřku větného taktu, slabší, než spojení slova příklonného.[2])

---

[1]) Sr. О ч. ст. 76—81.

[2]) Staročeští písaři často píší spojku dohromady s následujícím slovem, ne však s předcházejícím (*miezt yhradow* a t. p.).

V § 4 uvádí autor příklady užívání vlastních předklonných slov na začátku věty v moravských a slovenských dialektech a ojedinělé doklady ze staročeských památek. Pouze tvary *bych* a p. se vyskytují často ve staročeštině na počátku věty, ale *bych* původně do kategorie příklonných slov vůbec nepatřilo. Lze zachytiti také několik dokladů změny příklonných slov v předklonná (následkem odsouvání počátečního slova věty) v emfatické pražské mluvě pepické: (to) *se 'ví* nebo *se 'vr* (na př. v překladu Jindřicha Hořejšího »Charlotta se modlí v Štědrovečerní noc k Panně Marii«: Se ví, že foukla jsem z domova); (furt) *se 'de*; (tak) *se 'nehoň* nebo *kse 'nehoň*, kde zbyla koncová souhláska vypuštěného slova; (chraň) *tě 'Bůh* nebo *tě 'pic*; (tak) *si 'vyliž kapsu*; (kde) *si 'byla?*

§§ 5—27 jsou věnovány popisu několika akcentologických typů »slovních celků« (termin O. Zicha). Slovním celkem míním slovo nebo skupinu slov, z nichž jedno má hlavní přízvuk, a ostatní jsou tomuto slovu přízvučně podrobena, totiž buď mají pouze přízvuk vedlejší nebo jsou bezpřízvučná. Téměř všechny typy Trávníčkem probrané mají jednu společnou zvláštnost — začínají jednoslabičným slovem (jen §§ 18—21 tvoří výjimku, pojednávajíce o různých typech slovních celků s dvouslabičnými slovy, náchylnými k ztrátě přízvuku).

Nanejvýše důkladně, až do nejjemnějších detailů analysuje Trávníček s mikroskopickou přesností všechny různotvary slovních celků, počínajících jednoslabičným slovem. Pozorné stanovisko k emočním variantům přízvukovým činí popis Trávníčkův kapitolkou ještě nenapsané české stylistiky. Nebudeme se zabývati jednotlivými podrobnostmi této vzorné deskripce, ale zdá se, že jednu věc lze autorovi vytknouti: uvádí nás příliš do laboratoře a zachovává všechny etiketky a pododdělení, jichž potřeboval při předběžném katalogisování látky. Čtenáře poněkud unavuje drobnůstkářské roztřídění, takže jen stěží vniká do oné základní systematiky jevů, jež vlastně přirozeně vyplývá z práce Trávníčkovy, ale není od něho náležitě pointována, aby mohla býti ihned zřetelná. Tak na př. i když Trávníček v § 11 shrnuje a zevšeobecňuje svá pozorování, rozložená do malých zásuvek v §§ 5 a 10, dělí předklonné skupiny na dvě třídy: 1. předklonné skupiny, které jsou po pause a buď před pausou či nikoli, 2. předklonné skupiny, které nejsou po pause a jsou jednak před pausou, jednak nikoli před pausou. V druhé skupině se rozeznávají dva typy: předklonné skupiny, jež se vyslovují s předcházejícím slovem splývavě, a skupiny, jež se vyslovují s předcházejícím slovem nesplývavě. Při tom vychází najevo, že předklonná skupina ve výslovnosti nesplývavé se chová tak jako po pause. Ve výslovnosti nesplývavé — to znamená po malé pause, jak víme z vysvětlení Trávníčkových na str. 11 a 15. Výsledkem toho druhé pododdělení druhé kategorie se může zdáti oxymorem. V první kategorii má autor zjevně na zřeteli nepostradatelnou syntaktickou pausu, kdežto v případě posledním toliko pausu fakultativní, t. j. pouhou hranici větných taktů. Nezbytnější s y n t a k t i c k á pausa nevykonává žádného specifického vlivu na přizvukování předklonné skupiny, kterým by nepůsobila také každá h r a n i c e t a k t ů. Tedy základem akcentologického třídění slovních celků má býti místo,

jež zaujímají tyto celky ve větném taktu, zatím co syntaktická pausa, z níž vychází stále Trávníček, je neplodným základem dělení, což nevyhnutelně vede Trávníčka k nutnosti dalšího roztřiďování na splývavou a nesplývavou výslovnost, a to vše kvantitativně zatěžuje celkový obraz, zbavujíc jej zřetelnosti a přehlednosti. Bylo by názornější a metodologicky správnější, kdyby Trávníček formuloval především akcentologické zákony větného taktu, které jasně vyplývají z jeho pozorování.

Tyto zákony se rýsují v této formě:

V normálním větném taktu dvouslabičná bezpřízvučnost je možná pouze mezi dvěma přízvuky taktu, z nichž alespoň druhý je hlavním slovním přízvukem.

Po slabice, na níž je hlavní slovní přízvuk, je možná pouze bezpřízvučná slabika. Tímto zákonem se vysvětluje ztráta přízvuku první slabiky slova následujícího po přízvučném jednoslabičném slově. Na tento způsob odstraňování dvou hlavních přízvuků neupozornil Král, jak tvrdí Trávníček, nýbrž již Lešetický [1]); Král dodal pouze opravu, že tento jev se vyskytuje jenom v tom případě, má-li jednoslabičné slovo silný větný přízvuk. Tuto opravu zavrhuji jakožto mylnou (O ч.ст. 71). Trávníček ji rovněž odmítá. Je charakteristické, že nejčastěji se vyskytuje postupná alternace přízvuku ve skupině: přízvučné jednoslabičné slovo + trojslabičné slovo téhož větného taktu s počáteční krátkou slabikou, při čemž v těchto případech nezřídka druhá slabika trojslabičného slova nemá vedlejší, nýbrž hlavní přízvuk, rovnající se silou přízvuku prvního (jednoslabičného) slova skupiny. Tu se vlastně uskutečňuje nikoli příklánění druhého slova k prvnímu, nýbrž zrušení první poloviny dvouslabičné výdechové vlny.

Zaznamenávám mimochodem, že Trávníček uvádí mezi jiným přizvukování *‚kde 'je tatí‚ček?* (str. 18). Není-li to tisková chyba, je to v každém případě jiný tempový typ než ten, jejž kanonisoval Trávníček. Takovému přizvukování odpovídá přizvukování *'neostý‚chal* (srv. Král, Česká prosodie 213—214). Snad hudební zvýšení poslední slabiky v uvedené tázací větě přetáhlo i vedlejší dynamický přízvuk se třetí slabiky na čtvrtou?

Po slabice, jež má vedlejší přízvuk a stojí na počátku větného taktu, je možná i slabika bezpřízvučná i slabika s hlavním přízvukem.[2]) Když slabika pod vedlejším přízvukem není na absolutním počátku taktu, vyskytuje se po ní jen slabika nepřízvučná. Z tohoto zákona vyplývá, že pokud se větný takt počíná jednoslabičným slovem, je možná do určité míry voliti rozvrh přízvuků; na př. vedle typu 'o / o / ‚o ... je možný typ ‚o / 'o / o ... (nebo o / 'o / o ...). Volba je určena syntaktickými požadavky (která slova nemohou ztratiti hlavní slovní přízvuk,

---

[1]) »Nauka o slohu pro školy střední a vyšší dívčí školy«, 2. vydání, (Praha 1873) str. 50.

[2]) Ostatně pochybuji, že by ve skupinách typu *‚pan 'učitel* byly dva samostatné rozdělené přízvuky. Pravděpodobněji je to silná dvouslabičná výdechová vzestupná vlna.

protože na ně padá větný přízvuk, či důraz, jak píše Trávníček na str. 11) nebo stylistickým momentem (otázka citového zabarvení slov).

Při šetrnějším rozvržení a přísnějším roztřídění problémů dal by se přehled podmínek kolísání v rozvrhu přízvuků ve větném taktu shrnouti v několik jednoduchých formulek ihned po charakteristice akcentologických zákonů větného taktu. Od těchto dvou problémů byl by přirozený přechod k třetímu problému: otázce hranic větných taktů. Místo hranic je určeno několika činiteli: jazykovým rytmem, tempem, syntaktickými požadavky, citovým zabarvením. Jsou-li tyto základní problémy precisovány, zjednodušuje se mimořádně otázka rozdílu v přizvukování skupin typů *‚náš ˈJan ˈpíše* a *ˈjá mám ˈhlad.* Základní rozdíl je v tom, že v první skupině jsou dva větné takty, kdežto druhá tvoří jeden takt s větným přízvukem na posledním slově. Kromě těchto dvou momentů není, tuším, možno mluviti o specifických zvláštnostech »trojčlenných skupin«.

Z práce Trávníčkovy jasně vynikají ony základní akcentologické šablony, ke kterým gravituje český větný takt. Trávníček ukazuje na dvě cesty, jimiž řeč spěje k těmto šablonám, v těch případech, kdy slovní látka jako by z nich vypadávala. Předně je to předklánění a přiklánění, za druhé zřízení nových hranic větných taktů (srv. na př. str. 11), ale jsou ještě jiné dvě obvyklé cesty, o nichž se Trávníček nezmiňuje: využití slovosledu a různých jednoslabičných obsahově málo závažných slovíček za účelem dosažení žádoucí akcentologické šablony větného taktu a za účelem odstraňování skupin nevhodných s hlediska téže šablony.

Druhá otázka, stýkající se těsně s tematem oněch úvah a nedotčená Trávníčkem, je složitá otázka t. zv. pošinutí přízvuku, či přesněji, pošinutí vrcholu přízvuku s první slabiky trojslabičných slov na slabiku druhou. Trávníček srovnává rozvrh přízvuků v slovech o rozličném počtu slabik s rozvrhem přízvuků příklonných skupin s obdobným počtem slabik a klade mezi tyto i ony rovnítko. Na př. *ˈkde byd‚líš = ˈuči‚tel, ˈsotva je to = ˈpraba‚bička* a p.

Rovněž odpovídá onomu kolísání mezi přizvukováním *ˈZda chcete ˈpřijít* a *‚Zda ˈchcete ˈpřijít,* o němž pojednává § 22, kolísání mezi přizvukováním *ˈmizerný ˈkluk* a *mizerný ˈkluk.* Je otázkou pro sebe, jakými popudy se toto kolísání vysvětluje (srv. О ч. ст. 82). Druhým postavením trojslabičných slov, příznivým pro vznik vzestupné dvouslabičné výdechové vlny, jsou těsné skupiny — slovo dvouslabičné + trojslabičné, na př. *ˈstará babička.* Toto přizvukování nalézá si paralelu v akcentologickém typu *ˈneutí‚kejte,* ale tento typ, jak jsme již uvedli, nepatří mezi akcentologické typy, kanonisované Trávníčkem.[1]) »Přízvučná pausa« allegrové řeči je zvláště příznivá pro vznik přizvukování typu *ˈstará babička.* V díle Antala Staška, prozkoumaném Fr. Novotným (LF. 42, 277—281), klausule typu — ◡ ◡ | — ◡ tvoří absolutní většinu

[1]) Dvouslabičná bezpřízvučnost po hlavním přízvuku, po které nenásleduje druhý hlavní přízvuk, je protichůdná normě Trávníčkovy akcentologie, jako jev systému jiného tempa nebo většího emočního zabarvení.

(před silnou interpunkcí 61, 6, bez silné interpunkce 51, 4).[1]) Nepochybně tu běží o umělou stylisaci klausulí, ale tato stylisace je pouze zdůrazněním tendence, která přísluší i českému jazyku nebásnickému. České klausule vyžadují speciálního badání, neboť podmínky t. zv. »přízvukové pausy« (pause accentuelle) se liší od podmínek obyčejného větného taktu.

Ve své práci se Trávníček nedotýká prosodických otázek, ale jeho pozorování různých způsobů přizvukování mluví proti některým prosodickým receptům Královým. Král příkře polemisuje se všemi českými básníky a teoretiky konce 19. a počátku 20. st., kteří odsuzovali soudobý český jamb jakožto odporující přirozenému rytmu českého jazyka. S hlediska Králova nejsou jamby nic jiného, než trocheje s předrážkou, při čemž v předrážce může býti buď bezpřízvučné jednoslabičné slovo nebo jednoslabičné slovo s přízvukem slabším než přízvuk ihned po něm následující slabiky (srv. O prosodii české I, 1924 str. 674 a násl.). Naproti tomu se dovídáme z práce Trávníčkovy, že skupiny typu *pan učitel*, *náš tatíček* a p., t. j. právě ony skupiny, jimiž počínají většinou moderní jambické verše, mají vedlejší přízvuk na první a hlavní na druhé slabice jen ve výslovnosti klidné, nedůrazné a nenáladové, kdežto řeč náladová, citová, kde nás nějak dojímá vše to, co věta vyslovuje, žádá takové přizvukování, jako *'náš ta,tíček* anebo *'náš-'tatíček* (str. 13 a 20). Je ovšem možný klidný, nedůrazný, nenáladový styl, jakožto jedna z variant básnického jazyka, ale nelze omeziti tímto stylistickým různotvarem všechny jamby. Emoční, přízvučné typy jako *'náš ta,tíček ('dým ka,didla, 'leč mys,lím-li)* Král básníkům zakazuje; pokud jde o emoční přizvukování typu *'náš-'tatíček,* Král zavrhuje samotný volný verš, kde se jedině podobné přízvučné typy mohou uskutečniti (na př. *'co - 'platny ti 'ctihodné 'šediny* . . . Ant. Sova Th. Momsenovi). To, že Král vícekráte a naprosto neodůvodněně popírá právo básníka používati prostředků patetické řeči, o tom jsem již měl příležitost psáti (О ч. ст. str. 66—67). Srovnání pravidel Králových s pozorováními Trávníčkovými poskytuje nový doklad pro tesi, že Král buduje svá tvrzení s hlediska hluboce subjektivních návyků estetických.

Přicházíme k poslednímu oddílu práce Trávníčkovy (§§ 18—24), věnovanému dějinám českého přízvuku. První otázka, o níž pojednává autor, je-li totiž jednomístný přízvuk v češtině od původu, vzbuzuje jisté rozpaky. Lze nadhoditi otázku, bylo-li ustálení přízvuku prožito každým ze západoslovanských jazyků samostatně, či byl-li to jev společný, jenž obsáhl všechny dialekty západoslovanské skupiny kromě okrajových (kašubsko-slovinského, polabského) ještě před jejím definitivním rozpadnutím. Myslím, že tato možnost je velice pravděpodobna, přijmeme-li přesvědčivou hypotesu Lehrovu o tom, že přizvukování předposlední slabiky pochází geneticky z akcentuace slabiky první. Dále není vyloučeno, že i když se k ustálení přízvuku dospělo teprve po rozpadnutí západoslovanské skupiny, západoslovanská doba přece nezachovala nedotčeným praslovanské místo přízvukové. Na př. Šachmatov předpokládá, že koncová slabika ztratila přízvuk ještě v době západoslovanské jednoty

[1]) Trochaická koncovka před pausou tvoří v tomto literárním výtvoru 94, 1%

(Замѣтки по исторіи лужицкихъ языковъ, Петроградъ 1917, стр. 29). A konečně je naprosto oprávněna otázka, vyskytovalo-li se vůbec v dialektu, z něhož pochází čeština, pošinutí přízvuku na první slabiku. Vždyť nelze pokládati a priori za prokázáno, že by praslovanské zvýšení tonu bývalo doprovázeno paralelním výdechovým zesílením téže slabiky. Není vyloučena možnost, že důraz se připojoval k hudebnímu přízvuku až později (viz Meillet v Revue des Études Slaves 2, 212). Vedle fonologického, významotvorného hudebního přízvuku v západoslovanských pradialektech mohl snad existovati mimogramatický dynamický přízvuk na první slabice slova, a další vývoj za těchto předpokladů by se omezoval na ztrátu fonologických hudebních rozdílů. Avšak Trávníček, pojednávaje o tom, je-li jednomístný přízvuk od původu, ponechává stranou veškeré zmíněné problémy. Prohlašuje prostě: »Je nepochybné, že čeština volný přízvuk mívala« (str. 40). Podle jeho mínění vyplývá to z toho, že české kvantitativní poměry lze vyložiti přímo z přízvuku praslovanského, ale je naprosto nepochopitelné, proč zachování praslovanské předpřízvučné délky v češtině, jíž se dovolává Trávníček jako dokladu, má svědčiti, že volný přízvuk se v češtině ještě zachovával. Pokud jde o české innovace v kvantitativních poměrech, nedostalo se jim dosud plného historického vysvětlení, ale přece většina těchto innovací, ať je vysvětlujeme jakkoliv, předpokládá spíše právě ustálený dynamický přízvuk.[1])

Trávníček má pravdu, popírá-li průkaznost zmínky Gebauerovy o tvarech *ho*, *mu* m. *jeho*, *jemu* jakožto svědectví pro staročeský volný přízvuk. Za prvé polské *go*, *mu*, hornolužické *ho*, *mu* mluví pro prazápadoslovanský vznik tohoto tvaru. Za druhé, jak konstatuje po Brandtovi Trávníček, *jho* může býti se stejným úspěchem objasněno i z tvaru *'jeho*. Je pouze nepochopitelné, proč Trávníček nahrazuje Brandtův výklad pomocí enklise výkladem pomocí proklise. Vždyť dosud tvaru *ho*, jak zaznamenal v § 3 i Trávníček, se užívá pouze jako slova příklonného, nikoli jako předklonného. Zdá se mi, že kromě vlivu tvarů *mi*, *si*, *ti* právě enklise a zvláště poloha po otevřeném slově mohla přispívati k vzniku tvaru *jho* (srv. dvouslabičné *maucta* a dialektické *dobrejtro*, které vzniklo ještě před přehláskou *u* v *i*.) Trávníček vlastně nezabral se do problému o termínu post quem. V knize není ani kladného pokusu o stanovení terminu ante quem. Trávníček se omezuje na to, že upírá přesvědčivost výkladům Joklovým a Gebauerovým o této otázce, a jen pozorování Rozwadowského o vyrovnání koncovek druhé osoby imperativu u sloves, která měla původně přízvuk na příponě, a u sloves s původním přízvukem na slabice kořenné v polštině a češtině uznává za relativní aspoň řešení chronologie ustálení přízvuku. Dotkl jsem se rovněž úvahy Rozwadowského, jakožto nejspolehlivějšího příspěvku k otázce chronologie českého přízvuku (O ч. ст. 12), ale nyní se mi zdá, že i toto zajímavé pozorování nepřispívá téměř ničím ani k relativní chronologii tohoto zjevu, neboť nejsme oprávněni předem předpokládati, že se vliv gramatické analogie rozvíjel stejným tempem v polštině i češtině. Rozdíl

[1]) Srv. kn. Trubetzkoy, Zum urslavischen Intonationssystem (Streitberg-Festgabe, 360) i O ч. ст. 28.

[2]) Viz Gebauer, Skladba adjektiva českého, LF. 1886, 413.

zaznamenaný Rozwadowským, může se vyložiti i tím, že celkově byla stará polština konservativnější než stará čeština.

Ať je tomu jakkoliv, nestačí ani za nynějšího stavu badání odmítnouti dřívější argumentaci a spokojiti se konstatováním obtížnosti otázky, jak to činí Trávníček. Staročeské veršované památky svědčí přesně, že alespoň čeština konce 13. stol. již měla jednomístný přízvuk. Průkaznost údajů Kunhutiny písně (r. 1265—1293) je, tuším, nepochybná (srv. Slavia 3, str. 276—277).[1])

Pokud jde o argumenty Gebauerovy o chronologii ustálení přízvuku, Trávníček je správně odmítá. Avšak i když Gebauer nesprávně použil pravidla jerového, jakýsi vývod o časovém poměru mezi zánikem slabých jerů a ustálením přízvuku se přece dá učiniti: takové přizvukování jako *'nad námi* vedle *'nade 'všemi* poněkud svědčí, že zákon o posunutí přízvuku jména na předcházející předložku přestal působiti až po zániku slabých jerů, kdežto přizvukování *kol (krom, stran, skrz, dle) 'něho* ukazuje na odsunutí koncové samohlásky v předložkách *kol, krom, skrz, stran* a na přechod od postposice k anteposici předložky *dle* jako na terminus ante quem působnosti tohoto zákona.

Z jednotlivostí Trávníčkovy kritiky Gebauerových argumentů se pozastavíme u otázky vzniku německých názvů jako *Grazen, Grätz* (str. 43). Vysutí samohlásky lze tuším vysvětliti také tím, že Němci přejali ne nominativní tvar, nýbrž tvar ostatních pádů, totiž *gradc-* (nebo *gratc-*) či spíše *gradъc-* s velmi redukovaným *ъ* (»polokrátkým« podle terminologie Šachmatova). Neboť je velice pravděpodobné, že změna *g* byla provedena v češtině ještě před zánikem *ъ, ь*. Gebauer má nejstarší doklad pro psaní *h* z roku 1241, Bergmann přináší doklady již z počátku druhé polovice 12. stol. Je jasné, že od onoho okamžiku, kdy se počalo psáti *h*, se *g* již nevyslovovalo. Vyskytuje-li se v památkách druhé poloviny 12. a na počátku 13. stol. vedle *h* také *g*, je to pouhá pravopisná tradice. Nic nás neopravňuje vyvozovati z grafického kolísání kolísání ve výslovnosti, jak to činí Trávníček. Jestliže přechod *g* v *h* byl fonetickým zákonem, bylo by metodologickou chybou představovati si nějaké dvě periody působnosti tohoto zákona: první periodu sporadického náhodného přechodu *g* v *h*, při čemž postupně případy vyslovování *h* se stávají častějšími a případy vyslovování *g* řidšími (»asi za polovinu století přešel vývoj k převaze *h* nad *g*«) a druhou periodu, kdy místo *g* se důsledně vyslovuje *h*. Takový vývoj bychom si mohli snáze představiti, kdybychom byli oprávněni předpokládati, že staročeské dialekty, o něž jde, neprožívaly samostatně přechod *g* v *h*, nýbrž se jen snažily napodobiti výslovnost nějakého jiného dialektu, že to byly totiž podle terminologie moskevské dialektologické školy »dialekty s náběhem k přechodnosti«, aaebo že snad to původně nebylo ani fonetické převzetí, nebyla to snaha přivlastniti si cizí fonetický zákon, nýbrž jen episodické lexikální převzetí, takové jako když severoruská nářečí přejala jednotlivá jihoruská slova

[1]) Sieversův pokus vyhledati stopy českého přízvukování první slabiky v Kijevských zlomcích (Die altslawischen Verstexte von Kiew und Freising, Lipsko 1925, § 7) nepokládám za přesvědčivý (viz můj referát v Prager Presse 5. července 1925).

s γ (třenou zadopatrovou souhláskou). Jedině za takových nadmíru hypotetických a riskantních předpokladů byli bychom oprávněni připouštěti periodu kolísání hlásek *g* a *h*. Avšak proti druhé z těchto domněnek mluví zjevně fakta: není specifického okruhu slov s *h*, a na př. v Regestech z r. 1241 se vyskytuje vedle *gora* i *hora*. Pokud se týče domněnky o staročeském *h* jakožto zvláštnosti »dialektu s náběhem k přechodnosti«, tu, ponecháme-li stranou její úplnou bezpodstatnost, musíme zaznamenati, že rovněž jako grafické kolísání mezi *g* a *h* neznamená naprosto kolísání ve výslovnosti, tak i kolísání ve výslovnosti nemusilo by naprosto vyvolávati paralelní kolísání v pravopise, neboť představitel »dialektu s náběhem k přechodnosti« se co nejméně stará o fonetickou transkripci. A tak myslíme, že když v památkách 12. stol. se objevují první případy *h*, tu místo *g* již nepochybně zněla hláska jiná. Avšak, tuším, ani na tomto datu se nesmíme zastaviti jako na termínu ante quem, a Šachmatov má pravdu, spojuje-li změnu *g* v *h* v maloruštině, běloruštině, jižní velkoruštině, československštině, horní lužičtině a v severních dialektech slovinštiny a předpokládá-li, že tato změna nastala již v dialektech společného slovanského jazyka v pozdější době jeho trvání, a sice po tak zv. »druhém změkčení« (Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка, §§ 62, 71). Takové případy jako *gde, gbel, gdoule* svědčí, že zákon o přechodu *g* v *h* již nepůsobil v době, kdy *kъde* se změnilo v *gde* a p. Přechod *k* v *g* před znělými souhláskami stal se, tuším, ihned nebo téměř ihned po zániku slabých jerů, a tak přechod *g* v *h* (nebo snad původně v γ?) nastal pravděpodobně ještě před zánikem *ъ*.

Hypotesa Havránkova o pozdním původu asimilace neznělých hlásek ke znělým (Slovanský sborník věnovaný prof. Pastrnkovi, Praha 1923, 118—121) není průkazná. V památkách 14. stol. je mnoho případů psaní znělých místo neznělých před znělými. Když se v týchž památkách píší v takových případech neznělé, je to zajisté pravopisná tradice a nikoli kolísání ve výslovnosti. Zdrcující počet dokladů psaní neznělých před znělými — v památkách před 14. stol. — se značně zmenší, vyloučíme-li takové případy jako *jistba,* kde je etymologie průhledná, neboť vedle jsou tvary jako *jisteb, jistebna, jistebník* a p., dále vyloučíme-li případy jako *kde* kde *k* je úplně přirozené, poněvadž ani nebylo jiným způsobem možno označiti znělou raženou zadopatrovou souhlásku, neboť písmeno *g* na počátku 13. stol. již nepochybně označovalo nikoli hlásku *g*, nýbrž *h* a pak se ho užívalo po určitou dobu výhradně pro označení hlásky *j*.[1]) V památkách 13. stol. shledáváme vedle etymologického zachovávání neznělých a znělých také *Gratcensis* (1216) a dokonce *Pretbor* (1226): případy ty mluví pro to, že zachovávání neznělých před znělými a obráceně v písmě není než pravopisná tradice, při čemž nedokonalá znalost této tradice, nepodporované živou výslovností, mohla vésti k takovým hyperarchaismům, jako je uvedené *Pretbor*.

---

[1]) Stejně chybným zda se nám výklad Havránkův o pozdním zachování neznělé hlásky *č* ve slově *džbán* vzhledem k tomu, že písaři dlouho lpěli v tomto slově na oněch písmenech a spřežkách, jakými označovali hlásku *č*. Vždyť takové označování je naprosto pochopitelné, pokud češtině schází speciální fonema znělé splynuliny a pokud pro tuto splynulinu neexistovalo tradiční písmeno či spřežka.

Jestliže fonetický přechod *g* v *h* o mnoho předcházel před psaním *h*, vzniká otázka, čím to lze vysvětliti. Odpověď je jednoduchá: 1. Přechod *g* v *h* nezpůsoboval vznik dvou rozdílných fonemat *g* a *h*, a z toho důvodu písmene *g* mohlo býti použito i pro označení nové hlásky, totiž *h* (nebo původně *γ*?). Vždyť jihoruští písaři nehledali pro své *h* nového písmene, nýbrž spokojili se církevně slovanským г. 2. Písmeno *h* se pro tento účel nehodilo, protože v nejstarším českém písmu toto písmeno označovalo hlásku *ch*, mimo to německý a latinský pravopis nemohl býti v tomto případě dosti mocným popudem, neboť tam písmeno *h* označovalo hlásku neznělou. Je charakteristické, že odumírání psaní *g* pro označení hlásky *h* a odumírání psaní *h* pro označení hlásky *ch* postupuje takřka souběžně. A tak pokládáme přechod od psaní *g* k *h* za episodu v dějinách českého pravopisu a nikoli hláskosloví. Objevení *ch* je prvním případem použití spřežky pro označení jedné hlásky v dějinách českého písma. Tak se rovněž na rozhraní 13. a 14. stol. v staročeských památkách objevuje řada novot, které se často vykládají jako jevy fonetické, zatím co to jsou spíše jednotlivé články radikální reformy pravopisné, jež se v této době uskutečňovala, totiž přechodu od jednoduchého písma k spřežkovému (srv. na př. vznik spřežky *rz* pro označení hlásky *ř*, psaní *iu* místo dřívějšího *u* po měkkých a p.).

Závěrečné paragrafy Trávníčkovy práce pojednávají o příčinách stabilisace přízvuku v češtině. Probírá nejdřív hypotesu, podle níž stabilisace přízvuku na počáteční slabice je způsobena německým vlivem. Při vyjmenování jazykozpytců, kteří hájili tuto domněnku, neuvádí Trávníček van Ginnekena, který v Principes de linguistique psychologique (Paříž 1907, § 355) snesl zajímavé psychologické úvahy o vlivu německém. Argumenty jednotlivých učenců proti možnosti německého vlivu nezdají se nám přes názor Trávníčkův dosti přesvědčivými. Posunutí přízvuku na předložky a předpony v staré češtině neodporuje domněnce o německém vlivu, poněvadž tento rozdíl se vysvětluje tím, že staročeština zůstávala věrna praslovanské tradici, podle které spojení předložky se jménem se považovalo za jedno slovo (sr. О ч. ст. str. 77, 79). Rozšíření přízvuku na první slabice v moravských a slovenských dialektech, ležících mimo pásmo německého intensivního vlivu, není průkazné, poněvadž stačilo, aby německý vliv byl prožit mluvou kulturního střediska neb vyšší společenské třídy tohoto střediska, aby pak z tohoto střediska se jev široce uplatňoval na celém pásmu jazykového vlivu tohoto střediska. Není správné, jakoby cizí vliv byl možný jen se strany jazyka pokrevně příbuzného. Stačí připomenouti německé čípkové *r*, vzniklé vlivem francouzským, přechod třených zadopatrových souhlásek v ražené v běloruských nářečích sousedících s litevštinou, dále vliv finských dialektů na intonaci a konsonantismus četných severoruských dialektů ($x > k$, $ł > l$, $c > s$, snad také ztráta rozdílu mezi *c* a *č* — tak zvané цоканье, částečně šišlání a sporadické tvrdnutí souhlásek), anebo vlivy sibiřských národností na konsonantismus sousedních ruských dialektů, prozkoumané Seliščevým v knize „Диалектологический очерк Сибири“ (Иркутск, 1921). Rovněž námitka, jako by nebylo možno, aby vliv jazyka se projevoval jen v přízvuku, je nesprávná. Stačí si povšimnouti oněch ruských dialektů Olonecké gubernie, kde vlivem

karelštiny se posunul přízvuk s poslední slabiky na první, aniž se karelský vliv uplatňuje na jiné stránce jazyka.

Pomíjíme-li neudržitelnou teorii o psychologické důležitosti první slabiky slova jako o popudu k ustálení přízvuku na této slabice (o čemž viz O ч. ст. 73), zastavíme se na nejběžnějším líčení vývoje českého jednomístného přízvuku: nejdříve se posouval přízvuk za jistých fonetických podmínek o jednu slabiku zpět, pak vlivem analogie bylo přizvukování první slabiky zevšeobecněno. Brandt a po něm Jokl a Gebauer se dovolávali štokavštiny, Lehr kašubštiny. Trávníček považuje domněnku Lehrovu za pravdě nejpodobnější. Avšak gramatická analogie je naprosto nedostatečné, mechanické objasnění, běží-li o jev tak základní jako přechod od volného přízvuku k ustálenému, t. j. vlastně o úplné odstranění slovního přízvuku z fonologického systemu. Zůstává nejasným, jaký byl popud k likvidaci slovního přízvuku jakožto fonologického prvku. Zdá se nám, že je nesprávné pomíjeti, jak to činí Trávníček, ony hypotesy o stabilisaci českého přízvuku, které neoperují gramatickou analogií, nýbrž předpokládají organický vývoj, a to teorii kn. Trubeckého vyslovenou v Revue des Études Slaves 1, 177—178 a modifikovanou v uvedeném už článku v Streitberg-Festgabe (str. 360) a koncepci mou (O ч. ст. 23—28).

Domnívám se, že použijeme-li údajů srovnávací akcentologie, můžeme stanoviti tento zákon téměř bezvýhradné působnosti: dynamický slovní přízvuk jako fonologický prvek je možný jen potud, pokud s ním souběžně postupují mimogramatické kvantitativní poměry. Z tohoto zákona psychologicky naprosto odůvodněného vyplývá druhý zákon: vzniká-li ve fonologickém systemu nějakého jazyka následkem fonetických změn soužití dvou neodvislých prvků — dynamického přízvuku slovního a kvantity, jeden z těchto prvků se z fonologického systému vylučuje. Ve slovanských jazycích, když pozbývaly hudebního přízvuku jakožto fonologického prvku, naskýtají se dvě cesty likvidace soužití dynamického slovního přízvuku a kvantity jako neodvislých fonologických prvků. Ruština a bulharština jsou typické příklady odstranění neodvislých kvantitativních poměrů. V češtině, staré polštině a lužičtině ztratil dynamický přízvuk pohyblivost a tím přestal sloužiti rozlišování významů proti fonologickým poměrům kvantitativním. Nevyhnutelnost ztráty fonologického přízvuku nebo fonologické kvantity paralelně s odumíráním fonologických hudebních rozdílů — toť, tuším. ona základní tendence, kterou si vysvětlujeme ustálení přízvuku v staré češtině. Samotná volba způsobu likvidace soužití dynamického slovního přízvuku a kvantity ve fonologických systemech západoslovanských jazyků mohla býti podmíněna německým vzorem nebo součinností gramatické analogie, to však je již otázka vedlejší a je nasnadě představiti si takový vývoj, při němž exspiratorní poměry byly upraveny bez nárazů z vnějška — »im Wege des Sprachrhythmus«, jak to formuluje kn. Trubeckoj. Je konečně teoreticky myslitelno, ačkoli je to málo pravděpodobné, že fonologický hudební přízvuk nebyl doprovázen mimogramatickým dynamickým přízvukem; v takovém případě, jak jsme již výše uvedli, další vývoj by se omezil na ztrátu fonologických hudebních rozdílů. Vycházejíce z takového předpokladu, musili bychom exspiratorně-hudební přízvuk srbského typu uznati za novotvar.

Tušim, že Trávníček má pravdu, přijímá-li hypotesu Lehrovu o tom, že přízvuk na předposlední slabice pochází geneticky od přizvukování první slabiky. Vedle polštiny a dialektů vychodomoravských, slezských a slovenských, které uvádí Lehr, odvolávám se na přizvukování předposlední slabiky ve východní lužičtině, jež bylo velmi pečlivě prozkoumáno Ščerbou (Восточнолужицкое нарѣчіе, Петроградъ 1915, § 54). Přechod od přizvukování první slabiky k přizvukování předposlední vede k větší rozmanitosti ve fraseování řeči a tím i k subjektivnímu a pak také k objektivnímu posílení přízvuku (srv. О ч. ст. 51). Myslím, že není nahodilé spojení takového zesílení přízvuku v polštině se ztrátou nezávislých kvantitativních rozdílů.

Roman Jakobson.

Б. Цонев: **Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна Библиотека.** Том II, с приложение на 52 автотипни снимки. Издание на Библиотеката. София, 1923, gr. 8°, XVI + 553 стр. Цена 750 лева.

Второй том Описания рукописей Софийской Народной Библиотеки составлен проф. Б. Цоневым по тому же плану, что и первый (вышел в 1910 г.), и заключает в себе описание 378 рукописей, поступивших в Библиотеку втечение последних 12 лет. Главными поступлениями за это время были: коллекция (64 №), переданная из Софийского Народного Музея, рукописи (76 №№), собранные любителем старины Ставром Георгиевым из Македонии, специально для этой цели совершавшим путешествия, и небольшое число рукописей (22 №), поступивших от управления библиотеки в Гостиваре; остальное приобретено самой Библиотекой постепенно, б. ч. покупкой, реже в виде дара. По времени написания вновь описываемые рукописи представляют следующее: из 362 рукописей только 59 датированных, при чем большинство таких рукописей падает на прошедший век: XIV в. (1342 г.) — одна, XVI — 4, на XVII—5, XVIII—12, остальные — на XIX век. Недатированные распределяются по векам так: XII—XIII в. — две (№№ 551 и 553 — всего три листа из богослужебных книг), XIII—19, XIV—33, XV—74, XVI—48, XVII—27, остальные относятся к последним двум столетиям.[1]) По изводам (редакциям, рецензиям) почти в одинаковом количестве находим рукописи болгарские и сербские (151 и 149), некоторое количество русских (46) и 16 »смешанных« изводов; при этом замечаем, что преобладающее число болгарских текстов относится к XVIII и XIX векам, тогда как среди сербских преобладают рукописи старших веков. По содержанию описываемые проф. Цоневым тексты дают, естественно, главным образом книги церковные или духовные, а среди древнейших — почти исключительно, так что главный интерес их заключается в том, что они дают для палеографии и истории языка. Но среди рукописей XV—XVIII и даже XIX веков выделяется заметно значительная группа сборников (№№ 665—764), имеющая несомненно и более широкое, историко-литературное значение; из них многие (особенно XVII — нач. XIX вв.) на болгарском на-

[1]) Рукописи, определенные переходным между двумя веками временем, отнесены к позднейшему.

родном языке со статьями в народных редакциях памятников (»Дамаскины«), представляющие важный материал и для истории поздней болгарской литературы и ее национального возрождения. Но и, помимо этого, среди вновь поступивших рукописей не мало любопытных и для старых славянских лиратур вообще; из них Б. Цонев, описывая их подробно, напечатал целиком ряд отдельных, преимущественно небольшого объема, текстов, как наиболее интересных, вносящих что либо новое в литературную историю этих памятников, известных и раньше, но по иным текстам.

Для общего представления о ценности новых приобретений Софийской Библиотеки отметим, руководясь описанием, несколько из числа таких интересных рукописей; сюда следует отнести: № 622 (Требник, серб. XVII в., 8⁰) с молитвами от »нежита« и »дны« (напечатаны Цоневым), № 631 (Часослов, серб. XVII в., 16⁰), из которого извлечены молитвы св. Сисиния и др., № 646 (Молитвенник, серб.-слов. 1787 г., 32⁰) с рядом любопытных молитв-заговоров и с поучением на македонском наречии (изданы в Описании № 667, Сборн. XV—XVI в., серб.) с Троянской притчей особой редакции, доселе не встречавшейся (напеч. там же), № 681 (Сборн. XV. в., серб.): по нему напечатан один из старейших (к сожалению, с пропавшим в средине листом) текстов Повести об убиении Никифора Фоки; № 719 (Дамаскин XVIII—XIX в.) — весь очень ценный по содержанию; между прочим из него напечатано в Описании любопытное апокрифическое толкование литургии. Но особенно представляется ценным Сборник XV века, сербско-болгарский, № 771: в нем находим редчайший текст лицевой »Александрии« (л. 2—193 с 14 миниатюрами[1]); следом за нею — второй из известных югославянских списков »Сказания об Индейском царстве«: его изучение даст возможность проверить, а быть может, и видоизменить выводы В. М. Истрина в его известном исследовании об этом до сих пор неясном в своей истории памятнике (см. Древности, труды Слав. Комм. I), м. б. поможет объяснить поздний сербский его текст (Белгр. Нар. Библ. № 321), до сих пор стоящий одиноко. В той же рукописи читается и Троянская притча (л. 220), также с попытками иллюстраций к тексту (см. снимки, табл. 52). В общем нельзя не согласиться с проф. Цоневым, что рукопись настолько важна, что заслуживает специального о ней исследования (стр. 437). Под № 774 подробно, по статьям (стр. 438—468) описан русский хронограф (Гранограф), доведенный до воцарения Михаила Федоровича: он должен быть отнесен к третьей редакции (по делению А. Н. Попова), но представляет своеобразные особенности в подборе статей.

В общем описания рукописей выполнены с той же точностью и опытностью, что и в первом томе, какими отличаются, как известно, все работы проф. Цонева. Нового здесь только то, что автор Описания, давно (ср. Годишник на Софийския Университет за 1904/5 год.) уже

[1]) Образцы двух из них даны в приложении на табл. 50 и 51. Этим миниатюрам, по словам проф. Цонева, посвящены были два исследования (стр. 433): Аллахверджиевой и Нечетаилова. Мне неизвестно, появились ли они в печати?

пытавшийся на основании употребления болгарскими писцами Ъ и Ь установить приметы для »правописных« школ, предлагает теперь (Предговор, стр. VII) опять новую схему этих школ, а именно: двуерова-етимоложка (Ь здесь только для смягчения согласной), двуерова-смесена (Ъ и Ь безразлично), двуерова-фонетичка (она же — ресавская: Ъ- звук, Ь- знак), едноерова-Охридска (только -Ъ) и едноерова-Злетовска, или Кратовска (только -Ь).

Издано Описание так же роскошно, как и его первый том; в конце книги приложен обширный (52 таблицы) альбом автотипических снимков с важнейших по древности и наиболее интересных рукописей, вошедших в Описание: он представляет ценный материал для славянской палеографии; в начале и конце книги находим обстоятельные указатели.

Т. о., вместе с изданным по тому же плану тем же проф. Цоневым Описанием Пловдивских рукописей (София, 1920), этот новый том должен быть сочтен ценным вкладом в славянскую библиографию: теперь самые крупные общественные собрания рукописей в Болгарии имеют научные каталоги.

М. Сперанский.

Проф. Йор. Ивановъ. **Богомилски книги и легенди.** София 1925.

Настоящая, изданная Болгарской Академіей Наукъ, работа проф. Йор. Иванова, пользующагося въ ученомъ мірѣ извѣстностью серіознаго и авторитетнаго изслѣдователя культурныхъ явленій въ жизни славянъ, — представляетъ высокій интересъ и значеніе.

Авторъ поставилъ себѣ задачей, выдѣливъ изъ громаднаго литературнаго и устнаго матеріала тѣ произведенія, которыя можно считать богомильскими, — дать книгу, въ которой эти произведенія были бы собраны воедино и снабжены необходимыми поясненіями и критическими замѣчаніями.

Богомильство, будучи проявленіемъ духовной жизни, представляетъ высокій интересъ для изслѣдованія культурныхъ вліяній южныхъ славянъ, особенно болгаръ, на выработку народами Европы различныхъ міросозерцаній и ученій — вообще тѣхъ раціоналистическихъ движеній, которыя такъ цѣнны для пониманія внутренней жизни человѣчества.

Знакомство съ сущностью богомильства главнымъ образомъ основывается на свѣдѣніяхъ, которыя черпаются изъ источниковъ, происхожденіемъ своимъ обязанныхъ противникамъ и обличителямъ его. Возникающая отсюда извѣстная односторонность въ дѣлѣ выясненія дѣйствительныхъ богомильскихъ идеаловъ, главнымъ образомъ общественныхъ и этическихъ, можетъ быть устранена только изученіемъ тѣхъ произведеній, которыя съ большей или меньшей вѣроятностью должны быть считаемы богомильскими.

Прежде, чѣмъ приступить къ непосредственному разсмотрѣнію богомильскихъ произведеній, г. Ивановъ, какъ введеніе, даетъ очеркъ возникновенія и развитія дуалистическихъ ученій до богомильства, а послѣ и самаго богомильства. Здѣсь сжато, но очень ясно передаются основы маздеизма, монихейства, павликіанства, масаліанства, при чемъ дѣлаются

указанія на главнѣйшую литературу по каждому вопросу. Это обозрѣніе названныхъ ученій подготовляетъ читателя къ ознакомленію съ богомильствомъ. Богомильству г. Ивановъ въ своемъ введеніи отводитъ, конечно, гораздо больше мѣста. Читатель здѣсь знакомится съ условіями появленія богомильства, сущностью его, съ распространеніемъ его и пр. Изъ источниковъ и изслѣдованій по богомильству авторъ указываетъ также только наиболѣе главные, безъ существенныхъ однако пропусковъ, что, конечно, поможетъ всѣмъ занимающимся богомильствомъ разобраться въ литературѣ о немъ. Говоря о распространеніи богомильства въ Византіи, г. Ивановъ останавливается между прочимъ на вопросѣ о національности распространителя его во ѳракійскихъ предѣлахъ и въ темѣ Опсикійской, который назывался Чурила. Г. Ивановъ предполагаетъ, что это былъ болгарскій богомилъ; это предположеніе очень вѣроятно не только въ виду характера имени, но и вслѣдствіе несомнѣннаго очень ранняго проникновенія богомильства именно изъ Болгаріи въ сосѣднія съ нею государства. Послѣ этого введенія авторъ переходитъ къ главной своей задачѣ и въ первой части своего труда (стр. 49—326) говоритъ о »богомильскихъ книгахъ«, т. е. о тѣхъ литературныхъ произведеніяхъ, въ которыхъ или изложены догматы и службы богомиловъ — или въ которыхъ съ большей или меньшей ясностью высказаны богомильскія идеи или богомильскіе взгляды.

Разобраться въ громадной массѣ дошедшихъ до насъ апокрифовъ и выдѣлить изъ нихъ тѣ произведенія, которыя могли бы быть названы »богомильской литературой«, необходимо было давно въ интересахъ правильнаго и всесторонняго изученія богомильства. Кромѣ этюдовъ и очерковъ по богомильству покойнаго К. Радченка, который успѣлъ только намѣтить планъ своихъ работъ въ этой области, — нѣтъ никакихъ изслѣдованій, предпринятыхъ для разбора апокрифовъ въ данномъ направленіи. Такимъ образомъ, монографія г. Иванова является первымъ опытомъ собранія и изученія наиболѣе типичныхъ произведеній изъ оставленнаго богомилами литературнаго наслѣдства.

На первомъ мѣстѣ г. Ивановъ отмѣчаетъ (стр. 60—87) »Тайную книгу«. Такъ г. Ивановъ называетъ то произведеніе, которое извѣстно подъ заглавіемъ »Liber Sancti Johannis«. Основаніемъ для такого заглавія г. Ивановъ принимаетъ строки, которыя слѣдуютъ за разбираемымъ памятникомъ въ Каркасонской его рукописи, которой для своего изданія пользовались Benoist, Thilo и др. Эти строки слѣдующія: »Hoc est secretum hoereticorum de Concorezio, portatum de Bulgaria Nazario suo episcopo, plenum erroribus.« Слово secretum опредѣляетъ сущность произведенія, содержащаго тайныя и сокровенныя мысли дуалистовъ и вполнѣ подходитъ для названія этого произведенія. Приведенныя выше строки изъ Каркасонской рукописи памятника не могутъ быть оставлены безъ вниманія и при вопросѣ о происхожденіи его; онѣ указываютъ на связь его съ тѣми произведеніями, которыя вывозились сторонниками дуализма изъ Болгаріи. О вліяніи на »Тайную книгу« такихъ апокрифовъ, какъ книга Еноха — въ славянской версіи, говорилъ покойный М. И. Соколовъ. Г. Ивановъ цѣлымъ рядомъ сопоставленій (стр. 69—71) показываетъ, что въ текстѣ »Тайной книги« многія мѣста

должны быть признаны передачей (иногда очень близкой) мотивовъ изъ различныхъ апокрифовъ по болгарской версіи ихъ.

Давъ въ ясномъ изложеніи содержаніе »Тайной книги«, г. Ивановъ помѣщаетъ и самый ея текстъ по обѣимъ извѣстнымъ до сихъ поръ рукописямъ — Каркасонской и Вѣнской, при чемъ въ свое изданіе вноситъ исправленія ошибокъ прежнихъ издателей. Это обстоятельство весьма важно, такъ какъ въ нѣкоторыхъ распространенныхъ и вполнѣ доступныхъ работахъ текстъ памятника изданъ очень неисправно. У М. И. Соколова, напр., въ изслѣдованіи — »Славянская книга Еноха Праведнаго« текстъ »Тайной книги« приведенъ безъ исправленія ошибокъ, которыя допустилъ въ своемъ изд. Döllinger. Стр. 87—112 г. Ивановъ посвящаетъ разсмотрѣнію вопроса о новозавѣтныхъ книгахъ у богомиловъ, объ отношеніи богомиловъ къ книгамъ ветхозавѣтнымъ, а также говоритъ о томъ текстѣ молитвы »Отче нашъ«, который они принимали. Отмѣтивъ, какъ общее положеніе, что богомилы употребляли каноническія Евангелія, авторъ приводитъ примѣры того, какъ богомилы толковали и понимали по-своему нѣкоторыя мѣста Евангелія. Эти примѣры, извлеченные г. Ивановымъ изъ сочиненій Козмы Пресвитера, Зигавина, Петра Сарнайскаго и др. даютъ въ общей группировкѣ очень интересную картину. Цѣнна и группировка доказательствъ, что умѣренные дуалисты пользовались нѣкоторыми ветхозавѣтными книгами, къ которымъ, какъ извѣстно, у всѣхъ дуалистовъ обычнымъ было враждебное отношеніе. Остановившись на текстѣ м. »Отче нашъ«, г. Ивановъ замѣчаетъ, что западные дуалисты пользовались такимъ латинскимъ ея текстомъ, который вполнѣ соотвѣтствуетъ тексту, извѣстному православной церкви. »А това, заключаетъ вполнѣ справедливо г. Ивановъ (стр. 112), явно говори, между друго, за източния произходъ на западния дуализъмъ.«

Послѣ этого г. Ивановъ переходитъ къ разсмотрѣніе такъ называемаго »Катарскаго требника«. Этотъ памятникъ, дающій намъ описаніе совершенія западными дуалистами различныхъ службъ и обрядовъ, — очень важенъ для изученія богомильства. Тѣ отрывочныя свѣдѣнія о богомильской обрядности, которыя намъ извѣстны по указаніямъ Козмы Пресвитера и др., — находятся въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ »Катарскаго Требника«. Въ виду этого онъ долженъ быть подвергнутъ внимательному изученію, которое нынѣ значительно будетъ облегчено тѣмъ, что г. Ивановъ далъ описаніе порядка совершенія различныхъ службъ въ переводѣ на болгарскій языкъ съ провансальскаго, на которомъ памятникъ написанъ. Такого рода изученіе поможетъ и выясненію вопроса, нужно ли считать Катарскій требникъ переводомъ или переработкой богомильскаго Требника, какъ думаетъ г. Ивановъ (стр. 115), — или оба они ведутъ свое происхожденіе отъ одного общаго источника.

Послѣ »Катарскаго Требника« г. Ивановъ (стр. 131—164) разсматриваетъ »Исаево Видѣніе«. Этотъ памятникъ пользовался широкимъ распространеніемъ и у восточныхъ и у западныхъ богомиловъ, такъ какъ въ немъ образно высказаны были распространявшіеся ими дуалистическіе взгляды. Г. Ивановъ, обстоятельно изучивъ памятникъ въ различныхъ славянскихъ редакціяхъ по цѣлому ряду рукописей, далъ очень

хорошій текстъ его по найболѣе старому его списку въ Успенскомъ Сборникѣ XII в. съ разночтеніями изъ другихъ рукописей. Параллельно съ славянскимъ текстомъ г. Ивановъ приводитъ и латинскій текстъ »Visio Isaiae« по изданію Тиссрана. Давая этимъ возможность обстоятельно изучать оба текста, г. Ивановъ въ своихъ замѣчаніяхъ о памятникѣ дѣлаетъ цѣлый рядъ очень цѣнныхъ указаній и наблюденій.

Изслѣдователи западнаго дуализма думали, что »Visio Isaiae« ведетъ свое начало отъ греческаго оригинала, который однако извѣстенъ только по заглавію »Ἡσαΐου ὅρασις«. Это утвержденіе происходило оттого, что Charles и другіе западные изслѣдователи не знали стараго славянскаго текста »Исаева Видѣнія«, а были съ этимъ славянскимъ памятникомъ знакомы по современному латинскому переводу. Charles, видя, что этотъ современный переводъ свидѣтельствуетъ о близости славянскаго памятника къ »Visio«, сдѣлалъ предположеніе о происхожденіи обоихъ памятниковъ (слав. и лат.) отъ греческаго оригинала. Г. Ивановъ, указавъ (стр. 155 и слѣд.) на такого рода положеніе вопроса о происхожденіи текстовъ разсматриваемаго памятника, даетъ результаты собственнаго изслѣдованія и сравненія ихъ. Общій выводъ его тотъ, что латинское соч. »Visio Isaiae«, бывшее въ употребленіи у западныхъ богомиловъ, было переведено не съ греческаго, а со староболгарскаго текста »Исаева Видѣнія«. Внимательно сравнивая тексты, г. Ивановъ замѣтилъ, что ошибки славянскаго текста въ собственныхъ именахъ, неясныя въ немъ выраженія и проч. — полностью отразились въ латинскомъ памятникѣ, въ которомъ сказались также и нѣкоторыя неправильныя пониманія славянскихъ грамматическихъ формъ. Всѣ приведенныя г. Ивановымъ случаи должны быть признаны настолько убѣдительными и основательными, что его выводъ о происхожденіи »Visio Isaiae« отъ болгарскаго памятника долженъ быть принятъ, какъ одно изъ наиболѣе яркихъ и рельефныхъ доказательствъ вліянія болгарскихъ богомиловъ на дуалистовъ западныхъ въ процессѣ выработки послѣдними своего ученія и міросозерцанія.

Разсмотрѣніемъ »Исаева Видѣнія« г. Ивановъ заключаетъ группу »главныхъ« богомильскихъ произведеній и переходитъ къ »второстепеннымъ«, т. е. къ такимъ, которыя были приспособлены богомилами для цѣлей пропаганды (стр. 59).

Къ числу этихъ произведеній г. Ивановъ отнесъ слѣдующія: 1. Книга Еноха, 2. Откровеніе Варуха, 3. Слово объ Адамѣ и Евѣ, 4. Дѣтство Іисуса Христа, 5. Преніе Христа съ дьяволомъ, 6. Разумникъ (Бесѣда трехъ святителей), 7. Болгарская апокрифическая лѣтопись, 8) О Морѣ Тиверіадскомъ, 9. Греческая легенда о сотвореніи міра (*Περὶ κτίσεως κόσμου*), 10. Почетие свиета (боснійская легенда). Каждому изъ этихъ произведеній г. Ивановъ посвящаетъ болѣе или менѣе обширную монографію по такому плану: разсмотрѣніе рукописей и изданій текста, текстъ памятника по лучшей рукописи, иногда по такой, по которой памятникъ еще издаваемъ не былъ — при чемъ всегда приводятся разночтенія изъ другихъ рукописей. Послѣ этого идетъ передача (всегда очень ясная) содержанія памятника и, наконецъ, историко-литературныя замѣтки, которыя по существу являются изслѣдованіями о памятникѣ

съ разборомъ другихъ работъ о немъ и съ обстоятельнымъ указаніемъ въ памятникѣ тѣхъ элементовъ, которые должны считаться богомильсками. Большинство разсмотрѣнныхъ указаннымъ образомъ произведеній, какъ видно и по ихъ заглавіямъ, хорошо извѣстны въ наукѣ; изъ нихъ не пользуются такой извѣстностью памятникъ, напечатанный г. Ивановымъ подъ заглавіемъ »Български апокрифенъ лѣтописъ«. Этотъ памятникъ, извѣстный только по одной рукописи (Преображенскаго старообрядческаго М. въ Москвѣ) и изданный только одинъ разъ (Стояновичемъ въ 1890 г.) подъ заглавіемъ „Сказаніе Исаіе пророка како вьзнесенъ бысть аггломъ до 3-го небесы", привлекалъ къ себѣ мало вниманія изслѣдователей. Заключающіяся же въ немъ легендарно-историческія указанія о болгарахъ вызываютъ много вопросовъ и споровъ. Г. Ивановъ введеніемъ этого памятника въ циклъ богомильской литературы и своими къ нему разъясненіями ставитъ на очередь подробное изученіе этой апокрифической лѣтописи. Должно возбудить большой интересъ и произведеніе, приведенное г. Ивановымъ подъ заглавіемъ »Босненска легенда за сътворението на свѣта«. Она извѣстна только по одной рукописи (Пловдивская Народная библіотека) и была напечатана проф. Б. Цоневымъ въ »Описаніи« рукописей этой библіотеки въ 1920 г. — Легенда, нынѣ впервые вводимая г. Ивановымъ въ циклъ историко-литературныхъ матеріаловъ, и по общей схемѣ и по большинству переданныхъ въ ней эпизодовъ должна быть относима именно къ богомильскимъ произведеніямъ, но при этомъ къ тѣмъ изъ нихъ, которыя имѣютъ характеръ народныхъ легендъ, возникшихъ подъ книжнымъ вліяніемъ. Г. Ивановъ предполагаетъ (стр. 324, 382), что легенда эта, заключающая въ себѣ имена Сатанаила и Люцифера и рядъ туманныхъ намековъ на знакомство автора ея съ различн. богомильскими произведеніями, — первоначально была написана, а потомъ стала передаваться устно. Послѣ этого съ цѣлымъ рядомъ наслоеній она снова была записана въ томъ видѣ, въ которомъ мы ее имѣемъ теперь. Въ виду несомнѣннаго участія устнаго разсказа въ завершеніи имѣющейся въ нашемъ распоряженіи редакціи — легенда эта пріобрѣтаетъ высокій интересъ и значеніе при изученіи вопроса о созданіи народныхъ легендъ, въ которыхъ передавались богомильскіе мотивы; такимъ именно легендамъ г. Ивановъ посвящаетъ вторую часть своей книги (стр. 327—382).

Изъ показаній источниковъ (напр. Козмы Пресвитера) мы знаемъ, что богомилы распространяли свое ученіе при помощи различныхъ »басенъ«. »Басни« эти основательно укрѣплялись въ памяти народа и, подвергаясь всевозможнымъ наслоеніямъ и передѣлкамъ, дошли до насъ въ массѣ различныхъ преданій, разсказовъ, легендъ и проч. Такого рода произведенія имѣютъ исключительное культурно-историческое значеніе, а потому выборъ ихъ изъ общей массы и группировка по сюжетамъ и мотивамъ должны дать много цѣннаго для изслѣдованія богомильства. Г. Ивановъ привелъ 16 наиболѣе рельефно выражающихъ богомильскіе взгляды легендъ, записанныхъ въ различныхъ мѣстахъ Болгаріи. Этотъ матеріалъ въ книгѣ г. Иванова, а также его соображенія о происхожденіи такихъ народныхъ легендъ должны привлечь вниманіе собирателей и изслѣдователей произведеній народной словесности. Расширеніе изученій

въ этой области дастъ возможность провѣрить и выяснить рядъ вопросовъ о богомильствѣ, а въ томъ числѣ и основной вопросъ о томъ, были-ли славянамъ по ихъ исконнымъ, отъ язычества ведущимъ начало вѣрованіямъ свойственны вѣрованія дуалистическія или нѣтъ. Колебанія въ рѣшеніи этого вопроса, какъ извѣстно, существуютъ въ наукѣ и въ значительной степени затрудняютъ выясненіе деталей возникновенія и развитія богомильства у славянъ.

Богомильство не перестаетъ интересовать изслѣдователей; съ выясненіемъ новыхъ доказательствъ его вліянія на западно-европейскія религіозныя вѣрованія оно все болѣе и болѣе привлекаетъ вниманіе ихъ. Книгѣ проф. Йор. Иванова, дающей внимательное разсмотрѣніе и цѣнныя поясненія собранныхъ во-едино важнѣйшихъ произведеній богомиловъ, несомнѣнно предстоитъ еще болѣе усилить это вниманіе и облегчить работу по изученію богомильства. Она для всѣхъ работающихъ въ этой области явится надежнымъ и авторитетнымъ руководствомъ, и нужно искренно желать, чтобы г. Ивановъ возможно скорѣе осуществилъ свое намѣреніе выпустить въ свѣтъ приготовляемую имъ работу по исторіи богомильства.

Софія, май 1925. *М. Попруженко.*

Alojzy Wanczura: **Szkolnictwo w starej Rusi.** Z przedmową prof. dra Aleksandra Brüknera. Lwów. Wydawn. Zakładu narodowego imienia Ossolińskich. 1923. 8⁰, XI + 240.

Монография польского ученого А. Ванчуры, как по теме, так и по выполнению представляет интерес не только для русской науки, но и более широкий — для истории просвещения и литературы славянских народностей вообще, давая критически освещенный материал для истории не только русской школы в прежнее время, но и для иных славянских племен и польского в значительной степени. Конечно, центр тяжести, согласно принятой им на себя задаче, лежит у автора на критическом освещении материала русского: того, что до сих пор сделано было по истории школы в древней Руси главным образом русскими учеными, того, что дают в этом отношении русские источники. Весь этот материал автор, прекрасно осведомленный в литературе предмета, анализирует с большой полнотою и детальностью, не ограничиваясь только изданным, но также привлекая значительный и рукописный материал, почерпаемый им преимущественно из рукописных собраний б. Казанской Духовной Академии.

Преобладающий критический характер своей работы А. Ванчура оправдывает тем общим положением в современной науке, когда вопросы, казалось, уже окончательно решенные, при дальнейшем развитии науки оказываются подлежащими новому пересмотру во всем их объеме. В этом случае автор вполне основательно следует не раз уже высказанному в русской науке взгляду, между другими и А. Пресняковым (которого по этому поводу он и цитирует, стр. 38).

Труд свой по истории школы в древней Руси А. Ванчура ограничил более или менее определенными хронологическими границами

X—XVI, или скорее, X—XV веков, т. е. в пределах того периода русского прошлого, когда Русь жила еще старыми основами, заложенными Византией и югославянством, до начала влияния, идущего с европейского Запада, прежде всего через Польшу, и ранее обнаружившегося в русских областях, вошедших в состав Литовско-польского государства: этот период жизни русской школы, наиболее скудный источниками, а потому и наиболее темный, особенно нуждался в освещении, так как до сих пор в русской науке существует значительное разногласие представлений о русской школе, ее характере, значении в истории русской культуры, представлений, столь противоречивых часто, что одна теория целиком или в значительной степени иногда исключает другую: новый критический пересмотр вопроса был необходим. С пересмотра в хронологическом порядке этих теорий и их критической оценки и начинает свой труд А. Ванчура (Rozdział I, стр. 1—38). Все взгляды на школьное дело, существующие в науке, автор делит на две основных группы: взгляды оптимистические, опирающиеся главным образом на известия, сообщаемые В. Н. Татищевым в его Истории Российской (1768 г.) (представителями их являются: С. Шевырев, митр. Макарий, Н. К. Никольский, Х. М. Лопарев и др.), и пессимистические, отрицающие достоверность известий Татищева, но в тоже время допускающие довольно высокую ступень школьного дела в древней Руси в первые века (X—XI), затем быстрое и глубокое его падение (Е. Е. Голубинский); несколько особняком стоят взгляды промежуточного характера: отрицание свидетельств Татищева и признание в общем низкого уровня школьного дела на всем протяжении древнего периода истории Руси (И. Е. Забелин), отрицание Татищева, но в то же время необходимость ограничить и пессимистический взгляд на просвещение древней Руси, в частности южной, (т. е. комбинация обеих основных групп — М. С. Грушевский, см. стр. 35—36). Из этой схемы, устанавливаемой А. Ванчурой, ясно, какое значение для установления взгляда на древнерусскую школу в глазах русских историков имел Татищев; поэтому автор исследования, вполне естественно, счел себя обязанным установить правильный взгляд на историческую ценность свидетельств Татищева; этому и посвящена им целиком вторая глава его труда (Rozdział II, стр. 39—76).

Чтобы определить степень достоверности фактов, сообщаемых Т-ым, автор дает характеристику его, излагает понятия о задачах историка в первой половине XVIII ст. (когда писалась »История« Т-ва), прослеживает процесс создания »Истории«, намечает редакции дошедшего самого татищевского текста, старается выяснить тенденцию, лежащую в основе »Истории« Татищева, наконец, сопоставляет места »Истории«, касающиеся школьного вопроса древней Руси, с теми источниками, какими располагал Т-в, и которые известны и нам. В результате у него получается тот вывод, что все лишнее против этих источников, якобы фактическое у Татищева, оказывается на деле добавленным самим Т-ым, но не на основании каких либо нам теперь неизвестных источников, доступных якобы Т-ву, а просто амплификациями, домыслами самого автора »Истории«, которые он делал на основании распространительного

толкования известных источников, или делая логический вывод из так истолкованных им же известий или придавая известным фактам толкование применительно к основной его тенденции (а она заключалась в том, чтобы обелить старую Русь от наветов и лживой клеветы, которые были о ней распространены и в прежнее время и в его, Татищева, время, дать оправдание реформе Петра Великого). В проведении такой тенденции, устранении всего, что могло бы быть истолковано не в пользу России и ее прошлого, помогали Т-ву оффициальные более или менее лица, которым он давал на просмотр свой труд (такими были: Амвросий, архиеп. Новгородский, Артемий Волынский, архитектор Еропкин, А. Хрущов и, м. б., и другие). Т. о., если выделить из текста Татищева о школе то, что приходится на долю »амплификаций«, что внесено его »цензорами«, останется текст, который не дает ничего, чего бы мы не знали из других нам доступных, частью общих с Т-ым, источников. В результате, ценность известий Татищева, естественно, сводится к нулю. После этого становится ясной позиция и самого А. Ванчуры среди исследователей истории старой русской школы: он не примыкает ни к оптимистам, ни к крайним пессимистам; если он стал к кому либо из них ближе, то, скорее всего к И. Е. Забелину. Этот удачный анализ известий Татищева, даже взятый отдельно, составляет несомненную заслугу нашего автора, как строго фактический и объективный. В одном, разве, можно только упрекнуть автора: для объяснения того, как Т-в мог решиться на измышление фактов (»апокрифы«) в области истории, А. Ванчура пробует подойти к личности Т-ва с этической, моральной стороны (стр. 42—43); иначе трудно понять, зачем он подчеркивает в биографии Т-ва то, что это был не только типичный »птенец гнезда Петрова« с его отвращением к старому духовенству и его горячим стремлением сеять просвещение, но и чиновник-взяточник, систематический казнокрад? Как эта черта отразилась на его историческом труде? То, что сказано о зависимости Т-ва от современных ему взглядов на историю и ее задачи, на допустимость тенденции в ней, вполне объясняет систему работы Т-ва; его моральная неустойчивость здесь ни при чем: искажение, сочинение фактов у него (да и у многих людей XVIII века) — результат общеисторических воззрений его времени, а не личный недостаток его, как человека. Эти страницы книги без ущерба для дела свободно могли бы отсутствовать...

Следующая глава (Rozdział III, стр. 87—132) посвящена началу и путям школьного просвещения в старой Руси. Имея в виду прежде всего читателей поляков, при том таких, ко орым мало знакомы специальные вопросы славяноведения и русской истории, связанные так или иначе с просвещением и его историей на Руси, А. Ванчура дает ряд обстоятельных пояснительных экскурсов (впрочем, не выделяя их из общей связи своего изложения); разумеется, экскурсы эти с научной стороны нового представляют мало, но являются в данном случае вполне уместными; таковы вопросы о времени появления письменности у русских, о роли татар в истории русской жизни и др. Относительно этих экскурсов можно заметить следующее. Не смотря на стремление автора к обстоятельности в этом отношении, дело не обошлось без промахов.

Так, остановившись на вопросе о письменности на Руси до принятия ею христианства, в частности на договорах Олега и Игоря с греками, он совершенно основательно не видит в них доказательства существования письменности в дохристианской Руси; также смотрит он и на статью черноризца Храбра о письменах, согласно с принятым теперь мнением в науке (стр. 78—82). Но в то же время он оставляет без внимания, даже вовсе не касаясь, такое свидетельство, которому еще так недавно придавали большое значение при решении вопроса в положительную сторону: я имею в виду те загадочные строки паннонского жития Кирилла Славянского, где говорится о русской псалтири и евангелии, найденных им в Херсонисе. Если и это указание теперь истолковывают иначе (ср. недавнюю заметку Г. А. Ильинского в Записках Саратовск. ун.), то во всяком случае для вопроса о русской письменности, о которой здесь идет речь у нашего автора, это место жития Кирилла имеет не меньшее значение, нежели статья Храбра или вопрос о руническом письме (и о нем говорит А. Ванчура), хотя бы как еще одно подтверждение отрицательного вывода о дохристианской письменности у русских. Кстати нужно отметить, что и по отношению к самой статье Храбра у него есть недочет: анализируя эту статью Храбра, он рассуждает только о первой половине свидетельства Храбра, оставив в стороне вторую часть этого свидетельства (»крестивше же ся римсками и гръческами письмены нуждаахуся«), которая несколько меняет картину положения письменности у славян до изобретения Кирилла, и, поскольку югославянская статья Храбра применима к русским, постольку должна быть учтена и приведенная фраза и по отношению к темже русским: и они, давно находившиеся в сношениях с греками, могли (так ли было на самом деле, иной вопрос) употреблять греческие письмена для звуков своей речи. Во всяком случае, игнорировать эту часть свидетельства Храбра, раз он привлечен к диэгезе, автору не следовало. Но это, разумеется, мелочи, и тем более незначительные, что место их — в упомянутых экскурсах, а потому они в существе не нарушают правильности основного положения и тем более наиболее ценного вывода, полученного автором в этой главе; а вывод этот сводится к следующему: попытки Владимира обучениия детей и заботы Ярослава о распространении книжного просвещения имели в виду интересы церкви — создание грамотного клира для отправления богослужения; школы в собственном смысле они не создавали, а распределили детей между учителями, которые в целях подготовки практических работников и ограничивались необходимым, т. е. обучением чтению церковных книг и порядку церковных служб. Эта попытка положила начало той »дьяческой« школе, которая носила характер частный, так как ни князья, ни духовенство само не приняли на себя обязанности поддерживать, а тем более организовать систематическую школу общественного характера. Школа эта частная, имевшая чисто утилитарный характер для нужд церкви, оказалась главным образом в руках низшего духовенства — дьяков — и получила вместе с тем характер ремесла. Такой эта школа и оставалась в течении столетий до начала систематической более или менее правильной школы, явившейся результатом уже новых за-

ЗАДНОЕВРОПЕЙСКИХ веяний в русской жизни. О какой либо высшей школе ри таких условиях не могло быть и речи, поэтому лица, обладавшие олее высоким образованием, оказываются случайностью, обязанными воим личным качествам и исключительно благоприятным условиям оей жизни. Энергично возражает автор и против распространенного нения о просветительной роли монастырей русских в старое время тр. 122). С этой целью он рисует неприглядную, мрачную картину онастырской жизни: такая обстановка и культурный уровень монаества ничего общего с просвещением, тем более с сознательным стремением к его распространению, конечно, не имеют. Читая эти страницы сследования, приходится убедиться в некоторой односторонности, если предвзятости, взглядов исследователя. Конечно, монастырь не был естом школы, как системы образования, как учреждения общественого или государственного; но при общем частном характере обучения, , как организация, особенно тесно связанная по существу с церковью ее нуждами и функциями, требовавшими именно здесь сосредоточения одей грамотных и »письменных«, монастырь этот не мог не быть приастным к делу обучения, хотя бы такого утилитарного образования, аким оно было на Руси; и эта роль не может быть отнята у монаыря. Такое положение монастыря имело своим следствием то, что десь дело не ограничивалось только элементарным образованием в виде рамотности; большинство идейных движений в русской религиозной изни, нашедших себе отражение в литературе, оказывается связанным монастырем (напр. »заволжские старцы«, »иосифляне«); и тот факт, го громадное большинство литературных памятников и их рукописи охранено нам именно монастырскими библиотеками, а самые рукописи — онастырского производства — и не только в области духовной, релиозной литературы — говорит, что роль монастыря была несколько ной, нежели то можно вывести из слов нашего автора. Поэтому нельзя огласиться с таким категорическим его заявлением: »Klasztory ruskie ie odegrały w sprawie oświaty staroruskej żadnej, ale to literalnie adnej roli dodatniej« (стр. 122). Видимо, автор-исследователь искавший истории школы, явления, предполагающего систему и правильную общевенную или государственную организацию, но на деле принужденный меть дело с „приватной", „кустарной" учебой в древней Руси, единвенным видом „школы", не учел в своем исследовании участия в этой риватной школы монастыря, как организации, по существу в некоторых тношениях связанной с этой школой, и потому рядом с »дьяческой« колой, съигравшею известную роль в истории русского просвещения литературы. Конечно, этим не опровергается общее представление втора о весьма невысокой степени просвещения на Руси: роль монаыря была не такова, чтобы изменить этот низкий уровень; но в числе ругих факторов она дает нам объяснение явлений, но не как исклюений, а явлений, органически вытекавших из условий жизни той или ной эпохи, в роде указанных мною выше.

Остальные три главы книги касаются: системы и порядка обучения акой приватной школы (стр. 133—178), домашнего воспитания и обнения в семьях проимущественно достаточных классов населения (бо-

ярство, купечество) (стр. 179—197) и, наконец, общего характера и объема научных понятий в старой Руси до начала западного влияния (стр. 198—227). Метод автора и здесь остается тем же, что и выше: строго фактичным, критическим и документальным; только здесь он несколько еще углубляет свое исследование, чаще, чем выше, прибегая к аналогии и сравнению излагаемых им явлений с подобными же в западной Европе и в частности в Польше. Но в этом отделе книги положение его особенно осложняется тем, что ему здесь приходится иметь дело с явлениями более сложными при ощутительном еще более, нежели выше, недостатке современных избранной им эпохе источников; поэтому он, исходя из традиционности не только взглядов и идей, но и выражения их в источниках, принужден пользоваться данными, идущими из более поздних эпох — не только XVI века, но и XVII-го и даже XVIII и XIX-го (разумеется, поскольку в источниках этих последних веков можно уследить переживания старины). Очертивши кратко старые русские педагогические идеалы на основании немногих популярных поучений вроде »Слов св. отец, како детем чтити родителя своя«, и ходячих и применяемых и в школьном деле собраний изречений Иисуса Сирахова и Соломона, автор все свое внимание сосредоточивает на бытовой стороне школьной практики, подробно излагая положение учителей-мастеров системы обучения грамоте и письму (которое, по наблюдениям автора не входило органически в школьное обучение, а было отдельной отраслью ремесла), школьные обычаи и нравы (»каша«, розга) и т. д. Домашнее воспитание и обучение, по мнению автора, по существу, не отличалось от обычного »дьяческого« (здесь, стр. 183—186, экскурс о пестунах воспитателях), поэтому и результаты его были теми же, т. е. очень мало успешными. Наконец, в последней (IV) главе (Charakter i zakres staroruskich pojęć naukowych, стр. 198—227), на основании ряда просмотренным им рукописных сборников, главным образом на основании »Азбуковника« — этой своеобразной энциклопедии XVI—XVII века, восходящей однако, в своих основах к старейшему периоду русской письменности — автор пытается дать очерк и наметить объем того, что и по каким научным дисциплинам было доступно старой Руси: этого он достигает перечнем этих дисциплин, иллюстрируя его кое-где примерами взятыми из литературных источников. Общий вывод касательно круга и степени познаний, которыми мог располагать грамотный человек старой Руси, таков: »Ogólny bilans stanu nauk w starej Rusi przestawia się nieszczególnie, ale pamiętać też należy, że w dannych warunkach korzystniej przechstawiać się nie mogł«. Причина столь неблестящего состояния просвещения кроется, по мнению автора, в том византийском влиянии, которое было в силе до конца XV века, только в начале XVI-го начав сменяться западно-европейским — »via Polska«.

Таково в общем содержание интересной книги А. Ванчуры. Несомненно она должна быть сочтена полезным вкладом в историческую науку: это — подсчет почти всего того, что до сих пор сделано, преимущественно русскими учеными, по истории русской школы, а вместе с тем указание для них того, что еще должно быть сделано ими в этом отношении в связи с изучением общего культурного развития старой

Руси. Это, действительно, »пересмотр« старого вопроса, но, конечно, еще не решение этого вопроса: поэтому-то общий характер труда автора аналитический и критический по преимуществу, в нем преобладает местами изложение и оценка сырого материала для построения истории школы до XV века. Это — одна из подготовительных стадий для русской такого построения: самая история остается еще не написанной; автор для нее расчищает путь.

И за такой подготовительный труд русская наука обязана быть признательной польскому автору.

М. Сперанский.

Е. А. Ляцкій: **Романъ и жизнь. Развитіе творческой личности Гончарова. I. 1812—1857.** Изд. »Пламя«. Прага. 1925. Стр. 393.

Е. А. Ляцкій давно уже занимается изученіемъ личности и творчества Гончарова и среди современныхъ историковъ русской литературы является однимъ изъ лучшимъ, если не лучшимъ знатокомъ знаменитаго романиста. Въ своей новой, только что вышедшей работѣ, посвященной послѣднему, онъ поставилъ себѣ въ высшей степени интересную задачу — изслѣдовать связь жизни и творчества Гончарова и такимъ путемъ освѣтить загадочный процессъ художественнаго творчества, проникнуть въ ту область, которую современные Гончарову критики называли »таинственной лабораторіей духа«. »Освѣтить хотя бы робкимъ свѣтомъ душу большого художника и одного изъ остроумнѣйшихъ людей своего времени — говоритъ Е. А. Ляцкій въ своемъ предисловіи — казалось мнѣ увлекательнымъ, когда я писалъ эту книгу. Думалось, кромѣ того, что разсказать жизнь Гончарова слѣдовало вообще, ибо сама она къ настоящему времени стала исторически любопытной . . . Хотѣлось, наконецъ, досказать нѣсколько соображеній, не вошедшихъ въ мои »критико-біографическіе очерки«, и полнѣе представить развитіе личности Гончарова въ рамкахъ его жизненной и житейской обстановки«.

Первый томъ задуманной такимъ образомъ книги охватываетъ время съ 1812 г. по 1857 г., отъ рожденія Гончарова до написанія имъ »Обломова«. Шагъ за шагомъ проводитъ читателя авторъ черезъ ограниченный этими хронологическими рамками періодъ жизни своего героя, тщательно собирая весь наличный біографическій матеріалъ, дополняя его автобіографическими данными, заключающимися въ произведеніяхъ самого Гончарова, и обрисовывая попутно ту обстановку, въ которой развертывалась его жизнь. Передъ глазами читателя поочередно проходятъ старый Симбирскъ съ окружавшими его помѣщичьими усадьбами, купеческій Гончаровскій домъ съ его обитателями и сосѣдями, московскія среднія и высшія учебныя заведенія съ ихъ учителями и профессорами, симбирская чиновничья среда середины XIX вѣка, петербургскія канцеляріи и петербургскіе литературные кружки этой же поры, русскій корабль, совершающій кругосвѣтное путешествіе, петербургская цензура начала царствованія Александра II — и на фонѣ этихъ разнообразныхъ картинъ вырисовывается фигура Гончарова, вбирающаго въ себя ихъ разнородныя впечатлѣнія и постепенно складывающагося въ опредѣленную личность,

выростающаго изъ мальчика въ юношу и изъ юноши въ зрѣлаго, установившагося человѣка. Съ большимъ мастерствомъ излагаетъ авторъ какъ ростъ этого духовнаго развитія въ его послѣдовательныхъ стадіяхъ, такъ и сопутствовавшую ему обстановку, и самый характеръ изложенія, самый стиль, усвоенный авторомъ, нарядный, нѣсколько замедленный, порою может быть, нѣсколько черезчуръ приподнятый, въ общемъ хорошо соотвѣтствуетъ его темѣ, создавая своеобразную гармонію формы и содержанія. Въ результатѣ читатель получаетъ въ книгѣ Е. А. Ляцкаго красиво написанную и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно богатую фактическимъ содержаніемъ біографію Гончарова.

Но этой біографіей не исчерпывается интересъ данной книги. Задача ея автора, какъ мы видѣли, много шире, онъ стремится связать жизнь художника съ его творчествомъ, освѣтить послѣднее при помощи первой, и эту задачу онъ неуклонно преслѣдуетъ на протяженіи всей своей книги. Излагая послѣдовательные этапы жизненнаго пути Гончарова, онъ постоянно обращается отъ человѣка къ художнику, все время слѣдитъ за тѣмъ, какъ отражались и преображались непосредственныя жизненныя впечатлѣнія въ художественномъ его творчествѣ. И собранныя имъ въ этой области наблюденія представляютъ чрезвычайно большой интересъ, позволяя, дѣйствительно, до извѣстной степени проникнуть въ »таинственную лабораторію духа« и нагляднѣе представить себѣ пути художественнаго творчества. Особенно интересны въ этом смыслѣ главы книги, посвященныя кругосвѣтному путешествію Гончарова и впечатлѣніямъ, связаннымъ съ писаніемъ »Обломова«. Въ первомъ случаѣ авторъ щедро использовалъ письма, которыя Гончаровъ отправлялъ друзьямъ съ корабля — письма, нерѣдко болѣе яркія и во всякомъ случаѣ болѣе раскрывающія его душевныя переживанія, чѣмъ его позднѣйшая книга объ этомъ путешествіи. Въ главахъ же, говорящихъ объ эпохѣ созданія »Обломова«, авторъ обстоятельно показываетъ, какъ подлинный эпизодъ жизни Гончарова — его увлеченіе Е. В. Толстой — послужилъ почвой для созданія художественнаго образа Ольги Ильинской, одновременно и сходной съ Толстой, и отличной отъ нея. Перечислить всѣ такія наблюденія автора значило бы пересказать значительную часть книги Е. А. Ляцкаго. Это, конечно, невозможно и достаточно сказать, что, если въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, немногихъ случаяхъ Е. А. Ляцкій и идетъ, можетъ быть, черезчуръ далеко въ сближеніи жизни и творчества художника, то въ общемъ это сближеніе проведено имъ съ большою тонкостью и убѣдительностью и онъ собралъ на этомъ пути большой матеріалъ для разрѣшенія той основной проблемы, которую онъ поставилъ себѣ и которая выходитъ далеко за предѣлы творчества единичнаго, хотя бы и очень крупнаго художника, имѣя несравненно болѣе широкое значеніе.

Взятая въ цѣломъ, книга Е. А. Ляцкаго является такимъ образомъ цѣннымъ и красивымъ вкладомъ въ исторію русской литературы и остается только пожелать, чтобы за первымъ томомъ этой книги возможно скорѣе послѣдовалъ второй, содержаніе котораго должно быть не менѣе интересно.

В. Мякотинъ.

Кићине приче. Народни хумор. Београд 1923, str. 160.

V Niši vydával se po řadu let list velmi zvláštní, nazvaný »Kića, List za šalu, zabavu i prikupljanje narodnih umotvorina«, v týdenních lhůtách, tedy list, který sledoval cíle lidopisné. Tím zajisté zasluhoval zájem kruhů, které by jinak sotva byly si všímaly nevzhledného venkovského časopisu. Ale právě proto list nepronikal do sfér vědeckých, ba bude sotva některá knihovna také na slovanském jihu, která by měla úplný jeho výtisk. Proto jest velice vítáno, že se vydavatelstvo jeho postaralo o úhrnné vydání prosaických tekstů, které během let byly v něm vytištěny. Leží před námi 5 dvouarchových sešitků, kteréž tvoří první svazek. Jest to kniha nikterak nezajímavá, naopak zasluhuje vší pozornosti každého, kdo se zabývá studiem lidových podání, a chceme tu zvláště na ni upozorniti.

Materiál jest ovšem tak uspořádán, aby poutal zájem čtenáře ze širších kruhů. V každém sešitě následují za sebou nejrozmanitější povídky, žerty, vtipy atd., na konci každého sešitu tištěny různé připitky, říkadla a j. p. Pod každým příspěvkem poznamenáno jméno zasílatele jeho i též místo, a tím se dodává každému číslu ráz autencity, co nebývalo zhusta ani v odbornějších a literárních listech jihoslovanských.

Čteme tu nemálo věcí zajímavých, cenných pro folklore, a některé aspoň buďtež tu připomenuty:

str. 4. otištěn zvláštní svatební zvyk, nevěsta zkouší se jakýmsi měřením, může-li roditi;

str. 11. Jak vznikli pstruzi? Zajímavá verse látky o oživení pečené ryby. Sultán se ženou a vezírem udělali si procházku ze sídelního města do hor. Nad potokem poručili kuchaři, aby připravil oběd. Ke konci dal kuchař na stůl ještě tři pečené ryby. Tu mínil sultán: kdo by mohl je oživiti? Odpověděl kuchař, že by se to mohlo státi, kdyby všickni tři se tu upřímně vyzpověděli a svá přání vypověděli. Jak to učinili, vyskočily ryby přímo do potoka. Lid praví, že to byli pstruzi, kteří po bocích vyhlížejí pestří jako pečení. V této formě jest to legenda, pokud vím, ojedinělá. Na Balkáně, v Srbsku a Makedonii spojuje se tato legenda o oživení ryb s pověstí o záhubě Cařihradu a vítězství Turků, viz Godišńica Nikole Čupića XXIV, 284. Sbornik za nar. umotvor. XVI-XVII, Mater. str. 308, 310; tu se vypravuje o podobně pestrých rybách mořských, ale nejsou jmenovány. Jiné jsou legendy novozákonní o vzniku kambaly-platejsa, srv. Dähnhardt, Natursagen II, str. 2, 269;

str. 12. »Pametan starac« 5 penízků hází do vody, 5 dává na úrok, 5 splácí na dluh a 5 spotřebuje na své živobytí. Stará to povídka již z Gesta Romanorum známá, vyd. Oesterley, kap. 57, St. čes. kap. 36. »Kovář Foka«, Crane Italian Folk-Tales 309, 382 č. 107, jihoslovanské verse jsou: Vuk Vrčević, Srp. nar. pripov. kratke 61 č. 138, Bos. Vila XXVI (1911), 221, Zbornik nar. život už. Slav. XI, 287 č. 16, Mijat Stojanović, Pučke pripov. 91 č. 20;

str. 15. Gjavo u najmu, nemůže napravovati ženský vlas. Viz Kubín, Kladské pov. I, 112, č. 59, II. 109, č. 27;

str. 24. Tri sestre, šišlavé, stejně ještě na str. 77. Viz Anmerk. K. H. Grimm III, 236 č. 155;

str. 37. Muž šel do světa hledat žen hloupějších, než je jeho žena. Srv. Kubín, Podkrkonoší záp. 675 č. 63, Javorskij, Pam. 222 č. 88. První vidí, jak se rozplakaly matka s dcerou, jaké nebezpečí hrozí jejímu vnukovi, viz Anmerk. KHM. Grimm I, 335 č. 34, pod. Šaulić 67, č. 19. Po druhé vidí, jak vytahují koně na půdu, aby vyseděl vejce místo slepice, obyčejně vytahována kráva (kozel) na střechu, věž, aby se napásla tam trávy, Hagen, Narrenbuch 175, Bos. Vila XXV, 334, Javorskij 331 č. 87, Smirnov Sb. velkorus. 477 č. 175, 539, č. 191, 3; ořechy (vidlemi) se házejí na půdu.

str. 39. Muž namluvil své povídavé ženě, že snesl vejce. Zaslechl o tom král, že snesl 99 vajec a zavolal ho. V literatuře hojně vzdělána již dávno až po Lafontaine, srv. Montanus Schwankbücher 592 č. 6; ze slovanských podání znám jen polskou povídku, Lud. VI, 345 č. 9. Jsou ovšem ještě jiné obměny, jako na př. pomořanská, Jahn VM. Pommern-Rügen 153 č. 26. Obyčejně namlouval muž ženě, že se dopustil vraždy, srv. Crane Italian pop. tales 308, 381, Jegerlehner SM. Oberwallis 52, 312 č. 74, Chauvin Bibliographie arabe VIII, 197 č. 238, Cosquin Études folcloriques 493, Zs. Ver. f. Volkskunde sv. 33—34, 77 č. 13.

str. 46. »Učevňaci«. Student namluvil sedlákovi, že byl z trestu přeměněn v osla, ale nyní je svých hříchů zproštěn. Pod. Zbornik nar. život juž. slav. XI, 138, Malý, 4. vyd. 184, Köhler Klein. Schrift. I, 507-8, Pröhle KVM. 228 č. 73, Simrock DM. 66 č. 12, Harten-Henniger, Niedersächs. M. I. 101, Merkens, Was sich das Volk erzählt I, 208 č. 250, Sébillot Joyeuses histoires 26, Zs. f. Volkskunde II (1890), 206 (alban.), Etnograf. Zb. VI, 88 č. 241, VIII, 74 č. 145, Rudčenko Južnorusk. sk. II, 175, Federowski Lud białorus. III, 243 č. 484, 485, Chauvin Bibliogr. arab. VII, 136, č. 406.

str. 54-56 »Zaludila čoveka«. Muž prý vyoral na poli ryby, zbláznil se. Podobně Karadžić III, 109, Mijat Stojanović Pučke pripov. 192 č. 40, Sumcov Razyskanija anekdot. lit. 85, Chauvin Bibliogr. arabe VIII. 69.

str. 57-59. »Istajao se greha«. Vrah, který zabil 98 loupežníků, křivopřísežníků, dosáhne odpuštění hříchů, až se mu ujme oharek, zasazený na vrchu. Oharek se ujal, až když zabil ještě dva zlosyny, ubírající se na zlý skutek. Zvláštní obměna legendární pověsti o kajicném loupežníku Madeji, viz Anmerk. KHM. Grimm. III, 465, 469;

str. 66. »Dva siromaha«. Kdo má větší moc, bůh čili král, štěstí čili neštěstí? Podobně Bos. Vila VI, 13, X, 300, Luča 1896 str. 85, Kordunaš IV, 5, Šaulić 91 č. 29, Zs. f. Volkskunde II (1890) str. 216 (alban.), Kretschmer Neugriech. M. 34 č. 9, Hanauer Folklore of the Holy Land 163, Chauvin Bibliogr. arabe. VI, 31 č. 202. Lee Decameron 300;

str. 68-70. »Nije joj vreme«. Smlouva služební, srv. Kubín, Podkrkonoší záp. 619 č. 54, 692 č. 123, 697 č. 148;

str. 70. »Can, can . . .« milenec skryl se mezi hrnce, hospodář se znenadání vrátil, tloukl holí po hrncích, jaký mají zvuk;

str. 76. »Bela tica, crven rep«. Tímto říkadlem rozesmála doktorka boháče, který ji tomu naučil, tak vyskočila mu z krku rybí kůstka. Viz Kubín Podkrkonoší záp. 682 č. 104, Javorskij Pam. 191 č. 70;

str. 78-79. »Pametno čobanče«. Co dělá otec? matka? atd. Srv. Kubín Kladské pov. II, 220 č. 63, Savčenko Russkaja nar. skazka 44, Smirnov Sb. velikorus. 370 č. 116;

str. 82. »Kako je delio gusku?« Viz Anmerk. KHM. Grimm. II, 360. Wesselski M. d. Mittelalters 112, 229 č. 40;

str. 84-86. »Popov savet«. Nevěrná žena živí muže tak vydatně, aby brzy oslepl. Srv. Hadži Vasiljević, Južna stara Srbija I, 341 č. 4. Anthropophyteia I, 448 č. 338, 339, Zs. Ver. f. Volkskunde X, 73, Rich. Schmidt, Der Textus ornatior der Çukasaptati 28, Max Böhm, Lett. Schwänke 65 č. 40, Zelenin Vjatka 19 č. 62, Javorskij Pam. 192 č. 72, Sokolovy Bělozer. 3 č. 1 Srv. Anmerk. KHM. Grimm III, 124. Tu mívá povídka tragický konec, milenec jest od podváděného manžela zastřelen. V jiné řadě stejně jako v této manžel lstí zahubí svou ženu, že se sama utopí, viz Benfey Pantschatantra I, 385, Frey's Gartengesellschaft, vyd. Bolte 284, Strohal hrvat. nar. pripov. I, č. 65, Bosan. nar. pripov. red. omladine 87 č. 24, Kubín Kladské pov. II, 14 č. 9, Zs. Ver. f. Volkskunde VII, 324 č. 12, XXIV, 432, Smirnov Sb. velikorus. 300 č. 77;

str. 87. »Dve molitve«. Jeden se modlí za dešť, druhý za sucho. Srv. Kubín, Podkrkonoší záp. 708 č. 167;

str. 93, »Šta se neda napuniti?« Čert našel ve vodě koš nachystaný na lovení ryb, nevěděl, co to je, a začal do něho sypati písek a vodu. Ptal se pak starého čerta, co by to bylo, a ten mínil, že by to mohly býti kněžské měšce;

str. 109. »Kad je išao u školu.« Stařec našel poklad. Pod. Bajić Srp. nar. pripov. 10 č. 6, Mater. antropol. archeol. X, str. 312 č. 95. Wisser Ostholstein VM. III. 65 č. 9;

str. 115. »Pokondirila se« ... Změštělá dívka vzpomněla si na slovo »grabulje« (hrábě), až ji uhodily. Viz můj článek v Zs. f. österr. Volkskunde XI, 158, Mater. antropol. archeol. X, 296 č. 64. Merkens Was sich das Volk erzählt. I. 223 č. 265[a], Behrend Märchenschatz 15 č. 6, Haas Schnurren 32 č. 32, Carnoy Littér. Picardie 174;

str. 119. »Na što liči«: biskup rozplakal svou modlitbou starce, neboť brada jeho připomněla mu bradu jeho kozla. Stejně Pekotsch Erinnerungen, Türkische Geschichten 11, Arthur Heyne Geschichten u. Schwänke aus dem Orient 34 č. 33. Swynnerten Indian Nights' Entertainment 8 č. 6. Anthropophyteia II, 388 = Živaja Starina IX, 250 z Makedonie. Lud VI. 249 č. 2 (z Haliče), Jegerlehner Oberwallis 140, č. 161. Jinde proto, že připomněl hlas jeho osla: Crane-Jacques de Vitry 157 č. 50 = Wesselski Mönchslatein 8, 197 č. 2, Poggio Schwänke u. Schnurren (1905), str. 155 č. 230, u Abrahama a Santa Clara (Goswin Frenken Exempla Jacobi Vitry 71), Zbornik za nar. život juž. Slavena XIX, 92, Wesselski Nasreddin II, 243 č. 539;

str. 120. »Učeniji pop od vladike«. Kněz obžalován, ale byl ponechán, když ve své modlitbě sliboval biskupu polovici. Tento motiv bývá v látce o knězi, který pochoval psa na hřbitově, srv. Kubín, Kladské pov. II, 165;

str. 125. »Žensko zlo«. Pop vyběhl nahý na dvůr, žena zavřela za ním dveře a nepouštěla ho domů. Motiv nevěrnosti byl tu zapomenut. Srv. Wesselski Mönchslatein 76, 223 č. 67, Lee Decameron 191-198. Radlov Nar. tjurk. plemen X, 155 č. 88;

str. 139. »Lopovi i nevaljalice«. Mohamedánská povídka z Bosny. První lidé měli 8 dcer a 7 synů, jedné se nedostával muž, žila tedy tajně

s každým z nich, a od ní povstali zlodějové. Paralel nemám, Dähnhardt neuvádí nic podobného;

str. 148. »Kadijina presuda.« Zloděj se hledá. Každému se dá po holi, komu nejvýše vyroste, ten to je. Žena měla zloděje k tomu, že hůl na dva prsty usekl. Stejně Arthur Heyne Geschichten u. Schwänke aus dem Orient 27 č. 27. Obyčejně nalezen zloděj jinak: Má na hlavě peří, zloděj sáhl si na hlavu, Revue des trad. pop. IV, 52, René Basset Contes berbères 31 č. 15. Am Urquell IV (1893) 75, Sbornik za nar. umotvor. XIII. odd. 3, str. 199 č. 199 č. 14, Šapkarev VIII, 86 č. 67, Brastvo XII-XIII, 147 č. 12, Hanauer Folklore 103, Merkens I, 139 č. 151, 185 č. 217, II, 133 č. 163, Lemke Volkstümliches Ostpreussen I, 113, ještě má včelu na čepici Vuk Vrčević Pripov. kratke 72. č. 162, Čelakovský Mudrosloví 372, jiný ještě prostředek sdělil Veselovskij z ruského chronografu Solomon i Kitofras, str. 70, jiný Luča VI (1900) str. 107: světcové v kostele upírali prý svůj zrak na zloděje. Jiný ještě u Arthur Heyne op. c. 39. č. 40: ti kdož se cítili vinnými, sáhli si na vousy, nevisí-li v nich vlna, jiné Sébillot Joyeuses histoires 259, stejně Wickram III, 369;

str. 158. »Sorta sortu šije«... Princezka vezme si jen toho, kdo umí ušíti pro ni šaty z písku. Obyčejně má se z písku udělati provaz. Vi. Zachariae Kleine Schriften 55 a d. K tomu srv. ještě Ončukov č. 220, Sbornik Kavkaz. IX. 192 č. 2. V české lživé povídce Popelka, Pohádky a pověsti str. 81, uplete hoch provaz z popela.

J. Polívka.

M. Серова: **Новгородские сказки.** Издательство „Петроград", Ленинград-Москва 1824. Str. 79.

Není to sbírka tak vypravená, jak jsme to zvykli od ruských vydavatelů lidových podání, ani vydavatelka si neukládá takových povinností, jak to napovídá ve své kratičké předmluvě, pravíc v ní, že by chtěla hlavně pobaviti čtenářstvo svou knížkou. Leda že připomíná své vypravovatele, jednu selku jménem, jiné sedláky jen úhrnem. Ale obsahem zasluhuje nicméně tato sbírka naší pozornosti i v tom velkém počtu ruských pohádkových sbírek.

Č. 2, str. 10. »O omlazujícím mlýnku.« Babka měla se dříve vyzpovídati ze všech svých hříchů.

Č. 3, str. 12. Kdo z manželů první promluví, umyje hrnek. Vi. moje vydání »Povídek opavského a hanáckého lidu« str. 135 č. 54.

Č. 4, str. 16. »Čert a zlá žena.« Čert udělal sedláka doktorem, vlezl do princezky. Souvisí se známou povídkou »Čert a Káča«, vi. Kubín »Kladské povídky« II, 97, č. 25, »Povídky lidu opavského a hanáckého« 130, č. 51, Kubín »Podkrkonoší« 354, 710, č. 17. Ve versi z novgorodské gubernie nebyla to stará tancechtivá dívka, která se chytla čerta, než žena vracejíc se z města domů nemohla se u řeky dočekati převozu, čekala již tři dny, a tu rozlícena zavolala: Aspoň aby »ančutka« (čert) přenesl! Zjevil se ohromný chlap se širokým hřbetem... Chytila se ho bába za rohy, držela se ho, chtěla, aby ji nesl zpět, že tam zapomněla uzlík, a stále se ho drží. Potkali konečně člověka, který vezl hrnce na trh. Čert ho prosil, aby ho osv

bodil od baby, bil ji knutem, sliboval, že ho udělá člověkem. Ivan vyhnal na konec čerta z choré princezky křikem, že jde žena. Základní myšlenka ruské verse jakož i její motivy jsou naší povídce nápadně podobné, ale ruská povídka jest tak svérázně vypravována, že jakási užší, bližší souvislost s českou povídkou jest vyloučena.

Č. 4, str. 19. »Hlupák.« Tři synové dědí po otci krávy, patří tomu, do jehož chléva vejdou. Následuje verse látky »Unibos«, viz Anmerk. KHM. Grimm II, 1, č. 61. K versím tam zaznamenaným buďtež dodány ještě: Javorskij »Pam. gal. nar. slovesnosti« 215. Gnědič »Mater.« IV, 43, 72, 73. Sokolovy »Skazki bělozer.« 7, č. 5, 169, č. 91, 187, č. 104, 268, č. 145. Smirnov »Sbornik velikor. skazok« 791, č. 306, 807, č. 315, 875, č. 350. Zelenin »Vjatka« 392, č. 126, Zelenin »Perm.« 187, č. 21.

Č. 5, str. 25. »Hlupáci.« Žena odevzdala člověku z onoho světa dary pro nebožtíka syna. Muž jde hledat lidí hloupějších. Viz Anmerk. KHM. Grimm II, 440, č. 104. K versím tu uvedeným buďtež ještě dodány: Hruška »Na hyjtě« II, 24, Gnědič »Mater.« IV, 27, č. 3. Smirnov »Sbornik vr. skazok« 271, č. 59, 719, č. 271. Zelenin »Perm.« 242, č. 31. »Sbornik kavkaz.« VI, odd. 2, str. 57, č. 2. Pán hlídá kravinec pod čepicí, viz »Povídky lidu opavského a hanáckého« 95. Dodáváme ještě Gnědič »Mater.« IV, 26, č. 2. Sokolovy »Skazki bělozer.« 69, č. 44, 158.

Č. 7, str. 30. »Žena svědčí.« Muž našel poklad a jeho povídavá žena, po lese nachytány ryby, z řeky zajíci atd. Viz Anmerk. KHM. Grimm I, 527.

Č. 8, str. 36. »Mistrný zloděj.« Viz Kubín »Podkrkonoší« 659, č. 57. Dodáváme Smirnov »Sbornik vr. skazok« 307, č. 80, 340, č. 100, 370, č. 117, 914. Zelenin »Vjatka« 196, č. 61. Javorskij »Pam. gal. nar. slovesnosti« 195, č. 73, 74.

Č. 9, str. 40. »Moudrá žena.« Jenom první motivy: Nezaseté pole pokositi, B^3 a B^4 — viz Anmerk. KHM. Grimm II, 349, 367. Připojeny pak jiné motivy: Král odjíždí, do jeho návratu má kobyla zroditi hříbátko a žena synka, stejně jak ve sbírce387Ončukova 135, č. 49, kde rekem je car Petr. Tato látka byla zpracována v staré a středověké poesii severské i francouzské, od Boccacia v 3. povídce třetího dne a j., viz R. Köhler »Kl. Schriften« II, 647, Lee Decameron 101, 104, 107. Povídka tato se vypravuje dosti často v orientě, k versím uvedeným od Joh. Bolte u Köhlera II, 650 dodáváme: Bergstrasser »Neuaram. M.« 7, č. 3, Bezemer »Volksdichtungen aus Indonesien« 333.

Č. 10, str. 55. »Čarodějnice a pacholek.« Viz Kubín »Kladské povídky« II, 226, č. 69. Dodáváme novější velkoruské verse: Smirnov »Sbornik vr. skazok« 550, č. 197, Zelenin »Vjatka« 67, č. 15.

Doplňkem v příloze otištěna zvláště zajímavá verse povídky »König Drosselbart« (Anmerk. KHM. Grimm I, 443, č. 52, Ernst Philippson »Der Märchentypus von König Drosselbart«, Greifswald 1923), byla vypravována od ševce v Kemu na břehu Onežského zálivu Olonec. gubernie, a zapsána po paměti od ruské herečky Olgy E. Ozarovské, nemáme tedy přímý zápis než jeho reprodukci z roku 1915, nicméně budiž nám vítán, neboť jesł to dosud jediné lidové vypravování této

látky v Rusku, s řadou zvláštních a odchylných motivů. Úvodem položen motiv jinak hojný: Princ zamiluje se do obrazu krasavičina. Rek se mstí a pokořuje nelítostně milenku, že jeho podobiznu pohanila, poplivala.

Bylo by zajímavo ještě promlouvati o vnitřní formě těchto pohádek i o jich velmi svérázném jazyce, ale to vedlo by nás příliš daleko, a tak přestáváme na těchto poznámkách. *J. Polívka.*

Moszyński Kazimierz. Badania nad pochodzeniem i pierwotną kulturą Słowian. I. Krakov (Akad. Um. Rozpr. wydz. filol. T LXII Nr. 2) 1925.

Theorie o asijském původu Slovanů není nikterak nová. Na asijský původ věřili nejen od počátku slovanské historiografie všichni ti, kteří podle bible odváděli jednotlivé národy z krajin eufratských, ale i později, když srovnávací jazykozpyt se pozvedl, ti linguisté, kteří věřili na asijskou pravlast Indoevropanů, a ještě později ti anthropologové francouzské školy, kteří objevení se brachycefalní rassy v neolithu evropském vykládali příchodem vlny mongolsko-slovanské do Evropy. Nebyly bez důvodů tyto různé theorie, nebyly čistě fantastické, ale neobstály, jednak proto, že na poli jazykovědném nebylo pro ně dokladů a vedle toho ovládla zatím nově konstruovaná theorie o evropském původu všech Indoevropanů, tedy i Slovanů; na poli anthropologickém zase sama mongoloidní podstata Slovanů ukázala se býti nesprávnou. A tak na konci XIX. století theorie o asijském původu Indoevropanů téměř zanikly a nebýti objevů tocharštiny a indoevropských prvků v jazycích říše hettitské a mitannské, nebyly by se vzkřísily. Neboť historicko-archeologické vývody V. M. Florinského (Первобытные Славяне. Tomsk I—II, 1894—1896. Srv. Věstník slov. star. I. 10) nebo historicko-linguistické dokumenty snaživého dra K. Kramáře (Die Abkunft des Germanen, Litauer und Slaven aus der Urheimat im Altai, Budweis 1916 a Nové doklady pro pravlasť Slovanů na Altaji Č. Budějovice 1919) nikterak nestačily na jejich podepření. A Meyer by osamocen.

Jinak se má však věc s knihou Kaz. Moszyńského. To je bez odporu práce, přes niž praehistorické nauky nemohou přejíti. Především však linguistika, pokud jí běží o praehistorii, neboť konec konců jsou to přece jen především důvody filologické, které p. Moszyński uvádí na podporu své hypothese. To, co vykládá v prvních kapitolách své knihy o historii a anthropologii staré Asie, ukazuje sice na existenci světlookých plemen v střední Asii, a na postup jejich imigrací do Evropy, ale nedokazuje to ještě, jaký na tom podíl měli Slované. Tomu je věnována teprve kapitola poslední »Pierwotne siedziby Słowian« a chci také jen k ní zde přihlédnouti, necítě se dosti připraven ku kritice prvních kapitol. A ještě musím říci, že ani v poslední kapitole, která, jak titul knihy ukazuje je hlavní osnovou a výsledkem práce, nemohu autora sledovati na poli jazykovědné a kritisovati řadu jeho jazykových rovnic. To musím ponechati odborníkům. Ale na druhé straně probral jsem se sám do té míry podrobně celým souborem slovanského pravěku, že mám přece jen právo říci, jak se dívám v celku na hypothesi p. Moszyńského, nehledě zatím

sou-li jeho jazykové vývody správné, nebo lépe řečeno, předpokládaje, že sou aspoň v hlavních věcech správné.

Theorie p. Moszyńského o asijském původu Slovanů obrací se proti . zv. autochthonistickým thesím, které pravlast Slovanů, podobně jako iných příbuzných Indoevropanů, hledají ve střední Evropě. Ale tu musím předem říci, aby bylo náležité jasno, že nějakého zásadního, nesrovnatelného rozporu mezi oběma thesemi není, aspoň ne mezi tím, jak jsem se sám na věc díval. Autochthonism Slovanů v Evropě nelze bráti absolutně, ve smyslu, že tu seděli od pravěkých dob, od mnoha tisíciletí př. Kr. My nevíme, kde seděli první praotcové Slovanů, tak jako dosud nevíme, kde seděli Praindoevropané. Mohli růsti odedávna v Evropě, ale mohli růsti jinde a odtud s ostatními Indoevropany přijíti do sídel evropských. Když jsem psal o původu Slovanů a jejich kolébce mezi Odrou a Dněprem měl jsem výslovně na mysli místo. v němž se ocitli po rozkladu jednoty indoevropské nebo ještě určitěji: místo, z něhož se rozešli Slované do svých sídel historických. Zdali v teto kolébce seděli od pradávna, či zdali do ní přišli odjinud, je otázka které jsem neluštil, necítě se pro ni dostatečně vyzbrojen. Ale výslovně jsem připouštěl, že mohli vzniknouti jinde[1]) a přichází-li nyní p. Moszyński s hypothesí, že před tím, než přišli do Evropy, vznikali v střední Asii, není to, jak jsem výše pravil, nikterak v nesrovnatelném rozporu s tím, co jsem v Starožitnostech vykládal. Speciálně nejsem nijak a priori zaujat proti nějaké asijské thesi, přijímaje možnost její, jako kterékoliv jiné. Běží jen o to, zdali ji lze dnes náležitě odůvodniti, a jak se to podařilo p. Moszyńskému.

Pan Moszyński v prvních částech knihy obírá se historií nájezdů různých středoasijských kmenů do Evropy i do Číny a ukazuje, že je lze datovati od počátku II. tisíciletí př. Kr. Vidíme stálé, periodické invase, jejichž příčinou bylo asi sucho a hlad periodicky se opakující na pastvinách střední Asie. Jelikož pak tam k západu až do konce I. tisíciletí dominovali národové indoevropští (str. 24), účastnili se přirozeně těchto nájezdů, jsouce provázeni koněm a válečným vozem. Jim patří kmenové jasnoocí, o nichž je řada zmínek v staré i novější historii. Ještě mezi II. a koncem I. tisíciletí př. Kr. seděli Indoevropané ve vých. Turkestanu a později ještě na západě (str. 95.), Slované pak ještě v VII. a VI. století na severní okrajině stepi v sousedství Ugrů, Turkotatarů a Skythů. Odtud přišli Slované asi v polovině VI. století do Evropy (str. 134—138).

Výklady p. Moszyńského v celku i v detailech působí suggestivně, řadou nových věcí, darem kombinace a také kritičností, s kterou se autor častěji a správně obrací proti dosavadním nesprávným nebo nedostatečně podepřeným konklusím etnografie, praehistorie, linguistiky. Je to práce bez odporu vážná i kritická a závěry její na první pohled překvapující. Ale přihlédneme-li blíže a poptáme-li se, jsou-li tak jisté nebo pravděpodobné, jak autor předpokládá, stačí-li vše, co snesl, k opuštění dosavadní představy o původu Arijů a Litvoslovanů, pak musím říci, že to, co autor přinesl, nestačí, abychom evropskou theorii nahradili asijskou. Právě že je to svůdné,

[1]) Srv. Slov. Starož. IV. 11, Manuel de l'antiquité Slave I. 25. Je to hlavně stará nomenklatura řek, která lze pokládati z části za předslovanskou.

nutno se míti na pozoru. Autor, který rád vytýká jiným stranám, že tvoří předčasné závěry z hypothes nedosti podstatných, ocitá se sám častěji v situaci podobné. Sám uznává leckdy, že jednotlivé etymologie nejsou pevné, že slovanskost Neurů není zaručená, že stáří výpůjček není zjištěno, že jednotlivé doklady samy o sobě nerozhodují, — ale přece neváhá sestavovati je v kombinace, opírati jeden o druhý a dokládati jimi správnost nebo aspoň, jak sám dí na str. 138, větší pravděpodobnost své theorie, obrazu tak jasného: »że nie chce się wprost wierzyć, aby był złudzeniem« (136). Ale že by středoasijská pravlast Slovanů byla na podaném základě mnohem pravděpodobnější nežli kolébka evropská, naprosto říci nelze. Je dosti, je mnoho, když autor dovedl vážným způsobem obrátit zraky na střední Asii, ale musíme teprve vyčkati dalších badání, zejména nových, dalších důkazů, že uvedené příznaky kulturní a jazykové přišly skutečně se Slovany z Asie, že výpůjčky slovní, jichž uvádí přes 30, jsou všechny staré z doby asijského pobytu a že nemohly se dostati do slovanštiny nebo více versa z ní do jazyků asijských jinou cestou a v jiné době, než v přepokládaném pravěkém sousedství v Turkestaně. *Věža* je ovšem původně stan na nomádském voze, ale nemohli ji Slované poznati v Evropě již na počátku I. tisíciletí př. Kr. od Skythů, pak Sarmatů a snad ještě dříve od kočovníků, kteří Skythy předcházeli a s nimiž měli plno úzkých styků? Jaký je to důkaz pro asijský původ Slovanů? Nebo: je *bogъ* (připusťme iranský) takovým důkazem, máme-li tytéž styky před očima? A taková úvaha platí o celé řadě dalších výpůjček. Při nich stále chybí přesný důkaz, že tato slova nemohla býti převzata v průběhu I. tisíciletí před Kr. a po Kr. při neustálých stycích Slovanů s Iránci a potom s Turkotatary, — nehledíc ani k tomu, že styk s nimi mohl býti pravděpodobně ještě starší. Také nový a jinak velmi zajímavý výklad o mongolském napínání luku u Slovanů zakládá autor zatím jen na etymologické doměnce Waldeho. Na druhé straně přes staré jazykové styky germánsko-slovanské a keltoslovanské přechází autor na str. 128 příliš lehce.

A jestliže Slované podle představy autorovy, žili v Asii v VII.—VI. stol. př. Kr., jsouce obklopeni na západě Ugry, na východě Turkotatary a na jihu Skythy (str. 136), jak si vysvětlíme staré i pozdější styky a spojky, které je váží v jazyku, v kultuře i v sídlech s ostatními Indoevropany, zejména satemovými v Evropě? Mně není obraz p. Moszyńského zcela jasný, jak si to vše představuje, jak si představuje na př. vznik a historii jazyka slovanského v těchto poměrech. Autor sice dí, že vše mluví pro asijský původ Thraků a Albánců (str. 137), a dále, že není vyloučeno, že v nedaleké budoucnosti se i pro Balty najdou opěry východiska asijského (137), ale takovéto slovní obraty a naděje zatím nestačí, aby se jimi podepřela these o asijském původu Slovanů.

Demetrykiewiczovo srovnání slov. pomníků mythologických s kamennými babami je jen zčásti správné, a nelze ho užíti za důkaz, že slovanské náboženství vzniklo v střední Asii, a ještě méně na to svědčí domnělý iránský dualismus, doložený Helmoldem v XII. stol., kdy už dávno na slovanské náboženství působily vlivy křesťanské. Chybí tedy k pevnému založení asijské pravlasti Slovanů ještě mnoho a také jiné věci potvrzují, že nelze dnes mluviti ani o její větší pravděpodobnosti.

Kdyby byli Praslované, jak autor, nemýlím-li se, soudí, přišli z Asie teprve v VI. stol. př. Kr., byla by se objevila na místě jejich nových sídel v Evropě docela jiná kultura s těmi příznaky, které provázely středoasijské kultury v té době. Ale toho v Evropě nevidíme. Jednotlivé rysy sibiřského rázu, jež se tu a tam najdou po territoriu střední Evropy, toho přece nedokládají. Ani borodinský poklad. Po mém soudu, jestliže vskutku Slované přišli s ostatními Indoevropany z Asie, bylo by se to musilo státi dříve, mnohem dříve, abychom našli ohlas v praehistorických kulturách. To, co můžeme dnes pokládati za nejstarší kultury slovanské, nevykazuje ve své podstatě nic asijského; také to není kultura stepního rázu,[1]) nýbrž kultura, která mohla vzniknouti jen na territoriu, na němž žili v Evropě.

Slovem, autor podal na základě svých širokých vědomostí knihu vskutku cennou, ale závěr jeho je přece jen předčasný. Bude se musiti ještě mnoho mysleti a mnoho psáti, než budeme moci říci bez ostychu, že asijský původ Slovanů je pravděpodobnější nežli evropský. Ale p. Moszyńskému zůstane zásluha, že tuto theorii uvedl novým, nabádavým způsobem. Kniha jeho je jednou z nejzajímavějších knih, jež se mi v poslední době dostaly do rukou. *L. Niederle.*

Акад. Дмитро Багалій: **Нарис української історіографії.** Том I. Літописи. Вип. 1. (Збірник історично-філологичного відділу Української Академії Наук. № 1). Київ. 1923. Стр. II+138.

Д. И. Багалѣй — давній работник русской исторической науки, многолѣтній профессор Харьковскаго университета, главную долю своих трудов посвятившій исторіи т. н. Слободской Украины, но немало занимавшійся также и общерусской и украинской исторіей. Выпущенная теперь Украинской Академіей Наук на украинском языкѣ его книга — „Очерк украинской исторіографіи“ — отличается обычными для него, как историческаго писателя, свойствами. Ни в основных идеях этого „Очерка“, ни в его общем планѣ нѣт чего-либо оригинальнаго. Содержаніе украинской исторіи Д. И. Багалѣй опредѣляет, слѣдуя М. С. Грушевскому, а в качествѣ схемы источников украинской исторіографіи берет схему, установленную К. Н. Бестужевым-Рюминым для исторіографіи русской. Вышедшій пока первый выпуск перваго тома поставленной таким образом работы посвящен лѣтописям XI—XVI вв. — „Повѣсти временных лѣт“, кіевскому и галицко-волынскому лѣтописцам и западнорусским или литовским лѣтописям XIV—XVI в. Относить всѣ эти лѣтописи к собственно украинской исторіографіи можно, конечно, лишь с большими оговорками и Д. И. Багалѣй и дѣлает такія оговорки, хотя не всегда онѣ выражены у него достаточно опредѣленно и рѣшительно. Характеризуя указанныя лѣтописи, он вмѣстѣ с тѣм излагает в основных чертах и ход научной работы над ними, доводя это изложеніе до послѣдняго времени и тѣм давая читателю своей книги возможность ознакомиться с существующими сейчас в наукѣ взглядами на

[1]) Tak i autor uznává (str. 103), ač dí zase na str. 137, že jazyk slovanský přibyl do Evropy jako jazyk stepovců nebo polostepovců.

данные источники. Это дѣлает его книгу полезным пособіем для учащихся высших учебных заведеній и вообще для лиц, приступающих к самостоятельным занятіям исторіей данной эпохи. Непонятно только, зачѣм он нашел нужным ввести в свою книгу ряд отрывков из лѣтописей. Отрывки эти заняли в небольшой по объему книгѣ довольно много мѣста (19 стр. из 138), но читателю они в смыслѣ ознакомленія с лѣтописями, конечно, ничего не дадут и можно только пожелать, чтобы в дальнѣйших выпусках своего труда Д. И. Багалѣй отказался от этого пріема: смѣшивать очерк исторіографіи с исторической хрестоматіей нѣт никаких основаній.

Главам, трактующим о лѣтописях, Д. И. Багалѣй предпослал в своей книгѣ двѣ главы, посвященныя болѣе широким темам. В первой из этих глав он попытался дать общій очерк теоріи исторіи. Умѣстить такой очерк на 14 страницах было весьма трудной задачей и автор в сущности не справился с нею — содержаніе этой главы свелось у него к весьма банальным, а подчас даже и нѣсколько наивным положеніям, изложенным к тому же без достаточной ясности и отчетливости. Значительно большій интерес представляет вторая вводная глава — „Схема украинской исторіи и содержаніе украинской исторіографіи". В ней, помимо общих соображеній автора, не заключающих в себѣ, как было уже сказано, чего-либо оригинальнаго, имѣется и характеристика тѣх конкретных условій, в которых развивалась украинская исторіографія, и эта характеристика, хотя бѣглая и неполная, все же окажется небезполезной для читателя, впервые знакомящагося с данной областью исторической науки, как небезполезной она может оказаться и вообще для лиц, интересующихся украинским вопросом в его историческом развитіи. *В. Мякотин.*

Проф. Д. Дорошенко: **Огляд української історіографії**. Прага. 1923. Стр. 220.

До послѣдняго времени в научной литературѣ не существовало ни одного общаго обзора украинской исторіографіи — мы имѣли лишь начала таких обзоров или же работы, посвященныя исторической литературѣ какого-либо одного вопроса либо періода. Книга проф. Д. Д. представляет собою первый законченный опыт общаго обзора украинской исторіографіи, доведеннаго почти до наших дней, и появленіе этой книги, в которую автором вложено много труда и знанія, можно только горячо привѣтствовать.

Первый опыт однако всегда сопряжен с большими трудностями и рѣдко бывает свободен от ошибок. Не вполнѣ свободна от них и книга проф. Д. Мы не будем, впрочем, отмѣчать здѣсь встрѣчающихся в ней частных пробѣлов и недочетов — указать их дѣло спеціальной критики — и остановимся лишь на тѣх болѣе общих сторонах книги, которыя способны, на наш взгляд, вызвать серьезныя возраженія.

Д. Дорошенко, слѣдуя установившейся за послѣднее время в украинских кругах традиціи, начинает украинскую исторіографію очень рано — с XI вѣка. „Повѣсть временных лѣт", кіевскую и галицко-волынскую

лѣтопись он без дальних оговорок относит в область украинской исторіографіи и не без недоумѣнія говорит о русских ученых, которые „обыкновенно трактуют удѣльно—княжескую эпоху как общую для украинцев и великороссов“ (5), Однакоже, когда рѣчь заходит о западно-русских лѣтописях XIV—XVI вв., г. Д. указывает, что Бѣлоруссія „в період Великаго Княжества Литовскаго жила общей культурной и политической жизнью с украинскими землями, вошедшими в состав княжества“. „Поэтому — продолжает он — и весь цикл т. н. литовских или западно-русских лѣтописей, писавшихся в Бѣлоруссіи, принадлежит одинаково и украинской, и бѣлорусской исторіографіи“ (14). Казалось бы, тот же самый критерій мог быть примѣнен и к Начальной лѣтописи, но автор в данном случаѣ не примѣняет его и, повидимому, не замѣчает противорѣчія в своих построеніях.

Нѣсколько неумѣренное чувство любви к родному краю и к его прошлому вообще вызывает подчас у автора довольно рискованныя утвержденія. Только этим чувством можно объяснить, например, утвержденіе Д. Дорошенка, будто „тот блестящій расцвѣт украинской культуры, какой мы видим на Лѣвобережьѣ в послѣднія десятилѣтія XVII вѣка, во времена сравнительнаго спокойствія, и в началѣ XVIII вѣка вплоть до шведскаго нашествія, ставил Гетманщину на один уровень с наиболѣе культурными странами Европы“ (45). Ни один серьезный историк, конечно, не подпишется под подобным утвержденіем и, думается, сам Д. Д. не станет серьезно защищать его. Но было бы лучше, еслибы таких утвержденій и не встрѣчалось в его книгѣ.

Но наибольшія возраженія, пожалуй, способна вызвать та общая концепція, которой руководится проф. Д. в своем „Обзорѣ“. „Давая обзор украинской исторіографіи, — говорит он в своих предварительных замѣчаніях — мы вмѣстѣ с тѣм даем как бы обзор украинской національно-исторической идеи“ („ненаге огляд української національно-історичної думки“). А эту „національно-историческую идею“ автор сводит к идеѣ государственной самостоятельности Украины и, примѣняясь к этой послѣдней идеѣ, расцѣнивает произведенія украинской исторіографіи. В результатѣ, естественно, получается ряд курьезов. „Исторію Русов“, этот историческій памфлет конца XVIII вѣка, автор ставит чрезвычайно высоко, настолько высоко, что, по его мнѣнію „исторіософія Костомарова с точки зрѣнія ясности государственной національной традиціи была шагом назад в сравненіи с Исторіей Русов“. Мало того, если вѣрить автору, монографіи Костомарова, посвященныя украинской исторіи, „с точки зрѣнія развитія украинскаго національнаго сознанія принесли нѣкоторый вред, затемнивши ту ясную традицію государственной отдѣльности, которая сохранялась еще у представителей украинской исторіографіи начала XIX вѣка“ (103, 104). И не только Костомаров, но даже М. С. Грушевскій с его „Исторіей Украины-Руси“ не удовлетворяет с этой точки зрѣнія автора. За то очень высоко он ставит книгу Вяч. Липинскаго „Україна на переломі“, „проникнутую, по его словам, тѣм ясным сознаніем украинских національно-государственных стремленій, котораго так недоставало новой украинской исторіографіи“ (211). И, увлеченный наличностью этих „національно-государственных

стремленій“, автор считает возможным говорить, напр., о „блестящем анализѣ“, произведенном В. Липинским над т. н. Переяславским договором, хотя с историко-юридической точки зрѣнія этот „блестящій анализ“ является ничѣм иным, как сплошной фантазіей, весьма далекой от сколько-нибудь строгих юридических построеній.

То обстоятельство, что в основу разсмотрѣнія явленій украинской историографіи был положен столь узкій критерій, естественно отразилось до извѣстной степени и на самом существѣ этого разсмотрѣнія. Богатое и разнообразное содержаніе украинской историографіи в изложеніи проф. Д. в значительной мѣрѣ упрощено, сведено к болѣе элементарным мотивам и идеям, нежели это имѣло мѣсто в дѣйствительности. С другой стороны, в этом изложеніи иногда сравнительно незначительным явленіям в сферѣ украинской историографіи удѣляется больше мѣста и вниманія, чѣм болѣе крупным. Иногда же — и не так уже рѣдко — историографическій очерк переходит у проф. Дорощенка в простыя библіографическія указанія. Правда, это послѣднее отчасти вызывается и общею сжатостью книги.

Дѣлая всѣ эти указанія, я вовсе не думаю сколько-нибудь умалить ими значеніе книги проф. Д. Повторяю, появленіе этой книги можно только привѣтствовать. Но было бы, конечно, желательно, чтобы при дальнѣйших ея изданіях — а они, навѣрно, понадобятся — автор переработал ее на болѣе широкой научной основѣ.

В. Мякотин.

Zprávy.

Balkan-Archiv. Místo dosavadní publikace »Jahresbericht des Instituts ür rumänische Sprache«, jíž vyšlo 29 ročníků ve 20 svazcích (a má vyjíti ještě očník třicátý, jenž bude obsahovati rejstřík ke všem 29 ročníkům jakož i ně-teré opravy a dodatky), počal *G. Weigand* vydávati »Balkan-Archiv. Fort-etzung des Jahresberichtes des Instituts für rumänische Sprache«. V prvním vazku (v Lipsku, v komisi I. A. Bartha, 1925, str. XV a 265) v úvodě vykládá ydavatel důvody této změny, čímž zároveň nastiňuje program nového časopisu. azyky balkánské — míněny jsou především rumunština, bulharština a albán-tina — mají mnoho rysů společných a tyto zjevy je nutno studovati v celém ejich rozsahu a ve vzájemné souvislosti, nikoliv isolovaně v každém jazyce vlášť. Od takového studia možno teprve očekávati náležité osvětlení vzájemných ztahů těchto jazyků, sbližujících se jistými těmi charakteristickými rysy, a sou-tavnému studiu tohoto odvětví balkanologie určuje Weigand, stojící nyní v čele umunského, bulharského a albánského ústavu při universitě lipské, nový svůj asopis. Že je to myšlenka velmi dobrá, o tom netřeba šířiti slov; v poslední obě takovéto otázky balkanologické na různých stranách docházejí pozornosti srv. na př. článek A. Seliščeva »Des traits linguistiques communs aux langues alkaniques: un balkanisme ancien en bulgare« v Rev. Ét. Sl. 5, 1925, 38 nn.). článků prvního svazku slovanských věcí přímo se týká Weigandova studie Der Admirativ im Bulgarischen« (str. 150—152), v němž autor reprodukuje vůj výklad podaný v Slavonic Review II, 567 (admirativem nazývá užívání raeterita místo praesentu na označení děje vzbuzujícího jisté překvapení; je zjev vyskytující se také v albánštině), a článek D. Scheludka »Nordslavische lemente im Rumänischen« (str. 153—172). Ve Weigandově článku »Ortsnamen n Ompoly- und Arányos-Gebiet« (str. 1—42) jedná se ovšem také o jménech ůvodu bulharského. *H.*

Lotyšský slovník Mühlenbachův-Endzelinův nade vše očekávání rychle ostupuje; dospěl již k sešitu 16., končícímu se heslem *līdzi*. Prvních deset ešitů, vyšlých v létech 1923—1925, činí první díl slovníku, obsahující na 839 tranách písmena *a* až *i*. Byly již ve Slavii 3, 179 při první zprávě o tomto ovníku vytčeny krátce vynikající vlastnosti znamenitého tohoto díla a bylo y zbytečné opakovati, co řečeno tam. Hojný užitek vyplyne ze slovníku toho všem i pro jazykovědu slovanskou jednak tím, že shromážděn tu a spolehlivě aznamenán bohatý lexikální materiál jazyka, náležejícího skupině slovanštině ak blízké a tedy i pro studium lexikální stránky slovanských jazyků důležitý, dnak etymologickými výklady, střízlivými a opatrnými, a proto, pokud je to ožno, spolehlivými, jež nahrazují etymologický slovník lotyšský, a přinášejí všem také leckterý příspěvek pro etymologický výklad slov slovanských. *H.*

Vývojem skupin ***tert, tort, telt, tolt*** **ve slovanštině** obírá se v malém ánku »К вопросу об отражении индоевропейских дифтонгов со вторым лавным элементом в общеславянском языке« (Известия Горского Инсти-ута Народнаго Образования I, Владикавказ 1923, str. 1—7) V. B. Toma-evskij. Jde mu o to, jak zněly tyto skupiny v praslovanštině, jak zněl základ, něhož se vyvinulo znění jednotlivých jazyků slovanských. Poněvadž indo-vropské difthongy přecházejí ve slovanštině ve dlouhé monofthongy, domnívá se utor, že také difthongy s liquidou se vyvíjely týmž způsobem a že tedy v pra-ovanštině za *tert, tort, telt, tolt* bylo $tR^{e}t$, $tR^{o}t$, $tL^{e}t$, $tL^{o}t$, kde *R*, *L* označuje ouhou slabičnou liquidu, ^{e}, ^{o} její dvojí zabarvení. Z takovéhoto základu prý

se dají dobře vysvětliti střídnice, jež nalézáme v jazycích slovanských v době historické, což snaží se autor dovoditi na zastoupení indoevropského $\bar{r}$, $\bar{l}$ v jednotlivých jazycích indoevropských. Tím ovšem mnoho získáno není, poněvadž není jisto, že prajazyk indoevropský takovéto dlouhé slabičné liquidy měl, a pak ovšem není možno jejich vývoje se dovolávat. Parallelní vývoj s ostatními difthongy byl by ovšem kladnou položkou tohoto výkladu, kdyby jinak byl dobře odůvodněn; ale jen pro tento parallelismus tento vývoj předpokládati nelze, protože přece jen difthongy *er, el. or, ol* jsou docela jiné povahy fonetické než difthongy s *i̯, u̯*.

Tvary osobních zajmen slovanských se obírá v 5. odstavci svého článku »Studi sui pronomini delle lingue indoeuropee« (Rivista indo-greco-italica 9., 1925, sv. 1—2, str. 62 n.) V. Pisani. Jde tu zejména o známou obtíž, již působí výklad hlásky ъ ve tvarech zájmena první osoby *(mъně, mъnojǫ)*. Pisani zamítá — právem — výklad Brugmannův (o výkladech, jež se vyskytly po výkladě Brugmannově, se vůbec nezmiňuje), ale výklad jeho vlastní je ještě mnohem nepodobnější, je to výklad na prvý pohled nemožný. Vychází také on od zájmene druhé osoby, kde po změně heterosylabického *eu̯* v *ou̯* (není ovšem změna ta tak všeobecná, jak myslí Pisani, píše-li »ogni *eu̯* passa in lituslavo in *ou̯*) byly tvary **tove* v gen., **tově* v lok. a **tovojǫ* v instr. Podle nich vznikly v zájmeně 1. osoby především ke gen. *mene* tvary **meně* v dat. a lok. a **monojǫ* v instr., potom dalším sblížením obou těchto zájmen **mone* v gen. a **mone* v dat. a lok. (jako v lit. *mánei* atd.). Akk. sing. zněl v této době **mъ*(!); toto **mъ* vyvinulo se v **mъn*(!) před následujícím vokálem, tak jako bylo *vъn* vedle *vъ* a podle tohoto *mъ n-* přešlo **mon-* ostatních tvarů v *mъn-*. U zájmena 2. osoby potom podle dat. *tebě* ovládlo v první slabice *te-*, jen v instrum. zůstalo *o* nezměněno. Kritiku tohoto jistě originálního výkladu není třeba připojovati — jeho slabiny jsou každému, kdo se vyzná v mluvnici slovanských jazyků, patrné na první pohled.

Студії до української граматики sluje nová sbírka, již začal vydávat ve Varšavě (накладня Леона Ідзіковського) *Roman Smal' Stoćkyj*, od počátku letošního akademického roku profesor ukrajinské filologie na universitě varšavské. První svazek této sbírky obsahuje zajímavou vydavatelovu studii Значення українських прикметників (1926, str. VIII a 85 str.), o níž podrobněji pojednáno bude v Slavii později. *H.*

Проф. Д-р. Олександер Колесса: **Південно-волинське Городище і Городиські рукописні памятники XII—XVI в. IV. Городиське Євангеліє XII—XIII в.** Відбитка із Ювилейного Наукового Збірника Укр. Університету в Празі, присвяченого П. Президентови Чесь. Слов. Республіки Проф. Д-рови Т. Г. Масарикови для вшанування 75 роковин його народження, Прага 1925, стр. 406—432 + 3 табл. снимков.

Статья содержит подробное палеографическое описание рукописи (стр. 406—413), образчики текста (413—417) и анализ правописания и языка рукописи (418—432).

Рукопись, исследование которой даётся в статье проф. Колессы, до сих пор была известна под названием Бучацкого Евангелия, такъ как до 1888 г. хранилась в Василиянском монастыре в Бучаче. Проф. Колесса называет это Евангелие Городищенским на основании имеющейся в Евангелии записи XV., удостоверяющей принадлежность его Городищенскому монастырю.

Акад. А. И. Соболевский относил рассматриваемое Евангелие к концу XIII или нач. XIV в.[1]), А. Е. Крымский[2]) — к тому же времени и I. Свенцицкий[3]) — к XIII в. Проф. Колесса детальным анализом

[1]) Лекции[4], стр. 15 и 67.

[2]) Укр. Граматика I, 71.

[3]) Бучацьке Євангеліє (Палеоґрафічний опис). Зап. НТШ. 105, Нариси, 41.

графики рукописи устанавливает с несомненностью, что рукопись писана в XII или, самое позднее, в начале XIII в.

Насколько точно напечатан текст отрывков на стр. 413—417, сказать трудно за отсутствием снимков со страниц, заключающих эти отрывки. В тексте записи (стр. 412) я нашол одну опечатку по сравнению со снимком: сокалской вм. сокальской, но 9-ю строками ниже это слово читается верно.

Анализ правописания и языка рукописи на стр. 418—432 даёт довольно ясное представление о характере правописания рукописи, в общем однородном с правописанием других памятников южно-русского и юго-западно-русского письма конца XII в. К особенностям правописания, свойственным этим памятникам и являющимся в рассматриваемом Евангелии, проф. Колесса правильно относит, между прочим, последовательное употребление *о* и *е* на месте *ъ*, *ь* сильных, *ѣ* на месте старого *е* в новых закрытых слогах перед мягкими, частое окончание *-ти* в имперфекте перед *и*, частое *о* после шипящих.[1]) О языке писца говорят также и указываемые проф. Колессой, как „прояви української мови" (стр. 431), случаи написания *оу* вм. *в* и наоборот, указат. слово осе,[2]) дат. местоим. тобѣ, 3 ед. боуде без ть.

К сожалению, в статье встречается ряд ошибочных утверждений. Так, неверно, что в ст.-сл. не было слова тѣщить с *ѣ* (424), что в 3 pl. оставлють, коупють в ст.-сл. после губных было *л* (426), что в слове оупитѣныи *ѣ* вм. ст.-сл. *а*, а в ѣлъ, ѣхомъ и даже сънѣмь — вм. ст.-сл. ꙗ (424), что в толощи — второе полногласие (419; ср. ст.-сл. тлѣщи, р. толочь!), что написания типа безо основаниꙗ — украинская черта (420), что отсутствие *ь* после *л* в памятниках XI—XII в. указывает на диспалатализацию *л* (426), что в написании трапеза надо видеть староукраинскую „фонольоґічну прояву" (426), а гороуцњ свидетельствует об украинском отвердении *р* (426—427). Нельзя отожествлять *н* в случаях типа съблажнають (ст.-сл. съблажньꙗютъ!) и съблазнють (ст.-сл. съблазнѧтъ) (427) и т. д. (427) и т. д. В конце статьи проф. Колесса перечисляет черты разбираемой рукописи „що мають більше або менше діалектичне значіння" (431—432) и в числе них указывает, между прочим, черты, не только общие всем русским памятникам XI—XII в., но и обычные в ст.-сл. памятниках, как напр., написания кде, сьде, ѣсти, dat. sg. на -ови, -еви, отсутствие *л* в 3 pl. оставлють и т. п., энклитич. местоимения ми, ти, си, мѧ, тѧ, сѧ, местоим. сѧ перед глаголом, а также несомненные описки, как величиють мв. величають.

В то же время проф. Колесса не указывает на характерную для галицко-волынских памятников XIII в. черту правописания разбираемого Евангелия — последовательное написание *е* в 3 sg.: идеть, можеть, и т. п., отличающую эти памятники от старших, как Добрил. Ев., в которых почти последовательно в этой форме пишется *ѣ*. Ничего не говорит также проф. Колесса о некоторых других чертах правописания, как напр., об употреблении сочетания *кы*: встречаются ли здесь написания с *ки*, нередкие в других ю.-р. памятниках, или отсутствуют. Эти черты нужнее было отметить, чем напр., общее всем русским рукописям XII и XIII в. употребление *ж* вм. ст.-сл. *жд*.

Брно 28. III. 1925.

Николай Дурново.

---

[1]) Надо заметить, что такое правописание свойственно главным образом югозап. („галицко-волынским") памятникам. В Киеве говорили почти так же, но на письме старались следовать старым орфографическим традициям.

[2]) Но говорить, что здесь *о* „відповідає укр. фонетиці" (424) нельзя, п. ч. здесь *о*, очевидно, такого же происхождения, как и в м-р. ото, в-р. вот, при которых есть и м-р. гето, в-р. это.

K transliteraci slovanských abeced. Jde vlastně o vhodné nahrazení písmen původní cyriliky a pravopisných soustav, které se z ní vyvinuly, při uvádění příslušných slov a citátů v pracích vědeckých, psaných latinkou. V té příčině se již ustálil způsob transliterace na podkladě diakritické grafiky české v odborné literatuře naší a německé, též chrvatské, slovinské a polské. Zásluhu o toto sjednocení má vedle stežejních děl mluvnických Jagićův Archiv für slav. Philologie, od jehož příkladu se v Německu již neuchýlili.

Anglická filologie, zabývající se zvláště po světové válce intensivněji jazyky slovanskými, se dosud nerozhodla přimknouti se k tomuto »kontinentálnímu systému«, jak o tom svědčí na př. The Slavonic Review, užívající nedůsledné, kompromisní, poloanglické transliterace,[1]) na př. Russkaya Mysl, Ilyich, Chekhov, Dostoyevsky (též Dostoevski), Soviet, Trotsky, Tychon-Tikhon, Merezhkovsky, Pushkin, Rostovtsev, Vyedomosti, Michael Alexandrovitch, Stakhovich, Shevchenko, Trojan, Stambuliski, Cankov, Dedeagač, Dobrudja atp. Srbská jména se tu však uvádějí v chrvatské podobě, čímž se pestrost jen zvětšuje!

Potěšitelná je proto téměř solidární prakse Francouzů, jak se jeví v nově založených orgánech Revue des Etudes Slaves a Le Monde Slave, jakož i v publikacích pařížského Institut d'Etudes Slaves. K 1. číslu revue Le Monde Slave byl připojen i teoretický výklad »Sur la transcription des mots slaves«, který zde chceme odborně oceniti.

Je to nepodepsaný projev redakční, který probírá zásadně celou tu otázku s hlediska francouzského, směřujícího k jasnosti, důslednosti a jednoduchosti. Rozhoduje se pro t. z. mezinárodní způsob transkripce (který se tu bohužel jen na str. 4 nazývá vhodněji transliterací), založený na dvou principech: 1. prosté přejetí a nezměněné užívání pravopisů všech slovanských národů, kteří píší latinkou (při tom je chrvatská abeceda zároveň přepisem srbské), 2. nahrazení azbuky cyrilské ekvivalenty latinky, obohacené znaménky diakritickými.

Přes to, že se na str. 6. mluví o aplikaci tohoto 2. principu na »různé literární jazyky ruské«, obsahuje následující pak tabulka jen poučení o grafice velkoruské a bulharské, nikoli o ukrajinské nebo běloruské. Uvádí se tu však, asi nedopatřením, srbská ligatura *љ* s ekvivalentem *l'*, ač by se podle poznámky o chrvatštině očekávalo nahrazení spřežkou *lj*. Pro ruské *ль* platí ovšem *l'*, neboť *ь* = *'* (apostrofem se zve toto měkčící znaménko na str. 7 poněkud mylně). Uvedu ještě případy, kdy se zaváděná transliterace odchyluje přece od typu ustáleného, tedy od způsobu, užívaného i ve »Slavii«: *х* = *kh* (tato spřežka jest ústupkem dosavadní snaze Francouzů vystihnouti, třeba nesprávně, výslovnost neznámé jim hlásky); *э* = *é* (proti *е* = *e*), *ѫ* i *ъ* (pokud v bulharštině znamená skutečný zvuk) = *ă*. Střídnice *ê* za *ѣ* netýká se ovšem nového pravopisu ruského, který odstranil *ѣ*[2]).

Konečně podává další tabulka pokyny k výslovnosti slovanských písmen vůbec, při čemž třeba tu opraviti některé nepřesnosti. Naše *h* (čsl., rus. dial.) není totožné s někdejším franc. *h* aspirée; písmeno *h* = něm. *ch* nejen v chrvatštině, ale i v polštině. Není správné, že *s* neznamená nikdy *z* (ve skupinách se znělými souhl.), stejně jako písmeno *z* se často vyslovuje *s* atp. Bulh. *ă* (*ъ*, *ѫ*) připodobňovati k širokému *ö* ve fr. *œuf* je foneticky nesprávné, protože nejde o samohlásku labialisovanou. Na str. 8 ztotožněno (asi chybou tisku) »*đ* serbo-croate, *dż* polonais« místo *đ* (*dj, gj*) a *dź* (*dj* mouillé — na tvrdé *dż* — *dž* zapomenuto). Naše *ř* se nevyslovuje znělé (»rj en une seule émission«) vždycky na počátku a uvnitř slov, ani neznělé (*ch* místo zamýšleného *rch*) jen na konci slov a rovněž tak nelze charakterisovati výslovnost polského *rz* jako »*j* ou *ch* dans les mêmes conditions«. Zcela nesprávné je ztotožňovati *w* polské a lužicko-srbské (francouzskému *v* — po případě *f* — se rovná jen prvé, druhé však anglickému *w*). Přes tyto nedostatky znamená francouzský počin pro slavistiku na Západě důležitý krok vpřed. *A. Frinta.*

---

[1]) Byla doporučena konferencí universitních profesorů a vyložena celkově v 6. čísle II. ročníku (z března 1924, str. 668) v článku N. B. Jopsona »Pronunciation of Slavonic words and names.«

[2]) Při transliteraci nynějšího pravopisu jeví se pak nejasnosti, na př. *nem* = dřívější *nêm* a *něm*.

Новые тексты „Моления“ Даниила Заточника.

Памятники старой русской литературы, особенно ее более или менее ранних периодов, редко сохранились до нашего времени в списках близких ко времени сложения самих этих памятников: так, современных самому созданию памятника списков мы не знаем; даже списки, более или менее близкие к этому времени (хотя бы, напр., сочинений Кирилла Туровского, XIII и нач. XIV вв.), встречаются крайне редко; большею же частью мы имеем старые памятники в списках, отделенных от времени создания самих произведений большим промежутком времени — иногда в несколько столетий — при том уже в списках, прошедших длинный ряд изменений и искажений, переработок и. т. д.... Это, как известно, не только значительно осложняет восстановление текста памятника в его первоначальном или более или менее близком к первоначальному виде, но иногда делает это восстановление и прямо невозможным. Основным методом при такого рода работе над текстом является, как известно, критическое сравнительное исследование возможно большего числа списков данного памятника; но и эта критическая работа над текстом осложняется в иных случаях редкостью самих дошедших до нас списков памятника: можно указать ряд русских старых произведений, орининальных и переводных, которые сохранились либо известны нам лишь в единственом списке (каковы, напр., Слово о полку Игореве, Слово о погибели Русской земли, Поучение Мономаха, Послание Климента Смолятича), или же в немногих, при том весьма поздних сравнительно с возрастом самого памятника списках; в виде яркого примера можно припомнить хотя бы известное „Девгениево деяние“, памятник XII -XIII в., сохранявшийся в списке XVI в. (теперь погибшем), но доступный нам только в двух списках XVIII века. Поэтому понятно, почему находка всякого неизвестного доселе списка такого редкого памятника возбуждает в нас особый интерес: в таком вновь найденном списке мы получаем или надеемся получить новый материал для восстановления памятника, его литературной истории; им увеличиваются у нас шансы на решение многих вопросов, которыми окружены эти редкие памятники, и которые за недостатком наличного материала остаются или не решенными, или слабо подвигающимися к решению.

К числу таких старых памятников, сохраненных, однако, только поздними, при том немногими списками, относится своеобразное и во многом еще загадочное „Моление Даниила Заточника“. Памятник — не то XII-го, не то XIII-го века (вернее, последнего): оно дошло до нас, как известно было до сих пор, только в восьми (или девяти) списках, из коих старший (ркп. Унд. № 195) относится к концу XV-го или к началу XVI-го века; к тому же списки эти распадаются на целых четыре-пять редакций.[1]) После издания И. А. Шляпкина новых текстов памятника до 1903 г. не появлялось: в этом году Ф. И. Покровским издан был еще неизвестный список XVII в., представляющий такую переделку старого текста, что пришлось обособить его в отдельную группу.[2]) Последним, впервые опубликованным, был текст XVII в. собр. И. Е. Забелина (теперь Гос. Ист. Муз.)

---

[1]) Они почти все объединены в издании И. А. Шляпкина, Пам. Древн. письменности, LXXXI (Спб. 1889); сюда вошло семь текстов (восьмой — „Морозовский“, изданный И. П. Сахаровым в его „Сказаниях русск. народа“, I. кн. 4, стр. 59—60, оказался перепечаткой „Толстовского“ (впервые изд. К. Ф. Калайдовичем в „Памятниках росс. словесности XII века“ (М. 1821, 225—240), на что в свое время указано было (см. Библиограф, 1890 г., стр. 8—9 А. И. Соболевским). Все списки, со включением и опубликованных после издания И. А. Шляпкина, распределяются на пять групп таким образом: к I-ой относятся три списка, ко 2-ой — два, к 3-ей — также два, к 4-ой и 5-ой — по одному.

[2]) Собрания Погодина (Рос. Публ. Библ.) № 1315; см. Изв. О. Р. Я. С. Акад. Наук, VIII, кн. 4, стр. 328—339.

№ 464 (540).[1]) Последнее обширное исследование, посвященное Даниилу Заточнику и объединившее все, что до тех пор было известно о текстах памятника,[2]) не принесло новых списков „Моления“: надо предполагать, что автору при его разысканиях не удалось расширить круг прежних материалов новыми, что, однако, было бы важно для целей его исследования.

А между тем более детальное ознакомление с собраниями рукописей, давно известными в научном обиходе, может еще дать этот свежий, если и не крупный по значению, материал, но все же уже по своей редкости и по значению самого „Моления“ в русской литературе заслуживающий внимания. Такой материал, действительно, нашелся в собрании рукописей Н. С. Тихонравова (теперь б. Румянц. Муз.)[3]) и в собрании Е. В. Барсова (ныне Гос. Истор. Музея).[4]) В том и другом нашлось по одному, до сих пор неизвестному тексту „Моления“ Даниила.

Первый из них, озаглавленный: „Слово Данила Заточника, еже написа сыну (sic!) своему Ярославу Володимировичу“, находится в собрании Е. В. Барсова (Истор. Муз.) в сборнике № 1775, XVII в., в 8 д. л., лл. 21 об. — 28. Судя по имени адресата, текст этот должен быть отнесен к I-ой группе („извод XII в.“, по терминологии Шляпкина и Миндалева), т. е. в одну группу с Толстовским (обозн. Т), Академическим (Кирилло-Белозерским — А) и Копенгагенским (К). И, действительно, он при ближайшем сличении обнаруживает особую близость к списку А, совпадая с ним в большинстве тех случаев, где последний отклоняется от Т и К.

Сравнительно же с этим А он представляет, при общей тожественности чтений с ним, лишь мелкие отклонения, сводящиеся б. ч. к пропускам и искажениям отдельных фраз и выражений, — доказательство небрежности и невнимательности писца Барсовского текста: немногие варьянты только подтверждают это наблюдение; но между ними есть и такие, которые дают чтения, отличные от А, но подтверждаемые то К., то Т, то обоими ими, — доказательство, что Барсовский текст не идет от А, а восходит вместе с ними к прототипу, общему с Т и К. Для более наглядной характеристики взаимоотношений между изданными списками и Барсовским, приведу несколько примеров, разбив их на такие категории:

I. Пропуски, искажающие смысл.[5])

1. аз бо есмь (аки) она смоковница проклятая, не имѣю (плода покаянію, имѣю бо) сердца. — л. 22—22 об.; Шляпкин, 3—5.

2. тако и мы, господине, желаем (милости твоея, зане, господине) — л. 23 об.; Шл. 7.

3. дружатся со мною (погнѣтающе руку со мною) в солило — л. 23 об.; Шл., 7.

4. Богат муж вездѣ знаем есть (и на чюжей сторонѣ друзи держить), а убогъ во своих невидим ходит; богат возглаголет — вси молчат (и вознесут слово его до облака), а убог возглаголет...[6]) — л. 24; Шл. 9.

---

[1]) Чтения в Общ. Ист. и Древн. Рос., 1913 г., кн. II, 26—29.

[2]) П. П. Миндалев, Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники (Казань 1914). Кстати: в обзор П. П. М-ва не вошли: ни текст, изданный в Чтениях 1913 г., ни второе издание Чудовского текста (см. Библиогр. материалы А. Н. Попова, XV—XIX, M. 1889, стр. 20 и сл. — из Чтений), более исправное, нежели сделанное Е. В. Барсовым (Чтения, 1883 г., кн. II).

[3]) Окончательно поступило в Рукописное Отдел. Музея в начале 1912 годе, описано в 1913 г. (см. Отчет Музея за 1912 год).

[4]) Поступило в 1914 году (см. Отчет Р. И. М. за 1914 г.; вышел в 1916 году).

[5]) Пропущенное (приводится в скобках) сравнительно с А. по изданию Шляпкина, как и всюду ниже в цитатах из изданных текстов „Моления“.

[6]) Второй пропуск нескладно восполнен ниже во фразе: „тѣх рѣчь (ркп. рече) честная и вознесут слово его до облак“ — в А. и других в этом месте повторения фразы нет.

5. никто же может соль зобати (ни ум печали смыслити) — л. 25 об.; Шл. 11.

6. (яко ж богъ повелить, тако будеть) поженет бо един сто — л. 25 об.; Шл. 13.

II. Искажения отдельных выражений.

1. возвѣстия мудрости — взвитіе мудрости (А), во извѣстіе (Ч.)
2. увитва уста — увѣтлива уста (А.)
3. подоломъ — плодом (А.), оплотомъ (К. Т.)
4. аки ад рая — аки Адам рая (А.)
5. ни самаго ястреба — носимаго ястреба (А.)
6. градницы — градъ нашъ (А.)
7. напояние многим мимоходящим — напаяеть мимоходяших (А.)
8. огнь припечию — огнь трепетицею (А.)
9. и самъ — от искръ (А.)
10. без брегов — в брезех (во втором случае, А.)

III. Добавления не нужныя.[3])

1. возри на мя (господине) яко мати
2. углы отпали (и), зане не процвете(т)
3. (и вознесут слово его до облак) см. выше: I, 4.

IV. Добавления сравнительно с А., оправдываемые другими списками.

1. а ты (оживляеши милостию своею человѣки и сироты) и вдовицы — согласно с Т. К.
2. теплу воду пиюще (праха нападши) — согласно с Т. К.

V. Варьянты к А., оправдываемые другими списками.

1. углы отпали (то же в Т. К.; отпадали — А.)
2. яко птица от кляпцы (то же в Т. К.; птенца — А.)
3. ризы казит (то же в Т. К.; ѣдять — А.)
4. под единем платном (то же в Т. К.; платомъ — А.)
5. дубъ крѣпится (то же Т. К.; крѣпокъ — А.)
6. отца и матери лишаются (то же Т. К.; оставляють — А.)

Приведу, наконец, так называемые „исторические“ места сравнительно с остальными списками: по ним также можно судить о степени сознательного отношения писца Барсовского списка к своему оригиналу:

1. кому боголюбивая (Боголюбиво — А.; благо Любиво — К.), а мнѣ (горе) лютое; кому Бело озеро, а мнѣ чернѣе смолы; кому Лучь (Лаче — А. К.; Лачь — Т.), а мне на нем седя плач горкой; кому ти есть Новград (Новъгородъ — А. К. Т.), а мнѣ углы отпали (л. 22 об. — 23).

2. и глаголъ бо мирсти слава (не лгал бо ми Ростиславъ — А.; Ярослав — К.) князь: лепше ими смерть ни курское княжение (лепше бо ми смерть, ниже курское княженіе — А. Т.; лѣпши ти смерти нежели курское княженіе — К.) (л. 24).

3. яко же рече Святославъ княз, сынъ Олга, (Олжинъ — А.; Игоревъ — Т; Олгинъ — К.), ида на Царьград с малою дружиною и рече: намъ ли, братия, от града погибнут, или град (граду — А. К. Т.) от нас пленен будет (плѣнену быти — А. К. Т.) . . . дивья на боянѣм (за буяном — А. Т.; за бояномъ — К.) кони пасти (паствити А. Т.) (л. 26).

Самым же большим недостатком списка Барсова является то, что он не только имеет ряд искажений и пропусков (часть коих только что приведена), но что он списан с отрывочного оригинала, чего, однако, писец не заметил, почему в „Молении“ оказался в виде конца памятника пристегнутым отрывок из какого-то чужого текста, общего ничего с „Молением“ не имеющего, а само „Моление“ т. о. осталось без конца: так, списывая текст „Моления“, писец на л. 27-м пишет: „не держи села близ княжа села, тиун бо его аки огнь припечию накладен и родовичи (след.: рядовичи) его аки истры (след.: искры): аще от огня устережешис (л. 27 об.), но

[3]) Заключено в скобки.

и самъ (след.: искръ) не можеши устеречис и жжения портъ. Господине мой (не имѣй себѣ двора близ царева двора, не держи окрестъ и на всякъ день без измѣны к богу, то есть во истину раб божіи и без ослушания и милость божию обрящет, а на страшнем судѣ отдание грѣхов; а кто не умѣет грамоте...)". Взятое в скобки помещено в строку с предъидущим посреди страницы листа 27-го оборот, и уже — не из „Моления" (см. у Шляпкина, стр. 17); ясно, что словами „господине мой" обрывался лист его оригинала, содержавший „Моление", а следующий лист рукописи, с которой списывалось „Моление", представлял конец какого-то поучения, говорившего что-то, судя по содержанию отрывка, о необходимости посещения церкви, слушании там чтения и пения, т. е.: в рукописи были вырваны листы, содержавшие окончание „Моления" и начало какого-то поучения; а писец Барсовского списка принял конец этого поучения за окончание „Моления".

Второй из неизвестных доселе текстов — в собрании Н. С. Тихонравова (теперь в б. Румянцовском Музее) за № 397, в сборнике в 8 д. л., полуустав XVII в., на лл. 94 об. — 103. По своему составу он должен быть сопоставляем с текстом Соловецким (у Шляпкина, стр. 59 и сл.); этот же последний, представляя, как известно, переделку старшей редакции „Моления", восходит в основе своей к группе текстов Ундольского и Чудова мон. (т. н. „изводу XIII века"), хотя и не покрывается ими вполне.[1])

В то же время текст Тихонравова (в дальнейшем обозначаю его: Тих.) если и представляет в общем сходство по чтениям и расположению с С. (Соловецким), дает весьма значительные от него отклонения, коими и определяется его положение среди других текстов „Моления". Сопоставление его с этим С. обнаруживает прежде всего много мелких разночтений, а главное — ряд пропусков, немного дополнений и перестановки. Из этих особенностей Тих. прежде всего обращает на себя внимание самое заглавие текста, отсутствующее в С.; читается оно так: „Сказаніе о Данилѣ, како седѣлъ на Белѣ озерѣ от великаго князя Владимера." Заглавие это дает, как видим, неизвестное по спискам других групп имя адресата: это — великий князь Владимир. Видеть в нем исторического великого князя Владимира — именно, Мономаха — нет никакого основания, так как искусственное происхождение этого имени в заглавии памятника, далее XIII века в основе своей не восходящего, ясно: оно отвлечено из отчества Ярослава Володимировича, которому адресовано „Моление" по „изводу XII века", где князь этот называется, между прочим, сыном „царя Володимира",[2]) „князя" — в Копенг. списке. Для составителя сравнительно поздней переделки. какова представляемая оригиналом С. и Тих., имя Ярослава Владимировича[3]) говорило меньше, нежели имя Владимира, которое носили знаменитые князья, Мономах или Святой, креститель русской земли; это имя (без титула „великий") читаем мы и в тексте, как С., так и Тих. (в последнем и в начале и в конце). Что касается указания в заглавии (как и в тексте), на Белое озеро, как на место заключения Даниила, вместо обычного Лача-озера, то объяснение этому может быть предложено на том же основании: подстановки более известного Бела-озера на место мало известного Лача. Возможно при том и другое объяснение, основанное на том общем наблюдении над переработкой старшего текста в оригинале, от которого идут С. и Тих.: она должна быть признана сделанной далеко не искусно и внимательно, скорее даже небрежно; на этой почве могла появиться, как эта замена, так и имя Владимира вм. Ярослава. Какое бы

---

[1]) См. Шляпкина, ук. соч., введение, стр. 39; Миндалева, ук. соч., стр. 178—9.

[2]) Это заставляет предполагать, что существовали списки „извода XIII века" также с именем Ярослава Владимировича, нам еще неизвестные; от такого списка мог идти оригинал С. и Тих.

[3]) О возможном процессе подстановки имени Ярослава Владимировича вместо Ярослава Всеволодовича см. у В. М. Истрина, Очерк истории древнерусской литературы (Петрогр. 1922), стр. 231—2.

объяснение мы ни приняли, одно можно допустить, что обе замены восходят к оригиналу наших списков, и что заглавие переделки, сохраненное в списке Тих., восходит к тому же оригиналу и утрачено случайно в С.

Не ставя себе в настоящей заметке целию точное установление взаимоотношений между „изводом XIII века“ и группой, представляемой текстами С. и Тих., сосредоточу внимание на отношениях друг к другу только этих двух текстов, как известного раньше и до сих пор остававшегося неизвестным.

Сравнительно с С., Тих., как указано было, дает довольно много отклонений, хотя в то же время сохраняет близость с ним на почве общего оригинала: эти отклонения и дадут возможность определить относительную ценность самого Тих. в ряду других списков, прежде всего в группе, к которой он принадлежит. Сгруппируем эти особенности Тих. по таким же рубрикам, как это мы сделали для списка Барсова.

1. Примеров мелких пропусков, произвольных изменений и искажений в Тих., сравнительно с С. и списками У. Ч. („извода XIII века“), можно привести весьма много; ограничимся несколькими примерами, которые покажут, что пропуски эти существенного значения не имеют для суждения о месте списка среди других, указывая лишь на небрежность или рассеянность писца ркп. Тих.:

1. вси мимоходящеі сѣкуще и рѣжут его — вси мимоходящеи сѣкут его (С., Ч., У.).

2. богат что ни глаголетъ — богатый возглаголет (С. Ч. У.).

3. храброму дай вина чашу, и онъ храбрѣе будет, а умъ его не долгой будет — хороброму дай чашу вина, хоробрѣе будетъ, а умен дорого есть (С.; а умный дорог есть — У.).

4. во Афинѣх не родился есмь — не во Афинех рослъ (С. Ч.).

5. кому ты Ярославль — кому ти Переяславль (С. У. Ч.).

6. у кого риза свѣтла, у того и рѣчь есть — у богатаго ризы свѣтлы, то и рѣчь чиста (С.) — их же бо ризы свѣтлы, тѣх и рѣчи честны (Ч. У.).

7. яко воды морскія покушах — яко воды морскія в мѣх, покушахся изрѣщи извѣтія мудрости (С.) — яко в мѣх воду морскую (Ч.).

8. одержимъ есмь нищетою, да лутчи ми есть смерть борзая, нежели долг живот во убожествѣ — одержим есмь нищетою нежели руское княженіе, луче бо смерть борзо, нежели долгъ живот в убожествѣ (С.) — лучше бо ми смерть, нежели курское княжение, тако же мужу лучьше смерть, нежели продолжен живот в нищетѣ (во убожествѣ — У.) (Ч.).

9. Не возри на мя, что одеждею скуденъ есмь добрѣ, но разумом обиленъ есмь — не возри на мя (аки волкъ на ягня, но возри на мя яко мати на дитя)[1], одеждею бо есмь скуденъ, но разумомъ обиленъ, ум (юн) имѣя възрастъ, а ум вложи в него стар смыслъ (С.) — не возри на внѣшняя моя, но вонми внутренняя моя, аз бо есмъ одѣяниемъ скуден но разумом обилен. юнъ возрастъ имый, но старъ смыслъ вложихъ вонь (Ч.).

10. Яви мнѣ зрак свой, да услышу гласъ твой слаткій. и образ твой красный, (аки сот медвянъ, а очи твои яко воды животныя источникъ, слава твоя в чести аки тварь. — Яви ми зрак свой, да услышу глас твой сладкій, а образ твой красен, аки сот медвеной, а уста твоя яко рай плодовитъ исходит, а очи твои аки вода животна, источник изъ чрева твоего, аки столпъ пшеничен, а глава твоя во чти аки фавор в манистѣ (С.) — яви ми зрак лица твоего, яко гласъ твой сладокъ и уста твоа мед истачаютъ и образ твой красен, посланія твоя яко рай с плодом, руцѣ твои исполнены яко от злата аравийска, ланиты твоя яко сосуд ароматы, гортан твой аки крин, капля миро милость твоя, видъ твой аки ливан избранъ, очи твои яко источникъ воды живы, чрево твое яко стог пшеничен, иже многи напитая, слава твоя превозносит главу мою, и бысть выя в буести аки фареси в монисте (Ч.).

Я умышленно привел довольно много примеров, характеризующих взаимоотношения текстов Тих. и С. между собою и отношения их к ис-

---

[1]) Явная вставка изъ другого места.

точнику („извод XIII века“): это может служить и характеристикой отношений того оригинала, от которого идут и Тих. и С.: можно с уверенностью сказать, что, если этот оригинал был своего рода сокращением одного из старших текстов, которые представлены известными нам Ч. и У., то оба списка — Тих. и С. — в свою очередь представляют сокращение этого их общего оригинала.

II. Но в то же время указанные сопоставления говорят о том, что ни Тих. не зависит от С., ни обратно: каждый из них, сокращая общий для них оригинал, отнесся к нему по своему. Это последнее обстоятельство всего виднее в следующих группах различий между ними. Так Тих. повидимому, гораздо сильнее сокращал этот оригинал, нежели С.; в этом можно убедиться, не только сравнив оба текста по объему, но и по чтениям. Так, в Тих. опущено (ограничусь цитированьем только более крупных пропусков):

1. Большой абзац, читаемый в С. и восходящий к оригиналу (так как он — на лицо в „изводе XIII в.“): „Не лиши хлѣба нища и убога ... а убог несмыслен аки в грязи втоптан“ (Шляпк. 60, ср. 39) — выкинут в Тих.

2. Тоже немного ниже: „Невод не держит воды, но рыб много держит, тако и ты, княже, не держи богатства много, но раздай храбрым, съвокупляй мужи златом, а мужми злата добудеш, а не токмо злата, но и градов“ (Шляпк. 61, ср. 41).

3. Вставивши после фразы: „да не восплачю аки Адам рая отлучен, тако и азъ от милости твоея“ — следующие ниже в С. слова: „княже мой господине, змій страшенъ свистаніемъ, а ты множеством силы своея“, — Тих. дает фразу: „княже господине, всякъ человѣкъ у друга сучецъ видит во оцѣ, а в своем оцѣ бревна не чует“ (что читается и в С.), а следующий большой отрывок, находящийся в С. и в „изводе XIII в.“ (Шляпк. 62, ср. 44) опускает: „не может человѣкъ соли зобати ... муж мудръ смысленым друг, а безумным богъ“, взявши из всего этого места только фразу: „мужа лукава бѣгай и наука его не слушай“.

4. К концу текста пропуски становятся все чаще; так, опущены места, читающиеся в С. и находящиеся и в Ч. и У.: *а)* „а ты, княже, людми своими ... веснѣ“, *б)* „гусли строятся ... но и скоты и звѣри“, *в)* „уполовником ... не истощити“, *г)* „ци ми речеши: безумно глаголеши ... то у боярина что добыти“ (Шляпк. 62—63, ср. 47—49).

5. Из большого абзаца: „или речеши: у богата тестя женися ... ни от козла млека, ни безумна мудростію глаголюща“ (Шляпк. 63, ср. 50—51), выхвачена фраза: „княже господине мой, уподобихся есми жерновам: многи от них люди насыщаются, а сами гладни и измираютъ“, к тому же в ином сочетании с соседней, нежели в С.

6. Конец текста С. (со слов: „тако и злаа досажденія есме пр емлеи“) в Тих. также отсутствует.

III. Что касается лишнего сравнительно с С., то таких добавлений (не говорю об отдельных словах) в Тих. очень немного: *а)* в известном месте: „кому ти Переяславль ...“ (Шляпк. 61), восстановлен пропуск С.: „кому ты Лачь-озеро, а мнѣ ты Плачь-озеро“ (вместо обычного: „а мне сѣдя на нем плачь горькій“). *б)* Немного выше после слов: „лутчи ми от руки твоея взяти воробей печеной, нежели от злаго государя (у боярина — С.) боранье плече“, читаем: „сурову государю служити — свободы не добыти; злу государю служити — только лишняя работа работати“. В С. находим только: „а злу господину служа, болѣе работы добудет“ (Шляпк. 61), что согласно с чтением „извода XIII в.“ (Шляпк. 43). Как возникло это добавление, можно догадываться: в „изводе XIII в.“, а за ним и в С., мысль построена на любимой в „Молении“ антитезе, первая половина которой: „добру господину служа, свободу добудет“ (Ч.); у нас антитеза пропала, а из ее содержания сделана первая часть отрицательного предложения, почему пришлось „добру“ заменить словом „сурову“. Т. о. чего либо нового в текстуальном смысле для чтений оригинала это место не дает и должно быть сочтено индивидуальной чертой списка, выражающей знакомую уже нам склонность к сокращениям и небрежность писца. — *в)* В испорченном и скомканном месте

о значении князя, мы встречаем, однако, в Тих. вставку сравнительно с С. и старшими изводами. Вот как читается место в старших изводах, в С. и у нас:

„Злато красота женам, а ты, княже. людем своим, а град нашь крѣпится основаніем, птица радуется веснѣ, а младенець матери, а мы, княже, о тебѣ радуемся“ (С.; Шляпк., 62, ср. 47—49). — „Злато украшеніе женам, а соль удобреніе брашном, а младенцем матери, а мы, княже, о тебѣ радуемся“ (л. 100—101). По своей простоте и обыденности фраза эта легко может быть отнесена на долю личного произвола писца. — *г)* Соловецкий список, как известно, обрывается: обычного, стройного конца, завершающего фомально план „Моления“, в нем нет.[1]) В таком случае получает значение Тих., в котором „Моление“ является, действительно, законченным, при том ссответственно общему плану построения памятника, лежащему в основе этой его редакции: это, ведь, — послание заточенного Даниила, пишущего прошение своему князю и ожидающего от него облегчения своей участи — „челобитная“. Тогда как старшие версии, подразумевая ту же цель послания, явно ее не выражают, как вытекающую из всего содержания „Моления“, наша версия, представляемая С. и Тих., сама подчеркнула эту мысль своим построением. В Тих. потому, думается, мы и читаем после пропуска, указанного выше (II, 6): „Тебѣ, князю, пишу. О том бо царь Соломонъ глаголет в мирских притчахъ: не добро слов кратцех, и прощеніе человѣком слышащих (sic) повести (?). Аз же, государь мой великій, высокій, столный, мудрый Владимиръ и милостивый и славный князь, болши сего не смѣю тебѣ рещи, ожидая от тебе великия милости и от устъ твоихъ сладкаго слова и прощеніе к слузѣ своему“ (л. 103). М. б. испорченное чтение: „(глаголетъ в мирских притчахъ) не добро слов кратцех и прощеніе человѣком слышащих повести“, представляет искажение того, что читается в „изводе XIII века“: „глаголет бо в мирских притчах: не добро слово продолженое (продолжено — У.), но добро продолжена колбаса (колибася — У.) (Ч. — Шляпк. 53)? Если такое предположение возможно, то и это место в Тих. возможно считать (разумеется, в более исправном виде) принадлежащим оригиналу, к которому восходят оба списка рассматриваемой версии.

IV. Для более полного представления о списке Тих. не излишне, наконец, остановиться на текстуальных переделках в нем: они подтвердят то свободное, в то же время не достаточно внимательное, а подчас и мало умелое и прямо небрежное, отношение писавшего к своему оригиналу, на что отчасти уже указывалось выше. На выдержку возьмем известное место о Святославе:

тако же и Святославль Олгинъ идучи на Царьграда пленити, а не вѣдая того, яко от гражден побѣжден будет (л. 97).	тако рече Святославль Олгин, идучи с малою дружиною на Царьград: не вѣдомо будет, град ли от нас пленен будет, или мы от граждан (Шляпк., 60; ср. 39).

Совершенно не понято, а потому и искажено место:

С мудрыми думцы думай, то велико стало будеши, а з безумными думаеш, то стало лишенъ будеши (л. 102 об.).	С мудрыми думцами думая, великаго стола доидеш, а з безумными думая, своего лишен будет (Шляп. 63, ср. 21—23).

В результате произведенного сопоставления Тих. и С. и других известных нам текстов „Моления“ мы можем приблизительно так оценить сп. и Тих. в ряду других:[1]) несомненно, он принадлежит к одной группе с С.,

[1]) Он кончается даже на полуфразе, которая в своем полном виде должна была быть построена по принципу сравнения, параллелизма, как она и читается в старшем изводе: „орел птицам царь, а лев — звѣрем, а осетръ рыбам“ (Ч. и У. добавляют: „а ты, княже, над переславцы“ — см. Шляпк., 46—47).

восходя вместе с ним к общему оригиналу; 2) если С. отчасти уже сокращал этот оригинал, то в Тих. это сокращение пошло уже далее; 3) по чтениам Тих. стоит ниже, нежели С., в смысле их исправности, не достаточно внимательно и сознательно относясь к своему подлиннику, почему искажал иногда текст до бессмыслицы; 4) писец его почти совершенно игнорирует одну из „стилевых" особенностей построения „Моления" в его первоначальном виде — параллелизм и сравнение — откуда у него ряд пропусков и искажений смысла; 5) но в то же время он имеет то преимущество перед С., что он сохранил от своего оригинала ту общую форму, в которую отлилась переделка старшего „извода XIII в." в ближайшем общем у Тих. и С. оригинале — ясно выраженную форму просительного послания со вступлением и заключением.

Этим определяется значение Тих. и отчасти роль его в будущих исследованиях литературной истории „Моления": он, как второй из известных списков определенной группы-переделки „Моления", должен быть привлечен — и не без пользы — при реконструкции того оригинала этой группы, который, в свою очередь, должен быть принят во внимание при восстановлении „извода XIII в.".

* * *

Таким образом, теперь, с приведением в известность двух новых списков „Моления", мы имеем: четыре текста т. н. „извода XII века" (Толстовский, Копенгагенский, Академический-Кирилловский и Барсовский), два текста „извода XIII в." (Ундольского и Чудовской), два текста переделки „извода" того же XIII в. (Соловецкий и Тихонравовский), два текста переделки „извода XII в." (Д. Н. Толстого и Забелинский), наконец, один текст переделки, пока неизвестного происхождения (Погодинский); из них только один (Ундольского) текст восходит к XV—XVI в., остальные все — к XVII-му. Такое позднее происхождение списков, свидетельствуя, с одной стороны, о продолжительной популярности памятника начала XIII века, объясняет, с другой стороны, те значительные изменения, которые претерпел он в течении веков, приспособляемый к столь разнообразным условиям общественного и личного, б. м., характера на пространстве XIII-XVII вв.; в этом лежит трудность восстановления первоначального вида и содержания „Моления": перед исследователем — мелочной анализ ряда чтений списков, во многом уже отошедших от протографа, но все же сохранивших один в одном, другой в другом — первоначальное чтение; постепенное восстановление промежуточных редакций в ретроспективном порядке, а затем сравнительное изучение этих редакций в том же порядке — вот путь, естественно намечающийся перед исследователем. В таком случае, всякий, вновь привлекаемый текст, хранящий в себе зерна первоначального текста, хотя и сильно подчас зарытые в поздних наслоениях — такой текст приобретает значение средства приближения к конечной цели исследования — восстановлению литературной истории памятника; поэтому, надо желать дальнейших поисков и издания еще неизвестных науке текстов. Этим оправдывается и появление настоящей заметки.

Москва 1925. *М. Сперанский.*

А. Е. Озаровская Бабушкины старины. 2-е издание, измененное и дополненное. Государственное издательство. Москва 1922, стр. 122.

Babuška t. j. znamenitá recitátorka epických písní M. D. Krivopolěnova, kterou objevil A. D. Grigorjev, a od které vytiskl řadu písní ve své sbírce Archangelských bylin I. r. 1904. Vydavatelka této knížky seznámila se s ní r. 1915, přivezla ji do Moskvy, a tam, jak později v Petrohradě a v jiných městech recitovala s nesmírným úspěchem své písně, jak před několika lety Rjabinin. Tyto její triumfální cesty opakovaly se ještě r. 1916 a 1921. O. E. Ozarovskaja vypisuje v úvodě její strastný život i tyto její cesty.

Vydány v knížce 1) stariny, totiž byliny, písně historické a t. ř. skomoroší. Jsou to téměř vesměs tytéž písně, které již známe z vydání A. D. Grigorjeva

tr. 337 a d. Jsou různé drobné rozdíly, a místy zdá se býti nový zápis lepším než starší. Hlavně však jest důležito, že jsou otištěny ještě všechny poznámky, které recitátorka vkládala do svých písní, a které znamenitě osvětlují poměr její k recitovaným od ní písním, k dějům a rekům opěvovaným. Na př. v písni »Ilja Murovič a Kalin car« (str. 28) vypravujíc, jak Kalin car chce, aby byl mu odstoupen Kijev bez boje, vložila poznámku: »jak nynější ermanec!« Mnoho jest podobnými poznámkami přerušena píseň o Ivanu Hrozném (str. 50) a j. Písně **Князь Михайло** (Григорьев 374, č. 84) reprodukováno jen z polovice (str. 59), též **Небылица** (str. 74—5) jest proti reprodukci u Grigorjeva (str. 382) značně zkrácena; píseň konečně **Алеша Попович и сестра Поповичей** (Григорьев 369) nebyla u ní vůbec zapsána. Naopak nově byla zapsána píseň **Смерть князя Долгорукова** (str. 52), kterou Grigorjev od ní neslyšel.

Grigorjev poznamenal dále, že zapsal od ní ještě 5 náboženských písní (**духовные стихи**), jmenovanou od něho píseň o Aleksěji, člověku božím, Ozarovskaja od ní neslyšela, ale sděluje jinou píseň, **Вознесенie** (str. 79—80), o které se Grigorjev nezmiňuje.

Následují poté 2 zaříkadla (str. 94—92), více jich Krivopolěnova nezná. Kromě toho uměla ohromný počet písní svatebních, rekrutských, pouličních a j. a za jejího pobytu r. 1921 v Moskvě zachytili fonografem množství písní. Ozarovskaja vytiskla pouze 4 (str. 100—105), které slyšela od ní r. 1916.

Grigorjev již připomněl, že Krivopolěnova znala ještě mnoho pohádek (str. 334). Ozarovskaja nemůže se dost vynadiviti jejímu velkému vypravovatelskému umění, ale v této knížce podává jen malý výběr, neboť nejlepší její pohádky se nehodí do té knížky, a slibuje, že je vytiskne ve sbírce všech svých severoruských zápisů. Sem zařadila jen 5 čísel: č. 1 (**череп терем**) variant Afanasjev I, 64 č. 43 a; 112 „**Лисиця и пѣтух**“ variant Afanasjev I, 11 č. 4b; 113 „**Горшочек лихомыть**“ viz Serova 12 č. 3; 114 „**дурень**“: bit za nepřípadné pozdravy, v. Kubín Kladské pov. II. 301, **Смирнов Сб. великорус. ск.** 698 č. 259; matka s hlupákem utekla, vylezli na jedli, vystrašili loupežníky a dostali jich peníze. Anmerk. KHM Grimm. I, 524.

Konečně jsou zaznamenány (str. 118—120) ještě nápěvy písní, které M. D. Krivopolěnova zpívala, mnohem kratčeji, než to nalézáme u Grigorjeva (str. 679—682). Nový tento záznam se dosti liší od staršího. Vydavatelka bohužel se vůbec nezmiňuje o vydání Grigorjeva a nedbala o to, co přece bylo nejbližší a zajisté velmi nutno, aby své zápisy srovnávaly s prvním vydavatelem písní této znamenité recitátorky. Proto snažili jsme se tu kratičce její knížku doplniti. Není pochybnosti, že i tato malá knížka zasluhuje vší pozornosti od přátel lidových tradic ruských vedle velkých jejích dosavadních foliantů. *jpa.*

Софiя Федорченко: **Народ на войне.** „Новая Москва“ 1923, str. **167.**

Jsou tu sebrány rozmanité rozmluvy, výroky i nemalou měrou též básně a písničky většinou drobné, novější ražby a též starobylejšího rázu, jak je měli vojáci na frontě, zvláště v lazaretech r. 1915—6. Vydavatelka knihy, sestra milosrdná, měla přirozeně hojnou příležitost úzce se stýkati s vojáky. Materiál je to obsáhlý, a zajisté nemalou měrou charakterisuje ruského vojáka, a nepřímo přispívá k poznání vnitřního ruského člověka v strastných letech válečných. Měl by mnohem větší cenu, kdyby byl přesně ověřován, t. j. kdyby bylo vesměs znamenáno, od kterých vojáků se takové řeči vedly, kdo ty ony písničky skládal. Toho naprosto není, a tak ani nevíme, pokud to byli vojáci velkoruští čili ukrajinští čili ještě jiní, o přesnějším původě vojáků, z kterých gubernií ani nemluvě, jen se mihne židovský vojáček-krejčí z Mogileva. Na etnografické a sociologické ceně tímto tato jinak zajímavá a záslužná knížka nesmírně ztrácí.

Materiál jest rozdělen na několik kapitol podle vnitřního obsahu, ale nezachovává se to zcela všude přesně. I v písních i v prose čteme mnohé skutečně vysoce poetické perličky, jak se rodily ze srdce prostého selského vojáčka, který neznal ani nechtěl ničeho znáti kromě své rodné role, a po jiném nechtil. Přirozeně prozírá silně nenávist proti původcům války, především proti Němcům, Vilémovi, též jiným nepřátelům, ale ani Angličan není ušetřen. **Англичанин воды смутил, все моря смутил, себя потретил** (str. 1), též

o Italovi jest zmínka — a válečná chtivost německá prostičce se vysvětluje — Итальянец плохой солдат, ты только посуди, чего ему воевать? солнце круглый год греет, плоды всякие круглый год зреют, руку протянул — апелсин... Работать не надо, земля сама родит, все есть, чего ему воевать? А немцы голодом живут, у них все машина, а машиной сыт не будешь. Вот рвут что есть силы... А мы народ мирный, нам толко обиды не делай, мы себя прокормим... чужого не надо (str. 58). Mnoho by bylo lze vypisovati z 1. kapitoly poznámek o různých národech, jen jediná budiž ještě vypsána: mnohému nás Němci naučí, ale než naučí — umučí! (str. 62). V 2. kap. (67—75) sestaveny pověry rozmanité, o čarodějnicích a jiných strašidelních zjevech, o smrti a j., v 3. (69—97) o ženě a lásce, různé románky, 4. (101—106) obsahuje 3 scenické výstupy, 5. (109—1115) o dětech a sirotcích, 6. (119—133) rozmanité myšlenky o zvířatech, přírodě, učení, znalosti písma, čtení a j., 7. (133—144) pokání, hříchy, stesk po domově, práce do únavy a j., mezi jiným opět staré myšlenky o ruském sedláku, člověku (Не сгинет русский мужик со свѣту, крепко в землю вращен мужик. Земля ему мать — отец, война ему зол конец 141... Ка бы еще по душе было а то я так рассуждаю, что русскому одно по душе своим домком жить, по чужому не тужить...)

Nespočetně tu myšlenek nadmíru charakteristických, jak na př. Sny toť jediná radost... Jak nespíš, tak nežiješ... ve snu uvidíš dům, se všemi lidsky pohovoříš... já teď oč se modlím, jak čelo před nocí pokřižovat?... Modlitby odříkám podle pořádku, a potom... dej pane bože sen o domově... kdyby nebylo snů, bylo by ještě tíže... (144), anděl i čert hádají se, kdo z nich má vládnouti nad člověkem, i když se rodí, i když umírá, a tu ironicky připomíná: tu už podíváš se na jejich tahanici a naposled se zasměješ (146—7). 8. (153—167) o pánech a bohatých: Díval se, díval na tu věc Hospodin, a potom plivl — trus se ukázal. A hle na té Hospodinově slině vystavěli Petrohrad. Třebas velké město a přece na slině (155)... Kolik je to milion, nemohu pochopiti. A když za rubl možno od četaře koupiti svědomí, tak už za milion mnoho asi duší možno svésti. Ohromná to síla. Spisovatelka pokračuje v tom svém díle ještě dále, vytiskla v měsíčníku Русскій Современник 1924, č. 2, str. 129—140 další řadu zápisů, a sice z jara r. 1917, již z dob rozvratu a počátků revoluce, stejným způsobem.

Přemnoho jest tu materiálu pro poznání duše prostého ruského vojáka a sedláka, přeškoda, že jest tak nedostatečně dokumentován.

Doplňkem budiž ještě zaznamenáno, že v knize se prokázala ještě pečlivost censury důkladně začernivši místo (str. 80), které politicky aspoň nebylo nikterak závadné. *jpa.*

Dobrým příspěvkem pro studium Lužice, zejména po stránce národopisné a kulturně-historické, je nová kniha Ludvíka Kuby: **„Čtení o Lužici“.** Dílo, vydané v Praze na podzim r. 1925 »Družstevní prací« za účasti pražského Česko-lužického spolku, obsahuje kromě 60 nádherných barvotiskových příloh, 5 perokreseb, 4 hudebních příkladů a původní mapky (od L. Kuby mladšího) celkem 228 stran textu, v němž mimo úvod přetištěno je ve čtyřech odděleních 37 starších i novějších Kubových článků o Lužici, jež autor porůznu otiskl v českých denících, časopisech a revuích v letech 1888 až 1924.

Kniha shrnuje výsledky čtyř Kubových výprav do Lužice. První cesta v r. 1886 byla podniknuta za lužickou písní a hudbou. Ovocem jejím byla sbírka písní, kterou Kuba zařadil do 5. svazku »Slovanstva ve svých zpěvech« r. 1885—87 a v nové úpravě přetiskl částečně v »Písních lužicko-srbských« r. 1921. Literárně vyneslo to řadu poutavých národopisných črt, z nichž čtyři, zachycující některé lidové zvyky a obyčeje, jakož i několik typických figur a míst lužických, pojaty do »Čtení«. Je to vylíčení první středy povelikonoční, lužické »máje«, lužických »herců«, t. j. národních hudců, a typické lužické osady Slepa.[1]) — Druhá cesta r. 1902 byla již jen malířská, a to velmi

---

[1]) Jiné lužické práce Kubovy, sem spadající, uvádí Jos. Páta v jubilejní brožurce »Ludvík Kuba«, Praha 1923, na str. 21.

krátká. Kuba maloval tehdy pro Matiční dům v Budyšíně J. Herrmanna a J. Ćišinského. Literárně vzešla z toho nejhutnější, nejobsažnější a také nejucelenější lužická stať Kubova »Na slovanském Araratě«, vytištěná v Květech r. 1904 a pojatá také do »Čtení«. Stať tato má značnou cenu nejen pro národopisce, ale i pro kulturního a literárního historika svými charakteristikami země, lidu i všestranných poměrů národního života. Pro životopisce geniálního lužického básníka J. Ćišinského je zde načrtnutá Kubova charakteristika nezbytná.

To je všechno, co Kuba přejal do »Čtení« ze svých starších prací. Poslední dvě cesty r. 1922 a 1923 byly jen malířské. Vynesly onu nádhernou obrazovou lužickou galerii, v níž na věky zachycen krajový i krojový svéráz Lužice. Ony skvělé obrazy, z nichž některé reprodukovány byly hned v r. 1923 ve známé knize Viersetově »Un peuple martyr« a jež tu nyní na 60 barevných přílohách téměř všechny vidíme. Literárně byl při tom Kuba také velmi pilný. Neboť všech 32 ostatních statí »Čtení« vzniklo z těchto dvou posledních cest. Některé z nich jsou velmi duchaplné a malebné charakteristiky lužického kraje, jeho historie, lidu i kroje — tak črty o »srbském lidu«, o »herci Kuškovi«, o »srbském národě«, o »smyslu srbského kroje« (psal bych raději všude o »lužickosrbském« anebo o »lužickém« místo pouhého »srbském«) — některé chtějí jen okamžitě poučit a případně i poveseliti jako na příklad hrst povídání o »malířských trampotách«. Je přirozeno, že stati ty jsou ceny nestejné, přes to, že autor chtěl jim dáti stejnou linii se staršími pracemi odborným podbarvením, jejž všude cítíme a z něhož je zřejmo, že Kuba bedlivě pročetl potřebnou literaturu předmětu a že dovedl této literatury také vhodně a obratně využíti. Autor chtěl ostatně psáti pro nejširší vrstvy čtenářské, chtěl podati dobrou populárně-propagační knihu pro buzení i prohloubení zájmu o Lužici. To se mu také plně podařilo. A při tom má jeho kniha určitou cenu i pro odborníka-vědce četnými spolehlivými, osobně zjištěnými daty, má také cenu pro další lužická studia. Problematické jsou ovšem drobné filologisující exkurse autorovy, jakož i úvahy o »šerém dávnověku v Lužici«, výklady o »zbytcích slovanštiny polabské čili baltické«, o cyrilském písmu v Lužici, a t. pod., jež sice po brücknerovsku duchaplně a úsečně nahazují řadu fakt, jednotlivých všeobecně známých výzkumů i dohadů, ale jež dokazují jen, že ještě mnoho bedlivého studia musí býti Lužici i sousední oblasti polabsko-baltické věnováno.

Celkem kniha Kubova zasluhuje veškeré pozornosti. Psána je jasně, poutavě a s neobyčejným zájmem a láskou k věci, láskou, kterou chce autor vznítiti také ve svém čtenáři. Slovanská mládež měla by v ní čísti velmi často. *Jos. Páta.*

Minerva, Jahrbuch der Gelehrten Welt, přináší v 27. ročníku (Berlin und Leipzig 1925, Walter de Gruyter a Comp., str. XXX a 1942) podrobné zprávy o universitách, ústavech, učených společnostech a vědeckých spolcích z celého světa, zvláště pak též ze zemí slovanských a zejména také z Ruska, odkudž časopis »Slavia« nemohl dosud podati bližších informací. Při velkých změnách, které právě v Rusku nastaly, jest to třeba vytknouti s uznáním. Proto bude »Minerva« — i při částečné neúplnosti, vysvětlitelné obtížemi při získávání podobných informací — konati velmi dobré služby při vzájemných stycích také učenců slovanských. *J. K.*

† Леонид Лазаревич Васильев.

Недавно я получил известие, что в Петрограде уже года два или три тому назад скончался в психиатрической лечебнице после почти десятилетней психической болезни один из самых талантивых и оригинальных русских лингвистов, Л. Л. Васильев, давший русской науке ряд работ исключительной ценности. В. кончил Петербургский Университет в самом начале 1900-х годов и являлся по Университету учеником академ. А. И. Соболевского, от которого усвоил преимущественный интерес к старинным памятникам языка и знакомство со старинными рукописями. Живых говоров непосредственно он не изучал, а только по чужим записям, к которым подходил с теми же методами, как и к рукописям. Поэтому из диалектологических матерьялов его интересовали не столько описания говоров, сколько издания текстов, дававших возможность непосредственного анализа. Анализ рукописного или печатного текста с целью вскрыть за условностями правописания черты живого говора писца В. производил с удивительным мастерством. Почти все его работы заключают то или другое открытие, обращают внимание на факты, мимо которых проходили многие, не замечая. Так, он первый указал на правильное употребление *ѣ* под ударением и на последовательную замену неударяемого *ѣ* через *e* в старинных московских памятниках (№ 6 и 18)[1]), первый обратил внимание на изменение общеслав. группы *dl*, *tl* в старом псковском говоре не в *l*, а в *gl*, *kl* (№ 12), на правильное различение ѧ и ꙗ после согласных (последнее как в значении а, так и в значении ѧ после старых смягченных л и н) в некоторых русских памятниках XI—XIII в. (№ 19), на палатализацию и после г в русских памятниках того же времени (№ 20), на различную судьбу гласных перед слогом с ударяемыми *о* и *ъ* в акающем Обоянском говоре (№ 3) — позднее В. удалось выяснить, что *о* из *ъ* в великорусских говорах отличалось и отличается не от всякого старого *о*, а только от *о* под ударением со старой интонацией акута (№ 23) —, на особое значение т. наз. „каморы" (знака облеченного ударения, по начертанию тожественную со знаком, употребляемым для обозначения нисходящей интонации на долгих гласных в сербском и словинском языках) в некоторых русских рукописях XVI в. (ib.) и раньше Шахматова сделал открытие о разной судьбе *о* в великорусском в зависимости от старого, общеславянского различия интонаций (ib.); он же первый правильно обьяснил различие между начальными *vo-* и *o-* в великорусском на месте старого начального *о* из общеславянского различия интонаций (ib.).[3]) Рядом с удачными, часто очень ценными открытиями в статьях В. нередко встречаются очень парадоксальные мысли и даже

---

[1]) Употребление буквы *ѣ* в тех или других памятниках составляет главное содержание и статей В., назв. ниже под № 1, 7 и 10.

[2]) Ср. мой „Очерк" § 23 и Трубецкого, Zeitschr. für slav. Philol. 1, 313 сл. Это наблюдение, сделанное нами независимо от В. и друг от друга, является логическим выводом из закона Васильева-Шахматова о судьбе ударяемого акутованного *о*, в великор., и не удивительно, что к тому же выводу, независимо от нас, пришли и другие, напр., проф. Долобко. Впрочем, Шахматов в „Очерке" (§§ 5, 102, 229) повторяет еще своё старое обьяснение великорусского начального *vo-*, выводя его из *о-* в новых закрытых слогах.

страсть к парадоксам, но это не уменьшает значения действительных его открытий. Все его работы касаются только вопросов фонетики и правописания, но в области этих вопросов им сделано много. Последней его работой было исследование „О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI и XVII в.“, из которого напечатано только начало (№ 23).[1]) В этой работе В. установил, что в двух рукописях XVI и XVII века камора ставится только над тем *о*, которому в великорусских говорах соответствует сильно округленное *о* или дифтонг *uo* (Шахматовское *ω*); перед таким *о* в начале слова обязательно является *v*, тогда как перед начальным *о* другого происхождения *v* не развилось. Анализ случаев, в которых в этих рукописях пишется ô или ῶ, а в великорусских говорах произносится сильно округленное *о* или *uo*, привел В. к выводу, что почти во всех этих случаях такое *о* восходит к общеслав. *о* под так наз. восходящим ударением; в тех немногих случаях, где такое *о* другого происхождения, оно легко обьясняется аналогией или тем, что слово по происхождению нерусское. В то время, когда В. пришол к такому выводу, еще не были опубликованы матерьялы, собранные Гришкиным, Тростянским и др.,[2]) и не было статьи Шахматова о Лекинском говоре,[3]) так что для суждения о сильно округленном *о* в великорусских говорах В. располагал тогда только глухими указаниями на *uo* в Вятском говоре у Даля, Колосова, Зеленина и Васнецова, записями Брока в Тотемском уезде Вологодской губ., ответом Тоньшина по говору Рязанского уезда на программу Моск. Диалектологич. Комиссии[4]) и, повидимому, ненапечатанными записями Жирицкого из Епифанского уезда Тульской губернии. Так как этот матерьял сам по себе очень недостаточен, то В. обратился с письмом к Тоньшину, прося его сообщить больше примеров на оба вида *о*. Тоньшин согласился, но через несколько времени прислал В. письмо, где извещал его, что какой-то академик Шахматов обратился к нему с той же просьбой, и спрашивал, не будет ли нарушением обещания, если он, Тоньшин, сообщит просимые сведения и Шахматову. Получив это письмо, В. крайне взволнованный, явился к Шахматову и от него узнал, что Шахматов не только интересуется тем же вопросом и писал Тоньшину, но даже уже ездил или, по крайней мере, собирается ехать для выяснения этого вопроса в Рязанскую губ. В. пришол в ужас, признался Шахматову, что вопрос о двух видах *о* в великорусском — тема его диссертации, и просил Шахматова подождать полгода опубликовывать свои наблюдения и соображения, пока он кончит свою диссертацию.[5]) Через полгода В. пришол к Шахматову просить новой отсрочки, а вскоре после этого к Шахматову явилась жена В. с сообщением, что её муж заболел психическим расстройством и в припадке сумасшествия обвиняет Шахматова в том, что он, Шахматов, украл у него, В., диссертацию. Однако придя в себя и чувствуя, что припадок может повториться, В. сам распорядился, чтобы в случае его болезни все его бумаги были переданы Шахматову. Работа о двух видах *о*, т. е. исследование о значении каморы, оказалась готова и, по совету Шахматова и Соболевского, была представлена женой В. на одну из академических премий, которая и была ему присуждена. Состояние здоровья В. было признано врачами безнадежным.[6])

---

[1]) В настоящее время исследование В. печатается Российской Академией Наук.

[2]) Сборник Отд. р. яз. и сл. Акад. Н., т. 95, 1916.

[3]) Изв. 18 (1913) 4, 173 сл.

[4]) Труды Моск. Диалектологич. Коммиссии, вып. 3, Материялы, серия , № 7 (РФВ).

[5]) Ср. рассказ о томже самого В. в РФВ. 78, стр. 156—157.

[6]) Сообщаю то, что мне рассказывал Шахматов в 1914 г. Не ручаюсь за то, что за истекшие 12 лет я чего-ниб. не забыл или не перепутал из второстепенных подробностей этого трагического эпизода. Когда заболел , точно не знаю; повидимому, в зимнем сезоне 1913—1914 г. Весной 1913 г. он был еще здоров, и я получил от него письмо по поводу научных вопросов, затронутых им в статье о произношении ѧ (№ 19).

Прилагаю список трудов Л. Л. Васильева.

1. Новгородское Евангеліе Импер. Публичной Библіотеки и его западнорусскія вкладныя. РФВ. 47 (1902), 152.

2. Языкъ бѣломорскихъ былинъ. Изв. 7 (1902), 4, 1—42.

3. Гласные въ слогѣ подъ удареніемъ въ моментъ возникновенія аканья въ обоянском говорѣ. Изв. 9 (1904), 1, 336—353.

4. Дурново, Описаніе говора деревни Парфёнокъ (рецензія). Изв. 9 (1904), 2.

5. Кульбакинъ, Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка (рецензія). ЖМНПр. 1904, авг. 487—503.

6. Къ исторіи звука *ѣ* въ московскомъ говорѣ XIV—XVII вѣковъ. Главы I—II. Изв. 10 (1905), 2, 177—227.

7. Богдановскій Златоустъ XVI в. Изв. 10 (1905), 3.

8. Замѣтка объ акцентовкѣ несклоняемыхъ причастій на *-лъ*. ЖМНПр. 1906, авг. 464—469.

9. Нѣсколько разъясненій по поводу статьи проф. Б. М. Ляпунова „Лингвистическія замѣтки“ РФВ. 57 (1907), 108.

10. Вологодское Евангеліе XVI вѣка. РФВ. 57 (1907), 241.

11. Къ характеристикѣ сильно-акающихъ говоровъ. РФВ. 58 (1907), 241 (в статье выясняется вопрос о происхождении предлогов *вы, кы, сы* с гласной *ы* в южновеликорусских говорах).

12. О случаѣ сохраненія общеславянской группы *-dl-* въ одномъ изъ старыхь нарѣчій русскаго языка. РФВ. 58 (1907), 262.

13. Е. Ѳ. Будде, Лекціи по исторіи русскаго языка. ЖМНПр. 1908, февр. 432—438.

14. Отвѣтъ проф. Е. Ѳ. Будде. ЖМНПр. 1908, май 234.

15. О вліяніи неіотированныхъ гласныхъ на предыдущій открытый слогъ. Главы I—III. Изв. 13 (1908), 3, 181—255.

16. Что значитъ фамилія „Тѣнтѣнтниковъ“? РФВ. 61 (1909), 223.

17. Одно изъ соображеній въ защиту написаній *ьрь, ьръ, ърь, ълъ* въ древнерусскихъ памятникахъ, какъ дѣйствительныхъ отраженій второго полногласія. ЖМНПр. 1909, авг. 294—313.

18. Нѣсколько данныхъ для опредѣленія звукового качества буквы *ѣ* сравнительно съ буквою *е* въ памятникахъ XVII вѣка, употребляющихъ эти буквы въ слогѣ подъ удареніемъ по древнему, при замѣнѣ въ слогѣ безъ ударенія буквы *ѣ* буквою *е*. Изв. 15 (1910), 3, 188—219.

19. Съ какимъ звукомъ могла ассоціироваться буква „неіотированный юсъ малый“ (ѧ) въ сознаніи писцовъ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ русскихъ памятниковъ. РФВ. 69 (1913), 181.

20. Объ одномъ случаѣ смягченнаго звука *н* въ общеславянскомъ языкѣ, явившагося не посредствомъ слѣдующаго за нимъ древняго *j*. РФВ. 70 (1913), 71.

21. Можно ли основываться въ доказательство существованія въ предкѣ малорусскаго нарѣчія мягкихъ согласныхъ передъ *е* на современныхъ малорусскихъ формахъ повелительнаго наклоненія въ роде *ведіть*? РФВ. 70 (1913), 170.

22. Два явленія др.-ц.-слав. памятниковъ въ освѣщеніи др.-русскихъ текстовъ: 1. О суффиксѣ -кн- въ причастіяхъ страдат. залога прошедшаго времени. 2. Древне-церковно-славянское извѣче вмѣсто извлѣче. РФВ. 70 (1913), 373.

23. О значеніи каморы въ нѣкоторыхъ древнерусскихъ памятникахъ XVI и XVII вѣковъ. РФВ. 78 (1917—1918), 155—186.

Кроме того, ряд содержательных отчётов о научной деятельности В. напечатано в Отчётах Отделения р. яз. и словесн. Академии Наук.

Брно 25. II. 1926.

Николай Дурново.

Výtahy z časopisů.

Јужнословенски филолог. Књига IV. Београд 1924.

Расправе. А. Белић: Прилози историји словенских језика (1—28,. I. О словенском глаголском виду (1—10). Obírá se především Leskienovou definicí slovesného vidu, podanou v Gramm. der serb. Sprache 460, doplňuje ji perfektivními slovesy označujícími počátek konání (na př. *за̀певати* »отпочети певати«) a modifikuje dále takto. V srbchorv. vznikají složením s prefixy slovesa vidu dokonavého s dějem omezeným podle původního významu prefixu (jde o ohraničení slovesného děje na úplně dokonaný význam prefixu), ale tato dokonavost vymezená specifickým významem prefixu může se později změniti v pouhou dokonavost. Sám vid pf. představuje ohraničení průběhu slovesného děje na jeden dokonaný jeho okamžik, impf. vid znamená proti tomu neohraničenost děje slovesného. Jako složením nedokonavého slovesa s prefixem vznikne sloveso vidu dokonavého, tak dalším dodáním elementu odvozovacího k slovesu dokonavému vzniká sloveso vidu trvacího nebo iterativního, srv. *срѐсти* dok. a *срѐтати* nedok., *па̏сти* - *па̀дати*. Slovesný vid iterativní je vlastně nedokonavý, neboť nutno velmi dobře lišiti vid slovesný a význam v slovesu samém obsažený, jehož jest iterativnost děje jen jistou modifikací. Proto i od iter. slovesa vznikají složením slovesa dokonavá a jsou-li přece na př. *извозити, доводити* a j. vidu durativního, znamená to, že jsou pouze ve formálním vztahu k jednoduchým *водити, возити* atd. a že běží vlastně o slovesa odvozená od perf. *довести, извести* podle výše uvedeného pravidla. Slovesa 2. tř. na *-нути* značí ovšem perfektivnost, ale ta je při nich následkem původního významu deminutivního, takže podkladem je význam slovesného děje a nikoliv slovesný vid. Každé sloveso iterativní se může za určitých okolností změniti v pouhé nedokonavé, t. j. zaniká význam daný slovesu elementem odvozovacím. Iterativní slovesa mohou vznikati odvozením i od sloves durativních, srv. *хо̀дити-хо́дати, но̀сити - но́сати,* odtud dok., na př. *прохо́дати се, нано́сати се.* Perf. kompositum zůstává ovšem perf. Belić ukazuje dále na podobný systém v slovesném vidu ruském a třebas zdůrazňuje, že slovanské jazyky šly ve vývoji vidových zvláštností každý svou odchylnou cestou, přece základ je týž. Protože presens má význam indikativu a prefixů se v něm užívalo jako předložek, musil se vid perf. a spolu typ složených sloves vyvinouti ve větách modálních a preteritních, kdež se mohla projeviti úplná dokonavost předložkového významu v poměru k slovesnému ději, stejně jako je v němč. *er nimmt den Hut ab* proti *daß er den Hut abnimmt* nebo *er soll den Hut abnehmen* nebo *er hat den Hut abgenommen.* — II. Узајамни односи међу српскохрватским и словеначким језиком (10—20). Autor nejprve přetiskuje svou studii o této otázce, uveřejněnou v RES. 1, 20 sl., a zaměstnává se pak námitkami, které proti jejím vývodům pronesl Fr. Ramovš v RES. 3, 148—58 (cf. Slavia 3. 790). Ani doklady z Fris. pam., ani případy jako *Georgius - Jurij, Trojane* z **Trǫd'ane* nesvědčí o stadiu s *d'* ještě na konci 8. stol., resp. později (*gi̯* dalo *j*, aniž je třeba předpokládat přechodné znění s *d'*, a *Trojane* může být utvořeno podle hotového *gradъ : grajane* a j.). Vývoj *ti̯, di̯,* v *t'* a *j*, který je třeba předpokládat pro společnou dobu kajkavsko-čakavskou, mohl se ovšem udát mezi 6—8. stol. prostě na místě takovém, které by umožňovalo jejich těsné styky, v každém případě před tou dobou, kde se nacházejí nyní, neboť dnes lze spíše mluviti o epoše čak.-štok. a nikoliv čak.-kajk. Mohlo to tedy být kdekoliv na cestě k dnešní geografické poloze obou dialektů. »Je tedy vidět, uzavírá Belić, že nemám důvodu měniti něco ve svých dříve podaných výkladech.« — III. Из морфолошких

примена гласовних појава у српском језику (20—24). Otiskuje svůj článek, který francouzsky vyšel ve sborníku věnovaném Baudouinovi de Courtenay r. 1921, kdež ukazoval, jak důležitý je psychický neb morfologický moment při zjevech hláskových, neboť tu jde o přetvoření tvarů podle abstraktního spojování určité hlásky s určitým významem. — IV. **Напомена о једној синтаксичко-морфолошкој особини српскохрватског језика** (24—28). B. vysvětluje syntaktickou zvláštnost srb.-chrv. jazyka, v němž existují subst. na *-a*, značící mužská povolání, jako *војвода, слуга, старешина, поглавица,* která jsou v sg. vždy rodu mužského a v plur. vždy ženského, a dále subst. na *-a*, značící jakoukoliv osobu, která mohou mít obojí rod v sing., ale jen ženský v plur., na př. *пијаница, лажа* atd. Mužský rod podst. jmen prvních objasňuje se tím, že se jich v sing. užívá pravidlem s mužskými jmény vlastními. Substantiva druhého způsobu jsou prosta vlivu jmen vlastních: odtud u nich v sing. rod obojí, mužský i ženský. — **Б. Ляпуновъ: Родственныя связи словѣнцевъ съ сербами и хорватами** (29—43). Nevěří v periodu t. zv. jihoslovanskou (také ne v zápslov., zato zaujímá kladné stanovisko k hypotese t. zv. výchslov. prajazyka), avšak možno viděti v jhsl. skupině dualismus prajazyka srb.-sln. a prajazyka bulharského. L. vypočítává mluvnické důvody ukazující blízký vztah jazyka srbchorv. ke sln. Nakonec několik poznámek k vysvětlení jednoty jaz. srbchrv. — **А. Белић: Поводом расправе проф. Б. М. Љапунова** (44—45). B. míní, že se může a musí mluviti o jhsl. prajazyku, z něhož se vyvinuly všechny dnešní jazyky jhsl. (tedy i bulh.). Metateza *tort* 〉 *trat* atd., *tъrt* 〉 *trъt* 〉 *trt* atd. je podle něho jeden z podstatných rysů této jednoty. — **М. Ивковић: Акцентски системи српско-македонских говора** (46—71). Autor pokračuje v popisu přízvuku nářečí jihovýchodních a kosturskot kvešských, a to v jednotlivých kategoriích morfologických. — **Н. Н. Дурново: Русские рукописи XI и XII вв., как памятники старославянского языка** (72—94). Ruské rkpy 11.—12. stol., jejichž vzory byly jhsl. originály, mají důležitost při posuzování stsl. jazyka a jeho vývoje i u jižních Slovanů, neboť zachovaly mnohdy jaz. zvláštnosti rkpů jhsl. Autor rozbírá po této stránce 20 starorus. rkpů 11.—12. stol. (hlavně ze sbírek moskevských). Především stručně popisuje a charakterisuje své prameny a pak probírá jednotlivé zjevy, jež učinil předmětem svého pozorování. V části dosud vyšlé jedná o nosovkách. — **П. К. Булат: Из живота речи.** Dijavolъ - *διάβολος* (95—113). Slov. názvy pro ďábla jsou jednak převzaty z jiných jazyků, jednak jsou to výrazy domácí a konečně jsou to jména eufemistická; v části dosud uveřejněné probírá jen skupinu první (*dьjavolъ, dijavolъ,* čes. *ďábel, sotona, satana,* č. *satan, -áš, demonъ*) a druhou (*běsъ, *čьrtъ, *vorgъ*). — **Л. А. Булаховскiй: Акцентологическiе етюды** (114—150). Předmětem prvé studie jest druhotná circumflexová intonace před bývalými délkami v sln. Všímá si především případů s délkou v prostřední slabice. Otázku lze zjednodušiti vyšetřováním, jak se zachovaly délky po přízvuku v těchto slabikách. Nebylo to v subst. odvoz. sufixem *-ica*, kteréž nasvědčují předpokladu, že se délku v slab. s akutovou intonací po přízvuku krátila ($\acute{-}\ \grave{-}\ \breve{\bar{}}$ 〉 $\acute{-}\ \smile\ \breve{\bar{}}$); proti toma jsou jen infinitivy 2. třídy a dále i případy jako *jâstreb, pâvok, pâjok, mêsec, tîsoč* a j., kdež jde o délky před nosovými souhláskami. V *pámet, lábod, jáblan* a mn. j. jde ovšem o délku cirkumfl., která se krátí (je-li *pênez* a j., je to patrně vlivem poněkud změněného charakteru circumfl. intonace v slovích přejatých, a i j.). Autor se potom zabývá vysvětlováním sporných případů, přijímaje na př. výklad o vlivu flexivního přízvuku na udržení akutových délek (při suf. **-ītjь, *-ārjь* a j.). Přechází pak k změnám ′ 〉 ⌒ před dlouhou v konečné slabice flexe, při čemž se dotýká i některých otázek slov. deklinace; obecně přijímá zachování psl. délek koncových, vzniklých z původních diftongů a zvl. modifikuje zákon Rozwadowského o vzniku 3. intonace tak, že přijímá ∼ 〉 ^ pouze před dlouhými popřízvučnými samohláskami, původně staženými, když jinak vyrovnány v paradigmatech staré rozdíly. V druhé studii vyšetřují se skupiny a jednotlivá slova, souvisící s vývojem zavřené kvality samohl. *o* v sln. — **A. Musić:** Prije i poslije (151—165). Srbchrv. *prije* nemůže býti z *prěžde* i vyjíti jest z kompar. **prěje*, utvořeného analogicky podle *poslê - poslêje*. Slovesný prefix *prê* značí ‚s jedne strane na drugu, skroz, prijeko, per, trans,

ultra', ale poněvadž se ho neužívá jako samostatného adverbia a význam ‚ante' je pouze při odvozeném *prêdъ* (toto podle *slêdъ*), odkudž jest kompar. *prêžde* (srbchrv. jek. ek. *prede*, ik. *pride*), nemůže být uvedený komparativ *prêje* tvořen přímo z něho. Adverbium *poslê* (srbchrv. *poslje, posle, posli*) má samo význam komparativní (stejně i *prijed, prê, prî*) a odtud se tvoření komparativní pochopuje, avšak tvar *poslêžde* vyšel od *poslêdъ (-ь)* a *poslije* je tedy tvořeno z *poslêje*, které se nicméně mohlo pokládati pro stejný význam adv. *poslê* s předl. *poslêdъ* za komparativ k *poslêdъ*. Odtud i **prêje* k *prêdъ (-ь)*. Ek. *prê*, ik. *prî* vzniklo z adverbia *prêd, prîd* podle poměru **posled, *poslid : prêd, prîd = posle, posli : x*, t. j. *prê, prî*. Jest tedy v srbchrv. *prije, prê, prî* podle *poslije, posle, posli*. Nejde o proces psl. — **Ст. Кульбакин**: Psalterium Sinaiticum у новом издању (166—181). Vypočítávají se vážnější odchylky tohoto vydání od vydání Geitlerova. Potom podán rozbor hlásek nosových v Psalt., jenž ukazuje, že se v tomto textu obráží dialekt zaměňující nosovku *ǫ* hláskou *o*; případy na *ę — e* jsou méně jisté, zejména pak není vážného materiálu pro vzájemnou záměnu obou nosovek. Dále probrány některé jiné zvláštnosti povahy hláskové. Obecně však autor míní, že ani toto nové vydání, pořízené podle fot. snímků, nestačí k definitivní linguistické charakteristice této památky. — **Прилози.** 1. **Ivan Koštial:** Етимологичке ситнице (182—184). *A.* Slovenački *finka* »cunnus« iz talj. *fica*? Proti výkladu, že sln. *finka* »cunnus, vulva« je přejato z it. *fica* »vulva«. *B.* Slovenački *punca* »puella« iz starijeg »*polnica*«? Proti domněnce, že sln. název dívky *(punca)* souvisí s pojmenováním tchýně *(połnica)*. *C.* Srbchrv. *pùnica*, slovenački *pólnica, púnica* »socrus, mater uxoris«. Vysvětluje vznik těchto výrazů pro tchýni tím, že bylo třeba utvořiti v srbchrv. a v sln. název nový, protože v těchto dvou jazycích starý výraz **tьstja* ‚mater uxoris, socrus' hláskově splynul s psl. **tъskjá* ‚vana, inanis', značícím spíše pravý opak toho, co národ rozuměl jménem tchýně, srv. *pùnica* = puna žena, mulier plena. Proč nahrazen i v č. starý název pro socrus novým pojmenováním? — 2. **Fr. Ilešič:** Demonstrativno-pronominalni glagoli (184). Uvádí z kraňského dial. sloveso *onêgati* »etwas tun, was man nicht sagen kann oder will, das Ding da tun«, nadomešča lahko vsak glagol katerega ali nočemo ali ne moremo, *onegaviti* »das Gevisse tun, reden, treiben (was man nicht sagen kann oder will)« jako významovou i etymologickou (vyjíti jest od gen. *onêga* neb od adj. *onegáv*) obdobu dem.-pronom. slovesa *dàm, dàš* atd., o jehož výkladu ref. v Slavii 3, 795. — 3. **А. Погодинъ**: Этимологія слова „книга" (185—187). Několik poznámek k Mikkolově stati o původu slov. *kъńiga* (v. Slavia 3, 563). — 4. **Miroslav Premrou:** Trojezični rečnik Gregorija Vidali (187—189). Otiskuje dva dokumenty nalezené v římském archivu Kongregace de Propaganda fide, týkající se prosby Vidaliho z října r. 1628 k papeži Urbanu VIII. o hmotnou pomoc na vydání jeho slovníku, a odpovědi, které se mu dostalo. — **Хроника**. **А. Белић** píše o Janu Baudouinovi de Courtenay (190—195) a o stoletém výročí narození Jiřího Daničiće (195—196). **Ст. Кульбакин** vzpomíná sedmdesátých narozenin prof. Fr. Pastrnka a třicetileté učitelské činnosti prof. B. M. Ljapunova (193, 194). — **Критика. А.** Белић posuzuje tyto spisy: A. Meillet, Le slave commun, Paris 1924 (197—202; prof. Meillet „је дао дело које у пуној мери оправдава његову високу научну репутацију"; B. shledává některé nedostatky jen v tom, že nebylo lze v náležité míře použíti materiálu z živých slov. jazyků a že přeceněn význam stsl. — tak zejména opravuje Meilletovy názory o slovesném vidě); Oldřich Hujer, Úvod do dějin jazyka českého, 2. vydání v Praze 1924 (213—215), W. Vondrák, Vergleichende Slavische Grammatik, I. Band, 2. vyd. v Göttingách 1924 (222—224), André Mazon, Contes slaves de la Macédoine sudoccidentale, Paris 1923 (228—234; posudek linguistických detailů knihy), Р. Врховац, Карактер и рад Ђ. Даничића, Нови Сад 1923 (236—237), Franc Ramovš, Historična gramatika slovenskega jezika, II. Konzonantizem, Ljubljana 1924 (239—244; mnohé důležité poznámky, na př. o změně *tl, dl* > *l*, palat. *kt, tj, stj, skj, zdj, zgj* a j.). С. Кульбакин referuje o těchto spisích a statích: N. van Wijk, Remarques sur le groupement des langues slaves, RES. 4, 1924, 5 sl. (202—205; shledává zvláště, že v. Wijkova kritika hypotesy Šachmatovovy o jihových. jaz. jednotě není bez slabých stránek), П. Бузук, Къ вопросу о мѣстѣ написанія

Маріинскаго Евангелія, Изв. 23 (219—222), В. Каминский, Отрывки евангельских чтений XI. в., именуемые Куприяновскими (Новгородскими), Изв 28 (234—235; vyslovuje se pro řešení, že uvedená památka je ruským přepisem stsl. originálu), Н. Н Дурново, Грамматическій словарь Москва-Петроград 1924 (237—239: Али пошто се делце ово карактерише одличним познавањем ствари и великом прецизношћу у дефиницијама, оно може у неколико интересовати и стручњаке и то не само у Русији, него и ван њених граница“), Б. М. Ляпуновъ, Единство русскаго языка въ его нарѣчіяхъ, Одесса 1919 (244—245; „Писац не даје у тој својој анализи питања нешто ново, сем можда неколико детаља, али ипак расправа његова заслужује пажњу, јер је у њој питање расветлено потпуно и са одличним познавањем предмета“). В. Ђоровић podává ke knize Stojanovićově Живот и рад Вука Стеф. Караџића, Београд-Земун 1924, řadu detailních poznámek (205—213). Н. Вулић referuje o Gawrila Kazarowa Beiträge zur Kulturgeschichte der Thraker, Sarajevo 1916 (215), Boh. Havránek o Weingartově pojednání »O podstatě slovanské filologie«, Bratislava 1924 (216—219), P. Skok o I. ročníku čas. Dacoromania, 1920—1921 (224—227). М. Решетар napsal posudek Meilletovy-Vaillantovy Grammaire de la langue serbo-croate, Paris 1924 (245—250; „Мора се дакле рећи да је ова нова граматика српскохрватскога језика врло добра“). *J. K.*

Filologu biedrības raksti. V. sējums. Rīgā, 1925.

Gada pārskats Filologu biedrības 1924 g. gada sapulcei (str. 3—4). Přehled činnosti spolku filologického za rok 1924 spolu se seznamem vědeckých prací lotyšských z oboru historie, etnografie, dějin literatury a umění a jazykozpytu za minulý rok. — **J Endzelīna:** Par Rietumkurzemes izloksnēm. I. (str. 5—7). Tyto dialekty mají některé zvláštnosti kurského jazyka, který býval domovem v této oblasti. Kurského původu je délka samohlásky *a* a *e* před takovým *r*, za nímž následuje ještě nějaký konsonant, také v slabikách s lomenou intonací (na př. *dārbs*, *dzērt*). Tento zjev nalézáme také v žemaitských dialektech, sousedících s kurskými. Zdlouženy jsou tu také *u* a *i*, jestliže následuje skupina *r* + konsonant (na př. *sīrms*, *pīrksts*, *dūrt*). V jiných oblastech je toto zdloužení jen v slabikách s taženou intonací (na př. *kūrls*, ale *zirgs*). V jiných nářečích v západním Kurzeme spojení *īr*, *ūr* před konsonanty přešlo v *ier*, *uor* a tento postup se vysvětluje. V dundažském nářečí jest *ier*, *uor* místo *ir*, *ur* jen tehdy, jestliže se tato spojení vyslovují s taženou intonací (na př. *sierms*, *duort*, ale *zirgs*, *urbt*). — **J. Endzelīna:** Piezīmes par zemgaļu vārdu un dialektu (str. 8—9). Staré jméno Zemgalců je »ziemgaļi«, jak ukazuje ruské »Zimigola« a skandinávské »Seimgala«, kde rus. *i* a skand. *ei* vznikly z pův. *ei* > *ie*, a nikoliv z *e*. »Ziemgaļi« nedostali tohoto svého jména od Lotyšů (Latgalců), jak myslí Būga (Streitberg-Festgabe 30). Mohli se tak nazvat sami, protože bydlili na severním konci baltských kmenů, nebo je mohli dostat od Litevců v dobách, kdy »ziemgaļi« místo nynějšího *z* ještě vyslovovali staré *ž* (zachované v litevském jazyce). Zvláštností zemgalského dialektu je krácení samohlásek před tautosylabickým *r*, při čemž se objeví mezi tímto *r* a následující souhláskou nový vokál (na př. *darazs* : *dārzs*, *galads* : *galds*). — **A Spekkes:** Rīgas humanista Frenceļa poēma »Par īsto dižciltību un zinību cieņu« (str. 10—100). Autor otiskuje latinskou báseň »O pravé vznešenosti a důstojnosti věd« rižského humanisty Frencela von Friedenthal (*1561), korunovaného básníka a profesora etiky a filosofie na universitě v Helmstadtě, který mnoho cestoval po Německu a Polsku a nějaký čas zdržel se i v Praze na císařském dvoře. R. 1599 Frencl přišel do Rigy jako inspektor a rektor školy. Při té příležitosti byl mu věnován sborník »Epistolae et carmina gratularia«, obsahující mnoho pozdravů, které nadšenými slovy opěvají záslužnou činnost Frenclovu a podávají také zprávy o kulturních poměrech v Rize a Německu. Autor uvádí slova všech pozdravovatelů. O životě Frenclově v Rize, vyplněném horlivou prací, ale obtížném, je dat celkem málo. Autor uvádí jeho práce, které jsou mu známy z městské rižské knihovny, a několik prací z berlínské městské knihovny. V příloze otiskuje pět jeho dopisů, jejichž originály jsou v hanno-

verské knihovně; první z nich datován je v Praze. Zajímavé jsou autorovy poznámky o vztazích rižských humanistů s humanisty západní Evropy. Byly silné, neboť Baltové studovali na německých universitách a domů přinášeli západní myšlenky. Připomíná Melanchthona, Erasma, jejichž vliv je zřejmý také v Lotyšsku. Pozdržuje se u Rötgera Beckera, dobrého znalce klassické poesie, Jakuba Batti, u pozoruhodného básníka-humanisty Daniela Hermanna († 1601), spojujícího tradici německou s livonskou, mluví o Eucediovi, Bembovi, zajímavém Joachimovi Tydickovi, lékaři Basiliu Pliniovi, zmiňuje se o německém humanistovi Jiřím Sabinovi, o stycích rižských humanistů s polskými. Na konec vymezuje poměr Frencelův k Italii, oceňuje jeho vzdělání a jeho básně. — **Z. Grauda-Graudevica:** Sabiles izloksne. II. daļa (str. 102—105). Autor pokračuje ve vyšetřování svého rodného nářečí. Probírá verbum se všemi jeho zvláštnostmi v příponách a koncovkách a připojuje ukázkou text. — **Leonida Arbuzova:** 17. g. s. latviešu gramatika bij. Kurzemes hercogu bibliotekā Pēterpilī (str. 106—125). V petrohradské bibliotéce Akademie věd jest zachováno v rukopise album (památník), do jehož prázdných listů byla vepsána gramatika jazyka lotyšského. Tento památník obsahuje řadu věnování, podpisů, přípisů, receptů, vzpomínek i rodinných zpráv od rozmanitých osob. Lotyšská gramatika je tu roztržena ve tři díly podle toho, jak byly listy prázdné (abeceda a skloňování substantiv, zájmena a slovesa, konečně slovesa a spojky). Podle množství věnovaných vzpomínek připisuje se tento památník Jindřichu Hartmannovi ze Slezska jako prvnímu jeho majiteli, který jako exulant a bývalý učitel v Čechách, vstoupil na universitu v Královci r. 1631. Ale gramatika musí se přiřknouti asi druhému majiteli památníku Martinu Büchnerovi, pastoru v Sluoce († 1688). Jak se ovšem Hartmannovo album dostalo do jeho rukou, není známo a nelze také bezpečně určiti, zda Büchner jest pisatelem oné mluvnice, či zdali ji neopsal z jiného pramene. Analysí mluvnice dochází autor k výsledku, že text Büchnerův spolu s lotyšskou mluvnicí Dreselovou je závislý na nějakém třetím společném prameni, nyní ztraceném, jehož pisatel také není znám. Za rok sepsání pokládá dobu po r. 1647, ježto gramatika se odvolává na práci Einhornovu, vyšlou v Rize r. 1647. Text gramatiky je tu otištěn a srovnán s pracemi jiných skladatelů učebnic lotyšského jazyka Einhorna, Dresela a Adolfija. — **Fr. Adamoviča:** Dundagas izloksne (str. 125—142). Pokračování práce, uveřejněné v FBR. III, 94—106. Pisatel pozoruje zánik souhlásek svého nářečí (*dârniks - dârbinieks, îšķs - îkšķis, saîniks - saimnieks* atd.) a také vsouvání souhlásek (*strigt stigt, kuõrdals - kurls, sklìďt - slidēt* atd.). Zvláštní pozornost věnuje krátkému *o*, jež jest místo *u* (*bobeļs - bubulis*), ale také místo krátkého *a* (*tok, toč - tak, taču*), a zvláště před *v*, kde potom *-ov-* < *-av-* vyslovují jako *oụ* (*soûs* = *savs- toûs* = *tavs*). Předmětem zkoumání je dále metathese (*piẽdrabs - piedarbs*), dissimilace (*skalgans - skalgals*), pozoruje se znělost a neznělost souhlásek, uvádějí se případy, kde se neměkčí *g* a *k* (*zãgt - zāģēt, bluks - bluķis*). V morfologii se mluví velmi podrobně o nejdůležitějších příponách, jimiž se tvoří slova. V deklinaci charakterisují se jednotlivé kmeny. — **E. Hauzenbergas:** Par Vecgulbenes izloksni (str. 142—158). Popis nářečí Vecgulbenského u hranic latgalských. Intonace dvě: klesavá, jež vyskytuje se také tam, kde dvě krátké samohlásky kontrahovány (*nàšu* < *neesmu*), a lomená. Ve vokalismu možno pozorovati silný vliv spisovného jazyka. Charakteristická je výslovnost *ē*, označená *ie*, nekryjící se však nijak s výslovností *ie* ve spisovném jazyce. Druhý komponent tohoto *ie* je vždy široké *ę*. Místo spisovného *ā* jest *uo*, vyslovované přibližně jako *oā: nuoc muojâs.* Vykládá se o příčinách zkrácení dlouhých vokálů (před *j* : *mozgaju*, před *k* : *kasiklis*, *ū* > *u* před *l* : *uôbuls* a před *t* : *ozute*), o ztrátě suffixálních samohlásek (*brùols* < *-lis*), *i* vsouvá se do skupiny souhlásek před koncovkou *-s* (*koklis, krâslis*). V konsonantismu se mluví o dlouhých souhláskách (*kòlls*, *ll* < *ln* asimilací); dlouhé *š* a *s* ve futuru sloves, jejichž kořen se končí *-s, -z, -t, -d* : *es siššu, kriššu, veššu, iêššu*; *mìerss*. Vykládá se o osudu souhlásek na konci slov, o jejich spojení s *j*, o měkčení souhlásek a o ztrátě souhlásek uprostřed slova, o assimilaci (jen v slabikách intonovaných klesavě: *kòlls* < *-ln-*, ale *-ln-* zůstává v slabikách s intonací lomenou : *vilns*), o dissimilaci. V oddílu o tvoření slov zkou-

mají se suffixy, které jsou v dialektě rozšířeny. Práce je zakončena ukázkou nářečí. — **M. Adleres**: Par koku vārdu „*alksnis, (elksnis), bērzs (bērze, bērza), kļava (kļavs), lazda (lazds, lagzda, lagzds, lezda, lezds, legzda, legzds)*" izplatijumu (str. 159—176). Práce podává seznam míst, seřazených podle politických obvodů lotyšských, v nichž se užívá názvů pro stromy »olše, bříza, javor, ořech«, v kterých formách a v jakém rozšíření. — V části bibliografické (str. 177—181) recensuje **E. Hauzenbergová** Torbiörnssonův spis »Die litauischen Akzentverschiebungen und der litauische Verbalakzent« (Heidelberg 1924). Torbiörnssonovu hypotesu o posouvání přízvuku ze středoslovných krátkých slabik na slabiku předcházející, byla-li krátká (v. Slavia 3, 135), zamítá, protože jsou také litevská nářečí, v nichž se posunuje akcent z krátké slabiky na předcházející dlouhou (nom. sg. *aũsis* < *ausìs*, ale *akìs*, gen. sg. *ausiẽs*). Také hypotesa autorova, že v litevských praeteritálních kmenech na -*ē* všude byl přízvuk na slabice kořenné (na př. *nùvedē* < **nu-vẽdē*), kdežto praeteritální kmeny na -*ā*(> -*o*) měly přízvuk na slabice suffixální (na př. *lìpome* < **lipãme*), naráží na obtíže a na řadu výjimek, které recensentka uvádí. *V. Č.*

Rejstřík osobní.

Ābele A. 208, 433—445
Abicht Rudolf 51, 52
Ablesimov 650 n.
Abramov 648
Abramovič D. J. 653
Adamovič Fr. 865
Adler M. 866
Adrianova B. P. 424
Agostino Quintio, biskup 697
Achmatova 199
Aischylos 377
Ajchenval'd J. 402
Akominat Nikita 385
Aksakov J. S. 199
Aksakov K. S. 207
Aksanov K. S. 648
Albrecht, probošt 504
Aleksandrov A. D. 399
Alekseev M. P. 411
Alexander I., císař 75
Alexis W. 642
Almazov B. N. 400
Amvrosij, Novgorodskij 825
Andersen W. 415
Andreev-Burlak 400
Andreev Leonid 180—183
Angelov B. 590—592, 718
Aničkov E. 82—98, 195, 196,279—293,538—566, 739—758
Appendini Fr.Mar.639-641
Arany Jan 200
Arbuzov L. 865
Arnaud 643
Arsenov 734
Arsen'eva E. A. 89, 280, 281, 282, 289, 540 sl. 739, 743 sl., 749
Artemij, Volynskij 825
Atanacković Pl. 272[2]
Baar 576
Baczyński St. 372
Badalič O. M. 523—537
Bagalěj D. J. 839 sl.
Bagalij Dmitro v. Bagalěj D. J.
Bachmeteva v. Lopuchina
Bachrušin A. A. 400
Bakšić P. 700, 718
Baliński K. 162
Baliński M. 162
Bal'mont 199
Bałucki 596
Baluchatyj S. 402
Bandrowski J. K. 597
Bandtke 267, 268, 269—271, 273 sl., 276
Bandulavić Ivan 701, 702
Baran W. 161
Barberini Antonio 708
Bărbulescu D. 132
Barić A. 639, 640
Barons K. 430
Barsov E. V. 44, 51, 52, 317, 318
Bartenev 292
Bartoszewicz J. 162
Bartoš 310
Batinić M. V. 704
Batjuškov F. D. 406
Batjuškov K. N. 752
Baudouin de Courtenay J. 424, 433, 435, 439, 656, 863
Beckij J. J. 730—732
Běleckij A. J. 652
Belić A. 139, 419 sl., 630, 861 sl., 863
Bělinskij V. G. 720 sl.,736
Beljaev M. D. 398, 408
Bellarmino 699, 716
Bělokurov S. A. 707[3], 710[1], 715
Bem A. L. 196 sl.,759—768
Beneševič V. N. 427, 647
Benni T. 631
Berčić Ivan 516[2]
Berent 597
Berg M. M. 648
Bergmann F. 201
Berlić 270, 274
Bernatowicz 643
Berneker E. 209, 413
Bernštein S. I. 197
Bertenson S. L. 647
Bestužev-Rjumin K.N.839
Bezobrazov P. V. 383—386
Bicilli P. M. 633, 637
Bielski M. 170
Biernat z Lublina 171 sl.
Bjuri 385
Bjušing 731
Blagoj D. 400
Blahoslav J. 203
Blake 378
Blok A. 407
Bobadilla Nicolaus 687, 691 sl.
Boborykin 400
Bobrowski 277[1]
Bocjanovskij 409
Bodnár J. 431
Bogatyrev P. 397—414
Bogdanova N. 208
Bogorodickij V. 203
Bogufał, viz Boguchwał
Boguchwał 594, 606
Bohomolec, Fr. 599
Bohorič Adam 124 sl., 500, 502, 503, 505, 506, 706
Bonald 66, 67, 71, 72
Bondinus Paulus 690[5]
Bonifacius, biskup 687, 697
Boranić D. 630
Börke E. 72
Borković Martin 691
Borowy Ig. 643
Borowy W. 643
Borozdin V. 409
Borskij A. 402, 403, 410
Botkin V. P. 759, 766
Boyer P. 413 sl.
Brandt 805, 811, 815
Branković Đ. 420
Breseman 567
Bretholz 238[6]
Březina Ot. 199
Breznik A. 502
Brixí 103, 107, 108, 300
Brodskij N. 399, 400, 408, 723
Brodziński 166, 595
Broch O. 859

Bronikowski 643
Broz Ivan 516[1]
Brozić Nikola 516[2]
Brucioli Ant. 500
Brugmann K. 211, 844
Bruchnalski W. 161
Brückner Al. 162, 169, 171—177, 371, 373, 378, 380, 412 sl., 593—602, 706, 823
z Bubna hr. 641
Bubnov N. M. 633
Bučar Franjo 514[2], 516 sl.
Bučić Michael 520 sl.
Budilovič B. A. 208
Budinić Šimun 698, 699
Būga K. 864
Büchner M. 865
Bujnák P. 200, 414
Bulachovskij L. A. 862
Bulat P. K. 630, 862
Bulič N. 720, 722
Burdach K. 633
Burdin F. A. 400, 401, 411
Burian V. 123—127, 656
Buturlin 728
Buzuk P. 582—587, 863
Byhan A. 415
Byron 90, 181, 280, 281, 284, 601 sl., 641, 750 sl.
Calderon 377
Camuzi, biskup 126
Cancel 344
Canisius Petrus 698, 699
Capelli A. 238[1]
Capidan 345[2]
Carnoy 203
Cerusi, Msgr. 644
Cervantes 398, 408, 410
Cieszkowski 374
Conev B. 128—138, 325 až 346, 656, 816—818
Cousin G. 202
Consul Stephan, v. Konzul Št.
Covan J. 413
Cybulski 276 sl.
Cyril v. Konstantin
Czajkowski A. 162
Czajkowski P. 273 sl.
Czarkowski L. 161
Czartoryski Ks. Ad. 170, 372, 594
Ćorović V. 864
Čandík J. 501
Čech Sv. 418
Čechov A. 410
Čelakovský Fr. L. 202, 266, 277, 417, 641, 643, 648
Černjaev 323
Černý Ad. 414
Černyševskij N. G. 407
Červinka V. 412
Čihař V. 864—866
Čitau—Karmina M. 408
Čiževskij 406
Čižikov L. A. 208
Čremošnik G. 238—264, 485—498
Čučmarev Z.P. 410
Čulkov M. D. 651
Čurila, bogomil 819
Dąbrowski Jan 170
Dalmatin Anton 510, 512[2], [3], 513[5], 515, 516,518 sl., 521, 684
Dalmatin Jurij 500, 501, 502, 503, 505
Dalmatov P. 407
Damiani E. 413
Daničić D. 629 n., 704, 863
Daniil Zatočnik 847—854
Danilov N. M. 207
Dante 161, 378
Därnhardt 578 sl.
Davidović St. 266, 269, 273 sl.
Dellabella Ardelio 700
Dembowski 162
Demetrius, kněz 514
Demetrykiewicz 838
Denisevič A. I. 181
Deodatus Anton 693
Deržavin G. R. 649 n.
Deržavin N. S. 654
Deželić 698[2]
Diels P. 209
Divković M. 698, 699[1]
Długosz 170
Dmitrevskij 720, 722
Dmitriev I. I. 752
Dmowski R. 375
Dobiáš J. 202
Dobroljubov N. A. 397, 401, 407, 410, 720
Dobrotvorskij N. 648
Dobrovský Jos. 123—127, 266, 268, 269, 270, 273, 275, 411, 516[5], 641
Dochturov 710
Dokoupil A. 655
Dolgov N. N. 397, 398, 402, 406, 407
Dolobko M. G. 207, 654, 858[2]
Donath O. 418 sl.
Dorošenko D. 840—842
Dostoevskij F. M. 180, 182, 196, 199
Dovgalevskij 527 sl., 529
Dragomaniv M. P. v. Dragomanov
Dragomanov M. P. 320 až 324
Drašković Jiří, biskup 684, 685
Drizen N. V. 407
Drogoszewski 162
Drzewiecki K. 656
Držić Marin 693
Dubenskij D. 45, 46, 48
Dubrovskij P. P. 276, 414
Dunin A. 399
Durnovo N. 149—160, 192 n., 193 n., 198, 204 n., 347—349, 387—394, 395 n., 426, 427, 446—460, 582—587, 626—628, 631, 844—845, 858—860, 862, 864.
Dzieduszycki W. 375
Dziekoński 162
Đorđević T. R. viz Gjorgjević
Efimov 402
Efros N. 397, 399, 407, 408
Ejchenbaum 752 sl., 754
Ekaterina, císařovna ruská 721, 726, 730
Ekblom R. 1—25
Eleonskij S. 410
Elizaveta, císařovna ruská 727
Elz Th. 513[2], 516[1]
Emin 732
Endzelīns J. 430, 437, 647, 651 n., 843
Engel E. 641
Erasmus v. Rotterdam 500, 508, 520[4]
Erben 107, 111, 115, 299, 300, 301, 308, 576, 578
Erdödy Thomas, biskup 685
Eropkin 825
Ertel' A. D. 652
Ertl V. 772—805
Estreicher 161
Faguet 168
Fancev Fr. 521, 685[6]
Fedorčenko S. 855 sl.
Feldman W. 175, 372—380, 382, 598
Feliński 170
Ferdinand II. 689, 693[2], 716
Fermendžin E. 516[2], 688[1]
Fet A. A. 199, 759—762
Filip Hesenský 509

Fillmore 71[2]
Flacius Illyricus 505
Flajšhans V. 609 n.
Florinskij V. M. 836
Florovskij A. V. 605—607, 632—639
Florovskij G. V. 199
Foerster H. 239[1]
Fomin A. A. 411
Fonvizin D. J. 649
Forbs N. 199
Fortis, abbat 126
Fortunatov F. F. 197 sl., 391, 649
Francisci J. 186, 422
Francev V. A. 195, 638
Franko Ivan 50—51, 199
Fredro 171, 596
Frencel von Friedenthal 864
Frič 277
Frinta A. 414, 656, 805, 846
Frischlin Nicodemus 503
Frušić 266, 271
Gaertner H. 162, 168, 631
Gagić 275[8], 640
Gaj Lj. 640
Galachov A. 720
Gall, důstojník 733
Gaszyński 643
Gatto E. L. 413
Gębarowicz M. 161
Gebauer J. 805, 811, 812, 815
Geitler L. 145[1], 250 sl., 863
Georgičević A. 699 sl., 706
Georgiceus A., v. Georgičević A.
Georgiev Stavr 816
Geršenzon M. O. 767
Ginglea 134[2], 342
Ginneken van 814
Gjorgjević Gj. 700, 704
Gjorgjević T. R. 204
Gladcyna A. N. 409
Glagoleva T. 406
Glavinić Fr. 689, 706
Glinka F. 206
Glinka S. 720
Glivenko Iv. 405
Gnedič P. P. 403, 409
Goethe J. W. 377, 648
Gogol' N. V. 647
Golovkin F. G. 648
Golovnin Ivan 734
Golubinskij E. E. 824
Gončarov I. A. 408 sl., 829 sl.
Gorbunov 399, 400
Gorecki 170
Górnicki 168
Grabowski T. 169
Graichman Jakub 200
Graud-Graudevic Ž. 865
Grdanitchky Damaskin 607 sl.
Gregor XIII. 687, 689, 697, 707
Gribojedov A. S. 205
Grigorij, Bulhar 366, 420
Grigor'ev A. A. 400, 407
Grigor'ev A. D. 426, 427, 854 sl.
Grigor'ev M. 405
Grillparzer F. 648
Grimm 270
Griškin 859
Groza 162
Grudciny 195
Grunskij N. K. 251, 494[4]
Gruševskij A. S. 423, 426, 653
Gruševskij M. viz Hruševśkyj
Gruška A. 623—626
Grydzewski M. 161
Grzegorczyk P. 161
Gudziin N. K. 405
Gudzij N. I. 654
Gundulić Ivan 705
Gutsmann 127
Habdelić J. 686, 691[3]
Hadinec 306
Haecker 170
Hahn W. 160
Hajde L. 199
Hájek z Libočan 606
Hála B., 3, 656
Hálek 417
Haller K. L. 66, 67, 69[1], 71
Hamartol G. 364—369
Hamuljak 271, 275, 639[3], 641
Hancov V. 149—160, 587[1]
Hanka V. 266, 269[6], 275, 276, 641
Harper Sam. N. 198
Hartmann J. 865
Hartwarch Joh. 511[3]
Haškovec P. M. 656
Haug F. 648
Hauzenbergová E. 865, 866
Havlíček K. 417, 418
Havlík A. 609 n.
Havránek B. 192 n., 202, 419—421, 655, 656, 778, 789, 813, 864
Hegel G. 81
Helfert V. 199
Herberstein, biskup 501, 504, 708
Herburt Sz. 171, 594
Hieronymus, sv. 511
Hildebrand 102
Hiller 579
Hippolitus P. 126
Hněvkovský Š. 655
Hodža 185
Hoffmann E. 59
Hoffmann-Krayer E. 414 až 416
Horák J. 414, 646
Hornbostel E. 656
Hortlík F. 106, 109
Hortlík V. 110
Hortlíkové, bratří 103, 300
Hraš J. K. 298 sl., 301, 305 sl., 307, 308, 569—571, 577
Hren, biskup, v. Chrön.
Hrubý Zikmund z Jelení 202, 507
Hruševśkyj M. 318, 383, 824, 839, 841
Hufeland 70
Hujer O. 203, 611—613, 629, 843—844, 863
Hulewicz 168
Hurban J. M. 183—187, 422, 432
Hurban-Vajanský, v. Vajanský
Hus J. 424, 503
Hviezdoslav 200, 414
Hýsek Mil. 646
Chaloupecký V. 190 n.
Charles 821
Charpentier J. 212[1]
Chassant L. A. 238[1]
Chlebarova A. 603 sl.
Chlebowski B. 370—372, 375
Chlumský J. 1—25, 654 n., 656
Chmelenský J. K. 655
Chmielowski 165, 169, 171, 174
Chrástek 185
Christoph, vévoda virtemberský 510
Chrön Thomas, biskup 501, 502, 503, 504
Chruščov A. 825
Chrzanowski Ign. 160—177, 370—382
Chvátalová 103, 104, 108, 109

Chvostova, v. Suškova
Ibn-Jakub Ibr. 634
Ibn Miskavaih 383
Ibsen 182
Ignatov S. 402, 406
Ilešić Fr. 863
Il'jinskij G. 188 n., 203, 204, 314—319, 387—394, 424, 425, 432, 648, 826
Il'jinskij L. K. 649
Irzykowski K. 168
Istrian Stipan 513[5], viz Konzul
Istrin V. M. 366, 429, 446 až 460, 461—484, 634, 654, 657—683
Ivanov Jordan 354 n.
Ivanov Jan 383—386, 818—823
Ivković M. 357[1], 640, 862
Ivšić S. 145, 630
Izajasz 378
Izjumov A. F. 639
Izmajlov N. V. 398
Jacimirskij A. I. 129, 394 sl., 395 n., 427, 428, 647
Jadwiga, královna 170
Jagić V. 209, 242, 244[13], 250 sl., 252, 254, 366, 367, 422, 427, 428, 491, 494, 495, 496, 516, 704, 707[3], 713, 715
Jakobson Roman 805—816
Jakovenko P. A. 384
Jakovlev N. V. 398
Jakovlev V. V. 411
Jakubec J. 202, 417
Jambrešić 691[3]
Janáček L. 412
Janko J. 654, 656
Januszowski 599
Januševskij Gr. 605—607
Japel, v. Japelj Jur.
Japelj Jur 125, 501
Jarcho B. I. 654
Jasinskij M. N. 635, 638
Jaszowski St. 271 sl.
Jekaterina II. 649
Jespersen O. 654
Jireček Jos. Konst. 324, 419, 420—422
Jokl 136, 811, 815
Jopson N. B. 846[1]
Jordan 606
Jordanov Vel. 419, 421
Julinac P. 420
Junek V. 103—104, 109, 305
Jungmann J. 266
Junosz Kl. 373
Juričić Jurij 502, 505, 519
Jurkowski 594
Justh Šandor 422.
Južin-Sumbatov A. I. 404
Kačanovskij 324
Kadlec K. 639
Kadlubovskij A. P. 650
Kaiser J. W. 656
Kalajdovič K. 204
Kalinówski Karol 643
Kallenbach 170, 594
Kamanin I. M. 652
Kamaryt 277
Kamieński 162
Kaminskij V. 864
Kanižlić Anton 717
Kant 70, 73
Kapper S. 418
Kara-Murza S. T. 408
Karadžić Vuk St. 265 až 278, 419 sl., 640, 864
Karcevskij S. I. 197 sl.
Karel IV. 507
Karěev N. 7. 652
Karpov E. 409
Kasprowicz 372, 375, 379, 597 sl.
Kašić Bart. 688, 690[1], 693 sl., 697[6], 699, 700, 701, 705, 706
Kašin N. P. 397—399, 400, 403, 404, 406, 409, 410, 411, 426
Katančić P. 702
Katzenstein J. 656
Kaun Al. 180—183
Kazarov G. 864
Kerner R. 198
Kesić N. 702
Kidrić, Fr. 499
Kireevskij P. V. 404
Kircher A. 700
Kizevetter A. A. 195, 199, 400, 403, 406, 407, 408, 633, 635, 636, 637
Kjuchelbeker 752
Kjuvil'i 730 sl.
Klein 70
Kleiner J. 167
Kleinschnitzová F. 432
Klicpera V. K. 418
Ključevskij V. O. 199
Klouda A. 655
Knežević P. 702
Knorring N. 636
Kocourková F. 102, 105, 106, 115, 294—299, 569, 573 sl., 577
Koczorowski St. P. 161
Kogan M. 406
Kogan P. S. 410
Kochanowski Jan 162, 171, 175, 599 sl.
Kolár J. J. 418
Kolessa O. 193, 631, 844 až 845
Kollár Jan 184, 275, 640 648
Komarnicki L. 165
Komenský J. A. 202
Komissarževskij F. 403
Kompoljski 177—180
Komulović Al. 698, 706, 708[1]
Koni A. F. 399
Kondakov N. P. 639
Kondratowicz 162
Konopnicka 175
Konstantin Bagrjanorodnyj 314—319
Konstantin filosof 241, 248 sl., 254, 485
Konstantin (Cyril) 273, 320, 495, 511
Kontler 177—180
Konzul, Štěpán 508, 510, 512[2,3], 513[5], 514 sl., 516, 517[2], 518, 519, 521, 684
Kopeckij L. 205—208, 423—430, 647—654
Kopitar B. 124, 126, 127[3], 265—278, 501 sl., 640
Kopko P. M. 424 n.
Köppen 277[1]
Körbler Đ. 705[3]
Korbut G. 162, 164 sl.
Korš F. J. 207, 209[1], 623—628
Kostecki J. 161
Kostomarov 322, 841
Koštial Ivan 863
Košutić R. 208, 428
Kotel'nikov 733 sl.
Kotljarevskij N. 750, 754
Kotul R. 162
Kozlov I. I. 207
Kraevskij 83, 292, 750
Krajačević Nikola 685 sl.
Král J. 202, 654 808 sl.
Kramerius 308
Kramář K. 836
Krasicki 173
Krasiński G. 167, 168, 171 371, 643
Krašeninnikov 736
Kraus A. 416 sl.
Krčma F. 202, 418
Krelj Seb. 502, 503, 505
Kremer 374

Kridel M. 162, 169, 170, 370 sl., 381
Krivopolěnova M. D. 854 sl.
Križanić Jurij 706, 707—716, 718
Križickij G. 650, 651
Krumbacher 238[4]
Krylov 199, 737
Krymśkyj A. E. 844
Krževskij B. A. 410
Kržižanovskij S. 406
Křapková 312
Kuba L. 856 sl.
Kubek Fr. 414
Kubikov I. 407, 410
Kubín J. Š. 99—122, 294 až 313, 567—580
Kühar Št. 178
Kucharski A. 267, 275 sl.
Kucharski E. 166
Kukuljevič 516[2], 698[2]
Kulakovskij J. A. 383
Kul'bakin S. M. 203, 207, 423, 433 n., 435, 438, 439, 442, 649, 769—772, 863
Kulda M. 102
Kulibin I. P. 405
Kulíčková 100—102, 103, 104, 106, 108, 112, 113, 114, 115, 116—118, 119, 120, 121, 301, 569, 573
Kul'man N. K. 208, 428
Kumerdej Bl. 125 sl., 501
Kunicin 70, 71, 73, 76, 79
Kurbskij 208
Kurganov 725
Kuripečič 506
Kurylo O. 193 n.
Kurz Josef 201—205, 431 až 432, 613 — 622, 646, 654—656, 857, 861—864
Kvačala J. 424
Lagovskoj A. 722
Lam St. 161, 372, 380 sl.
Lamač 103, 104, 107, 108, 306 sl., 308
Lamanskij V. J. 422
Lang P. 201
Lange A. 161
Lanosović M. 702
Lappo I. I. 637
Laskin 314, 318
Lastovski V. 194
Laščenko P. 638
Lašvanin Nikola 703[4]
Lavrov P. A. 461—484, 657—683
Laynez 692
Ledesma J. 699
Ledóchowska 596
Léger L. 414, 591, 654
Lehr-Spławiński T. 203, 233, 234, 631, 845
Lekušić M. 718
Lenartowicz 162
Lenskij D. T. 401
Leoni Tomaseo 703
Leonid, archim. 366
Lerma 284, 287
Lermont Georg 287
Lermontov J. P. 541, 739, až 749
Lermontov M. 82—98, 199, 205, 279—293, 426, 538—566, 650, 654, 739—758, 766
Leskien A. 427, 428, 718, 861
Lešetický 808
Levaković R. 699, 708[1]
Levenbach I. 412
Levinson 199
Lihoinski V. 274
Lichačev N. P. 428
Lindau, dr. 268
Linde 267 sl., 269, 270 sl., 276
Lindsay 239[1]
Lipinskij 841 sl.
Ljackij Evg. 180—183, 198 sl., 829 sl.
Ljapunov B. 649, 862, 863, 864
Ljubić Š. 698[2]
Loboda A. 404
Loew E. A. 238[6]
Logothet Symeon 365, 369
Lomonosov M. V. 648, 651, 733 sl., 735
Longinov Mich. 736[3]
Loparev Ch. M. 383, 824
Lopatinskij F. 524
Lopuchina M. A. 563, 565, 566, 753 sl., 756 sl.
Lopuchina (Bachmeteva) V. A. 292, 552, 559[1], 560, 563, 758
Lord R. 198
Lorentowicz J. 599
Łoś J. 162, 203, 631, 654
Losskij N. O. 199
Lozanović S. M. 419 sl.
Lubimenko I. 204
Lubomirski St. kníže 267, 594
Lucretius C. 63 sl.
Lucvjah V. 194
Luther A. 413, 656
Luther Martin 499[4], 501, 510
Maciejowski 267, 276
Maeterlinck 380
Mágr A. St. 414
Mácha K. H. 202. 417 sl.
Máchal Jan 417, 643, 646
Machar J. S. 199, 201
Machek V. 201 n., 202
Machiavelli 398, 408, 410
Maistre de 70, 71
Maixner R. 205, 656
Majewski Skor. W. 272 sl.
Majkov V. 399, 721
Majorkiewicz 162
Makarij (Bulgakov) 653
Makarij, mitrop. 824
Maksimova - Evgen'eva V. 399
Małaczewski E. 381
Malala 365, 367
Małecki A. 214
Malein A. I. 403, 410
Maleševac J. 514[2]
Mallet D. 202
Mali 501
Malinowski M. 162
Malý J. J. 108, 111, 299, 306 sl., 308
Manlius Johannes 520
Mantuani Jos. 700
Marcus P. (Pohlin), cf. Pohlin 124, 125, 126
Maretić T. 630, 704
Margitić 704
Markov A. V. 207, 427, 651
Markov P. A. 405, 406, 411
Marković M. 273
Martynov 555
Marulić Marko 514[6]
Masaryk T. G. 199
Maštakov P. L. 654
Matov D. 141
Matuszewski 597
Maupassant 100
Mazon A. 204, 350—363, 411, 414, 772—805, 863
Maximilian, císař 509, 510
Megiser Hieronymus 126 sl., 500
Meillet A. 630, 649, 811, 863, 864
Melanchthon 500, 509
Mel'gunov S. P. 637
Mel'nikov-Pečerskij P. I. 401
Mel'nikova-Papoušková N. 405, 407
Mendel'son N. M. 399 sl.

Menšík J. 183—187, 190 až 192
Mercator Marius 494[3]
Merwin B. 162
Meščerjakov N. 407
Metelko 639[3]
Methoděj 273, 320, 511
Meyer E. A. 14, 15, 16
Miaskowski 173
Micalia Jacob 700
Miciński 378
Mickiewicz Adam 162, 168, 170 sl., 199, 208, 271, 272, 370, 374, 377, 380
Mikkola J. 863
Miklosich F. 242[3], 250, 252, 368, 500, 502, 640
Mikšíček 107, 110, 302—304, 308
Milčetić J. 704
Miletič L. 9, 138—142, 718
Miller V. F. 45, 46, 207, 427
Miller G. F., historiograf a akademik, 736
Miloš, kníže 278
Milovidov A. V. 652
Milovuk 274 sl.
Milton 377
Milutinović S. 275 sl.
Miriam 377
Mirskij D. S. 199
Mjakotin V. A. 638, 829 sl., 839—842
Mjartan J. 431
Mladenov S. 138—142, 204
Modzalevskij B. 399, 400, 401
Mogila Petr 637
Mogiljanskij N. M. 639
Mochnacki 168
Moor 91
Morozov Efim 733 sl.
Morozov J. P. 405
Morozov N. A. 425, 651
Morozov P. O. 400, 409, 527, 528, 529
Morsztyn Hieronim 594
Mostowski T. 599
Moszyński Kaz. 836—839
M(a)rnavić Ivan Tomko, biskup 706
Mühlenbach K. 648, 843
Muka A. 188n.
Mukařovský J. 654, 846
Müllenhoff 581
Murko M. 195, 499—522, 630, 639, 646, 684—719
Musić A. 142—149, 862
Mušicki 268, 269[4,6], 274[6], 275, 277[1]
Mutafčev 366
Nagy J. 639 sl.
Najdenov S. 401
Nakwaska 643
Napoleon 95
Naruszewicz 173
Nebeský V. B. 418
Nečásek J. 656
Nehring W. 217 n., 594
Nejedlý Jan 127
Nejman B. V. 650
Nekrasov 399, 401
Němcová B. 100, 103, 106, 107, 111, 112, 113, 114, 115, 116—118, 119, 120, 121, 122, 294—296, 300, 304 sl., 308, 417, 432, 568—570, 574, 576
Neruda Jan 199, 418
Nessel'rode 73, 79
Nestor 368 sl.
Nevežin P. N. 401
Niederle L. 318, 382 sl., 414, 646, 836—839
Niemcewicz 166, 170, 372, 643
Nietzsche Fr. 182
Nikolaj Michajlovič, v.kn. 637
Nikolčov V. 419
Nikol'skij N. K. 347, 348, 824
Nitsch K. 162, 234, 435, 442
Nodier Ch. 205, 656
Noha M. 202
Noreen A. 656
Norwid C. 171, 371, 378, 379, 593, 597
Nossig Alfred 596
Nosák 184
Noskov N. D. 403, 405
Novák A. 199
Novak Viktor 238
Novaković St. 700
Novgorodcev P. I. 199
Novotný F. 202, 809
Novotný Mil. 418
Noyess G. R. 413
Oberpfalcer F. 203
Obnorskij S. P. 207, 428
Obolenskij 366, 368
Obručev S. 406
Ogonovskij 44, 45
Olovčić, biskup 694, 704[1]
Olsuf'ev A. V. 721
Oldenburg S. F. 398
Opaliński 171
Ortwin Ostap 167
Orzeszkova 375
Ostrovskij A. N. 397—414
Ostrožskij 653
Otrębski St. 435
Ozarovskaja A. E. 854 sl.
Ozarovskaja Olga E. 835
Pačić 275
Pahaščanin 194
Palacký Fr. 266[2]
Palárik 184, 185
Palauzov 366
Palicyn A. 653
Palikuća 705[3]
Panaev 399
Pančenko B. A. 384
Panin, hr. 730
Paoli C. 238[1]
Papebroch, Bolandista 644
Pares B. 198
Parchomenko Vl. A. 382 sl., 651
Pastrnek Fr. 863
Páta Jos. 203, 419, 421, 856 sl.
Paul Karel 265—27, 4814, 639—641, 656
Pavić E. 702
Pavlov 282
Pavlova K. K. 652
Pedersen H. 210, 434 n., 436 n.
Peeters-Zlatanov 419
Pejkić K. 700, 719
Pereselenkov S. A. 398
Peretc V. N. 427
Perfeckij J. J. 205, 430
Pergošić Ivan 520
Pervan I. P. 411
Pęski W. 594
Peškovskij A. M. 197, 424
Peterson M. N. 197 sl.
Petíra S 654, 655 n.
Petr Velikij, ruský car 512
Petretić, Petar 522, 686
Petrov D. K. 398, 404, 409 sl.
Petrov N. I. 652
Petrović Vas. 420
Petrovskaja J. V. 427
Petrovskij I. M. 424, 648
Petrovskij N. M. 205, 207, 653
Pfleger-Moravský 417
Piekarski K. 161
Pielgrzymowski E. 171
Pierling P. 707[3]
Pietor A. 422
Pigorov N. I. 429
Piksanov N. K. 205, 401, 410
Pilsudski 375

Pini T. 162
Pisani V. 844
Pisarev M. I. 182, 400, 409
Pisemskij A. F. 399, 400, 401, 428 sl.
Pišek J. Kř. 266[2]
Piškevič M. O. 409
Pitra 103—104, 309
Plākis G. 204, 423 n.
Plechanov G. V. 407
Plenkiewicz 599
Plicka K. 431
Plichtová F. 307, 580
Podhradský J. 183 sl., 187
Podolinskij 752
Pogodin A. I.. 426, 863
Pogorelov V. 203
Pohlin Marcus 124, 125, 126
Pokrovskij F. I. 847
Połaniecki St. 376
Poležaev 752
Polivanov N. I. 749
Polívka J. 99, 100, 101, 102, 111, 120, 177—180, 200, 305, 567—572. 639, 831—836
Poljakov A. S. 398, 406, 409
Poljanskij Val. (Lebedev P. I.) 399
Popelek 300
Popov I. P. 423
Popov N. P. 653
Popov V. M. 424
Popović M. 514[2]
Popović Pavle 420, 701, 704
Popović Vas. 278
Popruženko M. 602—605, 818—823
Porcius V. 202
Porošin 726[6], 730
Porzeziński W. 439, 631
Posilović Paul 703
Posoškov 729
Possevino 708, 714
Potapov P. O. 651
Potebňa A. A. 44, 45, 49—50, 198, 434
Potechin A. A. 401
Potej I. 653
Potocki J. 171
Powalski Jan 373
Pravda Fr. 418
Pražák Albert 183—187, 422
Pražáková K. 201
Premrou Mir. 863
Preobraženskij 365
Přesnjakov A. 823
Přikryl 115, 300
Priselkov M. D. 426
Procházka B. 103, 107, 304 sl., 312
Prohaska D. 701
Protopopov 722
Prus B. 168, 371, 597
Przybyszewski 372, 380
Pryžov 730
Ptaszycki St. 161
Puşcariu S. 134[2], 330, 340, 343, 344[1]
Puškin A. S. 63—81, 88, 196, 199, 279, 282, 289, 367, 396, 400, 404, 544, 550, 721, 752, 760, 762 až 767
Pypin A. N. 324
Quintio Agostino, biskup, 697
Radčenko K. 819
Radiščev 72, 74, 79
Radlinský 184—187
Radojčić N. 419—421
Radonić Jov. 421sl.
Radostov 100, 111, 113, 114, 115, 116, 118, 119, 121, 301, 308
Rak B. 654
Ramovš F. 142—149, 656, 861, 863
Raušer A. 655, 656
Ravnikar, biskup 501
Red'ko A. 404
Reinisch L. 238
Rej M. 162, 170 sl., 594
Reljković A. 698
Rembrandt 284
Renard 169
Renaud J. 203
Rešetar M. 516, 630, 705, 864
Reymont Wl. 199
de Ribas A. 410
Ribay J. 202
Rodziewiczówna 597
Romanski St. 603—605
Rosner Ign. 374 sl.
Rost P. 230
Rousseau J. J. 71, 73, 79, 650 n.
Rousselot P. 654 n.
Rovinskij P. A. 425
Rozanov S. P. 427
Rozov V. 364—370, 607 sl.
Rozwadowski J. 443, 444, 811
Roždestvenskij S. 732
Rückert F. 648
Rudakov 385
Rudnicki M. 435
Rulin P. 404, 405,720—738
Ryba B. 202
Ryšánek F. 203
Rzewoski H. 379
Ržiga V. 44—62, 428
Říha V. v. Ržiga V.
Sabina K. 417 sl.
Sadovskij P. M. 400, 401, 407, 408
Sachanev V. V. 636
Sachnovskij V. 404, 405, 411
Sajíc J. 202
Sakulin P. N. 408
Salay M. B. 432
Samarin 648
Sardou W. 167
Sartorius 686
Savigny 80
Savodnik V. F. 407
Scitovský, arcibiskup 184
Scott Walter 601 sl., 641 až 643
Seeman M. 656
Seliščev A. 26—43, 350 až 364, 814, 843
Semenov L. 426, 654
Semevskij M. I. 398
Seredonin 318
Serova M. 834—836
Setälä 582
Seton-Watson R. W. 198
Severjanov S. 203
Sezeman V. E. 651
Shakespeare 377—379, 398
Schaumburg 640
Scheludke D. 843
Schiller 406, 541, 544, 595
Schlözer A. L. 732
Schmalz 70
Schmitt 162
Schnurrer 514[2], 516[5]
Schopenhauer A. 182
Schott, bratří 568
Schulze E. 648
Sienkiewicz 171, 375 sl.
Sievers E. 812[1]
Sinjuchaev G. T. 398 sl., 404 sl., 409
Sipovskij V. V. 649
Siwecki Voj. 271
Skabalanovič I. A. 383
Skarga 168, 378, 715
Skenderpaša 249
Skoczylas L. 167
Skok P. 128—138, 203 325—346, 420, 864

Sköld H. 581 n.
Skorina dr. 511, 652
Sládkovič A. 432
Sloboda Dan. 184, 185, 432
Slonimskaja J. 404
Słonimski 381
Slota 185
Słowacki Jul. 167, 168, 171, 370, 371, 377, 379, 595 sl.
Smal-Stoćkyj Roman 844
Smal-Stoćkyj S. 149—160
Smetana B. 199
Smetánka E. 793
Smirnov I. I. 410
Smirnov J. I. 383
Smotrickij M. 126
Sobolev J. 412
Sobolevskij A. I. 49, 206, 423, 426, 429, 634, 649, 844
Sofokles 377
Sokol'nikov M. 410
Sokolov B. 416
Sokolov B. M. 653
Sokolov M. I. 819, 820
Solikowski J. D. 594
Sollogub B. A. 401
Solovjević Al. S. 274 sl.
Solov'ev S. 722
Solov'ev Vl. 199
Souček S. 202
Sova Ant. 810
Sović 126
Sowizdrzał 171
Spasovicz 750
Spekkis A. 864
Spektorskij E. V. 632 sl.
Spengler O. 633
Speranskij M. N. 195, 590 — 592, 816—818, 823 až 829, 847—854
Spiridonov V. 406, 407
Splječanin Bernardin 701
Spoleto, Cherubino da 703
Sreznevskij I. 366
Staël de 595
Stach V. 202
Staněk 432
Stanislavov F. 700, 718
Stanisławska A. 171, 377
Stanislavskij 408
Stankevič J. 194
Stark E. 408
Stašek Antal 808 sl.
Steffens 238[6]
Stender-Petersen A. 630
Stepanov N. V. 207
Stepovič A. I. 426
Stoilov A. P. 603
Stojanović Lj. 192, 267, 273, 864
Stojičević A. 630
Stojković M. 687, 698[2]
Stojunin V. 722, 737
Stolp'anskij P. I. 424
Stolypina A. G. 549 sl.
Storoženko A. J. 426
Straka J. 201
Stratimirović St. 268, 274
Stratonov I. A. 636
Streitberg W. 656
Strepetova P. A. 408, 409
Strossmayer J. J., biskup 718
Struve P. B. 199, 633 sl.
Strzygowski J. 166
Sumarokov A. P. 649, 720 až 738
Suslova A. P. 196 sl.
Sušil Fr. 567
Suškova (Chvostova) E. A. 93, 555
Suvorin A. S. 402
Svencićkyj 844
Svitavský O. 656
Svjatopolk-Mirskij, kn. 750
Svjatskij D. O. 206, 208
Szajnocha K. 175
Szarzyński 171
Szober S. 631
Szyjkowski M. 381 sl., 593—602, 643
Šafárik J. 432
Šafář K. 305 sl.
Šafařík P. J. 184, 267, 270 sl., 276, 366, 414, 639 až 641, 698[2]
Šachmatov A. A. 197 sl., 317 sl., 368 sl., 382, 424, 428, 429, 649, 653, 810, 812 sl., 859 sl., 863
Šachmatov M. V. 635, 367
Šambinago S. K. 45, 51, 52, 408, 410, 411
Šan-Girej 98, 281, 284, 556, 560, 564
Ščeglov I. L. 423
Ščeglov S. A. 208
Ščeglova S. A. 427, 428
Ščepkin M. A. 408
Ščepkin M. S. 401, 407, 408
Ščepkin V. 262[1]
Ščerba L. V. 429, 816
Šeluchin S. P. 638
Ševčenko T. 199, 322
Šević M. 630
Ševyrev S. 752, 824
Šišmanov I. D. 141, 320 sl.
Škrabec S. 148, 502
Škultéty A. H. 432
Škultéty J. 190 n., 200
Šlambor J. 102, 105, 107, 110, 116 sl., 119[1], 301 až 304
Šljapkin I. 428
Šmilovský A. V. 418
Šmurlo E. F. 636, 637, 638
Šnajdr K. S. 655
Šrůtková A. 307, 312
Šťastný Jar. 418
Štejn S. V. 426
Štítný T. 201
Štrajch S. J. 429
Štrekelj K. 178
Štúr L. 431, 432
Šurmin Gj. 685, 701
Śniadecka 596
Śniadecki Jan 166
Świętochowski 162, 376
Świderski 166
Tairov A. 406
Talko-Hryncewicz 382 sl.
Taranovskij F. A. 633, 634, 635 sl., 637
Tarnowski St. 171, 175
Taszycki W. 213—227
Tatiščev V. N. 824 sl
Taubert 731
Temperica Marin 692
Teodorov A. 718
Terentius P. 398, 408, 410
Tesnière L. 630
Tetmajer K. 597 sl.
Thám V. 202
Thomsen 582
Tichonravov N. S. 45, 48, 723[1]
Tichý F. 414
Tille V. 99—122, 294—313, 567—572, 575 sl., 580
Tjutčev 199
Tolstaja E. V. 830
Tolstoj L. N. 182, 426, 759, 761, 767 sl.
Tomaševskij B. V. 398, 399, 400, 402, 407, 412, 843
Toňšin 859
Traube L. 238—241, 242[3], 259, 493
Travesogni Giovanni Antonio 703
Trávníček F. 191 n., 655, 794, 795, 797[1], 805—816
Tred'jakovskij 724 sl.
Trembecki Jakób 594
Trnka B. 654

Trnošac 420
Trosťanskij 859
Trubar Primus 124, 125, 499, 501, 502, 503, 504, 505, 507[2], 508, 509, 510, 512[2], 514, 517[3], 518, 519
Trubeckoj N. S. 228—237, 811[1], 815, 858
Tur Evg. 400
Turgenev A. I. 71—72
Turgenev I. S. 405
Turgenev N. I. 72
Tuwin 381
Twardowski 167
Tyl J. K. 568
Tymčenko J. K. 424
Tyszkowski K. 161
Ujejski J. 600—602, 643
Ułaszyn H. 214
Ungnad 509, 510, 512[2], 514, 515, 517[3], 518
Urban VIII., papež 685, 688, 689, 707
Urlić Š. 704
Uspenskij K. N. 384
Václavek B. 202, 655
Václavík A. 431
Vačov D. K. 419
Vaillant A. 203, 205, 864
Vajanský Sv. 422
Vajs J. 644—646
Valentini J. 700
Valter 312
Val'denberg V. 63—81
Vaňoučková R. 108, 121, 574
Varlamov K. A. 408
Varneke B. 402, 403, 404, 409, 410, 411, 423
Vasil'ev A. A. 384
Vasil'ev L. L. 858—860
Vasil'ev S. V. 400
Vasil'evskij V. G. 365, 384
Vasmer M. 347—9, 427, 581 n., 629
Vaškovič G. J. 414
Vaur De- 737
Vavák F. J. 202
Vážný V. 431, 432
de Vega Lope 398, 410
Vejnberg 399
Verböczy 520
Vereščagina 555, 564, 565
Vergerius P. P. 502 sl., 508
Vergun D. N. 195, 638
Verkovič St. 324
Vernadskij G. V. 636 sl., 637 sl.
Vernaleken Th. 568
Vernković Vinc. 516
Vertić J. 275
Veselovskij A. I. 428, 651
Veselovskij N. I. 426, 428
Vicman A. 424
Viktorin 185
Vilinskij S. G. 195 sl.
Vinogradov I. I. 650
Vinogradov N. N. 528, 529, 205, 206, 428
Viskovatyj P. A. 559[1], 564, 744
Vjazemskaja M. G. 75
Vjazemskij, kn. 45, 46
Vladimirov 366
Vladimirović L. 703[1]
Vladislavlev I. 401
Vladykin M. N. 401
Vlček Jar. 187, 200, 417 sl., 421, 432
Vočadlo O. 414
Vodňanský N. 202
Vodnik Branko 516[1], 700, 701
Vodnik V. 123—127
Volf J. 202
Volkenštejn V. 408
Vol'ter E. A. 648
Vondrák V. 21[1], 203, 250 sl., 255, 367, 434, 535 n., 438, 439, 447[5], 494[4], 611—613, 613—622, 629, 634, 649, 769—772, 863
Voskresenskij G. A. 208
Vostokov A. 366
Vramec Anton 521 sl.
Vrančić F. 513[2]
Vrhovac R. 863
Vrchlický Jar. 418 sl.
Vrchovský 641
Vrtel-Wierczyński St. 161
Vulić N. 864
Vvedenskij, učitel 733
Vydra B. 202
Walde A. 211
Waldenberg V. 707[3], 715
Wanczura Al. 823—829
Wapowski 170
Warszawski, kníže 595
Wąsik W. 161
Waśkowski 168, 376
Wędkiewicz St. 161, 136
Weigand G. 843
Weingart M. 364—370, 656, 864
Wężyk 643
Wielogłowski 162
Wielopolska 168
Wijk N. 203, 209—212, 437, 443 n., 423, 863
Wilkońska 162
Wilkoński 162
Williams H. 198
Windakiewicz St. 643
Wisłocki W. T. 161
Wissendorff H. 430
Witkiewicz St. Ign. 380
Włodzisławczyk A. 171
Wodzińska 596
Wodzisławczyk Adam 594
Wójcicek Zofja 598
Wojciechowski K. 643
Wollman F. 656
Wolski 161
Woronicz 166
Woroniecki 166
Wóycicki 168
Wujek J. 168
Wyspiański 162, 167, 371, 372, 375—378, 380, 596
Zabělin I. E. 824
Záborský 185
Zacharieva N. 603 sl.
Zakrzewski 271
Zaleski J. P. 272
Zamotin I. 402, 643
Zborovčić 701
Zdziechowski M. 594 sl.
Zelenin D. K. 424, 428, 587—590, 648
Zelenka Mir. 641—643
Zeyer J. 200, 418 sl.
Zělinskij F. 199
Zíbrt 102
Zieliński T. 168
Zich O. 807
Zil'berštein I. 411
Zinov'ev 282
Zlatarski V. N. 421
Zlatović St. 694
Zmorski 162
Znosko-Borovskoj E. 404
Zois Ž. 124, 126
Zrinski Juraj 519, 520, 685
Zrinski Nikola 518
Zubatý J. 431, 655, 791
Żeligowski 162
Żeromski 168, 372, 376 sl., 379
Żmichowska 162
Życzyński H. 167
Ždanov I. N. 195
Žebelev S. A. 384
Žirickij 859
Žukovskij V. A. 544, 752

Rejstřík věcný.

abecedy slovanské 845
admirativ v bulharštině 843
akcent rumun. slov přejatých ze slov. 136; — lotyš. 208; — v rus. mluvě Čuvašů 43; v karpatorus. dial. 159; — v maked. dial. 357[1], 360 n., 862; — slovinský 862; — čes. 805—816; — Vodnikovy názory o akcentě 125
Akir, strus. pověst o Akirovi 427
Alexandrija licevaja 817
architektura církevní v Srbsku, vliv západní 607 sl.
Assemanianus, zkratky 496
Azbukovnik 828
Balkan-Archiv 843
balkánské jazyky 843
bogomilství, bogomilské knihy i legendy 818—823
Bučacké evangelium 844—845
Bulharsko: školství a osvěta v l. 1873 až 1913 — 419; dějiny literatury 590 až 592; prvý tištěný novobulh. překlad NZ. 654; význam protireformace 690, 695 sl., 718 sl.; školy „pravopisné" 818; bogomilství 818—823; píseň lidová: přehled, systematisace a bibliografie 602—605
bulharský jazyk, klasifikace střbulh. památek 203; maked. dialekty (Nivica, Turija) 203; jazyk prvých tisků srbsko-bulh. 718—719; bulh. kolonie v Rusku 654
byronism 641
byzantská kultura 383—386
církevně-slovanský jazyk, chrestomatie Vondrákova 769—772; rozbor jazyka Pandektů Antioch. 424 n.; zkratky „Nomina sacra" v csl. pam. 238—264, 485—498; Mariánské ev. 863; žaltář Sinajský 863; staroslověnský „Otčenáš" v žaltáři Veronském 644 sl.; struské rukopisy jako prameny stsl. jazyka 862
cyrillice v Chrvatsku 511
Časopis pro mod. filologii a literatury XI. 654—656
Čechy: styky s Ruskem na počátku doby historické 634; pohádky 99—122, 294—313, 567—580; vzájemné styky s německým písemnictvím 416 sl.; Fr. Mar. Appendini a Čechové 639—641; byzantské prvky v miniaturách passionálu Kunhutina 203 n.; staročes. literatura náboženská (výklady Karla IV. na Mat. XII. 44—52; stčes. Ostnec milosti) 201; kritické vydávání novočeských spisovatelů 417 sl.; Židé a židovství v české literatuře XIX. st. 418 sl.;
československý jazyk a jeho dialekty 191 n.; čes. dialektologie 202; vznik střed. slovenštiny 190 n.; čes. gramatika Mazonova 772—805; příspěvky k čes. etymolog. slovníku 654; český přízvuk 805—816
člen, postavení členu v albán., rumun., bulh. 131; člen v maked. dial. 362
Čuvaši, rus. mluva Čuvašů 32—43
Damaskin, Miletičova edice Svištovského Dam. 138—142
deklinace: litev. *-ai* v nom. pl. *o*-kmenů 430; akcent litev. substant. typu *diẽvas-dievaĩ* 430; nom. pl. participií v litev. 651 n.; — slov. dvojice *ę* ‖ *ě* v akk. pl. *i̯o*-kmenů, gen. sg., nom. akk. pl. *i̯ā*-kmenů 202; intonace koncovky *-î* v nom. pl. *o*-kmenů 203; intonace praslov. pádů na -ъ 423
„Demon": báseň A. S. Puškina 762—767
drama, lidové rus. 423
Dukljanin, jeho srb. kronika 425 n.
Dzieje literatury polskiej w zarysie Al. Brücknera 593—599
ďábel v slov. jazycích 862
Erazm, mnich 428
Euchologium Sin., zkratky 496
evangelium: Kuprijanovské (Novgorodské) zlomky evangelia 864, ev. Bučacké (Gorodiščenské) 844—845
Filologu biedrības raksti V. 864—866
folklor: pohádky české 99—122, 294—313, 567—580; pohádky novgorodské 834—836; povídky lidové slovinské 177—180; o sbírání lid. písní 431; parafrase a parodie lid. písní 655; píseň lidová v Bulharsku 602—605; vydání písní chrvatských 416, ruských 854 sl.; folklor v Srbsku

831—834; lidová tvorba ruská za války 855 sl.; vědecké badání ruské 195 sl.
fonetika: výslovnost jednoslabič. jednoduchých skupin v ruštině 203; — viz i konsonantismus, vokalismus
františkáni, význam u Jihoslovanů 694 sl.
glossy v círk.-slov. textech 454—456, 673—677.
Gorodiščenské evangelium 844—845
graecismy v círk.-slov. překladě kroniky Hamartolovy 471
grafika: zkratky „posvátných výrazů" vůbec 238—241; rus. pravidla o zkracování 241—251; zkratky v círk.-slov. památkách 251—264, 485—498; — označování délky a jiné grafické zvláštnosti z čes. jmen v lat. listinách 201
Hamartolos, jeho kronika v círk.-slov. překladě 446—460, 461—484, 657—683
Hildebrand, pověst 654
historiografie ukrajinská 839—842
hlaholice v Chrvatsku, Dalmacii a Bosně 511
Horda Zlatá, její historie 426, 428
chronograf ruský 817
chronologie v st.-rus. kronikách 206, 207
Igrok Dostojevského 196 sl.
Il'ja Muromec, pověst 654
ilyrism 505
interludie ruské z prv. pol. XVIII stol. 523—537
intonace: litev. a lotyš. 424; lotyš. vokálů 208; — praslovanská (zvl. v. pádech na *-ъ*) 423; — v srbštině 9, 23; — v češtině 1—25
Iránci v již. Rusku 581 n.
Isaevo Viděnie 820 sl.
Izvestija na seminara po slavjanskata filologia pri Universiteta v Sofia. Kniha V. 602—605
Izvěstija Otděl. rus. jaz. i slovesnosti XX—XXII, 205—208, 423—430, 647—654
Jahresberichte für Kultur und Geschichte der Slaven 656
Jan exarch, Kalajdovičův spis o něm 204
jazyk, sociál. stránka jazyka 424; psychický moment při zjevech hláskových 862
Jermolaj Pregrešnyj 428
Jihoslované: příspěvky k jihoslov. liter. 647; polyandrie u Jihoslov. 204
jihoslovanský prajazyk 862
jména křestní v běloruštině 194
Južnoslovenski filolog 656, 861—864
Katarskij trebnik 820
Kijevské listy 812[1], zkratky v nich 491—495
kláštery ruské; kulturní význam 827
Kliment: rus. sepsání o divu sv. Klimenta 423
koleje jezuitské: význam pro Jihoslovany 689—691
König Drosselbart 835
konjugace: zánik infinitivu v balkán. jazycích 130; — koncovka 2. sg. v baltských jaz. 647 n.; splynutí 3. sg. a 3. pl. v balt. jaz. 430, 652; — akcent slov. imperfekta 146; — bulh. 3. sg. *jeti* ‚jest' 140; maked. *sum, $s^{u}n$, som* 351; 3. sg. praes. v maked. dial. 362; — schrv. *hòjahi* ‚ibam, irem', 1. sg. impf. *bijahi, bihi* 145; — statická klasifikace čes. slovesa 778; futurum v češtině 793 n.; slovens. 1. sg. *sem-som, nejsem-neni som, biu̯, bil, bou̯* 432; slovens. tvary slovesa *jьměti* 432
konsonantismus: rumun. střídnice za slov. *ť, ń, št, žd* v přejatých slovích 136; — *ch* v slov. jazycích 424, 425; — *olt-* 〉 *lot-* v círk.-slov., transkripce řec. *μβ* v círk.-slov. památkách 453 n., 671—673; *č, ž* za *ti̯, di̯* v kronice Hamartolově 448 n.; „polnoglasije" tamtéž 449—452, 671; — bulh. dial. *v* 〉 *u* 139; maked. střídnice za psl. *rъ-* 354; za psl. *-rъ, -lъ, -lь* po konson. 354—356; za psl. *l* 357—358; za psl. *dz* 358; palat. konson. v maked. dial. (*ań* 〉 *ai̯ń*) 358 n. — změna *g-h* v češtině 812 sl., asimilace neznělých hlásek ke znělým 813; výslovnost čes. *j* 780; jihočes. *šč, šť* 655; jihoč. *j* před palat. konson. a skupiny sykavka + sykavka, dentála + dentála 655; — luž.-srb. *bn* 〉 *mn* 189; — palatalisace velár v ruštině 424; rus. dial. střední *l, k* místo *ch*, neznělé konsonanty místo znělých 30; rus. dial. (sibiř.) b^{w}, w^{b} 31; *č, dž* 〈 *ť, ď* 31; *r, l* 〉 *j* 31; střídání mezi *s, z* a *š, ž* 31; konsonantismus rus. mluvy Čuvašů 38—40
kontrakce 239 sl.
Kroniky byzantské v literatuře csl. 364—370; Hamartolova 365—369, Logothetova 365
Kryvič, bělorus. měsíčník 194
Kubínova sbírka pohádek 99—122, 294—313, 567—580
Kuprijanovské (Novgorodské) zlomky evangelia 864
kvantita v češtině 780 n.
legenda o Batyjovi 427; o Věčném Židovi v rus. liter. 424; o Čechu, Lechu a Rusu 605—607; o stvoření světa 822; o oživení ryb 831

Λευζανίνοι u Konstantina Bagrjanorodného 314—319
letopisy ruské 839 sl., bulh. apokryfní letopis 822
lidověda 414—416
lingvistika v Polsku 631
Listy filologické LI. 201—203
lotyšský jazyk : dialekt Tāmský 204; — lot. slovník Mühlenbachův-Endzelinův 843; — lotyšská filologie 864 sl.
lutor, význam slova u jižních Slovanů 703[4] sl.
Lužice: studia národopisná a kulturně-historická 856 sl.
lužicko-srbský jazyk; slovník Mukův 188 n.; Ščerbův spis o vých. luž. dial. 429 n.
Makedonie, Mazonova sbírka národ. pohádek maked. 350—364
Malalas, círk.-slov. překlad jeho kroniky 202
maloruský jazyk, viz ruský jazyk
Marianus 863, zkratky 496
Minerva, Jahrbuch der Gelehrten Welt 857
Molenie Daniila Zatočnika 847—854
Monde slave 630
Museum, Kyjevské uměl.-prům. a nauč. museum, rukopisy v něm 427, 128
Nestor, jeho Čtenije o svv. Borisě i Glěbě 429
Nomina sacra v cksl. zkrácení 238—264, 485—498
numerale *(j)éden* v maked. dial. 362; — typ čes. *pětmecítma* 472
paleografie: grafická stránka staroslov. textu „Otčenáše" v žaltáři Veronském 644 sl.
Pandekty Antiocha, rozbor jazyka 424, 427 n.
passionál Kunhutin, byzantské prvky v jeho miniaturách 203 n.
písně lidové, viz folklor
poetičnost 762
poetika: lyrika 759—769
pohádky, viz folklor
покрытие 250 sl.
Polsko: literární badání 160—177, 370 až 382; „Dzieje literatury polskiej" Al. Brücknera 593—599; vydání sebraných spisů Jana Kochanovského 599 sl.; vydání „Marja, powieść ukrajińska" Ant. Malczewského 600—602; vliv W. Scottův na literaturu polskou 643
polyandrie u Jihoslovanů 204
pověry v podunajské dědině 431
Pověsť ob ubienii Nikifora Foki 817
Pověsť vremennych lět 368 sl., 839, 840
povídky, viz folklor
praeposice *otъ* v círk.-slov.-rus. překladě kroniky Hamartolovy 467 n.; zdvojené praepos. tamtéž 681 n.; — schrv. *od* 207; — odsouvání praepos. *v* v luž.-srbštině 430; — užívání praepos. v rus. mluvě Čuvašů 41
pražská mluva 807
pronomen: tvary osobních zájmen slovanských 844; pleonasmus zájmen v albán., rumun. a bulh. 131; *ně...kъto* a pod. v círk.-slov.-rus. překladě kroniky Hamartolovy 468; pronom. formy v maked. dial. 361 n.
prosodie, česká prosodie J. Krále 202, 654
Psalterium Sin., zkratky 496
Radimiči 316
reduplikace v dětské mluvě rus. 652 n.
Revue des études slaves IV. 203—205
Rěč tonkoslovija grečeskago 347
rod gramatický v kronice Hamartolově 468; v mod. ruštině 205
rukopisy slovanské v Sofijské Národní knihovně 816—818
rumunský jazyk, slov. jazykové vlivy na rumunštinu 128—138; slova přejatá ze slovanštiny 325—346
Rusko: počátky Ruska 382 sl.; původ plemene Rus 605—607, Radimiči 316; Rusko v IX. stol. 651; styky s Čechami na počátku doby historické 634; pochody rus. carů do Byzance 429; rus. církev v 14. stol. 427; cizinci v Rusku do Petra Vel. 204; život malorus. inteligence v 30. létech XIX. stol. 426; nábož. hnutí v XVI.—XVII. stol. v Uherské Rusi 205; ruská věda historická 632—639; literatura 180 sl., 194—197; příspěvky k st.-rus. literatuře 427, 428, 647; rus.-byzant. knížka rozmluv 347—349; Slovo o polku Igorově 44—62, Molenie Daniila Zatočnika 847—854; polemic. literatura koncem XVI. stol. 653; tištěné csl. knihy v Uher. Rusi v XVII. a XVIII. stol. 430; rus. komedie v XVIII. stol. 649; interludie první pol. XVIII. století 523—537, komedie Sumarokovy 720—738, Puškin 63—81; Lermontov 82—98, 279—293, 538—566, 739—758, A. N. Ostrovskij 397—414, L. Andreev 180 až 183, pohádky novgorodské 834—836, vydání písní a pohádek 854 sl.; školství staré doby 823—829, význam klášterů 827; byzantologie v Rusku 383 sl.
ruský jazyk, Košutićova gram. ruská 208; slovník rusko-ukraj. 587—590;

strus. rukopisy jako památky stsl. jazyka 862; rus. dialekty v Sibiři 31; rus. mluva u Čuvašů 32—43; — historie malorus. jaz. O. Kolessy 193, P. Buzuka 582—587; klasifikace malorus. dialektů 149—160; popis dialektu vesnice Chorobryč 193 n.; — bělorus. křestní jména 194, terminologie anatom., fysiolog. a botan. 194, synonyma 194
sajan 648
Savina kniga, zkratky 496 n.
Savva Grudcin v ruské pověsti 195
Sborník Matice slovenskej II. 431 n.
scottism 641 sl.
Sebedražie, slovens. ves., ethnograf. popis 431
semasiologie: čísti-zpívati v balk. jaz. 362
Sinajský žaltář 863
Sjezd ruských učenců v Praze r. 1924: ruský jazyk a literatura 194—198, věda historická 632—639
Skazanie ob Indějskom carstvě 817
slavistika ve Švédsku 630; Mazon o úkolech slavistiky 204
Slavonic Review 198 sl.
Slované: původ 836—839; nejstarší sídla 581; na ostrově Krku 420
slovanské jazyky: klasifikace 203, 863; vlivy na rumunštinu 128—138, 325—346; srovnávání se staroind. jaz. 648
slovanské literatury: vliv W. Scottův 641—643
Slovanský Přehled (1914—1924) 414
Slovensko: slovenská otázka 183—187; literatura: vliv maďarský 200; národní utrpení 422
Slovinci: povídky lidové 177—180, význam reformace a protireformace 499—507
slovinský jazyk: jeho poměr k srbchrv. jazyku 861, 862; základy spisovného jazyka v XVI. stol. 502
Slovo na pobědu 1541 goda, 208
Slovo o polku Igorevě 44—62, 429, 650
Slovo o zakoně i blagodati Ilariona 653
Srbochrvati: význam reformace a protireformace 507—522, 684—719; historická kritika 420; Stojanovićova sbírka srb. zápisů a nápisů 192; kronika popa Duklanina v lat. překladě 425 n.
srbskochrvatský jazyk, Kul'bakinova gramatika 207; Belićův článek o vývoji srbskochrv. jazyka 630; původ literár. jazyka dubrovnického 205; poměr srbchrv. k sln. jazyku 861, 862; jednota srbchrv. jazyka 862; slovník spisovného jazyka 419 sl.; počátky literární kajkavštiny 520—522; jazyk lekcionářů 701—702; jazyk prvých tisků srbsko-bulh. 718—719, jazyk protestantů 518—519.
staroindický jazyk, srovnávání s jazyky slov. 648
Studii do ukraïnsьkoï gramatyky 844
suffixy: ide. *-et-* 210 n.; — rumun. *-ealǎ* 132, *-în(ǎ)* 134, *-nic* 331, *-oaĭcǎ* 340, *ǎĭ* v onomatop. slovesech 343; — slov. *-šaninъ* v obyv. jménech 471 n.; *-stvьje*||*-stvo* 472 n.; adj. na *-ovъ* 474; *-atьcь* 474 n.; *-itjь* 454, 680 n.; — bulh. *-cko-* m. *-sko-* 139 n.; záp.-slov. *-isko*||*-išče* 213—227
Supraslíensis, zkratky 497 n.
suspense 239 sl.
syntax, vid slovanský 861; — dat. effectivus 202; — genit. a dat. v rumun. a bulh. 131; — pleonasmus zájmen v albán., rumun. a bulh. 131; — futurum pomocí *(v)oĭŭ* v rumun. 131; — futurum pomocí *(cho)štъ* v bulh. 131; — imperf. za kondic. dial. v srb.-chrv. a slovin. 451; syntax subst. na *-a* v srb.-chrv. jaz. 862; demonstr.-pronom. slovesa v srb. a sln. 863; — užívání pádů v rus. mluvě Čuvašů 40 n.; gram. rod a syntax verba tamtéž 42.
školství v staré Rusi 823—829
Tajnaja kniga 819 sl.
terminologie gramatická 192—193; knihtiskařská v češt. 202; anatom., fysiolog. a botan. v běloruš. 194
titlo 250 sl.
transliterace slovanských abeced 846
trebnik Katarskij 820
Trojanskaja pritča 817
Uderiná, sloven. osada, její historie 431
ukrajinský jazyk, viz ruský jazyk
Veronský žaltář (Psalterium Veronense): staroslověnský text „Otčenáše" 644 až 646
verš, uvedení verše do sev.-rus. literatury 653
věta 655
vidy: vid slovanský 861; český 792—804
Vidali Gregorij, jeho slovník 863
Visio Isaiae 821
vokalismus: *a, e, i* před *n, m* v rumun. 129; redukce neakcent. *a, e, o* v rumun., střídnice za slov. *ъ, ь* v slovích přejatých 131—133, za *rъ, lъ* 134, za *ę, ǫ* 134 n., za *ě* 135, za *y* 135 n.; — dloužení před znělým konson. v zavřené slabice v záp.-lotyš. dial. 437; dloužení před spirantem v stř.-lotyš. dial. 439[6]; — slov. dvojitost *e-*||*o-* 387—394, 585 n.; asimilace jerů

v praslov. 648; vývoj skupin *tert, tort, telt, tolt* 843; — střídání jerů v církev.-slov. 427 n.; nosové samohlásky v kronice Hamartolově 466; *a* za *ě* tamt. 466; – redukce neakcent. vokálů v bulh. 130, 139; střídnice maked. dial. za psl. *ъ, ь* 351, 354—356, za *ǫ, ę* 351—353, za *ьr* atd. 353 n.; za *rъ-* 354, za *ě* 356; neakcent. vokály v maked. dial. 356; — s.-chrv. střídnice za lat. tautosyl. *an, on, en* v slovích přejatých 129; — slovin. neakcent. *a* > *ə* 148; — výslovnost čes. *ě* 780; čes. *'u* > *'i* a *ie* > *í* 655 n.; — psl. *ě* v luž. srb. 430; — polab. střídnice za psl. *o* 228—237; za *e* 233 n., 235 n., za *y* 230; — dloužení v zavř. slabice v pol. 433—445; — výslovnost rus. vokálů 648 n.; zánik jerů v 1. slabice 486 n.; *y* v dial. šuglenském 650; „akání“ v čuchlomském kraji 650; *o* > *u* po lab. a velár., *a* > *ĭ* po *k* v rus. mluvě Čuvašů 36 n.; *a, e, ě, y* a vokální harmonie tamtéž 37 n.; malorus. dial. difthongy za *o, e* v zavř. slab. a za *ě* v zavř. slab. a za *ě, ę* 153—159, 193; 149—135; malorus. střídnice za *o, e* artikulace vysok. vok. v karpatorus. dial. 159; *i* v karpatorus. dial. 159 n.

Volkskundliche Bibliographie für das Jahr 1920. 414—416.

Volnosť, oda Puškinova (názor na přírodu a zákon) 63—81

Vremmennik v prostě 364—369

Vukovy sebrané lidové písně srbské 271 sl.

възметъ 250 sl.

Zapovědi sv. otec 647

Zeitschrift für slav. Philologie 629

zkratky v cksl., viz „Nomina sacra“

Zographensis, zkratky 459 n.

žaltář Sinajský 863, Veronský 644 sl.

Rejstřík slov.

1. praslovanských a církevněslovanských

astrębъ 201
begunъ 657
besědьnikъ 474
běsъ 862
bogъ 204
bolěstь 678
bronistьcь (kron. Hamartolova) 678
bykъ 204
bylь (csl.) 678
bystrь (csl.) 468
cělьba (csl.) 658
cьpati 201
čьrtъ 862
demonъ 862
dijavolъ 862
dočitati 475 n.
družina, družiti 678
dъly 202
dъlžь 201 n.
gajь 202
galěti 432
gatь 202
glezьnъ 660
golgolъ 475, 660
golvatьcь 474 n.
gъdavabľь (csl.) 474
chlapъ (csl.) 669
znica (csl.) 476
ama 392 n.
klokotati 189
klъkъ 201
kokotъ 476
komonica (csl.) 679
koza 204
krajati 476
krěgъkъ 201
križmo 476
kurъ 204
kъmenъ 211
kъmetь 209—212
kъńiga 863
lěčьba (csl.) 658
lędjaninъ 316
lęchъ 316
ľutь (csl.) 468, 476
mězinъ, měziньcь 202
milъ 202
mirъ 202
mukaŕь 476
našьskъ, našinьskъ 675 n.
neděľa 679
ochodъ 477
okrǫgъ 664
omorčьnъ 477
orь 477
pažitь 665
piskupъ (csl.) 477
plašiti 679 n.
pogonъ 478
posvětъ 478
povozъ 478
prěgyńi, -ńa (csl.) 447, 481
ramęnъ (csl.) 667
ŕuma (csl.) 667
sedmica 676 n.
sekyra 204
socha 204
sotona 862
sujetъ (csl.) 468
sъvolkъ 479
toporъ 204
těstja 863
tvarogъ 204
vatra 204
vele-, velь- 474
věža 838
vidь (csl.) 468
vlastьnikъ (csl.) 469
volъ 204
vorgъ 862
vračьba (csl.) 658
vy- 452 n., 671
zastupъ 476
zěpěti (csl.) 480 n.
zvizdъ 480

2. bulharských

гре́де (gréde, 3. sg. maked.) 363
Гурмазово (Gurmazovo, míst. jm.) 329
душманъ 141
зяпамъ 481
сапикасвамъ, съпикасвамъ 141
сугаре́ 342
сулнаръ 141
темель 141

3. srbskochorvatských

bičakčija, bičakčić 343
metvica 129
Mutogras 129
od 207
omopa 392
Pek 129
poslije 862
Prniba 420
prije 862
punica 863
sut 129
valiti 207

4. slovinských

finka 863
moči 142—149
morati 142—149
onêgati 863
połnica 863
punca 863

5. českých

aufdrukar 202
blíziti 655
dáviti 202
dever (slovens.) 431
dláha 202
džbán 813[1]
fena 656
galamuta (slovens.) 432
gusto 656
haliti 432
impressí, impressor 202
klokotati 189
komoň 212, 679
konár (slovens.) 432
kynožit (slovens.) 432
luna (slovens.) 432
náramný 667
pera, pěra (dial.) 432
pikulík (slovens.) 432
podlý 431
réma, rýma 667
satan 862
satanáš 862
strýk, -o (slovens.) 431
svévolný, svávolný 655
test, tešč (slovens.) 431
tiskati 202
tlačiti 202
ujec, ujo (slovens.) 431
zolva (slovens.) 431
Žabokrky 201

6. lužickosrbských

déře 188
drest 188
głoba 189
glugotaś 189
chamny, chamorny 189
klukotać 189

7. polabských

mangsie 228[1]

8. polských

bożyszcze 215
brodziszcze 215
chłopczyszko, -yszcze, chłopiszcze 215
dworzyszcze 215
glogotać 189
grabiszcze 215
kien, kień 211[1], 432
kmiot 209
komonica 679
konar 432
kurwiszcze 215
lunąć 432
łęczyszcze 217
nasadziszcze 217, 218
pastwiszcze 217
rzeczyszczce 215
siedliszcze 215
uroczyszcze 215
żglisko, żgliszczko, -iszcze 214

9. ruských

Бохмитъ (strus.) 457, 677 n.
Десна (řeka) 654
дель 202
жалѣзо (dial.) 388
жаних (dial.) 388
зiпати (malorus.) 481
зяпатъ 481
комонь 212, 679
омежь 392
перегини, -ня 447[5], 481
подлый 432
пчалиной (dial.) 338
пшаница (dial.) 388
судъ (strus.) 457

10. litevských

klekti 201
kumė, kumelys 212
kurkulai 201
pikulus 432
spira 432

11. staropruských

camnet 212
dulsis 201 n.
pickūls 432

12. staroindických

āśuḥ 201
kumāra- 212[1]
ğāniḥ 388

13. íránských

čarait-ī- 210
ravas-čarāt 210

14. řeckých

ἀμάρα 393
κέλης 210
κέλωρ 210
κρέκω 201
λενζ- 315 sl.
Λενζανῖνοι 314 n.
λενζενῖνος 315—317
γαστήρ 582
τραγωδῶ 362
χαλκός 388
ὠκύς 201

15. albánských

cuvent 129
kač 133[1]
kœndoñ 362
mořice 132
ogič 132
pegere 129
remp 129
šuře 132

16. latinských

accipiter 201
eques 211
miles 211

17. rumunských

acciuga 337
aciuà 337
acoperiş 337
adià 337
astrucà 337
asvîrlesc 335
bălărie 325
Bălgrad 135
băzăesc, bîzăesc 133
bezmetic 325
bidihanie 325
bîrglă 326
bîrneț 343
bîtă 133
blasmotie 325 n.
bleandă 326
bogat 130
bolbocă 133
boz 133
brad, bradiş, bradeț 343
brâneț 343
briceag 343
briciu 343
broboadă 326
brociu 326
brodì, brudì 130
buestru 337
bugăt 130
buiesc 326
bulearcă 326
busioc 130
cáer 337
căì 329
caie 328
căĭnà 329
călțĭ 326
căpiță 326
căpros 337
cărăuş 343
cărcì 326
cărtiță 327
cergă 327
cetì 132
cilidin 135
cimbru 135
cin 134
cinste 131, 135
ciocălău 327
ciorpac 327
cirăpeală 327
ciripie 327
cirtă 327
citeț 327
citì 132
ciupelesc 327
ciutură 337
claiță 327
clenciu 327
cnigă 132
coasă 327
cobaltiez 327
colnă, colniță 327
copaie 136
cosițel 327
coșciug 327 n.
coșițel 327
costreiu 328
cot 337
coteț 133, 136
cotigă, cotiugă 327, 328
cotoc 333
covas 133
covîrșî 328
crăcănà 328
craĭnic 328
creştin 338
cruh 328
crunt 338
cruntà 338
cumet 338
curuiu 328
custură 338
dăbălà, dăbilez 343
deletnic 328
destúl 338
desvălesc 328
dobîndă, dobîndesc 134
dobitoc 130, 132
dodăì 343
dornic 338
dovadă 328
dragoste 131
dumeşnic 338
gaie 328
găĭnà 329
gârloafă 329
gata 343
găvan, găvănat 343
găvoazdă 343
ghicese 329
ghioagă 339
gîndì 135
gînsca, gîsca 329
gîrbov 330
gîrneț 329
gleznă 132
glod 329
goardină 329
golea 136
graur 339
groapă 344
grohot 133
gunoiu 133
haĭs 344
haplea 136
holercă 326
horhotì 133
horlişte 329
îmbîzuì 344
împăna 339
împlinì 339
înabusesc 329
îndelete 328
îndîrjesc 330
îndoì 339
inişte 339
în(la)untru 339
înnădi 329 n.
înşel 339
învălesc 328
iov(ă) 330

isca 339
iscalesc 330
isteț 327
istovesc 330
istrăvesc 330
ițe 339
ivì 135
izbeliște 330
izbîndì 135
izbutì 135, 332
jicnița 332
jîrdie 131
joarda, jordie 131
jupân 131
jur 337
lăstar 344
leniște 339
lipesc 135
loavă 330
lovì 335
lujer 130[3]
mădăresc 330
măglisesc 344
magură 345
măl 135
mamă 342
mătură 340
mînjì 133
minta 339
mîntuì 135
mîscoiu 345
mișcuesc 339
mișun(el) 340
mîzdă 133
mîzgă 133
mocîrlă 330
moghilă,movilă345
molie 131
morav 330
mulc 133
murg, murgeà, murgan(ă) 345
mușcoiu 345
nădolent 346
nălbì 340
nămete 133[5]
năpârcă 346
năruesc 330
naș 340
năzuesc 330
nebun 340
neghină 340
nemernicesc 331
nutreț 340
oblastie 131
obraznic 331
obreajă, -eàză 331
obrintesc 331
ofilesc, ovilesc 331
oglindă 134
ogoesc 130, 331
ojină 331
omăt 133[5]
opintesc 331
oploșesc 331
osie 131
ostie 131
ovăs 133
pacoste 131
păcură 340
pălicĭŭ 331
părcălab 346
părîngă 341
păstrăv 133
pîclă 133
pîrghie 331
pîrdalnic 332
pîrpălesc 332
plaĭŭ 341
plutì 332
pocesc 332
poftă 332
poghîrcă 332
polegnița 332
pomană 132
pomină 332
popă 132
popelcă 332
pornì 332
poruncì 134
posip 332
potrivă 326
povară 341
poveste 131, 135
povîrș 332
predà 341
premând 341
price 132
prieten 332 n.
pripăc 133[5]
pripesc 333
prisacă 135
prisnă 132
prisnel 135
procov 326
prunc 346
răbdà 341
răbus 346
răbuesc,răfuesc346
răsbun 341
răsturnătoare 341
răspintinea 333
rît 133
rîvnă 132
rod, rodă 130
rudă 130
rușine 341
sărăntoc 333
săvastoc 133
sclăfări 333
sclipuì 333
scoroceală 333
scotocesc 333
scrintesc 333
sdărià, sgărià 333
sdrențuì 333
seacică 133
secĭŭ 333 n.
sfadă 132
sfagoresc 334
sfidà 341
sfiì 334
sfîrc 334
sfîrșintă 334
sfoară 326
sfrîncĭoc 334
sgornì 334
șipot 335
slim 132
smintesc 341
smuncesc 334
șopót, șoptesc 133, 335
sorbì 341
soroc 133
stâncă 135
staroste 334
steangă 132
steclă, sticlă, stîclă 132, 133
stînă 132
stîrcì 334
stîrculeț 334
stîrnesc 334
stîrv 334
strașnic 336
streche 311
strighe 335
strivesc 335
strujesc 335
șugubeț 335
sugușà 342
surp 342
sută 132
suveĭcă 130
svîrcolesc 336
svîrlesc 335
tamînd 341
țár(i)nă 336
tarnița 335
tată 342
tăvală, tăvalì 341
țélină 336
tîmpă 346
tîrîit 133
tîrș 335
tîrșesc 335
tocaĭŭ 133
tocmă 133
tolbă, torbă 335
trăgănà 342
trandafir 346
trăvalì 341
treabă 135
trensì 335
trînsita 335
tropot 133
tulbă 335
ucide 342
uligaĭe 328
unghiu 342
ursì 342
văduviță 342
vâlcea 342
veac 135
verigea 336
veste 131, 135
vieliște, viliște 336
vîjîeală, vîjîesc 336
vînslă 134, 329
vîrcolesc 336
vîrticap 336
viteaz 135
voĭnic 336
vornic 338
vorovì 336
vreme 135
zăbranic 336
zăcătoare 342
zadie, zaghie 336
zăpartă 336
zgîrnăilă 337
zăveazdă 133

18. keltských

cing 210
eirr 210 n.

19. germánských

Grazen 812
Grätz 812
hæle (stangl.) 210
helid (sthn.) 210
holdr (stisl.) 210
(h)rogen 201
qēns (got.) 388

20. neindoevropských

čagyrmaq (turec.) 362
sarajas (fin.) 582
takács (maď.) 133[1]
turó (maď.) 582

DATE DUE

UIC 3-DAYS

MAR 5 1994

RET'D PER MAR 08 1994

Reserve/Periodical Materials
must be returned to the
Reserve/Periodical Desk Only

GAYLORD PRINTED IN U.S.A.